4° Rüss. 76 y
(1

A-neu

В. С. Передольскій.

4° Russ. 76 y (1

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ЗАПИСКА

ДЛЯ МѢСТНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ.

„Чтите исправливая".

Выпускъ первый.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1898.

12

В. С. Передольскій.

4° Russ. 767(1

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ЗАПИСКА

ДЛЯ МѢСТНЫХЪ ИЗЫСКАНІЙ.

„Чтите исправливаѧ“.

Bayerische Staatsbibliothek München

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Августа 1898 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОЧЕРКЪ ОСНОВАНІЙ и СОДЕРЖАНІЯ.

„Всѣ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ, которые особенно „усердно работаютъ надъ изслѣдованіемъ отдаленнѣйшаго прошлаго человѣческаго рода, ждутъ съ нетерпѣніемъ возможно „полныхъ извѣстій изъ нашего отечества, послужившаго переходною страною для самыхъ первыхъ образовательныхъ началъ.....

„Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей „старины, она не исполнитъ задачи образованнаго государства".

Императорская Россійская Академія Наукъ, въ предисловіи къ книгѣ И. И. А. Ворсо „Сѣверныя древности Копенгагенскаго Музея".—СПБургъ. 1861 г. стр. VIII и IX.

Изданіе книги, предлагаемой вниманію всѣхъ почитателей отечественной старины, безъ различія званій и состояній, вызвано учрежденіемъ въ Великомъ Новгородѣ Общества любителей мѣстной древности, имѣющаго цѣлью:—собираніе остатковъ старины, наблюденіе за ея памятниками, охраненіе и изученіе тѣхъ и другихъ, разборъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій о далекомъ прошломъ обитателей Ильменской страны въ ея предѣлахъ—нынѣшнихъ, лѣтописныхъ и долѣтописныхъ, и составленіе хранилищъ научныхъ книгъ и предметовъ древностей.

Обширность и важность предмета предстоящей Обществу дѣятельности,—огромное разнообразіе частностей, новость и трудность дѣла,—наконецъ назначеніе книги для мѣстныхъ изысканій—побудили предпослать ея изложенію очеркъ основаній и подробное нѣсколько объясненіе всего содержанія, особенно той части, которая отводится обозрѣнію вѣковъ ледниковыхъ, ихъ значенію въ изысканіяхъ о человѣкѣ и впервые открытымъ нами лично слѣдамъ заселенія Ильменско-Волховскаго побережья и мѣстности Великаго Новгорода человѣкомъ каменнаго вѣка, непрерывно продолжающагося съ тѣхъ ледниковыхъ вѣковъ и до сего дня.

Существеннѣйшими изъ основаній принимаются мысли и пожеланія, выраженныя въ приведенныхъ словахъ высшаго научнаго учрежденія Россіи, сказанныхъ хотя и тридцать пять лѣтъ назадъ, но и до сихъ поръ не утратившихъ относительно здѣшней мѣстности ни значенія, ни даже полной свѣжести.

Основанія.

У всѣхъ образованныхъ народовъ возникли давно и благотворно дѣйствуютъ государственныя и общественныя учрежденія народоповѣствовательнаго дѣла, посвященныя собиранію и изученію письменныхъ сказаній и уясненію, съ помощью свидѣтельства памятниковъ древности,—поражающихъ своимъ величіемъ впервые наблюдающаго ихъ путешественника чужеземца, и еще уцѣлѣвшихъ отъ разрушительныхъ силъ тлѣнія и невѣжества,—темныхъ мѣстъ и строго осмысленному заполненію наиболѣе крупныхъ пробѣловъ въ этихъ письменныхъ сказаніяхъ о быломъ стародавнихъ насельниковъ изучаемой страны,—для соотвѣтствующихъ новооткрываемымъ свидѣтельствамъ исправленій и дополненій въ изысканіяхъ прежняго времени, почерпавшихъ свѣдѣнія исключительно въ письменныхъ источникахъ разныхъ временъ и народовъ.

Проработавъ неослабно болѣе ста лѣтъ надъ изученіемъ египетскихъ пирамидъ, сфинксовъ, храмовъ чудовищно-крупныхъ размѣровъ, какъ въ странѣ фараоновъ, такъ и въ другихъ земляхъ Греціи и Рима, азіатскихъ, африканскихъ и европейскихъ, равно въ баснословной Индіи, самоотверженные изслѣдователи открыли тайны Розеттскаго камня, скалы Бегистана и другія, но не нашли нигдѣ удовлетворенія своей пытливости. Диковинные памятники задавали все новые и новые вопросы и влекли неугомонную мысль въ вѣка недовѣдомые.

Обогащенныя большимъ запасомъ свидѣтельствъ источниковъ письменныхъ и памятниковъ древности, посвященныя имъ учрежденія вступили, около половины текущаго столѣтія, въ тѣсный союзъ съ передовыми представителями и многочисленными послѣдователями и сторонниками всѣхъ тѣхъ отраслей знанія, которыя успѣли уже объявиться могущими оказать народоповѣствовательному дѣлу содѣйствіе въ качествѣ сотрудниковъ, для установленія общими силами надежныхъ путей къ всестороннему выполненію его задачи, чтобы, направляясь по нимъ, какъ вспомогательнымъ и руководящимъ, глубже и глубже въ даль вѣковъ незнаемыхъ, прослѣдить ростъ и послѣдовательность развитія общихъ нашихъ праотцевъ отъ перваго появленія родоначальниковъ ихъ среди живыхъ существъ природы, до нынѣшняго состоянія человѣческихъ обществъ стараго и новаго свѣта. За наиболѣе содержательныя приняты знанія: естествовѣдѣнія со всѣми его развѣтвленіями,—сравнительнаго языко-изученія,—умозрительныя, прикладныя и многія другія обще-образованныя.

Дружнымъ взаимнодѣйствіемъ силъ этого союза выработаны увлекательныя основы особыхъ наукъ о первобытныхъ древностяхъ, о человѣкѣ и человѣчествѣ, быстро развиваемыя и обильно дополняемыя данными, собираемыми повсемѣстно въ области жизненныхъ явленій природы, какъ давно минувшихъ, такъ и теперь наблюдаемыхъ. Кругъ народоповѣствовательнаго дѣла широко раскинулся, охвативъ, кромѣ письменныхъ сказаній и вещественныхъ памятниковъ древности, раньше допрошенныхъ и изученныхъ, всякіе

другіе памятники и остатки старины, имѣющіе смыслъ и значеніе бытовыхъ свидѣтельствъ жизни не только на земномъ шарѣ, но и его самого во вселенной.

Много замѣчательно богатыхъ вѣскими данными трудовъ обнародовано при прежнемъ и новомъ направленіи этого дѣла, много важныхъ вопросовъ разрѣшено, много ихъ выдвинуто впередъ и прочно поставлено; еще болѣе намѣчено для изысканій въ будущемъ.

Почитателямъ старины отечественной, вступающимъ въ сотрудничество съ посвященными ей, давно работающими, учрежденіями, и избирающимъ предметомъ задуманной дѣятельности—изученіе какой либо области родной земли, имѣющей особенно выдающееся, но недостаточно изслѣдованное, прошлое, безусловно необходимо считаться со всѣми, не исключая и отрицательныхъ, трудами старѣйшихъ братьевъ по наукѣ, чтобы не явиться въ среду ихъ непрошенно мертворожденнымъ недоноскомъ и не оставаться надолго, если не навсегда, въ рядахъ даже самыхъ скромныхъ сторонниковъ того же дѣла, безсодержательнымъ звукомъ.

Новгородскому Обществу не можетъ, повидимому, грозить незавидная доля мертворожденнаго: въ приложенномъ къ его уставу спискѣ значится шестьдесятъ пять членовъ—учредителей; изъ нихъ преобладающее большинство принадлежитъ именамъ вполнѣ образованныхъ, опытныхъ и высокопоставленныхъ по служебному положенію мѣстныхъ просвѣтителей народа и его руководителей. Задумавъ научное учрежденіе не по стадному чувству безсмысленнаго подражанія, или своекорыстнаго подчиненія какому нибудь внѣшнему вѣянію свыше, а сознательно, эти учредители, какъ единомышленники и благородные поборники науки, имѣющіе притомъ во главѣ государственнаго сановника, признаваемаго знатокомъ родной старины,—двинутъ, конечно, новое въ знаменитомъ нѣкогда и дорогомъ, какъ народная святыня, краѣ дѣло дружно,—преодолѣютъ совокупностью личныхъ знаній и опыта, и особенно привлеченіемъ къ сотрудничеству людей науки, хотя и не сразу, всякія трудности и предоставятъ вызванному ими къ жизни дѣтищу почетное мѣсто среди старѣйшихъ братьевъ въ изысканіяхъ объ отечественномъ прошломъ.

Но какъ-бы ни были просвѣщенны основатели здѣшняго учрежденія, имъ неизбѣжно прежде всего осмотрѣться въ обширной области сдѣланнаго уже предшественниками и разобраться особенно внимательно, подробно и строго въ трудахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ странѣ Ильменской, а затѣмъ уже считаться съ вопросами рѣшенными, выдвинутыми и намѣченными о человѣкѣ и человѣчествѣ и просить содѣйствія людей науки; неизбѣжность эта, неотвратимая вообще, представляется для здѣшняго общества роковою болѣе, чѣмъ для всякаго другого изъ русскихъ, по первенствующей важности мѣста изученія: Великій Новгородъ—это колыбель нашей государственной жизни,—это честный пестунъ русскаго народа, горячій защитникъ старины во всѣ дни своей славы,—неподкупный носитель и самоотверженно вѣрный и стойкій хранитель въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ завѣта праотцевъ—славянъ Ильменскихъ, переданнаго имъ русскому народу. Прежніе изслѣдо-

ватели нашего края, отечественные и иноземные, почерпали извѣстія о быломъ—„людей вольныхъ“—гражданъ Великаго Господина-Государя разноплеменныхъ насельниковъ далекихъ странъ полуночья всего почти стараго свѣта, изъ источниковъ, дошедшихъ не отъ первыхъ прямодушныхъ списателей древнихъ памятухъ, а отъ позднихъ составителей по нимъ сборниковъ, съ произвольными вставками, поправками и объясненіями; не безупречно чистые сами въ себѣ, эти источники засорены еще болѣе учеными толкователями инородцами, и заражены мнѣніями предубѣжденныхъ объяснителей. Подчиняясь обаянію чужеземной учености, многіе изъ прежнихъ изслѣдователей оклеветали Новгородъ передъ потомствомъ, какъ „—городъ воли дикой, городъ буйныхъ силъ“ и обозвали его недобрымъ именемъ пасынка Россіи. Но благородныя кости предковъ доблестныхъ устроителей первыхъ основъ жизни, вскормившей и вспоившей на Ильменско-Волховскомъ побережьи могучаго богатыря въ лицѣ русскаго народа и государства, и ихъ бытовые остатки, многочисленные и разнообразные, тлѣющіе тысячелѣтія—подъ развалинами и обломками давнишняго величія и поросшими сорною травою,—или подъ мощными пластами многовѣковыхъ наслоеній другихъ насельниковъ площадей и урочищъ знаменитыхъ,—или на днѣ своенравно-величаваго Волхова,—или, наконецъ, подъ наносами вешнихъ разливовъ окрестностей близкихъ и дальнихъ, когда-то кипѣвшихъ жизнью, но давно заглохшихъ,—уже начинаютъ освобождаться, съ помощью сотрудниковъ науки новаго направленія, изъ могильныхъ оковъ и устанавливаться рядами, лицомъ къ лицу съ этою наукою, чтобы грозно обличить клеветниковъ и любовно повѣдать русскому народу святую истину о его праотцахъ—родоначальникахъ и о чудныхъ подвигахъ потомковъ ихъ, славянъ Ильменскихъ, не для одной только Россіи жившихъ, и не одну ее вскормившихъ—за много тысячъ лѣтъ. Ускорить появленіе на свѣтъ науки этихъ узниковъ и всѣхъ ихъ современниковъ взялись старѣйшіе русскіе братья здѣшняго юнаго Общества уже давно, но имъ, работающимъ вдали отъ прародительскихъ могилъ, не слышенъ исходящій оттуда маловнятный и еще почти глухой голосъ свидѣтельства былого настолько, насколько могутъ уловить родные звуки ихъ потомки, живущіе на самыхъ могилахъ.—Вотъ мысли и вожделѣнія, подсказывающія неизбѣжность начать дѣло съ обзора трудовъ предшественниковъ безупречно строгаго, хотя-бы пришлось отдать ему много лѣтъ упорной работы, безъ чего она, эта неизбѣжность, будетъ горькою для Общества и уготовитъ ему незавидную долю мертворожденнаго.

Первые шаги иноземныхъ и русскихъ учрежденій о древностяхъ были направлены къ обзору и тщательному изученію письменныхъ источниковъ и дали въ этомъ отношеніи много; русскими собраны изъ книгохранилищъ отечественныхъ и иноземныхъ большія сотни рукописей; наиболѣе цѣнныя изданы и обработаны,—остальныя еще ждутъ своей очереди; объ этихъ послѣднихъ имѣются частью только перечневыя, частію и объяснительныя свѣдѣнія въ извѣстіяхъ ученыхъ установленій и книгохранилищахъ.

Подъ вліяніемъ предвзятыхъ мнѣній—еще не вполнѣ устраненныхъ и теперь—въ числѣ неизданныхъ источниковъ, и тѣхъ, которые напечатаны—

во время ожесточенной борьбы отрицателей достоинства и значенія лѣтописныхъ сборниковъ и вообще письменныхъ источниковъ съ ихъ противниками, но заброшены и забыты,—не мало имѣющихъ право на предоставленіе мѣста среди болѣе счастливыхъ сотоварищей по силѣ доказательствъ и указаній для изысканій новаго направленія, если и не для всей Россіи, такъ для славянъ—Ильменскихъ.

Вся наличность письменныхъ источниковъ русскихъ, печатныхъ и рукописныхъ, имѣющихъ значеніе для насъ, новгородцевъ, не исчерпывается собранными; въ складахъ старья по монастырскимъ и церковнымъ кладовымъ, въ мѣстахъ храненій давно оконченныхъ уже дѣлъ правительственныхъ учрежденій и въ распоряженіи частныхъ лицъ имѣются еще немаловажныя бумаги и цѣлыя рукописныя книги, полезныя для Общества,—какъ отражающія мѣстныя бытовыя особенности и явленія того или другого времени.

Сотрудники иноземные открыли великія сокровища въ области письменныхъ источниковъ для бытовѣдѣнія своихъ соплеменниковъ и всего человѣчества стараго свѣта,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и насельниковъ земель нынѣшней Россіи.

Союзъ знаній, давшій основы для наукъ о древностяхъ, человѣкѣ и человѣчествѣ, и распространившій кругозоръ ихъ на всякіе остатки старины, имѣющіе смыслъ и значеніе бытовыхъ свидѣтельствъ, тѣмъ самымъ расширилъ и область изысканій о письменныхъ источникахъ; въ эту область не могутъ не входить, въ числѣ остатковъ старины, всякія отрывочныя, какъ бы попутно занесенныя въ сказанія древнихъ писателей, хотя и неимѣющія общепринятаго значенія лѣтописныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, извѣстія, или любопытныя для самого писателя замѣтки, о правахъ и обычаяхъ какого либо народца, и другія подобныя, часто весьма пригодныя для народоповѣствовательнаго дѣла новаго направленія. Такихъ замѣтокъ множество въ каждомъ изъ извѣстныхъ трудовъ пѣснопѣвцовъ и повѣствователей Греціи, Рима и другихъ просвѣщенныхъ народовъ древности, восходящихъ, какъ творенія, дошедшія до насъ подъ именемъ Гомеровыхъ, почти за тысячелѣтіе до Р. Х. Для цѣлей Новгородскаго Общества, являющагося, по собиранію и изученію остатковъ старины, сотрудникомъ новыхъ наукъ, нельзя довольствоваться одними отечественными письменными источниками, хотя бы въ самомъ широкомъ смыслѣ представленія о нихъ; ему необходимо считаться съ источниками, собранными и собираемыми иноземными учрежденіями, не только какъ сотруднику ихъ вообще, но и какъ взявшему на себя изученіе русской народной колыбели.

Извѣстно, что на зарѣ начальной русской лѣтописи Славяне Ильменскіе объявились вѣтвью обширнаго племени,—занимавшаго большую часть Европы между морями: Адріатическимъ, частью Средиземнаго, Чернымъ и Балтійскимъ,—къ тому времени уже забывшаго коренное свое имя и усвоившаго различныя названія по ново-насиженнымъ мѣстностямъ осѣдлости. Ильменцы стояли тогда во главѣ союза многихъ разноименныхъ славянъ по происхожденію и многихъ же инородныхъ племенъ. Еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. былъ на мѣстѣ нынѣшняго Новгорода—Славенскъ,

по преданію о путешествіи св. апостола Андрея Первозваннаго, отожествляемый нѣкоторыми учеными съ Гелоныо Геродота, существовавшею во время Даріева похода на Скиѳію. Все это въ связи съ несомнѣннымъ главенствомъ славянъ Ильменскихъ въ обширномъ союзѣ сосѣдей, даетъ право заключать, что Ильменско-Волховское побережье заселено человѣкомъ незапамятно давно, съ вѣковъ на много опередившихъ путешествіе перваго въ нашей странѣ проповѣдника св. Евангелія, современника ученія Христа Спасителя, и было крупною, если не единственною, срединою тяготѣнія для населенія полуночно-восточной и полуночно-западной Европы и соотвѣтственной части Азіи. Подобныя тяготѣнія народа создаются, особенно при первобытной простотѣ жизни и неустройствѣ путей сообщенія, не годами, не столѣтіями, а большими тысячелѣтіями упорнаго, честнаго труда, направляемаго разумно и цѣлесообразно мощною силою борьбы за существованіе.

Мы знаемъ, что всякое племя переживаетъ, въ этой борьбѣ, вѣка передвиженій съ мѣста на мѣсто, пока наконецъ его не вынудятъ орды другихъ такихъ же кочевниковъ, болѣе сильныя численностью, ограничить блужданія послѣдне облюбованнымъ и никѣмъ еще не занятымъ участкомъ, и засѣсть въ немъ надолго, или навсегда. Не всѣ, конечно, племена, и не всѣ вѣтви одного племени, отъ него отдѣлившіяся, одновременно блуждали, обособлялись и основывали постоянное жительство; равно не всѣ осѣдлые племена развивались одинаково и одновременно; различная численность состава вѣтвей и разнообразіе вліяній на жизненную обстановку условій внѣшней природы мѣстности, по которой бродили люди, отражались неодинаково на ихъ внутреннемъ строѣ и быстротѣ духовнаго роста; одни, добравшись случайно-ли, или по указанію вожаковъ, до благодатныхъ странъ большимъ, крѣпко сплоченнымъ скопищемъ семей и цѣлыхъ родовъ, раньше другихъ и занявши, наиболѣе удобныя земли безпрепятственно, получили въ этой новой странѣ широкій просторъ для развиванія своихъ силъ самостоятельно, изъ самихъ себя, выросли раньше и скорѣе другихъ, менѣе сильныхъ, вынужденныхъ продолжать блужданіе по обездоленнымъ природою пустынямъ, болотамъ и лѣсамъ—и задерживать, въ борьбѣ съ приспособленіемъ природы къ своимъ несложнымъ насущнымъ потребностямъ, такое же какъ первые, развитіе силъ. Въ счастливыхъ странахъ полуденья и сосѣдняго дальняго востока, орошаемыхъ великими рѣками, ограждаемыхъ отъ вѣяній холоднаго полуночья высокими съ роскошною растительностью горами и умѣряемыхъ слегка прохладными водами великаго моря, въ знօѣ теплыхъ лучей солнца, процвѣтали уже блестящія государства, науки и искусства, поражающія и теперь наблюдателя необычайною для древнѣйшихъ вѣковъ силою ума и творчества. Въ тѣ же самые вѣка обитатели негостепріимнаго полуночья и сосѣдняго дальняго запада, орошаемыхъ тоже великими рѣками—но болѣе полугода оковываемыми льдами,—заграждаемыхъ отъ теплыхъ вѣяній еще болѣе высокими горами, но съ снѣговыми вершинами, и омываемыхъ такимъ же великимъ, но ледянымъ моремъ,—вели тяжелую упорную борьбу,—то съ попытками, мало-успѣшными, или и вовсе безплодными, подчиненія себѣ суровой природы, то съ сосѣдями земель, хотя и болѣе благопріятныхъ, но

уже заселенныхъ, выкидывавшими, тѣсноты ради, большія тысячи своихъ родичей, не находившихъ тамъ среды, соотвѣтствующей приложенію труда для удовлетворенія насущныхъ нуждъ, болѣе широкихъ, сложившихся при болѣе высокомъ подъемѣ духовнаго роста во время жизни въ счастливой странѣ, чѣмъ нужды горемычныхъ полуночниковъ. Случалось, что и эти пасынки судьбы счастливой, неутѣшные горемычники, въ конецъ утомленные безпросвѣтною нуждою, напрягали весь остатокъ силъ, налетали грозною темною тучею на земли блестящихъ государствъ, прогоняли, или поглощали туземцевъ, и селились на разрушенныхъ пепелищахъ ихъ.

Просвѣщенные насельники счастливыхъ странъ не могли не наблюдать новый невѣдомый народъ; оправившись отъ ужасовъ свирѣпства пришельцевъ, всмотрѣвшись въ ихъ жизнь, наблюдатели мало-по-малу сближались съ этими варварами, то приручая ихъ, то впослѣдствіи смѣшиваясь съ ними и возвышая свои силы притокомъ новой крови.

Обладая письменностью и любознательностью, просвѣщенные наблюдатели дѣлали замѣтки о подобныхъ варварахъ, дошедшія въ ихъ извѣстіяхъ до нашего времени.

Страна Ильменская и другія земли Россіи Европейской и Азіатской и были именно тѣми, по которымъ бродили обездоленные горемычники полуночья не только стараго, но и новаго свѣта; злополучные остатки послѣднихъ побѣговъ отъ корней широкаго нѣкогда развѣтвленія диковиннаго племени первозаимщиковъ этихъ странъ и земель,—корней, давно вымерзшихъ въ тундрахъ сибирскихъ и въ ледовитомъ побережьи,—и были союзниками славянъ ильменскихъ, устроителей первыхъ основъ русской государственной жизни. Кое-гдѣ на старожитныхъ мѣстахъ своихъ праотцевъ они живутъ и теперь и въ той же почти горе-горькой долѣ, вымирая безропотно и тихо, какъ „тихо опочилъ и Новгородъ Великій“.

Слѣдовательно всѣ сказанія писателей иноземныхъ, содержащія извѣстія о племенахъ, народцахъ и народахъ, когда-либо бродившихъ по землямъ нынѣшней Россіи, или сидѣвшихъ на нихъ, неминуемо должны быть отнесены къ письменнымъ источникамъ, подлежащимъ изученію Новгородскаго Общества. А какъ осѣдлости предшествовали вѣка передвиженія у всѣхъ племенъ вообще, нельзя не изучить извѣстій какъ о сосѣдяхъ, такъ и о современникахъ насельниковъ нашихъ земель отдаленныхъ странъ, хотя и прочно осѣвшихъ тамъ, но въ свое время переживавшихъ вѣка броженія; они могли сталкиваться и сживаться, при броженіи, съ осѣвшими же жителями русскихъ и ильменскихъ земель. Только при всестороннемъ изученіи этихъ извѣстій и сопоставленіи ихъ со всею совокупностью бытовыхъ остатковъ можно близко подойти къ открытію „той тайной силы“, которая установила на ильменско-волховскомъ побережьи, окруженномъ непроходимыми лѣсами и болотами, могучую средину тяготѣнія и сплотила разрозненныя разнородныя племена въ стройное Велико-Новгородское государство, открывшее себѣ сквозь дремучіе лѣса путь до Сибири, горстью людей покорившее обширныя земли между Ладогою и Карскимъ моремъ, рѣками Обью и Уфою, насадившее первыя сѣмена гражданственности (Карамзинъ) и

съумѣвшее такъ привязать къ себѣ покоренные имъ народы, что они, подобно потокамъ крови, стремились къ Новгороду, какъ бы къ сердцу своему, изъ котораго истекала новая жизнь для нихъ и гражданское счастье (Дубенскій—въ предисловіи къ Уставу о мостахъ).

Такъ многосложно обозрѣніе письменныхъ источниковъ, предстоящее Новгородскому обществу; распадаясь на двѣ части—отечественныхъ и иноземныхъ, оно обнимаетъ, во первыхъ, весь кругъ русской лѣтописи въ тѣсномъ смыслѣ, всю законодательную дѣятельность, правительственныя—государственныя и торговыя сношенія, взаимныя отношенія по имуществу, выражающіяся въ договорахъ частныхъ лицъ, посланія, грамоты, уставы, завѣщанія, поученія и другія имъ подобныя свидѣтельства, отражающія ходъ развитія страны и ея обитателей, внѣшняго и внутренняго, духовнаго, въ видѣ повѣстей, былинъ, богатырскихъ сказокъ, пѣсней и вообще произведеній народнаго творчества, и во вторыхъ—иноземные лѣтописи и прочія свидѣтельства такого же содержанія, какъ и русскія; нужны они для сравнительнаго изученія рядомъ съ отечественными. Особенно богатые сказаніями о жизни обитателей счастливыхъ странъ, ихъ передвиженіяхъ, враждебныхъ столкновеніяхъ, мирныхъ сношеніяхъ и сближеніяхъ съ дикими и полудикими сосѣдями и варварами, иноземные источники, начиная свои сказанія съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ изобрѣтенія знаковъ письменности, оказываютъ великую помощь народоповѣствовательному дѣлу именно богатствомъ свѣдѣній о самой далекой жизни людей.

Поражающіе своимъ величіемъ вещественные памятники древности, въ свидѣтельствѣ которыхъ находили и находятъ объясненія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ и данныя для заполненія нѣкоторыхъ же пробѣловъ въ источникахъ письменныхъ,—вызвавшія сравнительною скудостью отвѣтовъ, получаемыхъ на допросъ ихъ, союзъ знаній и основы новыхъ наукъ, вообще не настолько многочисленны, какъ эти письменные источники и не настолько же многообразны даже и въ счастливыхъ странахъ полуденья Азіи, Африки и Европы, а также и дальняго востока;—а въ нашихъ полуночныхъ и полуночно-западныхъ областяхъ, какъ и по всей Россіи, ихъ еще меньше. Каждому просвѣщенному почитателю древности, конечно, извѣстны всѣ эти памятники и объясняемое наукою значеніе ихъ свидѣтельствъ, даже по учебникамъ, а для незнакомыхъ съ ними вовсе книга дастъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ обстоятельныя свѣдѣнія.

Но кромѣ допрошенныхъ, при старомъ и новомъ направленіи народоповѣствовательнаго дѣла, имѣются въ ильменскихъ земляхъ другіе вещественные же свидѣтели древности, ожидающіе изученія и обѣщающіе щедро вознаградить изслѣдователя хранимыми ими много вѣковъ данными. Сходные съ этими въ общихъ чертахъ имѣются въ Сибири, въ земляхъ срединной, полуденной и восточной Азіи, въ Африкѣ, даже въ Америкѣ и въ Европѣ, западной, полуденно-западной и полуденно-восточной. Многіе путешественники и иноземные ученые обратили уже на нѣкоторые изъ подобныхъ свидѣтелей древности вниманіе—но еще не договорились до единомыслія въ опредѣленіи ихъ значенія.

Полное ознакомленіе съ ученою обработкою всѣхъ письменныхъ источниковъ, какъ ни полезно и какъ ни желательно для начальной дѣятельности Новгородскаго общества, — но едва-ли достижимо, по его шири, для обстоятельнаго на первыхъ порахъ изложенія хотя бы и сжатаго; оно, это ознакомленіе, требуетъ прежде всего мѣропріятій къ приведенію въ извѣстность источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ кладовыхъ, и строго обдуманнаго и взвѣшеннаго раздѣленія наличныхъ силъ общества и повременнаго обмѣна мыслей между сотрудниками, которые взялись бы за изложеніе частей предмета, путемъ научныхъ собесѣдованій открытыхъ для всѣхъ, сочувствующихъ дѣлу; — сходиться для этой цѣли уставомъ предоставлено; успѣшностью послѣдствій раздѣленія труда и собесѣдованій опредѣлится большая или меньшая продолжительность занятій всѣмъ этимъ предметомъ.

Достаточное же для начала дѣла, хотя и не полное во всѣхъ частяхъ, ознакомленіе съ источниками обще-русскими, обще-славянскими и Новгородскими по преимуществу, равно съ ученою ихъ обработкою, съ изслѣдованіями памятниковъ древности отечественныхъ и нашихъ мѣстныхъ, особенно крупныхъ — болѣе доступно, особенно если не тратить силъ и времени на предметы, которые опредѣлены вполнѣ и не могутъ внести въ науку о древностяхъ новыхъ свѣтообильныхъ показаній.

Просвѣщенные члены учредители могутъ одолѣть собственными своими силами, — рано-ли, поздно-ли, — трудности изученія и всей наличности письменныхъ источниковъ, и извѣстныхъ вещественныхъ свидѣтельствъ древности, сдѣлавшихся достояніемъ міровой науки, при непремѣнномъ пособіи книгохранилищъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи, или доступныхъ для пользованія правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, и при раздѣленіи труда. Но это лишь одна сторона предстоящей имъ дѣятельности, подготовительная; хотя она трудна и многосложна, но доступна разработкѣ дома.

Для другой же, главнѣйшей и по уставу и по ея свойству, и состоящей какъ въ собираніи свѣдѣній о неизслѣдованныхъ и вовсе неизвѣстныхъ наукѣ вещественныхъ свидѣтельствахъ, въ видѣ-ли крупныхъ памятниковъ, или всякаго рода остатковъ старины, такъ равно въ собираніи же и храненіи самыхъ предметовъ старины и особенно въ изученіи ихъ, — мало силъ однихъ только учредителей, просвѣщенныхъ сотрудниковъ общества и обстоятельнаго знакомства со всѣми изысканіями старѣйшихъ учрежденій, до сихъ поръ изданными, — здѣсь нужна, кромѣ силы ученой и любящей старину, другая, составляющая, вмѣстѣ съ этими, одну большую, — по народному выраженію, „мірскую силу“.

Конечно, если ограничиться собираніемъ свѣдѣній о вещественныхъ свидѣтельствахъ разсылкою, какъ иногда дѣлается, вопросныхъ листовъ, а изъ самыхъ предметовъ старины останавливаться на томъ, что попадетъ на глаза, или подъ ноги во время путешествій и прогулокъ, — дѣло легкое, — особенно теперь, когда низшіе чины правительственной службы пріучены къ составленію отвѣтовъ по вопроснымъ листамъ и выработались особые промышленники, скупщики и продавцы предметовъ древности, и ихъ развѣд-

чики и радѣтели—кладоискатели;—не трудно заняться, по научнымъ пріемамъ, сводомъ, отвѣтовъ на вопросы, а при посредствѣ развѣдчиковъ и предусмотрѣнными уставомъ раскопками—наудачу, въ видѣ отдыха, или для развлеченія;—не тяжело пожертвовать двумя-тремя часами на сравненіе покупокъ или находокъ съ рисунками, которыми такъ богаты многія изданія научныхъ трудовъ о древностяхъ. Все это и занимательно, и пріятно, и удовлетворяетъ любопытство. Такими и подобными способами возможно составлять, въ короткое даже время, обширныя вѣдомости и благовидные доклады о вещественныхъ свидѣтельствахъ страны, а при свободныхъ средствахъ, особенно когда они даются юркимъ собирателямъ для изысканій, столько же обширныя, сколько и блестящія, хранилища древности, ласкающія глазъ зрителя, и вызывающія его на размышленія, чаще всего праздныя. Не возбраняется изучать подобныя вѣдомости, доклады и хранилища въ подробностяхъ, по свѣдѣніямъ, въ большинствѣ ложнымъ, сообщаемымъ составителямъ ихъ, то десятскими, сотскими и урядниками, то продавцами старины и кладоискателями, или не понимающими значенія ни вопросовъ, ни своихъ отвѣтовъ, или заботливо скрывающими, какъ продавцы, истину, чтобы хоронить концы въ воду, и дающими покупателю, о вкусахъ и требованіяхъ котораго они хорошо освѣдомлены заранѣе, самыя чудовищныя, но ловко придуманныя, объясненія.

Быть можетъ и въ отвѣтахъ на вопросные листы найдется доля правды, и блестящія собранія случайныхъ покупокъ окажутся впослѣдствіи, по тщательномъ и строго научномъ разсмотрѣніи ихъ содержанія, пригодными, если, само собою разумѣется, въ нихъ не найдется большинства предметовъ поддѣльныхъ, вводящихъ нерѣдко въ прискорбное заблужденіе даже великихъ знатоковъ; недавній случай съ вѣнцомъ Сайтаферна доказываетъ замѣчательное усовершенствованіе пріемовъ поддѣлывателей предметовъ древности.

Для большихъ городовъ, возникшихъ сравнительно недавно, въ мѣстности, или вовсе не имѣющей далекаго особо выдающагося прошлаго въ минувшей жизни населенія, или прошлое которыхъ выражается ясно и подробно въ письменныхъ источникахъ,—и особенно для такихъ городовъ, которые привлекаютъ удобствами жизни людей свободныхъ отъ обязательнаго труда, ищущихъ развлеченія и удовольствій,—ни изысканія о древностяхъ края, ни собранія остатковъ мѣстной старины не имѣютъ, или могутъ не имѣть, того воспитательнаго и образовательнаго значенія, какое они оказываютъ на трудящееся, неимущее населеніе городовъ и мѣстностей древнихъ, захудалыхъ, живущихъ потому только, что еще не разрушились, какъ старыя гнѣзда. Тамъ, среди общаго блеска, умѣстны и блестящія хранилища предметовъ изящныхъ, собранныхъ по всему свѣту. Наука ждетъ отъ русскихъ мѣстныхъ собраній и учрежденій, посвященныхъ древностямъ, не внѣшняго блеска, а внутренняго содержанія,—свидѣтельствъ „самыхъ первыхъ образовательныхъ началъ“, зародившихся и развившихся въ нашемъ отечествѣ.

Для цѣли мѣстныхъ собраній и учрежденій хранилища, составляемыя изъ случайныхъ пріобрѣтеній покупкою, и объясненія, неумѣло вписываемыя въ вопросные листы, имѣютъ цѣну и значеніе не болѣе, если еще и не менѣе, какъ плюшкинская куча. Имъ не дороги предметы самые изящные, серебряные и золотые, украшенные жумчугами и камнями самоцвѣтными, встрѣчаемые въ богатыхъ домахъ, или въ церковныхъ и другихъ сокровищницахъ, если происхожденіе ихъ не туземное, или неизвѣстно, а объясненія о нихъ сомнительны; обломокъ убогой домашней утвари, выкопанной при хозяйственной земляной работѣ, гдѣ-нибудь въ огородѣ или въ пустырѣ, будетъ неизмѣримо цѣннѣе золота, если среда захороненія говоритъ обстоятельно о времени, послѣ или ранѣе котораго находки не могли попасть туда, гдѣ оказались. Мѣстнымъ учрежденіямъ дороги обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о мѣстныхъ только вещественныхъ свидѣтельствахъ и собранія предметовъ старины только мѣстной, туземной, составляемыя изъ находокъ, вся обстановка которыхъ доподлинно извѣстна и которыя являются свѣтоносными для науки.

Чѣмъ обширнѣе изучаемая область по пространству, знаменательнѣе по своему прошлому, и разнообразнѣе по племенному составу древняго заселенія, тѣмъ труднѣе, сложнѣе и запутаннѣе вопросъ о собираніи вещественныхъ ея свидѣтельствъ и остатковъ старины. Здѣсь безсильны составленія и разсылки сколько возможно подробныхъ, отвѣчающихъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ современной науки, вопросныхъ листовъ; нужно прежде личное, преданныхъ дѣлу, просвѣтительное участіе, чтобы научить населеніе изслѣдуемой мѣстности, вложить въ него сознательное почитаніе старины, какъ могучаго успокоителя и утѣшителя въ трудѣ и скорби, а затѣмъ уже посылать вопросные листы и довѣряться отвѣтамъ на нихъ.

Такимъ образомъ учредителямъ и всѣмъ просвѣщеннымъ сотрудникамъ Новгородскаго общества предстоитъ, по собиранію остатковъ старины, двоякая постоянно дѣятельность — подготовительная и исполнительная, взаимно чередующіяся; имъ слѣдуетъ занять тоже по этому предмету положеніе, какое принадлежитъ передовымъ представителямъ всѣхъ отраслей знаній по отношенію къ союзу, давшему науки о первобытныхъ древностяхъ, человѣкѣ и человѣчествѣ, т. е. явиться руководителями и вспомогателями, и принимать на себя предварительную подготовку почвы всестороннимъ изученіемъ трудовъ предшественниковъ по всякимъ вновь возникающимъ, по ходу дѣла, вопросамъ и въ то же время призывать къ содѣйствію и направлять къ намѣченной цѣли мірскую силу.

Данныхъ, обстоятельныхъ и вѣскихъ, необходимыхъ для предварительной подготовки мѣстной почвы, много; ими обнимаются всѣ виды остатковъ старины, установленные къ нашему времени знатоками предмета въ общихъ чертахъ, — а эти виды удобно укладываются въ два большихъ отдѣла: — остатки жизни земли, со времени появленія на ней человѣка, — и остатки жизни человѣка съ перваго появленія его на землѣ. Основаніями для сдѣланныхъ изслѣдованій и объясненій въ обоихъ отдѣлахъ послужили во первыхъ — естествовѣдѣніе въ его ученіяхъ, созданныхъ — или опытами и

наблюденіями непосредственно, или наиболѣе вѣроятными выводами изъ опытовъ и наблюденій надъ явленіями, время, причины и послѣдствія которыхъ еще не получили незыблемой почвы и заключенія о которыхъ еще не вступили въ ряды научныхъ истинъ,—и во вторыхъ, наиболѣе содержательныя изъ знаній новыхъ наукъ народоповѣствовательнаго дѣла.

Естествовѣдѣніе, какъ совокупность знаній, пріобрѣтаемыхъ наблюденіемъ жизненныхъ явленій во вселенной, развивается и растетъ также быстро, какъ и самая жизнь природы и въ природѣ. Не всѣ еще законы жизни открыты, и не всѣ доступны человѣческой мысли, какъ недоступно пониманію представленіе о безначальномъ и безконечномъ во времени и пространствѣ; поэтому нельзя разсчитывать на постоянство въ движеніи естествовѣдѣнія впередъ всегда и во всемъ;—нѣкоторыя положенія, представлявшіяся въ недавнее, сравнительно, время въ силѣ непреложныхъ научныхъ истинъ,—какъ внѣшній видъ земли,—оказались, по сдѣланнымъ вновь наблюденіямъ, развѣнчанными;—другія же, напротивъ, подкрѣпляются новыми наблюденіями, и являются долговѣчными.—Зависимость колебанія положеній отъ продолженія тѣхъ или другихъ наблюденій въ одномъ для каждаго направленіи обусловливается свойствомъ и доступностью наблюдаемыхъ явленій во времени и пространствѣ; одни повторяются часто и вездѣ, какъ восходъ солнца и мѣсяца, другія, какъ появленія хвостатыхъ звѣздоподобныхъ тѣлъ, не вездѣ, а нѣкоторыя весьма рѣдко. Къ долговѣчнымъ относятся положенія, составляющія ученіе о всемірномъ тяготѣніи небесныхъ тѣлъ, какъ причинъ повторяющихся одинаковыхъ явленій на земномъ шарѣ; но долговѣчность и этого положенія продолжительна лишь настолько, насколько давно имѣются извѣстія о наблюденіяхъ; къ менѣе долговѣчнымъ слѣдуетъ отнести ученіе, сложившееся въ зависимости отъ неполныхъ еще изысканій, о построеніи земной коры и о животныхъ, не исключая и человѣка, проявляющихъ себя въ жизненныхъ отправленіяхъ, слѣды которыхъ открываются время отъ времени.

Законами міроваго тяготѣнія объясняются условія и причины различныхъ порядковъ построенія земной коры, въ напластованіяхъ которой найдены, къ нашему времени, первые слѣды человѣка въ остаткахъ его быта. Наука о первобытныхъ древностяхъ почерпаетъ данныя изъ разсмотрѣнія именно этихъ остатковъ. Слѣдовательно для изысканій о первонасельникахъ страны ильменской неизбѣжно считаться съ данными естествовѣдѣнія и о міровомъ тяготѣніи и о построеніи земной коры. При всей беззавѣтности любви къ старинѣ, при всемъ напряженіи силъ и вниманія къ этому дѣлу, невозможно обнять и его и ежедневныя наблюденія естествовѣдовъ. Поэтому просвѣщеннымъ членамъ общества, этимъ крупнымъ единицамъ нашей мірской силы, безусловно необходимо привлечь сотрудничество естествовѣдовъ, какъ передовыхъ представителей этой силы въ собираніи и научномъ освѣщеніи вещественныхъ остатковъ старины—вообще, чтобы пользоваться ея знаніями и опытомъ въ разнообразныхъ частностяхъ.

Въ примѣненіи къ вещественнымъ остаткамъ старины и костямъ древнихъ животныхъ, захоронившимся глубоко въ землѣ, естествовѣдѣніе назначаетъ, въ числѣ многихъ положеній, время, не въ тысячелѣтіяхъ, а по

научнымъ знакамъ возраста пластовъ,—раньше котораго не встрѣчается, ни осязательныхъ слѣдовъ человѣка, ни даже признаковъ ихъ, и которое опредѣляется—или приближеніемъ, или и самымъ наступленіемъ охлажденія части земного шара, занимаемой нынѣшней Европой и полночною Азіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ признаки состава ближайшихъ къ дневной поверхности пластовъ земной коры, отличающіе ихъ отъ предшествовавшихъ охлажденію, и послѣдовательность въ порядкѣ залеганія—въ зависимости отъ воздушныхъ явленій, каковы—стужа, зной, сухость, влажность, обусловливающіе жизнь растеній и животныхъ,—не разложившіеся или видоизмѣнившіеся остатки и слѣды которыхъ захоронены въ тѣхъ или другихъ пластахъ. Наблюдая внѣшній видъ и составъ костей и различныхъ твердыхъ горныхъ породъ, исключительныя свойства послѣднихъ, ихъ измѣненія во внѣшности въ зависимости отъ воздѣйствія силъ природы, опытный естествовѣдъ, сравниваетъ найденный имъ необыкновенный предметъ, костяной-ли, каменный-ли, или желѣзный, рѣзко отличающійся отъ кусковъ тѣхъ же веществъ, подвергавшихся разнороднымъ вліяніямъ однихъ только внѣшнихъ силъ природы, и имѣющихъ совершенно другой видъ, и дѣлаетъ выводъ, что такой необыкновенный видъ данъ предмету не самою природою; сравнивая же находку далѣе съ подѣлками современнаго ему человѣка, приспособленными для той или другой изъ обыденныхъ потребностей, каковы: долото, ножикъ, клинъ для колки дровъ и т. п.—естествовѣдъ заключаетъ, что находка обработана руками человѣка, и что хозяинъ ея жилъ въ то время, къ которому относится образованіе пласта, захоронившаго необыкновенный предметъ.

Существуетъ въ естествовѣдѣніи мнѣніе, сравнительно недавно еще высказанное, какъ послѣдствіе тщательнѣйшихъ повторныхъ наблюденій законовъ міроваго тяготѣнія,—что земной шаръ подвергался подъ конецъ каждаго изъ трехъ порядковъ построенія его коры охлажденію тѣхъ или другихъ частей поверхности, производившему посредствомъ движенія льдовъ и водообильныхъ скопленій ихъ обломковъ, перетираніе горныхъ породъ менѣе твердыхъ и раздробленіе особенно твердыхъ и перемѣщеніе тѣхъ и другихъ на далекія, иногда отъ коренныхъ мѣсторожденій разстоянія; охлажденія эти названы ледниковыми вѣками;—что въ продолженіи ихъ бываютъ промежутки, коегдѣ изъ всей охладѣвшей площади, теплые, названные межледниковыми; что по отношенію къ полночной Европѣ установлено существованіе,—кромѣ межледниковыхъ, окончательно еще не допущенныхъ въ науку нашими естествовѣдами для Россіи—озерныхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ непосредственно за отступившимъ ледникомъ,—и что въ полночной половинѣ земли началось послѣднее въ ея жизни, ближайшее къ зарожденію человѣка, охлажденіе, за двѣсти сорокъ тысячъ лѣтъ,—продолжалось около ста шестидесяти тысячъ, и совсѣмъ закончилось восемьдесятъ тысячъ лѣтъ назадъ (Кроль, Джейки и де-Мортилье). Толща ледниковыхъ образованій неодинакова—въ иныхъ мѣстахъ она даетъ сотни саженей, въ другихъ не превышаетъ четырехъ-пяти. Первое появленіе человѣка въ Европѣ относятъ ученые ближайшаго къ намъ времени—или допускаютъ возможность относить, именно къ 240/т. году до насъ (де-Мортилье. Тейлоръ).

Раскопки, то случайныя, то съ научными цѣлями дѣланныя въ разныхъ частяхъ Европы, дѣйствительно открыли присутствіе слѣдовъ человѣка и въ древнѣйшихъ, изъ признаваемыхъ за образованіе послѣдняго порядка построенія земной коры, пластахъ несомнѣнно ледниковыхъ, и въ болѣе позднихъ.—Было нѣсколько случаевъ открытія костей человѣка совмѣстно съ его издѣліями и костями животныхъ, размножавшихся и жившихъ до охлажденія. Этого человѣка считаютъ не много превосходящимъ его современниковъ безсловесныхъ. Человѣкъ же болѣе позднихъ, хотя и ледниковыхъ же пластовъ, и первыхъ послѣ ледниковыхъ или междениковыхъ вѣковъ, уже значительно развился. Время, отдѣляющее насъ отъ этого послѣдняго человѣка опредѣляютъ въ десять или даже въ двадцать тысячъ лѣтъ (де-Мортилье). Опытные наблюдатели и хорошіе знатоки ископаемыхъ костей человѣка установили, по находкамъ ихъ, отличительные признаки на всемъ костякѣ и особенно на черепѣ первонасельниковъ Европы, и принявъ за основаніе большое скопленіе одинаковыхъ въ одной и той же мѣстности, назвали ихъ малорослыми и короткоголовыми. Впослѣдствіи находки въ другихъ мѣстахъ, но въ тѣхъ же по древности пластахъ, дали и другое опредѣленіе признаковъ первонасельниковъ, противоположное; теперь ими считаютъ длинноголовыхъ, но знатоки еще не договорились о ростѣ—одни признаютъ за первонасельниковъ малорослыхъ, а другіе высокихъ.

Сравнительное изученіе костяковъ древнихъ, менѣе древнихъ и недавнихъ жителей одной и той же мѣстности, равно и головы живыхъ людей, вызвало ученіе о наслѣдственности отличительныхъ признаковъ, повторяющихся въ потомствѣ родоначальнаго корня.

Но дальнѣйшія наблюденія по сравнительному способу и по зависимости направленій въ строеніи главныхъ и второстепенныхъ, или служебныхъ, частей отъ условій жизни въ борьбѣ за существованіе пошатнули основы ученія о наслѣдственности и оно раскололось на двое: естествовѣды, послѣдователи новаго направленія народоповѣствовательнаго дѣла—за наслѣдственность, оставляя вліянію борьбы за существованіе служебныя части костяка,—а естествовѣды врачи, въ большинствѣ, вовсе отвергаютъ участіе наслѣдственности и подчиненіе черепныхъ признаковъ родоначальному корню.

Приведенныя замѣтки подсказываютъ необходимость руководствоваться крупнымъ единицамъ мірской силы при собираніи остатковъ старины обоихъ большихъ отдѣловъ съ одной стороны, положеніями ученій естествовѣдѣнія,—устанавливаемыми непосредственно на данныхъ наблюденій, или на выводахъ изъ нихъ сравнительнымъ способомъ,—какъ наиболѣе надежными, при нынѣшнемъ состояніи знаній, проводниками къ корню нашего родоначалія,—съ другой-же—внимательно всматриваться при собираніи остатковъ ископаемыхъ, а въ ихъ числѣ и костей человѣка, въ признаки среды ихъ залеганія, не смущаясь научными положеніями о порядкѣ и древности образованій по опредѣляющимъ ихъ особенностямъ, каковыми являются и кости древнихъ животныхъ, и устанавливаемыми естествовѣдами отличіями череповъ, наслѣдственными и бытовыми. Ильменская страна

обширна и на полночной окраинѣ пустынна въ настоящее время; она изслѣдована еще недостаточно, а мѣстами и вовсе не тронута; дѣятельность Новгородскаго общества можетъ, поэтому, ввести въ область естествовѣдѣнія, какъ знанія руководящаго въ новомъ направленіи народоповѣствовательнаго дѣла, такія данныя, которыя откроютъ надобность въ отысканіи средствъ и способовъ для болѣе яркаго или и совсѣмъ особеннаго освѣщенія въ научныя положенія, выставляемыя знатоками-наблюдателями иноземными и нашими, малознакомыми съ мѣстностями отдаленными и неудобными для привычныхъ пріемовъ въ изысканіяхъ по своей безлюдности и суровости, каковы—Лопьская земля, Студеное поморье, Заволочье, Заонежье, Пермь, Печора, Югра и другія. Привлеченіе къ живому участію въ изысканіяхъ по этимъ, нынѣ негостепріимнымъ, областямъ Велико-Новгородскаго державства,—а равно въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ Сибири, по ея тундрамъ и болотамъ, по скатамъ, вершинамъ, пещерамъ и ущельямъ горъ ея и утесистыхъ побережій огромныхъ рѣкъ всей области великихъ озеръ, окраины Европейской и Азіатской,—мѣстной мірской силы,—завидная доля юнаго Новгородскаго общества, если удастся когда-нибудь этого достигнуть.

Изъ сдѣланнаго уже въ области собиранія и изученія остатковъ вещественной старины отмѣтимъ изысканія о предметахъ, находящихся на поверхности земли, въ водѣ, и ископаемыхъ.

Къ первымъ относятся: сооруженія земляныя изъ крупныхъ, по одиночкѣ разставленныхъ, камней, разсѣянные, какъ уже замѣчено, по всему старому свѣту; начало устройства ихъ заходитъ за предѣлы самыхъ древнихъ письменныхъ извѣстій, а продолженіе сохраняется даже и до нашихъ дней, съ цѣлями вполнѣ опредѣленными и сложившимся давно въ обще-принятый обычай—именно сохраненія на возможно долгое время памяти о какомъ либо событіи, или выдающемся дѣятелѣ; къ такимъ же сооруженіямъ относятся и намогильные. Но были-ли они вызваны тѣми же, какъ нынѣшнія, побужденіями въ глубочайшей древности, или имѣли какое либо иное назначеніе, еще не выяснено. Къ этому же разряду остатковъ старины по времени сооруженія относятъ такъ называемые чашечные, молитвенные и граничные камни, объясняемые также разнорѣчиво.

Въ озерахъ, въ болотахъ и по рѣкамъ извѣстны свайныя постройки, съ ясными указаніями на принадлежность жилищу человѣка. Первоначальное возведеніе ихъ, какъ и сооруженій земляныхъ и крупно-каменныхъ, опередило письменныя извѣстія; затѣмъ они продолжали, также въ видѣ обычая, существовать долго и были сооружаемы еще вѣковъ за шесть до Р. Х. въ Европѣ и въ Азіи.

Въ землѣ, на различной глубинѣ, собрано по всѣмъ странамъ стараго и новаго свѣта, множество разнообразнѣйшихъ ископаемыхъ остатковъ, уясняющихъ постепенность развитія человѣка отъ временъ первобытныхъ до самыхъ послѣднихъ, указывающихъ на первыя его нужды, образъ жизни и на всю домашнюю обстановку; къ этимъ же остаткамъ причисляются кости животныхъ, служившихъ для человѣка пищею и дававшихъ ему одежду,—и его самого. По различію среды, въ которой эти остатки были находимы, и

по веществу, изъ котораго человѣкъ обработывалъ свои орудія, вѣка развитія названы—каменнымъ, бронзовымъ и желѣзнымъ; первый подраздѣленъ на древній и новый. По костямъ животныхъ опредѣлено состояніе воздушныхъ явленій, сопровождавшихъ совмѣстную ихъ жизнь съ человѣкомъ, а по черепамъ людей—время появленія въ Европѣ различныхъ племенъ, соотвѣтствующихъ тому или другому изъ трехъ вѣковъ и указывается первоначальная ихъ родина—по сравненію череповъ ископаемыхъ съ принадлежащими племенамъ, нынѣ живущимъ.

Въ Ильменской странѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи найдены остатки всѣхъ трехъ названныхъ вѣковъ. Въ Колѣ, въ Бѣломорьи, въ Архангельскихъ тундрахъ, на Тиманѣ, въ побережьяхъ Печоры, Камы, Двины, обѣихъ Вишеръ, въ Финляндіи, въ при-Онѣжьи, на Ладожскомъ побережьи, въ Сибири и во всѣхъ волостяхъ и пятинахъ Новгородскихъ— собраны особенно многочисленные ископаемые представители каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, разнообразныя сооруженія земляныя, извѣстныя въ народномъ говорѣ подъ названіемъ сопокъ, городковъ, городищъ, селищъ, валовъ и другихъ;—крупно-каменныя—народные вавилоны, и окопы; эти послѣдніе учеными относятся къ образованіямъ ледниковымъ, каковы: морены, озы и сельги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—какъ въ побережьи Ладожскаго озера, на Окѣ, въ Малороссіи, въ Московской области, въ Сибири и въ срединной Азіи—найдены черепа и другія части костей человѣка всѣхъ трехъ вѣковъ, и кости животныхъ современниковъ древняго человѣка.

Лично нами открыты на Ильменско-Волховскомъ побережьи, въ урочищѣ Коломцы, остатки огромнаго поселенія, основавшагося здѣсь въ вѣка ледниковые, именно въ послѣдній изъ теплыхъ промежутковъ, предшествовавшій окончательному прекращенію ихъ. Раскопки Коломенцевъ въ продолженіи десяти лѣтъ работы, еще неоконченной, дали свыше шестидесяти тысячъ предметовъ первой, повидимому, половины каменнаго вѣка, девять череповъ и много другихъ частей костяка человѣка. Нами же открыто могильно-каменное сооруженіе, повидимому, озерныхъ вѣковъ и, по всей вѣроятности, ново-каменнаго съ установившимся уже обрядомъ погребенія; здѣсь найдено четыре костяка съ черепами, и остатки четырехъ череповъ, трехъ дѣтскихъ и одного взрослаго человѣка, захороненныхъ безъ принадлежащихъ имъ костяковъ; въ могильной засыпкѣ покойниковъ собрано много грубыхъ кремневыхъ подѣлокъ. Въ самомъ Новгородѣ и ближайшихъ окрестностяхъ нами же собрано болѣе трехсотъ череповъ древнѣйшаго, менѣе древняго и не далѣе двухсотлѣтняго захороненія. Черепа каменнаго и другихъ вѣковъ были осматриваемы и наши объясненія о нихъ выслушиваемы именитыми учеными знатоками, западно-европейскими и русскими и не встрѣтили возраженій.

Мы наблюдали за глубокими хозяйственными раскопками въ Новгородѣ и его окрестностяхъ—для изученія толщи жилого слоя и образованій его подстилающихъ,—и собрали много свѣдѣній по этому предмету отъ старожиловъ; наблюдали въ оврагахъ и въ свѣжихъ береговыхъ отлетахъ въ разныхъ мѣстностяхъ алаунской возвышенности и отроговъ возвышенности псково-эстляндской, въ долинахъ рѣкъ Ильменской, Ладожской и другихъ водныхъ областей—строеніе и рядовое положеніе напластованій послѣдняго построенія земной коры и захороненныхъ въ нихъ остатковъ живот-

ныхъ и растительныхъ. Образованія, покрывающія и подстилающія жилой слой Коломецкаго поселенія, равно и найденныя тамъ остатки глубокой древности осмотрѣны и изслѣдованы ученымъ знатокомъ. Образованія, на которыхъ покоится жилой слой Новгорода, тѣже, что и на Коломцахъ; толща ледниковая, — здѣсь и въ окрестностяхъ близкихъ и дальнихъ, до 500 верстъ—не достигаетъ и 55 саженъ. Въ самомъ Новгородѣ, на различной глубинѣ толщи жилого слоя нами лично найдено значительное количество остатковъ каменнаго вѣка въ издѣліяхъ человѣка, такихъ же по веществу и по виду, какія встрѣчаются вездѣ въ Европѣ, въ Сибири, въ Америкѣ и въ Коломцахъ. Всѣ находки Коломецкія, Новгородскія и окрестныя, а также образцы слоевъ подстилающихъ жилой и наблюденныхъ лично напластованій послѣдняго порядка, хранятся въ нашемъ собраніи здѣсь въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными отъ другихъ и лично найденными здѣсь же остатками старины вѣковъ бронзоваго и желѣзнаго и Новгородскихъ предлѣтописныхъ, перволѣтописныхъ и недавнихъ вѣковъ.

Въ хранилищѣ предметовъ древности, возникшемъ въ Новгородѣ уже лѣтъ тридцать пять назадъ, и въ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ числѣ другихъ имѣются и такія остатки старины, которые не безполезны для предстоящей работы.

Такимъ образомъ многосложное дѣло собиранія и изученія вещественныхъ остатковъ старины славянъ Ильменскихъ и ихъ потомства можетъ быть начато безотлагательно на мѣстѣ, въ самомъ нашемъ городѣ, ознакомленіемъ книжнымъ, по трудамъ предшественниковъ, и нагляднымъ—по имѣющимся на лицо собраніямъ и по рисункамъ, наполняющимъ страницы весьма многихъ книгъ. При раздѣленіи труда, этомъ единственно-полезномъ и необходимомъ помощникѣ всякой дѣятельности кучной, не особенно затруднительно было-бы взяться за нѣсколько сторонъ дѣла разомъ: одни изъ сотрудниковъ могутъ принять разработку одного вида, другой—другого, смотря по желанію и удобству и, посредствомъ сходокъ для собесѣдованій, установить однообразное направленіе изысканій внѣ Новгорода, по обдуманнымъ и установленнымъ способамъ и сообразуясь съ силами и средствами. Такъ поступали и поступаютъ многіе изъ старѣйшихъ учрежденій и обществъ, нашихъ и иностранныхъ, и достигаютъ крупныхъ успѣховъ въ непродолжительное время. Для ознакомленія книжнаго и нагляднаго, съ цѣлью сравнительнаго изученія вещественныхъ остатковъ старины, необходимо считаться съ объясненіями знатоковъ значенія ихъ и оцѣнки степени древности всякаго остатка. Пособіями для того и другого общепринятыми служатъ знанія прикладныя, частію, а болѣе умозрительныя. Въ примѣненіи къ остаткамъ Ильменской страны нужна нѣкоторая осмотрительность при пользованіи объясненіями знатоковъ, такъ какъ большую часть ихъ нельзя считать вполнѣ удовлетворительными, исключающими возможность, а иногда и необходимость, искать подтвержденія болѣе вѣскими, болѣе осязательными и ясными до очевидности данными.

Въ приложеніи или примѣненіи этихъ знаній, по ихъ свойству долженствующихъ, особенно умозрительныя, постепенно совершенствоваться къ дѣ-

ятельности даже живого человѣка и къ опредѣленію причинъ и связи съ послѣдствіями часто сказывается и неустойчивость и произволъ сужденій: жизнь человѣка копитъ знанія и, двигаясь впередъ сама, подталкиваетъ и знанія; въ примѣненіи же къ безжизненнымъ остаткамъ, представляющимся дѣломъ рукъ человѣка, когда-то и при какихъ-то условіяхъ жившаго, знанія умозрительныя могутъ завести въ такую туманную область догадокъ и предположеній, въ которой придется блуждать ощупью и постоянно спотыкаться. Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о выслушанныхъ нами объясненіяхъ почтенныхъ знатоковъ при обозрѣніи личныхъ нашихъ собраній о нѣкоторыхъ предметахъ. Бронзовую подѣлку, напоминающую нѣсколько большія булавки, встрѣчаемыя на Кавказѣ и въ Средней Азіи—объяснили какъ навершіе знамени конныхъ отрядовъ персидскихъ войскъ Даріева похода на Скиѳію; бронзовую доску съ прорѣзнымъ грубымъ изображеніемъ всадника—какъ священный предметъ богослуженія и обрядовъ древнѣйшихъ вѣрованій дальняго востока—браминскаго и буддійскаго; желѣзный предметъ, близко сходный съ ложкою нашего простолюдина, имѣющій нѣсколько изогнутый черенокъ, на концѣ приостренный—какъ орудіе, употреблявшееся скиѳами при утвержденіи договора между частными лицами, для прокалыванія рукъ каждому, чтобы вытекавшую при этомъ кровь смѣшивать съ виномъ, которое выпивали затѣмъ и участники договора и присутствовавшіе свидѣтели. Давая эти объясненія, ученые знатоки вывели изъ нихъ заключеніе, что большой городъ, упоминаемый Геродотомъ, покинутый скиѳами и занятый Даріемъ, былъ Новгородъ; что насельники его были или выходцами Индо-Китая, или держали вѣрованія браминовъ или буддійцевъ, и, наконецъ, что въ Даріево время тутъ жили скиѳы. Быть можетъ заключенія эти вѣрны сами въ себѣ, но объясненные предметы не имѣютъ въ дѣйствительности и тѣни приписаннаго имъ значенія: первый—это спица къ прялкѣ валдайскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ,—второй—доска отъ сумки коновала, какъ его вывѣска,—и третій—копылъ, орудіе до сихъ поръ употребляемое при плетеніи лаптей. Знанія прикладныя болѣе надежны своею наглядностью, но тоже не всегда даютъ полное удовлетвореніе предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, если объясненія нужны для остатковъ не ближайшихъ къ намъ вѣковъ, а дальнѣйшихъ.

Пока наука о древностяхъ первобытныхъ довольствовалась только умозрительными и прикладными знаніями, выработано было правило считать за принадлежащіе къ первой половинѣ каменнаго вѣка крупныя, грубыя подѣлки человѣка изъ колотаго камня;—потомъ, когда оказалось, что нерѣдко онѣ захоронены рядомъ не только съ изящнѣйшими, но даже съ бронзовыми и желѣзными, въ прежнее правило ввели другаго показателя: захороненіе грубыхъ подѣлокъ рядомъ съ костями животныхъ, вымершихъ на всемъ земномъ шарѣ;—затѣмъ понадобилось прибавить еще одного—возрастъ пласта, хранящаго подѣлки и т. д. Второй показатель еще держится, хотя есть нѣсколько данныхъ, способныхъ поколебать и его почву и оставаться при одномъ лишь третьемъ въ опредѣленіи древности издѣлій каменнаго вѣка.—Къ остаткамъ же вѣковъ бронзоваго и желѣзнаго не пригоденъ и послѣдній, такъ что встрѣча съ ними можетъ, въ нѣкоторыхъ, довольно заурядныхъ

случаяхъ, сильно затруднить опредѣленіе времени захороненія, если не помогутъ письменныя источники, или если послѣднихъ вовсе нѣтъ.

Для вещественныхъ остатковъ, находимыхъ по Волгѣ, въ древней Біарміи, или въ земляхъ югровъ и вообще въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ, съ которыми придется имѣть въ будущемъ дѣло Новгородскому Обществу—примѣненіе общепринятыхъ показателей собьетъ наблюдателя съ пути: тамъ, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, не рѣдки встрѣчи съ предметами золотыми или мѣдными, захоронившимися или рядомъ, или въ одинаковыхъ, по возрасту, пластахъ, съ грубыми костяными или кремневыми подѣлками,—или съ изящными подѣлками изъ мягкой горной породы, сланцевыми, лежащими вмѣстѣ съ костяными носорога; —извѣстны случаи находки:—однихъ только кремневыхъ издѣлій въ естественной пещерѣ съ высѣченными на стѣнахъ руническими письменами,—неистлѣвшей еще мѣховой шапки въ такой же пещерѣ рядомъ съ подѣлкою изъ кости мамонта,—каменнаго топора, или кирки, съ сверликою для рукоятки, въ заброшенной незапамятно давно ямѣ древняго золотоискателя. Подобные случаи, устраняя значеніе исключительности общепринятыхъ показателей древности для вещественныхъ остатковъ каменнаго вѣка окраинъ и другихъ мѣстностей Ильменской страны, могутъ поколебать и увѣренность въ безупречности обще-принятыхъ же объясненій о времени и мѣстности перваго знакомства древняго человѣка съ горными породами, ковкими и плавкими и примѣненія ихъ къ своимъ нуждамъ и потребностямъ и о послѣдовательности вѣковъ развитія, изобрѣтеній улучшенія быта и тому подобныхъ положеній. Умозрительный пріемъ объясненія явленій и жизненныхъ остатковъ вѣковъ даже и недалекихъ вноситъ затемняющій и уязвляющій истину произволъ, весьма вредно, даже болѣзненно, отзывающійся на дальнѣйшемъ направленіи жизни цѣлой страны. Примѣръ не далекъ: не будь ложной оцѣнки значенія остатковъ Новгородскаго самобытія послѣднихъ годовъ, народъ русскій не былъ-бы поставленъ въ неизбѣжность остановиться въ мирномъ развитіи своего роста трехъ вѣковою почти борьбою съ сосѣдями страны Ильменской, которую до паденія самобытія, охранялъ, устраняя случаи борьбы, Новгородъ по старинѣ и по пошлинѣ; вступая въ составъ державства Московскаго, новгородцы просили оставить за ними охрану границъ своей земли,—Москва не согласилась, и русская кровь полилась. Не мало произвола и въ объясненіи многихъ вещественныхъ остатковъ жизни всего нашего края въ старину о знакахъ цѣнности, хозяйственныхъ орудіяхъ и проч.—Чтобы очистить путь для изысканій объ этихъ остаткахъ, нужно намѣтить объясненія предшественниковъ, требующія устраненія, и найти хорошія для этого средства,—распредѣливъ наличность остатковъ не по гадательному ихъ назначенію, а посредствомъ сравненія съ несомнѣнными, по письменнымъ источникамъ, и съ нынѣшними предметами домашняго обихода, промысловъ, художественными, врачебными и относящимися къ колдовству, различнымъ вѣрованіямъ и подобными имъ.

Установленіе правильности предлагаемаго распредѣленія вызоветъ неминуемо направленіе начальной дѣятельности въ ту сторону, гдѣ невозможно обойтись безъ помощи всей мірской силы. Уже высказано нами, что одними

вещественными не исчерпывается вся совокупность остатковъ старины для той дѣятельности, которая вызывается новымъ направленіемъ народоповѣствовательнаго дѣла—прослѣдить не только ходъ развитія человѣчества, но и отыскать и изслѣдовать пути къ его родоначалію, наиболѣе пригодные. Руководящими въ изысканіяхъ по этому предмету представляются не вещественные остатки вмѣстѣ съ вещественными, взаимно объясняющими одни—другія. Область ихъ широка и представляетъ огромную занимательность; она легко и съ полнотою опредѣляется однимъ словомъ—обычай; онъ создалъ невещественные остатки глубочайшей,—колыбельной древности человѣка. Этими остатками и нужно пользоваться если не исключительно,—во всякомъ случаѣ предпочтительно,—предъ другими для простѣйшаго объясненія всей наличности вещественныхъ невразумительныхъ осколковъ старины Ильменской.

Въ представленіе о невещественныхъ остаткахъ старины входятъ всѣ произведенія духовной силы человѣка, вызываемой его наблюдательностью и примѣняемой къ подчиненію волѣ внѣшнихъ вліяній природы его окружающей и усиліямъ его подающихся въ борьбѣ за существованіе. Утомленный до ослабленія силъ, человѣкъ невольно ищетъ источники укрѣпленія ихъ въ созерцаніи высокаго неба, посылающаго на землю все то, что составляетъ предметъ его борьбы: зной, стужу, потопъ, хищника лѣсовъ и логовищъ,—и предметъ его поддерживающій въ борьбѣ—питаніе, сонъ, указанія на орудія борьбы и улучшенія благосостоянія;—это основаніе вѣры въ пребываніи на небѣ существа сильнѣйшаго чѣмъ человѣкъ. Паденіе на землю на глазахъ человѣка, съ громомъ и трескомъ, огненнаго стобла, оставившаго въ пяти—десяти шагахъ отъ мѣста наблюденія что-то похожее на камень, но особеннаго вида, поразившій свирѣпаго хищника, направлявшагося къ нему, наблюдателю, и угрожавшаго растерзаніемъ,—охватываетъ простодушнаго зрителя ужасомъ и радостью за спасеніе;—это основаніе вѣрованія въ чудодѣйственную силу необыкновеннаго вида камней и другихъ величественныхъ предметовъ природы; передаваемое предками потомкамъ, оно сохраняется между ними, равно какъ и выраженіе во внѣшнихъ знакахъ особаго уваженія, вѣками, какъ обычай.

Подражаніе голосовыми средствами звуковымъ явленіямъ природы и выраженію животными ужаса и робости, повторяемое много разъ слагается въ общепринимаемое и даетъ основаніе человѣческой рѣчи—какъ обычай.

Наблюденія за борьбою животныхъ насмерть поражающихъ одно другого рогомъ или зубомъ, или размельченіе и отдѣленіе отъ ствола сучьевъ грызунами при помощи рѣзцовъ, подсказываетъ человѣку необходимость найти предметъ, похожій на рогъ, или зубъ, для самозащиты, или для добыванія питанья и другихъ нуждъ; это—начало подѣлокъ; будучи повторяемо, оно становится обычаемъ.

Насколько разнообразны наблюденія явленій природы и придумываемые человѣкомъ способы отвращенія вредныхъ и пользованіе благодѣтельными, настолько многочисленны и создаваемые ими обычаи на тотъ или другой случай; насколько продолжительно живетъ потомство первоначальныхъ наблюдателей, давшихъ основаніе обычаю, настолько онъ надеженъ въ изыска-

ніяхъ и о родоначаліи этого потомства. Жизнь славянъ на Ильменско-Волховскомъ побережьи весьма продолжительна,—такъ что идти къ ихъ родоначалію путемъ изученія обычаевъ ближайшихъ къ побережью мѣстностей и дальнѣйшихъ къ нему, издавна тяготѣвшихъ, какъ невещественныхъ остаковъ древности и ими объяснять неразумительные остатки вещественныхъ и обратно—можно безъ особенной опаски. „Обычай всесильный владыка“ сказалъ одинъ писатель пѣснопѣвецъ большой древности Пиндаръ—около 470 г. до Р. Х.; строгое изученіе его прямо введетъ въ жизнь народа того времени, къ которому пріурочивается введеніе обычаевъ; а пособіемъ для установленія если не самаго начала, то существованія уже изучаемаго обычая въ неподлежащіе сомнѣнію вѣка послужатъ упомянутыя выше замѣтки писателей древности. Обычай жить кучно, обществомъ или родомъ, начался для насельниковъ Ильменской стороны еще до межледниковыхъ вѣковъ,—такъ какъ на Коломцахъ площадь жилого поселенія огромна и занята разомъ; обычай жить въ круглыхъ землянкахъ сложился также давно:—слово коломцы выражаетъ (коло-кругъ; коломъ-калонъ-домъ) совокупность многихъ круглыхъ жилищъ, подобныхъ лапландскимъ ульеобразнымъ постройкамъ; обычай называть поселеніе по отличительному признаку мѣстности предоставляетъ право видѣть въ немъ,—въ нашей странѣ особенно, и именно въ наименованіи поселеній горами, островами, озерами, наволоками, посидѣньями, слѣдами, съ присоединеніемъ къ послѣднимъ двумъ всегда, а къ прочимъ иногда, личнаго имени,—переживанье племенемъ, сохраняющимъ до сихъ поръ соотвѣтствующія этимъ наименованіямъ слова и представленія, тѣхъ водообильныхъ вѣковъ, которые сопровождали или отступленіе великаго скандинаво-русскаго ледника, межледниковые, или вѣка втораго охлажданія—озерные; обычай погребенія въ ладьѣ или въ саняхъ и огражденія могильныхъ земельныхъ сооруженій камнями,—указываетъ на тѣ же вѣка снѣга и воды, а равно скопленія на незаливаемыхъ водами возвышенностяхъ—хищниковъ,—по чутью находившихъ мѣста захороненія покойниковъ и разрывавшихъ могилы;—многіе обычаи погребальные въ нашей странѣ сохраняются отъ временъ Геродота, предхристіанскихъ и первыхъ христіанскихъ; обычай употребленія условленныхъ знаковъ, вырѣзаемыхъ или вычерчиваемыхъ, идетъ и поддерживается отъ вѣковъ, предшествующихъ изобрѣтенію финикіянъ; обряды свадебные, пріемы знахарства, колдовства и т. п., хранятся въ силу обычая, отъ вѣковъ незапамятныхъ; наконецъ обряды, вызванные вѣрованіями фетишизма и шаманизма, браминизма и буддизма, выдерживаютъ борьбу съ христіанствомъ до сихъ поръ.

При стойкости народныхъ обычаевъ въ нашей странѣ ознакомленіе съ ними несомнѣнно приведетъ къ устраненію многихъ невѣрныхъ объясненій вещественныхъ остатковъ старины и укажетъ настоящіе пути къ дальнѣйшимъ изысканіямъ въ ихъ области.

Кромѣ обычаевъ весьма много и другихъ невещественныхъ остатковъ въ преданіяхъ, пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, примѣтахъ, предзнаменованіяхъ и проч., не закрѣпленныхъ еще изложеніемъ на письмѣ.

Насколько важны невещественные остатки для народоповѣствовательной науки вообще, доказало съ неотразимою силою сравнительное языко-

знаніе. Намъ всѣмъ памятно ученіе, поддерживаемое нѣкоторыми, хотя уже немногими старовѣрами и теперь, объ арійцахъ, принесшихъ въ Европу, изъ счастливыхъ странъ Азіи, знанія, достигнутыя тамошними обитателями и тотъ, развитый до значительно высокой степени языкъ священныхъ книгъ индусовъ и иранцевъ, который послужилъ источникомъ для разнообразныхъ, по внѣшности, говоровъ всей семьи насельниковъ Европы, совершенствующихся до сихъ поръ. Сравнительное языкознаніе, вооружившись сходствомъ многихъ корней словъ разныхъ говоровъ съ арійскимъ, и установленіемъ правилъ измѣненій въ ихъ слогахъ и окончаніяхъ и соотвѣтствіемъ выражаемыхъ словами понятій и наименованіемъ одинаковыхъ предметовъ, какъ вещественныхъ остатковъ старины, не исключая и человѣческаго черепа, найденныхъ въ Европѣ и въ Азіи, пришли къ заключенію, что праязыкъ европейскихъ говоровъ несравненно древнѣе древнѣйшаго азіатско-арійскаго и развивался самостоятельно въ срединной, равнинной Европѣ, среди обширнаго племени, происшедшаго отъ одного корня, и что ближайшимъ, по чистотѣ кровнаго родства, къ этому праязыку говоромъ представляется литовско-славянскій, болѣе другихъ сохраняющій отраженіе—въ словахъ, выражающихъ понятія и обозначающихъ предметы, и въ измѣненіяхъ перестановки слоговъ и прибавкахъ окончаній,—тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, которые предшествовали раздѣленію потомства родоначальнаго корня на вѣтви, въ зависимости отъ его разростанія, откочеванію, тѣсноты ради, на далекое отъ колыбельной мѣстности разстояніе, и обособленію каждой впослѣдствіи.

Въ теперешнемъ говорѣ ильменцевъ немало словъ, образовавшихся, очевидно, въ вѣка человѣческаго первобытія, такъ: въ европейскихъ находкахъ отъ каменнаго вѣка имѣются черепные своды человѣка, приспособленные для держанья въ нихъ воды; древнѣйшіе писатели даютъ свидѣтельства о существованіи у разныхъ народовъ обычая превращать черепа убитыхъ непріятелей въ чаши для вина;—въ говорѣ нашемъ понятіе отдѣленія части воды изъ рѣки для домашней надобности, выражается словомъ черпать,—происшедшимъ видимо отъ черепа; отъ него же произошло названіе осколка посуды черепкомъ, черёпкой;—въ при-ильменьи до сихъ поръ называется орудіе для питья, или для измѣренія жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ—корецъ;—ничто не мѣшаетъ относить начало изобрѣтенія и этого слова къ тѣмъ вѣкамъ, когда человѣкъ, не знавшій даже глинодѣлія, пользовался древесною корою для такихъ же, какъ и черепъ, приспособленій;—много и другихъ словъ слышится и въ живой и въ древне-письменной нашей рѣчи.

Въ самое послѣднее время высказывается уже довольно громко предположеніе, что одна изъ вѣтвей родоначальнаго первонасельниковъ Европы племени, откочевавъ отъ колыбели праотцевъ, добралась черезъ долгое время до индо-гангской водной области и осѣла тамъ, развиваясь во время странствованій и на мѣстѣ послѣдней осѣдлости прежде, чѣмъ оставить слѣды своего стариннаго говора въ священныхъ книгахъ.

Не меньшую важность представляютъ для изысканій, въ ильменской собственно странѣ, наименованія жилыхъ поселеній, рѣкъ, озеръ и разныхъ урочищъ. По этому предмету, разработанному еще совсѣмъ мало, между людьми

нашей науки существуютъ мнѣнія отрицательныя, но на западѣ Европы онъ уже принятъ многими въ основаніе изысканій о вѣтвяхъ родоначальнаго племени первозаимщиковъ Европы. Ученые славянскіе видятъ въ неврахъ и будинахъ Геродотовыхъ извѣстій предковъ славянъ и литовцевъ. Въ странѣ мерянъ, изучаемой подробно, съ легкой руки графа А. С. Уварова, весьма много селеній и урочищъ, съ корнемъ *нер*. Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода лежитъ на высокомъ холмѣ селеніе Нередица; между нею и городомъ, на половинѣ разстоянія, урочище Лятка, или Лядка, на небольшомъ возвышеніи; лѣвая сторона Новгорода съ первыхъ лѣтописныхъ извѣстій называется Неревскою, а жители ея неревлянами. Рядомъ съ Нередицею, лежитъ болѣе обширный холмъ—Городище; отдѣляемый отъ нея небольшимъ протокомъ,—древній Волховецъ. Имѣются основанія ставить на городищенскомъ холмѣ первоначальный Славенскъ, предшествовавшій преданію о путешествіи св. апостола Андрея, перенесенный впослѣдствіи на нынѣшнюю часть Новгорода, составлявшую лѣтописный славскій конецъ его;—перешедшіе на другую сторону Волхова обитатели Нередицы образовали неревскій конецъ. Наиболѣе крупными и въ непосредственномъ сосѣдствѣ жившими на зарѣ славянской лѣтописи вѣтвями родоначальнаго племени были славяне ильменскіе (они же кривичи), литовцы—невры и ляхи—поляки. Въ лѣтописяхъ китайскихъ сказывается (по Ядринцеву) о могущественнѣйшемъ и высокоразвитомъ племени кидане, занимавшемъ больше половины Сибири, часть Монголіи и Манчжуріи; въ ильменской странѣ древнихъ ея границъ имѣются слѣды этого племени въ имени урочища „Кидани" и даже, по личному нашему наблюденію, доживающіе послѣдніе дни—потомки его, въ лицѣ семьи отважнаго рыбака, живущей на западномъ побережьи Ладожскаго озера; глава этой семьи, здравствовавшій въ 70-хъ годахъ, былъ Матты Кидане. Въ ильменской странѣ немало рѣкъ,—Полисть, Пола, Ока, Невья, Вишера и др., озеръ—Нево, Невій мохъ, Невьи и др., соименныхъ съ находящимися въ отдаленныхъ одна отъ другой земляхъ Европы и Азіи, по которымъ двигалось когда-то одно и то же племя; весьма много селеній съ именами Колома, Коломна, Коломо, Курско, Курскъ, Курье, Донецъ и др. Все это наводитъ на мысль о взаимной связи наименованій или съ именами племенъ, сохраненными въ древнихъ сказаніяхъ, нѣкогда жившихъ въ мѣстностяхъ съ такими наименованіями въ вѣка переселеній, или съ нашими родоначальниками, говоръ которыхъ оглашаетъ и теперь великую русскую землю.

Собрать невещественные остатки старины—равносильно обогащенію народоповѣствовательнаго дѣла такимъ драгоцѣннымъ научнымъ сокровищемъ, которое освѣтитъ и памятники и всякіе остатки и весь путь къ народоначалію. Какъ ни трудна работа въ этомъ направленіи, но если призвать къ осмысленному участію въ ней мірскую силу и раздѣлить трудъ между крупными и менѣе крупными единицами ея, сомнѣній въ успѣхѣ нельзя допустить.

Подъ единицами менѣе крупными мы разумѣемъ обывателей поселковъ, а подъ крупными—болѣе или менѣе образованныхъ землевладѣльцевъ и долж-

ностныхъ лицъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ уѣздахъ, и состоящихъ членами Новгородскаго общества; наиболѣе крупными мы считаемъ, какъ уже замѣчено, передовыхъ представителей науки.

Не требуется всесторонняго знакомства съ уровнемъ развитія здѣшняго народа, живущаго въ удаленныхъ отъ городовъ поселкахъ, собственно земледѣльцевъ, чтобы подмѣтить при поверхностныхъ, даже случайныхъ наблюденіяхъ, благоговѣйное уваженіе его къ предкамъ, память о которыхъ еще не замерла въ потомкахъ; явленіе—понятное: тяжелый трудъ, скорбный путь, темная даль и никакого утѣшенія; гдѣ искать покоя и поддержки удрученному труженику, у кого просить помощи какъ не у отшедшихъ въ вѣчность родичей-предковъ? Воспользоваться этимъ уваженіемъ и расширить кругъ его правдивымъ посвященіемъ сельчанъ въ давно забытую жизнь людей той самой земли, которая кормитъ нынѣшнее населеніе, будучи подготовлена къ производительности такимъ же, если не болѣе тяжкимъ трудомъ предковъ—вотъ начальный способъ привлеченія мірской силы къ сотрудничеству въ дѣлѣ Общества. Просвѣщеннымъ сосѣдямъ поселковъ подобный способъ вполнѣ доступенъ. Переходъ отъ старой жизни къ вещественнымъ ея остаткамъ, а отъ нихъ и къ невещественнымъ—произойдетъ самъ собою: въ пытливости ума, нетронутаго лже-мудрствованіемъ, нельзя отказать простодушному человѣку, согласующему направленіе своей жизни съ указаніями природы внѣшней и собственной—духовной.

Наша страна настолько обширна, условія жизни въ ней такъ многоразличны, что безъ помощи захолустныхъ поселковъ не извѣдать ея и во сто лѣтъ для задачи народоповѣствовательнаго дѣла. Никто не знаетъ не только обычаевъ, отражающихъ народное прошлое, и многочисленныхъ остатковъ старины невещественной, но и вещественныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по лѣсамъ, пустырямъ, болотамъ,—ихъ остатковъ и слѣдовъ, каковы городища, селища, городки, сопки, могилы, коломища, жальники,—кромѣ жителей далекихъ поселковъ; о каждомъ изъ такихъ и имъ подобныхъ памятниковъ, ихъ остатковъ и слѣдовъ, обращается въ окрестности много преданій; нѣкоторые изъ нихъ пользуются особымъ почетомъ, о многихъ говорятъ, какъ объ одаренныхъ свыше чудодѣйственною силою.—Сколько священныхъ камней, ключей, озерокъ, таинственныхъ дубовъ, сосенъ, получающихъ отъ чтущихъ ихъ сельчанъ приношенія. Сколько особенныхъ обрядовъ погребальныхъ, брачныхъ, крестинныхъ? Собрать обо всемъ этомъ точныя свѣдѣнія на мѣстѣ и сравнить съ собранными уже въ другихъ земляхъ Россіи трудами предшественниковъ, помѣщенными въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и учрежденій—занесенными въ сказанія писателей глубокой древности—заслуга важная,—доступная только взаимнодѣйствію всѣхъ единицъ мірской силы.

Не менѣе дорого сотрудничество поселка въ собираніи и сохраненіи ископаемыхъ вещественныхъ остатковъ глубокой древности. Изъ книжнаго и личнаго знакомства съ раскопками земляныхъ сооруженій каждому извѣстно, сколько погибло и до сегодня погибаетъ безвозвратно для науки, высокоцѣнныхъ предметовъ старины, благодаря невежеству поселка, или

хищничеству зараженныхъ духомъ наживы скупщиковъ находокъ и кладоискателей. Издѣлія золотыя, серебряныя и даже бронзовыя и мѣдныя гибнутъ въ плавильныхъ горшкахъ, или заносятся далеко отъ своей родины, съ ложными о находкѣ свѣдѣніями. Борьба съ этими лиходѣями науки одними властными силами, извнѣ, безполезна: духъ наживы въ союзѣ съ невѣжествомъ—могущественнѣе власти сельскаго и уѣзднаго правительства; нужна защита, сознательно исходящая изъ мѣстной среды поселка и ближайшихъ сосѣдей. Еще безсильнѣе властная борьба по охранѣ древнихъ земляныхъ сооруженій отъ разрушенія и полнаго уничтоженія даже и слѣдовъ ихъ самимъ поселкомъ; недостаточность земельнаго надѣла губитъ, для расширенія пашни, городища, могилы, сопки; незнакомому съ научною цѣнностью этихъ сооруженій неимущему труженику нѣтъ до нихъ никакого дѣла, никакой заботы; извлекаемые изъ земли сохою предметы, имѣюще значеніе въ домашнемъ быту, вообще цѣнные, или оставляются въ хозяйствѣ, или продаются кузнецу и передѣлываются; предметы же каменные, костяные и прочіе, ни на что непригодные, или оставляются тутъ же, на мѣстѣ находки, тлѣютъ и гибнутъ, или отдаются дѣтямъ въ забаву; лишь кое-гдѣ они попадаютъ въ руки колдуновъ и знахарей, какъ „стрѣлки молніины и топорки громніи", обладающіе силою врачеванія отъ всякихъ недуговъ и ограждающіе отъ бѣдъ и напастей. Сухіе черепа и кости человѣка, въ силу благоговѣйнаго почитанія усопшихъ, набожные труженики сносятъ къ мѣстной часовнѣ, или къ приходской церкви и тамъ погребаютъ; мѣста погребенія забываются и черепа древнѣйшихъ обитателей страны навсегда погибаютъ для науки. Если на новую могилу и нападетъ изслѣдователь, ему нельзя будетъ установить условій перваго захороненія.

Обитатели поселковъ помогутъ и въ дѣлѣ составленія хранилища остатковъ старины—какъ собираніемъ на своей землѣ такихъ остатковъ, образцы которыхъ покажутъ имъ и объяснятъ, хотя бы по рисункамъ, просвѣщенные сосѣди сотрудники общества, такъ и устраненіемъ подобныхъ названнымъ объясненій предметовъ въ родѣ спицы къ прялкѣ, вывѣски коновала и копыла,—извѣстныхъ сельчанамъ и употребляемыхъ до сихъ поръ въ ихъ быту,—но диковинныхъ для жителя большаго города, незнакомаго съ захолустьями.

Таковы основанія, принятыя для изложенія содержанія записки; общій смыслъ ихъ слѣдующій: на зарѣ начальной русской лѣтописи объявились на Ильменско-Волховскомъ побережьи славяне, во главѣ союза разноименныхъ и разноплеменныхъ народовъ, срединою тяготѣнія для котораго былъ Великій Новгородъ. На томъ же побережьи осѣла, сряду послѣ отступленія великаго скандинаво-русскаго ледника, обширная орда разноплеменныхъ людей каменнаго вѣка. Задача Новгородскаго Общества—прослѣдить жизнь мѣстнаго населенія, по письменнымъ источникамъ и по памятникамъ и остаткамъ старины, вещественной и невещественной, за время между вѣками—древнекаменнымъ и начальной русской лѣтописи, и составитъ сводъ данныхъ для изысканій о родоначаліи и колыбели славяно-русскаго народа.

Содержаніе.

Нимало не сомнѣваясь въ научной подготовленности учредителей Общества къ просвѣтительной дѣятельности среди городскаго и уѣзднаго населенія скромныхъ, но преданныхъ почитателей старины, хотя и не получившихъ книжнаго образованія, тѣмъ не менѣе—и особенно имѣя въ виду скудость въ уѣздахъ книгохранилищъ, общественныхъ и частныхъ, бѣдныхъ научными изданіями, особенно такими, въ которыхъ помѣщены труды изъ областей знаній о древностяхъ, человѣкѣ и человѣчествѣ и письменные источники, печатаемые, начиная съ XVIII вѣка въ ограниченномъ числѣ образцовъ,—мы считаемъ не маловажнымъ имѣть только что зародившемуся Обществу подъ руками сборникъ, хотя-бы и краткій, свѣдѣній о сдѣланномъ его предшественниками, старѣйшими братьями по задачѣ, ихъ послѣдователями и сотрудниками. Подобный сборникъ можетъ быть особенно полезенъ для дальнихъ поселковъ, совсѣмъ бѣдныхъ собраніями книгохранилищъ. Благодаря встрепенувшемуся и годъ за годъ усиливающемуся теченію свѣжихъ вѣяній, грамотность проникаетъ въ самые заброшенные, дикіе углы уѣздовъ, въ среду менѣе крупныхъ единицъ нашей мірской силы народоповѣствовательнаго дѣла.

Испытанное вѣками искреннее уваженіе русскаго народа къ памяти предковъ найдетъ, навѣрное, для сборника сказаній о нихъ читателей и слушателей читаемаго и въ глуши убогихъ поселковъ; что покажется невразумительнымъ,—будетъ, конечно, объясняемо просвѣщенными сосѣдями.

Предлагаемая нами книга задумана какъ первый опытъ такого именно сборника. Въ будущемъ несомнѣнно появятся труды болѣе совершенные; мы даемъ то, что можемъ въ настоящее время для начальной дѣятельности Общества.

Названіе книги запискою для мѣстныхъ изысканій принято за наиболѣе соотвѣтствующее ея предмету и назначенію.—Всякая дѣловая записка исключаетъ этимъ своимъ названіемъ представленіе о ней какъ о цѣльномъ, законченномъ изложеніи предмета; она не всестороннее изученіе или изслѣдованіе того, чего касается, а только связный,—и то до нѣкоторой степени, перечень наличности имѣющихся наблюденій или свѣдѣній по вопросамъ, изъ предмета вытекающимъ и ожидающимъ разрѣшенія.

На взглядъ болѣе свѣдующихъ знатоковъ наша записка можетъ быть далеко неполною, худо ставящею и неправильно освѣщающею вопросы,—невѣрно истолковывающею тѣ или другія явленія изъ области, входящей въ задачу котораго либо изъ знаній вспомогательныхъ и руководящихъ; на подобные и другіе, болѣе рѣзкіе, упреки и порицанія записка разсчитываетъ; она тѣмъ и озабочена, чтобы вызвать вниманіе къ ея предмету въ общемъ и въ частностяхъ и сужденіе умовъ болѣе свѣтлыхъ, знатоковъ болѣе сильныхъ знаніями и опытомъ, представляющихся намъ передовыми двигателями мірской силы. Мы надѣемся, что каковы бы ни были недостатки въ частностяхъ, все-таки въ общемъ эта книга не повредитъ дѣлу:—всякій изъ

ожидаемыхъ читателей,—великій-ли знатокъ, или любознательный, хотя и не получившій образованія, житель дальняго поселка, воленъ соглашаться, или не соглашаться съ выражаемыми въ нашей книгѣ мнѣніями, догадками, предположеніями;—но мысль его непремѣнно будетъ останавливаться и, по присущей пытливости, обнимать останавливающій предметъ со всѣхъ сторонъ и освѣщать темныя для нея мѣста по своему. Совокупность остановокъ и новыхъ освѣщеній и будетъ тѣмъ сотрудничествомъ мірской силы, которое такъ дорого въ дѣлѣ изслѣдованія родной старины, выразится ли оно въ печатномъ словѣ, или въ устной бесѣдѣ, или только въ своеобразности подсказанныхъ размышленіемъ пріемовъ изысканій на мѣстѣ осѣдлости читателя—не такихъ какіе указываются въ запискѣ.

Предназначаемая для мѣстныхъ изысканій записка не даетъ ни плавнаго, въ повѣствовательной послѣдовательности, изложенія теченія жизни страны ильменской, ни опредѣленнаго, рѣшительнаго указанія темныхъ мѣстъ или пробѣловъ въ сказаніяхъ о вѣкахъ лѣтописныхъ,—ни такого же установленія связи бытовыхъ явленій жизни вѣковъ долѣтописныхъ съ послѣдующими, къ этимъ ближайшими въ нисходящемъ порядкѣ; все это хотя и высказывается въ запискѣ, но лишь въ видѣ вопросовъ, требующихъ разъясненія; обсужденіе ихъ и рѣшеніе—задача будущаго, когда подобные предлагаемому нами сборники объявятся полными сводами, составленными во всемъ согласно съ самыми строгими требованіями науки и обнимающими не одну ильменскую страну, но и всѣ вообще области Россіи и сопредѣльныя части Европы и Азіи, жизнь которыхъ особенно рѣзко сказывается въ крупныхъ явленіяхъ, направлявшихъ развитіе и ростъ населенія. Для мѣстныхъ изысканій, предстоящихъ Новгородскому Обществу на первыхъ же порахъ, нужно только намѣтить въ блѣдныхъ очертаніяхъ задачу и конечную цѣль и дать рядъ предметовъ, ожидающихъ изслѣдованія и изученія и рядъ неотложныхъ мѣропріятій къ охраненію древности, чтобы затѣмъ, направляясь по намѣченному, испытать на дѣлѣ научныя силы, которыми оно обладаетъ и привлечь умѣлостью и полезностью работъ вниманіе тѣхъ выдающихся представителей мірской силы, людей русской науки, которые двигаютъ ее все впередъ и впередъ во всеоружіи знаній и опыта. Безъ помощи ихъ едва-ли Общество можетъ осилить многочисленность быстро развивающихся и широко разростающихся въ области естествовѣдѣнія и другихъ,—новыхъ отпрысковъ и цѣлыхъ вѣтвей, вносящихъ болѣе яркое освѣщеніе въ ученіе о человѣкѣ и человѣчествѣ. Когда силы общества опредѣлятся точно, запасъ изысканій его окажется полнымъ, тогда только можно будетъ приступить къ стройному научному изложенію исполненной уже задачи. Насколько пригодно намѣчаемое запискою для начала новаго дѣла, это выяснится скоро; выкинуть нашу книгу въ большую уже кучу научныхъ отбросовъ легко и удобно во всякое время.

Все содержаніе записки распадается на двѣ части: одна представляетъ сборникъ данныхъ, по указаніямъ письменныхъ источниковъ Новгородскихъ и русскихъ, и свѣдѣній, имѣющихся въ письменныхъ же сказаніяхъ древнихъ иноземныхъ повѣствователей, собранныхъ, провѣренныхъ и изслѣ-

дованныхъ—предшественниками и личными нашими наблюденіями и изысканіями о памятникахъ, остаткахъ и слѣдахъ вещественной и невещественной старины страны ильменской, насколько они выражаютъ, на нашъ взглядъ, отраженіе стародавняго быта насельниковъ полуночья и срединной равнины Европы и тѣхъ же частей Азіи, начиная съ вѣковъ, оставившихъ самыя первыя письменныя сказанія, хотя бы и кратчайшія, въ отрывкахъ, всѣхъ племенъ и народовъ Стараго и отчасти Новаго Свѣта, до конца самобытія Велико-Новгородскаго державства;—другая такой же сборникъ данныхъ, доставляемыхъ одними только вещественными памятниками и остатками незапамятной древности вообще, и особенно представляющими связь вѣковъ лѣтописныхъ всего человѣчества съ предшествовавшими и намѣчающими слѣды жизни родоначальныхъ праотцевъ, восходящіе къ ихъ первобытію и подводящіе къ колыбели славянъ ильменскихъ.

Порядокъ, размѣры и самый способъ изложенія записки поставлены въ зависимость отъ ея цѣли и назначенія; при чемъ, въ ожиданіи читателя и слушателя въ поселкахъ, она избѣгаетъ употребленія словъ не русскихъ, хотя приходится иной разъ замѣнять одно чужеязычное двумя-тремя нашими,—въ ущербъ краткости; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводятся выписки изъ источниковъ греческихъ, римскихъ и другихъ подлинными ихъ словами; подобные случаи нечасты,—они встрѣчаются въ объясненіяхъ по вопросамъ,—и приводятся въ подтвержденіе мысли, выраженной по-русски, такъ что не нарушаютъ цѣльности объясненія для читателя неподготовленнаго научно.

Первая часть, посвященная наличности свѣдѣній къ предполагаемому своду данныхъ для изысканія о вѣкахъ лѣтописныхъ, начинается древностями Новгорода Великаго и имѣетъ, не считая общихъ замѣтокъ вначалѣ, три относительно большихъ отдѣла: а) памятники, остатки и слѣды Новгородской старины вообще—и въ особенности остатки и слѣды древности церковной; б) остатки и слѣды древности гражданской и в) внутренній строй Новгородскаго государства.

Новгородомъ начинается записка по многимъ причинамъ:—здѣсь мѣсто постоянныхъ занятій Общества и средоточіе правительственныхъ установленій края, которыя приходится посѣщать часто живущимъ въ уѣздахъ почитателямъ старины, какъ по служебному, такъ по сословному и имущественному положенію ихъ;—Новгородъ очень близокъ къ столицѣ съ высшими научными урежденіями и постоянно привлекаетъ, съ каждымъ годомъ больше и больше, своею древностью, значеніемъ въ давнопрошедшемъ и святынею—въ числѣ посѣтителей, выдающихся ученыхъ, художниковъ, почитателей и знатоковъ старины и глубоко вѣрующихъ богомольцевъ. Всѣ они пытаются найти въ захудаломъ городѣ остатки и слѣды тѣхъ памятниковъ его величія и славы, о которыхъ говорятъ письменные источники и ихъ изслѣдователи, но которые давнымъ давно рухнули въ общую могилу забвенія. Сторожилы, въ огромномъ большинствѣ,—потомки „новосвѣденныхъ“—по-

селившихся здѣсь послѣ самобытія, которымъ не можетъ быть древнѣйшая старина также дорога, какъ кровнымъ Новгородцамъ, то истребленнымъ съ корнемъ, то сосланнымъ въ дальнія окраины Россіи; теперешніе сторожилы помнятъ только то, что сами видѣли, или о чемъ слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, и что не заходитъ болѣе одного—много двухъ столѣтій назадъ.— Они не въ состояніи удовлетворить требованіямъ путешественниковъ—посѣтителей, задающихъ нерѣдко вопросы, или вовсе нетронутые изслѣдователями, или едва слышно, шопотомъ объясняемые,—а теперь требующіе, въ виду новаго направленія народоповѣствовательнаго дѣла, разрѣшенія, какъ данныя, необходимыя для прочнаго уклада бытовыхъ истинъ. Записка, давая отвѣты на подобные вопросы, намѣчаетъ и почву для дальнѣйшихъ изысканій по нимъ, основываясь на лично нашемъ изученіи мѣстности всѣхъ, давнымъ-давно разрушившихся, памятниковъ, остатковъ и слѣдовъ сооруженій, границъ концовъ, улицъ и урочищъ въ самомъ городѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ, упоминаемыхъ хотя однимъ только словомъ въ письменныхъ источникахъ, но или никѣмъ неизслѣдованныхъ или изслѣдованныхъ не точно, объясняемыхъ невѣрно.

Отвѣчая на вопросы и намѣчая почву, записка разсчитываетъ на обсужденіе и освѣщеніе знатоками того и другого, ихъ поправками и замѣчаніями и надѣется, что они не откажутся высказать кому нибудь изъ мѣстныхъ почитателей старины свое мнѣніе по этому предмету; тотъ же разсчетъ имѣетъ и ту же надежду питаетъ она и по отношенію къ начитанности и знаніямъ всѣхъ вообще посѣтителей Новгорода, которые пожелали бы ознакомиться сколько нибудь съ содержаніемъ записки.

Начиная изложеніе Новгородомъ, записка открываетъ тѣмъ самымъ обширное поле дѣятельности для всѣхъ единицъ „мірской силы". Внѣшность человѣческаго жилища отражаетъ въ подробностяхъ обстановки условія существованія его обитателей; совокупность жилищъ, составляющая поселеніе или городъ, неся на себѣ то же отраженіе, указываетъ своею обширностью и разнообразіемъ сооруженій прежде всего существованіе между его обитателями порядка, личной и имущественной обезпеченности и значительно высокую степень благосостоянія. Всѣ эти и имъ подобныя условія возникаютъ не разомъ,—имъ предшествуетъ болѣе или менѣе длинный рядъ опытовъ. Городъ, съ издавна существующій и широко раскинувшійся, представляетъ для народоповѣствовательнаго дѣла богатую сокровищницу по изученію страны, въ которой онъ выросъ, и племени его создавшаго. Изученіе Великаго Новгорода съ его внѣшной стороны—это введеніе въ обширную область всестороннихъ изысканій объ Ильменскомъ славянствѣ.

Частности перваго и втораго отдѣловъ, взаимно пополняющія излагаемыя въ нихъ свѣдѣнія, обнимаютъ данныя о постепенности разростанія обѣихъ половинъ города, начиная съ возвышенностей—Славенской на правомъ и Неревской на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, присоединеніемъ къ поселкамъ срединнымъ, съ ихъ валами и рвами, послѣдовательно, новыхъ, выразившихся, къ началу русской лѣтописи, въ пяти концахъ, тоже окопанныхъ, каждый отдѣльно, валами и рвами.

При постепенности расширенія площади концовъ, поселки составлявшія каждый, должны были имѣть, и дѣйствительно имѣли, особое внутреннее управленіе и особыя сооруженія для помѣщенія выборныхъ правителей. Дворцы посадниковъ кончанскихъ и улицкихъ старостъ намѣчаются записокою съ указаніемъ мѣстностей, равно какъ дворцы посадника степеннаго, тысяцкаго, князей, правительственныхъ палатъ, великовѣчья и другихъ сооруженій государственныхъ, равно мѣста сооруженій церковныхъ, торговыхъ, обчинъ, гридницъ и т. п. Руководящими въ этомъ источниками принимаются свидѣтельства письменныя и, частію, уцѣлѣвшія живописныя изображенія всего Новгорода—не позднѣе начала XVI и одного только Дѣтинца—первой половины XV вѣка.

Эти послѣдніе источники и Уставъ Ярослава о мостахъ, послужили вмѣстѣ съ лѣтописными замѣтками о пожарахъ, и показателями для поселковъ, составлявшихъ концы, проѣздовъ и проходовъ между ними, или улицъ, улокъ и проулковъ.

Весьма обстоятельнымъ подспорьемъ для установленія мѣстности церквей, давнымъ-давно разрушившихся, послужили цѣлые костяки, въ колодахъ или безъ нихъ, и отдѣльные черепа, находимые, при хозяйственныхъ земляныхъ работахъ, на тѣхъ именно мѣстахъ, которые поддаются опредѣленію для того или другого изъ церковныхъ сооруженій по источникамъ письменнымъ и названнымъ живописнымъ изображеніямъ.

Для установленія мѣстности Великовѣчья и торговыхъ дворовъ принимаются, кромѣ здѣшнихъ собственно источниковъ, указанія торговыхъ договоровъ Новгорода съ иноземцами.

Въ судьбахъ нашего города съ перволѣтописныхъ вѣковъ до послѣдняго дня самобытія, принимали живое участіе два учрежденія: Дѣтинецъ Великаго Новгорода и Ярославле Дворище.

Изысканіямъ о Дѣтинцѣ нами отдано немало труда и времени, но эта работа, хотя подготовленная къ изданію уже лѣтъ десять назадъ,—какъ и другая, объ Уставѣ Ярослава о мостахъ,—остаются въ рукописяхъ. Надѣясь на возможность изданія обѣихъ этихъ работъ одновременно съ настоящею запискою,—о Дѣтинцѣ мы даемъ только перечневыя свѣдѣнія, о Дворищѣ говорится нѣсколько подробно.

Хотя мѣстность Дворища, была, повидимому, судя по ея положенію среди торга, первою, на которой собирались обитатели древнѣйшихъ вѣковъ въ суемъ, или на мірскую сходку, для совѣта и рѣшенія важныхъ въ жизни Славенскаго холма общественныхъ вопросовъ, но, по неимѣнію свѣдѣній по этому предмету въ отечественной лѣтописи, всестороннее разсмотрѣніе площади Дворища, или площади Великовѣчья, войдетъ въ послѣдній отдѣлъ первой части записки.

Одинаково подробно записка останавливается на ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода, хотя не входившихъ въ составъ его концовъ,—ни перволѣтописныхъ пяти, ни болѣе позднихъ девяти,—но кипѣвшія такою же, как и самый городъ, жизнью. Городище, Нередица, Лятка, Волотово, Коломцы, Перыня, Мигра, Звѣринцы и проч.—это урочища, занимающія первыя страницы Новгородской лѣтописи.

Изъ трудовъ предшественниковъ въ этихъ отдѣлахъ разсматриваются изслѣдованія Карамзина, Костомарова, Соловьева, Дубенскаго, митрополита Евгенія Болховитина, Муравьева, Красова, Амвросія, Макарія и другихъ, въ связи съ новооткрытыми письменными источниками и мѣстными нашими изысканіями объ источникахъ вещественныхъ.

Кромѣ живописныхъ изображеній Новгорода записка основывается въ указаніи мѣстностей и слѣдовъ сооруженій церковныхъ и гражданскихъ,—рисункомъ Олеарія, отчасти, и чертежами, составленными по распоряженію правительства въ 1756 и 1778 гг., насколько отмѣтки, на нихъ сдѣланныя, не противорѣчатъ указаніямъ лѣтописи и наблюденіямъ нашимъ надъ хозяйственными раскопками.

Совокупностью свѣдѣній, собранныхъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ записки, дается, конечно пока предположительно, полное представленіе о внѣшности Великаго Новгорода въ блестящіе вѣка его самобытія; оно такъ и просится на рисунокъ, но, къ крайнему сожалѣнію, издателя не предвидится.

Послѣдній отдѣлъ первой части, обнимающій весь внутренній строй Велико-Новгородскаго державства, при своей обширности—мало разработанъ даже по отечественнымъ источникамъ, да еще и затемненъ истолкователями ихъ, какъ русскими, такъ и въ особенности иноземными. Въ послѣднее только время изысканія о памятникахъ и остаткахъ старины вещественной, не заходящей, какъ полагаютъ знатоки развитія искусствъ, за предѣлы лѣтописныхъ вѣковъ въ обширномъ смыслѣ, дали нѣсколько указаній, измѣняющихъ заключенія, выводимыя учеными прежняго времени изъ источниковъ письменныхъ. Принимая во вниманіе, что вопросъ о развитіи искусствъ, въ примѣненіи творчества къ издѣліямъ изъ золота, серебра, мѣди и прочихъ горныхъ породъ, ковкихъ и плавкихъ, одновременномъ или разновременномъ въ различныхъ странахъ стараго свѣта, еще не достаточно разработанъ, и что мнѣнія ученыхъ знатоковъ, какъ основываемыя на недостаточной еще полнотѣ данныхъ, всесобираемыхъ и собираемыхъ, подвергаются, новыми находками, колебаніямъ,—записка лишь изрѣдка пользуется этимъ источникомъ и полагаетъ болѣе удобнымъ обратиться къ нему во второй части, гдѣ и займется подробностями; здѣсь же она опирается на названія жилыхъ поселеній и урочищъ—частію, а болѣе на извѣстія писателей древности, признаваемыхъ достовѣрными.

Этотъ отдѣлъ имѣетъ три подраздѣленія: пространство страны Ильменской, населеніе и порядокъ управленія, различая въ каждомъ вѣка древнелѣтописные и русско лѣтописные, соотвѣтствующіе вѣкамъ самобытія Велико-Новгородскаго государства и называемые нами вѣками самобытія.

Намѣчая границы страны въ вѣка долѣтописныя, записка широко пользуется обоими видами источниковъ, примѣняя смѣло ко всѣмъ тѣмъ землямъ полуночья и запада, на которыхъ сидѣли уже какъ обособившіяся ко времени появленія первыхъ памятухъ начальной русской лѣтописи, вѣтви славянскаго корня, такъ и вѣтви корня первозаимщиковъ Европы. Такая смѣлость подсказывается данными и выводами народовѣдѣнія съ одной стороны—а съ другой успѣхами сравнительнаго языковѣдѣнія и изученія человѣка по

строенію ископаемыхъ костей его. Подробности и этихъ данныхъ и успѣховъ излагаются тоже во второй части записки, а здѣсь они только чувствуются, какъ подгоняющія и подбодряющія мысль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость записки встрѣчаетъ поддержку въ соображеніяхъ, опирающихся на сказанія иноземныя, опередившія русскую лѣтопись, о союзахъ и размолвкахъ инородныхъ сосѣдей съ Ильменскими державцами, Біармійскими и другими, и особенно на границы Велико-Новгородскаго государства, указываемыя договорами съ удѣльными державцами княжеской Руси, хотя не древнѣе XIII вѣка, но ссылающимися на болѣе древніе. Если волости Новгородскія занимали все обширное пространство между Колою и Югрою на полночи,—Камою и Уфою на востокѣ, Великими Луками къ полдню и Балтійскимъ поморьемъ и Корелою на западѣ,—въ тѣ вѣка, когда уже сложилась и окрѣпла Русь полуночно-восточная послѣ Андрея Боголюбскаго и полуденно-западная,—наибольшею изъ вѣроятностей можно принять очевидность огромной шири земли славянъ Ильменскихъ въ вѣка долѣтописные. Лѣтопись не сохранила извѣстій о походахъ ихъ въ далекія страны,—значитъ онѣ заняты до начала ея. И Галицкая Русь и Тмуторокань и Поволжье, области Оки, Дона, Днѣпра и нижняго Дуная—все это если не входило въ составъ земли Ильменской, имѣло несомнѣнно тяготѣніе къ Великому Новгороду и во главѣ съ нимъ несло разрушенія въ земли Рима и Византіи. Имена готовъ, вандаловъ, гунновъ и другія, грозныя для Европы и Африки—не были и не могли быть чужды союза и побратимства съ отважными ильменцами. Не могли они не проникать и въ глубь полночной Азіи, гдѣ для нихъ копили „люди заклѣпенные" соболи и сребро и гдѣ, впослѣдствіи, вольный человѣкъ съ горстью удальцовъ встрѣтилъ и пріютъ и питанье въ древнѣйшихъ Ильменскихъ поселкахъ, двигаясь смѣло на царство грознаго Кучума.

Изысканія о перволѣтописныхъ вѣкахъ—уже давно сдѣланы предшественниками—повѣствователями; но записка вноситъ и сюда новое, въ видѣ предположеній, объясненіе границъ, со включеніемъ земель богатыхъ торговцевъ мѣхами куни-гасовъ, ходившихъ по лѣснымъ землямъ при-Ильменья и при-Ладожья, скупавшихъ шкуры и продававшимъ ихъ подъ именемъ *кунъ* въ Булгарѣ Камскомъ и другихъ мѣстностяхъ, объявляемыхъ сказаніями арабскихъ писателей. Бывали такіе же скупщики и изъ азіатовъ. За татарами—ходебниками народъ нашъ до сихъ поръ сохранилъ сокращенное изъ „куньяго гостя" или „куни-гаса" литовцевъ—имя князя.—Такими разбогатѣвшими, бывалыми ходебниками, не гнушавшимися и обмануть—обворовать простака, могли быть „воряги" А. П. Богданова, ходившіе и горою и водою по землямъ Ильменскимъ съ цѣлыми ордами своихъ приспѣшниковъ, получившими тоже недоброе имя—ворягъ, перевернутое въ варяговъ.

Для изысканій о населеніи Ильменской страны вѣковъ древнелѣтописныхъ приводится пересказъ писателей древности о бытовыхъ, преимущественно, особенностяхъ, разноименныхъ насельниковъ земель Ильменской страны и нынѣшней Россіи, ихъ сосѣдей и современниковъ. Пересказъ занялъ много мѣста потому, съ одной стороны, что книги, содержащія извѣстія

древнихъ иноплеменныхъ писателей стараго свѣта и изысканія по изученію ихъ едва-ли можно найти во многихъ уѣздныхъ хранилищахъ,—съ другой же—потому, что для единицъ нашей мірской силы, менѣе крупныхъ, помощь которыхъ въ собираніи объясненій невещественныхъ остатковъ старины имѣетъ на нашъ взглядъ великую цѣнность для науки,—свѣдѣнія о стародавней жизни насельниковъ земель, на которыхъ стоятъ нынѣшніе поселки, представляя большую занимательность, не могутъ не повліять и какъ сильные просвѣтительно-воспитательные двигатели на улучшенія благосостоянія внѣшняго и внутренняго, нравственнаго. Просвѣщенные сосѣди поселка, да и сами его обыватели, сумѣютъ, конечно, сравнивать бытовыя особенности древнихъ насельниковъ съ нынѣшними той же мѣстности, объяснять отраженіе ихъ въ теперешнихъ обычаяхъ и вызывать простодушныхъ тружениковъ земледѣльцевъ, рыбаковъ и охотниковъ на размышленіе о причинахъ живучести тѣхъ и другихъ обычаевъ—и слѣдствіяхъ. Сравнительный способъ изученія бытовыхъ явленій и особенностей, выслѣживаемыхъ по лѣтописнымъ вѣкамъ, выдвинетъ ихъ первообразъ, послѣдовательность развитія и отраженіе въ настоящемъ,—а тѣмъ укажетъ преемственную связь потомковъ съ предками, давшими жизнь и стойкость обычаю.

Пересказъ записки ограничивается извѣстіями нѣсколько подробными, Геродота, Страбона, Тацита, Константина Багрянороднаго и нѣкоторыхъ другихъ,—затрогивающими бытовыя особенности внутренне-домашней жизни семьи; внутренно-общественной и внѣшней—сосѣдской каждаго племени отводится не много мѣста, частію по отрывочности, частію по племенной исключительности извѣстій о явленіяхъ, происходившихъ къ тому же внѣ предѣловъ страны Ильменской и всей Россіи. Болѣе подробно пересказаны только походы Дарія на Скиѳію и Александра Македонскаго въ Индію.

Ближайшіе къ начальной русской лѣтописи вѣка относительно народовъ и племенъ, населявшихъ Европу, изучены настолько подробно и общія свѣдѣнія о нихъ настолько извѣстны просвѣщеннымъ сотрудникамъ Новгородскаго Общества, что записка ограничилась лишь краткимъ повтореніемъ изъ прежнихъ научныхъ трудовъ, свѣдѣній, представляющихся имѣющими прямое отношеніе къ населенію нашей страны, но недостаточно выясненныхъ и нуждающихся въ дополненіи новыми данными.

Вѣка самобытія ввели въ населеніе земли Новгородской отдѣльныя семьи выходцевъ сосѣднихъ земель, обитатели которыхъ хотя составляли вѣтви родоначальнаго корня первозаимщиковъ Европы, но уже за много вѣковъ предъ тѣмъ обособились и усвоили новые обычаи, заслонившіе прародительскіе. Записка останавливается ненадолго и на этихъ народахъ, какъ сжившихся съ Новгородцами, повліявшихъ взаимно на бытовыя особенности, частію выразившія впослѣдствіи наклонность возвращенія къ родоначальнымъ—съ одной стороны, и частію внесшія долю новшества съ другой,—останавливается чтобы намѣтить данныя, могущія устранить навѣянныя учеными прежняго направленія народоповѣствовательнаго дѣла воззрѣнія на отсутствіе, будто бы, среди кореннаго населенія нашей страны, въ далекіе

вѣка, началъ, выработанныхъ ими самостоятельно, и на заимствованіе всего внутренняго строя жизни народа отъ сосѣдей, тевтоновъ и скандинавовъ.

Даннымъ этого рода отводится въ запискѣ особая статья о бытовой обстановкѣ жизни Ильменцевъ, семейной и общественной.

Порядокъ управленія страны Ильменской въ вѣка древнелѣтописные не поддается прочному установленію даже въ крупныхъ подробностяхъ, ни по письменнымъ источникамъ, ни по вещественнымъ памятникамъ, изученнымъ и изслѣдованнымъ къ настоящему времени; хотя въ общемъ онъ очерченъ изслѣдователями, но нерѣшительно и неясно, и притомъ съ оттѣнкомъ вѣяній скандинаво-тевтонскаго направленія. Записка выбираетъ для предстоящихъ Обществу изысканій въ этой сторонѣ дѣла данныя изъ извѣстій тѣхъ же иноземныхъ писателей древности и изъ отрывочныхъ замѣтокъ путешественниковъ арабскихъ и вообще—Срединной Азіи и изъ сказаній византійскихъ, римскихъ, и отчасти, скандинаво-тевтонскихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится обращаться къ преданіямъ, занесеннымъ въ лѣтописные сборники Новгородской семьи недавняго составленія, огульно изгнанные изъ среды бытовыхъ доказательствъ и осмѣянные.

Управленіе выработывается долгою жизнью всего населенія, поэтому записка намѣчаетъ проявленія бытовыхъ зарожденій и требованій, вызываемыхъ внѣшнею средою, т. е. условіями природы страны, подчиненіемъ, въ борьбѣ за существованіе, непреодолимымъ ея силамъ и господствомъ надъ другими силами внѣшней природы, уступавшими постоянству напряженія духовныхъ силъ человѣка.

Первымъ, внушаемымъ борьбою, является въ душѣ человѣка сознаніе безпомощности и обращеніе къ небу—источнику жизни, вызывающее зарожденіе вѣры въ верховную силу. Глава семьи—первый основатель вѣроученія, разрастающагося вмѣстѣ съ нею и съ ея потомствомъ. Управленіе дѣлами вѣры—это первое установленіе, какъ обязательное условіе семейной, родовой и общественной жизни; семья же является первымъ установленіемъ отличающимъ человѣка отъ прочихъ животныхъ. Поэтому записка выбираетъ свѣдѣнія изъ бытовыхъ особенностей племенъ, сидѣвшихъ на земляхъ Россіи, отмѣчаемыхъ писателями древности, указывающія на вѣрованія, проявленія жизни семейной, родственной, общественной и племенной, упорядоченныя и служившія обязательными для всѣхъ членовъ этихъ составныхъ единицъ народцевъ и народовъ страны Ильменской. Подсказывающими и наводящими въ этомъ отношеніи принимаются вещественные и невещественные остатки старины,—имѣющіеся въ наличности и ожидаемые отъ содѣйствія мірской силы, являющейся носителемъ отраженій древнѣйшихъ установленій, направлявшихъ развитіе жизни и управлявшихъ ею.

Для изысканій о порядкѣ управленія въ вѣка Новгородскаго самобытія, во всемъ томъ, что не выяснено или затемнѣно изслѣдованіями прежняго направленія, предлагаются данныя вѣковъ древнелѣтописныхъ, сказывающіяся въ нынѣшней бытовой обстановкѣ далекихъ поселковъ, въ обрядностяхъ, сохраняющихъ силу закона, въ обычаяхъ, безусловно обязательныхъ, въ преданіяхъ, былинахъ, пѣсняхъ, иногда въ сказкахъ и проч., и вещественные памятники и остатки старины.

Кромѣ приведенныхъ указывается, какъ причины направленія изысканій, тѣ изъ установленій Велико-Новгородскаго державства, которыя приписываются заимствованію отъ чужеземцевъ, но отличаются живучестью, прирожденныхъ, остававшихся бытовыми законами и послѣ правительственной отмѣны, каковы напримѣръ: суе̇мъ, мірской приговоръ, судъ совѣсти, или судъ присяжныхъ, круговая порука, выкупъ невѣсты, родство по матери и другія.

Особенное вниманіе призывается запискою къ тѣмъ установленіямъ въ области языческихъ вѣрованій, съ которыми не совладать было христіанству, и которыя добились наконецъ своею живучестью освященія церковью и дѣйствуютъ до сихъ поръ въ облагороженномъ ею видѣ, съ Стоглаваго собора и раньше, каковы: праздникъ мертвыхъ, сорокоустъ, радоница, Троицкая суббота и другіе, особенно погребальные. Самые спорные изъ установленій, какъ князь и дружина варяговъ, не оставляются безъ указаній поводовъ для изысканій, не смотря на многочисленныя, высоко-научныя изслѣдованія по отраженіямъ этихъ учрежденій, хотя и блѣднымъ, въ народномъ говорѣ.

Въ изложеніи порядка управленія въ вѣка лѣтописные записка руководствуется письменными источниками, данными, приводимыми въ первыхъ двухъ отдѣлахъ о вещественныхъ источникахъ и выводами именитыхъ изслѣдователей отечественнаго прошлаго, преимущественно знатоковъ права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго.

Къ послѣднему отдѣлу первой части слѣдовало-бы приложить подробные чертежи съ именами селеній и урочищъ,—для вѣковъ лѣтописныхъ въ обширномъ смыслѣ, подобный составленному профессоромъ Кочубинскимъ, изданному въ 1895 году С. Н. Мальцевымъ,—а для послѣднихъ годовъ самобытія—профессоромъ Неволинымъ,—приложенный къ его изслѣдованію о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ.

Предметъ второй части записки—наличность свѣдѣній для свода изысканій о долѣтописныхъ вѣкахъ населенія Ильменской страны. Какъ и первая—она имѣетъ также три отдѣла: а) вѣка предлѣтописные, или сооруженій земляныхъ и крупно-каменныхъ, б) вѣка озерные, и в) вѣка ледниковые.

Въ первой половинѣ очерка приведены основанія, по которымъ записка не придерживается общепринятаго дѣленія долѣтописныхъ вѣковъ на железный, бронзовый и каменный, и признаковъ подраздѣленія послѣдняго на древніе и новые; но наличность свѣдѣній для изысканій по указаніямъ этихъ признаковъ, выбирается изъ трудовъ старѣйшихъ учрежденій новаго направленія народоповѣствовательнаго дѣла и сравниваются однородныя находки западной Европы и всего свѣта съ русскими вообще и Ильменской земли въ частностяхъ,—при чемъ подмѣчается связь древнѣйшихъ памятниковъ и ихъ остатковъ съ извѣстіями древнихъ писателей о бытовыхъ особенностяхъ насельниковъ Ильменскихъ и русскихъ земель и отечественныхъ источниковъ вѣковъ русскихъ лѣтописныхъ и Новгородскаго самобытія, подсказавшая значительную долю объясненій, приведенныхъ въ первой части. Въ частностяхъ наличность

свѣдѣній и связь ихъ съ таковыми же вѣковъ лѣтописныхъ разсматривается въ каждомъ отдѣлѣ особо.

Въ первомъ отдѣлѣ всѣ земляныя и крупно-каменныя сооруженія какъ-то: городки, городища, рвы, окопы, сопки—погребальныя, поминальни тризновыя и сторожевыя,—вавилоны, каменныя бабы и поля, чашечные камни и проч., сравниваются съ внѣшней и внутренней стороны, то есть по наружному виду и по захороненнымъ въ нихъ предметамъ, между собою и подмѣчается различіе или и сходство съ соотвѣтствующими извѣстіями писателей древности о бытовыхъ и другихъ особенностяхъ разныхъ народцевъ и народовъ.

Относительно сооруженій Ильменскихъ и русскихъ земель придается значеніе внѣшневу сходству съ азіатскими и преимущественно Сибирскими, насколько уясняется имъ вѣроятность частаго и тѣснаго до нѣкоторой степени общенія между Ильменцами и населеніемъ Сибири, средней и полуденно-восточной Азіи. особенно Индіи, съ древнѣйшихъ временъ, а для этого уясненія указываются мѣстности расположенія сходственныхъ сооруженій, ведущія большими водяными дорогами: Волхова, Мсты и ея притоковъ, притоками Волги и ея самой, Камы, Печоры, побережьями Студенаго моря и Ледовитаго, черезъ отроги Уральскаго хребта, и большими рѣками и горами Сибирскими до Камчатки и Приамурскаго края.

Еще рѣшительнѣе предлагается сходство захороненныхъ въ земляныхъ сооруженіяхъ предметовъ домашняго обихода, погребальной обрядности и тому подобныхъ, хотя большею частію убогихъ, но тѣмъ не менѣе выразительныхъ, каковы напримѣръ: ножи, топоры, серпы, сошники и проч.. Собранные лично нами въ Новгородѣ на различныхъ глубинахъ и въ сопкахъ, нами же и другими; въ многочисленныхъ могильныхъ насыпяхъ Мерянской земли, изслѣдованныхъ гр. А. С. Уваровымъ и послѣ него, въ области рр. Енисея и Тунгузокъ—сыномъ нашимъ, и въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ другой земляхъ Сибири, а иногда и Срединной Азіи, настолько схожи другъ съ другомъ, что представляются обработанными въ одной мѣстности и руками одного кузнеца, или иного ремесленника. Такое же сходство примѣчается и въ находкахъ азіатскихъ, шведско-норвежскихъ, верхне-германскихъ и британскихъ.

Къ сугубому вниманію приглашаются ожидаемые сотрудники при встрѣчѣ ихъ съ черепами могильныхъ сооруженій, какъ потому, что наука о человѣкѣ и человѣчествѣ, быстро развивающаяся на западѣ, ознакомлена еще сравнительно мало съ этимъ богатствомъ русскихъ могилъ древности, такъ—и главнѣйше—потому, что въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, по могильнымъ сооруженіямъ, собраны нами, а по другимъ Ильменскимъ и русскимъ землямъ старѣйшими сотрудниками учрежденій о древностяхъ,—черепа, отчетливо выступающіе отличительными, установленными наукою о черепахъ признаками, какъ кровные сродники каждому ряду череповъ, собранныхъ въ Европѣ въ древнихъ могилахъ времени нашихъ вѣковъ земляныхъ и крупно-каменныхъ сооруженій; для сравненія предлагаются собранія череповъ: Московскаго Общества естествовѣдѣнія, Академіи Наукъ, разныхъ ученыхъ и высшихъ научныхъ учрежденій и нашего.

Къ такому же вниманію приглашаются будущіе собиратели остатковъ старины и относительно могильныхъ насыпей съ захороненіями остатковъ погребенія трупо-сожигательнаго обычая, имѣвшаго широкое распространеніе у насъ и въ Западной Европѣ, въ земляхъ, на которыхъ сидѣли вѣтви славянъ.

Въ высшей степени важное, для изученія предлѣтописныхъ и перволѣтописныхъ вѣковъ до крещенія Руси, значеніе имѣютъ изысканія о знакахъ письменности въ Ильменскихъ земляхъ, предшествовавшей глаголицѣ, кирилицѣ и пермской звуковицѣ св. Стефана. Запискою указываются нѣкоторые слѣды письменъ руническихъ, открытые на камняхъ въ Тверскомъ имѣніи Глинки, на литовскихъ серебряныхъ знакахъ цѣнности и сходство съ скандинавскими рунами знаковъ глаголицы и кирилицы, усматриваемое нѣкоторыми степенными знатоками (Филиппъ Бержеръ). Уже давно высказано предположеніе о биркахъ, еще недавно бывшихъ въ большомъ ходу между неграмотнымъ крестьянскимъ населеніемъ при-Ильменья и областей рѣкъ, впадающихъ въ Ильмень, Финскій заливъ, въ озера—Ладожское, Онежское и Бѣлое, и въ Студеное море. Записка предлагаетъ особенно внимательно всматриваться въ сходство бирокъ съ насѣчками на святыхъ камняхъ, съ знаками огамійскими и сибирскими, напечатанными въ ученыхъ изданіяхъ о путешествіяхъ по землямъ азіатскимъ. Въ нашемъ собраніи имѣется три предмета съ знаками прямо родственными сибирскимъ, изъ нихъ два найдены на поверхности Юрьевскаго жальника и внутри поминальной близъ него сопки—въ боровичскомъ уѣздѣ,—а третій—въ самомъ Новгородѣ.

По поводу изысканій о рунахъ записка приглашаетъ читателей и знатоковъ къ объясненію названія древнихъ письменъ рунами. Извѣстно, что Ильменцы съ незапамятныхъ временъ занимались выдѣлкою скоры,—т. е. шкуры; созвучное съ этимъ словомъ—скора,—названіе древнѣйшихъ законовъ для иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Новгородомъ и въ Новгородѣ «скры Новгородскія»—законовъ, писанныхъ на хорошо выдѣланной кожѣ,—указываетъ на заимствованіе этаго названія изъ нашего говора. Извѣстно также, что лѣсные индѣйцы Верхней Америки употребляютъ для своихъ письменъ шкурки небольшихъ животныхъ; а такія шкурки—наше „руно“. Въ этомъ же отдѣлѣ отводится мѣсто именамъ селеній, рѣкъ, озеръ и вообще урочищъ, равно и отличительнымъ признакамъ путеводныхъ земляныхъ насыпей, особенно вдоль водяныхъ дорогъ и поворотовъ на волока между ними, и по самымъ волокамъ, указывающихъ направленіе и удобство пути отъ одной рѣки до другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается измѣреніе разстояній между насыпями, для изысканій и связи этихъ разстояній съ дѣленіемъ путевыхъ участковъ Страбоновой Индіи и съ стариннымъ русскимъ, по Магницкому и по Большому Чертежу.

Какъ отраженіе, въ вѣка древнелѣтописные и Новгородскаго самобытія, связи ихъ съ предшествовавшими приводятся, кромѣ сходства обычаевъ, по одинаковости захороненныхъ въ земляныхъ сооруженіяхъ остатковъ, наблюденія, лично нами дѣлаемыя при раскопкахъ и разрушеніи древнѣйшихъ

храмовъ, надъ слѣдами погребенія членовъ семьи при ихъ жилищѣ, подъ домами и въ садахъ. Разбираясь въ развалинахъ церковныхъ сооруженій мы нерѣдко встрѣчали раздробленныя кости человѣка съ признаками долгаго пребыванія внѣ вліянія воздуха и сырости. Желательно прослѣдить, какъ далеко и въ какомъ направленіи распространенъ былъ этотъ обычай. Не менѣе желательно собираніе сосудовъ, въ которые складывались остатки сожженнаго трупа, и сравненіе ихъ съ такъ называемыми голосниками, вмазывавшимися, при каменной складкѣ церкви, въ стѣны, чаще всего вверху, открытою стороною внутрь храма, а также сосудовъ поминальныхъ съ содержащимся въ нихъ. Въ древнихъ Новгородскихъ церквахъ много голосниковъ;— найденъ нами здѣсь же въ городѣ, на пятомъ аршинѣ глубины отъ поверхности, большой поминальный сосудъ. Очертаніе внѣшности голосниковъ большею частію одинаково въ общемъ. Полезно было-бы сравнительное обозрѣніе ихъ съ сожигательно-погребальными сосудами нашихъ западныхъ окраинъ, изъ которыхъ извѣстные намъ литовскіе и скандинавскіе, имѣютъ поразительное, братски-родственное, сходство съ Новгородскими голосниками. Записка предлагаетъ для изысканій, въ разъясненіи этого сходства, ознакомиться съ основательностью, высказываемаго нашими духовными писателями положенія объ установленномъ первыми Новгородскими христіанами обычаѣ возводить храмы и монастыри на жилищахъ и могилахъ своихъ родичей, невоспріявшихъ св. крещенія. Нашими наблюденіями въ самомъ Новгородѣ потверждается нѣсколько вѣроятность такого обычая. Быть можетъ найдутся данныя, по которымъ выяснится наша догадка о появленіи въ стѣнахъ церковныхъ голосниковъ не для легкости ихъ и сводовъ, и не для усиленія звуковъ пѣнія и чтенія, какъ объясняютъ изслѣдователи старинныхъ построекъ, а именно въ силу обычая введенія въ стѣны храма сожигально-погребальныхъ сосудовъ съ остатками трупа некрещеныхъ предковъ храмоиздателей для ихъ освященія, просвѣщенія и сопричтенія къ христіанамъ.

Къ древнѣйшимъ временамъ этихъ вѣковъ знатоки относятъ крупно-каменные памятники, имѣющіеся, по нашимъ наблюденіямъ, въ Ильменской землѣ, и извѣстные въ народномъ говорѣ подъ названіями: ноевщины, адамовщины, вавилоновъ, тройниковъ, каменныхъ полей, чашечныхъ и святыхъ камней. Эти памятники представляются порубежными между вѣками пред лѣтописными и предшествовавшими имъ, какъ звѣно связующее тѣ и другіе.

На этомъ же рубежѣ приходится и почти нетронутый наукою вопросъ о вѣрованіяхъ славянъ ильменскихъ до крещенія. Перунъ поставленный на Волховскомъ берегу въ IX вѣкѣ—богъ занесенный сюда княземъ Владиміромъ, просвѣтителемъ Россіи; Волосъ, Ладо и другіе—божества чужіе, никогда не имѣвшія почитателей въ Новгородѣ. Для изысканій по этому предмету записка приглашаетъ будущихъ изслѣдователей остановиться на отраженіи въ письменныхъ источникахъ особенной живучести древнѣйшихъ вѣрованій: фетишизма, шаманизма, буддизма, поклоненія огню,—по ученію Заратушры (Зороостра)—мечу скиѳовъ, землѣ и небеснымъ свѣтиламъ; слѣды фетишизма и буддизма, особенно перваго, сохранялись даже въ XVI вѣкѣ, а вещественныя свидѣтельства другого равно и прочихъ вѣрованій

разсѣяны по Ильменской землѣ во множествѣ; нѣкоторыя собраны нами въ Новгородѣ и ближайшихъ окрестностяхъ.

Озерные вѣка страны Ильменской отождествляются запискою съ переходными древне-каменнаго къ ново-каменному, а этого къ бронзовому ученыхъ западной Европы и нашихъ. Крупными и мелкими ископаемыми остатками этихъ вѣковъ наполнены обширныя собранія ученыхъ учрежденій западной Европы, обѣихъ столицъ и многихъ большихъ городовъ Россіи. Особенно выдающіеся изъ нихъ и крупные воспроизведены свѣтописью; рисунки помѣщены во многихъ ученыхъ изданіяхъ.

Какъ вездѣ въ Европѣ, такъ въ Россіи и Ильменской землѣ, находки, относимыя къ ново-каменному вѣку, встрѣчены, въ преобладающемъ большинствѣ, по высокимъ берегамъ морей, озеръ и рѣкъ, въ передвижныхъ пескахъ воздушныхъ наносовъ. Въ нашей землѣ точно такія же находки почти всегда оказываются, кромѣ береговъ, на холмахъ, чаще на вершинѣ,—изрѣдка и по склонамъ; въ первомъ случаѣ въ передвижныхъ сыпучихъ пескахъ,—въ послѣднемъ въ красноватой кирпичной глинѣ частію и частію въ слоистыхъ пескахъ.

Наблюденія наши въ равнинахъ и низинахъ наиболѣе холмистыхъ мѣстностей, каковы отроги алаунскіе, онежскіе, псковско-эстляндскіе и оковскаго лѣса, указали однородность, за весьма немногими исключеніями, глинъ, застилающихъ тѣ равнины и низины и покрывающихъ холмы песковъ сыпучихъ и слоистыхъ. Въ глинахъ здѣсь мы не видѣли ни разу слоеватости,—онѣ или вполнѣ однородны во всей толщѣ, въ среднемъ до трехъ аршинъ мощности, или,—если низина окружена высокими холмами, съ расплывчатыми голубоватыми желваками въ глубинѣ; слои песковъ, гдѣ они попадаются, не превышаютъ, каждый двухъ вершковъ. Кромѣ того мы наблюдали много обширныхъ равнинъ, поросшихъ лѣсомъ разныхъ породъ и возрастовъ, и совершенно безлѣсныхъ, то поросшихъ травою, то покрытыхъ мохомъ, съ окнищами, колеблющимися при прохожденіи человѣка,—а также и озеръ съ сплошными трясинами по берегамъ. Эти явленія и вызвали предлагаемое нами, для дальнѣйшихъ наблюденій, наименованіе новокаменныхъ вѣковъ, общепринятое для Ильменской страны озерными; равнины и низины, заросшія, или еще не заросшія лѣсами, представляются намъ застывшими или только застывающими озерами.

Нѣкоторые русскіе естествоиспытатели признаютъ за озерные тѣ вѣка, которые слѣдовали сряду за отступленіемъ великаго скандинаво-русскаго ледника, какъ его окончаніе, выразившееся въ наполненіи низинъ водами при таяньи льдовъ. Нашими наблюденіями въ Коломцахъ и въ Новгородѣ такое объясненіе не подтверждается. Намъ представляются озерные вѣка наступившими послѣ допускаемыхъ наукою для запада Европы межледниковыхъ, какъ второе, менѣе суровое, охлажденіе;—наши ученые послѣдняго времени соглашаются только съ возможностью и для Россіи втораго охлажденія, но не открыли еще данныхъ для наличности его, чѣмъ и вызвано въ запискѣ предложеніе уѣзднымъ сотрудникамъ всматриваться, при распашкѣ нови и при другихъ работахъ и случаяхъ, въ напластованія низинъ и въ

обнаженія береговыхъ весеннихъ отлетовъ и рытвинъ въ холмистыхъ мѣстностяхъ.

Отечественными изслѣдователями древности установлено, что наши отдаленные предки любили погребать умершихъ и возводить надъ ихъ могилами земляныя сооруженія на возвышенностяхъ, открывающихъ красивые виды. Насколько намъ извѣстно, къ Ильменской землѣ это заключеніе можетъ и не относиться, такъ какъ погребальныя сооруженія дѣлались на высокихъ холмахъ потому, что начало обычая насыпать надъ покойникомъ земляной холмъ, если не всегда, то весьма часто обкладываемый крупными камнями и окружаемый широкимъ и глубокимъ рвомъ, вызвано, по нашему мнѣнію, именно въ озерные вѣка необходимостью оберечь трупъ отъ хищныхъ звѣрей, которыхъ гнала на возвышенности, какъ и людей и травоядныхъ, вода, заливавшая низины, и которыхъ скоплялось здѣсь весьма много.

Въ Англіи два вида могильныхъ сооруженій, одни продолговатые, другіе круглые; въ первыхъ встрѣчаются только каменныя издѣлія, а во вторыхъ преобладаютъ бронзовыя. Записка сравниваетъ первыя съ озерными Ильменскими, а вторыя съ предлѣтописными.

Вопросъ о времени откочеванія нѣкоторыхъ ледниковыхъ животныхъ въ далекія страны и прирученія и одомашенія человѣкомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ разрѣшается неопредѣленно. Записка предлагаетъ всматриваться, при изученіи могилъ и жертвенно-тризновыхъ насыпей, въ кости животныхъ, очень часто тамъ находимыя, и сравнивать съ пищевыми остатками нынѣ живущихъ, чтобы убѣдиться: не началось ли въ нашихъ земляхъ откочеваніе и прирученіе именно въ озерные вѣка;—а при изслѣдованіи городковъ, городищъ, окоповъ и крупно-каменныхъ сооруженій вѣковъ предлѣтописныхъ—не окажется-ли въ ихъ подробностяхъ какихъ-либо данныхъ, могущихъ объяснить начало городовъ и окоповъ необходимостью защиты одного общества или рода отъ другого, чужого первому, но поселившагося, изъ страха за потопленіе поднимавшейся водою, по сосѣдству съ нимъ,—или для загона животныхъ съ цѣлью одомашенія. Къ озернымъ же вѣкамъ, или къ второму охлажденію Европы, записка относитъ возникновеніе, по этимъ же побужденіямъ, окоповъ жилищъ.

Къ этимъ же вѣкамъ мы относимъ и первое ознакомленіе первобытныхъ ильменцевъ съ мѣдью и золотомъ. То населеніе нашей страны, которое вынуждено было распространеніемъ водъ, во время второго охлажденія, двигаться по алаунскимъ отрогамъ въ полночно-восточномъ направленіи, добралось до Уральскаго хребта и, отыскивая горныя породы для своихъ издѣлій, напало, или могло напасть, на самородную мѣдь и примѣтить, что она не колется, какъ кремень, а только плющится. Орудія, выдѣланныя изъ мѣди холоднымъ способомъ, находятъ въ Сибири; они встрѣчались въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и въ изобиліи, въ верхней Америкѣ, у лѣсныхъ индѣйцевъ *книстено*, *чипиуенъ* и др. (Мякензи). Здѣсь, въ Новгородѣ, кованье мѣди продолжалось до текущаго столѣтія.

Не будетъ невѣроятнымъ, если предположить, что второе охлажденіе охватило и Сибирь; въ этомъ случаѣ позволительно допустить встрѣчу на

Уралѣ выходцевъ нашей страны съ обитателями Сибири, знавшими уже къ началу озерныхъ вѣковъ и золото. Послѣ обратнаго откочеванья, по миновании второго охлажденія, съ Урала и изъ Сибири на старожитныя мѣста въ страну Ильменскую, прежніе насельники ея могли принести и знакомство съ мѣдью и золотомъ въ нашу землю.

Внесенное въ науку сравнительнаго языкознанія мнѣніе о появленіи когда-то небольшой орды въ счастливыхъ странахъ Инда и Ганга и слѣды движенія урало-алтайцевъ, черезъ Памиры, въ страну Иранскую, а отсюда на востокъ и на западъ—подъ именемъ аріевъ или арійцевъ, относится запискою къ озернымъ же вѣкамъ, какъ и движеніе изъ полночной Азіи въ Верхнюю Америку. Объ этихъ переселеніяхъ имѣются слѣды въ священныхъ книгахъ арійцевъ и въ преданіяхъ американскихъ лѣсныхъ индѣйцевъ и указанія въ первыхъ—на стужу, а въ послѣднихъ—на какой-то злой народъ, вытѣснившій предковъ индѣйцевъ изъ ихъ страны на западѣ солнца, а также на стужу и мелководное какое-то море (Берингово), черезъ которое они перебирались по льдамъ, островамъ и отмелямъ, испытывая тяжкія лишенія отъ холода и голода, пока не достигли страны, которая была покрыта мѣдью толщею въ ростъ человѣка, гдѣ ихъ предки и основали свои первыя жилища.

Для сравнительнаго изученія череповъ человѣка озерныхъ вѣковъ предлагаются найденные граф. С. У. Уваровымъ въ области рѣки Оки, Фатьяновскіе, Суджанскіе, Гамарни, и нашего собранія—изъ Юрьевскаго жальника и Сибирскіе—каменнаго вѣка, открытые сыномъ нашимъ В. В. Передольскимъ въ области рѣки Енисея и его притоковъ. По поводу отмѣчаемыхъ большими знатоками этого предмета отличительныхъ признаковъ на черепахъ озерныхъ вѣковъ, найденныхъ въ Россіи, дѣлаются сравненія съ собранными въ Западной Европѣ и относимыми къ вѣкамъ новокаменнымъ, указывается на взаимное всѣхъ ихъ сходство, каковымъ объясняется отношеніе однихъ къ другимъ, какъ предковъ къ потомкамъ

Послѣдній отдѣлъ второй части отводится вѣкамъ *межледниковымъ*. Въ зависимости отъ малаго числа собранныхъ объ этихъ вѣкахъ въ Россіи данныхъ, записка останавливается подробно на признакахъ ихъ вообще въ Европѣ и на изысканіяхъ профессоровъ Докучаева и Полякова около Мурома и вообще въ долинѣ р. Оки;—вызванныхъ находками графа А. С. Уварова у села Карачарова, и Каминскаго у села Гонцовъ на рѣкѣ Удаѣ, въ Днѣпровской области, хотя строеніе наносовъ Владимірской и Полтавской земли по внѣшности—особенно второй, и разнится во многомъ отъ наблюдаемыхъ лично нами и другими въ землѣ Ильменской. Тамъ за послѣдній членъ ледниковыхъ образованій признаются мощныя отложенія желтыхъ песковъ и лесса, у насъ же, собственно въ при-Ильменьи, таковымъ считается сизая, болѣе или менѣе песчанистая, глина,—а отложеніемъ вѣковъ озерныхъ—вполнѣ отчетливо выраженныхъ, по мнѣнію ученыхъ естествовѣдовъ, только въ земляхъ Велико-Новгородскаго державства перволѣтописныхъ предѣловъ,—выставляется песчанистая, буровато красноватая глина, употребляемая на выдѣлку кирпича. Мнѣнія естествовѣдовъ о вѣкахъ леднико-

выхъ и непосредственно за ними слѣдовавшихъ хотя еще не возросли до устойчивости, особенно по отношенію къ обширной площади Россіи, но какъ этими вѣками наука начинаетъ изысканія о первонасельникахъ Европы,—записка предлагаетъ нѣкоторыя изъ представляющихся наиболѣе прочно обоснованными положеній и явленій, оныя вызвавшихъ. Особенно подробно приводятся данныя, обнаруженныя при устройствѣ новыхъ водяныхъ путей въ обходъ озера Ладожскаго и изслѣдованныя профессоромъ А. А. Иностранцевымъ,—равно наблюденія его и Полякова въ области великихъ озеръ нашего полуночья;—оба они разсматриваютъ ледниковыя образованія въ связи съ встрѣчаемыми въ нихъ остатками человѣка каменнаго вѣка, а А. А. Иностранцевъ изучалъ, сверхъ того, по особому порученію одного правительственнаго учрежденія, вызванному нашими открытіями, строеніе образованій, подстилающихъ и прикрывающихъ жилой слой Коломецкаго поселенія и залегающихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода,—и наши собранія предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ на Коломцахъ, въ самомъ Новгородѣ, его окрестностяхъ и на Юрьевскомъ жальникѣ Боровичскаго уѣзда.

Придерживаясь мнѣній этихъ и другихъ русскихъ ученыхъ, а также скандинавскихъ и прочихъ, о земляхъ сосѣднихъ съ Ильменскою, записка надолго останавливается на данныхъ, добытыхъ личными нашими наблюденіями, изысканіями и изслѣдованіями объ отложеніяхъ ледниковыхъ и озерныхъ на Коломцахъ, въ Новгородѣ и окрестностяхъ близкихъ и дальнихъ. Придавая подобающее значеніе строенію и составу напластованій, какъ наиболѣе надежному показателю древности вообще, она еще разъ приглашетъ сотрудниковъ Общества къ наблюденіямъ явленій, обнаруженныхъ нашими изысканіями, провѣренными и подтвержденными ученымъ знатокомъ,—въ береговыхъ отлетахъ и весеннихъ промоинахъ въ холмистыхъ мѣстностяхъ и при глубокихъ раскопкахъ строительныхъ работъ, именно: при какихъ условіяхъ въ озерной глинѣ примѣчается залеганіе расплывчатыхъ желваковъ блѣдно-голубоватыхъ суглинки и супески,—встрѣчаются ли они постоянно по мѣрѣ углубленія отъ дневной поверхности, или ближе къ ней, или на оборотъ;—мѣняетъ ли глина красноватая—озерная, незамѣтно въ началѣ, а затѣмъ очевидно и послѣдовательно, свой цвѣтъ на голубоватый и синеватый, и переходятъ ли въ сизый, сливаясь съ послѣднимъ,—или ни постепенности окраски въ сизый цвѣтъ, ни присутствія желваковъ этого цвѣта, болѣе или менѣе блѣднаго, вовсе нѣтъ, а красноватая лежитъ однороднымъ пластомъ на столь же однородномъ глины сизой; какова толща обоихъ пластовъ и встрѣчаются ли въ томъ или другомъ валуны, гальки, щебень, небольшія плоско-окатанныя девонскія плитки и хрящъ; не замѣчаются ли на границѣ непосредственнаго, или почти непосредственнаго налеганія одного пласта на другой, прослои песковъ чисто бѣлыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ, хотя бы самые тонкіе, или прослои растительнаго перегноя. Тѣ же вопросы предлагаются и для другихъ глинъ, лежащихъ подъ сизою, буровато-железистой-валунной и сѣрой, болѣе или менѣе темной, имѣющей въ сыромъ видѣ синеватый оттѣнокъ. Не слѣдовало-бы оставлять безъ наблюденія способность сизой глины, когда она жирна какъ масло, мѣнять на воздухѣ, часа черезъ

два послѣ извлеченія изъ пласта, окраску въ зеленоватый цвѣтъ вялой травы, а затѣмъ принимать, пролежавъ въ жиломъ помѣщеніи больше мѣсяца и высохнувъ, цвѣтъ блѣдно-розоватый. Полезно также останавливаться на скопленіи валуновъ, гальки, щебня и хряща или окатанныхъ плитокъ въ сизой и буровато-желѣзистой глинѣ, и на одиночномъ или разрозненномъ ихъ положеніи въ началѣ, или въ срединѣ, или въ концѣ пластовъ; особенно важно всматриваться въ отдѣльно лежащіе небольшіе обломки камня въ этихъ пластахъ, имѣющіе признаки грубой обработки,—а также въ одиночныхъ крупныхъ валунахъ степень окатанности со всѣхъ-же сторонъ или только съ нѣкоторыхъ. Предлагается также наблюденіе въ отрогахъ алаунской, финляндско-онежской, псковско-эстляндской и прочихъ сплошныхъ возвышенностей толщи ледниковыхъ наносныхъ образованій, отложившихся на коренныхъ горныхъ породахъ, скопленій валуновъ и особенно породъ ихъ,—также ровныхъ, какъ-бы искусственныхъ, приготовленныхъ для желѣзнодорожнаго полотна, валовъ, ихъ вида и направленій и сосѣдства съ рѣками,—грядами валуновъ, или песковъ;—состава, цвѣта и вида послѣднихъ, со стороны острореберности или окатанности песчинокъ, присутствія слюдяныхъ блестокъ и проч. Особенно желательно наблюсти распространеніе розоватыхъ, розовыхъ и темно-красныхъ суглинковъ, песковъ и супески, и гнѣздъ печоночно-красной глины, выступающихъ на дневную поверхность. Всѣми этими и подобными наблюденіями Общество можетъ содѣйствовать знатокамъ ледниковыхъ вѣковъ и вызвать ихъ на такое же содѣйствіе къ уясненію самимъ обществомъ вопросовъ, предлагаемыхъ мнѣніями ученыхъ, то о сплошномъ ледяномъ покровѣ, охватившемъ полуночье Европы и всего стараго свѣта одновременно, то неодновременномъ и несплошномъ, съ перерывами болѣе или менѣе крупными по мѣстностямъ и по времени. Наблюденія въ этомъ направленіи могутъ тѣмъ самымъ собрать данныя и къ согласованію неодинаковыхъ взглядовъ ученыхъ на выраженіе степени охлажденія,—одни признаютъ необыкновенно сильное направленіе стужи, оковавшее полуночье земли ледянымъ покровомъ, толща котораго достигала, подобно теперешней Гренландской, до двухъ верстъ;—другіе полагаютъ таяніе льдовъ по веснамъ и въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ—ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ, и видятъ ограждение въ чрезмѣрномъ изобиліи осадковъ, образовавшихъ глубокіе водоемы, по которымъ, при наступленіи лѣтней теплоты, плавали огромныя льдины, разносившія обломки горныхъ породъ, сорванные льдами отъ утесовъ при скатѣ глыбъ во время таянія;—иные, наконецъ,—допускаютъ и то и другое мнѣніе, дополняя своимъ—о частомъ повтореніи, въ теченіе всѣхъ ледниковыхъ вѣковъ, промежутковъ весеннихъ теплыхъ въ той или другой части полуночья.

Для Ильменской страны важно подробное ознакомленіе со всѣми явленіями ледниковыхъ и озерныхъ вѣковъ, чтобы найти въ нихъ данныя къ сужденію о времени появленія въ земляхъ ея человѣка, потомство котораго заняло Ильменско-Волховское побережье и приготовить для рѣшенія вопроса о межледниковыхъ вѣкахъ Ильменско-Волховскаго побережья, положительнаго или отрицательнаго, прочную почву. Предлагаемое нами мнѣніе опирается

на личныя наблюденія и установленное наукою положеніе о дружномъ таяніи отступавшаго въ полночномъ направленіи ледника. Если Коломецкій жилой строй прикрылся почти двусаженною толщею озерной глины и легъ на отложенія ледниковыя, имѣя при этомъ собственную толщу, при необыкновенной плотности, въ два съ половиною аршина,—значитъ во все то время, которое прожилъ здѣсь человѣкъ, вода Ильменя его не безпокоила и не вынуждала откочевывать, хотя-бы по веснамъ, на возвышенности, въ противномъ случаѣ остался бы въ толщѣ жилого слоя слѣдъ запятія его водою, въ видѣ прослоекъ глинъ или песковъ; но слой этотъ однороденъ сверху до низу. Когда же впослѣдствіи наступило водообильное время, сильно поднявшее уровень Ильменя, затопившее низменности и грозившее тѣмъ же коломецкому поселенію, жители его покинули насиженное мѣсто. Слѣдовательно отступленіе ледника опередило заселеніе коломцевъ, какъ опередили оное и тѣ озерные вѣка, которые должны были наступить, въ силу водъ его таянія, сряду за отступленіемъ льдовъ. Человѣкъ сѣлъ на Коломцахъ уже тогда, когда уровень Ильменя стоялъ много ниже этого урочища.— Много-ли, мало-ли времени понадобилось чтобы образовать тамъ значительную толщу жилого слоя, но время это было и предшествовало отложенію однородной, неслоистой глины. Это-то время и представляется намъ послѣднимъ изъ теплыхъ промежутковъ вѣковъ великаго скандинаво-русскаго ледника.

Наука о построеніи земной коры, дающая наиболѣе прочныя основы къ заключенію о вѣкахъ ея образованій, исчисляемыхъ не годами, а повтореніемъ явленій природы, подчиненныхъ тѣмъ или другимъ законамъ, не опредѣлила еще способа вычисленія времени для тѣхъ образованій поверхности, которыя обусловлены пребываніемъ на ней человѣка, если онѣ еще продолжаются,—а потому и не имѣютъ прикрытія образованіями естественными,—каковы мѣстности занятыя съ незапамятно давнихъ вѣковъ поселеніемъ. Новгородъ Великій представляетъ одно и, быть можетъ, первое изъ нихъ, по древности. Другая наука, о первобытной древности, сдѣлала нѣсколько попытокъ для вычисленія времени, прожитого человѣкомъ въ Европѣ съ перваго, или съ самаго древняго, поселенія его здѣсь,—въ годахъ. Хотя ни одна изъ попытокъ не представляется безусловно основательною, но, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ пренебрегать ими при мѣстныхъ изысканіяхъ. Одною изъ относительно пригодныхъ считается въ настоящее время предложенная швейцарскими учеными Морло и Кольманомъ, по приложенію первымъ къ находкамъ ручья Теньера, а вторымъ—городка Швейцербильда. Попытка эта общеизвѣстна и состоитъ въ измѣреніи глубины захороненія остатковъ древности, годъ или вѣкъ обработки которыхъ руками человѣка устанавливается съ точностью, каковы серебряные или золотые знаки цѣнности, изданные въ извѣстной странѣ и при извѣстномъ правителѣ, и приложеніи числа этого измѣренія къ дальнѣйшей глубинѣ, въ которой найденъ предметъ древности неизвѣстной.

Въ Новгородѣ существуетъ съ половины XI вѣка по Р. Х. Софійскій соборъ, полъ котораго, будучи поднимаемъ время отъ времени, даетъ теперь разстояніе отъ первоначальнаго, поддающееся точному измѣренію. Отъ при-

кладыванія числовой мѣрки этого разстоянія къ толщѣ жилого слоя, отъ подстилающей естественной, получится, въ столѣтіяхъ, число вѣковъ, давшихъ жилую толщу. При помощи свѣдѣній письменныхъ источниковъ, дающихъ основаніе привести рядъ причинъ, ускорявшихъ наростаніе толщи, и при зависимости уплотненія нижнихъ слоевъ на счетъ тяжести верхнихъ, получится, конечно приблизительное, число вѣковъ пережитыхъ человѣкомъ въ изслѣдуемой мѣстности.

Въ зависимости отъ нѣкоторой пригодности этого способа, предлагается не обходить безучастно случаевъ хозяйственныхъ раскопокъ въ городахъ и поселеніяхъ, первоначальное основаніе которыхъ скрывается за предѣлами лѣтописи, каковы Бѣлозерскъ, Суздаль, Ладога, Яма, Руса, Голино и др., а также на пустыряхъ, слывущихъ въ народѣ подъ названіемъ городищъ, селищъ, городковъ и др., хотя не имѣющихъ ни рвовъ, ни окоповъ—и никакихъ сохранившихся признаковъ жила.

Та же наука о земной корѣ богата данными о животныхъ, захоронившихся среди образовавій различныхъ порядковъ ея построенія. Въ вѣка предшествовавшіе ледниковымъ поверхность Азіи, Африки и Америки населена была, между прочими, весьма крупными травоядными толстокожими и хищниками; нѣкоторые изъ нихъ оставили свои кости въ каменноугольныхъ и другихъ образованіяхъ Европы, и, какъ учатъ естествовѣды, продолжали жить и въ вѣка ледниковые. Кости великановъ густошерстныхъ—мамонта и носорога, а также слоновъ, огромныхъ быковъ, тигра, пещернаго медвѣдя и иныхъ, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Европы въ ледниковыхъ наносахъ; иногда обломки костей ихъ находятъ,—особенно въ естественныхъ пещерахъ, служившихъ жилищемъ для первобытнаго насельника, иногда на холмахъ,—захороненными совмѣстно съ издѣліями человѣка изъ кости и камня, преимущественно кремневыми; бывали случаи находки полныхъ остововъ мамонта и носорога въ наносахъ въ стоячемъ положеніи и даже съ сохранившимися связками. Наибольшее скопленіе остововъ этихъ великановъ открыто въ сибирскихъ тундрахъ, а разрозненныхъ частей костяка въ устьяхъ тамошнихъ большихъ рѣкъ и въ прибрежныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ Европѣ наибольшее число находокъ приходится на полночно-восточныя земли Россіи, въ Уральскихъ отрогахъ, между Тиманомъ, Печорою, Уфою и Бѣлою,—а въ Азіи на Сибирь, по Ледовитому побережью—вплоть до Камчатки; здѣсь наибольшее распространеніе начинается Уральскимъ хребтомъ, гдѣ подходятъ къ нему Печора—Бѣлая и его азіатскими склонами, и продолжается въ областяхъ Сибирскихъ рѣкъ Оби, Енисея, Лены, Индигирки и Колымы, ближе къ ихъ устьямъ, а въ западную и полуденную сторону между Обью и верховьями Тобола, по Алтаю и Саяннамъ до верховья Лены и до Амурской водной области.

Хотя одновременное и совмѣстное переживанье ледниковыхъ вѣковъ первобытнымъ Европейскимъ человѣкомъ и великанами травоядными, рѣшительно признаваемое учеными, и не исключаетъ возможности нѣсколько сомнѣваться въ ихъ приговорѣ, въ зависимости отъ захороненія остатковъ великановъ исключительно въ ледниковыхъ наносахъ рѣчныхъ долинъ и отъ

ученія естествовѣдовъ о распространеніи ледяной коры отъ разныхъ начальныхъ мѣстъ и въ разныхъ, хотя и не особенно многихъ, направленіяхъ, по закону Треска о расползаніи твердыхъ тѣлъ при давленіи сверху собственной ихъ тяжестью, подобно тому какъ расползается вываленное на столъ тѣсто;—равно въ зависимости, отъ направленія бороздъ и царапинъ оставленныхъ поступательнымъ движеніемъ ледника на твердыхъ породахъ Тимана и Урала, покрайней мѣрѣ въ мѣстности наибольшаго скопленія костей мамонта и носорога въ европейскихъ и азіатскихъ отрогахъ граничнаго хребта, и нѣкоторой вѣроятности занесенія замороженныхъ въ льдахъ труповъ ихъ, при расползаніи и распространеніи во время таянія ледника, порывистымъ теченіемъ водъ по рѣчнымъ доламъ Европы, и наконецъ—питанія замороженнымъ мясомъ великановъ, когда трупы ихъ осыхали на отмеляхъ, въ заторахъ и затонахъ человѣкомъ конца ледниковыхъ временъ,—но, тѣмъ не менѣе записка останавливается на этомъ предметѣ на долго, повторяя собранныя и объясняемыя въ ученыхъ трудахъ объ остаткахъ мамонта, носорога и ихъ современниковъ свѣдѣнія, и приводя подробности объ условіяхъ находки костяковъ толстокожихъ, въ самомъ Новгородѣ и поблизости, хранящихся въ лично нашемъ собраніи.

Въ Коломцахъ, уже десять лѣтъ раскапываемыхъ нами, не найдено костей великановъ, но отсутствіе ихъ не лишаетъ изучаемой мѣстности глубокой древности ея жилого слоя; въ Швейцаріи недавно открыто, близь Швейцербильда, залеганіе остатковъ древне-каменнаго вѣка, между которыми также не найдено костей мамонта и носорога,—потому, какъ объясняютъ знатоки, что первобытный европеецъ поселился тамъ въ тѣ отдаленные вѣка, когда почва не успѣла еще дать обилія травъ и лѣсовъ, необходимаго, будто-бы, для питанія великановъ.

Прочно-ли ученіе о значеніи костей толстокожихъ травоядныхъ въ трудахъ по изысканіямъ о первобытныхъ древностяхъ, нѣтъ-ли, записка предлагаетъ осторожность и тщательность въ описаніи всей обстановки захороненія ихъ: разстояніе отъ рѣкъ и озеръ, какъ живыхъ, такъ и осохшихъ, истокъ и направленіе первыхъ, холмистость или равнинность мѣстности, образованія захороненія, подстилающія пластъ находки и его покрывающія, горныя породы обоихъ, цвѣтъ и видъ песковъ, совмѣстность костей другихъ животныхъ, куски колотаго камня, похожія на издѣлія человѣка, уголь, обломки посуды и проч.

Исходя изъ значенія остатковъ вымершихъ животныхъ, ученые придаютъ особую цѣнность совмѣстности захороненія съ ними костей человѣка. До сихъ поръ такая совмѣстность найдена въ горныхъ береговыхъ пещерахъ Западной Европы. Въ Ильменской странѣ древнѣйшихъ границъ, по берегамъ Печоры, Камы и другихъ огромныхъ рѣкъ весьма много естественныхъ пещеръ, есть между ними и такія, на высокихъ скалахъ, въ которыя теперь и не пробраться. Новгородскому Обществу дальнія земли въ настоящее время не подручны; хотя весьма слабое изученіе пещеръ не можетъ не манить къ ихъ изслѣдованію, но для начальной работы достаточно изложенія однихъ лишь свѣдѣній, собранныхъ о нихъ разновременно,—которыя и приводятся запиской.

Кромѣ отдаленныхъ земель пещеры имѣются и поблизости, въ отрогахъ возвышенностей Ильменской котловины, извѣстныя обитателямъ поселковъ, преимущественно охотникамъ на звѣря и кладоискателямъ, а также въ отрогахъ Онежскихъ, въ уѣздахъ Тихвинскомъ, Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ. Немало также слѣдовъ обрушившихся пещеръ въ крутыхъ песчаныхъ берегахъ, по рѣкамъ и озерамъ водныхъ областей Мсты, Ловати, Шелони и др. Свѣдѣнія объ этихъ пещерахъ еще болѣе скудны и сбивчивы, все-таки ими не слѣдовало-бы пренебрегать просвѣщеннымъ жителямъ уѣздовъ; сосѣдніе обитатели находятъ тамъ, хотя и нечасто, кое-какіе остатки каменнаго вѣка, сходные съ межледниковыми; особенно часто встрѣчаются съ этими находками по берегамъ озеръ верховья Волги.

Высказывая сомнѣнія объ одновременномъ проживаніи въ Европѣ человѣка и мамонта, и различая совмѣстность захороненія костей послѣдняго съ подѣлками человѣка неодинаковую въ пещерахъ и внѣ ихъ, записка раздѣляетъ подѣлки на разовыя, въ видѣ грубыхъ острореберныхъ осколковъ, и на предназначенныя для постояннаго употребленія. Первыя изготовлялись на мѣстѣ осохшаго трупа и бросались сряду послѣ исполненнаго ими назначенія—отрѣзать куски мерзлаго мяса и раскалывать кости, тутъ же, а другія сохранялись въ постоянномъ или продолжительномъ помѣщеніи человѣка и служили ему долго. Эти послѣднія и по виду и по тщательности обработки одинаковы съ находимыми въ пещерахъ же, или внѣ ихъ, на холмахъ и береговыхъ стоянкахъ новокаменнаго и даже бронзоваго вѣка.

На Коломцахъ и въ Новгородѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ Ильменской земли, собраны и грубыя и изящныя подѣлки,—независимо отъ совмѣстности захороненія съ костями вымершихъ животныхъ великановъ. Тоже самое примѣчено въ Даніи, въ Швеціи,—вообще въ полночно-западныхъ земляхъ Европы. Записка приводитъ о нихъ довольно подробныя свѣдѣнія—для сравнительнаго изученія и составленія свода.

Еще недавно изслѣдователи каменнаго вѣка заключали о древности издѣлій человѣка по веществу и способу ихъ обработки; изготовляемые изъ кремня, кварца, обсидіана и другихъ твердыхъ горныхъ породъ отбивкою, или колотыя, хотя и подправленныя старательно устраненіемъ неровностей мелкою отбивкою же,—считали болѣе древними; отбивныя же, но сверхъ того весьма гладко до блеска оточенныя изъ породъ такихъ же твердыхъ и другихъ, менѣе твердыхъ, а также изъ кости и рога, и снабженыя для прицѣпки къ поясу, или вообще къ одеждѣ, своеобразными, на подобіе воронки съ обѣихъ сторонъ, сверлинами—менѣе древними; крупныя, наконецъ, подѣлки изъ гранита, діорита, сланцевъ и другихъ породъ, приспособленныя какъ рубила, топоры, клинья,—съ трубчатыми сверлинами для насадки на рукоять, оточенныя также совершенно, какъ это дѣлаютъ и теперь,—къ самому концу каменнаго и къ началу бронзоваго вѣка. Показатель костей животныхъ введенъ послѣ.

Нѣкоторые ученые возстали противъ пригодности внѣшности, вещества и обработки подѣлокъ для опредѣленія ихъ относительной древности. Изъ русскихъ первымъ и рѣшительнымъ противникомъ этого пріема выступилъ

А. А. Иностранцевъ въ своемъ изслѣдованіи Ладожанина каменнаго вѣка онъ поставилъ зависимость обработки отъ обилія горныхъ породъ и костей на глазахъ человѣка и отъ легкости приспособленія изъ нихъ подходящихъ къ нуждѣ подѣлокъ; въ полуденномъ побережьи Ладожскаго озера нѣтъ кремня но много сланцевъ и костей, потому человѣкъ и не обработывалъ орудій изъ кремня отбивкою.—Еще и теперь ученые старовѣры придерживаются особенно во Франціи, прежняго пріема.

Въ Коломцахъ нами собрано весьма много подѣлокъ кремневыхъ и костяныхъ,—менѣе роговыхъ и обработанныхъ изъ породъ сравнительно мягкихъ, сланцевъ, діоритовъ, гранитовъ, шифера и др. Всѣ кремневыя приготовлены отбивкою, отъ грубаго откола до тщательной обработки;—костяныя и роговыя—отъ едва тронутыхъ устраненіемъ неровностей—до превосходно оточенныхъ;—сланцевыя и другія—всѣ отточены или сполна—кругомъ, или только наострены въ одномъ концѣ;—воронкообразными сверлинами снабженныхъ весьма мало, только костяныя и почти исключительно мелкія изъ мягкихъ породъ;—кремневыхъ—ни одной; изъ крупныхъ одна діоритовая имѣетъ сверлину, выдолбленную грубо и негладкую.

Въ Новгородѣ и окрестностяхъ найдены крупныя рубящія и другія подѣлки изъ менѣе мягкихъ и сланцевыхъ породъ, съ сверлинами трубчатыми,—гладкими внутри,—сперва выдолбленными, а потомъ оточенными неровно,—и съ обыкновенными воронкообразными; кремневыхъ отбивныхъ здѣсь найдено весьма немного.

Знакомство съ добываніемъ и сохраненіемъ огня относятъ не къ первымъ временамъ появленія человѣка на землѣ и даже въ Европѣ, основываясь на находкахъ грубѣйшихъ его издѣлій, захороненныхъ вмѣстѣ съ разбитыми костями мамонта, но при отсутствіи угля. Между тѣмъ въ пещерахъ встрѣчаютъ и хорошія отбивныя кремневыя, и оточенныя костяныя подѣлки, и цѣлые очаги съ углями и золою и кости вымершихъ великановъ, такъ что можно утверждать о весьма раннемъ знакомствѣ человѣка, покрайней мѣрѣ европейца, съ огнемъ, безъ котораго ему и невозможно-бы пережить хотя-бы и послѣднія времена ледниковыхъ вѣковъ.

Изобрѣтеніе глинодѣлія считалось еще очень недавно зародившимся въ ново-каменный вѣкъ, но находка черепковъ посуды въ пещерахъ съ мамонтовыми остатками ослабила и это мнѣніе.

Въ Коломцахъ найдено много угля и плитокъ, сложенныхъ для очаговъ, собрано огромное число обломковъ глиняныхъ издѣлій, обработанныхъ не менѣе какъ изъ пяти видовъ глины и украшенныхъ разнообразными и часто прекрасно выдуманными узорами. Въ Новгородѣ узорчатыхъ черепковъ найдено всего одинъ; но грубыхъ сосудовъ, сдѣланныхъ отъ руки, безъ помощи гончарнаго колеса, нами собрано нѣсколько образцовъ,—особенно на днѣ Волхова, въ грязно-илистомъ слоѣ. Глубокихъ раскопокъ съ научною цѣлью здѣсь еще не производилось, такъ что нѣтъ основаній ни утверждать, ни отрицать захороненіе на большой глубинѣ обилія такихъ же, какъ и въ Коломцахъ, остатковъ древностей каменнаго вѣка.

Ученые говорятъ, что одновременно съ мамонтомъ, предполагаемымъ неразлучнымъ его спутникомъ, густошерстнымъ носорогомъ, и первобытнымъ человѣкомъ жили крупные травоядные и хищники, кости которыхъ находятъ въ ледниковыхъ наносахъ въ Европѣ и считаютъ, что всѣ они бродили по ея лѣсамъ и равнинамъ и залегали пещеры, норы и логовища. Огромные быки, лось, олень, кабанъ, боберъ, тигръ, медвѣдь, гіена и многіе мелкіе хищники и грызуны пережили большими вѣками мамонта и носорога; слонъ, толстокожій носорогъ, бегемотъ, пещерный медвѣдь, плоскозубый махайродусъ—ушли изъ Европы,—говорятъ ученые—вскорѣ послѣ мамонта и его товарища; позднѣе ихъ откочевали изъ срединныхъ и полуденно-восточныхъ и полуденно-западныхъ частей ея, то къ полночи, то къ востоку и полдню, олень, лось, кабанъ, боберъ, крупные быки, кромѣ только зубра, оберегаемаго въ Бѣловѣжской пущѣ.

Изъ рыбъ и птицъ многія тоже вымерли, или удалились, или измельчали. Для Ильменской земли имѣютъ значеніе крупные сомы, щуки и налимы.

Въ науку о первобытной древности введены, какъ ея показатели, собранныя и собираемыя свѣдѣнія объ остаткахъ животныхъ, захоронившихся съ подѣлками человѣка, въ видѣ отбросовъ его питанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается—прирученіе и одомашеніе нѣкоторыхъ животныхъ, до нашихъ дней помогающихъ благосостоянію человѣка. Вымераніе и удаленіе животныхъ приписывается —то измѣненію воздушныхъ явленій, особенно теплоты и стужи, то уменьшенію растительности, то истребленію ихъ человѣкомъ.

Въ земляхъ Ильменскихъ Европы и Азіи, кромѣ остатковъ вымершихъ животныхъ, собраны и принадлежащія удалившимся; нѣкоторые же виды, давно не встрѣчаемые въ западной и полуденно-западной Европѣ—живутъ еще въ нашемъ полуночьи; особенно многочисленны стада оленя.

Въ Коломцахъ нами собрано много остатковъ костей животныхъ; опредѣлены же далеко не всѣ. Преобладаніе принадлежитъ лосю, волку, кабану, медвѣдю и мелкимъ хищникамъ: лисицѣ, куницѣ и соболю; немало остатковъ огромнаго быка, бобра и выдры; попадаются зубы крупныхъ хищниковъ, похожіе на тигровые; птичьихъ костей немного; изъ рыбьихъ особенно примѣтны позвонки сома;—самый большой имѣетъ въ поперечникѣ почти полтора вершка. На костяхъ невидно слѣдовъ собачьихъ зубовъ; не найдено костей лошади; но въ наплывѣ, поверхъ смытой части жилого слоя, въ Коломцахъ встрѣчаются зубы лошади, очень крупные. Въ Новгородѣ выкопанъ черепъ огромнаго плосколобаго быка, собственно верхвяя часть, съ ясными знаками смертельныхъ ударовъ, нанесенныхъ тяжелымъ орудіемъ съ негладкою поверхностью; найденъ кусокъ бивня мамонта, съ грубымъ приспособленіемъ на какое-то орудіе, и весь бивень, не особенно большой. Въ окрестностяхъ найдено два зуба, разныхъ, по возрасту, особей и кусокъ ребра этого великана.

Все до сихъ поръ сказанное о Коломецкихъ и Новгородскихъ находкахъ уже извѣстно изъ изысканій въ другихъ мѣстностяхъ полуночья Ильменской земли, вообще Россіи и Европы, и не внесетъ въ ожидаемый сводъ новыхъ, для науки о человѣкѣ вообще, данныхъ. Но нами открыты и другія, требующія дальнѣйшихъ изысканій и изученія, какъ представляющіяся особо

выдающимися и имѣющими вѣское значенiе въ вопросѣ о нашемъ собственно родоначалiи и первобытiи прародителей славянъ Ильменскихъ.

Нашими раскопками въ Коломцахъ и наблюденiями въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, обнаружены слѣдующiя данныя.

1) Весьма низкое стоянiе Ильменско-Волховскаго уровня—во время прибытiя на побережье его первозаимщиковъ, послѣ минованiя втораго охлажденiя, въ озерные вѣка,—въ предлѣтописные и перволѣтописные, когда существовалъ уже черезъ Волховъ мостъ на мѣстѣ нынѣшняго; изъ этого слѣдуетъ, что окрестности Новгорода заболотились не особенно давно, а стало быть и сношенiя съ нимъ, какъ срединою тяготѣнiя, сосѣдей не были затруднительны.

2) Каждый разъ послѣ отложенiя ледникомъ глинъ: синевато-сѣрой, буро-красноватой, сизой и кирпичной—озерной, Ильмень и Волховъ при истокѣ сильно понижались, а глины осыхали. Напряженiя теплоты во времена пониженiя уровня водъ были сильны и продолжительны, по крайней мѣрѣ послѣ отложенiя валунныхъ глинъ—буро-красноватой и сизой; въ первой образовались трещины шириною па поверхности въ аршинъ, а глубиною болѣе сажени; осохшая площадь ея, повидимому, была покрыта растительностью, и притомъ настолько густою, что сизая глина, отложившая поверхъ буро-красноватой при послѣдующемъ водообилiи, не могла разжидить послѣдней и дать ей сизую или блѣдно-голубую окраску на границѣ налеганiя, покрайней-мѣрѣ на разстоянiи саженей ста двадцати отъ берега Волхова, поднимающагося въ наблюденной мѣстности надъ теперешнимъ уровнемъ рѣки не меньше трехъ саженъ.

3) На поверхности буро-красноватой валунной глины, въ Новгородѣ, нами лично найденъ предметъ, изъ девонскаго песчаника, близко сходный съ точильными камнями, часто встрѣчающимися на Коломцахъ; одинъ край,—ребро, сточенъ какъ и у нынѣшнихъ брусковъ, дугообразно, а на плоскихъ сторонахъ явственны темныя пятна, какъ-бы пригарныя.

4) Въ числѣ горныхъ породъ, изъ которыхъ обработаны подѣлки человѣка, имѣются, кромѣ мѣстныхъ, печорскiя, урало-алтайскiя и сибирскiя ледовитаго побережья, каковы: доманикъ, яшма, сердоликъ, красный янтарь и слюда,—а въ отдѣльныхъ кускахъ—асбестъ и лидiйскiй камень.

5) Узоръ многочисленныхъ обломковъ глиняной посуды, обработанной прекрасно, хотя и безъ помощи колеса, и обожженой, имѣя въ преобладающемъ большинствѣ образцовъ близкое сходство со всѣми—другихъ мѣстностей, представляетъ и своеобразное, повидимому мѣстное, изобрѣтенiе во многихъ образцахъ, и, на десяткѣ слишкомъ черепковъ, особенно достойное вниманiя. Узоръ этотъ прямо бросается въ глаза своею исключительностью; онъ повторяется одинъ только разъ на черепкѣ собранiя А. А. Иностранцева изъ Ладожскаго побережья и на двухъ черепкахъ, найденныхъ В. В. Передольскимъ на берегу рѣки Маны, притока Енисея, недалеко, верстахъ въ сорока, отъ Красноярска.

Замѣтимъ здѣсь, что слюда, въ маленькихъ тонкихъ лепесткахъ, и асбестъ,—въ незначительныхъ кусочкахъ, могутъ быть относимы, хотя и

съ натяжкой, къ породамъ мѣстнымъ; къ балтійскимъ же пескамъ и къ по Днѣпровью относятъ нѣкоторые ученые и красный янтарь, но лишь предположительно, не имѣя подкрѣпленій вещественными доказательствами. Между тѣмъ коренное залеганіе каплевидныхъ желваковъ краснаго, точно такого же цвѣта какъ Коломецкій, янтаря установлено, наличностью образцовъ, для области Енисея нижняго теченія, на шестьсотъ верстъ полночнѣе Туруханска,—устьевъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море, и для острова Сахалина. В. В. Передольскій самолично нашелъ на берегу Верхней Тунгузки образецъ тамошняго краснаго янтаря и узналъ, что мѣстные инородцы и русскіе называютъ его землянымъ ладаномъ и пользуются какъ благовоннымъ куреніемъ. Слюда, въ образцахъ точно такихъ же какъ Коломецкій, съ сверлинкою, не найдена еще нигдѣ въ Европѣ, но весьма обыкновенна, и притомъ въ пластинахъ одинаковыхъ съ нашими и по размѣрамъ, въ древнѣйшихъ земляныхъ сооруженіяхъ каменнаго вѣка въ полночно-западной сторонѣ Верхней Америки (Лёббокъ).

6) Въ Коломцахъ, въ срединѣ толщи жилого слоя, а въ Новгородѣ въ самомъ низу ея, почти уже на сизой глинѣ, собрано нѣсколько естественныхъ колецъ изъ опоковъ (такъ здѣсь, въ Ледовитомъ побережьи и въ Сибири называютъ окатанныя водою плитки девонскихъ известняковъ) слегка подправленныхъ человѣкомъ для выравниванья, и тонкихъ круглыхъ плитокъ, тоже нѣсколько обработанныхъ. Въ Новгородѣ круглыхъ плитокъ найдено три: двѣ съ сверлиною въ срединѣ, а третья расчерчена, какъ будто для опредѣленія средины, но не просверлена. Подобные предметы, хотя и не одинаковыхъ съ нашими размѣровъ, найдены въ полуночьи Ильменской земли; но точно такія же, какъ Новгородскія, плитки получены при раскопкахъ близъ Иркутска въ Сибири и въ Датскихъ кучахъ съѣдобныхъ отбросовъ (рисунки въ Археол. Россіи гр. Уварова, ч. II, листъ 2, № 3336 и 3337 и въ Сѣверныхъ Древностяхъ Ворсо̀, листъ 18, № 86). Укажемъ кстати на весьма близкое сходство костяной подѣлки, въ видѣ гребня съ рѣдко разставленными зубьями, найденной въ одной изъ пещеръ побережья озера Байкала, въ Сибири, на устьи рѣки Селенги, съ такою же, въ общемъ, взятою изъ датскихъ кучъ отбросовъ (рисунки въ I ч. Археолог. Россіи стр. 203 и у Ворсо̀ на стр. 17, № 82).

7) Въ Новгородѣ, близъ Волхова, на обѣихъ сторонахъ, выкопано, сряду подъ жилымъ слоемъ, въ затоптанной сизой глинѣ, нѣсколько голенныхъ костей коровы (?); выдающіяся къ выгнутой сторонѣ части сочленовыхъ головокъ, и бугры стороны противоположной, сколоты, такъ что кость получила видъ слабо изогнутой дуги; самая крутизна выпуклости гладко стерта Все приспособленіе костей подсказываетъ ихъ назначеніе, соотвѣтствующее нынѣшнимъ лыжамъ и конькамъ. Одинъ изъ осматривавшихъ наши собранія, Бессарабскій уроженецъ, сообщилъ намъ, что тамъ, въ Бессарабіи, до сихъ поръ бѣгаютъ на приспособленныхъ подобнымъ же образомъ костяхъ, по льду, еще не занесенному снѣгомъ, и по насту.

8) Въ Коломцахъ занимаютъ почти всю средину толщи жилого слоя сплошныя кучи обломковъ прѣсноводныхъ раковинъ, слежавшіеся плотно;

тутъ собрано наибольшее число издѣлій человѣка, особенно изъ кремня и кости. Едва ли эти кучи образовались изъ пищевыхъ отбросовъ, какъ Датскія; ближе къ правдѣ объяснять происхожденіе ихъ выливаніемъ жидкости и выкидываніемъ всякаго сора, получаемыхъ при выдѣлкѣ скоры; для дубленія кожи употребляется и теперь, какъ важное квасильное подспорье, известь; прѣсноводныя же раковины построены именно изъ этого вещества. Великое множество скребковъ собранныхъ тутъ, въ раковинныхъ кучахъ, и вездѣ въ жиломъ слоѣ, можетъ подтвердить наше объясненіе; менѣе значительныя кучки, въ видѣ тонкихъ прослоекъ, оказались въ Новгородѣ, при копаньи рва для основанія памятника тысячелѣтія Россіи, на площади Дѣтинца; такіе же тонкіе прослои и мы наблюдали въ Дѣтинцѣ же, между обыденнымъ храмомъ св. Андрея Стратилата и стѣною каменнаго города, и въ полуверстѣ отъ города, на востокъ отъ Молоткова, на небольшомъ холмѣ Сокольемъ, гдѣ былъ Сокольницкій монастырь.

9) Слѣдовъ дерева и указаній на ямы, какъ приспособленія для жилища, вовсе не примѣчается въ Коломцахъ; одинъ только разъ нашли, въ раковинной кучѣ, неразложившіеся куски древесной коры, должно быть дубовой, пригодной для кожедѣловъ. Въ Новгородѣ открыты на полуденной оконечности, гдѣ лѣтописный холмъ „Живогложій"—недалеко отъ праваго берега Волхова, огорѣлые остатки деревянныхъ построекъ, въ которыя изрѣдка употреблялись дубовые кряжи и доски. Хотя эти остатки лежатъ на сизой глинѣ, и прикрыты почти двухсаженною толщею жилого слоя, и хотя въ нихъ и около нихъ найдены предметы каменнаго вѣка, но, судя по рубкѣ построекъ при помощи широкаго и остраго топора, опасно приписывать имъ глубочайшую древность каменнаго вѣка. По степени обугленія дуба и средѣ захороненія знатоки дѣлаютъ приблизительное опредѣленіе времени погребенія и пребыванія его въ землѣ;—въ этихъ видахъ нами собираются образцы дуба, находимаго во многихъ мѣстахъ города на различныхъ глубинахъ.

10) Въ Коломцахъ найдены: въ наплывѣ, прикрывающемъ остатки части снесеннаго водою жилого слоя—обломокъ весьма грубаго, изъ сильно обожженной глины, изваянія человѣка, безъ головы и конечностей; руки отбиты по плечи, а ноги—нѣсколько выше колѣнъ;—въ самомъ жиломъ слоѣ, почти на срединѣ всей толщи, оказалась вырѣзанная изъ плотной кости головка человѣка съ лицомъ весьма узкимъ и съ непомѣрно длиннымъ носомъ; глаза не скошены; на мѣстѣ шеи слѣды излома; на тыльной сторонѣ остатокъ ушка, выдѣланнаго изъ оттянутаго куска той же кости. Вѣроятно эта голова отломилась отъ изваянія всего человѣка, служившаго для ношенія на шеѣ, или на груди, либо для украшенія, либо какъ священный предметъ.—Насколько намъ извѣстно, подобные же находки встрѣчены при раскопкахъ въ Костромской землѣ,—но не въ тѣхъ пластахъ, что на Коломцахъ.

Изъ всѣхъ Коломецкихъ, Новгородскихъ и окрестныхъ находокъ каменнаго вѣка выступаютъ впередъ и занимаютъ видное мѣсто въ первобытныхъ древностяхъ не только Россіи, но и цѣлой Европы, черепа и другія части костяка человѣка. Подробностямъ о нихъ отводится въ запискѣ отдѣльная

статья. Значительная доля свѣдѣній по этому предмету, равно описаніе и объясненія всѣхъ видовъ нашихъ собраній каменнаго вѣка, изложены въ нашей книгѣ „Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель Велико Новгородскаго державства каменнаго вѣка (СПБургъ 1893 г.). Въ запискѣ приводятся подробности и многія дополнительныя, объявившіяся за послѣдніе пять лѣтъ, свѣдѣнія для сравнительнаго изученія всѣхъ двадцати череповъ нашего собранія каменнаго вѣка, межледниковыхъ, озерныхъ и сибирскихъ, въ связи съ четырьмя стами найденныхъ въ самомъ Новгородѣ.

Общій обзоръ и простыя, малыя, измѣренія всѣхъ череповъ нашего собранія, даютъ: во первыхъ,—въ черепахъ каменнаго вѣка, девяти Коломецкихъ, одного Волховского и шести полныхъ и двухъ неполныхъ, Юрьевскихъ,—представителей иберійскихъ, ликурійскихъ, баскскихъ, кельтскихъ и другихъ видовъ, собранныхъ въ западной Европѣ, съ преобладаніемъ первыхъ; и во вторыхъ—въ Новгородскихъ, захороненія предлѣтописныхъ и перволѣтописныхъ вѣковъ, повтореніе череповъ каменнаго вѣка десятками; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ болѣе ясно выраженные признаки такихъ видовъ, какъ неандертальскій, энгизскій, рудстонскій, коуламскій, борребійскій и другіе.

Прочія части костяковъ каменнаго вѣка даютъ, несомнѣнные признаки существованія на Коломцахъ трупосъѣданія—во первыхъ—съ цѣлью только питанія—въ самомъ началѣ жизни человѣка на Коломцахъ,—что подсказываетъ разбросанность костей, по одной, но безъ слѣдовъ зубовъ звѣрей;—и во вторыхъ—трупосъѣданія, вызваннаго вѣрою въ возможность унаслѣдовать, съѣдая покойника, его качества и дать наилучшее погребеніе его тѣлу—что отражается—или въ захороненіи всѣхъ частей костяка въ одной ямѣ, причемъ эти части располагались въ одинаковомъ всегда порядкѣ, съ черепомъ вверху,—или въ круговомъ размѣщеніи всѣхъ ихъ около черепа, кучками. Въ обоихъ случаяхъ на обломкахъ длинныхъ костей имѣются поперечныя насѣчки надъ изломами.

Въ трудахъ Н. Е. Бранденбурга приводятся случаи встрѣчи въ могильныхъ сооруженіяхъ по Волхову и въ при-Ладожьи, съ обломками костей человѣка, внѣшній видъ которыхъ вызвалъ предположеніе изслѣдователя о существованіи и тамъ обычая трупосъѣданія.

По этимъ основаніямъ будущіе сотрудники народоповѣствовательнаго дѣла приглашаются къ особому вниманію при разсмотрѣніи костей человѣка древнѣйшихъ захороненій, если онѣ попадаются не цѣльными, по одиночкѣ, и если не имѣется поводовъ считать позднѣйшей разбросанности ихъ хищными звѣрями, или кладоискателями могильныхъ сооруженій.

Хотя конечная цѣль записки—послужить составленію въ будущемъ свода данныхъ, ожидаемыхъ наукою о человѣкѣ и человѣчествѣ,—но, чтобы предположительно намѣтить взаимную послѣдовательность и связь между разнообразными и разновременными остатками старины, наводящими на пути для направленія изысканій, мы дѣлаемъ выводы и заключенія въ разныхъ мѣстахъ и по окончаніи каждаго отдѣла, изъ приведенныхъ данныхъ.

Въ концѣ записки перечисляются, въ сжатомъ видѣ, всѣ ея данныя, и излагается общій выводъ изъ содержанія, слѣдующій приблизительно:

По минованіи на Ильменско-Волховскомъ побережьи послѣдняго, изъ наиболѣе сильныхъ, напряженія стужи вѣковъ великаго скандинаво-русскаго ледника, и послѣ того, какъ низины осохли, рѣки и озера убрали свои воды—одни въ промытыя бурнымъ теченіемъ жерла, другія въ глубокія котловины,—а земля покрылась растительностью, давшею пріютъ нѣкоторымъ неособенно крупнымъ травояднымъ, грызунамъ и мелкимъ хищникамъ,—на этомъ побережьи появился обширною ордою человѣкъ, съ выработанными уже началами общежитія и раздѣленія труда, съ высокимъ, сравнительно, искусствомъ обработки, посредствомъ отбивки, кремня, отачиванія кости и мягкаго камня, выдѣлки узорчатыхъ глиняныхъ сосудовъ и мелкихъ предметовъ для украшенія; человѣкъ этотъ принесъ съ собою, то въ изготовленныхъ ранѣе издѣліяхъ, то въ кускахъ, горныя породы печорскія, уральскія, алтайскія и, между ними, красный янтарь, залегающій въ низовьяхъ и устьяхъ Сибирскихъ рѣкъ у Ледовитаго моря. Облюбовавъ наше побережье, первозаимщикъ урочища Коломцовъ, мѣстности Славенскаго Холма, предлѣтописнаго, лѣтописнаго и нынѣшняго Новгорода и другихъ возвышенныхъ береговыхъ кряжей, продолжалъ здѣсь развиваться, выдумавъ даже, еще на Коломцахъ, зачатки ваянія. Къ первоначальной ордѣ прибывали другія и, судя по черепамъ, разноплеменныя. Застигнутый, затѣмъ, вновь наступившимъ охлажденіемъ края и угрожаемый водообиліемъ, человѣкъ покинулъ Коломцы,—а, вѣроятно, и другіе невысокіе береговые кряжи, перебравшись частію на ближайшія возвышенности, частію откочевывая, по мѣрѣ подъема водъ, въ разныя стороны, по береговымъ кряжамъ и по горамъ; Славенскаго же Холма человѣкъ не покидалъ, переживъ тутъ водообильные вѣка и сдѣлавъ свою осѣдлость срединою тяготѣнія для сосѣдей, какъ потомковъ одного съ нимъ корня, такъ и другихъ инородныхъ и иноплеменныхъ находниковъ. Человѣкъ этотъ, размножаясь и развиваясь здѣсь много вѣковъ, объявился на зарѣ начальной русской лѣтописи съ именемъ Ильменскаго Славянства и заложилъ первыя основы государственнаго строя Россіи.

Конечный выводъ нашей записки покажется, можетъ быть, людямъ науки не вмѣру смѣлымъ; пусть такъ:—но крайніе взгляды и мнѣнія вырабатываютъ ту золотую средину, которая дорога вездѣ и во всемъ. Мы пришли къ выводу по извѣданной нами почвѣ и высказываемъ заключенія изъ сопоставленія собранныхъ на ней данныхъ съ научными положеніями. Записка наша предлагается всѣмъ вообще почитателямъ родной старины, для мѣстныхъ изысканій; найдены-ли будутъ ими подтвержденія или отрицанія нашихъ заключеній, въ обоихъ случаяхъ записка достигнетъ цѣли; рано-ли, поздно-ли—золотая средина скажется; и появленіе ея будетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ охотнѣе придутъ на помощь Новгородскому Обществу люди науки—передовые представители мірской силы, хотя-бы то были самые безпощадные порицатели изложенія записки, лишь-бы не изъ тѣхъ „которые считаютъ голое отрицаніе верхомъ научнаго остроумія“.

Къ второй части необходимѣе, чѣмъ въ первой, приложеніе рисунковъ, хотя въ ограниченномъ числѣ образцовъ, предметовъ старины и череповъ человѣка. Изданные разными учрежденіями труды съ прекрасными рисунками слишкомъ дороги для книго-хранилищъ общественныхъ и въ большихъ городахъ, а особенно для принадлежащихъ просвѣщеннымъ жителямъ уѣздовъ, если они не занимаются предпочтительно изученіемъ древностей; безъ рисунковъ же записка—какъ безъ рукъ. Будемъ надѣяться на сочувствіе дѣлу, дорогому для русскихъ людей, и ждать издателя рисунковъ.

Приложенія и объяснительные указатели составляютъ третью часть записки.

В. С. Передольскій.

Выписка изъ Устава Новгородскаго Общества Любителей Древности утвержденнаго 24-го Ноября 1894 года, на основаніи Высочайшаго соизволенія 12-го того-же Ноября.

§ 1. Новгородское Общество любителей древности учреждается въ Новгородѣ. Оно имѣетъ цѣлію изученіе памятниковъ старины, находящихся преимущественно въ предѣлахъ Новгородской губерніи, наблюденіе, въ возможныхъ случаяхъ, за ихъ сохранностью и содѣйствіе правительственнымъ учрежденіямъ въ охраненіи ихъ.

§ 2. Для достиженія названной цѣли, Общество собираетъ, описываетъ и хранитъ остатки старины, имѣетъ наблюденіе за памятниками старины и принимаетъ, въ случаѣ надобности, мѣры къ ихъ охраненію; производитъ, съ согласія владѣльцевъ, разнаго рода раскопки и занимается разборомъ сочиненій, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, относящихся до прошлаго Новгородской земли.

§ 3. Общество заботится объ устройствѣ древле-хранилищъ и библіотеки для научныхъ цѣлей.

§ 4. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйвтвительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ.

§ 5. Почетными членами избираются лица, извѣстныя своими учеными трудами, или оказавшія Обществу какую либо услугу, въ томъ числѣ и матеріальнымъ или денежнымъ пожертвованіемъ на сумму не менѣе 300 руб.

Примѣчаніе. Новгородскій Губернаторъ состоитъ почетнымъ попечителемъ Общества.

Списокъ учредителей Общества.

1 Высокопреосвященный Өеогностъ, Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій

Филипповъ Тертій Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Государственный Контролеръ.

Мосоловъ Александръ Николаевичъ, тайный совѣтникъ, Новгородскій Губернаторъ.

Преосвященный Антоній, Епископъ Кирилловскій.

Васильчиковъ, Князь Борисъ Александровичъ, Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора, Новгородскій Губернскій Предводитель Дворянства.

Бровцынъ Борисъ Александровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Предсѣдатель Новгородскаго Окружнаго Суда.

Всеволожскій Владиміръ Николаевичъ, Прокуроръ Новгородскаго Окружнаго Суда.

Багратіонъ-Мухранскій, Князь Николай Николаевичъ, Депутатъ Дворянства Новгородскаго уѣзда.

Ласковскій Василій Павловичъ, Секретарь Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

10 Луговской Павелъ Максимовичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Управляющій Новгородской Контрольной Палатой.

Полянскій Маркъ Ивановичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Муравьевъ Александръ Валерьяновичъ, Земскій Начальникъ Новгородскаго уѣзда.

Мельницкій Александръ Александровичъ, Валдайскій Предводитель Дворянства.

Кршивицкій Александръ Фаддѣевичъ, непремѣнный членъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія.

Лашковъ Николай Аполлоновичъ, старшій хранитель Новгородскаго Музея.

Передольскій Василій Степановичъ, почетный членъ Археологическаго Института.

Павлинскій Өедоръ Николаевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Директоръ народныхъ училищъ Новгородской губерніи.

Вульфъ Александръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Величества, Президентъ Боровичскаго сельско-хозяйственнаго Общества.

Колоколовъ Антонъ Өедоровичъ, Директоръ Новгородской гимназіи.

20 Гальскій Николай Львовичъ, Земскій Начальникъ Череповецкаго уѣзда.

Голицынъ, Князь Павелъ Павловичъ, Новгородскій уѣздный Предводитель Дворянства.

Свѣнцицкій Генрихъ Ипполитовичъ, Управляющій Новгородской желѣзной дорогой.

Савичъ Иванъ Яковлевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Башкировъ Валерьянъ Александровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Товарищъ Предсѣдателя Новгородскаго Окружнаго Суда.

Силинъ Павелъ Михайловичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Бахтинъ Николай Васильевичъ, совѣтникъ Новгородскаго Губернскаго Правленія.

Милютинъ Василій Ивановичъ, инженеръ технологъ, Новгородскій Губернскій механикъ.

Стромиловъ Василій Васильевичъ, Новгородскій Полицiймейстеръ.

Колумбовъ Василій Васильевичъ, надворный совѣтникъ.

30 Орнатскій Василій Семеновичъ, протоіерей Новгородскаго каѳедральнаго Софійскаго собора.

Архимандритъ Михаилъ, ректоръ Новгородской духовной семинаріи.

Соловьевъ Антоній Өедоровичъ, протоіерей, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Софійскій Тимоөей Георгіевичъ, протоіерей Михайло-Архангельской церкви.

Маловъ Өедоръ Алексѣевичъ, настоятель Новгородской Іоанно-Предтеченской церкви, преподаватель Семинаріи.

Прокофьевъ Михаилъ Алексѣевичъ, дѣйствительный членъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Рыкачевъ Алексѣй Петровичъ, Предсѣдатель Новгородской Губернской Земской Управы.

Окуневъ Николай Александровичъ, членъ Новгородской Губернской Земской Управы.

Рейхель Владиміръ Казимировичъ, членъ Новгородской Губернской Земской Управы.

Соловьевъ Александръ Александровичъ, Новгородскій Городской Голова

40 Клайгильсъ Владиміръ Васильевичъ, военный инженеръ, полковникъ.

Смѣтанинъ Григорій Максимовичъ, потомств. почетн. гражданинъ.

Журавлевъ Яковъ Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ.

Можайскій Иванъ Павловичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи 1-го района.

Кржижановскій Рейнгольдъ Казимировичъ, Новгородскій Губернскій Архитекторъ.

Солововъ Викторъ Ивановичъ, Депутатъ дворянства Старорусскаго уѣзда.

Масловскій Константинъ Өедоровичъ, непремѣнный членъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія.

Бернадскій Николай Павловичъ, секретарь Новгородской духовной консисторіи.

Лебедевъ Николай Прохоровичъ, Управляющій Государственными Имуществами Новгородской губерніи.

Бураковскій Сергѣй Захаровичъ, инспекторъ Новгородскаго Реальнаго училища.

50 Иславинъ Михаилъ Владиміровичъ, товарищъ прокурора Новгородскаго Окружнаго Суда.

Набоковъ Сергѣй Дмитріевичъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Величества, товарищъ прокурора Новгородскаго Окружнаго Суда.

Рыкачевъ Петръ Александровичъ, земскій начальникъ Новгородскаго уѣзда.

Путиловъ Павелъ Ниловичъ, уѣздный членъ Новгородск. Окружнаго Суда.

Кошко Иванъ Францевичъ, земскій начальникъ Новгородскаго уѣзда.

Семеновскій Александръ Ивановичъ, Смотритель губернской типографіи.

Піотровскій Феликсъ Осиповичъ, каноникъ, настоятель Новгородской Римско-Католической церкви.

Соколовъ Петръ Васильевичъ, протоіерей, законоучитель Новгородской гимназіи.

Любицкій Викторъ Өедоровичъ, преподаватель Новгородской гимназіи.

Воронецъ Францъ Ивановичъ, гражданскій инженеръ.

60 Слезкинскій Петръ Григорьевичъ, старшій лѣсной ревизоръ.

Вороновъ Александръ Григорьевичъ, Новгородскій купеческій сынъ.
Вороновъ Петръ Дмитріевичъ, Новгородскій купеческій сынъ.
Владимірскій Василій Θедоровичъ, инспекторъ Новгородской гимназіи.
Сперовскій Николай Андреевичъ, преподаватель Новгородской духовной семинаріи.
65 Щербаковъ Филиппъ Ивановичъ, преподаватель Новгородской гимназіи.

ВѢКА ЛѢТОПИСНЫЕ.

ОБЩІЯ ЗАМѢТКИ.

„Только народы совершенно грубые бываютъ равнодушны „къ своему прошедшему; забота о существованіи подавляетъ у „нихъ всѣ другія. Но чѣмъ высшую степень образованности за„нимаетъ народъ, тѣмъ больше онъ принимаетъ участія въ из„слѣдованіи своей старины“.

Императорская Академія Наукъ, въ предисловіи къ книгѣ И. И. А. Ворсо „Сѣверныя древности“. СПБургъ. 1861 г. стр. III.

Просвѣщенному населенію Новгорода Великаго нельзя сдѣлать упрека въ равнодушіи къ мѣстной старинѣ: оно откликнулось на призывъ высшаго научнаго учрежденія еще въ 1863 году и приступило къ собиранію и сохраненію древностей славянъ ильменскихъ. Хотя въ изслѣдованіи и изученіи далекаго прошлаго обитателей Ильменско-Волховского побережья оно и не проявило еще такой-же, какъ во многихъ другихъ городахъ, для отечественнаго минувшаго, дѣятельности, за то теперь, при завидно блестящемъ составѣ членовъ-учредителей Общества, можно смѣло разчитывать на быстрое осуществленіе правъ и строго научное выполненіе обязанностей выраженныхъ въ Уставѣ: стоитъ только уговориться въ направленіи дѣла.

Уставы научныхъ учрежденій всегда излагаются кратко и сжато. Какъбы нибыли многосвѣдущи составители ихъ въ предметѣ намѣчаемой дѣятельности, они недолжны, да и не могутъ ставить опредѣленныхъ границъ ея, расширеніе или сокращеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ научныхъ силъ или направленія изысканій въ ту, или въ другую область знаній руководящихъ и вспомогательныхъ. Поэтому, личному составу здѣшняго Общества и первому, уполномоченному имъ Правленію, обязательно выработать порядокъ предстоящей дѣятельности, средства и способы къ достиженію цѣли, уставомъ намѣченной, и основанія для направленія научныхъ работъ.

Общество учреждено для охраненія, собиранія и изученія мѣстной старины Новгородской земли въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, но неисключительно, а лишь преимущественно. Чтобы приступить къ выполненію этой задачи, нужно выяснить кругъ ея на первыхъ же порахъ, а затѣмъ уже идти къ цѣли прямо, не сбиваясь съ пути; для этого необходимо теперь же установить объемъ понятія старины и составныя онаго части, равно условиться: что охранять, что собирать и изучать;—съ чего начать, какъ, и почему.

Опредѣленіе старины и подраздѣленіе ея.

Подъ стариною вообще разумѣется все, издавна существующее или существовавшее, цѣльное или отрывочное, т. е. дошедшее до насъ вполнѣ или въ остаткахъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Старина бываетъ вещественная и невещественная; первую можно подраздѣлить на предметную, или вещественную въ тѣсномъ смыслѣ, и на письменную,—а вторую на духовную—внутренне-народную или самобытную, и на духовную—заимствованную извнѣ, отъ другихъ народовъ.

Вещественная старина обоихъ видовъ удобно подраздѣляется на древнюю,—до начала отечественной лѣтописи и—лѣтописную; вещественная же предметная будетъ имѣть, кромѣ этихъ двухъ, еще третье подраздѣленіе,—это старина древнѣйшая, остающаяся далеко за предѣлами письменности всѣхъ племенъ и народовъ. Сверхъ того вещественная предметная старина бываетъ наземная и ископаемая, а письменная—собственно отечественная, т. е. Новгородская,—славяно-русская,—вообще славянская и иноязычная.

Подъ стариною наземною понимается все, что остается на поверхности земли; она подраздѣляется на неподвижную и на удобопереносимую; подъ ископаемою же—то, что скрыто въ землѣ. Ископаемая старина бываетъ также неподвижная и удобопереносимая. Неподвижны всякія сооруженія и остатки ихъ, а удобопереносимы сравнительно небольшіе предметы, цѣльные или остатки, легко поднимаемые полностью, безъ поврежденія ихъ вида.

Какъ наземная, такъ и ископаемая вещественно-предметная старина выражается въ тѣхъ же трехъ видахъ по времени, какъ и вещественно-письменная; но для ископаемой древнѣйшей установлены западною наукою три подраздѣленія, соотвѣтствующія уловимымъ степенямъ развитія и роста всего человѣчества, начиная съ появленія его на землѣ. Этимъ подраздѣленіямъ присвоены названія соотвѣтствующія веществу, которымъ человѣкъ пользовался для своихъ нуждъ и потребностей и приспособленія изъ котораго захоронены въ нѣдрахъ земли вмѣстѣ съ неистлѣвшими еще остатками питанія его, въ видѣ костей различныхъ животныхъ, то вымершихъ на всемъ земномъ шарѣ, каковы: мамонтъ, носорогъ, крупнѣйшія быки, кабанъ и др., то перемѣнившихъ свое мѣсто пребываніе, напримѣръ сѣверный олень, соболь; то, наконецъ, еще и теперь живущихъ тамъ, гдѣ находятъ ихъ кости. Если веществомъ для издѣлія служили камень и кость животныхъ, а пищею животныя, вымершія или выселившіяся далеко за предѣлы мѣста древнѣйшей ископаемой старины, время ея захороненія называютъ каменнымъ вѣкомъ; если вмѣстѣ съ издѣліями изъ камня встрѣчаются и бронзовыя (желтая мѣдь), а въ костяхъ животныхъ нѣтъ принадлежащихъ вымершимъ,—но попадаются остатки откочевавшихъ въ другія отдаленныя страны,—это старина бронзоваго вѣка; наконецъ, если съ каменными, костяными и бронзовыми будутъ захоронены издѣлія желѣзныя, а въ остаткахъ животныхъ не найдется принадлежащихъ ни вымершимъ, ни удалившимся, вѣкъ старины будетъ желѣзный.

По отношенію къ ископаемой древнѣйшей старинѣ земли Новгородской приведенное дѣленіе вѣковъ развитія и роста насельниковъ ея не вполнѣ оправдывается сдѣланными до настоящаго времени находками; здѣсь слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на захороненіе старины въ тѣхъ или другихъ слояхъ земли и на пласты, лежащіе выше и ниже находки,—въ послѣднемъ случаѣ на глубинѣ двухъ—трехъ аршинъ; проще и точнѣе находки нашей страны дѣлить на захороненные выше пласта обыкновенной красноватой глины и подъ нимъ. Къ ископаемой старинѣ относятся и кости человѣка. По древности захороненія они подраздѣляются на принадлежащія вѣкамъ каменному, бронзовому и желѣзному. Но для земель Велико-Новгородскаго державства ихъ удобнѣе и правильнѣе подраздѣлять—на захороненныя: а) подъ пластомъ однородной красноватой глины, б) на естественныхъ холмахъ, въ крупныхъ пескахъ, в) курганныя и г)—древнекладбищенскія.

Старина невещественная сказывается въ изобрѣтеніяхъ и вымыслахъ человѣческаго духа, каковы: рѣчь, вѣрованіе, нравы, обычаи, повѣрья, предразсудки, преданія, сказки, пѣсни, былины и т. п. Эта область крайне обширна и особенно трудна для изслѣдованія, но доступна для собиранія хотя и не съ одинаковымъ успѣхомъ по всѣмъ ея видамъ,—какъ понятная для слуха и представленія и удобная для записыванія.

2) Пособія къ изученію старины Новгородской.

Всѣ роды и виды старины давно уже розыскиваются, находимыя изучаются, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ, населенныхъ образованными людьми; труды изслѣдователей, съ рисунками открываемыхъ ими предметовъ древности, изданы на всѣхъ языкахъ Европы и на нѣкоторыхъ Азіи, какъ современныхъ намъ, такъ и уже неслышныхъ въ живомъ говорѣ, или мертвыхъ. Изъ добытыхъ подобными трудами данныхъ выработаны нѣкоторыя положенія, хотя и неимѣющія значенія научныхъ истинъ, но могущія служить руководящими для дальнѣйшихъ изысканій въ указываемомъ ими направленіи.

Въ разныхъ странахъ свѣта давно заведены хранилища для предметовъ вещественной старины, удобопереносимыхъ, и собранія книгъ до древности относящихся. Заведены такія хранилища и собранія и въ разныхъ городахъ Россіи. Около подобныхъ учрежденій, въ городахъ значительно населенныхъ, образовались вездѣ правительственныя и частныя ученыя общества, двигающія взаимными усиліями своихъ членовъ дѣло изученія мѣстной старины все дальше и дальше и издающія труды свои.

Въ Новгородѣ зародилось подобное хранилище древностей и собраніе книгъ еще въ 60 годахъ текущаго столѣтія, по почину недавно скончавшагося почтеннаго почитателя старины, протоіерея Николая Гавриловича Богословскаго. На его благотворный починъ откликнулся бывшій тогда предсѣдателемъ мѣстной губернской земской управы Николай Александровичъ

Качаловъ, съумѣвшій привлечь къ дѣлу отца Богословскаго земство и городское общество. Тогдашній губернаторъ Эд. Вас. Лерхе, съ своей стороны, тоже внесъ долю участія и содѣйствія къ развитію зародившихся у насъ научныхъ учрежденій.

По времени возникновенія подобныхъ учрежденій въ городахъ Россіи, небольшихъ и невыдающихся научною дѣятельностью, Новгородскіе были въ числѣ первыхъ, а по значенію мѣстности въ судьбахъ велико-русскаго народа—важнѣйшими. Неутомимый въ преслѣдованіи своей цѣли отецъ Богословскій сдѣлалъ Новгородское древлехранилище настолько богатымъ, что оно заняло на Всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г., въ С.-Петербургѣ, весьма видное и единственное въ своемъ родѣ мѣсто; отечественные и западные ученые оцѣнили трудъ и успѣхи отца Богословскаго по достоинству, что вызвало его къ удвоенію дѣятельности. Какъ секретарь губернскаго статистическаго комитета, онъ вездѣ отыскивалъ и пріобрѣталъ всякіе остатки мѣстной старины и многое записывалъ. Его дѣятельность и знаніе Новгородской старины скоро разнеслись не только по Россіи, но и по западной Европѣ.

Въ 60-хъ же годахъ началось въ Россіи изученіе старины предметной и собираніе остатковъ ея. Отцу Богословскому неудалось перевести драгоцѣнное собраніе Софійскаго хранилища рукописныхъ книгъ въ основанныя имъ учрежденія; неудалось взять тудаже и многіе, давно уже неупотребляемые при богослуженіи, удобопереносимые предметы старины церковной. Николай Александровичъ Качаловъ получилъ новое назначеніе и выбылъ изъ Новгорода; съ уходомъ его земство и городское управленіе какъ-то сразу охладѣли. Софійскія книго-хранилища и много предметовъ древности увезли изъ Новгорода частію въ С.-Петербургскую Духовную Академію, частію въ Академію художествъ; тудаже и во вновь учрежденное собраніе Артиллерійскаго вѣдомства взяли немало рѣдкихъ предметовъ и изъ древнехранилища о. Богословскаго, которое, при такихъ сокращеніяхъ собранія, вступило на прискорбный путь захуданія. Лишенный денежной поддержки земства и города, отецъ Богословскій предлагалъ тому и другому взять древнехранилище и собраніе книгъ въ ихъ завѣдываніе; но они отказались, недавъ даже и помѣщенія;—пришлось все свалить въ кучу и хранить—на чердакѣ квартиры статистическаго комитета.

Но отецъ Богословскій не остановился въ своей дѣятельности. Въ Москвѣ задумана была къ 1879 году Антропологическая выставка; тамошніе ученые, посѣтивъ Новгородъ и ознакомившись съ отцомъ Богословскимъ, поручили ему собирать по землѣ Новгородской данныя для выставки. Неутомимый нашъ почитатель старины взялся за дѣло съ свойственнымъ ему жаромъ и превзошелъ ожиданія ученыхъ москвичей;—въ трудахъ антропологической выставки напечатано много статей и сообщеній его.

Въ то-же время, лѣтомъ 1878 года, Новгородъ посѣтили Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Отецъ Богословскій сопутствовалъ дорогимъ гостямъ при обозрѣніи города и окрестностей,—показывалъ

Имъ остатки древнехранилища и представилъ полное оскуденіе денежныхъ средствъ его. Великіе Князья изволили назначить на поддержку древнехранилища изъ собственныхъ средствъ пособіе, въ размѣрѣ выдачи ежегодно 400 рублей.

Вскорѣ, затѣмъ, отецъ Богословскій оставилъ должность секретаря статистическаго комитета, получивъ назначеніе по своему сану.

Эдуардъ Васильевичъ Лерхе, имѣя въ распоряженіи сумму, жертвуемую Ихъ Высочествами, нашелъ возможнымъ приспособить для помѣщенія остатковъ древнехранилища и собранія книгъ небольшіе домики, возведенные, повсей вѣроятности въ первой половинѣ XIV столѣтія, впереди древней застѣночной башни, она же и чортова, названная такъ по производившимся тамъ издавна пыткамъ и казнямъ и по положенію большей ея части за стѣною. Домики эти принадлежали дьячему двору, и по уничтоженіи его бывшей тутъ до 1832 года тюрьмѣ. Ко дню празднованія 25 лѣтія царствованія Императора—мученика вновь открыты древне-хранилище и собраніе книгъ.

Убѣжденіями его же, Э. В. Лерхе, богатый землевладѣлецъ и почитатель отечественной науки, Вас. Степ. Барыковъ склонился на пожертвованіе своего драгоцѣннаго и обширнаго собранія книгъ возобновленному научному учрежденію. Другой такой же почитатель, другъ Пушкина, Гоголя, Плетнева, Жуковскаго, Некрасова, Тургенева и современныхъ ему литераторовъ и издателей, Мих. Александр. Языковъ устроилъ безплатное поступленіе нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ; земство и городъ, вызванные пожертвованіемъ членовъ Царскаго Дома, снова поступились нѣкоторыми своими доходами. Такимъ образомъ при статистическомъ комитетѣ образовались Музей и Библіотека.

Мало по малу снова начали поступать отъ монастырей, церквей и частныхъ лицъ пожертвованія предметами старины церковной и бытовой, а отъ ученыхъ учрежденій и обществъ ихъ изданіями.

Но прежній прискорбный путь захуданія нашего собранія не кончился: хоть и по немногу, а все таки время отъ времени остатки старины Новгорода переходили въ столичныя хранилища.

Нынѣшній Губернаторъ, Александръ Николаевичъ Мосоловъ, положивъ конецъ оскуденію Музея, изыскалъ средства къ возможному пополненію и дальнѣйшему благосостоянію его.

Домики, въ которыхъ помѣщались возобновленные въ 1880 году Музей и Библіотека, были ветхи настолько, что ежеминутно грозили, особенно одинъ, разрушеніемъ. Александръ Николаевичъ, какъ всѣмъ намъ извѣстно, нашелъ деньги, и деньги большія, свыше 12 т. руб., чтобы вмѣсто гнилыхъ тюремныхъ построекъ вывести прочное, помѣстительное и красивое зданіе, приспособивъ его и застѣночную башню, это грозное, отжившее кровавый вѣкъ свой чадо времени, къ учрежденію на благое просвѣщеніе,—и сдѣлать его срединою тяготѣнія для мысли, пытающей далекое прошлое нашихъ доблестныхъ предковъ, свободнымъ и доступнымъ для каждаго. Музей открытъ годъ назадъ; его усердно посѣщаютъ нетолько люди образованные, но и рабочій

народъ въ часы своего досуга. В. П. Ласковскій, обязательно принявшій званіе секретаря нашего общества и Ник Аппол. Лашковъ—старшій хранитель Музея составили подробное и обстоятельное описаніе Музея. Въ ближайшемъ будущемъ ожидается открытіе и библіотеки, задерживаемое приведеніемъ ея въ надлежащій порядокъ и составленіемъ каталога.

И такъ, Новгородъ имѣетъ доступные для всякаго Музей и Библіотеку—эти дорогія подспорья при собираніи и изученіи мѣстной старины.

По уставу наше Общество заботится объ устройствѣ древнехранилищъ и библіотеки для научныхъ цѣлей, каковыя, въ случаѣ закрытія Общества, передаются въ вѣдѣніе Новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Такимъ образомъ уставъ связываетъ благосостояніе и преуспѣяніе научныхъ учрежденій статистическаго комитета съ дѣятельностью нашего Общества; эта связь будетъ тѣмъ прочнѣе и благотворнѣе, чѣмъ тѣснѣе другъ къ другу станутъ всѣ три научныя учрежденія.

Вотъ почему Правленіе предлагаетъ просить почетнаго попечителя, обновившаго Музей и Библіотеку и устроившаго наше Общество, довести свое благотворное для отечественной науки дѣло до конца передачею въ пользованіе и распоряженіе Общества любителей древности какъ зданія Музея, такъ и предметовъ его и книгъ библіотеки со всѣми принадлежащими и отпускаемыми имъ суммами.

3) Собираніе свѣдѣній о памятникахъ и остаткахъ Новгородской старины.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наиболѣе цѣлесообразно начать нашу дѣятельность ознакомленіемъ, по возможности близкимъ, съ тѣмъ, что сдѣлано до учрежденія нашего Общества по собиранію и храненію старины и вообще по научнымъ изысканіямъ. Если статистическій комитетъ удовлетворитъ нашу просьбу о его Музеѣ и Библіотекѣ, Правленіе не замѣдлитъ привести въ научный порядокъ эти собранія и позаботится выдѣлить изъ общаго числа всѣхъ предметовъ тѣ, которые принадлежатъ собственно Новгородской землѣ въ широкихъ, древнихъ, предѣлахъ ея, чтобы несмѣшивать остатки Новгородской старины съ другими. Для этого неизбѣжно будетъ выискать и точно опредѣлить мѣстность, откуда полученъ тотъ или другой предметъ и прочія, такъ сказать метрическія, о каждомъ свѣдѣнія, насколько, разумѣется, это будетъ возможно.

Кромѣ общедоступныхъ Музея и Библіотеки статистическаго комитета, имѣются въ Новгородѣ и его округѣ болѣе или менѣе значительныя хранилища удобопереносимыхъ предметовъ старины, въ томъ числѣ книгъ, рукописей, старыхъ дѣлъ и т. п. въ церквяхъ и монастыряхъ, въ разныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ.

Большою извѣстностью изъ церковно монастырскихъ Новгородскихъ пользуются хранилища: Софійское, Юрьевское, Антоніевское, Кирилло-Бѣлозерское, Тихвинское, Валдайско-Иверское и нѣкоторыя другія. Многое изъ

названныхъ и прочихъ церковно-монастырскихъ хранилищъ вывезено разновременно, начиная съ конца XV века, въ Москву, въ Петербургъ и другіе города, гдѣ и хранится. Таковы напримѣръ: лѣтописи, Остромирово Евангеліе, Изборникъ Святослава, Евангеліе Мстиславово, докончальныя грамоты, договоры, Великія Минеи - четьи, поминальники (Синодики) и проч. и проч.; святыя Иконы, напримѣръ Образъ Спасителя Мануйловъ, церковные сосуды, утварь, колокола съ надписями и проч. и проч.

Какъ ни желательно сосредоточить всѣ церковно-монастырскія древности предметныя, рукописныя и печатныя въ одномъ мѣстѣ, въ имѣющемъ составиться древнехранилищѣ нашего Общества,—какъ ни полезно собрать въ немъ же и все, вывезенное разновременно изъ Новгорода, но хотя уставъ и не возбраняетъ намъ проявлять свою дѣятельность за предѣлами современной Новгородской земли, однакожъ возбуждать объ этомъ вопросъ теперь еще неблаговременно. Юное наше Общество должно прежде окрѣпнуть и заявить себя полезнымъ для науки дѣятелямъ въ разработкѣ своихъ только памятниковъ, нынѣшней Новгородской земли. Привести же въ извѣстность по возможности все, что сберегается въ церквахъ, монастыряхъ и разныхъ хранилищахъ Россіи, и что составляетъ старину Новгородскую, слѣдуетъ теперь же. Для осуществленія чего Общество можетъ просить подлежащія учрежденія, непосредственно или при участіи своего Почетнаго Попечителя, о доставленіи въ Правленіе онаго подробныхъ, по возможности, свѣдѣній о хранимыхъ въ завѣдываніи ихъ Новгородскихъ древностяхъ, а изъ церковныхъ, монастырскихъ и другихъ хранилищъ Россіи вообще и Новгородской епархіи въ частности выписокъ изъ описей о находящихся въ ихъ вѣдѣніи предметахъ старины, какъ употребляемыхъ при богослуженіи, такъ и неупотребляемыхъ, а также о старопечатныхъ и рукописныхъ книгахъ и обо всякихъ рукописяхъ, имѣющихъ и неимѣющихъ въ настоящее время для церквей и монастырей имущественно правое значеніе, если таковые отражаютъ несомнѣнныя доказательства Новгородскаго происхожденія. Ознакомленіе съ такими выписками дастъ возможность, зная, гдѣ и что есть Новгородскаго, просить членовъ Общества осмотрѣть, при случайныхъ поѣздкахъ ихъ по своимъ дѣламъ, самые предметы и описать ихъ точнѣе и подробнѣе, а впослѣдствіи, когда понадобится какой либо изъ подробно описанныхъ для изученія въ связи съ другими,—ходатайствовать о доставленіи нужнаго предмета въ древнехранилище наше на время.

Въ церквахъ и монастыряхъ сохраняются, сверхъ вносимыхъ въ описи, предметы старины забытые. Таковы—по большей части, повредившіеся образа, лампады, подсвѣчники, и подобные имъ, малоцѣнные по самому веществу и замѣненные другими. Оставаясь въ темныхъ кладовыхъ или подъ крышами церквей десятилѣтія и даже столѣтія, такіе обломки, при измѣненіи личнаго состава причта, церковныхъ старостъ и сторожей, остаются въ забвеніи и часто въ конецъ разрушаются тлею и ржавчиною. Желательно выдвигать на видъ и такіе остатки старины, при посредствѣ членовъ Общества, которые изъявятъ готовность осмотрѣть, при случаѣ, церковныя кла-

довыя и вышки. Этого рода предметы легче будетъ получать впослѣдствіи въ храненіе Общества, чѣмъ первые; къ тому же, если эти предметы поступятъ прямо въ храненіе наше, можно будетъ съ большими удобствами и съ большею увѣренностью изучать вліяніе того, или другаго мѣста производства на участокъ земли Новгородской, въ которомъ найдется давно забытый предметъ, а отсюда заключить о развитіи промысла и искусства въ мѣстахъ производства. Еще недавно, надъ-церковья и подцерковья въ самомъ Новгородѣ были завалены подобными забытыми обломками всякой утвари. Хотя размноженіе, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, общественныхъ и частныхъ собраній старины вызвало къ особо-усиленной и невсегда законной дѣятельности духъ наживы и набѣги подгоняемыхъ имъ торговцевъ стариною сюда, въ Новгородъ,—хотя эти находники и поочистили складовыя церковныя,—но они не успѣли еще всего обобрать, особенно въ дальнихъ мѣстахъ.

Изъ другихъ правительственныхъ, кромѣ епархіальныхъ, учрежденій ни одно, сколько извѣстно, не имѣетъ хранилищъ старины предметной; за то въ каждомъ много старины письменной, архивной. Хотя время отъ времени такія собранія и освѣжаются продажею старыхъ дѣлъ на вѣсъ бумаги, тѣмъ неменѣе есть основанія найти въ нихъ цѣнныя рукописи. Предъ освѣженіемъ, обыкновенно, составляются описи старыхъ дѣлъ, ненужныхъ для дальнѣйшаго производства, за извѣстное число лѣтъ; описи разсматриваются начальствомъ и дѣла особенной важности оставляются для дальнѣйшаго храненія. Рукописей глубокой старины здѣсь едвали можно отыскать,—но для изученія края съ бытовой стороны дороги бываютъ указанія и изъ недавняго прошлаго, лишь бы они были вѣрны; восходя отъ недавняго къ болѣе древнему времени по изслѣдуемому предмету, легко найти въ недавнемъ точномъ и вѣрномъ отраженіе стараго прошлаго, представляющагося, по памятникамъ ему современнымъ, неполнымъ и туманнымъ.

Многіе изъ насъ переживаютъ второе, а нѣкоторые и третье царствованіе; на нашихъ глазахъ совершились великія преобразованія въ строѣ внутренней жизни, сказавшіяся осязательно для мыслящаго наблюдателя въ положительномъ или отрицательномъ видѣ. Новыя начала сродняются съ жизнью невдругъ—колебанія при этомъ неизбѣжны и естественны. Мы, современники вліянія преобразованій на ту или другую мѣстность въ большинствѣ явленій, ими вызванныхъ, можемъ легко найти причины и объясненія слѣдствій ихъ; а пройдетъ полвѣка, тѣ и другія потеряютъ современную намъ прозрачность. По этому собираніе и посильное изученіе данныхъ недавняго прошлаго, объясняющихъ причины и слѣдствія явленій внутренней жизни, такъ или иначе повліявшихъ на дальнѣйшій ростъ ея, не можетъ быть оставлено нашимъ Обществомъ безъ вниманія, какъ дѣло полезное для науки и для края.

При содѣйствіи Почетнаго Попечителя хранилища старыхъ дѣлъ правительственныхъ учрежденій, по всей вѣроятности, откроются для членовъ Общества или для его Правленія, чтобы составлять изъ нихъ извлеченія,

если передача подлинныхъ дѣлъ въ Общество для дальнѣйшаго храненія и не будетъ разрѣшена.

Въ большинствѣ правительственныхъ учрежденій имѣются законныя книги стараго времени, сборники указовъ, предписаній (циркуляровъ) начальства, выписокъ изъ судебныхъ дѣлъ, или такъ называемыхъ протоколовъ и журналовъ, послѣдніе обыкновенно въ переплетахъ. Ненужные болѣе по отмѣнѣ, и занимая лишь мѣсто на архивныхъ полкахъ, эти книги, хотя разрозненныя по большей части, будутъ весьма полезны для Общества, какъ по ссылкамъ на нихъ въ старыхъ дѣлахъ, такъ и по даннымъ, содержащимся въ журналахъ и протоколахъ, подлинныя дѣла по которымъ уже уничтожены. Въ передачѣ ихъ для книгохранилища Общества затрудненій вѣроятно не встрѣтится; изъ повторенія же въ архивахъ разныхъ учрежденій одинаковыхъ, хотя и разрозненныхъ, книгъ законовъ и предписаній возможно будетъ составить полное ихъ собраніе.

Въ учрежденіяхъ частныхъ Обществъ если и хранятся предметы старины, они вѣроятно немногочисленны;—значительны собранія, принадлежащія нѣкоторымъ частнымъ лицамъ: А. Н. Мосолову, А. М. Морголи, В. П. Ласковскому и другимъ. У меня большое и разнообразное собраніе преимущественно бытовыхъ остатковъ и особенно значительно собраніе остатковъ каменнаго вѣка, собранныхъ въ самомъ Новгородѣ, его окрестностяхъ и пятинахъ; имѣется болѣе ста рукописей отъ XV—XVIII вѣка. Вѣроятно ни Общества, ни частныя лица не откажутся доставить въ Правленіе свѣдѣнія о своихъ собранныхъ предметахъ старины съ наименованіемъ и описаніемъ ихъ и съ указаніемъ—когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ найденъ каждый предметъ.

Нѣкоторыя правительственныя и частныя учрежденія, а также и частныя лица имѣютъ собранія книгъ болѣе или менѣе значительныя; при учрежденіяхъ правительственныхъ такія собранія составляются на средства, хотя вообще и отпускаемыя отъ казны, но расходуемыя на внутреннее хозяйство, не подлежащее учету, и предоставленное посредственному вѣдѣнію ближайшаго начальства. Книги выписываются на счетъ сбереженій изъ этихъ средствъ и потому составляютъ частную собственность служащихъ; прочитанныя своевременно, они затѣмъ остаются на храненіи въ учрежденіи и рѣдко требуются во второй и третій разъ.

Такія собранія имѣются въ канцеляріи Новгородскаго Губернатора, въ Губернскомъ Правленіи и въ другихъ казенныхъ мѣстахъ. Въ первыхъ двухъ учрежденіяхъ хранится собраніе изданій, имѣющихъ прямое отношеніе къ занятіямъ нашего Общества—это Русскій Архивъ и Русская старина.

При Новгородскихъ учебныхъ заведеніяхъ составились издавна богатыя собранія научныхъ книгъ. Важнѣйшимъ представляется принадлежащее духовной семинаріи. Оно возникло при знаменитомъ современникѣ и сотрудникѣ Петра Великаго, Новгородскомъ Архіепископѣ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, положившемъ въ основаніе свою библіотеку. Назадъ тому лѣтъ 30 это собраніе имѣло свыше 20 т. томовъ и много драгоцѣнныхъ рукописей,

ожидающихъ изученія и изданія. Есть объ этомъ книгохранилищѣ преданіе, сколько любопытное вообще, столько же и важное для нашего Общества. Говорятъ, въ одной изъ стѣнъ книгохранилища замурованы, по повелѣнію основателя его, принадлежавшія ему черныя книги. Извѣстно долгое обращеніе въ рукахъ русскихъ христіанъ разныхъ гадательныхъ и предсказательныхъ рукописныхъ книгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ перечисляются въ 22 вопросѣ Царя Стоглавому собору, 1547—1549 гг. въ главѣ 41 „О Ересѣхъ: Кто знаетъ и держится рафли, шестокрылъ, вороновъ грай, остроломію, зодіи, альманахъ, звѣздочетъ, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія“. Что это за книги, какія содержатъ онѣ мудрости еретическія и коби бѣсовскія—неизвѣстно наилучшимъ знатокамъ древней русской письменности. Насколько соотвѣтствуетъ преданіе дѣйствительности вообще, нельзя судить, если оно повѣствуетъ о временахъ особенно далекихъ; самый неутомимый и безгрѣшный изслѣдователь не въ силахъ очистить преданіе отъ дополненій и прикрасъ разсказчиковъ; основа преданія чаще оказывается неуловимою, но она чувствуется въ глухоотражающихся туманныхъ оттѣнкахъ цѣпи событій имовѣрныхъ, если и невсегда несомнѣнныхъ, направляющихся или ко времени и существу преданія, или отъ него къ вѣкамъ ближайшимъ и современному изслѣдователя. Время Ѳеофана Прокоповича еще не далеко, перемѣны помѣщенія семинарской библіотеки возможно прослѣдить по бумагамъ архива Семинаріи; это образовательное учрежденіе существуетъ непрерывно все въ томъ же мѣстѣ, гдѣ основано; и учителя и учащіеся могли передавать о замурованіи еретическихъ книгъ точныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе что преданіе коротко и цѣльно. Въ виду этого нельзя не желать изслѣдованія стѣнъ семинарскаго книгохранилища хотя-бы простымъ выстукиваніемъ, всегда или почти всегда указывающимъ на пустоту въ каменной кладкѣ, чтобы имѣть поводъ просить епархіальное начальство о дозволеніи вскрыть стѣну на мѣстѣ пустоты.

Богатое собраніе принадлежитъ мѣстной гимназіи, зародившееся тоже въ половинѣ прошедшаго столѣтія, при Императрицѣ Екатеринѣ II, когда учреждено было Губернское училище, преобразованное впослѣдствіи въ Гимназію.

Оба собранія, Семинарское и Гимназическое, пополняются ежегодно изданіями правительственныхъ научныхъ учрежденій.

Молодыя, по времени открытія, здѣшніе Реальное училише и Женская гимназія успѣли уже обзавестись тоже хорошими собраніями книгъ.

Частныя общества, клубы, дворянскій, военный и соединеннаго общества имѣютъ библіотеки, состоящія изъ ежемѣсячныхъ изданій, въ каждомъ изъ которыхъ есть научный отдѣлъ.

Немало книгъ научнаго содержанія въ Публичной библіотекѣ І. І. Игнатовскаго и въ рукахъ частныхъ лицъ;—укажемъ на нѣкоторыя болѣе выдающіяся собранія: Вас. Павл. Ласковскій, почтенный секретарь нашего Общества, ближайшій и неутомимый сотрудникъ Александра Николаевича Мосолова по устройству зданія для Музея, по умѣлому розысканію и со-

биранію остатковъ старины, по выбору книгъ для библіотеки статистическаго комитета и по упомянутому уже изданію каталога,—скопилъ необширную по объему, но драгоцѣнную по содержанію собственную библіотеку; она замѣчательна какъ единственное, насколько мнѣ извѣстно, изъ всѣхъ здѣшнихъ, собраніе книгъ о Новгородѣ и его старинѣ, изданныхъ въ текущемъ столѣтіи. Въ его же рукахъ находится большое собраніе свѣтописныхъ изображеній древнихъ сооруженій, преимущественно церковныхъ, въ разныхъ мѣстахъ земли Новгородской; это собраніе тѣмъ собственно дорого, что даетъ вѣрное представленіе о сооруженіяхъ далекихъ уѣздовъ, Бѣлозерскаго, Кирилловскаго и Череповскаго, рѣдко посѣщаемыхъ любителями и знатоками старины и мало имъ знакомыхъ.

Вик. Ѳед. Любицкій, любознательный членъ нашего Общества, въ теченіе многихъ лѣтъ составилъ обширное собраніе научныхъ книгъ по естествовѣдѣнію и другимъ областямъ знаній, руководящихъ въ изысканіяхъ о развитіи человѣчества, и входящихъ вообще въ кругъ народовѣдѣнія.

Немаловажно собраніе Сергѣя Захаровича Бураковскаго, особенно цѣнное по изысканіямъ о народномъ творчествѣ, сказавшемся въ произведеніяхъ мысли и слова, съ отдаленныхъ временъ, захватываемыхъ первыми памятниками отечественной письменности.

Хорошее собраніе пріобрѣтено недавно Г. М. Смѣтанинымъ; оно составилось изъ книгъ профессора Московскаго университета С. Н. Орнатскаго и преподавателя корпуса Гр. Аракчеева П. И. Бутакова. Много книгъ, служащихъ пособіемъ для изученія нашего прошлаго, и въ моемъ собраніи.

Изъ приведеннаго краткаго перечня нельзя не усмотрѣть, что Новгородъ, при настоящемъ захолустномъ своемъ положеніи, далеко нечуждъ научныхъ стремленій. Въ окрестностяхъ его и въ уѣздахъ тоже немало книгохранилищъ; нельзя не остановиться, напримѣръ, на библіотекахъ князя Б. А. Васильчикова, кн. П. П. Голицына, М. А. Костливцева, В. Я. Стромилова и другихъ.

Научныя книгохранилища составляются большими десятилѣтіями и поглощаютъ много денегъ. Новгородское Общество любителей древности только что зародилось; оно, какъ и всѣ частныя общества подобнаго рода, не имѣетъ никакихъ средствъ; о составленіи собственной библіотеки, которая соотвѣтствовала бы задачѣ нашей, нетолько теперь, но даже и въ десятилѣтнемъ будущемъ, нельзя и мечтать. Между тѣмъ книги—это основа всякой научной дѣятельности; при всей беззавѣтной любви къ предмету, области далекаго, еще неразгаданнаго, народнаго прошлаго,—къ предмету на который направляется духовная сила мыслящаго работника, чтобы постигнуть его, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ,—невозможно осилить и освѣтить путь изысканій такъ, чтобы онъ не имѣлъ уже туманныхъ пятенъ,—если не изучить предварительно всѣхъ тѣхъ путей, которыми шли другіе болѣе ранніе изслѣдователи и не достигли намѣченной цѣли. Задача нашего Общества не исчерпывается одною только любовью къ старинѣ, однимъ только собираніемъ остатковъ ея. Любятъ старину, какъ и всякій предметъ, выходя изъ различныхъ взглядовъ на нее, изъ различныхъ побужденій; со-

биратель, объятый духомъ наживы, видитъ въ старинѣ средство, дающее ему прибыль,—собиратель тщеславный любитъ ее изъ хвастовства и соперничества,—собиратель по принятой на себя служебной обязанности—чтить старину, какъ средство для отличія и т. д. Наша же любовь преслѣдуетъ научно-воспитательное ея значеніе,—уставъ предоставилъ намъ „заниматься разборомъ сочиненій, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, относящихся до прошлаго Новгородской земли"—той земли, которая была колыбелью Государственной жизни славяно-русскаго народа и, какъ выясняется изъ моихъ послѣднихъ изслѣдованій, его праотцовъ, ледниковыхъ европейцевъ—каменнаго вѣка. По этому то Правленіе и предположило, прежде чѣмъ приступать къ изысканію средствъ и способовъ для собранія и храненія остатковъ старины—озаботиться устройствомъ древнехранилищъ для собранныхъ уже еще до утвержденія Общества предметовъ старины и библіотеки для научныхъ цѣлей, разумѣя подъ послѣднею не обладаніе книгами на правахъ собственности, невозможное при наличныхъ средствахъ нашихъ, а приведеніе въ извѣстность печатныхъ и рукописныхъ трудовъ научнаго содержанія, хранящихся въ Новгородѣ въ разныхъ учрежденіяхъ и обществахъ и у частныхъ лицъ.

Указавъ на извѣстныя намъ собранія книгъ, позволительно надѣяться, что обладатели ихъ не откажутъ сообщать каталоги своихъ библіотекъ въ Правленіе Общества на время, для выборки изъ нихъ тѣхъ названій книгъ, которыя соотвѣтствуютъ нашей задачѣ. Сдѣлавъ, затѣмъ, сводъ всѣхъ научныхъ трудовъ, имѣющихся въ Новгородскихъ и ближайшихъ окрестныхъ книгохранилищахъ по предметамъ, входящимъ вообще въ науку о древностяхъ, Правленіе откроетъ этимъ сводъ для нуждающихся въ немъ, членовъ-ли, постороннихъ-ли Обществу лицъ, безразлично. Если понадобится книга, хранящаяся въ одной изъ приведенныхъ въ извѣстность библіотекъ, Правленіе предполагаетъ просить хозяевъ ихъ—или дать нужную книгу на опредѣленное время въ пользованіе наше, подъ условіемъ отвѣтственности Общества за цѣлость и сохранность ея, или дозволить извѣстному Правленія и желающему ознакомиться съ содержаніемъ книги лицу, читать ее въ мѣстѣ храненія, съ такою же отвѣтственностью.

Правительственныя и частныя ученыя учрежденія и общества, издаютъ свои труды. По предметамъ предполагаемыхъ занятій юнаго нашего Общества особенную важность представляютъ изданія Императорскихъ: Академіи наукъ, Археологической коммисіи, обществъ: Русскаго и Московскаго археологическихъ, Русскаго естественно-историческаго и Московскаго—любителей естествознанія;—Археографической коммиссіи, Археологическаго института, обществъ: историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и естествовѣдѣнія при Императорскихъ университетахъ и другихъ. Большинство этихъ учрежденій и обществъ обладаетъ значительными денежными средствами, дающими надежду или на пожертвованіе ими нашему Обществу своихъ изданій прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ, или на высылку во временное пользованіе тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣтится надобность, съ ручательствомъ за цѣлость и сохранность.

Осуществленіе высказанныхъ желаній нетолько полезно, но и въ значительной мѣрѣ необходимо для успѣховъ нашего Общества.

Уставъ предоставляетъ намъ изысканія о старинѣ Новгородской земли въ нынѣшнихъ ея границахъ не исключительно, а только преимущественно; нынѣшними границами исчерпывается пространство лишь небольшой части до лѣтописныхъ и перволѣтописныхъ предѣловъ Велико-Новгородскаго державства; они занимали, нѣкогда, всю полночно-восточную и полночно западную часть нынѣшней Европейской Россіи, переваливая даже за Уральскій хребетъ, въ Сибирь, за облость рѣки Оби и ея притоковъ,—а къ полдню опускаясь за Волгу верхняго и средняго теченія и въ по—Днѣпровье; на западъ предѣлы нашей страны убѣгали въ Балтійское море. Въ самыхъ древнихъ, изъ уцѣлѣвшихъ, договорахъ Великаго Новгорода съ державцами княжеской Руси перечисляются: Волокъ со всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжиче, Городецъ, Палецъ, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочье, Кало, Тре, Перемъ, Печера, Югра, Вологда (собраніе графа Румянцева и Древняя Вивліоѳика); но эти земли были за Новгородомъ уже во второй половинѣ XIII вѣка, когда образовались сильныя княжества: суздальское, кіевское и другія, для которыхъ пришлось ему поступиться древними своими владѣніями. По этому собираніемъ свѣдѣній о сохраняемыхъ въ настоящее время остаткахъ старины въ разныхъ мѣстностяхъ одной только нынѣшней Новгородской земли, мы сдѣлаемъ далеко не все. Чтобы дать изслѣдователямъ твердую почву и чтобы самимъ въ дальнѣйшемъ направленіи изысканій получить несомнѣнныхъ руководителей въ собранныхъ бытовыхъ остаткахъ, необходимо ознакомиться съ подобными же земель сосѣднихъ, входившихъ въ составъ Велико-Новгородскаго державства и имѣющихъ уже довольно подробныя свѣдѣнія о мѣстной старинѣ, относительно хорошія собранія остатковъ ея и научныя изысканія о древностяхъ. Безусловно полезны въ этомъ отношеніи собранія: Тверское Авг. Казим. Жизневскаго, Ярославское, Ростовское и Псковское, а также Петербургскія, Московское, Юрьевское (Дерптское), Рижское и, по возможности, Сибирскія.

Въ кругъ занятій нашего Общества неизбѣжно войдутъ изысканія о древнѣйшей до лѣтописной старинѣ,—а это расширяетъ уже кругозоръ научной дѣятельности за предѣлы и указанныхъ границъ страны Новгородской. Наши и иноземные славянскіе изслѣдователи памятниковъ вещественныхъ славянскаго міра, а также народовѣды всей Европы, находятъ близкое, кровное родство славянъ съ племенемъ литовскимъ, раскинувшимся широко въ западной и юго-западной Россіи, въ землѣ польской, какою она была до раздѣла, и по всему Балтійскому побережью. Въ сочиненіяхъ изслѣдователей литовско-полькой старины много важныхъ для земли Новгородской данныхъ. Въ Вильнѣ, столицѣ литовскихъ державцевъ, давно заведено собраніе разнообразныхъ предметовъ мѣстныхъ древностей. Тамъ былъ университетъ и археологическое общество, теперь тамъ еще работаетъ коммиссія для разборки древнихъ письменныхъ памятниковъ; тамъ, наконецъ былъ и послѣдній IX археологическій съѣздъ въ минувшемъ году; во время приготовленій къ съѣзду собрано въ одно мѣсто много новооткрытыхъ данныхъ по изученію края.

Западными и отчасти нашими учеными устанавливается родство славянъ, какъ древнѣйшихъ насельниковъ полуночья Европы, съ племенами Скандинавскими и Германскими, давно уже обособившимися отъ славянскаго.

Нѣкоторые памятники старины Скандинавской, вещественно-предметные и вещественно-письменные, какъ напримѣръ—Саги, нѣкоторыя названія урочищъ, жилыхъ поселковъ, и другіе остатки древнѣйшей старины указываютъ на взаимныя сношенія насельниковъ нашей страны со всѣми землями Скандинавскими и съ Исландіею уже въ тѣ, хотя далекія, но доступныя изслѣдованію времена, когда употреблялись письмена руническія. Извѣстенъ договоръ, заключенный между Великимъ Новгородомъ и Норвегіею, написанный рунами; хотя противъ подлинности его и возбуждено сомнѣніе въ первой еще четверти текущаго столѣтія, въ самый разгаръ ожесточенной борьбы между отечественными изслѣдователями старины, раздѣлившимися на два стана—защитниковъ начальной русской лѣтописи и ея отрицателей,—но въ недавно найденныхъ листахъ пятой части Румянцевскаго собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, долгое время остававшихся забытыми въ Московскихъ кладовыхъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ,—имѣется договоръ 11 Іюня 1326 года (№ 108), заключенный Владыкою св. Моисеемъ, посадникомъ Олформіемъ и тысяцкимъ Астафіемъ съ Якуномъ, посломъ великаго государя Магнуса, короля Норвежскаго, Шведскаго и Готѳскаго, о неприкосновенности границъ земель обѣихъ сторонъ „по древнему разграниченію или раздѣленію земель (secundum antiquam terrae consideracionem vel divisionem)". Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи существуютъ богатѣйшія собранія старины; тамъ изданы замѣчательно строгія и добросовѣстныя изслѣдованія разнообразнѣйшихъ остатковъ древности, начиная съ каменнаго вѣка; нѣкоторыя переведены и на русскій языкъ (Ворсо). Финляндское собраніе при Гельсингфорскомъ университетѣ поступаетъ, если уже не поступило, въ храненіе Императорской Археологической коммиссіи.

Въ Германіи также много потрудились для собранія и изученія древности вѣковъ незапамятныхъ.

Со всѣми поименованными и другими научными учрежденіями слѣдуетъ войти въ сношенія и установить, по возможности, наиболѣе тѣсное общеніе для взаимнаго обмѣна свѣдѣніями объ изысканіяхъ и открытіяхъ въ области новыхъ находокъ памятниковъ и остатковъ старины всѣхъ родовъ и видовъ, и просить о присылкѣ для нашего собранія книгъ и другихъ изданій трудовъ ихъ, имѣющихъ отношеніе къ странѣ Новгородской и древнѣйшимъ насельникамъ ея.

Намѣтивъ бѣглымъ очеркомъ подготовительныя работы, необходимыя для успѣха въ изысканіяхъ, и разсчитывая, что ради безкорыстія труда, на который наше Общество добровольно обрекаетъ свои силы и ради чисто одной только научной цѣли нами прислѣдуемой, старѣйшие наши братья откликнутся на призывъ нашъ и окажутъ свое содѣйствіе,—перейдемъ къ изложенію предположеній о тѣхъ средствахъ и способахъ, которые на пер-

вое время представляются намъ подсильными для охраненія памятниковъ старины, болѣе или менѣе извѣстныхъ и изученныхъ, равно малоизвѣстныхъ или забытыхъ современными дѣятелями науки, хотя и извѣстныхъ на мѣстѣ, или вовсе неизвѣстныхъ ни ученымъ, ни на мѣстѣ, по возможныхъ къ открытію, по нѣкоторымъ указаніямъ древней письменности и народнаго говора и, наконецъ, къ собранію и храненію такихъ остатковъ старины, которые покоятся много вѣковъ въ нѣдрахъ земли, имѣющей на поверхности признаки захороненія ихъ именно тутъ.

4) Наблюденіе за уцѣлѣвшими памятниками древности и остатками ея.

Уставъ далъ нашему Обществу дорогое право—имѣть наблюденіе за памятниками старины, принимать, въ случаѣ надобности, мѣры къ ихъ охраненію (§ 2) и содѣйствовать въ этомъ же правительственнымъ учрежденіямъ (§ 1). Предоставляя такое право и неуказывая границъ онаго, уставъ различаетъ памятники старины и ея остатки.

Это право исчерпываетъ въ наибольшей мѣрѣ нашу задачу и потому требуетъ точнаго опредѣленія понятій „памятника“ и „остатка“ старины—по отношенію къ Новгородскимъ древностямъ.

Въ живомъ народномъ говорѣ памятникомъ зовется, во первыхъ, какое-бы нибыло сооруженіе, возведенное въ извѣстное время и по извѣстному случаю, и во вторыхъ—всякія вообще письменныя и другія произведенія человѣческаго ума и его художественнаго творчества. Сообразуясь съ этимъ, памятниками старины надобно считать такія сооруженія и притомъ цѣльныя, время и поводы возведенія которыхъ или точно извѣстны по письменнымъ, невозбуждающимъ сомнѣнія, свидѣтельствамъ, или установлены путемъ научныхъ изысканій, или, наконецъ, которыя возведены когда либо, во времена невѣдомыя, но непремѣнно руками человѣка и для достиженія цѣли, или цѣлей, ясно указываемыхъ свойствомъ сооруженія.

Тѣже самыя сооруженія и произведенія духовной природы человѣка, по такимъ же причинамъ и для тѣхъ же цѣлей созданныя когда-то, въ древнѣйшія-ли, или въ менѣе древнія, или и вовсе въ недавнія времена, но несохранившіяся въ цѣльномъ своемъ видѣ, а лишь въ значительной части, по которой возможно судить о первональномъ видѣ ихъ въ цѣломъ,—слѣдуетъ считать, по смыслу устава, остатками старины.

Но памятниками и ихъ остатками вообще не исчерпывается весь объемъ понятія о старинѣ; при всестороннемъ изученіи ея приходится встрѣчаться съ болѣе или менѣе видными слѣдами стародавняго быта человѣка; задачѣ Общества не можетъ быть чужда забота объ охраненіи и изслѣдованіи и такихъ слѣдовъ. Слѣдовательно объемъ понятія о старинѣ Новгородской слѣдуетъ, думается, разчленить на три части: памятники, остатки и слѣды, съ подходящими къ каждой подраздѣленіями.

ПАМЯТНИКИ, ОСТАТКИ И СЛѢДЫ НОВГОРОДСКОЙ СТАРИНЫ.

Трудами именитыхъ ученыхъ уже обслѣдовано и объяснено, какъ мы знаемъ, много предметовъ Новгородской старины,—преимущественно тѣхъ, которые еще цѣлы и теперь, особенно церковныхъ. Разборъ и оцѣнка подобныхъ трудовъ хотя и предоставлена Обществу, но въ этой запискѣ мы будемъ только касаться ихъ въ подходящихъ случаяхъ, насколько понадобится для яснаго изложенія ея содержанія; отъ повтореній же изслѣдованнаго основательно и всесторонне воздержимся, направляя наши объясненія къ тѣмъ предметамъ старины, которыя либо вовсе не тронуты трудами прежнихъ изслѣдователей, либо изучены и объяснены въ то время, когда не были еще открыты источники, обнародованныя уже послѣ появленія трудовъ. Изслѣдованнымъ до нашихъ изысканій предметамъ, съ краткимъ обзоромъ объясненій, отведено будетъ особое мѣсто, какъ необходимое, въ числѣ другихъ, приложеніе къ этой запискѣ.

Памятники старины церковной.

Мы знаемъ, что въ Новгородѣ и его уѣздахъ особенно много древнихъ церковныхъ сооруженій, состоящихъ въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, это церкви и монастыри; каждое изъ нихъ имѣетъ, за весьма немногими исключеніями, опредѣленное назначеніе, служа жизненнымъ—духовнымъ цѣлямъ населенія. Упомянутыя весьма немногія исключенія—это, такъ сказать, сооруженія, неимѣющія самостоятельной дѣятельности, каковы церкви приписныя, состоящія въ вѣдѣніи ближайшихъ приходскихъ. Пустующихъ въ точномъ смыслѣ, или заброшенныхъ церковныхъ сооруженій совсѣмъ нѣтъ

Есть въ епархіальномъ вѣдомствѣ земли Новгородской церкви при дворянскихъ поселкахъ, воздвигнутыя благочестивыми помѣщиками, есть и часовни сооруженныя при поселкахъ крестьянскихъ. Дворянскія церкви возникли большею частью рядомъ съ помѣщичьими усадьбами въ такихъ мѣстахъ, которыя отстоятъ отъ церквей приходскихъ въ значительномъ отдаленіи; часовни учреждаются независимо разстоянія отъ церквей и погостовъ или по одному побужденію благочестія, или въ память о какомъ либо радостномъ или горестномъ „Божьемъ посѣщеніи“ обитателей поселка. Иногда часовни воздвигаются, по такимъ же побужденіямъ, и на пустыряхъ.

Сооруженія монастырскія и церковно-приходскія охраняются начальствомъ и причтомъ,—послѣднія, сверхъ того и прихожанами; церкви приписныя, также часовни—сельчанами. Въ иномъ состояніи находятся церкви дворянскія, особенно послѣ 19 Февраля 1861 года. Благочестивые хозяева

поселковъ—или отжили свой вѣкъ, или оскудѣли; поселки перешли въ другія руки; церковь далеко отъ приходской, наблюдать за нею сосѣднему причту и самимъ прихожанамъ затруднительно; къ тому же нерѣдко дворянскія церкви переходятъ, вмѣстѣ съ поселками и землями прежнихъ владѣльцевъ, въ собственность неправославныхъ и церковь сиротѣетъ, ветшаетъ и разрушается. Есть между дворянскими церквами одна глубокой древности, восходящей за предѣлы Новгородской лѣтописи; она каменная; другая, деревянная, принадлежитъ великому Суворову; первая,—внизъ по Волходу, на лѣвомъ берегу, верстахъ въ 40 отъ города, въ поселкѣ „Захарьино", въ полной сохранности; по преданію она возведена бояриномъ и воеводою Владиміра Святаго-Равноапостольнаго Путятою, сряду по крещеніи Новгородцевъ, въ X вѣкѣ; вторая въ селѣ Кончанскомъ, Боровичскаго уѣзда, въ имѣніи знаменитаго полководца временъ Екатерины II и Павла I; она деревянная,—поросла мхомъ, безъ креста. На колокольнѣ этой церкви великій Суворовъ звонилъ въ колокола, на клиросѣ пѣлъ.

Охраненіе отъ разрушенія церквей городскихъ, монастырскихъ, приходскихъ и часовенъ не можетъ входить въ нашу задачу, эта обязанность возложена всецѣло на власти духовныя и исполняется, сверхъ того, прихожанами по нравственному долгу; не можетъ быть нашимъ дѣломъ подобное же охраненіе и дворянскихъ церквей, составляющихъ частную собственность.

Мимолетное наблюденіе указываетъ намъ, что причтъ и прихожане, заботясь о благолѣпіи церквей, а монастырское начальство,—сверхъ того,— и объ удобствахъ, дѣйствительныхъ, или только кажущихся, привлекаютъ доброхотныхъ жертвователей къ украшенію и поновленію церковныхъ и монастырскихъ сооруженій извнѣ и извнутри. Насколько различны средства и вкусы благодѣтелей—поновителей—намъ извѣстно. Епархіальное начальство, безъ разрѣшенія котораго поновленіе не можетъ быть произведено, не вникало, за неимѣніемъ на то средствъ, до послѣдняго времени ни въ размѣры поновленій, ни въ качество производителей ихъ, ни, наконецъ въ дѣйствительность и свойства нужды въ поновленіи. При такихъ условіяхъ выходило вмѣсто поновленія—истребленіе всего цѣннаго въ древнемъ искусствѣ: иконостасы переписывались неумѣлою кистью, настѣнное письмо скрывалось подъ слоемъ извести, древніе своды разрушались и замѣнялись бревенчатымъ накатомъ и проч. Наружный видъ церквей и прочихъ сооруженій страдалъ отъ поновленій не меньше. Примѣровъ найдется много изъ ближайшаго, непревышающаго десяти лѣтъ, прошлаго: вспомнимъ замѣчательное настѣнное Новгородское письмо первой половины XIV вѣка въ церквахъ: Ѳедора Стратилата на правой сторонѣ Новгорода, на ручью и Николо-Липенской, сохранившейся отъ бывшаго на рѣкѣ Глинкѣ монастыря, за—городомъ;—теперь отъ этого письма не осталось и слѣдовъ—оно замазано; тоже сталось и съ большею частью образовъ болѣе древняго письма. Нанимаемые благодѣтелями дешевые иконописцы—самоучки нетолько закрываютъ древнее изображеніе густымъ слоемъ новой подготовки и даютъ вмѣсто него свое—неумѣлое, но иногда прямо продаютъ, изъ своекорыстныхъ видовъ, древніе образа находникамъ-торговцамъ стариною;—еще позд-

нѣе, меньше пяти лѣтъ, назадъ, обезображена древняя колокольня при Климентовской церкви, въ городѣ, на Московской улицѣ, надстройкою,—старинная Рождество-Богородицы церковь Десятиннаго монастыря, первоначальное сооруженіе которой можно, судя по сказанію Супрасльской рукописи, отнести къ 998 году (изданіе рукописи князя Оболенскаго 1836 г.), разобрана совсѣмъ и на ея мѣстѣ выстроена новая, неимѣющая ничего общаго съ древнею;—лѣтъ около 20 назадъ разрушенъ „Житенный дворъ" Архіерейскаго дома, стоявшій за теплымъ соборомъ въ Дѣтинцѣ съ половины XIV' вѣка,—чтобы на мѣстѣ его вывести домъ для духовнаго училища,—тогда какъ въ Дѣтинцѣ же, сряду за домами соборнаго причта, лежитъ огромный пустырь, достаточный для постройки на немъ пяти такихъ зданій, какое стало вмѣсто житеннаго двора.

Въ послѣднее время, лѣтъ пять—шесть назадъ, сдѣлано высшимъ правительствомъ распоряженіе, чтобы епархіальное начальство не разрѣшало возобновленія древнихъ и вообще старинныхъ церковныхъ сооруженій до предварительнаго сношенія съ Археологическими учрежденіями и до полученія отъ нихъ отвѣтовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что предоставленное нашему Обществу наблюденіе за сохранностью памятниковъ старины и содѣйствіе правительственнымъ учрежденіямъ въ охраненіи ихъ, относится прежде всего къ памятникамъ старины, состоящимъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, какъ чаще прочихъ, вѣдомства гражданскаго, поновляемыхъ ради одного только благолѣпія, понятіе котораго слишкомъ растяжимо и, въ наибольшемъ числѣ случаевъ осуществленія, нетолько несоотвѣтствуетъ, но и прямо противорѣчитъ требованіямъ науки о древностяхъ и заботамъ правительства о неприкосновенной цѣльности и сохранности ихъ. Учрежденное въ Новгородѣ, и для земли Новгородской, наше Общество, имѣющее въ личномъ составѣ учредителей горожанъ и уѣздныхъ жителей всѣхъ сословій, потому и получило право наблюденія за сохранностью памятниковъ старины, что члены его, по своему общественному положенію, постоянному мѣстопребыванію и по просвѣщенному уровню своего развитія способны охранять и вообще блюсти мѣстную древность—много бдительнѣе, чѣмъ члены и чины высшихъ правительственныхъ учрежденій, находящихся вдали отъ нашей страны и призванныхъ къ археологической общегосударственной дѣятельности, болѣе обширной и болѣе сложной.

Выходя изъ такого пониманія пространства и предѣловъ нашего права, легко уже будетъ уяснить средства, мѣры и способы содѣйствія мѣстному епархіальному правительству въ охраненіи памятниковъ церковной древности.

Дѣятельность наша по охранѣ памятниковъ старины церковной должна быть двоякая: предварительно-совѣщательная, и исполнительно-наблюдательная. Первая—должна проявиться сряду по поступленіи къ епархіальному начальству просьбы причта и прихожанъ церкви, или настоятеля и братіи монастырей, или жителей селеній, о поновленіи или возстановленіи какъ церквей и часовенъ, такъ и прочихъ церковныхъ или монастырскихъ

зданій. Желательно, чтобы подобныя просьбы и приложенія относящіяся къ нимъ передавались, хотя-бы въ спискахъ, въ Правленіе Общества до представленія ихъ въ правительственныя археологическія учрежденія. Для обсужденія содержанія каждой просьбы Правленіе можетъ пригласить свѣдующее, по роду и свойству испрашиваемаго разрѣшенія, лицо, по возможности, немедленно, если не встрѣтитъ, по обсужденіи, никакихъ затрудненій, возвратить прошеніе и приложенія по принадлежности съ своимъ мнѣніемъ. Если же встрѣтится какое либо затрудненіе, Правленіе приглашаетъ одного или болѣе изъ членовъ Общества, живущихъ по близости къ мѣсту нахожденія сооруженія, о которомъ идетъ рѣчь, собрать свѣдѣнія, могущія устранить или разрѣшить затрудненія—на мѣстѣ, а затѣмъ, получивъ нужное, или вноситъ свое заключеніе въ общее собраніе, если признаетъ это необходимымъ, или сообщаетъ оное епархіальному вѣдомству. Дѣятельность исполнительно-наблюдательная ограничится внимательнымъ присмотромъ со стороны членовъ Правленія, или Общества, за неуклоннымъ выполненіемъ во всѣхъ подробностяхъ разрѣшеннаго поновленія и возобновленія, недопускающимъ ни малѣйшихъ отступленій и, если таковое случится, сообщеніемъ о немъ Правленію.

Въ случаяхъ, подобныхъ безпомощному состоянію Кончанской Суворовской церкви, Обществу слѣдуетъ изыскивать, путемъ сношеній, средства къ охраненію ихъ отъ захуданія самостоятельно, независимо отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей.

Въ настоящее время производятся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ поновленія и исправленія, разрѣшенныя и начатыя еще до утвержденія нашего устава—и открытія Общества. Въ виду первенствующей важности этого древнѣйшаго и единственнаго въ Россіи памятника церковной старины, сохраняющагося въ теченіи 850 лѣтъ и уцѣлѣвшаго отъ погромовъ вѣковъ удѣльныхъ, татарскихъ и шведскихъ;—въ виду значенія Св. Софіи Новгородской какъ всенародной святыни русскаго православія, Общество не можетъ отказать себѣ въ исполненіи, по отношенію и къ этой святынѣ принятой на себя обязанности наблюдать за памятниками Новгородской старины,—подъ опасеніемъ справедливаго упрека въ будущемъ за бездѣйствіе. Подобный упрекъ вполнѣ возможенъ, такъ какъ возобновленіе производится тайно отъ здѣшнихъ сторожиловъ, людьми чуждыми Новгороду; еще съ минувшаго лѣта слышится по городу ропотъ на отсутствіе бдительнаго надзора за рабочими, ломающими древніе своды какъ прогорѣвшія печи и уничтожающими множество плинфъ,—т. е. особеннаго вида и размѣра кирпичей и голосниковъ, значеніе которыхъ въ древне-строительномъ искусствѣ еще не выяснено. Многіе набожные старожилы не могутъ безъ слезъ говорить о разрушеніи стѣнъ для прокладки теплопроводныхъ трубъ и поврежденіяхъ могильныхъ склеповъ подцерковья, въ которыхъ почиваютъ „подъ спудомъ“ мощи святителей, кости князей и другихъ дѣятелей русскихъ, удостоенныхъ погребенія въ Св. Софіи, но именныя могилы которыхъ забыты позднѣйшими горожанами. Съ ужасомъ говорятъ о безцѣльномъ поврежденіи и даже ничѣмъ будто-бы невызываемомъ разрушеніи—части

чудотворнаго образа Спасителя, написаннаго al fresco по своду средней главы, не съ благословящею, а съ жатою рукою, по повелѣнію занесеннаго въ лѣтопись голоса, исходившаго отъ образа и обращеннаго къ иконописцамъ,—„не пишите Мя съ благословящею рукою, но съ сжатою,—Азъ-бо въ сей моей руцѣ Великій Новгородъ держу и когда рука Моя распространится, тогда и городу сему скончаніе будетъ".

Возможно, что въ отголоскахъ приведеннаго народнаго говора немало выдуманнаго; однако лично мнѣ доводилось видѣть множество обломковъ голосниковъ въ кучѣ мусора, спущеннаго сверху, съ такъ называемыхъ „полатій"; доводилось видѣть части человѣческихъ костей въ мусорѣ, выносимомъ извнутри собора; приходилось слышать отъ рабочихъ, копавшихъ ровъ для водогрѣйки, что они наткнулись на большой, сложенный изъ крупныхъ плитъ, стоймя, ящикъ, покрытый двумя плитами, въ которомъ оказалось два костяка рядомъ, головами на полночь; ящикъ они разрушили по мѣрѣ углубленія рва, какъ мѣшавшій работѣ, плиты разбили, чтобы легче, кусками, выкидывать на поверхность, а кости выбросили въ общую кучу; одинъ изъ рабочихъ, участвовавшій въ моихъ раскопкахъ, сохранилъ для меня оба черепа отъ костяковъ этого гробовища, вполнѣ соотвѣтствующаго, по описанію рабочихъ, крымскимъ и кавказскимъ долменамъ, долгое время почитавшимся за подземные алтари друидовъ.

Если-бы производители работъ не дѣлали изъ нихъ тайны, допуская желающихъ слѣдить за ходомъ ихъ, во избѣжаніе тѣсноты и помѣхи, по билетамъ, хотя-бы и въ ограниченномъ числѣ,—и рабочіе были-бы внимательнѣе и осторожнѣе, и распространеніе небылицъ, вызывающихъ ропотъ, не нашло бы легковѣрныхъ слушателей, поддерживающихъ этотъ ропотъ своими искаженіями и преувеличеніями дѣйствительнаго.

Желательно и полезно вообще, а въ виду приведенныхъ данныхъ,—полезно и необходимо просить завѣдывающаго работами по возобновленію внутри Софійскаго собора о безпрепятственномъ доступѣ къ наблюденію за ними членовъ Общества.

б) Гражданскіе памятники старины.

Изъ гражданскихъ памятниковъ Новгородской земли въ современныхъ границахъ ея извѣстны сохранившіеся въ одномъ только Новгородѣ,—а въ границахъ лѣтописныхъ временъ Велико-Новгородскаго державства такіе памятники находятся: въ Старой Ладогѣ, въ Орѣшкѣ, (Шлиссельбургъ)—въ Ямѣ (Ямбургъ)—Раковорѣ, Колывани, Юрьевѣ, Копорьѣ, Порховѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Для начала дѣятельности Общества достаточно, пока, однихъ только Новгородскихъ памятниковъ, на которыхъ теперь и остановимся, имѣя, конечно, въ будущемъ и другіе, за предѣлами нашей страны сохраняющіеся.

До присоединенія Великаго-Новгорода къ Московскому державству въ немъ было много памятниковъ, составлявшихъ старину и для того времени,

каковы: внѣшній земляной валъ съ каменными въ немъ воротами и башнями, или кострами, и съ острогомъ, т. е. стѣною поверхъ вала, мѣстами каменною, мѣстами деревянною; Дѣтинецъ, сперва земляной, а потомъ каменный, тоже съ воротами проѣздными и водяными и башнями; внутренній валъ, охватывавшій весь дѣтинецъ съ нагорной и береговой стороны, также съ деревянною стѣною поверхъ его и съ башнями, быками, роскатами и воротами; рвы вокругъ внѣшняго вала, дѣтинца и внутренняго вала, его опоясывавшаго; Петрятино дворище съ костромъ для заключенія неисправныхъ должниковъ, извѣстнымъ въ Новгородскихъ скрахъ подъ именемъ погреба, а въ договорахъ съ Тевтонцами и Готѳами—погреба-же и башни;—Ярославле дворище съ Гридницею; Гридница Питейная; Дворцы Посадника и Тысяцкаго; Клеймяныя сѣни, т. е. Пробирная палата; два Готскихъ двора, одинъ дворъ Нѣмецкій и одинъ дворъ Плесковскій, т. е. Псковской;—Вѣчевая палата; Судебная палата; Княжій домъ; Дворы бояръ и служилыхъ людей князя; Владычни и княжьи житницы. Всѣ памятники, начиная съ Петрятина дворища были каменные, о времени первоначальнаго сооруженія ихъ Новгородскія лѣтописи не упоминаютъ; сказано только о Дворищѣ Ярославовѣ, да и то въ одной лишь третьей лѣтописи, составленной уже въ XVIII вѣкѣ, съ многими домыслами и выдумками, заимствованными изъ сказокъ и темныхъ преданій, занесенныхъ издали, а не мѣстныхъ.

Со времени присоединенія къ Москвѣ вниманіемъ ея пользовались тѣ только памятники, которые нужны были для защиты города отъ внѣшнихъ нападеній и для охраны царскихъ дружинъ и намѣстниковъ съ ихъ чинами отъ внутреннихъ смутъ горожанъ. Рвы, валы и особенно Дѣтинецъ не допускались не только до разрушенія, но и до обветшанія; изъ памятниковъ же, бывшихъ внутри города, поддерживались, да и то временно, дворцы Посадничій и Тысяцкаго, каменная Питейная Гридница, дворы бояръ и намѣстниковъ внутри Дѣтинца, Житницы и Правительственная палата, но недалѣе, какъ до начала XVII столѣтія, до разгрома Новгорода Шведами съ полководцемъ Делагарди.

При Петрѣ Великомъ Дѣтинецъ и валы были возобновлены въ ожиданіи осады Новгорода Карломъ XII,—но въ какомъ именно видѣ—свѣдѣній нѣтъ. Послѣднее возобновленіе Дѣтинца, и то частное, сдѣлано при Александрѣ I.

Къ настоящему времени изъ всѣхъ памятниковъ гражданской старины остаются: внѣшній валъ сильно поврежденный, бѣлая Алексѣевская башня, небольшія части вала внутренняго, Дѣтинецъ съ восемью башнями и четырьмя воротами, двумя проѣздными и двумя водяными, Судебная палата внутри Архіерейскаго двора; часть Ярославова дворища съ старинною башнею, называемою въ народѣ Ярославовою и часть Посадничьяго дворца, на Рогатинѣ, во дворѣ дома А. В. Ильчина. Изъ прочихъ перечисленныхъ выше, одни исчезли безслѣдно, а отъ другихъ уцѣлѣли лишь ничтожныя части, могущія, и то по изученіи, считаться за остатки старины. Болѣе подробному объясненію уцѣлѣвшихъ памятниковъ и остатковъ отведемъ особую статью, но предварительно остановимся нѣсколько на памятникахъ смѣшанной старины.

в) Изображенія Новгорода и Дѣтинца.

Какъ на среднее между церковными и гражданскими памятниками укажемъ на сохраняющіяся въ церквахъ: Знаменской, Михайловской на Торговой сторонѣ, Никольской-дворищенской и Флоровской—изображенія древняго Новгорода, исполненныя, особенно первые два, замѣчательно отчетливо. Памятники эти относятся: Знаменскій къ началу XVI, Михайловскій къ первой половинѣ XV (онъ представляетъ только Дѣтинецъ съ ближайшими окрестностями), Никольскій (закрытъ ризою) къ половинѣ XV и Флоровскій не старѣе начала XVII вѣка. Списки съ Знаменскаго и Флоровскаго изданы; съ перваго нѣсколько разъ, а съ послѣдняго въ 1862 г. Изданія Знаменскаго неточны; списокъ сдѣланъ съ закоптелаго подлинника,—Флоровское напечатано раскрашеннымъ, какъ и подлинникъ.

Есть еще изображенія всего древняго Новгорода, хранящіяся въ настоящее время:—одно въ Музеѣ здѣшняго статистическаго комитета,—а другое въ Коростынской церкви Старорусскаго уѣзда,—и нѣкоторыхъ частей его: на картинѣ, изображающей видѣніе старца-монаха Тарасія, хранящейся въ правомъ придѣлѣ главнаго храма Хутынскаго монастыря, и на двухъ почти одинаковыхъ картинахъ, принадлежащихъ Новгородскимъ церквамъ—Успенской на Торговой сторонѣ и Пантелеймоновской, извѣстной болѣе подъ именемъ Николо-Кочановской—на Софійской. Но эти изображенія нельзя относить ни къ памятникамъ старины, ни къ остаткамъ ея; остановиться же на нихъ неизлишне потому, что многіе любознательные путешественники, знакомые съ Новгородскими древностями, принимаютъ эти изображенія за древнія, а первое,—очевидно, по свѣжести красокъ и пріемамъ художника, подписавшаго къ тому же на немъ свое имя, новѣйшее—за снимокъ съ древняго подлинника, и, за невозможностью разсмотрѣть тусклое Знаменское, а также за неизвѣстностью прочихъ, выше названныхъ, вводятся въ заблужденіе.

Изображеніе статистическаго комитета есть сочиненіе въ тѣсномъ смыслѣ почтеннаго гражданина Новгородскаго, нѣкогда зажиточнаго купца Шаврова, недавно, меньше десяти лѣтъ назадъ, умершаго въ глубокой старости. Будучи благочестивымъ начетникомъ и любителемъ нашей старины, онъ задался прекрасной мыслью, представить Новгородъ на большемъ полотнѣ со всѣми существовавшими и существующими въ немъ церквами и гражданскими сооруженіями. За основаніе задуманнаго труда онъ принялъ первый разъ изданное, помнится въ 40-хъ годахъ, Петербургскимъ Археологическимъ обществомъ, Знаменское изображеніе; увеличивъ въ нѣсколько разъ и дополнивъ неясныя очертанія церквей и прочихъ зданій по своему вкусу, нанесъ,—строго придерживаясь указаній лѣтописи, разговоровъ Митрополита Евгенія Болоховитинова, церковныхъ древностей Макарія, сочиненій Н. Н. Муравьева, Купріянова, Красова и другихъ, а равно слѣдуя преданіямъ,—всѣ упоминаемыя въ этихъ источникахъ церкви, и прочія зданія, разставивъ тѣ и другія по мѣстамъ, отводимымъ для нихъ учеными из-

слѣдователями. Эта задача и исполнена на изображеніи Музея. Если-бы почтенный труженикъ отмѣтилъ подъ каждымъ сооруженіемъ время его возникновенія и уничтоженія, работа его была-бы хорошимъ пособіемъ при изученіи внѣшняго вида Великаго Новгорода и не ввела бы въ заблужденіе мало-мальски знакомаго съ нашею стариною. Къ немалому прискорбію картина Шаврова здѣсь, въ Новгородѣ, дважды издана была: первый разъ литографіею Сухова въ 1862 г., предъ торжествомъ тысячелѣтія Россіи, а второй, лѣтъ пять назадъ, какъ приложеніе къ статьѣ протоіерея Знаменскаго собора о. Тихомирова, объясняющее подлинникъ, Типографіею Новгор. Губ. Правленія, (при памятной книжкѣ) подъ именемъ точнаго списка съ древняго Знаменскаго подлинника.

Есть въ Новгородѣ у преподавателя гимназіи А. А. Дилекторскаго превосходный акварельный списокъ съ Знаменскаго подлинника, принадлежащій, повидимому, кисти маститаго художника-археолога, недавно скончавшагося Ѳедора Григорьевича Солнцева, а въ моемъ собраніи—хорошій переводъ уже съ этого списка, по моему заказу сдѣланный и лично провѣренный съ подлинникомъ. Ѳ. Г. Солнцевъ посѣщалъ Новгородъ въ 50 годахъ съ художественно-археологическою цѣлью и сдѣлалъ много списковъ съ иконъ и рисунковъ древнихъ церквей; нѣкоторые изъ нихъ хранятся въ Императорскомъ Московскомъ историческомъ музеѣ. Подлинникъ Знаменскаго изображенія, какъ замѣчено уже, настолько закоптѣлъ, что пользоваться имъ въ такомъ состояніи почти невозможно; списокъ А. А. Дилекторскаго можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для изученія подлинника и значительно облегчить трудъ, если конечно не найдется другаго средства.

Изображеніе Коростынское неболѣе какъ позднѣйшій переводъ упомянутаго изданія археологическаго общества. Хутынское не древнѣе первыхъ годовъ XVII вѣка; оно неимѣетъ значенія самостоятельнаго, какъ Знаменское и Михайловское,—памятника, достойнаго изученія; художникъ писалъ не виды отдѣльныхъ Новгородскихъ сооруженій, а воспроизводилъ преданіе о видѣніи Тарасія, записанное въ сказаніяхъ о чудесахъ Преподобнаго Варлаама Хутынскаго, явившагося старцу три раза въ продолженіе одной ночи и посылавшаго его столько-же разъ на монастырскую колокольню, чтобы видѣть готовящіяся Новгородцамъ казни Божіи за ихъ нечестіе. Нѣкоторыя зданія, какъ часть Дѣтинца съ Пречистенскою башнею, звонница Софійская и другія, воспроизведены въ томъ-же приблизительно видѣ, какъ и на изображеніяхъ Знаменскомъ и Михайловскомъ. Это возбуждаетъ довѣріе къ правдивости передачи художникомъ и другихъ частей рисунка, особенно внутренности жилищъ Новгородцевъ, посѣщаемыхъ Ангелами, повѣряющими, съ списками въ рукахъ, тѣхъ грѣшниковъ, которые обречены на казнь.—Въ собраніи Музея статистическаго комитета хранится, повидимому современный этому подлиннику, списокъ, хотя значительно тронутый временемъ.

Картины, принадлежащія церквамъ Успенской и Пантелеймоновской, тоже не старѣе XVII вѣка; онѣ изображаютъ змѣевидною полосою, сверху внизъ, крестный ходъ отъ Спасской церкви, которая и теперь стоитъ недалеко отъ Знаменскаго собора, съ образомъ Богоматери на „забрало города“

во время Суздальской осады 1169 г., когда совершилось чудо, давшее Новгородцамъ блистательную побѣду надъ дружинами 72 князей, союзниковъ князя Андрея Боголюбскаго. Мѣста картины, незанятыя змѣевидною полосою, записаны изображеніемъ, между прочимъ, домовъ Новгородцевъ, изъ оконъ которыхъ смотрятъ на крестный ходъ хозяева, одѣтые въ праздничное платье и въ шапкахъ; кое-гдѣ написаны церковныя и другія зданія. Письмо въ общемъ хорошее по времени, вымыселъ художника—своеобразенъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ путешествіи Олеарія по Россіи, изданномъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, нѣсколько разъ на западѣ Европы, и представляющемъ большую библіографическую рѣдкость, помѣщенъ видъ Новгорода. За вѣрность и точность рисунка можетъ ручаться то любопытство, которое въ XVII вѣкѣ возбуждала Россія на западѣ Европы и вниманіе любознательнаго путешественника, непропускавшаго безъ описанія ничего, сколько нибудь выдающагося въ томъ или другомъ отношеніи. Рисунокъ Олеарія воспроизведенъ на лицевой сторонѣ обложки сочиненія гр. И. И. Толстаго „До Петровская нумизматика. Выпускъ I деньги Великаго Новгорода“,—но въ уменьшенномъ видѣ, затемняющемъ подробности. Для всесторонняго изученія внѣшности Новгорода за время отъ XV вѣка до нашихъ дней, мѣнявшагося въ зависимости отъ уменьшенія значенія его въ средѣ городовъ Россіи, было-бы желательно получить списокъ съ Олеаріева рисунка изъ сочиненій его, хранящихся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ.

Описанными изображеніями исчерпываются, сколько мнѣ извѣстно, всѣ тѣ памятники старины, которые выше названы средними между церковными и гражданскими. Подробный нѣсколько очеркъ ихъ представляется здѣсь потому, что вся ихъ совокупность даетъ удовлетворительное представленіе о наружномъ видѣ весьма многихъ сооруженій, изслѣдованіе о которыхъ входитъ въ кругъ нашихъ изысканій, и особенно сооруженій, еще сохранившихся до нашихъ дней вполнѣ, или наибольшею частію и составляющихъ предметъ нашей охраны въ ближайшемъ будущемъ. Особенную важность имѣютъ изображенія Знаменское, Михайловское и Олеаріево; они писаны съ трехъ различныхъ сторонъ: Знаменское—съ сѣверо-запада, Михайловское съ юго-востока, Олеаріево съ юго-запада, а первые два, сверхъ того, съ высоты птичьяго полета. При такихъ способахъ написанія рисунковъ предметы, повторяющіеся на всѣхъ, освѣщены одинаково и выражены отчетливо съ трехъ сторонъ, а высота птичьяго полета,—(художники вѣроятно писали съ высокихъ башенъ)—дала составителямъ ихъ наибольшую возможность сохранить соразмѣрность пространства площадей и разстоянія между сооруженіями.—Такимъ образомъ при помощи этихъ изображеній легко производить исправленія и восполненія отвалившихся, за ветхостью, частей всѣхъ тѣхъ памятниковъ старины, сохранившихся до нашихъ дней, которые сходны съ повторяющимися на каждомъ изъ трехъ рисунковъ; изображенія болѣе поздняго времени, воспроизводящія рисунки первыхъ трехъ и въ свою очередь дающія сходство ихъ съ сохранившимися сооруженіями, служатъ хорошимъ указателемъ времени исчезновенія предметовъ, непоказанныхъ на этихъ позднихъ, но нанесенныхъ на болѣе древнія.

Изъ вышепоименованныхъ памятниковъ и остатковъ старины гражданской одни, собственно памятники, могутъ быть сохраняемы въ первобытномъ видѣ своевременною починкою, а другіе, т. е. остатки,—даже и возстановляемы при помощи древнихъ и старинныхъ изображеній Великаго Новгорода, если только еще не обратились въ груду развалинъ. Этимъ и вызывается предположеніе Правленія просить позволенія епархіальнаго начальства очистить средствами Общества отъ налета копоти и пыли указанныя изображенія, хранящіяся въ четырехъ Новгородскихъ церквахъ и сдѣлать съ нихъ точнѣйшіе списки для древнехранилища нашего.

Дѣтинецъ.

Дѣтинецъ Великаго Новгорода—это святыня всего Русскаго народа. Онъ возникъ въ вѣка недовѣдомые и былъ свидѣтелемъ того Вѣча, на которомъ рѣшено заложить основу Государственной жизни славяно-русскаго народа. По грѣшному равнодушію людей науки къ захудалому пестуну Ильменскаго славянства, онъ забытъ и прозябаетъ на могилахъ отдаленныхъ проотцевъ, на развалинахъ величія и славы Господина Государя Великаго Новгорода.

Прошедшее Дѣтинца съ его многочисленными когда-то и величественными сооруженіями, это прошедшее всего полночнаго славянства съ его радостями и горестями. Пророческія слова, вложенныя въ уста Мароы Борецкой Карамзинымъ, жившимъ въ Новгородѣ въ самомъ началѣ нашего вѣка, когда въ Дѣтинцѣ и по всему городу было еще много, сравнительно, драгоцѣнныхъ памятниковъ древности,—сбылись на нашихъ глазахъ: знаменитыя площади поросли сорною травою, урочища забыли свои имена, храмы и дворцы рухнули, не оставивъ даже и воспоминаній о мѣстахъ, на которыхъ они когда-то стояли, гордые благочестіемъ своихъ основателей и славою своихъ обитателей.

Первыя лѣтописныя свѣдѣнія о каменномъ Дѣтинцѣ относятся къ 1044 году; о дальнѣйшей судьбѣ его много замѣтокъ, но всѣ онѣ не настолько опредѣлительны, чтобы можно было представить отчетливо жизнь этой твердыни. Именитые писатели коснулись прошедшаго Дѣтинца вскользь, слегка; слегка же отнеслись къ нему и ближайшіе къ намъ знатоки древности русской.

Оставляя подробное изложеніе прошлаго Новгородской твердыни до будущаго, отмѣтимъ здѣсь, для цѣлей Общества, въ общихъ чертахъ, лишь нѣкоторые, болѣе дряхлые памятники ея.

Въ 1862 году, въ самый разгаръ работъ по открытію памятника совершившемуся тысячелѣтію Россіи и приготовленій къ празднованію этого знаменательнаго событія, береговая часть стѣнъ Дѣтинца упала отъ ветхости. Правительство возстановило поврежденіе и назначило на поддержаніе стѣнъ и башенъ Дѣтинца, въ предупрежденіе новыхъ паденій, ежегодно отпускать по тысячѣ рублей. Деньги эти получаются и расходуются съ 1862

года Новгородскимъ Губернскимъ Правленіемъ, съ отчетностью по закону.

Въ силу права имѣть наблюденіе за памятниками старины и принимать мѣры къ ихъ охраненію, Обществу слѣдуетъ знать: какія части Дѣтинца, когда и въ какихъ размѣрахъ были исправляемы и какою стоимостью ограничивались тѣ или другія работы. Вопросы эти вызываются необходимостью сообразовать съ отвѣтами на нихъ нашу дѣятельность въ теченіи предстоящаго лѣта, по недопускающему ни малѣйшаго промедленія исправленію нѣкоторыхъ частей Дѣтинца,—каковы:

а) Обѣ круглыя башни, находящіяся въ стѣнѣ прилегающей къ Владычному двору. Башни эти обветшали, вывѣтрившіяся дверныя и оконныя пустоты, остающіяся болѣе столѣтія открытыми и совершенно свободными для проникновенія чрезъ нихъ снѣговъ и дождей внутрь башенъ,—осыпались настолько, что грозятъ полнымъ разрушеніемъ этихъ древнѣйшихъ сооруженій и прилегающей къ нимъ стѣны Дѣтинца;

б) Огромные и величественные подземелья, составляющія основаніе башенъ, служившія въ древнѣйшія времена тайниками и темницами, а теперь обращенныя въ погреба и кладовыя: такія подземелья—подъ Княжею Башнею, въ которой помѣщается пристанище для дряхлыхъ бѣдняковъ,—подъ такъ называемою Евѳиміевскою Башнею,—а вѣрнѣе это Великій Теремъ, сооруженный архіепископомъ Василіемъ въ первой половинѣ XIV вѣка,—и подъ Судебною палатою, называемою также въ лѣтописи Престольною и Одриною, а въ болѣе позднія времена Іоанновскимъ корпусомъ и Палатою Грановитою, обращенною въ 20 годахъ въ Крестовую церковь Викарія Новгородской епархіи, во имя Іоанна Архіепископа Новгородскаго;

в) Башня Покровская, самая высокая изъ всѣхъ и своеобразнаго вида; подвальная часть ея была долгое время хлѣвомъ для свиней и кладовою для капусты пожарныхъ Софійской части.

г) Башня между этою—Покровскою и Спасскою, къ которой пристроена съ наружной стороны часовня Богоматери—Живоносной Источницы,—называемая то Кукуевскою, то противу Государева двора.

д) Бѣлая Алексѣевская башня—на границѣ города и Троицкой слободы, стоящая много—много лѣтъ непокрытою, на проѣзжей дорогѣ изъ Паозерья въ городъ.

Эти пять сооруженій требуютъ неотложенной поддержки какъ по дряхлости своей, такъ равно и по нетронутости съ отдаленныхъ временъ первобытнаго ихъ вида и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ, оставившимъ большею частію слѣдъ, иногда ясный, въ лѣтописи и другихъ Новгородскихъ письменныхъ памятникахъ, иногда въ преданіяхъ, иногда, наконецъ и въ преданіяхъ и въ обстоятельствахъ побочныхъ.

Дряхлость и внѣшность разсматриваемыхъ сооруженій снаружи очевидны для всякаго, о соединенныхъ же съ ними воспоминаніяхъ приведемъ нѣсколько лѣтописныхъ и другихъ справокъ и укажемъ на нѣкоторыя особенности, вызывающія настоятельность поддержки ихъ.

Круглыя башни.

Обѣ круглыя башни возведены или въ концѣ XV вѣка, при полномъ возобновленіи Дѣтинца Иваномъ III и архіепископомъ Генадіемъ, на мѣстѣ древнихъ, тоже круглыхъ, тогда же разобранныхъ, или остаются отъ древнѣйшихъ временъ и только починены. Та, которая приходится на сѣверо-восточномъ закругленіи стѣны, почти прямо противъ воротъ, ведущихъ въ Архіерейскій дворъ съ площади, была проѣзжею въ Неревской конецъ, лежавшій за Дѣтинцемъ съ сѣверо-восточной стороны; на воротахъ, которыми вступали въ пролетъ подъ этою башнею, сооружена была въ 1233 году, вскорѣ послѣ кончины юнаго брата Св. князя Александра Невскаго, князя Ѳеодора Ярославича, скончавшагося предъ самою свадьбою, лѣтомъ того года, и тоже—причисленнаго къ лику святыхъ. Другая круглая башня, ближайшая къ дому, въ которомъ помѣщалось въ началѣ XVIII вѣка училище братьевъ Лихудовъ, или Лихудіевъ, не упоминается въ древнихъ письменныхъ памятникахъ; въ первый разъ она встрѣчается въ донесеніи Новгородскаго воеводы Московскому Государю о количествѣ военныхъ снарядовъ на каменномъ и на земляномъ на меньшемъ городѣ, 1649 года; она здѣсь названа Круглою, противъ Митрополичьяго двора на городовой стѣнѣ. Судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ можно считать ее жилою. Есть преданіе, находящее подтвержденіе въ названіи ближайшихъ къ ней малыхъ водяныхъ воротъ (часть ихъ видна) тайницкими, что въ этой башнѣ были тайники для храненія цѣнностей Владычняго двора. Между внутреннею стороною стѣны Дѣтинца, прилегающей къ этой башнѣ, и вытянувшимися вдоль ея постройками Архіерейскаго двора, остается весьма тѣсный проходъ; лучи солнца и дуновеніе воздуха туда не проникаютъ, что особенно благопріятно сырости, превращающей кирпичную облицовку стѣны и смазку булыжныхъ камней основной, срединной ея кладки, въ щебень и порошокъ,—отпадающіе и засаривающіе проходъ и все основаніе стѣны и башни; тоже должно повторяться и внутри башни, хотя проникнуть туда невозможно, хода нѣтъ,—да если бы и сдѣлать его, едва ли кто рѣшится пробраться внутрь развалины, грозящей наказать смертью любопытство. Наружная сторона стѣны и башни, т. е. обращенная въ лѣтній садъ, непредставляется такою же опасною, какъ внутренняя, а потому доступною и еще невнушающею опасенія за ближайшее разрушеніе; отсюда, съ небольшими приспособленіями, можно осмотрѣть внутренность башни и упомянутый узкій проходъ, чтобы опредѣлить безопасныя средства къ производству работъ безъ малѣйшаго промедленія.

Подземелья.

Всѣ три подземелья устроены въ древнѣйшія времена. Хотя лѣтопись не упоминаетъ прямо ни объ одномъ, но о сооруженіяхъ ближайшихъ къ

нимъ и о тѣхъ, для которыхъ подземелья служатъ и теперь основаніемъ, имѣются указанія и прямыя и косвенныя, дающія возможность опредѣлить приблизительно не только время построенія, но также первоначальное назначеніе и послѣдующее употребленіе каждаго.

а) Княжеской башни.

По отношенію къ первому подземелью указаніемъ времени сооруженія служитъ: наименованіе высящейся надъ нимъ башни Княжею, а ближайшихъ къ ней сооруженій, именно Покровской церкви и тѣхъ построекъ, которыя показаны на изображеніяхъ Знаменскомъ и Михайловскомъ и основаніе которыхъ обнаружено, частію, раскопками прошлой осени, Княжимъ дворомъ, (въ 1553 г. въ отмѣткѣ о построеніи церкви Кирилла и Христофора) и при томъ въ то время, когда Новгородъ уже былъ присоединенъ къ Московскому державству, когда Государи Московскіе назывались не князьями, а царями (Иванъ IV вѣнчался царемъ 16 Января 1548 года) и когда ни одинъ князь, какъ Государь, тутъ не живалъ. Если намѣстниками и бывали князья служилые, напримѣръ Стрига, Хилковъ и другіе, но ихъ званіе, въ свободолюбивомъ городѣ не могло дать двору, въ которомъ они могли проживать временно, наименованія княжа. Покровская церковь, прилегающая къ этой башнѣ сооружена княземъ Владиміромъ Ярославичемъ около 1020 года, за четверть вѣка раньше Софійскаго собора, заложеннаго тѣмъ же княземъ, причисленнымъ къ лику святыхъ, въ 1045 г., а освященнаго въ 1052 году. О дальнѣйшей судьбѣ этой церкви, какъ придворной княжеской, молчатъ лѣтописи именно потому, что вели лѣтописи церковники, которымъ было вмѣнено въ обязанность отмѣчать случаи съ церквами приходскими. О первоначальномъ назначеніи разсматриваемаго подземелья судить хотя и трудно, не изслѣдовавъ его во всѣхъ подробностяхъ, каковы напримѣръ: уровень прилегающей къ подземелью почвы, глубина его, древнія свѣтовыя и дверныя пустоты, задѣланныя впослѣдствіи, слѣды печей, тѣмъ не менѣе положеніе подъ княжею башнею и рядомъ съ княжею церковью даетъ поводъ видѣть въ немъ тайникъ, или помѣщеніе для служилыхъ людей и вообще для стражи и дворцовой челяди,—или чади. По свидѣтельству памятниковъ отъ первыхъ годовъ XVII вѣка близъ княжей башни былъ тогда Дьячій Дворъ; лѣтъ за 50 передъ этимъ тутъ стояла деревянная Дьячая изба, которую въ 1549 г. разметали для построенія каменной; этой послѣдней принадлежали, по всей вѣроятности, и тѣ два домика, на мѣстѣ которыхъ возведенъ нынѣшній Музей; Дьячій дворъ, отчетливо нанесенный на Знаменское и Михайловское изображенія, уступилъ свое мѣсто тюрьмѣ, помѣщавшейся на всемъ пространствѣ, начиная съ княжей башни до Чортовой, до 1832 года. Тюрьмѣ же принадлежала и Покровская церковь, что ясно по глухимъ полатямъ надъ заднею половиною ея, съ круглыми маленькими оконцами, меньше четверти, чрезъ которыя колодники слушали богослуженіе; эти оконца сдѣланы на такомъ разсто-

ній отъ полу, что приходятся прямо у головы стоящаго человѣка обыкновеннаго роста. Весьма возможно, что и подземелье подъ Княжею башнею принадлежало, какъ и сама она, Дьячему двору послѣ самобытія Новгорода, что подтверждается нѣсколько неправильнымъ проломомъ сѣверной стѣны его, открывшимъ внутри стѣны Дѣтинца, прилегающей къ подземелью, пустоту, сходную съ тайнымъ сообщеніемъ съ Чортовою башнею, мѣстомъ розыска и пытокъ; теперь эта пустота засорена обвалившимися съ боковъ и сверху камнями и всякимъ мусоромъ,—очистка укажетъ ея назначеніе.

Отмѣтимъ здѣсь одну особенность, доказывающую сооруженіе Покровской въ Княжемъ дворѣ церкви именно въ указанное время, т. е. около 1020 г. Къ этому времени пріурочивается наибольшая дѣятельность Ярослава Мудраго по сооруженію храмовъ въ Новгородѣ и Кіевѣ, византійскими художниками и построеніе изъ сплошнаго камня части Новгородскаго Дѣтинца, собственно юго-западной; другую, сѣверо-восточную сдѣлалъ сынъ его, Св. Владиміръ Ярославичъ. Въ главномъ Алтарѣ, по стѣнамъ его, сохранялись, лѣтъ 45 назадъ, въ величину окна на горнемъ мѣстѣ, и такого же вида дуги, вытянутыя, подобно краямъ оконныхъ и дверныхъ впадинъ и выложены точно также и изъ той же Мусіи, какъ совершенно сходныя съ ними украшенія въ главномъ же алтарѣ Софійскаго собора и теперь сохраняющіяся. Въ настоящее время дугъ невидно; но подъ слоемъ краски легко открыть если не самую Мусію (мозаику), такъ слѣды ея. Мнѣ доводилось въ дѣтствѣ, еще гимназистомъ, при обозрѣніи Новгородскихъ древностей подъ руководствомъ почтеннаго преподавателя Ив. Купріяновича Купріянова, сравнивать Покровскую Мусію съ Софійскою;—не только изображеніе дугъ, но даже порядокъ расположенія камешковъ, ихъ цвѣтъ и размѣры были совершенно одинаковы. Да и самое внутреннее устройство Покровской церкви съ двумя придѣлами, непохожее на сооруженія Новгородскаго церковнаго зодчества, напоминаетъ древніе византійскіе храмы, напримѣръ Ѳессалоникскій. При возобновленіи Дѣтинца при Иванѣ III, въ 1484—1490 гг., возобновлена и Покровская церковь, но, какъ и весь Дѣтинецъ, на старой основѣ.

Подземелье княжей башни сильно засорено; сряду отъ входной двери тянется уклонъ по сплошной кучѣ мусора въ стороны; должно быть сюда вѣками сваливался снаружи всякій соръ, давшій кучу. Длина и ширина подземелья равна площади основанія княжей башни,—вышина больше двухъ саженъ; сводъ легкій, крутой и вообще очень сходный съ Софійскими; стѣны и сводъ обмазаны густо известью, хорошо выглаженною снаружи, что указываетъ на недавнюю отдѣлку, вѣроятно не раньше прошедшаго столѣтія; оконныхъ углубленій не видно; если они и были,—такъ задѣланы и замазаны; непримѣтно и слѣдовъ печей. Прилегающая къ княжей башнѣ снаружи площадь значительно приподнята; если ее очистить и докопаться до самаго основанія башни, и если вмѣстѣ съ тѣмъ очистить подземелье до пола,—это послѣднее явится въ первобытномъ видѣ, доступномъ для подробнаго изслѣдованія и изученія: его, самой башни, церкви и стѣны Дѣтинца. А очистка необходима: сырость,—слѣдствіе сорныхъ кучъ,—

оказываетъ огромное вліяніе на быстроту разрушенія подобныхъ сооруженій.

б) Великаго Терема, или Евѳиміевой башни.

Башня, подъ которою второе подземелье, болѣе перваго, обширное, въ лучшемъ видѣ сохранившееся и содержимое, извѣстна подъ именемъ Евфиміевой,—но, какъ уже замѣчено, сооруженіе ея не принадлежитъ ни одному изъ владыкъ Новгородскихъ съ именемъ, ей присвоеннымъ, т. е. ни Евѳимію Брадатому, ни Евѳимію Вяжицкому, святому. Если-бы имя башни не связывалось со временемъ построенія ея и по кладкѣ стѣнъ и особенно сводовъ этого подземелья, братски сходнаго съ первымъ, не уменьшало-бы древности какъ ея, такъ и подземелья, а равно, если-бы оно не затемняло вопроса о времени возведенія другихъ сооруженій, сосѣднихъ, и не вносило путаницы въ изысканія многихъ изслѣдователей,—не было-бы надобности и останавливаться на имени: башня и подземелье существуютъ, намъ придется имѣть дѣло съ ними, а не съ именами. Выше сказано, что разсматриваемую башню слѣдуетъ считать Васильевою, а не Евѳиміевскою и не башнею, а Великимъ теремомъ. Изъ лѣтописи видно, что Архіепископъ Василій поставилъ, за 84 года до владычества Св. Евѳимія, возведеннаго на сѣни въ 1425 году, Теремъ Великій; подъ теремами и теремцами разумѣются высокія зданія, церковныя и гражданскія. Поводомъ къ присвоенію Великому терему имени Евѳиміевой башни послужили сбивчивыя показанія второй и третьей Новгородскихъ лѣтописей; обѣ онѣ поздняго, сравнительно, составленія, судя по годамъ послѣднихъ отмѣтокъ; вторая писана около 1587, а третья 1716 года. Извѣстно, что всѣ отечественныя лѣтописи, дошедшія до насъ, несовременны событіямъ, въ нихъ отмѣчаемымъ. Записи, или—по Новгородски,—памятухи, или переводъ буквальнаго содержанія этихъ памятухъ въ одну книгу, слово въ слово,—таковы лѣтописи древнія, до конца XV вѣка. Сводъ сказаній тѣхъ же памятухъ, но уже нѣсколько обработанный его составителемъ, съ дополненіями, поясненіями и домыслами его, появляется у насъ съ XVI вѣка и вноситъ темноту, а иногда и очевидное искаженіе событій. Такъ случилось и съ Великимъ теремомъ. Во второй лѣтописи значится, что владыка Евѳимій въ 1433 г. поставилъ Полату каменну велику,—а въ третьей, подъ тѣмъ же годомъ, что Палату Евѳимій поставилъ у себѣ на дворѣ, и что дверей въ ней было 30; во второй—что въ 1436 году владыка Евѳимій надъ Палатою у себя часы звонящіи устрои, а въ третьей подъ этимъ же годомъ записано—часы устрои каменные, въ саду, близъ стѣны каменной градной; въ Софійской лѣтописи подъ 1449 г. отмѣчено:—владыка Евѳимій поставилъ часозвоню; затѣмъ подъ 1673 г. третья лѣтопись сообщаетъ, что на Митрополичьемъ дворѣ, надъ воротами, на каменной церкви, поставлены часы; въ началѣ XVIII вѣка при Петрѣ Великомъ устроены часы съ боемъ (съ курантами) на той самой башнѣ, которая называется теперь Евѳиміевскою

О Великомъ же теремѣ Василія неупомянуто послѣ 1341 г. ни разу,— такъ что неизвѣстно, куда онъ дѣвался; о другомъ же каменномъ сооруженіи этого владыки, о каменной Палатѣ у себя на дворѣ, подлѣ Рождества—по второй лѣтописи, и о Палатѣ каменной его же, но безъ означенія мѣста—по третьей, мы знаемъ,—такъ какъ Рождественская церковь была на воротахъ, ведущихъ съ площади въ архіерейскій дворъ, гдѣ теперь церковь Благовѣщенская,—а нынѣшній архіерейскій домъ, въ современномъ видѣ, устроенъ въ XVIII вѣкѣ, и въ составъ его вошли, судя по кладкѣ, обнаруженной минувшимъ (1893 года) лѣтомъ при починкахъ, древніе дома, а въ числѣ ихъ и Васильева палата. Евѳиміевою палатою считается та, въ которой жилъ обыкновенно викарій Новгородской епархіи и которая три года назадъ была вся разобрана, даже съ основаніемъ, а затѣмъ построена вновь на прежнемъ мѣстѣ, но съ другимъ внутреннимъ расположеніемъ. Наблюдавшему за кладкой прежней палаты легко было видѣть древность оной,—кладка булыжная съ плитнякомъ,—своды изъ кирпичей неодинаковыхъ размѣровъ. Можно установить, что дѣйствительно эта палата сооружена первоначально Евѳиміемъ, уже судя по одной кладкѣ,— это же подтверждается и очень неглубокимъ ея основаніемъ,—всего аршина на три ниже площади. Но башня его имени приходится на значительномъ разстояніи отъ этой палаты; между ними церковь Св. Сергія Радонежскаго; стало быть „часы звонящіи“ были устроены не на башнѣ. Но не назвалъ-ли лѣтописецъ башнею часозвоню 1449? и это сомнительно: подземелье занимаетъ пространство не только подъ башнею, но и во всѣ стороны отъ нея; такъ что башня приходится на сводѣ его; а Евѳиміевы сооруженія были возведены быстро; въ числѣ рабочихъ и строителей находилось немало нѣмцевъ (по лѣтописи); иныя изъ построекъ этого владыки падали сряду послѣ окончанія ихъ. По глубинѣ, и кладкѣ стѣнъ и сводовъ, подземелье сходно, какъ сказано, братски съ первымъ, значитъ оно ему и современно. Для уясненія сомнѣній обратимся къ изображеніямъ Дѣтинца и всего Новгорода Михайловскому и Знаменскому.

На обоихъ изображеніяхъ написана башня, называемая Евѳиміевою; на первомъ она оканчивается шеломовидно, а на второмъ шатровымъ верхомъ, какой и теперь; на первомъ показана, сверхъ того, нѣсколько на западъ отъ упомянутой Рождественской церкви, небольшая шатровая деревянная башенка, съ сквозными просвѣтами или пролетами. Приходится она на той части Митрополичьяго дворца, которая обращена внутрь двора и къ саду. Отмѣтка о часозвонѣ ближе подходитъ именно къ этой башнѣ. Если бы лѣтописецъ разумѣлъ не ее, а называемую Евѳиміевою, то непреминулъ бы сказать „великую или высокую“, подобно тому, какъ онъ сказалъ о Палатѣ съ 30-ю дверьми; часы же звонящія могли быть устроены на Великомъ теремѣ, для чего измѣнена верхушка его изъ шеломообразной въ шатровидную. По всѣмъ приведеннымъ даннымъ слѣдуетъ считать Евѳиміеву башню Великимъ теремомъ владыки Василія, поставленнымъ надъ подземельемъ болѣе древняго устройства.

Хотя подземелье Великаго терема содержится лучше перваго, но и оно также сыро и также требуетъ очистки и приведенія въ первобытное состояніе.

и в) Палаты Судебно-престольной.

Третье подземелье принадлежитъ Палатѣ Престольно-Судебной, или Одриной, или Грановитой, подъ такъ называемымъ Іоановскимъ корпусомъ, къ полуденно-западной сторонѣ котораго примкнула палата съ именемъ Евѳиміевой. Это подземелье раздѣляется въ настоящее время на три части неодинаковой величины; одна почти подъ всею восточною половиною зданія, другая, самая большая подъ всею полночною стороною, а третья, самая меньшая, приходится подъ участкомъ стороны западной, соотвѣтствующимъ помѣщеніямъ ризницы Крестовой церкви викарія.—По строенію подземелье почти одинаковой, внутри, высоты съ обоими описанными, совершенно не похоже на нихъ въ остальномъ. Каждое изъ тѣхъ выведено безъ подпоръ свода, чѣмъ и обусловливается ихъ величественность, здѣсь же сводъ, составляющій полъ собственно Престольной Судебной Палаты, опирается на пять четырегранныхъ устоевъ, на одинаковомъ между ними и наружными стѣнами разстояніи, сведенныхъ вверху вмѣстѣ между собою и съ наружными стѣнами и раздѣляющихъ такимъ образомъ все подземелье на необширные, но высокіе, до двухъ саженъ, прямоугольные участки, числомъ двѣнадцать; пространство между нѣкоторыми устоями забрано толстыми стѣнами, тоже сведенными вверху, а между другими остается открытымъ. Въ наружныхъ стѣнахъ продѣланы, подъ самыми сводами, небольшія окна съ свѣтовыми, сверху внизъ, откосами; въ стѣнахъ, между устоями, выбраны то двери, то небольшія окна; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ еще уцѣлѣли желѣзныя рѣшотки, совершенно перержавѣвшія и разлущившіяся на столько, что при малѣйшемъ давленіи пальцемъ ломаются, какъ сухая глина; деревянная же подушка, замѣтная въ одномъ изъ такихъ оконъ, обратилась въ губку; стоитъ ткнуть пальцемъ и она разлетится пылью.

Все подземелье подъ восточною половиною зданія предоставлено въ распоряженіе эконома архіерейскаго дома и содержится въ полномъ порядкѣ; здѣсь половой настилки нѣтъ; стѣны, какъ наружная, такъ и внутреннія, равно и устои сводовъ, опираются на кладку изъ очень крупнаго валунника, значительно выступающую наружу изъ отвѣса стѣнъ; ширина каждой стороны устоевъ больше $2\frac{1}{2}$ аршинъ; толщина стѣнъ такая же: видны слѣды печей.

Подземелье полночной стороны завалено было, года полтора назадъ различными обломками; проникнуть туда неудалось и получить представленіе о свойствѣ и качествѣ этихъ обломковъ не пришлось; по словамъ завѣдывавшаго тогда обоими подземельями, оно точно такое же во всѣхъ подробностяхъ, какъ и первое; обломки, наваленные сверху, принадлежатъ

негоднымъ къ употребленію домашнимъ предметамъ,—а что подъ ними—ему неизвѣстно.

Западное подземелье доступно каждому; оно было обращено до самаго послѣдняго времени, именно до глубокой осени минувшаго года, въ кладовую для строительнаго вещества; преобладала известка, разсыпанная какъ попало; были тамъ и другіе предметы, напримѣръ—языкъ отъ большаго колокола, каменное ядро, то самое, должно быть, котораго недоставало въ одной изъ двухъ кучъ, сложенныхъ у Софійскаго собора, огромный блокъ для подъема тяжестей, каковы колокола, кресты, воздвизаемые на церковныхъ главахъ и проч., и другіе предметы. Лѣтъ восемъ назадъ здѣсь были и печи,—теперь уже не осталось отъ нихъ ничего кромѣ копоти,—но зато во многихъ мѣстахъ, особенно въ дымо-проводахъ, открылась кладка стѣнъ.

Въ этомъ подземельи есть одна замѣчательная особенность: по свѣтовымъ откосамъ окна, что слѣва отъ входа со двора, и по сторонѣ сводоваго устоя, приходящагося прямо противъ этого окна, явственны слѣды настѣннаго письма, расположеннаго въ излюбленномъ Новгородскими художниками древности вкусѣ,—въ кругахъ; по нѣкоторымъ можно еще разглядѣть очертаніе лицъ, хотя и слабое. Пріемы художника, занимавшагося этимъ письмомъ, даютъ основанія относить время его работы ко второй половинѣ XV вѣка и притомъ къ концу ея, когда художество, въ смыслѣ творчества, уже упало и когда образа святыхъ писались по снимкамъ съ болѣе древнихъ,—изготовленнымъ при помощи вощанки, т. е. тонкой бумаги пропитанной воскомъ; это видно изъ глубоко проникающихъ въ подготовку для письма площадки стѣны бороздъ, соотвѣтствующихъ очертаніямъ изображенія, подлежащаго написанію. Была-ли тутъ келья благочестиваго инока—художника, или здѣсь помѣщалось училище художниковъ, или наконецъ—это слѣды храма,—неизвѣстно;—ни въ одномъ изъ доступныхъ для изученія письменныхъ памятниковъ нѣтъ хотя бы и слабыхъ намековъ, чтобы съ нихъ начать изысканія. Быть можетъ въ упомянутыхъ хранилищахъ старыхъ дѣлъ Софійскомъ и Консисторскомъ, что нибудь и найдется, но въ настоящее время доступъ къ нимъ если и не безусловно невозможенъ, во всякомъ случаѣ затруднителенъ.

Для наблюдателя, не посвященнаго во всѣ оттѣнки движенія строительнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ, византійскаго, римскаго, мавританскаго, готическаго, скандинавскаго и средне-азіятскаго вообще, не легко бываетъ опредѣлить, хотя-бы и приблизительно, отраженіе въ древнихъ Новгородскихъ сооруженіяхъ вліянія того или другаго народа, той или другой страны, а по таковымъ вліяніямъ предполагать о сношеніяхъ Новгородцевъ съ народами и странами, оставившими слѣды своего вліянія; между тѣмъ изысканія въ этомъ направленіи не могутъ быть чужды нашему Обществу. Для непосвященнаго наблюдателя сравнительный обзоръ всѣхъ трехъ подземелій говоритъ за высокую, величественную смѣлость сооруженія первыхъ двухъ, и за робость неопытнаго зодчаго, выводившаго своды третьяго.

Уже отмѣчено, что всѣ три подземелья были въ древности тюрьмами. Основанія этого мнѣнія относительно перваго подземелья высказаны, причемъ, замѣчено, что оно устроено было первоначально вовсе не для этой цѣли. Тоже слѣдуетъ повторить и о другихъ двухъ, хотя данныхъ, особенно о подземельи подъ Великимъ теремомъ, нѣтъ, кромѣ величественности и огромности его, ведущихъ къ однимъ только догадкамъ и предположеніямъ, вытекающимъ изъ времени первоначальнаго сооруженія нынѣшняго Дѣтинца, и изъ условій и обстоятельствъ внутренней жизни Великаго Новгорода въ первые два вѣка, непосредственно слѣдовавшіе за основаніемъ нашей Государственной жизни.

Новый Государственный строй не вдругъ пріобрѣтаетъ устойчивость, подвергаясь колебаніямъ до тѣхъ поръ, пока онъ пуститъ корни въ почву достаточно глубоко; въ такой странѣ какъ Ильменская, стоявшая во главѣ разноплеменныхъ союзниковъ, колебанія не могли не быть значительны и продолжительны,—это подтверждается нѣкоторыми, хотя и неточными въ подробностяхъ, преданіями, нашедшими себѣ мѣсто не только въ лѣтописныхъ сборникахъ позднягo состава, каковы—лѣтопить Никоновская, отрывокъ Якимовской, Синопсисъ Гизеля и др., но даже и въ представленіи такого великаго знатока отечественнаго прошлаго, какимъ былъ Карамзинъ.

Преданія удостовѣряютъ, что Новгородцы-Ильменцы слыли у своихъ инородныхъ сосѣдей за народъ неуживчивый, непостоянный и когда они вздумали искать себѣ правителя или военачальника между властными сосѣдями, никто не хотѣлъ идти къ нимъ „бояху-бо ся звѣринаго ихъ нрава“ (лѣт. Никоновская); тогда же выискались смѣльчаки, взявшіеся за устройство страны Ильменской; вскорѣ возникло Вадимово возстаніе, хотя и неудавшееся по незначительной численности его сторонниковъ, но вызвавшее откочеваніе большой орды Новгородцевъ къ Кіеву (таже лѣтопись, отрывокъ Якимовскій, повѣсть Карамзина). Удаленіе Олега, этого перваго достовѣрнаго державца, съ своею дружиною изъ Новгородскихъ предѣловъ, гдѣ онъ имѣлъ свою собственность (Ладога), рѣчь Святослава Игоревича, обращенная къ посламъ Новгородскимъ, требовавшимъ у него себѣ князя—„абы кто пошелъ къ вамъ“, то есть „да кто пойдетъ къ вамъ“;—послѣдовавшія далѣе, сряду послѣ Ярослава, неудовольствія къ княжеской Руси и то призывъ въ Новгородъ, то изгнаніе князей—все это говоритъ не двусмысленно, что Государственный строй, изобрѣтенный и основанный въ странѣ Ильменской, долго не могъ здѣсь окрѣпнуть.

Тоже можно сказать и о христіанствѣ. Насильственное крещеніе Путяты и Добрыни „уя Володимерова“ не обезопашивало вѣроучителей, особенно первыхъ, людей пришлыхъ. Мы знаемъ, что въ странѣ Ильменской язычество держалось очень долго, мѣстами даже до конца XVI вѣка. Если неизвѣстны изъ лѣтописей случаи частыхъ насилій надъ духовенствомъ, это не значитъ еще, что ихъ не бывало, а зависитъ, съ одной стороны отъ его осторожности, а съ другой отъ потворства языческимъ обрядамъ, противъ котораго Владыки посылали время отъ времени свои увѣщательныя грамоты.

Такимъ образомъ въ древности не были безопасны въ Великомъ Новгородѣ ни князья, ни Владыки-духовные, если не въ личномъ, такъ въ имущественномъ отношеніи.

Сооруженіе каменныхъ стѣнъ Дѣтинца съ крѣпкими башнями и обширныхъ, глубокихъ и высокихъ подземелій подъ ними, вызвано было безъ сомненія, необходимою для правителей личною и имущественною безопасностью прежде всего. Вездѣ въ большихъ торгово-промышленныхъ обществахъ и всегда личность самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ въ рѣдкихъ случаяхъ не поглощалась и даже вовсе не уничтожалась богатствомъ; тоже было и въ древнемъ Новгородѣ. Понимавшіе это правители заботились, конечно, о наибольшемъ скопленіи въ своихъ рукахъ и о наибезопаснѣйшемъ сохраненіи богатствъ.

Изученіе изображеній Новгородскаго Дѣтинца ясно показываетъ, что вся его площадь раздѣлялась на двѣ части; полуденно-западная и значительно большая, застроена была сооруженіями княжескими, а полночно-восточная—владычними; каждая изъ нихъ подраздѣлялась тоже на два участка, одинъ изъ которыхъ принадлежалъ въ каждой части собственно княжимъ и собственно владычнимъ сооруженіямъ, а другой служилымъ людямъ. Княжескій назывался Княжь-дворъ,—а Владыкинъ—дворъ владыченъ. Участки-же служилыхъ людей носили наименованіе околодковъ; Княжескихъ,—Борисоглѣбскаго, по церкви, сооруженной былиннымъ Садко - Богатымъ, бывшимъ сотникомъ, Владычнихъ—Владимірскаго, иногда называемымъ Градомъ Володимера, по имени князя Св. Владиміра Ярославича построившаго Владычною часть стѣны Дѣтинца, или по сооруженной на проѣздныхъ воротахъ въ 1311 г. церкви во имя Св. Равноапостольнаго Владиміра. По срединѣ площади Дѣтинца стояли одно противъ другаго,—близъ княжеской половины—зданіе Правительственной палаты, т. е. постояннаго вѣча, выражающей свѣтскую власть—а близъ Владычной—Святая Софія, —представительница власти Духовной и Верховной покровительницы страны. Собственно княжеской дворъ отдѣленъ былъ отъ другихъ дворовъ служилыхъ людей его заборами; въѣздъ въ этотъ дворъ охранялся стражею, помѣщавшеются частію въ княжей башнѣ, частію въ другой, стоявшей у самыхъ воротъ двора и называвшейся, послѣ сооруженія близъ нея церкви Іоанна Златоустаго, Златоустовскою. Она приходилась рядомъ съ нынѣвшею звонницею Покровской церкви, на востокъ.

Такимъ образомъ подземелье подъ Великимъ теремомъ служило въ древнѣйшія времена такимъ же тайникомъ для архіерейскихъ сокровищъ, какимъ подземелье подъ Княжею башнею—для княжескихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ могли найти убѣжище во время смутъ и семья князя и ближайшіе бояре его,—а подземелье Великаго терема служило, вѣроятно, для того же относительно владыки и его бояръ. Впослѣдствіи оно могло, какъ и первое, быть и тюрьмою, тѣмъ болѣе, что въ XVI и XVII вѣкѣ въ одномъ изъ зданій соединенныхъ теперь въ Митрополичій дворецъ, стоявшихъ близъ стѣнъ Дѣтинца, помѣщался Судный приказъ. Современи обращенія теремнаго подземелья изъ тайника въ тюрьму, богатства Владычня двора хранились,

вѣроятно, въ круглыхъ башняхъ. Владычній дворъ, какъ и Княжій, огороженъ, по рисунку изображенія, со всѣхъ сторонъ, то постройками, то заборами.

Подземелье Престольно-Судебной Палаты соотвѣтствуетъ болѣе другихъ двухъ темницѣ и по внешнему виду расположенія и по мѣсту—и по свидѣтельству лѣтописи. Новгородцы, недовольные княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха, рѣшили въ 1136 г. изгнать его за установленныя, конечно, судомъ вины, и посадили до прибытія другаго князя „въ Епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тещею, и сторожи стрежаху въ день и въ нощъ съ оружіемъ, мужъ тридесять, и сѣдѣ два мѣсяца". Послѣднія событія указываютъ, что въ дѣлѣ изгнанія Новгородцы не были единодушны; возникъ сряду послѣ изгнанія мятежъ, распространившійся на Псковъ и Смоленскъ. Многіе изъ Новгородцевъ бѣжали къ Всеволоду,—дома и вообще имущество сторонниковъ этого князя и другаго, вновь призваннаго, были разграблены. Весьма вѣроятно, по этому, что вмѣстѣ съ Всеволодомъ и его семьею были заключены подъ стражу единомышленники и друзья князя; воизбѣжаніе взаимнаго уговора—всѣ были разсажены, надобно думать, порознь, на что требовалось не одно помѣщеніе, такъ что оба подземелья, а можетъ быть и всѣ три, были заняты заключенными.

Когда сооружены оба подземелья Владычняго двора, письменныхъ свѣдѣній нѣтъ; предположенія объ одновременности Теремнаго съ княже-башеннымъ высказаны; на первоначальное-же возведеніе постройки послѣдняго, подъ Престольно-Судебною Палатою, имѣются указанія косвенныя, приведенный выше видъ его, и давность судебнаго назначенія Палаты.

Въ древнѣйшемъ отрывкѣ частнаго сборника Судебныхъ обычаевъ, извѣстнаго подъ именемъ кратчайшаго списка Русской Правды, есть въ числѣ судебныхъ доказательствъ „Изводъ передъ 12-ть" весьма основательно принимаемый за судъ передъ 12-ю гражданами, соотвѣтствующій современному суду присяжныхъ. Именитые наши ученые относятъ написаніе краткаго сборника обычаевъ, т. е. древнѣйшей Русской Правды, къ вѣкамъ до начала русской лѣтописи; къ тѣмъ же вѣкамъ надобно по этому отодвинуть и существованіе суда 12-ти. Въ позднемъ, сравнительно, памятникѣ, въ злополучномъ договорѣ Новгорода съ Польскимъ королемъ, послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ присоединенію самобытной страны Ильменской къ Московскому державству, точно и опредѣлительно сказано объ этомъ судѣ; онъ названъ судомъ одринымъ;—собираться долженъ въ Одринѣ, то есть въ Владычной или Престольной Палатѣ и состоять изъ боярина и житейнаго отъ каждаго изъ пяти концовъ и изъ двухъ приставовъ, по одному отъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Всѣ эти 12-ть человѣкъ принимаютъ, предъ началомъ исполненія своихъ обязанностей, присягу.

Съ какого времени и въ какой Одринѣ собирался судъ 12-ти присяжныхъ, здѣсь-ли, въ нашей Палатѣ, или въ другомъ мѣстѣ—это ясно изъ слѣдующаго: на сѣняхъ, которыя ведутъ въ Палату, названную нами Судебно-Престольною, и которыя извѣстны по лѣтописи подъ именемъ Ве-

ликихъ сѣней, у самыхъ входныхъ въ Палату дверей, въ углубленіи, сохраняется настѣнный образъ Спасителя, строгаго Греческаго письма; подъ нимъ надпись, сказывающая, что Св. Іоаннъ Архіепископъ, во время осады Новгорода дружинами князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, въ 1169 году, усердно молился предъ этимъ образомъ объ избавленіи паствы его и города отъ гибели, и почью услышалъ голосъ, повелѣвшій ему взять изъ церкви Спаса на Ильинѣ улицѣ образъ Богоматери и вознести его на забрало, т. е. на внѣшнюю стѣну города. Дальнѣйшее извѣстно. На страницахъ разогнутаго Евангелія въ лѣвой рукѣ Спасителя написано: „Судъ судите. Не на лица зряще судите сынове. Имже судомъ судите, разсудится вамъ“. Выше упомянуто, что Палата эта называется Іоанновскимъ корпусомъ и что въ полночной четверти ея жилъ Св. Іоаннъ Архіепископъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что въ половинѣ XII вѣка въ Одринѣ уже засѣдалъ судъ 12-ти, и что образъ Спасителя могъ быть написанъ или Греческими художниками, строившими Софійскій соборъ, или хотя и Новгородскими, по современными построенію собора и подъ руководствомъ греческихъ, такъ какъ у насъ учреждено было училище рисованія во времена Ярослава Мудраго, находившееся на берегу, близъ Софійской звонницы, за стѣною Дѣтинца,—на островѣ Владычнемъ. Изслѣдованіе постройки Палаты и подземелья, т. е. пріемовъ кладки, свѣдущими людьми можетъ установить, греческіе-ли художники ихъ сооружали и когда именно, или свои Новгородскіе, или другіе какіе, Скандинавскіе или Азіятскіе: но кто-бы ни были зодчіе, во всякомъ случаѣ—всѣ подземелья, несущіе на себѣ признаки глубочайшей древности, требуютъ особаго вниманія къ скорѣйшему улучшенію современнаго положенія ихъ.

Покровская башня.

Самая высокая и самая своеобразная изъ всѣхъ башня извѣстна здѣсь подъ многими именами; одни называютъ ее Чортовой, другіе Кукуемъ, иные просто Сторожевою башнею. Намъ, по этому, слѣдуетъ установить путемъ пріемовъ научныхъ, на какое имя эта башня имѣетъ право не только преимущественное, но и исключительное. Помогутъ въ этомъ свидѣтельства письменныя въ связи съ изображеніями Дѣтинца Михайловскимъ и Знаменскимъ.

На Михайловскомъ изображеніи, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ разноименной башнѣ, поставлена высокая церковь, но не извнутри Дѣтинца, а извнѣ, какъ-бы непосредственно за стѣною его; при томъ она написана не выглядывающею изъ за стѣны, а вполнѣ стоящею на продолженіи толщины ея за Дѣтинцемъ; т. е. она вся поверхъ стѣны, съ основанія. На Знаменскомъ—церкви нѣтъ; здѣсь на мѣстѣ ея стоитъ башня, такая-же высокая и своеобразная, какъ и нынѣшняя;—на Михайловскомъ, въ свою очередь, нѣтъ этой башни. Вглядываясь внимательно въ оба изображенія, и представляя нынѣшнюю разноименную башню, легко примѣтить, что по-

слѣдняя и Знаменская башня есть ничто иное, какъ существенная, собственно средняя, часть зданія церкви Михайловскаго изображенія. Тамъ церковь представлена широкою въ нижней части, какъ Трое-частныя древнія греческія,—надъ срединою возвышается—продолженіе вверхъ средняго отдѣла церкви, нѣсколько уменьшенное въ ширину и шестигранное,—съ окнами, а надъ нимъ вытягивается та часть, которая приходится подъ куполомъ церкви, трибунъ, тоже о шести граняхъ съ окнами въ каждой, и увѣнчанная главою. Нижняя часть покрыта на обѣ стороны, скатами отъ срединнаго возвышенія наружу,—а это возвышеніе—на шесть скатовъ, соотвѣтственно гранямъ. Въ современномъ видѣ разноименная башня имѣетъ въ нижней своей части, извнутри Дѣтинца, полуразрушившуюся каменную пристройку; остатки ея доходятъ до высоты стѣны Дѣтинца, выступомъ, оканчивающимся площадкою, служившею поломъ для продолжавшагося выступа вверхъ и сводомъ для помѣщеній въ неразрушившейся части. Надъ этимъ остаткомъ выступа, нѣсколько отступя отъ края его, обращеннаго внутрь Дѣтинца, возвышается самая башня, выходящая частію своей площади основанія за стѣну Дѣтинца наружу, а частію ставшая во всю толщу стѣны; такъ что она въ основаніи и до верха стѣны Дѣтинца—сквозная. Тѣ окна, которыя на Михайловскомъ изображеніи, повторяются и здѣсь, но они заложены, что отчетливо и ясно видно по новой сравнительно задѣлкѣ впадинъ. Въ этой стѣнѣ башни, отъ которой начался упомянутый выступъ и которая смотритъ прямо на лѣтній востокъ, заложена бывшая прежде обширная, безъ малаго во всю ширину стѣны, пустота, полукругомъ въ верхней части, начинавшаяся отъ пола остатка выступа. Внутри башни, въ той части, которая приходилась за этою заложенною пустотою, валяются отбитые отъ стѣнъ кусочки известково-алебастровой обмазки, съ небольшими волокнами льна или пеньки; на гладкихъ сторонахъ кусочковъ слѣды красокъ. Такая именно обмазка дѣлалась на тѣхъ частяхъ церковныхъ стѣнъ, которыя предназначались для настѣннаго письма.

О современномъ состояніи этой башни скажемъ нѣсколько словъ ниже, а теперь остановимся на письменныхъ свидѣтельствахъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, прямое или косвенное.

Въ древнѣйшей Новгородской лѣтописи отмѣчено подъ 1305 годомъ: „Постави Семенъ Климовъ церковь камену на воротѣхъ отъ Прусьской улицы“. Въ Татищевскомъ спискѣ этой же лѣтописи повторена приведенная отмѣтка и пояснено—„на Городскихъ воротахъ“. Въ третьей Новгородской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ сказано: Постави Семенъ Климовичъ церковь каменну Покровъ Пресвятыя Богородицы, на воротахъ отъ Прусской улицы, на каменномъ Дѣтинцѣ, въ Великомъ Новгородѣ. Въ древнѣйшей и другихъ лѣтописяхъ значится еще подъ 1389 годомъ: Григорій Якуновичъ постави церковь камену на воротѣхъ и поясняется (въ IV Нов.). Покровъ Св. Богородицы, „а старую порушавъ“.—Въ росписи ружныхъ церквей Новгородскихъ, составленной около 1585 г.—объ одной изъ четырехъ, бывшихъ въ то время, Покровскихъ церквей въ Дѣтинцѣ сказано, что она „за Государевыми, Царевыми а Великаго князя житницами, въ Стрѣльнѣ“ (Макарій I, стр. 110).

Обращаясь еще разъ, по поводу послѣдне приведеннаго свидѣтельства, къ изображеніямъ Дѣтинца, найдемъ тамъ длинное узкое и низенькое каменное зданіе, вытянувшееся отъ небольшой башни,—что подлѣ Златоустовской церкви, бывшей сторожевою при въѣздѣ въ княжій дворъ и названной выше Златоустовскою,—вплоть до самой стѣны Дѣтинца, на полдень отъ разноименной башни и значительно отступя отъ нея. Новгородскіе старожилы помнятъ конечно, что отъ ограды Софійскаго собора тянулось, назадъ тому около двадцати лѣтъ, въ восточномъ направленіи, древнее каменное зданіе, доходившее безмалого до самой стѣны Дѣтинца, и что это зданіе называлось Житенный дворъ Архіерейскаго дома. Низенькое длинное каменное зданіе изображеній Дѣтинца будетъ, по этому, Житенный дворъ княжій, или Государевы житницы XVI вѣка. Стрѣльнями называются въ лѣтописи башни. Нынѣшняя Покровская церковь не придется никакъ за Государевыми житницами, и стоитъ она не только не въ башнѣ, но даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стѣны Дѣтинца и отъ Башни княжей, совсѣмъ особнякомъ. Въ росписи Новгородскихъ церквей, учиненной въ 1615 году, послѣ опустошеній произведенныхъ шведскими войсками подъ предводительствомъ генерала Якова Понтуса-де-ла-Гарди, показана церковь Покровъ Пресвятыя Богородицы у Дьячаго двора въ стѣнѣ.

На рисункѣ Омарія разноименную башню не трудно отличить отъ остальныхъ Дѣтинцевыхъ по ея своеобразному виду; тамъ на ней водруженъ крестъ.

По приведеннымъ отмѣткамъ лѣтописи, Покровскія церкви Семена Климовича и Григорья Якуновича были обѣ на воротахъ отъ Прусской улицы; изъ словъ IV лѣтописи, что Григорій Якуновичъ порушилъ старую, чтобы поставить новую Покровскую церковь слѣдуетъ, что оба лица строили разновременно не двѣ, а одну и туже церковь на Дѣтинцевскихъ воротахъ отъ Прусской улицы.

Но не было ли двое воротъ отъ Прусской улицы? На этотъ вопросъ можно смѣло дать отрицательный отвѣтъ. Во II Новг. лѣтописи подъ 1493 года описывается крестный ходъ Архіепископа Генадія вокругъ возобновленнаго Дѣтинца и перечисляются остановки для чтенія эктеніи и окропленія святою водою стѣнъ и проѣзжихъ воротъ:—Пречистенскихъ, Спасскихъ, Покровскихъ и Володимерскихъ. Здѣсь названы Покровскія ворота только одни.

Независимо отъ этого показанія говорятъ за существованіе однихъ только проѣзжихъ Покровскихъ воротъ—и незначительность разстоянія между Спасскими, отъ Прусской улицы, и Воскресенскими, равно и значеніе Новгородскихъ улицъ въ древности; онѣ были не то что нынѣшнія проѣзды между домами и огороженными земельными участками,—а представляли крупныя дѣленія концовъ, имѣвшія свое управленіе съ улицкими старостами во главѣ, засѣдавшими въ Правительственной Палатѣ, т. е. въ Постоянномъ Вѣчѣ, съ Кончанскими посадниками и другими Государственными должностными лицами. Древняя Прусская улица, лежала къ сторонѣ прямо противъ воротъ ея имени. Другихъ воротъ отъ Прусской улицы негдѣ было и помѣстить въ стѣнѣ Дѣтинца.

Сопоставленія всего приведеннаго достаточно, чтобы разноименную башню называть Покровской, по церкви, изъ которой она обращена,—вѣроятно при возобновленіи Дѣтинца Иваномъ III и Геннадіемъ въ послѣдніе годы XV вѣка,—въ Стрѣльню, давшую помѣщеніе, при самомъ возобновленіи, для той-же церкви, въ сторонѣ, обращенной внутрь Дѣтинца; для алтаря этого новаго помѣщенія церкви сдѣлана была, по всей вѣроятности тогда же, пристройка, въ видѣ выступа; въ разрушившейся верхней части этой пристройки помѣщался, видимо, алтарь, соединявшейся съ молитвенною частью церкви чрезъ проломъ въ восточной стѣнѣ, впослѣдствіи, по упраздненіи церкви, заложенный кирпичемъ; кусочки известки съ волокнами льна и пеньки—это остатки обвалившейся обмазки церковныхъ стѣнъ съ фресками.

Названіе въ описаніи крестнаго хода вокругъ Дѣтинца, воротъ отъ Прусской улицы Покровскими, подтверждаетъ высказанное мнѣніе и доказываетъ существованіе Покровской церкви въ Стрѣльнѣ съ XV вѣка. Опредѣленіе мѣста ея въ Стрѣльнѣ въ концѣ XVI вѣка росписью ружныхъ церквей свидѣтельствуетъ о томъ же за время этого вѣка. Наконецъ въ рукописномъ житіи Святѣйшаго Патріарха Никона, хранившемся лѣтъ 25 назадъ въ Новгородской Духовной семинаріи, значится между прочимъ, что въ половинѣ XVII вѣка, во время возмущенія Новгородцевъ, искавшихъ избить или даже убить царскаго намѣстника князя Хилкова, онъ бѣжалъ изъ своихъ намѣстничьихъ палатъ,—основаніе ихъ откопано прошедшею осенью,—чрезъ башни Покровскую, Кукуй и Спасскую,—по городовой стѣнѣ и спрятался въ Митрополичьемъ дворѣ. Здѣсь подтверждается наименованіе Покровской башни, которая носитъ разныя имена, а не княжей, ближайшей къ Палатамъ намѣстника и къ Покровской церкви у Дьячего двора, такъ какъ послѣ Княжей слѣдующая башня будетъ застѣночная или Чортова, не имѣвшая сквознаго, съ верха стѣны, прохода по своему значенію Пыточной, а послѣ нея, передъ Владычнимъ дворомъ—Башня Воскресенская; послѣ же Покровской по нашему объясненію слѣдуетъ Кукуй, а далѣе—Спасская, существующія и до нынѣ.—Нужно при этомъ замѣтить, что въ древности Дѣтинецъ былъ покрытъ поверхъ зубцовъ, такъ что Хилковъ могъ пройти сквозными башнями и подъ Дѣтинцевской крышей незамѣтно для бунтовщиковъ. Путешествіе Олеарія близко ко времени бунта противъ князя Хилкова; если на башнѣ его рисунка, похожей на нашу, показанъ крестъ, значитъ Покровская церковь существовала въ ней, хотя и разграбленная шведами въ 1611 году, и въ половинѣ XVII вѣка; не включена же въ роспись 1615 года какъ незначительная и раззоренная. Окончательно упразднена она, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка, когда Петръ Великій приводилъ Дѣтинецъ и внутренній валъ къ боевой готовности, опасаясь нападенія Карла XII на Новгородъ.

Такова судьба большой Покровской башни. Лѣтъ пять—шесть назадъ ее задумали было привести въ порядокъ; изъ нижняго помѣщенія удалили свиней и капусту, понадѣлали нѣсколько деревянныхъ лѣстницъ, пробили въ двухъ—трехъ мѣстахъ, для чего-то, своды, отколотили со стѣнъ остатки

обмазки съ фресками, забѣлили нѣкоторыя стѣны, пробили два—три окна, словомъ сдѣлали многое никому ненужное, но прямо вредное почтенному памятнику старины; для чего то укрѣпили на верхушкѣ пѣтуха изъ листоваго желѣза, вращающагося по вѣтру на желѣзномъ стержнѣ.

Всѣ эти вредныя для изученія старины передѣлки слѣдуетъ немедленно уничтожить и возстановить Башню въ томъ видѣ, какою она была до нихъ;—сдѣлать это именно теперь еще легко,—лица, занимавшіяся передѣлками живы. Возстановивъ-же современныя поврежденія цѣльности надобно принять мѣры къ охраненію этого памятника отъ внѣшнихъ вліяній воздушныхъ явленій. Въ будущемъ, если найдутся средства и Общество окажется въ состояніи, возможно привести башню въ тотъ видъ, какой она имѣла по Знаменскому изображенію.

Башня Кукуй.

Слѣдующая за Покровскою въ восточно-полуденномъ направленіи башня называется изстари „Кукуй". Что это за названіе, какъ оно сюда попало и когда башня получила его,—вопросы достаточно темные, рѣшеніе ихъ возможно лишь предположительное, какое подскажутъ нѣкоторыя указанія, хотя въ существѣ достаточно блѣдныя и отдаленныя; приведемъ ихъ.

Первый и единственный разъ встрѣчается названіе Башни Кукуевскою въ приведенномъ сказаніи о возмущеніи противъ князя Хилкова, въ половинѣ XVII вѣка. Молчаніе—лѣтописей вообще о проявленіяхъ жизни обыкновенныхъ, заурядныхъ, естественно,—составители ихъ вносили въ памятухи то, что на ихъ взглядъ достойно было вниманія;—лѣтописи же велись, какъ мы знаемъ, преимущественно, если не исключительно, церковниками, по приказанію и подъ наблюденіемъ начальства, потому они слѣдили предпочтительно за событіями церковными, не пропуская никакихъ случаевъ съ монастырями и церквями вѣдомства Архіерея,—а о церквахъ не владычнихъ, сооружаемыхъ и исправляемыхъ князьями и частными лицами говорятъ очень мало, или и совсѣмъ молчатъ, такъ напримѣръ о Покровской у Дьячаго двора ни единымъ словомъ не упоминаютъ Новгородскіе лѣтописцы съ XI вѣка до нашихъ временъ,—объ Андрее—Стратилатовской, что за домомъ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, извѣстной по народному говору подъ нарицательнымъ именемъ „Обыденной и Обыденки", т. е. построенной и освященной въ одинъ день, лѣтопись не сообщила намъ ни одного слова;—о Златоустовской и прочихъ церквяхъ княжей половины Дѣтинца свѣдѣнія слишкомъ скудны до XVI вѣка. Стало быть молчаніе лѣтописи вообще не слѣдуетъ принимать за отрицаніе изслѣдуемаго явленія, если на него указываютъ побочныя, такъ сказать, обстоятельства, иной разъ издали освѣщающія искомое.

Изъ лѣтописи видно, что въ Новгородѣ производились крупныя сооруженія всею страною, каковы: укрѣпленія города, устройство мостовъ и мощеніе улицъ. Для нѣкоторыхъ сооруженій были узаконены поборы, въ

смыслѣ постоянной повинности, въ законодательномъ порядкѣ, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ, лицъ, свойства повинности и объема ея. Какъ на законодательный памятникъ этого рода укажемъ на Уставъ Ярославова о мостахъ, первыхъ годовъ XI вѣка, настолько точный и настолько привившійся къ жизни страны, что обязательная сила его сохранилась даже до половины XVII вѣка.—Объ укрѣпленіи города всѣмъ міромъ имѣются свидѣтельства лѣтописи по поводу спѣшныхъ работъ,—при обыкновенныхъ же случаяхъ поправки поврежденій говорится только—ставили городъ, чинили мостъ,—а кто и какъ—въ большинствѣ ихъ неупоминается, какъ подробность всякому современнику хорошо извѣстная.

Въ одномъ памятникѣ XVII вѣка, именно въ Уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г., перечислены мѣстности, обложенныя сборомъ въ доходъ князя,—и въ ихъ числѣ „Кукуева—гора", входившая въ Обонѣжскій рядъ. Въ настоящее время по дорогѣ къ г. Тихвину есть селеніе Кукуй; по мѣсту Кукуевой горы въ Уставѣ, между рѣками Пашею и Сясью, можно съ вѣроятностью считать ее и селеніе Кукуй за одно, такъ какъ послѣднее расположено на возвышенности и между тѣми-же рѣками.

Нѣмецкая слобода въ Москвѣ называлась „Кукуй" (Карамзинъ XI примѣчаніе 68). По направленію на западъ отъ Кукуевской башни лежала Прусская улица, получившее свое имя отъ первоначальнаго заселенія ея или выходцами съ береговъ рѣки Порусьи, омывавшей полуденно—восточную часть г. Старой Руссы, и отведенной въ недавнее время на другую сторону города, полуденно-западную, для полученія водяной силы къ соловарнѣ (Перерытица), или изъ Прусскаго Померанья, заселеннаго съ незапамятныхъ временъ вѣтвями племени: Невровъ Геродовыхъ—Литвою, Латышами, Ятвягами и другими (Нурская страна Шафарика). Вмѣстѣ съ Померанцами селились на Прусской улицѣ и пріѣзжіе нѣмцы; они же и купечествовавшіе Щетинцы, жители города Щетина, передѣланнаго въ Штетинъ, живали по торговымъ дѣламъ долго въ улицѣ Рядятиной,—въ нынѣшней Троицкой,—они построили Троицкую церковь въ XII вѣкѣ. Изъ числа нѣмецкихъ выходцевъ, селившихся въ Новгородѣ, слѣдуетъ назвать потомка Латышскаго царя Видвута, сынъ котораго или внукъ, Андрей по прозванію Кобыла, былъ, по преданію, родоначальникомъ бояръ Захарьиныхъ и Романовыхъ; прибытіе потомка Видвута въ Новгородъ относится къ 1287 году (Карамзинъ IV примѣчаніе 365 и VIII примѣч. 233). Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого преданія можетъ служить древнее родовое имѣніе Захарьиныхъ-Обольяниновыхъ, по правому берегу Волхова, сельцо Захарьино. О сохраняющейся въ саду барскаго дома древней церкви, служащей усыпальницею Захарьиныхъ, говорятъ, что основателемъ ея былъ тотъ вышеназванной Путята, который насильственно крестилъ Новгородцевъ, и что Захарьины ведутъ родъ свой отъ него.—Въ Новгородѣ была улица Кобылья, упомянутая въ лѣтописи всего одинъ разъ, подъ 1394 г., по случаю пожара, начавшагося у Спаса на этой улицѣ и истребившаго „каменный градъ Дѣтинецъ весь и Владычень дворъ, и у Св. Софіи верхъ полатный огорѣ и Неревскій конецъ до Борковы улицы, а церквей сгорѣ 12". Ни

одинъ изъ изслѣдователей расположенія Новгорода не знаетъ этой улицы. Судя по порядку перечисленія погорѣвшихъ мѣстъ позволительно указать для нея пространство на юго-западъ отъ Дѣтинца; тамъ, близъ Волховскаго берега, около откоса рва, охватывающаго Дѣтинецъ,—гдѣ теперь домъ Штрейса,—стояла церковъ Нерукотвореннаго образа,—часто называемаго въ народѣ Спасомъ Нерукотвореннымъ. Улицъ съ личными именами было много въ Новгородѣ: Янева, Боркова, Добрынина и др.—это видимо, поселки именитыхъ гражданъ, занимавшіе домами и службами значительныя пространства. Такимъ же поселкамъ могли быть дома и хозяйственныя постройки потомка царя Видвута, отца Андрея Кобылы, съ его слугами изъ нѣмцевъ, не знавшихъ нашего языка и говорившихъ также невнятно для русскихъ, какъ однообразно—тоскливое завыванье кукушки. Церковь Нерукотвореннаго образа, была не далеко отъ Кукуевой башни. Она существовала съ XII до начала XVII вѣка и разобрана, вѣроятно, при возведеніи земляныхъ укрѣпленій при Петрѣ Великомъ, какъ препятствовавшая дѣлу защиты Дѣтинца.

Приведенныя справки даютъ поводъ предположить, въ видѣ вопросовъ, слѣдующія объясненія названія башни Кукуевскою: не отражается-ли въ немъ повинность поддерживать эту башню, возложенная на обывателей мѣстности упомянутой въ Уставѣ Святослава Ольговича подъ именемъ Кукуевой горы;—или не называлась-ли часть Прусской улицы, а также и вся улица Кобылья, если она входила въ составъ Прусской, какъ крупной единицы дѣленія города, и если лежала близъ нашей башни, Кукуемъ, подобно Московской нѣмецкой слободѣ; говоръ новоприбывшихъ нѣмцевъ-померянъ, селившихся въ Прусской улицѣ или въ Рядятиной и не освоившихся еще съ мѣстнымъ языкомъ могъ дать ей это странное прозваніе.

Кукуевская башня была, какъ и большинство Дѣтинцевскихъ, жилою, въ части обращенной внутрь Дѣтинца; по изображеніямъ Михайловскому и Знаменскому при ней, какъ и при Покровской, были обитаемые каменные дома. Въ самой стѣнѣ Дѣтинца близъ этой башни было также жилое помѣщеніе. Есть преданіе, что въ которой-то изъ этихъ башенъ жилъ въ заточеніи князь Серебрянный. Теперь отъ построекъ бывшихъ около всѣхъ трехъ башенъ, Княжей, Покровской и Кукуевской остались только груды развалинъ. Раскопка ихъ можетъ дать любопытныя указанія, немаловажныя для цѣлей нашего Общества, о постройкахъ, показанныхъ на изображеніяхъ Дѣтинца.—и во всякомъ случаѣ принесетъ большую пользу стѣнѣ, устранивъ поводъ сырости, разъѣдающій кирпичныя части ея и башенъ. Впослѣдствіи удастся, быть можетъ, и возстановить древнѣйшія постройки при башняхъ по изображеніямъ ихъ и по остаткамъ основаній, зарывшихся подъ грудами развалинъ, и по пятамъ сводовъ, торчащимъ и теперь изъ Дѣтинцевской стѣны почти на всемъ пространствѣ между тремя башнями.

Стѣны Кукуевской башни выглядятъ еще твердыми, но внутренее расположеніе ея въ самомъ жалкомъ состояніи, все поломано; крыша ветха, дождю и снѣгу полная свобода.

На деньги, отпускаемые ежегодно Правительствомъ, въ количествѣ тысячи рублей, можно возстановить, послѣдовательно, всѣ башни Дѣтинца и бывшія при нихъ сооруженія и, также послѣдовательно, обращать ихъ для храненія остатковъ старины, которыми такъ богата страна Ильменская. По мѣрѣ собиранія остатковъ, успѣхъ каковаго зависитъ отъ дѣятельности нашего Общества, могли-бы наполняться ими ежегодно возстановляемыя башни. Съ увѣренностью можно ожидать, что въ первыя же десять лѣтъ Велико-Новгородскій Дѣтинецъ превратится въ богатѣйшее хранилище церковныхъ и бытовыхъ остатковъ глубокой старины. Примѣръ на глазахъ: Ростовъ Великій менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, при дружномъ участіи всѣхъ гражданъ, возстановилъ свои древнѣйшіе памятники, по справедливости и неотъемлемому—праву онъ гордится ими и собраніемъ остатковъ старины. Положеніе Новгорода лучшее: поддержанію памятниковъ нашей старины помогаетъ Правительство, давшее уже на этотъ предметъ свыше—тридцати тысячъ!—По уставу мы обязаны содѣйствовать Правительству тѣми научными пріемами и способами, которые составляютъ душу нашего Общества и его силу. Выступимъ же во всеоружіи и возбудимъ ходатайство о предоставленіи намъ—предлагать завѣдывающему пособіемъ Правительства учрежденію поддержку тѣхъ или другихъ частей Дѣтинца, по непосредственному назначенію Общества, сообразно потребнымъ на каждый годъ расходамъ, и производить починку и исправленіе подъ нашимъ наблюденіемъ.

Чтобы кончить съ Дѣтинцемъ, скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ его башняхъ, показанныхъ на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ. На каждомъ по двѣнадцати башенъ; изъ нихъ по одной на большихъ проѣздныхъ воротахъ, остающихся и до сихъ поръ такими-же. Имена ихъ, начиная съ воротъ выходящихъ на Волховской мостъ, слѣдующія: Надворотная—Богородицкая, или Пречистенская; отъ нея, вверхъ по Волхову,—первая Борисоглѣбская, вторая—противъ бывшаго у Образовой церкви Государева (Ивана IV) дворца (теперь ее называютъ неосновательно Павловою),—третья—Спасская, гдѣ часовня Живоносной источицы, бывшая проѣзжая для русской дороги; четвертая Кукуй, пятая большая—Покровская; шестая—Княжа, седьмая Чортова, или Застѣночная, восьмая Воскресенская на проѣзжихъ воротахъ, вводящихъ въ Дѣтинецъ отъ нынѣшняго лѣтняго сада; девятая Митрополичья круглая, десятая—Ѳедоровская; одиннадцатая Неревская у Неревскаго моста, проходная для пѣшеходовъ, и двѣнадцатая—Владимірская, что у входа въ лѣтній садъ съ берега. Не существуетъ башенъ: Богородице Пречистенской, Борисоглѣбской, Воскресенской и Неревской. Время уничтоженія Борисоглѣбской и Неревской, какъ ненужныхъ для защиты отъ ожидавшагося нападенія Карла XII, можно опредѣлить первыми годами XVIII вѣка,—о паденіи Богородице-Пречистенской есть отмѣтка въ одномъ изъ моихъ лѣтописныхъ сборникахъ,—отъ временъ Елизаветы Петровны; Воскресенская разобрана уже въ нынѣшнемъ столѣтіи при Александрѣ I.

Замѣтимъ здѣсь особенности башенъ Спасской и Владимірской: обѣ онѣ по четыреугольности, приземистости и по всей своей наружности совершенно одинаковы съ Англійскими, сохранившимися отъ временъ Вильгельма Завоевателя; обѣ онѣ имѣютъ, сверхъ того, выложенные въ верхней части, близъ крыши, изъ кирпичей, пояса, треугольниками, точь въ точь такого же вида и размѣра, какъ пояса на высокой древней татарской башнѣ въ Казани и на большинствѣ крупныхъ и древнихъ же сооруженій въ средней Азіи. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ древнѣйшихъ церквей имѣютъ точно такія же украшенія,—въ числѣ ихъ и Сергіевская надворотная церковь внутри Архіерейскаго двора, между Евѳиміевою Палатою и Великимъ Теремомъ. Эта церковь посвящена Св. Сергію Радонежскому въ XV вѣкѣ, въ концѣ его; первоначальное же ея основаніе восходитъ къ XII вѣку; она сооружена Усрѣтенію Господню и была, кажется, одною изъ первыхъ сѣнныхъ церквей Владычняго двора.

Ворота проѣздныя и водяныя.

Ворота проѣздныя теперь не представляютъ ничего стараго, онѣ устроены въ нынѣшнемъ видѣ, что уже сказано, при Императорѣ Александрѣ Благословенномъ. Въ будущемъ, когда средства Общества возрастутъ, легко возстановить ихъ въ первобытномъ видѣ на основаніи изображеній Знаменскаго и Михайловскаго.

Водяныхъ воротъ теперь только двое,—одни по правую сторону моста, если идти изъ Дѣтинца, въ стѣнѣ его,—другія по лѣвую. Первые не представляютъ, какъ и ворота проѣздныя, ничего, заслуживающаго изученія; они нужны для водоснабженія церковныхъ зданій и помѣщенія Присутственныхъ мѣстъ, часто исправляются и получили видъ самыхъ обыкновенныхъ вездѣ крѣпостныхъ водяныхъ воротъ. Вторыя же имѣютъ свое прошлое съ давнихъ временъ. На Михайловскомъ изображеніи они обнесены, снаружи, высокою деревянною пристройкою съ башнями по угламъ. Какое назначеніе имѣли эти пристройки—положительныхъ указаній не имѣется; судя потому, что рядомъ съ этими воротами былъ, внутри Дѣтинца, Владычій житенный дворъ, есть вѣроятіе видѣть въ башенной пристройкѣ житницу, въ которую привозили на лодкахъ зерно и въ ней очищали его, т. е. что это была вѣялка. Вообще же, по ближайшему сосѣдству пристройки съ такъ называемымъ Владычнимъ островкомъ, въ домахъ котораго жили „нарочитые бояре Владычніе"—не безосновательно считать пристройку хозяйственною Архіерейскаго дома. Надъ воротами, въ стѣнѣ Дѣтинца съ береговой стороны написанъ образъ Происхожденія честныхъ древъ креста Господня. По сочиненію образъ древній, но онъ сильно записанъ позднѣйшими поновленіями и отъ вліянія воздуха,—хотя и прикрытъ рамою со стеклами, часто впрочемъ выбитыми больше чѣмъ на половину,—сильно осыпается. Этотъ образъ опредѣляетъ первоначальное назначеніе воротъ, подтверждаемое и прилагательнымъ „водяные"; чрезъ нихъ совершался крестный ходъ

на воду въ установленные церковнымъ уставомъ дни: 6-го Января и 1-го Августа.

Если вглядѣться въ стѣну Дѣтинца надъ водяными воротами съ внутренней стороны, а не съ береговой, легко примѣтить заложенные кирпичемъ окно и дверь. Значитъ тутъ было или жилое помѣщеніе, или холодное.

Во II Новгородской лѣтописи подъ 1551 г. отмѣчено: „Привезли въ Новгородъ Крымскаго царя шурина и сидѣлъ здѣсь въ заточеніи въ желѣзѣхъ, въ городи Дѣтинци, въ стѣны въ каменой подъ Водяными воротами; а прежде того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревянной". Не темница ли злополучнаго царевича заложеное жилое помѣщеніе? не замурованъ-ли онъ здѣсь? Выраженіе лѣтописи „подъ воротами" а не надъ ними, легко объяснить опискою; а если это не описка, то нѣтъ ли подъ этими воротами такогоже подземелья, какія мы уже видѣли подъ башнями. Ворота ветхи,—содержатся неуважительно и требуютъ вниманія къ ихъ древности.

Внѣшній валъ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ, на которые не распространено расходованіе ежегодно отпускаемой изъ казны тысячи рублей, но которые, тѣмъ не менѣе громко вопіютъ о поддержкѣ.

Годоръ нашъ окопанъ былъ, какъ и всѣ поселенія людей глубокой древности, валомъ и окруженъ рвомъ, чтобы затруднить непріятельскія нападенія. Близъ лѣвой стороны города, Неревской, протекала рѣка Гзень, выходившая, судя по старицамъ хорошо виднымъ на равнинѣ между Чудинцвымъ запальемъ и рѣкою Веряжею, по направленію къ деревнѣ Лѣшину,—изъ этой рѣки и впадавшая, еще въ прошедшемъ вѣкѣ, въ Волховъ между Звѣринскимъ монастыремъ и Колмовомъ; она питала полночно-восточную часть рва,- а истокъ озера Мячина направленъ былъ однимъ руковомъ въ полуденно-западную его часть, а другимъ,—вдоль нынѣшней Троицкой и древней Рядятиной улицы, въ западно-восточную, до встрѣчи съ Волховомъ. И валъ и ровъ возобновлялись по мѣрѣ оползанія насыпи и засоренія ею русла. Изъ лѣтописи видно, что такія-же возобновленія происходили, начиная съ Ярослава Мудраго, до самыхъ позднихъ временъ, во время самобытія, Московскаго державства и даже въ царствованіе Екатерины II.

Въ валу было нѣсколько каменныхъ проѣздныхъ воротъ, а надъ ними, въ острогѣ, по кostру, для защиты вторженія въ городъ; одни костры были каменные, а другіе деревянные. Въ 1391 году, вскорѣ послѣ размирья съ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, осаждавшимъ Новгородъ, и предвидя стремленіе Москвы къ собиранію русской земли подъ свое державство, при каковомъ пришлось-бы самобытной странѣ выдерживать сильные натиски, народные правители взяли изъ Софійской казны десять тысячъ рублей, соотвѣтствующихъ теперешнимъ 120 т. руб., и поставили „каменные костры у каждой улицы по обѣ стороны острога". Эти костры нанесены на Зна-

менскомъ изображеніи и объясняютъ приведенныя слова лѣтописи „у каждой улицы по обѣ стороны острога“ не двумя кострами, по той и другой сторонѣ острога—а однимъ проемнымъ, занимающимъ всю толщу вала и дающимъ сквозной проходъ.

На лѣвой сторонѣ города оставалось, къ концу XVII вѣка во всемъ валу только два костра, одинъ при впаденіи въ ровъ протока озера Мячина, на полуденномъ углу вала, а другой при впаденіи въ Волховъ рва питавшагося водою Гзени—на полуночно-восточномъ углу. Будучи окрашены въ бѣлый цвѣтъ, они назывались Бѣлыми башнями. Невдалекѣ отъ перваго костра, по ту сторону рва, въ слободѣ, была Алексѣевская церковь, на мѣстѣ которой теперь часовня, по правой рукѣ, если идти изъ города на Петровское кладбище и въ Аркажу,—а по близости второго и теперь еще существуетъ древняя Петропавловская церковь—съ 1406 г.,—Петра и Павла. По именамъ этихъ церквей Бѣлыя башни пишутся въ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ—Бѣлыми Алексѣевскою и Петровскою. На Флоровскомъ изображеніи написаны обѣ башни—и только однѣ онѣ; обѣ очень высоки и ярко-бѣлыя, съ зубцами и выходящею изъ за нихъ плоско-приподнимающеюся крышею на каждой.

Бѣлыя башни.

Къ нашему времени сохранилась только одна изъ Бѣлыхъ башенъ,—Алексѣевская, и то полуразрушившеюся; лѣтъ сорокъ она стоитъ непокрытою; окраски нѣтъ и слѣда; стѣны во многихъ мѣстахъ потрескались; оконца для пусканья стрѣлъ и для наблюденій, поосыпались; дверь время отъ времени навѣшивается, но уличные озорники ее постоянно ломаютъ, дѣлая изъ башни настоящую „мерзость запустѣнія“: Лѣтъ 12 назадъ ее кое гдѣ подправили и укрѣпили основаніе. Покрыть эту башни не особенно дорого; можно надѣяться, что городъ, или почтенный нашъ членъ, городской голова Г. М. Смѣтанинъ, доказавшій на дѣлѣ свою отзывчивость задачѣ Общества, не откажутъ, если мы обратимся къ нимъ за помощью на устраненіе изъ Бѣлой башни нечистотъ, на устройство для нея крыши и внутреннихъ ставень въ оконца,—рамы со стеклами безполезны, выбьютъ, и на легкій—сквозной заборъ во кругъ нея. Если это удастся, нужно будетъ нанять на средства Общества наблюдателя за нею изъ ближайшихъ сосѣдей.

Основаніе Петровской Бѣлой башни еще видно. Его слѣдуетъ расчистить отъ мусора и тоже оградить. Степанъ Ивановичъ Петровъ, членъ городской управы, сочувствующій нашему Обществу и ближашій сосѣдъ Башни, тоже не откажется, вѣроятно, принять на себя трудъ приведенія развалины въ такой видъ, который-бы давалъ представленіе о цѣломъ сооруженіи и найти хранителя его, по найму за счетъ Общества.

Сношеніемъ съ Гг. Смѣтанинымъ и Петровымъ мы можетъ начать свою дѣятельность теперь же, что-бы къ наступающей веснѣ выяснить дальнѣйшую судьбу этихъ Башенъ.

Отъ остальныхъ костровъ вала уцѣлѣли незначительные остатки;—на лѣвой сторонѣ: а) близъ монастыря Десятиннаго продольныя стѣны костра, составляющія проемъ, или ворота подъ нимъ. Думаютъ, что на этотъ костеръ напирали Суздальцы въ то время, когда крестный ходъ съ образомъ Богоматери двигался къ монастырю; б) не вдалекѣ отъ нынѣшнихъ Прусской и в) Лучинской улицъ; остатки этихъ костровъ обращены теперь въ проходы сквозь насыпь вала, въ видѣ невысокихъ воротъ, какія устраиваются въ стѣнахъ крѣпостей. На протяженіи вала вдоль Духова монастыря встрѣчаются, мѣстами, большія гнѣзда крупнаго валуна. Это, должно быть остатки разрушившихся костровъ и воротъ. Близъ одного изъ подобныхъ гнѣздъ уличныя дѣти открыли, въ 1821 году, пустоту и въ ней много брусковъ, вершка въ два длины и въ палецъ толщиною, принятыхъ ими за свинцовые; не говоря старшимъ, дѣти носили эти бруски, по два и по три, въ ближайшую кузницу, чтобы растопить свинецъ и наливать битки для игры въ бабки; кузнецъ охотно исполнялъ желаніе ребятъ, и бруски передавалъ серебренику, такъ какъ они оказались вылитыми изъ серебра и были древними гривнами и полугривнами. Мало по малу слухъ объ этой находкѣ распространился и дошелъ до властей,—но, увы, слишкомъ поздно,—въ руки ихъ попало не болѣе пяти брусковъ, а десятки погибли въ плавильныхъ горшкахъ тогдашнихъ серебрениковъ. (Въ моемъ собраніи хранится изъ этого клада шесть гривенъ и двѣ полугривны). Не далеко отъ вала, гдѣ-то около Духова монастыря, по направленію нынѣшней дороги къ Чудову, наткнулись при ея проведеніи на два ряда мостовой настилки,—на нѣкоторомъ между ними разстояніи; подъ вторымъ рядомъ нашли много человѣческихъ остововъ, обернутыхъ берестою. Слѣдуетъ, по этому, имѣть въ виду намѣченную часть вала, если не для раскопки, то для наблюденій за земляными работами, нерѣдко случающимися въ окрестностяхъ.—По Знаменскому изображенію, писанному, какъ мы знаемъ, не позднѣе начала XVI вѣка,—по валу во кругъ Софійской стороны насчитывается девятнадцать башенъ, или древнихъ костровъ.

На правой сторонѣ города, поверхъ внѣшняго вала и по берегу, тянулась, мѣстами, каменная стѣна съ каменными же воротами и кострами; гдѣ была стѣна деревянная—ворота всегда выкладывались изъ камня, хотя башни рубились и изъ дерева. Въ лѣтописи и въ разныхъ Правительственныхъ бумагахъ поздняго времени, XVII и XVIII вѣковъ, сохранились свѣдѣнія о слѣдующихъ каменныхъ кострахъ и башняхъ:—а) большой костеръ на берегу Волхова недалеко отъ Готскаго двора; на Олеаріевомъ рисункѣ онъ показанъ. Готскихъ дворовъ было въ древности два, одинъ на мѣстѣ Путеваго дворца, построеннаго не раньше 1778 года, противъ Предтеченской церкви на опокахъ, на берегу Волхова; теперь онъ принадлежитъ военному вѣдомству,—а другой на пространствѣ между Дворищенскими церквами, молочною горкою, Большою Михайловскою улицею и Волховомъ, гдѣ дома Гг. Воронова, Еремѣева, бывшій Кузнецова и Өедорова, считая по бани. Бѣлый костеръ стоялъ между угломъ каменнаго забора двора Кузнецовскаго дома, выходящимъ на берегъ и церковью Преподобнаго Ар

сенія; лѣтопись упоминаетъ о немъ въ XVI вѣкѣ; б) Погребъ (или башня) на концѣ Петрятина дворища (названъ выше); онъ былъ уже въ XII вѣкѣ, и уцѣлѣлъ отъ огромнаго пожара, истребившаго въ 1696 году почти всю Торговую сторону,—а когда разрушенъ неизвѣстно; в) Башни Молотковская, Рогатинская, Павлова и Славенская; среднія двѣ только огорѣли въ упомянутый пожаръ; онѣ стояли, какъ и костры вала лѣвой стороны, надъ воротами, по самому валу; первая тамъ, гдѣ теперь проѣздъ на Рождественское кладбище, другая на томъ, приблизительно, мѣстѣ вала, гдѣ кончается современная Рогатинская улица, третья почти противъ нынѣшней Посольской улицы. Остатки всѣхъ этихъ башенъ еще и теперь видны; лѣтъ сорокъ назадъ сохранялись ворота противъ древней Нутной, а нынѣшней Ново-Николаевской улицы, по направленію отъ церкви Св. Апостола Филиппа прямо на Кирилловъ монастырь. Славенская башня стояла на самомъ береговомъ углу вала, у Волхова, не далеко отъ Ильинской церкви; основаніе ея еще замѣтно.

Недалеко отсюда на берегу Волхова и Копанницы, охватывающей весь внѣшній валъ правой стороны города, подобно рву около лѣвой, и питающейся водою Волхова и Жилотуга (Малаго Волховца) посредствомъ ручья Трясовца,—лежалъ большой камень съ выдолбленною котловиною на верхней его сторонѣ. Года два назадъ какіе-то шалуны развели на немъ большой огонь и когда камень нагрѣлся, налили въ котловину воды, онъ и развалился. Подобные камни съ котловинами принимаются за древніе граничные или межевые знаки; ихъ находятъ преимущественно въ сторонѣ къ Литовско-Польскимъ землямъ. Многіе бережане, особенно рыболовы и перевозчики, знаютъ этотъ камень и хорошо помнятъ мѣсто его. Упоминается здѣсь о такомъ граничномъ знакѣ для того, чтобы устранить мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей объ огромности площади, на которой расположенъ былъ древній Новгородъ; съ тѣхъ поръ, когда начали ставить подобные Славенскому граничные камни, Новгородъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, что и теперь, и никогда не занималъ пространства больше нынѣшняго, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Волхова. Поселенія ближайшія, за валомъ, вообще назывались загородными.

Деревянныхъ башенъ было по валу правой половины города много; ко времени пожара 1696 г. ихъ насчитывалось, по донесенію объ этомъ пожарѣ, шестнадцать деревянныхъ,—да каменныхъ три, а всего девятнадцать: на Знаменскомъ изображеніи башенъ вокругъ этой стороны также девятнадцать; внутреннихъ, за стѣною, три: одна соотвѣтствуетъ положенію погреба, а двѣ—другія приходятся на Ярославовомъ дворѣ, обнесенномъ каменною стѣною,—не считая Гридницы. Слѣдовательно съ 1528 по 1696 годъ число башенъ внѣшняго вала правой стороны города не измѣнилось. Первый годъ относится къ написанію Знаменскаго изображенія.

Однако-же, основываясь на этомъ Знаменскомъ изображеніи, нельзя заключить, что и костры вала лѣвой стороны сохранялись въ томъ-же числѣ девятнадцати и до конца XVII или даже до XVIII вѣка, и въ томъ-же видѣ;—пожаръ 1696 г., хотя не переходилъ на Софійскую сторону, но

укрѣпленія ея пострадали отъ огня Шведовъ въ 1611 году,—Славенскую же сторону, или Торговую, они не выжгли, а только ограбили.

Приступать къ возстановленію вала и остатковъ башенъ и воротъ его въ настоящее время нечего и думать, за неимѣніемъ средствъ. Но зная, что ближайшіе къ этимъ развалинамъ обыватели, при возведеніи своихъ построекъ берутъ отсюда и землю и камни безпрепятственно, надобно положить предѣлъ такому своеволію, пригласивъ степенныхъ сосѣдей обывателей и полицейскихъ чиновъ наблюдать за остатками древности и не дозволять разрушенія ихъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности по закону за поврежденіе и истребленіе памятниковъ старины. А чтобы обеспечить неприкосновенность названныхъ и другихъ остатковъ старины въ чертѣ города болѣе прочно, просить городское общественное управленіе внести въ обязательныя для городскихъ обывателей правила статью о воспрещеніи вывозить землю, песокъ и всякое вообще вещество, годное для построекъ, или выкапывать подобныя вещества,—изъ древнихъ валовъ, рвовъ и развалинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ извѣстность слѣды всякихъ сооруженій древности въ чертѣ города по близости вала обѣихъ сторонъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ, чрезъ членовъ нашего Общества, и оградить ихъ особыми знаками въ предупрежденіе случаевъ, подобныхъ бывшему съ граничнымъ камнемъ.

Укрѣпленія внутреннія.

Кромѣ укрѣпленій внѣшнихъ и Дѣтинца Новгородъ имѣлъ и внутреннія на обѣихъ сторонахъ. Лѣтописи и дургія письменныя свидѣтельства сохранили весьма блѣдныя указанія о такихъ укрѣпленіяхъ внутри правой стороны города,—имѣющія значеніе лишь отдаленныхъ намековъ. Единственнымъ, доступнымъ для изученія этого предмета, памятникомъ служитъ приписываемый Ярославу Мудрому Уставъ о мостахъ, въ третьей своей части, опредѣляющей участки мостовой повинности на Славенской сторонѣ, и то лишь по сравненію направленія такихъ же участковъ стороны Неревской, или Софійской. Уставъ Ярослава не разработанъ всесторонне; его пытались изучать Карамзинъ, Тобинъ и Дубенскій. Послѣдній ученый далъ объясненія лицъ, обложенныхъ мостовою повинностью, и мѣстностей, подлежавшихъ замощенію. Потрудившійся надъ этимъ древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ, неутомимый и многоопытный ученый не далъ, однако же, своему изслѣдованію той законченности, которая-бы дѣлала ненужнымъ дальнѣйшее изученіе его. Посвятивъ этому памятнику и тѣсно связаннымъ съ нимъ изображеніямъ древняго Новгорода много лѣтъ, пишущій эти строки изучалъ его на мѣстѣ, собирая данныя и на поверхности и въ глубинѣ современной почвы Новгорода. Взаимное сопоставленіе всего, такимъ образомъ собраннаго, не оставляетъ сомнѣнія, что первое поселеніе на мѣстѣ нашего города возникло на правомъ берегу Волхова въ тѣ отдаленные вѣка, которые совсѣмъ забыты; здѣсь оно разросталось и

ширилось. Окопы поселенiй древнѣйшихъ обитателей полуночно-западной Европы съ ея обширными равнинами и лѣсами, дававшими и питанiе и теплую одежду,—служили единственнымъ средствомъ обороны отъ внезапныхъ нападенiй какъ недружественныхъ сосѣдей, такъ и звѣрей—хищниковъ. Геродотъ, Тацитъ, Страбонъ и другiе писатели древности сохранили въ своихъ сказанiяхъ много свѣдѣнiй объ образѣ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ и объ окопахъ ими своихъ поселенiй. Самыя первыя жилища людей на правомъ берегу Волхова были, поэтому, обведены окопомъ и рвомъ; по мѣрѣ расширенiя поселка рвы и окопы отодвигались далѣе и далѣе по направленiю отъ берега. Торговля развилась въ нашемъ городѣ въ вѣка долѣтописные; первыя страницы Новгородской лѣтописи свидѣтельствуютъ о существованiи на Славенской сторонѣ, въ окрестностяхъ Михайловской церкви на берегу Волхова, возникшей еще до крещенiя Ильменцевъ, особой мѣстности, называемой торгомъ. Въ XIII вѣкѣ тутъ были уже дворы: Готскiй, Тевтонскiй и Плесковскiй. Богатство древнихъ Новгородцевъ считается баснословнымъ. Неподалеку отъ этого торга образовался еще до временъ Ярослава, значитъ до X и XI вѣковъ, Великiй рядъ, приблизительно тамъ, гдѣ и теперь торговая площадь. Около него тѣснились—второй Готскiй дворъ, Вощиники, дворы Князя, Посадника, Тысяцкаго и другихъ сановниковъ—богачей,—тутъ же, неподалеку отъ дворца Тысяцкаго, была обмѣнная и размѣнная Палата, для испытанiя и удостовѣренiя въ достоинствѣ золота и серебра въ слиткахъ и мелкихъ размѣнныхъ единицахъ цѣнности внутренняго изготовленiя и привозныхъ—это клеймяныя сѣни. По берегу Волхова, къ которому прилегалъ торгъ, были пристани,—Вымлы. Часто въ лѣтописяхъ встрѣчается дѣленiе Славенской стороны на Славно, Торгъ и Посадъ, а Неревской на Городъ, Загородье и Посадъ. Посадомъ называются участки города, на которыхъ сидятъ люди не торговые, ремесленники и гости, т. е. прiѣзжiе. Все это убѣждаетъ въ существованiи на Славенской сторонѣ особаго огражденiя, валомъ-ли, или стѣною, Торга и дворцовъ сановниковъ.

Внимательное наблюденiе поверхности Славенской стороны открываетъ слѣды постепенно отодвигавшихся отъ берега Волхова окоповъ, въ видѣ плоскихъ возвышенностей, и рвовъ въ видѣ желобинъ; тѣ и другiя пересѣкаютъ улицы Славную и Знаменскую довольно замѣтно, съ полдня на полночь.

Слѣдящему за новыми постройками, соединенными съ выемками для нихъ болѣе или менѣе глубокими, нерѣдко случается встрѣчать на нѣкоторомъ разстоянiи отъ дневной поверхности каменную кладку, какъ остатокъ забытыхъ сооруженiй, именно въ предѣлахъ Торга, Великаго ряда, Вощниковъ и дворцовъ сановниковъ. Протекающiй почти по срединѣ Славенской стороны Ѳедоровскiй ручей (встарину Коржевый) есть не что иное какъ граничный ровъ, охватывавшiй внѣшнiй валъ ея, до образованiя по ту стророну большаго поселка, сплотившагося съ самымъ городомъ и получившаго имя Плотенскаго конца. Ниже указана будетъ вѣроятность другаго, не противорѣчащаго этому относительно древности, объясненiя имени Плотенскаго конца. Раскопки въ Славнѣ и въ Плотенскомъ концѣ показали

огромную разницу въ толщѣ жилого перегноя, образовавшагося подъ площадями этихъ мѣстностей; въ первой толща доходитъ до семи саженъ мощности, а во второй не превышаетъ четырехъ аршинъ. А это убѣдительно доказываетъ, что Плотенскій конецъ образовался хотя и въ долѣтописные вѣка, но уже въ ближайшіе къ нимъ.

Всматриваясь въ Знаменское изображеніе, найдемъ подтвержденіе существовавшаго въ древности огражденія Торга: влѣво отъ Великаго моста, отъ стѣны, идущей какъ-бы вдоль берега Волхова внизъ по теченію, выбѣгаетъ подъ самымъ острымъ угломъ отростокъ ея, нѣсколько отклоняясь, по мѣрѣ удаленія, къ полдню и оканчиваясь башнею. По всѣй вѣроятности этотъ отростокъ есть остатокъ древняго огражденія Торга, а башня—тотъ погребъ, который упоминается въ Новгородскихъ скрахъ и въ Торговыхъ договорахъ съ иноземцами между XII и XIII вѣками, упомянутыхъ выше.

Признавая, такимъ образомъ, что мостовые участки Ярославова Устава Славенской стороны направлены вокругъ стѣны, охватывавшей Торгъ, Великій рядъ, Вощники, Дворцы и Клеймяныя сѣни, и что вымлы—это выемки въ береговой части стѣны для пристаней и водоснабженій, Обществу слѣдуетъ имѣть неослабное, по возможности, наблюденіе за всѣми земляными работами въ городѣ и просить думу внести въ число обязательныхъ для горожанъ правилъ извѣщеніе Правленія Общества обывателями о всякихъ постройкахъ, для которыхъ нужна выемка земли, хотя-бы и не глубокая. Этимъ путемъ мы получимъ, конечно нескоро, рядъ указаній на тѣ сооруженія, остатки которыхъ послужатъ подтвержденіемъ Знаменскаго изображенія и выдвинутъ изъ забвенія бытовую дѣйствительность древности. Само собою разумѣется, что обо всякой строительной находкѣ необходимо дѣлать отмѣтки на чертежѣ современнаго города, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ мелочей ея.

Внутреннія укрѣпленія Неревской, или Софійской, стороны не возбуждаютъ сомнѣнія изслѣдователей;—но если не всѣ они, то преобладающее большинство относятъ сооруженіе этихъ укрѣпленій, считая и Дѣтинецъ, къ позднимъ уже, сравнительно, временамъ, не уходящимъ за предѣлы лѣтописи.

Для цѣлей нашего Общества не безразличенъ вопросъ о возникновеніи и развитіи Новгорода въ то или другое время, а возведеніе укрѣпленій и вызывается ростомъ старины. Цѣлый станъ западныхъ ученыхъ, съ знаменитымъ Августомъ-Людвигомъ Шлецеромъ во главѣ, и длинная вереница послѣдователей главы Геттингенскаго братства среди работавшихъ надъ изысканіями о прошломъ русскаго народа, въ родѣ Байеровъ, Эверсовъ, Миллеровъ и проч., нетолько знавшихъ худо, но даже и вовсе не понимавшихъ русскаго языка,—создали ученіе о звѣрской почти дикости нашихъ предковъ до перваго вѣянія на нихъ просвѣщеннаго запада, внесшаго къ намъ, будто-бы, великіе начала Скандинаво-Германской гражданственности. Это ученіе укоренилось такъ глубоко, что и до сихъ поръ имѣетъ многихъ настойчивыхъ распространителей его, не смотря на то, что старѣйшій по возрасту Скандинавоманъ, обогатившій нашу науку многими дорогими для нея

изысканіями, призналъ наконецъ, что въ ученіи о Скандинаво-Германскомъ изобрѣтеніи и насажденіи началъ русскаго Государства, сдѣланы крупныхъ размѣровъ пробоины, грозящія ему полнымъ разрушеніемъ въ недалекомъ будущемъ.

Укрѣпленія на Неревской сторонѣ появились позднѣе, чѣмъ на Славенской,—это безспорно; но для установленія первоначальнаго основанія ихъ нужно уйти все таки далеко за предѣлы русской лѣтописи. Въ книгѣ „Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель Велико-Новгородскаго державства каменнаго вѣка“ приведены основанія, по которымъ наименованіе нашего города Новгородомъ приписывается существованію до его возникновенія гдѣ-то, поблизости, стараго, того именно, который въ повѣсти о путешествіи Св. Апостола Андрея Первозваннаго, изложенной въ лѣтописи Великаго Новгорода по списку Софійскому, и повторяемой въ другихъ, болѣе древнихъ спискахъ, названъ „Славенскомъ“. Указана въ той-же книгѣ вѣроятность одновременнаго существованія значительныхъ поселковъ на нынѣшнихъ холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ и на правомъ берегу Волхова, гдѣ Славно, а затѣмъ переселеніе обитателей тѣхъ холмовъ, по тѣснотѣ мѣста для новыхъ поселковъ, внизъ по Волхову, на оба его берега,—причемъ обитатели холма Городищенскаго сѣли на холмѣ праваго берега, а Нередицкаго—на холмѣ ему противоположнаго. Если во время путешествія Андрея Первозваннаго Ильменско-Волховскіе побережане сидѣли на первыхъ холмахъ, то и городъ Славенскъ Софійской лѣтописи былъ тамъ, гдѣ Городище нашего и древне-лѣтописнаго времени,—а если Славенскъ былъ тогда не на тѣхъ холмахъ, а уже на мѣстѣ Славна, то въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. ни на правомъ ни на лѣвомъ берегу Волхова—не было еще современнаго намъ города, то есть Волховскіе поселки не назывались еще Новгородомъ, а составляли городъ Славенскъ. Хотя важно для отечественнаго прошлаго собственно не имя Ильменско-Волховскихъ поселковъ, а ихъ существованіе тутъ съ глубокой древности, тѣмъ не менѣе для опредѣленія времени перваго устройства укрѣпленій на Неревской сторонѣ, даже и приблизительнаго, нелишне привести нѣкоторые соображенія. Если въ I вѣкѣ по Р. Х. Славенскомъ назывались поселки на Городищѣ и Нередицѣ, то нельзя не видѣть связи этихъ поселковъ съ древнѣйшимъ наименованіемъ правой половины города Славенскою стороною, а лѣвой Неревскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не задуматься надъ враждою между обѣими половинами во время всего самобытія Ильменской страны съ перволѣтописныхъ вѣковъ и непоискать возможныхъ причинъ этого явленія.

Изученіе пластовъ, подстилающихъ жилой слой обѣихъ сторонъ города, свидѣтельствуетъ, что они и тутъ и тамъ, на возвышенностяхъ, имѣютъ отличительный видъ отложеній отступавшаго и таявшаго великаго Скандинаво-русскаго ледника,—слѣдовательно на обоихъ берегахъ первые поселки возникли одновременно. Мощность же слоя жилого не одинакова,—на Славенской сторонѣ она доходитъ до 7 саженъ, а на Неревской не превышаетъ одной сажени,—а это прямо ведетъ къ заключенію, противоположному

только что высказанному, то есть, что на Славенской сторонѣ поселеніе существовало неизмѣримо долѣе, чѣмъ на Неревской, или, что Неревская сторона заселена позднѣе. Могло быть и такъ, что первоначально, сряду по отступленіи ледника, завелись поселки на обѣихъ сторонахъ, но на Славенской они продолжали существовать непрерывно, а на Неревской—повременно,—на одной скученно, а на другой рѣдко, мѣстами. Причину неравномѣрности заселенія обѣихъ сторонъ ближе всего искать въ отсутствіи моста и въ относительной легкости сообщеній для жителей холмовъ Городищенскаго и Нередицкаго съ Славенскимъ.

Когда же населеніе Славенской стороны разрослось до того, что застроились нетолько возвышенности, но и берега, потопляемые вешними разливами, и такая низменность, какъ площадь по другую сторону Өедоровскаго ручья, пологіе берега которой пришлось засыпать и уплотнять, чтобы удержать напоръ воды весною, со всѣхъ сторонъ,—въ этомъ предположеніи имя Плотенскаго конца можно производить отъ сплошной плотины, подъ его поселкомъ,—тогда пришлось волей—неволей выселяться и на Неревскую сторону. Съ развитіемъ торговли густота населенія быстро возрастала,—такъ что выселокъ Неревской тоже увеличился, что необходимо вызвало окопъ и ровъ вокругъ него. Вѣроятно такъ возникъ второй, или новый городъ въ мѣстности, заселенной первоначально переселенцами съ холма Нередицы и конечно немногочисленными.

Причина вражды между обѣими сторонами кроется, повидимому, въ имени Нередицкой. Съ отысканіемъ по всему полуночью Россіи многочисленныхъ слѣдовъ людей каменнаго вѣка и съ открытіемъ остатковъ обширнаго поселенія того же вѣка на Коломцахъ, всего въ шести верстахъ отъ Новгорода, вверхъ по Волхову, становится очевидною незапамятная древность занятія нашего побережья людьми. Раскопки городищъ, кургановъ, могилъ и проч., въ предѣлахъ Россіи, устанавливаютъ разновременное, а иногда и одновременное заселеніе земель ея народами неодинаковаго развитія и неодинаковаго, повидимому, происхожденія. Подтвержденія данныхъ, добытыхъ раскопками, находятся у древнихъ писателей, знакомившихся съ землями современной Россіи и ихъ насельниками. Важнѣйшій изъ такихъ писателей Грекъ Геродотъ разсказываетъ, между прочимъ, что нѣкій народъ Нейрои или Невры, жившіе гдѣ то въ Днѣпровской рѣчной области, выселились изъ стародавнихъ своихъ предѣловъ и нашли пристанище въ странѣ Будиновъ,—въ землѣ которыхъ, говоритъ Геродотъ, давно уже живутъ Милетскіе выходцы, основавшіе большой городъ Гелонъ,—и почти слившіеся съ Будинами; есть въ странѣ Будиновъ большое озеро, окруженное лѣсами, съ берегами, поросшими тросникомъ. Около озера водятся лось, боберъ, рысь и др. животныя. Геродотъ жилъ за 400 лѣтъ до Р. Х. По разсказу же Невровъ, слышанному имъ отъ нихъ, переселеніе въ землю Будиновъ относится ко времени лѣтъ за 600 до Р. Х.—Въ вѣкъ Страбона, писателя около временъ Р. Х., Невры, или по его чтенію Невріи, жили въ тогдашней Галліи. Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ IV вѣкѣ по Р. Х., указываетъ жительство Невровъ въ той мѣстности, откуда вышли

рѣки: Волга, Ловать, Днѣпръ и западная Двина, то есть въ Оковскомъ лѣсѣ Нестора. По сказанію начальной русской лѣтописи, въ этой мѣстности жили около IX вѣка Кривичи, союзники Новгородцевъ, принадлежащіе къ обширному Литовскому племени, сидѣвшему въ теперешней Россіи,—Вильна столица Литовскихъ князей,— въ побережьи Балтійскаго моря, въ восточной Пруссіи, въ Польшѣ и въ другихъ земляхъ, уже подъ разными именами. Славистъ Шафарикъ считаетъ Невровъ Геродотовыхъ за Литовцевъ, а Будиновъ за послѣдователей Будійской вѣры, родоначальниковъ славянъ. Почти тоже мнѣніе высказываетъ и литовскій писатель Нарбутъ. Шафарикъ видитъ въ Геродотовомъ озерѣ земли Будиновъ нашъ Ильмень, а въ Гелони—Новгородъ. Знакомому съ окрестностями Ильменя нетрудно видѣть въ Гелони не Новгородъ, Шафарика, слависта иноземнаго, здѣсь не живавшаго а поселокъ на Шелони; греки не имѣютъ начертаній для нашего шипящаго Ш,—потому и въ произношеніи и на письмѣ у нихъ выйдетъ вмѣсто Шелонь—Гелонь. На устьи Шелони есть древній погостъ Голино, близкій къ Гелони по созвучію и, быть можетъ, лежавшій на ея мѣстѣ.

Если часть Геродотовыхъ Невровъ пробралось въ Ильменскую страну, они могли быть допущены къ поселенію на сосѣднемъ съ Городищенскимъ холмѣ, названномъ по имени пришельцевъ Нередицкимъ. Они же сѣли, вѣроятно, частію и на лѣвомъ берегу Волхова, противъ Славно, давъ и этой сторонѣ нынѣшняго города имя Неревской. Ихъ же соплеменниками заселены впослѣдствіи улицы: Прусская и Чудинцева—находниками изъ Прусской Померанціи и изъ земли Чуди Прибалтійской.

Слившись съ Ильменцами въ одно цѣлое въ теченіи многихъ вѣковъ Невры, тѣмъ не менѣе, иногда и враждовали съ ними, изъ за преобладанія-ли въ общественныхъ дѣлахъ, или изъ за выгодъ торговли. Не безосновательно будетъ предположить, что причиною вражды служило отчасти и установленіе новыхъ началъ Государственной жизни, принятое вѣроятно, на Вѣчѣ неединогласно. Всякое неудобство, сказывавшееся впослѣдствіи по поводу новыхъ порядковъ, не могло не отразиться на сторонникахъ большинства въ пользу ихъ, тѣмъ болѣе, что Неревляне, побуждаемые новыми пришельцами, естественно тяготѣли въ сторону ихъ, своихъ соплеменниковъ, къ западу Европы, а Славяне-Ильинцы въ другую—къ востоку, въ Азію. Изъ вѣковъ лѣтописныхъ мы знаемъ, что нападенія на Новгородъ дѣлались всякій разъ съ Неревской стороны, которая, по этому, была поставлена въ худшія, сравнительно съ Славенскою, условія,—ей необходимо было болѣе укрѣпляться, чѣмъ Славенской. Вражда обихъ сторонъ часто кончалась разрушеніями и кровавою расправою. Случалось, что Неревляне раскидывали мостъ, а Слявляне разбивали Дѣтинцевскія ворота и выжигали цѣлыя улицы Неревскаго конца. Славенская сторона была въ первое время лѣтописныхъ вѣковъ многолюднѣе, а по сосредоточенію на ней Торга, и богаче Неревской; къ тому же Славенскій конецъ назывался даже въ XV вѣкѣ господиномъ и великимъ, чего другіе, въ томъ числѣ и Неревской, не имѣли. Все это вызывало въ Неревлянахъ нужду въ надежномъ огражденіи своей стороны и она была дѣйствительно хорошо укрѣплена. Французскій путешествен-

никъ Жильберъ-де-Ланноа, посѣтившій Новгородъ въ XV вѣкѣ, дивится его обширности, многолюдству и мудрому расположенію и укрѣпленію улицъ.

Такимъ образомъ, начало укрѣпленій Неревской стороны, и впослѣдствіи Софійской, восходитъ къ той глубокой древности, когда Невры сохраняли еще свое имя, т. е. до возникновенія русской лѣтописи. Они поддерживались постоянно въ виду внезапности нападеній извнѣ и извнутри.

Дѣтинецъ мы знаемъ уже; ровъ около него существуетъ и теперь; отъ землянаго вала, облегавшаго Дѣтинецъ, остались только береговые холмы по обѣ стороны его;—отъ рва, омывавшаго этотъ валъ, несохранилось ничего. Но мы знаемъ мѣсто внутренняго вала и рва его,—оно лежитъ, въ видѣ довольно широкой и длинной площади, на пространствѣ отъ Волховскаго берега, что за лѣтнимъ садомъ, вдоль сада по лужку, на которомъ теперь театръ, и далѣе къ дому Дворянства, за тѣмъ черезъ всю сѣнную площадь вплоть до Волховскаго берега, мимо Троицкой церкви.

Изслѣдователь мѣстоположенія древняго Новгорода, бывшій преподавателемъ здѣшней гимназіи Ив. Ив. Красовъ, а съ его словъ Макарій и другіе, полагаютъ, что внутренній валъ около Дѣтинца сдѣланъ впервые Петромъ Великимъ; Знаменское изображеніе онъ и упомянутые другіе относятъ также къ послѣднимъ годамъ XVII, или къ первымъ XVIII вѣковъ, полагая, что оно напасано къ освященію нынѣ существующаго Знаменскаго собора. Неверность взгляда на изображеніе видна изъ предыдущаго; если же оно написано непозднѣе 1528 г., стало быть и внутренній валъ сооруженъ не при Петрѣ Великомъ, а много ранѣе; онъ отчетливо представленъ на этомъ изображеніи и слышится въ приведенныхъ словахъ француза Деланноа. Да независимо отъ этого имѣются и несомнѣнныя письменныя свидѣтельства, что въ 1649 г. „Деревянный городъ на земляномъ меньшемъ городѣ погнилъ“. (Дополн. къ Акт. Истор. III № 53); очевидно онъ срубленъ былъ никакъ не меньше, чѣмъ лѣтъ за 150, если погнилъ къ 1649 г., стоя въ суши, на возвышенномъ мѣстѣ; къ тому-же въ старину подобныя сооруженія рубились чаще всего изъ дубоваго лѣса, или изъ рудоваго сосноваго, почти аршинной толщины. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, въ 1632 году, велѣно: „на Софійской сторонѣ, около земляного меньшаго вала сдѣлати ровъ и у рва всякія крѣпости подѣлати, какъ вымыслитъ городовой смышленникъ, нѣмчинъ Юстъ Матсонъ“. (Ак. Археогр. Эксп. III № 201). Едва-ли можетъ возникнуть мысль, что работа смышленника нѣмчина 1632 г. сгнила къ 1649 г.; видимо здѣсь два различныхъ сооруженія.

На Знаменскомъ изображеніи значится, въ стѣнѣ поверхъ внутренняго вала, восемъ башенъ и одна надъ Воскресенскими воротами; ровно столько же ихъ показано, вмѣстѣ съ Воскресенскими воротами, въ томъ же памятникѣ, въ которомъ говорится о погнившемъ городѣ;—здѣсь всѣ башни названы поимянно, такъ: Новинская,—другая Новинская, что на рѣкѣ Волховѣ, — Восьмиугольная, — Введенская, — Воскресенская, — Воскресенскія ворота, — Архангельская, — Розважскія ворота—и Розважская наугольная башня къ рѣкѣ Волхову. Новинкою называлась обширная площадь между

Дѣтинцемъ и землянымъ меньшимъ городомъ, очищенная отъ построекъ для сооруженія на ней дворца для царя Ивана Грознаго; тутъ оставалась только упомянутая церковь Нерукотвореннаго образа. До сноса построекъ здѣсь лежала улица Добрынина и, предположительно, Кобылья. Въ сооруженіи дворца отражается высказанное мнѣніе объ улицѣ Кобыльей. Если Андрей Кобыла былъ родоначальникомъ Романовыхъ, то царь Иванъ Грозный, породнившись съ ними женитьбою на Анастасіи, могъ считать древнюю усадьбу потомка латышскихъ царей наслѣдственною собственностью жены своей.

Перечисленіе башенъ начато съ полуденной оконечности Меньшаго земляного города и проведено около нагорной стороны Дѣтинца до другаго, полночнаго конца его. Башни Введенская и Архангельская названы по именамъ ближайшихъ къ нимъ церквей—Введенія во храмъ и Архангела Гавріила; Воскресенская по имени церкви надъ въѣздными воротами Дѣтинца, и Розважскія—монастыря, переведеннаго въ Перекомскій, на рѣкѣ Верендѣ, верстахъ въ 20 отъ города, близь Ильменя,—и двухъ улицъ—Розважи и Розважки.

Отъ внутренняго вала въ исправленномъ Петромъ Великимъ видѣ осталось немного, какъ уже замѣчено, двѣ горки,—одна, на которой въ каменномъ продолговатомъ зданіи хранится лодка, подаренная Императрицею Екатериною II Новгородскому дворянству въ память совершеннаго Государынею на ней путешествія по р. Мстѣ и озеру Ильменю, а другая въ лѣтнемъ саду, въ береговой его части, гдѣ бесѣдка. Нѣкоторые писатели полагаютъ,—основываясь на отмѣткѣ лѣтописи, что въ 1477 г. „бысть пожаръ, отъ Розважи улицы погорѣ и до Борковѣ улицы, побережье все и до Великой улицы, и Марѳѣ Посадницы Чюдный дворъ“,—что этотъ Чудный дворецъ былъ именно тутъ, гдѣ бесѣдка; но это болѣе, чѣмъ сомнительно; улица Розважа лежала за внѣшнимъ валомъ, а бесѣдка стоитъ на немъ.

Внѣшній валъ уничтоженъ, какъ говорятъ старожилы, покойные Шавровъ и Бурновъ, послѣ отечественной войны 1812 г.; онъ спущенъ трудами плѣнныхъ французовъ въ ровъ, приведенный въ порядокъ нѣмчиномъ Матсономъ; французы же развели и нынѣшній лѣтній садъ.

Ярославле дворище.

Мѣстность на Славенской сторонѣ, гдѣ Никольскій соборъ,—четыре окружающія его церкви и лежащій за ними Торговый дворъ, съ молочною внутри его горкою, извѣстна теперь подъ именемъ Ярославова двора, а въ древности „Ярославля дворища“.

Изслѣдователи старины полагаютъ, что тутъ жилъ Ярославъ Владиміровичъ, прозванный ими же Мудрымъ; этого качества, однако-же, ни его современники, ни послѣдующіе лѣтописцы, ему не придаютъ. Изслѣдователи-же устанавливаютъ, что этотъ князь далъ Новгородцамъ права, породившія ихъ „дикую вольность“,—но какія именно, они не знаютъ, а огра-

ничиваются только ссылкою на уцѣлѣвшіе до нашего времени договоры Новгорода съ державцами княжеской Руси (Собр. гр. Румянцева). Татищевъ говоритъ, что онъ видѣлъ у какого-то церковника —Софійскаго собора льготную грамоту Ярослава (Бутковъ, Оборона Несторовой лѣтописи),—но не объясняетъ, какую именно; онъ же нашелъ впослѣдствіи списокъ лѣтописи Новгородской, или вѣрнѣе, сборникъ отрывовъ ея, различныхъ,—по мнѣнію хорошаго знатока древней нашей письменности,—барона Розенкомфа—(Изслѣдованіе о Кормчей книгѣ), почерковъ и разныхъ временъ; въ этомъ сборникѣ, напечатанномъ во второй части продолженія Русской Вивліоѳики Новикова, помѣщена „Правда Руськая", которой предшествуетъ разсказъ о побѣдѣ Ярослава надъ братоубійцею Святополкомъ, его братомъ по отцѣ, одержанной при настойчивомъ содѣйствіи Новгородцевъ и о щедрой наградѣ ихъ,—оканчивающійся словами: „И давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголовъ тако: по сей грамотѣ ходите; яко-же писахъ вамъ, тако-же держите". Листы сборника, содержащіе Правду, Розенкамфъ относитъ къ XVII вѣку. Сравнительный обзоръ полууставныхъ почерковъ послѣднихъ двухъ предъ нашимъ вѣковъ не даетъ въ нихъ существенной разницы, такъ что упомянутые листы можно смѣло относить и къ XVIII вѣку. Хотя Археографическая коммиссія, въ предисловіи къ изданнымъ ею Новгородскимъ первымъ тремъ лѣтописямъ и относитъ весь вообще Татищевскій сборникъ къ началу XVI вѣка, но по приложенному къ нимъ снимку съ почерка листовъ съ Правдою именно, это устанавливаемое ею время представляется достаточно смѣлымъ. Возможно, что за льготную грамоту Софійскій церковникъ принималъ именно Русскую Правду, хотя и неимѣющую ровно ничего, похожаго на „вольности". А такъ какъ слогъ предшествующихъ Правдѣ выраженій сильно отдаетъ книжно-церковнымъ вкусомъ и непохожъ ни на Новгородскій, ни на древній кіевско-русскій, представляется вѣроятнымъ, что эти, предшествующія изложенію Правды, слова поздняго, современнаго написанію сборника, измышленія, отражающаго Московскій говоръ о льготахъ, и о вольностяхъ Новгородскихъ, сочиненный, должно быть, не раньше конца XV вѣка, дьякомъ Степаномъ Бородатымъ, большимъ начетникомъ, сопровождавшимъ Ивана III въ послѣдній походъ его на Новгородъ. Самая же Правда взята составителемъ Татищевскаго сборника изъ какой нибудь, недошедшей до насъ, древней пергаментной рукописи Кормчей. или другой какой либо книги церковныхъ законовъ. Ярославу же приписывается и Уставъ о мостахъ; въ немъ, въ числѣ лицъ отбывающихъ мостовую повинность, названъ и князь, которому назначен три участка, двѣ городни т. е. два устоя великаго Волховскаго моста и уличный, близъ его дворца, тогда какъ прочимъ только по одному. На взглядъ Москвича XVI—XVIII вѣка, особенно послѣ ужасовъ „опричнины", въ пріурочeніи княземъ самого себя „къ мужицкой повинности", да еще утроенной, сказалось самоуниженіе его и преемниковъ княжеской власти точно также, как и сравненіе въ взысканіяхъ за убійство мужей чиновныхъ съ купцами въ Русской Правдѣ, эта Правда и Уставъ о мостахъ могли послужить основаніемъ „дикой воли Новгородцевъ". Уставъ о мостахъ излагается въ нѣкоторыхъ

древнихъ сборникахъ законныхъ книгъ, или въ составѣ пространной Русской Правды, какъ особая статья, или сряду послѣ Правды. Изложеніе перваго порядка содержится въ пергаментной кормчей начала XIII вѣка, хранившейся до половины текущаго столѣтія въ Новгородѣ, „на Софійскихъ палатяхъ" (списокъ Карамзинскій),—и бывшей доступною и Татищевскому церковнику и переписчику, сказавшему предъ изложеніемъ Правды „и уставъ списавъ";—не имъ ли обоимъ, или которому нибудь одному, принадлежитъ домыслъ о льготной грамотѣ и вольностяхъ?

Были-ли даны Ярославомъ какія нибудь особыя преимущества Новгородцамъ, нѣтъ-ли, во всякомъ случаѣ этотъ князь является выдающимся уже по своимъ сооруженіямъ и по привязанности къ Новгороду; онъ провелъ въ немъ большую часть жизни вмѣстѣ съ своею княжною, Св. Анною, здѣсь и скончавшеюся. Преданіе, нашедшее себѣ мѣсто въ III Новгородской лѣтописи, отводитъ дворцу Ярослава участокъ на Славенской сторонѣ, близъ Волхова,—„гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чудотворца, яже и до нынѣ словетъ Ярославле Дворище" (годъ 1030) и относитъ время его сооруженія къ 1030 году; если это такъ, то раньше Ярославъ жилъ внутри Дѣтинца, гдѣ Княжа Башня и небольшой около нея домъ, по Михайловскому изображенію, а также и Покровская церковь съ признаками постройки ея около 1020 года.

Какое пространство занимало Ярославле дворище въ древности можно опредѣлить съ достаточною для цѣлей Общества точностью, во первыхъ,—по положенію церквей: въ началѣ XII вѣка заложенъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ нынѣшній Никольскій соборъ, названный въ 1404 году стоящимъ на Ярославлѣ дворѣ; 1359 году поставлена церковь Прокопія на княжи дворѣ Ярославли; въ 1445 г. тамъ-же—церковь Женъ Мироносицъ на старой основѣ; въ 1529 г. тамъ-же церковь Прокопія; въ 1562 г.—тамъ-же поставленъ монастырь Арсеньевъ;—подъ 1308 г., по случаю построенія вновь церкви Св. Отецъ, основанной первоначально раньше XII вѣка, она названа на княжи дворѣ,—а подъ 1541 о ней говорится „на Дворищѣ"; подъ 1571 г. Пятницкая церковь, основанная въ 1156 г. заморскими купцами „на Торговищи"—названа „на Дворищахъ",—а въ 1615 году—„на Ярославлѣ Дворѣ";—и во вторыхъ—по положенію Тевтонскаго и Готскаго, иначе „Нѣмецкаго—рѣчного" дворовъ, къ церкви Св. Николая и къ княжему двору, насколько оно выясняется изъ Торговаго договора Тевтонцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами, по чтенію Дрейера. Въ этомъ договорѣ, составленномъ около 1205 г., содержатся, между прочимъ, слѣдующія постановленія: а) Via a curia Gotensium trans curiam regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata;—и б) Item ab ecclesia S-ti Nicolai usque ad curiam hospitum caria non debet occupari edificiis usque ad plateam. Если Готландцы выговариваютъ для себя свободный, не занимаемый постройками, проходъ на площадь черезъ княжей дворъ, стало быть дворъ ихъ находился между Дворищемъ и Великимъ рядомъ; а если иноземцы Тевтонцы и Готландцы не могутъ застраивать площади между ихъ Торговыми дворами и церковью Св. Николая, значитъ ихъ дворы приходились по ту сторону площади, которая прилегала къ церкви.

Такимъ образомъ подъ именемъ Дворища Ярославля разумѣется все пространство между полуденною стѣною нынѣшней Пятницкой церкви, и домомъ Г. А. Воронова, близъ котораго стояла церковь Св. Отецъ съ одной стороны; между этимъ домомъ и церковью Арсенія съ другой;—отъ этой церкви по берегу Волхова до водоподъемнаго зданія съ третьей и отсюда до западнаго угла Пятницкой церкви съ четвертой. Если обвести все это пространство прямыми, получимъ слѣдующія границы Дворища: на полдень нынѣшнюю Большую Михайловскую улицу, отъ церкви Пятницы до дома Г. А. Воронова,—на западъ—восточный уголъ этого дома до Арсенія, на полночь—отсюда до Водокачалки, и на востокъ отъ нея до западнаго угла Пятницкой церкви; то есть на Ярославле Дрорище придется почти все купеческое зданіе, гдѣ управа, банкъ и клубъ,—съ молочною внутри его горкою, но безъ угла, отхватывающаго часть зданія Общественнаго управленія и лавки его, что въ гору, на востокъ къ полдню до Пятницкой церкви;—все пространство охваченное церковною оградою по Михайловкѣ, часть Ново-Николаевской улицы отъ берега до угла дома Г. А. Воронова; большая часть этого дома и прилегающаго къ нему двора и всѣ зданія, бывшія Н. П. Кузнецова;—на полдень отъ послѣдней границы лежалъ проходъ или небольшая площадь, а за нимъ, частію по теперешней Большой Михайловской улицѣ, частію по площади, что теперь подъ дворами домовъ Г. А. Воронова и Н. С. Өедорова, а равно и подъ площадью бань его, лежалъ Готскій или иначе Рѣчной Нѣмецкій дворъ. Готландцы выговаривали для себя свободный проходъ этою площадью черезъ княжъ дворъ и свободу ея отъ построекъ, а они и Тевтонцы вмѣстѣ—незагораживаніе площади между обоими ихъ дворами и Никольскою церковью, слѣдовательно оба двора прикасались къ этой послѣдней площади,—Готскій полночною своею стороною, а Тевтонскій—западною.

Опредѣляемое такимъ образомъ мѣсто древняго Ярославля Дворища и Торговыхъ дворовъ иноземцевъ соотвѣтствуетъ:—а) перечисленію участковъ Устава о мостахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по порядку протяженія ихъ, по отношенію къ Славенской сторонѣ почти всегда противъ дворовъ лицъ, призванныхъ къ отбыванію мостовой повинности; въ Уставѣ написано: „Отъ Великаго ряду;—т. е. отъ теперешней Торговой площади простиравшейся въ древности, примѣрно, отъ Пятницкой церкви—„Князю до Нѣмѣчкого вымола“—то есть до пристани, приходившейся между западнымъ угломъ Дворища и береговою частью Готскаго двора, гдѣ мы видѣли Бѣлый костеръ Олеаріева рисунка;—теперь тутъ пристаютъ Боровичско-Мстинскія лодки съ глиняною посудою и Подгощскія,—съ известью;—„Нѣмчемъ до іеваня—вымола“;—дворъ ихъ лежалъ частію за площадью что противъ Дворища и занималъ дворъ дома Г. М. Смѣтанина, участокъ продолженія Ново-Николаевской улицы и дворъ дома А. М. Агапова;—„Нѣмецкаго двора“ была церковь Іоанна Крестителя, разобранная въ текущемъ столѣтіи; площадь ея лежитъ рядомъ съ домомъ церковниковъ Никольскаго собора, по Малой Михайловской улицѣ;—къ Нѣмецкому двору вела особая дорога отъ береговой пристани и до названной Іоанно-Пред

теченской или, по древнему письму іевановской церкви, давшей пристани имя іеваня вымола;—пристань эта была, повидимому, тамъ, гдѣ теперь—Старорусская; такъ что нѣмцы мостили и содержали въ порядкѣ эту дорогу съ того мѣста, гдѣ, на площади, подходилъ къ полночной сторонѣ Готскаго двора участокъ князя—„Гтомъ до Геральда —вымола до задьнего“;—отъ береговой границы участка князя, то есть отъ Нѣмецкаго вымола и Бѣлаго костра начиналась береговая сторона Готскаго двора, отсюда и шелъ мостовой участокъ Готландцевъ, берегомъ, вверхъ по Волхову, за іеваньвымомъ,—до дальней Геральдовой пристани. Передняя пристань того-же наименованія могла находиться прямо противъ береговой стороны Дворища; на Знаменскомъ изображеніи въ береговой стѣнѣ, проходящей мимо Дворища, въ части ея, соотвѣтствующей срединѣ Дворища, показаны значительныхъ размѣровъ ворота; тутъ и предполагается передній Геральдовъ вымолъ Устава. Есть Сканденавская былина, повѣствующая, что Датскій князь Гаральдъ долго жилъ при дворѣ Ярослава, влюбился совсѣмъ увлеченіемъ юноши въ одну изъ дочерей нашего князя, и, странствуя по морямъ Европы, постоянно воспѣвалъ свою красавицу. Какъ влюбленный, этотъ Гаральдъ, надо полагать, чаще другихъ важныхъ иноземцевъ посѣщалъ Дворище Ярославле и ладья его, чаще другихъ стояла у княжей пристани, получившій потому имя Гаральдовой, или Геральдова вымола; члены царственной семьи издавна путешествуютъ не одиночно; въ X—XI вѣкахъ морскія ладьи ходили по внутреннимъ водамъ; онѣ были поэтому невелики, такъ что князя, а особенно Скандинавскаго,—Скандинавы тогда отличались внезапными, кучными набѣгами, слыли за морскихъ разбойниковъ и гордились своею удалью,—сопровождало много людей,—для стоянки ихъ на Волховѣ была, вѣроятно, другая пристань, позади главной части города, названная заднимъ Геральдовымъ вымоломъ; онъ приходился, должно быть, близъ того мѣста берега, гдѣ начались нынѣшнія улицы, Мало-Михайловская и Посольская, пересѣкаемыя, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, первая Нутною, а вторая Славною; въ границахъ береговыхъ концовъ, послѣ пресѣченій, были Варяжская, или Фряжская, церковь и великая Варяжская улица,—тутъ, повидимому и случилось извѣстное избіеніе иноземской дружины Ярослава въ Парамоновомъ дворѣ въ 1015 году,—и впослѣдствіи Варецкая улица и переулокъ того-же имени; этотъ послѣдній существовалъ еще въ прошедшемъ столѣтіи и выходилъ, начиная отъ пресѣченія современныхъ улицъ Посольской и Ильинской, около котораго лежалъ Павловъ монастырь, въ сторону къ валу,—на берегъ, направляясь къ началу древней Славной, а нынѣшней Мало-Николаевской улицы, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ домъ А. И. Соцкаго, принадлежавшій со второй половины прошлаго столѣтія Новгородскому губернскому училищу, преобразованному при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ 30 годахъ, въ Новгородскую губернскую гимназію и переведенному въ новое устроенное для нея нынѣшнее помѣщеніе. Варяжская улица упоминается съ 1299 г.;—одинъ разъ, подъ 1542 г. эта самая улица названа Веряжскою. Недалеко отъ Новгорода вышла изъ Нетыльскихъ моховыхъ болотъ рѣка Веряжа, она

впала въ Ильмень верстахъ въ 15 отъ города. Въ одномъ изъ списковъ Устава о мостахъ названы Вережане, и въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка мѣстности по р. Веряжѣ именуются „Поверяжье и Заверяжье.“.

Замѣтимъ по поводу отводимаго ими подъ иноземные торговые дворы мѣста, что по IX статьѣ договора Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключеннаго въ 1270 году, извощики въ Новгородѣ, перевозившіе грузы съ иноземныхъ судовъ во дворы, получали за это опредѣленную плату,— за провозъ къ Нѣмецкому двору по 15, а къ Готландскому по 10 кунъ съ каждаго судна. Изслѣдователь этого и другихъ договоровъ Новгорода съ иноземцами, ученый Датчанинъ прошедшаго вѣка Сарторіусъ, объясняетъ эту значительную разницу въ платѣ не одинаковостью разстоянія дворовъ отъ берега;—Готландскій, какъ основанный раньше Тевтонскаго, занялъ и лучшее положеніе, на берегу, а Тевтонскій—дальше отъ него. Раньше сказано, что Готландцы имѣли у насъ два двора, одинъ на мѣстѣ бывшаго дворца Екатерининскихъ временъ, а другой около Арсеньевой церкви; оба они были на самомъ берегу, что не противорѣчитъ мнѣнію Сарторіуса. Первый дворъ они продали, по моимъ изысканіямъ, князю Всеволоду Мстиславовичу, упорядочившему торговое дѣло послѣ сооруженія Предтеченской церви на опокахъ; на это обстоятельство указываетъ упомянутый сейчасъ договоръ 1720 г., словами: „Item curiam Gilde, quam iidem Gotenses vendiderunt, non tenetur renovatione pontis aliquatenus procurare“. Изъ этого мѣста договора оказывается, что Готланды хотя и продали прежній второй дворъ свой задолго до заключенія его, но все-таки отбывали мостовую повинность и за участокъ, назначенный имъ до продажи.

Установивъ мѣстоположеніе Дворища и его окрестностей, обратимся къ значенію его въ Государственной жизни Великаго Новгорода, на сколько лѣтопись сохранила опредѣляющихъ его данныхъ и указаній.

Первый разъ лѣтопись упоминаетъ о Дворищѣ, называя его Княжимъ дворомъ, по поводу основанія княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Никольской церкви, подъ 1113 годомъ; слѣдовательно этотъ князь жилъ близъ мѣста основанія церкви,—гдѣ нибудь на опредѣленной нами прощади Дворища. Гдѣ жилъ сынъ его, Св. Всеволодъ—Гавріилъ Псковской, бывшій въ Новгородѣ на княженіи до 1136 г. и, какъ уже сказано, высидѣвшій два мѣсяца подъ стражею со всею семьею,—неизвѣстно; но изъ того, что онъ заключенъ былъ подъ стражу во Владычній дворъ, съ значительною долею вѣроятности можно предположить, что онъ жилъ въ Дѣтинцѣ, въ Княжемъ дворѣ близъ Покровской церкви, въ небольшомъ домѣ, показанномъ на Михайловскомъ изображеніи рядомъ съ Княжею башнею. Изъ происшествій въ Новгородѣ, случившихся послѣ изгнанія этого князя и подробно занесенныхъ въ лѣтопись, ясно, что Св. Всеволодъ, оказавшій упорядоченіемъ торговли огромную услугу мѣстнымъ купцамъ и заѣзжимъ, имѣлъ среди вліятельнаго купеческаго населенія, преобладавшаго въ городѣ, много сильныхъ сторонниковъ. Заключеніе подъ стражу задумано и исполнено не въ одинъ часъ; были, конечно, голоса за князя, а тѣмъ болѣе за его семью, были споры,—такъ что сторонники его не могли не слѣдить

зорко за своими противниками и не оберегать княжего двора и днемъ и ночью; если же они все-таки не оберегли князя и его семью, значитъ ихъ схватили тайно и быстро заключили во Владычнемъ дворѣ, разсадивъ по разнымъ подземельямъ. Если-бы князь жилъ не въ Дѣтинцѣ, а на Дворищѣ, и если-бы княжескую семью взяли въ заключеніе оттуда, хотя-бы и ночью,—сторожа Великаго ряда, сосѣдняго съ Дворищемъ и Вощниками, мѣстности ближайшей къ Великому ряду, не могли-бы непримѣтить необычнаго для ночнаго времени движенія у нихъ на глазахъ и не ударить набатъ.

Преданіе, занесенное во многіе лѣтописные сборники поздняго состава, сказываетъ, что Новгородскіе князья жили семейно на Городищѣ,—а въ Новгородъ только наѣзжали. Это подтверждается сооруженіемъ князьями церквей на Городищѣ и на Нередицѣ, начиная съ 1102 года; Мстиславъ Владиміровичъ былъ первымъ строителемъ существующей и теперь Благовѣщенской Городищенской церкви. Подъ 1220 годомъ записано, что князь Всеволодъ Мстиславовичъ,—сынъ Мстислава Романовича,—во время раздора съ посадникомъ Твердиславомъ пришелъ съ Городища со всѣмъ дворомъ своимъ „скрутяся въ броня, аки на рать, пріѣха на Ярославъ дворъ, и снидашась Новѣгородѣ—обитатели Славенской стороны—къ нему въ оружіи и сташа полкомъ на Княжи дворѣ. Твердиславъ же бяше немощенъ и вывезоша и на санкахъ къ Борису и Глѣбу (въ Дѣтинцѣ), и скопишась о немъ Пруси, и Людань конецъ и Загородци, и сташа около него полкомъ, урядившися на пять полковъ. Князь узрѣвъ рядъ ихъ, яко хотятъ крѣпко стати за Твердислава, и не поѣха“ и т. д. Дѣло уладилось мирнымъ путемъ. Приведенная выписка, рядомъ съ отмѣтками, начиная съ первыхъ годовъ XII вѣка о построеніи князьями Новгородскими церквей, подтверждаетъ приведенное преданіе: Всеволодъ явился на Ярославъ дворъ вооруженный съ ратью,—стало-быть постоянное мѣсто пребываніе его было на Городищѣ. Возможно, что насиліе надъ Св. Всеволодомъ было ближайшимъ поводомъ для послѣдующихъ князей не жить ни на Ярославлѣ дворѣ, ни въ Дѣтинцѣ, такъ что, съ изгнаніемъ Св. Всеволода, Ярославовъ дворецъ запустѣлъ, князья въ немъ уже не живали.

Князь Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, первый созвалъ Новгородцевъ—славлянъ на Вѣче на Ярославовъ дворъ въ 1270 году, который сдѣлался началомъ для созыва здѣсь дальнѣйшихъ собраній народа, или большаго всенароднаго Вѣча, при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ; оно называлось иногда Великовѣчьемъ; а дворцовыя сооруженія превратились въ Палату Вѣча народнаго, судившаго князей, посадниковъ, тысяцкихъ и прочихъ высшихъ чиновъ Государства, не исключая и духовныхъ, на которыхъ падало тяжелое обвиненіе. Здѣсь же, повидимому, рѣшались вопросы законодательные, и о войнѣ и о мирѣ.

Всѣнародныя собранія или Великовѣчья учреждены въ Новгородѣ давно, за долго до начала лѣсописи, давно же они и собирались въ окрестностяхъ Дворища Ярославова, еще до сооруженія его;—тутъ былъ Торгъ, самое людное мѣсто, весьма удобное для скораго созыва въ народное собраніе.

Если Славенская сторона была огорожена, въ предположенныхъ выше границахъ, и была въ тѣсномъ смыслѣ городомъ съ именемъ Славенска въ первый вѣкъ христіанскаго лѣтописанія,—и учрежденіе обычая всѣнародныхъ собраній непозднѣе, если нераньше,—перенесенія города на это мѣсто съ Городища и Нередицы.

Указаніемъ на древность народныхъ собраній среди Торга Славенской стороны служитъ слѣдующее мѣсто названнаго выше договора съ иноземцами: Inter curias treutonicorum in platea non debet esse pugna vel percussio cum fustibus, qui dicuntur *Velen*, quia de hujusmodi ludo insolito ab antiquis in loco predicto posset oriri discordia inser horpites et Ruthenos. Здѣсь слово *Velen* видимо испорчено непонявшимъ его переписчикомъ изъ *Vetze* или *Veten*, то есть Вѣче; съ такою поправкою мы получилъ свидѣтельство, что на площади между дворами Тевтонцевъ существовалъ издревле установленный обычай собираться и заводить неистовую драку, или свалку, съ дреколіемъ,—такъ называемую Вѣчевую борьбу. Площадь между дворами иноземцевъ мы знаемъ, она лежала противъ нынѣшнихъ Дворищенскихъ церквей на Михайловкѣ.

Въ 1478 году, при переговорахъ съ Владыкою Өеоөиломъ и сановниками Новгородскими объ условіяхъ мира, Иванъ III требовалъ, между прочимъ, чтобы Ярославовъ дворъ былъ его собственностью, а когда состоялось окончательное, 14 Января, уничтоженіе самобытія, онъ послалъ, 22 Января, въ Новгородъ намѣстниковъ своихъ, князя Ивава Васильевича Стригу, да брата его Ярослава,—„а велѣлъ имъ стати на своемъ дворѣ Великаго князя Ярославли". (Софійскій Времен. Строева,—Русскій лѣтописецъ (Костромская лѣтопись), Псковская лѣтопись, годъ 1478). Спустя двѣ недѣли, 5 Февраля, Иванъ III назначилъ еще двухъ намѣстниковъ, Василья Китая и Ивана Зиновьева—на Софійскую или Неревскую сторону (Тамъ-же). Съ тѣхъ поръ Ярославле Дворище перешло въ собственность Московскихъ Государей. Въ 1562 году, по повелѣнію Ивана Грознаго дано на Ярославлѣ Дворищѣ старцу Арсенію мѣсто для устройства монастыря во имя Рождества Богородицы. Впослѣдствіи къ этому монастырю причислена была Дворцовская церковь Женъ Мироносицъ. Преподобный Арсеній, основатель монастыря, завѣщалъ похоронить его въ уединенномъ мѣстѣ, на берегу Волхова, куда онъ часто уходилъ, при жизни, для молитвы и размышленій. Желаніе его было исполнено. По обрѣтеніи мощей его на мѣстѣ погребенія праведника была поставлена часовня. Въ 1696 году монастырь выгорѣлъ; мощи Арсенія перенесены въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и почиваютъ. Въ недавнее время, лѣтъ около 40 назадъ, при постройкѣ Кузнецовскаго дома, намогильная Арсеньевская часовня обращена въ церковь. Такимъ образомъ эта церковь служитъ указаніемъ предѣла Дворища, къ сторонѣ Михайловскаго берега.

Въ 1572 году, въ Іюнѣ, заложилъ Государь (Иванъ Грозный) избы ставити на своемъ дворѣ, на Дворищѣ, а въ Августѣ колоколъ новый поставили на Дворищѣ, у Женъ Мироносицъ, у двора Государскаго. Въ 1580 году погорѣлъ Государевъ дворъ на Ярославлѣ Дворищѣ.

Иванъ Грозный имѣлъ намѣреніе поселиться въ Новгородѣ надолго, если не навсегда; для того, вѣроятно, онъ и устроилъ себѣ помѣщеніе. Отъѣзжая, въ 1571 году, послѣ долгаго въ Новгородѣ проживанья, онъ спряталъ свою казну подъ Дворищенскими церквями Николаевскою, Пятницкою и Мироносицкою, приставивъ 500 стрѣльцовъ для охраненія сокровищъ; въ слѣдующемъ 1572 году привезли изъ Москвы Государевой казны еще 450 возовъ (II Новг. лѣт.).

Отъ XVII вѣка имѣются челобитья и послѣдовавшія на нихъ рѣшенія намѣстниковъ и воеводъ объ отдачѣ разныхъ помѣщеній Дворища въ оброчное содержаніе торговымъ людямъ. Въ 1723 году былъ въ Новгородѣ большой пожаръ, истребившій ряды торговые. Петръ Великій проѣзжая черезъ нашъ городъ, и видя пожарище, отдалъ Дворище въ пользованіе купцамъ, чтобы они изъ доходовъ содержали его въ надлежащемъ порядкѣ; распоряженія-же о предоставленіи купцамъ или городу Государственныхъ зданій въ полную собственность не послѣдовало и Дворище находится до сихъ поръ только въ пользованіи городскаго общества.

На Знаменскомъ и Флоровскомъ изображеніяхъ и на чертежахъ расположенія Новгородскихъ улицъ, сдѣланныхъ,—въ 1756 году геодезистомъ Поповымъ и прапорщикомъ Литвиновымъ, и въ 1778,—по распоряженію Правительства, для новаго направленія ихъ,—послѣдній утвержденъ Екатериною II.—площадь Дворища очерчена почти одинаково, неправильнымъ четыреугольникомъ, скошеннымъ и къ Волховскому берегу, или на площадь къ западу, и къ древнему Великому ряду. На послѣдне-изданномъ въ 1862 году чертежѣ западная скошенность выпрямлена по направленію Ново-Николаевской улицы, гдѣ дома Кузнецова, Еремѣева и Г. А. Воронова.

На Знаменскомъ изображеніи Дворище обнесено каменною стѣною, отдѣльною съ полночной, восточной и полуденной сторонъ, и слившеюся съ общею внѣшнею, окружающею всю Славенскую сторону,—съ западной, что на берегу, противъ Дѣтинца; башни общей стѣны пригнаны здѣсь къ угламъ Дворищенской площади; на полночной сторонѣ отдѣльной стѣны, близъ встрѣчи ея съ общею, видна еще одна башня, небольшая; часть другой такой-же башни,—одинъ край ея видать и на концѣ полуденной стороны, тоже при встрѣчѣ отдѣльной стѣны съ общею городовою; а другая, тоже небольшая часть этой башни, закрыта обширною городовою башнею общей стѣны. Отдѣльная Дворищенская стѣна ниже общей городовой, такъ что художникъ, писавшій Знаменское изображеніе, невидѣлъ полночной стороны первой, ее скрывала соотвѣтственная часть общей. Возможно, что она слилась, при сооруженіи общей городской стѣны, съ нею;—это, вѣроятно, и вызвало въ договорѣ съ иноземцами статью о правѣ прохода Готландцевъ къ Великому ряду черезъ Княжій дворъ, обходить который кругомъ, по площадямъ, мимо Дворищенскихъ церквей было далеко и не всегда возможно, если, напримѣръ, площадь противъ церквей была занята народнымъ собраніемъ Великовѣчья. Внутри Дворища, прямо противъ объясненныхъ воротъ „Геральдова вымола" передняго, возвышается башнеобразное четыреугольное необширное зданіе,—оно приходится не посрединѣ внутренней Дворищенской площади, а ближе къ полночной сторонѣ ея.

Прямо противъ этого зданія, въ наибольшей части стѣны восточной стороны, показано жилое, довольно высокое каменное строеніе, съ башнею въ срединѣ, крытою вытянутымъ вверхъ шатромъ.

На Флоровскомъ изображеніи Дворище имѣетъ одинаковый съ описаннымъ видъ, но тамъ рисунокъ мельче и подробности не такъ отчетливы, какъ на Знаменскомъ.

Въ современномъ видѣ Дворище не представляетъ, въ общемъ, не сходства съ Знаменскимъ изображеніемъ; но нѣтъ башенъ въ сторонѣ его, обращенный къ Дѣтинцу, и нѣтъ внутренняго башнеобразнаго зданія; по краямъ съ торговой площади, къ Волхову и къ Кузнецовскимъ домамъ, и частью и на восточномъ углу, по сторонѣ къ Дворищенскимъ церквамъ, устроены помѣщенія для торговли.

Башня среди жилаго строенія восточной стороны и самое строеніе сохранились до настоящаго времени, хотя конечно не въ первобытной ихъ цѣльности. Башня слыветъ въ народѣ подъ именемъ Ярославовой. Основана-ли она Ярославомъ Мудрымъ въ 1030 году одновременно съ дворцомъ, или послѣ,—кѣмъ и когда,—свѣдѣній нѣтъ. Самое имя башни держится не по древнему преданію, а книжное, появившееся, вѣроятно, очень недавно; ни въ одной изъ извѣстныхъ лѣтописей нѣтъ Ярославовой башни.

Изслѣдователь мѣстоположенія древняго Новгорода И. И. Красовъ полагаетъ, что современная Ярославова башня основана въ 1472 году и есть та Гридница, которая поставлена въ этомъ году на Княжемъ дворѣ, но этимъ мнѣніемъ вопросъ не рѣшается и далеко не исчерпывается. Мы уже видѣли, что Княжій дворъ былъ и въ Дѣтинцѣ; Гридница существовала еще въ 1232 году на княжемъ дворѣ на Городищѣ; были въ Новгородѣ,—зажиточное населеніе котораго занималось торговлею и не могло не ввести нѣкоторыхъ удобствъ для внѣ-семейной жизни, торгово-дѣловой,—Гридницы питейныя, или Обчины (Супр. рукопись и I Новг. лѣт. годъ 1342); въ 1470 году поставлена въ Славковѣ Гридница новая середняя (Соф. Времен.); Славкова улица, древняя, лежала тамъ, гдѣ, близъ Ѳедоровкаго ручья, церковъ Дмитрія Солунскаго; впослѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, проѣздъ этой улицы приходился между церковью и ея колокольнею. Есть еще не вполнѣ закрытый Славковъ переулокъ, узкій и глухой, между Славною улицею, и Малою-Михайловскою, отъ которой направляется во дворъ Дмитріевской церкви; начинается этотъ переулокъ на Славной, отъ двороваго мѣста М. I. Хоментовскаго;—если существовала средняя Гридница, были гдѣ-нибудь, поблизости, большая и малая. Такимъ образомъ вопросъ о тожествѣ Гридницы 1472 г. съ Ярославовою башнею, или точнѣе,—съ Башнею Ярославова Дворища,—долженъ считаться открытымъ. Изъ приведенной отмѣтки о враждебномъ настроеніи, по поводу неудовольствій князя Всеволода на посадника Твердислава, Славлянъ и Неревлянъ, видно, что князь не выступалъ съ своею дружиною и съ Славлянами изъ Двора Ярославля, такъ какъ узрѣлъ приготовленіе ополченія Неревлянъ къ боевому порядку около церкви Бориса и Глѣба и самого больнаго Твердислава, подвезеннаго къ ополченію на саняхъ. Это было въ 1270 году. Церковь Бориса и Глѣба

основана въ Дѣтинцѣ или сряду послѣ истребленія пожаромъ первой дубобой Софійской, около 1050 года, или въ 1146 году,—знаменитымъ былиннымъ Садко, богатымъ гостемъ; каменная стѣна Дѣтинца сооружена въ 1044 г.; но хотя бы, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, тогда былъ на мѣстѣ каменнаго Дѣтинца только земляной валъ,—видѣть изъ Ярославля двора построеніе Неревлянъ полками и самого Твердислава въ саняхъ нельзя, если на Княжемъ дворѣ не было высокаго сооруженія, подобнаго уцѣлѣвшей до нашихъ дней Ярославовой башни. Мы видѣли внутри Дворища высокое башне-образное зданіе; почему-бы ему не быть Гридницею каменною 1427 года? Вѣдь дѣловая Гридница имѣла, конечно, на храненіи немаловажныя Государственныя бумаги, грамоты, договоры и т. п. При частыхъ смутахъ, при тѣхъ вѣчевыхъ свалкахъ, о которыхъ упоминаетъ договоръ съ торговыми иноземцами, хранилище важныхъ бумагъ требовало основательнаго обезпеченія, особенно послѣ похода Ивана III на Новгородъ, кончившагося печальною для „людей военныхъ“ Шелонскою битвою и неоставившаго въ Государственныхъ людяхъ самобытной страны сомнѣній въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Московскаго Государя лишить ее издревле установленной независимости отъ княжеской Руси въ дѣлахъ внутренняго своего управленія. Государственные люди не могли не видѣть, что Великій князь Московскій дѣйствовалъ на населеніе страны Новгородской точно также, какъ на обитателей другихъ, еще недавно независѣвшихъ отъ него, но уже присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ, то есть— гдѣ ласкою, гдѣ смутами, а гдѣ и подкупомъ. При такомъ тревожномъ настроеніи заботы объ огражденіи дѣлопроизводства и хранилища бумагъ отъ разгрома толпы, поднятой, напримѣръ, сторонниками Москвы, подозрѣвавшей письменныя сношенія Новгорода съ иноземными Государями,—не могли не быть предметомъ крупной важности.

И такъ сохранившаяся до нынѣ Башня Ярославова сооружена не въ 1472 году, а много раньше,—она не Вѣчевая Гридница, а дворцовая постройка древнихъ временъ.

Если смотрѣть на Ярославову башню изъ внутри Дворища, съ нынѣшней Молочной горки, она представляется очень близкою къ рисунку Знаменскаго изображенія,—стало быть время пощадило ее. Со стороны площадки между Никольскимъ соборомъ и Пятницкою церковью,—примѣрно, въ отношеніи сохраненія древняго вида ея снаружи, возобновленною усердіемъ члена нашего Общества Г. М. Смѣтанина,—башня и постройки, служащія ей основаніемъ, не исключаютъ вѣроятности предположенія, что и здѣсь мы имѣемъ старину, мало тронутую поздними починками. Благодаря счастливой случайности постройки эти рѣзко выдѣляются, такъ что сразу видно, что пристроено и въ чемъ состоитъ передѣлка частностей.

Старожилы знаютъ и наблюдаютъ Ярославову башню свыше сорока лѣтъ. Въ 1850 году она была совершенно такою, какою представлена на рисункѣ Новгородскихъ башенъ, приложенномъ къ памятной книжкѣ 60-хъ годовъ и составляющемъ перепечатку съ двухъ значительно крупныхъ рисунковъ, изданныхъ въ 40-хъ годахъ, или и раньше;—нѣкоторая разница

въ крышѣ. Тогда она была совершенно необитаема; въ верхней части оконные пролеты не имѣли переплетовъ и не примѣчалось слѣдовъ заставныхъ рамъ, когда либо существовавшихъ. Сряду подъ сводомъ, надъ глухими стѣнками между пролетами, оставались углубленія, въ видѣ гнѣздъ для поперечнаго бруса,—какъ въ старинныхъ колокольняхъ; изъ нижняго, непосредственно лежащаго подъ верхнимъ, или средняго вообще, отдѣленія башни велъ въ верхнее узкій, не шире аршина, проходъ въ самой стѣнѣ, обращенной на западъ, съ очень высокими кирпичными, сильно отертыми, ступенями. Всѣ жилые покои подъ башнею и около имѣли пологіе своды; ниже уличной площади сохранялось обширное, почти подъ всѣмъ жиломъ, подземелье, сходное изъ вышеописанныхъ съ тѣмъ, что подъ Судебно-Престольною Палатою во Владычнѣ дворѣ.

Въ 60-хъ годахъ тогдашнее городское управленіе признало полезнымъ воспользоваться пустовавшею башнею и привести покои ея въ удобное для жила состояніе. Въ верхнемъ отдѣленіи сдѣлали рамы и печь и поселили тамъ четырехъ бѣдныхъ старухъ; оказалось, что жильцамъ неудобно по древнему стѣнному проходу носить ведра съ водою, и особенно ушатъ съ помоями; проходъ обезобразили, расширивъ его и поставивъ деревянную лѣстницу. Но и при этомъ приспособленіи старухи не могли жить тутъ по сырости и по другимъ причинамъ; верхнее отдѣленіе опустѣло и до сихъ поръ остается необитаемымъ. Своды уничтожены хотя не во всѣхъ, но во многихъ покояхъ, въ 70-хъ годахъ, когда произведена была большая передѣлка для помѣщенія городскаго училища, остающагося тутъ и теперь.

Таково прошедшее Ярославля Дворища; подробное нѣсколько изложеніе судьбы его приведено для того, чтобы напомнить объ этомъ единственномъ въ Россіи, уцѣлѣвшемъ до нашихъ дней гражданскомъ сооруженіи далекаго прошлаго и вызвать въ почитателяхъ и знатокахъ отечественныхъ древностей вниманіе къ нему, какъ къ соединенному съ именемъ князя, прославленнаго лѣтописью за его дѣянія, и насадившаго еще на дѣвственной почвѣ ново-крещенной Россіи первыя семена духовно-нравственнаго просвѣщенія. Быть можетъ именитые знатоки и члены нашего Общества прибавятъ къ изложенному новыя, имъ извѣстныя свѣдѣнія, для дальнѣйшаго изученія этого драгоцѣннаго памятника глубокой старины.

Есть и другая причина, вызвавшая приведенныя подробности. Помѣщеніе въ башенныхъ покояхъ оказывается тѣснымъ и неудобнымъ для городскаго училища; наплывъ желающихъ получить первое знакомство съ общедоступными знаніями годъ отъ году растетъ; городское управленіе волей-неволей отказываетъ большимъ десяткамъ дѣтей въ принятіи въ училище. Говорятъ о необходимости устройства другого помѣщенія въ одномъ изъ принадлежащихъ городу домовъ. Въ числѣ членсвъ нашего юнаго еще Общества насчитываются видные городскіе дѣятели: Гр. Мак. Смѣтанинъ, Алекс. Алекс Соловьевъ, Як. Ив. Журавлевъ и молодые еще дѣти почтенныхъ граждань А. Г. Вороновъ и П. Д. Вороновъ, заявившіе свое сочувствіе и уваженіе къ мѣстной старинѣ щедрыми—особенно со стороны Гр. Макс. Смѣтанина,—пожертвованіями на устройство помѣщенія для Музея

древностей и на пополненіе его собраній. Нельзя сомнѣваться и въ дальнѣйшемъ сочувствіи ихъ собиранію, охраненію и изученію древностей родной старины. Поэтому можно разсчитывать, что если Общество признаетъ цѣлесообразнымъ просить городское управленіе о предоставленіи въ пользованіе и распоряжаніе нашего учрежденія Ярославовой башни, съ ея покоями, послѣ перемѣщенья училища,—эти городскіе дѣятели, сочлены наши, вспомнивъ заслуги Мудраго Ярослава, окажутъ благотворное содѣйствіе къ осуществленію подобной просьбы. Не только въ Новгородѣ, но и ни въ одномъ изъ городовъ Россіи не найдется для научныхъ собраній и бесѣдъ нашихъ такого соотвѣтственнаго мѣста, какъ жилые покои Башни Ярослава: здѣсь зародилась и созрѣла мысль Мудраго князя о просвѣщеніи страны Ильменской и всей Руси,—здѣсь-же, спустя девять вѣковъ, слѣдуетъ воцариться и наукѣ о старинѣ отечественной, во всеоружіи добытыхъ за всѣ эти вѣка знаній. Нельзя также сомнѣваться, что на починъ горожанъ къ осуществленію просьбы Общества откликнется и населеніе уѣздовъ, и Правительство мѣстное и высшее: всѣ мы дѣти одной матери, всѣмъ намъ дорого родное прошлое съ его горестями и радостями, какъ могучій двигатель на пути гражданскаго преуспѣянія. Если Общество получитъ въ свое пользованіе и распоряженіе Ярославову башню, заботы его сосредоточатся, по всей вѣроятности, на возстановленіи этого памятника въ томъ, покрайней мѣрѣ, видѣ, какимъ онъ представленъ на Знаменскомъ изображаніи и на упомянутыхъ рисункахъ снаружи и по уловимымъ слѣдамъ стариннаго расположенія покоевъ внутри, если они найдутся на стѣнахъ. Подземелье башни едвали подвергалось не только существеннымъ, но и вообще какимъ нибудь измѣненіямъ. Во времена блестящей торговли всѣ подвалы и подземелья завалены бывали складами, потому расширялись и передѣлывались. Послѣ-же присоединенія Новгорода къ Московскому державству торговое значеніе его пало, иноземные дворы закрылись. Нѣмецкій дворъ—скоро снова открытъ, но торговалъ уже небойко; а Готландскій, описанный выше, никогда болѣе не возобновлялся;—на мѣстѣ же проданнаго князю Св. Всеволоду, извѣстнаго въ Уставѣ его подъ названіемъ Буевища, Петрятина дворища, хотя и возникъ въ 1517 году Датскій торговый дворъ, но небольшой; подъ постройку его отведено, по жалованной грамотѣ Великаго князя Василья Ивановича, всего, по берегу Волхова, противъ Лубяницы, шестьдесятъ, а поперечнику тридцать саженъ (Собр. гр. Румянцева, листы V части, стр. 73). Лубяницею и Лубянкою называлась большая улица; она начиналась на берегу Волхова и кончалась у самаго вала, противъ Кириллова монастыря; направленіе ея было отъ берега примѣрно по нынѣшней Предтеченской улицѣ, гдѣ Губернаторскій домъ, а далѣе почти къ Спасской церкви, что близъ Знаменскаго собора. Лубянка дѣлилась на трети: Иванскую, Егорьевскую и Лукинскую, по церквамъ Предтеченской на опокахъ, Георгіевской, существующей и Лукинской, стоявшей тамъ, гдѣ теперь домъ причта Знаменскаго собора, въ саду за самымъ домомъ. Этотъ Датскій дворъ стоялъ на площади, занятой въ 1778 году подъ постройку путеваго дворца, служащаго теперь помѣщеніемъ для чиновъ воен-

наго вѣдомства; изслѣдователи мѣстоположенія древняго Новгорода Митрополитъ Евгеній Болоховитиновъ, Красовъ и Макарій, слыша глухой говоръ о Нѣмецкомъ дворѣ на мѣстѣ Путеваго дворца, внесли путаницу въ опредѣленіе его положенія, указывая то это мѣсто, то другое, у бывшей церкви Іоанна Крестителя, на Малой Михайловской улицѣ; грамота 1517 года тогда не была извѣстна, такъ какъ листы V части Румянцевскаго собранія оставались забытыми, до конца 70 годовъ, въ подвальныхъ складахъ Московскаго дрелехранилища вѣдомства Иностранныхъ дѣлъ и случайно найденны, справка же съ подлинниками была почти невозможна.

Въ виду сказаннаго очисткою подземелья подъ Ярославой башнею можно заняться и въ настоящее время, конечно съ согласія города; оно ему ненужно и совсѣмъ пустуетъ. При внимательномъ наблюденіи за очисткою позволительно ожидать встрѣчи съ такими данными, которыя несомнѣнно будутъ полезны; кладка стѣнъ и способъ выведенія сводовъ укажутъ и на время сооруженія зданія и на зодчихъ, мѣстныхъ, или чужеземныхъ, такъ какъ пріемы и способы строительныхъ работъ у разныхъ народовъ и въ разные вѣка были неодинаковы

Придется ли осуществить высказанныя предположенія, нѣтъ-ли, Обществу слѣдуетъ, въ силу обязанности наблюдать за памятниками старины и принимать, въ случаѣ надобности, мѣры къ ихъ охраненію, теперь-же начать наблюденіе за неприкосновенностью Ярославовой башни и прилегающихъ къ ней покоевъ, въ предупрежденіе внутреннихъ разрушеній и внѣшнихъ измѣненій, и въ видахъ недопущенія на будущее время распоряженій городскаго общества, подобныхъ устройству въ верхнемъ отдѣленіи башни помѣщенія для призрѣваемыхъ городомъ стариковъ, или для другихъ хозяйственныхъ надобностей.

Граничный камень.

На лѣвомъ берегу Волхова, на заливномъ лугу въ полуверстѣ отъ Юрьева монастыря, называемомъ „рель“, у истока ручья, которымъ соединялся Волховъ съ озеромъ Мячинскимъ и называется Княжевымъ ручьемъ,—лежитъ большой, свыше двухъ аршинъ длиною и около двухъ же аршинъ шириною, гранитный валунъ, съ выпукло-высѣченнымъ на плоской сторонѣ восьмиконечнымъ крестомъ, безмалаго во всю длину камня.

Есть преданіе, что этотъ камень положенъ на томъ мѣстѣ, до котораго доплылъ Св. Іоаннъ Архіепископъ, когда возмущенные противъ Святителя бѣсовскимъ навожденіемъ Новгородцы свергли его съ берега на плотъ и оттолкнувъ пустили по теченію, но плотъ поплылъ противъ теченія, къ Юрьеву; бывшій же тамъ какой-то юродивый, еще до отплытія Святителя отъ берега, зазвонилъ въ колокола съ особеннымъ усердіемъ и объявилъ сбѣжавшейся по тревогѣ братіи, что къ нимъ въ монастырь плыветъ Владыка. Преданіе это представлено въ лицахъ на стѣнѣ одного изъ покоевъ Архіепископа, что рядомъ съ Престольною палатою.

Подробность этого преданія о камнѣ съ крестомъ мало вѣроятна, такъ какъ о немъ сказано въ жалованной грамотѣ князей Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславовича на рель, границы которой между прочимъ обозначены такъ: „отъ Волхова по крестъ, по ручью въ Мячино" и т. д. Положеніе названнаго камня съ крестомъ у истока Княжева ручья не оставляетъ сомнѣнія, что эта грамота говоритъ именно о немъ; издана она не позднѣе 1136 года, а Св. Іоаннъ былъ Архіепископомъ въ 1166 по 1186 годъ. Поэтому камень съ крестомъ слѣдуетъ считать граничнымъ.

Года три назадъ весеннимъ ледоходомъ своротило камень съ мѣста и опрокинуло съ кряжистаго берега въ воду; къ осени его выкатили и втащили на прежнее мѣсто.

Принимая во вниманіе, что раньше описанный гранитный камень съ котлообразнымъ углубленіемъ, лежавшій у вала Славенской стороны, разрушенъ шалостью, отъ каковой не обезпеченъ и Юрьевскій, и что сохраненіе его, какъ рѣдкаго памятника гражданской старины, не можетъ не быть желательнымъ и полезнымъ для изслѣдованія межевыхъ знаковъ, употреблявшихся въ древности, Обществу слѣдуетъ просить подлежащія власти разрѣшенія принять его въ наше завѣдываніе и перевезти въ помѣщеніе древлехранилища.

Остатки памятниковъ древности.

Перечисленіемъ вполнѣ сохранившихся до нашихъ дней церковныхъ и гражданскихъ памятниковъ древности, или хотя и не вполнѣ, но въ существенныхъ частяхъ, по которымъ, съ помощью рисунковъ на упоминаемыхъ часто изображеніяхъ, возможно возстановленіе ихъ въ будущемъ,—неисчерпывается задача Общества относительно Новгорода; кромѣ цѣльныхъ памятниковъ, здѣсь имѣются значительные по числу остатки и другихъ. Лѣтопись хранитъ на своихъ страницахъ болѣе или менѣе крупные и осязательные слѣды существованія и значенія въ жизни народа такихъ сооруженій, которые погребены подъ грудами развалинъ и ждутъ изученія. Обнаруженіе ихъ и дальнѣйшая охрана—дѣло нашего Общества.

Изъ остатковъ отъ памятниковъ древности церковной и гражданской преобладающее большинство захоронилось въ землѣ подъ пластами новыхъ наслоеній и забыто, а нѣкоторые еще не скрылись отъ дневнаго свѣта; они тлѣютъ, въ видѣ неопредѣлимыхъ бугровъ на поверхности, и живутъ въ преданіи своихъ сосѣдей сторожиловъ, хотя уже замутившемся и не всегда поддающемся уясненію. Съ лѣтописью и другими несомнѣнными свидѣтельствами въ рукахъ возможно установить, если и небезусловно точно, какъ тѣ мѣста, гдѣ захоронились остатки, погребенные временемъ, такъ равно и дѣйствительную принадлежность тому или другому памятнику другихъ остатковъ, еще не скрывшихся съ земной поверхности, а лишь гніющихъ подъ буграми развалинъ.

О случайной встрѣчѣ при земляныхъ работахъ съ остатками сооруженій уже говорено. Такіе остатки, какъ не имѣющіе слѣда ни въ лѣтописи, ни въ преданіяхъ, мы не причисляемъ къ остаткамъ памятниковъ древности,—а вообще называемъ бытовыми остатками старины;—они также доступны для уясненія, но лишь въ смыслѣ догадокъ и предположенія.

Остатковъ отъ памятниковъ церковной древности, еще видимыхъ, въ чертѣ города почти нѣтъ, но мѣстъ захороненія ихъ нѣсколько; въ ближайшихъ же окрестностяхъ такіе видимые остатки встрѣчаются какъ около правой или Славенской стороны города, такъ и около лѣвой—Неревской.

Остатки памятниковъ церковной древности.

По приведеннымъ выше даннымъ Славенская сторона получила значеніе города въ современномъ смыслѣ раньше Неревской и застроилась тѣснѣе ея; потому здѣсь больше остатковъ старины гражданской и бытовой, чѣмъ христіанско-церковной на сторонѣ Неревской вообще. Изложеніе свѣдѣній объ остаткахъ памятниковъ церковной древности начнемъ съ окрестностей обѣихъ сторонъ.

Окрестности Славенской стороны.

Около Славенской стороны, съ самаго берега Волхова, за внѣшнимъ валомъ, находятся слѣдующіе видимые остатки.

Церковь Преображенія Господня.

Церковь эта называется въ лѣтописи „Спасъ"—или „Древній Спасъ". Древніе Новгородцы отличаются отъ всѣхъ современныхъ имъ народовъ Европы своею вѣротерпимостью, сложившеюся въ зависимости отъ исконныхъ, съ каменнаго вѣка, сношеній ихъ съ чужеродными и иноземными племенами. Съ долѣтописныхъ временъ извѣстны церкви: католическая Св. Петра и Варяжская Божница—въ Новгородѣ, и церковь Св. Николая въ Ладогѣ; во времена лѣтописныя эти церкви существовали, кромѣ того упоминаются еще „ропаты",—т. е., или христіанскія часовни не православныя или молельни не христіанъ.

Въ Новгородѣ нерѣдки православные храмы, время первоначальнаго сооруженія которыхъ лѣтописи неизвѣстно, напримѣръ, Св. Илья Пророкъ въ Славнѣ, Архангелъ Михаилъ въ Торгу, Св. Николай Чудотворецъ въ Сокольникахъ или въ Сокольницѣ, или на Сокольей горѣ, Св. Михаилъ Малеинъ въ Плотенскомъ концѣ, на Молоткахъ, и Св. Праведный Лазарь—за внѣшнимъ валомъ Неревской стороны, между нимъ и Звѣринскимъ монастыремъ.

Древнѣйшій списокъ Новгородской лѣтописи, пергаментный, сохранился, хотя и безъ начала,—не хватаетъ событій до 1017 года,—но изслѣдованіями о составѣ русской лѣтописи вообще установлено: (Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Срезневскій и др.), что въ нее вошли записи о первыхъ временахъ по крещеніи Руси преимущественно изъ Памятухъ Новгородскихъ, веденныхъ духовенствомъ, сперва Сербско-Болгарскимъ, а впослѣдствіи изъ природныхъ русскихъ славянъ, которое, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего дорожило христіанскими храмами и не преминуло-бы занести въ свои записи отмѣтки о построеніи той или другой церкви; въ Новгородѣ же особенно, потому что здѣсь и во всей Ильменской странѣ православіе прививалось туго, и для священниковъ всякая новосозданная церковь служила похвальнымъ листомъ и душеспасительнымъ дѣломъ; однакожъ о времени сооруженія поименованныхъ храмовъ нѣтъ извѣстій ни въ одномъ спискѣ ни начальной русской лѣтописи, ни мѣстныхъ, веденныхъ въ древнихъ городахъ. Относительно церквей Ильинской, Михайловской, и Преображенской Славенской стороны есть нѣкоторыя основанія заключать, что онѣ, равно католическая Св. Петра и Варяжская, существовали во время заключенія княземъ Игоремъ договора съ греками, въ первой четверти IX вѣка, и что присяга дружинниковъ христіанской вѣры, скрѣпившая этотъ договоръ, происходила не въ Кіевской Ильинской, а въ Новгородской церкви, считавшейся тогда, при существованіи здѣсь четырехъ другихъ, соборною.

Въ большой семьѣ Новгородскихъ лѣтописныхъ сборниковъ есть отрывокъ временника, приписываемаго составленію перваго Епископа Новгородскаго Іоакима Корсунянина. Онъ открытъ въ концѣ прошедшаго столѣтія знаменитымъ собирателемъ рукописей и историкомъ Татищевымъ, во время борьбы тогдашнихъ научныхъ силъ, раздвоившихся, по поводу Шлецеровыхъ изысканій о Несторовой лѣтописи, на его сторонниковъ и противниковъ; почитатели Шлецера признавали за бытовыя истины древней Руси одно только повѣствуемое преподобнымъ Несторомъ, а его противники вполнѣ отрицали начальную русскую лѣтопись. Обстоятельства, предшествовавшія открытію отрывка Якимова временника остаются до сихъ поръ загадочными, а содержаніе его крайне подозрительнымъ, несмотря на остроумныя, со всѣми строгонаучными пріемами произведенныя, изысканія академика Лавровскаго. Считая съ своей стороны отрывокъ сочиненіемъ большого начетника русскихъ, латинскихъ и польскихъ книгъ, настоятеля Бизюкова монастыря Архимандрита Мельхиседека,—увлекшагося примѣромъ Гизелева Синопсиса и возмущеннаго отрицаніемъ сказаній начальной русской лѣтописи,—и цѣня этотъ отрывокъ, какъ выборку изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ преданій и домысловъ книжниковъ стараго, не древнѣе однако же XV вѣка, времени, изложенныхъ связно и послѣдовательно,—воспользуемся имъ, какъ преданіемъ, дожившимъ гдѣ-то, въ земляхъ далекихъ отъ Новгорода, до XVI вѣка, и имѣющимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ свѣдѣнія, заслуживающія во всякомъ случаѣ вниманія и дальнѣйшей провѣрки.

Къ свѣдѣніямъ такого рода относится преданіе о насильственномъ крещеніи Новгородцевъ Путятою и Добрынею и о разрушеніи озлобленными горожанами Спасской церкви, стоявшей на окраинѣ города, сряду за нынѣшнимъ внѣшнимъ валомъ Славенской стороны, почти прямо противъ Посольской улицы, невдалекѣ отъ Ильинской церкви. На мѣстѣ ея недавно сооружена благочестивымъ генераломъ Ласскимъ, жившимъ нѣкоторое время по сосѣдству, открытая часовня; ее впрочемъ, успѣли уже, въ теченіе не болѣе пяти лѣтъ, обезобразить.

Основанія, по которымъ сказаніе отрывка Якимова временника о Спасской церкви представляется вѣроятнымъ въ значительной степени, имѣютъ слѣдующую почву: Новгородцы были, какъ замѣчено уже, всегда вѣротерпимы; преданіе объ этой церкви могло пользоваться общеизвѣстностью во времена самобытія Ильменской страны и оставаться отголоскомъ древности точнымъ; людей любознательныхъ и родовитыхъ было тогда много;—именитые бояре жили преимущественно на Славнѣ, и особенно на Нутной великой улицѣ, въ этихъ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Спасской церкви, и могли, имѣя ее на глазахъ, держать преданіе, какъ истину бытовую. По присоединеніи Ильменской страны къ Москвѣ, великое множество гражданъ высшаго общества выселено изъ Новгорода и размѣщено по разнымъ концамъ Руси княжеской. Немало было, конечно, случаевъ бѣгства важныхъ лицъ, справедливо опасавшихся Московской опалы и грозной опричнины, въ Литву, Польшу, къ Шведамъ и Нѣмцамъ. Преданія и древнія записи—памятухи, разсѣялись, такимъ образомъ, по разнымъ землямъ Европы и нашли пріютъ на страницахъ Польско-Литовскихъ временниковъ. Въ Лихолѣтье Польско-Литовскія дружины наводнили Русь,—за ними слѣдомъ пошли промышленники, торговцы и Латинское духовенство, занесшее къ намъ свои временники и лѣтописи. Къ этому именно времени, къ началу XVI вѣка, пріурочивается наибольшее число разныхъ временниковъ и сборниковъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ и испещренныхъ заимствованіями изъ Польско-Латинскихъ,—ихъ извѣстна не одна сотня; Гизель и Мельхиседекъ, какъ начетники, занялись сводомъ сказаній изъ подобныхъ сборниковъ,—одинъ довелъ свой трудъ до конца и напечаталъ, а другой выпустилъ лишь первые листы, какъ-бы пробные. Составителямъ Польско-Литовскихъ сборниковъ не было никакого дѣла до распространенія православія въ Новгородѣ въ долѣтописныя времена; они скорѣе сократи-ли бы, какъ приверженцы Римской церкви, извѣстія о долѣтописныхъ нашихъ храмахъ, чѣмъ увеличили вымысломъ число ихъ. Основательнѣе считать запись о Спасской церкви и о насильственномъ крещеніи Новгородцевъ, попавшею въ сборники,—полученные Мельхиседекомъ, и составленные Новгородскими изгнанниками, вольными и невольными, на чужой сторонѣ, въ воспоминанія о родинѣ и въ назиданіе своему потомству,—изъ древнихъ записей и изъ преданій.

Послѣ крещенія Новгородцевъ Спасская церковь была возобновлена;—но когда именно—неизвѣстно,—что даетъ поводъ принимать за время возобновленія первые года послѣ крещенія и не новокрещенными, а прежними

прихожанами; старыя записи, если онѣ велись при этой церкви, вѣроятно затерялись во время ея разрушенія, новыхъ-же или не велось, или онѣ погибли. Мѣстность разсматриваемой церкви лежала въ предѣлахъ древней Ильиной улицы, разстилавшейся на большое пространство; оно охватывало и сохраняющуюся до нашихъ временъ другую Спасскую церковь, тоже древнюю,— замыкающую собою нынѣшнюю Знаменскую улицу, къ валу.—Сказаніе о чудодѣйственномъ избавленіи Новгорода отъ Суздальцевъ въ 1169 году связывается съ одною изъ Спасскихъ церквей Ильиной улицы, но которой? Третья Новгородская лѣтопись, богатая, что уже замѣчено, произвольными поясненіями темныхъ мѣстъ древнихъ сборниковъ и домыслами, сказываетъ въ отмѣткѣ о чудѣ отъ образа Богоматери, что онъ вынесенъ былъ на забрало города изъ церкви древняго Спаса (годъ 1169 ст. 215, выносла Н). Въ теченіе времени съ 1105 по 1192 г., обнимающаго и Суздальскую осаду, было восемъ крупныхъ пожаровъ въ Славнѣ на Холмѣ, истребившихъ много церквей; одинъ разъ сгорѣло ихъ десять, въ другой разъ восемъ, и девятая Варяжская. Возможно, что горѣла и Спасская долѣтописная церковь, хотя о ней, какъ равно и о другихъ, въ числѣ истребленныхъ пожаромъ, лѣтописецъ не упоминаетъ. Была-ли на мѣстѣ наша церковь въ 1169 году и совершалось ли въ ней тогда богослуженіе,—лѣтописецъ не сказываетъ, такъ что доказательствъ допущеннаго произвола въ наименованіи третьею лѣтописью Спаса на Ильинѣ улицѣ древнимъ—нѣтъ и приходится оставить, пока, подъ сомнѣніемъ ту Спассую церковь, изъ которой взятъ былъ образъ Богоматери Іоанномъ Архіепископомъ.

Лѣтописныя отмѣтки о внѣшній судьбѣ Спасской церкви на Ильинѣ улицѣ ослабляютъ до нѣкоторой степени упомянутое сомнѣніе и склоняютъ въ пользу замѣтки третьей лѣтописи о существованіи во время Суздальской осады, „древняго Спаса“, указывая, вполнѣ ясно, на одновременное существованіе двухъ Спасскихъ церквей, на Ильинѣ улицѣ. Вотъ эти отмѣтки: въ 1329 году погорѣла церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ; въ 1332—погорѣлъ Спасъ на Ильинѣ улицѣ; въ 1640—погорѣлъ Спасъ на Ильинѣ и Знаменіе Богородицы; въ 1374—поставлена каменная церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ; въ 1378—подписана церковь Господа нашего Іисуса Христа на Ильинѣ улицѣ, а подписывалъ мастеръ Гречинъ Ѳеофилъ; въ 1388—сгорѣла церковь Спасъ на Ильинѣ улицѣ; въ 1391—Митрополита Кипріана встрѣчали у Спаса на Ильинѣ улицѣ

Сопоставляя всѣ эти отмѣтки,—видимъ, во 1-хъ: въ 1229 г. только огорѣла Спасская церковь, а черезъ два года погорѣла; о церквахъ деревянныхъ лѣтопись всегда говоритъ: „сгорѣ“ или „погорѣ“;—черезъ восемъ лѣтъ снова „погорѣ“ на Ильинѣ улицѣ Спасъ и другая церковь Знаменье. На этотъ разъ несомнѣнно рѣчь идетъ о Спасской церкви, которая недалеко отъ Знаменской, и притомъ—о деревянной; послѣ пожара 1340 года поставлена каменная Спасская церковь. По этому случаю объяснено въ третьей лѣтописи: „послѣ чюдеси Пресвятая Богородица до сего Спасова каменнаго храма отъ древяной церкви прошло 205 лѣтъ; а послѣ Знаменія храма каменнаго строенія спустя 20 лѣтъ до Спасова каменнаго строенія“

(годъ 1374 стр. 230). Спасенъ-ли былъ въ 1340 г. Чудотворный образъ Богоматери и гдѣ онъ находится, если обѣ сосѣднія церкви, Спасъ и Знаменье, сгорѣли, бывъ до пожара деревянными, и если онъ взятъ былъ на забрало города изъ Спасса, сосѣдняго съ Знаменьемъ и опять туда же поставленъ? Знаменская каменная церковь сооружена въ 1354, за 20 лѣтъ раньше построенія каменной же Спасской, то есть спустя 14 лѣтъ послѣ пожара 1340 года, значитъ времени прошло слишкомъ много, спустя послѣ пожара, чтобы благочестивымъ прихожанамъ и владыкѣ не озаботиться сооруженіемъ новаго, хотя-бы опять деревяннаго храма, для чудотворнаго образа, спасшаго весь городъ отъ гибели въ Суздальскую осаду. А если огорѣвшая въ 1329 г. Спасская церковь была не близъ Знаменья, а недалеко отъ Ильи, и притомъ каменная („огорѣ")—и если чудотворный образъ Богоматери всегда сохранялся въ ней, до чуда и послѣ, въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что по истребленіи пожаромъ деревянныхъ сосѣднихъ церквей, Спасской и Знаменской, приступили къ сооруженію вмѣсто ихъ новыхъ каменныхъ, одной черезъ 14, а другой черезъ 34 года;— и во 2-хъ: вѣскимъ подтвержденіемъ существованія „древняго Спаса" близъ Ильи служитъ запись о встрѣчѣ Митрополита Кипріяна, прибывшаго вмѣстѣ съ Патріаршимъ посломъ, чтобы вызвать Новгородцевъ на отмѣту состоявшагося между ними, на Великовѣчьи въ 1386 г., постановленія, чтобы впредь „незваться къ Митрополиту на Москву". Преосвященный Макарій въ I части Новгородскихъ церковныхъ древностей говоритъ (стр. 303), что встрѣча была у Спаса близъ Знаменья. Между тѣмъ въ первой нашей лѣтописи подъ 1309 (стр. 69, годъ 6817, выноска М и Продолж. Древ. Русс. Вивліоѳики II, стр. 573. тотъ же годъ) и 1360 годомъ описываются встрѣчи Владыкъ, возвращавшихся послѣ поставленія отъ Митрополита, у Св. Иліи. Здѣсь, между церквами Ильинскою и Спасскою (древній Спасъ) проходила большая дорога, чрезъ Нередицу на Ямны, Сытино и далѣе,— во Владиміръ и въ Москву; здѣсь же, а не у Знаменскаго Спаса, встрѣчали и Митрополита Кипріяна.

Этотъ „древній Спасъ" разобранъ въ 1828 году, послѣ пожара; нѣкоторая утварь его и образа сохраняются въ сосѣдней съ Ильинскою Петропавловской церкви.

По приведеннымъ основаніямъ остатки древнѣйшаго православнаго храма требуютъ вниманія къ нимъ, особенно бдительнаго, иначе они исчезнутъ и скоро, если не принять немѣдленно основательныхъ мѣръ къ охраненію ихъ.—Во время большого крестнаго хода около всей Славенской стороны, въ первое Воскресенье послѣ Ильина дня, на мѣстѣ древняго Спаса бываетъ остановка.

Лядка.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ вала, по направленію къ Городищу, за рѣкою Жилотугомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Малаго Волховца

высится небольшой холмъ, съ разсѣянными на поверхности буграми изъ обломковъ кирпича, плитняка и булыжника. Мѣстность эта называется теперь Лядка, а въ лѣтописи Лятка; здѣсь былъ монастырь. Когда онъ основанъ первоначально—свѣдѣній нѣтъ. Въ первый разъ о немъ говорится подъ 1356 г., когда поставлена была деревянная церковь „Святый Никола на Ляткѣ". Подъ слѣдующимъ 1357 годомъ отмѣчено, что на Ляткѣ зашибло игумена и иныхъ людей. Изъ сопоставленія обѣихъ отмѣтокъ выходитъ, что монастырь тутъ былъ раньше; если бы онъ возникъ одновременно съ церковью, лѣтопись сказала бы объ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, какъ бываетъ всегда въ отмѣткахъ о монастыряхъ. Духовные писатели учатъ, что новокрещенные Новгородцы обыкновенно возводили, въ первое время по крещеніи, храмы и монастыри или на могилахъ своихъ предковъ, умершихъ въ язычествѣ, или вообще на мѣстахъ ихъ жилищъ, такъ какъ у нихъ былъ обычай хоронить умершихъ близъ дома,—чтобы такимъ способомъ освятить кости родичей, не знавшихъ святаго Евангельскаго ученія. Можно, поэтому, относить первоначальное учрежденіе монастыря на Лядкѣ къ X—XI вѣку. Со времени основанія церкви Николая Чудотворца монастырь назывался Николо-Лядскимъ. Дальнѣйшая судьба его не представляетъ ничего, выдвигающаго этотъ монастырь изъ длиннаго ряда другихъ его братьевъ, вызванныхъ къ жизни неустанною дѣятельностью главы Ильменской страны; съ уменьшеніемъ торговаго и особенно Государственнаго значенія Великаго-Новгорода всѣ учрежденія его, городскія, волостныя и нравственно-духовныя, склонились къ упадку; гражданскія рухнули разомъ, а духовно-нравственныя—замирали постепенно, по мѣрѣ оскудѣнія и истощенія почвы для питанія духовнаго и тѣлеснаго плодами ея.

Замѣтимъ здѣсь, встрѣчаясь впервые съ монастыремъ, что Новгородскій имѣлъ въ древности совершенно отличное отъ современныхъ значеніе въ народѣ и для него. Это было не одно только „тихое пристанище" для души, истерзанной неподсильною жизненною борьбою съ началомъ тьмы,—но пристанище, въ которомъ удрученные находили пріютъ, завѣщанный Великимъ Учителемъ міра,—Пріидите ко Мнѣ вси труждающіи и обремененіи,—это были пріюты для всѣхъ, стучавшихъ въ двери ихъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ (Уставъ Новгор. кн. Всеволода Мстиславовича о церковныхъ судахъ); они замѣняли нынѣшія богадѣльни, больницы, гостинницы,—часто училища и тому подобныя учрежденія. Монастырская братія, отрекавшаяся, какъ и теперь, отъ мірскихъ благъ для собственной личности,—отдавала всѣ свои силы, знанія и опытъ жизни прибывающимъ въ монастырь, служа имъ съ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ; манастырь былъ общиною милосердія по Евангельскому ученію и соотвѣтствовалъ смыслу и цѣли учрежденія на могилахъ предковъ своихъ основателей.

Лядка по своему положенію соотвѣтствовала причинамъ и цѣлямъ учрежденія монастыря именно тутъ. Будучи холмомъ, не заливаемымъ вешнею водою при самомъ высокомъ подъемѣ, эта возвышенность заселилась съ весьма далекихъ, долѣтописныхъ, вѣковъ. Если мѣстомъ Великаго Новгорода, неимѣвшаго еще этого имени, а называвшагося Славенскомъ, были холмы Горо-

дищенскій и Нередицкій, и если на послѣднемъ поселились Городцовы Невры (Нейрои),—Лядка возникла, какъ значительный поселокъ, въ тѣ именно времена, и получила свое имя отъ Невровъ, въ языкѣ потомковъ которыхъ, литовцевъ, много созвучныхъ ему словъ, означающихъ плоско-широкое, широко-низкое, расчищенное пространство. Въ народномъ нашемъ говорѣ есть слово „Лядина"—это расчищенный вырубкою лѣсной участокъ. Латинское latus—плоско-широкій, взято изъ рѣчи первонасельниковъ Европы, съ которыми смѣшались Мало-Азійскіе выходцы, образовавшіе впослѣдствіи племена Римлянъ и Грековъ (Срав. Объясненіе имени города „Ладога" въ упомянутой книгѣ „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка",—стр. 243).

Лядка лежитъ на равномъ разстояніи отъ береговъ Волхова и Жилотуга. Послѣдній, выходя изъ Волхова выше Новгорода на версту, пробѣгаетъ причудливыми извилинами по равнинѣ, разстилающейся между городомъ и грядою холмовъ, отдѣляющихъ ее отъ приильменской низины, и впадаетъ за послѣднимъ изъ холмовъ этой гряды, Хутынскимъ, опять въ Волховъ. Тамъ, неболѣе какъ въ полуверстѣ отъ устья Жилотуга, возвышается искусственный продолговатый холмъ, „Холопій городокъ", гдѣ сооружена была въ 1417 году каменная церковъ, что даетъ поводъ предполагать существованіе до этого времени деревянной,—во имя Николая Чудотворца. Жилотугомъ ходили суда и къ старому Славенску, пока онъ былъ на упомянутыхъ холмахъ, и къ Новгороду, равно и обратно. Надзоръ за правильною торговлею и сборами съ нея въ казну установленъ у насъ издавна, то-же съ долѣтописныхъ вѣковъ. Жилотугъ очень быстеръ; подниматься вверхъ на веслахъ или на шестахъ такъ трудно, что нужно „туго натягивать жилы"; были на днѣ его камни и мели. (Ср. въ той же книгѣ стр. 161); свойствомъ рѣки и быстротою теченія, объясняется ея наименованіе и учрежденіе по концамъ, т. е. при истокѣ и устьѣ, особыхъ поселковъ для надзора и для сопровожденія „холопями" судовъ вверхъ.—Св. Николай Чудотворецъ почитается покровителемъ водоплаванія. Посвященные ему храмы на Лядкѣ и на Холопьемъ Городкѣ подсказываютъ объясненное назначеніе поселковъ, возникшихъ хотя-бы и въ долѣтописныя времена, при устьѣ Жилотуга и при истокѣ его; учрежденіе же монастыря, независимо отъ могилъ языческихъ предковъ,—вызвано, по всей вѣроятности, необходимостью въ пріютѣ на Лядкѣ для тѣхъ же холопей и для судовщиковъ вообще, которымъ приходилось ждать разгрузки и новой назгрузки судовъ, и особенно, на случай ихъ заболѣваній.

По близости къ городу и Городищу Лядскія развалины годъ отъ году уменьшаются: камень, плиту и кирпичь берутъ всѣ, кому встрѣчается нужда для домовыхъ потребностей,—и нетолько въ верхнихъ буграхъ, но и на глубинѣ,—что уничтожаетъ тлѣющія основанія древнихъ зданій и мелкіе предметы бытовой старины, попадающіе подъ лопаду. Общество неможетъ быть безучастнымъ къ такому состоянію Лядскихъ развалинъ. На первое время, пока денежныхъ средствъ нѣтъ, приходится ограничиться сношеніями съ подлежащими властями о воспрещеніи рыться въ развалинахъ съ какою-бы ни было цѣлью, подъ опасеніемъ законной отвѣтственности, и наблюденіемъ за исполненіемъ имѣющихъ послѣдовать распоряженій.

Сокольья гора.

На лѣвомъ берегу Жилотуга, на одинаковомъ разстояніи между нимъ и внѣшнимъ валомъ, поднимается, не доходя съ полверсты до Рождественскаго кладбища, незначительное плоскохолміе, нѣсколько удлиненное, въ наибольшемъ поперечникѣ саженъ въ пятьдесятъ, а въ наименьшемъ около сорока. Это Сокольья гора, или Сокольница, по лѣтописи;—народное названіе ея Филимошкина горка, или Филимошка. Послѣднее общеизвѣстно, а лѣтописнаго народъ вовсе не знаетъ, хотя существовавшій тутъ съ XII вѣка монастырь упраздненъ только въ концѣ прошедшаго столѣтія, и назывался Сокольницкимъ. Причина, затмившая имя монастыря и память о немъ, давъ горкѣ названіе Филимошки,—является прискорбнымъ знаменіемъ вѣка: на Сокольней горкѣ появился въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и долго существовалъ заѣзжій дворъ, создавшій нехорошую славу воровскаго притона и мѣста дикаго разгула и разврата; содержатель двора былъ Филимонъ, покончившій свои похожденія, какъ говорятъ, въ сибирскихъ тундрахъ, по судебному приговору.

Въ Сокольницкомъ монастырѣ почивали Св. братья Алфаковы, бывшіе по преданію посадниками Новгородскими; мощи ихъ перенесены, по упраздненіи этого монастыря, въ Антоніевъ.

Въ большую воду Сокольья гора вся не заливается, но самая высокая площадка настолько незначительна, что удобна для одного только небольшого двора, потому ни на ней, ни на другихъ такихъ же пригоркахъ по всему пространству между валомъ и названными холмами, нѣтъ поселковъ.

Вызванныя Коломецкою находкою изысканія указали, что почти всѣ пригородные холмы были въ древности заселены болѣе или менѣе густо.— На Сокольей горкѣ копаны пробныя ямы въ трехъ мѣстахъ до глубины свыше двухъ съ половиною аршинъ; въ одной изъ нихъ, съ восточной стороны, на склонѣ, наблюдается треворженный слой обломковъ береговой раковины, unio lateralis. Спуститься на большую глубину неудалось; лѣто было мокрое, почвенная вода нажимала съ такою силою, что отвѣсныя стѣнки ямы оползами. Возможно, что слой раковины лежитъ здѣсь на той глубинѣ, до которой копали ровъ для основанія церкви или иного зданія, и выкидывали землю подъ откосъ, гдѣ заложены были наши пробныя ямы, обнаружившія слѣды его; дальнѣйшихъ изысканій произвести еще не довелось. Присутствіе обломковъ раковины въ черной землѣ на значительной глубинѣ отъ дневной поверхности, слежавшихся слоями или кучами, встрѣчается на мѣстахъ обиталищъ людей каменнаго вѣка, если тутъ, вмѣстѣ съ раковиною, попадаются и подѣлки человѣка. Наблюденія путешественниковъ надъ образомъ жизни бродячихъ обитателей прибрежій рѣкъ, озеръ и океановъ Америки, Австраліи и Африки, удостовѣряютъ, что эти дикія и полудикія племена питаются береговыми моллюсками, и накидываютъ значительныя кучи раковинъ, представляющіяся холмами. Такія кучи найдены и

въ Европѣ, сперва въ Даніи, а затѣмъ въ Швеціи и Норвегіи, лежащими на поверхности суши близъ морскихъ береговъ. Впослѣдствіи наблюдались небольшія скопленія раковинъ въ пещерахъ западной Европы и у насъ, въ Поднѣпровьи, въ Кіевскихъ пещерахъ, въ Крыму, на холмахъ по Окѣ, между Муромомъ и Рязанью и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ разъ оказалась кучка обломковъ рѣчныхъ раковинъ въ одномъ изъ погребальныхъ кургановъ, у деревни Гамарни. Вездѣ съ обломками раковинъ находили и подѣлки человѣка изъ камня или изъ кости. Сближая образъ жизни первонасельниковъ Европы и современныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, изслѣдователи каменнаго вѣка заключаютъ, что и Европеецъ нѣкогда питался слизняками и всякими удобособираемыми мягкотѣлыми. Коломецкая находка дала нѣсколько поводовъ видѣть въ кучахъ раковинныхъ обломковъ иную причину огромнаго скопленія ихъ въ жиломъ слоѣ первонасельниковъ нашего побережья. Раковины имѣютъ строеніе известковое, известка до сихъ поръ служитъ необходимымъ средствомъ для выдѣлки звѣриныхъ шкуръ; наши предки извѣстны съ перволѣтописныхъ временъ за искусныхъ производителей скоры, т. е. обработанныхъ для платья мѣховъ и шкуръ. Коломецкія кучи раковинъ, по этому, объясняются какъ слѣды усиленнаго производства скоры.

Каковы-бы нибыли причины скопленія хотя и незначительныхъ кучъ раковинъ на Сокольей горѣ,—во всякомъ случаѣ примѣченные слѣды ихъ представляются нѣкоторымъ подтвержденіемъ мнѣнія духовныхъ посателей о сооруженіи новокрещенными предками нашими церквей и монастырей на мѣстѣ погребенія и жилищъ ихъ языческихъ родичей. По этому и въ виду возможности въ недалекомъ будущемъ совершеннаго забвенія Сокольной горы,—подъ современнымъ именемъ которой,—Филимошки,—и теперь уже она скрывается отъ изслѣдователя,—было-бы желательно охраненіе ея. Выкапываніе остатковъ старины для новыхъ построекъ производится и здѣсь также безпрепятственно, какъ и на Лядкѣ, такъ что предположенное для той мѣстности средство охраны вполнѣ примѣнимо и къ Сокольей горѣ, какъ временная мѣра, до изысканія другой, более надежной.

Колонъ.

На лѣвомъ же берегу Жилотуга, недалѣе ста саженъ отъ Сокольей горы, саженяхъ въ пятидесяти отъ Рождественскаго кладбища, на полдень, и саженяхъ въ двадцати отъ берега (разстоянія приводятся на глазъ) вытянулся, съ полдня на полночь, продолговатый холмъ, не заливаемый вешнимъ подъемомъ воды. Названія онъ не имѣетъ ни какого, кромѣ горушки.

Въ Новгородской лѣтописи, уже упомянутой выше, открытой Татищевымъ и напечатанной во 2-й части Продолженія Древней Русской Вивліофики Новиковымъ, этимъ замѣчательно строгимъ издателемъ письменныхъ памятниковъ древности, не допускавшимъ никакихъ исправленій подлинника

даже въ отдѣльныхъ буквахъ,—значится слѣдующая отмѣтка подъ 1203 годомъ, послѣ описанія бѣдствія голода, вызвавшаго смертность, и учрежденіе скудельницъ,—такъ назывались вообще мѣста погребенія во время мора,—у двѣнадцами Апостоловъ и на Чюдинцевѣ улицѣ:—„а другую (т. е. уже третью) поставиша на Колонѣ за святымъ Рождествомъ“ (стр. 498). Въ пергаментномъ подлинникѣ древнѣйшаго списка Новгородской лѣтописи (онъ изданъ свѣтопечатно), принятомъ Археографическою коммиссіею за основной при изданіи первой нашей лѣтописи, написано вмѣсто „на Колонѣ“—на Колѣни,—также и въ печатной первой, но здѣсь *к* поставлено большое. Въ многочисленныхъ выноскахъ подъ страницами первой и другихъ лѣтописей приведены слова и буквы всѣхъ списковъ, съ которыми сличался пергаментный и которыя въ этихъ послѣднихъ неодинаковы съ основнымъ,—выноски же „на Колонѣ“ нѣтъ. Очевидно Археографическая коммиссія объяснила эту разницу ошибкою писца,—пріемъ обыкновенный и легкій для истолкованія словъ маловразумительныхъ.

По поводу открытій на Коломцахъ сдѣланы изысканія о словѣ „Коломцы“, приведенныя въ книгѣ, уже два раза упомянутой (на стр. 14—19; 240—243), и до настоящаго времени дополняемыя новыми свѣдѣніями. Тамъ указано, между прочимъ, что въ греческомъ языкѣ κολώνη—означаетъ погребальный холмъ, и, что въ Кіевскомъ уѣздѣ есть село Колонщина, близъ котораго расположено шесть древнихъ могилъ,—и седьмая въ самомъ селѣ; на этой послѣдней издавна стоитъ приходская православная церковь во имя Іоанна Богослова, основанная въ 1778 г. на мѣстѣ древней, бывшей потомъ уніатскою, которая значится въ описи 1746 г. о трехъ верхахъ „зтремя верхами“. (Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи Похилевича. Кіевъ, 1864 г. стр. 80). Троеверхими были всѣ древнѣйшія большія церкви Новгородскія,—Софія, Знаменье, Покровъ у Дьячего двора, Юрьевская и Антоновская; послѣднія двѣ сохранились троеглавыми и до настоящаго времени, а первыя три показаны такими на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ.

Уже сказано, что въ греческій языкъ вошло немало словъ первонасельниковъ Европы и что живой и древне-книжный Славяно-Литовскій говоръ признается за родоначальный для всѣхъ Европейскихъ языковъ; слѣдовательно—*колонъ*,—древне-славянское слово, означающее, какъ у грековъ, погребальный холмъ. „Коломище“—соотвѣтствующее нынѣшнему „кладбище“, и самый „холмъ“, небольшое возвышеніе, видимо получили это названіе отъ того-же корня, давшаго множество производныхъ, означающихъ цѣльное, полное, круглое. На основаніи сказаннаго представляется правильнымъ выраженіе „на Колонѣ“ и неудачною поправкою его „на Колѣни“.—Обыкновенно говорятъ, что изъ двухъ сходныхъ лѣтописей та достовѣрнѣе, которая древнѣе. Слѣдуя такому взгляду приходится дать преимущество пергаментному списку, съ чтеніемъ „на Колѣни“, однакожъ въ данномъ случаѣ основательнѣе будетъ принять обратное положеніе, потому, во 1-хъ, что Колѣна за Рождествомъ, то есть за Рождественскимъ кладбищемъ, нѣтъ, а мѣсто для скудельни за нимъ есть,—это продолговатый холмъ, незали-

ваемый весною, какъ и тотъ, на которомъ стоитъ церковь и расположено кладбище; во 2-хъ, переписчику Татищевской лѣтописи, если-бы онъ имѣлъ подлинникъ съ худосохранившимся мѣстомъ въ разбираемыхъ словахъ, проще было-бы написать вполнѣ понятное „на Колѣни", чѣмъ невнятное „на Колонѣ";—между тѣмъ онъ употребилъ второе, конечно потому, что оно въ подлинникѣ стояло ясно; а съ какихъ древнихъ памятухъ списывались обѣ эти лѣтописи, неизвѣстно, хотя несомнѣнно, съ разныхъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отмѣткахъ онѣ несходны и при составленіи первой Новгородской обѣ приняты, какъ одна другую пополняющія; наконецъ въ 3-хъ: при Рождественской церкви былъ съ незапамятныхъ временъ „Божій Домъ", учрежденіе мѣстное, основанное еще въ языческія времена;—сюда доставляли всѣхъ, находимыхъ на улицахъ, на площадяхъ и на берегу мертвецовъ безродныхъ, незнаемыхъ,—какъ въ Парижскій Моргъ;—здѣсь они оставлялись непогребенными нѣкоторое время—для опознанія, а затѣмъ ихъ зарывали въ одномъ, отводимомъ на каждый годъ, мѣстѣ, называвшемся „Божедомокъ",—безъ отпѣванія, по неизвѣстности какую вѣру исповѣдываетъ усопшій. Здѣсь-же зарывали и казненныхъ смертію по судебнымъ—вѣчевымъ и прочимъ приговорамъ. По прошествіи года, или разъ въ годъ, въ четвергъ передъ Троицей, къ Божьему Дому совершался торжественный крестный ходъ со Владыкою, который отправлялъ поминовеніе по всѣмъ здѣсь когда либо погребеннымъ, и отпѣвалъ похороненныхъ на Божедомкѣ послѣдняго года. Этотъ обычай установленъ со II вѣка по Р. Х., какъ уступка языческому празднику мертвыхъ, справлявшемуся въ семикъ, именно въ четвергъ передъ Троицей (болѣе подробно въ книгѣ Бытовые остатки, стр. 139—142). Скудельни, учреждавшіяся по случаю мора, отводились при каждомъ бѣдствіи особыя, что ясно выражено въ лѣтописи; поэтому въ голодный моръ 1230 года ихъ было, какъ мы знаемъ, три: у Двѣнадцами Апостоловъ, на Чудинцевой улицѣ и за Рождествомъ; въ другіе годы никогда уже болѣе эти Скудельни населяемы не были,—тогда какъ Божедомки у Рождества населялись ежегодно; даже въ XVII вѣкѣ тутъ погребены были князья—мученики Долгоруковы, казненные въ Бироновщину.

Итакъ слѣдуетъ принять за правильное чтеніе „на Колонѣ", а не „на Колѣни", котораго нѣтъ, а Колонъ могъ быть—именно тотъ продолговатый холмъ, который лежитъ за Рождественскимъ кладбищемъ. Особенной охраны онъ не требуетъ, не имѣя на поверхности никакихъ остатковъ старины, но за то весь представляется остаткамъ глубокой древности, подлежащимъ сохраненію въ памяти для дальнѣйшихъ о немъ изыскакій и, быть можетъ, раскопокъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи придется сказать объ этомъ Колонѣ еще нѣсколько словъ.

Лисичья гора.

На томъ же берегу Жилотуга, верстъ семь отъ города, и неболѣе какъ въ двадцати пяти саженяхъ отъ рѣки, лежитъ продолговатый плоскій

холмъ, длиною около ста, шириною около тридцати саженъ; на поверхности его такіе же, какъ на Лядкѣ, бугры и ямы. Здѣсь былъ монастырь Лисинскій, на Лисичьѣ горѣ, или на Лисьей горкѣ.—Когда основанъ этотъ монастырь—ясныхъ свидѣтельствъ нѣтъ; вѣроятно въ тѣ же времена какъ и другіе, вышеназванные. Одинъ разъ, по случаю сооруженія въ немъ въ первые годы послѣ основанія, каменной церкви сказано, что она поставлена „на Хрестьцахъ". Въ межевой грамотѣ на земли, отведенныя Господиномъ Великимъ Славенскимъ Концемъ „Святому Вознесенію въ Савину пустыню", основанную вскорѣ послѣ 1417 года,—въ числѣ граничныхъ знаковъ и урочищъ названъ „Крестъ". Савина пустыня—это нынѣшній монастырь Св. Саввы Вишерскаго, верстахъ въ десяти отъ города, на полночь къ востоку.—Рѣка Вишера, на которой Саввинъ монастырь, впала въ Жилотугъ на разстояніи отъ Лисичьей горки нѣсколько больше версты. Границы межевой грамоты даютъ нѣкоторыя указанія на ту мѣстность, которая названа въ лѣтописи „на Хрестьцахъ", такъ что напомнить о нихъ, для изученія окрестностей Новгорода не безполезно, тѣмъ болѣе, что ходитъ мнѣніе, будто эта мѣстность находится тамъ, гдѣ городъ Крестцы. Вотъ какъ онѣ обозначены въ грамотѣ: „Отъ Медвѣжьи головы, отъ ручья возлѣ рѣки, вверхъ по Вѣшерѣ, черезъ Глиницъ, до Кружильскаго ручья; по ручью по Кружильскому вверхъ, въ другую веть ручья, вверхъ; съ верховей ручья влѣво въ мохъ; мхомъ, недошедъ Пасной горки, черезъ Лющикъ прямо въ мохъ, мхомъ къ Сорочинѣ, отъ Сорочинъ черезъ чистый мохъ ко Кресту, отъ Креста черезъ Лющикъ по черную лозу на устье Сусья ручья въ Вишеру рѣку до той-же Медвѣжье головы" Изъ докончальной грамоты, составленной уже по отводѣ земли видно, что въ ней участвовалъ Иванъ Васильевичъ Губаревъ, и что онъ былъ сосѣдъ той Кончанской земли, которая пожалована въ Савину пустыню. (Краткая лѣтопись Саввина монастыря—изданная въ 1806 г. Приложенія). Теперь недалеко отъ Саввина монастыря деревня Губарева.

Саввинъ монастырь владѣетъ въ настоящее время землями по лѣвую сторону рѣки Вишены, принимающей въ себя нѣсколько ручьевъ; есть въ его владѣніяхъ мхи, на востокъ отъ монастыря, въ сосѣдствѣ съ Холынскимъ мхомъ и землями деревни Губаревой. Эта послѣдняя вѣроятно принадлежала въ первой половинѣ XV вѣка Ивану Александровичу Губареву, участвовавшему въ приведенной докончальной грамотѣ. Занимая положеніе близъ устья Вишеры, Саввинъ монастырь имѣлъ продолжительную тяжбу съ Николо-Островскимъ, лежавшимъ на полдень отъ него, на островѣ, охваченномъ съ одной стороны Вишерою, а съ другой Вельею, ея протокомъ, о правѣ на владѣніе землями взаимно соприкосавшимися и граничившими съ принадлежащими Лисицкому монастырю (Истор. Росс. Іерархіи Амвросія). Крестъ, поэтому, былъ на границѣ владѣній Савина и Лисицкаго монастырей и приходился на полночной сторонѣ втораго. Извѣстно, что мимо Лисицина монастыря, съ полночно-западной стороны, шла проѣзжая дорога на Бронницу, до проведенія нынѣшней; она пересѣкала Жилотугъ близъ Хутыни; тутъ еще примѣтны сваи моста. Здѣсь, на этой дорогѣ лежала, вѣроятно на правомъ берегу Жилотуга, Медвѣжья голова. Этимъ именемъ

обозначались передовыя, на пути къ большимъ городамъ, укрѣпленія съ поселками, иногда значительными. Изъ борьбы Новгородцевъ съ нѣмцами, захватившими городъ Юрьевъ и переименовавшими его въ Дерптъ, извѣстно передовое укрѣпленіе его, названное нѣмцами Оденпе, а нашею лѣтописью Медвѣжею головою. Современный „Медвѣдь", селеніе, невдалекѣ отъ котораго бывали кровопролитныя схватки,—Доворецкая, Голинская, Сабельская и другія, въ XIII и XIV вѣка, Новгородцевъ съ „Бжіими Дворянами", какъ называли они Ливонцевъ-Меченосцевъ, и Литовцами, ихъ союзниками,—служилъ, вѣроятно, также передовымъ укрѣпленіемъ по дорогѣ къ Новгороду и Русѣ и назывался въ древности Медвѣжьею Головою. На берегу Ильменя, верстахъ въ семи отъ Юрьева монастыря, существуетъ до сихъ поръ поселокъ Медвѣжья Голова. Глинецъ межевой грамоты, черезъ который шла граница отводимой земли, это ручей или протокъ Жилотуга съ лѣвой стороны. Значитъ земля, отданная Саввину монастырю, переходила за Вишеру и Жилотугъ, такъ какъ Глинецъ протекалъ недалеко отъ восточной стороны городскаго вала, какъ увидимъ въ слѣдующей за этою статьѣ,—что подтверждаетъ высказанное мнѣніе объ урочищѣ съ именемъ „Крестъ".

Наименованіе невысокихъ холмовъ Сокольяго и Лисицкаго горами служитъ доказательствомъ заселенія нашего побережья и всей страны Ильменской съ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, которые выше названы озерными, когда жители низинъ выбирались на ближайшіе холмы. По всей Россіи и во всѣхъ другихъ земляхъ Европы, гдѣ сидѣли славяне, много поселковъ называемыхъ или только горами, вмѣсто нынѣшнихъ деревень и селъ, или горами съ прибавкою имени личнаго, или означающаго какой либо отличительный признакъ,—напримѣръ, Чупрова—гора, Княжа гора; часто въ землѣ Новгородской называются горами и горками такія поселенія, которыя лежатъ на равнинѣ; это очевидно поселенія позднихъ, сравнительно съ озерными, вѣковъ, но тѣхъ, въ которые не были еще выдуманы слова „село и деревня". Въ писцовыхъ книгахъ пятинъ Новгородскихъ много также обозначенія поселковъ: Островами, Наволоками, а въ Заволочьи и въ землѣ Двинской, сверхъ того—озерами, посидѣньями, слѣдами (Срав. Бытовые Остатки, стр. 254). Въ самомъ Новгородѣ существуютъ урочища: Митрополичь Островъ, Островокъ, или Островокъ владычень. Названія эти приданы участкамъ, занятымъ постройками духовныхъ властей сравнительно недавно, въ вѣка лѣтописные,—значитъ наименованіе ими населенныхъ мѣстъ вообще употреблялось долго.

Отмѣтимъ еще одно воспоминаніе о Лисицкомъ монастырѣ. Подъ 1450 годомъ второй Новгородской лѣтописи помѣщены слѣдующія слова: „Въ лѣто 6958 написана бысть сія книга лѣтописецъ на Лисьи Горѣ, повелѣніемъ раба Божія дьякона инока Геронтія". Послѣ этихъ словъ лѣтопись продолжается и доходитъ до 1587 года,—слѣдовательно перу инока Геронтія принадлежитъ первая часть. Обстоятельство это не лишено значенія для изученія расположенія въ Новгородѣ тѣхъ или другихъ урочищъ. Большею частію, если не всегда, выраженіе мѣстныхъ нашихъ сборниковъ „онъ

полъ“ и „та сторона“ въ описаніяхъ пожаровъ и другихъ событій, означаетъ Славенскую половину города, изъ чего слѣдуетъ, что составители сборниковъ жили на половинѣ Неревской и, кажется, больше во Владычнемъ дворѣ; во второй же лѣтописи, составленной на правомъ берегу Волхова, „та сторона“ будетъ обратно, Неревская. Пользуясь этимъ свѣдѣніемъ легко устранить нѣкоторыя немаловажныя ошибки въ мѣстоположеніи, отводимомъ лѣтописнымъ урочищамъ стараго времени третьею Новгородскою лѣтописью, составленною изъ разныхъ сборниковъ, въ томъ числѣ и Геронтьевскаго, въ XVIII вѣкѣ.

Никола въ Плотникахъ.

Подъ 1406 годомъ въ III Новгородской лѣтописи отмѣчено о сооруженіи церкви Св. Николая въ Плотникахъ, въ Никольскомъ концѣ, на Торговой сторонѣ, на полѣ. Подъ этимъ же годомъ въ первой лѣтописи значится сооруженіе церкви Св. Никиты въ Плотницкомъ концѣ. Повидимому первая отмѣтка сомнительна, какъ несогласная съ второю и какъ помѣщенная въ богатомъ ошибками сборникѣ. Однакожъ мѣстное преданіе, обращающееся въ нынѣшней Никольской слободѣ и указывающее на огородѣ одного изъ обывателей ея развалины, подтверждаетъ отмѣтку III лѣтописи, оправдываемую и именемъ слободы, о существованіи въ современныхъ предѣлахъ ея не только церкви, но и при ней монастыря Св. Николая. Вначалѣ XV вѣка дорога къ Твери и Владиміру шла уже на Бронницу, Сытино и городокъ Дѣмань (Писцовая книга Деревской пятины, конца XV вѣка);—для небогатыхъ заѣзжихъ гостей, торговцевъ или богомольцевъ, нуженъ былъ временной пріютъ,—что и вызвало, надобно полагать, учрежденіе монастыря за городомъ, „въ полѣ“. Названіе мѣстности этого монастыря „въ Никольскомъ концѣ“ и въ Плотникахъ требуетъ объясненія.

Съ половины XIII и въ теченіе всего XIV вѣка Новгородъ былъ особенно многолюденъ; пришлось расширить тѣсныя границы за предѣлы древняго вала. Сперва возникли отдѣльные поселки около Людина конца, на западъ, къ нынѣшнему Петровскому кладбищу, и отъ него на полночь; прежде тутъ были гончарные заводы; къ половинѣ XIV вѣка въ народномъ говорѣ затерялся Людинъ конецъ и замѣнился Гончарскимъ или Горончарскимъ; къ концу этого вѣка новый конецъ вытѣснилъ совсѣмъ имя стараго, Людина, а къ половинѣ XV уже и онъ раздѣлился, въ народномъ говорѣ, на двѣ половины, называяся Горончарскимъ—въ предѣлахъ вала и Горончарскимъ загороднымъ—за его предѣлами; тоже повторилось и съ Неревскимъ концомъ, раздѣлившимся даже на три: собственно Неревской, Неревской-Загородный, въ той сторонѣ, гдѣ теперь тюрьма, и Неревской-Петровской, гдѣ Петропавловская церковь у Звѣринскаго монастыря и далѣе, за Гзень, къ Колмову. На Славенской сторонѣ также, съ конца XIV в. образовалось два особыхъ конца въ полночно-восточномъ направленіи отъ вала, получившіе названіе—одинъ Плотенскаго-Антоновскаго, а другой—Плотенскаго-Никольскаго.

На существованіе въ народномъ говорѣ десяти концовъ въ концѣ XIV вѣка, шести на Неревской сторонѣ и четырехъ на Славенской, указываетъ отмѣтка III Новг. лѣтописи подъ 1391 г. о томъ, что послѣ великаго пожара Новгородцы взяли съ полатей Св. Софіи десять тысящъ рублевъ копленія Владыки Алексѣя и раздѣлили на конецъ по тысящи рублевъ и ставиша костры камены по обѣ стороны острога. По IV Новг. лѣт. взято всего въ этомъ же году пять тысячъ, и раздѣлено на пять концовъ по тысячѣ. Но возникающее изъ этого разнорѣчія сомнѣніе о десяти концахъ разрѣшается вообще многими другими показаніями, оставаясь однакожс не устраняемымъ о времени, къ которому именно каждый изъ нихъ образовался и о количествѣ „рублевъ".

Нѣкоторые знатоки Новгородской лѣтописи полагаютъ, что монастырь Никольскій въ Плотникахъ на полѣ есть тотъ самый, который по Росписи церквамъ, сдѣланной въ 1615 г. послѣ Шведскаго разгрома Новгорода и его окрестностей, показанъ на Глинкѣ. Но это невѣрно, на Глинкѣ былъ монастырь Св. Николая, что на Липнѣ, т. е. Николо-Липенскій, каменная церковь котораго существуетъ и теперь. Вѣроятно смѣшиваніе этихъ двухъ монастырей вызвано созвучіемъ ручья Глинецъ, упомянутаго въ предшествующей статьѣ, съ рѣками Большою и Малою Глинками, составляющими рукава Мсты и впадающими въ Волховской плесъ Ильменя ниже главнаго русла ея,—одна противъ Троицы на Паозерьѣ, а другая противъ Юрьевскаго скита, на полверсты выше его.

Пока развалины церкви Св. Николая еще примѣтны слѣдовало-бы оградить ихъ отъ конечнаго разрушенія, путемъ сношенія чрезъ Никольское волостное правленіе съ хозяиномъ огорода, на которомъ онѣ покоятся.

Церковь Образа.

На пространствѣ между кладбищами Славенской стороны Рождественскимъ и Тихвинскимъ, ближе къ послѣднему, саженяхъ въ 50-ти отъ вала, прямо противъ закругленія его съ восточной стороны, замѣтна небольшая развалина. Лѣтъ 15 назадъ на ней стоялъ высокій деревянный крестъ. Это мѣсто церкви Нерукотвореннаго образа.

Въ Новгородѣ было двѣ церкви Образа, одна на Славенской, другая на Неревской сторонѣ, близъ Дѣтинца, о которой уже говорено. Въ пергаментной лѣтописи подъ 1191 годомъ отмѣчено: „Въ тоже лѣто срубиша церковь на Городищи Святаго Николы князь Ярославъ, а Владыка въ дворѣ у себѣ Усрѣтеніе Господне; въ тоже лѣто и святого образа *Нездъ Нездиницъ* и святыя Пятницы на Торговищи Къснятине съ братомъ". По изложенію I Новг. лѣтописи предъ „Нездѣ—Нездиницъ" поставлено „въ";—а по Татищевскому списку слова эти читаются: „Внездѣ Нездылиничь";—въ третьей лѣтописи нѣтъ отмѣтокъ. Затѣмъ послѣдующія обстоятельства, касающіяся церкви Образа, изложены такъ, что по буквальному смыслу ихъ, безъ справокъ, нельзя установить, къ которой изъ двухъ онѣ относятся. Подъ

1378 г. сказано—въ первой лѣтописи: „Свершиша церковь камену святой Образъ на Добрыни улицѣ“,—а въ третьей:—„поставиша церковь каменную святаго Образа Нерукотвореннаго на Торговой сторонѣ, яже близъ града на полѣ, Константинъ съ братомъ, Коровьяковичи“. Въ виду путаницы, свойственной третьей лѣтописи, невѣрность этой ея отмѣтки необходимо уяснить справкою съ другими показаніями; имена Коровьяковичей окажутъ существенную помощь.—Подъ 1196 г. въ первой лѣтописи и въ Татищевскомъ спискѣ отмѣчено:—въ одной:—„заложиста церковь камяну святаго Кюрила въ монастыри въ Нѣлезѣнѣ Късятинъ и Дъмитръ братеника, на Лубяней улици“;—а въ другой, послѣ слова „братеника“- прибавлено: „а мастеръ бяше съ Лубянѣй улицѣ Коровьяковличъ“. Островъ Нѣлезѣнъ вѣроятно Селезневъ, на которомъ нынѣ существующій Кирилловъ монастырь; онъ приходится противъ древней Лубяницы и причислялся къ ней въ порядкѣ управленія. Составитель основнаго сборника третьей лѣтописи, имѣя не исправную памятуху, въ которой была замѣтка о церкви Образа и „Нѣздѣ Нѣздилиничь“, безъ обозначенія года основанія ея, и Добрыниной улицы,—а также свѣдѣніе о церкви Св. Кюрила на „Нѣлезѣнѣ“ принялъ эти невразумительныя для него слова за относящіяся къ одной и той же мѣстности,—тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ отмѣтки второй Новгородской лѣтописи подъ 1493 г. объ обходѣ Геннадіевомъ вокругъ возобновленнаго Дѣтинца, гдѣ точно сказано о церкви Образа Неревской стороны, и не могъ помѣстить содержанія ея въ своемъ сборникѣ. Итакъ отмѣтка 1378 г. относится къ Образовой церкви на Добрыниной улицѣ.

Но приведенное уясненіе не относится до опредѣленія времени первоначальнаго сооруженія Образовой церкви на Неревской и на Славенской сторонѣ, то есть: изъ записи подъ 1191 г. нельзя видѣть, къ которой изъ этихъ церквей она относится. Постараемся подойти ближе къ истинѣ и въ этомъ случаѣ. Лѣтописецъ поставилъ рядомъ въ приведенной отмѣткѣ святую Пятницу на Торговищи (она существуетъ, близъ Ярославовой башни) и святаго Образа „вНѣздѣ“ или „въ Нѣздѣ“—„Нездиницъ“ или „Нездылиничь“.—„Нѣздъ“ или „Нѣзда“ встрѣчается въ нашей лѣтописи, какъ имя бирича;—биричь это должностное лицо одинаковое съ нынѣшнимъ судебнымъ разсыльнымъ;—въ пергаментной лѣтописи сказано подъ 1167 годомъ, что Новгородцы, подозрѣвая измѣну, убили „Захарію посадника, и Неревяна и Нѣзду бирця“; въ Татищевскомъ спискѣ оба слова „Нѣзду бирица“ соединены въ одно „Нездуберича“. Если принять оба слова пергаментной лѣтописи за имя и отчество лица, отмѣтка объ Образовой церкви останется темною,—а если во второмъ „Нездиницъ или Нездылиничь“ видѣть имя личное, подобно употребляемымъ теперь въ народѣ Иванычъ, Митричъ, вмѣсто Петръ Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, и почти всегда встрѣчаемымъ въ такомъ же смыслѣ въ лѣтописи,—тогда въ первомъ можно найти названіе мѣстности, напримѣръ *Въѣздъ*, и читать всю отмѣтку пергаментной лѣтописи такъ: „Въ тоже лѣто срубиши церковь на Городищѣ святого Николы, князь Ярославъ, а Владыка въ дворѣ у себѣ Усрѣтеніе Господне; въ тоже лѣто и святого Образа въ Въѣздѣ Нездилиничь и святыя Пятницы

на Торговище Константинъ съ братомъ. При такомъ чтеніи будетъ ясно, что лѣтописецъ означилъ мѣстности церквей и имена строителей,—послѣднихъ двухъ на Славенской сторонѣ, Образовой во Въѣздѣ въ городъ, или у Въѣзда, а Пятницкой—въ Торгу.

Такому чтенію будетъ вполнѣ соотвѣтствовать надпись на Нерукотворенномъ Образѣ, хранящемся въ Спаскомъ придѣлѣ Молотковской Богородице—Рождественской церкви, что „въ 1679 году былъ построенъ сей святый Образъ въ монастырь ко Всемилостивому Спасу Нерукотворенному Образу, на полѣ, за Никольскими воротами, на Торговой сторонѣ“.

Мы видѣли развалины Никольскаго монастыря; ворота того же имени были, по послѣдне приведенному свидѣтельству, между этимъ монастыремъ и церковью Св. Образа. Въ настоящее время за окраиною восточно-полуденной стороны Никольской слободы лежитъ пустырь, называемый мѣстными обывателями старою дорогою; онъ направляется къ названному закругленію вала. Стало-быть Никольскія ворота XVII вѣка и Въѣздъ въ городъ съ восточной стороны XII вѣка—лежали на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Церковь Нерукотвореннаго Образа разобрана въ 1830 году,—образа и утварь ея поступили въ Молотковскую Богородице-Рождественскую, перенесенъ туда-же и древній каменный крестъ съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа и надписями. Онъ описанъ въ Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1851 г. съ приложеніемъ точнаго рисунка. Въ настоящее время у входа въ Богородице-Рождественскую церковь, на правой сторонѣ у двери, вмазанъ въ стѣну большой каменный крестъ; но онъ несходенъ съ рисункомъ Губернскихъ вѣдомостей и, судя по начертанію надписей, новѣйшаго устройства. Куда дѣвался древній—неизвѣстно.

Для изслѣдованія расположенія сооруженій и вала древняго Новгорода мѣсто Образовой церкви служитъ хорошимъ указаніемъ: обществу надобно озаботиться сохраненіемъ его, пока развалина еще не исчезла; изъ нее, какъ изъ Лядской и изъ остатковъ башенъ и воротъ вала, выбираютъ все, годное на домовыя каменныя подѣлки.

Радоковичи.

Въ 1357 году „Владыка Моисей постави Святую Богородицу въ Радоковичахъ“. (I Новг. Лѣт. 6765). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминается женскій Радоговскій монастырь. Въ росписи 1615 г., составляющей второе приложеніе къ историческимъ разговорамъ о древностяхъ Великаго Новгорода Митрополита Евгенія Болоховитина или Болховитинова,—значится: „монастырь дѣвичъ Радоговицкой, а въ немъ храмъ каменъ Успенье Богородицы, да въ Тратезѣ храмъ древянъ“. Въ 1684 году Радоковицкому дѣвичью монастырю отдано пустое дворовое мѣсто Соловецкаго монастыря на Торговой (Славенской) сторонѣ, на Загородской улицѣ, отъ рѣки Волхова по лѣвой сторонѣ (Дополн. къ Акт. Истор. ч. XI, № 90.

Монастырь этотъ стоялъ за внѣшнимъ валомъ по береговой дорогѣ въ Антоново, миновавъ небольшую каменную древнюю церковь Іоанна Богослова; она принадлежала также женскому монастырю, основанному Св. Моисеемъ въ 1354 году на рѣкѣ Виткѣ, совсѣмъ осыхающей къ началу лѣта. Пространство между этими женскими монастырями не превышало пятидесяти саженъ. Бугры отъ развалинъ Радоковичскаго монастыря еще видны. Онъ существовалъ послѣ 1764 года; упраздненъ въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Изложивъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остаткахъ памятниковъ церковной старины въ ближайшихъ окрестностяхъ Славенской стороны Новгорода, отмѣтимъ хотя въ самомъ сжатомъ видѣ такіе же остатки въ окрестностяхъ той-же стороны болѣе удаленныхъ, насколько они доступны и удобоопредѣлимы.

Дубенка.

Верстахъ въ пяти отъ города и не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ Сковородки, прямо на полдень, лежитъ продолговатый холмъ, въ длину сто съ небольшимъ, а въ ширину до шестидесяти саженъ;—это Дубенка. Расположенный на равнинѣ, простирающейся отъ холмовъ Городищенскаго и Нередицкаго на полдень до Сковородско-слободскаго и Липенскаго на западъ, и стелющейся отъ этихъ холмовъ вплодь до береговъ Вохлова, Мсты и Волховскаго плеса Ильменя, холмъ Дубенскій представляется островомъ во время разлива; равнина, его окружающая, вся заливается, а затѣмъ, по спадѣ весеннихъ водъ, перекрещивается въ разныхъ направленіяхъ десятками рѣчекъ, ручьевъ, озерокъ и болотинъ, такъ что ей вполнѣ будетъ соотвѣтствовать названіе пріозерной долины. Ручьи и рѣчки текутъ большею частью въ Волховъ справа, на береговомъ его пространствѣ, противолежащемъ Троицѣ на Паозерьи, Ракомѣ, Скиту, Юрьевской слободѣ и Юрьеву,—а это говоритъ, что равнина имѣетъ незамѣтный для глаза слабый подъемъ на востокъ къ полночи; по множеству ручьевъ и рѣчекъ ее избороздившихъ, не безосновательно признавать эту равнину за дно Ильменя, нѣкогда ее покрывавшаго особымъ плесомъ.

На Дубенкѣ былъ монастырь Шиловскій, иначе Шиловъ и Щиловъ. Объ основаніи его есть преданіе, къ нашему времени уже замирающее; оно, какъ и большая часть преданій, обращается, или правильнѣе обращалось, въ народѣ съ оттѣнками сказочными, приблизительно въ такомъ видѣ:—Въ блестящее время торговой и роскошной жизни въ Новгородѣ, зародились лиходѣи-ростовщики; въ числѣ ихъ былъ одинъ, по имени Щилъ, имѣвшій сына; онъ не былъ похожъ на нынѣшнихъ алчныхъ ростовщиковъ, но все-таки скопилъ несмѣтное богатство. Вспоминая горе и слезы должниковъ своихъ, впавшихъ въ нищету изъ-за роскоши, которую онъ поддерживалъ, давая распутникамъ въ займы свое золото, пока видѣлъ возможность наживы изъ имѣнія ихъ,—Щилъ, подъ старость, возъимѣлъ

желаніе отмолить грѣхи прошлаго и задумалъ построить каменную церковь Покрова и учредить при ней монастырь; исполнить задуманное ему было легко при огромномъ богатствѣ. Противъ ростовщиковъ выступали съ сильными обличеніями святители Новгородскіе и духовенство. Какъ человѣкъ сообразительный, Щилъ дѣлалъ свое худое дѣло настолько умѣло и осторожно, что сосѣди ничего не знали объ источникахъ его богатства; не зналъ объ этомъ и Владыка, давшій разрѣшеніе на сооруженіе монастыря и церкви. Когда церковь была готова, Щилъ пригласилъ Архіепископа освятить ее. Послѣ торжественнаго обряда ростовщикъ покаялся Владыкѣ, объяснивъ, какимъ путемъ онъ нажилъ богатство; Владыка разгнѣвался; но видя искреннее раскаяніе ростовщика, назначилъ ему, для искупленія грѣховъ, уединеніе схимника;—иди, сказалъ онъ Щилу, и вели въ стѣнѣ твоей церкви сдѣлать гробъ, надѣнь саванъ и лягъ въ гробъ; пусть будетъ надъ тобою отпѣта панихида и совершится обрядъ погребенія, и да будетъ надъ тобою воля Божія. Кающійся грѣшникъ исполнилъ повелѣніе святителя точно; когда начали его отпѣвать, гробъ провалился въ преисподнюю, а надъ мѣстомъ его образовалась пропасть. Узнавъ объ этомъ Архіерей велѣлъ написать на церковной стѣнѣ Щила въ гробу, среди ада, а церковь запечатать и никого въ нее не пускать. Сынъ горько плакалъ объ отцѣ и о грѣхахъ его, раздавая щедрую милостыню. Владыка, видя такое раскаяніе и добродѣтель сына ростовщика, посовѣтовалъ ему, для спасенія души отца отъ мукъ ада, поститься и молиться сорокъ дней, въ сорока церквахъ отслужить по сорока панихидъ и кормить въ теченіи этого времени бѣдняковъ. Все это сынъ Щила исполнилъ. Тогда Архіепископъ приказалъ осмотрѣть настѣнное изображеніе въ Покровской церкви; оказалось, что голова грѣшника вышла изъ ада. Сталъ сынъ Щиловъ снова и еще усерднѣе отбывать сорокоусты и все прочее; по прошествіи вторыхъ сорока дней ростовщикъ представился посланцамъ Владыки выдвинувшимся изъ ада по поясъ,—и черезъ сорокъ такихъ же дней еще—совсѣмъ вышедшимъ изъ мѣста мученій. Спустя еще нѣкоторое время церковь открыли для богослуженія. На стѣнѣ осталось изображеніе въ такомъ видѣ, какъ оно было написано по повелѣнію Владыки, а въ стѣнѣ оказался гробъ Щиловъ; пропасть исчезла.

Доискиваться основаній того или другаго преданія вообще трудно; въ описанномъ же оно ясно: Щилъ поселился въ своемъ монастырѣ; скорбя о грѣхахъ, принялъ великое постриженіе, схиму, и въ назиданіе потомству приказалъ самъ написать на стѣнѣ изображеніе ада и самого себя, въ гробѣ, по среди его. По обычаю, бытовавшему въ Новгородской землѣ, и оставившему безспорное отраженіе въ стѣнахъ нѣкоторыхъ городскихъ церквей, его, какъ храмоздателя, похоронили въ стѣнѣ. Монастырь на Дубенкѣ вѣроятно долго пустовалъ послѣ его сооруженія; лиходѣи-ростовщики, отъ которыхъ страдали горожане, и настѣнное изображеніе дали пищу сказкѣ, передававшейся время отъ времени съ изобрѣтаемыми разсказчиками подробностями и прикрасами.

Въ пергаментномъ спискѣ Новгородской лѣтописи подъ 1310 г. отмѣчено: „Поставиша церковь камену на Дубенкѣ, Покровъ Святыя Богородици, стяжанiемъ раба Божiя Олонiя мниха"; въ спискѣ Татищевскомъ, подъ тѣмъ же годомъ къ этимъ словамъ,—послѣ Олонiя мниха,—прибавлено: „Нарицаемаго Шкила, и бысь монастырь, христiаномъ прибѣжище",—во второй Новгородской—слово въ слово тоже, что въ Татищевскомъ спискѣ, но вмѣсто Шкила—поставлено „Шила". Въ 1528 г. Въ Шиловѣ монастырѣ учреждено, какъ и во многихъ другихъ, общежитiе;—въ росписи 1615 г. онъ упомянутъ въ числѣ существовавшемъ. Упраздненъ послѣ 1764 г., когда преобразованы всѣ вообще монастыри.

Коломцы, открывшiе остатки поселенія Ледниковыхъ временъ каменнаго вѣка, лежатъ не дальше версты отъ Дубенки; съ вѣроятностiю можно предположить, что на этомъ холмѣ завелось поселенiе, если и не съ тѣхъже временъ, какъ на Коломцахъ,—во всякомъ случаѣ съ незапамятной древности. Церковь въ 1310 г. была уже каменная. На пустырѣ не было надобности вообще въ церкви, тѣмъ болѣе, что не далеко отъ Дубенки и въ томъ же году на Коломцахъ была поставлена тоже каменная церковь, а на Липнѣ была каменная церковь и, вѣроятно монастырь, какъ прiютъ для водоплавателей, съ 1292 года; если же церковь поставлена, да еще каменная,—стало-быть она замѣнила прежнюю, деревянную, обветшавшую, которая сооружена первоначально на мѣстѣ поселенiя языческихъ предковъ ихъ новокрещенными потомками.

Развалины Шилова монастыря еще замѣтны; имя же его забыто даже ближайшими сосѣдями, владѣющими окрестными заливными лугами. Въ виду значительно возрастающихъ успѣховъ изученiя отечественной старины вѣковъ забытыхъ и близости Дубенки отъ Коломцовъ, особеннаго вниманiя къ которымъ можно ожидать со стороны не только русскихъ, но и западныхъ народовѣдовъ, и археологовъ, и теперь уже слѣдящихъ за раскопками на нихъ и изысканiями по поводу открываемыхъ тамъ данныхъ, Обществу нужно принять мѣры противъ поврежденiя развалинъ монастыря и всей Дубенки вообще.

Коломцы.

Пустынная мѣстность при истокѣ Волхова изъ полночнаго плеса озера Ильменя, на правомъ берегу, гдѣ впала въ Волховъ небольшая рѣчка, называемая Малою Глинкою, называется „Коломцы". Заливаемая каждую весну площадь этого урочища извѣстна была только охотникамъ, станующимъ на ней, да нѣкоторымъ крестьянамъ, имѣющимъ по сосѣдству покосы. Она вся составляетъ частную собственность вдовы купца Анны Алексѣевны Багровой, изъ рода старинныхъ Холынскихъ землевладѣльцевъ Калининыхъ. Лѣтъ десять назадъ часть Коломецкой площади оспаривали Самокражскiе крестьяне; но судебнымъ рѣшенiемъ споръ ихъ отвергнутъ.

Въ 1888 году открыты на Коломцахъ несомнѣнные слѣды обширнаго поселенія ледниковыхъ вѣковъ. Къ этому открытію мы обратимся въ отдѣлѣ настоящей записки о бытовыхъ остаткахъ Ильменской страны,—здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ объ остаткахъ церковной древности.

Въ 1310 году „постави церковь камену на Коломцахъ Архимандритъ Кюрилъ Успеніе Святыя Богородица“ (I Новг. Лѣт. годъ 6718, стр. 69); въ 1324 г. преемникъ Кюрила, Архимандритъ Моисей—„вышелъ бяше по своей воли къ Святой Богородици на Коломци“ (тамъ же, годъ 6832 стр. 73). Слѣдовательно имъ учрежденъ былъ на Коломцахъ монастырь.—Внизъ по Волхову, верстахъ въ двухъ съ небольшимъ есть мѣстность Колмово; тамъ тоже Успенская церковь. Въ лѣтописяхъ обѣ эти мѣстности смѣшиваются; такъ напримѣръ: подъ 1417 годомъ отмѣчено о совершеніи каменной церкви на Колмовѣ; подъ 1421 г. записано о снесеніи высокимъ подъемомъ весенней воды церкви Святой Троицы „съ Коломцовъ“; въ 1523 году поставили каменную Троицкую церковь на Коломцѣ,—а въ 1530 такую-же въ Колмовѣ; въ 1533 г. освятили Троицкую церковь на Колмовѣ,—а въ 1544—„обложили“, т. е. основали „церковь-трапезу на Коломцахъ у Живоначальныя Троицы“. Но какъ-бы тамъ ни было—на Коломцахъ существовалъ монастырь съ двумя церквами, Успенскою и Троицкою. Въ одной грамотѣ, касающейся рыбной ловли по Ильменю и Волхову значится: „тоню тянуть подъ Троицкимъ монастыремъ, что на Коломцѣ“ (Ак. Арх. Эксп. ч. I № 265 стр. 301). Ни въ росписи 1615 г., ни въ бумагахъ и актахъ о монастырскихъ штатахъ 1764 г. Коломецкій монастырь не названъ.

Положеніе этого монастыря было, судя по скопленію обломковъ кирпича, отъ устья Малой Глинки, внизъ по Волхову, саженяхъ въ 250, при лѣтнемъ среднемъ стояніи воды въ Ильменѣ.

Изложивъ свѣдѣнія о замѣтныхъ еще на поверхности земли остаткахъ памятниковъ церковной старины въ окрестностяхъ Новгорода съ Славенской стороны, перейдемъ на другую, Неревскую.

Окрестности Неревской стороны.

Около Неревской стороны, какъ заселенной значительно позднѣе Славенской, весьма мало, сравнительно съ этою стороною, не только остатковъ отъ древнихъ памятниковъ старины церковной, но даже и самыхъ памятниковъ; какъ остатки, такъ и уцѣлѣвшіе памятники не восходятъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые сооружены на высокихъ холмахъ, не только за предѣлы лѣтописи, но и къ первымъ вѣкамъ ея; къ тому же онѣ и отстоятъ отъ города не на такомъ дальнемъ, какъ отъ стороны Славенской, разстояніи. Причина этому, кромѣ зависимости отъ поздняго заселенія, заключается въ условіяхъ естественныхъ. Почти непосредственно за склонами Неревской возвышенности на полночь и на западъ разстилаются, не считая береговъ Волхова, сплошные низменности, на протяженіи отъ города—къ

западу отъ 25 до 50, а къ полночи отъ 50 до 80 верстъ, покрытыя либо торфяниками и лѣсами, либо болотами, съ рѣдкимъ лѣсомъ и мхами безъ лѣса, еще зыбкими. Такого качества мѣстность, неудобная для селитьбы, представляла въ старину притонъ для недобрыхъ людей и удобства для внезапныхъ нападеній на городъ большими ордами, что было, напримѣръ въ первой половинѣ XI вѣка,—князя Брячислава, во второй половинѣ того же вѣка при двукратныхъ набѣгахъ князя Всеслава Брячиславовича Полоцкаго, въ XII вѣкѣ—при осадѣ Суздальцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ, въ XIV вѣкѣ князя Дмитрія Ивановича Донскаго—не дошедшаго, впрочемъ до самаго города,—въ XV вѣкѣ князя Ивана III, наконецъ въ 1611 году при Шведскомъ разгромѣ. Тройной рядъ укрѣпленій Неревской стороны, возведенныхъ, по всѣмъ признакамъ, съ долѣтописныхъ вѣковъ и постоянное усиленіе ихъ до начала XVIII столѣтія при Петрѣ Великомъ, вызваны именно возможностью и ожиданіемъ внезапныхъ нападеній непріятельскихъ дружинъ. Самое заселеніе Неревской стороны обязано опасенію Славянъ, получившихъ между племенами сосѣдними извѣстность своимъ богатствомъ, за сокровища, такъ что возведеніе на Неревской сторонѣ новой городьбы, вмѣсто прежней, сооруженной на Славенской, могло имѣть значеніе передоваго укрѣпленія, для защиты поселенія противоположнаго берега Волхова, Славна или Славенска I вѣка по Р. Х. Свидѣтельство именно такого назначенія новой городьбы слышится въ наименованіи одной улицы Людгощей и одного конца Людинымъ, а также въ замѣткѣ Супраельской рукописи, что Всеславъ Полоцкій взялъ лѣвую сторону Новгорода „до окрома Неревскаго"; — то есть до того укрѣпленія, которымъ обведенъ былъ Неревской конецъ.

Людинами назывались дружинники, военные люди; въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ выраженіе Начальной русской лѣтописи (Лаврентьевскаго и другихъ списковъ): „Отъ тѣхъ—треѯъ братьевъ—(Рюрика, Синеуса и Трувора) прозвся Руская земля Ноугородьци; *ти суть людье Ноугородьци* отъ рода Варяжска, *прежебо бѣша Словени*"; то есть прежде прибытія наемнаго войска изъ Руси (съ побережій Ловати, Полисти и Шелони), земля Ильменская и войско Новгородское, люди, назывались Словенами,— а съ прибытіемъ этихъ наемныхъ дружинъ онѣ, дружины, стали называться уже не Новгородцами, а Русью. Сперва Людинамъ, какъ пришельцамъ, гостямъ, назначено было для жительства пространство къ западо-полночи отъ новой городьбы, получившее названіе „Людгощи" или Людгощей улицы; а впослѣдствіи, когда около этихъ Людиновъ поселилось много и не Людиновъ, а разныхъ ремесленниковъ, нужныхъ для нихъ (это, повидимому, загадочные смерды), и когда, по возраставшимъ условіямъ благосостоянія во внутреннемъ бытѣ страны Ильменской, понадобилось увеличеніе численности дружинъ—Людиновъ, для поселковъ ихъ отвели площадь на западъ къ полдню отъ новой городьбы, гдѣ теперь слобода Троицкая и Воскресенская. На мѣстѣ прежняго сидѣнья Людиновъ образовался конецъ Загородской, и на мѣстѣ новаго-Людинъ (срав. Бытовые остатки стр. 200).

Когда Новгородъ усилился, благодаря обширности сношеній съ западомъ Европы, увеличилась и безопасность отъ внезапныхъ нападеній; съ этой-

же поры начали устанавливаться торговые пути не водою только, какъ бывало раньше, а и горою, т. е. сушею, съ поселками, хотя и рѣдкими, для отдыха проѣзжающихъ гостей,—таковы, напримѣръ: Видо-гощъ, Середо-гощъ, Веле-гощъ, Ю-гощъ, или Югостцы,—по пути къ Новгороду;—Под-гощи, Гостцы и др.—по направленію къ Русѣ. Какъ около Славенской стороны, такъ и здѣсь, около Неревской, время отъ времени стали возни-кать заѣзжіе дома, или гостинницы и необходимые по духу того времени монастыри. Съ паденіемъ торговли запустѣли и исчезли поселки и мона-стыри, оставившіе лишъ память о своемъ существованіи въ записяхъ, но ни развалинъ, ни преданій о мѣстахъ, гдѣ стояли многіе изъ нихъ, вовое не сохранилось. Это объясняется недолговѣчностью монастырей и ютившихся около нихъ поселковъ,—какъ скоро образовавшихся для выгодъ торговыхъ, такъ же скоро и уничтожавшихся вслѣдъ за исчезновеніемъ причинъ, осно-ваніе ихъ вызвавшихъ. Тоже случилось и съ обширными поселеніями, образовавшимся за валомъ Неревской стороны (новые, выше названные концы) и возведенными тамъ церквами.

Все это говорится о заселеніи низменностей подъ западно-полночнымъ склономъ Неревской возвышенности, но не относится до поселеній побереж-ныхъ вверхъ и внизъ по Волхову и близъ древнихъ береговъ озера Мячина и его плесовъ. Тамъ жизнь шла своимъ чередомъ съ незапамятныхъ вре-менъ, съ присущими всякому древнему поселенію колебаніями благосо-стоянія.

Имѣя въ виду не изложеніе въ настоящемъ очеркѣ пространства древ-няго Новгорода и изслѣдованія его поселковъ и урочищъ, а лишъ указаніе памятниковъ старины и остатковъ ихъ, вопіющихъ о сохраненіи на бу-дущее время, ограничимся приведеннымъ бѣглымъ и общимъ обзоромъ и перейдемъ къ указанію на остатки отъ памятниковъ старины церковной близъ вала Неревской стороны.

Лазаревскій холмъ.

Между полночно-восточною стороною вала и Звѣринскимъ монастыремъ стоитъ церковь Праведнаго Лазаря, совсѣмъ новая, построенная лѣтъ 30 назадъ на мѣстѣ древней, рисунокъ которой, къ счастію, хранится въ исто-рическомъ музеѣ въ Москвѣ; остаткомъ памятника церковной старины и пред-ставляется этотъ рисунокъ, а никакъ не нынѣшняя церковь. Получить съ рисунка точный снимокъ и хранить его для изысканій о Новгород-скихъ храмахъ, сооруженныхъ въ древности, не только желательно, но и весьма важно, такъ какъ выше объясненное усердіе „любящихъ благолѣпіе храмовъ“ безпощадно губитъ первобытную простоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величіе ихъ, отражающіе состояніе духа времени и его вкусовъ.

Прошедшее Лазаревскаго холма доказываетъ справедливость мнѣнія ду-ховныхъ писателей о сооруженіи Новгородцами, принявшими Св. крещеніе, храмовъ и монастырей на могилахъ своихъ языческихъ предковъ. Если

смотрѣть на холмъ съ береговой стороны, или съ востока, онъ представляется большимъ погребальнымъ курганомъ; насыпанъ весь изъ мелкаго песку, залегающаго тутъ же на заливаемой часто весеннею водою низинѣ, стелющейся до самаго Волхова.

Раскопки наши, сдѣланныя на этомъ холмѣ въ 1889 году, обнаружили, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ, близъ церкви, восемъ череповъ, съ нижнею челюстью при каждомъ, поставленныхъ въ рядъ противъ алтаря,— на глубинѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ поверхности. Такое положеніе имъ дано, безъ сомнѣнія, при первоначальномъ сооруженіи храма,—новый поставленъ на древней основѣ, безъ измѣненій ея,— когда, копая ровъ для закладки, наткнулись на древніе костяки; черепа осторожно вынули изъ земли и снова зарыли въ особо приготовленную противъ алтаря яму. Подобный способъ повторяется и теперь не только при сооруженіи храмовъ, но и на частныхъ постройкахъ; черепа собираются въ кучу и хоронятся близъ алтаря, а если они выкапываются не на церковной землѣ, отвозятся къ ближайшей церкви. По степени сохранности костей и по общему очертанію Лазаревскихъ череповъ, они принадлежатъ захороненію глубокой древности, вѣкамъ курганнымъ, опередившимъ на долю крещенія Руси и Новгородцевъ.

Долго не знали, когда сооружена древняя Лазаревская церковь первоначально; но въ 1859 г. нашли въ книгохранилищѣ Московской печатни церковныхъ книгъ двѣ, писанныя на пергаментѣ, книги Минеи мѣсячной, на Октябрь и Ноябрь; на обѣихъ были помѣты, что онѣ писаны нѣкіимъ Григоріемъ для Новгородскаго Лазарева женскаго монастыря, одна въ 1096 а другая въ 1097 году. (Изв. Акад. Наукъ 1859 г. Ч VI, вып. I, письмо Архимандрита Саввы). Итакъ первоначальное сооруженіе церкви Праведнаго Лазаря на холмѣ, искусственно приготовленномъ для погребенія въ языческія времена,—восходитъ къ первымъ годамъ крещенія Новгородцевъ; а холмъ и эта древняя церковь являются сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія о побужденіяхъ, вызвавшихъ обиліе древнихъ церквей и монастырей въ ближайшихъ къ Славенской сторонѣ Новгорода окрестностяхъ, если неисключительно,—то въ преобладающемъ большинствѣ, на возвышенностяхъ, бывшихъ или первоначальными поселками, или погребальными холмами, курганами и колонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лазаревскій холмъ доказываетъ, по сохранившимся еще въ наружности его признакамъ, что онъ сооруженъ не въ первые курганные вѣка,—иначе онъ оползъ-бы, а въ послѣдніе, что подтверждаетъ предположеніе наше о густомъ заселеніи лѣваго берега Волхова Неревлянами позднѣе, чѣмъ Славлянами праваго, холмы близъ вала котораго, бывшіе вѣроятно также погребальными, осѣли и уплощились.

Синичья гора или Сильнище.

На разстояніи не меньше версты отъ противоположной предъидущему холму, т. е. отъ полуденно-западной, стороны вала высится обширный, не

Bayerische Staatsbibliothek München

похожій на искусственный, холмъ—это Синичья гора или Сильнище; на полдень къ сторонѣ Ильменя онъ какъ-бы обрывается, а на западъ полого спускается въ низину, охватывающую, какъ объяснено, Неревскую сторону съ запада и полночи. На полуденной, нѣсколько къ западу, сторонѣ его просачивается, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, вода съ слабымъ желѣзистымъ налетомъ, что указываетъ на присутствіе внутри холма родника, питаемаго моховою-болотною водою, просачивающеюся до подстилающаго названную низину пласта твердой горной породы; обочины холма красновато-глинисты; на наибольшей высотѣ, къ западу отъ церкви, попадается, на глубинѣ свыше двухъ аршинъ, песокъ, то мелкій охристый, то иногда, на глубинѣ свыше трехъ аршинъ, крупный, съ конопляное семечко, темно-бурый.

Верстахъ въ двухъ отсюда, прямо на западъ, во дворѣ Знаменскаго завода, и верстахъ въ четырехъ на западъ-полночь, въ Григоровѣ, при копаньи колодцевъ, открыто на глубинѣ четырехъ саженъ залеганіе не толстаго пласта голубоватаго и зеленоватаго съ красными жилами плитняка, толщиною до аршина; подъ нимъ и глубже, до 10-ти саженъ, лежатъ глины разной плотности, трехъ цвѣтовъ: желтовато-розоваго, голубоватаго и свѣтло-зеленоватаго, съ прослойками то рыхло-песчаною, вяло-табачнаго цвѣта, то плитною. Изслѣдованіе мховъ и болотъ, лежащихъ за Неревскою стороною, дало на такой-же глубинѣ, до четырехъ саженъ, скопленія хряща и мелкихъ обломковъ плитняка. Все это удостовѣряетъ, что описываемый холмъ естественный, древняго образованія.

По свидѣтельству Софійской Академической лѣтописи, на Синичьей горѣ основана Петропавловская церковь въ 1092 году, значитъ здѣсь, какъ и на прочихъ холмахъ, жили Новгородцы еще язычники. Церковь эта, въ исправленномъ, можетъ быть, видѣ, еще существуетъ. Прошедшее ея, какъ и всѣхъ древнихъ Новгородскихъ церквей, изслѣдовано въ трудахъ Макарія, Красова, С. З. Бураковскаго и другихъ писателей; потому говорить о немъ не будемъ,—всякій можетъ справиться въ названныхъ трудахъ. Но для нашего Общества не маловажны нѣкоторыя письменныя указанія, свидѣтельствующія, хотя и косвенно, объ особенномъ значеніи этой древней церкви, служившей или передовымъ укрѣпленіемъ во время нападеній непріятельскихъ дружинъ на городъ, или сторожевою башнею, въ весьма далекія времена.

Въ упомянутой жалованной грамотѣ Юрьему монастырю князя Мстислава Великаго названа, въ числѣ границъ рели, русская дорога: „отъ Волхова по крестъ, по ручью въ Мячино, по излогу вверхъ Мячиномъ на Горки (Воскресенская слобода, въ древности „Мигра“) да въ болото Дрянъ (оно стелется по прямой между дачею графини Орловой и Благовѣщеніемъ, и отъ этой прямой на полдень къ деревнѣ Расщепу, имѣя влѣво Юрьевъ монастырь съ садомъ, слободу и скитъ, а вправо, отъ Благовѣщенской церкви къ Расщепу же—береговой кряжъ болота) къ Русскому пути; отъ пути на Горки да въ Просгь“. Изъ этого порядка перечисленія живыхъ урочищъ оказывается, что русскій путь лежалъ по кряжистому берегу болота Дрянъ; начался онъ у той части вала Неревской стороны, гдѣ стоитъ

еще Бѣлая Алексѣевская Башня и проходилъ мимо Синичьей горы къ Благовѣщенію. Послѣднее урочище грамоты „Прость"—это рѣчка, выходящая изъ болота Дрянь, заворачивающая нѣсколько къ Ракому и впадающая въ Волховъ сряду за холмомъ, на которомъ древняя Перынь, а теперешній Юрьевскій скитъ. Имя этой рѣчки уже забыто, ее называютъ Ракомкою, но въ путешествіи Озерецковскаго оно сохранено.

Итакъ мимо Синичьей Горы проходила дорога изъ Новгорода на полдень къ западу, называвшаяся въ первой половинѣ XII вѣка Русскимъ путемъ. Впослѣдствіи въ лѣтописи часто встрѣчаются слова „ходилъ въ Русь,—пошли въ Русь",—означающія направленіе изъ Новгорода именно въ ту сторону, гдѣ „Рускій путь" Мстиславовой грамоты и гдѣ современная Русса.

Движенія перволѣтописныхъ державцевъ изъ Новгорода, начиная съ полубаснословныхъ Оскольда и Дира, къ Днѣпру и ниже, на полдень и на западъ, направлялись очевидно этимъ путемъ. Впослѣдствіи, съ конца X и первыхъ годовъ XI вѣка, этимъ-же путемъ нападали на Новгородъ:—въ 977 г. Ярополкъ Святославовичъ, выгнавшій брата своего Владиміра и давшій Новгороду своихъ посадниковъ;—въ 1021 г. Брячиславъ Изяславовичъ, внукъ Рогнѣды, ограбившій нашъ городъ и угнавшій много мужей Новгородскихъ въ плѣнъ въ Полоцкъ; и въ 1065 г. сынъ его Всеславъ—также ограбившій и сжегшій городъ „до крова или окрома Неревскаго", расхитившій церковную утварь и снявшій колокола у Св. Софіи. Такія внезапныя нападенія не могли не вынудить Новгородцевъ къ устройству передовыхъ укрѣпленій и сооруженій сторожевыхъ, въ видѣ высокихъ насыпей въ лѣсу, по берегамъ рѣкъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Послѣдній набѣгъ Всеслава Брячиславовича былъ особенно чувствителенъ; лѣтописецъ горестно повѣствуетъ объ этомъ бѣдствіи; „о велика была бѣда въ часъ тый!". Всеславу полюбилась добыча и онъ набѣжалъ на Новгородъ второй разъ, но уже не съ той стороны, какъ въ первый, а съ противоположной; вѣроятно ему хотѣлось ограбить Неревскій конецъ, чего неудалось раньше, или Новгородцы хорошо укрѣпились на Русскомъ пути. Этотъ набѣгъ 1067 года отвадилъ непокойнаго и злого князя Полоцкаго отъ нападеній на Новгородъ; его встрѣтили у Звѣринца, на такъ называемой Воцкой дорогѣ, по ту сторону Гзени; произошла жестокая схватка,—Половцевъ разбили въ дребезги и самого князя взяли въ плѣнъ; но его скоро отпустили, какъ говоритъ лѣтописецъ, „Бога дѣля". Изъ послѣдующихъ событій видно, что Всеславъ получилъ свободу подъ условіемъ нападеній на державцевъ полуденно-западной Руси, для ослабленія стремленій ихъ къ преобладанію и сосредоточенію могущества страны около Кіева въ ущербъ Ильинско-русской.

Ближайшею и удобнѣйшею для передового укрѣпленія на Русскомъ пути мѣстностью представлялась Синичья гора; здѣсь, въ 1092 г., сооруженъ былъ монастырь съ каменною въ немъ церковью Петра и Павла. (Соф. Акад. лѣт.).

До сихъ поръ эта церковь сохранила древнюю внѣшность и своеобразное устройство: она представляется равностороннимъ четыреугольникомъ,

Bayerische
Staatsbibliothek
München

какъ башня; окна размѣщены на различной высотѣ;—большихъ пять: три на сторонѣ полуденной и два на полуночной, въ восточныхъ полукружіяхъ (абсиды) четыре узкихъ окна,—два въ среднемъ и по одному въ боковыхъ;—много узкихъ оконъ вверху; они теперь заложены; на верху же нѣсколько отдѣльныхъ чулановъ, съ узкимъ окномъ въ каждомъ. Трибунъ, возвышающійся надъ срединою, обширенъ; основаніе его лежитъ на четырехъ столбахъ, что въ срединѣ церкви; теперь въ немъ четыре окна, но прежде было восемъ, другіе четыре заложены,—всѣ узки; трибунъ покрытъ куполомъ, сходнымъ съ опрокинутымъ котломъ.

Мы видимъ въ древнихъ монастыряхъ гостепріимные дома; въ Петропавловскомъ же позволительно усматривать, по нѣкоторымъ описаннымъ признакамъ церкви, остатки древняго передового оборонительнаго укрѣпленія; трибунъ или барабанъ, на которомъ глава,—если открыть заложенныя окна, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать Стрѣльнямъ Дѣтинца; положеніе оконъ—тоже. Вотъ по этимъ то остаткамъ старины и приводится здѣсь изложеніе прошлаго Синичьей горы, хотя вся Петропавловская церковь, какъ существующая и подробно описанная много разъ изслѣдователями, и не относится въ тѣсномъ смыслѣ къ остаткамъ церковной старины.

Русскіе монастыри не разъ служили твердынями, отражавшими непріятельскій натискъ,—таковы—Кирилло - Бѣлозерскій, Спасо-Евѳиміевъ—Суздальскій, Тихвинскій, Колмовской, Троицко-Сергіева Лавра, Соловецкій и другіе. Неудивительно, по этому, что на Синичьей горѣ возникъ монастырь--укрѣпленіе въ раннюю пору русскаго христіанства; не будетъ удивительно и обратное предположеніе, что въ монастырь обращено было передовое укрѣпленіе, возведенное еще въ языческія времена. По тогдашнимъ воззрѣніямъ на иноческую жизнь, отрекшуюся отъ благъ мірскихъ,—Евангельское изрѣченіе: „больши сея любве ни кто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя".—служило ея основаніемъ, что доказали Пересвѣтъ и Ослябя, Протопопъ Аввакумъ и другія священно-иноки воители.

Одно дальнѣйшее, послѣ XI вѣка, лѣтописное извѣстіе служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ сказаннаго, такъ: въ 1138 году, въ тревожное время, наставшее послѣ изгнанія Всеволода Мстиславовича и другого, признаннаго на его мѣсто, князя Святослава Ольговича,—„пополошишася людье (т. е. дружинники), сългаша бо яко Святопълкъ у города съ Плосковици; и высушася весь городъ къ Сильницю, и небы ничто же". (Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Спльницу" сказано Синилищу). Возможно, что съ сторожевой стрѣльни въ барабанѣ Петропавловской церкви замѣтили какую нибудь толпу народа па русскомъ пути и дали знать въ городъ; дружинники всполошились, ожидая нападенія по слуху и говору тревожнаго времени, а за ними и горожане.

Выше упомянуто попутно о значеніи Скандинавскихъ сагъ и Исландскихъ былинъ для уясненія темныхъ мѣстъ нашего далекаго и слишкомъ иногда труднаго для уразумѣнія прошлаго. По поводу укрѣпленій на русскомъ пути заглянемъ въ Эймундову Сагу. Эймундъ—это витязь, прибывшій къ Ярославу въ Гардарикъ съ своими удальцами и жившій тутъ въ

Bayerische Staatsbibliothek München

великолѣпно отдѣланной Гридницѣ. Гардарикомъ Исландскія былины и саги называютъ Новгородъ, иногда же, Шведы и Норвежцы даютъ ему имя Холмгардъ. Въ концѣ шестой и въ седьмой главы Саги, по переводу и объясненію профессора Сенковскаго, разсказывается подробно о нападеніи Бурислейфа (Святополка братоубійцы, называемаго иногда Бурисдавомъ) съ Біармійцами на Ярислейфа (Ярослава Мудраго). Наши бытописатели считаютъ мѣстомъ дѣйствія, т. е. схватки Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ;— но этотъ городъ Саги называютъ „Куни гардъ"; а Эймундъ, на вопросы Ярослава, что предпринять и какъ защищаться, говоритъ, между прочимъ: „Если ты хочешь удержать Гардарикъ за собою, долженъ слушать моихъ совѣтовъ и держаться ихъ" стало быть и разговоръ и ожиданія нападенія Святополка были въ Новгородѣ. Къ этому же Святополкъ, разбитый Ярославомъ гдѣ-то въ Кіевскихъ предѣлахъ на Днѣпрѣ, пропалъ съ мѣста сраженія и убѣжалъ сперва въ Ляхи, а потомъ уже, по Сагѣ, объявился, много времени спустя, въ Біарміи;—страна эта лежала къ Новгороду много ближе, чѣмъ къ Кіеву и добраться изъ нея до земли Ильменской было легче, чѣмъ до Днѣпровской.—Изъ описанія битвы съ Святополкомъ и Біармійцами оказывается, что Эймундъ выкопалъ около внѣшняго городского вала ровъ, прикрывъ снаружи вѣтками деревьевъ и травою такъ, что его нельзя было примѣтить, какъ волчью яму, а въ валу оставилъ только двое воротъ, хорошо укрѣпленныхъ; у однихъ онъ самъ сталъ съ своими дружинниками, а другія сдалъ на защиту Ярославу. По положенію Біарміи на полночь къ востоку отъ Новгорода, Эймундовы ворота приходились у Неревскаго конца, гдѣ, на Гзени, былъ разбитъ впослѣдствіи Всеславъ Полоцкій, и гдѣ въ позднія уже времена пролегала Воцкая дорога („о велика бѣсѣця вожакомъ"! пишетъ современникъ объ этой битвѣ);—такъ какъ тутъ ожидался сильнѣйшій натискъ,—а Ярославовы съ другой стороны, у Людина конца, гдѣ русскій путь.

Приведенныя свидѣтельства и соображенія, ими вызываемыя, выдвигаютъ цѣнность видныхъ еще въ Петропавловской, нынѣшней кладбищенской, церкви, остатковъ первоначальнаго назначенія ея, какъ передового укрѣпленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе подробнаго изученія ихъ.

Древнѣйшія Новгородскія церкви: Ильинская, Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ, Антоновская и самый Софійскій соборъ—имѣютъ всѣ обширные барабаны; около Юрьева была начата высокая крѣпостная стѣна „силою сорокъ саженъ и съ заборалами". Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что всѣ эти храмы разсчитаны и на обращеніе верховъ ихъ въ Стрѣльни и въ сторожевки во время войнъ, а можетъ быть и въ башни набатныя для пожаровъ.

Аркажа.

На западно полночной окраинѣ упомянутаго болота Дрянъ, нѣсколько вправо отъ русскаго пути древности, а отъ нынѣшней дороги въ Юрьевъ

монастырь, раскинута на пригоркѣ, прямо на западъ противъ Благовѣщенской церкви XII вѣка, небольшая деревня Аркажа. Здѣсь, на кряжистомъ берегу болота, представляющагося весною большимъ озеромъ и вѣроятно составлявшаго въ старину часть озера Мячина, съ нимъ сливавшагося или даже бывшаго собственно Мячиномъ,—основанъ былъ въ 1153 году игумномъ Аркадомъ Успенскій монастырь—„отъ Новгорода три поприща". Впослѣдствіи Аркадъ возведенъ въ санъ Епископа, съ 1156 года, и по кончинѣ, въ 1163 г., признанъ Новгородскою церковью святымъ; всероссійская и вселенская церковь неудостоили его того же признанія, такъ что онъ, какъ святой мѣстный, считается только блаженнымъ. Въ древности этотъ монастырь былъ, какъ и многіе изъ окрестныхъ, благоустроенъ,—имѣлъ каменныя церкви: Успенскую—съ 1188 г.;—на воротахъ, неизвѣстно каменную или деревянную,—Симеона Столпника Дивногорца, съ 1206 г.;—каменную Св. Архистратига Михаила—съ 1395 г.;—и каменную же—Чуда въ Хонѣхъ—съ 1407 года. Въ XVI вѣкѣ была тутъ еще церковь Одигитріи—по писцовымъ книгамъ. Послѣ 1764 г. монастырь упраздненъ; въ нынѣшнемъ столѣтіи, лѣтъ 40 назадъ, разобрана послѣдняя Успенская церковь. Теперь остались только развалины и около нихъ дичающій годъ отъ году вишневый монастырскій садъ. Мощи святителя Аркадія почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ.

Лѣтопись не сохранила извѣстій о какомъ либо значеніи монастыря Св. Аркадія въ жизни края, но нѣсколько каменныхъ церквей свидѣтельствуютъ, что онъ пользовался уваженіемъ горожанъ и вообще сосѣдей. Расположенный близъ Русскаго пути монастырь служилъ конечно, какъ и другіе, мѣстомъ пріюта и покоя. Сохранить память о немъ полезно для науки, такъ какъ далеко еще не исчерпанъ весь запасъ письменныхъ свидѣтельствъ стараго времени, даже давно изданныхъ, подобныхъ писцовымъ книгамъ, да есть еще много не только не напечатанныхъ, но даже и неразобранныхъ; какія найдутся тамъ данныя мы не знаемъ,—ожидать же годныхъ для уясненія прошлаго Аркажи и ея значенія въ жизни нашей страны возможно.

Назвавъ развалины и вообще остатки памятниковъ церковной древности окрестностей Новгорода, перечислимъ встрѣчающіяся въ письменныхъ свидѣтельствахъ имена монастырей, тутъ существующихъ и церквей самостоятельныхъ, кромѣ названныхъ:

а) Около Славенской стороны.

Богословскій—на берегу Волхова, сряду за валомъ; теперь еще остается небольшая церковь; Радоковицкій—слѣдовавшій за нимъ по направленію къ Антонову, на рѣчкѣ Виткѣ, почти осохшей; Козьмо-Демьянскій отъ Радоковицкаго на востокъ, къ Тихвинскому кладбищу; Волотовскій—на холмѣ, близъ Жилотуга, за первымъ послѣ города большимъ мостомъ, влѣво на Московской дорогѣ,—церковь осталась; Воскресенскій—гдѣ Тихвинское клад-

бище; Рождественскій — гдѣ кладбище Рождественское; Ковалевъ — нѣсколько дальше Волотова, на холмѣ, вправо отъ той же дороги, — церковь существуетъ; Липецкій — на высокомъ холмѣ, близъ устья Мсты, — церковь осталась; Коломецкій — при истокѣ Волхова, на плесѣ Ильменя, ясныхъ слѣдовъ нѣтъ; Островскій — упомянутъ между Лисицкимъ и Вишерскимъ — слѣды едва замѣтны; Нередицкій — на холмѣ близъ Городища; церковь существуетъ; она знаменита нетронутымъ ни поновителями, ни временемъ настѣннымъ письмомъ XII вѣка; и Воскресенскій на Лютовой горѣ, по Московской дорогѣ.

б) Около Неревской стороны.

Мостищенскій на Веряжѣ, верстахъ въ пяти отъ города по Псковской дорогѣ, осталась церковь; Борисоглѣбскій — за Гренью; Богоявленскій — на Воцкой дорогѣ; Преображенскій — на той-же дорогѣ; Козьмо-Демьянскій — на Гзени въ Кузнецахъ; Ильинскій — въ концѣ Прусскаго заполья; Никольскій — въ Чудинскомъ заполья; Сплавскій — на Ивангородской дорогѣ. Отдѣльно отъ монастырей упоминаются церкви: Апостола Акимы — между Бѣлою башнею и Петровскимъ кладбищемъ; Алексѣя Божія человѣка — на западъ отъ той-же башни, сряду за Копаницею, — около ея мѣста часовня; и Ксеніи — на полночь отъ Петровскаго кладбища.

Перечень этотъ приводится въ тѣхъ видахъ, что быть можетъ кому либо изъ членовъ Общества дадутъ сторожилы-сосѣди перечисленныхъ монастырей указанія болѣе точныя, сравнительно съ приводимыми нами въ разныхъ мѣстахъ этой записки и изложенными въ печатныхъ трудахъ упоминаемыхъ нами изслѣдователей, особенно о мѣстоположеніи, или и о какихъ нибудь осязательныхъ остаткахъ, хотя бы и незначительныхъ развалинъ церквей и монастырей, несуществующихъ давно.

Слѣды памятниковъ церковной древности.

Теперь перейдемъ въ самый городъ и намѣтимъ мѣста, гдѣ существовали монастыри и церкви, по слѣдамъ, оставленнымъ ими въ лѣтописи и въ другихъ источникахъ. За руководителей примемъ: письменныя свидѣтельства, Знаменское изображеніе и чертежи площади построекъ Новгорода, — геодезиста Попова 1756 года, приложенный къ сочиненію Н. Н. Муравьева, и другой Высочайше утвержденный въ 1778 году.

Слѣды памятниковъ церковной древности получатъ наибольшую ясность, если имъ предпослать слѣды же памятниковъ бытовыхъ, особенно крупныхъ, захоронившихся слишковъ глубоко. Они могутъ быть установлены длиннымъ рядомъ наблюденій и притомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ признаковъ, годъ за годомъ сглаживающихся при новыхъ постройкахъ и условіяхъ закона о благоустройствѣ въ городахъ. Намъ приходится наблюдать

Новгородъ и его окрестности болѣе сорока лѣтъ. Въ послѣднее время, лѣтъ около 16-ти, когда въ наше собраніе древностей начали поступать предметы каменнаго вѣка,—вниманіе наше къ площади города и его окрестностей, и особенно къ слоямъ почвы, открываемымъ случайными раскопками, удвоилось. Такимъ образомъ получились данныя, вызывающія наружу глубоко захоронившіеся слѣды бытовыхъ памятниковъ, о которыхъ изрѣдка и невразумительно сказываютъ наши лѣтописцы. Памятники древности церковной и слѣды ихъ отражаютъ въ себѣ условія быта—внѣшняго, гдѣ болѣе безопасно проживаніе человѣка, тамъ болѣе и слѣдовъ его благосостоянія; гдѣ болѣе довольства, тамъ болѣе удобствъ жизни и разнообразнѣе содержаніе ихъ. Поэтому умѣстнымъ будетъ изложить добытыя нашими личными наблюденіями данныя о началѣ и постепенности развитія и роста населенія Великаго Новгорода, а также и его благоустройства прежде, чѣмъ начать указанія на слѣды памятниковъ древности церковной, народившейся уже при высокомъ уровнѣ благосостоянія насельниковъ. Изложеніе данныхъ къ сужденію о слѣдахъ памятниковъ бытовыхъ послужитъ какъ-бы введеніемъ къ изысканіямъ и указаніямъ о слѣдахъ памятниковъ древности церковной на обѣихъ сторонахъ города.

Славенская сторона.

Мы уже упомянули попутно о толщѣ жилого слоя Славенской стороны; здѣсь приведемъ нѣсколько подробностей, полезныхъ для изысканій въ будущемъ,—тѣмъ болѣе, что ими опредѣляется густота населенія.

При буреніи земли во дворѣ дома Г. М. Смѣтанина обнаружены слѣдующія данныя: жилой и вполнѣ однородный слой перегнойной черной земли съ щепою и всякимъ соромъ, лежитъ толщею въ четыре сажени. Подстилаетъ его сизая глина. Въ чашкѣ вытянутаго изъ этой глубины бура оказался кусокъ такого-же какъ и вся толща перегноя съ щепою и углемъ, съ жилами вивіанита темносиняго цвѣта, и съ плотно-приставшимъ къ нему кускомъ-же, сизой глины. При дальнѣйшемъ буреніи, на глубинѣ до трехъ саженъ, вытягивали буромъ, съ синеватою же вязкою глиною, некрупный круглый и угловатый валунъ съ отертыми ребрами разноцвѣтныхъ гранитовъ, сіенита, кварца и діорита—чаще всего, а иногда сланца, то плотнаго, синевато-сѣраго цвѣта, то богатаго содержаніемъ слюды; еще глубже получились глины: синеватая плотная, зеленоватая и кровяно-красная, цвѣта печенки, — далѣе песчаники бѣловато-грязные, лиловато-сѣрые и сѣрые, крупно и мелко-зернистые. Песчаники залегали толщу свыше двадцати саженъ, до самаго конца буренія. Полученная вода имѣетъ солоноватый вкусъ и нѣсколько вяжетъ; при нагрѣваніи даетъ буро-грязную накипь, а потому негодится для стирки бѣлья.

Мѣсто буренія во дворѣ Г. М. Смѣтанина приходится саженяхъ въ пяти отъ Мало-Михайловской улицы, полночной стороны ея. Недалеко отсюда, не доходя Знаменской улицы саженъ на двадцать, копали, во дворѣ Гг.

Саблуковыхъ, лопатою, колодецъ до глубины семи съ половиною саженъ. Здѣсь толща жилого сорнаго перегноя составляетъ мощность почти въ семъ саженъ—и вездѣ однородна, съ щепою и соромъ. Проходя эту глубину, рабочіе встрѣтили, послѣдовательно, три мостовыхъ настилки изъ широкаго пластинника рудовой сосны, въ различныхъ направленіяхъ, указываемыхъ поперечною кладкою; разстояніе между ними не превышало всякій разъ 1—2 аршинъ, или около того; на глубинѣ послѣдняго аршина седьмой сажени жилой слой жидѣетъ,—замѣтна синеватая окраска его; ниже семи саженъ лежитъ синеватая супесь и того же цвѣта глина; тутъ показалась вода; на самомъ днѣ колодца рабочіе нашли вбитыми въ глину три клина сукрсетъ—накрестъ, точно также, какъ и теперь судовщики вбиваютъ въ берега причалы для своихъ судовъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ углубляли русло Ѳедоровскаго ручья. При впаденіи его въ Волховъ въ откосахъ обнаружено было совершенно отчетливо залеганіе: у самаго берега рѣки, надъ толщею землисто-грязнаго наплыва аршина въ два,—свѣтло-синей глины до глубины русла ручья; чѣмъ дальше отъ Волхова, тѣмъ болѣе и болѣе уменьшалась толща этой глины;—саженяхъ въ пятидесяти она непревышала аршина; тутъ она круто опустилась на дно русла клиномъ, а на уклонъ ея налегла обыкновенная въ окрестностяхъ города и во всѣхъ пріильменскихъ низинахъ красноватая кирпичная глина, едва примѣтно опускавшаяся въ направленіи къ Ѳедоровскому мосту и скрывшаяся, не дойдя до моста саженъ двадцати пяти, въ руслѣ ручья. Надъ глинами обоихъ цвѣтовъ лежитъ жилой слой пластомъ отъ двухъ и до пяти, мѣстами, аршинъ.

На Молотковѣ, около церкви „Соборъ Богоматери" съ восточной ея стороны, толща однороднаго жилого слоя, до четырехъ аршинъ, легла непосредственно на мелкій рѣчной, чисто промытый, желтоватый песокъ. Такой-же песокъ залегаетъ подъ полуаршиннымъ пластомъ растительной земли въ равнинѣ около холма Рождественскаго кладбища и Колона.—На Молотковѣ, на Ѳедоровской улицѣ во дворѣ дома В. И. Соколова, обнаружена, по словамъ его, на глубинѣ около двухъ аршинъ, пластинная мостовая настилка.

По набережной Волхова, противъ Дѣтинца, во дворѣ дома П. А. Молева копали ровъ для паровой машины при торговой банѣ. Здѣсь, на глубинѣ свыше шести аршинъ, нашли толстый слой, аршина въ полтора, навоза, нисколько не истлѣвшаго; а подъ нимъ, на глубинѣ до двухъ аршинъ, синеватую глину;—толща до навоза и подъ нимъ—жилой слой.

При копаньи земли между Ѳедоровскимъ ручьемъ нижняго теченья и валомъ, находятъ обыкновенно подъ жилымъ слоемъ такой-же песокъ какъ на Молотковѣ, а подъ нимъ однородную сизую глину.

Изъ указаній толща жилого слоя видно, что Славно, или Славенскій конецъ, заселенъ былъ съ отдаленной древности густо отъ праваго берега Волхова въ гору, въ полночно-восточномъ направленіи преимущественно; менѣе тѣсно было поселеніе въ берегу противъ Дѣтинца, гдѣ теперь баня Молева и другія постройки на право и на лѣво отъ нея.

Рогатица составляла, какъ поселокъ, а не какъ улица въ нынѣшнемъ смыслѣ, предѣлъ Славенскаго конца во времена средне-лѣтописныя, отъ XIII вѣка; въ болѣе раннюю, долѣтописную пору, ея повидимому не существовало; граница Славна лежала тогда на пространствѣ между нынѣшнею Знаменскою и этою Рогатицею, на что указываетъ бывшій въ этомъ мѣстѣ окопъ, или валъ, остатки котораго еще видны въ бугрѣ, вытягивающемся съ полдня на полночь отъ Знаменскаго собора къ опокамъ. По сторонѣ этого бугра-окопа, что къ Волхову, на полдень къ западу, пробѣгала рѣчка, огибавшая Славенскій холмъ съ восточно-полночной стороны,—слѣды ея можно видѣть въ желобинѣ, составляющей продолженіе ручья Трясовца, а по нынѣшнему Тарасовца, выходящаго изъ Жилотуга и впадающаго въ Копаницу, охватывающую валъ, нѣсколько ниже Знаменскаго собора, противъ Филипповской церкви; эта желобина огибаетъ Предтеченскую церковь и склоняется въ берегъ Волхова, примѣрно—гдѣ Буяновская улица. Слѣды желобины едва замѣтны, начиная отъ Знаменской улицы, которую она пересѣкаетъ близъ Московской, во дворахъ домовъ Капеллера, теперь П. И. Дмитревскаго, Комисарова и Бергъ. На береговомъ откосѣ протока, оставившаго описанную желобину, приходится и дворовое мѣсто Гг. Саблуковыхъ, гдѣ найдены на глубинѣ 7½ саженъ причальные клинья. По этимъ, конечно блѣднымъ, слѣдамъ предполагается Славно холмоводнымъ островомъ, на которомъ и завелось первоначальное поселеніе.

Между Рогатицею и Ѳедоровскимъ ручьемъ примѣчается другой валоподобный бугоръ, начинающійся отъ той части внѣшняго вала, которая соотвѣтствуетъ алтарю Спасской церкви, и направляющійся дуговидно къ Рогатицѣ; по пересѣченіи ея еще за Таировскою Богадѣльнею, онъ потянулся чрезъ Славную улицу мимо Дмитровской церкви, оставивъ ее внѣ своей границы, къ устью Ѳедоровскаго ручья. Пространство, заключенное въ этотъ второй окопъ, предполагается древнѣйшимъ Плотенскимъ концемъ; нынѣшній Ѳедоровскій ручей служилъ ему рвомъ.

Площадь же, лежащая за Ѳедоровскимъ ручьемъ, по направленію къ Антонову, Никольской слободѣ и къ кладбищамъ Рождественскому и Тихвинскому,—заселена уже въ предлѣтописныя или перволѣтописныя времена, что указываетъ здѣшняя толща жилого слоя.

Само собою разумѣется, что всѣ эти предположенія, или просто догадки, какъ опирающіяся на небольшое число испытаній толщи жилого слоя, требуютъ провѣрки; указываются же въ видѣ опыта, какъ первые шаги на пути къ изученію глубокой могилы первонасельниковъ Великаго Новгорода, покоящихся уже много-много вѣковъ подъ мощными отложеніями позднѣйшихъ напластованій.

Средина Славенской стороны, собственно Славенскаго конца ея, какъ густо заселенная въ языческія времена, не имѣла до XII вѣка православныхъ храмовъ, они, а впослѣдствіи и монастыри, а также и неправославныя церкви, ютились по окраинамъ. Таковы до христіанскія церкви: Спасская,

описанная выше, Ильинская, Михайловская и Варяжская и три монастыря поздняго времени: Воскресенскій, Павловъ и Арсеніевъ, послѣдній уже XVI вѣка. Въ XII вѣкѣ храмы возникали насчетъ пространства площади Великовѣчья, прилегавшей къ Ярославову Дворищу, Великаго ряда и кое-гдѣ въ срединѣ города этой правой половины.

Дворище.

На Ярославовомъ дворѣ существовали, кромѣ сохранившихся до настоящаго времени, церкви: Георгіевская, Борисоглѣбская, и Св. Отецъ. Гдѣ находилась Георгіевская, не была-ли она придѣльною,—свѣдѣній нѣтъ; отъ нея остался только древнѣйшій изъ всѣхъ, оказавшихся въ Россіи, антиминсъ; послѣдняя же стояла подъ наружнымъ угломъ дома Г. А. Воронова. Когда она основана неизвѣстно; вѣроятно первая была деревянною; въ 1181 г. она сгорѣла; затѣмъ, все еще должно быть деревянная, возобновлялема была въ 1182 и въ 1190 годахъ, наконецъ въ 1308 г., поставлена уже каменная. Въ 1615 г. эта церковь еще существовала. При земляныхъ работахъ между углами дома Г. А. Воронова и ограды Дворищенскихъ церквей, по Ново-Николаевской улицѣ, встрѣчають, между обломками камня, кирпича и плитняка, человѣческія кости. Не извѣстно также и о Борисоглѣбской, Дворищенской, была-ли она самостоятельною, или придѣльною.

При нынѣ существующихъ Дворищенскихъ церквахъ было много придѣловъ, давно уже упраздненныхъ; свѣдѣнія о нихъ, вѣрныя и достаточно подробныя, приведены въ трудахъ: Митрополита Евгенія, Амвросія (Исторія Росс. Іерархіи), Макарія (церковныя древности), Красова, С. З. Бураковскаго и другихъ писателей. Повторять ихъ мы не будемъ. Въ этихъ трудахъ тоже не говорится о придѣлѣ Борисоглѣбскомъ. Но мы причисляемъ къ Дворищенскимъ церковь князей-мучениковъ, потому что о ней упомянуто въ Уставѣ благочестиваго князя Всеволода Мстиславовича, (1117—1137 годовъ), отцомъ котораго основанъ Никольскій соборъ—въ 1113 г.

Торгъ.

Въ перволѣтописныя времена на Славенской сторонѣ было двѣ площади для торговли,—Торгъ и Великій рядъ.

Торгъ мы видѣли; Великій рядъ занималъ пространство: между нынѣшними церквами Успенскою, Георгіевскою и Предтеченскою на опокахъ, такъ называемымъ Гостинодворнымъ зданіемъ, т. е. Дворомъ Ярославовымъ, Путевымъ дворцомъ и берегомъ Волхова; было время, когда Великій рядъ захватывалъ и часть Великаго моста, ближайшую къ правому берегу. Впослѣдствіи, во второй половинѣ XII вѣка, первая площадь потеряла названіе Торга, перешедшее на Великій рядъ, сохранившій вмѣстѣ съ „Торгомъ“ и это имя до конца самобытія и при Московскомъ державствѣ. Лѣто-

писцы однако-же часто называютъ Торгомъ Дворище и Великій рядъ,—ставятъ Дворищенскія церкви въ Торгу, а ближайшія къ Великому ряду—на Дворищѣ; такъ что въ изысканіяхъ о соименныхъ церквахъ приходится иногда встрѣчаться съ непреодолимыми затрудненіями, особенно когда единственнымъ источникомъ представляется третья Новгородская лѣтопись.

Чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не путаться въ мѣстностяхъ, оговоримся напередъ, что подъ Дворищемъ мы будемъ разумѣть площадь, занимаемую церквами: Прокопьевскою, Мироносицкою, Никольскимъ соборомъ и Пятницею;—подъ Великимъ рядомъ—мѣстность церквей: Успенской, Георгіевской и Предтеченской и все пространство лежащее отъ нихъ на западъ—до береговой полосы Волхова; а эту полосу, начиная береговымъ устоемъ Великаго Моста, выдающимся въ глубь рѣки, будемъ называть Побережьемъ, придерживаясь Устава князя Всеволода, называющаго береговыхъ торговцевъ побережанами, и „Подоломъ", встрѣчающимся иногда въ лѣтописи и въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Въ виду смѣшиванія лѣтописью Дворища, Торга и Великаго ряда, можно допустить, какъ вѣроятность, что Борисоглѣбская церковь Всеволодова Устава скрылась подъ указаніемъ ея въ другой изъ смѣшиваемыхъ мѣстностей; была церковь во имя этихъ святыхъ въ Великомъ ряду; о ней мы дадимъ объясненіе въ слѣдующей статьѣ.

Въ Новгородѣ особымъ уваженіемъ пользовались святые мученики Димитрій и страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ; имъ, а преимущественно Борису и Глѣбу, посвящено было въ самомъ городѣ церквей болѣе, чѣмъ Николаю Чудотворцу. Св. Софіи и князьямъ-мученикамъ, составители мѣстныхъ памятухъ приписываютъ всякій разъ успѣхи дружинъ Новгородскихъ; этихъ князей видитъ нѣкто Пелгусій, передъ жестокимъ боемъ Св. Александра Невскаго съ Шведами, плывущими въ насадѣ по Ладожскому озеру рано утромъ въ день Ижорскаго погрома и слышитъ, какъ Св. Борисъ говоритъ Св. Глѣбу: брате, повели скорѣе гребсти, да поможемъ сроднику нашему, Великому князю Александру (Степен. кн. I, стр. 360, годъ 1240). Побужденіемъ къ такому почитанію братьевъ-мучениковъ служила всегдашняя правдивость Новгородцевъ и ихъ честность,—качества, которымъ дивились иноземные купцы изъ нѣмецкихъ странъ, имѣвшіе крупныя дѣла съ нашимъ городомъ уже во времена его богатства и роскоши, подтачивающихъ нравственную непорочность; тѣже качества присущи были имъ и въ первые годы XI вѣка, что отразилось въ сказаніи о Ефремѣ Угринѣ, родномъ братѣ наперсника Борисова Георгія, павшаго отъ руки убійцъ, когда онъ намѣревался закрыть собою князя; чтобы овладѣть тяжелою золотою гривною (это шейный обручь), надѣтою на шею Георгія любившимъ его княземъ, злодѣи отрубили голову у мертваго Георгія и бросили; братъ его, Ефремъ Угринъ, взялъ эту голову и принесъ въ землю Новгородскую, гдѣ, на р. Тверцѣ, захоронилъ ее и основалъ, съ разрѣшенія Новгорода, надъ могилою первую церковь, а затѣмъ и монастырь Борисоглѣбскій. Ефремъ Угринъ съ дорогою своею ношею не остановился ни гдѣ, пока не достигъ предѣловъ Новгородской земли,—потому конечно, что нигдѣ онъ не разсчитывалъ

найти такого-же, какъ здѣсь справедливаго и честнаго отношенія къ заслугѣ Георгія Угрина, положившаго душу за своего господина. Св. князья Борисъ и Глѣбъ пострадали за то, что имъ по праву принадлежало отцовское наслѣдство,—они пали жертвою неправды, противной Новгородцамъ.

Нельзя также не видѣть причины особаго уваженія къ князьямъ—мученикамъ и въ томъ, что смерть ихъ служила для Новгородцевъ важнѣйшимъ предупрежденіемъ послѣдствій прививавшагося въ княжеской Руси удѣльнаго порядка: они видѣли вражду дѣтей Святослава Игоревича, болѣзненно отозвавшуюся на нихъ самихъ въ нападеніяхъ на Новгородъ Ярополка, а затѣмъ, въ наводненіи страны своей иноземными дружинами, призванными Ярославомъ, изъ опасанія отобранія отъ него Новгородскаго княженія сперва отцомъ, а потомъ и Святополкомъ; они вступили съ братоубійцею въ упорную борьбу, кончившуюся торжествомъ побѣдителей и неотчуждаемостью земель страны Ильменской въ пользу наслѣдства князей по удѣльному праву. Борьба съ Святополкомъ надолго укрѣпила земли страны Ильменской за Святою Софіею, этимъ верховнымъ чистымъ разумомъ, владычествовавшимъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, но подвергавшіяся уязвленіямъ въ теченіе перволѣтописныхъ и предлѣтописныхъ временъ со стороны усиливавшихся сосѣдей западныхъ и державцевъ княжеской Руси. Послѣ торжества надъ Святополкомъ Новгородцы ограничивали права князей только охраною предѣловъ страны своей; а принимаемыя на себя за это обязанности опредѣляли точно, не позволяя имъ не только распоряжаться Новгородскими волостями какъ родовымъ достояніемъ въ наслѣдствѣ, но и отбирая къ Святой Софіи и тѣ земельные участки, которые сами князья или приближенные дружинники ихъ покупали у Новгородцевъ въ теченіи времени службы страны Ильменской, когда эти покупщики оставляли землю Новгородскую; во всѣхъ договорахъ, дошедшихъ до насъ, повторяется одно и тоже: „А что селъ княже, на Новгородской земли твоихъ или княгининыхъ, или бояръ твоихъ, тѣхъ селъ тобѣ съступитися; а куны емати на нихъ у истоцевъ своихъ, у кого будетъ кто купилъ; а земля Святой Софіи къ Новугороду“ (Договоръ 1307 г. съ Велик. княз. Михаиломъ Ярославовичемъ, Собр. гр. Румянцева I № 10 и 11. Тоже въ №№ 6, 8, 9 и др. Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ и въ отмѣткахъ подъ 1397 и 1398 годамъ о борьбѣ съ Великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, въ I Новгородской лѣтописи). Такими условіями Новгородъ сберегъ цѣльность Ильменской страны до слiянія съ Московскимъ державствомъ, защищая ее отъ сосѣдей своею кровью и охраняя единодержавіе Вѣчнаго Разума—Святой Софіи отъ своекорыстныхъ поползновеній, а народъ отъ подчиненія перемѣннымъ державцамъ и ихъ дружинникамъ. Не будь братоубійства—Новгороду едвали удалось-бы отстоять неприкосновенность Ильменской страны отъ наплыва дружинъ, растлѣвающее вліяніе которыхъ вызвало избіеніе иноземцевъ-ратниковъ въ Парамоновскомъ дворѣ и жестокое мщеніе за смерть ихъ со стороны Ярослава. Только убіеніе Бориса и Глѣба принудило Ярослава и его наемщиковъ подчиниться—богатымъ серебромъ и полчищами слугъ—Новгородцамъ.

Обиліе храмовъ, посвященныхъ великомученику Димитрію, вызвано, по всей вѣроятности, сходствомъ высоконравственныхъ качествъ его съ непорочностью и мужествомъ любимыхъ сыновей Св. Владиміра.

Великій рядъ.

Въ Торгу у Великаго ряда была упомянута Борисоглѣбская церковь недалеко отъ Пятницкой и Дворища „въ Кожевникахъ“ (Новг. лѣт. годы: 1311, 1494 и 1606); время первоначальнаго основанія ея неизвѣстно. Кожевники — Кожевенный рядъ — встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и купчихъ прошедшаго столѣтія; подъ этимъ названіями извѣстенъ и теперь одинъ изъ рядовъ каменныхъ лавокъ, начинающихся отъ Торговой площади и продолжающихся до Успенской церкви. Такимъ образомъ мѣсто этой Борисоглѣбской церкви можетъ быть опредѣлено съ достаточною точностью.

Также у Великаго ряда была Дмитровская церковь; въ первый разъ она названа по случаю пожара, начавшагося въ 1299 году на Варяжской великой улицѣ, стоявшею на Торговой сторонѣ вообще; далѣе, въ 1311 г., въ Торгу,—въ 1356 г., на Лубяницѣ, положеніе которой объяснено выше, наконецъ въ 1541 году—на Опокахъ. Опоками въ Новгородской землѣ, въ самыхъ широкихъ ея предѣлахъ, считая и Сибирь, называются окатанные потоками воды небольшіе обломки обыкновеннаго плитняка, плоскіе, какъ куски давно употребляемаго мыла, называемыя также, по сходству съ ними, „Мыльниками“, Гряда опоковъ, выходящая двумя своими концами изъ подъ саженнаго пласта красноватой глины на откосѣ праваго берега Волхова, близъ Жилотуга, за валомъ, и скрывающаяся подъ водою, стелется отсюда прямо на Предтеченскую церковь на Опокахъ и здѣсь обрывается. За Предтеченскою церковью слѣдуетъ непосредственно отъ полночной стороны ея мѣстность, называемая въ Уставѣ Всеволода Вощниками. Слѣдовательно мѣсто Дмитровской церкви въ Торгу на Опокахъ приходится на прямой между Предтеченскою и Георгіевскою церквами; пространство здѣсь небольше 50 шаговъ, такъ что если отведемъ для разсматриваемой церкви средину его, ошибки не будетъ ни на шагъ.

Петрятино дворище и Вощники.

Въ Побережьи, отъ мостового устоя и Великаго ряда до Өедоровскаго ручья и отсюда въ гору до нынѣшней Московской улицы, т. е. въ предѣлахъ Вощниковъ и Бусвища Петрятина Дворища, изслѣдователи церковной древности помѣщаютъ церкви: Св. Димитрія и Одигитріи. Положеніе первой поддается точному опредѣленію, по соображеніи отводимыхъ ей лѣтописью мѣстъ, а о второй, во имя образа Одигитріи, сказано подъ 1556 годомъ, „поставленъ первый храмъ каменной Одигитріи Пресвятой Богородицы на Буянѣ улицѣ, на Хутынскомъ подворьѣ“. Домъ этого подворья су-

ществуетъ,—рядомъ съ нимъ стоитъ каменная часовня;—она, вѣроятно, сооружена на мѣстѣ церкви, которая на Знаменскомъ изображеніи написана у береговой стѣны. О Дмитровской показанія лѣтописей представляются на первый взглядъ сбивчивыми; Макарій и другіе писатели введены ими въ заблужденіе и смѣшиваютъ, кажется, Дмитріевскую церковь на Опокахъ съ такою же въ Торгу и на ручью—Селунскою, до сихъ поръ сохранившуюся и, принимая лѣтописныя улицы въ современномъ значеніи и видѣ, вызываютъ къ жизни не существовавшую вовсе Дмитріевскую церковь; подъ 1300 г. отмѣчено,—что, срубили три церкви и въ числѣ ихъ „Св. Дмитрія на Бояни улкѣ“; подъ 1352 г. сказывается о сооруженіи каменной церкви Св. Дмитрія въ Торгу на Лубяницы; наконецъ подъ 1541 годомъ описанъ въ третьей и во второй Новгородскихъ лѣтописяхъ большой пожаръ, истребившій 22 церкви, изъ которыхъ двѣ каменныя осыпались, это Успенская на Козьи-броду, да великомученикъ Димитрій на Буянѣ улицѣ,—по третьей лѣтописи, а по второй на Опокахъ. Зная уже положеніе Лубяницы, Опоковъ и Буевища, позволительно видѣть во всѣхъ перечисленныхъ отмѣткахъ одну и туже Дмитріевскую церковь. Опоки приходились и на Лубяницѣ и на Буевищѣ; Бояна улка 1300 г. была тѣмъ переулкомъ, который велъ съ Буевища и съ Вощниковъ къ Великому ряду и который еще недавно былъ проходнымъ между нынѣшними церквами Предтеченскою на Опокахъ и Георгіевскою въ Торгу; на немъ же и поставили церковь Св. Дмитрія въ Торгу, въ 1300 году „на Бояни улкѣ“.

Макарій считаетъ одну изъ приведенныхъ отмѣтокъ относящеюся къ церкви Дмитрія на Буянской улицѣ, называвшейся, по его словамъ, Дмитріевскою; при этой церкви онъ находитъ придѣлъ Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ. Въ числѣ источниковъ, послужившихъ для него основаніемъ къ такому заключенію, онъ приводитъ, кромѣ названныхъ лѣтописныхъ отмѣтокъ, разговоры Митрополита Евгенія (стр. 86). Но здѣсь, въ росписи 1615 г., отмѣчено: „На Опокахъ храмъ каменъ Іоанъ Предтечи, придѣлъ пророкъ Захарія; храмъ Дмитрій Великомученикъ, придѣлъ Богоявленье Господне“. Въ концѣ же росписи, на послѣднихъ строкахъ, значится: „На Дмитревской храмъ каменъ Дмитрій Великомученикъ, да придѣлъ Аѳанасій и Кириллъ Александрійскій“ (Разговоры стр. 87). На Славенской сторонѣ ни въ лѣтописяхъ, ни въ описяхъ улицъ, ни въ купчихъ временъ, ближайшихъ къ 1615 г., когда составлена роспись церквей, ни разу не встрѣчается Дмитріевской улицы; между тѣмъ на Неревской сторонѣ улица этого имени существуетъ; она ведетъ къ Звѣринскому монастырю и замѣнила, по всей вѣроятности, древнюю Боркову великую улицу, тянувшуюся къ тому же монастырю; невдаликѣ вала эту улицу пересѣкала древняя Данславля, а болѣе позднихъ вѣковъ Дослапя улица. Здѣсь, при встрѣчѣ обѣихъ улицъ, существовала съ долѣтописныхъ годовъ церковь Св. Дмитрія, сгорѣвшая въ 1390 г.;—черезъ четыре года Даньславцы снова поставили ее уже каменную. Послѣ 1394 года она нѣсколько разъ горѣла,—послѣдній лѣтописный пожаръ былъ въ 1600 году. Переживъ Шведскій разгромъ Дмитріевская церковь достояла до нынѣшняго сто-

лѣтія и разобрана не болѣе 50 лѣтъ назадъ. При ней были именно тѣ придѣлы, которые показаны въ росписи 1615 г. Въ описаніи пожара подъ 1547 г. значится между прочимъ, что съ придѣла Дмитровской церкви, что на Софійской сторонѣ по Дослани улицы, съ Офонасья святого крестъ сняли (II Новг. лѣтоп.). Поэтому, едвали будетъ ошибка, если мы скажемъ, что мѣсто, назначаемое Макаріемъ (Опис. Новг. церк. древ. II, 398) Дмитровской церкви на Славенской сторонѣ, на Буяновской улицѣ, ей непринадлежитъ.

По приведеннымъ даннымъ и соображеніямъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что на опредѣленномъ побережьи церкви Дмитрія не было никогда, а Св. Дмитрій въ Торгу, на Опокахъ и на Боянѣ улкѣ—это тотъ самый, который стоялъ между церквами Предтеченскою на Опокахъ и Георгіевскою, нынѣ существующими.

Одинъ разъ, въ рукописномъ лѣтописномъ сборникѣ упомянута Богородицкая церковь въ Мясникахъ. Мясниками называется мѣстность на концѣ нынѣшней Дворцовой улицы къ Ѳедоровскому ручью, между нею и Волховомъ. Лѣтъ 40 назадъ тутъ былъ пустырь. Сборникъ недавняго составленія, не старѣе конца прошлаго столѣтія. Возможно, что его Богородицкая церковь находилась именно на этомъ пустырѣ. Лѣтъ шесть назадъ на мѣстѣ прежняго пустыря оставался еще незастроеннымъ переулокъ, проходившій съ Дворцовой улицы на набережную Волхова, между зданіемъ торговой бани и деревяннымъ домомъ наслѣдниковъ П. А. Молева. Не онъ-ли и велъ къ Богородицкой церкви въ Мясникахъ?

На Знаменскомъ изображеніи Новгорода отчетливо написано каменное сооруженіе у самаго вступленія на Великій мостъ, съ тремя поверхъ его острыми шатрами; видъ этого сооруженія такой-же какъ и всѣхъ башенъ стѣны, охватывающей Славенскую сторону, только оно вдвое обширнѣе. О существованіи какой-либо церкви у Великаго моста на правомъ берегу Волхова лѣтопись не сказала ни слова. Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что молчаніе лѣтописи о сооруженіи памятника существующаго или существовавшаго и оставившаго несомнѣнные слѣды продолжительной своей жизни,—ведетъ къ заключенію, что подобный памятникъ, возникъ до начала лѣтописи. Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ мостовому сооруженію Знаменскаго вида Новгорода.

Мостъ черезъ широкую и достаточно быструю рѣку считается и теперь за сооруженіе крупной важности,—и теперь у большихъ мостовъ ставятся часовни. На Великомъ мосту была съ древнихъ временъ и до нынѣ сохраняется часовня Чуднаго креста, называвшагося до XVI вѣка Чернымъ; это древнее названіе затерялось послѣ того, когда нѣкто, Петръ Невѣнинъ сорудилъ въ 1548 году (какъ видно изъ надписи на подножіи креста) второй крестъ, въ мѣру и подобіе древняго и прикрылъ имъ Черный, что замѣтно по особенной чернотѣ древняго, покоящагося подъ новымъ, неплотно соединеннымъ съ нимъ. Есть основанія приписывать первоначальное водруженіе креста на Великомъ мосту Св. Равноапостольному Владиміру: въ Супраельской рукописи, подъ 1069 г., записано, что 23 Октября, послѣ

отраженія втораго нападенія на Новгородъ князя Всеслава Полоцкаго „заутра обрѣтесь Володимеровъ крестъ въ Святой Софіи на Полатѣхъ". Смыслъ этой отмѣтки тотъ, что во время перваго Всеславова набѣга и опустошенія лѣвой половины города до конца Неревскаго, крестъ Владиміра былъ спрятанъ въ одномъ изъ глубокихъ и обширныхъ тайниковъ, устроенныхъ въ столбахъ, поддерживающихъ своды Софійскаго собора, что церковникъ или кто другой, спрятавшій крестъ, умеръ, или убитъ при защитѣ храма отъ полоцкихъ хищниковъ, и что черезъ три года, когда извлекали изъ тайниковъ спрятанныя туда предъ вторымъ набѣгомъ церковныя сокровища, случайно нашли и крестъ Владиміра. Быть можетъ этотъ крестъ поставленъ на мосту не Равноапостольнымъ Владиміромъ, а его внукомъ, создателемъ Софійскаго собора,—но несомнѣнно, что Черный крестъ охранялъ Великій мостъ за цѣлые вѣка до XVI; онъ, хотя и прикрытый новымъ, остается и теперь священнымъ предметомъ глубокаго уваженія и благоговѣйнаго поклоненія проходящихъ мимо Мостовой часовни.

Лѣтопись дала много свидѣтельствъ вражды Славлянъ и Неревлянъ; если близъ Неревскаго берега существовала часовня, не могло не быть подобнаго же, или и болѣе величественнаго сооруженія, и у моста на Славенскомъ берегу. Такое именно сооруженіе и написано на Знаменскомъ изображеніи.

Къ заключенію о назначеніи этого сооруженія данныхъ весьма мало; одна только отмѣтка пергаментной лѣтописи подъ 1300 годомъ имѣетъ къ нему нѣкоторое отношеніе. Здѣсь читаемъ: „Срубиша четыре церкви: Святыя Богородица въ монастыри въ Звѣринци, и Святого Лазаря, и Святого Дмитрія на Бояни улки, и Святого Бориса и Глѣба на подолѣ". Борисоглѣбскихъ церквей, какъ уже замѣчено, было въ Новгородѣ весьма много, сохранилась же до нашихъ дней одна, близъ вала. Макарій, выдающійся знатокъ церковныхъ древностей Новгорода, относитъ первоначальное сооруженіе этой церкви къ 1377 г., когда оконченная строеніемъ каменная церковь освящена Владыкою Алексѣемъ; мѣстность ея лѣтописецъ опредѣляетъ словами „въ Плътникѣхъ". Этою отмѣткою не исключается вообще возможность относить и предшествующую къ той же мѣстности; въ Новгородѣ, если невсегда, то почти всегда, предшествовали сооруженію каменныхъ церквей бывшія на томъ же мѣстѣ и во имя тѣхъ же святыхъ деревянныя. Помѣхою представляется только разница въ опредѣленіи мѣстности „на подолѣ" въ одномъ случаѣ, „въ Плотницахъ"—въ другомъ; но и ее легко устранить; въ первой отмѣткѣ говорится о естественномъ признакѣ мѣстности, а во второй о гражданскомъ: подоломъ считали наши горожане XIV вѣка крутые склоны береговъ Волхова, имѣющіеся какъ на Славенской, такъ и на Неревской сторонѣ. На упомянутомъ чертежѣ геодезиста Попова 1856 года на береговыхъ частяхъ положены надписи: „подолъ"—подъ склонами: Славенскаго холма на полдень къ западу,—холма древняго Людина конца, отъ Дѣтинца на востокъ къ полдню, и—небольшой части Плотенскаго конца, непосредственно слѣдующей за Ѳедоровскимъ ручьемъ; на той же части Неревской стороны, которая начинается приблизительно отъ дома торговой бани А. А. Соловьева и пошла внизъ, написано: „Побе-

режье". Отмѣтка лѣтописи о пожарѣ 1477 года оправдываетъ послѣднюю надпись Попова: „отъ Розважи улици погорѣ и до Борковѣ улици Побережье все и до Великой улици", т. е. Борковой, или Данелавли. Розважа приходилась нѣсколько выше названнаго дома; оправдается-ли и первая надпись, увидимъ изъ лѣтописи пожаровъ за ближайшее къ отмѣткамъ подъ 1300 и 1377 годами время. Въ 1360 г. „погорѣ Подолъ да Горньчарскій конецъ". Выше замѣчено, что Гороньчарскій конецъ въ первое время образованія своего, въ народномъ представленіи, лежалъ на западъ отъ Людина и отъ Подола Попова. Въ 1371 г. „бысть пожаръ съ Ильины улици въ Плътничьскій конецъ и Подолъ весь погорѣ и конецъ и до Кпловой улици". Улица Ильинская простиралась, въ смыслѣ участка Славенскаго конца, до Успенской церкви, что рядомъ съ Дворищемъ Ярослава; а Плотничей конецъ начинался съ Рогатой улицы, часть которой соотвѣтствуетъ нынѣшней Рогатинской. Въ 1385 году „загорѣся на Подолѣ и погорѣша оба конца, Плотнинскій и Славенскій и Торгъ". Во всѣхъ этихъ отмѣткахъ слово Подолъ начинается уставною, или прописною буквою; очевидно оно есть имя собственное и означаетъ хорошо извѣстную лѣтописцу и его современникамъ мѣстность. Если-бы каменная церковь Бориса и Глѣба, освященная въ 1377 году, была на Подолѣ, лѣтописецъ опредѣлилъ-бы точнѣе ея мѣстоположеніе, сказавъ: „на Подолѣ", —чѣмъ „въ Плътникахъ";— первое слово указываетъ на участокъ несравненно меньшій, чѣмъ второе, обнимающее понятіе о цѣломъ концѣ города; если же онъ не назвалъ Подоломъ мѣста церкви, значитъ оно не носило этого имени. Повидимому лѣтопись пожаровъ также оправдываетъ надпись Попова и о Подолахъ, какъ о Побережьи. Итакъ Борисоглѣбская деревянная церковь 1300 года на Подолѣ могла не быть тою, которая въ 1377 году освящена Владыкою Алексѣемъ.

Испытаемъ еще одинъ способъ для опредѣленія назначенія разсматриваемаго башневиднаго церковнаго сооруженія у Великаго моста. Древніе Новгородскіе лѣтописцы отличаются отъ собратій своихъ другихъ городовъ Руси выразительностью рѣчи, точностью разсказа и опредѣлительностью мѣста дѣйствія (ср. Бестужева-Рюмина—о составѣ русскихъ лѣтописей). Въ описаніяхъ пожаровъ перечисленіе погорѣвшихъ церквей начинается всегда оттуда, гдѣ начался пожаръ (см. выше о положеніи Кобыльи улицы); въ перечисленіи церквей, сооруженныхъ въ теченіе одного года, или вообще въ одно какое либо время, охватываемое одною-же и записью, строго наблюдается порядокъ, въ которомъ излагается начало записи; если говорится о церквахъ обѣихъ половинъ города и если по отношенію къ Неревской перечисленіе началось съ востока,—оттуда-же начинается и перечень церквей Славенской стороны. Перечисленіе деревянныхъ церквей, срубленныхъ въ 1300 году, начато съ Звѣринца, отъ полночи къ востоку—къ полдню на западъ Неревской стороны; если въ томъ же порядкѣ названы и церкви Славенской стороны, то, по отношенію къ Дмитровской на Бояни улкѣ, или въ Торгу, между церквами Предтеченскою и Георгіевскою, Подолъ Сла-

венской стороны, какъ крутой скатъ къ Волхову, придется на западъ отъ нихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ башнеобразное церковное сооруженіе.

Основываясь на высказанномъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью назвать обширное троеверхое сооруженіе противъ Великаго моста, на Славенскомъ берегу, Борисоглѣбскою церковью.

Рогатица.

Перейдемъ отъ Великаго ряда на участокъ, лежащій въ границахъ: нынѣшней Московской улицы до Ѳедоровскаго ручья, этого ручья къ валу, отъ вала до того мѣста, противъ котораго приходится восточная сторона Спасской церкви, и отсюда и отъ Знаменской улицы до встрѣчи ея съ Московскою; это пространство соотвѣтствуетъ древней Рогатинѣ.

Здѣсь были, кромѣ существующихъ, двѣ церкви: Лукинская и Ипатьевская, оставившія, особенно послѣдняя, слѣды въ лѣтописи.

Лука Евангелистъ.

Лукинская церковь уже упомянута въ замѣткѣ о Лубяницѣ. Мѣсто ея—въ саду при домѣ Знаменскаго причта, на Знаменской улицѣ. Первоначальное сооруженіе ея не отмѣчено въ лѣтописи; подъ 1207 г. въ пергаментной записано такъ: „Поставиша церьковь святаго Луки на Лубянѣй улици перенесше с Колѣня Володаревицѣ и Носовици". Въ Татищевскомъ сборникѣ эта запись повторена, съ измѣненіемъ окончаній въ словахъ Колѣня, Володаревицѣ и Носовици, въ первомъ на *а*, во второмъ на *ѣ* и въ послѣднемъ на *а*; всѣ эти слова въ обоихъ спискахъ начинаются уставными буквами К, В, Н.

Мы видѣли уже „Колонъ за Святымъ Рождествомъ" Татищевскаго сборника и Колѣно пергаментнаго; здѣсь же встрѣчаемся съ Колѣнемъ втораго и Колѣномъ перваго. Всѣ тѣ основанія, которыя приведены въ статьѣ о Колонѣ, мы подтверждаемъ и здѣсь. Никакого Колѣна во всѣхъ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ нѣтъ, кромѣ Рождественскаго Колона; на немъ, какъ на погребальномъ холмѣ язычества и могла быть церковь, которую перенесли Володаревичъ и Носовичи на Лубяницу по причинамъ, лѣтописцемъ не названнымъ; а ихъ могло быть много и разнообразныхъ: разливъ, уединенное положеніе, повторявшіеся случаи хищничества и т. п. Разстояніе между Колономъ и мѣстомъ, на которое перенесли въ 1207 г. церковь, меньше версты; какъ деревянную, ее не трудно было перенести названнымъ лѣтописцемъ лицамъ на своихъ плечахъ, что вѣроятно и послужило поводомъ къ занесенію именъ ихъ въ памятуху благочестиваго книжника-старца. Изъ послѣдующихъ замѣтокъ лѣтописи видно, что Лукинская церковь пользовались большимъ вниманіемъ уличанъ; послѣ пожара, повредившаго ее (огорѣла) въ 1329 г., она обветшала и въ 1364 г. поставлена новая,—а въ 1424 года деревянная замѣнена каменною; чрезъ сто лѣтъ

она опять отдѣлана заново, такъ что потребовалось въ 1529 г. освященіе; по этому случаю лѣтопись объясняетъ: „а и прежде въ томъ храмѣ была служба на землѣ, и уличане тое церкви помостъ церковный вздынули и устроили престолъ и службу вверсѣ". Даже въ XVIII вѣкѣ поддерживалось уваженіе къ Лукинской церкви: въ 1702 г. подлѣ старой заложена новая каменная, окончательно отстроенная въ 1705 году. Разобрали эту церковь въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія: кирпичъ и камень употребленъ на постройку дома для Знаменскаго причта. Уваженіе уличанъ даетъ мѣсто предположенію, что перенесеніе Лукинской церкви съ Колона на Лубяницу вызвано какимъ либо особеннымъ случаемъ, непохожимъ на обыкновенныя явленія въ судьбѣ всякой уединенной церкви.

На чертежахъ Попова и 1778 г. мѣсто Лукинской церкви нанесено; около нея была значительная площадь.

Еупатій святой.

Въ 1183 году „постависта церковь святого Еупатія Радко съ братомъ на Рогатѣй улици"; въ 1369 г. заложена, а въ слѣдующемъ окончена и освящена каменная церковь Евпатія на Рогатицѣ.

Церковь эта разобрана въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія; она стояла на теперешней Рогатицкой улицѣ, за пересѣкающею ее Славною, за нынѣшнею Таировскою богадѣльнею. Мѣсто ея съ окрестностями принадлежитъ А. М. Стальнову; тамъ теперь разведенъ огородъ; на чертежахъ Попова и 1778 года оно отмѣчено.

Лѣтопись немного сохранила извѣстій о судьбѣ этой церкви, хотя она знаменита по значенію во все время самобытія и позднему. Ипатьевская церковь была домовою степенныхъ посадниковъ Новгородскихъ и послужила для многихъ изъ нихъ усыпальницею. При ней была часовня надъ могилами двухъ братьевъ, посадниковъ Алфановыхъ; объ этихъ посадникахъ память сохранилась; но тутъ же были похоронены и другіе и притомъ тогда, когда въ церкви не было мѣста для новыхъ могилъ.

Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора, дошедшемъ до насъ въ спискѣ первой половины XVII вѣка, (онъ хранится въ Свят. Синодѣ) изложенъ, между прочимъ, чинъ поминовенія всѣхъ, погребенныхъ въ Софійскомъ соборѣ, по завѣщанію Св. Архіепископа Евѳимія Вяжицкаго, 4 Октября ежегодно. Въ старое время поминовеніе совершалось съ особенною торжественностью: Святитель, послѣ вечерни, отправлялъ въ Софійскомъ соборѣ панихиду, а настоятели монастырей, вызываемые къ этому времени особыми повѣстками, и поповскіе старосты совершали, въ продолженіи панихиды святительской, особо поминовеніе надъ гробами княжескими, святительскими и другихъ, погребенныхъ въ соборѣ сановниковъ Новгородскихъ. Одновременно съ панихидами въ соборѣ игуменъ Клопскаго монастыря совершалъ поминовеніе въ Ипатьевской церкви, гдѣ при этомъ присутствовалъ дворцовый дьякъ, получавшій отъ игумена просфору. Въ на-

стоящее время также поминаются 4 Октября, въ день Св. Владиміра Ярославовича, создателя Софійскаго храма, всѣ почивающіе подъ сѣнію его князья, владыки и сановники, но не съ такою, какъ прежде, торжественностью. Если ни въ одной изъ прочихъ Новгородскихъ церквей, кромѣ Ипатьевской, не отправлялась панихида, и если поминовеніе совершалось надъ гробами сановниковъ, то, конечно, Ипатьевская церковь служила для нихъ усыпальницею.

Скудость лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ Ипатьевской церкви объясняется принадлежностью ея властямъ свѣтскимъ; о происшествіяхъ, перемѣнахъ, возобновленіяхъ и т. п. въ такихъ церквахъ церковники не заносили, обыкновенно, замѣтокъ въ свои записки, кромѣ случаевъ, имѣвшихъ общее значеніе, каковы, напримѣръ, пожары.

Основанія, по которымъ Ипатьевская церковь признается нами домовою Посадничьяго дворища, будутъ изложены ниже, въ особой статьѣ объ остаткахъ древности гражданской. Тамъ же мы укажемъ причины незначительнаго числа слѣдовъ церковныхъ сооруженій на всемъ очерченномъ пространствѣ между Московскою и Знаменскою улицами, Θедоровскимъ ручьемъ и валомъ.

Славно.

Перейдемъ теперь на участокъ между тою же Знаменскою улицею, продолженіемъ вала отъ мѣста, на которомъ мы остановились, ограничивая разсмотрѣнный участокъ Славенскимъ берегомъ Волхова и Большою Михайловскою улицею отъ Старорусской пароходной пристани до начала Московской улицы, или до перекрестка этой Михайловской и Знаменской. Вся эта площадь извѣстна въ лѣтописи подъ именемъ Славно, Славенскаго холма, или холма въ Славнѣ.

На Славнѣ, какъ въ мѣстности заселенной первозаимщиками Европы сряду послѣ отступленія великаго Скандинаво-Русскаго ледника, церковныя сооруженія были возводимы исключительно на окраинахъ, гдѣ оставалось сколько нибудь свободнаго мѣста во дворахъ богатыхъ людей; въ срединѣ же дома настолько тѣсно стояли одинъ къ другому, что проулки, которыми ходили за водою и къ Торгу не превышали восьми шаговъ; судя по договору съ нѣмцами, писанному около 1205 г., но неполучившему утвержденія, проходы, или улки, были и еще уже; иноземцы, собственно Готландцы, требовали, чтобы „circa curiam eorum, secundum justiciam antiquam ad VIII passus edificia poni non debent, preter ipsorum voluntatem; если-бы вообще улицы не были уже 8 шаговъ, не понадобилось бы и вводить такую оговорку въ договоръ.

На Славнѣ, кромѣ существующихъ церквей, Знаменской, Филипповской, Ильинской, Петропавловской, Михайловской и Благовѣщенской были: Николаевская, Коро-Иванская, Іоанна Крестителя у нѣмецкаго двора, Іоанна Ицькова, Предтеченская и Варяжская, да два монастыря, Павловъ и Воскре-

сенскій. Относительно нѣкоторыхъ возможно точное опредѣленіе мѣстоположенія,—о другихъ же только приблизительное; одна же церковь, Іоанна Ицькова, представляется нѣкоторымъ изслѣдователямъ даже сомнительною.

Никола святой.

Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1541 годомъ описывается большой пожаръ, истребившій весь Славенскій конецъ и перечисляются сгорѣвшія церкви въ такомъ, между прочимъ, порядкѣ: „На Нутной улици Филипъ святой, да на Блудовѣ улицѣ Никола Чудотворецъ, да въ Павловѣ монастырѣ Павелъ святый, да Воскресеніе Христово на Вареской улици, да во Славнѣ Илья святой, да во Славнѣ у Петра святого притворъ разметали“. Изъ этого перечня слѣдуетъ, что Никола Чудотворецъ находился между Филипповскою церковью и Павловымъ монастыремъ; первая существуетъ, а на мѣстѣ монастырскомъ стоитъ часовня съ явленнымъ образомъ Владимірской Богоматери, извѣстная подъ именемъ Печерской (по преданію образъ явился въ печи благочестивой старушки, монастырской просфирницы). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчается церковь Николая Чудотворца на Нутной улицѣ,—деревянная. Очевидно она и названа сгорѣвшею. Разница въ названіи улицъ не имѣетъ значенія: Нутная улица, извѣстная съ 1194 года, получила это имя отъ прогона ею стадъ скота (Нуто—стадо скота), продолжавшагося въ XVI вѣкѣ и узаконеннаго таможеннымъ уставомъ 17 Марта 1571 г. (Тамож. уст. изданіе 1763 г., Башилова стр. 4); она была участкомъ конца, а Блудова и другія—проулками ея. Когда первоначально сооружена эта церковь—неизвѣстно; по свидѣтельству лѣтописнаго сборника Филиповской церкви при ней былъ устроенъ въ 1383 г. каменный придѣлъ во имя Николая Чудотворца; подъ 1527 г. по IV Новгородской лѣтописи значится построеніе придѣла Св. Николая Чудотворца у Св. Апостола Филиппа на Нутной улицѣ, „а строены церкви двумя улицами Нутною и Бордовою“. По нарядной описи Новгорода 1623 г., Бордова улица шла по правую сторону Филипповской церкви, то есть между нею и Печерскою часовнею, къ нынѣшней Нутной. Промежутокъ времени между 1541 г., когда Никольская церковь стояла на Блудовой улицѣ, и 1527 г., въ которомъ Никольской придѣлъ строили обыватели Нутной и Бордовой улицъ, незначителенъ,—такъ что нѣтъ основанія считать и Блудову и Бордову за одну и туже улицу; вѣроятнѣе, что это были проулки, на перекресткѣ которыхъ и стояла церковь.

Подтвержденіемъ высказаннаго предположенія служитъ современный видъ площади, дворовыхъ мѣстъ, лежащихъ противъ Филипповской церкви и Печерской часовни, между соотвѣтственными участками улицъ Ильинской и Славной. Со стороны послѣдней, между дворовыми мѣстами П. И. Ширяева и Г-жи Востриковой проходитъ узкій проулокъ, ведущій къ пустопорожнему мѣсту, окруженному со всѣхъ сторонъ сосѣдними дворами; въ числѣ ихъ одинъ принадлежитъ Г-жѣ Паниной; онъ приходится какъ разъ

противъ средины разстоянія между Филипповскою церковью и Печерскою часовнею по Ильинькой улицѣ. Въ заднемъ концѣ этого двора, подъ прикрытіемъ толщею огородной земли около аршина, встрѣчаютъ намогильныя плиты, —признакъ указывающій на кладбище при бывшей тутъ церкви.

По чертежу Попова около Филипповской церкви лежитъ значительная площадь; отъ полночнаго и западнаго угловъ ея вытянуты двѣ маленькія улицы, пресѣкающіяся, или встрѣчающіяся, подъ очень острымъ угломъ; тутъ же онѣ и кончаются. По чертежу 1778 года встрѣча эта приходится въ той плошади дворовыхъ мѣстъ, и въ той части ея, въ которую уперся объясненный проулокъ, и которая соотвѣтствуетъ заднему концу двора Г-жи Паниной. Такимъ образомъ маленькія улицы будутъ Блудова и Бордова,— а мѣсто церкви Николая Чудотворца въ заднемъ концѣ названнаго двора, гдѣ намогильныя плиты.

Безсребренники Киръ и Іоаннъ.

Въ нарядной описи 1623 года названа между улицами Павловой и Славной Киро-Иванская. На чертежѣ Попова проведена небольшая улица отъ Славной къ Ильинской; отъ нея же и къ той же Ильинской проведено послѣдовательно въ полночномъ направленіи къ Славной, еще четыре улицы; всѣ идутъ на востокъ; на одной изъ нихъ написано—Варяжская. Въ нарядной описи перечисленіе улицъ идетъ съ полночи на полдень въ такомъ, относительно Славна, порядкѣ: Нутная, Бордова, Варецкая, Павлова, Киро-Иванская, Славная, Загородская. Эта послѣдняя шла вдоль вала; она и Славная выходили изъ Славенскихъ воротъ, что подъ башнею того же имени. Киро-Иванская вошла въ улицу Воскресенскую, которая идетъ отъ Ильи къ Павловой улицѣ. Стало-быть, Киро-Иванская улица это первая, вышедшая изъ Славной и, не дойдя до Ильинской, упершаяся въ Павлову. На ней-то и могла стоять церковь Безсребренниковъ. На чертежѣ 1778 г. Киро-Иванская улица нѣсколько пересѣчена нынѣшними Посольскою и Ильинскою, пропущена, въ восточномъ направленіи, чрезъ землю И. П. Егорова, накось, и выведена къ нетронутой еще выпрямленіемъ древней Воскресенской улицѣ, въ эту, Киро-Иванскую, упирающейся,—а затѣмъ впущена въ Запольскую.

И. И. Красовъ, въ книгѣ своей о мѣстоположеніи древняго Новгорода, ведетъ Киро-Иванскую улицу въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ полуденною стороною Ильинской церкви, начиная ее отъ вала и выводя прямо на Волховской-Славенскій берегъ. Но самое направленіе и названіе онъ даетъ ей въ зависимости отъ придѣла Ильинской церкви во имя Безсребренниковъ.

Монастырь Павловъ.

Положеніе части Павлова монастыря опредѣляется точно Печерскою часовнею; но здѣсь, видимо, былъ задній конецъ площади, которую онъ за-

нималъ; наибольшая-же часть ея направлялась къ Загородской улицѣ Нарядной описи 1623 г. и чертежей Попова и 1778 года. На послѣднемъ оставлено около монастыря большое пространство, не подлежавшее занятію постройками,—оно захватывало и соотвѣтствующую часть Загородской улицы во всю ширину монастырской площади, и все пространство такой же ширины до вала. Павлова улица чертежа Попова отсѣкала незначительную часть западнаго угла этой площади чертежа 1778 года.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, не болѣе десяти, обыватель нынѣшней Нутной улицы г. Малаѳѣевъ, дворовый участокъ котораго занимаетъ восточный крайній уголъ этой улицы, упирающейся въ валъ, раздѣлывая въ самомъ углу почву подъ огородъ, наткнулся на глубинѣ не болѣе аршина на остатки кладки изъ булыжнаго камня и плитняка, служившей основаніемъ зданія или стѣны, въ родѣ церковной ограды; шагахъ въ десяти отъ этой кладки и на такомъ же разстояніи отъ угла внутрь огорода, г. Малаѳѣевъ нашелъ, также не глубже аршина отъ поверхности, хорошо сохранившееся основаніе каменной постройки съ плитнымъ поломъ. Въ длину постройка имѣла свыше пяти аршинъ, а въ ширину три безъ двухъ вершковъ. Направленіе длины шло отъ полночи къ востоку—на полдень къ западу; въ полночной стѣнѣ была дверь изъ толстыхъ сосновыхъ досокъ, окованныхъ снаружи толстыми, въ $^1/_{16}$ вершка, желѣзными пластинами, длиною каждая не свыше пяти, а шириною до четырехъ вершковъ; размѣръ пластинъ не одинаковъ, края неровны, что говоритъ, вмѣстѣ съ неравною толщиною въ одной и той же пластинѣ, за неискусный, почти первобытный способъ кованья желѣза. Дверь эта лежала внутри постройки и въ такомъ видѣ, какъ будто она упала туда отъ ветхости, или внѣшняго давленія. Подъ нею и надъ нею вся внутренность постройки была завалена строительными обломками камня, плиты и кирпича. При расчисткѣ найдены на плитномъ полу: верхній камень ручнаго жернова прекрасной обработки,—діоритовый топоръ-молотъ съ гладкою сверлиною для насадки на рукоять и съ ровнымъ выпуклымъ ободкомъ вокругъ ея; топоръ отточенъ гладко; остріе затупилось и съ боковыми ссадинами;—маленькая мѣдная, въ видѣ половины скорлупы воложскаго орѣха, ложковидная чашечка изъ бронзы, съ ушкомъ, точно такая, какія находятъ въ курганахъ, преимущественно мерянской земли, нанизанными вмѣстѣ съ бусами и другими привѣсками на проволоку, въ видѣ ожерелья;—бронзовая ложка, съ частью черенки, и съ слѣдами позолоты; она такая же, какъ и нынѣшнія народныя деревянныя, только по меньше и сходна съ древними причастными; обломанный маленькій складной ножичекъ, напоминающій перочинный, съ бронзовымъ черенкомъ; часть замка такого-же, какіе находятъ въ курганахъ и маленькій бронзовый ковшичекъ, такой-же, въ какомъ подносятъ причастникамъ и брачущимся теплоту и вино. По очисткѣ остатковъ сооруженія отъ мусора, обнаружилась хорошая кладка его изъ толстаго плитняка, гладко отесаннаго съ внутренней стороны и плотно пригнаннаго камень—къ камню. Половыя плиты отесаны въ правильные прямоугольники, длиною въ аршинъ два вершка, шириною меньше двѣнадцати вершковъ; ребра гладки,—

но плитнякъ расслоился и сопрѣлъ, такъ что неудалось взять цѣльнымъ ни одного образца. Теперь, къ великому прискорбію, все основаніе найденнаго сооруженія разобрано; собственникъ обратилъ камень частію въ хозяйственныя подѣлки, частію продалъ. (Перечисленныя находки въ моемъ собраніи). Изъ этихъ находокъ явствуетъ, что Павловъ монастырь занималъ своими постройками все пространство отъ Печерской часовни на полдень къ западу, чрезъ нынѣшнюю Нутную улицу, и до половины двороваго мѣста И. Н. Егорова по Ильинской улицѣ, а въ глубь, на востокъ къ полдню, до вала, захвативъ дворовое мѣсто г. Малаѳѣева. Улица Павлова шла по полуденной границѣ монастырской площади, примѣрно тамъ, гдѣ начинается, за границею владѣній Егорова, огородное мѣсто Рябчиковыхъ.

Обратимся теперь къ лѣтописнымъ показаніямъ. Подъ 1224 г. въ пергаментномъ сборникѣ написано: „Създа Борисовичь Сменъ църковь камену святого Павла и святого Смена Богопріимьця и святую Костянтина и Елены“. Третья лѣтопись, повторяя дословно эту отмѣтку, дополняетъ ее: „и на полатѣхъ Бориса и Глѣба—и монастырь дѣвичь устроиша“. По IV лѣтописи монастырь учрежденъ въ 1238 году. При пожарѣ въ Варяжской великой улицѣ 1299 г. сгорѣла Павлова церковь,—въ 1385 году въ пожаръ сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ „Ивашъ церковный росписникъ“. Послѣдующими пожарами уничтожались церкви и другія монастырскія постройки,—наконецъ въ 1696 году монастырь весь выгорѣлъ и съ тѣхъ поръ не возобновлялся.

Остатки каменнаго сооруженія во дворѣ Малаѳѣева захоронены не въ послѣдній пожаръ и не въ предшествующіе,—такъ какъ толстыя сосновыя доски упомянутой окованной желѣзомъ двери хотя истлѣли, но на гнилушкахъ частей особенно смолистыхъ, а ихъ много, не видно слѣдовъ огня. По близости остатковъ къ валу проще объяснить ихъ обваломъ постройки подъ тяжестью того „спа“, которымъ Новгородцы покрывали ближайшіе къ валу постройки, ожидая непріятельскаго нападенія; такъ они сдѣлали, напримѣръ, въ 1386 году, когда ждали осады князя Дмитрія Ивановича Донского, подступавшаго къ Новгороду, чтобы наказать „людей вольныхъ“ за молодцовъ-ушкуйниковъ, ограбившихъ поволжскіе города князя Московскаго. Въ древнемъ лѣтописцѣ, напечатанномъ въ Петербургѣ при Академіи наукъ въ 1775 г. описанъ съ любопытными подробностями этотъ походъ и между прочимъ сказано, что когда посольство Новгородцевъ съ предложеніемъ мирныхъ условій не имѣло успѣха, они выжгли всѣ монастыри и поселки въ окрестностяхъ города и „поставиша Острогъ по спу хоромы“, т. е. засыпали постройки, ближайшія къ валу, землею и поверхъ ихъ поставили деревянную стѣну. Возможно, что въ это именно время засыпана была и постройка Малаѳѣевскаго двора, обрушившаяся подъ тяжестью земли и деревянной стѣны, если она приходилась надъ этою постройкою. Поврежденный въ предшествующемъ 1385 году пожаромъ монастырь не озаботился сряду послѣ мира съ Московскимъ княземъ отрыть засыпанную постройку, такъ она и осталась подъ „спомъ“.

Выше говорено о Павловой каменной башнѣ въ валу, огорѣвшей въ большой пожаръ 1696 года. Эта башня поставлена, должно быть, въ 1335 году, раньше тѣхъ каменныхъ же костровъ, которые сооружены въ 1391 году на десять тысячъ рублевъ, взятыхъ съ Софійскихъ полатей; подъ 1335 г. отмѣчено: „заложи владыка Василій съ своими дѣтьми (духовными конечно) съ Посадникомъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ и съ Тысяцкымъ Остафіемъ и съ всѣми Новгородци острогъ каменъ по оной сторонѣ отъ Иліи святого къ Павлу святому“. Слѣдовъ этого острога нѣтъ, камень весь выбранъ; остатки же башни еще видны. На чертежѣ Попова поставленъ въ валу, въ разрывѣ его противъ Павловой улицы, крестикъ,—знакъ церкви; на чертежѣ 1778 г. разрывъ нанесенъ, а крестика нѣтъ.

Въ Ильинской церкви хранится чудотворный образъ Спасителя, писанный на алебастрѣ. Онъ находился въ XVIII вѣкѣ на Павловой башнѣ, затѣмъ перенесенъ, неизвѣстно когда, въ Спасскую церковь, названную выше „Древній Спасъ“,—а оттуда, послѣ пожара 1828 года, когда церковь была разобрана, поставленъ въ Спасскій придѣлъ Ильинской церкви. Въ крестныхъ ходахъ этотъ образъ всегда участвуетъ. Крестикъ на чертежѣ Попова свидѣтельствуетъ, что Спасовъ образъ находился въ 1758 г. еще въ башнѣ.

Монастырь Воскресенскій.

Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаются земли Воскресенскаго монастыря на Павловѣ улицѣ; въ другихъ же письменныхъ памятникахъ объ этомъ именно монастырѣ не говорится ни слова. Въ окрестностяхъ Новгорода было, кромѣ разсматриваемаго, еще три Воскресенскихъ монастыря: на Мигрѣ, гдѣ теперь Воскресенская слобода, на Красномъ полѣ, что нынче Тихвинское кладбище и на Деревяницѣ. О Воскресенскомъ монастырѣ, безъ указанія о которомъ именно, впервые значится въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1136 г., что этотъ монастырь сгорѣлъ. Неопредѣленіе здѣсь мѣстности монастыря слѣдуетъ принять за доказательство, что тогда въ Новгородѣ былъ всего одинъ Воскресенскій. Въ 1192 г. умерла Воскресенская игуменья; въ 1195 г. осенью „заложи цьрковь святого Воскресенія, камяну, въ монастыри Владыка Мартуріи“; эти двѣ отмѣтки взяты изъ первой лѣтописи; во второй, подъ 1195 же годомъ, сказано: „владыка Мартирей заложа святое Въскресеніе на полѣ, монастырь“. Въ 1418 г. поставлена каменная церковь Воскресеніе Христово—общій монастырь—по первой лѣтописи,—а по третьей—деревянная Воскресеніе Христово на Варяжской улицѣ, въ Павловѣ монастырѣ. Въ 1421 г. по одной лѣтописи совершена каменная церковь Воскресенія у Благовѣщенія въ монастырѣ,—а по другой—таже церковь въ Павловѣ монастырѣ. Въ 1423 г. опять—совершены каменныя церкви Воскресенія въ тѣхъ же монастыряхъ. При такой неясности лѣтописныхъ извѣстій осторожнѣе будетъ вовсе отказаться, до указаній въ будущемъ, отъ рѣшенія вопроса о томъ, когда возникъ на Павло-

вой улицѣ монастырь Воскресенскій и ограничиться только замѣчаніемъ писцовыхъ книгъ, что тутъ былъ монастырь. Вѣроятнѣе всего, что Воскресенскій и Павловъ монастыри когда-то соединились въ одинъ, какъ стоявшіе рядомъ, или почти рядомъ. Оба были женскіе.

На чертежѣ Попова поставлено на площади, въ которую вошли восточными концами улицы Варяжская и Павлова, три креста. Упомянутый проулокъ, ведущій отъ Ильинской церкви на Павлову улицу, пришелся прямо противъ одного изъ этихъ крестовъ и до сихъ поръ называется Воскресенскимъ; слѣдовательно на площади съ тремя крестами стояли оба монастыря, Павловъ и Воскресенскій. На чертежѣ 1778 г., на объясненной выше, какъ принадлежащей Павлову монастырю площади, соотвѣтствующей описанной предыдущаго чертежа, отмѣчено двѣ церкви,—одна сталобыть изъ трехъ 1758 г., т. е. чертежа Попова, уже разрушилась. Въ настоящее время не видно слѣдовъ ни одной; отыскать же остатки ихъ въ частныхъ дворахъ, при помощи простого щупа, легко, имѣя указанія лѣтописи и чертежей.

Варяжская божница.

Съ предлѣтописныхъ временъ въ странѣ Ильменской и въ самомъ Новгородѣ были христіанскіе храмы православнаго и другихъ исповѣданій. Въ Ладогѣ существовала, по свидѣтельствамъ Скандинавскихъ сагъ, католическая церковь около 1060 года (Берманнъ),—а въ Новгородѣ много раньше, на что указываютъ Скры Новгородскія, т. е. книги законовъ, которыми должны были руководствоваться заѣзжіе иноземные гости-торговцы, проживая по своимъ дѣламъ въ Новгородѣ и въ Ладогѣ. Этихъ книгъ сохранилось три: двѣ находятся въ архивѣ гор. Любека, а третья въ Копенгагенской библіотекѣ, всѣ писаны на пергаментѣ. По мнѣнію западныхъ ученыхъ, Берманна, Круга и Сарторіуса, сохранившіяся скры—это не подлинныя законныя книги, а только списки, сдѣланные съ ошибками и пропусками въ XIV и даже въ XV столѣтіи, съ древнихъ образцовъ, до сихъ поръ еще не найденныхъ. Тѣмъ не менѣе и изъ списковъ оказывается, по сличеніи ихъ съ древнѣйшими любскими законами, что, по мнѣнію Круга и Сарторіуса, они написаны языкомъ, превосходящимъ древностію всѣ наидревнѣйшіе, извѣстные до нашего времени, любскіе законы. Скры писаны на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Старѣйшимъ изъ трехъ списковъ признается первый, Любскій,—онъ же и кратчайшій; второй Любскій и Копенгагенскій, повторяя первый, содержатъ дополненія къ нему изъ Любскаго права, сдѣланныя, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ. Первыя слова Скры древнѣйшаго списка, и заглавіе—представляются Берманну позднѣйшею, но средне-вѣковою прибавкою. Слова эти читаются такъ: „Вотъ Скра Новгородская. Да будетъ извѣстно и вѣдомо всѣмъ тѣмъ, кои здѣсь находятся и впредь сюда пріѣзжать будутъ“, „кои видятъ сію Скру и слышатъ, что отъ всего Совѣта и по общему рѣшенію мудрѣйшихъ мужей изъ городовъ нѣ-

мецкой земли, предписано: Правду, которая издревле соблюдаема была и существовала въ Новгородскомъ нѣмецкомъ дворѣ, такъ блюсти и нынѣ всѣмъ тѣмъ, которые обыкновенно пріѣзжаютъ въ упомянутый дворъ водою и сухимъ путемъ". Не будемъ оспаривать мнѣніе западнаго ученаго, но замѣтимъ, что выраженіе „Вотъ Скра Новгородская" вполнѣ соотвѣтствуетъ употреблявшимся у насъ,—напримѣръ, на златникахъ и сребренникахъ Владиміра святого: на одной сторонѣ этихъ знаковъ цѣнности написано: „Владимеръ на столѣ",—а на другой—„а се его злато"; или, въ сборникѣ древнихъ законовъ, изданномъ Дубенскимъ (Рус. Достопамят. 2), предъ изложеніемъ мостоваго устава значится: „А се уставъ Ярославль о мостѣхъ". Слѣдующія за оглавленіемъ первыя слова Скры хотя и соотвѣтствуютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Берманъ, обыкновенному въ законодательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ обращенію: „Omnibus, qui nunc sunt, aut erunt, has litteras visuris vel audituris"; но они близко подходятъ и къ первымъ статьямъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Въ послѣднихъ, по порядку изложенія, законоположеніяхъ древнѣйшей Скры установлены правила о сборахъ въ пользу церкви Св. Петра и о взысканіяхъ за нарушеніе неприкосновенности церковнаго имущества во дворѣ Св. Петра. Между прочимъ узаконено взысканіе, пеня, съ того, кто варя пиво въ гостевомъ дворѣ сожжетъ дрова принадлежащія Св. Петру или растопитъ воскъ въ котлѣ Св. Петра. Это узаконеніе намекаетъ на мѣстность двора, перешедшую къ князю Всеволоду въ первой четверти XII вѣка, на Петрятино дворище и на Вощники. Между тѣмъ въ пожарѣ 1152 года сгорѣло въ Торгу восемь церквей, и девятая Варяжская. Торгъ, повидимому, иноземцевъ былъ, въ XII вѣкѣ, около Михайловской церкви; тамъ была, какъ мы и указали уже мимоходомъ, Варяжская церковь. Въ договорѣ 1205 г. предполагались постановленія: „Cimiterium S. Petri sepietur, sicut antiquo consvetum est. S. Petrus et. S. Nicholaus in Aldachen secundum jura antiqua rehabere debent sua prata". Слѣдовательно въ Новгородѣ одновременно были на двухъ мѣстахъ церкви иновѣрцевъ-христіанъ, одна въ предѣлахъ Петрятина дворища, и другая въ Торгу на Славнѣ. Послѣдняя возникла, по всѣмъ признакамъ, раньше па столько, на сколько древнѣе заселеніе Славна. Продолжительное существованіе иноземной на Славнѣ церкви на одномъ мѣстѣ не смотря на ожесточенную борьбу Новгородцевъ съ Шведами и нѣмцами-меченосцами, и не только полная неприкосновенность Варяжской божницы, но и обращеніе Новгородцевъ къ Варяжскимъ попамъ за исполненіемъ требъ, при многочисленности православнаго духовенства, засвидѣтельствованное въ вопросахъ черноризца Кирика Св. Епископу Нифонту, правившему Новгородскою паствою съ 1130 по 1156 гг., возбуждаютъ вопросъ: какой народности и какому именно вѣроисповѣданію принадлежала Варяжская церковь? Не была-ли она Фрязьскою, т. е. не принадлежала-ли она вообще христіанамъ Римскаго православія, Фрязинамъ, и не относится-ли первоначальное возникновеніе ея къ вѣкамъ до раздѣленія христіанской церкви на Восточную и Западную? Къ уясненію этого вопроса служитъ то вниманіе, съ которымъ Новгородская лѣтопись относи-

лась къ Варяжской божницѣ. Вотъ записи, кромѣ приведенной уже о пожарѣ 1152 г.

Въ 1181 году загорѣлась отъ грому Варяжская церковь на Торговищѣ;—въ 1192 году деревянную церковь, соборъ Св. Іоанна Предтечи, перенесли на иное мѣсто, а на томъ мѣстѣ поставиша нѣмецкую ропату, т. е. божницу, или часовню иновѣрцевъ, или иноземцевъ христіанъ;—въ 1217 году, во время большого пожара погорѣлъ въ Варяжской божницѣ товаръ весь Варяжскій, безъ числа;—въ 1275 г., при пожарѣ на Княжи дворѣ, подлѣ Нѣмецкаго двора (готландскаго), огорѣли четыре каменныя церкви, а пятая нѣмецкая (Варяжская). О судьбахъ многихъ православныхъ церквей свѣтскаго вѣдомства лѣтописцы или вовсе не упоминаютъ, каковы, напримѣръ, нынѣ существующія въ Дѣтинцѣ Св. Андрея Стратилата и Покровская близъ стѣны, или упоминаютъ вскользь, напримѣръ, о бывшихъ тамъ же Покровской на воротахъ отъ Прусской улицы и Златоустовской, а также объ Ипатьевской на Рогатицѣ.

Въ 1495 г. Иванъ III велѣлъ отнять Божницу у нѣмецкихъ гостей; и о судьбѣ ея съ этого времени не сохранилось никакихъ извѣстій.

Какъ бы ни былъ рѣшенъ ставимый здѣсь вопросъ, долѣтописная древность Варяжской церкви стоитъ того, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, ея мѣсто для будущихъ изслѣдователей и знатоковъ нашей старины.

Говоря о Еванѣ вымлѣ, мы намѣтили уже мѣстоположеніе Варяжской церкви,—приблизительно на перекресткѣ нынѣшней Малой-Михайловской и Нутной. Истребленіе пожаромъ 1275 года, начавшимся на Княжемъ дворѣ, и Нѣмецкой церкви, сверхъ четырехъ русскихъ, послужило основаніемъ этого мнѣнія. Зная положеніе дворовъ Тевтонскаго и Готландскаго и разстояніе ихъ отъ Княжескаго, т. е. Ярославова, двора, нельзя допустить, чтобы лѣтописецъ разумѣлъ въ этомъ случаѣ дворъ Тевтонскій; между нимъ и Княжимъ дворомъ лежали обширныя площади, одна уставленная дворищенскими церквами и другая, впереди первой, вѣчевая; а Готландскій дворъ былъ отъ Ярославова двора на ничтожномъ разстояніи, не болѣе, пожалуй, тѣхъ восьми шаговъ, о которыхъ говорится въ договорѣ 1205 года. Ближайшими къ этому Торговому двору церквами были къ 1275 г. Мироносицкая, Святыхъ Отецъ, Прокопіевская, Благовѣщенская—всѣ четыре деревянныя; каменныя тогда были: Михайловская въ Торгу, Никольская и Пятницкая, на дворищѣ, и Успенская въ Торгу; у Великаго ряда деревянныя: Георгіевская и Дмитровская и та деревянная соборъ Іоанна Предтечи, которую перенесли въ 1192 году на другое мѣсто. Пожаръ 1275 г. описанъ такъ: „Въ нощъ загорѣся на Княжи дворѣ подлѣ Нѣмецкой дворъ и погорѣ Торгъ сѣмо и до Славна, сѣмо до Рогатицы, и сгорѣ церквей семъ деревянныхъ, и каменны четыре огорѣ, а пятая Нѣмецкая“. Какія именно церкви сгорѣли—не сказано; по всей вѣроятности сгорѣли и огорѣли всѣ, только что перечисленныя, такъ какъ къ 1275 году другихъ, кромѣ этихъ, никакихъ не было на всемъ указанномъ въ лѣтописи пространствѣ. Замѣтимъ здѣсь, что по одному сборнику, бывшему у Карамзина, церковь Іоанна Крестителя, что у Нѣмецкаго двора, стояла „по конецъ

Славна“, значитъ Славно граничило, какъ и означено въ началѣ настоящей статьи, нынѣшнею Большою Михайловскою улицею.

На чертежахъ Попова и 1778 года мѣсто Варяжской церкви не означено; нѣтъ ея ни въ росписи 1615, ни въ нарядной описи 1623 г. На Знаменскомъ изображеніи рядомъ съ Михайловскою церковью написано огороженное круглое пространство, какъ-бы садовое мѣсто; съ правой стороны его стоитъ небольшая церковь—это, надобно полагать, и будетъ Варяжская; православной церкви, отмѣченной лѣтописью, тутъ не можетъ быть никакой. Хотя Знаменское изображеніе и не совмѣщаетъ въ себѣ тѣхъ условій, которыя дѣлали-бы его точнымъ воспроизведеніемъ Новгорода, съ строгимъ выполненіемъ положенія всякой церкви и всякаго зданія, но въ общемъ оно даетъ возможность отыскать и церкви и другія зданія, если о положеніи и взаимномъ соотвѣтствіи ихъ имѣются указанія въ письменныхъ памятникахъ.

Итакъ Варяжская или Фряжская церковь стояла на перекресткѣ нынѣшнихъ улицъ Мало-Михайловской и Нутной, недалеко отъ Михайловской церкви и Волховскаго берега, между дворовымъ мѣстомъ А. Н. Саблукова и домомъ А. М. Стальнова, ближе ко второму.

Слѣдуетъ отмѣтить, что отъ этого самаго мѣста шелъ въ XIII вѣкѣ проулокъ къ Готландскому двору; онъ направлялся между Благовѣщенскою и Михайловскою церквами и назывался Витковымъ. Ничто не мѣшаетъ быть этому проулку началомъ Варяжской улицы и служить ближайшею дорогою къ Готландскому двору впослѣдствіи, когда Варяжская улица заняла обширное пространство; благодаря тому, что богатые люди жили въ Славнѣ, гдѣ селились и иноземцы, она получила названіе Великой-Варяжской улицы.

Ничто не мѣшаетъ также считать и Готландцевъ православными Фрязинами, потому во первыхъ, что Волохи сидѣли въ наши предлѣтописныя времена въ сосѣдствѣ съ Лутичами, недалеко отъ Балтійскаго моря, что тутъ же и на Ютландіи обитали Саксы и Англяне,—во вторыхъ, что „во Вретаніи“ было первоначально православіе,—въ третьихъ, что на Готландѣ существовала православная церковь и наконецъ въ четвертыхъ, что заморскіе купцы основали въ 1156 г. православную Пятницкую церковь, до сихъ поръ существующую, и установили въ пользу ея особый сборъ съ пріѣзжающихъ въ Новгородъ иноземныхъ гостей. Въ договорѣ 1205 года предположено: „Si hospes veniens de superioribus partibus terre versus Gotlandiam ire noluerit, dabit ecclesie sancti Vridach marcam argenti, non plus“. Сарторіусъ, не зная вѣроятно о построеніи нашей Пятницкой церкви иноземцами, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что подъ Пятницею разумѣется въ этомъ мѣстѣ православная, а не католическая церковь,—такъ какъ въ противномъ случаѣ постановленіе о сборѣ въ ея пользу марки серебра было-бы написано въ Скрахъ, а не въ договорѣ. Припомнимъ здѣсь, что и церковь Св. Троицы въ нынѣшней Ямской слободѣ основана также заморскими купцами Щетинцами, то есть жителями нынѣшняго города Штетина.

Іоаннъ Ишьковъ.

Въ пергаментной лѣтописи подъ 1181 годомъ отмѣчено: „мѣсяця Іюля въ 3 день зажьжена бысть церкы отъ грома Варязьская на Търговищи по вечерни въ часъ 10 дни и церкы сгорѣ святого Іоанна Ишькова". „Въ тоже лѣто сърубиша (перечисляется нѣсколько церквей) и святого Іоана Ишькову". О другихъ церквахъ сгорѣвшихъ или только огорѣвшихъ въ этотъ пожаръ не говорится, изъ чего слѣдуетъ, что отъ грозы загорѣлась Варяжская церковь, но не сгорѣла, какъ каменная,—и отъ нея пожаръ перешелъ на деревянную,—очевидно сосѣднюю, которая и сгорѣла вся. Слѣдовательно церковь Ишкова, или Ищькова, была или рядомъ съ Варяжскою, или на недалекомъ разстояніи отъ нея. Она сряду же поставлена вновь; это быстрое возстановленіе представляется явленіемъ не заурядным въ нашей лѣтописи и, сколько намъ извѣстно, едва-ли не исключительнымъ; сгорѣвшая церковь, хотя-бы и деревянная, возводится вновь черезъ два-три года. Сталобыть и церковь Ишькова—не заурядная. Судя по названію она принадлежала одному лицу, или сооружена однимъ лицомъ, или наконецъ возведена на могилѣ какого-то Ишькова. Верстахъ въ пяти отъ Новгорода есть монастырь, учрежденный частнымъ лицомъ Сырковымъ, въ XVI вѣкѣ, и до сихъ поръ его знаютъ всѣ подъ именемъ монастыря Сыркова. Лѣтописецъ въ приведенной отмѣткѣ два раза написалъ названіе церкви и оба раза розно, сперва Ишькова, а потомъ Ищькова; въ свѣтописномъ воспроизведеніи пергаментнаго сборника оба начертанія этого имени такъ полны и ясны, что не оставляютъ вовсе мѣста объясненія разницы ошибкою переписчика древней памятухи. Вѣроятно Ишкова въ 1181 году уже не было въ живыхъ и прозвище его составителю памятухи не было извѣстно. Между тѣмъ поспѣшное возстановленіе церкви ближе всего объясняется состоятельностью въ то время потомства первоздателя, тутъ же близъ церкви жившаго. Дальнѣйшая судьба Ишковой церкви поддерживаетъ вѣроятность такого объясненія: въ 1217 году злой пожаръ 31 Мая истребилъ до тла 15 церквей деревянныхъ, а у каменныхъ опалилъ верха и притворы; въ этотъ пожаръ „кто бяше вбѣгалъ въ каменныя божницѣ съ товары, а ту погорѣша и самъ и товары, и въ Варязьской божницы (что замѣчено выше) изгорѣ товаръ весь Варязьскый без числа". Ишкова церковь, несомнѣнно, была въ числѣ сгорѣвшихъ,—но должно быть потомки храмоздателя не сильно пострадали при этомъ пожарѣ; она была опять возстановлена, такъ какъ названа въ числѣ 12 церквей Славенской стороны, сгорѣвшихъ въ такой же или и еще болѣе лютый пожаръ 18 Апрѣля 1299 года, въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье; пожаръ начался на Варяжской улицѣ и истребилъ, по показанію третьей лѣтописи, слѣдующія церкви: Ильинскую, Петропавловскую (на Холмѣ), Павла Исповѣдника (въ Павловѣ монастырѣ), Филипповскую, Михайловскую, Іоанна Крестителя (она и есть Ишкова), Успенскую, Георгіевскую, Дмитровскую, Предтеченскую, Никола-Дворищенскую и Мироносицкую. Въ этомъ перечнѣ церковь Іоанна Крестителя, т. е.

Ишкова, помѣщена сряду послѣ Михайловской, какъ ближайшая; Варяжская не поименована; вѣроятно къ этому времени она не была еще возобновлена послѣ пожара 1275 г., или она не горѣла, или перечислялись только церкви владычняго вѣдомства,—послѣднее вѣроятнѣе. Въ 1303 г. снова срубили Ишкову церковь; въ 1311 году она сгорѣла въ четвертый разъ и уже болѣе или не возстановлялась, или лѣтописцы, забывъ первоначальное названіе, упоминали о ней какъ о церкви Іоанна Крестителя, что было и въ отмѣткѣ подъ 1299 годомъ. Подъ Благовѣщенскою церковью устроена часовня, богатая древними образами; изученіе ихъ можетъ дать указанія, не тутъ-ли хранятся образа Ишковой церкви и нѣтъ-ли въ числѣ ихъ переданныхъ сюда изъ Варяжской церкви, послѣ упраздненія ея въ 1495 году?

Іоаннъ Креститель у Нѣмецкаго двора.

Мѣсто, гдѣ стояла эта церковь уже указано. Изъ упомянутаго сборника, извѣстнаго Карамзину, и изъ отмѣтки IV Новгородской лѣтописи о пожарѣ 1385 г. мы знаемъ также, что она была на концѣ Славна,—то есть, позади Нѣмецкаго двора, если лицевую его сторону обратить къ Дворищенскимъ церквамъ. Прошедшее церкви, названной первый разъ въ 1359 году каменною, основанною у Нѣмецкаго двора, ничѣмъ не замѣчательно; какъ и всѣ другія она горѣла много разъ, возобновлялась,—ветшала и наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи разобрана; въ пожаръ 1385 г. въ этой церкви погорѣли люди.

Тѣмъ неменѣе мы остановимся нѣсколько на ней по поводу высказываемаго нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія, будто она и Ишкова—одно и тоже, и разберемъ, по возможности, отмѣтки лѣтописи подъ 1184 и 1192 годами о церкви соборъ Іоанна Предтечи и о чудѣ, по поводу ея, „о посадникѣ Добрынѣ“.

Если-бы церковь Ишкова стояла и до 1385 г. у Нѣмецкаго двора, то, во 1-хъ, лѣтописецъ, перечисляя сгорѣвшія въ 1299 году церкви и поставивъ рядомъ съ Михайловскою Іоанна Крестителя, назвалъ-бы тутъ-же въ числѣ сгорѣвшихъ, Отеческую и Прокоповскую, если упомянулъ о Николо-Дворищенской и Мироносицкой; онъ сказалъ-бы тогда неминуемо и о Нѣмецкомъ дворѣ горномъ и рѣчномъ;—эти церкви и дворы иноземцевъ не уцѣлѣли-бы, если-бы горѣлъ тотъ Іоаннъ Креститель, который стоялъ, глядя отъ Дворища, позади горнаго Нѣмецкаго двора; а если горѣла церковь Ишкова и Михайловская, какъ стоявшая очень близко къ ней, а гостевые дворы иноземцевъ и названныя церкви не сгорѣли, стало быть начавшійся на Варяжской улицѣ пожаръ распространялся не сплошною площадью,—а порывами, что удостовѣряетъ и лѣтопись, замѣчая, что во время пожара случилась великая буря, переносившая огонь даже за рѣку;—и во 2-хъ, порядокъ, въ которомъ перечисляются погорѣвшія церкви, подтверждаетъ тоже; назвавъ Михайловскую и Іоанна Крестителя, лѣтописецъ по-

ставилъ за ними Успенскую, Георгіевскую, Дмитровскую и Предтеченскую на опокахъ, а затѣмъ уже Николо-Дворищенскую и Мироносицкую; изъ чего видно, что послѣднія двѣ церкви загорѣлись уже отъ перечисленныхъ, а не отъ Нѣмецкаго Горняго двора. Такимъ образомъ Ишкова церковь была самостоятельною. Послѣ пожара 1311 года потомки первоздателя уже не возобновляли ея на прежнемъ мѣстѣ. Вслѣдъ за симъ мы увидимъ, что ни они, ни другой кто нибудь, не перенесли ея изъ тѣсно застроеннаго участка въ другой, хотя и ближайшій, но болѣе безопасный въ пожарномъ отношеніи,—къ Нѣмецкому двору,—горѣвшему очень рѣдко.

Въ память Іоанна Крестителя установлено три праздника: Рождество его, Усѣкновеніе главы и Соборъ Предтечи. Которому изъ трехъ праздниковъ посвящены были церкви Ишкова и у Нѣмецкаго двора, обѣ „въ Торгу", не извѣстно; Предтеченская же церковь на Опокахъ сооружена Рождеству Крестителя. Показанія лѣтописей о судьбахъ первыхъ двухъ церквей приведены. Но есть еще извѣстіе отъ 1184 г.; въ пергаментномъ сборникѣ оно записано такъ:—„Заложи Архіепископъ Илія съ братомъ цьрковь святого Іоанна камяну на Търговищи". Во второй Новгородской лѣтописи эти слова приведены безъ измѣненія,—въ третьей же несогласно съ первыми двумя; здѣсь сказано: „Заложиша церковь *древяну* Іоаннъ архіепископъ соборъ Св. Іоанна Предтечи; и въ лѣто 6700, т. е. 1192 г., перенесли церковь древяну святого Іоанна Предтечи на иное мѣсто, а въ томъ мѣстѣ поставиша нѣмицкую ропату и отомъ бысть чудо о посадники Добрыни".

О произвольныхъ исправленіяхъ, вставкахъ и домыслахъ третьей лѣтописи уже говорено было; къ нимъ относятся въ изложенной отмѣткѣ: древяная церковь, перенесеніе ея на другое мѣсто, ропата и чудо о посадникѣ Добрынѣ. Всѣ эти извѣстія заимствованы, по всей вѣроятности, изъ найденной Карамзинымъ въ Волоколамскомъ монастырѣ старинной рукописи, въ которую занесено, со словъ одного Новгородца, слѣдующее преданіе: когда-то въ Новгородѣ была поставлена церковь Іоанна Предтечи. Нѣмцы, облюбовавъ мѣсто ея и желая на немъ устроить свою божницу, подкупили посадника Добрыню, чтобы онъ поддержалъ на Вѣчѣ просьбу ихъ объ этомъ. Добрыня получилъ согласіе Вѣча, нужное нѣмцамъ; возвращаясь съ Вѣча домой, въ Добрынину улицу, онъ поплылъ чрезъ Волховъ въ насадѣ; было тихо; но когда насадъ добрался до средины рѣки, вдругъ налетѣлъ вихорь,—насадъ опрокинулся, Добрыня и слуги его всѣ утонули. По этому приведенная отмѣтка третьей лѣтописи, какъ не заслуживающая довѣрія, устраняется изъ числа доказательствъ въ нашихъ изысканіяхъ; изъ пергаментнаго же сборника ясно, что на Торговищи сооружена первоначальная каменная церковь въ 1184 году, а въ 1359 г. она только возобновлена. Хотя Предтеченская церковь на Опокахъ приходится тоже на Торговищи, но ее нельзя смѣшивать съ другими соимяными, какъ имѣющую свое собственное прошедшее, ясно выраженное въ лѣтописи и въ другихъ памятникахъ. Между тѣмъ церковь Ишкова была деревянною до сооруженія Іоанна Архіепископа,—именно съ 1181 года; деревянною же она оставалась, будучи три раза возстановляема, и до послѣдняго пожара 1311 года.

Изъ наличности привеленныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить: что церковь Іоанна Крестителя у Нѣмецкаго двора основана каменною въ 1184 году, что ее нельзя отождествлять съ Ишковою церковью, и что чудо о посадникѣ Добрынѣ, если и было когда нибудь, не имѣетъ никакого отношенія ни къ одной изъ этихъ церквей. Посадниковъ съ именемъ Добрыни въ Новгородѣ было два: уй Святого Владиміра, то есть дядя его, и Добрыня Рагуйловичъ; но первый не могъ жить до 1184 года; ему было-бы въ это время болѣе двухсотъ лѣтъ отъ роду; а второй умеръ 6 Декабря 1117 года (I Нов. лѣт. годъ 6625, стр. 4).

Плотенскій конецъ.

Все пространство между Ѳедоровскимъ ручьемъ, Волховомъ въ нижнемъ отъ ручья теченіи и внѣшнимъ валомъ полночно-восточной части его, а также пространство между нынѣшнею Рогатинскою и частію Московской улицами до Ѳедоровскаго ручья,—составляло Плотенскій конецъ. Здѣсь, кромѣ существующихъ церквей—Климентовской, Дмитрія Селунскаго, Ѳеодора Стратилата, Никитской, двухъ Молотковскихъ и Борисоглѣбской—извѣстны по лѣтописи: Андрея Первозваннаго, Михаила Малеина и сооруженныя въ монастырѣ Евѳиміи Всехвальной. Осязательныхъ слѣдовъ ихъ нѣтъ; а мѣстоположеніе доступно опредѣленію.

Андрей Первозванный.

Въ 1417 году поставлена на Щитной улицѣ каменная церковь святого Андрея. Была-ли тутъ раньше деревянная церковь—неизвѣстно; отмѣтка лѣтописи подъ указаннымъ годомъ коротка,—сказано только, что въ этомъ году совершены шесть каменныхъ церквей, въ томъ числѣ и Андреевская. Впослѣдствіи сооружены были у этой церкви придѣлы: въ 1540 г. Засимы и Савватья Соловецкихъ, обращенный въ 1558 г. въ теплый, и въ 1561 году Козьмы и Даміана. Лѣтопись говоритъ объ этихъ придѣлахъ въ такихъ выраженіяхъ: обложили церковь каменную съ трапезою у Андрея Апостола;—или—обложили церковь каменную теплую;—или—освящена бысть церковь каменная съ трапезою Козма и Даміанъ придѣлъ у Апостола Андрея на Щитной улицѣ. Придѣльными Софійскаго собора считались не только церкви, къ нему пристроенныя, но и отдѣльно стоявшія и только имѣвшія общій съ соборнымъ причтъ,—такъ въ росписи 1615 г. читаемъ: „Соборный храмъ Софія Премудрость Божія до придѣловъ 8: Іоаннъ Богословъ, Іоаннъ Предтеча, Петръ Митрополитъ, Стефанъ Сурожскій, Никола Чудотворецъ, Исповѣдники:—Гурій, Самонъ и Авивъ;—Іоакимъ и Анна; Рождество Христово, на воротѣхъ Іоаннъ Златоустъ, на другихъ воротѣхъ Сергій Преподобный, на сѣняхъ Евѳимій Владыка“. Изъ этихъ придѣловъ стояли отдѣльно отъ собора: Петръ Митрополитъ, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ

Златоустъ, Сергій Преподобный и Евѳимій Великій. Не такими-ли же были и придѣлы Андрея Первозваннаго? Вопросъ этотъ возбуждается потому, что на Знаменскомъ изображеніи нанесены, невдалекѣ отъ Андреевской, двѣ церкви, одинаковыя по виду и величинѣ. Въ лѣтописи и въ другихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи въ Плотенскомъ концѣ отдѣльныхъ, немонастырскихъ, — кромѣ перечисленныхъ въ этой статьѣ, церквей. Къ двумъ одинаковымъ церквамъ Знаменскаго изображенія мы еще вернемся.

Во время составленія чертежей Попова и 1778 г. Андреевская церковь существовала и нанесена, на послѣднемъ, съ научною точностью; къ ней прилегаетъ, или точнѣе, ее облегаетъ значительная площадь. Прямая улица, направляющаяся отъ церкви къ Волхову и къ валу, къ западу въ одну сторону и къ востоку въ другую, называется и теперь Андреевскою; пересѣкающая ее подъ прямымъ угломъ—есть Ѳедоровская. Если стать на берегу Ѳедоровскаго ручья противъ церкви Св. Ѳеодора Стратилата, она закроетъ Андреевскую, какъ приходящаяся на одной прямой съ нею, въ полночно-восточномъ направленіи.

Церковь Андрея Первозваннаго разобрана въ текущемъ столѣтіи; имущество ея поступило въ собственность ближайшей приходской церкви Св. Великомученика Никиты, въ которой устроенъ и придѣлъ Андреевскій.

Михаилъ Малеинъ.

По показанію пергаментнаго списка, въ 1199 году, „Постави цьрковь кнгиня Ярославля на Михалици манастырь святыя Богородици Рожьство. Имуменію поставиша Завижюю посадника“. Эта Рождество-Богородицкая церковь существуетъ въ мѣстности, называемой Молотково или на Молоткахъ; въ XII же в. тутъ была по приведенному свидѣтельству лѣтописи Михалица, поселокъ, или особая улица на краю города, у вала. Близъ этой мѣстности лежалъ и тотъ Въѣздъ, а впослѣдствіи Никольскія ворота, гдѣ сооружена церковь Св. Образа Нездылиничемъ. Поселки вообще, въ городѣ-ли, или внѣ его, получаютъ названія по различнымъ основаніямъ, между прочимъ по именамъ первозаимщиковъ мѣстности. Въ Михалицѣ слышится личное христіанское имя; значитъ эта часть города заселена первоначально, или получила названіе, уже послѣ крещенія Новгородцевъ. Монастырь княгини Ярославли, Елены, извѣстенъ подъ именемъ Михалицкаго и, въ болѣе позднія времена, на Молотковѣ и на Молоткахъ. Онъ упраздненъ окончательно въ 1786 году; двѣ церкви его, Рождество-Богородицкая и соборъ Богородицы, обращены въ приходскія. Послѣдняя имѣетъ съ начала нынѣшняго столѣтія два придѣла, Михаила Малеина и Николая Чудотворца. Но была-ли тутъ въ древности Михайловская церковь — свѣдѣній не имѣется.

На востокъ отъ церкви соборъ Богородицы, въ церковномъ саду, стоитъ часовня, недавно возобновленная; по преданію она сооружена была перво-

начально въ очень давнія времена надъ могилами какихъ-то князей Одоевскихъ, строителей храма собора Богоматери.

Въ упомянутомъ спискѣ особаго Устава Софійскаго собора положенъ крестный ходъ въ Михалицкій монастырь 12 Іюля, въ день Св. Михаила Малеина, и архіерейская служба; послѣ обѣдни владыка здѣсь совершалъ молебенъ съ водосвятіемъ,—затѣмъ у него послѣ стола и чина панагіи бывала заздравная чаша про государево и патріаршее здоровье. Казалось-бы, что эта особенность Михалицкаго монастыря есть учрежденіе древнее и доказываетъ существованіе тутъ особо важной церкви Михаила Малеина; но имя Михаила Малеина носилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Списокъ-же Софійскаго Устава относится къ его времени, такъ что торжество 12 Іюля могло получить начало именно при этомъ благочестивомъ царѣ. Во всякомъ случаѣ это торжество служитъ указаніемъ на бывшую когда-то здѣсь церковь Св. Михаила Малеина, давшую имя мѣстности „Михалица". Гдѣ именно стояла эта церковь,—вотъ причина предложеннаго изложенія свѣдѣній о Михалицкомъ монастырѣ. Ближе всего искать мѣсто ея подъ нынешнею собора Богородицы.

Мѣстный священникъ, здравствующій отецъ Косинскій, разсказываетъ по слуху отъ другихъ извѣстныхъ ему и вполнѣ достовѣрныхъ лицъ и по своимъ личнымъ наблюденіямъ, слѣдующее: нѣсколько лѣтъ назадъ, при перестилкѣ пола и возобновленіи накатника въ придѣлѣ Св. Михаила Малеина, производитель работъ видѣлъ сряду подъ поломъ гробъ, выложенный изъ грубо-отесанныхъ плитъ, покрытый большою плитою же; уголъ плиты рабочіе, по неосторожности, откололи, производитель раборъ заглянулъ внутрь гроба и ему отчетливо представился погребенный въ немъ и неразложившійся человѣкъ, одѣтый въ платье, отороченное горностаемъ; скрещенныя на груди кисти рукъ были бѣлы, какъ у живого. Когда перебирали тотъ-же полъ при отцѣ Косинскомъ, онъ лично видѣлъ гробъ и заглядывалъ чрезъ отверстіе внутрь; одежда и кисти рукъ погребеннаго уже покрылась слоемъ пыли, но мѣховую опушку и неразложившіяся руки онъ нашелъ такими-же, какими описывалъ ему упомянутый производитель работъ.

Разсказъ отца Косинскаго небезразличенъ для задачи нашего Общества; повѣрка извѣстныхъ почтенному настоятелю Молотковскаго причта подробностей не особенно затруднительна и можетъ дать важныя основанія къ изысканіямъ о храмоздателѣ Михалицкомъ, о тѣхъ князьяхъ Одоевскихъ, надъ могилами которыхъ сооружена часовня въ Михалицкомъ саду, и о времени заселенія Плотенскаго конца въ Молотковѣ.

Евѳимія Всехвальная.

Въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1197 годомъ записано: „Постави манастырь святыя Еуѳимія въ Плътьникахъ Полюжая городьшиница Жирошкина дъци". Этимъ словамъ предшествуетъ замѣтка: „постави цьрковь на Островѣ святого Никифора Мартуріи архепископъ". Въ Татищевскомъ

сборникѣ слова „Мартурій Архепископъ“ замѣнены однозначащими „владыка Мантурей“ и отнесены къ слѣдующимъ за ними—и запись читается такъ: „Втож. лѣто постави Владыка Мантурей монастырь святыа Еуѳимія во Плотникехъ Полюжаа городъшинича Жирошныпа дъщи“. Такая перестановка произошла, очевидно, отъ слитнаго письма той древней книги, съ которой переведена эта отмѣтка. Въ одномъ изъ позднихъ сборниковъ подъ тѣмъ-же годомъ церковь Евѳиміи значится каменною, а по первой Новгородской лѣтописи „совершена каменная церковь святой Еуѳиміи въ Плотьницскомъ концѣ“ осенью 1414 г.; въ 1521 г. отъ пожара, начавшагося на Запольской улицѣ у Бориса и Глѣба, выгорѣлъ Евѳимьинъ монастырь съ храмомъ Св. мученицы Евѳиміи. Кромѣ Св. Евѳиміи была въ монастырѣ ея имени Благовѣщенская церковь, время основанія которой въ изданныхъ до сихъ поръ лѣтописяхъ не значится;—въ 1533 году она возобновлена „на старомъ Окладѣ“. Въ большой пожаръ 1696 г. Евѳимьинскій монастырь весь выгорѣлъ и не былъ уже возстановленъ.

Мѣстность, гдѣ онъ стоялъ забыта; сторожилы говорили, назадъ тому лѣтъ сорокъ, что какой-то монастырь былъ у самаго вала, между нынѣшними улицами, Дворцовою и Московскою. Этотъ говоръ находитъ оправданіе въ приведенной отмѣткѣ о пожарѣ 1521 года: Борисоглѣбская церковь недалеко отъ Дворцовой улицы. Владѣлецъ большаго участка земли, послѣдняго къ валу по лѣвой сторонѣ Московской улицы, недано умершій въ преклонныхъ лѣтахъ г. Тарасовъ, большой садоводъ, сказывалъ, что онъ, раздѣлывая мѣсто для сада и огорода, наткнулся на основаніе каменной, повидимому церковной, постройки древнѣйшей кладки, близъ полночнаго угла своего участка, приходящагося къ валу; около этого мѣста и по всему вообще участку ему попадались каждую весну при обработкѣ грядъ, серебряныя Новгородки и мѣдныя пулы въ значительномъ количествѣ; много находилъ онъ также Московокъ и денегъ удѣльныхъ.

На чертежѣ Попова поставлено на площадкѣ, соотвѣтствующей положенію Борисоглѣбской церкви, два креста рядомъ; однимъ изъ нихъ, ближайшимъ къ валу, указывается, должно быть, мѣсто Евѳимьинскаго монастыря, но, какъ и во многихъ случаяхъ, не вѣрно, а лишь приблизительно. На чертежѣ 1778 года означена вырѣзкою восточно-полуденнаго угла послѣдняго четыреугольника къ валу и берегу значительная площадь, въ срединѣ которой показана большая площадка церкви съ однимъ полукружіемъ на востокъ и съ выступомъ, должно быть для притвора, на полночь. Изъ полночно-западнаго угла того-же четыреугольника сдѣлана другая, но меньшая, вырѣзка, за которою и уже внѣ четыреугольника, показана другая церковь, съ восточнымъ же полукружіемъ, безъ притвора;—эта тоже среди обведенной точками площади о шести углахъ, изъ которыхъ два прямыхъ соотвѣтствуютъ границамъ площади съ трехъ сторонъ, кромѣ западной, а четыре тупыхъ приходятся на западную сторону, гдѣ площадь нѣсколько вытянута и какъ-бы скруглена. Нынѣшняя Борисоглѣбская церковь стоитъ на искусственно поднятой и округленной съ береговой стороны Волхова площади, что указываетъ на тожество ея со второю

изъ показанныхъ на чертежѣ 1778 г.; а первую, по этому, и церковь ея слѣдуетъ считать соотвѣтствующею Евѳимьинскому монастырю.

Такимъ образомъ упомянутый говоръ старожиловъ отчасти подтверждается: послѣдній къ Волхову и валу четыреугольникъ чертежа 1778 года выходитъ восточною границею на лѣвую сторону конца нынѣшней Дворцовой улицы. Но мѣсто остатковъ каменнаго сооруженія во дворѣ г. Тарасова уже далеко за предѣлами церковной площади этого чертежа и не принадлежитъ церкви Евѳиміи Всехвальной.

Въ статьѣ объ Андреевской церкви замѣчено о двухъ маленькихъ одинаковыхъ церквахъ, поставленныхъ на Знаменскомъ изображеніи на краю города, не далеко отъ вала и Андреевской церкви; обѣ онѣ предположены отдѣльными придѣлами ея. На томъ же изображеніи написана, на соотвѣтственномъ Евѳимьинской церкви чертежа 1778 г. мѣстѣ, одноглавая церковь съ притворомъ и колокольнею, по всей вѣроятности это Евѳимьинская. Одна изъ упомянутыхъ двухъ маленькихъ церквей приходится къ этой Евѳимьинской въ восточно-полночномъ направленіи и значительно ближе къ ней, чѣмъ къ предположенной Андреевской; вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе ея на изображеніи согласуется и съ остатками церковной кладки во дворѣ г. Тарасова. Не будетъ-ли эта маленькая церковь Благовѣщенскою Евѳимьинскаго монастыря? а другая, которая ближе къ Андреевской, одною изъ ея придѣльныхъ?

Нѣкоторымъ препятствіемъ къ рѣшенію этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ представляется отсутствіе на Знаменскомъ изображеніи какихъ нибудь построекъ, которыя-бы служили связью двухъ маленькихъ церквей, одной съ Евѳимьинскою, а другой—съ Андреевскою; между ними много совсѣмъ пустого мѣста. Но лѣтопись пожаровъ устраняетъ это препятствіе;—написаніе Знаменскаго изображенія мы относимъ къ 1528—1531 годамъ; а въ 1521 и 1523 гг. было два большихъ пожара, въ Плотенскомъ концѣ: а) „Загорѣлося по Ильинѣ дни незамного у Бориса и Глѣба на Запольской улицѣ и Оловянка (улица близъ Борисоглѣбской церкви) выгорѣ и святая мученица Еуѳимія храмъ огорѣ и монастырь весь выгорѣ“ (Пол. соб. лѣт. ч. VI, стр. 281), и б) „Весною на святой недѣли былъ пожаръ добрѣ великъ и стѣна городная отъ Щитной улицы (Андрей святой стоялъ на Щитной улицѣ) Онтоновой (береговая отъ Бориса и Глѣба къ Антоньеву монастырю) внутри города и весь плотинскій конецъ выгорѣлъ“ (Пол. собр. лѣт. часть III, стр. 198, отрывокъ изъ разряда Новгородскихъ лѣтописей). Устраняя этими выписками препятствіе, получимъ возможность опредѣлить съ точностью мѣстность монастырскаго главнаго храма Евѳиміи Всехвальной и съ наиболѣе вѣроятною приблизительностью—захороненные въ саду двора Гг. Татасовыхъ остатки Благовѣщенскаго храма, въ немъ находившагося.

Изысканія о Евѳимьинскомъ монастырѣ поневолѣ наводятъ на размышленіе объ имени его основательницы. Безъ опасенія уязвить истину можно утверждать, что это была дѣвица Евѳимія, дочь Жарослава; но наименованія ея „Полюжая Городьшиница“ не вразумительны. Между изслѣдовате-

лями отечественнаго прошлаго существуетъ единогласное мнѣніе, что Полюжая это тоже, что Полюдовна, Дмитровна, Ивановна и проч., то есть что Полюдъ есть имя собственное—личное, языческое; извѣстно что знатные люди древности у насъ носили имена, одно христіанское-греческое, а другое языческое-русское. Дѣйствительно имя „Полюдъ" не чуждо Новгородской лѣтописи. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, избранный Новгородцами и сидѣвшій здѣсь,—по требованью отца своего князя Юрія, тайно ушелъ изъ Новгорода, ночью, со всѣмъ дворомъ своимъ, въ 1224 г., въ Торжекъ, къ Юрью. Новгородцы отправили къ Юрью двухъ мужей, прося его, чтобы отпустилъ Всеволода въ Новгородъ и очистилъ Торжекъ, Новгородскую волость; но Юрій потребовалъ выдачи ненавистныхъ ему Новгородскихъ бояръ, угрожая пословъ такими словами: „Аще ли не выдадите сихъ, то сице поилъ семь конь Тверью (Торжокъ на р. Тверцѣ), а се еще ктому хощу Волховомъ напоити". Новгородцы вооружились, укрѣпили городъ острогомъ,—„по путемъ сторожи доспѣша, а тверди издѣлаша, а къ Юрью послаша Полюда Вячеслава Прокшиница Иванка Ярышевиця: княже кланяемтися а братьи своей не выдиваемъ и кръви не проливай: пакыли твой мець а наши головы". Хотя въ печатномъ изданіи пергаментнаго списка послѣ „Полюда" поставлена запятая, и тѣмъ же знакомъ имя Иванка Прокшинича отдѣлено отъ слѣдующаго,—но такая разстановка знаковъ препинанія, отсутствующихъ въ подлинникѣ, не препятствуетъ видѣть въ Полюдѣ—званіе или должность Вячеслава Прокшинича и вотъ почему: въ упомянутой жалованной грамотѣ князя Мстислава Юрьему монастырю значится, что князь отдаетъ Св. Георгію „свое Полюдье осеннее", то есть осенній подушный сборъ со всей страны въ пользу самого князя, или его дружинниковъ. По этому вѣроятно, что Полюдъ—это званіе, должность, соотвѣтствующая, какъ и Осменникъ, сборщикамъ княжескихъ податей, весною и осенью; можетъ быть Полюдъ—весенній сборщикъ,—а Осменникъ—осенній.

Въ Пермской землѣ на берегу Камы высится огромная, грозная своею неприступностью, скала; она называется „Полюдовъ камень". (Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи). Говорятъ что на вершинѣ ея жилъ какой-то богатый Новгородецъ по имени Полюдъ. Не вѣроятнѣе-ли будетъ объяснить имя этой естественной твердыни бывшею на вершинѣ ея излюбленною стоянкою тѣхъ „даньщиковъ Новгородскихъ", которые наѣзжали въ дальнюю волость, заселенную въ XII—XV в. сибирскими и иными азіятскими выходцами, постоянно сюда прибывавшими и оказывавшими даньщикамъ, нерѣдко, сильное вооруженное сопротивленіе; такъ случилось, напримѣръ въ 1187 году, когда „избіени быша Печерскіи данникы и Югорскіи (на Оби), а друзіи за Волокомъ (въ Тиманѣ и въ Тундрахъ побережій Бѣлаго и Ледовитаго морей) и паде головъ сто доброименитыхъ". Изъ этой записи видно, что даньщики,—Полюды и Осменники,—ходили въ дальнія волости съ значительными дружинами,—отправляя своихъ подначальныхъ, отдѣльными отрядами, за сборомъ, а сами Полюды, Осменники и др., оставались въ укрѣпленныхъ острогахъ, на неприступныхъ вершинахъ, и хранили собираемое и приносимое къ нимъ отрядами. Скала на Камѣ пред-

ставляетъ всѣ выгоды безопасной стоянки, потому она и получила названіе Полюдова камня.

Учредительница монастыря Евѳимьинскаго названа „Полюжая Городьшиниця“. Если были Полюды волостные и сельскіе, то были и городскіе; дѣвица Евѳимія была поэтому, дочь Полюда городского.

„Жирошкинина дци“—это Жирославна, Жирославовна;—имя Жирослава обыкновенно. Часто въ старину называли полуименами: Иванъ—Ивашка, Мирославъ—Мирошка, Жирославъ—Жирошка. Лѣтопись даетъ указаніе кто былъ отецъ Евѳиміи и намекаетъ даже на причину, вызвавшую сооруженіе монастыря.

Въ 1195 году между князьями Всеволодомъ и Ярославомъ, дядею и племянникомъ, враждовавшими между собою, Новгородцы держали сторону Всеволода. Недовольные Ярославомъ они, тѣмъ не менѣе, отправляли къ нему посланцевъ, то отпускаемыхъ назадъ съ честію, то задерживаемыхъ. Въ числѣ задержанныхъ былъ и Борисъ Жирославичъ, остававшійся въ плѣну около двухъ лѣтъ; онъ вернулся вмѣстѣ съ другими въ 1197 году около Крещенья. Не былъ-ли Борисъ Жирославичъ братомъ Евѳиміи? Какъ сынъ городского Полюда, онъ пользовался, конечно, почетомъ; немудрено, что его отправляли посломъ къ князю Ярославу вмѣстѣ съ другими почетными и сановитыми гражданами. Сестра, скучавшая о братѣ и утѣшавшая себя молитвою о немъ, могла, по обычаю своего времени, обѣщать соорудить церковь и монастырь Великомученицы Евѳиміи, если она сохранитъ брата ея здраво и невредимо. По возвращеніи его Евѳимія исполнила обѣтъ свой и сряду же соорудила церковь и учредила монастырь. Такъ или иначе, но вопросъ о Полюдѣ, какъ о сановникѣ, непраздный и имъ нужно заняться.

Неревская сторона.

Лѣвая половина города заселена не вся одновременно; испытаніе толщи жилого слоя въ пяти разныхъ мѣстахъ, кромѣ Дѣтинца, дало слѣдующую мощность ея:—между нынѣшнимъ лѣтнимъ садомъ и остатками Бѣлой Петровской башни, въ береговой части—до шести аршинъ; между Тихвинскою церковью и Духовымъ монастыремъ—до четырехъ аршинъ; въ окрестностяхъ церкви Ѳедора Стратилата—до пяти аршинъ;—недалеко отъ церкви 12 Апостоловъ, гдѣ „Митрополичь островъ“, меньше трехъ аршинъ;—и наконецъ между Власьевскою и Троицкою церквами—съ небольшимъ три аршина. Подстилкою для жилого слоя служатъ: на пространствѣ между Волховомъ и монастырями Духовымъ и Звѣнинскимъ—мелкій рѣчной промытый желтоватый песокъ;—на пространствѣ отъ Петербургской улицы до Чудинцевой—такой-же цвѣтомъ, но болѣе крупный песокъ; на ближайшемъ же къ валу западно-полночной стороны города пространствѣ—красноватая кирпичная глина;—на Митрополичьемъ островѣ—до Власьевской церкви—крупный буровато-красноватый песокъ; между Власіемъ и Троицкой то

этотъ же песокъ, то красноватая глина. Въ Дѣтинцѣ жилой слой испытывался въ трехъ мѣстахъ:—между церковью Андрея Стратилата (Обыденокъ) и стѣною Дѣтинца; между Покровскою церковью и застѣночною башнею и за Софійскимъ соборомъ съ полночной стороны. На первомъ устасткѣ черный слой, собственно humus, не толще 5—6 вершковъ; подъ нимъ лежитъ на аршинъ слишкомъ сорная земля съ пескомъ, известью и обломками плиты, кирпича и булыжными камнями; ниже супесь—тоже на аршинъ, не чистая и видимо насыпная; еще ниже синевато-грязная глина съ опоками и незначительными прослойками береговой раковины. На второмъ—черная земля до четырехъ аршинъ глубины съ остатками и обломками домовой посуды изъ бѣлой глины, преимущественно жировиковъ, т. е. освѣтительныхъ сосудовъ, стекла и проч.; ниже—крупный песокъ, такой-же, какъ на Митрополичьемъ островѣ. За Софійскимъ соборомъ жилой слой до трехъ аршинъ,—подъ нимъ идетъ до четырехъ аршинъ глубины такой-же, какъ и на второмъ участкѣ крупный песокъ съ опоками въ верхнихъ слояхъ и съ галькою въ нижнихъ; чѣмъ ниже, тѣмъ галька крупнѣе, даже въ кулакъ.

Въ окрестностяхъ Неревской стороны, на Знаменскомъ заводѣ, въ Григоровѣ и въ Колмовѣ, испытана почва до глубины—10 саженъ въ первой мѣстности,—свыше семи во второй,—въ обѣихъ при копаньи колодцевъ лопатою, и въ третьей до 25 саженъ—при буреніи для артезіанскаго колодца. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ оказалось залеганіе образованій ледниковыхъ на первыхъ 3—4 саженяхъ, а подъ нимъ—девонскихъ глинъ и песчаниковъ. Ледниковыя образованія выражены здѣсь, какъ и на Славенской сторонѣ, въ синеватой супеси или въ сизой глинѣ, подъ которою крупный песокъ съ галькою прикрываетъ валунникъ, разсыпанный не въ одинаковой густотѣ и вообще не крупныхъ размѣровъ.

Отмѣтимъ одну любопытную особенность, оказавшуюся въ жиломъ слоѣ за Софійскимъ соборомъ: на глубинѣ отъ дневной поверхности въ аршинъ съ небольшимъ встрѣчаются тонкіе и совершенно ровные прослойки гашеной извести, пластами отъ одного до двухъ съ половиною вершковъ, длиною до 4—5 аршинъ каждый, съ такими же промежутками. Это какъ-бы заливка домовыхъ половъ. Ниже полутора аршинъ подобное явленіе уже не повторяется.

Для полноты свѣдѣній о жиломъ слоѣ Дѣтинца замѣтимъ:—а) при копаньи рва подъ основаніе памятника тысячелѣтія Россіи до глубины около двухъ саженъ не дошли до слоя, подстилающаго жилой;—тутъ попадались такіе же прослойки раковинъ, какъ и за церковью Андрея Стратилата;—а въ полночно-восточномъ концѣ рва наткнулись на какую-то постройку, собственно на уголъ зданія, рубленнаго точно такъ же какъ и современныя деревенскія избы; дерево—дубъ совершенно обуглившійся;—б) въ желобинѣ, идущей отъ нынѣшняго дома Присутственныхъ мѣстъ къ водянымъ воротамъ стѣны Дѣтинца, находили подъ двухъ аршинною толщею верхняго слоя мостовую пластинную настилку, такую же какъ и на Славенской сторонѣ; и в) внутри архіерейскаго двора есть колодецъ, называемый Ни-

китинскимъ и приписываемый сооруженію Св. Никиты Епископа; глубина его до семи саженъ; вода здѣсь не перемежается никогда. Оговоримся, что послѣдне приводимыя свѣдѣнія объ оказавшемся при копаніи рва для постановки памятника и о мостовой настилкѣ принадлежатъ не личному нашему наблюденію, а получены отъ мѣстныхъ старожиловъ.

Въ Неревскомъ концѣ, на полночь отъ зданія Земской больницы и Пантелеймоновской или Николо-Кочановской церкви, стелется къ внѣшнему валу, что противъ Духова монастыря, низина; въ концѣ ея, у казеннаго зданія артиллерійскаго вѣдомства, стоитъ убогая деревянная часовня на мѣстѣ того дома, въ которомъ родился и жилъ съ своими родителями благоговѣйно чтимый Св. Варлаамій Хутынскій; у этой часовнѣ есть колодецъ, глубиною, какъ и Никитинскій, до семи саженъ. Къ сожалѣнію въ этой мѣстности недовелось еще испытать толщу жилого слоя; но судя по глубинѣ колодца позволительно думать, что она здѣсь наибольшая во всемъ Неревскомъ концѣ, хотя въ настоящее время тутъ населеніе далеко не густое.

Принимая указаніе толщи жилого слоя въ разныхъ мѣстахъ Неревской стороны за свидѣтельство густоты населенія и основываясь на отложеніяхъ, подстилающихъ толщу, слѣдуетъ заключить, что эта сторона хотя и могла быть заселенною одновременно съ Славенскимъ концомъ,—такъ какъ крупный песокъ съ глиною и опоками геологи относятъ къ непосредственнымъ ледниковымъ образованіямъ,—но не сплошь, какъ тамъ, а отдѣльными и, сравнительно, не обширными поселками. Это особенно отчетливо выражается въ разницѣ толщи жилого слоя подъ памятникомъ тысячалѣтія и сряду за Софійскимъ соборомъ. Наибольшая густота заселенія выпадаетъ на мѣстность собственно Неревского конца, внизъ по Волхову, за Дѣтинецъ къ Петровской Бѣлой башнѣ.

Такихъ-же слѣдовъ долѣтописныхъ окоповъ и протоковъ какъ на Славенской сторонѣ здѣсь не осталось,—потому, должно быть, что, по мѣрѣ быстраго расширенія поселковъ во времена тяготѣнія къ Новгороду сосѣднихъ обитателей, прежніе окопы срывались, мѣстность сглаживалась,—и возводились новые. Значительное расширеніе площади Неревской стороны продолжалось и въ лѣтописныя времена, при Ярославѣ Мудромъ, Мстиславѣ Великомъ и позднѣе.

Сверхъ общаго вокругъ всей лѣвой стороны окопа, каждый конецъ ея имѣлъ въ лѣтописные вѣка собственный окопъ и ровъ, или протокъ ближайшей къ городу рѣки Гзени. Есть одинъ ручей, повидимому искусственный,—онъ называется „Морозовъ", соединявшій Гзень съ Веряжью; осыхающее лѣтомъ дно его указываетъ и направленіе отъ деревни Коромыслова къ церкви 12 Апостоловъ, съ западно-полуденной стороны ея. Тутъ былъ ровъ, охватывавшій, вѣроятно, поселокъ Людиновъ, или улицу Людгощу, обращенную впослѣдствіи, но еще въ предлѣтописныя времена, въ Загородскій конецъ, примыкавшій къ Неревскому. Ровъ былъ настолько глубокъ и окопъ на столько высокъ, что въ среднелѣтописныя времена представлялся „пропастью"; извѣстна въ первой половинѣ XIII в. „Скудельня въ пропастѣхъ у двунадесятѣ Апостоловъ" (I Нов. лѣт. 1230 годъ).

Слѣдъ рва между Неревскимъ и Загородскимъ концами слышится въ одной отмѣткѣ о пожарѣ, начавшемся отъ Хревковы улицы въ 1194 году: въ пятницу послѣ недѣли всѣхъ святыхъ „въ Търгъ (значитъ пятница, какъ торговый день, была такою въ XII вѣка) загорѣся отъ Хревъковѣ улици оли до ручья Неревескѣи коньць“.

Мы видѣли, что средина Славенскаго конца была тѣсно застроена ко времени принятія Новгородцами Св. крещенія; на столько же тѣснымъ оказался и Неревской конецъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь древнѣйшія церкви сооружаемы были по окраинамъ.

Дѣтинецъ.

Христіанство привилось въ Новгородѣ не сряду; для перваго храма новаго вѣроученія оказалось нужнымъ избрать мѣстность, наиболѣе безопасную и наименѣе доступную ярости упорныхъ старовѣровъ; такою именно мѣстностью избранъ былъ Дѣтинецъ, какъ надежная твердыня. Здѣсь былъ сооруженъ первый по крещеніи храмъ Премудрости Божіей.

Дѣтинецъ Великаго Новгорода представляется родителемъ нашей Государственной жизни и любвеобильнымъ пѣстуномъ великорусскаго народа. Ему посвящено нами обширное изслѣдованіе, остающееся вотъ уже около десяти лѣтъ въ рукописи по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Не теряя еще надежды на изданіе этого труда, не будемъ здѣсь излагать подробностей изслѣдованія, и ограничимся лишь бѣглымъ очеркомъ, въ видѣ перечневаго указателя, добытыхъ нашими изысканіями данныхъ, обнимающихъ одни только слѣды памятниковъ церковной древности внутри Дѣтинца и снаружи и около самой стѣны его,—и притомъ въ окончательномъ уже выводѣ.

При перечисленіи слѣдовъ памятниковъ церковной древности Дѣтинца примемъ такой порядокъ: начнемъ съ первой Государственной церкви, затѣмъ назовемъ слѣды церквей около нынѣ существующаго Софійскаго собора, внутри Владычьяго двора; потомъ перейдемъ къ церквамъ надъ воротами Дѣтинца и наконецъ укажемъ мѣста церквей на площади княжей половины его.

Мѣста церковныхъ сооруженій внутри Дѣтинца.

Святая Софія дубовая. Первый христіанскій Государственный храмъ сооруженъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ крещенія насельниковъ Новгорода и чрезъ десять по крещеніи Кіевлянъ Епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, прибывшимъ въ Новгородъ въ 992 году: „а святую Софію заложи дубову конецъ Пискупли улици надъ Волховомъ и съвръши ю о двою надесять врьховь“ въ 998 году. Чрезъ 44 года этотъ храмъ сгорѣлъ. Мѣсто его приходится на срединѣ прямой, соединяющей западный конецъ нынѣ суще-

ствующей Обыденной церкви Св. Андрея Стратилата съ входною стороною Спасской часовни, гдѣ Чудотворный Спассовъ образъ и ключь Живоносной Источицы.

До крещенія Новгорода на мѣстѣ перваго Софійскаго храма было сооружено княземъ Владиміромъ Святославовичемъ капище Перуну. Вскорѣ послѣ постройки Св. Софіи о 12 верхахъ поставлена была какъ мы видѣли, около 1020 года, другая Софійская же церковь, существующая и теперь у западной стѣны Дѣтинца, это Покровская,—что близъ зданія Музея и рядомъ съ Княжею башнею. Встарину всѣ Богородичные храмы назывались Софійскими.

Владычня половина.

Нынѣ существующій Софійскій соборъ окруженъ былъ церквами со всѣхъ сторонъ; на востокъ отъ него стояли:

Іоакимъ и Анна. Сочетаніе въ именахъ Богоотецъ покровителей перваго Епископа Новгородскаго и супруги Ярослава, княжившаго въ X вѣкѣ здѣсь, Анны, много содѣйствовавшей распространенію Евангелія и заботившейся объ утвержденіи новой вѣры, вызвало построеніе небольшого каменнаго храма во имя Іоакима и Анны. Когда именно, въ которомъ году, этотъ храмъ возникъ—неизвѣстно; можно лишь догадываться, что строительницею была княгиня Анна, причисленная къ лику святыхъ почти сряду послѣ смерти и что онъ возникъ, судя по маленькимъ размѣрамъ, еще до Дубовой Софіи, какъ домовая церковь. Въ этомъ храмѣ погребены были Епископы: первый—Іоакимъ Корсунянинъ и второй, за нимъ слѣдовавшій, Лука Жидята. Стоялъ онъ за алтаремъ нынѣшней Софіи, противъ лѣваго или полночнаго полукружія главнаго храма. Разобранъ за ветхостью въ послѣдніе годы прошедшаго вѣка, а раньше, въ 1696 году, былъ обращенъ въ палатку, по перенесеніи мощей святыхъ Іоакима и Луки въ соборъ Св. Софіи.

Спасъ Милостивый. Подъ такимъ наименованіемъ значится храмъ, заложенный въ 1424 г., въ память Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня, а оконченный и украшенный въ 1427 г. Онъ стоялъ также за алтаремъ Св. Софіи противъ полуденнаго полукружія и построенъ первоначально въ одинъ день, по случаю моровой язвы. Въ 1649 году, эта церковь осыпалась и уже не возобновлялась.

Церкви Іоакимовская и Спаса Милостиваго показаны на Михайловскомъ и Знаменскомъ изображеніяхъ.

Марія Египетская. Возведена, по третьей лѣтописи, въ 1592 году, по мнѣнію Макарія—на мѣстѣ Спаса Милостиваго; но это ошибка, Спасъ существовалъ позднѣе; она была гдѣ нибудь по близости около Владычняго Житеннаго двора; разобрана, за ветхостью, во второй половинѣ XVIII вѣка, по мнѣнію того же Макарія. Церковь сомнительная. Ни на Михайловскомъ, ни на Знаменскомъ изображеніяхъ ея нѣтъ.

Іерусалимъ. Такъ назывался храмъ Входа Господня въ Іерусалимъ, поставленный въ 1336 г. владыкою Василіемъ на томъ мѣстѣ, „гдѣ Терецемъ былъ". Онъ существовалъ до 1759 года, когда разобранъ за ветхостью, и на мѣстѣ его возведенъ нынѣ существующій теплый Входоіерусалимскій соборъ. На обоихъ изображеніяхъ Іерусалимъ написанъ.

Покровъ Пречистыя. Въ 1522, или 1527 году, „Поставлена въ Каменномъ городѣ церковь деревянная Покровъ Пресвятыя Богородицы единымъ днемъ, за алтаремъ Іерусалима"; въ 1615 году она еще существовала.

Успеніе-Ржевская. Въ 1539 году, поставлена была „у стѣны"— между церковно-служительскимъ домомъ, что у нынѣ существующей Софійской звонницы, и выходомъ изъ Дѣтинца на мостъ, деревянная Успенская церковь,—„да у ней же придѣлъ Святого Іоанна Предтеча Усѣкновенія Главы, повелѣніемъ великаго князя Василія Ивановича всея Россіи и сына его великаго князя Іоанна Васильевача во имя его, освящена бысть августа въ 26 день". Ржевскою эту церковь называли въ росписи 1615 года.

Евангелистъ Марко. За алтаремъ Спаса Милостиваго сооружена въ 1533 г. Обыденная деревянная церковь во имя Св. Евангелиста Марка, завѣтная отъ мора. Впослѣдствіи, но когда именно—неизвѣстно, она была уже каменною,—разобрана за ветхостью въ 1759 году.

Послѣднихъ трехъ церквей на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ нѣтъ.

Съ полночной стороны собора церквей было меньше, чѣмъ съ восточной, всего двѣ:

Аѳанасій и Кириллъ. Въ пяти саженяхъ на полночь отъ Софіи, ровно противъ самой средины соотвѣтственной стѣны ея поставлена въ 1390 г. однодневно деревянная церковь Св. Аѳанасія, завѣтная отъ мора „желвою"—выражавшеюся въ железовидной опухоли, назрѣвавшей въ теченіи трехъ дней и разрѣшавшейся смертью. Въ 1416 году она выстроена каменною и названа въ лѣтописи „Аѳанасія и Кирилла". Въ 1551 г. (IV Нов. лѣт.) эта церковь перенесена на противоположную, полуденную сторону и поставлена противъ входныхъ съ этой стороны дверей въ Соборъ. Въ росписи 1615 г. показана. По дѣламъ архіерейскаго дома, еще не уничтоженнымъ, около 1860 г. значится, что каменная церковь во имя Св. Аѳанасія и Кирилла стояла на мѣстѣ первоначальнаго основанія ея и разобрана въ 1812 году. Стало быть приведенная отмѣтка IV Новгородской лѣтописи подъ 1551 г. ошибочна; во II и III лѣтописяхъ перенесенною значится другая церковь. На Михайловскомъ изображеніи этой церкви нѣтъ, а на Знаменскомъ она показана. Между 1416 и 1430 гг., къ которому относится написаніе Михайловскаго изображенія, было два пожара, въ 1430 и 1432 гг., истребившіе околодокъ весь и Владыченъ дворъ. Церковь Аѳонасія и Кирилла, какъ сгорѣвшая въ одинъ изъ этихъ пожаровъ и невозстановленная,—и не написана, поэтому, на Михайловскомъ изображеніи.

Великомученица Анастасія. Въ 1417 г., во время сильнаго мора, сооружена однодневная деревянная церковь Св. Анастасіи; по свѣдѣніямъ, приведеннымъ Макаріемъ въ его церковныхъ древностяхъ, она находилась за соборомъ, должно быть рядомъ съ Аѳонасьевскою завѣтною. Въ 1440 сооружена на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной каменная Анастасіинская церковь, а въ 1551 она, а не Аѳанасьевская, была перенесена на новое мѣсто, противъ полуденныхъ дверей Софіи, рядомъ съ церковью Похвалы Богородицы. Въ росписи 1615 г. показана церковь Анастасія Великаго съ придѣломъ Алексѣя Митрополита,—а нѣтъ Анастасьинской; очевидно составитель допустилъ описку,—церкви Анастасія Великаго въ Новгородѣ, по лѣтописямъ, не было.

Съ полуденной стороны Софіи было также только двѣ церкви,—одна Анастасіинская, перенесенная сюда въ 1551 году,—а другая

Похвала Св. Богородицы. Въ 1508 году поставлена на площадкѣ, противъ полуденныхъ входныхъ дверей Софійскаго собора, однодневно деревянная церковь Похвалы Богородицы, завѣтная отъ мору железою; въ 1535 году она сгорѣла и на другой годъ сооружена каменная о трехъ верхахъ, на старомъ мѣстѣ. Въ росписи 1615 г. значится. Ни одной изъ этихъ церквей не показано на изображеніяхъ.

Церкви на западъ отъ Софіи приходятся всѣ или во Владычнемъ дворѣ или во дворѣ Св. Софіи, мѣстность которыхъ сравнительно необширна и можетъ быть подраздѣлена, слѣдуя изображеніямъ Михайловскому и Знаменскому, на три участка: одинъ прямо противъ западной стѣны собора и до Дѣтинца—это собственно дворъ Св. Софіи; другой отъ полночнаго угла собора тоже прямо на западъ и на полночь до встрѣчи со стѣною Дѣтинца—это собственно Владычень дворъ,—и третій отъ западнаго соборнаго угла прямо же на западъ и, отступя отъ него по направленію этой прямой саженъ пять къ западу же,—прямо на западъ-полночь—до крайняго угла нынѣшняго Архіерейскаго большого дома (Митрополичій тоже) и отсюда на западъ къ полночи до стѣны Дѣтинца,—это дворъ Владычнихъ служилыхъ людей—Софьянъ.

Во дворѣ Св. Софіи были церкви на площади его, сряду у западной стѣны собора, по обѣ стороны Корсунскихъ дверей.

Николай Чудотворецъ. Въ 1442 году поставлена Владыкою Св. Евѳиміемъ Вяжицкимъ каменная церковь Святителя Николая,—возобновленная въ 1532 г., на старой основѣ, у нынѣ существующаго соборнаго придѣла Исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива. Она разобрана въ 1759 году. На Михайловскомъ изображеніи этой церкви нѣтъ, а на Знаменскомъ она написана.

Богоявленіе. Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора XVII вѣка упоминается, въ числѣ церквей двора Св. Софіи, Богоявленская,—а изъ одного неизданнаго рукописнаго сборника, составленнаго въ половинѣ XVIII вѣка, видно, что эта церковь находилась не на воротахъ, не на Сѣняхъ и не на переходахъ; при томъ, порядокъ перечисленія церквей въ этомъ сборникѣ оставляетъ для Богоявленской единственное мѣсто по другую сторону

Корсунскихъ дверей. Она разобрана въ 1671 году и перенесена на ворота, гдѣ теперь Благовѣщеніе. Когда именно сооружена эта церковь, лѣтопись не даетъ точныхъ указаній, —она говоритъ только, что въ 1190 году окончено какое-то и гдѣ-то Богоявленіе Господне. Въ чинѣ вступленія на Новгородскую паству Митрополита Іоакима, въ 1673 г., сказано, что онъ поѣхалъ отъ Корсунскихъ дверей къ Богородицкимъ, на востокъ, воротамъ, чрезъ Богоявленскія ворота (Акты Истор. IV № 131). И этой церкви нѣтъ на изображеніи Михайловскомъ, а на Знаменскомъ она показана.

Входъ во дворъ Св. Софіи съ площади былъ всегда тутъ же, гдѣ и теперь, у западнаго угла Собора; отъ полночнаго же угла начиналась обширная Палата, она тянулась до полночной части стѣны Дѣтинца; первоначальное основаніе здѣсь каменныхъ жилыхъ покоевъ приписывается Св. Никитѣ Епископу. Отъ этой Палаты къ другой, противолежащей, Іоанновской, гдѣ помѣщался Одринъ судъ и престолъ князей и Епископовъ Новгородскихъ, велъ особый переходъ, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ Сѣней. Этотъ переходъ и отдѣлялъ дворъ Святой Софіи отъ Владычняго, лежавшаго за нимъ, къ полночи. Къ Іоанновской Палатѣ примкнула, съ 1438 года, Евѳиміевская; она существуетъ, хотя въ передѣланномъ совершенно, съ самаго основанія, видѣ, и теперь; заворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ Великому Терему. Пространство между Іоанновскою Палатою и полночною стѣною Дѣтинца отдѣлялось, какъ и теперь, отъ площадки предъ Палатою Никитинскою, деревяннымъ заборомъ. Подъ переходомъ изъ Никитинской Палаты въ Іоанновскую былъ проходъ, такъ что съ площади Дѣтинца предъ соборомъ можно было пройти, какъ и теперь, до самой полночной стѣны Дѣтинца, вдоль которой поставлено съ половины XVII вѣка каменное зданіе—поварня и квасная; прямо противъ этого прохода были въ стѣнѣ водяныя ворота. Между Великимъ Теремомъ и Евѳиміевскою Палатою были, да и теперь существуютъ, ворота; ими ходятъ въ ту часть Владычняго двора, которая лежитъ между Евѳиміевскою и Іоановскою Палатами и стѣною Дѣтинца съ запада. Пространство на западъ къ полдню отъ двора Св. Софіи, гдѣ теперь Митрополичій домъ, садъ при немъ и службы вдоль стѣны Дѣтинца,—составляло дворъ Владычнихъ служилыхъ людей, Софьянъ; онъ раздѣлялся заборами на нѣсколько отдѣльныхъ не большихъ участковъ.

Рождество Христово. Надъ входными съ площади во дворъ Святой Софіи воротами поставлена Христо-Рождественская церковь въ 1226 г., въ 1671 г. она замѣнена Богоявленскою. При возведеніи теперь существующаго Митрополичьяго дома эта послѣдняя переименована, во второй половинѣ XVIII вѣка, въ нынешнюю Благовѣщенскую.

Петръ Митрополитъ. Надъ воротами, ведущими со двора Св. Софіи на Владычень къ полночи, сооружена въ 1416 г. каменная церковь во имя Петра Митрополита,—она существовала до 1759 г., когда разобрана на постройку теплаго собора.

Обѣ показаны на изображеніяхъ.

Усрѣтеніе Господне. Святой Григорій Архіепископъ, родной братъ и преемникъ Св. Іоанна Архіепископа, „Сруби у себѣ въ дворѣ Усрѣтеніе Господне въ 1191 году“. Дальнѣйшая судьба этой церкви неизвѣстна; но она дожила до XIV вѣка, когда Св. Владыка Василій поставилъ надъ нею, или рядомъ съ нею, Теремъ Великій. Впослѣдствіи, не раньше 1463 г., эта церковь упразднена;—на мѣстѣ ея, или близъ нея, пришлись до сихъ поръ существующія ворота, надъ которыми возведена Сергіевская церковь, лѣтъ пять назадъ передѣланная.

Темничная—Усѣкновеніе Предтеча. Первоначальное сооруженіе этой церкви относится къ первымъ годамъ послѣ крещенія Новгорода. Имя ея „Темничная“ указываетъ назначеніе быть тюремною; стояла она на срединѣ площади двора Св. Софіи; низкими и узкими проходами она соединялась съ Темницами подъ Великимъ Теремомъ и подъ Судебно-престольною Палатою. Въ 1547 г. начали въ Темничной церкви служить обѣдни каждый день Софійскіе попы (II Нов. лѣт. прибавленіе первое, стр. 185), затѣмъ въ слѣдующемъ году она перенесена въ тотъ придѣлъ Софійскій, въ которомъ почитаютъ мощи Св. братьетъ Іоанна и Григорія Ерхіепископовъ.

Всѣ эти четыре церкви показаны на обоихъ изображеніяхъ.

Евѳимій Великій. Св. Евѳимій Вяжицкій поставилъ у себя на Сѣнѣхъ церковь каменную, теплую, Евѳимія Великаго, въ 1445 году. Жилъ этомъ Святитель въ Никитскихъ Палатахъ; тамъ была и эта церковь, въ срединѣ зданія. До сихъ поръ сохраняется на наружной стѣнѣ Палаты, надъ дверью, которая вела въ Евѳиміевскую церковь, образъ. Храмовой же, современный написаніемъ сооруженію церкви, образъ Евѳимія Великаго хранится въ Никольской часовнѣ у Владимірской башни. На Знаменскомъ и Михайловскомъ изображеніяхъ нѣтъ никакихъ знаковъ церкви надъ Никитскою Палатою; на Флоровскомъ же написана по среди длины ея надъ крышею церковная глава.

Ѳеодоръ Святой. Въ 1233 году, когда скончался св. князь Ѳеодоръ Ярославовичъ, братъ Св. Александра Невскаго, заложена церковь на воротахъ отъ Неревскаго конца святый Ѳеодоръ. Въ 1276 году упала стѣна Дѣтинца, на воротахъ которой, или близъ нихъ, внутри Владычняго двора была эта церковь. Въ 1292 г. начали созидать церковь Св. Ѳеодора, которая порушилась, а въ 1294 г. кончили построеніе и освятили ее. Дальнѣйшихъ извѣстій нѣтъ. Проходныя или водяныя ворота отъ Неревскаго конца были въ томъ мѣстѣ стѣны Дѣтинца, до котораго доходила Никитинская Палата и гдѣ теперь упомянутыя поварня и квасная; со стороны лѣтняго сада слѣдъ этихъ воротъ еще остался, но отъ церкви не уцѣлѣло ничего. Она не значится и ни на одномъ изображеніи.

Іоаннъ Златоустъ. Съ площади Дѣтинца былъ особый входъ во дворъ служилыхъ людей—Софьянъ. Надъ этимъ входомъ Св. Евѳимій Вяжицкій поставилъ каменную церковь Св. Іоанна Златоуста въ 1435 году; она сряду же упала и выстроена вновь. На обоихъ изображеніяхъ эта цер-

ковь значится. Она упразднена и разобрана въ половинѣ XVIII вѣка при постройкѣ нынѣшняго Митрополичьяго дворца.

Колокольница. Въ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора упоминается особая колокольня внутри Владычняго двора. На Михайловскомъ изображеніи она написана на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ стѣнѣ нынѣшняго Митрополичьяго дома, обращенной во дворъ Св. Софіи, на срединѣ ея;—показана маленькою съ шатровымъ верхомъ.

Теремецъ. На среднемъ участкѣ двора Софьянъ показанъ, на Михайловскомъ изображеніи, навѣсъ съ шатровымъ верхомъ. Это Теремецъ,—„въ которомъ воду священіють на каждой мѣсяцъ". Онъ поставленъ въ 1409, вмѣсто того, на мѣстѣ котораго сооруженъ первоначально Іерусалимъ. Должно быть этотъ Теремецъ устроенъ былъ надъ колодцемъ, потому что въ старину вода, употреблявшаяся для печенья просфоръ и хлѣбовъ, а также на пищу монашествующимъ и священнослужителямъ, употреблялась „святая".

Никита Епископъ Новгородскій. Никитская Палата примыкала къ полночному углу Софійскаго собора и даже захватывала часть его. Въ 1796 году Митрополитъ Гавріилъ устроилъ въ той части Палаты, которая прикасалась къ соборной стѣнѣ, церковь во имя основателя Палаты Святого Никиты, Епископа Новгородскаго. Она существовала меньше 11 лѣтъ и въ 1805 г. разобрана вмѣстѣ съ частію Палаты, доходившею до того мѣста, съ котораго начинается нынѣ существующая.

Въ Софійскомъ соборѣ, кромѣ современныхъ намъ придѣловъ: Рождество-Богородицкаго, Исповѣдническаго, Іоакимовскаго, Владимірскаго, Богословскаго и Предтеченскаго—Усѣкновенія главы, существовали еще два Стефановскихъ.

Стефанъ Архидіаконъ. Когда устроенъ этотъ придѣлъ неизвѣстно; но въ рукописномъ уставѣ собора онъ упомянутъ: во время завѣщаннаго Св. Евѳиміемъ Вяжицкимъ ежегоднаго поминовенія 4 Октября всѣхъ погребенныхъ въ Софійскомъ храмѣ, совершаема была панихида у Архидіакона Стефана, надъ могилою княгини Александры, супруги храмоздателя Святого князя Владиміра Ярославовича. Придѣлъ этотъ былъ въ задней части нынѣшняго Предтеченско-Темничнаго. Въ эту именно часть и вели проходъ для прокладки трубъ-грѣекъ, подъ землею, сквозь основаніе наружной стѣны;—въ мусорѣ, отсюда выносившемся и выкиданномъ, и попадались упомянутые выше обломки человѣческихъ костей. Не этой-ли княгинѣ принадлежатъ раздробленныя невѣжествомъ кости? Въ древности былъ обычай погребать храмоздателей и людей именитыхъ въ стѣнахъ церковныхъ. Тутъ же, по близости, былъ погребенъ и сынъ Мономаха Изяславъ Владиміровичъ, убитый въ 1096 году въ войнѣ съ Олегомъ Черниговскимъ подъ Муромомъ; Олегъ взялъ Муромъ; „Изяслава же веземше положиша и въ монастыри Святого Спаса и оттуду перенесоша и Новугороду и положиша и у святой Софьѣ на лѣвой сторонѣ" (Лаврентьевская лѣтопись, годъ 6604).

Стефанъ Сурожскій. Церковь Стефана Сурожскаго, какъ придѣльная Софійскаго собора, упоминается въ томъ же рукописномъ уставѣ собора.

Она помѣщалась, вѣроятно, гдѣ либо на Софійскихъ Палатяхъ, надъ придѣлами Богословскимъ, или Богородице-Рождественскимъ. Въ росписи 1615 года названъ Стефанъ Сурожскій, но объ Архидіаконѣ Стефанѣ не говорится.

Звонница. Въ Дѣтинцѣ звонница существовала съ раннихъ временъ по крещеніи Новгородцевъ. Всеславъ Полоцкій въ первый набѣгъ свой „и колокола съима у Святой Софіи". Въ 1437 г. водою подмыло часть Дѣтинца,—„оползе валъ земля отъ стѣны и падеся стѣна каменна и колокольница отъ Волхова". Чрезъ два года колокольница поставлена на старомъ мѣстѣ. Но такого-ли она была вида, какъ теперешняя и тѣхъ-ли же размѣровъ—неизвѣстно.

Княжа половина.

Въ княжей половинѣ Дѣтинца было, сравнительно съ половиною Владычнею, немного церквей, сверхъ двухъ, сохранившихся до настоящаго времени—Покровской у западной стѣны и Андрее Стратилатовской у восточной.

Борисъ и Глѣбъ. Въ Татищевскомъ сборникѣ подъ 1049 годомъ отмѣчено объ истребленіи пожаромъ первой Софійской дубовой церкви въ субботу 4 Марта того же года и прибавлено: „А ту стояла святая Софѣя конецъ Паслупла улици, идѣже нынѣ поставилъ Сотке церковь камену святаго Бориса и Глѣба надъ Волховомъ". Пергаментный сборникъ относитъ пожаръ къ субботѣ 15 Марта 1145 года. Далѣе въ этомъ же сборникѣ говорится о построеніи въ градѣ церкви Бориса и Глѣба и другихъ трехъ въ разныхъ мѣстахъ подъ 1146 г., и подъ 1167 г., „на весну заложи Сѣдко Сытиницъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба". Въ виду этихъ отмѣтокъ годъ первоначальнаго основанія Борисоглѣбской церкви въ Дѣтинцѣ оспаривается. Мы, однако же, приемъ 1049,—основываясь на томъ, что въ 1096 году Дѣтинецъ „сгорѣ"—послѣ чего, въ 1146 году поставили на мѣстѣ сильно-огорѣвшей и упавшей первоначальной каменной Борисоглѣбской деревянную, а затѣмъ, уже въ 1167 г. былинный богачъ изъ Сытина Садко соорудилъ опять каменную церковь. Она упомянута въ росписи 1615 г. и пала отъ ветхости въ концѣ XVII вѣка. Въ спискѣ Ружныхъ церквей показана стоявшею у Намѣстничьихъ дворовъ. Какъ возведенная на мѣстѣ Софійской—дубовой, она стояла между Андре-Стратилатовскою церковью и Спасскою башнею.

Іоаннъ Златоустъ. Эта церковь основана въ 1350 году каменною Юрьемъ Посадникомъ послѣ удачнаго похода на Выборъ и Юрьевъ. Она разобрана въ 1759 г., значится въ росписи 1615 г.; и показана, равно какъ и Борисоглѣбская, на обоихъ изображеніяхъ.

Кириллъ Бѣлозерскій и Христофоръ. Деревянная церковь во имя Кирилла и Христофора поставлена въ 1553 году на Княжи дворѣ; мѣсто

ея между Покровскою церковью и башнею того же имени. Въ росписи названа, а на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ не написана.

Проѣздныя ворота.

Въ первые вѣка христіане вездѣ, во всѣхъ странахъ Европы, ограждали свои жилища, селенія и города знаменемъ креста; у насъ, въ Россіи, этотъ обычай держится до сихъ поръ. Въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ сооружались надъ въѣздными воротами храмы извнутри его, чтобы въ размирье съ сосѣдями и на случай осады укрѣпленія, святыня не подверглась оскорбленіямъ и поврежденіямъ. Первое время по крещеніи надворотнія церкви были устроиваемы изъ лѣса, для скорости; впослѣдствіи онѣ возводились каменныя, въ видѣ особыхъ пристроекъ къ воротамъ, на обширномъ сводѣ, подъ которымъ оставлялось мѣсто для проѣзда. Сколько было проѣздныхъ воротъ, столько же и церквей надъ ними. Кромѣ упомянутой Ѳедоровской надъ воротами отъ Неревскаго конца, лѣтопись называетъ слѣдующія:

Положеніе ризы и пояса Пречистыя. Неутомимый строитель храмовъ, большею частію каменныхъ, владыка Мартирій, заложилъ въ 1195 году каменную церковь на городныхъ воротахъ во имя святой Богородицы Положенія ризы и пояса; на слѣдующій годъ она была расписана гречиномъ Петровичемъ. Богородицкими или Пречистенскими воротами выходили изъ Дѣтинца на Великій мостъ. Надъ этими воротами возвышалась башня, а въ ней устроены были часы, кругъ которыхъ смотрѣлъ на Великій мостъ. Въ XVIII вѣкѣ при часахъ состоялъ особый звонецъ. Башня вмѣстѣ съ церковью упала въ половинѣ прошедшаго столѣтія; при этомъ убило и звонца. На всѣхъ изображеніяхъ Новгорода показана башня; на Михайловскомъ написанъ и часовой кругъ, а на Знаменскомъ—церковь.

Володимеръ святой. Въ 1311 году надъ воротами отъ Неревскаго конца поставлена каменная церковь во имя Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, крестившаго русскую землю. Въ росписи 1615 г. эта церковь значится. Она была пристроена къ башнѣ, которая стоитъ у входа въ лѣтній садъ съ береговой стороны. Когда упразднена—неизвѣстно. Изъ сада при Никитской палатѣ видны на полуденной сторонѣ башни слѣды бывшей тутъ пристройки. На Знаменскомъ изображеніи церковь показана.

Воскресенье Христово. Надъ воротами, которыя вели въ Дѣтинецъ съ запада, возвышалась, какъ и надъ противолежавшими, обширная башня. Ворота эти много разъ встрѣчаются въ лѣтописи съ именемъ Воскресенскихъ. Къ нимъ пристроена въ 1296 г. Воскресенская церковь, послѣ удачнаго похода на Шведовъ, „по сему завѣту, что Богъ пособилъ Нѣмецъ Новгородцамъ побить и городъ Корѣлу (Кексгольмъ) разграбить". Въ 1398 г., послѣ побѣды надъ Московскою силою, старая церковь разобрана и вновь поставлена на воротахъ обширная, тоже Воскресенская, церковь. Въ росписи она названа; на Михайловскомъ изображеніи показана. Въ 1654 г. имѣла свой особый причтъ.

Покровъ Богородицы. На воротахъ отъ Прусской улицы Семенъ Климовичъ поставилъ въ 1305 г. каменную церковь Покрова Богородицы;

въ 1389 г. она разобрана и поставлена вновь Григоріемъ Якуновичемъ. При возобновленіи Дѣтинца въ 1498 году эта церковь измѣнила свой видъ; верхняя и западная части ея обращены въ стрѣльню,—а для церкви оставлено небольшое помѣщеніе въ восточной половинѣ той части зданія, которая приходилась на высотѣ стѣны Дѣтинца. Съ этого времени она, въ отличіе отъ сосѣдней Покровской, что у Дѣтинцевской стѣны, называлась Покровскою въ Стрѣльнѣ. Когда упразднена неизвѣстно; въ XVI вѣкѣ, въ концѣ, она еще существовала. На Михайловскомъ изображеніи эта церковь написана въ томъ видѣ, какой она имѣла до возобновленія Дѣтинца въ 1498 году; на Знаменскомъ показана уже, такою какою мы видимъ теперь самую высокую изъ всѣхъ и своеобразную башню, ошибочно называемую то Кукуевскою, то Чортовою.

Спасъ. Въ лѣтописи нерѣдко встрѣчаются отмѣтки о Спасскихъ проѣзжихъ воротахъ, указывающія ихъ положеніе. Ворота эти лежали подъ башнею, къ которой пристроено впослѣдствіи, уже по уничтоженіи воротъ, съ внѣшней стороны Дѣтинца, двужилое каменное зданіе съ двумя въ немъ часовнями—Спасскою вверху и Живоносной источницы внизу. Къ стѣнѣ Спасской башни извнутри Дѣтинца была пристроена, надъ воротами, въ 1297 году, каменная Преображенская церковь Юрьевскимъ настоятелемъ, первымъ архимандритомъ русскимъ Кирилломъ. Въ первой Новгородской лѣтописи по этому случаю отмѣчено, что Спасская церковь поставлена на воротахъ отъ Людина конца. Составитель основнаго сборника третьей Новгородской лѣтописи дополнилъ приведенную отмѣтку своимъ объясненіемъ, прибавивъ къ словамъ ея—„на воротѣхъ отъ Людина конца“, отъ себя, „въ своемъ Георгіевѣ монастырѣ, отъ Новгорода три поприща“ (III Нов. лѣт. стр. 221 годъ 6805); отмѣтку же первой лѣтописи подъ 1427 годомъ „съвършена бысть церки камена святый Спасъ Милостивый Владыкою Евѳиміемъ и устроена бысть давно иконами и книгами“ (I Нов. лѣт. стр. 110, годъ 6935) онъ, составитель сборника третьей лѣтописи, изложилъ такъ: „Совершиша церковь святого Спаса на воротѣхъ градскихъ въ каменномъ Дѣтинцѣ Градѣ“. (III Нов. лѣт. стр. 238, годъ 5934). Эту ясную отмѣтку изслѣдователи нашихъ древностей приняли за свидѣтельство о первоначальномъ сооруженіи Спасской надворотной церкви. Но отмѣтка первой лѣтописи относится къ тому Спасу, которой мы видѣли за алтаремъ Софійскаго собора. Археографическая коммиссія, издавая первыя три Новгородскія лѣтописи, повѣрила составителю основнаго сборника третьей въ обѣихъ приведенныхъ отмѣткахъ его, не обративъ вниманія на рѣзкое между ними разнорѣчіе съ первою. Въ письменныхъ памятникахъ Юрьева монастыря, напечатанныхъ въ Исторіи Россійской Іерархіи, къ которой коммиссія часто обращается за разъясненіями темныхъ мѣстъ лѣтописи, въ Т. VI, на страницахъ 737, 739 и 741 значится, что каменная Спасская церковь, основанная въ этомъ монастынѣ въ 1166 году, внесенная въ перепись 1685 года и показанная разобранною за ветхостію въ 1761 году,—стояла на святыхъ восточныхъ воротахъ; а эти ворота глядятъ на Сковородскій монастырь и на заливной пустырь; другой же Спасской надворотней церкви въ

Юрьевѣ монастырѣ никогда не было, что видно изъ упомянутой переписи 1685 года. Людинъ конецъ Новгорода лежалъ противъ западной стороны монастыря и никакъ не могъ не только примкнуть къ восточной сторонѣ его, какъ бы обширенъ ни былъ, но даже и имѣть хотя бы крохотнымъ уголкомъ направленіе къ ней,—кругомъ была вода озера Мячина и Волхова съ полдня, востока и полночи. Спасская надворотняя церковь значится въ росписи 1615 г. и на обоихъ изображеніяхъ Новгорода и Дѣтинца.

Изъ приведеннаго перечня оказывается, что въ Дѣтинцѣ существовало въ теченіи шести вѣковъ, хотя и не всегда полностью, кромѣ сохраняющихся до сихъ поръ, тридцать церквей, а съ нынѣшними тридцать шесть. Если же считать придѣлы Софійскаго собора (ихъ теперь шесть: Рождество-Богородицкій, Іоакимовскій, Владимірскій, Исповѣдническій, Богословскій и Предтеченскій) и прочихъ перечисленныхъ церквей, число храмовъ, по престоламъ, удвоится.

На Шавровскомъ изображеніи Новгорода нанесены всѣ Дѣтинцевскія церкви вѣковъ лѣтописныхъ и современныхъ, но не всѣ поставлены на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ изображенію Михайловскому, которое, видимо, не было извѣстно трудолюбивому начетнику: церкви же, съ XVI вѣка возникшія, не трудно узнать по сравненію взаимнаго распредѣленія положенія и разстояній ихъ и болѣе древнихъ.

Флоровское изображеніе не даетъ, будучи поставлено рядомъ съ Знаменскимъ и Михайловскимъ, никакихъ новыхъ указаній, кромѣ упомянутаго о церкви Евѳимія Великаго и о нѣкоторыхъ другихъ, сооруженныхъ послѣ написанія обоихъ древнихъ изображеній.

Рисунокъ путешествія Олеарія, который доступенъ намъ (по заглавному листу упомянутой книги графа И. И. Толстого), на столько мелокъ, что разобраться во всѣхъ его подробностяхъ трудно до невозможности;—мы, по этому, и не пользовались имъ.

Чертежи Попова и 1778 года, какъ обнимающіе время упадка Новгорода, не застали уже въ Дѣтинцѣ церквей лѣтописныхъ. На первомъ, впрочемъ, поставленъ крестикъ въ мѣстности, соотвѣтствующей положенію Владычняго Житеннаго двора и рядомъ съ нимъ церкви Маріи Египетской. На чертежѣ 1778 года такіе же крестики на площадяхъ нынѣшнихъ башенъ—Спасской и Никольской; но означаютъ ли они часовни, до сихъ поръ тутъ существующія, или церкви, Спасскую и Владимірскую, намъ съ точностью неизвѣстно.

Островокъ владыченъ.

На берегу Волхова, за восточною стѣною Дѣтинца, противъ части стѣны его между водяными воротами и Никольскою предбашенною часовнею, ближе къ ней, расположено нѣсколько невысокихъ каменныхъ домовъ; разстояніе между ними и Дѣтинцемъ не болѣе 20 саженъ. Мѣст-

ность эта называется въ лѣтописи „Островокъ владычень", а въ народѣ— „Островокъ".

Во времена весьма далекія, когда Новгородская земля въ широкихъ предѣлахъ и, быть можетъ, вся нынѣшняя Европейская Россія, покрывались обширными водоемами второго охлажденія Европы, люди принуждены были селиться на островахъ и на горахъ. Съ тѣхъ временъ поселки стали называться и назывались по совершенномъ прекращеніи водоемовъ второго охлажденія: островами, горами, горушками, горками, наволоками и т. п. съ присоединеніемъ имени личнаго, или другаго,—напримѣръ: Тушинъ-островъ, Бѣлая-гора и проч. По этому отъ мѣстности Островка владычняго нѣтъ надобности требовать, чтобы она была когда нибудь окружена со всѣхъ сторонъ водою,—названіе островокъ замѣняетъ здѣсь однозначащее съ нимъ, поселокъ, хотя въ лѣтописи имѣется указаніе на существованіе тутъ дѣйствительнаго острова. Въ XVI вѣкѣ,—нѣкій Псковской хитрецъ увѣрилъ архіепископа Макарія въ возможности устроить, близъ Дѣтинца, водяную мельницу для нуждъ владычняго двора. Въ 1528 году хитрецъ „отъ рѣльки, называемой Крюкъ, гдѣ жили нарочитые дворяне владычняго двора, началъ дѣлати срубы великіе и вести вверхъ по рѣцѣ ко владычню двору и берегу и топити тѣ срубы каменіемъ великимъ на дно Волхова"; мельница неудалась, а хитрецъ Псковской пропалъ безъ вѣсти. (Соф. Врем. Строева, Ч. II, стр. 365) Въ это время, по всей вѣроятности, и былъ уничтоженъ незначительный вообще, пересыхавшій къ лѣту, протокъ Волхова, отдѣлявшій на весеннее время Владычній поселокъ отъ Дѣтинцевскаго берега и дѣлавшій его островомъ.

На Владычнемъ островкѣ находилось, какъ полагаетъ вполнѣ основательно Макарій по извѣстнымъ ему свѣдѣніямъ, главное изъ Новгородскихъ училищъ искусства расписыванія церковныхъ стѣнъ и изображенія святыхъ (Опис. церк. древ. Новгорода, Ч. II, стр. 19), основанное византійскими художниками и дѣйствовавшее подъ ихъ вѣдѣніемъ и по усвоеннымъ въ Греціи пріемамъ, съ XI вѣка, когда Ярославъ Мудрый и сынъ его Св. Владиміръ Ярославовичъ вызвали въ Новгородъ цареградскихъ художниковъ (Соф. Акад. лѣт. годъ 1045).

Искусство изображенія Бога и святыхъ Его считаютъ и до настоящаго времени не ремесломъ, а дѣломъ богоугоднымъ; и теперь еще оно изучается и проявляетъ свою дѣятельность преимущественно въ монастыряхъ; въ древности въ Новгородѣ замѣчательными въ этомъ отношеніи были монастыри: Юрьевскій, Антоніевъ и Хутынскій; теперь извѣстенъ своими художниками Тихвинскій.

Никифоръ святой. Въ пергаментномъ, Татищевскомъ и другихъ болѣе или менѣе древнихъ лѣтописныхъ сборникахъ Новгородской семьи, составляющихъ первую Новгородскую лѣтопись, помѣщена подъ 1197 годомъ слѣдующая отмѣтка: „Постави църковь на островѣ святого Никифора Мартуріи архепископъ" (I Нов. лѣт. стр. 24, годъ 6705). Во второй Новгородской лѣтописи эта отмѣтка повторена, но вмѣсто Никифора названъ Никола (II Нов. лѣт. стр. 127 тотъ-же годъ); а въ третьей она изложена,

по основному списку, такъ: „Постави архіепископъ Мартирій церковь каменну святаго Николая Чудотворца и монастырь устрои“; въ Колобовскомъ сборникѣ, которымъ пользовались издатели этой лѣтописи,—прибавлено къ слову „устрои“—„на Софійской сторонѣ“. (III Нов. Лѣт. стр. 217, тотъже годъ и выноска подъ букв. *М.* и *Н.*). Разнорѣчіе въ имени святого Археографическая коммиссія, издавшая Новгородскія лѣтописи, устраняетъ ссылкою на упомянутую уже Исторію Россійской Іерархіи (V, стр. 379—381), называя слова „Св. Никифоръ“ ошибкою,—а „Св. Николая“ настоящими, такъ какъ въ Островскомъ,—близъ Новгорода, монастырѣ главный храмъ былъ во имя Св. Николая и монастырь этотъ изстари назывался Николаевскимъ“. (I Нов. лѣт. стр. 127, выноска *ж*).

Соображеніе, вызвавшее такую поправку, представляется неубѣдительнымъ, а ссылка на Исторію Россійской Іерархіи неосновательною и затемняющею истину. Архіепископъ Амбросій хотя и большой знатокъ Новгородскихъ церковныхъ древностей, но не современникъ составителя памятухи о Никифоровской церкви на островѣ и основанія Островского монастыря, лежавшаго верстахъ въ девяти отъ Новгорода, не доходя не болѣе версты до Саввинской пустыни, или монастыря Св. Саввы Вишерскаго. Никольскій островской монастырь возникъ позднѣе Саво-Вишерскаго, основаннаго въ 1417 году. Въ 1386 году, въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, по случаю нападенія Новгородскихъ „людей молодыхъ“,—укшуйниковъ, на земли Великаго князя и раззоренія ихъ, Новгородцы ждали осады Московской рати и выжгли 24 монастыря ближайшихъ къ городу, чтобы затруднить осаду; всѣ эти монастыри переименованы въ лѣтописи Ростовской и четвертой Новгородской (IV Нов. лѣт. стр. 94, годъ 6894); въ числѣ ихъ названы Волотовской и Ковалевъ, ближайшіе къ Савво-Вишерскому и Островскому, но эти не упомянуты потому, конечно, что ихъ тогда еще не было. Въ 1477 году Великій князь Иванъ III обложилъ Новгородъ со всѣхъ сторонъ и занялъ ближайшіе къ нему монастыри во избѣжаніе истребленія ихъ, подобнаго бывшему въ 1386 году; Островской занялъ Тверской воевода князь Михаилъ Ѳедоровичъ съ полкомъ своимъ (Рус. Времен. Ч. II стр. 130, Москва 1820 г.); Саввинъ-же, какъ дальше лежавшій отъ города, хотя и меньше чѣмъ на версту, въ числѣ занятыхъ особымъ полкомъ не значится, въ чемъ не предстояло и надобности: полкъ Тверскаго воеводы не допустилъ-бы Новгородцевъ къ истребленію этого Саввина монастыря. А если Островской монастырь возникъ позднѣе 1417 года, поправка или оговорка во II лѣтописи теряетъ основаніе. Слѣдовательно въ 1197 г. сооружена была церковь во имя Св. Никифора на островкѣ Владычнемъ Волхова, а не на Вишерскомъ островѣ.

Никифоровская церковь поставлена владыкою Мартиріемъ. Въ числѣ чтимыхъ православною цевковью святыхъ съименемъ Никифора значится Патріархъ Цареградскій, лишенный престола и высланный изъ Константинополя во времена гоненія Льва Арменина, въ 815 году, за почитаніе святыхъ иконъ. Владыка Мартирій былъ неутомимымъ строителемъ храмовъ и украсителемъ ихъ настѣннымъ письмомъ и образами; въ кратковременное,

съ 1193 по 1196 г., управленіе паствою онъ возвелъ и украсилъ письмомъ церкви: въ 1194 г. Св. Апостола Филиппа на Нутной улицѣ; въ слѣдующемъ—Воскресенія въ монастырѣ, въ Людинѣ концѣ на Красной горкѣ; въ 1193 г. Положенія ризы и пояса Богоматери на Дѣтинцевскихъ воротахъ;—въ 1197 г. въ Кирилловѣ монастырѣ;—въ 1198 г. Преображенскую въ Русѣ и Евѳимьинскій монастырь въ Новгородѣ;—содѣйствовалъ въ этомъ же году сооруженію Рождество-Богородицкой на Молотковѣ и Спасской на Нередицѣ;—въ 1199 году украсилъ притворъ Софіи, названный Мартиріевскимъ, и нѣкоторыя другія церкви. Поэтому сооруженіе въ училищѣ церковнаго художества храма имени покровителя его, Патріарха Цареградскаго Никифора, пострадавшаго за распространеніе стремленій къ церковному благолѣпію, представляется явленіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣятельности владыки Мартирія въ направленіи, подсказанномъ ему Св. Патріархомъ.

Устраняя, на основаніи изложенныхъ данныхъ, поправку или оговорку Археографической коммиссіи, увидимъ въ слѣдующей за симъ статьѣ, что вторая и третья Новгородскія лѣтописи, послѣдняя по чтенію сборника Колобова, говорятъ подъ 6705 годомъ о другой церкви, во имя Св. Николая, и о монастырѣ при ней, сооруженныхъ Архіепископомъ Мартиріемъ, на томъ же Волховскомъ Владычнемъ островкѣ.

Никола святой. Противъ Владычня островка, нѣсколько наискось, приходится та башня, у которой была пристроена Владимірская церковь; къ восточной сторонѣ ея придѣлана двужилая часовня въ три стѣны такъ, что башенная стѣна осталась не закрытою и служитъ четвертою, заднею, для часовни. На этой стѣнѣ написанъ во весь ростъ Николай Чудотворецъ, по сторонамъ святителя изображены въ облакахъ: Спаситель и Богоматерь; Антоній Римлянинъ и Варлаамъ Хутынскій; образъ закрытъ серебряною ризою,—но по незакрытымъ частямъ легко видѣть недавнее, сравнительно, поновленіе, при каковомъ, вѣроятно, и написаны Новгородскіе святые. Подъ этимъ образомъ, нѣсколько вправо и влѣво отъ средины его, были вмазаны въ стѣну два каменныхъ креста; одинъ, что справа, въ сажень длиною, восьмиконечный; онъ покрытъ слѣдующею надписью, въ верхней части: „Господи спаси и помилуй раба своего Сьмеона грѣшняго чьрняца Оркажа монастыря аминь. Поставилъ святый крестъ си в лѣто ҂ѕѱнв (т. е. 6752 или 1244) мѣсяца Августа“, и въ нижней—„въ ѕі (т. е. въ 15) день на память святыя Богородица успенйе владычица“;—другой, слѣва, четырехконечный, съ равномѣрно расширяющимися тремя одинаковой величины концами, получающій отъ этого видъ круглаго, и съ оттянутымъ нижнимъ концомъ; длина 1½ а ширина 1 аршинъ; на немъ обыкновенныя крестныя надписи, но своеобразно расположенныя: въ верхнемъ концѣ ИН, въ нижнемъ КИ; по другимъ двумъ концамъ ІС. ХС; въ срединѣ маленькій, тоже четырехконечный, крестъ. Теперь большого креста не видно; подъ образомъ Николая Чудотворца сдѣланъ тяжелый, превышающій, по стѣнѣ, ширину образа, помостъ съ ступенями, чтобы можно было прикладываться; если крестъ 1244 года цѣлъ, онъ, должно быть, прикрытъ этимъ помостомъ. Желательно было намъ отодвинуть помостъ, чтобы убѣдиться въ сохранности креста,—

но не позволили. Другой крестъ приходится на томъ мѣстѣ стѣны Дѣтинца, гдѣ устроена входная, собственно въ Никольскую часовню, лѣстница. Внизу помѣщаются вдовы церковниковъ, охраняющія часовню. Лѣтъ пять назадъ понадобилось копать не особенно глубокую яму саженяхъ въ двухъ на востокъ отъ часовни, для основанія небольшой постройки: при этомъ, на незначительной глубинѣ, въ строительномъ мусорѣ, нашли обломки обыкновенныхъ въ Новгородѣ древнихъ каменныхъ намогильныхъ крестовъ и одинъ, четырeконечный, съ поврежденнымъ правымъ крыломъ.

На каменныхъ крестахъ мы останавливаемся по двумъ причинамъ, во первыхъ: крестъ чернеца Симеона вмазанъ былъ въ стѣну подъ образомъ Николая Чудотворца за 66 лѣтъ до сооруженія Владимірской церкви, пристроенной къ башнѣ въ 1311 году,—и во вторыхъ: церковь стояла надъ воротами по ту сторону башни, извнутри Дѣтинца. Слѣдовательно настѣнный образъ Св. Николая появился здѣсь до 1244;—а круглый намогильный крестъ, тоже вмазанный въ стѣну, указываетъ или на чью либо могилу у Дѣтинцевской стѣны, подъ нимъ,—или на вмазку его въ стѣну послѣ того, когда мѣсто могилы, на которую онъ былъ первоначально поставленъ, понадобилось сравнять для какой либо потребности. Мы видимъ въ стѣнахъ всѣхъ древнихъ Новгородскихъ церквей кресты, въ общемъ одинаковые съ разсматриваемымъ, и преимущественно круглые; они водружаемы были на могилахъ около церквей, предшествовавшихъ сохранившимся; а когда эти, нынѣ существующія, возводились вновь, на болѣе обширныхъ площадяхъ, и захватывали могилы, кресты вмазывались въ соотвѣтственныхъ могиламъ церковныхъ стѣнахъ. Обломки найденныхъ близъ башни упомянутыхъ намогильныхъ крестовъ свидѣтельствуютъ, что тутъ было когда-то нѣсколько могилъ, а строительный соръ, оказавшійся при копаньи ямы подъ основаніе новой постройки, и значительный пригорокъ противъ часовни даютъ поводъ видѣть въ немъ бугоръ, образовавшійся отъ развалины церкви или иного каменнаго зданія, и искать подъ нимъ основаній его. Современная часовня приставлена къ башнѣ не въ древнія времена; на Михайловскомъ изображеніи написана на мѣстѣ ея небольшая деревянная пристройка съ значительнымъ, по размѣрамъ, навѣсомъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ башенной стѣны, которому соотвѣтствуетъ положеніе образа святителя, и съ открытою, входною подъ навѣсъ, лѣстницею, на повоpотѣ которой, пригнанномъ, приблизительно, къ меньшему кресту, срубленъ небольшой теремецъ. Отъ И. К. Купріянова намъ приходилось слышать, что царь Иванъ Грозный, въ дни жесточайшаго разгрома Новгорода, глядѣлъ изъ оконъ Никольской часовни на великій мостъ и слѣдилъ за кровавою расправою звѣрскихъ полчищъ кровожаднаго Малюты съ неповинными жертвами клеветы, мучениками, отмѣченными въ Синодикѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ числѣ 1505 человѣкъ—самимъ Грознымъ; по словамъ же другихъ тогда замучено несравненно болѣе: князь Курбскій насчитываетъ ихъ 15000 въ одинъ день,—Таубе и Крузе—27000,—а Псковскія лѣтописи—до 60000. (Сказанія князя Курбскаго-Устрялова, Спб. 1842 г., стр. 417).

Соображеніе и взаимное сопоставленіе приведенныхъ свидѣтельствъ неисключаетъ значительной вѣроятности предположенія, что въ отдаленные перволѣтописные вѣка была сооружена на Волховскомъ островкѣ, близъ Дѣтинцевской стѣны, деревянная, или и каменная церковь во имя Николая Чудотворца, какъ покровителя водоплаванія, и что художники устроеннаго на этомъ островкѣ училища, тогда-же написали на ближайшей къ церкви стѣнѣ башни и образъ святителя.

Нѣкоторымъ и достаточно вѣскимъ подтвержденіяхъ выдвигаемаго нами предположенія, могутъ служить еще слѣдующія обстоятельства: а) мѣстность, лежащая невдалекѣ отъ Никольской башни и Владычня островка, внизъ по Волхову, называлась „Розважа", что говоритъ за существованіе тутъ пристани, съ которой развозились товары по городу, такъ что строителями, давшими средства на сооруженіе Никольской церкви владыкѣ Мартирію, могли быть судовщики и б) на Розважѣ учрежденъ, по показанію третьей лѣтописи, въ 1555 году, монастырь съ каменною церковью въ память дня рожденія Николая Чудотворца. Изъ свидѣтельствъ объ этомъ монастырѣ, говорящихъ объ учрежденіи и дальнѣйшей судьбѣ его, нельзя не видѣть, что въ названномъ году состоялось не первоначальное учрежденіе и церкви и монастыря святителя Николы, а лишь возобновленіе, вызванное предшествовавшею судьбою той и другого, существовавшихъ тутъ же, на Розважѣ, съ давнихъ временъ, когда она лежала еще у самаго Дѣтинца.

Михайловское изображеніе мы относимъ къ первой половинѣ XV, а Знаменское къ той же части XVI вѣка, но раньше 1555 г., именно къ 1528—1531 гг.; на первомъ видимъ около Никольской башни деревянный навѣсъ и лѣстницу съ теремцомъ, а на второмъ, сряду за стѣною малаго земляного вала, справа отъ Дѣтинца, въ углу, образуемомъ малымъ валомъ и береговою городовою стѣною,—огороженное пространство съ двумя церквами, одною внутри ограды, ближе къ малому валу, и другою на западной сторонѣ ограды, на самомъ западномъ же углу ея; а на мѣстѣ Владычня островка цѣлый рядъ деревянныхъ домовъ и шатровый верхъ какого то башеннаго зданія, съ развѣвающеюся на немъ вѣтрянкою (т. е. флагомъ). Огороженныхъ пространствъ съ постройками внутри много на этомъ изображеніи; на Славенской сторонѣ ими оказываются, повидимому, нѣкоторые торговые дворы иноземцевъ и Плесковскій (Псковскій), а на Неревской—преимущественно дворовые участки улицъ Чудинцевой и Прусской, заселенныхъ въ древности зарубежными выходцами.

По положенію огороженнаго пространства у малаго вала, оно соотвѣтствуетъ церкви Св. Николая, уничтоженной въ 1342 г. пожаромъ, отмѣтка о которомъ занесена въ первой лѣтописи въ такихъ выраженіяхъ: „Загорѣся на Даньславлѣ улицѣ, и погорѣ по берегу и до гребли (до рва около малаго вала), а въ гору до святыхъ Четыредесяти и до святыхъ Козмы и Даміана, а церкви три сгорѣша: святого Николы и святого Іоакова каменные, а третья святого Георгіа". Послѣдняя церковь была на Борковѣ улицѣ (подробности о ней ниже), которую пересѣкала, что уже сказано, Данславля. Мы упоминали объ особенной точности Новгородскихъ памятухъ далекой

древности; въ описаніяхъ большихъ пожаровъ почти всегда наблюдается такой порядокъ: начинается оно мѣстностью возникновенія пожара и идетъ по погорѣвшимъ улицамъ и урочищамъ до мѣста прекращенія его; если перечисляются сгорѣвшія церкви, обозначеніе именъ ихъ начинается оттуда, гдѣ кончился перечень улицъ и урочищъ. Въ приведенной отмѣткѣ такой-же порядокъ: дойдя отъ мѣстности, съ которой начался пожаръ, до гребли, и указавъ направленіе его отъ берега въ гору, лѣтописецъ перечисляетъ церкви отъ границы прекращенія этого пожара и называетъ ихъ съ ближайшей къ гребли и къ Св. Четыредесяти и Козмѣ и Даміану, первою—Св. Николая, второю—Св. Іакова и послѣднею—Георгія. Вторая и третья церкви стояли, какъ увидимъ, на одной прямой съ Никольскою, по Борковой улицѣ, или правильнѣе по улицѣ, соотвѣтствующей протяженію теперешней Дмитровской.

Но здѣсь намъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку: подъ 1135 и 1356 годами есть въ первой лѣтописи отмѣтка о сооруженіи церкви Св. Николая на Яковли улицы; положеніе ея въ отдаленные вѣка, раньше XII, равно пространство и направленіе бывшихъ тутъ проѣздовъ и пѣшеходныхъ проулковъ неизвѣстно. Церковь Іакова значится сооруженною здѣсь первоначально каменною въ 1172 году (I Нов. лѣт. годъ 6680, стр. 15), то есть спустя 32 года послѣ того, когда лѣтописецъ назвалъ улицу ея именемъ. Могло быть, конечно, что и раньше 1172 г. стояла тутъ же деревянная Яковлевская церковь,—но могло быть и такъ, что Яковлева и Янева, подъ перомъ лѣтописца, одна и таже улица; Якова легко назвать Янемъ или Якуномъ,—какъ и дѣлали лѣтописцы. Новгородскій говоръ древности отличается короткостью выраженій; „Янь" короче, чѣмъ „Якунъ" или Яковъ. Къ этому вопросу намъ еще придется обратиться. На Михайловскомъ изображеніи показанъ мостъ по дорогѣ изъ Дѣтинца въ Неревской конецъ,—а въ Ярославовомъ уставѣ о мостахъ конечною границею участка Коломнянъ названъ Нерѣтьскій мостъ (по списку Строева въ I ч. его Временника), приходящійся приблизительно тамъ, гдѣ мостъ этого изображенія. По направленію онъ соотвѣтствуетъ протяженію нынѣшней Дмитровской.

Около времени написанія Михайловскаго изображенія было въ побережьи, гдѣ островокъ Владыченъ и Разважа, три—большихъ пожара, истребившихъ:—въ 1407 г. Неревской конецъ до города „и святая Софія огорѣ вся, дворъ Владычень, околотокъ и Володимерскій берегъ";—въ 1414 г. тотъ же Неревской конецъ отъ Св. Владимера и до Гзени; наконецъ въ 1432 г. околотокъ весь и Владычень дворъ.

Въ указѣ Синода 1796 года о переводѣ Развражскаго монастыря въ Перекомскій на р. Веренду (Консисторское дѣло 1796 г.) сказано, что „неудобно быть монастырю на людномъ и бойкомъ мѣстѣ".

Всѣми этими данными разъясняется, что послѣ пожаровъ, истребившихъ береговыя сооруженія въ первой половинѣ XV вѣка, не могли не пострадать и всѣ постройки Владычня островка. Ко времени написанія Михайловскаго изображенія тутъ сдѣланы были нѣкоторыя, что мы на немъ

видимъ, возстановленія сгорѣвшаго, и между ними навѣсъ надъ образомъ Св. Николая. Начавшееся еще со второй половины XIV века въ Новгородѣ тревожное состояніе для всѣхъ мѣстныхъ властей,—въ томъ числѣ и вѣдавшихъ городское благоустройство,—вызванное стремленіемъ Москвы къ уничтоженію его самобытія (борьба съ Васильемъ Дмитріевичемъ), остановило ширь теченія внутренней жизни и затмило заботы о наружномъ благоустройствѣ города ради красоты его. Ни церковно-художественное училище, на островкѣ, ни церкви Никифоровская и Никольская съ монастыремъ при нихъ,—если они были тутъ до пожаровъ и ими уничтожены, въ это время не возобновлялись. Пострадала и церковь Николая 1135 и 1356 годахъ по ту сторону гребли, огорѣли и мосты перекинутые чрезъ оба рва по дорогѣ изъ Дѣтинца въ Неревской конецъ; ихъ, какъ сооруженія крайне необходимыя, исправили. Событія 1471 года, больно уязвили гордыхъ правителей страны Ильинской, пошатнувъ значительно и ея торговлю; но мало по малу послѣ Коростынскихъ договоровъ возстановилось теченіе внутренней жизни, хотя и не столь бойкое и широкое, какимъ оно было прежде; заботы о благоустройствѣ снова вступили въ свои права, но были поглощаемы въ наибольшей мѣрѣ укрѣпленіемъ города на случай вторичнаго приступа Московскихъ дружинъ. Вмѣстѣ съ укрѣпленіями наружными поновлялись и внутреннія около Дѣтинца; близъ входныхъ воротъ въ окопы учредили особые караулы, Воротники; число воротъ, которыя вели къ Дѣтинцу уменьшили;—вмѣсто прежнихъ четырехъ, открывавшихъ входъ въ малый земляной валъ, осталось только двое—городнія—устава Ярославова, противъ Спасской или Покровской башни, и Неревскія противъ Владимірской. Около Неревскихъ, близъ Разважской башни малаго вала, поставили церковь Св. Николая, должно быть взамѣнъ сгорѣвшей на Владычнемъ островкѣ, или другой, показанной тоже сгорѣвшею въ 1342 г., въ Воротникахъ, въ монастырѣ, тогда же, должно быть, тутъ и устроенномъ съ сторожевою цѣлью, по человѣколюбивому направленію иноческой жизни тѣхъ временъ, являвшейся отзывчивою на всякую братскую помощь. Воротники—это мѣстность у воротъ, которыя вели въ малый валъ и далѣе Неретьскимъ, или Неревскимъ, мостомъ въ Дѣтинецъ;—они приходятся по близости къ церкви 40 мучениковъ. Пожары 1472 и 1477 гг. уничтожили все побережье отъ Петровской бѣлой башни до великаго моста, истребивъ и Воротники и Владимірскую церковь надъ воротами у нынѣшней Никольской башни, и постройки островка Владычня, а событія 1478 г. положили конецъ Новгородскому державству.

Такъ исчезли и уже никогда невозобновлялись церковно-художественное училище съ церковью Св. Никифора, Святого Николая Чудотворца и монастыремъ, вмѣщавшимъ всѣ эти сооруженія.

Для Новгорода началась, съ 14 Января 1478 года, новая жизнь, съ новыми дѣятелями, чуждыми большею частью всего предшествовавшаго; выселеніе образованныхъ и именитыхъ людей страны самобытной сряду обездолило мѣстныя преданія и затуманило отголосокъ недавняго прошлаго. Новые лѣтописцы почерпали свѣдѣнія для своихъ памятухъ уже изъ заму-

тившихся источниковъ. Составитель основнаго сборника второй Новгородской лѣтописи, Лисицкій монахъ Геронтій, хотя жилъ въ половинѣ XV вѣка, около 1450 года, значитъ еще во время самобытія, но тогда не было уже ни одной церкви на Волховскомъ островкѣ, или на островкѣ Владычнемъ; не было и на Вишерскомъ островѣ ни церкви Св. Николая, ни монастыря, что мы видѣли изъ списка монастырей сожженныхъ въ 1386 г.

Для большой убѣдительности вывода нашего изъ этого списка и неосновательности внесенной въ ученое изданіе второй Новгородской лѣтописи поправки въ отмѣткѣ 1197 года обратимся теперь, послѣ всего выше сказаннаго, еще къ слѣдующему:—въ межевой грамотѣ господина великаго Славенскаго конца, данной Саввинской пустыни уже послѣ ея основателя, умершаго въ 1461 году (о ней упомянуто выше подробно), было-бы сказано о церкви и монастырѣ Никольско-Островскихъ, а мѣстность около пустыни не была бы такою дикою и уединенною, какою она описана въ житіи преподобнаго Саввы, появившемся вскорѣ послѣ его смерти (Прологъ, 1-е Октября). Составитель исторіи Россійской Іерархіи, по выводамъ котораго Археографическая коммиссія исправляетъ древнѣйшій списокъ Новгородской лѣтописи, какъ-будто чувствовалъ свою ошибку въ опредѣленіи времени основанія Островскаго на Вишерѣ монастыря; его, очевидно, смущалъ списокъ 1386 года; но чтобы устранить это смущеніе, трудолюбивый владыка Амвросій впалъ въ другую ошибку: межевую грамоту, данную Саввиной пустыни, онъ отнесъ къ концу XIV вѣка, пріурочивая ее къ 1386 году, ко времени послѣ мира съ Донскимъ, а другую докончальную, къ 1436. За основаніе владыка принимаетъ свидѣтельство Татищева о посадникахъ Ѳедорѣ Тимоѳеевичѣ и Иванѣ Максимовичѣ, участвовавшихъ въ составленіи грамоты межевой, и состоявшихъ въ этомъ званіи, одинъ въ 1386, а другой въ 1436 гг. (Татищевъ, Исторія IV, 313, 317. Истор. Рос. Іер. III, 559 и 560). Ошибку Амвросія повторяетъ и Калайдовичъ въ своемъ опытѣ о посадникахъ Новгородскихъ (Москва 1821 г. стр. 233, 242 и слѣд.).

Справкою съ лѣтописью ошибки Амвросія и Калайдовича доказываются рѣшительно: было два посадника съ именемъ Ѳедора Тимоѳѣевича,—одинъ встрѣчается впервые подъ 1385, а другой подъ 1418 гг.; но между обоими было нѣсколько посадниковъ, въ томъ числѣ Василій Ѳедоровичъ, сынъ Ѳедора Тимоѳѣевича. Преподобный Савва умеръ въ 1461 г.; въ межевой грамотѣ значится игуменъ Алексѣй, котораго пожаловали посадники Ѳедоръ Тимоѳѣевичъ и Иванъ Александровичъ землями;—стало быть эта грамота дана послѣ смерти Св. Саввы; а если при игуменѣ Алексѣѣ сдѣланъ только отводъ, самая же земля пожалована старцу Саввѣ, при его жизни,—въ 1386 году,—какъ говоритъ Амвросій, въ такомъ случаѣ намъ придется встрѣтиться съ рѣзкою невѣроятностью, что Савва былъ старцемъ и основателемъ монастыря, имѣя всего года четыре отъ роду, такъ какъ онъ умеръ 1-го Октября 1461 г., на восьмидесятомъ году жизни,—стало быть родился въ 1382 г. А если земля и пожалована и отведена при посадникѣ Ѳедорѣ Тимоѳѣевичѣ первомъ,—ему, этому посаднику, было бы во время отвода по меньшей мѣрѣ сто пятнадцать лѣтъ отъ роду, такъ какъ на сте-

пень посадника возводили людей опытныхъ, уже пожившихъ и заявившихъ себя предъ обществомъ цѣлымъ рядомъ такой разумной и осторожной дѣятельности, которая служитъ ручательствомъ государственной мудрости главы исполнительной власти народнаго державства. О столь почтенномъ возрастѣ степеннаго посадника лѣтопись непреминула-бы отмѣтить. Итакъ и въ этомъ случаѣ ученый владыка Амвросій устанавливаемъ невѣроятность. Причиною тому была не невнимательность изслѣдователя, а недостаточность въ его рукахъ источниковъ, каковою не приходится оправдывать издателей Новгородскихъ лѣтописей; предъ ними лежали цѣлыя горы разнообразныхъ и разновременныхъ сборниковъ и памятухъ семьи Новгородской.

Въ числѣ памятухъ и сборниковъ, находившихся въ распоряженіи издателей лѣтописей, былъ и упомянутый Колобовскій списокъ, въ которомъ значится, что каменная церковь и монастырь Николаевскій, основанные владыкою Мартиріемъ и отмѣченные въ первой и второй лѣтописи подъ 1197 годомъ, находились на Софійской-Неревской сторонѣ. Хотя Николаевской монастырь, съ церковью Св. Николая, и существовалъ на Неревской сторонѣ независимо отъ предполагаемаго на Владычнемъ островкѣ, въ 1155 г., извѣстный подъ именемъ Николы Бѣлаго (о немъ будетъ сказано ниже), но Колобовская отмѣтка не можетъ относиться къ нему, какъ къ возникшему раньше 1197 года.

Скажемъ наконецъ, нѣсколько словъ о причинахъ, вызвавшихъ переводъ Николо-Разважскаго монастыря на р. Веренду, въ монастырь Перекомскій. Синодъ призналъ неудобнымъ существованіе монастыря на Разважѣ, въ мѣстности бойкой и шумной, въ концѣ прошедшаго столѣтія. Кому неизвѣстно, что торговое значеніе Новгорода начало склоняться къ упадку послѣ присоединенія страны Ильменской къ Московскому державству. Мы видѣли, что Великій князь Иванъ III отнялъ у иноземцевъ Варяжскую божницу; онъ первый приготовилъ путь къ ослабленію значенія Новгорода какъ огромнаго рынка городовъ Ганзы. Царь Иванъ IV, разгромивъ Новгородъ, и выселивъ тысячи семействъ, понялъ свою великую ошибку; понималъ ее и его дѣдъ;—богобоязненный сынъ Иванъ III и отецъ Грознаго старался ослабить важность для Россіи быстраго паденія Новгорода предоставленіемъ льготъ заморскимъ купцамъ; онъ дозволилъ Датчанамъ устройство своего торговаго двора; при немъ снова завелось дѣло и съ нѣмцами въ прежнемъ дворѣ ихъ. Грозный, въ припадкѣ болѣзненнаго раздраженія, повѣрившій клеветѣ на Новгородцевъ и погубивъ десятки тысячъ неповинныхъ жертвъ, поспѣшилъ дать понять западной Европѣ, что погромъ его разразился надъ лицами, а не надъ страною; и самъ поселился въ Новгородѣ, почти сряду-же; здѣсь онъ принималъ пословъ иноземныхъ государей, роднился съ ними; отсюда отправлялъ своихъ посланцовъ,—въ Новгородѣ заключались договоры и проч. Такой образъ дѣйствій царя вызвалъ наплывъ купечества изъ срединной Россіи и съ запада Европы; Новгородъ снова ожилъ. Монастырь на Разважѣ возникъ при Грозномъ до разгрома, около 1555 года; горѣлъ не разъ и возстановлялся. Соорудителемъ его былъ заѣзжій гость Ѳедоръ Дмитріевичъ Сырковъ, построившій здѣсь, въ городѣ и въ окрестностяхъ,

нѣсколько церквей. За все время возрожденія торговой дѣятельности положеніе Развалжскаго монастыря на шумномъ и бойкомъ мѣстѣ не вызывало въ духовномъ правительствѣ заботы о мирной и безмятежной жизни иноковъ Развалжскихъ, какую оно возъимѣло уже тогда, когда Новгородъ захудалъ неизлечимымъ недугомъ разрушенія при развившейся рядомъ съ нимъ новой Невской столицѣ. Царь Иванъ Грозный, созвавшій стоглавый соборъ и порицавшій въ сильныхъ выраженіяхъ порасшатавшее ея православіе,—не намекнулъ въ своихъ вопросахъ собору о не соотвѣтствіи иноческій жизни мѣстности Развалжскаго монастыря Сыркова потому должно быть, что, какъ стоявшій при воротахъ малаго вала, онъ былъ необходимый для царскихъ намѣстниковъ стражникъ. Въ концѣ XVIII вѣка сторожевая служба древности имѣла иное устройство и монастырь для нея болѣе ненужный упразднили, чтобы дать въ сооруженіяхъ его помѣщеніе военной больницѣ, остающейся тутъ и до нашихъ дней. Возможно, что и Никольскій монастырь 1197 года, когда тутъ, подъ башнею, была проѣзжая дорога, перенесенный въ XV вѣкѣ въ Воротники послѣ пожаровъ, имѣлъ въ числѣ другихъ и сторожевую, при Дѣтинцевскихъ воротахъ отъ Неревского конца, обязанность.

Итакъ имѣется достаточно данныхъ, чтобы наше Общество отнеслось съ особеннымъ вниманіемъ къ Владычнему островку и мѣстности около Никольской часовни, не упуская изъ виду ни одного случая земляныхъ работъ, производимыхъ, при новыхъ тутъ постройкахъ, пока не представится возможности изслѣдовать всю эту береговую часть путемъ строго-научныхъ раскопокъ.

Живоносная источница. Отдаленнымъ отраженіемъ предположенія нашего о существованіи на Владычнемъ островкѣ монастыря въ древнѣйшія времена и боготворительной дѣятельности христіанскихъ общинъ-братствъ, каковыми были древніе Новгородскіе монастыри,—служитъ незабытое еще въ первые годы XVIII вѣка значеніе ихъ въ жизни народа. Самоотверженный, благотворитель, великодушный современникъ и сотрудникъ Петра Великаго Митрополитъ Іовъ, завелъ, въ 1706 году, на Волховскомъ берегу, за стѣною Дѣтинца, значитъ на Владычнемъ островкѣ, страннопріимныя гостинницы, съ пристройкою бани, поварни и избы (Ист. Росс. Іер. Ч. IV, годы 1706—1715). Въ 1706 г. учрежденъ тѣмъ-же святителемъ и на этомъ-же островкѣ Сиротскій домъ, съ деревянною при немъ церковью во имя Живоносной источницы (Макарій, опис. Арх. дома, стр. 19 и 55). Впослѣдствіи, между 1706—1715 г. Митрополитъ Іовъ перевелъ Сиротскій домъ въ Колмово. Долго-ли существовали на островкѣ страннопріимныя гостинницы, неизвѣстно; но церковь оказалась къ 1783 г. обветшавшею на столько, что, по распоряженію Митрополита Гавріила, была разобрана, какъ значится въ консисторскомъ дѣлѣ,—„за ветхостью“. Это послѣднее обстоятельство вызываетъ сомнѣніе въ первоначальномъ сооруженіи церкви между 1706 и 1715 годами; за шестьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ она не могла обветшать.

На чертежѣ Попова нанесены, на пространствѣ между Волховскимъ мостомъ и значительно дальше Никольской башни, двѣ продолговатыхъ

площади, и на дальнѣйшей поставленъ крестикъ, указывающій мѣсто церкви. По современному виду береговой площади положеніе церкви Живоносной источницы приходится на прямой между башнею и каменнымъ, Аракчеевскихъ временъ, большимъ зданіемъ для хлѣбныхъ запасовъ мѣстныхъ войскъ, на первой трети всего разстоянія, ближе къ башнѣ. На чертежѣ 1778 показаны три площади, одна подлѣ другой, вдоль берега; крестика нѣтъ ни на одной.

На Олеаріевомъ рисункѣ видно нѣсколько церквей и другихъ зданій въ мѣстности, соотвѣтствующей островку Владычню, но, по мелкости и скученности ихъ, невозможна даже и попытка разобраться въ постройкахъ.

Концы Неревской стороны.

Границы древнихъ концовъ Неревской стороны часто мѣнялись. Насколько полезно и необходимо точное опредѣленіе ихъ при изслѣдованіи расположенія въ древности улицъ, какъ границъ дѣленія концовъ, на столько же безполезно и излишне строго придерживаться этихъ границъ при изложеніи остатковъ отъ памятниковъ церковной древности и мѣстъ церковныхъ сооруженій, исчезнувшихъ безъ остатковъ. По этому и имѣя въ виду удобства повѣрки въ будущемъ выводовъ и основаній, излагаемыхъ въ нашей запискѣ, для строго-научнаго опредѣленія мѣстоположенія памятниковъ древности въ городѣ, очертимъ границы Неревскаго и другихъ двухъ концовъ только приблизительно, по нынѣшнимъ улицамъ и урочищамъ.

Уже сказано, что концы Неревской стороны города разростались и забѣгали за внѣшній валъ, образуя тамъ особые поселки, имѣвшіе въ общежитіи названіе также концовъ. Чтобы удобнѣе было разбираться въ лѣтописныхъ отмѣткахъ о мѣстахъ церквей одноименныхъ, существовавшихъ въ разныхъ сторонахъ концовъ, и получить возможно точное установленіе мѣстоположенія всѣхъ лѣтописныхъ церковныхъ сооруженій, какъ одноименныхъ, такъ и разноименныхъ, въ границахъ городского вала и за чертою его, будемъ дѣлить каждый конецъ на участки, примѣняясь къ нынѣшнему расположенію городскихъ и загородныхъ построекъ и общеизвѣстныхъ урочищъ.

Неревской конецъ.

Этотъ древнѣйшій и обширнѣйшій изъ всѣхъ концовъ лѣвой половины города раздѣлимъ на четыре участка, два городскихъ, внутри вала, и два загородныхъ, прилегавшихъ къ валу, одинъ съ полночи, а другой съ запада.

Первый участокъ.

Подъ первымъ участкомъ Неревскаго конца мы будемъ разумѣть пространство, ограниченное: берегомъ Волхова, внизъ по теченію, отъ полночнаго угла площади лѣтняго сада до береговой части вала, гдѣ бугры отъ развалины Петровской башни; отсюда валомъ мимо Петропавловской церкви и Духова монастыря до Петербургской заставы,—отъ нея впрямъ, по Петербургской улицѣ, до лѣтняго сада и далѣе вдоль садовой рѣшотки влѣво, на востокъ, къ Волховскому берегу.

Никола на Розважи. О Развижскомъ монастырѣ уже говорено; мѣстность его опредѣляется больничными зданіями, расположенными между побережьемъ Волхова съ востока, и улицами: Большою и Малою Розважскими съ полудня и съ полночи и Дмитровскою съ запада. По переходѣ отсюда монастыря и по размѣщеніи въ зданіяхъ его больницы, были тутъ въ 1802 и послѣдующихъ годахъ въ цѣлости: по срединѣ монастырской площади главный каменный храмъ во имя Николая Чудотворца объ одной главѣ; отъ него на полночь Благовѣщенская церковь съ придѣломъ Бориса и Глѣба внизу и при ней колокольня,—трапеза и кельи настоятельскія; всѣ эти зданія каменныя;—въ полночно-восточномъ углу полукаменныя, двужилыя, а въ западномъ деревянныя, въ одно жило,—братскія кельи; съ двухъ сторонъ, съ полночной и западной, каменная ограда, а съ остальныхъ деревянная. Нѣкоторые старожилы, лѣтъ сорокъ назадъ, помнили еще всѣ эти зданія; теперь нѣтъ слѣдовъ ни церквей, ни другихъ монастырскихъ построекъ. Найти мѣста церквей и каменныхъ зданій возможно даже при помощи обыкновеннаго курганнаго щупа; строительный соръ отъ развалинъ сразу окажется.

На чертежѣ Попова нѣтъ крестика на площади, соотвѣтствующей положенію Розважскаго монастыря и главной церкви; тутъ поставленъ знакъ, указывающій на мѣсто дома принадлежавшаго, будто-бы, Борецкимъ, сгорѣвшаго въ большой пожаръ 1477 года; но это указаніе произвольно. На чертежѣ 1778 г., среди площади, показанной и на Поповскомъ, нанесена церковь, а въ восточномъ углу, вдоль полночной границы,—мѣста двухъ каменныхъ построекъ. Расположеніе сооруженій въ огороженномъ пространствѣ въ полуденномъ углу, образуемомъ городовою стѣною и малымъ валомъ, на Знаменскомъ изображеніи, объяснено выше; положеніе церкви въ срединѣ его совпадаетъ съ мѣстомъ главнаго храма Розважскаго монастыря,—а это подтверждаетъ наше мнѣніе, что Ѳедоръ Дмитріевичъ Сырковъ не вновь учредилъ тутъ монастырь, а только возстановилъ прежній, Воротники, при церкви Св. Николая, которой ничто не мѣшало быть перенесенною сюда, на Развижу, много раньше пожара 1342 года, съ островка Владычня.

Сорокъ мучениковъ. При изысканіяхъ о мѣстностяхъ, на которыхъ стояли церковныя сооруженія Неревской стороны, выдвигается особенно рѣзко высказанное уже мнѣніе наше о значеніи улицъ въ Новгородѣ, до присо-

единенія его къ Москвѣ, т. е., что улицы были крупные участки концовъ. При Московскомъ державствѣ такое значеніе ихъ утратилось; въ 1507 году велѣно размѣрить по Московски торги, ряды и улицы; въ 1530 г., по повелѣнію Москвы, размѣряли такимъ именно образомъ на Неревской сторонѣ улицы изъ поля въ берегъ прямо, для чего присланы были особые дьяки (Соф. Времен.). Это распоряженіе исполнялось послѣ всякаго пожара. Не слѣдуетъ также забывать, что лѣтописцы часто называютъ улицами проходы и проулки, мѣнявшіе свое положеніе и протяженіе до Московскихъ распоряженій, во время самобытія, послѣ пожаровъ, при возведеніи новыхъ построекъ. Все это вноситъ затрудненіе въ изысканія: одна и таже церковь показывается на неодинаковыхъ улицахъ, не только въ разныхъ лѣтописяхъ, но и въ одной и той-же. Для цѣлей нашего Общества важно знать въ настоящее время, гдѣ слѣдуетъ искать мѣстъ древнихъ сооруженій не по древнему положенію улицъ, улокъ и проулковъ, а по нынѣшнему. Приведенная оговорка особенно нужна при изученіи Неревской стороны, приливы и отливы населенія которой выражались въ колебаніяхъ болѣе осязательныхъ, чѣмъ на другой сторонѣ; тамъ весенніе разливы на пространствѣ между валомъ и Городищемъ не допускали заселенія его, тогда какъ здѣсь высокій подъемъ вешней воды, заливавшій площадь за валомъ,—явленіе весьма рѣдкое.

Церковь во имя святыхъ Четыредесяти появляется въ лѣтописи въ 1199 году, когда заложена каменною; по общему, наблюдаемому относительно древнихъ Новгородскихъ церквей порядку, и эта была, вѣроятно, первоначально деревянною, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ, сказавъ о заложеніи ея, не пояснилъ мѣстности, чего онъ не допустилъ-бы, если-бъ церковь 40 мучениковъ возникла въ этомъ году впервые и не была, поэтому, никому раньше извѣстна. Дальнѣйшее существованіе ея сопровождалось многократными поврежденіями огнемъ и возобновленіями, занесенными въ лѣтописи, что даетъ поводъ считать эту церковь собственностью древняго рода горожанъ, жившихъ тамъ, гдѣ она сооружена, долгое время, исчисляемое вѣками. Подъ 1211 годомъ записано: „волею Божіею съвърши церковь камяну Вячеславъ Прокшиниць, внукъ Малышевъ, святыя 40, а дай Богъ ему въ спасеніе молитвами святыхъ 40“. Подъ 1227 г. сказано: „исписа цьрковь святыхъ 40 Вячеславъ—Малышевъ внукъ, а дай Богъ ему спасеніе“. Горѣла эта цекровь въ 1311, 1340, 1342 и 1350 гг.; но была всякій разъ возобновляема. Въ 1354 г. она упала отъ старости и отъ великихъ пожаровъ, но въ 1356 г. вновь поставлена каменная же;—далѣе, въ 1530 и 1551 г. снова горѣла—и возстановлялась. Въ писцовыхъ книгахъ XVI в. за этою церковью числилось много земель; она существовала въ 1611 году,—но въ первые годы XVIII в. ея уже не было; въ росписи 1615 г., приложенной къ разговорамъ Евгенія Болоховитина, церкви, не существовавшія во время изданія этой книги, т. е. въ 1808 году, напечатаны строчными косыми буквами, а современныя сочитателю—прописными;—сорокъ мучениковъ въ числѣ первыхъ.

Изъ подробностей огромнаго пожара 1340 г., изложенныхъ въ первой лѣтописи по пергаментному сборнику, видно, что церковь 40 мучениковъ „бѣ устроена и украшена иконами и писменемъ и тканіемъ и кованіемъ и крутою"; а изъ отмѣтки подъ 1342 годомъ той же лѣтописи узнаемъ, что эта церковь была усыпальницею родоначальниковъ Посадника Варѳоломея Юрьевича Мишинича: „мѣсяца Октября преставися рабъ Божій Варѳоломей посадникъ Новгородскій и сынъ Юрья Мишинича, на память святую мученику Маркіана и Мартуріа Октября въ 25 день и положиша тѣло его у святыхъ 40 въ отнѣ гробѣ владыка Василій съ игумены и попы. Покой Господи душу его съ всѣми святыми" (стр. 81 годъ 6850).

Въ 1218 году, во время усобицы Славлянъ и Неревлянъ по поводу вражды князя Святослава Мстиславовича противъ посадника Твердислава, Неревляне собирали Вѣче у Святыхъ Сорока. Былъ-ли это единственный случай, или обыкновенный,—лѣтописецъ не разъясняетъ. Между тѣмъ имѣются и въ лѣтописи и въ другихъ письменныхъ памятникахъ свидѣтельства, что каждый изъ пяти концовъ имѣлъ своего посадника Кончанскаго, вѣдавшаго не только дѣла конца, но и извѣстныхъ волостей обширной страны Ильменской, раздѣленной по числу концовъ на пять частей, называвшихся пятинами, изъ которыхъ каждая подчинена была въ порядкѣ управленія соотвѣтствующему положенію ея концу, смежному съ началомъ земель ея (Неволинъ. О пятинахъ); въ пятинахъ были города, управляемые также посадниками. Такимъ образомъ область вѣдомства посадника Кончанскаго была обширна и по дѣламъ разнообразна. Извѣстно, что городскіе участки конца, называвшіеся улицами, управлялись улицкими старостами, выбираемыми уличанами; они подчинялись, поэтому, Кончанскому посаднику. При такомъ строѣ внутренняго управленія, Кончанскій посадникъ и старосты улицкіе должны были имѣть свои особыя, Кончанскія, вѣча, на которыя и созывались кончане и уличане въ важныхъ случаяхъ. Если лѣтописи не говорятъ о Кончанскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ, такъ это потому, что они были слишкомъ обыкновенны и какъ явленія, сами въ себѣ заурядныя, не заслуживали вниманія составителей памятухъ.

На Славенской сторонѣ мы видѣли въ древнѣйшемъ Славенскомъ концѣ церковь Іоанна Ищькова или Ишькова, постоянно возобновлявшуюся послѣ пожаровъ съ XII до XV вѣка, и высказали предположеніе, что она возведена первоначально нѣкіимъ Иваномъ Ищьковымъ или Ишковымъ, вліятельнымъ обывателемъ, оставившимъ хорошее состояніе своему потомству, которое и возобновляло церковь, пока родъ не оскудѣлъ, или пока не вымеръ. Такою же представляется и церковь Сорока мучениковъ на Неревской сторонѣ. Обѣ эти церкви служили, вѣроятно, срединою тяготѣнія для обитателей прилегающихъ къ нимъ мѣстностей и около обѣихъ могли собираться Кончанскія вѣча.

Насколько часто мѣнялись названія улокъ и проулковъ, служившихъ для прохода и проѣзда въ улицахъ, какъ Кончанскихъ участкахъ, лучшимъ свидѣтелемъ представляется церковь Сорока мучениковъ. Въ описаніи пожара 1370 г. она значится на Щерковой улицѣ, выходившей на берегъ

(I Нов. лѣт. подъ 1397); въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка она показывается то на Яковли, то на Яневѣ улицѣ;—въ роспкси 1615 г. церковь эта отмѣчена тоже на Яневѣ улицѣ. Выше замѣчено о тожествѣ обоихъ названій.

Для опредѣленія мѣста, на которомъ стояла церковь Сорока мучениковъ, мы беремъ слѣдующія данныя: въ уставѣ Ярослава о мостахъ названъ заднею границею участка Коломнянъ Неретьскій мостъ (чтеніе по Соф. Временнику Строева); въ 1536 году поставили мостъ новый въ Неревской конецъ къ святымъ Сорока. На Михайловскомъ изображеніи нанесенъ мостъ, повидимому пѣшеходный, отъ полночно-восточнаго закругленія Дѣтинца между Никольскою и слѣдующею башнею, близъ послѣдней, чрезъ ровъ, охватывающій Дѣтинецъ. Въ описаніи крестнаго хода Архіепископа Геннадія вокругъ города деревяннаго, 15 Декабря 1493 г., сказано: „владыка шелъ отъ Петровскаго моста"—что близъ церкви Петра и Павла, нынѣ существующей, сряду за валомъ, по дорогѣ къ Звѣринскому монастырю, чрезъ ровъ внѣшняго вала,—„къ рѣкѣ, и шелъ берегомъ до Яневы улицы, и пришедъ къ Яневѣ улицы, да взошелъ на гору, да пошелъ къ новому мосту, взошелъ на новый мостъ, да шелъ новымъ мостомъ къ Кресту, къ великому мосту" (II Нов. лѣт. стр. 146, годъ 7001). Выше приведена отмѣтка 1342 года о пожарѣ, начавшемся на Даньславлѣ улицѣ, истребившемъ побережье до Гребли (т. е. до рва Дѣтинца)—и въ гору до Святыхъ Сорока мучениковъ и до Святыхъ Козьмы и Даміана; въ числѣ сгорѣвшихъ въ этотъ пожаръ церквей названы: Никольская,—что на Розважѣ, Святого Іакова и Св. Георгія. Во время изданія разговоровъ Митрополита Евгенія въ 1808 году существовали всѣ упоминаемыя въ отмѣткѣ 1342 года церкви, кромѣ Георгіевской. На чертежахъ Попова и 1778 года показаны площадки этихъ же церквей, о которыхъ будемъ говорить ниже. Такимъ образомъ мѣстность церкви Сорока мучениковъ будетъ между Никольскою и Козьмодаміанскою чертежа 1778 г., ближе къ послѣдней и нѣсколько въ сторону отъ нея на полдень къ западу, къ Дѣтинцу.

Въ Лѣтнемъ саду перекинутъ чрезъ ровъ, у горки, гдѣ бесѣдка, мостъ, бывшій лѣтъ пять назадъ каменный, но обрушившійся во время крестнаго хода въ день Преполовенія. Онъ приходится на мѣстѣ древняго Неретьскаго. Если стать на краю этого мостика со стороны Дѣтинца и провести отъ него прямую чрезъ горку и Розважскую улицу, что идетъ вдоль сада къ берегу, она, эта прямая, войдетъ въ больничное зданіе. Тутъ подъ больничнымъ зданіемъ и будетъ мѣсто древней церкви Святыхъ Сорока мучениковъ. Минувшимъ лѣтомъ, 1893 года, близъ названной прямой проводили чрезъ широкую дорогу, идущую по окраинѣ лѣтняго сада вдоль Розважской улицы, канаву для водосточной трубы и нашли два человѣческихъ черепа, хранящихся въ моемъ собраніи. Возможно что они принадлежатъ погребеннымъ при церкви Сорока мучениковъ.

Въ предыдущей статьѣ описанъ огороженный участокъ Знаменскаго изображенія съ одною церковью въ срединѣ и съ другою у самаго малаго вала, на западномъ углу участка. На западъ отъ этого участка стелется

площадь, неправильнаго очертанія, нѣсколько съуживающаяся въ направленіи къ полночи на востокъ и вытягивающаяся широкою полосою вплоть до внѣшняго вала;—это по всей вѣроятности древняя Янева, или Яковля, или Боркова и Великая улица, ведущая въ Неревской конецъ отъ Звѣринскаго монастыря прямо къ малому валу и Дѣтинцу, къ мѣсту Неретьскаго моста и соотвѣтствующая положенію нынѣшней Дмитровской; на нее выходили съ берега Волхова улицы: Янева, Разважа, Щеркова и другія. Возможно, поэтому, съ достаточною вѣроятностью считать угловую церковь огороженнаго участка Знаменскаго изображенія за Святыхъ Сорокъ мучениковъ, такъ какъ ни на площади, ни близъ нея не поставлено болѣе ни одной церкви, соотвѣтствующей, по приведеннымъ даннымъ, Сорока мученикамъ.

Чтобы получить точное, не допускающее сомнѣній, опредѣленіе мѣстности этой древней церкви, усыпальницы именитыхъ Новгородцевъ, а затѣмъ, путемъ раскопокъ, найти и Отній гробъ посадника Варѳоломея Юрьевича Мишинича, Обществу нашему слѣдовало-бы войти въ сношеніе съ начальствомъ больницы мѣстныхъ войскъ и просить его разрѣшенія изслѣдовать предполагаемое мѣсто церкви курганнымъ щупомъ, ничего не разрушающимъ и не оставляющимъ послѣ работы имъ никакихъ слѣдовъ.

Козьма и Даміанъ. Въ Неревскомъ концѣ было три церкви, посвященныхъ этимъ святымъ мученикамъ-безсребренникамъ: —а) на Кузмодемьяни улицѣ; б) на улицѣ Холопьи и в) въ Кузнецахъ на Гзени. Попытаемся опредѣлить положеніе каждой изъ этихъ церквей, насколько дошло до насъ свѣдѣній о нихъ.

а) **Козьма и Даміанъ на улицѣ того-же имени.** Эта церковь нанесена на чертежѣ Попова 1778 г.; въ росписи 1615 г., приложенной къ разговорамъ Евгенія Блоховитинова, она напечатана прописными буквами, значитъ существовала еще въ 1808 году. На обоихъ чертежахъ около этой церкви показаны площадки. Сравнивая чертежъ 1778 года съ нынѣшнимъ расположеніемъ улицъ, найдемъ мѣсто Козьмодаміанской церкви на Забавской улицѣ, продолжающейся по пересѣченіи съ Петербургскою къ самому берегу Волхова, саженяхъ въ двадцати отъ пересѣченія, по направленію къ Тихвинской церкви, на лѣвой рукѣ, во дворѣ каменнаго дома военной больницы, противъ длиннаго деревяннаго дома бывшаго Манкошева, а теперь А. М. Стальнова.

О первоначальномъ сооруженіи Козьмодамьянской церкви на Неревской сторонѣ отмѣчено въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1146 и 1181 годами; въ обоихъ случаяхъ церковь была деревянная;—улицы же не названы. Въ значительный промежутокъ времени между указанными годами, въ 35 лѣтъ, былъ, по лѣтописи, на Неревской сторонѣ всего одинъ пожаръ, въ 1175 году, и то въ предѣлахъ Прусской улицы, далеко отъ мѣстности всѣхъ трехъ Козьмодамьянскихъ церквей. Стало быть въ 1146 и въ 1181 г. были возведены послѣдовательно двѣ Козьмодаміанскія деревянныя церкви въ Неревскомъ концѣ. Третья лѣтопись отводитъ для болѣе древней Холопью улицу, а о второй не упоминаетъ вовсе. Подъ 1345 годомъ въ первой лѣтописи записано: „заложи владыка Василій церковь свя-

тыхъ Козмы и Даміана повелѣніемъ раба Божія Ананія—Куритскаго на Кузмодемьянѣ улицѣ, на другой недѣли по Велицѣ дни“ (т. е. послѣ Пасхи). Въ тотъ же годъ весною она была „съвръшена“,—окончена; стало быть—церковь деревянная. Названіе улицы Кузмодемьянскою показываетъ, что она получила это имя до построенія церкви въ 1345 году.—слѣдовательно первоначальное сооруженіе восходитъ, если вѣрить третьей лѣтописи, къ 1181 году; въ 1311 году, во время двухъ пожаровъ, 19 Мая и 28 Іюня, начавшихся одинъ разъ съ Яневой улицы, а другой съ Розважи, съ Глѣбова двора, выгорѣлъ Неревской конецъ въ одну сторону до малаго вала (сѣмо до Гребли), а въ другую и за Боркову улицу „и сгорѣ церкви святого Козьмы и Демьяна, и другая святаго Саввы и Четыредесять церковь огорѣ и домове добріи“. Если въ порядкѣ перечисленія сгорѣвшихъ церквей видѣть правило лѣтописцевъ, объясненное въ статьѣ „Никола святой“, по поводу пожара 1342 года, тогда Козьмодемьянская пожара 1311 года будетъ на Холопьей улицѣ. Въ 1340 году было два пожара, начавшихся въ Неревскомъ концѣ; въ первый сгорѣло 40 церквей деревянныхъ и 3 огорѣли, а во второй 48 деревянныхъ и 3 каменныхъ „паде“. Второй пожаръ начался съ Щирковой улицы, близкой къ Кузьмодемьянской, такъ что сооруженіе церкви Куритскимъ вызвано этимъ послѣднимъ пожаромъ. Слѣдующій пожаръ, почти чрезъ сто лѣтъ, 1541 года, только повредилъ церковь на Кузьмодемьянской улицѣ. Въ 1615 г. она была деревянная.

б) **Козьма и Даміанъ на Холопьей улицѣ.** Основанная первоначально въ 1146 году деревянною, она, какъ и первая, много разъ горѣла. При ней служилъ священникомъ Григорій, по прозванію Калѣка, избранный въ 1330 году на владычество и возведенный въ санъ архіепископа съ иноческимъ именемъ Василія. Этотъ ученый владыка получилъ отъ Константинопольскаго патріарха „Блый клобукъ“, до сихъ поръ хранящійся на „полатѣхъ Св. Софіи“.

Въ 1711 году поставлена на мѣстѣ Козьмы и Даміана на Холопьей улицѣ Тихвинская военная церковь съ придѣломъ во имя безсребренниковъ. Подробныя свѣдѣнія какъ о нынѣсуществующей Тихвинской, такъ и о церкви, взамѣнъ которой она основана, приведены въ трудѣ Макарія о Новгородскихъ церковныхъ древностяхъ (Ч. I, стр. 216).

и в) **Козьма и Даміанъ въ Кузнецахъ.** Объ этой церкви время оставило намъ одну только запись Софійскаго временника, въ которомъ подъ 1533 году отмѣчено объ освященіи деревянной церкви Козьмы и Даміана въ Кузнецахъ, на Гзени (стр. 290). Гдѣ были „Кузнецы“—письменныхъ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Но на чертежѣ 1778 г. нанесено четыре одинаковыхъ постройки у самаго вала съ внутренней стороны, въ промежуткѣ между современными улицами Лучинскою и Петербургскою, на пустырѣ. Ко времени составленія этого чертежа была тутъ же, нѣсколько подальше, противъ самой Лучинской улицы, обширная, вдоль вала, деревянная постройка, выведенная покоемъ (буквою П); открытая сторона обращена къ Петербургской улицѣ. Въ объясненіи къ чертежу четыре одинаковыя постройки названы Кузницами. Сряду за ними, но по другую сторону вала,

подбѣжала къ самому окопу рѣка Гзень; отсюда она взяла полночно-восточное направленіе, оставивъ далеко въ сторонѣ ровъ вала. На чертежѣ Попова нѣтъ ни кузницъ, ни другой постройки; за валомъ же противъ Лучинской и Петербургской улицъ поставлена замѣтка, что тутъ жилыя мѣста.

Въ древности, приблизительно съ XIV вѣка, отъ нынѣшней Петербургской улицы шла Воцкая дорога, а отъ Лучинской Иваньгородская; такъ что, быть кузницамъ на пространствѣ между двумя дорогами по сю и по ту сторону вала—естественно.

Принявъ во вниманіе, что Гзень, на всемъ теченіи своемъ, ни разу не забѣгаетъ за валъ внутрь города, что въ XVIII вѣкѣ были кузницы между названными улицами, и что сряду за валомъ, противъ этихъ улицъ, пробѣгаетъ Гзень по заселенной мѣстности, мы назовемъ мѣстомъ третьей Козьмодаміанской церкви правый берегъ Гзени прямо на нынѣшней дорогѣ въ Петербургъ внутри города, саженяхъ въ двадцати отъ вала къ западу на полдень.

Савва освященный. Первое извѣстіе о сооруженіи церкви во имя Св. Саввы восходитъ къ 1154 году, но гдѣ она была, на Славенской или на Неревской сторонѣ, пергаментный сборникъ не объясняетъ; третья же лѣтопись даетъ подъ этимъ годомъ подробности: „Въ лѣто 6662 заложиша церковь святаго Саввы освященнаго каменну, въ Саввинѣ улицы, на Софійской сторонѣ, при Нифонтѣ Епископѣ, его строеніемъ“ (стр. 215). Но эта отмѣтка сомнительна: подъ 1181 г. въ пергаментномъ же спискѣ сказано: „срубиша церковь святаго Іакова на Добрыни улици, и святую безмездныку Кѣзмы и Даміяна и святого Савы и святого Георгія и святого Іоана Ишькову“. Добрынину улицу мы видѣли, она проходила у самаго малаго вала около полуденно-западнаго закругленія Дѣтинца; видѣли и церковь Іоанна Ишькова на Славнѣ; Св. Георгій и теперь существуетъ въ Торгу на Славенской сторонѣ; его прошлое указываетъ несомнѣнно, что эта отмѣтка относится именно къ нему (Макарій I, 385); Козьмодаміанскія церкви объяснены. Значитъ Саввина церковь была деревянною въ 1181 г.; о пожарахъ въ Неревскомъ концѣ за время между 1154 и этимъ годомъ лѣтопись не сказываетъ,—а въ 1194 году, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, съ пятницы „вста зло, по вся дни загорашеся невидимо и шесть мѣстъ и болѣ“;—вѣроятно въ это время сгорѣла, въ числѣ другихъ, и Саввина церковь вмѣстѣ съ Козьмодаміанскою на Холопьи улицѣ, такъ какъ въ 1271 году: „Ѳедоръ Хотовичъ постави церковь Св. Саввѣ; поставиша-же и другую церковь Козмы и Демьяна на Холопьи улици“ (I Новгор. лѣт. годъ 6779). И эта церковь была деревянная,—въ пожаръ 1311 года (отмѣтка приведена выше) она сгорѣла; о каменныхъ лѣтопись говоритъ: „огорѣ, падеся, осыпася“, а о деревянныхъ всегда—„сгорѣ“; въ 1356 году поставлены были три церкви „древяны“ и въ числѣ ихъ „святый Сава на Кузмо-Даміанѣ улицѣ“. (Тамъ-же годъ 6864, стр. 108). Первый разъ каменная Саввина церковь на Кузьмодаміанской улицѣ поставлена,—она значится въ числѣ другихъ трехъ (по первой лѣтописи),—въ 1418 году (тамъ же, годъ 6926. стр. 108);

третья лѣтопись даетъ подъ этимъ годомъ подробную отмѣтку: „Совершиша церковь каменну святого Саввы освященнаго на Савинской улицѣ на Софійской сторонѣ—Хотовича съ Козмодемьянц“, (стр. 237). Въ пожарѣ 1551 году Саввинская церковь засыпалась.

Изъ этихъ отмѣтокъ слѣдуетъ, что третья лѣтопись невѣрно относитъ сооруженіе каменной Саввинской церкви къ 1154 г. и называетъ улицу, на которой она появилась, Саввинскою въ томъ же году; она смѣшиваетъ также подъ 1418 годомъ подробности отмѣтки первой лѣтописи 1271 года. А какъ о существованіи въ Неревскомъ концѣ Саввинской улицы не упоминается нигдѣ, кромѣ третьей лѣтописи, можно съ увѣренностью заключить, что она впервые появилася только съ XVIII вѣка, когда составлялся основной сборникъ третьей лѣтописи, а затѣмъ когда упразднилась церковь исчезло и имя Саввиной улицы.

Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и въ росписи 1615 года церковь Саввы значится на Козмодемьянѣ улицѣ, а не на Саввиной;—въ росписи она показана каменною.

Единственными лѣтописными указаніями, и то отдаленными, въ видѣ только намека, о мѣстѣ Саввиной церкви являются приведенныя отмѣтки 1271 и 1311 гг.; въ нихъ сказано, въ первой—объ одновременномъ сооруженіи этой церкви и Козьмодаміанской на Холопьей улицѣ, а во второй объ одновременномъ же истребленіи этихъ обѣихъ церквей пожаромъ; основываясь на такихъ отмѣткахъ, возможно догадываться, что Саввина церковь стояла между двумя Козьмодаміанскими и значительно ближе къ той, что на Холопьи улицѣ, т. е. гдѣ нибудь около нынѣшней Тихвинской церкви.

На чертежѣ Попова поставлено два креста почти рядомъ на неправильной площади, соотвѣтствующей положенію Козьмодаміанской церкви и улицы того же имени, но разстояніе между обоими меньше, чѣмъ между ближайшимъ къ Тихвинской церкви и этою послѣднею. На чертежѣ 1778 года отмѣчена площадка каменной постройки влѣво отъ Козьмодаміанской церкви и нѣсколько западнѣе ея, въ полуденномъ углу той же площади, что на первомъ съ двумя крестами, но ни креста, ни алтарнаго выступа, обыкновеннаго на церковныхъ площадяхъ, здѣсь нѣтъ;—къ тому же площадка не на срединѣ самой площади. Когда упразднена Саввина церковь—неизвѣстно; если она существовала еще послѣ чертежа Попова, указаніе его не маловажно; а если и показаніе чертежа второго относится къ церковному мѣсту, или къ развалинѣ церкви, въ такомъ случаѣ Саввѣ освященному слѣдуетъ отвести участокъ на нынѣшней Забавской улицѣ, влѣво отъ Петербургской, если идти по ней отъ лѣтняго сада, подъ каменнымъ домомъ подворья Духова монастыря. На Знаменскомъ изображеніи написана каменная церковь именно на этомъ мѣстѣ.

Чтобы разсѣять сомнѣнія полезно будетъ поискать въ дѣлахъ Консисторіи, или въ бумагахъ Духова монастыря, свѣдѣній о поступленіи въ собственность его того двороваго участка, на которомъ нынѣшнее подворье.

Яковъ Святой. Въ 1177 году „заложиша церковь камяну святого Якова въ Неревскъмъ конци“. Уже замѣчено что Яковъ часто называется въ нашей

лѣтописи Якунъ, встрѣчается также имя Янъ, которое можно, кажется, считать тоже за Якова; это имя короче чѣмъ Якунъ, а Новгородцы любили краткость говора, такъ что церковь во имя Св. Іакова основана какимъ нибудь состоятельнымъ Новгородцомъ Яномъ или Якуномъ; быть можетъ даже недалекимъ потомкомъ воеводы Св. Владиміра Ярославовича, ходившаго въ Константинополь, Яна Вышатича, нанесшаго за сто лѣтъ предъ тѣмъ рѣшительный ударъ шаманству. Подъ 1226 годомъ повторена слово въ слово предыдущая отмѣтка. Не попала-ли которая нибудь изъ нихъ въ лѣтопись два раза ошибкою, при списываніи въ сборникъ памятухъ, состоявшихъ изъ маленькихъ лоскутковъ. Этотъ вопросъ вызывается отмѣткою о пожарѣ 1175 года, уничтожившемъ церкви Св. Михаила и Святого Якова и Святаго Вознесенія, бывшія въ другой сторонѣ, въ Людинѣ концѣ. Между 1172 и 1226 годами промежутокъ всего въ 54 года; пожаровъ въ теченіе его въ Неревскомъ концѣ не было,—обветшать каменная церковь за это время не могла настолько, чтобы вызвать построеніе новой на ея мѣстѣ. А если въ 1175 году сгорѣла Яковлевская церковь въ Людинѣ концѣ,—отмѣтка 1771 года можетъ относиться къ ней (объ этой Яковлевской скажемъ въ будущемъ), а другая къ Яковлевской Неревского конца; въ виду чего первоначальное сооруженіе этой послѣдней не безосновательно будетъ отнести не къ 1172, а къ 1226 году, хотя подъ первымъ третья лѣтопись и замѣчаетъ, что эта Яковлевская церковь основана на Яковлевѣ улицѣ Неревского конца, въ большомъ земляномъ валу. Пожары не щадили ея, но послѣ всякаго поврежденія церковь, бывшую до конца XVII вѣка соборною, возстановляли и она, доживъ до половины нашего столѣтія, пала въ 1846 году.

Мѣсто Яковлевской церкви многіе помнятъ; она стояла, частію, въ саду нынѣ существующей церкви Пантелеймоновской или Николо-Кочановской; полуденная стѣна ея приходилась всего въ двухъ саженяхъ отъ теперешней каменной часовни надъ могилою праведной Ульяніи, матери Николая Кочанова (Макарій 1, 204). На чертежахъ Попова и 1778 г. площадь этой церкви показана. На Знаменскомъ изображеніи Яковлевская церковь поставлена на правой сторонѣ того широкаго проѣзда, который ведетъ отъ Звѣринскаго монастыря къ Неретьскому мосту.

Георгій Святой. Въ 1303 г. срубиша деревянную церковь Св. Георгія „на Борьковѣ" улицѣ. Въ пожаръ 1342 г. она сгорѣла; девяносто лѣтъ спустя „Борковцы" поставили каменную церковь Святого Юрья, которая въ 1541 году огорѣла, но вскорѣ возобновлена. Въ росписи 1615 г. значится: „на Борковѣ улицѣ храмъ каменъ Георгій мученикъ, да трапеза древяна, а въ ней храмъ Рождество Христово. Въ 1808 году не было уже ни одной изъ этихъ церквей.

Въ концѣ древней Борковой улицы, на нынѣшней Дмитровской, близъ вала, существуетъ площадь саженъ въ 30 длины и ширины; она извѣстна подъ именемъ Веселой горки и не вымощена; почти вся поверхность ея состоитъ изъ каменныхъ строительныхъ обломковъ, особенно скученныхъ въ части ближайшей къ берегу и близъ полночнаго угла противолежащей. Среди обломковъ валяются куски раздробленныхъ человѣческихъ костей; въ

полночномъ углу выдается на поверхность, похожій на могильную плиту, камень около трехъ аршинъ длины и не меньше аршина ширины. Произведенными нами на этой площади раскопками обнаружено захороненіе на различной глубинѣ разрозненныхъ костяковъ человѣка; особенно много ихъ въ двухъ указанныхъ мѣстахъ. Упомянутый камень былъ окопанъ со всѣхъ сторонъ и представлялся въ видѣ изящнаго памятника, съ художественно-исполненными украшеніями со всѣхъ сторонъ, кромѣ верхней, совершенно сгладившейся; на камнѣ играютъ дѣти и сидятъ торговки булками, яблоками и вообще подобными мелочами. На передней,—боковой, сторонѣ камня высѣченъ выпукло двуглавый орелъ образца Екатерпненскихъ временъ,—а по верхнему, выдающемуся, ребру положена выпуклая же надпись искусною, хитро задуманною, вязью. Къ сожалѣнію, камень мягкой горной породы, такъ называемый рухлякъ, и надпись сильно пострадала подъ ногами дѣтей и отъ ударовъ при игрѣ въ бабки; изъ отрывковъ поврежденныхъ словъ можно только понять, что это памятникъ для всѣхъ, тутъ погребенныхъ. Толщина камня, съ низу до верху, больше аршина.

Нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей говорятъ, что тутъ было нѣсколько церквей и въ числѣ ихъ Св. Георгія Побѣдоносца, упавшихъ очень давно. Бугры развалинъ этой церкви раскиданы по площади лѣтъ тридцать назадъ,—а до того Веселая горка имѣла видъ огорѣлаго пустыря. Мѣсто Георгіевской церкви указываютъ въ полночно-восточномъ углу площади, недалеко отъ могильнаго памятника.

На Знаменскомъ изображеніи поставлены, близъ вала, по лѣвой сторонѣ широкаго проѣзда къ Дѣтинцу, двѣ церкви, одна, которая по больше, ближе къ проѣзду, а другая дальше. Одна изъ этихъ церквей можетъ быть признаваема за Георгіевскую.

Намогильный памятникъ, при внимательномъ изученіи остатковъ надписи, дастъ, вѣроятно, нѣкоторыя указанія объ имени церкви, при которой онъ первоначально поставленъ. Для изученія его слѣдуетъ убрать съ площади, иначе погибнетъ навсегда этотъ, хотя и не особенно древній, но любопытный предметъ, указывающій на состояніе искусства въ половинѣ прошедшаго вѣка.

Дмитрій Селунскій. Древнѣйшее извѣстіе о сооруженіи Дмитріевской церкви въ Новгородѣ относится къ 1195 году; оно читается въ пергаментномъ сборникѣ такъ: „Срубиша цьрковь нову Воздвиженія и святого Василія и святого Дмитрія Ноздрьницу“. Эта Дмитровская церковь могла быть по сосѣдству съ другими двумя, находившимися, какъ увидимъ, въ Людинѣ концѣ. Слово „Ноздрьницу“, если означаетъ прозвище строителей, подтвердитъ это мнѣніе; Ноздрицы жили въ одномъ мѣстѣ и построили всѣ три церкви тамъ, гдѣ жили. Если же оно не прозвище, то Дмитровскую церковь 1195 года не трудно видѣть и тамъ, гдѣ ее находитъ лѣтопись впослѣдствіи, не исключая ни Славенской стороны, ни ближайшихъ окрестностей, при чемъ главнѣйшимъ руководителемъ слѣдуетъ принять пожары. За годъ до сооруженія всѣхъ трехъ церквей приведенной отмѣтки сгорѣли три церкви: Василій, Воздвиженіе и Троица, что, конечно, и вызвало во-

зобновленіе первыхъ двухъ;—а въ 1211 году загорѣлось на Рядятинѣ улицѣ,—въ Людинѣ же концѣ, гдѣ Троицкая церковь существующая до сихъ поръ, и выгорѣло по одной лѣтописи пять, а по другой пятнадцать церквей. Дмитровская церковь 1195 г. была деревянная; если ее срубили тѣже Ноздричане, которые возобновили Воздвиженскую и Васильевскую,—она могда сгорѣть также въ 1211 году и болѣе уже не возникать на прежнемъ основаніи, въ томъ же концѣ. Наша задача опредѣлить мѣста церковныхъ сооруженій;—по отношенію къ Дмитровской 1195 года, Людина конца, она невыполнима, если церковь сгорѣла и послѣ 1211 г. не возстановлялась, такъ какъ за все лѣтописное время ни разу не встрѣчается отмѣтки о ней въ этомъ концѣ. Но подъ 1390 годомъ отмѣчено о сгорѣвшей того же имени церкви на Даньславлѣ улицѣ въ Неревскомъ концѣ; здѣсь лѣтописецъ засталъ ее, слѣдовательно, уже построенною, если упомянулъ о сгорѣвшей, но когда построенною неизвѣстно,—а это даетъ право считать церковь 1195 г. за срубленную въ Неревскомъ, а не въ Людинѣ концѣ. Въ 1394 г. Даньславцы поставили вмѣсто сгорѣвшей деревянной каменную Дмитровскую церковь. Подвергаясь затѣмъ многимъ пожарамъ и починкамъ, она дожила до половины нашего вѣка. Ея-то мѣсто мы и видимъ на Веселой горкѣ, къ сторонѣ Волхова, и на Знаменскомъ изображеніи, въ одной изъ двухъ, болѣе обширной, стоящей нѣсколько дальше отъ Волхова.

Въ росписи 1615 года она записана уже послѣ всѣхъ церквей Неревской и Славенской стороны; церкви стороны Славенской перечисляются въ этомъ памятникѣ послѣ Неревскихъ; составитель росписи, или переписчикъ, пропустилъ Дмитровскую церковь на Дмитровской же улицѣ Неревской стороны, и записалъ ее по окончаніи росписи. Это обстоятельство ввело, что мы уже видѣли, въ ошибку кропотливаго и безупречно-добросовѣстнаго владыку Макарія, указавшаго Дмитріевскую улицу и церковь на Славенской сторонѣ.

На чертежѣ Попова нанесена, на мѣстѣ Веселой горки, продолговатая площадь, вытянувшаяся вдоль направленія берега; крестовъ на ней нѣтъ. На другомъ же, 1778 г., тутъ очерчена равносторонняя площадь, нѣсколько задающаяся дугою на востокъ; на краю, ближайшемъ къ западной сторонѣ, почти на границѣ ея, обведена церковная площадка съ алтарнымъ выступомъ и крестомъ. Видимо это мѣсто церкви Дмитрія Селунскаго. На остальномъ же пространствѣ площади, отъ этой церкви на востокъ, могла стоять Георгіевская, на что указываетъ и выдающаяся дугою сторона ея.

Святый Никола. Въ 1135 году, по пергаментному сборнику: „Ирожнетъ заложи церковь святого Николу на Яколи улици“;—въ 1356 году поставлены, по записи того же сборника, „три церкви деревянны: святы Никола на Яковли улицѣ, святый Сава на Кузмодаміанѣ улицѣ, святый Никола на Ляткѣ“. Запись 1135 г. повторена въ первой и второй лѣтописяхъ и въ Татищевскомъ сборникѣ дословно. О Никольской церкви 1356 года говорено въ статьѣ о церкви и монастырѣ на островкѣ Владычнемъ. Тамъ она отождествлена съ церковью въ мѣстности, гдѣ впослѣдствіи учреждены монастыри въ Воротникахъ и Николо-Розважскій, съ церквами Мирликійскаго Чудотворца.

Въ третьей лѣтописи подъ упомянутымъ 1135 годомъ значится: „Заложена бысть церковь каменная святого Николы Чудотворца въ Неревскомъ концѣ, на Яковлевѣ улицѣ. А въ иномъ лѣтописцѣ написано: 6652 года (1144) заложиша тое церковь каменную Св. Николая Чудотворца на Яковлевѣ улици на Софійской сторонѣ, въ большомъ земляномъ валу; а совершиша тое церковь каменную въ лѣто 6925", или 1417 г. (стр. 214).

Если отмѣтка третьей лѣтописи только пояснительная, и въ этомъ случаѣ нельзя ею не смущаться; составитель основнаго ея сборника жилъ въ первой четверти XVIII вѣка, когда существовала каменная Николо-Розважская церковь; между тѣмъ онъ говоритъ и о Николѣ, каменномъ же, на Яковли улицѣ,—стало быть обѣ онѣ были въ Неревскомъ концѣ одновременно, чѣмъ ослабляется высказанное выше положеніе о возникновеніи на Розважѣ церкви раньше 1555 г. Однакожъ указаніе на годы 1144 и 1417 разрѣшаютъ нѣсколько наше смущеніе: подъ вторымъ изъ этихъ годовъ значится въ первой лѣтописи: „совершены, т. е. окончены, быша шесть церквей каменыхъ: святая Троица на Колмовѣ, святый Никола, святый Мина на Даньславнѣ улицѣ, святой Андрей на Щитной улици, святой Антоній у святого Спаса на Хутанѣ, святый Никола на Холопьи городкѣ". Хотя третья лѣтопись, повторяя эту отмѣтку и дополняя ее мѣстоописательными прибавками составителя основного ея сборника, объясняетъ, что одна церковь Николы находилась въ Неревскомъ концѣ, на Яковлѣ улицѣ, а другая на Холопьей,—но это едвали справедливо: близъ Хутынскаго монастыря существуетъ урочище: „Холопій городокъ"—а церковь Николы на немъ названа въ отмѣткѣ послѣ Хутынской,—слѣдовательно указаніе на улицу Холопью невѣрно; а изъ этой невѣрности позволительно заключить и объ ошибкѣ или домыслѣ и въ назначеніи мѣста для другой Николаевской церкви. Сборникъ, въ которомъ показана подъ 1144 г. закладка церкви во имя Св. Николая на Яковлевѣ улицѣ, не изданъ,—вѣрить же одной третьей лѣтописи, въ виду частыхъ ея ошибокъ и изложеній, опасно.

Мы видѣли, что церковь Іакова основана въ 1172 году; между тѣмъ оказывается, что еще въ 1135 году та улица, на которой Ирожнетъ поставилъ Николу, называлась Яковлевскою; значитъ тутъ была первоначальная церковь, давшая ей имя раньше 1172 года. Всѣ другія церкви перваго участка Неревскаго конца возникли послѣ 1135 года. Церковь Іакова, большая и бывшая соборною, стояла на томъ широкомъ проѣздѣ, который мы называемъ Борковою улицею; въ началѣ ея, у земляного малаго вала, была Николаевская-Розважская церковь. Не называлась-ли она въ тѣ времена, когда тутъ была одна только Яковлевская церковь, т. е. до 1135 года, Яковлею, или сокращено Яневою? Если такъ, то одна изъ церквей, основанныхъ въ 1135 и 1356 годахъ, могла быть тою, которая впослѣдствіи значится на Розважѣ. Въ этомъ случаѣ не будетъ противорѣчія и съ росписью 1615 г., въ которой показаны каменныя церкви Св. Николая и на Яковлѣ улицѣ и на Розважѣ,—притомъ, въ приложеніи къ разговорамъ Митрополита Евгенія, Никола Чудотворецъ на Яковлѣ улицѣ напечатанъ прописными буквами, слѣдовательно церковь эта существовала въ 1808

году, а Никола на Розважѣ—строчными буквами—и его уже не было въ этомъ году. Преосвященный Макарій считаетъ отмѣтку 1135 относящеюся къ монастырю Николы Бѣлаго (Опис. церк. древ. I, 145). Значитъ и онъ принимаетъ за Яковлю улицу 1135 года широкій проѣздъ, соотвѣтствующій нынѣшней Дмитровской улицѣ, такъ какъ Николо-Бѣльскій монастырь находился рядомъ съ Звѣринскимъ, между нимъ и валомъ, куда ведетъ эта нынѣшняя Дмитровская улица.

Но роспись 1615 г. помѣщаетъ на Яковлевой же улицѣ церковь Св. Пантелеймона, или Николо-Кочановскую, нынѣ существующую и находящуюся отъ мѣста Яковлевской на западъ къ полночи, на значительномъ разстояніи, что не соотвѣтствуетъ выше приведенному Московскому требованію, чтобы улицы велись прямо. Въ устраненіе сомнѣнія съ этой стороны слѣдуетъ отмѣтить, что церковь Пантелеймоновская основана въ 1554 году, уже послѣ 1530 г.; „когда размѣряли улицы на Софійской сторонѣ изъ поля въ берегъ прямо",—тогда эта церковь приходилась какъ разъ на одной прямой съ Яковлевскою отъ вала съ полночи къ западу, къ Волховскому берегу,—а Николаевскія, каменная 1135 и деревянная 1366 г., сооружены до Московской передѣлки улицъ, когда онѣ составляли концевые участки. Въ народѣ же отличительныя прилагательныя одноименныхъ церквей разныхъ частей города могли остаться все таки прежнія. Поэтому, вѣроятно, хотя въ 1615 году Никола-Бѣлый стоялъ уже на улицѣ, не называвшейся тогда Яковлею,—за нимъ осталось древнее прилагательное, установившееся въ отличіе этой церкви отъ Яковлевой въ Людинѣ концѣ, на Добрынинѣ улицѣ.

На чертежахъ Попова и 1778 года нѣтъ знаковъ мѣста церкви Св. Николая ни на Яковлевой, ни на Дмитровской улицѣ въ чертѣ города, въ разсматриваемомъ первомъ укасткѣ Неревскаго конца, но мы увидимъ ихъ во второмъ участкѣ.

Мина великомученикъ. Въ числѣ шести каменныхъ церквей, сооруженныхъ въ 1417 г. была „святый Мина на Данславлѣ улицѣ". Улица эта была крайнимъ участкомъ Неревскаго конца къ внѣшнему валу съ полночной стороны; чрезъ него проходилъ, въ поперечномъ направленіи, и широкій путь, соотвѣтствующій древней Яневой или Яковли улицѣ, за тѣмъ Борковой и современной Дмитровской. Первоначальное сооруженіе церкви Святого Мины въ лѣтописи не упоминается; о ней въ первый разъ сказано по случаю пожара 1385 года. Въ 1555 году церковь эта выгорѣла внутри.

Въ росписи 1615 г. помѣщенъ храмъ каменъ Мина великомученикъ, на Досланѣ. На чертежѣ Попова мѣсто этой церкви не обозначено, а на чертежѣ 1778 г. нанесена площадь и по срединѣ ея означено церковное мѣсто тамъ, гдѣ теперь помѣщеніе для службъ вѣдомства путей сообщенія, то есть отъ Пантелеймоновской церкви на полночь къ востоку, на продолженіи въ этомъ направленіи той улицы, на которой стоитъ эта церковь, и которая называется въ настоящее время Мининской. Упразднена церковь Св. Мины между 1778 и 1808 годами.

Праведная Марія Магдалина. Въ росписи 1615 г. названъ на Дoсланѣ улицѣ (древняя Даньславля) храмъ древянъ Преподобная Марія Магдалина. Когда этотъ храмъ основанъ, какая судьба его и гдѣ онъ находится, ни лѣтописныхъ, ни другихъ свидѣтельствъ намъ не приходилось встрѣчать. Не знаютъ о немъ и старики, живущіе около вала, въ предѣлахъ Даньславли улицы. По этому ограничимся однимъ только упоминаніемъ о существованіи церкви Маріи Магдалины, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ мѣстоположенія Новгорода и времени указаніе источниковъ, по которымъ можно опредѣлить какъ время основанія этого храма, такъ равно его судьбы и мѣсто въ Неревскомъ концѣ.

Святой Спасъ на Розважѣ. Въ 1421 году сооружена каменная церковь Спасъ на Розважѣ. Въ описаніи пожара, истребившаго въ 1541 году шесть церквей, названъ Святый Спасъ на Розважѣ. Въ третьей лѣтописи помѣщена объ этомъ пожарѣ слѣдующая отмѣтка: „Загорѣся на Яновѣ улицы, противъ Владимерскихъ вратъ у тюремъ, и начаша горѣти съ Яновѣ улицы, и Щиркова улица въ полѣ, за церковь за Сорокъ мучениковъ, и Розважа улица по церковь по святой Спасъ, и Козьмодемьяня улица по церковь горѣла, и Холопья по церковь же, а Боркова и за церковь святого Георгія горѣла, а Яковлева улица по церковь, и три улки вси до Дослави улицы по одной стороны; и церквей огорѣло шесть; Сорокъ мучениковъ на Щирковѣ, святый Спасъ на Розважѣ, Козма и Даміанъ на Козмодемьянѣ улицы, а святого Саввы церковь засыпалась, Іоанна Предтечи церковь вся сгорѣ, была древяная, Георгія на Борковѣ улицѣ огорѣ“. Послѣ этого пожара Спасская церковь на Розважѣ возстановлена; по росписи 1615 года она была каменная и имѣла придѣлъ Св. Василія Великаго, архіепископа Кесарійскаго. Упразднена до 1778 года, такъ какъ не показана на чертежахъ, на которые мы постоянно ссылаемся.

Отмѣтка 1551 г. указываетъ во 1-хъ, что къ этому времени улицы береговой части Неревскаго конца вымѣрены и проложены были уже впрямь, по Московски, изъ поля въ берегъ, и во 2-хъ, что полемъ назывался тотъ широкій проѣздъ, на мѣстѣ котораго нынѣшняя Дмитровская улица. Въ лѣтописи встрѣчаются заполья на Неревской и Запольская улица на Славенской сторонѣ, находящіяся внутри города, около самаго вала; между ними и собственно городомъ, т. е. улицами какъ участками концовъ, оставлялось незастроенное пространство, необходимое для свободы дѣйствій при непріятельской осадѣ. На Знаменскомъ изображеніи широкіе проѣзды, подобные тому, гдѣ теперь Дмитровская улица, лежатъ по срединѣ концовыхъ участковъ Чудинцевскаго и Прусскаго; на концахъ этихъ участковъ, близъ вала, были запалья Чудинское и Прусское. Въ Нарядной описи Новгорода 1623 года, составленной послѣ Шведскаго разгрома, приводятся, напримѣръ, заполья концовъ Софійской стороны: Козмодемьянское, Яневское и др. Въ лѣтописи подъ 1552 и 1554 гг. сказывается, что горѣло Чудинское заполье за городомъ за деревяннымъ,— подъ которымъ извѣстенъ малый валъ, или меньшій городъ вокругъ Дѣтинца;—внѣшній же валъ называется землянымъ городомъ.

Сдѣлавъ замѣтку по поводу описанія пожара 1541 года, и зная уже положеніе обѣихъ церквей Козьмодаміанскихъ, Яковлевой, Сорока мучениковъ и Георгіевской, а также Владимірскихъ воротъ, бывшихъ подъ нынѣшнею Никольскою башнею, мы безъ натяжекъ опредѣлимъ площадь пожара полосою по полю, т. е. по нынѣшней Дмитровской улицѣ, до самаго вала и отъ него къ Волховскому берегу, начиная отъ тюремъ, стоявшихъ сряду за рвомъ Дѣтинца, между нимъ и малымъ валомъ; этотъ валъ защитилъ отъ истребленія ту огороженную мѣстность, внутри которой были Воротники и за тѣмъ Николо-Розважскій монастырь, а церковь Сорока мучениковъ на углу, снаружи.

При такомъ направленіи пожара оказались огорѣвшими: Сорокъ мучениковъ, Спасъ на Розважи, обѣ церкви Козьмы и Даміана, Яковлева и Георгіевская. Обѣ Козьмодаміанскія стояли на одной прямой, соотвѣтствующей нынышней Тихвинской улицѣ, а Яковлева и Георгіевская почти на одной прямой, по нынѣшней Дмитровской улицѣ; на той же почти прямой приходилась и Четыредесятная; а Спасъ на Розважѣ названъ между Четыредесятною и первою Козьмодаміанскою, слѣдовательно мѣсто его будетъ между этими церквами, т. е. въ томъ же дворовомъ участкѣ военной больницы, гдѣ предполагается найти вѣрное указаніе слѣдовъ Четыредесятной церкви, но въ полночномъ, отъ полуденнаго угла двора, направленіи.

Іоаннъ Предтеча. Въ перечнѣ пострадавшихъ отъ пожара 1541 года церквей названа Предтеченская; какъ деревянная она сгорѣла вся. Когда возникла, была-ли возобновлена послѣ пожара, въ какое время и въ какомъ видѣ—неизвѣстно. Въ росписи 1615 г. означенъ придѣлъ въ церкви Саввы освященнаго—соборъ Іоанна Крестителя. Въ перечнѣ пострадавшихъ во время пожара 1541 г. церквей, Іоаннъ Предтеча поставленъ послѣ Саввы,—изъ чего можно заключить, что онъ былъ къ Саввинской церкви ближе, чѣмъ къ другимъ сосѣднимъ. Пожаръ этотъ не распространялся на западъ отъ Саввинской церкви, поэтому Предтеченская церковь должна была находиться на востокъ отъ нея, по направленію къ Четыредесятной, то есть между нынѣшними улицами—Петербургскою и потянувшимися отъ нея въ полночновосточномъ направленіи Тихвинскою и Розважскою, по близости къ Петербургской. На чертежахъ ея нѣтъ, поэтому надобно полагать, что послѣ пожара 1541 г. Предтеченская церковь не возобновлялась.

Второй участокъ.

Мѣстность сряду за валомъ, гдѣ Звѣринскій и Духовъ монастыри, называется съ конца XIV вѣка Петровскимъ-Неревскимъ концомъ; его мы и принимаемъ за второй участокъ Неревскаго конца. Границами этого участка будутъ: внѣшній валъ—на полднѣ къ западу; рѣка Волховъ до впаденія въ нее рѣки Гзени—на востокъ; теченіе Гзени между Волховомъ и дорогою въ Петербургъ—на полночь, и эта дорога—на западъ, къ городу.

Звѣринецъ. Еще съ долѣтописныхъ временъ пространство между внѣшнимъ валомъ Неревскаго конца и рѣкою Гзенью было заселяемо. Тутъ нахо-

дилось учрежденіе, свидѣтельствующее на первый взглядъ о замѣчательно-высокомъ развитіи благосостоянія Новгородцевъ,—это Звѣринецъ,—учрежденіе, подобное которому едва-ли гдѣ существовало ранѣе IX вѣка, кромѣ Рима, и едва-ли гдѣ имѣло въ древности такое же, какъ у насъ, значеніе.

Въ X и XI вѣкахъ Загзенье представляло густую лѣсную чащу, которою пробрался къ Новгороду въ 1069 году Всеславъ Брячиславовичъ князь Полоцкій, встрѣченный здѣсь Вожанами,—Людинами-ратниками Вотьской пятины, сидѣвшими около Звѣринца для охраны Неревскаго конца съ этой полночно восточной стороны. Едва-ли, поэтому, мы ошибемся, если скажемъ, что въ перволѣтописныя временанасельниками Петровско-Неревскаго конца, были воины-стражники.

Къ сужденію о поводахъ, вызвавшихъ учрежденіе Новгородцами Звѣринца, нѣтъ данныхъ, имѣющихъ твердую почву. Близъ Славенской стороны мы видѣли горы Соколью и Лисичью, а близъ Неревской Синичью. Что дало холмамъ такія названія, можно только догадываться; объясняютъ, напримѣръ, наименованіе ихъ любовью нашихъ отдаленныхъ предковъ къ охотѣ, усвоенною заимствованіемъ съ запада; тою же догадкою нѣкоторые изслѣдователи древностей ограничиваются и относительно происхожденія Звѣринца.

Пока западные ученые и наши послѣдователи ихъ видѣли въ Ильменской странѣ „Пустое мѣсто", получившее насельниковъ въ какихъ-то чудовищахъ, то одноглазыхъ (Геродотъ), то съ собачьими головами (Курцій), нечего было искать слѣдовъ человѣческаго развитія на пустомъ мѣстѣ (Бѣляевъ). Вѣяніе западной науки удерживало самостоятельную пытливость русскаго ума. Даже до половины текущаго столѣтія насъ учили, да еще и теперь учатъ, будто первымъ просвѣтителемъ Россіи было Скандинаво-Германское племя, насадившее въ нашей странѣ гражданственность и давшее ей первыя, по образцу своихъ, учрежденія. Охота, эта кровавая забава, почитаемая и до сихъ поръ благородною, съ Звѣринцами и Соколиными дворами, считалась занесенною къ намъ тоже съ запада, какъ утѣха рыцарей стараго времени. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ и во многихъ научныхъ работахъ по изслѣдованію старины Новгородской обыкновенно объясняютъ названіе нынѣ существующаго Звѣринскаго монастыря основаніемъ его на мѣстѣ Княжескаго Звѣринца.

Съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія отечественная наука о древностяхъ вступила въ міръ вѣковъ, забытыхъ человѣчествомъ и открыла въ странѣ Ильменской и во всемъ полуночьи Европы, ясные до несокрушимой очевидности, слѣды заселенія не только этого полуночья, но также Азіи и всей вообще Россіи, не чудовищами, а людьми точно такими же, какіе бродили въ одиночку и ютились въ горныхъ пещерахъ и звѣриныхъ логовищахъ во всей остальной Европѣ въ вѣка ледниковые, влача жизнь въ борьбѣ за существованіе съ величайшими травоядными, мамонтомъ, носорогомъ и ихъ современниками и съ кровожаднѣйшими хищниками лѣсовъ, норъ и разсѣлинъ скалъ.

Намъ удалось, лѣтъ шесть назадъ, открыть близъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, при истокѣ его изъ Ильменя, въ урочищѣ „Коломцы",

подъ мощнымъ пластомъ глины, обширную площадь, на которой сидѣли въ ледниковые вѣка первонасельники Ильменско Волховскаго побережья. Въ книгѣ объ этой находкѣ, на которую сдѣлано уже нѣсколько ссылокъ, указаны слѣды сношеній насельниковъ этого самаго побережья съ народами странъ сосѣднихъ, потомки которыхъ въ настоящее время живутъ на непривѣтливыхъ окраинахъ полуночья Европы и Азіи и даже въ лѣсахъ верхней Америки. Будучи загнаны въ суровый край непреодолимою силою обстоятельствъ, созданныхъ какимъ-то „злымъ народомъ" въ незапамятные вѣка, эти такъ называемые инородцы остаются до сихъ поръ на невысокой степени развитія, хотя имѣютъ прошлое далеко не такое унылое, какъ настоящее. Въ вѣрованіяхъ обездоленныхъ нынѣшнихъ пасынковъ сибирскихъ и американскихъ, бывшихъ нѣкогда могучими властелинами воды и земли полуночья, держится особое уваженіе къ нѣкоторымъ звѣрямъ, а къ медвѣдю даже какъ къ святынѣ; женщина у нихъ хотя и равноправна съ мущиною, но не можетъ прикоснуться къ медвѣдю не только къ живому—подневольному, даже и къ шкурѣ убитаго. Еще до сихъ поръ Чукчи, Гольды и Гиляки Азіи, Чиппуенъ, Книстено и Эскимосы Америки чтутъ медвѣдя если не за божество,—такъ за святыню дремучихъ лѣсовъ.

Въ курганахъ и могильникахъ земли Мерянской находятъ, вмѣстѣ съ захороненными костяками людей, грубыя изъ необожженой глины подобія медвѣжьей лапы; на Коломцахъ мы находили если не всегда, то очень часто пальцевыя кости медвѣжьей лапы, зарытыми въ одну яму съ костями человѣка. Въ населеніи водной области верхняго и первой половины средняго теченія рѣки Луги, гдѣ язычество держалось стойко еще въ XVI вѣкѣ, намъ доводилось замѣчать и усвоить съ дѣтства нѣкоторыя особенности народнаго говора и въ числѣ ихъ названіе звѣремъ только одного медвѣдя; всякаго другого обитателя лѣсовъ тамъ называли видовымъ его именемъ: волкъ, лисица, хорь и пр., а имени медвѣдя не произносили вообще, въ лѣсу же въ особенности. Тоже наблюдали въ прошедшемъ столѣтіи въ Камчаткѣ и въ Америкѣ.

При такомъ уваженіи къ могучему хозяину лѣсовъ полуночья нѣкоторыя племена, какъ Гольды и Гиляки, до сихъ поръ содержатъ въ срединныхъ своихъ селеніяхъ медвѣдя, кормятъ и холятъ его на общественный счетъ подъ наблюденіемъ жреца или священника своей вѣры, для ежегодно справляемаго „Праздника Медвѣдя" (Докторъ Зеландъ).

Выше мы указали основанія, по выводамъ изъ которыхъ мѣстность Новгорода представляется заселенною съ ледниковыхъ вѣковъ и притомъ непрерывно, однимъ племенемъ. Народовѣды, наблюдая нравы, обычаи и вѣрованія племенъ земнаго шара, заключаютъ, по сходству таковыхъ, или о сродствѣ племенъ, или о существованіи между ними когда-то тѣсныхъ сношеній, если, не смотря на разстоянія, основы вѣрованій остаются не измѣнившимися въ теченіи многихъ вѣковъ. Медвѣдь у современныхъ сибирскихъ инородцевъ и Американскихъ лѣсниковъ, а также Гольдовъ, Гиляковъ и племенъ Амурскихъ пользуется значеніемъ существа священнаго, несомнѣнно, по установленію незапамятной древности, восходящей къ вѣкамъ захороне-

нія изображенія его лапы въ древнихъ Мерянскихъ могилахъ и пальцевыхъ костей на Коломцахъ,—къ вѣкамъ, когда существовали между насельниками Ильменской страны и родоначальниками нынѣшнихъ скитальцевъ сибирскихъ тундръ, амурскихъ тайгъ, лѣсовъ и пустынь Верхней Америки, тѣсныя сношенія; доказательства каковыхъ найдены нами на Коломцахъ.

Звѣринецъ по сосѣдству съ Неревскою стороною былъ, или могъ быть, установленіемъ тѣхъ же вѣковъ для содержанія священныхъ медвѣдей, сохраняющихъ и до сихъ поръ въ области рѣки Луги, намъ извѣстной, исключительное право именоваться звѣрями, а не видовымъ своимъ названіемъ. Это мнѣніе наше подкрѣпляется погребальнымъ курганомъ, названнымъ выше Лазаревскимъ холмомъ, свидѣтельствующимъ своею обширностію объ общей въ немъ усыпальницѣ Неревлянъ-язычниковъ, а положеніемъ между окопомъ города и Звѣринскимъ монастыремъ,—о близости къ нему священнаго мѣста, каковымъ могло быть общественное содержаніе священныхъ-же звѣрей—медвѣдей.

По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ во второмъ Неревскомъ участкѣ было нѣсколько храмовъ и монастырей. Въ настоящее время тутъ сохраняются монастыри: Звѣринскій и Духовъ, оба женскіе, и церкви Петропавловская и Лазаревская;—лѣтописи говорятъ и о другихъ. Назовемъ тѣ, мѣстоположеніе которыхъ можно опредѣлить.

Никола Бѣлый. Уже высказано въ статьѣ „Святой Никола", что первоначальное основаніе церкви во имя Св. Николая Чудотворца въ мѣстности, гдѣ возникъ монастырь Николо-бѣльскій, нѣкоторыми относится къ 1135 г. Первое извѣстіе о возникновеніи при этой церкви монастыря восходитъ къ 1165 г.; но, какъ помѣщенное въ третьей лѣтописи, оно представляется сомнительнымъ; отмѣтка подъ этимъ годомъ читается такъ: „на Троецкой недѣли Архіепископъ Іоаннъ ходилъ со кресты по Загородской сторонѣ, около Деревяннаго города, и у Чудотворца Николы-Бѣлаго, на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ, обѣдню служилъ и велѣлъ Игумену Антонію общину сотворити въ томъ монастырѣ" (III Новг. лѣт. годъ 6673, стр. 215). Общежитіе введено въ монастыряхъ, уже по Московскому почину, не раньше XVI вѣка, что и вызываетъ сомнѣніе въ достовѣрности этой отмѣтки,—тѣмъ болѣе, что во второй Новгородской лѣтописи обстоятельства, въ ней изложенныя, отнесены къ 1552 году, подъ которымъ значится: „Мѣсяца Іюня въ 3 день, въ пятокъ на Троицыной недѣли, Архіепископъ (тогда былъ Серапіонъ II) ходилъ со кресты по Загородской стороны, около города Деревяннаго, и у чудотворца Николы Бѣлаго въ Неревскомъ концы обѣдню служилъ; и велѣлъ Игумену Антонію Изящному общину засѣдати въ Николинѣ въ монастырѣ, а тотъ былъ монастырь розно, промежъ себя братья хлѣбъ ѣли въ кельяхъ" (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 156). Возможно, что составитель основного сборника третьей лѣтописи спуталъ года, или ему попала памятуха безъ года. На сомнительности отмѣтки третьей лѣтописи мы остановились потому, что владыка Макарій отнесъ основаніе каменной церкви Святого Николая на Яковли улицѣ 1135 г. къ мѣстности Бѣло-Никольскаго монастыря; онъ вѣроятно повѣрилъ приведенной отмѣткѣ подъ 1165 годомъ. Если же ее устранить изъ числа доказательствъ,

въ такомъ случаѣ Ирожнетову церковь Николы ничто не помѣшаетъ ставить тамъ, гдѣ впослѣдствіи явился Николо-Розважскій монастырь, а деревянную 1356 года на мѣстѣ монастыря Бѣло-Никольскаго, что не измѣняетъ сущности настоящихъ нашихъ объясненій: и тамъ и тутъ существовали церкви во имя Николая Чудотворца, которыхъ теперь нѣтъ и мѣстоположеніе которыхъ мы пытаемся опредѣлить. Но устраненіе показанія третьей лѣтописи о событіяхъ 1552 г., отнесенныхъ ею къ 1165 г., небезразлично для Никольской церкви на Розважѣ, въ виду возможности учрежденія монастыря на Владычнемъ островкѣ, по ближайшему сосѣдству обѣихъ мѣстностей и по вѣроятной близости древней Яневой улицы къ островку и къ Володимерскимъ воротамъ.

Въ описаніи Новгородскихъ церковныхъ древностей владыки Макарія отведена церкви Бѣло-Никольскаго монастыря особая статья, обнимающая все ея прошлое (Ч. I, стр. 144—150), потому мы не будемъ повторять подробностей, тамъ изложенныхъ, хотя съ нѣкоторыми можно и не согласиться; въ 1860 году, когда издана книга Макарія, Бѣло-Никольская церковь существовала; теперь ея нѣтъ; но мѣсто еще примѣтно,—оно показано на чертежѣ Новгорода снятомъ въ 1862 году и изданномъ при Военно-Топографическомъ Депо, рядомъ съ церковью Лазаря, отъ нея на полночь къ востоку, саженяхъ въ десяти отъ ограды Звѣринскаго монастыря.

Святой Спасъ. По нынѣшней Петербургско-Чудовской дорогѣ, до крутого поворота ея вправо на полночь къ востоку, въ сторону къ Колмову, лежала Вотская дорога, по прямой на Царское село, мимо монастырей Сыркова и Вяжицкаго; она пересѣкала рѣку Гзень. Между Духовымъ монастыремъ и мостомъ чрезъ Гзень, ближе къ рѣкѣ, въ 1394 г. „поставлена деревянная церковь Спасъ въ концѣ Кузьмодемьяни улици и монастырь устроенъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6902 стр. 97). Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка значатся деревни, „что были Спасскіе конецъ Кузьмодемьяни улицы съ Вотскія дороги“. Тутъ же, только въ чертѣ города, мы видѣли церковь Козьмы и Даміана въ Кузнецахъ. Одинъ разъ упомянуто въ лѣтописи, по случаю пожара въ 1545 году, Кузьмодемьянское запольe, вѣроятно въ томъ смыслѣ какой нами приданъ ему выше, то есть, какъ мѣстность въ чертѣ города, близъ вала. Такимъ образомъ можно видѣть здѣсь, во второмъ участкѣ, не ту Козьмодемьянскую улицу, на которой сооружена Тихвинская церковь, а другую, составлявшую участокъ Неревскаго-Загороднаго конца.

Въ росписи 1615 г. значится на Вотской дорогѣ монастырь дѣвичъ, а въ немъ каменный храмъ Преображеніе Христово; но когда устроенъ этотъ храмъ—неизвѣстно. Слѣдовъ монастыря и церкви нѣтъ.

Николай Чудотворецъ. Въ росписи 1615 года два раза отмѣчена церковь Николая Чудотворца такъ: „Никола Чудотворецъ на Гзени“ и „храмы древянные Козьма и Даміанъ да Никола Чудотворецъ“. Обѣ записи стоятъ рядомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что и церкви стояли близко одна къ другой. Предшествуетъ этимъ записямъ отмѣтка о Духовомъ монастырѣ. Составитель росписи заносилъ церкви, стоящія въ одной мѣстности, начиная съ большей или съ важнѣйшей, или, наконецъ, сперва отмѣ-

чалъ каменныя, а потомъ деревянныя: Козьмодаміанская была, какъ мы видѣли, ближе къ Духову, чѣмъ Спасская; между тѣмъ въ росписи Козьма и Даміанъ и Никола Чудотворецъ, „храмы древянные“, поставлены рядомъ,— причемъ отдѣльно названъ Никола на Гзени, вѣроятно тотъ же самый. Поэтому церковь Николы мы помѣщаемъ между Козьмодаміанскою въ Кузнецахъ и Спасскою на Вотской дорогѣ,—сряду за внѣшнимъ валомъ. А если тутъ было двѣ церкви Св. Николая тогда указать мѣсто второй, при настоящемъ обзорѣ, мы не можемъ, за отсутствіемъ доказательствъ.

Страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Въ 1424 году сооружена каменная церковь „святый Борисъ и Глѣбъ на Гзени“—по первой лѣтописи,—а по третьей „и монастырь возградиша“. Въ росписи 1615 года отмѣчено: монастырь на Гзени мужской, а въ немъ храмъ Страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Она существовала въ первой половинѣ XVIII вѣка; когда упразднена неизвѣстно. Единственнымъ указаніемъ мѣста ея представляется хранящійся въ моемъ собраніи рукописей сборникъ, озаглавленный такъ: „Выпись изъ Новгородской губернской канцеляріи спицовымъ и здозорныхъ сотказныхъ книгъ и здачь Новгородскаго Николаевскаго Бѣлаго монастыря на вотчинные земли и на дворовые мѣста и на крестьянъ“. Выданъ онъ взамѣнъ монастырскихъ бумагъ, сгорѣвшихъ въ большой пожаръ; на каждомъ листѣ сбоку, вдоль, скрѣпа Новгородской губерніи секретаря Богдана Зеленина,—а внизу, по листамъ, канцеляриста Петра Екимова и секретаря же Романа Семикова; на каждомъ полулистѣ, въ верхнемъ правомъ углу, клеймо съ двуглавымъ орломъ, увѣнчаннымъ тремя коронами; по обѣ стороны средней, большой короны, число 1720, и внизу, по обѣ же стороны хвоста орла, помѣта: „1. ко.“. Всѣхъ полулистовъ 26; на оборотной сторонѣ послѣдняго значится, что выпись выдана 10 Августа 1732 года; была приложена печать Великаго Новгорода; она не сохранилась, —но оставила на прилегавшемъ къ печати чистомъ листѣ оттискъ обыкновенной Новгородской печати XVI—XVII вѣка, съ изображеніемъ ступеней, ведущихъ на верхъ большого жилого зданія съ окнами, и посоха, на нихъ положеннаго, вдоль. На первой страницѣ выписи выставленъ кудрявымъ почеркомъ № 1477.

Въ этомъ сборникѣ, начиная съ 9-го листа, содержатся выписки изъ „писцовой книги 132 года (1623) Александра Чоглокова, которая за приписью дьяка Максима Матюшкина“. Тутъ подробно означены тяглыя дворовыя мѣста прихода Николая Чудотворца Бѣлаго за городомъ, въ Неревскомъ концѣ, на Петровской на Пробойной улицѣ,— въ такомъ порядкѣ: отъ заднихъ воротъ Никольскаго монастыря, на Никольской улицѣ къ рѣкѣ Волхову,—за Никольскою улицею, позади дворовъ лѣвой стороны ея отъ Волхова до болота,—на Глотовской улицѣ, отъ Волхова къ Звѣринскому монастырю;—въ Саввиной улицѣ отъ Звѣринскаго монастыря къ Волхову и—„отъ Бориса и Глѣба отъ Гзени по рѣкѣ Волхову вверхъ, улицею Кривымъ мостомъ; и въ той же улицѣ отъ рѣки отъ Волхова къ Звѣринскому монастырю“. На этой улицѣ и оканчивается описаніе тяглыхъ дворовъ, съ означеніемъ, какъ и на всѣхъ перечисленныхъ участкахъ, хозяевъ и прост-

ранства. Всѣхъ дворовыхъ мѣстъ отъ Бориса и Глѣба на Гзени по улицѣ „Кривой мостъ“ четырнадцать, а отъ нея къ Звѣринскому монастырю восемъ. Длина каждаго мѣста по Кривому мосту десять саженъ, а поперечникъ пятьдесятъ саженъ,—а по улицѣ отъ Волхова къ Звѣринскому монастырю длина двороваго мѣста тоже десять саженъ, поперечникъ же сорокъ. По разсчету длины дворовъ, принимая таковую по лицевой сторонѣ улицы, разстояніе отъ Бориса и Глѣба на Гзени до конца улицы „Кривой мостъ“ будетъ сто сорокъ саженъ, — а отсюда до Звѣринскаго монастыря восемьдесятъ саженъ,—такъ что монастырь съ храмомъ Страстотерпцевъ отстоялъ отъ Звѣринскаго на полночь къ востоку, къ берегу рѣки Гзени, не болѣе какъ на полтораста саженъ. Отложивъ на чертежѣ площади нынѣшняго Новгорода, изданномъ въ 1862 году, пространство между Звѣринскимъ монастыремъ и Гзенью въ полтораста саженъ, получимъ мѣсто Борисоглѣбскаго монастыря на правомъ берегу Гзени, гдѣ она дѣлаетъ крутой заворотъ на полночь.

Михаилъ Святой. Въ 1386 году, когда Новгородцы выжгли 24 окрестныхъ монастыря въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, названы въ числѣ сгорѣвшихъ, Борисоглѣбскій, Богородицынъ, Николинъ и Лазаревъ, а въ числѣ отдѣльныхъ церквей Михаилъ Святой на Колмовѣ. Подъ Богородицкимъ здѣсь можно считать или Успенскій-Колмовской, или Звѣринскій, въ которомъ храмъ Положеніе ризы и пояса Богоматери. Цѣль сожженія монастырей—затруднить осаду; если были уничтожены четыре рядомъ стоявшихъ монастыря, Звѣринскій, Борисоглѣбскій, Николай Бѣлаго и Лазаревъ, не могъ-бы остаться не тронутымъ Колмовъ, отстоящій отъ Борисоглѣбскаго на Гзени не болѣе, какъ на версту. Но если Колмовъ служилъ, какъ сказано выше, передовымъ укрѣпленіемъ города, онъ долженъ былъ остаться не сожженнымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Михайловская церковь также осталась-бы не тронутою, если-бы она была въ Колмовѣ или рядомъ съ нимъ, въ сторонѣ къ городу. Въ росписи 1615 г. имѣется такая отмѣтка: „Идучи на Колмово зовется на полѣ храмъ древянный, Архангелъ Михаилъ“. Стало быть эта церковь стояла не близъ Колмова. Если сожженный Богородицкій монастырь былъ Звѣринскій, Михайловская деревянная церковь могла сгорѣть одновременно съ нимъ и другими тремя сосѣдними въ томъ только случаѣ, когда стояла очень близко къ которому нибудь изъ этихъ монастырей. Путь отъ города къ Колмову, болѣе близкій, мимо бывшихъ Лазаревскаго, Бѣло-Никольскаго, и Борисоглѣбскаго на Гзени монастырей. Поэтому слѣдуетъ искать мѣста Михайловской церкви или на правомъ берегу Гзени, во второмъ участкѣ Неревскаго конца, противъ полночной стороны Звѣринскаго монастыря, или на лѣвомъ, между этимъ и Борисоглѣбскимъ монастыремъ. Когда упразднена Михайловская церковь—свѣдѣній нѣтъ.

Третій участокъ.

Третій участокъ начнемъ лѣвою, или полуденно-западною, половиною Петербургской улицы; его охватываетъ:—валъ отъ Петербургской улицы на

западъ до нынѣшней Малой Конюшенной, а древней Людгощей улицы,—полночно-восточная сторона ея, продолженная до средины Лѣтняго сада, и отсюда оградою сада до встрѣчи съ Петербургскою улицею. На пространствѣ этого участка лежали древнія улицы: Янева, Розважа и Щиркова, но всѣ одними только западными своими частями. Между ними были проѣзды, улки и проулки съ присвоенными особенными каждому и не всегда постоянными названіями, сбивавшими и смущавшими изслѣдователей расположенія Новгородскихъ концовъ и улицъ.

На третьемъ участкѣ Неревскаго конца къ нашему времени осталась только одна древняя церковь Св. Ѳеодора Стратилата,—но еще въ первой половинѣ XVII вѣка, послѣ Шведскаго разгрома, ихъ было три. До разгрома же, по лѣтописи, существовало еще не меньше двухъ;—мѣста нѣкоторыхъ, впрочемъ не болѣе двухъ, можно опредѣлить съ точностью,—остальныхъ же—приблизительно, однако въ предѣлахъ не болѣе пятнадцати саженъ назначенной для нихъ площади.

Ѳеодоръ Тиронъ. Въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1115 годомъ записано: „Заложи Войгость церковь святого Ѳеодора Тирона апрѣля въ 28 день". Первая Новгородская лѣтопись повторяетъ эту отмѣтку дословно; во второй сдѣлана мѣстоописательная прибавка: „среди дву улицъ, Шпрковѣ и Развяжѣ"; въ третьей отмѣтка второй дополнена словами—„въ земляномъ валу", а названіе второй улицы написано, какъ въ пергаментномъ—„Розважи", въ четвертой, наконецъ, еще дополненіе „въ земляномъ городѣ". Въ недавно изданномъ сборникѣ, хранившемся въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ на Славенской сторонѣ (Пол. собр. рус. лѣт. Ч. XI), записано подъ 1118 годомъ: „заложи церковь Св. Ѳеодора въ Новѣ городѣ князь Всеволодъ". Макарій считаетъ эту запись относящеюся къ нынѣ существующей церкви Св. Ѳеодора Стратилата, что на Лучинской улицѣ, на площади, съ которой началась и вышла на Петербургскую улица Стратилатовская. Въ изложеніи прошедшаго обѣихъ Ѳедоровскихъ церквей, почтенный владыка (Опис. церк. древностей I, стр. 193) смѣшиваетъ ихъ съ третьею Ѳеодоровскою церковью, которую мы видѣли на воротахъ Дѣтинца въ Неревской конецъ подъ башнею, названною нами, по имени церкви, Ѳеодоровскою.

Въ древнѣйшія долѣтописныя времена и до перваго набѣга Всеслава Полоцкаго на Новгородъ „окромъ Неревской" или „Кровъ Неревскаго конца" проходилъ полуденно-западною стороною близъ нынѣшней Ѳедоровской церкви, на полночь отъ нея; по эту сторону окопа, на полдень—къ западу за нимъ, поселены были „Людины"—воины, чтобы охранять Дѣтинецъ, съ западной стороны, хотя лѣсной, какъ и вся окрестность лѣвой половины города, но менѣе болотистой и потому удобной для внезапныхъ набѣговъ. Пространство между этимъ окопомъ и уединенно стоящею на огородѣ Митрополичьяго участка церковью составляло въ древности улицу Людгощу. Площадь, на которой теперь театръ и безобразный сарай—циркъ занята была малымъ валомъ и рвомъ, его охватывавшимъ; въ него, въ этотъ ровъ, входилъ искусственный рукавъ Гзени, выкопанный для защиты окрома Неревскаго; онъ назывался уже, въ концѣ XII вѣка, ручьемъ въ

Неревской конецъ, что значится въ описаніи пожара въ 1194 году: „загорѣся отъ Хревковѣ улици оли до ручья Неревскѣй коньць“ (I Нов. лѣт. годъ 6702, стр. 22). Въ Татищевскомъ сборникѣ эта отмѣтка читается такъ: „загорѣся на Хравковой улицѣ дажъ и до ручья въ Неревскій конецъ“. Хревкова улица, судя по отведенному ей мѣсту въ описаніи пожара 1490 года, лежала какъ проѣздъ, или какъ проулокъ, между Людгощей и Щирковой, т. е. близъ церкви Ѳедоровской. Пожаръ описанъ такъ: „загорѣлось на мосту на великомъ у городовыхъ воротъ (у Дѣтинца), а церковь святая Богородици (Положеніе ризы и пояса) огорѣла и стрѣльница; а изъ стрѣльницы похватило тесницу съ огнемъ, понесло на Яневу улицу и ту загорѣлось, и Яневы улицы выгорѣло, и Ростанна улица, и Хревкова улица, и Легоща улица, и Щиркова улица и Розважа“ (II Нов. лѣт. годъ 6998, стр. 144). Имя основателя церкви Св. Ѳедора-Тирона „Войгость“ съ большею вѣроятностью можно считать не личнымъ, а нарицательнымъ „наемный воинъ“; Святой Ѳедоръ Тиронъ—мученикъ-воитель; оба эти обстоятельства и названіе улицы, „Люд—гоща“, говорятъ за основаніе церкви въ военномъ поселкѣ. Къ тому же и лѣтопись не занесла на свои страницы никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ ея потому, конечно, что эта церковь была не владычняго вѣдомства. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ концѣ XVII вѣка близъ Ѳедоровской церкви были поселены стрѣльцы.

На Знаменскомъ изображеніи написаны въ мѣстности, соотвѣтствующей положенію нынѣшней церкви Ѳеодора Стратилата, двѣ церкви рядомъ, одна большая, а другая, на западъ отъ нея, маленькая. Въ росписи 1615 года значится: „На Щерковѣ храмъ каменъ Ѳедоръ Стратилатъ“ (прописными буквами), у него два придѣла: Ѳедоръ Тиронъ, да Ипатій священномученикъ. Въ нынѣшней Ѳедоро-Стратилатовской церкви два придѣла: Ѳеодора Тирона вверху, рядомъ съ главнымъ алтаремъ, а внизу—Знаменія Божіей Матери; Ипатьевскаго же нѣтъ. Но вся Ѳеодора-Стратилатовская церковь поставлена заново въ 1652 году Митрополитомъ Корниліемъ, а Знаменскій придѣлъ учрежденъ въ 1710 году Митрополитомъ Іовомъ:—Ипатьевскій придѣлъ упраздненъ, вѣроятно, которымъ нибудь изъ этихъ святителей.

По всѣмъ приведеннымъ свидѣтельствамъ мы отводимъ церкви Ѳеодора Тирона мѣсто рядомъ съ Ѳедоро-Стратилатовскою, на западъ отъ нея.

Еупатій святой. Подъ 1396 годомъ отмѣчено въ первой Новгородской лѣтописи: „сътворися Знаменіе отъ образа владычня въ святомъ Еупатьи на Щерковы улицѣ; аки вино идяше отъ иконы“. Гдѣ именно на Щиковой улицѣ была эта церковь—опредѣлить въ настоящее время мы не можемъ; Ипатьевскій же придѣлъ, бывшій въ 1615 г. въ Ѳедоро-Стратилатовской церкви, даетъ поводъ отвести для нея мѣсто невдалекѣ отъ этой церкви. На Знаменскомъ изображеніи представленъ близъ вала, на пространствѣ, соотвѣтствующемъ пустырю между концами нынѣшнихъ улицъ Лучинской и Петербургской, садъ; у него поставлена, ближе къ первой улицѣ, церковь какъ-будто съ двумя главами. Нѣсколько отступя отъ этой къ западу, и прямо противъ западной стороны церкви Ѳеодора Стратилата, не

доходя начала сада, написано каменное продолговатое зданіе съ куполомъ, похожее на церковь. Между Ѳедоро-Стратилатовскою церковью и внѣшнимъ валомъ лежала одна только Щиркова улица. Ближайшею церковью къ этому зданію приходится Ѳедора-Стратилатовская, и если оно и есть „Еупатій святой“,—положеніе этой церкви будетъ на самомъ концѣ нынѣшней Лучинской улицы, по правой сторонѣ, когда идти отъ лѣтняго сада, недоходя внѣшняго вала; а если продолговатое зданіе съ куполомъ не церковь, тогда Ипатьевскою будетъ та, которая стоитъ на Знаменскомъ изображеніи нѣсколько дальше, къ полночи на востокъ, и тоже на Щирковой улицѣ; но ближайшею къ этой будетъ указанная въ первомъ участкѣ Савинская церковь Такимъ образомъ точное опредѣленіе мѣста Ипатьевской церкви остается подъ сомнѣніемъ и ожидаетъ дальнѣйшихъ изысканій

Константинъ и Елена. Въ первый разъ встрѣчается въ пергаментномъ сборникѣ церковь Константина и Елены подъ 1151 годомъ: „Създаша двѣ церкви: святого Василія и святую Костянтина и матери его Елены“. Что эта церковь была первая въ городѣ во имя названныхъ Святыхъ, ясно изъ умолчанія лѣтописца о ея мѣстоположеніи. Видимо церковь была деревянная, какъ сооруженная разомъ. Когда же устроили придѣлъ во имя тѣхъ же Святыхъ у Святого Павла Исповѣдника на Славенской сторонѣ, въ описанномъ уже Павловѣ монастырѣ, въ памятухѣ о сооруженіи каменной Константино-Еленинской церкви замѣчено, что ее поставили въ 1390 году на Яневѣ улицѣ. Въ 1534 г., по поводу возобновленія ея же въ лучшемъ видѣ и съ придѣломъ великомученика Димитрія, пояснено, что церковь эта на Яневѣ улицѣ—въ полѣ. Улица Янева не доходила до внѣшняго вала; направляясь вдоль малаго, она занимала пространство сряду за рвомъ этого малаго вала, начиная съ берега Волхова и кончаясь приблизительно у лѣтняго сада, противъ начала Лучинской улицы, такъ что подъ полемъ слѣдуетъ понимать не заселенную полосу земли вдоль рва малаго вала. Во второй лѣтописи помѣщена подъ 1390 г. отмѣтка: „Поставиша церковь царя Константина на Росткиной улицѣ“, бывшей, кажется, между Предтеченскою церковью Росткина монастыря и концомъ Лучинской улицы; эта Росткина улица кончалась у рва внутренняго вала, тамъ, гдѣ теперь средина площади противъ лѣтняго сада (театральная). Былъ еще Росткинъ переулокъ, проходившій по срединѣ пространства между Лучинскою и Легощею улицами и направлявшійся къ Воскресенскимъ воротамъ Дѣтинца.

Невдалекѣ отъ рва малаго вала, гдѣ сходились концы Яневой и Росткиной улицъ, и стояла Константино-Еленинская церковь;—потому-то и называютъ ее—одинъ лѣтописецъ на Яневой улицѣ, а другой на Росткиной. На Знаменскомъ изображеніи написана церковь недалеко отъ этого рва, такъ что между нимъ и ею всего два небольшихъ домика;—приходится она почти сряду за нынѣшнимъ театромъ съ западно-полночной стороны его,—это и будетъ Константино-Еленинская.

Въ росписи 1615 г. церковь Константино Еленинская съ придѣлами Димитрія великомученика и Ильи пророка записана два раза,—на Яневой и на Росткиной улицахъ; очевидно это ошибка, или поправка; сначала на-

писано было объ этой церкви на Яневой улицѣ,—а затѣмъ составителю росписи сказали, что тутъ идетъ уже улица Росткина; онъ сдѣлалъ новую отмѣтку, а прежней не зачеркнулъ.

Въ первыхъ числахъ Мая этого 1894 года копали ровъ для городской трубы не глубже 2 аршинъ вдоль правой стороны Лучинской улицы, если идти отъ Лѣтняго сада, саженяхъ въ 30 отъ театра, нѣсколько на западъ. Начиная съ каменнаго дома Е. И. Лебедева землекопы находили черепа и кости человѣка на протяженіи до 10 саж., противъ домовъ Е. И. Лебедева и Ротова. Большею частію черепа встрѣчались отдѣльно, лежавшими въ землѣ какъ попало и безъ нижнихъ челюстей; одинъ же пришлось отдѣлить отъ костяка, вмѣстѣ съ нижнею челюстью. Нѣкоторые черепа и кости рабочіе, уложивъ трубу, опять зарывали, но гдѣ ровъ еще былъ открытъ, мы собрали пять черепныхъ сводовъ, значительно поврежденныхъ; любознательный обыватель Лучинской улицы, г. Лопотъ сохранилъ упомянутый черепъ съ нижнею челюстью и обязательно принесъ его въ даръ нашему краніологическому собранію. Статья о церкви Константина и Елены была уже закончена, когда мы узнали о находкѣ человѣческихъ костей на Лучинской улицѣ, указывающей на существованіе по близости церкви. Безпорядочное положеніе черепо́въ въ землѣ, встрѣчаемое обыкновенно на кладбищахъ, населяемыхъ покойниками издавна, объясняется простымъ пріемомъ могильщиковъ: копая яму для новаго покойника и встрѣчая полуистлѣвшій гробъ или одинъ только костякъ прежде погребеннаго, могильщикъ выкладываетъ кости на поверхность, а затѣмъ, зарывая могилу, опять опускаетъ ихъ въ землю, какъ попало. Такимъ образомъ Лучинская находка подтверждаетъ указанное нами мѣсто церкви Константина и Елены: она стояла за театромъ, на западъ—къ полночи отъ него;—но не сряду за театромъ, а отступя пять-шесть саженъ, почти на углу Лучинской улицы, съ правой стороны, и проѣзда вдоль площади, на которой зданіе театра.

Іоаннъ Предтеча. Въ описаніи пожара 1396 года упомянута впервые сгорѣвшая церковь Св. Іоаннъ въ Росткинѣ монастырѣ; объ основаніи ея въ извѣстныхъ намъ рукописныхъ и печатныхъ лѣтописныхъ сборникахъ Новгородской семьи не сказывается. Монастырь этотъ горѣлъ нѣсколько разъ и возстановлялся; такъ—въ 1490, 1526, 1531 и далѣе. Въ росписи 1615 г. означенъ монастырь дѣвичъ на Росткинѣ улицѣ, а въ немъ храмъ каменъ Іоаннъ Предтеча; трапеза древяна, а въ ней храмъ Никола Чудотворецъ. Монастырь упраздненъ въ 1764 году, и церковь обращена въ приходскую; она стояла еще въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего вѣка и пала отъ ветхости. Монастырская площадь и мѣсто церкви еще не застроены; видны и бугры развалинъ; они находятся на срединѣ разстоянія между Легощею и Лучинскою улицею; мимо площади развалинъ проходитъ начавшаяся съ Легощей, Предтеченская улица, называющаяся послѣ пересѣченія съ Лучинскою—Забавскою, и продолжающаяся за Петербургскую, которую она тоже пересѣкаетъ, подъ именемъ Малой Дмитровской, выходящей на самый берегъ Волхова.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ церкви Ростkинско-Предтеченской, нѣтъ также и ближайшей къ ней Легощинской Флора и Лавра, нынѣ существующей. Обѣ эти церкви сгорѣли во время пожаровъ съ 1490 по 1531 годъ и потому не могли попасть на изображеніе, писанное между 1528 и 1531 годами.

Соборъ Архангела Гавріила. Въ 1393 году поставлена каменная церковь соборъ Архангела Гавріила на Хревковѣ улицѣ, называемой иногда Февковой и Фрековымъ переулкомъ. Въ 1531 году, въ пожаръ, начавшійся на Яневѣ улицѣ, у тюремъ противъ Володимерскихъ воротъ, сгорѣло между прочимъ три тюрьмы и въ нихъ 145 человѣкъ заключенныхъ. По распоряженію владыки Макарія I трупы колодниковъ похоронены въ общей вырытой для нихъ ямѣ у Святого Архистратига Гавріила, конецъ Февковы улицы (Строевъ, Соф. Времен. годъ 6920). Въ донесеніи Новгородскаго воеводы царю Алексѣю Михайловичу 1649 года поименованы башни на меньшемъ земляномъ городѣ,—около Дѣтинца;—въ числѣ ихъ одна „на Архангельскомъ быкѣ". Сравненіе башенъ и быковъ этого донесенія съ таковыми же въ укрѣпленіи по малому валу по Знаменскому изображенію, даетъ мѣсто Архангельской непосредственно за башнею противъ Воскресенскихъ воротъ, въ направленіи къ полночи. Архангельская церковь была близъ этой башни, потому ей и дано имя церкви. На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ въ окрестностяхъ названной башни никакой церкви, что объясняется тѣми же пожарами, которые привели къ разрушенію церкви Предтеченскую на Ростkинѣ и Флоровскою на Легощей.

Въ 1490 году, когда возобновленъ Дѣтинецъ, приведенъ въ новый видъ и малый валъ вокругъ него, что видно изъ упомянутаго торжественнаго обхода Архіепископа Геннадія около Дѣтинца и деревяннаго города. Съ этого времени пространство между рвомъ малаго вала и городскими строеніями, по всей вѣроятности расширенное противъ прежняго, получило названіе Новинки; одинъ разъ Новинка упомянута въ 1592 г., въ этомъ значеніи (Акты юридич. № 2921). Въ росписи 1615 года Архангельская церковь и другія, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, стоявшія по близости рва, церкви пишутся „на Новинкѣ". По нынѣшнему расположенію улицъ Архангельская церковь XIV и послѣдующихъ вѣковъ приходится между Лучинскою и Легощею, приблизительно за теперешнимъ сараемъ-циркомъ. Во время составленія росписи эта церковь была каменная. Упразднена-ли она городовымъ смысленникомъ нѣмчикомъ Юстомъ Матсономъ, возобновлявшимъ укрѣпленія малаго вала по повелѣнію 1632 году (Акты Археограф. Экспед. Ч. III, № 2013), или въ другое какое время—неизвѣстно. Старожилы не помнили этой церкви уже лѣтъ сорокъ назадъ.

Гавріило-Архангельскою церковью мы оканчиваемъ третій участокъ Неревского конца и перейдемъ къ четвертому.

Четвертый участокъ.

Изъ границъ этого участка можно точно опредѣтить только одну, по внѣшнему валу между улицами Петербургскою и Легощею. Въ письмен-

ныхъ памятникахъ поздняго, сравнительно, времени, не раньше писцовыхъ книгъ послѣднихъ годовъ XV и всего XVI вѣка, упоминаются монастыри и улицы, показанныя въ XVII вѣкѣ, въ нарядной описи 1623 г., въ Неревскомъ загородномъ концѣ, точно также, какъ и описанные нами подъ именемъ второго участка монастыри и улицы конца Неревскаго-Петровскаго.

Въ книгѣ Вотской пятины, письма Дмитрія Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова 1499—1500 гг., въ первой половинѣ, на листѣ 17, описываются земли Духа Святаго монастыря въ Неревскомъ концѣ. „У монастыря въ задворьѣ у посада монастырскія пашни, сѣютъ ржи"—и т. д., перечисляются участки и лица, ихъ засѣвающія, затѣмъ говорится: „А живутъ конецъ Коровьи улице въ Неревскомъ концѣ. А дохода монастырю даютъ половье изъ хлѣба; и се по старинѣ. А поземщики ихъ писаны въ конецъ въ Неревской тяглью". Далѣе описываются земли Борисоглѣбскаго монастыря въ За-Гзеньи: „въ задворкѣ у Борисоглѣба"; заключается опись такъ: „А тягломъ тянутъ въ конецъ Неревской. А Великаго князя оброка на нихъ за дань не положено того для, что тянутъ въ конецъ Неревской".

Улицы Коровьей не означено въ Неревскомъ-Петровскомъ концѣ, хотя весь онъ опредѣленъ точно, съ подробнымъ перечесленіемъ улицъ и дворовыхъ мѣстъ въ нарядной описи 1623 года и въ упомянутыхъ бумагахъ Бѣло-Никольскаго монастыря; нѣтъ въ немъ также улицъ Малой Лучинской и Спасской и Духовской слободки, земли которой названы на приведенномъ 17 листѣ писцовой книги XV вѣка и которая, какъ и первыя двѣ, существовали даже въ 1744 году, при полномъ упадкѣ Новгорода (Разговоры Евгенія, стр. 77). Въ росписи 1615 г. поименованы монастыри: на Голыневѣ, Сплавскій, Преображенскій и Богоявленскій, между церквами на Гзени и монастыремъ Сырковымъ. Хотя по отношенію къ этимъ населеннымъ мѣстамъ мы и не можемъ сослаться на такія же свидѣтельства, какія имѣются о земляхъ Духова монастыря, то есть, что и они тянули тягломъ въ Неревской конецъ, но, по близости, напримѣръ, улицъ Малой Лучинской, Коровьей и Спасской (Спасъ на Вотской дорогѣ) къ городскому валу, нѣтъ основаній отрицать принадлежности ихъ къ Неревскому Загородскому концу „тягломъ" или княжескою податью.

Относя перечисленные монастыри къ Неревскому-Загородскому концу, мы раздвигаемъ границы его съ запада и полночи къ востоку значительно шире таковыхъ же Неревскаго-Петровскаго, не опасаясь большой ошибки. Предѣломъ съ восточно-полночной стороны назовемъ нынѣшнюю Петербургско-Чудовскую дорогу, отъ вала до Гзени, лѣвый берегъ ея до колѣна у церкви Михаила Святого и отсюда до крутого поворота дороги на востокъ,— а съ западной прямую по продолженію лѣвой половины Малой Конюшенной улицы за внѣшній валъ, примѣрно на полверсты; соединеніе конца этой прямой съ мѣстомъ начала крутого поворота Петербургско-Чудовской дороги—будемъ считать полночною границею.

Въ нарядной описи 1623 г. перечислены въ Неревскомъ-Загородномъ концѣ улицы: Татарская, Петровская, прежде именовавшаяся Панская, Новая, Лазарева, Никольская, Глотовская и Савина. Петровская названа и въ Неревскомъ-Петровскомъ концѣ, вѣроятно она тянулась отъ нынѣ существующей церкви Петра и Павла на полночь, за Гзень. Вообще этотъ памятникъ не даетъ основаній къ представленію о пространствѣ обоихъ новыхъ концовъ.

Опредѣленіе мѣстъ церквей и монастырей, существовавшихъ въ четвертомъ участкѣ Неревскаго конца возможно только приблизительное, да и то подъ большимъ сомнѣніемъ. Чтобы получить основанія для точнаго указанія такихъ мѣстъ, необходимо изученіе всей совокупности Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, остающихся по нѣкоторымъ пятинамъ еще неизданными. Мы уже упоминали, что пятины начинались отъ каждаго изъ правительственныхъ концовъ; отъ Неревскаго начиналась Вотская. Дорогое изслѣдованіе К. А. Неволина о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, въ I приложеніи, относящемся къ этой пятинѣ, даетъ лишь отрывочныя указанія на земли и ихъ собственниковъ, въ ряду которыхъ церкви и монастыри занимали во все время самобытія Ильменской страны самое видное мѣсто. На изученіе писцовыхъ книгъ нужно много труда и времени, способнаго уничтожить и тѣ отдаленные намеки, которые еще можно уловить теперь. Поэтому сдѣлаемъ попытку къ указанію мѣстностей монастырей и церквей въ Неревскомъ-Загородскомъ концѣ по такимъ намекамъ, какъ первый опытъ.

Голыневскій монастырь. Въ 1572 году Иванъ Грозный нарядилъ свою слободу на Голыни и тогда же собрали желавшихъ поселиться въ ней (Соф. Врем. годъ 7080). Въ росписи 1615 г. читаемъ: „На Голыневѣ монастырь мужской, а въ немъ храмъ древянъ Никола Чудотворецъ“. Этой записи предшествуетъ: „Никола Чудотворецъ на Гзени. Храмы деревянные Козма и Дамьянъ да Никола Чудотворецъ“;—а за нею слѣдуетъ: „на Вотской дорогѣ монастырь дѣвичъ“.

Козьму и Даміана и Св. Николу мы видѣли во второмъ участкѣ, между валомъ и Гзенью; Вотская дорога тоже указана. Слѣдуетъ, поэтому, искать Голыневскаго монастыря между Гзенью и Вотскою дорогою, теперь Петербургско-Чудовскою. Уголъ, образуемый этими урочищами занятъ въ настоящее время помѣщеніями для войска, извѣстными въ народѣ подъ названіемъ „Аксенки, за Аксенкой“. Очевидно въ Аксенку передѣлана лѣтописная Гзень.

На Чертежѣ 1778 года весь уголъ между Гзенью и дорогою занятъ обширными деревянными постройками, или вѣрнѣе—разбитъ на правильные четыреугольники для занятія площади ихъ деревянными постройками; близъ береговъ Гзени, праваго и лѣваго, отмѣчены мѣста узкихъ и длинныхъ каменныхъ построекъ, а между ними, чрезъ Гзень, перекинутъ не то мостъ, не то плотина. Въ описаніи подробностей чертежа весь этотъ уголъ названъ парусною фабрикою, учрежденною Петромъ Великимъ.

Годъ наряда слободы на Голыни приходится вторымъ послѣ ужасныхъ казней въ Новгородѣ. По повелѣнію Грознаго лѣвая половина города названа „Опричною“,—а правая „Земскою“. Знаменитая Александровская слобода—монастырь „Кромѣшниковъ“ или Опричниковъ уже тогда существовала; на Голыни царь хотѣлъ вѣроятно учредить такую же Кромѣшнину съ монастыремъ и церковью Святого Николая; современники не внесли въ свои памятухи о сооруженіи ни монастыря, ни церкви, чтобы не вызывать въ потомствѣ кровавыхъ воспоминаній. Мѣстность Голыневой слободы, какъ основанной царемъ, оставалась въ дворцовомъ вѣдомствѣ и, будучи государевою собственностью, превращана Петромъ Великимъ въ парусную фабрику, дѣйствовавшую водяною силою.

Въ упоминаемомъ нѣсколько разъ рукописномъ Уставѣ Софійскаго собора изложенъ, между прочимъ, чинъ крестнаго хода, ежегодно совершавшагося 26 Августа, въ день празднованія Владимірской Богоматери, въ XVII вѣкѣ, въ Сырковъ монастырь, со всею торжественностью, изъ Софійскаго собора, съ владыкою во главѣ. На пути пѣли молебенъ въ пять статей: 1-я Успенію и Святителю Никитѣ; 2-я Благовѣщенію и Святому Николаю на Розважѣ. Отъ Розважи шли загородъ въ Козьмодемьянскія ворота по старой дорогѣ; 3-я статья Знаменію и Святителю Іоанну (Новгородскому), противъ Спаса, что „въ Калачникахъ“; 4-я статья на Голыневѣ у креста за всяко прошеніе и Александру Свирскому,—и 5-я статья Владимірской Божіей Матери и тремъ Святителямъ Московскимъ.

Статьями молебна обозначается путь крестнаго хода: Успеніе—это храмъ Софіи; Никита—храмъ Святителю у Софіи; Благовѣщеніе—крестовая надворотняя церковь при выходѣ со двора Св Софіи; Никола-Розважскій на поворотѣ съ Волховскаго берега въ гору къ Козьмодемьянской улицѣ; Спасъ въ Калачникахъ—это Спасъ на Вотской дорогѣ, предъ самымъ городомъ. И теперь еще у всякихъ въѣздныхъ воротъ въ городъ, а также и за ними, по дорогѣ, сидятъ торговки булками, кренделями и проч.; въ старину бѣлый хлѣбъ для народа деревенскаго назывался калачемъ,—отсюда и калачники у Спаса;—старая дорога къ Козьмодемьянскимъ воротамъ шла, вѣроятно, отъ Розважскаго монастыря по тѣмъ улицамъ, которыя не были еще вытянуты впрямъ, по Московски. За городомъ дорога шла поодаль и отъ Духова и отъ Голыневскаго монастырей; ближайшею по пути церковью перваго монастыря приходилась Св. Александра Свирскаго на воротахъ,—этому Преподобному и пѣли молебенъ у предѣловъ монастыря Голыневскаго, гдѣ стоялъ крестъ.

Вотъ тѣ данныя, которыя указываютъ путь къ изысканіямъ о мѣстѣ Голыневскаго монастыря и церкви Святого Николая Чудотворца—за Гзенью, на пространствѣ, занимаемомъ въ настоящее время помѣщеніемъ войска на Аксенкѣ.

Монастырь дѣвичъ на Вотской дорогѣ. Въ этомъ монастырѣ была церковь Преображенія. Когда онъ основанъ намъ неизвѣстно, хотя не раньше заселенія Вотскаго придорожья, какъ и всѣ монастыри путевые. Въ росписи 1615 года онъ записанъ такъ: „На Вотской дорогѣ монастырь дѣвичъ, а въ немъ храмъ Преображенье Христово, каменный“. Для указанія возмож-

наго мѣстоположенія его нужно имѣть въ виду почвенныя условія Вотской дороги. Сряду за городомъ стелется низина, по которой проведена Гать для нынѣшней дороги,—это осохшая Гзень, поднимающаяся до прежняго своего уровня только весною. За Гзенью, гдѣ теперь тюрьма, поверхность нѣсколько приподнимается; по ней видны широкія и глубокія старицы древнихъ рѣчекъ и ручьевъ, питавшихъ Гзень; всѣ они бѣжали съ запада на востокъ.

Саженъ сто за тюрьму къ западу и къ полночи старицы исчезають. Отсюда пошла равнина къ Знаменскому заводу, къ Сыркову и Вяжицкому монастырямъ, нѣсколько поднимающаяся около Григорова, въ видѣ береговаго кряжа рѣки Веряжи. На полночь къ востоку эта равнина раскинулась верстъ на двадцать слишкомъ, приподнимаясь въ восточно полуденномъ направленіи къ берегу Волхова, верстахъ въ 3—6 отъ него; Петербургско-Чудовская дорога идетъ, послѣ заворота, по краю подъема съ полночи. Знаменскій заводъ, Григорово и монастыри Сырковъ и Вяжицкій представляются плоско-холмистыми островами всей этой равнины, снова продолжающейся за ними на десятки верстъ къ болотамъ Нехинскому, Нетыльскому и Пидебскому. Въ недавнее,—по вычисленію лѣтописи земной поверхности и нижнихъ пластовъ, ее подстилающихъ,—время, которое надобно, однакоже, измѣрять тысячелѣтіями, тутъ стоялъ обширный водоемъ, отлагавшій на днѣ красноватую кирпичную глину. Между тюрьмою и Петербургско-Чудовскою дорогою, въ древней области Гзени и ея притоковъ, оказалась толща пласта этой глины свыше двухсаженной мощности и притомъ слоеватая. При такомъ видѣ поверхности слѣдуетъ искать остатковъ Дѣвичья монастыря на Вотской дорогѣ по близости Голынева, въ западномъ направленіи, до предѣла низины, вовсе неудобной для селитьбы даже и теперь, и не далѣе первой половины слободки солдатской, называвшейся прежде фабричною. Старожиловъ тутъ нѣтъ, да и горожане не помнятъ о какомъ либо здѣсь монастырѣ.

Монастырь мужской Богоявленскій. Также какъ и предыдущій упоминается въ росписи: „На той же Вотской дорогѣ монастырь мужской Богоявленскій, а въ немъ храмъ каменъ Богоявленіе Христово; да трапеза древянная, а въ ней храмъ Спиридонъ Тримифунтскій“. Такъ какъ перечисленіе описываемыхъ росписью монастырей началось съ Духова и, видимо, въ порядкѣ, удаляясь отъ города,—Богоявленскій монастырь долженъ быть между Преображенскимъ женскимъ и Сырковымъ. Владыка Макарій видѣлъ слѣды этого монастыря въ 1860 году (Опис. Новг. цер. др. I, стр. 652).

Въ Исторіи Россійской Іерархіи основаніе этого монастыря относится къ 1421 году и приписывается Исааку Онисифорову (Ч. III, стр. 406). Изъ приведеннаго мѣста Устава Софійскаго собора оказывается, что молебна Преображенію и Богоявленію не пѣли на пути въ Сырковъ монастырь; можно считать поэтому, что оба они приходились или въ сторонѣ отъ дороги, или что Уставъ писанъ первоначально еще до сооруженія ихъ.

Успенье Богородицы. Въ росписи 1615 года, послѣ перечисленія всѣхъ церквей и монастырей внутри лѣвой половины города, кромѣ Дѣтин

цевскихъ и загородныхъ обоихъ участковъ Неревскаго конца, Петровскаго и Загородскаго, приводятся церкви запольевъ—въ такомъ порядкѣ: Козьмодемьянскаго, Чудинцовскаго и Прусскаго. Должно быть эти заполья не вошли въ границы новыхъ концовъ, а составляли отдѣльные отъ нихъ земельные участки,—въ противномъ случаѣ незачѣмъ-бы выдѣлять и записывать ихъ въ особыя статьи. Если такъ, то Козьмодемьянское заполье придется рядомъ съ границею Неревскаго-Загородскаго конца, на западо-полдень, гдѣ теперь усадьба Я. Я. Макъ-Дональда, влѣво отъ проѣзда, проложеннаго за валомъ къ желѣзнодорожному пути. Сколько намъ извѣстно участокъ этотъ принадлежалъ, до продажи нынѣшнему собственнику, Деревяницкому монастырю; къ нему-же поступилъ послѣ 1764 г., когда монастырскія и церковныя земли снова распредѣлялись, за упраздненіемъ многихъ, между другими, тогда существовавшими на свои доходы отъ земель. Возможно, что первоначально этотъ участокъ пожертвованъ былъ которой либо изъ Козьмодемьянскихъ церквей, потому и названъ запольемъ Козьмодемьянскимъ, по перво-одаренному собственнику. Въ особой статьѣ о монастыряхъ и церквахъ, мѣстоположеніе которыхъ уже совсѣмъ забыто, мы увидимъ, что Козьмодемьянскій монастырь былъ и въ окрестностяхъ Славенской стороны. Слѣдовъ Успенской церкви надобно, поэтому, искать здѣсь,—хотя они могли и не сохраниться: церковь была въ XVII вѣкѣ деревянная.

Къ заключенію о положеніи Козьмодемьянскаго заполья именно здѣсь, а не въ границахъ Неревско-Петровскаго конца приводятъ, независимо отъ изложенныхъ, еще слѣдующія данныя: въ XVIII вѣкѣ, въ описи 1744 года появилась улица Малая Лучинская. По имени этой улицы, ея мѣсто должно быть недалеко отъ нынѣшней Лучинской: оно могло служить и продолженіемъ ея за внѣшній валъ. На это послѣднее обстоятельство указываютъ сохраняющіяся до сихъ поръ каменныя сквозныя ворота, въ видѣ трубы, въ валу, противъ Лучинской улицы, выводившія, какъ замѣчено выше, на Иванъ-городскую дорогу, а эта дорога лежала, надо полагать, по нынѣшней Нехинской, что идетъ мимо Знаменскаго завода къ области рѣки Луги, на которой возникъ въ XVI вѣкѣ Иванъ-городъ. На концѣ Иванъ-городской дороги, какъ и всѣхъ другихъ, у города, и могъ возникнуть поселокъ на землѣ, принадлежавшей одной изъ Козьмодемьянскихъ церквей, съ постоялыми дворами, составлявшій доходную статью,—такъ какъ по Иванъ-городской дорогѣ возили товары отъ самаго Балтійскаго моря, сперва рѣкою Лугою, а затѣмъ гужомъ до Новгорода. Вопросъ о запольяхъ вообще мало поддается уясненію, къ нему мы еще обратимся.

Оканчивая Успенскою церковью Козьмодемьянскаго заполья послѣдній участокъ Неревскаго конца, перейдемъ къ слѣдующему за нимъ.

Загородной конецъ.

Положеніе и образованіе этого конца мы видѣли; его составляли, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, только двѣ улицы: Чудинцева и Прусская,

какъ Кончанскіе участки, и Митрополичъ островъ. Пространство Загороднаго конца не было, по заключенію тѣхъ же ученыхъ, такъ обширно, какъ другихъ двухъ, Неревскаго и Людина. По положенію между этими концами, оно могло шириться только въ одну сторону, за внѣшній валъ и передвигаться всею своею площадью то на западъ, то на полночь къ востоку.

Названіе обѣихъ улицъ, составлявшихъ конецъ, даетъ основаніе приписывать первоначальное заселеніе ихъ тѣми наемными людинами, которые вышли на службу Великому Новгороду изъ областей Чудской и Поруськой, съ береговъ Пейпуса, гдѣ впослѣдствіи возникъ Плесковъ (Псковъ) и восточно-полуденнаго Ильменя и побережій рѣкъ Ловати, Полисти, Шелони и другихъ, гдѣ была рѣка Порусья, и города Старая и Новая Русса. Къ первонасельникамъ—людинамъ прибывали время отъ времени ихъ родичи и соплеменники, Чудь и Порусы, а впослѣдствіи и нѣмцы, селившіеся, иные временно, а другіе навсегда, около людиновъ-наемщиковъ. Позднѣйшее потомство обитателей улицъ Чудинцевой и Прусской получило права граждань Новгородскихъ и кончанское устройство.

Между изслѣдователями прошлаго Ильменской страны возникло разномысліе о времени образованія конца Загороднаго; одни относятъ это время къ вѣкамъ долѣтописнымъ, другіе къ перволѣтописнымъ, наконецъ третьи только къ XIV вѣку. Пока отечественные ученые искали отвѣта на вопросъ о возникновеніи Новгорода въ письменныхъ свидѣтельствахъ и пока они держались путей, намѣченныхъ учеными западной Европы, представители первыхъ двухъ мнѣній имѣли почву въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ X или XI вѣка, въ Ярославовомъ Уставѣ о мостахъ, и въ кратчайшемъ спискѣ Русской Правды, хотя на послѣдній и не ссылались. Представители же третьяго мнѣнія остановились на шаткомъ основаніи лѣтописныхъ показаній, невѣрно истолкованныхъ. Но когда усилія наукъ входящихъ въ область народовѣдѣнія, заставили говорить памятники вещественные и раскрыли великую книгу природы, эту непогрѣшимую лѣтопись вселенной, предъ ними поблѣднѣли страницы памятниковъ письменныхъ: слои, подстилающіе жилой перегной подъ нынѣшнимъ городомъ и захороненные въ немъ бытовые остатки, указали на заселеніе людьми обѣихъ половинъ его съ вѣковъ, забытыхъ человѣчествомъ, и на сношенія первозаимщиковъ Ильменско-Волховского побережья съ племенами Европы и Азіи, установившіяся съ тѣхъ же забытыхъ вѣковъ и непрерывно продолжавшіяся до вѣковъ лѣтописныхъ. Изслѣдованія почвы Дѣтинцевской площади и концовъ Неревской стороны удостовѣряютъ, что какъ Дѣтинецъ, такъ и эти концы образовались одновременно, или съ незначительными промежутками, не превышающими одного—двухъ столѣтій.

Насколько сомнительны бываютъ выводы изъ буквальнаго смысла одного какого либо показанія письменныхъ памятниковъ, лучшимъ доказательствомъ представляется мнѣніе о возникновеніи Загороднаго конца не раньше XIV вѣка. Карамзинъ и его послѣдователи,—читая въ Прологѣ подъ 27 Ноября, въ повѣсти о чудѣ отъ образа Богоматери Знаменія изложеніе причины, вызвавшей осаду Новгорода княземъ Андреемъ Бо-

любскимъ,—столкновеніе пятисотенной дружины, по сотнѣ отъ конца, Даньслава Лазутинича, Новгородскаго воеводы, ходившаго въ заволочье по сбору дани,—съ дружиною Боголюбскаго, численностью въ семь тысячъ, и полное пораженіе этой послѣдней, признаютъ мѣсто пролога позднѣйшею вставкою, заимствованною изъ степенной книги, на томъ основаніи, что первая Новгородская лѣтопись опредѣляетъ число дружинниковъ Даньслава въ четыреста человѣкъ;—а изъ этого основанія заключаютъ, что въ XII вѣкѣ концовъ было только четыре, такъ какъ съ Даньславомъ отправлено по сто человѣкъ отъ конца. Въ пергаментномъ спискѣ и, со словъ его, въ первой лѣтописи, этотъ случай разсказанъ подъ 1169 г. такъ: „Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ данникомъ съ дружиною, и присла Андрей пълкъ свой нань и бишася съ ними и бяше Новгородьцъ 400, а Суждальцъ 7000 и пособи Богъ Новгородцемъ и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьцъ 15 мужъ". Въ этой отмѣткѣ нѣтъ ни слова о посылкѣ съ Даньславомъ по сто человѣкъ отъ конца. Въ рукописи Супрасльской походъ Даньслава отнесенъ къ 1168 году (это зависитъ отъ начала исчисленія года,—въ одной лѣтописи съ Марта, а въ другой съ Сентября) и описанъ несогласно съ пергаментнымъ сборникомъ: „Ходи Даньславъ на Двину имати дани въ пятистахъ мужъ. И пріидоша на нихъ Суздальцевъ тысяча и пятьсотъ и бишась крѣпко: и убиша Суждальцевъ восемсотъ человѣкъ, а Новгородцевъ убиша пятнадцать. И дань взяша и здравы пріидоша" (изданіе князя Оболенскаго, Москва 1836 г., стр. 21). Здѣсь тоже о сотнѣ человѣкъ отъ конца не говорится. Карамзинъ принялъ за позднюю вставку только слова пролога о посылкѣ по сто человѣкъ отъ конца—и былъ, по своему, правъ. Послѣдователи же его, въ числѣ ихъ и добросовѣстнѣйшій изслѣдователь мѣстоположенія древняго Новгорода И. И. Красовъ, не сравнивъ обѣихъ приведенныхъ отмѣтокъ, остановились только на показаніи первой лѣтописи и пролога о сотнѣ дружинниковъ отъ каждаго конца. Но, во 1-хъ, лѣтописью не подтверждается вставка пролога о концахъ,—на ней, стало быть, нельзя ничего и основывать,—а во 2-хъ—первая лѣтопись свидѣтельствуетъ о 400 участвовавшихъ въ бою, не считая запаса, всегда оставляемаго позади дѣйствующаго войска на случай подкрѣпленія, и не считая больныхъ и отсталыхъ,—Супрасльская же рукопись говоритъ о числѣ дружины Даньславовой при выступленіи ея изъ Новгорода.

Не видя, такимъ образомъ, основаній считать образованіе Загороднаго конца позднимъ, а тѣмъ болѣе, относить возникновеніе его къ XIV вѣку, когда было уже, какъ мы видѣли, по народному раздѣленію города, до десяти концовъ, мы не находимъ препятствій признавать этотъ конецъ существовавшимъ съ долѣтописныхъ временъ и участвовавшимъ чрезъ своихъ представителей въ составленіи присутствія Одриннаго суда, названнаго въ древнѣйшемъ спискѣ Русской Правды „Изводъ передъ двунадесятѣ".

Границами Загородскаго конца для нашей цѣли мы примемъ: малый валъ со рвомъ съ востока, лѣвую сторону нынѣшней Малой Конюшенной съ полночи, внѣшній валъ съ запада и прямую отъ большой Покровской башни Дѣтинца къ валу, мимо полуденной стороны Десятиннаго мона-

стыря—съ полдня. Сряду за валомъ, на пространствѣ между Легощею и Десятиннымъ монастыремъ, были отдѣльные поселки,—ихъ мы разсмотримъ особо и, въ этихъ видахъ, раздѣлимъ Загородный конецъ на два участка, одинъ въ чертѣ города, а другой за нею. Но при этомъ сдѣлаемъ оговорку, что древнѣйшія границы Загороднаго конца измѣнялись по мѣрѣ расширенія Неревскаго на полдень къ западу, занимавшаго соотвѣтственную часть прилегающей къ тому и другому площади, въ свою очередь и полуденно-западная и другая граница Загороднаго конца или отступали далѣе въ томъ же полуденно-западномъ направленіи, пока не было густо населеніе въ той сторонѣ, по мѣрѣ занятія площади его новыми поселками конца Неревского; или, послѣ большихъ пожаровъ въ сосѣднихъ участкахъ этого конца, опять подвигалась на полночь къ востоку; когда же невозможно было передвигать границу ни въ ту, ни въ другую сторону, особенно по учрежденіи въ послѣдніе годы XV вѣка Новинки, отнявшей отъ Загороднаго конца значительную часть площади у малаго вала,—приходилось выбираться за внѣшній валъ и заводить тамъ отдѣльные поселки, которые мы будемъ называть внѣшними Запольями, въ отличіе отъ внутреннихъ у самаго вала. Наиболѣе продолжительная неподвижность границъ Загороднаго конца относится къ X—XIII вѣкамъ, пока Людинъ конецъ занимали преимущественно, если не исключительно, одни только людины-дружинники. Ко времени, еще болѣе раннему, относится сооруженіе того окопа, остатки котораго, собственно ровъ, не вмѣстившій спущенной въ него впослѣдствіи, когда окопъ нужно было срыть, земли, и остающійся до сихъ поръ, въ видѣ широкаго и глубокаго старорѣчья, на полдень къ западу за церковью 12-ти Апостоловъ на огородѣ, принадлежащемъ вѣдомству архіерейскаго двора. Мѣстность около этой церкви въ древности носила названіе „въ пропастѣхъ" по глубинѣ и обширности не засыпанной части рва; она близъ внѣшняго вала.

Выше замѣчено, что для опредѣленія мѣстъ несуществующихъ церквей нѣтъ надобности въ точномъ установленіи положенія, пространства и направленія улицъ. Эта замѣтка особенно необходима по отношенію къ разномыслію ученыхъ о границахъ Загороднаго конца и о времени его образованія. Всѣ ученые и нѣкоторые поздніе лѣтописные сборники ставятъ церкви: Ѳеодоровскія т. е. Тироновскую и Стратилатовскую, Предтеченскую Росткина монастыря, Константино-Еленинскую и Гавріило-Архангельскую—въ Неревскомъ концѣ. Допуская вѣроятность мѣстоположенія этихъ церквей, послѣ самобытія Новгорода, въ называемомъ учеными и совмѣстнымъ чтеніемъ росписи 1615 г. и Нарядной описи 1623 г. концѣ, мы отнесли ихъ къ Неревскому же. Но, какъ и увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ вѣка перволѣтописные, Неревской конецъ не доходилъ ни до одной изъ поименованныхъ церквей.

Первый участокъ.

Указаніе мѣстоположенія церквей Загороднаго конца, давно уже несуществующихъ, начнемъ отъ малаго вала между башнями Дѣтинца круг-

лою первою и Кукуемъ, до протяженія его противъ которыхъ доходилъ Загородной конецъ восточною границею.

Введеніе Пречистыя. Въ изданныхъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о первоначальномъ сооруженіи Введенской церкви въ Загородномъ концѣ. Подъ 1391 годомъ отмѣчено въ первой Новгородской о пожарѣ, начавшемся на Прусской улицѣ у Введенія Св. Богородицы. Лѣтъ за 50 до этого пожара былъ въ 1348 году тоже пожаръ, начавшійся съ Волосовой улицы,—это одна изъ нынѣшнихъ Власьевскихъ,—когда „Пруская улица добрѣ горѣла и церковь Св. Богородица огорѣла“; вѣроятно здѣсь говорится о той же Введенской церкви. Въ донесеніи 1649 г. мы видѣли башню на Введенскомъ быкѣ; она приходилась послѣднею къ особенно широкой и своеобразной башенной постройкѣ, соотвѣтствующей положенію Воскресенскихъ воротъ, на полдень къ западу. Въ росписи 1615 г. эта церковь названа на Новинкѣ и была каменная. Въ 1585 г. Введенская церковь значится въ концѣ Прусской улицы надъ рвомъ (Времен. Общ. Истор. и древ. росс. кн. 24, отд. III, стр. 28). Въ дворовомъ участкѣ А. П. Державина (насупротивъ дома Дворянства), выходящемъ къ откосу нынѣшняго рва около Дѣтинца, по близости къ откосу, находятъ человѣческія кости и черепа. На Знаменскомъ изображеніи написана у самаго рва малаго вала, а не у Дѣтинцевскаго, маленькая каменная церковь; она приходится нѣсколько западнѣе Введенской башни, по ближайшею къ ней церковью и въ предѣлахъ поселка Прусской улицы. Поэтому отмѣтка памятника 1585 года, то есть списка ружныхъ церквей въ Новгородѣ „надъ рвомъ“, можетъ относиться именно къ этой церкви. Человѣческія кости во дворѣ дома А. П. Державина принадлежатъ, вѣроятно, захороненію болѣе древнему, чѣмъ сооруженіе Введенской церкви, извѣстной по лѣтописи только съ 1391 года. Около Дѣтинцевскаго рва попадаются, какъ говорятъ тамошніе домохозяева, всякій разъ человѣческія кости на глубинѣ двухъ—трехъ аршинъ, при копаньи канавъ для подземныхъ трубъ. Обычай Новгородцевъ вѣковъ язычества хоронить покойниковъ близъ домовъ ихъ, въ садахъ и во дворахъ, извѣстенъ. Нѣтъ также основаній оспаривать существованіе по берегу Дѣтинцевскаго и втораго рва другихъ, кромѣ Введенской, церквей въ отдаленныя времена, когда дѣло „памятухъ церковныхъ“ не было еще упорядочено; подобныя церкви и не попали потому на страницы лѣтописи,—какъ сгорѣвшія до начала ихъ въ одинъ изъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ близъ Дѣтинца, въ улицахъ Прусской и Чудинцевой. По всѣмъ этимъ даннымъ Введенская церковь могла стоять—или надъ рвомъ Дѣтинца, въ мѣстности двороваго участка А. П. Державина, противъ Княжей башни Дѣтинца приблизительно, или надъ бывшимъ рвомъ малаго вала, на нынѣшней сѣнной площади, противъ Прусской улицы.

Замѣтимъ, что Новинка, по положенію Введенской церкви, занимала все пространство около Дѣтинца, между нимъ и рвомъ малаго вала, а также и всю нынѣшнюю площадь, начиная отъ Троицкой, въ Ямской, и до перевоза противъ больничныхъ зданій у лѣтняго сада.

Усѣкновеніе главы Предтечи. Первое извѣстіе о церкви Усѣкновенія относится къ 1176 г.; какъ и предыдущая—она упомянута въ 1391 г. впервые, но не послучаю пожара, а потому, что, по близости отъ нея устроено было подворье для Митрополита Кипріана, когда онъ прибылъ сюда по поводу отложенія Новгорода. Вѣчевымъ постановленіемъ, отъ суда Митрополита Московскаго въ подлежащихъ случаяхъ,—что было въ 1385 году. Въ пожаръ того же 1391 г. Предтеченская церковь не значится ни сгорѣвшею, ни огорѣвшею,—должно быть она стояла гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ Введенской. Въ росписи 1615 г. записаны въ числѣ церквей на Новинкѣ: „Іоанна Усѣкновеніе да Никола Чудотворцъ каменны". На чертежахъ Попова и 1778 г. нѣтъ площадокъ съ крестами на всемъ пространствѣ Новинки. Въ 1808 г., во времена владыки Евгенія, уже не существовало ни одной изъ этихъ Новинскихъ церквей,—слѣдовательно онѣ упразднены до половины XVIII вѣка.

То пространство Загороднаго конца, которое подходило къ рву малаго вала противъ Дѣтинцевской стѣны и тянулось вдоль его, вообще значительно; оно было сравнительно широко у внѣшняго вала и съуживалось къ Дѣтинцу. На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ, кромѣ вышеназванной маленькой каменной, ни одной церкви, ни на Новинкѣ, ни на полночь отъ нея, болѣе чѣмъ до средины всего проставнства древнихъ улицъ Чудинцевой и Людгощей; на послѣдней нѣтъ даже и существующей теперь Флоровской церкви, основанной первоначально раньше 1350 г., мѣсто же ея огорожено заборомъ. Причину этого явленія надобно искать только въ пожарахъ; одинъ изъ нихъ, отмѣченный подъ 1490 годомъ былъ великъ; онъ истребилъ, въ числѣ многихъ другихъ, улицу Людгощу, ближайшую къ Чудинцевой, и шесть церквей, къ сожалѣнію не поименованныхъ. Нѣсколько раньше, въ 1476 году: „погорѣло въ полѣ на Прусской улицѣ, и на Чудинцевѣ улицѣ, и на Легощи улицѣ"; подъ выраженіемъ „въ полѣ" мы понимаемъ Новинку и прилегающіе къ ней концы перечисленныхъ улицъ. Время отъ 1476 и до 1528 гг., къ которому мы относимъ написаніе Знаменскаго изображенія, было тяжелымъ для Новгорода;—въ 1486 году: „по приказу Великаго князя привели изъ Новаграда на Москву житійскихъ людей (это среднее сословіе) больше семи тысячъ, занежъ хотѣли убить великаго князе Намѣстника Якова Захарьича; а иныхъ многихъ Новогородцевъ казнилъ и вѣшалъ Яковъ Захарьичь въ Новѣградѣ". Въ слѣдующемъ году „князь великій перевелъ изъ Великаго Новаграда въ Володимерь лучшихъ гостей Новогородскихъ 50 семей". (Русс. Временникъ, Ч. II, стр. 180 и 182, Москва 1820 г.). При оскудѣніи населенія сгорѣвшія церкви или вовсе не возобновлялись, или строились много времени спустя послѣ пожаровъ.

Придерживаясь послѣдне приведеннаго соображенія и лѣтописныхъ отмѣтокъ о пожарахъ 1476 и 1490 гг., намѣтимъ площадь церкви Усѣкновенія Главы Предтечи близъ полночно восточнаго угла дома Дворянскаго собранія, на срединѣ прямой, соединяющей углы—этотъ и Чудинцевой улицы. Причину указанія этого именно мѣста разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

Никола Чудотворецъ. Въ росписи 1615 г. храмы на Новинкѣ, которые были въ границахъ Загороднаго конца, записаны такъ: „Введенье Богородицѣ каменъ, Іоанна Усѣкновеніе, да Никола Чудотворецъ, каменны, Архистратигъ Гавріилъ каменъ“. Храмы первый и послѣдній отмѣчены каждый отдѣльно,—а средніе соединены. Положеніе Введенья и Гавріила Архангела мы видѣли; они приходились другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, потому, вѣроятно, и помѣчены отдѣльно; порядокъ перечисленія всѣхъ вообще Новинскихъ церквей взятъ отъ Волховскаго берега, вокругъ малаго вала, въ западно-полночномъ направленіи, такой же, какого держится упоминаемое уже нѣсколько разъ донесеніе воеводы 1649 года, перечисляя быки и башни малаго вала. У Введенской и Архангельской башенъ мы нашли мѣста соименныхъ имъ церквей, показанныхъ въ росписи и сейчасъ названныхъ;—значитъ соединенные храмы Усѣкновеніе Предтечи и Никола Чудотворецъ находились на пространствѣ Новинки между башнями Введенскою и Архангельскою малаго вала, если считать ихъ за два самостоятельные, и не признавать Николу за придѣлъ. Положенію Новинки соотвѣтствуетъ восточная часть дома дворянства,—рву около этого вала—средина его, а храмамъ Усѣкновенія и Николы—пространство площади по близости къ западному концу Дворянскаго дома. Усѣкновеніе названо въ росписи раньше Николы оно, слѣдовательно, приходилось ближе къ Дворянскому дому, чѣмъ храмъ Николы, мѣсту котораго надобно быть, поэтому, въ полночно-восточномъ направленіи отъ перваго,—на площади же, минуя уголъ нынѣшней Чудинцевой улицы, на которомъ домъ Н. С. Өедорова;—мы увидимъ другую церковь Николы этого же участка Загороднаго конца.

Антоній Римлянинъ Настоятель Михаило-Архангельской церкви, что на Прусской улицѣ, о. Протоіерей Софійскій, сообщилъ намъ, что въ этой церкви хранится печатное Евангеліе XVII вѣка, съ надписью о принадлежности его священнику церкви Св. Антонія Римлянина, съ Прусской улицы. Лѣтопись сохранила одно только извѣстіе объ освященіи въ 1537 году придѣла во имя Преподобнаго Антонія Римлянина въ монастырѣ, имъ основанномъ въ 1117 году и до сихъ поръ существующимъ; другая же подъ 1211 годомъ сказываетъ, что Архіепископъ Антоній, возвратясь изъ Руси по поставленіи, „Створи полату Митрофаню цьрковь во имя Святого Антонія“ (I Нов. лѣт. годъ 6719, стр. 31), то есть устроилъ въ Митрофаніевой палатѣ церковь. Гдѣ была эта палата, внутри-ли Владычня двора, или въ предѣлахъ Митрополичья острова, среди улицъ Чудинцевой и Прусской, неизвѣстно. Для дальнѣйшихъ изысканій по этому предмету приведемъ лѣтописную справку. Въ 1199 году, по смерти Архіепископа Мартирія, Новгородцы избрали на владычество Митрофана; чрезъ годъ онъ получилъ надлежащее поставленіе; въ 1211 году его низвели, по клеветѣ, и сослали въ Торопецъ, а на его мѣсто избрали паломника, прибывшаго изъ Царяграда, Добрыню Ядрейковича, постриженнаго затѣмъ и возведеннаго въ санъ Епископа, подъ именемъ Антонія. Чрезъ 9 лѣтъ этого Антонія отстранили отъ дѣлъ владычнихъ и опять призвали Митрофана; въ 1223 г. онъ скончался и погребенъ въ Св. Софіи.

Въ статьѣ о подземельи Судебно-Престольной Палаты мы видѣли въ западной части его слѣды настѣннаго письма; тамъ же замѣчено о церкви въ Никитскихъ палатахъ. Если палата Митрофана, обращенная въ 1211 году въ церковь, была во Владычнемъ дворѣ,—то не ея ли слѣды въ настѣнномъ письмѣ подземелья? Если и такъ, то едва-ли по прошествіи 63 лѣтъ со дня кончины Антонія Римлянина,—онъ умеръ въ 1147 году,—могла быть посвящена церковь имени его. Вѣроятнѣе будетъ предположить, что Евангеліе принадлежало церкви Антонія Римлянина, сооруженной на Митрополичьемъ островѣ, послѣ открытія 1 Іюля 1597 г. нетлѣнныхъ мощей его. Если церковь была деревянною и сгорѣла вскорѣ по сооруженіи, о ней и забыли.

Церковь 12 Апостоловъ, существующая на Митрополичьемъ островѣ, имѣла два придѣла въ 1614 году, въ нижнемъ отдѣленіи, въ подцерковьи, во имя Св. великомученицъ Параскевы и Екатерины (Опис. цер. древ. I, стр. 163); не было-ли и третьяго во имя Антонія Римлянина?

Симеонъ Столпникъ. Въ 1392 году поставлена каменная церковь Симеона Столпника на Чудинцевѣ улицѣ. Въ росписи она поименована тутъ же. Въ 1808 году церкви этой уже не было. На Знаменскомъ изображеніи нанесенъ выше упомянутый широкій проѣздъ, направляющейся къ башенному широкому зданію малаго вала, съ воротами надъ нимъ, и отсюда прямо къ Воскресенскимъ воротамъ Дѣтинца; онъ не соотвѣтствуетъ нынѣшней Чудинцевой улицѣ. Въ стѣнѣ внѣшняго вала, въ томъ мѣстѣ, съ котораго начался проѣздъ, стоитъ большой костеръ, съ проѣздными подъ нимъ воротами, запираемыми желѣзною рѣшеткою По положенію своему противъ проѣзда, соотвѣтствующаго древней Чудинцевой улицѣ, этотъ костеръ будетъ, вѣроятно, одною изъ тѣхъ двухъ башенъ, которыми Шведы ворвались въ 1611 году въ городъ,—Чудинцевскою. На самомъ краю проѣзда слѣва, невдалекѣ отъ стѣны, что поверхъ внѣшняго вала, стоитъ высокое каменное зданіе, похожее на четыресторонніе башни Дѣтинца и малаго вала, съ тремя оконцами вверху, подъ самою крышею, какъ въ Дѣтинцевскихъ башняхъ, и съ проѣздными воротами внизу, съ основанія зданія; къ нему приставлены съ полуденно-западной и полночно-восточной сторонъ тоже каменныя, одинаковыя, въ половину ниже перваго, зданія, съ церковными главами на каждомъ. Нѣсколько отступя отъ этого сооруженія на полночь къ востоку и къ стѣнѣ внѣшняго вала, столпообразная церковь, близко похожая на самую высокую изъ Дѣтинцевскихъ—Покровскую башню, и съ такими же уступами.

Въ этомъ мѣстѣ должно быть, по свидѣтельству лѣтописи только два церковныхъ сооруженія; изъ нихъ ближайшее къ стѣнѣ внѣшняго вала, можетъ быть, по столповидности своей, церковью Симеона Столпника.

На чертежахъ Попова и 1778 года помѣчены на пространствѣ Чудинцевой и Легощей улицъ, по срединѣ обширной площади, мѣста двухъ церквей на небольшомъ одна отъ другой разстояніи; на первомъ кресты поставлены въ положеніи описанныхъ церковныхъ зданій Знаменскаго изображенія, одинъ на полночь отъ другого,—а на второмъ обѣ площадки ря-

домъ въ полночно-восточномъ направленіи. Мѣсто этихъ церковныхъ зданій занято теперь садами частныхъ владѣльцевъ.

Никола на Скудельнѣ. Въ 1230 году былъ сильный моръ; покойниковъ некому было хоронить; трупы валялись по улицамъ,—собаки терзали ихъ. Въ это время учреждено три Скудельни, для погребенія умершихъ въ общихъ ямахъ: одна у церкви 12-ти Апостоловъ, „въ пропастехъ" другая на Славенской сторонѣ, на Колонѣ за Святымъ Рождествомъ,—т. е. за нынѣшнимъ Рождественскимъ кладбищемъ, и третья „на полѣ, конецъ Чудинцевѣ улици". Въ 1390 г. „поставиша монастырь новъ Святого Никоlы, конецъ Люгощей и Чюдинцевы улици на Скудельницы". Въ 1398 г. сооружена каменная церковь Святого Николы въ концѣ Люгощи и Чудинцевы улицы. На Знаменскомъ изображеніи представленъ, въ видѣ башнеобразнаго зданія съ двумя меньшими, увѣнчанными церковными главами, этомъ монастырь, близъ вала, на незанятомъ постройками пространствѣ, „въ полѣ". Отъ башнеобразнаго зданія къ западо полночи, къ валу, обведено заборомъ пустое мѣсто; по всей вѣроятности это и есть Скудельня. На изображеніяхъ Попова и 1778 г. крестъ и одна изъ церковныхъ площадокъ соотвѣтствуетъ храму Святого Николы на Скудельнѣ, близъ Симеона Столпника. Тутъ именно приходятся западно полночные концы сосѣднихъ улицъ, Людгощи и Чудинцевой. Въ 1808 году уже не было этой церкви. Мѣсто ея тамъ же, гдѣ и Симеоновской, но нѣсколько западнѣе ея, приблизительно—около полуночнаго угла нынѣшней Чудинцевой улицы, у вала. Просвященный Макарій видитъ мѣсто Никольской церкви внутри Митрополичьяго острова, на западъ къ полночи отъ существующей церкви 12 Апостоловъ, гдѣ были, въ 1860 году, еще видны бугры отъ развалины ея. (Опис. Нов. Цер. др. I, стр. 161).

Вознесеніе Господне. Въ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ значится первоначальное основаніе церкви Вознесенія Господня и сосѣдней съ нею Михаило-Архангельской въ 1092 году. Въ первой Новгородской лѣтописи она показана сгорѣвшею, вмѣстѣ съ другими, въ 1175 году. Подъ 1185 годомъ записано въ пергаментномъ сборникѣ о построеніи каменной церкви Вознесенія на Прусской улицѣ Милонѣгомъ. Много разъ эта церковь горѣла; въ Шведскій разгромъ она пострадала и отъ пожара и отъ хищничества Шведовъ,—но во время составленія росписи существовала. Возобновленная затѣмъ она обветшала и разобрана въ 1815 году. На чертежѣ Попова и 1778 года мѣсто ея показано. Еще и теперь видны у самаго внѣшняго вала бугры остатковъ этой древнѣйшей церкви, саженяхъ въ 40 на западъ отъ сохраняющейся древней же церкви Михайло-Архангельской, недавно возобновленной.

Въ книгѣ Владыки Макарія (Опис. Нов. цер. др. I, стр. 187) приведена выписка изъ Синодика Михаило-Архангельской церкви, съ именами создателей ея и Вознесенской; онъ не старѣе временъ Петра Великаго и содержитъ вполнѣ точное указаніе на существовавшій въ Новгородѣ обычай хоронить храмоздателей и благодѣтелей „въ настѣнныхъ гробѣхъ". Здѣсь, между прочимъ, сказано, что Вознесенская церковь сооружена въ 1185 г.

близъ стѣны градской, во имя Святыя Троицы, троеглавною, и что внутри церкви, на стѣнѣ, въ которой погребены строители,—„образы подобія ихъ и одежды, яковы носяху, написаны суть, и въ написаніи томъ 17 лицъ“.

Церковъ Михаила Архангела, какъ нынѣ существующая, въ нашу записку не входитъ; подробныя свѣдѣнія о ней приведены въ книгѣ Владыки Макарія (стр. 183).

Три отрока. Въ 1189 году „Постави церковь нову Архепископъ Гаврила на Жатуни святыхъ три отрокъ. Ананія, Азарія и Мисаила и Даннла Пророка“. Въ пожары 1194 и 1211 гг. сгорѣло много церквей, особенно во второй, истребившій 4300 дворовъ и 15 церквей; начался онъ на Рядятинѣ улицѣ, въ Людинѣ концѣ, гдѣ нынѣшняя Троицкая церковь. Въ числѣ 15-ти была, по всей вѣроятности, и Трехъ отроковъ, такъ какъ мѣстность, на которой сгорѣло такое большое число дворовъ и церквей, должна непремѣнно захватить и Загородной конецъ. Въ 1219 г. „заложиста Твьрдиславъ съ Ѳедоромъ цьрковь камяну святого Михаила, нынѣ существующую въ возобновленномъ видѣ, а другую Святыхъ Три отрока, по сторонь, малу; съвершиша ю въ четыре дни“. Къ 1402 году эта церковь обветшала и ее разобрали, устроивъ въ томъ году придѣлъ у Святаго Михаила на Прусской улицѣ. Придѣлъ этотъ существовалъ въ первобытномъ, вѣроятно, видѣ еще въ 1852 г. съ полуденной стороны церкви Михайловской, а съ противоположной былъ Никольскій. Такимъ образомъ мѣсто церкви Трехъ отроковъ опредѣляется съ точностью.

Илья Святой. Въ 1417 году, во время такъ называемаго Анастасѣевскаго мора, поставлена была въ Дѣтинцѣ деревянная церковь въ одинъ день, во имя Святой Анастасіи: А христіане,—говоритъ лѣтописецъ,—„ови на конѣхъ, ови пѣши, изъ лѣса бервна привозили; и святиша ю;—архіепископъ Симеонъ того же дни и литургію сверши; а въ остаточныхъ бревнахъ поставили церковь святого Илію конецъ Прусской улици“. Въ 1418 году поставлена каменная церковь Св. Пророка Иліи въ дѣвичѣ монастырѣ по конецъ Прусской улици; въ 1471 году она сгорѣла отъ грозы, но была возстановлена. Сооруженіе каменной церкви на другой годъ послѣ деревянной, въ концѣ Прусской улицы, указываетъ на возможность положенія деревянной и дальнѣйшаго существованія ея на другомъ мѣстѣ, одновременно съ монастырскою каменною, объ этомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже. Въ росписи 1615 г. отмѣчено: „Въ Прусскомъ запольѣ монастырь дѣвичъ, а въ немъ храмъ Илья Пророкъ. Мы знаемъ, что на Славенской сторонѣ, на Холмѣ, существуетъ до сихъ поръ Ильинская церковь, первоначальное сооруженіе которой восходитъ за лѣтописные предѣлы. Издавна существовали крестные ходы, въ древности торжественные, въ день празднованія памяти ветхозавѣтнаго Пророка, то на Славенскую, то на Неревскую сторону; на Славенскую,—если лѣто бывало сухое, а на Неревскую, когда оно мокрое,—оттого народъ называлъ одну церковь Илья сухой, а другую—Илья мокрый. Теперь совершается крестный ходъ, хотя далеко не торжественный, къ Славенской церкви.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ церкви въ соотвѣтственномъ лѣтописному указанію мѣстѣ, внутри города у вала; и на обоихъ чертежахъ оно не означено. Если одна изъ Ильинскихъ церквей и была у самаго вала внутри города, художникъ писавшій Знаменское изображеніе съ западной стороны, не видѣлъ ея, какъ закрытой отъ него высокою стѣною, поставленною поверхъ внѣшняго вала. На чертежѣ 1778 г. составленномъ съ особенною тщательностью, для представленія на Высочайшее утвержденіе, нѣтъ площади этой церкви ни противъ средины Прусской улицы, ни въ концѣ ея или Чудинцевой, такъ что ея мѣсто въ настоящее время указать не представляется никакой возможности. Вѣроятно она упразднена послѣ составленія росписи и разобрана.

Второй участокъ.

Въ существованіи поселковъ противъ Загороднаго конца за внѣшнимъ валомъ не можетъ быть сомнѣнія; тутъ шла большая дорога „горою въ нѣмцы", съ долѣтописныхъ вѣковъ; по сооруженіи Ивангорода на нее же выходила и называемая Ивань-городскою; упомянутыя селенія Видогощъ, Середогощъ, Велегощъ и Югощъ—указываютъ направленіе дороги горою въ нѣмцы. Но были-ли тутъ церкви и монастыри и составляли-ли поселки, прилегавшіе къ Чудинцевой и Прусской улицамъ, „Заполья" росписи 1615 года, расположенныя за городскимъ валомъ съ показанными въ нихъ церквами, увидимъ изъ слѣдующей статьи; о запольяхъ въ чертѣ города обѣихъ половинъ уже говорено.

Пророкъ Илья. Нѣсколько строкъ выше выражено сомнѣніе о замѣнѣ деревянной Ильинской церкви 1417 года каменною въ слѣдующемъ году. Это сомнѣніе и вызвало раздѣленіе Загороднаго конца на два участка.

Подъ 1418 годомъ значится сооруженіе каменной Ильинской церкви въ женскомъ монастырѣ; въ росписи говорится тоже объ Ильинской церкви въ дѣвичьемъ монастырѣ.—но не объясняется, была-ли она каменная, или деревянная. Пожаровъ въ Загородномъ концѣ въ 1417 и 1418 гг. не было,—по крайней мѣрѣ лѣтопись не говоритъ о нихъ. Въ отмѣткѣ подъ первымъ изъ этихъ годовъ не сказано, чтобы деревянная Ильинская церковь была поставлена въ монастырѣ, или чтобы монастырь учрежденъ послѣ ея возникновенія; не пояснено также, которому изъ Святыхъ съ именемъ Иліи она посвящена. Все это дозволяетъ видѣть въ деревянной церкви 1417 г. не монастырскую, а сооруженную за внѣшнимъ валомъ, или за предѣлами города, противъ древней Чудинцевой улицы, въ смыслѣ Кончанскаго участка.

Замѣтимъ здѣсь, во 1-хъ, что Новгородской лѣтописи извѣстно „всполье"; въ описаніи крестнаго хода Архіепископа Геннадія въ 1493 году, вокругъ деревяннаго города,—сказывается, что онъ пошелъ „отъ Алексѣя Святого всписльемъ къ Духу Святому въ монастырь". Алексѣевская церковь, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, находилась за городомъ. Въ дальнѣйшемъ опи-

саніи этого крестнаго хода значится, что Владыка шелъ къ Духу Святому „рвомъ". Слѣдовательно шествіе направлялось по полю за городомъ; возможно, поэтому, что составитель росписи не различалъ всполья отъ заполья; во 2-хъ, что „поля" были въ самомъ городѣ не только во время его самобытія, но и при Московскомъ державствѣ; выше указано на распоряженіе Москвы, состоявшееся въ 1530 году, чтобы улицы проводились впрямь, по Московски;—подъ 1572 годомъ, когда Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ четыре недѣли, отмѣчено, что царь „уставилъ полямъ быти въ Великомъ Новгородѣ по старинѣ" (II Нов. лѣт. стр. 168, годъ 7080). Здѣсь нельзя видѣть судебнаго поединка, называвшагося полемъ, о которомъ наша лѣтопись не знаетъ; да если-бы рѣчь шла о немъ, лѣтописецъ сказалъ-бы въ единственномъ числѣ: „полю быти",—а не полямъ. Новгородцы, какъ старые, которые убереглись отъ опричнины, такъ и вновь прибывшіе, дорожили полями внутри города; это были площади для привозныхъ товаровъ, царь согласился впредь не застраивать таковыхъ, для торговыхъ нуждъ; лѣтописцу показалось это повелѣніе не маловажнымъ, онъ и занесъ о немъ въ свою памятуху;—наконецъ, въ 3 хъ, хотя роспись 1615 г. бумага и правительственная, но въ ней не могло не быть ошибокъ, особенно если составлялъ роспись не одинъ; мы уже видѣли пропускъ и затѣмъ вставку въ ненадлежащемъ мѣстѣ отмѣтки о Дмитріевской церкви,—видѣли и возможность повторенія отмѣтки о церкви Св. Николая на Гзени; возможно такое же повторенія и о Запольяхъ Загороднаго конца, особенно если одинъ описывалъ церкви городскія, а другой загородныя, каждый въ свою особую тетрадь,—и если бѣловая опись, или роспись, составлялась изъ обѣихъ тетрадей не въ Новгородѣ, а уже по прибытіи писцовъ въ Москву, гдѣ нельзя было повѣрить сомнѣніе осмотромъ мѣстности и распросами.

Придерживаясь такого взгляда на Заполья росписи и оставляя до будущихъ изысканій вопросъ о церквахъ, находившихся въ Чудинскомъ и Прусскомъ, какъ лежавшихъ внѣ города, замѣтимъ, что за внѣшнимъ валомъ, противъ нынѣшняго Митрополичьяго острова, саженяхъ въ двадцати, видны бугры, похожіе на мѣсто церкви; ихъ нужно изслѣдовать. А до того перейдемъ, не останавливаясь болѣе на Запольяхъ и всипольяхъ, къ Людину концу.

Людинъ конецъ.

Полуденно-западная часть Неревской стороны Новгорода составляла Людинъ конецъ. Пространство его обширно не менѣе Неревскаго; оно застилало не только охваченную валомъ площадь, но тянулось и къ полдню за валъ, на Мигру, гдѣ теперь Воскресенская слобода, и на полдень къ западу, по направленію къ Петровскому кладбищу и къ Аркажѣ; отдѣльными поселками оно доходило до рѣки Веряжи, на лѣвомъ берегу которой урочище „Мостища" указываетъ на существованіе здѣсь большаго моста.

Имя свое получилъ этотъ конецъ, что уже сказано, отъ поселенія на большей части его площади Людиновъ-воиновъ, уже послѣ того, когда

первоначальный поселокъ ихъ, улица Людгоща, вошелъ въ составъ конца Загороднаго; въ какое время именно это случилось—можно только предполагать, но несомнѣнно раньше начала русской лѣтописи: Новгородцы имѣли свои дружины всегда; въ VII или VIII вѣкѣ они ходили уже въ Крымъ, на Сурожъ, съ княземъ Бравалиномъ, и не впервые; дорога туда была проложена давно; въ невѣдомый край Новгородцы не рѣшились-бы идти, особенно въ такую даль, если-бы путь не лежалъ чрезъ дружественныя и даже родственныя земли.

Поселокъ собственно Людиновъ, занималъ, по всей вѣроятности, побережье Волхова, вверхъ отъ Дѣтинца, примѣрно по нынѣшнюю Троицкую улицу до Бѣлой башни, и заворачивалъ отсюда на полуостровъ Мигру, врѣзывающійся косою въ Мячинское озеро, гдѣ теперь слобода Воскресенская. Въ перволѣтописныя времена мѣстность эта называется то городомъ Кромнымъ, то Землянымъ; она приходилась на краю города и укрѣплена была землянымъ окопомъ.

Въ XII вѣкѣ, въ первой половинѣ, Людины сидѣли, должно быть, на древнемъ своемъ мѣстѣ, по берегу Волхова, на Мигрѣ-же конные; въ грамотѣ князя Всеволода, данной Юрьеву монастырю по повелѣнію отца, князя Мстислава великаго, описана рель, пожалованная Святому Георгію; она охватываетъ, въ пожалованномъ размѣрѣ, все пространство между поселеніемъ дружинъ Людина конца и землею Пантелеймонова монастыря,—бывшаго тамъ, гдѣ теперь усадьба графини Орловой-Чесменской и при ней Пантелеймоновская церковь. Новгородскіе князья никогда не были, до присоединенія къ Москвѣ, хозяевами земель страны Ильменской; они, какъ предводители дружинъ и охранители предѣловъ страны извнѣ, порядка и спокойствія внутри, пользовались даваемыми имъ въ кормленіе участками, точно опредѣляемыми договорами, и доходами съ торговли и промысловъ въ устанавливаемомъ тѣми же договорами размѣрѣ. Если, поэтому, луговой покосъ, называемый и теперь релью, пожалованъ былъ Мстиславомъ и сыномъ его Всеволодомъ Юрьеву монастырю,—онъ былъ княжимъ участкомъ конной дружины, каковымъ князь могъ распорядиться на время своей и сыновней службы странѣ Ильменской, и обязать князей, своихъ родичей-потомковъ, которые будутъ служить ей же, не нарушать пожалованія. „Даже который князь по моемъ княженіи,—написано въ грамотѣ Мстислава,—почнетъ хотѣти отъяти у святого Георгія—А Богъ будетъ за тѣмъ и святая Богородица и тъ святый Георгій у него то отнимаіетъ"; —въ Всеволодовой грамотѣ нѣтъ обязательства для его преемниковъ исполнять изложенное въ ней, замѣчено лишь: „А кто сіе мое слово переставитъ, ино судитъ ему Богъ и святый мученикъ Георгій въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ". (Ист. Росс. Іер. Ч. VI, стр. 772—776). Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ обыкновенны такія, напримѣръ, условія: „А пожне, княже, что твое и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожни, то ти ненадобе. А что княже грамоты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати",—или:

„Что свободъ Дмитріевыхъ и Андреевыхъ и что сельцъ тягнуло къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися“ (Собр. Грам. и Догов. гр. Румянцева. V, стр. 3 и 6). На принадлежность рели войсковому довольству указываетъ и „осеннее полюдье“,—т. е. осенній сборъ на содержаніе Людиновъ-дружинниковъ,—пожалованное княземъ Мстиславомъ тому же монастырю, одновременно съ релью.

Подстилающимъ жилой перегной западной части Людина конца и западныхъ же его окрестностей оказалась, по изслѣдованію нашему, красноватая кирпичная глина, залегающая толщами отъ 3-хъ аршинъ до 3-хъ саженъ. Въ Новгородѣ и его окрестностяхъ глинодѣліе завелось въ отдаленные долѣтописные вѣка. Обломки кирпичей и простыхъ глиняныхъ сосудовъ попадаются при раскопкахъ на всякой глубинѣ. Каменныя съ кирпичною, мѣстами, прокладкою постройки были возводимы въ ранніе долѣтописные вѣка,—слѣды ихъ изрѣдка встрѣчаются при земляныхъ работахъ, особенно на Славенской сторонѣ. Отъ XI вѣка сохраняются до сихъ поръ каменныя церковныя сооруженія, съ Софійскимъ соборомъ во главѣ; въ кладкѣ ихъ мы видимъ употребленіе не только кирпича разнообразной величины, но еще и особенныхъ узкогорлыхъ, грушевидныхъ, глиняныхъ сосудовъ, называемыхъ голосниками; они вмазывались въ своды, наглухо, для ихъ облегченія,—въ стѣны—для устраненія сырости, и въ верхнія части стѣнъ же и сводовъ, открытыми наружу горловинами—для усиленія звука при чтеніи и пѣніи. Это послѣднее примѣненіе сосудовъ и дало имъ названіе голосниковъ.

Въ повѣсти, записанной въ поздній, сравнительно, сборникъ, изданный крайне неисправно еще въ 1795 г., подъ названіемъ „Лѣтопись Великаго Новгорода по списку Софійскому“,—сказывается, что брошенный въ Волховъ идолъ Перуна приплылъ къ берегу, близъ устья рѣки Пидьбы; нѣкій пидьблянинъ, везшій въ городъ горныцы,—т. е. обожженную глиняную посуду, оттолкнулъ его. Это было въ X вѣкѣ. Въ одномъ изъ списковъ Русской Правды значится мѣра жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ „горнецъ“ (не отсюда-ли и нынѣшій гарнецъ?);—видимо глинодѣліе было промысломъ въ окрестностяхъ Новгорода и въ перволѣтописное время.

Памятники письменные, отечественные и иноземные, свидѣтельствуютъ, что съ XI и XII вѣка особенно усилились торговыя сношенія Новгорода съ западомъ Европы, внесшія много удобствъ и роскоши во внутреннюю жизнь страны Ильменской. Къ этому же времени относится начало каменныхъ сооруженій, вызвавшее усиленное производство кирпича и прочихъ строительныхъ принадлежностей,—то есть гончарный промыселъ.

Въ западной сторонѣ Людина конца внутри города и въ окрестностяхъ ея завелись гончары; и теперь еще за городомъ, въ этой-же сторонѣ, существуетъ нѣсколько кирпичныхъ заводовъ. Относительная легкость гончарства и обиліе лѣсного лому для обжиганія кирпичей привлекли многихъ обывателей, такъ что преобладающимъ населеніемъ западной окраины Людина конца оказались гончары и самый конецъ въ этой мѣстности получилъ, въ народномъ говорѣ, названіе Гончарскаго или Гороньчарскаго. Впослѣдствіи, въ

XIV—XV вѣкахъ лѣтописцы стали употреблять въ своихъ отмѣткахъ и то и другое названіе конца. Съ уничтоженіемъ самобытія Новгородъ не имѣлъ уже надобности содержать собственныя дружины Людиновъ,—такъ что въ XVI вѣкѣ названіе Людина конца почти не употреблялось въ лѣтописи, тѣмъ болѣе, что и составителями памятухъ явились пришлыя лица, для которыхъ Людинъ конецъ представлялся непонятнымъ звукомъ. Въ нарядной описи 1623 года онъ названъ уже концомъ вновь, будто-бы, образовавшимся; это внесло путаницу и въ изслѣдованія даже такихъ почтенныхъ писателей, какъ Карамзинъ, вызвавшій научный вопросъ о преимущественной древности одного, или другого изъ этихъ двухъ концовъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, достаточно взять первую строку Устава о мостахъ; она читается такъ во всѣхъ спискахъ: „Осменникомъ поплата въ Людинъ конецъ до Добрыни улицы..“ и т. д. На сколько древенъ этотъ Уставъ, на столько старо и названіе Людина конца въ лѣтописное время. Церкви во имя Увѣренія апостола Ѳомы о Воскресеніи Христа, Іоанна Милостиваго, Василія и другія показаны лѣтописью основанными, съ XII вѣка, въ Людинѣ концѣ.

Кромѣ концовъ Людина и Гороньчарскаго въ лѣтописи встрѣчаются и загородныя мѣстности, прилегающія къ внѣшнему валу съ полдня къ западу, съ находящимися тамъ церквами. Поэтому для нашей цѣли раздѣлимъ Людинъ конецъ на три участка: первый—отъ границы Загороднаго до Малой Власьевской улицы; второй отсюда до Мячина,—и третій за валомъ.

Первый участокъ.

Этотъ участокъ мы начнемъ прямою, проведенною отъ внѣшняго вала по правую сторону Десятиннаго монастыря, съ запада на востокъ къ малому валу,—пойдемъ отъ нея въ западно-полуденномъ направленіи и кончимъ нынѣшнею Малою Власьевскою; участокъ этотъ раньше другихъ получилъ народное названіе Гороньчарскаго или Гончарскаго.

Монастырь Десятинный. Какъ существующій въ настоящее время, Десятинный монастырь не нуждается въ опредѣленіи его мѣстоположенія. Тѣмъ не менѣе мы остановимся на немъ, какъ на имѣющимъ особенное значеніе. Занимая площадь между Загороднымъ и Людинымъ концами онъ, по нашему мнѣнію, относится къ первому, но Митрополитъ Евгеній и Красовъ ставятъ монастырь въ Людиномъ концѣ. Впослѣдствіи, при объясненіяхъ объ улицахъ, какъ Кончанскихъ участкахъ, мы приведемъ основанія нашего мнѣнія и отведемъ этому монастырю мѣсто въ Загородномъ концѣ.

Всѣ изслѣдователи Новгородскихъ древностей относятъ учрежденіе Десятиннаго монастыря къ 1327 году, основываясь на показаніяхъ I, III и IV Новгородскихъ лѣтописей. Но въ первой сказано только о построеніи Св. Архіепископомъ Моисеемъ церкви, Рождества Богородицы на Десятинѣ; а въ четвертой строительницею церкви Св. Богородицы на Десятинѣ наз-

вана княгиня Святославля,—безъ означенія Рождеству-ли, или Успенію Богоматери посвящена была эта церковь. Третья же лѣтопись, по обыкновенію составителя основнаго ея списка, приписываетъ сооруженіе каменной Рождество-Богородицкой церкви на Десятинѣ и учрежденіе дѣвичьяго монастыря, въ томъ же 1327 г., княгинѣ Ярославлей при Архіепископѣ Моисеѣ Новгородскомъ, съ добавленіемъ: „послѣ Суждальцевъ спустя 158 лѣтъ". Роспись 1615 г. называетъ „Монастырь дѣвичь на Десятинѣ—храмъ Успенье Богородицы, каменъ". Прошедшее этого монастыря изложено подробно въ описаніи Новгородскихъ церковныхъ древностей Макарія (Ч. I, стр. 209).

Ни одинъ изъ изслѣдователей не остановился на упомянутой нами отмѣткѣ Супрасльской рукописи подъ 998 годомъ: „Въ Новгородѣ владыка Якимъ уради собѣ монастырь десятинный". Эта-то отмѣтка и заставляетъ насъ остановиться на существующемъ монастырѣ.

Владыка Іоакимъ, родомъ Корсунянинъ, прибылъ въ языческую старину и, встрѣтивъ въ Новгородѣ упорное сопротивленіе введенію христіанства какъ вѣроученія государственнаго, долженъ былъ позаботиться о личной безопасности, какъ собственной, такъ и несомнѣнно прибывшихъ съ нимъ священнослужителей. Въ Дѣтинцѣ онъ не могъ считать себя огражденнымъ: стража была тамъ, вѣроятно, та, которую привелъ съ собою Путята, если вѣрить отрывку Якимовой лѣтописи; но къ ней народъ относился враждебно, да и Корсунянинъ не могъ, какъ чужестранецъ, на ней успокоиться: онъ имѣлъ, конечно, свою, приведенную изъ Крыма. Возможно, что въ числѣ условій, при которыхъ Іоакимъ прибылъ въ Новгородъ, было устройство особаго помѣщенія для него и для всѣхъ вмѣстѣ съ нимъ сюда явившихся. Впослѣдствіи встрѣчается въ лѣтописи „Митрополичь островъ", существующій до сихъ поръ подъ именемъ Митрополичьяго огорода, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Людинымъ концомъ съ одной стороны, и съ улицами Чудинцевою и Людгощею съ другой. Мѣстность Митрополичьяго острова и улицы Чудинцевой пользовались особыми преимуществами въ XVI и XVII вѣкѣ: обыватели ея были избавлены отъ повинностей,—напримѣръ въ 1545 году отъ сборовъ на ратное дѣло, которые были отбываемы всѣми улицами и всею страною (Акты Арх. Эксп. I, стр. 185),—въ 1623 г.—отъ участія въ дѣлѣ устройства дорогъ и мостовъ. Вѣроятно, въ виду всего этого, что Митрополичъ островъ былъ, первоначально, владычнимъ поселкомъ (Островъ, какъ объяснено выше, тоже, что поселокъ), тѣмъ монастыремъ Десятиннымъ, который выговорилъ себѣ Іоакимъ Корсунянинъ; на немъ сидѣли церковники владыки и его людины—тѣлохранители.

Преподобный Ефремъ, мѣстоблюститель владычняго престола по смерти Іоакима, второй Епископъ Новгородскій Лука Жидята, равно слѣдовавшіе за нимъ, Стефанъ, Ѳеодоръ, Германъ и Св. Никита проживали, вѣроятно, на Десятинѣ, въ монастырѣ Іоакима; такъ какъ первоначальное основаніе Владычня двора въ Дѣтинцѣ приписывается Святому Никитѣ, умершему въ 1107 году (Макарій, Описаніе Новгородскаго Архіерейскаго дома). Въ доказательство этого положенія сошлемся на Уставъ о мостахъ,—давно уже нами изслѣдованный въ видѣ опыта какъ и Дѣтинецъ

но остающійся еще въ рукописи; здѣсь участокъ Осменниковъ опредѣляется такъ: „въ Людинѣ конецъ черезъ гроблю до Добрыни улицы, въ Городняя ворота до Пискупла улици, съ Прусы до Бориса и Глѣба“. Улицу Добрынину мы видѣли, когда говорили о церкви Святого образа; она лежала сряду за рвомъ Дѣтинца, съ полуденной стороны его; здѣсь было ея начало: образовалась она изъ дворовъ „Добрыни, уя Володимерова“ и его челяди, еще до крещенія Руси, внутри малаго вала, и простиралась, впослѣдствіи, уже и по ту сторону его. Ворота, вводившія за этотъ валъ съ городьбою поверхъ его, и были тѣ „городяя ворота“, дорога чрезъ которыя содержалась въ порядкѣ Осменниками. Пространство между воротами и Дѣтинцемъ составляло Пискуплю улицу, поселокъ владычней челяди, направлявшуюся, примѣрно, отъ Дѣтинцевскихъ воротъ Прусской улицы до монастыря на Десятинѣ. Отъ Прусскихъ воротъ мостовой участокъ Осменниковъ тянулся около Дѣтинца къ берегу до того мѣста, около котораго, за стѣною Дѣтинца, стояла первая церковь Бориса и Глѣба, сооруженная сряду по признаніи братьевъ-мучениковъ Святыми, послѣ первой Софійской о 13 верхахъ, сгорѣвшей около 1040 года. Изслѣдователи нашихъ древностей видятъ всю Пискуплю улицу въ самомъ Дѣтинцѣ; едва-ли это правильно: если-бы она лежала тутъ только, не зачѣмъ было бы назначать владыкѣ въ Уставѣ о мостахъ участка „сквозѣ городняя“, такъ по списку Дубенскаго во 2-й час. Русск. Достоп., а по Строевскому „сквозѣ Городнаа—ворота съ Изгои, и съ другыми Изгои до острой городни“—по Дубенскому,—а по Строевскому и Карамзинскому списку Русской Правды „до Острые улици“. Острую городню, или Острую улицу мы видимъ въ такъ называемомъ частоколѣ, (это бревна съ заостренною вершиною, вкопанные въ землю стоймя, плотно одно къ другому; и теперь дѣлаютъ такіе заборы около садовъ и огородовъ въ деревняхъ, гдѣ лѣсъ дешевъ), которымъ былъ обнесенъ какъ Дѣтинецъ съ береговой стороны, такъ и великій мостъ чрезъ Волховъ съ обѣихъ сторонъ, для защиты отъ непріятельскихъ стрѣлъ во время осады;—не зачѣмъ также было-бы назначать и Осменникамъ мощеніе дороги отъ городнихъ воротъ не сквозь оные, въ Дѣтинецъ, а на берегъ, до той его части, которая приходилась противъ Борисоглѣбской церкви. Часть Пискуплей улицы—лежала несомнѣнно внутри Дѣтинца, но, сравнительно съ другою, простиравшеюся внутри малаго вала отъ Прусскихъ воротъ до Десятины, небольшая,—она начиналась за Дѣтинцемъ, по ту сторону Прусскихъ воротъ, шла къ воротамъ Богородице-Пречистенскимъ и кончалась уже за ними у моста. Если на Знаменскомъ, или на Михайловскомъ изображеніи провести прямую отъ Прусскихъ воротъ къ Богородице-Пречистенскимъ, она немного не дойдетъ до Іоакимовской церкви, въ которой служили до сооруженія нынѣ существующаго Софійскаго собора. Въ дальнѣйшемъ назначеніи Уставомъ мостовыхъ участковъ указывается направленіе ихъ во кругъ Дѣтинца, между нимъ и малымъ валомъ: Осменники, которыми начинаются участки первой трети Устава, вошли въ „Городняя ворота“,—а Чудинцевскіе уличане съ Загородцами, кончающіе эту треть, дошли до тѣхъ же городнихъ воротъ: „а Цюдинцевѣ улицѣ съ Загородци до Городнихъ воротъ“. Уставъ мы раз-

дѣляемъ на три части: первая обнимаетъ путь по Неревской сторонѣ, отъ рва внѣшняго вала внутрь малаго, по всему пространству между нимъ и Дѣтинцемъ и черезъ площадь Дѣтинца до великаго моста;—вторая городни, или устои, Волховскаго моста, съ частоколомъ по обѣ стороны, а третья площадь на Славенской сторонѣ между внѣшнимъ валомъ и внутреннимъ укрѣпленіемъ.

Всѣми приведенными данными вызывается предположеніе о перенесеніи перваго Новгородскаго Десятиннаго монастыря на новое мѣсто и о раздѣленіи Десятины Іоакима Корсунянина, впослѣдствіи, не менѣе какъ на два участка,—одинъ, меньшій, занятъ былъ всегда монастыремъ, а другой отведенъ для подворья пріѣзжавшихъ въ Новгородъ временно духовныхъ сановниковъ, получившій названіе Митрополичья острова. Такое раздѣленіе состоялось, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка, послѣ того, когда Новгородъ посѣтилъ Митрополитъ Кипріанъ. Мы видѣли, что этому владыкѣ даны были многіе дворы на Чудинцевѣ улицѣ у церкви Іоанна Предтечи, приходившейся, въ XVI вѣкѣ, на Новинкѣ: значитъ древняя Десятина лежала ближе къ маламу валу, чѣмъ нынѣшній Десятинный монастырь.

Для дальнѣйшихъ изысканій о Десятинѣ Іоакима Корсунянина небезполезно остановиться на одной мѣстности, недалекой отъ Новгорода. На западномъ берегу Ильменя, верстахъ въ 16 отъ города, существуетъ древнѣйшій погостъ „Спасо-Пискупецъ“;—не доходя его версты полторы, тоже на берегу, другой погостъ „Лука Евангелистъ“. Время основанія обоихъ неизвѣстно, хотя церкви, по постройкѣ, сравнительно не древнія. Все западное побережье Ильменя, на пространствѣ около 20 верстъ отъ Юрьевскаго скита, заселено густо. На половинѣ разстоянія между Скитомъ и Спасо-Пискупцемъ лежатъ, верстахъ въ 3-хъ отъ берега озера селенія „Ракомо“—Старое и Новое. Первое почитается за то, въ которомъ было лѣтнее мѣстопребываніе князя Ярослава Мудраго. Верстахъ въ двухъ отъ Спасо-Пискупца расположена деревня „Десятины“. Ник. Мих. Бѣляевъ, знакомый съ тамошней мѣстностью, сообщилъ намъ о камнѣ, лежащемъ на полѣ, недалеко отъ Спасо-Пискупца, съ высѣченными на верхней сторонѣ его лунками, то есть ячейками, расположеніе которыхъ сходно съ созвѣздіемъ „Большой Медвѣдицы“,—называемымъ мѣстными жителями „Лосемъ“.

Воспользовавшись этимъ сообщеніемъ, мы осмотрѣли камень и мѣстность. Оказалось, что камень вполнѣ соотвѣтствуетъ такъ называемымъ чашечнымъ, встрѣчаемымъ нерѣдко въ Азіи, преимущественно въ земляхъ Буддійцевъ, въ нашей Сибири, на Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Европы. Существуетъ въ наукѣ о древностяхъ мнѣніе, что это священные камни, и что въ расположеніи чашекъ, или лунокъ и ячеекъ, первобытные люди хотѣли подражать расположенію небесныхъ свѣтилъ. Спасо-Пискупскій камень—громадный валунъ гранита съ крупными, почти сплошными, гнѣздами непрозрачнаго кварца; окружность его основанія 7 саженъ 9 вершковъ, длина, чрезъ поверхность—10 аршинъ, ширина 7 аршинъ 4 вершка; высота отвѣсной стороны, обращенной на полночь, 2 ар-

шина 4 вершка. Ячейки нанесены на поверхности, близъ полночнаго отвѣснаго края. Число ихъ—восемь въ одномъ мѣстѣ и три кое-гдѣ. Расположеніе ячеекъ имѣетъ весьма отдаленное сходство съ созвѣздіемъ Большой медвѣдицы.

Въ отдѣлѣ о бытовыхъ остаткахъ мы приведемъ извѣстныя намъ свѣдѣнія о чашечныхъ камняхъ,—здѣсь же ограничимся сказаннымъ и укажемъ на возможную связь Спасо-Пископскаго камня съ первымъ монастыремъ—учрежденнымъ въ Новгородѣ по крещеніи Руси.

Названіе погостовъ „Спасо-Пискупецъ и Лука Евангелистъ", а также селенія „Десятины", не будетъ-ли мѣстностью, принадлежавшею жрецамъ язычества, жившимъ близъ священнаго камня? Не поступила-ли она, по уничтоженіи язычества въ собственность, „въ десятину", первыхъ христіанскихъ Епископовъ и не Лукѣ ли Жидятѣ, второму Епископу Новгородскому, принадлежитъ сооруженіе церкви Луки Евангелиста? Постановку этихъ вопросовъ мы считаемъ возможною, такъ какъ мѣстность Десятинскаго монастыря въ городѣ лежитъ близъ поселка Волосова или Волосовой улицы, наименованіе которой многіе изслѣдователи объясняютъ находившеюся въ границахъ ея Кумирнею Волоса или Велеса. Не принадлежало-ли жрецамъ язычества и то мѣсто, на которомъ владыка Іоакимъ „урали собѣ монастырь Десятинный?" При объясненіяхъ о Волосовскомъ поселкѣ мы выскажемся нѣсколько пространнѣе по этому предмету.

Успеніе Пречистыя. Въ росписи 1615 г. значится храмъ каменъ Успенье Богородицы на Десятинѣ. Въ лѣтописи не сказано ни о сооруженіи, ни о дальнѣйшей судьбѣ его. Владыка Макарій полагаетъ, что этотъ храмъ помѣченъ въ росписи по ошибкѣ (Опис. церк. древ. I, стр. 212). Можно однако же и не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ; въ Новгородѣ не рѣдки древніе храмы, до нашихъ дней сохранившіеся, а о первоначальномъ сооруженіи ихъ лѣтопись не знаетъ. Успенскій XVII вѣка на Десятинѣ мы относимъ къ числу именно такихъ. Если его нѣтъ теперь въ Десятинномъ монастырѣ и о существованіи его не имѣется никакого слѣда въ монастырскихъ записяхъ,—явленіе это можетъ быть истолковано въ смыслѣ пространства Десятины XVII вѣка болѣе обширнаго, чѣмъ занимаемое нынѣшнимъ монастыремъ. Первая церковь въ Новгородѣ, основанная Іоакимомъ Корсуняниномъ, была Софійская; празднованіе Божіей Премудрости отправляется здѣсь въ день Успеніе Богоматери;—нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго, что Успенскій храмъ росписи былъ сооруженъ тѣмъ же Іоакимомъ въ выговоренномъ имъ (уради собѣ) первомъ монастырѣ и находился внѣ нынѣшней площади Десятины, установленіе современнаго пространства которой неизвѣстно. На Знаменскомъ изображеніи написана на мѣстѣ близъ теперешняго монастыря одиноко стоящая церковь; она показана у сада, или у рощи, охватившей ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ полночной; а на западъ отъ рощи, въ оградѣ, скучено четыре каменныхъ, разной высоты, и два деревянныхъ сооруженій, безъ признаковъ, указывающихъ на церковное значеніе ихъ; есть-ли за высокими, каменными, еще другія зданія и какія, не видно. Если эти сооруженія, особенно когда за ними скрывается малень-

кая церковь, принять за монастырь, а рощу и прилегающее къ ней пространство за Десятину,—одинокая на краю рощи церковь можетъ быть тою Успенскою, которая названа въ росписи. При вышеобъясненномъ значенiи монастырей въ глубокой древности, отсутствiе въ оградѣ ихъ храма, какъ первенствующаго зданiя, объясняется легко: будучи учрежденiемъ богоугоднымъ монастырь могъ занимать мѣсто въ сторонѣ отъ своего храма.

По нынѣшнему расположенiю улицъ предполагаемую церковь мы поставимъ между Прусскою и Александровскою, на срединѣ разстоянiя между ними, ближе къ сѣнной площади.

Iаковъ Апостолъ. Въ 1181 г. „срубиша церковъ Святого Iякова на Добрыни улицы"—по пергаментному сборнику; а въ 1423 г. „Съвершиша двѣ церкви камены святую Богородицу на Колмовѣ и святого Iакова на Лужищи"—по отмѣткѣ того-же сборника. Колмовская церковь, какъ существующая, не входитъ въ кругъ нашихъ объясненiй. Третья лѣтопись даетъ эту же отмѣтку, но въ дополненномъ видѣ: „Поставиша церковь каменну святого апостола Iакова на Добрыни улицы, на Софiйской сторонѣ, на Лужи". Дальнѣйшихъ извѣстiй о Яковлевской церкви въ мѣстности Людина конца лѣтопись, насколько намъ извѣстно,—не сохранила. Въ росписи она показана, на Добрыни улицѣ, каменною. Въ 1808 году этой церкви уже не было.

Митрополитъ Евгенiй, объясняя нарядную опись 1623 г. въ связи съ современнымъ ему положенiемъ улицъ, замѣчаетъ противъ записи о Добрыниной улицѣ, что она простиралась отъ большого земляного вала (мы называемъ его внѣшнимъ валомъ) и Вознесенской церкви по лѣвую сторону бывшаго Яковлевскаго монастыря (Разговоры, стр. 76). Въ сожалѣнiю ученый владыка не указываетъ источниковъ, послужившихъ основанiемъ для его выводовъ и заключенiй,—а это сильно умаляетъ достоинство труда о древнемъ Новгородѣ. Разговоры писаны имъ во время служенiя Новгородской паствѣ въ санѣ Епископа; тогда, въ концѣ прошедшаго вѣка, на Софiйскихъ палатяхъ было богатѣйшее собранiе рукописей, которыми онъ могъ пользоваться и—заимствовать извѣстiе о Яковлевскомъ монастырѣ. Но онъ могъ, конечно, говорить о немъ и предположительно, выходя изъ своихъ личныхъ соображенiй. Не имѣя въ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ источникахъ никакихъ указанiй на Яковлевскiй монастырь, мы оставляемъ впросъ о немъ открытымъ до будущихъ изысканiй; тѣмъ болѣе, что для цѣлей настоящей записки достаточно опредѣленiя мѣста церкви, какъ сооруженiя болѣе стойкаго, чѣмъ площадь монастыря при ней, способная колебаться въ границахъ чаще площади церкви, при пожертвованiяхъ прихожанами своихъ земельныхъ участковъ, сосѣднихъ съ монастыремъ, на его потребности, „на поминъ души". Поэтому обратимся къ указанiю мѣста Яковлевской церкви.

Выраженiе „на Лужищи", принятое, кажется, составителемъ основнаго сборника третьей лѣтописи за большую лужу, въ смыслѣ говора нашего и его времени,—и передѣланное въ соотвѣтственное представленiю о грязномъ мелкомъ водоемѣ,—въ „Лужу"—слѣдуетъ принимать за обширное луговое

пространство, свободное отъ частныхъ построекъ. Странно до невѣроятности сооружать церковь на грязной лужѣ и вполнѣ естественно—на лугу, на открытомъ мѣстѣ. Въ предыдущей статьѣ мы видѣли на Знаменскомъ изображеніи рощу, и на полуночной окраинѣ ея церковь, предполагаемую Успенскую. На небольшомъ отъ нея разстояніи, въ полуденно-восточномъ направленіи, ближе къ малому валу, на окраинѣ той же рощи, поставлена небольшая, сравнительно съ Успенскою, каменная церковь. На чертежѣ 1778 года, по которому предполагалось пробить Прусскую улицу значительно западнѣе нынѣшней, оставлена неподлежащая застрапванію площадь сряду на западъ отъ той улицы, ближе къ внѣшнему валу, чѣмъ къ малому, уже въ передѣланномъ въ Петровскія времена видѣ. На этой площади нанесены мѣста двухъ церквей,—одной въ западномъ углу площади, а другой въ восточномъ;—мѣсто первой болѣе втораго. На чертежѣ Попова нѣтъ крестовъ на этихъ мѣстахъ, но поставленъ крестъ у самаго внѣшняго вала, соотвѣствующій нынѣшнему положенію церкви Десятиннаго монастыря; а на чертежѣ 1778 года нѣтъ церковной площадки у самаго внѣшняго вала. Послѣдне-названный чертежъ составленъ 22 годами позже перваго, Поповскаго. Если допустить, что въ этотъ промежутокъ выгорѣлъ Десятинный монастырь до—тла и не былъ возстановленъ до 1778 года—и потому не показанъ на чертежѣ, поднесенномъ на Высочайше утвержденіе, придется допустить и другое предположеніе, что двѣ церкви, нанесенныя на площадь рядомъ съ предположенною въ 1778 году Прусскою улицею, до—тла же сгорѣли раньше составленія чертежа Поповымъ и обѣ возобновлены къ 1778 году; но вторая половина XVIII вѣка не такъ далеко отъ нашего времени, чтобы свѣдѣніе о подобныхъ пожарахъ не сохранилось въ письменныхъ памятникахъ Десятиннаго монастыря. Впрочемъ съ 1628 по 1786 годъ, за полтораста лѣтъ, не упомянуто объ этомъ момонастырѣ ни Амвросіемъ, ни Макаріемъ,—значитъ они не имѣли никакихъ о немъ свѣдѣній. Оставляя это время въ неизвѣстности до уясненія вопроса о Десятинѣ новыми источниками, мы можемъ назвать Яковлевскою малую церковь у рощи Знаменскаго изображенія, но не будемъ отожествлять ея съ показанною на чертежѣ 1778 г., такъ какъ къ этому времени самостоятельная Яковлевская не существовала и замѣнена придѣломъ того-же имени при сосѣдней Власьевской церкви, устроеннымъ въ 1775 году; та же, которая отмѣчена въ восточномъ углу площади чертежа 1778 года, должна быть вышеописанною Успенскою. По отношенію къ нынѣшнему положенію Десятиннаго монастыря Яковлевская церковь приходится противъ полуденнаго угла монастырской ограды, нѣсколько къ западу, на Десятинной улицѣ. Здѣсь и слѣдуетъ искать слѣдовъ ея при земляныхъ работахъ мѣстныхъ обывателей.

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что списателемъ первой половины пергаментнаго сборника, называемаго Новгородскою синодальною харатейною лѣтописью, былъ священникъ Яковлевской церкви на Добрынѣ улицѣ, Гермогенъ Воята, а второй половины пономарь Тимоѳей;—другіе же считаютъ списателемъ Германа Вояту, священника Власьевской церкви (Жур. Мин.

Нар. Просв. 1852 г. вып. 7). Но оба мнѣнія нуждаются въ подтвержденіи и не составляютъ послѣдняго слова науки.

Варвара Великомученица. Когда явилась церковь во имя Святой Варвары—неизвѣстно; въ 1138 году былъ уже при ней монастырь. По поводу смутъ, возникшихъ въ послѣдніе годы княженія Св. Всеволода Мстиславовича, разрѣшившихся изгнаніемъ его, а затѣмъ и призваннаго на его мѣсто князя Святослава Ольговича, Новгородцы заключили супругу Святослава въ Варваринъ монастырь. Впослѣдствіи, переживъ много тревогъ, въ 1160 г. она добровольно вступила въ этотъ-же монастырь и поставила какую то Богородичную церковь. Четвертая лѣтопись ошибочно относитъ сооруженіе Святославлею церкви Рождества Богородицы къ 1327 году и къ Десятинному монастырю (годъ 6835, стр. 50). Въ 1167 году умерла игуменья Варварина монастыря; имени ея не названо въ лѣтописи, но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что это была супруга Святослава Ольговича, строительница Богородицкой церкви. Въ 1218 г. заложена, а въ слѣдующемъ окончена, каменная церковь Святой Варвары въ монастырѣ; въ 1402 году Черницыници, т. е. обитатели улицы Черницыной, обветшавшую Варваринскую каменную церковь разобрали и вновь поставили на прежней основѣ. Въ 1536 году эта церковь огорѣла. Въ росписи поставленъ монастырь дѣвичь Варваринъ, а въ немъ храмы: „Варвара да всѣ Святые, каменны". Въ 1712 г. освящена деревянная церковь Святого Михаила, вѣроятно вновь устроенная въ этомъ монастырѣ, на воротахъ. Въ 1786 году Варваринъ монастырь упразденъ и приписанъ къ Десятинному, какъ къ ближайшему (Макарій, Опис. Нов. церк. древ. Ч І, стр. 213). Въ 19 саженяхъ отъ него приходилась нынѣ существующая Власьевская церковь.

Мѣсто Варварина монастыря, находилось по указанію Макарія, недалеко отъ нынѣ существующаго Десятиннаго. На Знаменскомъ изображеніи написано, въ полуденно-восточномъ направленіи отъ рощи,—на окраинѣ которой стояли двѣ объясненныя уже церкви,—въ небольшомъ отъ нея разстояніи, высокая одноглавая съ восьмискатною крышею церковь. Вокругъ нея нѣтъ ни забора, ни, поблизости, построекъ; противъ полуденной стороны церкви стелется площадь, суживающаяся въ полуденно-восточномъ направленіи и представляющая далѣе проѣздъ къ малому валу, загибающійся, на половинѣ всего протяженія своего, къ востоку. Мимо полуденной стороны этой церкви идетъ широкій проѣздъ, направляющійся отъ костра внѣшняго вала прямо къ восьмиугольной башнѣ, противъ которой приходится Кукуй Дѣтинца, малаго вала,—то есть съ лѣтняго запада на лѣтній же востокъ: церковь поставлена на первой трети всего разстоянія между обоими валами, начиная съ малаго. Если провести на чертежѣ 1778 г. прямую отъ Дѣтинцевской башни Кукуй на лѣтній западъ, она пройдетъ по срединѣ площади и слѣдующей за нею въ западномъ же направленіи предположенной Варваринской улицы, а также чрезъ мѣста:—большой церкви, означенное въ западномъ концѣ площади, и другой, стоящей ближе къ малому валу. Всѣхъ церковныхъ мѣстъ тутъ три. На чертежѣ Попова не означено ни площади, ни мѣстъ церквей. Улица, соотвѣтствующая предположенной по чертежу

1778 года Варваринской, теперь называется Малой Власьевской, по имени стоящей на ней церкви Власія; въ 1850 году часть этой улицы, ближайшая къ внѣшнему валу, называлась тоже Варваринскою. Такимъ образомъ церковь Знаменскаго изображенія на большомъ проѣздѣ, недалеко отъ рощи, соотвѣтствуетъ нынѣшней Власьевской, а большая, чертежа 1778 г., принадлежитъ Варваринскому монастырю и есть сооруженная первоначально во имя Св. великомученицы Варвары. Мѣсто ея будетъ на Мало-Власьевской улицѣ, близъ переулка, ведущаго съ нея къ Десятинному монастырю. На Знаменскомъ изображеніи Варваринская церковь написана въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Власьевской, противъ упомянутаго загиба широкаго проѣзда на востокъ.

Вси Святіи. Въ 1418 году, поставлена, по Татищевскому списку, каменная церковь „Власи святый на Черницинѣ улици" (Прод. Др. Рус. Вив. II, 696); по четвертой лѣтописи каменная церковь, сооруженная въ этомъ же году и на той же улицѣ, названа „Вси святіи". Въ росписи мы видѣли церковь Всѣхъ Святыхъ въ Варваринскомъ монастырѣ. И. И. Красовъ, опредѣляя положеніе улицъ Людина конца въ XVII вѣкѣ, по лѣтописямъ и по нарядной описи 1623 г., объясненной Митрополитомъ Евгеніемъ, ставитъ на Черницынѣ улицѣ церковь Святого Власія, нынѣ существующую, и, принимая во вниманіе, невѣроятность сооруженія на одной и той же улицѣ двухъ церквей во имя Власія, равно необычное въ Новгородскихъ лѣтописяхъ написаніе прилагательнаго „святой" послѣ собственнаго „Власій", допущенное одинъ только разъ въ приведенной отмѣткѣ первой лѣтописи (по Татищевскому сборнику—пергаментный кончался 1345 годомъ), подъ 1418 годомъ, наконецъ названіе четвертою лѣтописью, подъ тѣмъ же годомъ, каменной Черницынской церкви посвященною не Власію Святому, а Всѣмъ Святымъ,—заключаетъ объ опискѣ, оказавшейся въ словѣ „Власи" и исправляетъ ее словомъ Вси (О мѣстопол. древ. Нов., стр. 79). Д. И. Прозоровскій считаетъ такую поправку вполнѣ основательною (Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ и другимъ источникамъ, С.-Петербургъ 1887 г. стр. 103, выноска). Принимая и съ своей стороны поправку Красова, мы замѣтимъ только, что употребленіе прилагательнаго, послѣ собственнаго, въ означеніи церквей не рѣдкость и что каменная церковь сооружена въ 1418 г. не впервые, а вмѣсто деревянной, основанной раньше; она сгорѣла въ пожаръ 1405 года, истребившій Людинъ конецъ и Прусскую улицу до Михаила Святого, а также Дѣтинецъ до Владычня двора; въ этотъ пожаръ „сгорѣ церквій древяныхъ пять, а каменныхъ огорѣ двѣнадесять". Если въ Людинѣ концѣ горѣло до Прусской улицы, церковь Всѣхъ Святыхъ неминуемо сгорѣла въ числѣ пяти деревянныхъ. Въ 1526 году каменная церковь Всѣхъ Святыхъ огорѣла. На площади, въ западномъ концѣ которой на чертежѣ 1778 г. отмѣчено мѣсто Варваринской церкви, рядомъ съ нимъ означено другое, меньшее, шагахъ въ десяти отъ перваго, въ восточномъ направленіи, принадлежащее, очевидно, церкви Всѣхъ Святыхъ 1418 года,—потому что ни о какой иной, кромѣ Варваринской и Всѣхъ Святыхъ, церкви въ Варваринскомъ монастырѣ лѣтописныхъ показаній не имѣется. Когда

упразднена эта церковь и при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно; въ 1808 году ея уже не было.

Церковью Всѣхъ Святыхъ мы оканчиваемъ первый участокъ Людина конца и перейдемъ къ слѣдующему.

Второй участокъ.

Ближайшею мѣстностью къ широкому проѣзду, идущему мимо полуденной стороны рощи (Лужище) и Власьевской церкви, какъ написано на Знаменскомъ изображеніи, является современная Малая Власьевская улица. Почти противъ западной части ея, называвшейся до 1850 г. улицею Варваринскою, лишь съ небольшимъ отклоненіемъ къ полночи, приходятся недавно откопанныя продольныя стѣны проѣздныхъ воротъ внѣшняго вала; надъ ними возвышался костеръ, одинъ изъ тѣхъ, которые были сооружены въ 1391 году. Изъ этихъ воротъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, была сдѣлана вылазка Новгородскихъ дружинъ, въ 1169 году, на осаждавшихъ городъ Суздальцевъ, кончившаяся безславнымъ для нихъ пораженіемъ, объясняемымъ чудодѣйственнымъ заступничествомъ за достояніе Святой Софіи Богоматери—Знаменія. Пространство, лежащее отъ широкаго проѣзда на полдень, составляетъ Кромный городъ, упомянутый первый разъ въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1112 годомъ. Впослѣдствіи часть Кромнаго города, ближайшая къ Дѣтинцу, отошла подъ народную Новинку. Мы начнемъ второй участокъ Людина конца съ Малой Власьевской улицы именно потому, что предполагаемъ широкій проѣздъ Знаменскаго изображенія образовавшимся отъ окопа Кромнаго города, снятаго по присоединеніи Новгорода къ Московскому державству въ концѣ XV вѣка, когда производилась передѣлка Дѣтинца и малаго вала. Москва относилась подозрительно къ „людямъ вольнымъ"; —оставлять внутреннія укрѣпленія въ томъ видѣ, какими они были во время путешествія Жильбера Де-Ланноа, показалось опаснымъ; возмутившіеся горожане могли затруднить усмиреніе, укрываясь внутри окоповъ. Такое же происхожденіе имѣли, вѣроятно, и другіе широкіе проѣзды Неревской стороны, на мѣстѣ нынѣшнихъ улицъ Дмитріевской и Чудинцевой. Знаменское изображеніе писано въ такое время, къ которому мѣста уничтоженныхъ окоповъ не успѣли еще обстроиться, за выселеніемъ огромнаго числа состоятельныхъ Новгородцевъ внутрь и на окраины Россіи. Къ началу XVII вѣка еще не заглохла память о Кромномъ городѣ: въ росписи мѣстность, ему соотвѣтствующая, названа „городомъ Землянымъ"— и только она одна.

Василій Парійскій. Въ росписи 1615 г. поименованы на Новинкѣ слѣдующія церкви: „Василій Парійскій—древянъ, Василій Кесарійскій каменъ, Образъ Нерукотворенъ каменъ, Введеніе Богородицы каменъ, Іоанна Усѣкновеніе да Никола Чудотворецъ каменны, Архистратигъ Гавріилъ—каменъ". Положеніе всѣхъ церквей, кромѣ двухъ Васильевыхъ, мы уже знаемъ; въ росписи они поименованы одна за другою въ томъ именно порядкѣ,

какъ стояли близъ малаго вала, считая съ Образовой, начинавшей собою Добрыню улицу отъ Волховского берега, внутри малаго вала,—гдѣ теперь домъ Б. И. Штрейса, недалеко отъ горки съ Екатерининскою лодкою, на полночь къ востоку. Недалеко же отсюда стоитъ основанная въ глубокой древности Троицкая церковь; въ росписи она отмѣчена не на Новинкѣ. Слѣдовательно первыя двѣ церкви находились между Образовою и Троицкою, или точнѣе—не дальше Троицкой, въ полуденно-западномъ направленіи отъ Дѣтинца. Положеніе ихъ значительно восточнѣе прямой между церквами Троицкою и Образовою сомнительно, но возможно невдалекѣ отъ нея, такъ какъ не болѣе, какъ въ сотнѣ саженей на востокъ отъ этой прямой будетъ низина, заливаемая весною, и постоянная топь; къ тому же, по Олеаріеву рисунку, внѣшній валъ идетъ отъ Бѣлой башни, вначалѣ только слабо выгибаясь въ полуденно-восточномъ направленіи, а затѣмъ уже прямо къ горкѣ съ Екатерининскою лодкою, не доходя до Троицкой церкви саженъ на сто и болѣе. Поэтому Васильевыхъ церквей слѣдуетъ искать, или значительно отступя отъ низины на западъ къ полночи, или на востокъ отъ прямой между нынѣшнею Троицкою церковью и домомъ Б. И. Штрейса, въ предѣлахъ Новинки. Ближайшею отъ Троицы въ западно-полночномъ направленіи церковью будетъ Власьевская; но она означена росписью уже не на Новинкѣ, а на Волосовѣ улицѣ; значитъ Новинка не доходила до Власія.

На Знаменскомъ изображеніи поставлена въ предѣлахъ Новинки, близъ деревянной стѣны малаго вала, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой стѣны внѣшняго вала, большая каменная церковь,—и прямо на полдень отъ нея, но ближе къ береговой стѣнѣ внѣшняго вала,—каменная же церковь меньшихъ размѣровъ. По положенію своему эта маленькая соотвѣтствуетъ нынѣшней Троицкой церкви.

Въ 1526 году былъ большой пожаръ, начавшійся съ Черницыной улицы; огорѣли церкви: Варваринская, Всѣхъ Святыхъ, Троицкая, Воздвиженская и Лукинская (Пол. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7034, стр. 282). Васильевы церкви въ этотъ пожаръ не горѣли; стало быть онѣ обѣ находились не близко къ Троицкой церкви; не горѣла и Власьевская; а эти двѣ, Троицкая и Власьевская, лежатъ на одной прямой, проведенной чрезъ нихъ на нынѣ существующую Михайловскую въ Прусской улицѣ. Слѣдовательно Васильевскія церкви обѣ находились въ той части Новинки, которая ближе къ малому валу; поэтому большая каменная церковь Знаменскаго изображенія, что у деревянной стѣны малаго вала, будетъ одною изъ Васильевскихъ; но которою—поищемъ въ лѣтописи.

Въ 1151 г. „създаша двѣ церкви, святого Василія и святую Констянтина и матере его Елены“. Въ 1149 г. „бяше пожаръ зълъ, загорѣся на Ярышовѣ улици, съгорѣша церкви три: святого Василія, святыя Троиця, святого Въздвиженія,—и уяша у Лукини улици“. Воздвиженская и Лукинская церкви стояли, какъ увидимъ, на зимній западъ отъ Троицкой. Въ слѣдующемъ году „срубиша цьрковь нову святого Въздвиженія и святого Василія“. Въ 1261 г. сгорѣла, а въ 1262 г. снова поставлена церковь

Василія. Въ 1368 г. заложена, а въ слѣдующемъ окончена каменная церковь Св. Василія на Ярышевѣ улицѣ. Послѣ 1261 года было нѣсколько пожаровъ, истреблявшихъ Людинъ конецъ и много церквей; хотя въ числѣ сгорѣвшихъ Васильевскія не упомянуты, но возможно, что онѣ горѣли и опять были возстановляемы.

Изъ приведенныхъ отмѣтокъ видно, что каменная была только одна церковь Святого Василія, другая же—деревянная. Первою въ росписи поставлена Василія Парійскаго деревянная, стало быть каменною надобно признавать церковь Василія Кесарійскаго.

Образова церковь лежала между Дѣтинцемъ и малымъ валомъ; а Василія Кесарійскаго мы видимъ внѣ этого вала; въ росписи она названа второю, значитъ деревянная церковь Василія Парійскаго стояла ближе Кесарійской къ Волховскому берегу.

На чертежѣ Попова и 1778 г. нѣтъ церковныхъ мѣстъ между Образомъ и Троицею и далѣе по Новинкѣ до Власія. Въ 1808 г. не существовало ни одной изъ Васильевскихъ церквей, вѣроятно онѣ упразднены и разобраны при Петрѣ Великомъ, при возведеніи малаго вала по новому образцу,—слѣдовательно осязательныхъ указаній на мѣстность Васильевскихъ церквей нѣтъ.

Между Троицкою церковью и Екатерининскою горкою (это послѣдній выступъ землянаго укрѣпленія Петра Великаго) лежитъ искусственное возвышеніе съ деревянными на немъ постройками; оно составляло собственность Сковородскаго монастыря и отчуждено въ частное владѣніе лѣтъ двѣнадцать назадъ. Восточною своею частію возвышеніе значительно удаляется за черту между церквами Троицкою и Образовою и за черту крайняго выступа Екатерининской горки; оно обрывается крутизною на самой низинѣ. Верхняя площадь, занятая постройками, въ длину и ширину около пятидесяти саженъ. Основаніе внѣшняго вала нигдѣ не шире пятнадцати саженъ. Поэтому искусственное возвышеніе не можетъ быть все остаткомъ древняго внѣшняго вала, составляя лишь часть его. Высота отъ низины до трехъ саженъ и приходится вровень съ городскою площадью и съ искусственнымъ же возвышеніемъ, на которомъ стоитъ Троицкая церковь. Когда и при какихъ обстоятельствахъ Сковородскій монастырь сдѣлался собственникомъ разсматриваемой мѣстности,—свѣдѣній мы не имѣемъ; да ихъ и нѣтъ въ монастырскихъ дѣлахъ, какъ говорилъ намъ бывшій настоятель, здравствующій отецъ Архимандритъ Леонидъ. А какъ земли и другое имущество упраздненныхъ церквей и монастырей причисляются вообще къ вѣдомству подобныхъ же учрежденій, и, предпочтительно предъ другими, наименѣе обезпеченныхъ,—можно допустить, что возвышеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поступило въ собственность Сковородскаго монастыря, по упраздненіи бывшей на немъ церкви. Такимъ образомъ, сопоставляя всѣ приведенныя обстоятельства, позволительно заключить, что деревянная церковь Василія Парійскаго стояла именно на томъ возвышеніи, которое впослѣдствіи принадлежало Сковородскому монастырю, до 80 хъ годовъ.

Василій Кесарійскій. Каменная церковь во имя Василія Кесарійскаго была, по изложеннымъ въ предшествующей статьѣ свидѣтельствамъ, на восточномъ углу, образуемомъ встрѣчею нынѣшнихъ улицъ,—Ново Власьевской, направляющейся отъ площади у церкви Св. Василія къ прогону между Екатерининскою горкою и описаннымъ возвышеніемъ, и Троицкой. Наблюденіе за хозяйственными здѣсь раскопками можетъ открыть присутствіе въ землѣ костяковъ похороненныхъ около церкви прихожанъ.

Нерукотворенный Образъ. Въ изложеніи объясненій объ остаткахъ и слѣдахъ церковныхъ древностей Славенской стороны, собственно окрестностей ея, говорено о церкви Нерукотвореннаго Образа на сторонѣ Неревской: тамъ указано и мѣсто ея; но не приведено основаній и лѣтописныхъ извѣстій. Для цѣлей Общества нашего, какъ мы понимаемъ ихъ, важно собрать, къ дѣятельности его въ будущемъ, всѣ данныя о слѣдахъ древностей, церковныхъ и гражданскихъ, равно и о слѣдахъ бытовыхъ остатковъ, чтобы вести научные труды по изысканіямъ не наудачу, а, по возможности, осмысленно, выбравъ почву мало-мальски твердую и устойчивую на столько, чтобы не брести ощупью, какъ по трясинѣ.

Образова церковь на Добрынѣ улицѣ поставлена каменная въ 1378 году; раньше тутъ могла быть деревянная, сгорѣвшая въ пожаръ 1348 г., когда загорѣлось на Волосовѣ улицѣ,—„и погорѣ улица Волосова не вся, Добрынина улица не вся же"; —при этомъ истреблено огнемъ четыре деревянныхъ церкви. Въ какомъ мѣстѣ Добрыниной улицы не горѣло, установить нельзя,—предположить же, что въ числѣ сгорѣвшихъ церквей была и Образова—возможно, въ виду построенія ея чрезъ 30 лѣтъ каменною. На Михайловскомъ изображеніи написаны постройки по всему пространству за рвомъ, окружающимъ Дѣтинецъ, но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной церковной. Писано это изображеніе съ полуденно-восточной стороны; на немъ показаны опускающимися отъ закругленій Дѣтинца на полдень и на полночь рубленыя стѣны; должно быть это начало городьбы поверхъ малаго вала; стѣна полуденной стороны, опускаясь къ берегу, направляется довольно круто на западъ,—поэтому художникъ могъ не видѣть Образовой церкви,—ее закрывала стѣна, особенно, если церковь была невысока. На Знаменскомъ изображеніи она показана близъ стѣны Дѣтинца, невдалекѣ отъ Спасскихъ воротъ; на рисункѣ Олеарія, хотя и мелкомъ, можно указать ее тутъ-же. На чертежѣ Попова поставленъ крестъ уже за рвомъ, что около Дѣтинца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Б. И. Щтрейса, при постройкѣ котораго выкопано много человѣческихъ костей. На чертежѣ 1778 года нѣтъ церковной площади, соотвѣтствующей положенію креста чертежа Попова. Въ росписи церковь Образа напечатана строчными буквами,—а это значитъ (см. выше), что во время написанія Разговоровъ Митрополита Евгенія ея уже не было.

На одномъ изъ колоколовъ церкви во имя увѣренія апостола Θомы въ Воскресеніи Христовомъ, называемой обыкновенно Воскресенскою, въ древнемъ Людинѣ концѣ, на Мигрѣ, гдѣ теперь Воскресенская слобода не берегу озера Мячина, помѣщена слѣдующая надпись: „M. Kordt me fecit Лѣта

7155 Марта 1 дня при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всея великія и малыя Россіи самодержцѣ, дали сіи три колокола Великаго Новагорода церкви Всемилостиваго Спаса Нерукотворенному образу у Новинскихъ воротъ" (Срав. Макарія—Описаніе Новгор. церков. древн. Ч. II, стр. 291). Годъ 7155 соотвѣтствуетъ 1647; время не особенно далекое; въ церковныхъ бумагахъ, въ такъ называемыхъ клировыхъ вѣдомостяхъ, или въ Консисторскихъ—старыхъ дѣлахъ, можно предполагать найти свѣдѣнія о времени поступленія этого колокола и другихъ двухъ въ Воскресенскій Мячинскій монастырь, и о поводахъ къ тому. Должно быть колокола и другое имущество передано ближайшей сосѣдней и бѣднѣйшей, при упраздненіи церкви Нерукотвореннаго Образа на Добрыни улицѣ.

Воздвиженіе креста Господня. Въ статьѣ о церкви Св. Василія Парійскаго приведена отмѣтка первой лѣтописи о пажарѣ, бывшемъ въ 1194 году. Порядокъ перечисленія сгорѣвшихъ тогда церквей, въ какомъ ихъ называетъ памятуха современника, назначенное нами мѣсто Василію Парійскому и существующая до сихъ поръ Троица,—указываютъ, что лѣтописецъ шелъ отъ малаго вала по окраинѣ Кромнаго города. Изъ этого слѣдуетъ, что Воздвиженская церковь стояла за Троицкою. Роспись описываетъ церкви Земляного города въ порядкѣ обратномъ: назвавъ улицу Лукинскую съ церковью Св. Луки, составитель ея упоминаетъ церкви: Воздвиженіе Честнаго Креста и Троицкую, и затѣмъ вступаетъ на Новину и называетъ церкви Василія Парійскаго и прочія. На чертежѣ Попова означена большая часть внѣшняго вала, отъ Бѣлой башни по краю низины, въ направленіи къ валу малому,—она доведена до мѣста, соотвѣтствующаго положенію Троицкой церкви, отмѣченной крестомъ. Пространство между внѣшнимъ валомъ и началомъ построекъ вдоль протяженія его, названо „подолъ"; выше мы опредѣлили подолъ въ смыслѣ подъема мѣстности отъ берега въ гору. На зимній западъ отъ Троицы, при началѣ „подола",—поставленъ крестъ; еще западнѣе и нѣсколько къ лѣтней сторонѣ заката солнца, ближе къ Бѣлой башнѣ, намѣчена улица, выводящая на подолъ, и на концѣ ея, слѣва, обведена четыреугольная площадь съ крестомъ. По всей вѣроятности кресты здѣсь соотвѣтствуютъ церквамъ, названнымъ росписью въ Земляномъ городѣ, до Новинскихъ. На чертежѣ 1778 г. Троицкая церковь не отмѣчена; произошло-ли это по забывчивости, или ко времени составленія чертежа она была истреблена пожаромъ и оставалась нѣсколько лѣтъ невозобновленною, намъ въ настоящее время неизвѣстно; а другія двѣ поставлены на тѣхъже мѣстахъ, что и на чертежѣ Попова.

Въ настоящее время между церковью Троицкою и Бѣлою башнею двѣ улицы; онѣ идутъ отъ Большой Власьевской къ Троицкой, на которой и оканчивается; первая отъ Троицы названа Лукинскою, а вторая —Воздвиженскою; очевидная путаница; должно быть городовой стражникъ, которому было поручено набить на углахъ улицъ, по вновь утвержденному распредѣленію ихъ, дощечки съ надписями, смѣшалъ послѣднія двѣ; своевременно никто не обратилъ на это вниманіе,—обыватели привыкли къ новымъ, хотя

и несуразнымъ названіямъ,—такъ онѣ и остаются до сихъ поръ,—Воздвиженская— Лукинскою, а Лукинская—Воздвиженскою. Возстановляя настоящее названіе первой послѣ Троицы улицы,—мы будемъ имѣть мѣсто Воздвиженской церкви на концѣ ея.

Лука Евангелистъ. Въ росписи значится: „Въ городѣ Земляномъ, на Лукинской, Лука Апостолъ, каменъ". Лукинскую улицу и мѣсто церкви на концѣ ея мы указали. Какъ показанная на чертежѣ 1778 года, она упразднена между этимъ и 1808 г. Первоначальное сооруженіе Лукинской церкви неизвѣстно,—но мы относимъ оное къ половинѣ XI вѣка, хотя не видимъ основаній не считать появленіе ея въ Кромномъ городѣ еще во времена явычества.

Въ Новгородской лѣтописи, по Софійскому списку, въ отмѣткѣ подъ 1092 годомъ сказано объ основаніи Петропавловской церкви на Сильнищи Лукиничами. Подъ этимъ именемъ можно разумѣть или прихожанъ церкви Святого Луки, или какихъ нибудь Лукичей, дѣтей Луки. Въ упомянутомъ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ, относящемъ основаніе къ этому же 1092 году какъ Петропавловской, такъ и Вознесенской церкви на Прусской улицѣ, имени Лукиничей нѣтъ; въ первой же и во второй лѣтописяхъ, сказывающихъ объ основаніи той же Петропавловской церкви не въ 1092, а въ 1185 г., а объ окончаніи постройки ея въ 1192 году, названы Лукиничи. Лѣтопись Софійская и сборникъ Николо-Дворищенскій, какъ принадлежащіе позднему времени, возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности ихъ показаній, граничащее иногда съ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что первая издана крайне небрежно. На этихъ источникахъ мы и не основали-бы заключенія о Лукинской церкви, но въ пергаментномъ сборникѣ подъ 1112 годомъ написано: „Погорѣ онъ полъ. на сей же сторонѣ городъ Кромьныи отъ Лукинь пожаръ" (Свѣтопис. изданіе, стр. 15, годъ 6621). Составитель этой записи жилъ на Неревской сторонѣ;—выраженіе „онъ полъ" означаетъ—„та сторона", т. е. Славенская;—„Лукинъ пожаръ" указываетъ, что онъ начался „отъ Луки". Если разумѣть въ этомъ случаѣ подъ Лукою не церковь, а домъ частнаго лица Луки, надобно, чтобъ это лицо пользовалось знаменитостью и общеизвѣстностью. Въ XI вѣкѣ былъ, съ 1035 до 1059 г., въ Новгородѣ Епископъ Лука Жидята, но для его жительства существовалъ монастырь на Десятинѣ,—къ тому же современникъ пожара, лицо по всей вѣроятности духовное, не сказалъ бы о своемъ владыкѣ, безъ означенія его высокаго сана. Стало быть подъ выраженіемъ „отъ Лукинъ пожаръ" слѣдуетъ разумѣть начало бѣдствія отъ Лукинской церкви. Поэтому показаніе новѣйшихъ сборниковъ объ основаніи Петропавловской церкви въ 1092 году представляется вѣрнымъ; къ этому времени относится первоначальное сооруженіе ея, а первая и вторая лѣтопись говорятъ уже объ одномъ изъ послѣдующихъ; а какъ Софійская называетъ первыхъ устроителей церкви, согласно съ другими двумя лѣтописями, Лукиничами, необходимо признавать существованіе Лукинской церкви до 1092 года. Быть можетъ основалъ ее Епископъ Лука Жидята, во славу имени своего покровителя; но нельзя отрицать, что она обязана возникновеніемъ заѣзжимъ христіанамъ,

иноземнымъ купцамъ, еще до крещенія Руси имѣвшимъ торговыя дѣла съ Новгородомъ и проживавшимъ въ особой мѣстности, по сосѣдству съ наемными Людинами, ихъ соотечественниками-христіанами, окопанной валомъ и извѣстной подъ названіемъ Кромнаго города. Уже замѣчено, что тутъ живали иноземные купцы и въ болѣе поздніе времена, основавъ Троицкую церковь. Нельзя также не высказать, въ видѣ догадки, что и Петропавловская церковь могла быть основана тѣми же иноземцами, какъ кладбищенская, или какъ сторожевая, въ послѣднемъ случаѣ—по требованію Новгородцевъ. Дальнѣйшая судьба Лукинской церкви выслѣживается по лѣтописи, такъ: Въ 1234 году она сгорѣла отъ грозы; должно быть была деревянная; въ 1415 году построена каменная; въ 1526 г. опять сгорѣла, вѣроятно только огорѣла; въ 1627 году возобновлена и освящена—тоже каменная.

Побробное изслѣдованіе мѣста, на которомъ стояла церковь Евангелиста Луки, путемъ тщательной раскопки его и ближайшей площади, можетъ открыть богатыя данныя для народовѣдѣнія, сколько погребальною обстановкою прихожанъ, тутъ, конечно похороненныхъ по обычаямъ древности, столько же и измѣреніемъ череповъ и прочихъ частей костяка. Вообще необходимо изученіе слѣдовъ, оставленныхъ Лукинскою церковью въ землѣ,—что не представляетъ большихъ затрудненій: мѣстность соименной ей лѣтописной улицы занята небольшими постройками только по лицевой сторонѣ, а за ними лежатъ дворы, въ видѣ большихъ пустырей.

Третій участокъ.

По правую сторону Бѣлой башни, на зимній западъ отъ нея, шла, какъ мы знаемъ уже, Русская дорога, еще съ долѣтописныхъ временъ. Около нея по обѣ стороны учреждались церкви и монастыри, по холмамъ и курганамъ. Къ XV вѣку были тамъ, за внѣшнимъ валомъ, и улицы, входившія въ составъ правительственнаго Людина, а народнаго Горончарскаго или Гончарскаго конца, тянувшіяся до Петропавловской церкви, гдѣ нынѣшнее Петровское городское кладбище. На полдень отъ Кромнаго города лежала узкою косою къ Мячину упомянутая нѣсколько разъ Мигра,—теперь Воскресенская слобода, тоже составлявшая Людинъ конецъ; эта часть его называлась въ XV в. также и Гончарскимъ концомъ. Такимъ образомъ обѣими мѣстностями, прилегающими къ внѣшнему валу съ запада и съ полдня, мы ограничиваемъ третій участокъ Людина лѣтописнаго конца. Начнемъ съ западной стороны.

Алексѣй Святой. Въ третьей Новгородской лѣтописи и въ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ отмѣчено подъ 1455 годомъ: „Повелѣніемъ Архіепископа Евѳимія Вяжицкаго поставиша церковь древяну за Большимъ валомъ, въ Людинѣ концѣ, на Софійской сторонѣ, въ Алексѣевской улицѣ, по Чудеси, а нынѣ за Алексѣевской башней каменной круглой" (годъ 6963, стр. 291). Въ Румянцевскомъ сборникѣ, составляющемъ основную рукопись этой лѣтописи, прибавлено: „Іоанна Милостиваго";—но составители лѣтописи

не внесли этого названія церкви въ чтеніи ея, а поставили въ выноскѣ *б*. Въ Николо-Дворищенскомъ сборникѣ церковь значится во имя Алексѣя. Въ названномъ году сооружена Алексѣевская церковь не впервые; она упоминается подъ 1340 и 1391 гг. такъ: „Погорѣ Людинъ конецъ до Алексѣя святого“ (I Нов. лѣт. стр. 78 годъ 6848 и стр. 95 годъ 6898). Когда она возникла, мы не имѣемъ свѣдѣній. А что приведенная отмѣтка третьей лѣтописи относится не къ Іоанну Милостивому, существующему и теперь, хотя тоже за Алексѣевской круглой, извѣстной болѣе какъ Бѣлой, башней,—это видно изъ обхода Геннадіева въ 1493 году: „отъ Креста (Чуднаго на Волховскомъ мосту) владыка пошелъ новымъ мостомъ (это мостовая настилка) къ Образу, да дошедъ до Образа да пошелъ на лѣвую руку на рѣку, да рѣкою пошелъ въ Горньчарской конецъ, къ Олексѣю святому, къ деревянной церкви; да дошедъ до Алексѣя святого, да туто противъ Алексѣя святого Архіепископъ сталъ и октелью велѣлъ говорити,—да и крестомъ воздвизальнымъ благословлялъ крестообразно народъ на всѣ четеры стороны и молебенъ свершилъ, и потомъ пошелъ отъ Олексѣя святого вспольемъ къ Духу святому въ монастырь“. Далѣе описывается путь и такіе же остановки у Петровской улицы, которая вела изъ города къ нынѣшнему Петровскому кладбищу, и у Чудинцевой, отъ которой крестный ходъ двигался къ Духову монастырю рвомъ. Изъ этого мѣста лѣтописи ясно, что Алексѣевская церковь стояла недалеко отъ берега у всполья, прежде той улицы, которая встрѣтилась на всполье по пути къ Духову монастырю раньше Чудинцевой. Въ росписи читаемъ: „Въ слободѣ въ Тонной храмъ древянъ Алексѣя человѣка Божія“.

Ни на одномъ изъ чертежей нѣтъ ни креста, ни церковной площади на западъ отъ внѣшняго вала, въ окрестности Бѣлой башни. Въ нынѣшней Троицкой слободѣ, сряду за рвомъ внѣшняго вала, на правой сторонѣ дороги къ Петровскому кладбищу, въ Аркажу и въ Юрьевъ, стоитъ деревянная часовня. Старожилы говорятъ, что она поставлена на мѣстѣ церкви Алексѣя Божія человѣка. Положеніе часовни соотвѣтствуетъ Алексѣевской церкви Геннадіева обхода и оправдываетъ народный говоръ о назначеніи ея.

Названія нынѣшней Троицкой слободы Тонною намъ не доводилось встрѣчать, кромѣ росписи 1615 г., ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ; его не знаютъ и мѣстные обыватели-старики. Поблизости ея къ протоку, соединяющему озеро Мячино съ Волховомъ, и къ этому озеру, возможно искать объясненія названія „Тонной“ въ созвучіи его съ тонями, большими рыболовными сѣтями, погружаемыми при помощи прикрѣпляемыхъ къ одному краю тяжестей на дно; онѣ тонутъ. Теперь ни въ Мячинѣ, ни въ его протокѣ нѣтъ, кромѣ времени весенняго разлива, никакого рыболовства. Въ какомъ состояніи оно было встарь—намъ неизвѣстно. Около слободы теперь, преимущественно съ полуденно-восточной стороны, топкое мѣсто, такъ что тутъ могли тонуть и лошади и люди. Но оба эти производства гадательны,—потому отложимъ вопросъ о происхожденіи названія Тонной слободы до встрѣчи съ памятниками XVI вѣка, повторяющими

оное. Ближе всѣхъ къ рѣшенію этого вопроса стоятъ Новгородскія писцовыя книги. Въ переписи 1744 г. значится за Бѣлою башнею Копорская слободка (Разговоры, стр. 77, Примѣчаніе). Къ сожалѣнію мы не можемъ ничего сказать о мѣстоположеніи ея больше того, что сообщаетъ Митрополитъ Евгеній.

Акила Апостолъ. Въ записи о ружныхъ церквахъ Новгородскихъ значится церковь Апостола Акилы, въ концѣ Алексѣевской улицы за посадомъ (Временникъ Моск. Общ. Истор. и древ. Рос., кн. 24 стр. 31. Срав. Макарій Опис. Нов. цер. др. I, стр. 228). Въ какомъ именно мѣстѣ искать слѣдовъ этой церкви, мы съ точностью указать не можемъ. Но налѣво отъ нынѣшней Троицкой слободы, на концѣ ея, есть пригорокъ, саженяхъ въ пятнадцати отъ дороги къ Аркажѣ. Тутъ видны бугры точно такіе, какіе обыкновенно остаются на мѣстѣ небольшого разрушеннаго сооруженія. Поверхностныя раскопки легко обнаружатъ, принадлежатъ-ли бугры развалинѣ церкви, или жилому строенію. При церквахъ хоронили прихожанъ, какъ и теперь; если поверхностныя раскопки не обнаружатъ слѣдовъ церкви, неглубокій ровъ на востокъ отъ развалины, проведенный на двухъ-трехъ саженяхъ длины съ полдня на полночь, откроетъ на глубинѣ не свыше двухъ съ половиною аршинъ присутствіе человѣческихъ костяковъ, что будетъ несомнѣннымъ признакомъ сосѣдства съ ними церкви.

Въ росписи названъ храмъ Акимъ апостолъ, древянъ, на Щипачевѣ. Гдѣ было Щипачево XVII вѣкѣ намъ неизвѣстно; если оно лежало на пригоркѣ за старинной Алексѣевской, впослѣдствіи Тонной, а теперь Троицкой слободы,—въ такомъ случаѣ Акимъ росписи будетъ тоже, что Акила, предполагаемый стоявшимъ на этомъ пригоркѣ.

Преподобная Ксенія. Въ этой же записи о ружныхъ церквахъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ сказано объ апостолѣ Акилѣ, названа церковь Преподобной Ксеніи „на всполье", на Щипачевѣ улицѣ. На Щипачевѣ же она записана и въ росписи. Въ Геннадіевомъ обходѣ мы видѣли „всполье" сряду за внѣшнимъ валомъ; изъ этого можно заключить, что оно опредѣляетъ начало поля, лежащаго за городомъ и вообще за поселкомъ, подобно тому, какъ взморьемъ зовутъ начало моря, или залива его. Если принимать всполье записи о ружныхъ церквахъ въ смыслѣ пустыря, лежащаго сряду за внѣшнимъ валомъ, тогда Щипачево будетъ не тамъ, гдѣ предположено мѣсто Акилы апостола и въ имени церкви Акима будетъ не ошибка составителя росписи, а свидѣтельство о положеніи ея въ другой сторонѣ отъ Акилиной, на западъ—къ полночи отъ нынѣшней Троицкой слободы, между нею и улицею Петровскою, что вела отъ Варварина монастыря къ Петропавловскому дѣвичью монастырю на Сильницы, или на Синичьей горѣ. Удостовѣриться въ мѣстности церквей Ксеніи и Іоакима, или одной первой, можно посредствомъ пріемовъ, названныхъ въ замѣткѣ о церкви апостола Акилы.

Николай Чудотворецъ на Мигрѣ. Мигра—это нынѣшняя Воскресенская слобода; здѣсь возникъ дѣвичій монастырь не позднѣе XV вѣка и существовалъ до XVIII. До сихъ поръ сохранилось отъ него двѣ церкви:

Увѣреніе апостола Ѳомы въ Воскресеніи Христа;—по имени ея и монастырь и слобода называются Воскресенскими,—и Іоанна Милостиваго. О монастырѣ и церквахъ, какъ существующихъ, мы говорить не будемъ; о нихъ подробнѣйшія свѣдѣнія приведены въ трудахъ Макарія и графа М. Толстого. Для нашихъ цѣлей важно найти мѣсто третьей, бывшей тамъ въ XVII вѣкѣ церкви, и попытаться объяснить названіе мѣстности; начнемъ съ послѣдняго.

Въ основномъ и прочихъ сборникахъ, изъ которыхъ составлена третья Новгородская лѣтопись, помѣщена подъ 1195 годомъ слѣдующая отмѣтка: „Архіепископъ Мартирій заложи церковь святого Воскресенія каменну въ Мигрѣ монастырѣ, въ Людинѣ концу, на Красной горкѣ, и устрои дѣвичь монастырь" (годъ 6703, стр. 217). Въ I, II и IV лѣтописяхъ Новгородскихъ встрѣчается нѣсколько разъ Воскресенская церковь и Іоанна Милостиваго въ монастырѣ, начиная съ 1136 г. и ни разу не названа мѣстность ихъ „въ Мигрѣ". Это вызвало въ составителѣ третьей лѣтописи сомнѣніе и замѣчаніе (въ выноскѣ *з*), что слово Мигра поставлено едва-ли не ошибкою во всѣхъ спискахъ, которые онъ имѣлъ предъ собою. При этомъ сдѣлана ссылка на Разговоры Митрополита Евгенія и на Исторію Іерархіи и сказано, что Воскресенскій монастырь первоначально мужской, потомъ женскій, стоялъ на лѣвомъ берегу Волхова, близъ озера Ильменя (тамъ-же). Но ни Евгеній, ни Амвросій не говорятъ, чтобы какой либо изъ Воскресенскихъ монастырей Новгородскихъ окрестностей стоялъ на лѣвомъ берегу Волхова близъ озера Ильменя; въ Исторіи Россійской Іерархіи Воскресенскій монастырь названъ на озерѣ Мячинѣ и на лѣвомъ берегу ручья безымяннаго (Ч. III, стр. 617). Очевидно Археографическая коммиссія не знала мѣстности и предполагая ошибку „въ Мигрѣ", сдѣлала уже не предполагаемую, а дѣйствительную ошибку „въ озерѣ Ильмени". Остановиться на этой послѣдней ошибкѣ необходимо, такъ какъ изданныя Археографическою коммиссіею лѣтописи признаются научною истиною.

Большой знатокъ Новгородскихъ лѣтописей, Д. И. Прозоровскій, въ упомянутомъ трудѣ „Новгородъ и Псковъ",—ссылаясь на III Ч. Актовъ Археографической экспедиціи, № 56 и 58 и на словарь Щекатова, высказываетъ: „Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкогда существовало названіе Мигрою одной изъ Новгородскихъ мѣстностей. Оно могло произойти отъ переселенцевъ изъ села Мегры, Мѣгры, или погоста Мегры, или рѣки Мегры" (Новгородъ и Псковъ, стр. 43, выноска). Мнѣніе это нельзя не признать основательнымъ; хотя въ писцовыхъ книгахъ пятинъ Обонѣжской, Заонѣжской половины и Бѣжецкой намъ недовелось встрѣтить ни разу слова Мегра написаннаго чрезъ букву *ѣ*, произносимую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ названныхъ пятинъ, какъ *и*;—но составители писцовыхъ книгъ не могли не примѣтить въ говорѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они работали, замѣны звуковъ *е* и *и*;—принявъ поэтому за правило писать *е* вмѣсто *и*, они могли считать и писать Мегрою тѣ названія, которыя народъ произносилъ „Мигра". Въ умѣстности такой догадки поддерживаютъ названія урочищъ и поселковъ Заонѣжской половины; звучащихъ не сходно

русскому говору, например: Палтега, Гежена-гора (поселокъ), Коштога, Кондуши (поселокъ) и проч. Мегра-рѣка въ этой именно сторонѣ Заонежья; наконецъ и вносившій въ сборникъ слова „въ Мигрѣ“ могъ и самъ лично придерживаться говора съ замѣною одного звука другимъ, по-инородчески. Если нынѣшняя Воскресенская слобода называлась въ народѣ Мигрою съ древнѣйшихъ временъ, она могла получить это наименованіе отъ тѣхъ наемныхъ Людиновъ-дружинниковъ, которые пришли въ Новгородъ изъ Заонежья, или изъ Бѣжецкой пятины. Въ этомъ предположеніи мы можемъ найти ключь къ объясненію Колбяговъ Русской Правды: въ Обонежской пятинѣ нагорной половины была въ писцовыя времена мѣстность „Колбеги“ и въ ней „Климетцкой погостъ“ (Неволинъ, О пятинахъ. Приложеніе VII, стр. 184). Колбягамъ и Варягамъ, какъ наемщикамъ съ грабительскими наклонностями, Русская Правда по древнѣйшему списку, кратчайшему, приписываетъ нехорошее качество завзятыхъ укрывателей и пристанодержателей и вообще мало довѣряла, если они бывали свидѣтелями: „Аще ли челяданъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу Кольбяга, а его за три дня не выведутъ, а познаютъ и въ третій день: то изымати емоу свой челядинъ, а три гривнѣ за обидоу. Аще-ли ринетъ мужъ—моужа, любо отъ себѣ, любо къ собѣ: три гривнѣ; а видока два выведетъ, или боудетъ варягъ или колбягъ, то на ротоу“. Наемныхъ-дружинниковъ, сильныхъ воинскими доблестями по тогдашнимъ понятіямъ о достоинствѣ ихъ,—но обладавшихъ дурными душевными наклонностями, Новгородцы должны были поселить,—и поселили, въ сторонѣ, на узкой полосѣ суши, вдающейся въ озеро, чтобы затруднить имъ возможность грабить мирныхъ гражданъ. Итакъ выраженіе лѣтописи „въ Мигрѣ“ не слѣдуетъ считать ошибкою.

Теперь перейдемъ къ церкви Николая Чудотворца.

Въ Воскресенской церкви на Мячинѣ хранится современный списокъ съ жалованной грамоты 9 Мая 1627 г., изъ котораго видно, что бывшій здѣсь монастырь раззоренъ Шведами; и что до раззоренія въ немъ находилось два храма каменныхъ, а третій деревянный, сожженный Шведами. Изъ выписи переписныхъ книгъ 1617 года оказывается, что деревянный храмъ—Никольскій, и что онъ стоялъ подъ колокольнею (Макарій, Опис. церк. древ. I, стр. 545). Нынѣ существующая колокольня недавняя; она какъ-бы приткнута къ церкви Іоанна Милостиваго; подъ этою нельзя быть церкви, хотя-бы самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. До Шведскаго разгрома стояла, по всей вѣроятности, другая колокольня, выведенная отдѣльнымъ зданіемъ. Подходящимъ для нея мѣстомъ будетъ пространство между обѣими церквами къ западу; тутъ есть и площадка, похожая на церковную, достаточныхъ размѣровъ. Въ настоящее время при церквахъ Воскресенской слободы городское кладбище, такъ что раскопки неудобны, кромѣ поверхностныхъ; но и такихъ достаточно, чтобы найти площать бывшей церкви. Лѣтописныхъ указаній, кромѣ упомянутой переписной книги, о Николѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ нѣтъ.

Нелишнимъ будетъ замѣтить, что въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода было два Воскресенскихъ монастыря, одинъ мужской, а другой

женскій, и оба на горкахъ; одна горка называлась Красною, а прилегающая къ ней обширная луговая площадь Краснымъ полемъ. Эта горка сряду за внѣшнимъ валомъ правой половины города, на восточной сторонѣ, гдѣ теперь Тихвинское кладбище. Тутъ и былъ монастырь Воскресенскій мужской; нынѣ существующая тамъ церковь тоже Воскресенская; Тихвинскимъ кладбище называется только съ XVII вѣка,—когда въ эту церковь поступилъ образъ Богоматери, сходный по положенію данному художникомъ, его писавшимъ, Предвѣчному Младенцу, съ образомъ Богоматери Тихвинской. По надписи на этомъ образѣ онъ пріобрѣтенъ Новгородцами, братьями Воскобойниковыми, отъ латинскаго попа на островѣ Березаѣ, къ которому прибило застигнувшею на морѣ бурею этихъ купцовъ. Преосвященный Макарій полагаетъ, что Березай островъ находился на рѣкѣ Березайкѣ Валдайскаго уѣзда (Опис. церк. древ. Ч II. стр. 75). Но вѣроятнѣе искать Березая въ Берко на Финскомъ заливѣ, или въ островѣ Березовомъ, на Невскомъ устьѣ, составляющемъ нынѣшнюю Петербургскую сторону Невской нашей столицы. Другой Воскресенскій монастырь, женскій,—на горкѣ, упомянутой въ числѣ границъ рели, пожалованной Юрьеву монастырю Св. княземъ Всеволодомъ, т. е. на Мигрѣ. Замѣтку эту мы дѣлаемъ для будущихъ изслѣдователей, членовъ нашего Общества, и вообще на случай встрѣчи съ неизданными новыми свѣдѣніями о которомъ нибудь изъ Воскресенскихъ монастырей на горкѣ.

Монастыри и церкви забытые.

Указавъ мѣста монастырей и церквей, окрестныхъ и городскихъ, поддающіяся опредѣленію, хотя иногда и не вполнѣ точному, остановимся теперь на тѣхъ, которые, встрѣчаясь въ памятникахъ письменныхъ, или давно затерялись въ воспоминаніяхъ народныхъ, или затемнены новыми названіями окружающихъ ихъ урочищъ, или наконецъ, совсѣмъ забыты, какъ существовавшіе недолго и пережившіе время кучнаго выселенія своихъ прихожанъ и сосѣдей, или повальнаго ихъ вымиранія. Городскія церковныя сооруженія древности пережили тѣ же обстоятельства, какъ и окрестныя, но къ опредѣленію мѣстоположенія ихъ есть возможность примѣнять наименованія концовъ и улицъ, оставшіяся въ лѣтописяхъ, а частію дожившія до нашихъ дней, частію замѣненныя новыми въ недавнемъ еще прошломъ, частію же нанесенныя на чертежи и изображенія, служащіе руководящими въ изысканіяхъ; относительно же нѣкоторыхъ загородныхъ нѣтъ ни подобныхъ указаній, ни такихъ же долговѣчныхъ, какъ концы и улицы города, урочищъ. Къ тому же въ лѣтописныхъ сборникахъ поздняго состава много произвольныхъ вставокъ и невѣрныхъ мѣстоописательныхъ прибавокъ,—а въ памятникѣ правительственномъ, которымъ представляется роспись 1615 г., обнимающая всѣ церкви и монастыри, бывшіе свидѣтелями Шведскаго разгрома, и драгоцѣнная поэтому для изысканій о мѣстоположеніи Новгорода послѣ самобытія, нѣтъ подробностей;—то же повелѣніе, которое вызвало роспись, намъ неизвѣстно,- -и судить о цѣляхъ прави-

тельства, иногда разъясняющихъ темныя мѣста въ исполнительныхъ донесеніяхъ и вообще въ бумагахъ стараго времени, нѣтъ основаній.

Изслѣдователи Новгородскихъ древностей, встрѣчаясь съ церквами и монастырями, мѣстоположеніе которыхъ они не могутъ указать, довольствуются лишь перечневымъ порядкомъ;—наша же задача, намѣтить пути къ дальнѣйшимъ изысканіямъ объ остаткахъ древностей, каковы-бы они ни были и гдѣ-бы ни находились, лишь-бы принадлежали землѣ Новгородской,—требуетъ испытанія всѣхъ способовъ къ осуществленію ея, хотя-бы и въ далекомъ будущемъ. Поэтому въ настоящей запискѣ мы укажемъ эти пути, представляющіеся, при теперешнихъ средствахъ, пригодными, къ забытымъ мѣстамъ загородныхъ церквей и монастырей. Дѣлаемъ мы это, какъ первую попытку, надѣясь, что впослѣдствіи, при собираніи въ уѣздныхъ церковныхъ учрежденіяхъ всякихъ предметовъ старины, тлѣющихъ въ кладовыхъ и подъ крышами, найдутся и такіе, которые, подобно, напримѣръ записямъ о доходахъ и такъ называемымъ Синодикамъ, клировымъ вѣдомостямъ, описямъ стараго составленія и проч., послужатъ связью между существующими, сохранившими подобные предметы, и забытыми церквями.

Въ чертѣ города нѣтъ забытыхъ и неподдающихся хотя-бы приблизительному опредѣленію мѣстоположенія церковныхъ сооруженій; нѣтъ ихъ, настолько намъ извѣстно, и около Неревской стороны; но около Славенской стороны и на Городищѣ, имѣющемъ особо выдающееся значеніе въ судьбахъ Великаго Новгорода, такія мѣста имѣются какъ по замѣткамъ лѣтописи, такъ равно по записи о ружныхъ церквахъ, хранившейся на Софійскихъ палатяхъ и изданной во Временникѣ Московскаго общества Исторіи и древностей Россійскихъ (книга 24), такъ и въ росписи 1615 года.

Чтобы не смѣшивать церквей, бывшихъ около Софійской стороны и оставившихъ слѣды мѣстъ своего существованія, съ тѣми, которыя забыты, назовемъ послѣднія церковными сооруженіями загородными и раздѣлимъ ихъ на три части, назвавъ: 1) внѣ города, 2) Городищенскими и 3) Нередицкими.

1) Внѣ города.

На первый взглядъ представляется страннымъ, почему слѣды церквей и монастырей праваго берега Волхова, заселеннаго раньше лѣваго и много тѣснѣе его, забыты, а противоположнаго сохранились. На нашъ взглядъ это явленіе объясняется двумя причинами. Во первыхъ:—правый берегъ нѣсколько ниже лѣваго въ наибольшей части всей площади между городомъ и Ильменемъ,—но богаче его холмами и пригорками различной высоты и не одинаковой обширности. Нѣкоторые пригорки настолько незначительны по размѣрамъ, что въ водообильную весну заливаются. Пока Новгородъ былъ великъ и знаменитъ, ни одинъ пригорокъ не пустовалъ, все было заселено; вездѣ были и церкви; но когда онъ долженъ былъ уступить силѣ новаго теченія обще-русской жизни и сталъ въ рядъ городовъ Московскаго державства, зна-

ченіе его быстро склонилось къ упадку,—окрестные холмы опустѣли, церкви одряхлѣли и пали,—вешнія воды размыли ихъ остатки и закрыли сорнымъ наплывомъ. Во-вторыхъ:—во времена самобытія именитые и богатые горожане жили на Славенской сторонѣ; тутъ же, по ближе къ нимъ и къ Торгу, ютился и всякій торговый людъ. Смерды, подъ которыми мы разумѣемъ ремесленниковъ, черные люди и Людины-ратники, заселяли преимущественно, если и не исключительно, Неревскую сторону. Славяне были противниками Москвы, а Смерды и черные люди Неревской стороны тяготѣли къ ней. Иванъ III и Грозный внукъ его вывели изъ Новгорода десятки тысячъ семей, казавшихся имъ опасными для укрѣпленія княжеской и царской власти въ свободолюбивой странѣ. Славенская половина города опустѣла; вмѣстѣ съ изгнанниками ея ушли въ дальніе края Россіи и воспоминанія о храмахъ и монастыряхъ, осиротѣвшихъ, разрушившихся и захоронившихъ самыя мѣста свои подъ пластами позднихъ наслоеній. Новые насельники Славенской стороны, Москвичи, Ярославцы, Владимірцы и другіе, относились къ старинѣ Новгородской не только равнодушно, но даже враждебно; тоже чувство проявлялось въ нихъ къ сооруженіямъ церковнымъ и къ прославленнымъ Святымъ мощамъ. Въ прибавленіи къ второй Новгородской лѣтописи разсказанъ подъ 1482 годомъ возмутительный случай издѣвательства Архіепископа Сергія, изъ Московскихъ поповъ, только что приближавшагося къ Новгороду, надъ мощами Святого Архіепископа Моисея: „Прилучися ему, Сергію, дорога ѣхати конми мимо монастырь архангела Михаила Сковородку; помолившись и молебная совершивъ по обычаю и пойде изъ церкви въ паперть, и сказаша ему ту гробъ строителя монастыря того, архіепископа Моисея. Онъ же воззрѣвъ на священника и повелѣ ему гробъ скрыти Архіепископа Моисея; священникъ же не смѣя дерзнути гроба скрыти святительска, и рече Архіепископу Сергію; подобаетъ святителю святителя скрывати; Архіепископъ же Сергій рече съ гордостію: кого сего Смердовича и смотрити?—и поиде изъ монастыря“. Далѣе говорится, что Сергій послѣ этой дерзости обезумѣлъ (годъ 6992, стр. 183). Не менѣе возмутительно поведеніе Архіепископа Леонида въ обращеніи съ Новгородскимъ духовенствомъ; подъ 1571 годомъ во второй лѣтописи отмѣчено: „Владыка Леонидъ, въ недѣлю, послѣ выхода, всѣмъ священникамъ и старостамъ и десятскимъ и пятидесяцкимъ Новговодскимъ велѣлъ ризы съ себя снимати, а говорилъ священникомъ: собаки, воры, измѣнники, да и всѣ Новгородци съ вами! вы деи мене оболгаша великому князю, подаете челобитныи въ денгахъ въ милостинныхъ, а вамъ достанется по шти московокъ, а діаконамъ по четыре московки; не буди де на васъ мое благословеніе въ сей вѣкъ, ни въ будущій“ (годъ 1079, стр. 164 и слѣд.). Корыстолюбіе этого Московскаго Архіерея до того обременяло духовенство разными поборами, что Юрьевскій архимандритъ Ѳеоктистъ рѣшился сдѣлать рѣзкій отпоръ; когда Леонидъ упрекнулъ его за непредставленіе къ подтвердительной подписи его, какъ новаго Архіерея, своей настольной на архимандритство грамоты, этотъ старѣйшій изъ настоятелей монастырскихъ сказалъ владыкѣ: „Тоби у менѣ хочется содрать, а мнѣ Тебѣ ничего дать;

Тебѣ да и Архимандритство и настольная грамота; хочешь де съ меня, владыко, и рѣзы (ризы;—образчикъ замѣны буквы *и* другою, соотвѣтствующею звуку *е*, —какъ въ словѣ „Мигра" вмѣсто „Мегра") среди, и я о томъ не тужю". Слова эти сказаны были въ Софійскомъ соборѣ, при многочисленномъ духовенствѣ, выслушившемъ возмущеннаго настоятеля безмолвно (Тамъ-же, годъ 7080, стр. 170). Если такъ относились къ мѣстной святынѣ и духовенству Архіереи,—неудивительно, что нахлынувшіе въ Новгородъ Московскіе торгаши оказывали, за ничтожнѣйшими исключеніями, полное равнодушіе къ запустѣнію и разрушенію храмовъ, созданныхъ коренными Новгородцами, впавшими въ опалу и сосланными на окраины Россіи.

Воскресенье Христово на Лютовѣ горѣ. Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1572 годомъ значится: „Да мѣсяца Марта во 2 день, въ недѣлю вторыя недѣли великаго поста, священи въ монастырѣ на Лютовѣ горѣ, по Московской дороги, церковь Воскресеніе Христово, священникъ Софѣйской Іевъ, да діаконъ Анцифоръ, при строители того монастыря старци Генадіи да священники Іасафѣ" (годъ 7080, стр. 168). Подробности этой отмѣтки помогутъ изысканіямъ о мѣстности монастыря, если, напримѣръ, встрѣтятся означенныя здѣсь имена въ записяхъ какой либо церкви. Московская дорога выходила въ XVI вѣкѣ изъ Новгорода Никольскими воротами, упомянутыми выше, въ статьѣ о церкви Образа, за внѣшнимъ валомъ Плотенскаго конца, и направлялась задворками нынѣшней Никольской загородной слободы съ восточной стороны ея, къ Хутыни; далѣе она отклонялась вправо отъ Волхова, шла на деревню Губарево и кряжистымъ берегомъ рѣки Вишеры. Этотъ монастырь упомянутъ въ Актахъ историческихъ (Доп. къ Истор. Ак. I, стр. 83), но безъ указанія мѣстности. Въ росписи 1615 года его нѣтъ; а какъ тутъ перечислены церкви и монастыри, удаленные отъ Новгорода на значительное разстояніе, каковы Вяжищи, Кунино, и др., поэтому Лютова гора не должна быть близко къ городу. Во всякомъ случаѣ ея нельзя искать до Хутыни и Саввиной пустыни.

Въ Исторіи Россійской Іерархіи приводится Подлютовскій или Подлитовскій Воскресенскій монастырь, иначе подъ Лютовскою горою, на рѣкѣ Нишѣ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ 59 верстахъ отъ Новгорода (Ч. V стр. 557). Вѣроятно это разсматриваемый.

Монастырь на полѣ Козьмодемьянскій. Въ росписи показанъ въ этомъ монастырѣ „храмъ древянъ Козма и Дамьянъ; въ трапезѣ храмъ каменъ Дмитрій Прилуцкій". Въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1535 годомъ Козьмодемьянская церковь помѣщена въ Антоновѣ монастынѣ на вспольѣ. Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, Заонежской половины, письма Ондрея Васильевича Плещеева и Подъячаго Семейки Кузмина, 1582—1583 гг., значится въ округѣ Деревяницкаго погоста,—что теперешній монастырь,—„монастырь Козьмодемьянской на полѣ". О немъ сказывается: „А на монастырѣ церковь Козмы и Демьяна древеная съ трапезою, да другая церковь Дмитрея Волотцкого Чюдотворца каменная. Да на монастырѣ церковь. Черной попъ Сергей, да три кельи, а въ нихъ живутъ

четыре старцы, да двѣ кельи пусты. Да за монастыремъ дворы, а въ нихъ живутъ слуги монастырскіе. Да за монастыремъ же дворъ монастырской конюшенной, да дворъ коровнитцкой. Пашни пашутъ на монастырь три чети съ третникомъ, да перелогомъ пашни семъ четвертей безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна ставитца десять копенъ" (Неволинъ — О пятинахъ. Приложеніе VI, стр. 134). Подробность этой выписки говорятъ за обширность монастыря и за относительную его состоятельность, судя по количеству земли и по хозяйственнымъ постройкамъ. Была-ли въ немъ третья церковь, въ записи непоименованная, — или слова „Да на монастырѣ церковь" поставлены по ошибкѣ, — какъ полагаетъ К. А. Неволинъ, — провѣрить нечѣмъ, — хотя нѣтъ основаній и отвергать ея существованіе. По мѣсту, занимаемому въ росписи приведенною о Козьмодемьянскомъ монастырѣ отмѣткою, — между Воскресенскимъ монастыремъ на полѣ, т. е. на упомянутой Красной горкѣ, и Ковалевскимъ, церковь котораго существуетъ верстахъ въ четырехъ отъ города и въ полверстѣ отъ Московской дороги на востокъ къ полдню, нельзя ставить отыскиваемый монастырь близъ самаго Антоніева, лежащаго отъ Красной горки на полночь, — потому что составитель росписи перечисляетъ монастыри около Славенской стороны, начиная съ самаго дальняго, — на Липнѣ (церковь существуетъ), въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ сперва приближается къ городу, называя послѣ Липенскаго: — Сковородскій (существуетъ), Шиловъ (выше названъ), Городищенскіе, Нередицкій, Ситецкій, Кирилловъ и Николо-Лядскій (о Городищенскихъ скажемъ ниже; церкви остальныхъ существуютъ, кромѣ Лядскаго, выше названнаго); — отсюда идетъ съ берега Волхова около внѣшняго вала, перечисляя монастыри: на Сокольнѣ (названъ), Рождественскій (кладбище), церковь Образа (названа), Воскресенскій (на Красной горкѣ) и Козьмодемьянскій, мѣсто котораго забыто; — отъ этого монастыря составитель росписи пошелъ вправо, и отмѣтилъ монастыри дальніе, тоже по порядку: Волотово (существуетъ церковь), Островской (названъ), Саввинъ (существуетъ), Оскуйскій и Моркиничскій (забыты); — потомъ возвращается опять къ внѣшнему валу, и перечисляетъ монастыри около него и по Волхову, — начиная съ этого Козьмодемьянскаго, что послѣ Красной горки, такъ: монастырь на Глинкѣ (Глинецъ межевой грамоты Саввина монастыря названъ, — во дворѣ обывателя Никольской слободы), на Виткѣ (церковь Іоанна Богослова за валомъ, на берегу, существуетъ), Радоговицкій, — онъ послѣдній къ Антоніеву (названъ), въ Моховжникахъ — церковь Николая Чудотворца (забыта); и кончаетъ монастырями — внизъ по Волхову: Антоніевымъ, Деревяницкимъ и Хутынскимъ, нынѣ существующими. Нельзя забытый Козьмодемьянскій монастырь видѣть и на всопольѣ Антоніева, — если подъ нимъ разумѣть, какъ въ выше приведенномъ Геннадіевѣ обходѣ, начало поля сряду за монастыремъ, — въ направленіи къ Деревяницкому, нынѣ существующему, — на востокъ, если только составитель росписи не нарушилъ принятаго имъ порядка въ изложенномъ перечисленіи. Ближе всего, какъ намъ представляется, искать мѣста Козьмодемьянскаго монастыря между Красною горкою и Ковалевомъ, вправо и влѣво отъ прямой между

ними, какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Жилотуга. Тутъ, за Никольскою слободою, есть городская пожня, называемая Козьмодемьянскою. Въ 1662 году этотъ монастырь приписанъ былъ къ Отнему или Отенскому, верстахъ въ 50 отъ Новгорода. Въ IV части Исторіи Росс. Іерар. помѣщена царская жалованная грамота объ этой припискѣ, но изъ нея не видно мѣстоположеніе монастыря Козьмодемьянскаго. Не былъ-ли онъ раньше приписанъ къ Деревяницкому монастырю и не его-ли земля, съ именемъ Козьмодемьянскаго заполья, перешла къ Я. Я. Макъ-Дональду, что за Чудинцевской заставой, близъ Псковской дороги?

Монастыри на Оскуи и въ Моркиничахъ. Въ росписи оба эти монастыря помѣщены между Саввинымъ и Никольскимъ на Глинкѣ (на Гнильцѣ); о первомъ сказано: „Монастырь на Оскуи, два храмы, Спасъ да Никола Чудотворецъ древяны“, а о второмъ: „Монастырь въ Моркиничахъ, храмъ Никола Чудотворецъ“. Роспись 1615 г. озаглавлена такъ: „Сколько въ Великомъ Новѣгородѣ на Софійской и на Торговой сторонѣ градскихъ и окологородскихъ монастырей, мѣстныхъ храмовъ и придѣловъ, учиненная въ 1615 году послѣ опустошеній, произведенныхъ въ Новѣгородѣ Шведскими войсками, подъ предводительствомъ генерала Якова Понтуса-де-ла-Гарди“. По смыслу такого заголовка—слѣдуетъ считать всѣ поименованные подъ нимъ монастыри и церкви въ городѣ и около него. Между тѣмъ есть рѣка Оскуя, впадающая въ Волховъ съ правой стороны,—верстахъ въ 80 отъ Новгорода, и на всемъ своемъ теченіи ни разу не подходящая къ нему на разстояніе болѣе близкое. Если въ росписи слова: „на Оскуи“ относятся къ этой рѣкѣ, то и монастырь находился тамъ же. Въ Исторіи Россійской Іерархіи напечатана жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича Отенскому монастырю; въ ней имѣются слѣдующія строки: „Въ прошломъ-де во 122 году (соотвѣтствуетъ 1614 г.) какъ бѣжали нѣмецкіе люди изъ подъ Тифина въ Великій Новгородъ, и въ тѣ-де поры Отенскій монастырь разорили, и церковное и монастырское и всякое строенье выграбили, и братію и служекъ побили и монастырь весь выжгли и прежнюю жалованную грамоту тожъ сожгли“ (Ч. V, стр. 402). Изъ этого мѣста грамоты и изъ неуказанія въ росписи Отня монастыря можно вывести догадку: или о тожествѣ его съ монастыремъ на Оскуи, отъ которой Отня недалеко, или что Оскуйскій находился на пути отъ Тихвина къ Новгороду, пересѣкающемъ рѣку Оскую. Въ Отенскомъ монастырѣ была церковь во имя Николая Чудотворца; была-ли тамъ и Спасская, мы свѣдѣній не имѣемъ. Есть въ Крестецкомъ уѣздѣ погостъ Спасо-Оскуй; онъ лежитъ въ 22 верстахъ отъ Маловишерскаго посада, въ 40 верстахъ отъ села Грузина на востокъ къ полночи, въ 100 верстахъ отъ города Крестецъ и въ 5 верстахъ отъ рѣки Оскуи (Списки насел. мѣстъ Крестецкаго уѣзда. Изданіе земства, Новговодъ. 1884 г. стр. 33 № 373. Межниковская вововолость). Этотъ погостъ съ большею, чѣмъ Отню, вѣроятностью можно принять за монастырь росписи и въ немъ искать мѣстъ обѣихъ церквей, Спасской и Никольской, потому особенно, что отстоя въ настоящее время отъ рѣки Оскуи въ пяти верстахъ, онъ носитъ ея имя, чего новому по-

госту не нужно—было-бы. Сосѣди-прихожане не знаютъ о бывшемъ тутъ монастырѣ, но говорятъ что въ церковной ризницѣ хранится, или хранилась, крашенинная окровавленная риза, облачась въ которую, Спасскій священникъ охранялъ церковь отъ нападенія и хищничества татаръ, или Литвы, и былъ ими заколотъ.

Моркиничи лежали должно быть, тоже на пути отъ Тихвина къ Новгороду. Въ Изгонной книгѣ Бѣжецкой пятины, XVII вѣка записанъ погостъ Никольской въ Моркиничахъ (Митрополита Евгенія Разговоры, прибавленіе третье, стр. 92). Говорятъ, что верстахъ въ 40 отъ Торбинской станціи Николаевской желѣзной дороги есть мѣстность, къ которой подходятъ границы уѣздовъ: Крестецкаго, Тихвинскаго и Боровичскаго,—называемая Морканичи. Въ спискахъ этихъ уѣздовъ по упомянутому изданію Земства нѣтъ поселка съ такимъ именемъ; тщательный разспросъ на мѣстѣ можетъ указать какое либо запустѣлое селище, или пустошъ, или вообще урочище съ подходящимъ именемъ, созвучнымъ монастырю росписи. Выше названный Лютовъ монастырь былъ также на пути отъ Тихвина къ Новгороду.

Никола Чудотворецъ въ Моховжникахъ. Этотъ храмъ поставленъ росписью между монастырями Радоговицкимъ и Антоньевскимъ; значитъ искать слѣдовъ его нужно невдалекѣ отъ берега Волхова, или по пѣшеходной дорогѣ изъ города къ Антонію Римлянину, или по проѣзжей чрезъ Никольскую слободу. На этой дорогѣ, при поворотѣ ея къ Антонову, стоитъ убогая деревянная часовня. Говорятъ, будто она сооружена „въ бироновщину“ на мѣстѣ казни князей Долгоруковыхъ, погребенныхъ на Божедомской скудельнѣ у Рождества, гдѣ надъ могилами мучениковъ воздвигнута потомками ихъ каменная церковь. По другому же говору казнь была ближе къ Рождественскому кладбищу. Дознаніе о деревянной часовенкѣ поможетъ уясненію мѣстности Моховжниковъ. Въ ободной (межевой) грамотѣ Саввиной пустыни начала XV вѣка (она названа выше) мы видѣли моховыя мѣста, по которымъ пролегала граница пожалованной пустыни Кончанской земли. На востокъ отъ Антоніева монастыря, по направленію къ Жилотугу и къ рѣчкѣ Донцу, а также и на полдень къ сторонѣ города, невдалекѣ отъ часовенки, лежатъ такія же мѣста; возможно, что эти именно мхи и назывались Моховжниками.

2) Городищенскіе.

Съ перволѣтописныхъ временъ Новгородскіе князья проживали съ своею Гридью и дружиною на Городищѣ, до крещенія Руси и далѣе, до послѣднихъ дней самобытія, имѣя и въ Новгородѣ дворцы для временнаго жительства. Если призывались сюда на княженіе Великіе князья, имѣвшіе постоянное пребываніе въ главныхъ городахъ своихъ удѣловъ, въ Новгородъ присылаемы были ими намѣстники, называвшіеся первое время посадниками,—каковы Добрыня, Остроміръ и Данило; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ посадниками степенными, Кончанскими и пригородными, или Волост-

ными,—которые были избираемы и правили страною самостоятельно, независимо отъ посадниковъ княжескихъ, собственно воеводъ;—княжескіе намѣстники жили тоже на Городищѣ. И князья и ихъ намѣстники сооружали монастыри и церкви около своихъ дворцовъ. Изъ всѣхъ городищенскихъ сохранилась только одна: Благовѣщенская, первоначальное основаніе которой восходитъ къ 1099 году; она подробно изслѣдована Макаріемъ (Ч. I, стр. 484). Здѣшнія церкви, какъ и городскія, часто горѣли и опять возстановлялись.

Николай Чудотворецъ. Эта церковь, основанная въ 1165 г., какъ деревянная, горѣла и возобновлялась; въ 1585 г. была ружною; послѣднее извѣстіе о ней относится къ 1615 году; по росписи была деревянною. Лѣтъ пять назадъ указывали крестъ, поставленный на мѣстѣ, будто-бы, Никольской церкви, саженяхъ въ 80-ти отъ Благовѣщенія на полночь. Въ писцовыхъ книгахъ, въ XVI вѣкѣ, церковь Николая Чудотворца значится: „на Городищѣ, на рѣкѣ Волховѣ, съ трапезною Архангелъ“; къ мѣсту креста она не подходитъ.

Козьма и Даміанъ. Когда основана Козьмодаміаянска Городищенская церковь— неизвѣстно; въ 1386 г. она сожжена Новгородцами въ ожиданіи осады князя Дмитрія Ивановича Донского. О дальнѣйшей судьбѣ извѣстій не сохранилось; въ 1585 году она была ружною; по росписи 1615 г. значится деревянною; крестъ, упомянутый выше, можетъ относиться къ ея мѣсту болѣе, чѣмъ къ церкви Николая Чудотворца.

Михаилъ Архангелъ. Въ 1542 году. „заложиша церковь, на городищѣ великаго князя, Михаила Архангела“ (II Нов. лѣт. годъ 7050). Была-ли эта церковь каменная или деревянная и долго-ли существовала— неизвѣстно; въ числѣ ружныхъ и въ росписи не означена.

Срѣтеніе Господне. По указанію Макарія (Опис. Новг. церк. древ. Часть I, стр. 489) Срѣтенская Городищенская церковь стояла первоначально на полдень отъ Благовѣщенской, а въ 1797 году обращена въ придѣлъ ея съ западной стороны; когда основана—неизвѣстно Ни въ числѣ ружныхъ, ни въ росписи не значится.

Георгій Великомученикъ. Въ росписи 1615 года отмѣчено: монастырь Аргамакова, а въ немъ храмъ Георгій. Въ Исторіи Россійской Іерархіи ему назначено мѣсто на пространствѣ между Городищемъ и Нередицею (Ч. III, стр. 258). Георгіевская Городищенская церковь внесена въ число ружныхъ; но когда основана—свѣдѣній нѣтъ.

Пространство между Городищемъ и Нередицею съ версту; начиная почти отъ Благовѣщенской церкви площадь склоняется пологою покатостью къ Волховцу, разъединяющему оба холма, Нередицкій и Городищенскій. На какомъ именно мѣстѣ стоялъ Аргамаковскій монастырь, укажетъ неглубокій ровъ, если протянуть его въ двухъ направленіяхъ крестообразно, отъ Благовѣщенія къ Нередицѣ.

На случай, когда придется копать подобный ровъ, и вообще дѣлать изысканія о мѣстахъ церквей въ разсматриваемой мѣстности, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Городище, какъ царская собственность, поступившая въ дворцовое вѣдомство

Государей Московскихъ послѣ 14 Января 1478 г., пожаловано было Петромъ Великимъ князю А. Д. Меншикову; этотъ пышный баловень-вельможа возвелъ тутъ много каменныхъ сооруженій для великаго числа своихъ слугъ. Огромный садъ выходилъ на берегъ Волхова, охватывая Благовѣщенскую церковь; обширные погреба—медуши сохранялись, въ подземельи, еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка и извѣстны были подъ именемъ княжескихъ; нѣкоторые намъ доводилось видѣть; по кладкѣ они не раньше временъ Меншикова, хотя мѣстные обыватели еще и теперь говорятъ о глубокой древности первоначальной постройки ихъ. Нерѣдко на Городищѣ находятъ, при обработкѣ огородовъ, и по спадѣ вешней воды по берегу Волхова, куфическія, татарскія и удѣльныя деньги, также Новгородки, Московки и пулы; находятъ и оружіе, сильно поврежденное ржавчиною. Но объ остаткахъ древней кладки въ землѣ неслышно; если на нихъ и натыкаются,—то сряду же или выбираютъ камень, или снова зарываютъ находку, не оглашая, во избѣжаніе стѣсненій отъ ближайшихъ властей, слѣдящихъ съ нѣкотораго времени зорко за земляными работами въ окрестностяхъ Новгорода, но, къ сожалѣнію, оставляющихъ въ покоѣ скупщиковъ древностей, особенно изъ евреевъ и татаръ, разъѣзжающихъ по деревнямъ, забирающихъ всякіе остатки мѣстной старины и сбывающихъ любителямъ, умышленно скрывая тотъ край, откуда пріобрѣтены продаваемые предметы, чтобы сохранить его за собою для дальнѣйшей наживы. Къ крайнему прискорбію подобные находники умѣютъ пробираться въ церковныя ризницы и кладовыя; они покупаютъ старинныя облаченія на выжигу, древнюю утварь не попавшую въ опись, бумаги и проч. Годъ отъ году число подобныхъ находниковъ увеличивается; съ ними нашему Обществу необходимо вѣдаться, чтобы уберечь отъ истребленія то, на что эти торгаши не наложили еще рукъ своихъ. На первое время слѣдовало-бы озаботиться въ этихъ видахъ прінсканіемъ наибольшаго, по уѣздамъ, числа соревнователей цѣлямъ Общества, которые могли-бы одновременно слѣдить какъ за скупщиками, такъ и за продавцами мѣстной старины.

и 3) Нередицкіе.

Гора Нередица лежитъ, какъ мы знаемъ, на востокъ отъ Городища и отдѣляется отъ него древнею рѣкою Волховцемъ, извѣстною по сборникамъ Новгородской семьи съ перволѣтописныхъ временъ. Она вышла изъ Волхова саженяхъ въ 50 выше Городища и впала въ одинъ изъ протоковъ Жилотуга, называемый теперь Левошнею. При проведеніи въ прошломъ столѣтіи Сиверсова канала, Волховецъ пересѣченъ имъ и былъ прерванъ, чтобы не дать водамъ канала выхода раньше впаденія въ Волховъ; засыпка Волховца съ лѣвой стороны канала сохранилась, а съ правой размыта напоромъ весенняго разлива; начиная отсюда Волховецъ называется въ настоящее время Спасскою рѣчкою. Нередица виситъ надъ этою рѣчкою крутымъ отлетомъ; къ лѣту Волховецъ почти совсѣмъ осыхаетъ.

На отлетѣ Нередицы стоитъ Спасская церковь, принадлежащая бывшему здѣсь монастырю; она основана въ 1197 году княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Подробности отъ этой, сохранившей въ первобытной цѣльности настѣнное письмо, церкви приведены въ трудахъ Макарія (Опис. Новг. церк. др. I, стр. 498), Прохорова—въ его церковныхъ древностяхъ, Н. В. Покровскаго и другихъ. Въ лѣтописи Нередица не отдѣляется отъ Городища и извѣстна въ большинствѣ отмѣтокъ подъ однимъ съ нимъ именемъ. Были тамъ, какъ говорятъ, и другія церкви, но отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ упоминанія въ писцовыхъ книгахъ.

Троица Живоначальная. Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1582—1583 гг.: (она указана въ статьѣ о Козьмодемьянскомъ монастырѣ) упоминается: „въ монастырѣ Спасскомъ-Нередитцкомъ на рѣкѣ на Маломъ Волховцѣ церковь Троица Живоначальная древяная“ (Неволинъ,—О пятинахъ. Приложеніе, VI стр. 135). Въ росписи 1615 года значится: „Монастырь Нередицкій,—а въ немъ храмъ каменъ Преображенье Христово, въ трапезѣ древянъ храмъ Троица; въ придѣлѣ Никита Халкидонскій“. Изъ сопоставленія этой записи съ отмѣткою писцовой книги можно заключить, что до 1615 г., или до Шведскаго разгрома, Троицкая церковь была отдѣльною отъ Спасской; на это указываетъ и упоминаніе Софійскаго Временника подъ 1547 годомъ объ освященіи теплой Троицкой церкви въ Нередицахъ, сгорѣвшей за пять лѣтъ предъ тѣмъ въ пожаръ, о которомъ говорится во второй Новгородской лѣтописи подъ 1543 годомъ.

Къ опредѣленію мѣста Троицкой церкви нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить положеніе Спасской и видъ ея ближайшихъ окрестностей. Спасская церковь стоитъ близъ самаго обрыва горы; но къ ней сдѣлана въ прошедшемъ вѣкѣ каменная пристройка съ западной стороны; а еще западнѣе, на краю обрыва, поставлена колокольня. Поэтому возможно, что до пристройки Троица стояла или на мѣстѣ ея, или тутъ, гдѣ теперь колокольня. На полдень отъ Спасской церкви лежитъ овражекъ, а за нимъ, нѣсколько къ западу, круто поднимается холмъ; разстояніе между нимъ и колокольнею саженъ 30. Троицкая церковь могла помѣститься и на верху этого холма, занятомъ теперь усадьбою одного изъ обывателей Спасской деревни.

Никита Халкидонскій. Въ росписи названъ придѣлъ у Спаса Никита Халкидонскій; а въ названной писцовой книгѣ придѣлъ значится во имя Никиты Столпника, Переяславскаго Чудотворца. Если составитель росписки не ошибся,—а онъ писалъ, очевидно, со словъ священника,—слѣдуетъ считать Никиту Халкидонскаго за отдѣльный монастырскій храмъ, обращенный къ XVII вѣку въ придѣльный. Въ 1764 году, когда Нередицкій монастырь окончательно упраздненъ, у Спаса былъ придѣлъ Никиты Переяславскаго, что подтверждаетъ существованіе отдѣльнаго храма Никиты Халкидонскаго. Составитель росписи могъ записать на мѣстѣ, въ черновой тетради, оба храма, придѣльный и сомостоятельный,—а при составленіи бѣловой, по забывчивости-ли, или потому что черновую не самъ велъ, встрѣтилъ недоразумѣніе и одну Никитинскую церковь пропустилъ. Конечно могла

быть и ошибка:—во всякомъ случаѣ надобно имѣть въ виду обѣ эти церкви, чтобы не оставаться въ неизвѣстности объ имени существовавшей на Нередицѣ.

Введеніе во храмъ Богоматери. Введенская деревянная церковь возникла въ Нередицкомъ монастырѣ недавно, вначалѣ прошедшаго столѣтія; она построена игуменомъ Варсанофіемъ, умершимъ въ 1716 году, вмѣсто каменной, бывшей надъ придѣломъ Никиты Столпника (Истр. Рос. Іер. Ч. Ѵ, стр. 153). Въ 1795 г. эта церковь упразднена и въ текущемъ столѣтіи разобрана; стояла на востокъ отъ Преображенской, въ 25 саженяхъ (Опис. Новг. церк. древ. I, стр. 498). По этимъ даннымъ Введенскую церковь не слѣдовало-бы причислять къ такимъ, мѣстоположеніе которыхъ забыто; но въ народной памяти ея нѣтъ,—потому представляется умѣстнымъ напомнить какъ о церкви, такъ и объ основателѣ, вмѣсто придѣла, самостоятельнаго Введенскаго Храма.

Волотово.

Около Неревской стороны мы видѣли слѣды усыпальницъ временъ язычества на холмахъ Лазарьевскомъ и Синичьемъ, или Сильницы, и на Веселой горкѣ. Около Славенской стороны такіе же слѣды встрѣчены нами на холмѣ въ Славнѣ и на Волотовѣ. Въ книгѣ „Бытовые Остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ приведены какъ описаніе череповъ, найденныхъ нами на „Веселой горкѣ“ и на холмѣ Славенскомъ, такъ и свѣдѣнія о Волотовѣ и черепахъ, тамъ собранныхъ, для Московской Антропологической Выставки 1879 года. Здѣсь мы упоминаетъ о Волотовѣ для полноты изложенія о слѣдахъ и остаткахъ древности церковной, и для сильно распространившагося преданія о погребеніи на этомъ холмѣ Старѣйшины Гостомысла и о Богатырскомъ полѣ, прилегающемъ къ нему.

Извѣстно изъ Разговоровъ Митрополита Евгенія и изъ трудовъ владыки Макарія, что на Волотовѣ существовалъ монастырь, отъ котораго осталась только одна, сохранившаяся до сихъ подъ, Успенская церковь. Подробности у Макарія (Опис. Новгор. церк. древ. I, стр. 567).

На полѣ, лежащемъ между Волотовомъ и рѣкою Вишерою, видны слѣды четырехъ кургановъ, много разъ копанныхъ и потому лишившихся той цѣльности, которая такъ драгоцѣнна въ настоящее время, когда наука объ ископаемыхъ остаткахъ древности выработала, путемъ долгаго опыта, пріемы и способы раскопокъ. Эти-то четыре кургана и послужили поводомъ къ наименованію поля при Волотовѣ Богатырскимъ. Къ Волотову мы обратимся въ четвертомъ отдѣлѣ записки, въ статьѣ о бытовыхъ остаткахъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, и постараемся доказать заимствованіе преданія не изъ народнаго говора, преемственно-живущаго съ древности, а изъ домысловъ досужихъ книжниковъ двухъ, предшествующихъ нынѣшнему, сто-

лѣтій, испещрившихъ свои сборники сказками, неимѣющими никакой связи съ явленіями народной жизни; тамъ мы приведемъ и основанія, по которымъ считаемъ догадки степенныхъ писателей о кумирнѣ Велеса или Волоса, давшей, будто-бы, имя Волотову, не имѣющими оснований, кромѣ одного только созвучія.

Площадь Новгорода, охваченная внѣшнимъ валомъ, составляетъ пространство, за исключеніемъ занимаемой Волховомъ и береговыми низинами, меньше версты во всѣ стороны. Если къ монастырямъ и церквамъ, нами названнымъ и такимъ, о которыхъ сохранились только свѣдѣнія въ письменныхъ памятникахъ, прибавить до сихъ поръ существующіе и описанные подробно въ трудахъ Преосвященнаго Макарія и другихъ упоминаемыхъ нами изслѣдователей, и если присоединить къ нимъ придѣльныя и второстепенныя монастырскія, мы получимъ къ общемъ поразительное число. Вызванное духовно-нравственнымъ требованіемъ жизни, число это краснорѣчивѣе всякихъ мудрствованій доказываетъ ширь и глубину вѣрованій насельниковъ Великаго Новгорода во времена его самобытія; ни роскошь внутренней жизни, ни полная исконная вѣротерпимость, ни обширность сношеній съ иноземцами, ни кровавыя усобицы — ничто не ослабило въ нашей странѣ православія, сохраненнаго „людьми вольными" въ первобытной чистотѣ. По присоединеніи Ильменской страны къ Московскому державству, въ половинѣ XVI вѣка, церковь Новгородская съ ея обрядами оставалась, не смотря на огромный притокъ новыхъ насельниковъ, настолько чуждою забвенія этой первобытной чистоты и принятія новшествъ иновѣрныхъ, что царь Иванъ Грозный, этотъ удивительный начетникъ, грамотѣй-неграмотный, ставилъ ее образцомъ (Стоглавъ. Глава 5, вопросы 19, 34, 35 и др.) для созваннаго имъ Собора въ 1551 году „во исправленіе церковнаго благочестія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія".

Примѣчаніе. Въ Новгородскомъ Музеѣ Хранится Грамота Царя Ивана Грознаго 1542 года, о пожалованіи Андрея Тимоѳеевича Окунева окладомъ въ кормленіе. Въ описаніи древностей Музея значится: „Грамота эта на оборотѣ подписана царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и къ ней приложена красная вислая печать изъ воска-мастики". Принимаемая за собственноручную Грознаго подпись читается такъ: „Князь великій Іванъ Васильевичъ всеа Русіи Царь и великій князь іванъ васильевичъ всеа Русі по сему.... іваловича окунева в русе половиною пісшею перепустилъ ему половину писчей сряду на другой годъ до благовѣщеньева дняж 7054 а подписалъ дьякъ Іванъ Елизаровъ сынъ Капустинъ (?)" (стр. 78—79).

На оборотѣ жалованныхъ грамотъ XVI вѣка, данныхъ Великими князьями или царями обыкновенно пишутся подтвержденія послѣдующими преемниками пожаловавшаго, и подписываются дьяками (напримѣръ: Ак. Археогр. Эксп. Ч. I. №№ 151, 150 и многіе др.). Грамота Окуневу дана на срочное кормленіе; по истеченіи срока ему или давалась новая грамота, или на прежней дѣлалась подтвердительная подпись, какъ отсрочка, впредь до назначеннаго времени: а какъ подтвержденіе или отсрочка—даны тѣмъ же Великимъ княземъ которымъ пожаловано кормленіе первоначально, и имя котораго стоитъ на первомъ мѣстѣ грамоты: „Се іяз Князь великій Іванъ Васильевичъ Всеа Русіи",—то имя его и повторен

въ отсрочкѣ; оно написано два раза сряду потому, вѣроятно, что писецъ пропустилъ въ первый разъ слово „Царь". Такимъ образомъ изъ этой грамоты вовсе не слѣдуетъ заключить, что она подписана собственноручно царемъ Иваномъ IV.

Состоящая при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Коммиссія печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ предисловіи къ первому выпуску снимковъ древнихъ русскихъ печатей,—сказала: „Согласно требованіямъ Восточнаго этикета, Русскій Царь, Великій князь Московскій, могъ брать въ руки лишь скипертъ или мечь, но никогда перо. Потому-то не сохранилось ни одного автографа даже царя-грамотѣя Іоанна IV Грознаго. Остается возможнымъ предположить, что подобнаго автографа никогда и не существовало, и что въ своей остроумной и тонкой полемикѣ съ Іезуитомъ Поссевиномъ и княземъ Курбскимъ, Іоаннъ IV, дабы не отступать отъ установленнаго обычая, прибѣгалъ къ диктовкѣ" (Изданіе 1882 г. стр. 11). Коммиссія основываетъ это свое мнѣніе на сотняхъ бумагъ, сохраняемыхъ Архивомъ, за время царствованія Грознаго,—такъ что оспаривать мнѣніе ея нѣтъ причинъ,—потому мы и называемъ Царя Ивана IV грамотѣемъ-неграмотнымъ.

Заслуги Великаго Новгорода остаются далеко невыясненными; къ его прошлому безучастна отечественная наука; отуманенные вѣяніемъ запада вожаки ея не тронули еще, за весьма немногими исключеніями, всего строя земли Ильменской, этого могучаго источника, давшаго русскому народу жизнь и мощь богатырскую. Не будемъ же и мы, живущіе на костяхъ прародителей полночнаго славянства, въ нашей скромной долѣ, причастными грѣху забвенія славныхъ дѣяній нашихъ предковъ. Старина церковная пусть будетъ началомъ нашей дѣятельности, какъ имѣющая подъ собою почву, если не всегда трердую, но зато всегда осязательную. Займемся повѣркою и строгимъ изученіемъ указываемыхъ нами мѣстъ сооруженій церковныхъ и оградимъ таковыя, гдѣ будетъ возможно, постановкою крестовъ съ надписью имени, которому церкви были посвящены, времени основанія и упраздненія каждой.

Однимъ Новгородомъ и его окрестностями неисчерпывается благочестіе всей страны Ильменской. По ней разсѣяно было много монастырей и церквей, давно упраздненныхъ и забытыхъ, или еще слышныхъ въ народномъ говорѣ,—много также и сохраняющихся до нашихъ дней. Собрать обо всѣхъ церковныхъ сооруженіяхъ нашей страны свѣдѣнія хотя и трудно, однакоже возможно, при участіи мѣстныхъ духовныхъ властей, членовъ нашего Общества и образованнаго населенія уѣздовъ, сочувствующаго нашимъ начинаніямъ. Къ изысканіямъ о средствахъ и способахъ собиранія свѣдѣній о церковныхъ сооруженіяхъ, уже не существующихъ, мы обратимся въ своемъ мѣстѣ этой записки;—а относительно существующихъ слѣдуетъ просить Епархіальное начальство: не признаетъ-ли оно возможнымъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ правленіе нашего Общества монастырскихъ и церковно-приходскихъ клировыхъ вѣдомостей и собираемыхъ, съ недавняго времени, лѣтописныхъ свѣдѣній о церковныхъ сооруженіяхъ, для выписки всего, что касается прошлаго и настоящаго, до нихъ относящагося,—или о предоставленіи Правленію дѣлать такія выписки изъ бумагъ въ Консисторіи. Вмѣстѣ съ симъ желательно просить о томъ же Епархіальное Начальство уѣздовъ, сосѣднихъ нынѣшней Новгородской землѣ,

но входившихъ въ составъ древнихъ пятинъ ея: Петербургскихъ, Псковскихъ, Тверскихъ, Костромскихъ, Вологодскихъ, Олонецкихъ и другихъ. Можно надѣяться, что въ виду научной важности для всей Россіи задачи нашего Общества, власти духовныя не откажутъ намъ въ просвѣщенномъ содѣйствіи къ достиженію, хотя въ далекомъ будущемъ, цѣли, намѣчаемой здѣсь въ общихъ чертахъ.

ОСТАТКИ И СЛѢДЫ ПАМЯТНИКОВЪ ГРАЖДАНСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

За краткимъ обзоромъ остатковъ и слѣдовъ памятниковъ древности церковной мы приступаемъ къ очерку такихъ же остатковъ и слѣдовъ гражданской древности.

Понимая подъ гражданскими памятниками всѣ бытовые, здѣсь мы будемъ говорить только о такихъ, которые представляются, по письменнымъ свидѣтельствамъ, общими для Новгорода и для страны Ильменской, какъ установленія государственныя, имѣвшія права, признанныя народнымъ правительствомъ. О бытовыхъ же остаткахъ и слѣдахъ —относящихся къ домашней обстановкѣ, къ частной жизни, вырабатывающей свои порядки не по волѣ правительства, а лишь по собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ обывателей, скажемъ въ особомъ отдѣлѣ записки.

Ни памятниками древности гражданской въ объясненномъ смыслѣ, ни остатками ихъ—современный намъ Новгородъ небогатъ настолько, какъ слѣдами тѣхъ и другихъ, уцѣлѣвшими въ его лѣтописи, хотя и не вполнѣ ясными. Ближайшими причинами такого явленія оказываются распоряженія Москвы XV и XVI вѣка, о новомъ порядкѣ распредѣленія проѣздовъ и проходовъ между улицами, и уничтоженіе всего, что напоминало-бы уберегшимся отъ опалы жителямъ вольнаго города о ихъ самобытіи. Москва начала передѣлку и уничтоженіе памятниковъ мѣстной старины съ Дѣтинца. Если сравнить гражданскія сооруженія его по Михайловскому изображенію съ показанными на Знаменскомъ, разница будетъ огромная. Москва не пощадила даже и церквей: Покровскую посадника Семена Климовича, надъ воротами отъ Прусской улицы, она обратила въ стрѣльню, другую Покровскую, у стѣны, передѣлала изъ троеверхной въ одноглавую, хотя эта церковь была немірскою, сооруженною народомъ, а княжескою; огромное по тогдашнему времени и величественное зданіе Народно-Правительственной Палаты, постояннаго Вѣча, значительно измѣнила и обратила въ Пушечный дворъ. Ярославово Дворище и дворцы Посадника и Тысячскаго не были разрушены, какъ необходимыя сооруженія для жительства Намѣстниковъ, воеводъ и другихъ сановниковъ новаго порядка, управленія Ильменскою страною,—но ихъ, какъ и другія сооруженія, Москва передѣлала на свой ладъ, а время разрушило.

Изслѣдователи Новгородскихъ древностей останавливаются обыкновенно только на сооруженіяхъ нынѣ существующихъ, а о мѣстоположеніи исчезнувшихъ или вовсе умалчиваютъ, или упоминаютъ вскользь. Любознательные путешественники, въ своихъ летучихъ замѣткахъ, дѣлятся съ читателемъ впечатлѣніями, производимыми на нихъ общимъ видомъ Новгорода, хотя иногда они и останавливаются на нѣкоторыхъ гражданскихъ сооруженіяхъ, но отводятъ имъ мѣста произвольно, гадательно. Великій начетникъ и высокопросвѣщенный знатокъ отечественныхъ древностей. Карамзинъ,—не составляетъ исключенія: въ своей повѣсти о Мароѣ Борецкой онъ указываетъ и Вадимово мѣсто и площадь Великовѣчья и какой-то высокій холмъ, съ котораго видны далекія окрестности,—но все это гадательно.

Недавно издана, отдѣльнымъ оттискомъ изъ чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, „Новгородская Исторія П. И. Сумарокова“ (Москва 1890 г.). Издатели нашли эту книгу „особенно полезною для мѣстныхъ Новгородскихъ археологовъ, желающихъ заняться разработкою Исторіи Новгородскаго княжества, ибо она содержитъ, будтобы, въ себѣ хорошій и обстоятельно составленный сводъ всего того, что было писано о семъ предметѣ въ теченіе XVIII столѣтія до Исторіи Карамзина“ (стр. 5). Нельзя не удивляться такому взгляду на книгу Сумарокова: труды предшественниковъ Карамзина представляются въ настоящее время, послѣ изданія полнаго собранія русскихъ лѣтописей, Актовъ Археографической Коммиссіи, Историческихъ, Юридическихъ и множества другихъ памятниковъ,—способными сбить съ толку и направить на ложный путь не только мѣстнаго, но и всякаго изслѣдователя, если онъ, по указанію Московскаго ученаго Общества, увлечется ими и перечитаетъ нѣсколько пудовъ книгъ князя Щербатова, Елагина, Эмина, Ломоносова, Татищева, Гиземя и другихъ, самостоятельныхъ и переводныхъ. На нашъ взглядъ Исторія Сумарокова можетъ служить лишь развлеченіемъ для читателя легковѣрнаго, чтобы убить время. Въ этой Исторіи указывается мѣстоположеніе княжескихъ дворцовъ и другихъ гражданскихъ сооруженій—совершенно произвольно (стр. 12—17). Болѣе обстоятельными и цѣнными для изысканій о памятникахъ гражданскихъ древностей представляются труды: „Трое сутокъ въ Новгородѣ“ Неронова;—„Прогулка по Новгороду и его окрестностямъ“ Купріянова и „О мѣстоположеніи Древняго Новгорода“ Красова, какъ основанные, или на источникахъ письменныхъ, или на слѣдахъ древнихъ сооруженій, обнаруженныхъ раскопками, или на существовавшихъ еще недавно на поверхности земли, въ городѣ, развалинахъ, и на преданіяхъ старожиловъ.

Остатками памятниковъ гражданской древности мы считаемъ большею частію развалины, а вообще мѣстоположеніе сооруженій для правительственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и торговыхъ, мѣста которыхъ указаны при объясненіяхъ о памятникахъ, сохраняющихся вполнѣ, или частію; къ нимъ возвращаться не будемъ;—а займемся опредѣленіемъ развалинъ и слѣдовъ сооруженій, встрѣчаемыхъ при случайныхъ раскопкахъ, и мѣстъ, на которыхъ стояли таковыя, упоминаемыя въ письменныхъ свидѣтельствахъ. О Дѣтинцѣ

скихъ скажемъ кратко, какъ говорили о церквахъ, тамъ находившихся, и по той-же причинѣ, т. е. въ виду законченныхъ и ожидающихъ изданія изысканій нашихъ въ подробностяхъ. Порядокъ изложенія оставимъ тотъ-же, какого придерживались въ изложеніи остатковъ церковныхъ сооруженій, съ такою лишь разницею, что объ окрестныхъ будемъ говорить послѣ городскихъ. О сооруженіяхъ пригородовъ, находящихся въ настоящее время вдали отъ теперешнихъ границъ Новгородской земли, но возникшихъ при Новгородскомъ державствѣ, и составлявшихъ его учрежденія и сооруженія, скажемъ въ третьемъ отдѣлѣ записки, о внутреннемъ строѣ Ильменской страны.

Славенская сторона.

Славенской сторонѣ, какъ древнѣйшему поселку, принадлежатъ и остатки, или мѣста, гражданскихъ сооруженій глубочайшей древности. Тутъ стоитъ, какъ мы знаемъ уже, Ярославова башня; здѣсь же были Великій Рядъ, Вощники, Дворы торговые, Погребъ-башня—какъ тюрьма долговая, и площадь Великовѣчья, указанные выше; на Славенской же сторонѣ были: дворцы Степеннаго Посадника и Тысячскаго, Клеймяныя сѣни, Гридницы этихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, Торговая Палата и Вѣсовой дворъ, учрежденные княземъ Всеволодомъ Мстиславовичемъ, и другія сооруженія.

Дворецъ Посадника Степеннаго

Ученіе о Посадникахъ вообще не получило еще прочной устойчивости. Сановники этого имени встрѣчаются во всей Руси, какъ и Вѣчевыя собранія, въ теченіи вѣковъ перволѣтописныхъ и удѣльныхъ, до татарщины. Кое-гдѣ Посадникъ встрѣчается даже въ XVIII вѣкѣ, но уже въ значеніи старшины надъ крестьянами, посаженнаго помѣщикомъ. Въ Новгородскомъ Музеѣ хранится покровъ съ надгробія Преподобнаго Саввы Вишерскаго, съ надписью: „1721 г. Положилъ сей покровъ на Св. Чудотворца Савву Посадникъ-бурмистръ Ѳома Ивановъ сынъ Ларинъ“ (Описаніе Музея, стр. 53). О Новгородскихъ Посадникахъ писали всѣ именитые изслѣдователи; Калайдовичь далъ цѣлую книгу „Историческій и Хронологическій опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ“ (Москва 1821 г.). Но все-таки вопросъ объ этихъ Сановникахъ остается неуясненнымъ настолько, чтобы не требовалъ дальнѣйшихъ изысканій.

Въ особомъ отдѣлѣ этой записки будетъ представленъ бѣглый очеркъ внутренняго строя Велико-Новгородскаго державства, по письменнымъ памятникамъ; тамъ мы предполагаемъ привести мнѣнія выдающихся ученыхъ о Новгородскихъ Посадникахъ и нашъ взглядъ на этихъ и другихъ служилыхъ людей страны Ильменской. Здѣсь же замѣтимъ только, что наши Посадники были уполномочиваемы Вѣчевою Палатою и народнымъ Собра-

ніемъ, Великовѣчьемъ, на исполненіе различныхъ обязанностей: одни сидѣли въ Волостяхъ и Пригородахъ,—это Посадники волостные и городовые; другіе управляли концами города и принадлежащими вѣдомству ихъ пятинами,—это Посадники Кончанскіе, отъ которыхъ зависѣли волостные и городовые соотвѣтственной пятины;—исполнитель же Вѣевыхъ постановленій и приговоровъ, касавшихся всей страны, вѣдавшій дѣла Посадниковъ волостныхъ, городовыхъ и Кончанскихъ—былъ Посадникъ Степенный,—глава исполнительной власти народнаго державства.

Въ статьѣ о церкви во имя Святого Ипатія на Рогатицѣ упомянуто о сосѣдствѣ ея съ Посадничьимъ дворцомъ.

Въ настоящее время, во дворѣ дома, на углу Московской и Рогатицкой улицы, принадлежащаго А. В. Ильчину, сохраняются остатки развалинъ большого каменнаго сооруженія, въ двухъ мѣстахъ: въ полуденномъ углу дома и на срединѣ двора. Угловая развалина представляетъ два покоя съ толстыми стѣнами подъ крутыми сводами; они вошли въ нынѣшній домъ, какъ часть его,—но полуденный край покоя, ближайшаго къ этой сторонѣ, выступилъ изъ черты домовой стѣны во дворъ почти на сажень, въ видѣ развалины; поверхъ его поставлена легкая бесѣдка. Оба эти покоя служатъ кладовыми. На срединѣ двора образовался, лѣтъ сорокъ слишкомъ назадъ, провалъ подъ тяжестью воза, выѣзжавшаго на улицу; оказалось, что тутъ, сряду подъ полуаршиннымъ слоемъ сорной земли, довольно обширный подвалъ подъ сводомъ. Какъ упомянутые покои, такъ и этотъ подвалъ сложены изъ кирпичей,—валуны и плита только въ основаніи и кое-гдѣ въ толстыхъ стѣнахъ первыхъ. Лѣтъ 50 назадъ мѣстность, занимаемая дворомъ дома г. Ильчина и сосѣдними, до самой Мало-Михайловской улицы, равно и противолежащая, между оградою Климентовской церкви и Рогатицею, была обширнымъ грязнымъ пустыремъ; на той части двора, подъ которою образовался провалъ, видна была развалина большого каменнаго дома, вытянутаго съ полночи къ востоку, на полдень къ западу; длину онъ имѣлъ вдвое больше, чѣмъ ширину; основаніе кладки, примѣрно, на аршинъ выше дворовой площади, еще сохранялось. Вошедшіе въ домъ два покоя стояли тогда особнякомъ, въ нихъ помѣщалась кузница. Въ упомянутой книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ“ путешественникъ сказываетъ, что въ проѣздъ чрезъ Новгородъ лѣтомъ 1837 года, онъ видѣлъ остатокъ дома, принадлежавшаго, по слышанному имъ тогда мѣстному говору, Мареѣ Борецкой,—и даетъ слѣдующее описаніе его: „Остатокъ составлялъ двухъэтажное каменное строеніе, которое, вмѣсто прежней остроконечной чешуйчатой съ узорочными свѣтлыми теремами кровли, покрыто было низкою тесовою крышею, имѣвшею одно слуховое окно. На внѣшнихъ стѣнахъ еще виднѣлись скульптурныя украшенія XV вѣка. Съ передней, южной стороны дома, во второмъ этажѣ, было три окна и къ правому углу, вмѣсто стариннаго боярскаго крыльца, придѣлана деревянная лѣстница на подпоркахъ, покрытая отъ верху до половины высоты, вѣроятно для того, чтобы не заслонять единственнаго въ нижнемъ этажѣ окна. Съ боковой, западной стороны верхній этажъ имѣлъ также одно окно, которое, повидимому, не

подвергалось никакой передѣлкѣ, обо оно вдвое уже переднихъ оконъ; такимъ образомъ отъ прежнихъ 24-хъ оконъ осталось только пять. Съ этой стороны къ нижнему этажу пристроенъ деревянный сарай, примыкающій къ небольшой каменной развалинѣ со сводомъ, поросшимъ травою и березникомъ. Эта развалина есть остатокъ отъ обширныхъ погребовъ, нѣкогда полныхъ питіями преузорочными, романеею и медами сахарными. Она выходитъ на Рогатинскую улицу, отстоитъ отъ угла Московской на 61 шагъ, а нынѣ обращена въ кузницу“ (стр. 51).

По поводу говора о домѣ Мареы Борецкой на Рогатицѣ скажемъ нѣсколько словъ. Имя этой знаменитой, безспорно, женщины сохранилось въ преданіи болѣе, чѣмъ кого либо изъ водителей судебъ страны Ильменской. Между тѣмъ она не принесла своему отечеству ничего, кромѣ величайшаго вреда. Не будь ея властолюбія и непомѣрной заносчивости, Ильменская страна не подвергалась-бы кровавымъ опустошеніямъ, повторявшимся въ теченіе цѣлаго столѣтія, при Иванѣ III и Грозномъ внукѣ его,—Московское государство не тратило-бы силъ и средствъ своихъ на трехвѣковую борьбу съ Нѣмцами, Шведами и Литвою. Какъ родоначальница Славяно-руссовъ страна наша не могла быть враждебною возроженію Руси послѣ татарина; народъ тяготѣлъ къ ней всегда. Лѣтопись сохранила на своихъ страницахъ сказанія о дружинахъ Новгородскихъ, являвшихся во время удѣльныхъ усобищъ княжеской Руси защитниками слабыхъ отъ неправды сильныхъ, и бывшихъ рѣшителями споровъ и недоразумѣній. Если они сторонились отъ участія въ княжескихъ распряхъ во времена татарщины,—поступали благоразумно, чтобы не накликать бѣду и на свою сторону. Въ договорахъ Новгорода съ князьями за время татарщины слышится великая государственная мудрость:—не будичи даннякомъ Орды, онъ относится къ царямъ ея съ такимъ уваженіемъ, которое впору и современнымъ государственнымъ людямъ, вѣдающимъ сношенія съ иноземными дворами. Не вмѣшиваясь въ княжескіе раздоры, весьма часто, если не исключительно, возникавшіе не изъ-за блага народа, а изъ-за личныхъ неудовольствій, Новгородъ сохранилъ свою независимость и развивалъ русско-народную силу, охраняя все, унаслѣдованное отъ отдаленныхъ праотцовъ, въ чистотѣ и прирожденной цѣльности до тѣхъ поръ, пока не сгибла татарщина. Не будь Мареы Борецкой и ея приспѣшниковъ, Москва не задумалась-бы надъ присоединіемъ къ ней Великаго Новгорода, подъ условіемъ, какъ просили граждане его,—непосредственнаго охраненія дружинами ихъ западныхъ предѣловъ, которые они оберегали во время самобытія, составляя несокрушимый оплотъ для вторженій въ Русь чужеземцевъ съ этой стороны. Но коварство Мареы Борецкой и ея сторонниковъ, задумавшихъ измѣнить русско-народному дѣлу, вызвало, естественно, въ Московскихъ правителяхъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ татарщины, подозрительность и недовѣріе, имѣвшія грустныя послѣдствія и для развитыхъ, благородныхъ насельниковъ страны Ильменской, и для всей Руси. Присоединивъ Ильменскую страну къ своему державству, Москва должна была сряду же вступить въ трехъ-вѣковую борьбу съ Ливонцами, Литвою и Шведами.

Попытка Грознаго поставить Великій Новгородъ въ глазахъ Нѣмца и Шведа, по прежнему, въ первенствующее среди русскихъ городовъ положеніе, сношеніями чрезъ него и изъ него съ сосѣдями-иноземцами, неудалась и завершилась, съ силу подозрѣній, внушенныхъ тою-же Маронею Борецкою, безумнымъ истребленіемъ десятковъ тысячъ неповинныхъ Новгородцевъ-мучениковъ. Не Новгородъ, поэтому, заполонилъ преданія памятью о Мароѣ и ея великихъ, будто-бы, дѣяніяхъ, а Москва въ лицѣ невѣжественныхъ переселенцевъ ея въ нашу страну; они, эти корыстолюбивые находники, видѣли въ Борецкой силу, благодѣтельную для ихъ легкой наживы, но явившуюся отрицательною для Новгорода и всей страны Ильменской.

Мароа Борецкая никогда не была, да и не могла быть, Посадницею;—такое прозваніе присвоенное ей,—не болѣе, какъ злая насмѣшка неразумныхъ Москвичей надъ государственнымъ строемъ самобытной страны. Вдова богатаго землевладѣльца и сама владѣвшая обширными землями по берегамъ Двины и Студенаго моря, какъ единственная представительница рода Ловинскихъ, явилась супротивницею Москвы и чернаго люда Новгородскаго, подъ вліяніемъ многихъ именитыхъ Москвичей, недовольныхъ новыми порядками,—начавшимися еще съ Ивана Калиты и окрѣпнувшими вполнѣ при Иванѣ III,—и удалившихся въ свободолюбивую Ильменскую страну. Не щадя своего богатства, Мароа, обольщаемая ими, пріобрѣла безъ труда сторонниковъ, вѣчевыхъ крикуновъ и, гордая своимъ мнимымъ могуществомъ, шла очертя голову на погибель себѣ и своей родинѣ.

Лѣтопись сохранила извѣстіе о большомъ пожарѣ, истребившемъ въ 1477 году все побережье Волхова, на Неревской сторонѣ, до Великой улицы и Мароы Посадницы чюдный дворъ; (IV Нов. лѣт. годъ 6985, стр. 130) откуда взята часть этой замѣтки, называющая Мароу Посадницею,—неизвѣстно; по всей вѣроятности она принадлежитъ домыслу самого составителя сборника позднаго времени, какъ прибавка, взятая изъ народнаго говора XVII вѣка. Годъ 1477 былъ для Новгорода самымъ тревожнымъ, а для противниковъ Москвы—самымъ жгучимъ. Если вѣрно, что дворъ Борецкой сгорѣлъ,—некогда было затѣвать новую постройку,—Мароѣ дали, на время, помѣщеніе въ Посадничьемъ дворцѣ,—такъ и сложилось прозваніе ея Посадницею и принадлежность Борецкимъ дома, развалины и остатки котораго составляютъ предметъ этой статьи.

Ближайшимъ поводомъ искать мѣста Посадничьяго дворца тутъ, гдѣ теперь домъ А. В. Ильчина, представляется Уставъ о мостахъ. Третья часть его начинается такъ: „Софьяномъ до Тысячкою, Тысячкому до Вощникъ, отъ Вощникъ Посаднику до Великаго ряду“—и т. д. Мы видѣли, что Осменники входили своимъ участкомъ въ городъ съ Людина конца, отъ внѣшняго вала Неревской стороны. Третья часть Устава распредѣляетъ между должностными лицами, получающими кормленіе отъ государства, и всѣми другими, неимѣющими правъ граждань Великаго Новгорода, но пользующимися выгодами его благоустройства,—мостовые участки Славенской стороны въ такомъ же порядкѣ, какой принятъ для Неревской;

тамъ Осменники входили въ городъ съ полуденно-западной стороны, съ Русской дороги, здѣсь Софьяне, чины власти духовной, начинаютъ мощеніе съ полуночно восточной стороны, также отъ внѣшняго вала съ дороги на востокъ, къ Волгѣ, въ Меряны и въ Булгаръ-Камскій; конечная граница ихъ участка у дворца Тытячскаго, мѣсто котораго будетъ опредѣлено въ слѣдующей статьѣ, близъ нынѣшней Никитской церкви; Тытячскаго участокъ тянется до Вощниковъ, бывшихъ невдалекѣ отъ Предтеченской церкви на опокахъ, примѣрно, гдѣ нынѣшній Губернаторскій домъ съ окрестностями, безмалаго доходящими до Буяновской улицы. Дворъ г. Ильчина лежитъ на продолженіи прямой отъ задняго конца двора дома Губернаторскаго съ запада на востокъ, чрезъ Московскую улицу на Рогатицу. Отсюда до Великаго ряда, начинавшагося приблизительно съ угла теперешней Знаменской улицы, гдѣ Женская гимназія, разстояніе меньше, чѣмъ отъ Никитской церкви до дома г. Ильчина, но за то это мѣсто самое бойкое и трудное для мостовой.

На Знаменскомъ изображеніи поставлено, на соотвѣтствующемъ положенію двора г. Ильчина мѣстѣ, рядомъ два высокихъ одинаковыхъ каменныхъ дома, вытянувшихся отъ полдня къ западу, на полночь къ востоку, одинъ за другимъ, съ окнами въ верхней части. Нѣтъ на нихъ, или надъ ними ни остроконечной чешуйчатой крыши, ни свѣтлыхъ теремовъ, которые были желательны путешественнику 1837 г., привыкшему видѣть на картинкахъ изображенія Московскихъ построекъ XVII и XVIII вѣка, въ татарскомъ вкусѣ;—крыши обоихъ домовъ обыкновенныя русскія, на два ската, конькомъ. Да и на всѣхъ вообще домахъ Знаменскаго и прочихъ изображеній Новгорода нѣтъ ни одной островерхой крыши съ теремами; рѣдки очень и четырескатныя; всѣ дома имѣютъ видъ нынѣшнихъ заурядныхъ деревенскихъ избъ. Неподалеку отъ этихъ домовъ написаны церкви—одна въ направленіи прямо на полночь, соотвѣтствуетъ нынѣшней Климентовской, а другая, на востокъ къ полдню, и приходится на мѣстѣ бывшей Ипатьевской. Руководствуясь Знаменскимъ изображеніемъ, можно смѣло назвать эти два дома стоявшими—одинъ надъ двумя покоями подъ сводами, гдѣ прежде бывала кузница, а другой надъ подваломъ, во дворѣ г. Ильчина.

Другимъ поводомъ служитъ вышеприведенная особенность Ипатьевской церкви. По Уставу Софійскому, въ поминальный день 4 Октября, ни въ одной изъ городскихъ церквей не служили панихиды по завѣту Святого Евѳимія Вяжицкаго, кромѣ этой. Старожилы, помнившіе Ипатьевскую церковь говорили,—да и теперь еще этотъ говоръ повторяется, что рядомъ съ церковью была часовня надъ могилами Посадниковъ, не помѣстившихся въ самой церкви, и что кромѣ пяти братьевъ Алфановыхъ, Сокольницкихъ Чудотворцевъ, перенесенныхъ въ Антоніевъ монастырь, еще два почивали въ Ипатьевской церкви, или въ часовнѣ. Къ сожалѣнію намъ не довелось читать рукописнаго житія Св. Антонія Римлянина, извѣстнаго Калайдовичу (Опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ. Москва, 1821 г. стр. 53); въ немъ есть сказаніе о Святыхъ братьяхъ Алфановыхъ (Срав. Исторія Росс. Іер. Ч. VI стр. 172). Въ Исторіи Россійской Іерархіи сказано о часовнѣ, какъ усыпальницѣ двухъ братьевъ Алфановыхъ, при Ипатьевской церкви.

Наконецъ, послѣднимъ поводомъ къ указанію мѣста Посадничья Дворца именно на Рогатицѣ мы принимаемъ слѣдующія засвидѣтельствованныя лѣтописью обстоятельства: Царь Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ, наѣздами, съ 1570 до конца 1572 года, съ своею царицею Анною и съ царевичами Иваномъ и Θеодоромъ. Въ субботу 9 Августа 1572 года: „Мурзу Дивія привезли въ Новгородъ къ Государю жива,—и Государь Мурзу приказалъ ко князю Борису Даниловичю Тулупова, на береженье, на улицу Рогатицю“ (II Нов. лѣт. годъ 7080 стр. 173). Извѣстно, что, во время отсутствія царя изъ Москвы, Крымскій ханъ подступилъ къ ней съ великою силою, но потерпѣлъ рѣшительное пораженіе; Мурза Дивій былъ главный воевода татаръ. Князь Борисъ Тулуповъ приходился царю въ свойствѣ, на сестрѣ его Настасьѣ женился шуринъ Грознаго, Григорій Алексѣевичъ Колтовской,—свадьбу справляли, въ Іюлѣ 1572 г., у Бориса Тулупова, въ томъ же, стало быть, домѣ, на Рогатицѣ; поэтому помѣщеніе въ немъ должно быть большое и, для охраны важнаго плѣнника, крѣпкое. Хотя лѣтопись не говоритъ о другихъ, кромѣ Дивія, плѣнныхъ татарахъ, но, по всей вѣроятности, ихъ было доставлено въ Новгородъ нѣсколько,—одного везти къ царю значило-бы, по тогдашнимъ понятіямъ, умалить важность побѣды, достоинство побѣдителей и величіе самого царя для толпы горожанъ и для иноземцевъ, проживавшихъ въ Новгородѣ въ это время и по торговлѣ, во дворѣ Датскомъ, и по случаю свадьбы Датскаго принца, справленной здѣсь около этого же времени. На Рогатицѣ могло быть, поэтому, нѣсколько плѣнниковъ, разсаженныхъ по подваламъ, одинъ изъ которыхъ обнаруженъ въ дворѣ г. Ильчина. Въ упомянутой книгѣ Сумарокова о домѣ, описанномъ путешественникомъ 1837 года, сказано:—„оный проданъ отъ казны за 1200 рублей (ассигнаціями) мѣщанину, который часть онаго употребилъ для кузницы. Несправедливо слыветъ сей домъ принадлежащимъ Марθѣ Посадницѣ (Новгород. Ист. стр. 22, Примѣченіе 33)“. Сумароковъ, какъ бывшій Новгородскимъ Губернаторомъ съ 1812 до 1815 года, принималъ, конечно, участіе въ продажѣ казеннаго дома. Онъ признаетъ его за монетный дворъ, обращенный потомъ въ княжескій (тамъ-же), но основаній не приводитъ. Важна въ извѣстіи Сумарокова принадлежность нашего дома казнѣ: какъ государственная собственность самобытнаго Новгорода, онъ долженъ былъ поступить, вмѣстѣ съ Ярославовымъ Дворищемъ и другими подобными сооруженіями, въ вѣдѣніе Московской казны.

Имѣли-ли Кончанскіе Посадники государственные дворцы, или общественные, неизвѣстно, хотя относительно древнихъ Славенскаго и Неревскаго концовъ возможно допустить предположеніе въ утвердительномъ смыслѣ. Новгородцы вообще жили тѣсно, въ небольшихъ деревянныхъ домахъ;—въ описаніи пожаровъ нерѣдки случаи уничтоженія огнемъ не только сотенъ дворовъ разомъ, но даже тысячъ, вмѣстѣ съ десятками церквей. Насколько тѣсны были постройки и малы дома, видно по изображеніямъ Знаменскому и Флоровскому, хотя послѣднее писано уже не раньше XVII вѣка, когда Новгородъ опустѣлъ. Однакожъ на Знаменскомъ рѣзко выдѣляются изъ кучъ крохотныхъ деревянныхъ избушекъ, кое-гдѣ, обширныя и высокія каменныя

палаты, двужилыя, съ вышками; такихъ, правда, немного, но почти всѣ онѣ стоятъ особнякомъ; при нѣкоторыхъ, съ задней стороны, заборы, обнимающіе значительныя площади. Въ полуденной части Славенскаго конца каменныхъ высокихъ домовъ нѣсколько, по сосѣдству съ огороженнымъ садовымъ мѣстомъ, вѣроятно принадлежавшимъ, какъ сказано уже, Готландскому двору, и около Ильинской и Филипповской церквей; въ Плотенскомъ концѣ, за ручьемъ, такія же палаты въ трехъ мѣстахъ: одна на полночь отъ Никитской церкви,—другая на востокъ отъ этой, третья на полдень отъ Никитской же церкви;—въ Неревскомъ, не считая малыхъ каменныхъ,—большихъ тоже три: одна на полночь къ востоку отъ мѣста церкви Четыредесяти, другая близъ широкаго проѣзда у самаго малаго вала и третья на полдень отъ Яковлевой церкви;—въ Загородномъ—ихъ нѣсколько.—двѣ на широкомъ же проѣздѣ, соотвѣтствующемъ положенію древней Чудинцевой улицы, изъ нихъ одна, двужилая съ каменною же низенькою пристройкою, у самаго рва малаго вала, а другая на правой сторонѣ проѣзда, если идти къ Дѣтинцу;—обѣ эти палаты двужилыя—стоятъ особнякомъ; въ Людиномъ концѣ тоже двѣ, особенно выдающіяся палаты; одна, съ вышкою, близъ малаго вала и церкви Василія Парійскаго, другая въ Кромномъ городѣ, близъ внѣшняго вала. Изъ всѣхъ этихъ большихъ палатъ нѣтъ ни у одной, кромѣ послѣдней, ни ограды ни забора. Отсутствіе ограды наводитъ на догадку объ этихъ сооруженіяхъ, какъ не принадлежащихъ частной собственности. При смутахъ и усобицахъ, кончавшихся нерѣдко разграбленіемъ и поджогами гражданъ-виновниковъ народнаго движенія, повторявшихся часто, состоятельные Новгородцы приняли за обычай окружать дворы свои крѣпкими оградами; жилыя помѣщенія устраивались всегда вверху, съ маленькими оконцами на проѣздъ въ улицѣ, и то съ однимъ—съ двумя, для наблюденій, свѣтовые же всегда выводились внутрь двора. Одинъ частный домъ подобнаго устройства оставилъ образецъ въ подворьи Деревяницкаго монастыря, въ концѣ нынѣшней Буяновской улицы, насупротивъ Хутынскаго подворья; съ полночной стороны, выходившей, вѣроятно, въ старое время на улицу, внизу только одно окно, да и то, кажется, пробито уже впослѣдствіи. Перечисленныя же палаты всѣхъ концовъ имѣютъ окна въ обоихъ жилахъ, внизу и вверху, что и указываетъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ оградъ, на принадлежность ихъ либо казнѣ, либо Обществу Кончанъ. Само собою разумѣется, что высказываемыя нами предположенія стоятъ въ зависимости отъ соотвѣтствія Знаменскаго изображенія съ дѣйствительностью; если на немъ допущенъ въ написаніи сооруженій произволъ, наши послѣднія предположенія должны быть устранены и для рѣшенія вопроса о дворцѣ Посадника Степеннаго придется ограничиться только косвенными, нами приводимыми, свидѣтельствами.

По поводу сдѣланнаго обзора каменныхъ построекъ нельзя не замѣтить, что по Знаменскому изображенію ихъ на Неревской сторонѣ почти вдвое больше, чѣмъ на Славенской.

Въ собраніи, лично намъ принадлежащемъ, предметовъ мѣстной старины и другихъ Новгородскихъ, сохраняется вырѣзанный изъ неизвѣстной

намъ, къ сожалѣнію, книги рисунокъ съ подписью: „Домъ Мароы Посадницы въ Новгородѣ". На немъ представлено точно такое же сооруженіе, какимъ описанъ въ упомянутой книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ",— видъ Рогатицкаго дома въ 1837 году. Нелишне было бы воспроизвести этотъ рисунокъ.

Дворецъ Степеннаго Тысячскаго.

Мы уже замѣтили, что значеніе Новгородскихъ сановниковъ-правителей не установлено наукою,—какъ неустановлено саморазвитіе Ильменской страны, независѣвшее отъ сосѣдей, утратившихъ чистоту крови первонасельниковъ Европы путемъ сношенія съ Азіятскими ордами, время отъ времени набѣгавшими въ нашу часть свѣта. Мнѣнія отечественныхъ ученыхъ о должности Тысячскаго въ княжеской Руси въ общихъ чертахъ согласны; его считаютъ военачальникомъ.

Послѣдне-высказанное по этому предмету заключеніе принадлежитъ В. И. Сергѣеву; оно приведено имъ въ трудахъ: „Вѣче и князь, (1867 г.), Лекціи и изслѣдованія по Исторіи Русскаго Права (1883 г.) и „Русскія юридическія древности (1890—1893 гг.)". Почтенный ученый, основываясь на лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, устанавливаетъ дѣленіе военныхъ силъ Руси на двѣ части, полкъ и дружину; подъ первымъ онъ разумѣетъ силу народную, а подъ второю—силу княжескую; обѣ эти силы независимы одна отъ другой; дѣйствуя совмѣстно въ случаяхъ, обусловливаемыхъ благомъ всей страны, онѣ раздвояются, если расходятся во взглядахъ на причины и слѣдствія войны, задуманной одною изъ нихъ; главенство надъ военною силою народною принадлежитъ Тысячскому,—а надъ княжескою—воеводѣ или князю. Признавая, затѣмъ, Вѣче за волю народа, Профессоръ-законовѣдъ считаетъ Тысячскаго лицомъ выборнымъ и потому независящимъ отъ князя.

Мнѣніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ первоначальному учрежденію должности князя въ нашей Ильменской странѣ: народной военной силы не хватало на охраненіе внутренняго порядка и внѣшней безопасности; посему состоятельная часть населенія, малочисленная сравнительно съ преобладающимъ большинствомъ народно-рабочей, прибѣгала къ найму Людиновъ-воиновъ на свой счетъ. Размѣщеніе перволѣтописныхъ наемныхъ воеводъ, были-ли это Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, или другія лица,—безразлично,—по окраинамъ земель Ильменцевъ-собственниковъ, въ Ладогѣ, Изборскѣ и на Бѣломъ озерѣ, удостовѣряетъ, что Новгородцы, ихъ нанявшіе, оставили охраненіе внутренняго порядка за своими народными полками, отбывавшими обязанности стражи, какъ повинность за пользованіе землями и угодьями крупныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ начальствующее надъ полками земли Новгородской лицо осталось и при наймѣ дружинъ въ прежнемъ своемъ качествѣ и въ прежней зависимости отъ этихъ крупныхъ земле-

владѣльцевъ. Слѣдовательно отбывавшіе воинскую повинность внутри страны полки получали кормленіе отъ собственниковъ земель страны, посредствомъ сборовъ съ обывателей ихъ. Распредѣленіе этихъ сборовъ, полученіе и расходованіе по назначенію, не могло не входить въ вѣдомство главноначальствующаго надъ полками Поэтому „Тысячской Новгородской" былъ и военнымъ казначеемъ. Ко временамъ Ярослава Ильменская страна дѣлилась на сотни, что отразилось во второй части Устава о мостахъ. Впослѣдствіи мы видимъ въ Новгородѣ княжескихъ Тысячскихъ и княжескихъ сотскихъ, отдѣльныхъ отъ народныхъ, такъ:—въ Уставѣ князя Всеволода Мстиславовича о церковныхъ судахъ значится, что онъ совѣтовался съ своими десятью сотскими о его началахъ, а въ грамотѣ церкви Іоанна Предтечи на опокахъ читаемъ, что „князь поставилъ святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ Тытяцкаго, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостиная и судъ торговый" (Макарія Исторія Русс. церкви, II Примѣч. 467). Оба эти памятника изданы не позднѣе 1137 г.—По поводу усобицы изъ-за спора князя Святослава съ посадникомъ Твердиславомъ,—„Святославъ присла свой Тысяцскый на Вѣче" (I Нов. лѣт. годъ 6726 стр. 37); въ договорныхъ грамотахъ съ князьями, начиная съ XIII вѣка, Тысячскій упомянается въ числѣ первыхъ сановниковъ Новгородскихъ, наравнѣ съ Владыкою и Посадникомъ. Такимъ образомъ народный Тысячскій Ильменской страны представляется первообразомъ начальника полковъ княжеской Руси, сановникомъ, ни сколько независящимъ отъ князя. Въ договорной грамотѣ съ Магнусомъ, королемъ Шведскимъ, 1326 года, писанный на латинскомъ языкѣ, санъ Тысячскаго переведенъ словомъ „Dux" т. е. вождь (Собр. гр. Румянцева, Ч. V, № 108); она заключена посломъ короля Магнуса Якуномъ съ Епископомъ Новгородскимъ Моисеемъ, съ Посадникомъ Олформіемъ, съ Тысячскимъ Астафіемъ и со всѣми вообще и порознь Новгородцами.

Народныя собранія Ильменской страны, волостныя и пригородныя,—„Суемы", изъ которыхъ возникли у сосѣдей ея Сеймы, стояли въ зависимости отъ Кончанскихъ Посадниковъ, а эти отъ Правительственной Палаты, „Вѣча",—изрѣкавшаго свои приговоры, обязательные для страны, какъ голосъ „вѣщій"—мудрый; слово Вѣча—законъ; стало быть въ немъ засѣдали мудрѣйшіе граждане, знавшіе всѣ нужды и потребности страны; въ числѣ ихъ первое мѣсто должно было принадлежать тому, кому наиболѣе извѣстна страна, т. е. Тысячскому, вѣдавшему охрану внутренняго порядка,—этого источника благосостоянія страны и ея силы. Въ X—XI в., какъ усматривается изъ Устава о мостахъ, страна Ильменская уже имѣла десять сотенъ и сверхъ того нѣсколько волостей; отъ писцовыхъ временъ, начиная съ XV вѣка, намъ остались несомнѣнныя извѣстія о дѣленіи каждой пятины на двѣ половины, а нѣкоторыхъ и болѣе; въ числѣ сотенъ Устава есть и княжа. Позволительно, поэтому, заключить, что Новгородскій народный Тысячскій, охранявшій внутренній порядокъ чрезъ своихъ сотскихъ, стоялъ въ перволѣтописные вѣка выше князя, какъ воеводы внѣшней охраны. Это начало,—главенство Тысячскаго,—какъ проникшее изъ

Ильменской страны во всѣ мѣстности, занятыя первоначально выходцами ея, держалось еще въ половинѣ XII вѣка и въ Кіевской Руси (Ипат. лѣт. годъ 6655 или 1147, стр. 32); Тысячскій Лазарь не повелъ полковъ своихъ—рати внутренней—къ Суздалю, куда, вопреки народному желанію, звалъ ихъ князь Изяславъ Мстиславовичъ,—задумавъ борьбу съ Юрьемъ княземъ Владимірскимъ. Въ странѣ торгово-промышленной, какою представляется Ильменская, иначе и быть не могло. Хотя въ договорахъ Великаго Новгорода съ княземъ и помѣщается послѣ Святой Софіи и Владыки Посадникъ, а за нимъ уже Тысячскій, но это не потому, чтобы степень Тысячскаго была ниже Посадничьей, а единственно по значенію Посадника, какъ главы исполнительной власти воли народа, въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, составляющихъ предметъ договора,—онъ, Посадникъ, представитель народа въ главахъ сосѣдей, а Тысячскій—хозяинъ страны и душа управленія ею. Посадниковъ, какъ и князей, Новгородцы мѣняли часто, Тысячскихъ же народныхъ избирали, кажется, на всю жизнь, или до тѣхъ поръ, пока они сами не слагали съ себя столь почтеннаго сана. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что кромѣ народнаго или Степеннаго Тысячскаго были и другіе, должно быть Кончанскіе, а по Всеволодову Уставу, и торговые отъ черныхъ людей; эти, какъ второстепенные, выбирались, вѣроятно, на срокъ; они-то и значатся въ договорахъ, какъ старые Тысячскіе.

Итакъ Степенный Тысячскій Новгородскій—это первый сановникъ страны, вѣдавшій внутреннее управленіе. Въ древнія времена обязанности сановника обнимали управленіе и судъ въ предѣлахъ его вѣдомства, такъ что Степенные Посадникъ и Тысячскій были и верховными судьями; приговоры ихъ обсуждались на Великовѣчьи по жалобамъ и часто служили починомъ въ кровопролитныхъ усобицахъ. Во избѣжаніе, или въ уменьшеніе подобныхъ явленій, въ 1385 г. „Посадницы Новгородстіи, Ѳеодоръ Тимовеевичъ и Тысячскій Богданъ Аввакумовичъ сотвориша Вѣче по старому обычаю и крестнымъ цѣлованіемъ укрѣпишася, незватися имъ на Москву къ Митрополиту на судъ, но судити ихъ владыцѣ Новгородскому Алексію (это въ дѣлахъ суда Владычняго);—а Посаднику и Тысяцкому судити свои суды по Русскому обычаю, по цѣлованію крестному, а на судѣ поимати двѣма исцомъ по два боярина и по два житья мужа съ коейждо страны“ (Древ. лѣт. Изданіе 1775 г. въ С.-Петербургѣ. Ч. II, годъ 6893 стр. 97). Порядокъ, этимъ Вѣчевымъ постановленіемъ заведенный, продолжался до конца самобытія Ильменской страны.

Нѣкоторые изслѣдователи отечественнаго прошлаго полагаютъ, что Новгородскіе сановники имѣли на груди особые знаки ихъ должности (напримѣръ Калайдовичъ). Въ Новгородскій Музей поступила въ 1892 году любопытная находка, имѣющая, повидимому, связь съ этимъ мнѣніемъ (Калайдовичъ, Опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ 47). При деревнѣ Сельцы, Налючской волости Старорусскаго уѣзда, случайно откопали:—пять серебряныхъ золоченыхъ кружковъ, съ ушками въ видѣ наложенныхъ въ продольномъ по ребру направленіи трубочекъ, суживающихся къ концамъ,—поперечникъ кружковъ вершокъ съ четвертью;—серебряный

брусокъ полугривеннаго вѣса, около 24 золотниковъ;—два перстня серебряныхъ съ веревочнымъ украшеніемъ;—два куска серебряной вызолоченой широкой цѣпи;—четыре серебряныхъ вызолоченыхъ трубочки такого же вида, какъ ушки на кружкахъ, и еще одинъ кружекъ нѣсколько меньшій, чѣмъ упомянутые пять.

Извѣстны такъ называемыя Суздальскія бармы, найденныя въ гор. Суздалѣ, описанныя въ древностяхъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, и—представляющія шейную цѣпь съ такими же, какъ и въ Старорусской находкѣ, круглыми бляхами, напоминающими нынѣ употребляемые цѣпи выборныхъ должностныхъ лицъ, мировыхъ судей, городскихъ головъ и проч. На бляхахъ бармъ Суздальскихъ и Старорусскихъ вырѣзаны знаки;—они похожи вообще на знаки собственности, встрѣчающіеся на древнихъ предметахъ,—при томъ какъ въ Суздальскихъ, такъ и въ Старорусскихъ много сходства. Суздальскія бармы изящнѣе нашихъ, они украшены мѣстами чернью, и представляютъ полное ожерелье, въ видѣ цѣпи ордена Св. Андрея Первозваннаго и прочихъ высшихъ знаковъ отличія разныхъ государствъ Европы и Азіи. Захороненіе остатковъ цѣпи Старорусской, съ другими перечисленными дредметами, указываетъ на принадлежность ея какому нибудь выдающемуся Новгородцу.

По всей вѣроятности въ Новгородскій Музей поступила ничтожная долинка всего клада. У насъ, къ великому прискорбію, дѣло о находкахъ древностей неупорядочено;—ни мѣстныя власти, ни высшія Археологическія учрежденія не додумались еще до мѣропріятій противъ еврейскаго плавильнаго горшка, остающагося могучимъ и безмолвнымъ чудищемъ, пожирающимъ великое множество драгоцѣннѣйшихъ остатковъ старины. Горькій опытъ убѣдилъ нашего селянина, ближе всѣхъ стоящаго къ кладамъ, что если онъ принесетъ серебряную или золотую находку еврею, получитъ отъ него сряду же деньги, а если представитъ ее начальству—одному Богу извѣстно, когда и что дадутъ за нее, да и дадутъ-ли еще. Въ виду такого печальнаго состоянія дѣла о находкахъ, нашему Обществу предстоитъ трудная задача—вступить въ борьбу съ еврейскимъ горшкомъ и разбить его въ дребезги; въ числѣ сочленовъ своихъ мы имѣемъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, при помощи которыхъ только и возможна борьба; нужно платить находчикамъ кладовъ за всякую старинную вещь, хотя-бы и мало цѣнную въ Археологическомъ отношеніи, чтобы открыть безобидный для нихъ сбытъ ископаемыхъ остатковъ старины.

Вглядываясь въ предметы Старорусской находки,—рисунки нѣкоторыхъ даны въ упомянутой книгѣ „Краткое описаніе Новгородскаго Музея“ В. П. Ласковскаго и Н. А. Лашкова,—нельзя не остановиться на кускахъ цѣпи, на кружкахъ, отдѣленныхъ отъ нея, и на прочемъ; всѣ эти предметы хорошей сохранности, они не остатки цѣльнаго, проѣденнаго ржавчиною и окисью, а отрывки; къ кому нибудь поступили другія части всей цѣпи, другія серебряныя полугривны и проч.

Братское сходство Старорусской находки съ Суздальскою подсказываетъ принадлежность той и другой одному племени и одинаковымъ обычаямъ. Разстояніе между Суздалемъ и Русою почтенное,—а время захороненія

обѣихъ находокъ, по внѣшности цѣпей, близко. Говорятъ, что Суздальская цѣпь—это княжескія бармы; близъ Русы, около селенія Налючи, князья, ни Великіе—ни Удѣльные, не живали, по крайней мѣрѣ указаній на это мы не находимъ въ письменныхъ памятникахъ. Но мы знаемъ, что со второй половины XI вѣка, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, начались раздоры княжеской Руси, и особенно Новгорода, съ Литвою и Чудью, составлявшими, повидимому, одно цѣлое. Поводомъ къ раздорамъ служило, съ одной стороны—быстро возраставшее могущество страны Ильменской, а съ другой—принятіе ею и Русью крещенія, въ которомъ единоплеменная съ нами Литва видѣла измѣну Криве-Криветто, верховному владыкѣ древняго вѣроученія, долго державшагося, даже до XIV вѣка, среди ея и народовъ, Литвѣ родственныхъ. Ильменцы принадлежали до крещенія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, къ тому же вѣроученію. Начиная съ 1044 г., когда ходилъ на Литву Ярославъ, пергаментный сборникъ и первая Новгородская лѣтопись имѣютъ на своихъ страницахъ много замѣтокъ о борьбѣ съ Чудью, Литвою, Нѣмцами—Божіими дворянами и Шведами, наступавшими на страну Ильменскую то въ одиночку, то въ союзѣ по два и по три изъ этихъ народовъ. Успѣхъ склонялся въ общемъ, въ теченіи всѣхъ четырехъ вѣковъ отъ начала русской лѣтописи, больше на сторону Новгородцевъ, наносившихъ иногда противнику жестокіе удары; не будь двоедушія въ молодшемъ братѣ Великаго Новгорода,—въ Великомъ Псковѣ, и Литва съ Чудью, и Нѣмцы со Шведами были-бы сокрушены. Послѣ всякаго сильнаго пораженія этихъ западныхъ сосѣдей Новгородцы укрѣпляли свои границы, воздвигая окопы и каменныя стѣны въ Великихъ Лукахъ, въ Порховѣ, въ Ямѣ, въ Копорьи, въ Ладогѣ, въ Ижорѣ, въ Орѣшкѣ и проч. На нѣкоторыхъ войнахъ лѣтописецъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, занося въ свои памятухи подробныя отмѣтки,—такъ напримѣръ подъ годами: 1176, 1183, 1190, 1198 (здѣсь городъ Луки названъ Оплечіемъ Новугороду отъ Литвы), 1200, 1210, 1214, 1217, 1224, 1228 (подъ этимъ годомъ записано объ измѣнѣ Псковичей, имѣвшей тяжелыя послѣдствія для Новгорода), 1234, 1240, 1241, 1245, 1253, 1268 (гнусное клятвопреступленіе Пискуповъ и Божіихъ дворянъ), 1292, 1300, 1301, 1311, 1314, 1338, 1346 (по поводу оскорбленія Ольгерда Посадникомъ Остафіемъ Дворянинецемъ), 1350, 1368 (приходиша Нѣмци ратію великою, и Пискупъ и Местеръ и Кумендери подъ Изборскъ; Новгородцы поидоша на нихъ и доидоша до Пскова и Нѣмцы отъ Изборска побѣгоша), 1397, 1405, 1411, 1417, и др. Подъ однимъ изъ этого ряда годовъ помѣщена отмѣтка, имѣющая нѣкоторую связь съ Старорусскою находкою, хотя быть можетъ, и отдаленную. Въ 1200 году—по пергаментному сборнику,—„Ловать възяша Литва и до Налюця,—съ Бѣлѣѣ до Свинорта и Доворча Середу, и гнашася Новгородцы по нихъ и до Цьрнянъ, и бишася сними и убиша Литвы мужь 80, а Новгородьць 15: Рагуйлу Прокопіиница съ братомъ Олькcою, Гюря Събышкиница, Ратьмира Нѣжатиница, Страшка серебрьника—вѣсца, Внезда Ягиниця, Луку Мирошкинъ Отрокъ, Микиту Лазоревиця, Жирошку Огасовиця, Осипа Подвойскаго, Романа Пъкта, инѣхъ 4 мужь. А полонъ вьсь

отяша, а избътъкъ убѣжаша“ (по свѣтопечатному изданію стр. 124). Въ первой Новгородской лѣтописи эта отмѣтка напечатана съ буквальною точностью, какъ всѣ вообще показанія пергаментнаго сборника; въ Татищевскомъ же съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ, послѣ — „и убиша у нихъ“ прибавлено „въ Клинѣ“; — послѣ Романа написано „Цѣшка“ (Прод. Др. Р. В. II, стр. 433).

Калайдовичъ высказалъ мнѣніе свое о знакѣ Посадниковъ на основаніи найденныхъ тогда, (около 1820 г.) оттисковъ двухъ Псковскихъ Посадничьихъ печатей, съ сквозными вверху ушками. Такія печати по всей вѣроятности принадлежали, какъ вислыя, какимъ нибудь грамотамъ. Съ тѣхъ поръ подобныя печати обнародованы въ Собр. Госуд. Грам. и Догов., съ рисунками, въ значительномъ числѣ; въ личномъ нашемъ собраніи есть свинцовый оттискъ двусторонней вислой печати „Өедора Тимоөеевича Посадскаго Новгородскаго“, — съ изображеніемъ Св. Өеодора на конѣ, на оборотной, и съ приведенною надписью на правой сторонѣ Суздальскія же бармы, подробно изслѣдованныя графомъ А. С. Уваровымъ (Древности, Изданіе 1885 г. Томъ V, выпускъ первый, стр. 1—18), ближе всего подходятъ къ знакамъ должности сановниковъ. Кружки и трубочки Старорусскаго клада, или по объясненіямъ гр. Уварова, дробницы и репьи бусы, представляются — съ наибольшею вѣроятностью, — именно такими знаками, Новгородскихъ сановниковъ, по слѣдующимъ основаніямъ.

Графъ А. С. Уваровъ доказалъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ научно, принадлежность Суздальскихъ бармъ къ русскимъ издѣліямъ конца XII или начала XIII вѣка; тамъ число дробницъ шесть, репьевъ двѣнадцать; въ Старорусской находкѣ всѣхъ дробницъ тоже шесть, — а репьевъ только два; — тамъ дробницы неодинаковыхъ размѣровъ, здѣсь тоже; тамъ узоръ наведенъ чеканкою съ чернью, — мѣстами выпавшею и оставившею только насѣчки, лишь съ лицевой стороны, а тыльная оставлена гладкою, — здѣсь тоже, черни невидно, а насѣчка есть; на двухъ Суздальскихъ дробницахъ, самыхъ крупныхъ, узоръ занимаетъ средину, а край обведенъ двумя ободками, между которыми помѣщено, на равномъ разстояніи, на одной шесть, а на другой весемь полушариковъ; на трехъ Старорусскихъ край обведенъ тремя ободками, изъ которхъ между первыми двумя размѣщено девять такихъ же полушариковъ, а между вторымъ и третьимъ — шариковъ нѣтъ; на одной изъ трехъ дробницъ другого вида пространство между ободками первымъ и вторымъ имѣетъ насѣчку, намекающую на веревочный узоръ, а между вторымъ и третьимъ размѣщены знаки, похожіе: — два на букву *м* нынѣшняго церковно-славянскаго начертанія, — это внизу и справа; — одинъ, слѣва, напоминаетъ *з* съ неумѣстившимися концами лѣвой стороны этой буквы, и одинъ, — вверху, — такой же какъ первые два, но въ обратномъ положеніи, вверхъ ногами; — на пяти Суздальскихъ дробницахъ узоръ представляетъ крестъ: на одной изъ большихъ — четырехконечный, поставленный на полукругѣ, а на остальныхъ четырехъ и шестиконечный, съ украшеніемъ изъ лиліе-видныхъ завитковъ, выходящихъ изъ подъ оснванія креста; на шестой мученикъ, съ шестиконечнымъ крестомъ

въ рукахъ, въ шапкѣ, какъ у Св. Бориса и Глѣба, съ лиліями по обѣ стороны незанятого рисункомъ пространства; — на всѣхъ Старорусскихъ дробницахъ четырехконечный крестъ съ подобными Суздальскимъ украшеніями. Такимъ образомъ разница между дробницами Суздальскими и Старорусскими только въ изображеніи креста,—въ остальномъ сходство—братское. А какъ четырехконечный крестъ чаще встрѣчается на монетахъ византійскихъ болѣе древнихъ, то эта разница свидѣтельствуетъ за большую древность дробницъ Старорусскаго клада.

Деревня Сельцо, гдѣ найденъ кладъ, отстоитъ отъ села Налючи въ 13 верстахъ и въ 39 отъ Старой Руссы; оно при рѣкѣ Лоринкѣ, впадающей въ большую рѣку Полу, которая соединяется съ рѣкою Ловатью за нѣсколько верстъ до впаденія этой послѣдней въ Ильмень, составляя притокъ ея съ правой стороны; село Налючи, расположено при Полѣ и Лоринкѣ; оно въ 41 верстѣ отъ Руссы, и верстахъ въ двухъ отъ дороги въ гор. Демянскъ. Упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1200 годомъ мѣстности находятся: Бѣлая, теперь деревня, въ 19 верстахъ отъ Руссы на полдень, при рѣчкѣ Бѣлкѣ, Высоцкой волости, въ водной области Полисти; село Свинордъ, Доворецкой волости, въ 70 верстахъ отъ Руссы на западъ, на рѣкахъ Шелони и Колошкѣ, въ 6 верстахъ отъ посада Сольцы, Порховскаго уѣзда, и верстахъ въ 28 отъ впаденія Шелони въ Ильмень;—погостъ Доворецъ тоже въ 70 верстахъ отъ Руссы, нѣсколько западнѣе Свинорда, при рѣчкѣ Иловкѣ, впадающей въ Шелонь, - отъ Ильменя верстахъ въ 30. Селенія съ именемъ Середы нѣтъ; есть Середка въ 60 верстахъ отъ Русы, на полдень, по направленію къ г. Холму;—и Середогощь въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ полночно-западномъ отъ Доворца направленіи и на западъ отъ Новгорода, въ 44 верстахъ отъ него. Клина селенія нѣтъ, но есть лѣсисто-болотная мѣстность Клинъ; она начиналась, лѣтъ 50 назадъ, отъ Середогощи верстъ за 20 ближе къ Новгороду и была въ то время непроходима лѣтомъ, зимою же чрезъ Клинъ прокладывали дорогу между погостомъ Косицкимъ и Новгородомъ, сокращавшую разстояніе лѣтняго пути почти на 40 верстъ. Село Черное на рѣкѣ того же имени, отъ Клина на полночь, верстахъ въ 40 отъ Новгорода. Есть еще деревня Черемна на западъ отъ Клина, отъ Новгорода въ 87 верстахъ, а отъ гор. Луги въ 60.

Изъ перечисленныхъ лѣтописью и современныхъ мѣстностей оказывается, что дѣло Новгородцевъ съ Литвою происходило въ 1200 г. въ полуденно-западной сторонѣ Ильменскаго прибережья. Если Новгородцы гнались за непріятелемъ до Чернянъ, т. е. до села Чернаго, или до деревни Черемны и разбили его въ Клину (по Татищевской лѣтописи), значитъ Литва отступала отъ Налючи въ западномъ направленіи,—а Новгородцы напали на нихъ близъ Налючи. Пройти туда они могли только водою. Ильменемъ, низовьемъ Ловати и Полою. Князя въ этомъ дѣлѣ не могло быть; въ 1199 году присланъ въ Новгородъ Святославъ Всеволодовичъ (I Новрг. лѣтопись), которому было тогда не больше 10 лѣтъ. По Татищевской лѣтописи всѣ поименованные въ ней и пергаментномъ сборникѣ Новгородцы убиты въ Клину; но едва-ли это такъ; вѣроятнѣе, что здѣсь нанесенъ былъ Литвѣ послѣдній

ударъ, — а въ списокъ убитыхъ внесены всѣ погибшіе во время отступленія оборонявшагося непріятеля; первая схватка произошла гдѣ нибудь близъ Налючи, около Сельца, напримѣръ, и была жестокая, заставившая Литву отступать; въ этой схваткѣ, по всей вѣроятности, убиты многіе изъ общаго числа 15. А какъ въ древности военачальники, если не всегда, то по большой части, находились впереди своихъ полковъ, — поэтому возможно, что въ числѣ названныхъ убитыми въ лѣтописи показаны выдающіяся лица. Кладъ Старорусскій или правильнѣе — находка, представляется принадлежащею одному изъ военачальниковъ — Тысячскому, или Сотнику похода 1200 года, либо кому нибудь близкому къ нимъ по службѣ.

Если считать поступившую въ Музей находку за весь кладъ, а не за часть только, возможно объяснить разрозненность бармъ и проч. захороненіемъ этихъ предметовъ — однимъ изъ ограбившихъ трупъ сановника убитаго въ первой схваткѣ съ Литвою, получившимъ на свою долю то, что ему досталось отъ товарищей — хищниковъ. Если онъ былъ изъ ратниковъ, грѣшную добычу слѣдовало скрыть; воръ и закопалъ ее, — но, вѣроятно, въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи отступавшихъ былъ убитъ.

Изъ изслѣдованія гр. А. С. Уварова о Суздальскихъ бармахъ усматривается наличность обычая украшать шейными цѣпями, за особенныя заслуги, не однихъ только важныхъ сановниковъ; въ числѣ убитыхъ Новгородцевъ названъ Лука, Мирошкинъ Отрокъ; на одной изъ дробницъ Старорусской находки поставлены знаки, похожіе на букву *м*; не выражаютъ-ли они имени Мирошки, бывшаго въ 1200 году Посадникомъ Новгородскимъ? Но кому-бы ни принадлежали наши бармы, они доказываютъ, по ближайшему сходству съ Суздальскими, что обычай украшать ими должностныхъ лицъ — древній Новгородскій, перволѣтописныхъ временъ, и что наши высшіе сановники, Посадники, Тысячскіе и другіе, имѣли цѣпи, присвоенныя ихъ должности. При подробномъ изученіи находки Старорусской можетъ выясниться и самое различіе въ знакахъ должностей, на каковое указываютъ обрывки цѣпи, имѣющіе ширину до двухъ вершковъ. Быть можетъ такая цѣпь есть знакъ Посадника, или Тысячскаго. Лѣтопись наша знаетъ цѣпи золотыя и пояса великія оковы: въ 1476 году, когда Великій князь Иванъ III пріѣзжалъ въ Новгородъ для разбора жалобъ на должностныхъ лицъ, — по словамъ собременниковъ „съ миромъ“, онъ стоялъ на Городищи десять недѣль, и уѣзжая, „взялъ шесть бояръ великихъ“. Въ это время Новгородцы чествовали Государя Московскаго и ублажали его богатыми дарами. Вторая лѣтопись, перечисляя дары и лица, являвшіяся съ ними къ Государю, заканчиваетъ перечень 19-мъ Февраля, такъ: „Владыка пріиде изъ Новагорода къ великому князю съ поминками передъ обѣднею; подалъ владыка чѣпь золоту пять гривенокъ, да чару золоту десять гривенокъ, да чару золоту полторы гривенки и девять золотниковъ, да ковшъ золотъ гривенка и десять золотниковъ.... да поясъ золоченъ великіи оковы въ полъ девятьнадесять гривенки, да сто золотыхъ корабельныхъ“ (годъ 6984, стр. 143). Здѣсь гривенка употреблена въ смыслѣ вѣсовой единицы, соотвѣтствующей безмалаго нынѣшнему фунту; значитъ золотая цѣпь имѣла вѣсу

пять фунтовъ, а золоченый поясъ великія оковы—около полупуда. Возможно, что оба эти предмета хранились въ государственной сокровищницѣ, „на Софійскихъ полатяхъ“ и составляли выраженіе знаковъ особаго отличія, даваемыхъ за важныя заслуги; полупудовый поясъ—это должно быть перевязь, на которой носили мечь,—такъ что и золотая цѣпь и поясъ—или знаки отличія за воинскія доблести, или принадлежность военачальника страны, то есть Тысячскаго Новгородскаго.

Указаній на мѣстоположеніе дворца Степеннаго Тысячскаго также мало, какъ и Посадничьяго,—имѣющіяся же, неубѣдительнѣе приведенныхъ въ предшествующей статьѣ; но мы все-таки изложимъ ихъ; быть можетъ самая слабость нашихъ сопоставленій и соображеній вызоветъ въ много—свѣдущихъ знатокахъ отечественныхъ древностей такую дѣятельность мысли, которая приведетъ къ истинѣ.

Въ Уставѣ о мостахъ первый участокъ Неревской стороны вводитъ Осменниковъ „въ городняя ворота до Поскупли улици“;—а на сторонѣ Славенской назначается конечною границею участка Софьянъ дворецъ или дворъ Тысячскаго. Если Осменники и Софьяне начинали мощеніе внутри города отъ внѣшняго вала, участки тѣхъ и другихъ могли имѣть неодинаковое протяженіе; страна съ народнымъ правительствомъ, какъ Ильменская, во внутреннихъ распорядкахъ не могла нарушать законы строгой справедливости вообще, а особенно въ раскладкѣ повинностей, безъ опасенія вызвать недовольство и кровавую расправу; если Осменники обоихъ видовъ, т. е. княжескіе и народно-казенные, стояли выше Софьянъ,—чиновъ духовной власти, и получали отъ Государства кормленіе въ болѣе значительныхъ размѣрахъ,—то и мостовой участокъ послѣднихъ былъ короче. Мы уже привели основанія, открывающія путь къ заключенію о существованіи на Славенской сторонѣ внутренняго укрѣпленія, возникшаго въ долѣтописныя времена, и при томъ до устройства Дѣтинца на сторонѣ Неревской. Въ нашей лѣтописи встрѣчается Щитная улица въ первой разъ подъ 1417 годомъ, по случаю построенія въ поселкѣ ея каменной церкви Андрея Первозваннаго,—мѣсто которой нами установлено. Въ 1523 году горѣла стѣна городная отъ Щитной улицы и Онтоновой, внутри города, и весь Плотницкой конецъ выгорѣлъ“. Между этою Щитною улицею и внѣшнимъ валомъ проходила улица Запольская,—въ предѣлахъ Плотенскаго конца. Въ нарядной описи Новгорода 1623 года улица Щитная значится въ Славенскомъ концѣ. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка на Запольской улицѣ значится церковь Воскресенія. На Славенской сторонѣ, какъ мы знаемъ, церковь этого праздника была только одна,—въ Воскресенскомъ монастырѣ, близъ внѣшняго вала, между Филипповскою и Ильинскою церквами,—что указано выше. Эта Запольская улица называется въ памятникахъ XVI вѣка и Загородскою. Такимъ образомъ и Щитная и Загородская улицы были въ обоихъ старыхъ концахъ Славенской стороны. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ значатся въ лѣтописи подъ годами—о Запольской улицѣ: 1377, 1442, 1521 и 1696;—о Загородской—1560, 1567, 1613 и 1709; и о Щитной—1552, 1558 и др., въ отмѣткахъ о церкви Андрея Первозваннаго. Изъ

этихъ свидѣтельствъ выводъ прямой, что улица Щитная начиналась съ берега Волхова, оставляя между собою и внѣшнимъ валомъ Борисоглѣбскую церковь и Евѳимьинъ монастырь; направлялась затѣмъ на востокъ къ полдню, охвативъ Андреевскую церковь,—отсюда сворачивала на полдень, около Молоткова, обогнувъ и эту мѣстность, потянулась въ томъ же направленіи, какое имѣетъ внѣшній валъ, на полдень къ западу, до береговой стѣны, за Ильинскую церковью, такъ что эта и сосѣднія церкви оставались между Щитною и валомъ, на Запольской или Загородской улицѣ. Какъ Осменники, дойдя до Пискупли улицы внутри пространства между малымъ валомъ и Дѣтинцемъ, поворотили, взявъ себѣ въ помощь Прусовъ, къ берегу, къ Борисоглѣбской церкви,—такъ и Софьяне, дойдя до внутренняго укрѣпленія Славенской стороны, прошли воротами его на Щитную улицу,—имя которой прямо указываетъ, что она лежала у защиты,—и остановились у дворца Тысячскаго. Мы видѣли Никольскія ворота, которыя вели въ городъ сквозь внѣшній валъ, гдѣ былъ предполагаемый Въѣздъ (Нѣздонездиничь); этимъ Въѣздомъ и начинался, должно быть, участокъ Софьянъ; отсюда до внутренняго укрѣпленія и Щитной улицы недалеко, много ближе, чѣмъ отъ Бѣлой башни до малаго вала Неревской стороны; а какъ велико разстояніе отъ укрѣпленія до дворца Тысячскаго—сейчасъ увидимъ.

Царь Иванъ Грозный жилъ въ Новгородѣ въ 1571—1573 гг. близъ нынѣ существующей церкви Св. Великомученика Никиты, съ царицею и царевичами Иваномъ Большимъ и Ѳеодоромъ. Въ теченіи этого времени Царь отлучался, но его царица и дѣти не выѣзжали. Во второй лѣтописи есть отмѣтка подъ 1570 годомъ, что послѣ Государева разгрома въ Великомъ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, отъ Волхова всѣ дворы очистили, нарядили площадію, „а ставити на томъ мѣстѣ дворъ Государевъ", (годъ 7078 стр. 163). Затѣмъ, въ 1572 году „Заложилъ Государь избы ставити на своемъ дворѣ на Дворищи" (тамъ-же годъ 7080 стр. 169). Изъ этихъ отмѣтокъ неясно, относится-ли показаніе второй къ площади 1570 года, или эта площадь была не у Дворища, а гдѣ нибудь близъ Никитинской церкви,—неясно также, поставили-ли въ 1570 году тутъ дворъ Государевъ, или только приготовили подъ него площадь? Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что площадь только приготовили, и не въ Плотенскомъ концѣ, а близъ Дворища Ярославова, и что въ 1572 г. избы ставлены на этой площади,—такъ какъ распоряженіе объ избахъ составлялось въ Іюнѣ, а въ Августѣ того же года поставили колоколъ новый на Дворищѣ у Женъ Мироносицъ „у двора Государскаго". Къ тому же берегъ Волхова противъ Никитинской церкви низменнъ; избы 1572 г. и дворъ Государскій были деревянные; царь, только что погубившій десятки неповинныхъ Новгородцевъ, всегда недовѣрчивый, подозрительный, не рѣшился-бы жить въ деревянномъ дворцѣ, поджечь который тамъ легко. Кромѣ этого извѣстно, что, во время пребыванія Царя, въ Новгородѣ сыграны двѣ блестящія свадьбы, при участіи семьи его,—одна шурина Грознаго, Колтовскаго, а другая короля Магнуса, за котораго Царь выдалъ тринадцатилѣтнюю княжну Ста-

рицкую, Марію Владиміровну. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ существующей и теперь церкви Дмитрія Селунскаго, въ Славковѣ, по Пробойной улицѣ. Судя по описанію этой свадьбы въ Древней Русской Вивліоѳикѣ (Ч. XIII стр. 97—103), дворъ Грознаго былъ многочисленъ. Иноземные писатели говорятъ объ особенномъ весельи на этой свадьбѣ; Царь самъ распоряжался пляскою и пѣлъ съ монахами духовныя пѣсни (Карамзинъ, IX, глава IV, Примѣчаніе 418). Въ Новгородѣ же Царь принималъ пословъ иноземныхъ (тамъ-же, II Новгор. лѣт. годъ 7080). При такихъ условіяхъ Грозному нужно было помѣщеніе соотвѣтствующее его сану и семейной обстановкѣ царицы.

Новгородцы отличались роскошною жизнью во время самобытія; дворцы такихъ важныхъ государственныхъ правителей, какъ Степенные Посадникъ и Тысячскій, были, безъ сомнѣнія обширны и устроены, въ виду частыхъ возмущеній, со всѣми предосторожностями для личной безопасности и неприкосновенности дѣлопроизводства и государственнаго движимаго имущества, состоявшаго въ вѣдѣніи Тысячскаго, какъ народнаго казначея. Все это дѣлало опустѣвшій съ 14 Января 1478 года дворецъ Тысячскаго самымъ подходящимъ для жительства Царя съ его семьею и многочисленнымъ дворомъ.

Но былъ-ли дворецъ Тысячскаго близъ Никитинской церкви? Для отвѣта на этотъ вопросъ имѣются указанія, хотя и не настолько вѣскія, что-бы на нихъ основать теперь же окончательное рѣшеніе, за то единственныя, способныя служить почвою для изысканій въ будущемъ. Первое мы видимъ въ одномъ изъ упомянутыхъ въ статьѣ о Посадничьемъ дворцѣ каменныхъ зданій, Знаменскаго изображенія, построенныхъ на полночь отъ Никитинской церкви; оно состоитъ изъ трехъ домовъ, одного большого и двухъ меньшихъ, обнесенныхъ каменною же оградою,—расположено на широкомъ проѣздѣ и не стѣснено сосѣдними постройками ни справа, ни слѣва, такъ что въ пожарномъ отношеніи вполнѣ безопасно, а отъ нападенія возмущенной толпы защищено каменною оградою. По внѣшности это зданіе подходитъ къ искомому дворцу.

Письменные памятники сохранили второе единственное, и тоже недостаточное ясное указаніе мѣста дворца Тысячскаго. Подъ 1383 г. въ первой Новгородской лѣтописи отмѣчено: „Въ Новгородъ пріѣха князь Патрикей Наримантовичъ, и пріяша его Новгородци и даша ему кормленіе, при городы: Орѣховъ, и Корельскіи, и полъ-Копорьи городка и Луское село“. На слѣдующій годъ: „Пріѣхаша городчане, Орѣховци и Корельскыи съ жалобою къ Новугороду на князя Патрикія, и князь Патрикей подъя Славно и смути Новгородъ, и сташа Славляне по князѣ, и поставиша Вѣче на Ярославлѣ дворѣ, а другое Вѣче у святѣй Софѣи, обои въ оружіи, акы на рать, и мостъ великый перемѣташа; нъ ублюде Богъ и святая Софія отъ усобныя рати и отъяша у князя ты пригороды, и даша ему Русу и Ладогу“ (годы 6891 и 6892, стр. 93). Въ сборникѣ, названномъ Карамзинымъ Ростовскимъ лѣтописцемъ, эта отмѣтка повторена съ подробностями относящимися къ занимающему насъ вопросу, такъ: „и смути (Патрикей

Новгородъ. Износиша Вѣче по двѣ недѣли на Ярославлѣ дворѣ, а здѣ (лѣтописецъ жилъ на Неревской сторонѣ) на сей сторонѣ три концы (Неревской, Загородной, и Людинъ) другое Вѣче ставиша у святѣй Софіи и Тысяцкій Іосивъ не сойде на сю сторону въ Вѣче, и Плотничане добрые люди такоже не пойдоша. И бысть на Черкисовѣ недѣли (по объясненію Карамзина—это недѣля Мытаря и Фарисея) удариша Славенскій конецъ на Тысячскаго на Іосифовъ дворъ съ Вѣча со Ярославля двора, и Плотничане Іосифа невыдаша и биша грабежниковъ и полупиша, а тогда биша у князя Патрикія два человѣка въ дому, Корнилия Олисейкова, да Мишка Щекотова Поповича съ посада. И бысть на мясопустной недѣли во вторникъ, Февраля въ 9 день: доспѣша три концы Неревскій конецъ, и стояша у святѣй Софіи на Вѣчи всякій вооружившійся аки на рать, отъ обѣда и до вечерни, и Плотницкій конецъ, сослався послы съ тремя концы, на Славлянъ хотѣша ити, и заутра въ Среду непотягнуша Плотничане на Славляне съ тремя концы, и три концы списаша грамоты во одни слова обѣтные, и Славляне себѣ доспѣша и стояша со княземъ на Ярославлѣ Дворѣ. Во вторникъ же на мясопустной недѣли и въ четвертокъ Славляне мостъ великій отъ своей стороны переброша между двѣмя городнями; и по усобной той рати поидоша вся пять концовъ во одиночество и грамоту написаша со княземъ и запечатоша на Вѣчѣ, на Ярославлѣ Дворѣ“ (Карамзинъ, Ѵ, глава I, Примѣчаніе 106). Подробности этой второй отмѣтки говорятъ за составленіе ея очевидцемъ и Плотничаниномъ, сторонникомъ Тысячскаго; хотя онъ и не говоритъ, гдѣ былъ дворъ Тысячскаго,—да ему это и не было нужно,—всякій современникъ хорошо зналъ тотъ дворъ;—но нельзя не видѣть его именно въ Плотенскомъ концѣ; будь дворъ въ Славенскомъ,—Плотенцы, или Плотничане, не могли-бы отбить нападеніе Сляблянъ, для которыхъ легко было-бы не только ослабить, но и совсѣмъ уничтожить защитниковъ Тысячскаго, стоило лишь броситься на дворы ихъ въ Плотенскій конецъ. Если не всякій изъ защитниковъ, то огромное большинство, въ силу чувства самосохраненія и огражденія семей своихъ отъ сторонниковъ Патрикія, поспѣшило-бы на помощь близкихъ родныхъ, женъ и дѣтей; а при расположеніи дворца Тысячскаго въ Плотенскомъ концѣ защищать его и свои дворы много удобнѣе и безопаснѣе: Кончане могли, за время предшествовавшее нападенію Славлянъ, безпрепятственно уговариваться, сходясь, напримѣръ по почамъ, и вооружаться, устраивать засады и проч. Уличане участковъ Плотенскаго конца, имѣя своихъ старостъ и другихъ чиновъ,—при единодушіи, и предвидя, конечно, по обычаю тѣхъ временъ, схватку съ своими соперниками, не боялись измѣны, и подготовляли отпоръ обстоятельно. По словамъ лѣтописца Плотенцы не только отразили нападеніе на дворецъ Тысячскаго, но и „полупиша“ Славлянъ; выраженіе „полупить“ соотвѣтствуетъ нынѣшнему обобрать,—раздѣть до нага,—а это возможно, разумѣется, при обдуманности и распредѣленіи участія тѣхъ и другихъ уличанъ въ отраженіи нападенія; одни бились, другіе ловили противниковъ и отнимали доспѣхъ и грабили. Переговоры Плотенцевъ съ Неревянами чрезъ пословъ свидѣтельствуютъ также о спо-

койной подготовкѣ къ борьбѣ. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что успѣхъ Плотенцевъ не могъ не быть въ зависимости и отъ тѣхъ постоянныхъ ратниковъ и второстепенныхъ военачальниковъ, хорошо знакомыхъ съ условіями нападенія и защиты, которые состояли при Тысячскомъ и жили или во дворцѣ его, или въ близкомъ сосѣдствѣ. Противъ описаннаго каменнаго сооруженія съ оградою, на полночь къ востоку отъ него, стоитъ, по Знаменскому изображенію, значительныхъ размѣровъ каменный домъ, въ которомъ можно видѣть сторожевой для подобныхъ ратниковъ и второстепенныхъ военачальниковъ.

Итакъ дворецъ Степеннаго Тысячскаго мы ставимъ въ Плотенскомъ концѣ, близъ Никитинской церкви, и видимъ его въ описанныхъ каменныхъ сооруженіяхъ Знаменскаго изображенія; а сравнительно съ нынѣшнимъ расположеніемъ построекъ и улицъ, ему отводимъ мѣсто на Московской улицѣ, подъ Лютеранскою церковью и домомъ К. Ѳ. Масловскаго, или по близости ихъ.

Для рѣшительнаго, вполнѣ яснаго установленія положенія дворца Тысячскаго важно произвести изысканія о сосѣднихъ съ Никитинскою церковью дворахъ съ нынѣшними на нихъ общественными сооруженіями, каковы,—въ одной стороны Городская богадѣльня и больница и обширный садъ при нихъ, а съ другой Полицейское управленіе. Возможно, что мѣста эти состояли послѣ самобытія въ вѣдомствѣ государственныхъ земель, какъ и Ярославовъ дворъ, и предоставлены впослѣдствіи городу. Драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ были-бы: писцовая книга Новгорода и, за неимѣніемъ ея, челобитья сосѣднихъ церковниковъ о пожалованіи ихъ пустыми земельными участками въ чертѣ города. Въ церковныхъ бумагахъ, съ которыми ознакомленіе Общества предполагается, и которыя не имѣютъ уже значеніе крѣпостей, можно найти подобныя свѣдѣнія.

Клеймяныя сѣни.

Въ Уставѣ о мостахъ конечною границею послѣдняго участка Славенской стороны назначены „Клемяны сѣньи“. Не во всѣхъ спискахъ Устава одинаково чтеніе этого мѣста; въ большинствѣ поставлено: „до Климятиныхъ сѣней“. Объяснители этого памятника, въ высшей степени любопытнаго вообще и драгоцѣннаго для изученія государственнаго строя Ильменской страны въ X—XI вѣкѣ, принимаютъ чтеніе большинства списковъ, и полагаютъ, неисключая лучшаго и наиболѣе обстоятельнаго изъ нихъ, Дубенскаго, что „Климятины сѣни“—это притворъ, паперть—церкви во имя Св. Климента. Но Карамзинъ, перечитавшій поразительную громаду рукописей, остановился на древнѣйшемъ и исправнѣйшемъ, изданномъ впослѣдствіи въ Русскихъ Достопамятностяхъ Дубенскимъ; онъ признаетъ въ „Клемяныхъ сеньи“—Клеймяныя сѣни;—но пишетъ „Клейменыя“ (Истор. Гос. Рос. Ч. II, глава III; Примѣчаніе 108). Мы держимся Карамзинскаго

объясненія, хотя онъ и ставитъ при таковомъ вопросительный знакъ,—называя однако же сѣни не Клеймеными, а Клеймяными, то есть тѣми, въ которыхъ накладывались клейма.

Вопросъ о существованіи Клеймяныхъ сѣней въ Новгородѣ въ X—XI вѣкѣ настолько важенъ, что прежде чѣмъ искать мѣста ихъ, необходимо установить, правильно-ли чтеніе Карамзина и для какихъ клаймъ могли быть Карамзинскія сѣни? Объяснители другого чтенія указываютъ только на зависимость словъ „до Климятиныхъ сѣней“ отъ церкви Св. Климента, но не доказываютъ существованіе ихъ въ Ярославово время, и даже не дѣлаютъ никакой попытки въ этомъ направленіи. Мы видѣли здѣсь, въ Новгородѣ, православные и католическій храмы, первоначальное возникновеніе которыхъ возможно за долго до крещенія Руси. Изъ житія первоучителей Славянъ Дунайскихъ, Святыхъ Кирилла и Меѳодія, (Четь-минеи, подъ 11 Мая) видно, что въ Корсуни были въ ихъ время мощи Святого папы Климента; въ начальной русской лѣтописи по Лаврентьевскому списку, подъ 6496 г. (это 988 годъ), сказано: „Володимеръ же посемъ (т. е. по крещеніи) поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ—и проч.“ (по Свѣтопеч. изданію стр. 79). Ярославъ Владиміровичъ былъ строителемъ многихъ храмовъ. Все это не исключаетъ предположенія о возможности сооруженія церкви Климента какъ до крещенія Руси—христіанами дружинъ Игоря или Бравалина, купившими у грековъ часть мощей Святого Папы,—греки охотно продовали все, на что былъ спросъ,—такъ равно Митрополитомъ Михаиломъ, которому приписывается первоначальное основаніе Михайловской церкви „Средь търга“,—наконецъ Ярославомъ, которому отецъ, Св. Владиміръ, могъ дать часть мощей Св. Климента. Догадки въ этомъ смыслѣ найдутъ себѣ подтвержденіе въ отмѣткѣ пергаментнаго сборника подъ 1153 г. о заложеніи каменной церкви Климента: „Иде боголюбивы архепископъ Нифонтъ въ Ладогу и заложи церковь камяну святого Климента“ (I Нов. лѣт. годъ 6661, стр. 11). Владыка Макарій и другіе писатели, относя первое возникновеніе въ Новгородѣ Климентовой церкви къ вѣкамъ долѣтописнымъ, считаютъ эту отмѣтку относящеюся къ ней и ссылаются на третью лѣтопись, въ которой подъ тѣмъ же годомъ значится, что Святый Нифонтъ заложилъ эту церковь въ Великомъ Новгородѣ, на Иворовѣ улицѣ, существующую до сихъ поръ. Но полагаться на третью лѣтопись опасно,—тѣмъ болѣе, что по писцовой книгѣ Вотской пятины 1499—1500 гг., въ первой половинѣ ея, называются поименно концы города Ладоги,—ихъ также пять, какъ и въ Новгородѣ,—и между ними Климятцкой; затѣмъ, въ описаніи дворовъ читаемъ: „Да въ Никольскомъ концѣ у *Климянта святого* дворъ Намѣстничь, да дворъ тіунь“ (Неволинъ, О пятинахъ; Прилож. I, стр. 45—46). Этимъ свидѣтельствомъ опровергается, или, по меньшей мѣрѣ, ослабляется мнѣніе духовныхъ писателей (Макарій, Описаніе Новгор. церк. древ. I, стр. 328). Итакъ существованіе Климентовской церкви возможно во время первоначальнаго установленія мостовыхъ участковъ. Возможно также и окончаніе

этихъ участковъ Славенской стороны близъ Климентовской церкви. Какъ и на Неревской сторонѣ, здѣсь, на Славенской, мостовые участки, въ дошедшемъ до насъ изложеніи Устава, направлялись вокругъ внутренняго укрѣпленія. Въ Ярославову времени оно, вѣроятно, охватывало меньше пространства, чѣмъ Щитная улица XV вѣка. Въ этомъ случаѣ участки Посадника и Тысячскаго и послѣдующіе останутся на тѣхъ же мѣстахъ и въ тѣхъ же границахъ, на которыя мы указали выше, въ статьяхъ о Ярославовомъ дворѣ и другихъ. Укоротится только, или измѣнитъ направленіе, участокъ Витковлянъ, границы котораго укажемъ въ этой-же статьѣ; но дворецъ Тысячскаго придется внѣ внутренняго укрѣпленія, восточно-полночная сторона котораго пойдетъ между нынѣшними церквами Дмитріевскою и Климентовскою, на устье Ѳедоровскаго ручья, начавшись около мѣста бывшей Посадничьей Ипатьевской церкви.

Допуская по приводимымъ даннымъ возможность существованія Климентовской церкви въ Ярославово время и даже раньше, остановимся на названіи Климятины сѣни и на значеніи Мостоваго Устава въ то время, отъ котораго дошли къ намъ его списки.

Личныя имена съ окончаніемъ на—*ята* обыкновенны въ Новгородскомъ лѣтописномъ говорѣ древности,—таковы напримѣръ: Радята, Рядята—Радіонъ, Яшата—Яковъ, Тѣшата—Тихонъ или Тимоѳей, Петрята—Петръ, Жирята—Жирославъ, Гюрята—Юрій или Георгій и проч.; это говоръ общежитія; Святыхъ же лѣтописцы, какъ церковники, никогда не называютъ по уличному, а всегда настоящимъ полнымъ именемъ; писцы же не изъ церковниковъ могли употреблять житейскій говоръ и въ именахъ Святыхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, случилось въ написаніи грамоты князя Всеволода Мстиславовича, данной Предтеченской церкви на опокахъ,—здѣсь дворъ, купленный имъ отъ Готландцевъ, на которомъ была въ долѣтописныя времена Католическая церковь Святого Петра, названъ „Петрятино дворище" вначалѣ и въ концѣ грамоты. Нѣкоторые археологи думаютъ (Д. Я. Самоквасовъ), что народъ въ живой рѣчи обозначаетъ словами, оканчивающимися на *ище*, мѣстности, бывшія населенными, но впослѣдствіи опустѣлыя,—такъ: Городище—бывшій городъ, Селище—бывшее село, Дворище—опустѣлый дворъ и проч. Если ко времени написанія Всеволодовой грамоты, около 1135 г., мѣсто церкви Св. Петра издавна пустовало, его народный говоръ могъ и забыть—какъ церковное, да еще и неправославной церкви; но въ концѣ грамоты говорится о *буевищѣ Петрятиномъ дворищѣ,* то есть о кладбищѣ во дворѣ Св. Петра, существовавшемъ въ XII и въ XIII вѣкѣ (упомянутые договоры 1205 и 1270 г.),—тутъ уже запустѣніе и забвеніе непримѣнимы. Неуваженіе къ имени Святого въ этомъ случаѣ оправдывается развѣ только принадлежностью церкви и кладбища его имени не православному вѣроисповѣданію, но это объясненіе изъ сомнительныхъ вообще. Уставъ Ярослава о мостахъ могъ писать не церковникъ, такъ что употребленіе выраженія „Климятины" вмѣсто Климентовы или Святого Климента, немного ослабляетъ предположеніе объ окончаніи участка Витковлянъ у Климентовской церкви. Слово *сѣни* Новгородскіе

лѣтописцы никогда не употребляютъ для обозначенія церковнаго притвора, но писецъ не церковникъ, поставилъ это слово потому, что церковный притворъ вполнѣ соотвѣтствуетъ пристройкѣ къ дому, называемой сѣнями.

Всѣ извѣстные намъ списки Устава о мостахъ далеко не современны князю, имя котораго онъ носитъ; да они и непохожи, по способу изложенія, ни на одинъ изъ Уставовъ древности; это, какъ и Русская Правда, скорѣе частная запись какого нибудь дѣлового человѣка, для памяти и руководства. Уставъ, какъ законъ, прежде всего долженъ быть ясенъ и невозбуждать сомнѣній и кривотолковъ при исполненіи; здѣсь же поводовъ къ сомнѣніямъ и спорамъ болѣе, чѣмъ точныхъ опредѣленій, особенно въ первой и второй части. Доведя Осменниковъ до церкви Бориса и Глѣба по урочищамъ, которыя точны настолько, что и теперь опредѣляются во взаимныхъ разстояніяхъ безъ большихъ ошибокъ,—Уставъ не даетъ затѣмъ для слѣдующихъ участковъ никакихъ опредѣленій ни въ протяженіи, ни въ границахъ;—вотъ изложеніе его послѣ Бориса и Глѣба: „а Тигожаномъ до Коломнянъ, а Коломняномъ до Нередицанъ, а Нередицанамъ до Веряжанъ" и т. д Какъ исполнять такой Уставъ? Если начало участка Тигожанъ Борисоглѣбская церковь, гдѣ конецъ?—гдѣ, затѣмъ, конечныя границы Коломнянъ, Нередицанъ, Веряжанъ? Вторая часть Устава обнимаетъ устои, или городни, Великаго моста чрезъ Волховъ; ихъ 22; а если при возобновленіи моста удобства и выгоды потребуютъ 25 или 20 устоевъ,—какъ быть?—Подобная неточность станетъ понятною, если дошедшіе до насъ списки считать записями исполнителей повинности, или наблюдателей за ними, въ различныя времена сдѣланныя и, притомъ, много послѣ первоначальнаго изданія закона, въ которомъ протяженія и границы участковъ точно опредѣлены, и тогда, когда Коломляне, Нередичане, Веряжане и прочіе уже знали границы своихъ участковъ и длину мостовыхъ устоевъ, каждому назначенныхъ. Есть много и другихъ неточностей, указанныхъ въ упомянутой работѣ нашей по изслѣдованію Мостоваго устава. Слѣдовательно предъ нами разновременные списки Устава, къ тому же большею частію и неисправные,—потому неодинаковыя названія сѣней, какъ послѣдняго участка Славенской стороны, устранятся и получится одно тогда, когда опредѣлится, были-ли, кромѣ Климятиныхъ, и должны-ли быть сѣни Клеймяныя въ Новгородѣ, во времена, соотвѣтствующія первоначальному изданію Мостоваго Устава, или тѣмъ спискамъ, въ которыхъ значатся сѣни не Климятины.

Въ нашей странѣ жизнь людей обществомъ началась, какъ показали Коломецкія находки, съ каменнаго вѣка, съ временъ ледниковыхъ; тамъ, въ Коломцахъ, мы нашли въ числѣ горныхъ породъ, служившихъ веществомъ для изготовленія орудій, необходимыхъ въ домашнемъ быту,—не сродныя Ильменско-Волховскому побережью,—очевидно принесенныя сюда издали;—оказался тамъ въ значительномъ количествѣ и янтарь, въ видѣ привѣсковъ, въ дырочками, красный, непохожій на обыкновенный Балтійскій; коренное мѣсторожденіе такого именно янтаря открыто, до настоящаго времени, въ одномъ только мѣстѣ,—въ низовьи большой Сибирской рѣки

Енисея, верстъ 600 ниже города Туруханска; найденъ нами тамъ же черный пробирный камень, называемый Лидійскимъ, встрѣчаемый и въ Алтайскихъ горахъ;—доманикъ,—порода Тиманскаго хребта, сланцы, слюда и другія горныя породы (Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка). Присутствіе чужестранныхъ горныхъ отщепенцевъ на Ильменско-Волховскомъ побережьи, въ жиломъ слоѣ, нарощенномъ продолжительнымъ сидѣньемъ на Коломцахъ большого общества въ ледниковыя времена Европы, говоритъ недвусмысленно о сношеніяхъ этихъ Коломчанъ съ обитателями странъ отдаленныхъ, получавшихъ отъ нихъ естественныя произведенія ихъ родины. Съ перволѣтописныхъ временъ извѣстна обширная торговля Новгородцевъ съ западною Европою; въ разныхъ концахъ страны Ильменской, принимаемой въ тѣхъ только границахъ, которыя указываются въ договорныхъ грамотахъ не раньше половины XIII вѣка, находятъ деньги народовъ средне-азіатскихъ, такъ называемыя куфическія, отъ V и VI вѣковъ,—издѣлія тѣхъ же народовъ и скиѳскія; куфическія деньги попадаются въ самомъ Новгородѣ; лѣтъ шесть назадъ случайно наткнулись на цѣлый кладъ ихъ на Ситецкомъ холмѣ, что къ полночи отъ Нередицы; находятъ въ Новгородѣ деньги Греческія и Римскія до-христіанскихъ временъ. Слѣдовательно торговыя сношенія, начатыя ледниковыми Ильменцами-Коломчанами съ отдаленными странами, продолжались непрерывно до временъ лѣтописныхъ— и далѣе въ вѣка самобытія Великаго Новгорода. Этими сношеніями и вызвано богатство и преобладаніе Ильменскихъ славянъ среди народовъ полуночья и запада Европы.

Изобрѣтеніе единицъ цѣнности изъ серебра приписывается Урало-Алтайскимъ племенамъ, спустившимся, чрезъ Памиръ, въ срединную Азію и разошедшимся въ разныя стороны. Потомкамъ ихъ, заселившимъ Малую Азію, присвоиваютъ выдумку первоначальнаго клейменія крупныхъ единицъ, въ видѣ серебряныхъ брусковъ; еще за семь вѣковъ до Р. Х. отъ нихъ клейменіе перешло въ Среднюю Азію, въ Европу, и въ Грецію. Ильменцы, какъ издавна знакомые съ Среднею Азіею, имѣли возможность вполнѣ освоиться съ клейменіемъ серебряныхъ единицъ цѣнности, если не раньше другихъ насельниковъ Европы, то и не позже, такъ какъ клейменіе удостовѣряло степень добротности серебра и золота и вѣсъ единицъ.

Между нумизматами, изучающими знаки цѣнности разныхъ племенъ и народовъ, держится до сихъ поръ мнѣніе, установившееся на началахъ просвѣщенія нашей страны народами западной Европы, о заимствованіяхъ Новгородцами единицъ цѣнности оттуда и отъ Византіи и Рима; они, нумизматы, доказываютъ, опираясь на отмѣтки нашей лѣтописи подъ 1410 и 1420 годами, отсутствіе въ Новгородѣ собственныхъ денегъ, въ смыслѣ единицъ мелкихъ, размѣнныхъ, до начала XV вѣка, довольствовавшемся, будто-бы, иноземными и объясняютъ это явленіе своимъ ложнымъ взглядомъ на корыстолюбіе зажиточныхъ гражданъ, стремившихся, будто-бы, къ личному обогащенію посредствомъ недопущенія въ народъ вообще серебряныхъ единицъ иностраннаго чекана, крупныхъ и мелкихъ, и продолжавшихъ съ производителями скоры, воску и проч., мѣну добываемыхъ ими предметовъ,

выгодныхъ для торговли съ иноземцеми, на иноземный же товаръ, истинная цѣна котораго оставалась, такимъ образомъ, тайною богача, поднимавшаго ее безнаказанно по своему произволу.

Несостоятельность этого взгляда доказывается какъ данными, положенными въ основу его, такъ и Новгородскою лѣтописью. Тотъ прiемъ въ обращенiи съ серебряными единицами цѣнности, который приписывается нумизматами богатымъ Новгородцамъ, всецѣло принадлежитъ западнымъ просвѣтителямъ нашей страны: Ганза постоянно запрещала купцамъ своего союза торговать въ Новгородѣ на деньги; имъ предписывалась мѣна. Ссылка на отмѣтки лѣтописи подъ 1410 и 1420 годами совсѣмъ неосновательна; въ первой сказано: „Того же (1410) лѣта начаша торговати промежи себе лобци и гроши Литовскими и Артугы Нѣмецкими, а Куны отложиша“ (I Нов. лѣт. годъ 6918, стр. 104). Чтобы уяснить слыслъ и значенiе записей, изложенныхъ подъ обоими годами, слѣдуетъ, во 1-хъ, читать помѣщенную подъ 1410 годомъ въ связи съ предшествующими и послѣдующими отмѣтками и, во 2-хъ, установить понятiе о Кунахъ начала XV вѣка.

За три года до 1410 Новгородцы дали князю Семену Ольгердовичу, по его просьбѣ, пригороды, — „кои были прежде сего за нимъ“, — а въ этотъ годъ, „Iюля въ 15 день, бысть побоище королю Ягайлу Ольгердовичу, брату князя Семена, — нареченному Володиславъ, и князю великому Литовъскому Витовту Кестутьевичу, съ Нѣмцы, съ Прусы, въ ихъ земли, Пруской — и всю силу Нѣмецкую избиша и городы Нѣмецкiе поимаша, — а трожды Нѣмецъ избиша“. Много побито было также и Литвы и Ляховъ. На другой годъ Новгородцы ходили съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ „въ Свѣйскую землю, села ихъ повоевавъ и пожгоша и Свѣи много изсѣкоша, а иныхъ поимаша; и прiидоша въ Новгородъ съ множествомъ полона.“ При такихъ обстоятельствахъ и при добрыхъ отношенiяхъ между королемъ Ягайломъ, разбившимъ и обобравшимъ Нѣмцевъ-Пруссаковъ, и Новгородцами, выгодно было побѣдителямъ продать, а сообразительнымъ Новгородцамъ купить по сходной цѣнѣ Лобцы, — то есть любскiя деньги, Артуги Прусскiе и гроши Литовскiе, для оборотовъ собственно между горожанами и Нѣмецко-Готландскими торговыми дворами „промежи себѣ“, — не расходуя Кунъ. Лѣтописецъ сказавъ объ этомъ обстоятельствѣ, на взглядъ его немаловажномъ, пояснилъ, что оно случилось при Посадникѣ Григорьѣ Богдановичѣ и Тысячскомъ Васильѣ Есифовичѣ. Поясненiе важное, — имена Посадника и Тысячскаго называются лѣтописцемъ въ случаяхъ рѣдкихъ, имѣющихъ особенное значенiе. Покупка иноземныхъ денегъ была, стало быть, очень выгодна и сдѣлана по совѣту этихъ двухъ высшихъ сановниковъ. И дѣйствительно — цѣлыхъ девять лѣтъ Новгородцы сбывали купленныя деньги Нѣмцамъ, что ясно изъ отмѣтки подъ 1420 годомъ: „артугы *попродаша* Нѣмцемъ; а торговали ими девять лѣтъ“. Обычай покупать чеканную монету у чужестранныхъ правительствъ существовалъ издавна, — да и до сихъ поръ еще нельзя его считать прекратившимся, особенно между государствами, имѣющими одинаковое по качеству и вѣсу дѣленiе размѣнныхъ единицъ.

Выраженію лѣтописца „а Куны отлажиша“ мы даемъ смыслъ временной пріостановки обращенія ихъ, пока не *попродадутся* деньги чужеземныя. Вопросъ о значеніи Кунъ въ Новгородскихъ единицахъ цѣнностей нумизматы какъ-то комкаютъ; до сихъ поръ нѣтъ на него отвѣта, исключающаго необходимость въ изысканіяхъ объ этой единицѣ, знакомой нашимъ западнымъ сосѣдямъ по обращенію ея и между ними.

Куна имѣетъ, на нашъ взглядъ, двоякое значеніе: употребляемая во множественномъ числѣ „Куны“—она выражаетъ всю совокупность единицъ цѣнности; по нынѣшнему говору—Куны тоже, что деньги вообще; въ единственномъ же числѣ—это серебряная размѣнная единица средняго вѣса, средняго достоинства. Къ такому заключенію насъ приводитъ самая крупная серебряная единица—гривна; вопросъ же объ этой единицѣ запутаннѣе чѣмъ о Кунѣ. Названіе „Гривна“, какъ и Куна, раздвояется:—это и шейное украшеніе и самая высокая единица цѣнности; въ обоихъ значеніяхъ Гривна бываетъ серебряная и золотая.

Усматривая тѣсную связь между Куною и Гривною какъ въ названіяхъ, такъ и въ достоинствѣ ихъ, равно и взаимную зависимость, начнемъ наши объясненія съ Гривны.

О Гривнѣ, какъ о высшей единицѣ цѣнности, и о происхожденіи имени ея писано много, но объяснители и изслѣдователи не договорились до согласованія мнѣній и не добрались до основаній—ни ея вѣса, ни ея названія, такъ что вопросъ остается открытымъ. Поэтому, всякое новое освѣщеніе въ области произведенныхъ уже изысканій не повредитъ дѣлу; если оно не даетъ наукѣ прибыли, не сдѣлаетъ и убытка. Мы пытались принять за точку отправленія въ своихъ изысканіяхъ о Гривнѣ Новгородской Коломецкую находку и намѣчаемые ею пути къ поискамъ за бытовыми истинами о первонасельникахъ Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородскаго державства и ихъ потомства. Древнѣйшимъ и главнѣйшимъ изъ путей намъ представляются широкія дороги глубочайшей древности Ильменско-Волховской водной области во всѣ стороны отъ Коломцовъ, Городища и Новгорода; онѣ ведутъ въ Азію—Волгою и къ окраинамъ Европы гдѣ моря: Студеное, Балтійское, Черное и Каспійское. Въ поискахъ за Гривною мы шли Волгою;—посредствомъ Мсты и ея притоковъ—на Мологу и Шексну, и посредствомъ Ловати—Полы на озеро Селигеръ и верховье Волги, къ Стерженецкому кресту, поставленному 14 Іюля 1133 года Новородцемъ Иваномъ Павловичемъ, когда онъ приступилъ къ прорытію и углубленію начала Волги, чтобы плавать отсюда внизъ, минуя рѣку Тверцу, протекавшую по землямъ, отошедшимъ уже отъ Ильменской страны и входившимъ въ предѣлы Тверскаго княжества, державцы котораго, вздоря съ Новгородцами, не пропускали къ нимъ низовыхъ грузовъ по Тверцѣ (А. К. Жизневскій, Тверской Музей, 13 Іюня 1892 г., стр. 12—13). На этой Волжской дорогѣ, болѣе, чѣмъ на какой либо изъ прочихъ, встрѣчаются самые разнообразные бытовые остатки ископаемые и наземные, а въ числѣ первыхъ—серебряныя единицы цѣнности Средней Азіи, извѣстныя подъ названіемъ куфическихъ (по городу, въ которомъ начали ихъ чеканить) и

опредѣляемыя общимъ именемъ, установившимся какъ для нихъ, такъ и для Арабскихъ единицъ,—„диргемъ". Чѣмъ ближе къ Булгару Камскому, лежавшему близъ впаденія Камы въ Волгу, тѣмъ чаще и чаще попадаются Азіатскія единицы не только въ одиночку, но даже клады даргемовъ, цѣльныхъ и въ обломкахъ. Кромѣ этихъ Среднеазіятскихъ уроженцевъ, тамъ же и въ области рѣки Камы найдено много и другихъ, золотыхъ и серебряныхъ предметовъ искусства Скиѳовъ и Арабовъ Средней и полуденно-западной Азіи, считаемыхъ потомками Куша. Всѣ подобныя находки говорятъ объ оживленныхъ сношеніяхъ Ильменцевъ съ Булгаромъ и Азіею, подтверждая возникновеніе взаимнаго знакомства и добрыхъ отношеній народовъ стараго свѣта въ тѣ еще вѣка, на которые указываютъ находки Коломецкія.

Независимо отъ ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ, въ книгохранилищахъ Россіи и другихъ государствъ Европы имѣется много и наземныхъ, къ которымъ мы относимъ записи Азіятско-Арабскихъ писателей—путешественниковъ IX—X вѣка, о славянахъ и Руси, торговавшихъ съ Азіею—то чрезъ Булгаръ-Камскій, то и непосредственно. Для нашего предмета чрезвычайную важность имѣютъ „Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руси—Абу-Али-Ахмеда-Бенъ-Омаръ, Ибнъ-Даста", переведенныя на русскій языкъ и изданныя профессоромъ Д. А. Хвальсономъ (С.-Петербургъ, 1869 г.). Здѣсь въ статьѣ о Болгарахъ, жившихъ во время путешествія Ибнъ-Даста, въ началѣ X вѣка, на Волгѣ, говорится о торговлѣ ихъ съ сосѣдями, съ Хазарами и Русью, сидѣвшею по берегамъ той же Волги. Туда ходилъ Св. Владиміръ Святославовичъ съ Новгородцами и съ Добрынею, уемъ своимъ, въ 985 году. Отмѣтка объ этомъ походѣ, внесенная въ Лаврентьевскую лѣтопись, принадлежитъ, судя по слогу, одному изъ Новгородскихъ дружинниковъ очевидцевъ, записавшему любопытные слова Добрыни и Болгаръ: „Рѣче Добрыни Володимеру: съглядахъ колодникъ (плѣнникъ) оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ; и створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ и рѣша Болгаре: толъ небудетъ межю нами мира, коли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути" (Лѣтопись Лавренъ. Свѣтопеч. изданіе, годъ 6493, стр. 53). Главное богатство Болгаръ, говоритъ Ибнъ-Даста, составляетъ куній мѣхъ; Русь привозитъ къ нимъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и другіе. Чеканеной монеты своей нѣтъ у нихъ (у Болгаръ). Звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха. Каждый мѣхъ равняется въ цѣнѣ двумъ диргемамъ съ половиною. Бѣлые, круглые диргемы, приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ, путемъ мѣны за ихъ товары (Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 22—25).

Для нашихъ цѣлей нуженъ вѣсъ диргема; онъ не устанавливается изслѣдователями, какъ сильно колеблющійся,—но цѣна диргема сравнивается съ Европейскими единицами. Англичане и Нѣмцы отожествляютъ ее съ 72 сантимами французовъ. Профессоръ Хвальсонъ выводитъ по этой цѣнѣ стоимость куньей шкурки въ 1 франкъ 80 сантимовъ или 45 на-

шихъ копѣекъ. Аристовъ въ своей книгѣ „Промышленность древней Руси"— говоритъ, что куній мѣхъ цѣнился въ Россіи въ концѣ XV столѣтія около 90 коп. сер. (стр. 302). Теперь кунья шкурка не высокаго достоинства стоитъ въ Старорусскомъ и Демьянскомъ уѣздахъ—до трехъ рублей.—Въ нашемъ личномъ собраніи хранится нѣсколько „Бѣлыхъ круглыхъ" диргемовъ и около 75 обломковъ. Должно быть и во время Ибнъ-Даста было обыкновеніе ломать диргемы на куски—уже въ Болгарѣ, а не внутри Азіи, откуда они приходили круглыми; если онъ говоритъ о Бѣлыхъ, значитъ были и другого цвѣта, желтые—золотые и темные--мѣдные. Всѣ диргемы нашего собранія найдены въ Новгородѣ и недалеко отъ него, по Мстѣ и Волхову; два взяты на берегахъ Ловати, около Ильменя. Вѣсъ различенъ,—колеблется между 66 и 82 долями. Самый тяжелый—Персидскій, чеканки Хозроя II,—т. е. VII вѣка.

Извѣстно, что въ Ильменской странѣ мѣховая единица для торговли и для оплаты государственныхъ сборовъ состояла изъ сорока однородныхъ шкурокъ въ одной связкѣ, и называлась то „сорокомъ", то „сорочкомъ". Инородцы Сибири и полуночной окраины Россіи вели счетъ мѣховъ сороками и сорочками еще въ прошедшемъ столѣтіи. Тотъ же счетъ употреблялся, во время путешествія Мякензи къ Мѣдной рѣкѣ, и между лѣсными Индѣйцами Верхней Америки, въ половинѣ XVII вѣка. Отъ временъ не особенно далекихъ сравнительно съ путешествіемъ Ибнъ-Даста, мы имѣемъ несомнѣнное письменное свидѣтельство, грамоту Новгородскаго князя Святослава Ольговича, или Уставъ его, изданный около 1137 г., о счетѣ мѣховъ сороками и сорочками въ Онежскихъ и болѣе близкихъ къ Новгороду волостяхъ (Рус. Дост. I, стр. 82—85). Тѣми же сороками торговала Русь поволжская, путешественника Ибнъ-Даста, сидѣвшая въ области верхняго теченія Волги, и въ Булгарѣ. Если одна кунья шкурка стоила 2½ диргема, то цѣна сорочка будетъ сто диргемовъ; вѣсъ же ста будетъ по нашему наибольшему—85 золотниковъ. Въ хранилищахъ правительственныхъ и ученыхъ обществъ много серебряныхъ слитковъ-брусковъ, принимаемыхъ за гривны и полугривны, или рубли,—найденныхъ въ землѣ Новгородской. Въ нашемъ собраніи шесть слитковъ гривенныхъ и два полугривенныхъ,— они происходятъ изъ упомянутаго клада 1821 года. Наибольшій вѣсъ всѣхъ вообще найденныхъ Новгородскихъ гривенныхъ слитковъ около 45, а полугривенныхъ около 23 золотниковъ. Слитковъ-же въ 85 золотниковъ здѣсь еще не нашли. Изъ лѣтописныхъ отмѣтокъ легко усмотрѣть различные виды Новгородской гривны, а памятники законодательные устанавливаютъ ихъ четыре: старую и новую,—ветхихъ Кунъ и новыхъ Кунъ (Русская Правда. Договоръ князя Новгородскаго—Ярослава съ Нѣмцами 1189—1199 г. въ Русско-Ливонскихъ Актахъ, А. А. Куника и др.) Вѣсъ слитковъ колебался, смотря по колебаніямъ цѣнъ золота и серебра. Онъ могъ быть не одинаковымъ и въ древнѣйшія времена по той же причинѣ. По этимъ даннымъ вѣсъ Новгородской гривны ведетъ свое начало отъ цѣны куньихъ шкурокъ въ Булгарѣ и вообще въ Азіи. Оттуда же вышло и имя ея, созвучное Диргему и татарскому слову „джиргэмъ", означающему десять. Въ польскомъ говорѣ до сихъ поръ слышится еще въ нашей гривнѣ

сильно шипящій звукъ, она называется тамъ грживна. Между инородцами Казанскими, Симбирскими, Нижегородскими и другими, каковы: мордва, чуваши, черемиса и пр., а также и между татарами, киргизами и башкирами держится до нашихъ дней, среди дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ— обычай украшаться ожерельемъ изъ чеканныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, единицъ цѣнности; занесенъ онъ изъ Азіи; первыя ожерелья составлялись, по всей вѣроятности, изъ диргемовъ, или джиргемовъ. Такимъ образомъ и гривна—ожерелье имѣетъ того же родоначальника, который произвелъ на славяно-русской и отсюда и на всей славянской почвѣ имя для самой высокой единицы цѣнностей - „гривна—грживна".

Куньи шкурки бываютъ различнаго качества—сообразно съ нимъ и цѣна связокъ „сорочкамъ" не одинакова;—кромѣ куньихъ обращались въ торговлѣ съ Азіей и другія мѣха, собольи, хорьковые, бѣличьи, лисьи и проч., все это мѣняло цѣну при переводѣ шкурныхъ единицъ на серебро— въ диргемахъ и въ гривнахъ. Итакъ, куница создала гривну—первоначальную; соболь—другую гривну болѣе цѣнную, хорекъ—третью и т. д. У народовъ Европы древнѣйшихъ времемъ были въ употребленіи кусочки серебра съ особыми на нихъ знаками; это положеніе, установленное еще нашимъ ученымъ Кругомъ, къ настоящему времени является уже научною истиною. Куски эти соотвѣтствовали деньгамъ временъ послѣдующихъ. Въ нашей странѣ не могло не быть такихъ же кусочковъ; мы ихъ и находили въ кладахъ вмѣстѣ съ цѣльными куфическими единицами цѣнности. Если $2^1/_2$ диргема выражали цѣну куницы въ Булгарѣ, въ нашей странѣ она должна быть меньшей стоимости;—торговецъ высчитывалъ изъ продажной цѣны свои путевые расходы и проч.; на мѣстѣ закупки шкурокъ, въ Ильменской странѣ, ему приходилось ломать „бѣлые круглые диргемы" на куски, сообразуясь съ назначенною цѣною, въ зависимости стоимости круглаго диргема. Въ упомянутомъ Ситецкомъ кладѣ куски диргемовъ были различны,—вѣсъ ихъ начинается съ $1^1/_2$ доли и доходитъ до 23; на каждомъ кусочкѣ видны слѣды легенды (какъ называютъ надпись на монетахъ), удостовѣряющіе принадлежность именно серебру диргема. На цѣльномъ диргемѣ этого клада сохранились крестообразно проведенныя чрезъ средину довольно грубокія черты; это знаки, по которымъ ломали цѣльный диргемъ на крупныя части. Всѣ кусочки Ситецкаго клада, поступившіе въ наше собраніе, внимательно взвѣшены; оказалось, что начиная съ $1^1/_2$ доли вѣсъ кусковъ увеличивается ровно на полдоли. Такимъ образомъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ имѣлись въ обращеніи кусочки серебра въ разновѣсѣ до полудоли, Всѣ они служили первоначально для точной расплаты за куньи шкурки и получили нарицательное имя „Куны". Гривна Кунъ, поэтому, составляла вѣсъ серебра, соотвѣтствующій сорочку куньихъ шкурокъ. На такое именно соотвѣтствіе указываетъ упомянутая грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича; въ мѣстностяхъ, гдѣ не были во всеобщемъ употребленіи крупныя серебряныя единицы, сборъ производился сорочками, такъ: „въ Онегѣ на Толдутовѣ погостѣ два сорочка, у Пуите сорочекъ, у Чюдина полъсорочька" и проч.;—въ Обонѣзь-

скомъ ряду,—гдѣ были серебряныя единицы, сборъ исчисляется на гривны: „на Свѣри—гривна, устье Паши—гривна, у Пахитки на Паши—полгривны, на Кукуевѣ-горѣ—гривна“ и проч.

Въ числѣ Новгородскихъ древностей есть предметъ, дающій безспорное доказательство точнаго вѣса одной изъ четырехъ видовъ нашихъ мѣстныхъ гривенъ-кунъ первой четверти XII вѣка. Здѣсь мы остановимся на этой только гривнѣ, откладывая изложеніе о другихъ, каковы: гривна серебра, гривна сближаемая съ Византійскимъ литромъ договоровъ Олега и Игоря, и проч., до нашей работы собственно о цѣнностяхъ. Въ упомянутой жалованной грамотѣ Юрьеву монастырю князя Мстислава Владиміровича есть приписка сына его Всеволода: „А се я, Всеволодъ далъ іесмь блюдо серебрьно въ тридцать гривенъ серебра святому же Георгіева; велѣлъ іесмь бити въ ніе на обѣдѣ коли игуменъ обѣдаіетъ“ (Ист. Росс. Іер. Ч. VI, стр. 773). Въ настоящее время въ сокровищницѣ Юрьева монастыря хранится серебряное блюдо, съ чеканнымъ изображеніемъ, похожимъ на Георгія Побѣдоносца и царевну Виритскую,—называемое Всеволодовымъ. Теперь показываютъ одну только верхнюю, большую половину его; а лѣтъ 25 назадъ, при архимандритѣ о. Іоакимѣ Покровскомъ, оно состояло изъ двухъ частей, верхней, той же, что и нынѣшняя, и нижней, меньшей, въ видѣ поддона. На вопросъ, обращенный нами при обозрѣніи Юрьевской сокровищницы въ 1889 году выѣзжавшимъ въ Новгородъ Археологическимъ институтомъ, къ отцу архимандриту о поддонѣ, мы получили объясненіе, что онъ принялъ это блюдо въ такомъ видѣ, какъ оно есть и о поддонѣ ничего не знаетъ. Но на днѣ блюда, съ тыльной стороны, оказался винтъ и гаечка, прикрѣплявшіе поддонъ. Вѣсъ Всеволодова блюда, какимъ оно было въ концѣ XVIII столѣтія, когда въ Новгородѣ работалъ Евгеній, впослѣдствіи Митрополитъ, 2 ф. 60 золотниковъ. При разномысліи о вѣсѣ нашей гривны, зародившемся съ прошлаго столѣтія, блюдо это объявили подмѣненнымъ, или подложнымъ, такъ какъ большую Новгородскую гривну считали въ фунтъ и даже въ 112 золотниковъ, а меньшую въ половину этого вѣса (Казанскій; Журн. Министерства Нар. Просв. 1885 г., стр. 152). По такому вѣсу гривны, Всеволодово блюдо должно было тянуть или 35 или 17½ фунтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашли, что по чеканкѣ оно относится къ XVI вѣку, и что изображены на немъ не Св. Георгій и царевна Виритская, а Персей и Андромеда (Святыни и древн. Велик. Новгор. граф. М. Толстаго, Москва, 1862 г., стр. 171. Энцикл. Лексиконъ Плюшара, Ч. XV, стр. 150. Макарій, Описаніе Новгородскихъ церковныхъ древ. Ч. I, стр. 248).

Сопоставленіе гривенъ, упоминаемыхъ въ письменныхъ памятникахъ начиная съ X вѣка, съ договоровъ Олега и Игоря съ греками, съ вѣсомъ единицъ Византійскихъ и Западно-Европейскихъ, а равно съ числомъ размѣнныхъ единицъ, ходившихъ въ Ильменской странѣ и у сосѣдей иноземцевъ,—убѣждаетъ въ обращеніи у насъ одновременно, для внутренняго и внѣшняго торга, не меньше четырехъ видовъ разновѣсныхъ гривенъ-кунъ, начиная съ стодиргемной. Вѣсъ диргемовъ не одинаковъ; средній выводъ изъ

шести этихъ единицъ разновѣсныхъ, даетъ для стодиргемной гривны 68 зол. 72 доли. Половина этой вывѣситъ 34 зол. 36 долей—и будетъ второю размѣнною гривною-кунъ;—четверть стодиргемной выразится въ 17 зол. 18 доляхъ,—для гривны третьей,—а для послѣдней, четвертой, получится вѣсъ 8 золотниковъ 57 долей О размѣнныхъ единицахъ выразились болѣе согласныя мнѣнія нашихъ изслѣдователей знаковъ цѣнности и имѣется о вѣсѣ ихъ въ XV вѣкѣ несомнѣнное доказательство; хотя разсчетъ количества вѣса во всѣхъ ихъ достаточно сложенъ;—приводить его здѣсь мы не будемъ, а скажемъ только объ одной, о кунѣ. Изъ сопоставленія раздѣла между разными должностными лицами денежнаго взысканія, установленнаго 41 статьею кратчайшаго списка Русской Правды, по первоначальному ея чтенію, изложенному во II части продолженія Русской Вивліоѳики, а не по исправленному неудачно Татищевымъ, Болтинымъ, и принятому, съ ихъ исправленія, Карамзинымъ,—выходитъ, что въ третьей гривнѣ, вѣсившей 17 золотниковъ 18 долей было сто кунъ точно такого же вѣса каждая, какого 50 имѣла четвертая гривна въ 8 золотниковъ 57 долей. Вѣсъ куны этихъ гривенъ будетъ 16,5 долей. Во второй гривнѣ такихъ кунъ будетъ 200, а въ третьей 400. Въ собственномъ нашемъ собраніи, равно въ богатѣйшемъ графа И. И. Толстого, въ Эрмитажномъ и другихъ намъ извѣстныхъ,—размѣнныхъ Новгородскихъ единицъ этого вѣса не много, сравнительно съ другими, болѣе тяжелыми. По времени изданія тѣхъ памятниковъ, изъ взаимнаго сапоставленія которыхъ мы выводимъ вѣсъ гривенъ-кунъ и количество и вѣсъ размѣнныхъ единицъ, на которыя эти гривны дѣлятся, тѣ и другія т. е. гривны и куны—самыя древнія, потому небольшое сравнительно количество ихъ, найденныхъ въ кладахъ, до настоящаго времени открытыхъ, понятно; при изданіи единицъ новыхъ, старыя переливались,—изданныя же за послѣдніе годы самобытія, тяжелыс особенно для людей состоятельныхъ, зарывались ими въ землю; ихъ-то мы и находимъ;—по нимъ-то и производятся изслѣдованія, дающія выводы довольно сомнительные.

Примѣняя гривну въ 8 золотниковъ 57 долей къ Всеволодову блюду, получимъ для вѣса его въ 2 ф. 60 золотниковъ, составляющаго 30 гривенъ серебра грамоты Всеволодова первой четверти XII вѣка, вѣсъ одной гривны-кунъ въ 8 золотниковъ 40 долей, или меньше выведеннаго нами на 17 долей. Если же допустить утрату серебра за время пользованія блюдомъ по назначенію жертвователя, при чисткѣ напримѣръ, и неточность, весьма впрочемъ незначительную,—или того вѣсца, который продавалъ князю блюдо, или того, кто его взвѣшивалъ и получилъ 2 ф. 60 золотниковъ въ наше время,—разницу въ 5 зол. съ половиною на все блюдо можно не считать препятствіемъ къ заключенію, что это Всеволодово блюдо, по вѣсу, соотвѣтствуетъ пожалованному. Насколько оно противорѣчитъ степени искусства XII вѣка, судить мы не беремся, предоставляя это знатокамъ; но не можемъ не замѣтить съ одной стороны, что за послѣдній десятокъ лѣтъ сдѣлано сравнительно съ прежнимъ временемъ много новыхъ открытій въ области художественнаго творчества глубокой древности,

а съ другой, что эта область безконечно широка и весьма неравномѣрно освѣщена научными изысканіями, не только по землямъ Россіи, но и цѣлаго свѣта. Можно, поэтому, и не вѣрить въ непреложность мнѣній объ отраженіи въ нашемъ блюдѣ вкуса художника XVI, а не XII вѣка. Итакъ, вѣсъ наименьшей гривны-кунъ начала XII вѣка уясняется.

Привыкнувшій къ „бѣлымъ круглымъ диргемамъ" съ знаками, имѣвшимися на нихъ и на обломкахъ, и служившими ручательствомъ въ доброкачественности серебра, народъ Ильменскій успѣлъ, или могъ—успѣть, освоиться къ X—XII вѣку и съ вѣсомъ. Нельзя каждому имѣть при себѣ вѣсы; что подъ силу людямъ состоятельнымъ, то невозможно для маломочныхъ, въ особенности для звѣролововъ-лѣсниковъ; нельзя также допустить поголовной добросовѣстности въ скупщикахъ мѣховъ и другихъ естественныхъ произведеній страны нашей и такого же довѣрія къ нимъ со стороны сельчанъ-продавцевъ; послѣдними были не одни только холопи „Боярской Думы г. Ключевскаго",—а и люди свободные; да и холопи страны Ильменской не были, судя по Русской Правдѣ, безотвѣтными и безправными рабами своихъ господъ; они состояли только слугами ихъ; если господа посылали холопей на промыселъ для своей хозяйской торговли, въ собственныя земли холопямъ вовсе не нужны были никакія единицы цѣнности, ни крупныя, ни мелкія—размѣнныя; а если тѣже холопи ходили по приказу господъ вдаль, какъ, напримѣръ, Отрокъ Гюряты Роговича, въ Югру, (Лаврен. лѣт. годъ 6604, т. е. 1096) въ область Сибирской рѣки Оби, или въ Заонежье, въ землю Двинскую, въ Колу—и на другія окраины, гдѣ водились въ изобиліи соболя, дорогія куницы и проч., и гдѣ не было у господъ ихъ собственныхъ земель, единицы крупныя и размѣнныя были необходимы,—и такія, которыя-бы вполнѣ соотвѣтствовали достоинству серебра и не возбуждали бы своею сомнительностью недовѣрія и опасности поддѣлки въ продавцахъ охотникахъ. А что къ первой половинѣ XII вѣка крупныя и мелкія серебряныя единицы обращались на окраинахъ земель Новгородскихъ, свидѣтельствуетъ грамота Святослава Ольговича: „Уставилъ есмь", пишетъ князь, „Святой Софьи, Ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ сто гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга";—здѣсь разумѣются именно серебряныя гривны-кунъ, такъ какъ въ Заонежьи и въ Двинской землѣ добывалось серебро и золото даже во времена Петра Великаго,—а Норвежцы разрабатываютъ пріиски и теперь.

Привыкнувшему къ знакамъ, хотя-бы на кускахъ диргемовъ,—удостовѣряющимъ въ достоинствѣ серебра, и неимѣющему вѣсовъ народу, богатые Новгородцы неминуемо должны были представлять такое же удостовѣреніе и на кускахъ серебра не диргемнаго, чтобы облегчить для себя торговлю и сношенія съ окраинами и вообще съ волостями; такимъ удостовѣреніямъ не соотвѣтствовали разнообразные и невразумительные для народа знаки единицъ иноземныхъ и Руси княжеской. Когда промышленники окраинъ платили государственные сборы, нужны были знаки однообразные; а такими служили только государственныя клейма и одинаковый размѣръ единицъ одного наименованія и одной стоимости. Первою размѣнною единицею был

куна, серебряная пластинка съ знаками съ одной стороны или съ обѣихъ. Впослѣдствіи, но не позднѣе XI—XII вѣка, начали появляться особыя единицы дѣленія куны или диргема на части, соотвѣтствующія половинѣ, трети, четверти—и т. д. вѣса ихъ, подобно дѣленіямъ диргемовъ на куски, найденные въ кладѣ на Ситенскомъ холмѣ. Въ собраніяхъ: Рейхсля, Эрмитажномъ, Академіи Наукъ, Шуберта, Русскаго Археологическаго Общества, Шодуара, Черткова, Чудновскаго, и графа Ив. Ив. Толстого, равно и въ нашемъ,—взятыхъ въ совокупности, имѣются Новгородскія размѣнныя серебряныя единицы такого же вѣса, какъ и въ диргемныхъ кускахъ Ситецкаго клада; клеймо на вѣсящихъ отъ 10 долей и до наибольшихъ—одинаковое въ общемъ; на мелкихъ же съ лицевой стороны почти всегда птица;—оборотная сторона занята надписью: „Великаго Новгорода" съ сокращеніями.

Перейдемъ теперь ко второй записи.

Подъ 1420 годомъ въ первой Новгородской лѣтописи отмѣчено: „Начаша Новогородци торговати денги сребряными, а артуги попродаша нѣмцемъ; и торговали ими девять лѣтъ" (годъ 6928, стр. 109). Эту отмѣтку нумизматы приводятъ, какъ единственное и основное доказательство мнѣнія, что Новгородцы не имѣли до этого времени собственныхъ размѣнныхъ единицъ. Вторую часть отмѣтки мы уже знаемъ; первая же требуетъ объясненій и съ внѣшней ея стороны и съ внутренней. Съ внѣшней она представляется сказывающею объ обстоятельствѣ совершенно заурядномъ, не оставившемъ на современникѣ никакихъ слѣдовъ, сколько нибудь особеннаго впечатлѣнія. Занося въ памятуху замѣтку, напримѣръ, о большомъ пожарѣ, о сильномъ ледоходѣ, о высокомъ подъемѣ вешней воды и о другихъ явленіяхъ не заурядныхъ, а встрѣчающихся не часто, лѣтописецъ оттѣняетъ подобныя замѣтки впечатлѣніями, ими производимыми. Съ какимъ равнодушіемъ говорится въ лѣтописи о рожденіи Пѣгашки въ хозяйствѣ любознательнаго грамотѣя, съ такими же и о началѣ торговать деньгами серебряными; на нашъ взглядъ такая внѣшность отмѣтки говоритъ ясно, что дѣло идетъ о явленіи обыкновенномъ, повторявшемся не разъ въ ближайшее къ лѣтописцу время. Если до 1420 г. нѣтъ подобныхъ извѣстій, такъ это именно потому, что выпускъ въ обращеніе серебряныхъ, золотыхъ или мѣдныхъ единицъ цѣнности, крупныхъ или мелкихъ, производился часто и не оказывалъ на жизнь никакого вліянія.

Съ внутренней же стороны разсматриваемая отмѣтка имѣетъ вовсе не тотъ смыслъ, какой придаютъ ей нумизматы; до сихъ поръ въ Новгородѣ выходили куны, вѣкши, рѣзани, долгѣи и другія мелкія размѣнныя единицы различныхъ размѣровъ и вѣса,—въ этомъ же 1420 году выпустили новую единицу, ни разу еще не издавшуюся въ Новгородѣ—„деньгу". Это новое нѣсколько явленіе могло побудить лѣтописца помѣстить коротенькую запись о немъ для памяти, на случай какихъ нибудь расчетовъ въ доходахъ и расходахъ въ будущемъ, особенно, если лѣтописецъ былъ церковный ключникъ, или казначей.

Выпускъ единицъ съ именемъ „деньга" представляется въ началѣ XV вѣка, если не безусловно необходимымъ,—во всякомъ случаѣ желательнымъ и полезныхъ для Ильменской страны: княжеская Русь отбилась отъ татарина; производительность, промыслы и торговля—пробуждались. Послѣ двухвѣкового оскудѣнія, въ разныхъ концахъ ея стали появляться рынки; близкое Новгородцамъ дѣло торговли поднимало свою голову; необходимо было дать Ильменцамъ сколько возможно болѣе средствъ тяготѣнія къ себѣ новыхъ рынковъ, новыхъ крупныхъ торговцевъ; однимъ изъ важныхъ средствъ передовые люди признали выпускъ такихъ единицъ цѣнности, которыя давали-бы удобства одинаковыя для сношеній и съ княжескою Русью и съ иноземцами, привлекая къ Новгороду тѣхъ и другихъ. Для иноземцевъ имя размѣнныхъ единицъ было безразлично, но не безразлично вѣсовое и доброкачественное значеніе; а для княжеской Руси дорого было и то и другое послѣ татарщины, породившей мошенническіе обманы въ торговлѣ. Новгородцы выпустили собственныя „деньги", превосходившія Русско-княжескія и вѣсомъ и добротою серебра. Первыя единицы этого имени имѣли около 18 долей серебра 86 пробы (Срав. таблицу и листъ пробы въ трудѣ И. И. Толстого: Допетровская нумизматика, Выпускъ первый, Деньги Великаго Новгорода, стр. 62—64). Деньги княжеской Руси того времени были и легковѣснѣе и низкопробнѣе Новгородскихъ. Выпуская такія единицы Новгородцы давали себѣ очевидный убытокъ, но они разсчитывали восполнить его съ большою лихвою привлеченіемъ тяготѣнія торговли на свою сторону. Чтобы убытокъ не былъ особенно тягостнымъ, придумали способъ непохвальный: лівцамъ поручали дѣлать серебро двухъ видовъ, высокое и низкое, и ковать изъ перваго и второго одинаковыя по виду деньги; одни, высокія, предназначались, вѣроятно, для торговли внѣшней, за предѣлами своей страны,—а другія для внутренней. Но народъ, привыкшій издавна къ единицамъ высокаго серебра, скоро примѣтилъ обманъ; въ четвертой Новгородской лѣтописи читаемъ подъ 1447 годомъ:—„Начаша людіе деньги хулити сребряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, (слѣдуетъ замѣтить выраженіе „даже и вси", т. е. и тѣ, которые знали объ обманѣ) и бысть межи ими голка и мятежъ и нелюбовь; и Посадникъ и Тысяцкій и весь Новгородъ уставиша пять денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати въ туже мѣру на четыре почки (то есть 18 долей) таковыже, а отъ дѣла отъ гривны по полуденьгѣ (это плата денежнику); и бысть крестьяномъ (христіанамъ) скорбь велика и убытокъ въ городи и по волостемъ". Въ дальнѣйшемъ изложеніи происшедшаго въ Новгородѣ смятенія любопытны и полезны для разсматриваемаго вопроса слѣдующія подробности: „Того же лѣта Новгородци охулиша сребро, рубли старыи и новыи, а сребро передѣлаша на деньги, а у денежниковъ поимаша посулы (взятки за подлогъ). Выведе Сокира Посадникъ лівца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на Вѣче; напоивъ его нача сочити (допрашивать, пытать), на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 человѣкъ; и по его рѣчамъ иныхъ съмосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша. И еще того же Ѳедора начаша безправдивии бояре научати говорить на многихъ

людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: на всѣхъ есмь лилъ и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а голодники, и ябедники, и посулники радовахуся, только-бы на кого выговорилъ; и того самаго (Ѳедора Жеребца) смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣлиша и разграбаша“.

Всѣ приведенныя подробности доказываютъ близкое знакомство горожанъ съ достоинствомъ серебряныхъ единицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянный, если не ежедневный, выпускъ того, или другого количества ихъ въ обращеніе. Не о тѣхъ, конечно, „деньгахъ“ которыя изданы были первый разъ въ 1420 году, возникли споры, принявшіе видъ крупной усобицы, а о выпускавшихся впослѣдствіи, такихъ же по внѣшности и вѣсу, но худшихъ по качеству серебра. Объ усобицахъ изъ-за единицъ цѣнности до 1447 г. лѣтопись не знаетъ, потому, конечно, что ихъ не бывало, и въ вѣсѣ и въ серебрѣ прежняго времени, до изданія „денегъ“, сомнѣній не возникало. Объяснить отсутствіе сомнительныхъ случаевъ и смятеній по поводу единицъ цѣнности до 1447 г. обращеніемъ единицъ иноземныхъ, какъ толкуютъ нумизматы, и рабскою зависимостью низшаго сословія отъ высшаго, невозможно; наплывъ иноземнаго серебра, хоть бы въ 1410 году, скорѣе далъ-бы пищу недовольству низшаго сословія, если-бы оно не имѣло для своего обихода несомнѣнныхъ размѣнныхъ единицъ своего мѣстнаго изданія; чужестранное серебро—вещь темная и теперь для народа; онъ привыкъ видѣть на нынѣшнихъ деньгахъ такіе знаки, которыхъ нѣтъ на чужестранныхъ, и изъ двухъ, предложенныхъ на выборъ, единицъ, русскаго пятиалтынника и нѣмецкой марки, охотнѣе возметъ первый, хотя онъ и меньше и тоньше второй. Не будь же у насъ своихъ единицъ, а лишь одни иноземныя разныхъ государствъ, какъ было по предположеніямъ нумизматовъ въ Новгородѣ до 1420 года, народъ былъ-бы въ постоянномъ смущеніи и случаи, подобные описанному подъ 1447 годомъ, повторялись-бы часто. Какъ на доказательство нашего мнѣнія о причинахъ, вызвавшихъ изданіе Новгородцами новыхъ единицъ, „денегъ“, для объединенія своихъ размѣнныхъ единицъ съ обще-русскими, мы ссылаемся на отмѣтку нашей лѣтописи подъ 1424 годомъ: „Того же лѣта въ Псковѣ деньги сковаша, и почаша по всей руской змли торговати денгами“ (I Нов. лѣт. годъ 6932, стр. 110). На единицахъ Псковскихъ написано: „А се деньга Псковская“ или „Деньга Псковская“.

Длинный рядъ приведенныхъ данныхъ и соображеній въ конечномъ выводѣ таковъ: Въ Новгородѣ обращались размѣнныя единицы цѣнности серебряныя съ вѣковъ отдаленныхъ, предшествовавшихъ лѣтописнымъ, сперва диргемныя, а затѣмъ и собственнаго изданія, съ знаками, удостовѣрявшими въ ихъ достоинствѣ по вѣсу и качеству серебра.

Для прочной устойчивости такого вывода приведемъ еще нѣсколько данныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ вопросу о Клеймяныхъ сѣняхъ.

На серебряныхъ брускахъ, называемыхъ гривнами, полугривнами, рублями и, иногда здѣсь въ Новгородѣ, рубками,—на этихъ крупныхъ единицахъ цѣнности, встрѣчаются, на образцахъ перечисленныхъ нами, наи-

болѣе богатыхъ собраній, клейма: одно, два, три и болѣе. На брускахъ выше упомянутаго клада 1821 года, описанныхъ Ник. Назар. Муравьевымъ въ книгѣ его о гривнахъ Новгородскихъ,—въ приложеніи;—на рисункахъ рублей Новгородскихъ въ книгѣ Шуберта и другихъ, а также и на восьми образцахъ нашего собранія,—повторяются одни и тѣже клейма; на образцахъ же другихъ собраній, Эрмитажнаго, Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и Дмит. Иван. Прозоровскаго—имѣются кромѣ встрѣчающихся на Новгородскихъ, или вѣрнѣе, на найденныхъ въ Новгородѣ, и другія. Д. И. Прозоровскій знаетъ образцы Гамбургскихъ крупныхъ единицъ съ такими же точно клеймами, какъ и на Новгородскихъ (Извѣстія Импер. Рус. Арх. Общ. VI, стр. 190—201. Приписка къ стр. 199 на 266 стр. Тутъ и рисунки). Смыслъ появленія различныхъ клеймъ на одномъ и томъ же брускѣ вотъ какой: брусокъ, принесенный въ Новгородъ изъ другого княжества, или изъ чужеземнаго государства, удостовѣрялся въ достоинствѣ серебра наложеніемъ того же клейма, которое выбивалось на единицахъ цѣнности Новгородскаго изданія. Тоже повторялось и относительно Новгородскихъ брусковъ, если они попадали въ другія земли. Замѣтимъ, что Д. И. Прозоровскій, много потрудившійся надъ изысканіями о единицахъ цѣнности, обращавшихся въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, не только не отвергаетъ изданія Новгородцами собственныхъ размѣныхъ единицъ съ этихъ древнѣйшихъ временъ, но допускаетъ возможность чеканки у насъ же, въ Новгородѣ, сребренниковъ и златниковъ Владиміра Святого и Ярослава Мудраго (Тамъ-же).

Если нельзя сомнѣваться, при указаніяхъ:—вещественныхъ памятниковъ,—брусковъ съ клеймами,—лѣтописныхъ и другихъ, упоминаемыхъ въ нашихъ объясненіяхъ, свидѣтельствъ, въ наложеніи клеймъ на единицы цѣнностей, обращавшихся въ Новгородѣ,—въ такомъ случаѣ въ послѣднемъ предѣльномъ участкѣ Устава Ярослава о мостахъ надобно видѣть сѣни не Климятины, а Клеймяныя.

Примѣчаніе. Въ 1834 году открытъ въ бумагахъ старыхъ дѣлъ (Сѣв. Пчела 1873 года № 235) небольшой листокъ, озаглавленный такъ: „Паметь какъ торговали до селѣ Новгородцы". Листокъ этотъ писанъ въ 1449 году: „Пять лобцовъ-четверетца, а десять лобцовъ двѣ четверетци,—ино то мортка; а ногата полторы мортки, три четверетци,—а двѣ векши—лбецъ, а лбецовъ пять за четверетцу. Новая гривна три гривны, а куна двѣ деньги, а ногата семь денегъ, а гривна серебра рубль". Д. И. Прозоровскій, первый познакомилъ нумизматовъ съ этимъ любопытнымъ памятникомъ; онъ сдѣлалъ соотвѣтственныя вычисленія и опредѣлилъ взаимное отношеніе единицъ между собою и къ гривнѣ (Прозоровскій Д. И. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, С.-Петербургъ 1865 г. стр. 174). Въ нашей книгѣ „Бытовые Остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка, приведены подробныя объясненія о единицахъ цѣнности, называемыхъ въ „Памети 1494 г." (стр. 310 и слѣд.); возникновеніе названій ихъ мы относимъ къ каменному вѣку и объясняемъ соотвѣтствіемъ каждаго вида шкурѣ, употреблявшейся на одежду.

Мѣсто Клеймяныхъ сѣней опредѣляется значеніемъ ихъ и вѣдомствомъ, которому принадлежало храненіе государственныхъ сокровищъ, собираніе и расходованіе цѣнностей, какъ доходовъ государственныхъ.

Если Степенный Тысяцкій былъ главнымъ начальникомъ народныхъ полковъ и государственнымъ казначеемъ, Клеймяныя сѣни принадлежали его вѣдомству. Для государства безусловно необходимо, чтобы единицы цѣнности, крупныя и размѣнныя, вполнѣ соотвѣтствовали такому качеству серебра и золота, какое установлено для нихъ подлежащею властью и одобрено народнымъ собраніемъ—Великовѣчьемъ. Нарушеніе этого порядка и вызвало ту усобицу, о которой современникъ занесъ въ свою памятуху подробную запись подъ 1447 годомъ. Наблюденіе за единицами цѣнности принадлежало, поэтому, лицу, облеченному народнымъ довѣріемъ въ высокій санъ, каковымъ былъ Степенный Тысяцкій. Печать этого сановника, или лицъ имъ избранныхъ, на единицахъ цѣнности, служила ручательствомъ ихъ достоинства; ливцы, вѣсцы и вообще лица приставленныя Тысяцкимъ къ изготовленію единицъ, тогда только могли быть надежны, если за ними слѣдилъ зоркій глазъ начальника. Поэтому Клеймяныя сѣни не могли помѣщаться вдали отъ дворца Тысяцкаго, не могли оставаться и безъ охраны отъ своенравной толпы, возмущаемой людьми злонамѣренными и незнавшей удержу своеволію. Мы высказали предположеніе о постоянной стражѣ при дворцѣ Тысяцкаго, по поводу усобицы изъ-за князя Патрикея Наримонтовича, и намѣтили домъ, въ которомъ она помѣщалась. Въ этомъ же, или въ третьемъ большомъ-каменномъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Никитинской церкви, на полдень отъ нея по Знаменскому изображенію и названномъ выше,—мы и отводимъ помѣщеніе для Клеймяныхъ сѣней.

Участокъ Софьянъ Устава о мостахъ, направляясь отъ Никольскихъ воротъ, или отъ нашего Въѣзда, внѣшняго вала къ двору Тысяцкаго, пересѣкъ укрѣпленіе внутреннее, гдѣ въ XV вѣкѣ была Щитная улица; участокъ Тысяцкаго тянулся къ Волщникамъ, Посадника къ Великому ряду. Направленіе участковъ князя, Нѣмцевъ и Готландцевъ мы ведемъ къ берегу Волхова, гдѣ церкви Арсеньевская и Михайловская, и берегомъ вверхъ по рѣкѣ;—это государственная дорога около внутренняго укрѣпленія съ полуночно-западной стороны; послѣдующіе участки шли вдоль укрѣпленія береговаго съ внутренней стороны—и, выйдя изъ него, пролегали съ противоположной, полуденно восточной стороны внутренняго же укрѣпленія, на полночь, примѣрно между церквами Варяжскою и Ильинскою, гдѣ въ XV вѣкѣ шла вышеуказанная Щитная улица, и вдоль ея,—къ тому мѣсту, на которомъ стоялъ третій изъ каменныхъ домовъ окрестностей Никитской церкви, и къ этой послѣдней; тутъ у Клеймяныхъ сѣней близъ дворца Тысяцкаго и кончался участокъ Витковлянъ. Такимъ образомъ указаніе мѣста Клеймяныхъ сѣней близъ дворца Тысяцкаго находитъ подтвержденіе въ направленіи мостовыхъ участковъ Славенской стороны, вполнѣ соотвѣтствующемъ таковому же стороны Неревской: какъ тамъ Осменники вошли внѣшнимъ валомъ въ городъ, затѣмъ чрезъ „городняя ворота“ повели свой участокъ между малымъ валомъ и Дѣтинцемъ къ берегу Волхова, а прочіе мостильщики—отсюда вокругъ Дѣтинца до тѣхъ же воротъ малаго вала, Владыка же сквозь эти и Дѣтинцевскія ворота съ изгоями чрезъ площадь внутри Дѣтинца къ Великому мосту,—такъ и здѣсь Софьяне вошли въ го-

родъ Въѣздомъ и прошли къ дворцу Тысячскаго чрезъ ворота внутренняго укрѣпленія, а слѣдующіе мостильщики, проводя дорогу по обѣ стороны этого укрѣпленія и вдоль береговаго, вышли къ тому же дворцу Тысячскаго у Клеймяныхъ сѣней. Берегомъ Волхова, начиная отъ Вощниковъ, примѣрно гдѣ устье нынѣшняго Θедоровскаго ручья, и до Нѣмецкаго вымола (граница участка князя) мощеніе возлагалось на торговцевъ Вощниковъ и Великаго ряда, что видно изъ Устава князя Всеволода, въ которомъ границею Буевища названъ Кончанскій мостъ; подъ нимъ надобно понимать берегъ Θедоровскаго ручья, около того мѣста, гдѣ выходитъ на него Дворцовая улица, съ котораго мощеніе лежало на обязанности Кончанъ, какъ и всѣхъ внутреннихъ проѣздовъ внѣ границъ Ярославова Устава.

Другимъ подтвержденіемъ мѣста Клеймяныхъ сѣней является наименованіе древней Михалицы, ближайшей къ Никитинской церкви и къ дворцу Тысячскаго, „Молотково", и „на Молоткахъ". Выдѣлка размѣнныхъ единицъ производилась такимъ образомъ: кусокъ серебра опредѣленнаго вѣса выбивали въ тонкій и длинный брусокъ, который волокли чрезъ круглое, опредѣленнаго размѣра въ поперечникѣ, отверстіе въ желѣзной плиткѣ и получали тонкую круглую струну, называемую теперь проволокою; ее разрѣзали на частицы назначенной длины, затѣмъ клали каждую въ приборъ, въ видѣ створки, съ клеймами вверху и внизу; створку закрывали и били по внѣшней, верхней, сторонѣ ея молоткомъ; частица серебра плющилась и выходила изъ створки бляшкою съ клаймами съ обѣихъ сторонъ. При этой работѣ раздавался постоянно стукъ молотковъ. На крупныя и иноземныя единицы цѣнности, испытываемыя въ качествѣ серебра, на Клеймяныхъ сѣняхъ накладывались клейма менѣе сложнымъ способомъ; серебряный брусокъ клали на наковальню и выбивали клеймо ударомъ молотка. На клейменыхъ брускахъ легко усмотрѣть на сторонѣ, противоположной клейму, приплюснутость.

Когда торговая дѣятельность Новгорода достигла наибольшаго развитія, вызвавшаго особенную густоту населенія и тѣсноту внутри города, образовались для выдѣлки единицъ мелкихъ, собственно размѣнныхъ, особые дворы за чертою города, и цѣлыя поселенія около нихъ, получившія въ народномъ говорѣ названія, заимствованныя отъ работы обывателей выдѣлывавшихъ „куны" и ковавшихъ размѣнную мелочь, изъ серебра и мѣди. Таковы поселки: Куники, упомянутые въ лѣтописи по случаю пожара, истребившаго въ 1545 году 80 дворовъ; Ковалево, гдѣ поставлена была каменная церковь въ 1394 году, и Кунино, упомянутое по случаю обложенія особымъ сборомъ нѣкоторыхъ мѣстностей, ближайшихъ къ Новгороду. Послѣднія два поселенія, одно въ 3-хъ, а другое въ 5-ти верстахъ отъ города, существуютъ и теперь; Куниковъ нѣтъ и мѣсто забыто. Въ лѣтописи этотъ поселокъ значится „Кузьмодемьянскомъ въ запольи". Мы видѣли это заполье около Неревской стороны, а около Славенской Козьмодемьянскій монастырь на полѣ, недалеко отъ нынѣшняго Молоткова. Если-бы Куники лежали на Неревской сторонѣ, пожаръ, истребившій въ нихъ 80 дворовъ, захватилъ-бы и сосѣднія церкви, однако-же лѣтописецъ не говоритъ, чтобы

горѣла какая либо церковь. Поэтому мы отводимъ поселку „Куники“ мѣсто близъ Козьмодемьянскаго монастыря окрестностей Славенской стороны, осно:анному правительствомъ для расширенія куннаго дѣла.

Къ какому времени относится возникновеніе каждаго изъ трехъ названныхъ нами поселковъ—неизвѣстно. Сооруженіе каменной церкви на Ковалевѣ въ XIV вѣкѣ и существованіе тамъ монастыря, упомянутаго въ числѣ выжженныхъ самими Новгородцами въ 1386 году, даютъ право относить первоначальное заселеніе этой мѣстности къ долѣтописнымъ вѣкамъ, такъ какъ Ковалево расположено на одномъ изъ гряды холмовъ, начинающейся Городищенскимъ и кончающейся Хутынскимъ. Мы видѣли подъ 1424 г. выраженіе лѣтописца „сковаша денги“,—потому не будетъ безосновательно заключеніе, что Клеймяныя сѣни учреждены первоначально какъ Пробирная палата для удобствъ пріѣзжихъ торготыхъ гостей и жителей города, чтобы не затруднять удостовѣреніе въ качествѣ серебра наложеніемъ клеймъ; а выковываніе размѣнныхъ единицъ производилось въ особыхъ поселкахъ, за которыми учрежденъ и особый надзоръ, въ предупрежденіе утайки рабочими и легкаго въ городѣ, при густотѣ населенія, сбыта серебра и уменьшенія въ этихъ видахъ вѣса мелкихъ единицъ;—провѣрка каждой изъ такихъ единицъ отдѣльно была-бы затруднительна до невозможности и обошлась-бы правительству дороже, чѣмъ надзоръ за ковалями и устройство для нихъ отдѣльныхъ поселковъ. Тоже можно предположить о Куникахъ и Кунинѣ, особенно о послѣднемъ, стоящемъ, какъ и Ковалево, на холмѣ и потому заселенномъ съ отдаленныхъ вѣковъ. Наблюденіе за случайными раскопками и находками въ мѣстностяхъ этихъ трехъ поселковъ можетъ дать любопытныя и полезныя указанія для послѣдующей дѣятельности нашего Общества.

Гридницы.

Гридень упоминается въ начальной русской лѣтописи въ друхъ значеніяхъ; въ X—XI вѣкѣ Гриднями княжеской Руси называли княжескихъ меченосцевъ. Имя это произошло отъ Шведскаго слова Greed,—мечь, и занесено въ Русь наемными чужеземными дружинниками изъ страны Ильменской, гдѣ Гридины были раньше лѣтописныхъ вѣковъ Ильменскихъ Гридиновъ или Гридней не слѣдуетъ смѣшивать ни съ княжескими меченосцами, ни съ отборною княжескою дружиною отчаянныхъ сорванцовъ-головорѣзовъ, которые назывались въ XII вѣкѣ то Гриднями, то Мечниками: въ древнѣйшемъ спискѣ Русской Правды, относимомъ, какъ сказано уже, къ долѣтописнымъ временамъ, перечислены сословія, за убійство членовъ которыхъ положена или кровная месть, смерть за смерть, или тягчайшая пеня, если не найдется мстителя; Гридины названы отдѣльно, между русигами и купчинами, составляющими у насъ въ Ильменской землѣ высшее сословіе; а Мечники отдѣльно же, предъ изгоями, за которыми на послѣд-

немъ уже мѣстѣ поставленъ „Словенинъ". Перечислены-ли въ этомъ памятникѣ сословія въ порядкѣ значенія ихъ въ старинѣ съ высшаго до нисшаго, или какъ попало,—во всякомъ случаѣ Гридинъ и Мечникъ древности—сословія различныя. Долговѣчны-ли были въ нашей странѣ эти оба сословія служилыхъ людей мы не находимъ указаній въ мѣстныхъ источникахъ; но объ одномъ, о Гридинахъ, встрѣчаются лѣтописныя замѣтки.

Въ княжеской Руси Гридины и Мечники сливаются уже въ XII вѣкѣ съ отроками, или рабами, и составляютъ дворовыхъ людей, домовую челядь князя; изъ нихъ образовалось позднѣе сословіе дворянъ (В. И. Сергѣевичъ, Вѣче и князь, стр. 353—356). Въ Ильменской же странѣ Гридины имѣли другое общественное положеніе,—они составляли въ томъ же XII вѣкѣ почетное сословіе служилыхъ людей; въ 1195 г. „На зиму позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Чьрниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя, и Новгородьци не отпьрѣшася ему, идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гридьба, и купци" (Новг. I лѣт. годъ 6703, стр. 22—23). Сорокъ лѣтъ спустя, въ 1234 году: „Изгониша Литва Русу оли до търгу, и сташа Рушане и засада, огнищане и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнашая изъ посада, опять бьющеся на полѣ, и ту убиша нѣколико Литвы". (Тамъ-же, годъ 6742, стр. 49), здѣсь оба раза Гридьба участвуетъ въ дѣлѣ вмѣстѣ съ огнищанами и купцами, а въ Русѣ, сверхъ того, и съ гостями. Въ первомъ случаѣ можно-бы принять Гридьбу за тоже, чѣмъ она была въ Руси княжеской,—такъ какъ она шла на Черниговъ съ княземъ; но Всеволодъ призвалъ на помощь себѣ не княжескую дружину, а полки Новгородскіе, земскую рать,—слѣдовательно огнищане, Гридьба и купцы—земское ополченіе; во второмъ случаѣ, въ Русѣ, княжескія дружины вовсе неучаствовали; здѣсь Рушане представляютъ, по нашему пониманію лѣтописной отмѣтки, земскую рать, а свободные люди—особую, въ помощь рати, засаду, составившуюся изъ добровольцевъ, въ числѣ которыхъ являются тѣже огнищане, Гридьба и купцы, да еще и гости,—случайные, временно-заѣзжіе обыватели города. Купцы и гости—безспорно-свободные люди; огнищанъ также считаютъ свободными;—сомнѣнія ученыхъ расходятся только въ опредѣленіи сословныхъ правъ ихъ; ничто не мѣшаетъ признавать огнищанъ за служилыхъ людей, состоявшихъ на кормленіи государства, призванныхъ по этому положенію своему къ отбыванію мостовой повинности по Ярославову Уставу. Татищевъ въ объясненіяхъ къ Русской Правдѣ высказалъ, что это современные ему (второй половинѣ прошлаго столѣтія) огневщики, ходившіе по городу ночью съ огнемъ сторожа. Взглядъ этотъ мы поддерживаемъ относительно первоначальнаго положенія огнищанъ; впослѣдствіи же они были чинами, вѣдавшими внутреннее благочиніе, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ волостяхъ пятинъ. Въ обѣихъ приведенныхъ отмѣткахъ лѣтописи огнищане и Гридьба поставлены рядомъ, а за ними—купцы и гости,—это даетъ поводъ считать тѣхъ и другихъ за должностныхъ лицъ, вѣдавшихъ устройство народныхъ полковъ, или вообще начальствующихъ лицъ; огнищанъ, напримѣръ, какъ имѣвшихъ у себя въ подчиненіи внутреннюю стражу.

Мы видѣли на Ярославовомъ дворѣ Башню и Гридницу (см. стр. 67); мы знаемъ о сооруженіи каменной Гридницы въ 1472 г., и предположили мѣсто ея внутри Ярославова двора, а назначеніе—служить помѣщеніемъ для Вѣчеваго дѣлопроизводства и храненія правительственныхъ бумагъ. Къ XV вѣку въ Новгородскихъ письменныхъ памятникахъ не встрѣчается уже Гридьба XII вѣка. Изъ этого заключаемъ, что Гридницы имѣли въ нашемъ городѣ, въ послѣдніе вѣка самобытія, значеніе приказныхъ избъ Московскихъ.

Мы видѣли также, что въ Новгородѣ были Гридницы питейныя или Обчины (тамъ-же, стр. 66). Въ 1470 году поставили въ Славковѣ Гридницу новую среднюю. Гдѣ есть среднее сооруженіе, тамъ не можетъ не быть и двухъ крайнихъ;—на Славновѣ улицѣ,—положеніе которой опредѣляется, приблизительно, мѣстностью нынѣ существующей церкви Дмитрія Селунскаго, насупротивъ гимназіи, а направленіе ея на полдень—упомянутымъ полузакрытымъ Славковымъ переулкомъ,—было, значитъ, три Гридницы Какія это сооруженія? Недалеко отъ Славковой, къ полдню отъ нея, лежала Рогатица, на которой мы ставимъ дворецъ Степеннаго Посадника. Не были-ли всѣ три Гридницы Посадничьими? При сложности и разнородности обязанностей главы исполнительной власти Новгородскаго Государства можно на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно.

Но утвердительнымъ отвѣтомъ въ объясненномъ смыслѣ вопросъ неисчерпывается: въ Новгородѣ, какъ торговомъ, по преимуществу, посредникѣ не только между Россіею и западомъ Европы, но и между Европою и Азіею, развита была дѣловая,—внѣ семейная. жизнь, съ Обчинами и Гридницами питейными. Отъ Славковой улицы недалеко и до Вощниковъ и до Великаго ряда. На Рогатицѣ. тоже въ сосѣдствѣ съ Славковою, существовалъ, должно быть издавна, „Большой Рогатицкой кружечный дворъ“, сгорѣвшій въ пожаръ 1696 года (Дополн къ Акт. Истор. Ч. XII, № 82). Когда именно онъ учрежденъ,—лѣтопись не говоритъ,—быть можетъ даже послѣ уничтоженія самобытія, уже при Московскихъ порядкахъ; зелено вино и крѣпкіе меды хорошо извѣстны нашимъ предкамъ; былинные Василій Буслаевичъ и Садко-Богатый любили пировать и пили много. Посадникъ Сокира „споилъ“ ливца и вѣсца Ѳедора Жеребца, чтобы выпытать его тайну. Былъ въ Новгородѣ въ древности и пиво-медоваренный заводъ, если названіе одного переулка, помѣщенное въ Уставѣ о мостахъ по списку Дубенскаго „Бардиной улкой“ объяснять направленіемъ его въ ту сторону, гдѣ получалась „барда“; а объясненіе это находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ положеніи улки Бардиной, передѣланой впослѣдствіи въ улицу Бардову и Бордову.

Въ 1527 году жители Бордовы улицы, вмѣстѣ съ жителями улицы Нутной, строили церкви апостола Филиппа и Святого Николы (Пол. Собр. Русс. лѣтописей, Ч. VI, годъ 7035, стр. 283); положеніе второй нами намѣчено выше;—а въ 1571 году загорѣлось на Торговой сторонѣ, въ полѣ, на Бордовѣ улицѣ (Нов. II лѣт. годъ 7079, стр. 166); въ нарядной описи 1623 года Бордова улица проводится по правую стороду Филипповской церкви къ Нутной того времени. Названіе улицы Нутною произошло отъ

древне-русскаго слова „Нуто", означающаго стадо рогатаго скота; уже упомянуто, что Таможеннымъ уставомъ 1571 года приказано продавать коровъ у Ивана Святого на опокахъ, откуда недалеко мѣстность „Мясники" съ названною выше Богородицкою церковью и гдѣ, во дворѣ П. А. Малева, на большой глубинѣ оказался слой навоза. Это мѣсто Устава читается такъ: „Мясникомъ на озерѣ, и за городомъ, и на Бронницѣ, и на Холынѣ, и на Кунинѣ у Нутниковъ коровъ не купати ни на которыхъ городахъ, а гонить Нутникамъ коровы на продажу къ Ивану Святому на Опоки" (Чтеніе Устава по приложенію къ Судебнику Ивана IV, изданному Башиловымъ въ 1768 году, стр. 4). Упоминаніе мѣстностей Бронницы, Холыни и Кунина показываетъ направленіе пути, по которому гоняли скотъ въ Новгородъ; противъ древней Нутной мы видѣли въ внѣшнемъ валу ворота, существовавшія еще лѣтъ сорокъ назадъ;—полагаемъ, поэтому, что стада вступали въ городъ именно этою дорогою. Положеніе древней Бардиной улки, и позднѣйшей Бордовой улицы, по свидѣтельству лѣтописи о пожарѣ въ 1571 году, приходилось, по объясненному выше значенію лѣтописнаго поля,—между валомъ внутренняго укрѣпленія Славенской стороны, направленіе котораго обозначается Щитною улицею, кончавшеюся у Ильинской церкви, а начавшеюся по сю сторону Борисоглѣбской,—и валомъ внѣшнимъ; она, слѣдовательно, тянулась на пространствѣ „поля" вдоль того и другого вала, начинаясь недалеко отъ Филипповской церкви и продолжаясь или до Рогатицы, или до Славковой; на концѣ которой либо изъ этихъ улицъ и былъ, вѣроятно, Пиво-медоваренный заводъ, къ которому велъ проходъ съ Нутной улицы, для пригнаннаго въ городъ скота, отощавшаго въ пути,—на барду, употребляемую и теперь на откармливаніи захудалаго скота, при винныхъ и пивныхъ заводахъ. Вѣроятно, что вблизи Рогатицкаго кружечнаго двора былъ не пиво-медоваренной только, но и винный заводъ, дававшій свои издѣлія на продажу въ этотъ дворъ. Гридница средняя, возобновленная на сосѣдней съ кружечнымъ дворомъ Славковой улицѣ, могла быть, по всѣмъ приведеннымъ даннымъ, Обчиною, или Питейною Гридницею, соотвѣтствующею нынѣшнимъ распивочнымъ. Карамзинъ, считаетъ Гридней княжескими тѣлохранителями, а Гридницею ту комнату во дворцѣ, гдѣ они собирались (см. выше; 476 Примѣчаніе къ I Ч. IX главѣ Исторія Госуд. Росс.). Въ этомъ же значеніи, или какъ помѣщеніе въ княжескихъ покояхъ,—въ дворцовыхъ постройкахъ вообще, названа въ лѣтописи Новгородской Гридница князя Ярослава на Городищѣ: „Пріѣхавъ князь изъ Переяславля, изъима Ольсковици и посади я на Городищи въ Гридници" (I Нов. лѣт. годъ 6740=1232; стр. 48). Съ княжеской Гридницы перешло наименованіе этимъ названіемъ горницы, для всякаго рода собраній, правительственныхъ-ли для дѣловыхъ занятій, или—частныхъ, для бесѣды и удовольствій.

Въ XVI вѣкѣ кружечный дворъ былъ въ вѣдѣніи правительства, какъ и теперь торговля всякимъ виномъ; Питейныя Гридницы подчинялись, должно быть, правительственному надзору. Подъ 1571 годомъ имѣется слѣдующая отмѣтка въ лѣтописи: „Пріѣхали въ Новгородъ діяки опришныя,

Семенъ Θедоровъ съ сыномъ Мишинъ, да Олексѣй Михайловъ старой, да заповѣдали (запретили) перевозникамъ черезъ Волховъ людей перевозити, а ходити по великому мосту велѣли, да заповѣдали винщикомъ не торговати, да и сторожню уставили, на великомъ мосту рѣшотки; а поимаютъ винщика съ виномъ, или пріяного человѣка, и на (по объясненію издателей лѣтописи—и они) велятъ бити кнутомъ, да въ воду мечютъ съ великаго мосту" (II Нов. Лѣт. годъ 7079; стр. 166). Суровая эта мѣра вызвана конечно не заботою объ уничтоженіи пьянства, а покупкою вина торговцами Гридницъ питейныхъ не на царскомъ кружечномъ дворѣ, гдѣ оно продавалось, должно быть, дорогою цѣною, а въ частныхъ складахъ.

Въ книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ",—выписка изъ которой приведена въ статьѣ о дворцѣ Степеннаго Посадника,- сказано, что неподалеку отъ церкви Св. Климента, на полдень, есть древнее каменное строеніе, о которомъ говорятъ, что оно принадлежало также,—какъ и описанный домъ, считаемый за собственность Марθы Борецкой, ей же (стр. 52, выноска). Намъ не доводилось еще изслѣдовать окрестности Климентовской церкви посредствомъ обстоятельныхъ раскопокъ; толковъ обо всей мѣстности около Посадничьяго дворца много, но полагаться на нихъ опасно. На Знаменскомъ изображеніи не видно никакой каменной постройки на полдень отъ церкви Св. Климента; между нею и домами, принимаемыми нами за дворецъ Посадника, вытянулся съ запада на востокъ рядъ небольшихъ обыкновенныхъ обывательскихъ домиковъ;—если Гридницы были невелики, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ частныхъ домовъ, и не каменныя, ихъ могло помѣщаться нѣсколько поблизости и отъ церкви Св. Климента, въ восточномъ концѣ указываемаго ряда домиковъ, и отъ Посадничьяго дворца. А если Гридницы были обширны и каменныя, въ такомъ случаѣ ихъ можно видѣть на Знаменскомъ изображеніи въ пяти каменныхъ однообразныхъ, узкихъ и длинныхъ, постройкахъ, стоящихъ недалеко отъ дворца Посадника, прямо на западъ, очень близко одна къ другой. Мѣсто ихъ придется на нынѣшней Московской улицѣ, въ поперечномъ къ ней направленіи, между домами А. В. Ильчина и И. И. Дорера съ одной стороны, и торговыми помѣщеніями съ противоположной, не занимая переѣзда съ Рогатицкой на Буяновскую улицу.

Общій выводъ этой статьи вызываетъ заключеніе, любопытное во всякомъ случаѣ: если Гридницы на Славковѣ были дѣловыя палаты, подобныя учрежденнымъ впослѣдствіи, въ XVI и XVII вѣкахъ, Московскимъ приказамъ, Новгородъ служилъ для нихъ образцомъ, какъ упорядочившій издавна правительственное дѣлопроизводство, плодами котораго являются уцѣлѣвшіе до нашего времени грамоты и договоры, удивляющіе изслѣдователей отечественнаго прошлаго своею юридическою замысловатостью (Карамзинъ и Дубенскій, Рус. Достоп. Ч. II стр. 289). Если Гридницы были Питейныя,—Обчины, ведущія свое начало съ отдаленныхъ вѣковъ, онѣ свидѣтельствуютъ объ очень давнемъ развитіи въ Новгородѣ общественной жизни на широкихъ началахъ и устраняютъ необходимость искать въ основаніи древнихъ здѣшнихъ учрежденій заимствованій,—они всѣ мѣстныя, самородныя, неисключая даже и суда присяжныхъ, засѣдавшаго въ Одринной палатѣ.

Улицы.

Въ предшествующемъ изложеніи мы уже говорили о значеніи Новгородскихъ улицъ и различали ихъ отъ проѣздовъ и проходовъ. Мы говорили также, что улицы какъ участки, на которые дѣлились концы города,—это учрежденія государственныя, и имѣли свое особенное управленіе въ лицѣ выборныхъ улицкихъ старостъ, отправлявшихъ принятыя на себя обязанности подъ вѣдѣніемъ Кончанскихъ Посадниковъ, которые, въ свою очередь, зависѣли отъ Посадника Степеннаго. Какъ концы, такъ и улицы,—ихъ участки, оставались единицами внутренняго управленія городомъ и соотвѣтственною каждому концу пятиною. Въ такомъ своемъ значеніи Новгородскія правительственныя улицы являются гражданскими памятниками древности, и,—какъ сохранившія до нашихъ дней въ современномъ дѣленіи города только частицы древнихъ площадей своихъ, и то не всѣ,—причисляются нами къ остаткамъ древности гражданской.

Для жизни народа еще ни одно правительство не могло установить долговѣчныхъ правилъ; она всегда и вездѣ шла впереди закона и служила для правителей страны руководствомъ. Въ Новгородѣ, по мѣрѣ увеличенія населенія, жизнь создавала новыя улицы, вызывавшія и новое правительственное распредѣленіе ихъ, какъ Кончанскихъ участковъ. Поэтому для изслѣдователя мѣстоположенія Новгорода представляется невозможнымъ прослѣдить всѣ движенія площадей Кончанскихъ участковъ въ приращеніяхъ, или ущербахъ и выработать ясное о пространствѣ ихъ представленіе, разомъ за все время продолжительной жизни праотца городовъ русскихъ,—приходится по неволѣ довольствоваться лишь приблизительными опредѣленіями.

Надъ изысканіями о мѣстоположеніи древняго Новгорода потрудились: Митрополитъ Евгеній—въ Историческихъ разговорахъ и приложеніяхъ къ нимъ (Москва, 1808 г.); Ник. Назар. Муравьевъ—въ Историческихъ изслѣдованіяхъ о древностяхъ Новгорода (С.-Петербургъ, 1828 г.); Дубенскій—въ Объясненіяхъ Устава о мостахъ (Русс. Достоп. Ч. II); М. П. Погодинъ -въ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ (Три части); Н. И. Костомаровъ—въ Сѣверно-Русскихъ Народоправствахъ Удѣльно-Вечеваго уклада; Руфъ Игнатьевъ—въ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1851—1852 гг.; И. К. Купріяновъ—въ Прогулкѣ по Новгороду, Путеводителѣ и Указателѣ (Новгородъ, 1862 г.); наконецъ И. И. Красовъ—въ Историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго Новгорода (Новгородъ, 1851 годъ). Всѣ эти и нѣкоторые другіе почтенные изслѣдователи относились съ любовью къ предмету, приложили много силъ и знаній,—но недали яснаго представленія о Новгородѣ древнемъ, блестящихъ вѣковъ его самобытія. Произошло это потому, что каждый, не исключая и Красова, задавался слишкомъ широкимъ кругозоромъ и встрѣчалъ въ лѣтописи и другихъ письменныхъ свидѣтельствахъ неточности и противорѣчія. Въ концѣ концовъ всѣ изслѣдованія останавливались на Нарядной описи 1623 г. Александра Чоглокова и дьяка Добрыни Семенова,—а Муравьевъ и Красовъ и на чер-

тежѣ, составленномъ въ 1756 году Геодезистомъ Поповымъ и прапорщикомъ Литвиновымъ,—то есть давали представленіе о старомъ Новгородѣ XVII и XVIII столѣтій, а не о древнемъ.

Д. И. Прозоровскій, по обозрѣніи всѣхъ поименованныхъ трудовъ, нашелъ ихъ неудовлетворительными; полагая, что изслѣдованію о мѣстоположеніи древняго Новгорода долженъ предшествовать сводъ извѣстій лѣтописей о каждой церкви и о каждой мѣстности его отдѣльно, издалъ такой сводъ, напечатанный въ С.-Петербургѣ въ 1887 г., но не пущенный въ продажу. Для мѣстныхъ изслѣдованій трудъ этотъ драгоцѣненъ, какъ полная, насколько возможно, справочная книга, облегчающая подготовительную работу по собиранію данныхъ о церковныхъ и гражданскихъ сооруженіяхъ и мѣстности ихъ. Но и этотъ трудъ, при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, не даетъ прочныхъ основаній къ уясненію положенія улицъ, какъ участковъ концовъ, въ томъ видѣ, какой они имѣли во время самобытія Новгорода и поразили французскаго путешественника Жильбера Деланноа. На нашъ взглядъ единственнымъ руководствомъ, при помощи свода Д. И. Прозоровскаго, представлялось-бы Знаменское изображеніе, но художникъ, писавшій его, старался съ нѣкоторою тщательностью вырисовывать Неревскую сторону, такъ какъ ему, по нашей догадкѣ, заказано было написать, для раки Святого Іоанна Архіепископа, Новгородъ во время Суздальской осады и въ ту именно минуту, когда крестный ходъ двигался по „забралу города“ подъ тучею стрѣлъ непріятеля; Славенскую же онъ не старался писать точно и оставилъ много мѣстъ совсѣмъ пустыхъ тамъ, гдѣ, по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, было наиболѣе густое населеніе; церкви этой Славенской стороны нанесены не всѣ, относительное разстояніе между нанесенными соблюдено здѣсь менѣе, чѣмъ на Неревской, и соотвѣтствіе мѣстъ ихъ не всегда вѣрно. Быть можетъ все это зависитъ отъ того списка, которымъ мы пользуемся;—подлинное слишкомъ темно,—въ нѣкоторыхъ частяхъ настолько, что строгая повѣрка съ нимъ нашего списка не удалась; разрѣшенія же сдѣлать новый списокъ духовная власть Обществу не дала еще. Въ заключеніе статьи объ улицахъ каждой стороны мы сдѣлаемъ ссылки на изображеніе и укажемъ на возможность и другихъ причинъ, вызвавшихъ большіе пробѣлы на Славенской сторонѣ.

Въ настоящемъ изложеніи мы укажемъ приблизительное положеніе улицъ, какъ участковъ концовъ Славенской стороны XV вѣка, сравнительно съ нынѣшними улицами и назовемъ тѣ только проѣзды и проулки въ этихъ участкахъ, которые существовали во время самобытія; а объ улицахъ поздняго времени, пробитыхъ впрямъ по-московски, ограничимся указаніями на положеніе ихъ въ той или другой сторонѣ каждаго участка, придерживаясь нарядной описи, чертежа 1756 года и опредѣленія изслѣдователей: Митрополита Евгенія, Муравьева и Красова.

А) Славенскій конецъ.

Первоначальное заселеніе Славенскаго холма и его склоновъ, какъ кучное, не имѣло раздѣленія на участки,—оно составляло одинъ поселокъ.

Раздѣленіе началось тогда только, когда число обитателей увеличилось настолько, что жители поселка немогли уже знать всѣхъ своихъ сонасельниковъ и нуждались въ обобщеніи окраинныхъ дворовъ отличительными признаками. Въ кучныхъ поселеніяхъ настоящаго времени, быстро разростающихся по обилію особо благопріятныхъ для какого либо выгоднаго промысла условій, тоже повторяется и теперь; если много дворовъ Ивановъ, Петровъ, Матвѣевъ и проч., для отличія одного отъ прочихъ, говорятъ: у Ивана въ берегу, у Ивана на кряжу, и Ивана подъ березой и проч. Въ послѣдствіи наименованія „въ берегу, на кряжу, подъ березой“ становятся участками поселка, его концами. Такъ было, вѣроятно, и на Славенскомъ холмѣ.

Славно.

Общее для всего первоначальнаго поселка имя „Славно“ прошло чрезъ всѣ вѣка долгой жизни Новгорода въ говорѣ народномъ неизмѣнно; оно продолжаетъ свое бытіе и теперь: всѣ улицы и переулки въ частяхъ, приближающихся къ наибольшей высотѣ холма близъ Ильинской церкви, народъ зоветъ „Славно“; нынѣшняя Славная улица, составляющая прямой проѣздъ отъ западной стороны праваго берега да Ѳедоровскаго ручья и продолжающаяся въ томъ же направленіи до внѣшняго вала полночно восточной стороны, приблизительно до древняго Въѣзда и болѣе позднихъ Никольскихъ воротъ, сохранила имя Славной между Ѳедоровскимъ ручьемъ и нынѣшней Нутной улицей; отъ ручья на полночь къ востоку она названа Молотковскою, а отъ Нутной къ берегу Волхова Мало-Никольскою. Между тѣмъ на этомъ послѣднемъ участкѣ она только и проходитъ по первоначальному поселку на холмѣ, т. е. по Славно. Мы видѣли, что за перекресткомъ Нутной и Мало-Никольской, по направленію къ теперешней Знаменской улицѣ, лежитъ, поперекъ улицы Славенской, желобина, соотвѣтствующая тому протоку, который огибалъ первоначальный поселокъ на холмѣ; такъ что Славенскою улицей теперь называется часть проѣзда, не входившаго въ площадь древнѣйшаго Славна. Въ устраненіе затрудненій для будущихъ изслѣдователей Славна, Обществу нашаму слѣдовало-бы просить городовое правительство объ уничтоженіи названія Мало-Никольской улицы и замѣнѣ его Славною.

Береговая часть холма, заливаемая весеннимъ подъемомъ Волхова, оставалась незаселенною до тѣхъ поръ, пока не было тѣсно на возвышенности. Вытянутый чашкою бура при устройствѣ Артезіанскаго колодца во дворѣ Г. М. Смѣтанина комъ перегноя, плотно слежавшагося съ сизою супесью, слѣдуетъ принять за вѣское доказательство бывшей тутъ береговой низменности, поднятой посредствомъ засыпки ея перегнойною, жилою землею, съ щепою и углемъ, спущенною сюда съ мѣстности болѣе возвышенной какимъ-либо вновь прибывшимъ насельникомъ Славна, для устройства жилья. Въ лѣтописи временъ самобытія ни разу не названа Славная улица;

она появляется сперва подъ именемъ Большой въ 1572 г. (II Новгор. лѣт. стр. 172); Славною помѣчена только въ нарядной описи, тамъ же, повидимому, гдѣ была Большая.

Варяжскій участокъ.

Въ изслѣдованіяхъ по вопросу, надъ рѣшеніемъ котораго бьются и западные и наши ученые около двухъ столѣтій,—по вопросу о Варягахъ,—высказано въ одной книгѣ, оставшейся незамѣченною по заурядности ея содержанія, между прочимъ, предположеніе, что это были „ходебники-коробейники“, торговавшіе разною мелочью бездомные бродяги; въ трудѣ же почтенномъ Варягами названы „воришки“. Послѣднее мнѣніе высказалъ, въ видѣ догадки, Антропологъ, Московскій профессоръ А. П. Богдановъ, въ статьѣ: „Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale?—въ книгѣ: Congrès international d'Archéologie préhistorique et d'Antropologie“ (Москва, 1892 г. второго перечисленія, стр. 22). Чтобы еще ближе Европейски-извѣстнаго профессора подойти къ истинѣ о Варягахъ мы, съ своей стороны назовемъ ихъ „воряги“,—то есть воры завзятые, постоянно занимающіеся этимъ постыднымъ ремесломъ,—подобно тому, какъ людей, шатающихся по свѣту, называютъ „бродяги“,—особенно склонныхъ къ обманамъ „плутяги“ и т. п. Относительно прозванія торговцевъ „варягами“ замѣтимъ, что въ Ильменской странѣ, кое-гдѣ, напримѣръ по Шелони и Ловати, держится въ народномъ говорѣ выраженіе „варяжничать“, означающее запрашиванье высокой цѣны при продажѣ;—рукавицы, вязанныя изъ домашней шерсти, съ однимъ или съ пятью пальцами называются „варежки и варишки“ въ окрестностяхъ Новгорода, въ Ильменскомъ побережьи, по рѣкѣ Лугѣ и по тѣмъ же Шелони и Ловати. Въ Безсудной Мстиславовой грамотѣ, или въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1229 года,—встрѣчается такое условіе: „А како будетъ гость Нѣмѣчкыи в городѣ, дати имъ княгини поставъ частины (кусокъ тонкаго полотна), а Тивуну Волочкому рукавичь перстатый Готьскый“ (Рус. Достоп. II, стр. 260). Въ Румянцевскомъ спискѣ это мѣсто памятника читается нѣсколько иначе: „како придутъ Латинскии гость у городъ с волока, дати имъ княгини поставъ чистины; Тиуну на Волоцѣ дати Рукавицѣ, ажъ бы товаръ пьревьзлъ без дѣржания“ (тамъ-же въ выноскѣ). Изъ сравненія этого мѣста договора съ нашими „варежками“ выходитъ, что перстатая рукавица не дѣлалась въ домашнемъ быту ни здѣсь ни въ Смоленской землѣ, а была привозною и, какъ таковая, могла составлять одинъ изъ предметовъ разноснаго торга „ходебщиковъ-коробейниковъ“, отъ прозванія которыхъ варягами и получила свое имя, сохраняющееся въ народѣ. Изъ такихъ ходебниковъ, привыкшихъ торговать въ личную прибыль не безъ обмана, конечно, сельчанъ, могло выработаться неуваженіе къ чужой собственности и готовность ради выгодъ на всякія личныя услуги, не исключая и грабительскихъ, подъ главенствомъ сильныхъ и отважныхъ

предводителей, отличавшихся своимъ богатствомъ. Изъ такихъ предводителей-богачей образовалось особое среди каждаго народа не то сословіе, не то общество, подобное русскому казачеству, бездомныхъ ордъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто кочевниковъ-хищниковъ,—извѣстныхъ подъ именемъ варяговъ. Предводители ихъ, богатые удальцы, назывались особымъ именемъ, происшедшимъ отъ кунъ, какъ единицъ цѣнности, кунигн, конунги, кениги, кунигасы;—послѣднее имя долго сохранялось за крупными землевладѣльцами среди Литовскаго племени и соотвѣтствовало славянскому князь (О кунигасахъ въ изслѣдованіи А. К. Киркора; Древности, Труды Моск. Археолог. Общества, Ч. II, выпускъ 2-й, Москва, 1869 г. стр. 88). Въ мѣстностяхъ на западъ отъ Ильменя, въ пятинахъ Шелонской и Вотьской, до сихъ поръ называютъ казаками, казачками вообще крестьянскихъ работниковъ, неимѣющихъ своего полевого хозяйства.

Варяги-торговцы, провѣдавшіе о возрастающемъ значеніи поселка на Славенскомъ холмѣ и пожелавшіе имѣть здѣсь своихъ представителей, получали дозволеніе поселиться на низменномъ склонѣ холма, заливаемомъ весною. Зимою, въ самое дорогое для мѣховой торговли время, когда обитатели окрестныхъ лѣсовъ Пріильменья приносили въ Славенскій поселокъ звѣриныя шкуры, варяги-торговцы могли спокойно жить на низинѣ, а весною, съ первымъ подъемомъ водъ, они покидали зимнія стоянки и плыли въ ладьяхъ съ мѣховыхъ грузомъ въ разныя стороны, по Ильменской водной области. Во времена лѣтописныя, къ которымъ относятся уцѣлѣвшія выписки изъ Устава о мостахъ на мѣстѣ двора Г. М. Смѣтанина была часть Варяжской улицы и Тевтонскаго двора. Варяги-ходебщики и пловцы первые ознакомили иноземцевъ съ Славенскимъ поселкомъ и открыли къ нему путь, предоставивъ чужестраннымъ находникамъ и свои зимнія своянки. Такъ возникъ, по нашей догадкѣ, Варяжской участокъ въ Славнѣ. Комъ жилого перегноя, слежавшагося плотно съ сизою супесью, мы принимаемъ за свидѣтельство возвышенія береговой низины посредствомъ насыпи перваго заселенія площади Варяжскаго участка. Изъ описанія пожаровъ мы видѣли уже, что Варяжская улица называлась въ 1299 году Великою, что она простиралась до внѣшняго вала (годъ 1418) отъ Волховского берега, (годы 1471 и 1568) и что она называлась и Веряжскою,—вѣроятно по имени Веряжанъ, на ней проживавшихъ и упоминаемыхъ въ одномъ изъ списковъ Ярославова Мостоваго Устава, какъ поселенцевъ рѣки Веряжи, тоже занимавшихся,—можетъ быть „варяжествомъ". Рядомъ съ Варяжскимъ участкомъ былъ, какъ мы знаемъ, древній Торгъ и, кромѣ Тевтонскаго, дворы: Готскій и Плесковскій: а на немъ—Варяжская, или Фряжская церковь.

Проходъ между разсматриваемымъ участкомъ и Торгомъ извѣстенъ подъ именемъ Виткова проулка. Тутъ жили, вѣроятно, обитатели побережій рѣкъ съ именемъ „Витка". Такихъ рѣкъ двѣ близъ Новгорода; одна—между бывщими монастырями Богословскимъ и Родоковицкимъ, сряду за внѣшнимъ валомъ, по береговой дорогѣ къ Антоніеву монастырю,—почти осохшая,—другая верстъ 11 отъ города; течетъ причудливыми извилинами въ

кряжистыхъ берегахъ изъ Пидебскихъ болотъ; она впала въ Волховъ съ лѣвой стороны. Есть и третья Витка, начинающаяся около Любани и впадающая,—если мы не ошибаемся,—въ Тигоду, притокъ Волхова съ лѣвой же стороны; устье Тигоды за Грузиномъ, уже въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Витковляне содержали въ порядкѣ мостовую настилку, пластинную вѣроятно, по Ярославову Уставу, отъ границы Михайловцевъ,—Бардиной или Бордовой улицы,—до Клеймяныхъ сѣней.

Нутно.

По положенію Нутной улицы въ XII вѣкѣ, упомянутой впервые въ лѣтописи по случаю сооруженія Филипповской церкви (въ 1194 году), надобно относить заселеніе мѣстности около этой церкви къ тому времени, когда Славно уже тѣсно застроилось и когда протокъ, огибавшій холмъ въ Славнѣ и замѣнявшій для защиты его ровъ, или осохъ, или былъ засыпанъ, оставивъ ту желобину, которая видна за перекресткомъ нынѣшней Нутной и Мало-Николаевской улицъ. Древнее Нутно лежало за этою желобиною, отъ нея на лѣтній востокъ. Первоначально тутъ былъ прогонъ для скота, выходившаго на пастьбу; впослѣдствіи этимъ же прогономъ вступали въ предѣлы города стада коровъ на продажу, и двигались далѣе къ Мясникамъ. Проѣздъ по Нутной улицѣ имѣлъ направленіе съ полдня на полночь, отъ Филипповской церкви къ Предтеченской на опокахъ (Таможенный уставъ 1571 г.). Въ началѣ ея, сряду за внѣшнимъ валомъ, отъ срединнаго проѣзда выходили другіе два: на полночь къ востоку—Бардина улка, къ предполагаемому Пиво-медоваренному заводу, и на зимній западъ Блудова улка. Площадь Нутна была обширна; наибольшая часть ея разстилалась отъ Филипповской церкви на западъ, заходя и къ полдню и къ полночи; оканчивалась она у полночно-восточныхъ предѣловъ первоначальнаго поселка на холмѣ въ Славнѣ, въ направленіи западномъ къ полдню—у восточной части Нѣмецкаго двора прямо къ западу и на полночь къ востоку у границы Любяницы. Въ XV вѣкѣ участокъ Нутно назывался Нутною великою улицею; на ней жили Посадники: Ѳедоръ Алексѣевичъ, Иванъ Максимовичъ и Иванъ Афанасьевичъ и Тысячскій Яковъ Игнатьевичъ (Акты Юридич. стр. 423). По всей вѣроятности это были Посадники и Тысячскій Славенскаго конца; одинъ изъ нихъ, Иванъ Максимовичъ, участвовалъ въ составленіи упомянутой докончальной грамоты на землю Саввиной пустынѣ.

Лубянка.

Участокъ Славенскаго конца—Лубянка, или Лубяница, образовался позднѣе Нутна. Въ первый разъ лѣтопись о немъ упоминаетъ подъ 1196 годомъ, по поводу основанія каменной церкви Св. Кирилла въ монастырѣ

его имени, противъ Лубянки и на землѣ вѣдомства уличанъ этого участка. Площадь этого участка тянулась въ длину много болѣе, чѣмъ въ ширину; она начиналась у внѣшняго вала, нѣсколько на полночь къ востоку отъ сохраняющейся до нашего времени Преображенской церкви, и кончалась на Волховскомъ побережьи противъ Никольской часовни Дѣтинца, выгибаясь на этомъ протяженіи срединою длины своей на Московскую улицу, примѣрно тамъ, гдѣ теперь выходитъ на нее Предтеченская улица, и захватывая всю ее, съ путевымъ дворцомъ (Штабъ войскъ) и Губернаторскимъ домомъ. Въ площадь Лубянки входили съ полуденно-западной стороны концы нынѣшнихъ улицъ, выходящихъ на Знаменскую: Ильинской, Славной и Мало-Михайловской, часть Большой-Михайловской, приближающаяся къ Московской, часть этой до половины разстоянія между Предтеченскою и Буяновскою и вся Предтеченская; также вся Знаменская; съ полуночно-восточной стороны въ эту площадь вдавались части улицъ, выходящихъ на туже Знаменскую и на Спасскую, составляющую продолженіе ея къ внѣшнему валу: Лукинской, Славной и Мало-Михайловской,—послѣднихъ двухъ, начиная съ половины разстоянія между Знаменской и Рогатицкой. Въ средне-лѣтописныя времена этотъ участокъ дѣлился на трети: Лукинскую, Егорьевскую и Иванскую. Послѣдняя вовсе неизвѣстна изслѣдователямъ; мы нашли ее въ сборникѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей на земли, принадлежащія гостю Семену Гаврилову и сыну его Ивану Семенову, скрѣпленномъ по листамъ и свѣренномъ съ правительственными книгами XVII и XVIII вѣка, на листахъ 40—43. Въ этомъ же сборникѣ упоминаются трети Егорьевская и Лукинская на Лубяницѣ и опредѣляется положеніе ихъ около церквей Луки Евангелиста (см. выше) и Св. Георгія въ Торгу; эта церковь существуетъ. По протяженію площади Лубянки мы заключаемъ, что она возникла тогда, когда эта площадь представляла окраину Славна, пустырь, или даже лежала сряду за отодвинутымъ сюда, послѣ засыпки упомянутаго протока, окопомъ Славна, слѣдъ котораго мы видѣли на Знаменской улицѣ. Имя этого участка происходитъ отъ луба, лубка,—то есть липовой коры, изъ которой и до сихъ поръ разнощики-коробейники выдѣлываютъ, для большей легкости, короба подъ свои товары, которые они носятъ по деревнямъ. Изъ луба же дѣлаютъ кузова для собиранія ягодъ и грибовъ. Кочевники тундръ Мезенской и Большеземельной дѣлаютъ изъ коры березы свои чумы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ далекія отъ насъ времена липовая кора, лубъ, употреблялась на устройство землянокъ, чтобы внутреннія стѣнки не осыпались, а также на крыши деревянныхъ домовъ и подобныхъ сооруженій. Во время возникновенія Лубянки Торгъ сосредоточенъ былъ близъ Славна, такъ какъ участокъ ея имени доходилъ до самаго берега Волхова. Мѣстность Вощниковъ, Петрятина дворища и Буевища приходится за Лубянкою, на полночь къ востоку отъ нея. Возможно, что Католическая церковь Св. Петра, какъ и православная Древній Спасъ, первоначально, еще до заселенія Лубяницы, поставлены были обѣ за городскимъ окопомъ; тамъ же, близъ Св. Петра, заведено и Буевище—кладбище католиковъ.

Въ позднія времена, съ XVI вѣка, на площади Лубянки находились: Малая Лубянка—въ Лукинской трети,—Бояна улка (о ней говорено)—въ Егорьевской трети,—Кожевенники тутъ-же,—Ильина улица—на мѣстѣ нынѣшней Знаменской и—Дубошинъ проулокъ между этой Знаменской и Малой-Михайловской. Въ XVI вѣкѣ появилась въ площадяхъ: Славна, Нутна и Лубянки загородская улица; она шла, какъ мы уже видѣли, вдоль внѣшняго вала отъ Θедоровскаго ручья до Волхова, по ту сторону Ильинской церкви, или за нею, на востокъ къ полдню.

Рогатъ, Рогатица, Рогатая.

По мѣрѣ расширенія Славна на полночь къ востоку населеніе росло и росло. За Лубянкой, не успѣвшей еще окопаться валомъ и рвомъ, возникъ новый поселокъ прибылыхъ искателей выгодъ торговли, слухъ о которой разносился ходебниками во всѣ стороны Ильменской страны и далеко за ея предѣлы. Иноземныхъ находниковъ появилось уже такъ много, что на Славенской береговой низменности, въ Варяжскомъ участкѣ и внизъ по Волхову, не было болѣе мѣста; иноземцы начали селиться на той же береговой низинѣ около церкви Св. Петра и кладбища, а соплеменники Славлянъ, этого славнаго,—прекраснаго по удобствамъ, имъ доставляемымъ, поселка, тѣснились вдоль Лубянки. Хищничество было тогда не порокъ, а молодечество по понятіямъ не только захолустныхъ насельниковъ лѣсовъ и побережій, добывавшихъ себѣ скудное пропитаніе борьбою съ дикими звѣрями, но и предводителей большихъ полчищъ, считавшихъ грабительство доблестью. Славляне, учредившіе общественную жизнь еще на Коломцахъ, успѣли уже въ гражданственности настолько, что выработали уваженіе чужого добра и понятіе о неприкосновенности его, что и привлекало къ нимъ новыхъ и новыхъ насельниковъ. Но пока эти новоприбывающіе не заслужили еще довѣрія туземцевъ, •ихъ остерегались. Не успѣвшіе окопаться Лубянники и сѣвшіе на Буевищѣ иноземцы оградили свои лачуги и склады товаровъ рогатками и сторожевками, около которыхъ разводили по ночамъ костры, для освѣщенія окрестностей и предупрежденія хищничества. Эти рогатки и дали, какъ намъ представляется, названіе поселку, возникавшему за Лубянкою, Рогата, или Рогатаго, а костры—имя сторожамъ—огнищанъ, перешедшее въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ,—долѣтописныхъ и перволѣтописныхъ, на чиновъ внутренняго благоустройства и благочинія.

Въ лѣтописи не встрѣчается раньше XII вѣка имени разсматриваемаго участка Славна; только подъ 1183 годомъ онъ названъ, по поводу сооруженія церкви во имя Св. Ипатія, „Рогатой“. Здѣсь мы ставимъ дворецъ Степеннаго Посадника, первоначальное устройство котораго предшествовало времени основанія церкви, такъ какъ близъ нея мы видѣли часовню, съ мощами находившихся въ ней блаженныхъ двухъ братьевъ, Посадниковъ

Алфановыхъ. Упразднена часовня, какъ и Ипатьевская церковь, въ нынѣшнемъ столѣтіи; оба эти сооруженія показаны на Знаменскомъ изображеніи. Эти два брата причисляются къ тѣмъ пяти, которые почивали въ монастырѣ на Сокольей горѣ, а оттуда перенесены, какъ выше сказано, въ Антоніевъ монастырь. Скончавшимися они значатся въ рукописномъ житіи въ 1115 году. Еще въ 1815 г., во время изданія Исторіи Россійской Іерархіи, часовня, о которой мы говорили по преданію, существовала,—она упомянута Владыкою Амвросіемъ какъ усыпальница двухъ блаженныхъ братьевъ (Истор Росс. Іер. Ч. VI, стр. 173, въ выноскѣ). Перенесены-ли мощи на новое мѣсто при упраздненіи Ипатьевской церкви и часовни, или остались въ землѣ, подъ какимъ нибудь частнымъ домомъ, можетъ быть даже и подъ помойною ямою,—неизвѣстно. Слѣдовательно дворецъ Степеннаго Посадника появился на Рогатѣ раньше 1115 года, если Посадники Алфановы погребены были около него. Едва-ли можно сомнѣваться, что до XII вѣка дворцы высшихъ сановниковъ, тѣсные и старые, находились ближе къ Славенскому холму, а сюда перенесены уже во времена лѣтописныя.

Нынѣшній Ѳедоровскій ручей назывался прежде просто Ручьемъ, въ I Новгородской лѣтописи подъ 1105 годомъ сказано: „погорѣша хороми отъ Ручія мимо Славно до святого Илiѣ“ (стр. 3, годъ 6613);—подъ 1152 годомъ той же лѣтописи читаемъ: „Загорѣся церкы святого Михаила въ средь Търгу и много бысть зла; и погорѣ весь Търгъ и дворы до Ручья, а сѣмо до Славна“ (стр. 11, годъ 6660); онъ и былъ рвомъ окопа вокругъ всего Славна въ долѣтописныя вѣка и до перенесенія новой городьбы на лѣвый берегъ Волхова; до него и разстилалась площадь Рогата, или Рогатицы. За ручьемъ, какъ показали наши раскопки, лежала низменность, едва-ли даже не цѣлое озеро, или заливъ съ проточною водою. Подъ жилымъ перегноемъ тамъ лежитъ непосредственно, или глина, сизая близъ берега Волхова, прикрытая дальше отъ него красноватою кирпичною, или—на Михалицѣ-Молотковѣ, рѣчной мелкій, хорошо промытый песокъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность засѣлялась понемногу, верхніе слои дѣвственной почвы представляются сперва слабо-грязными, а затѣмъ они оказываются чѣмъ ближе къ дневной поверхности, тѣмъ темнѣе и темнѣе, и превращаются въ черный жилой слой съ соромъ и со всякими отбросами. Здѣсь переходныхъ тѣней нѣтъ; на дѣвственную почву прямо налегъ жирный черный перегной; это явленіе и привело насъ къ изложенному выше заключенію, что имя конца за ручьемъ не слѣдуетъ производить отъ плотниковъ,—а отъ плотины; мы поэтому и называемъ его Плотенскимъ; лѣтопись же иногда даетъ ему имя Плотинскаго, еще ближе подходящаго къ плотинѣ.

Когда мокрую низину за ручьемъ засыпали и когда тамъ возникло нѣсколько новыхъ поселковъ, понадобилось и особое отъ Славна, по отдаленности ихъ, наблюденіе за порядкомъ, уже прочно устоявшимся въ нашей мѣстности. Поселкамъ за ручьемъ дали тѣже порядки, что и на Славнѣ, и присоединили къ нимъ часть площади Рогатинскаго участка Славна.

А какъ Славенскія и новыя поселенія составляли оконечности одного большого, по всему правому берегу Волхова до рѣки Витки, заселеннаго пространства, ихъ назвали концами его—одинъ Славенскимъ, а другой Плотинскимъ, или Плотенскимъ. Ручей-же, или прежній ровъ Рогатицкаго окопа, не засыпали, чтобы дать въ немъ мѣсто водѣ, заливавшей Плотенскую низину до искусственнаго возвышенія ея.

Задержанное мокрою низиною распространеніе Славна за ручей вызвало тѣсноту на площади Рогатицы и нѣсколькихъ проѣздовъ и проулковъ къ дворамъ и вообще къ усадьбамъ, особенно выдававшимся по своему значенію и составлявшимъ отдѣльные поселки или участки Рогатицы. Лѣтопись называетъ Бояну улку, Коржову, Славкову и Иварову—улицы; были тамъ еще проѣзды и проходы.

Буяно.

О Боянѣ или Буянѣй улкѣ мы говорили;—она направлялась къ Торгу и вела, какъ проходъ, къ Дмитровской церкви, между Георгіевскою и Предтеченскою на опокахъ; на ней стояла церковь Образа Богоматери, называемаго Одигитрія, которой лѣтопись отводитъ мѣсто на Хутынскомъ подворьи, до сихъ поръ существующемъ. И. И. Красовъ не могъ найти мѣста церквей Дмитріевской и Одигитріи; потому и принимая вообще за улицы только проходы и проѣзды, а не участки концовъ, онъ ведетъ Буяну почти такъ же, какъ идетъ нынѣшняя Буяновская, продолженіе Рогатицкой, т. е. отъ Московской улицы на Волховской берегъ. Мы же даемъ этой улкѣ направленіе по берегу Волхова, отъ Хутынскаго подворья вверхъ по теченію и съ отклоненіемъ на зимній востокъ, мимо Путеваго дворца, къ переулку между Предтеченскою церковью и Губернаторскимъ садомъ, чрезъ древнюю Лубяницу; до этой улицы Буяна представляется поселкомъ съ значительнымъ числомъ дворовъ,—а чрезъ Лубяницу только проходомъ къ Торгу (Красовъ, Мѣстопол. Древн. Новгорода, стр. 115). Въ первой четверти XII вѣка, во время изданія княземъ Всеволодомъ торговаго Устава, „Буевище—Петрятино дворище“ тянулось и за Хутынское подворье, до самаго ручья,—если Кончанскій мостъ,—послѣдняя мѣстность Буевища, предѣлъ его по Уставу,—слѣдуетъ принимать въ нынѣшнемъ смыслѣ, т. е. какъ переходъ чрезъ рѣку, а не какъ вообще мостовую. Послѣ Всеволода берегъ отъ Хутынскаго подворья до устья ручья застроился плотно концами всѣхъ трехъ названныхъ улицъ, Иворовой, Славенской и Коржовой, выходившихъ на берегъ Волхова; по береговымъ концамъ ихъ пролегало продолженіе Буяной улки, опять какъ прохода къ Кончанскому мосту чрезъ ручей. Такимъ образомъ эта улка начиналась отъ берега Ручья проѣздомъ, или проходомъ, чрезъ участокъ Рогатицы, въ особыхъ поселкахъ ея съ проѣздомъ въ каждомъ, называемыхъ лѣтописью улицами Коржовою, и Иваровою,—затѣмъ составляла особый отъ этихъ поселокъ, разстилавшійся вдоль берега и

кончавшійся у Лубянки, наконецъ пересѣкала Лубяницу въ Иванской ея трети, опять проходомъ же къ Торгу, мимо церквей Предтеченской и Дмитріевской.

Коржово.

Коржовая улица была набережнымъ проѣздомъ вдоль Ручья до Волхова отъ нынѣ существующей церкви Дмитрія Селунскаго, вдоль полночно-восточной стороны Славковой улицы; имя это дано проѣзду давно; онъ упоминается, въ смыслѣ улицы въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка,—значится въ купчей 1613 г. (Акты, относящіеся до юридич. быта Ч. II № 148), и названъ въ третьей Новгородской лѣтописи по случаю пожаровъ подъ 1709 и 1712 годами. Недавно, до устройства Лерховскаго бульвара, весь лѣвый берегъ Ѳедоровскаго ручья назывался Коржевою улицею;—Митрополитъ Евгеній ведетъ ее отъ самаго вала къ Волхову (Разговоры, стр. 72); съ нимъ согласенъ и Красовъ (стр. 117); но тотъ и другой указываютъ положеніе этой улицы въ XVIII вѣкѣ; въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка Рождественскій монастырь называется расположеннымъ противъ Рогатицы. Тутъ разумѣется по всей вѣроятности Молотковскій во имя Рождества Богоматери; если онъ, или и другой, на мѣстѣ котораго теперь Рождественское кладбище, или и оба приходились противъ Рогатицы, значитъ между ними и этою улицею не было промежуточной, заслонявшей монастыри отъ Рогатицы;—а изъ этого слѣдуетъ, что ни Коржова, ни другая, о которой будемъ говорить вслѣдъ за симъ, не доходили до внѣшняго вала, такъ что Рогатица выходила полночно-восточною стороною своею прямо на берегъ Ручья. Коржовая же набережная, или улица, не заходила за Дмитріевскую церковь, у которой и оканчивалась—если начинать ее отъ устья Ручья.

Славково.

Направленіе этого проѣзда указываетъ церковь Дмитрія Селунскаго и принадлежащая ей колокольня. Къ полуденной стѣнѣ церкви сдѣлана пристройка, обращенная теперь въ кладовую; въ нее входъ изъ самой церкви; существовалъ нѣкогда и выходъ на сторонѣ, противоположной этому входу, въ настоящее время закладенный. Внутри, надъ входною дверью и на восточной стѣнѣ, сохранялись лѣтъ пять—шесть назадъ, фрески—одна Дмитрій Великомученикъ а другая намъ неизвѣстнаго Святого. По положенію пристройки она служила притворомъ, такъ что входъ въ церковь былъ съ полуденной стороны, а не съ западной, какъ обыкновенно. Колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви и удалена отъ нея саженъ на шесть. Церковь эта существовала до 1261 года, въ этомъ году сгорѣла, но скоро опять возстановлена; вѣроятно была деревянная; въ пожаръ 1326 года, повре-

дившій Климентовскую церковь, ближайшую, Дмитріевская не горѣла; объ этомъ пожарѣ сказано въ лѣтописи такъ: „Загорѣся на Бояни улкѣ и погорѣ до половины Рогатицы, а Славкова улица отъ Дмитрія святого и до поля, а церкы святого Климента огорѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6834, стр. 73). Изъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что проѣздъ съ именемъ Славкова или Славковой улицы шелъ мимо полуденной стѣны Дмитріевской церкви, между нею и колокольнею и оканчивался у поля предъ внутреннимъ укрѣпленіемъ. Митрополитъ Евгеній принимаетъ церковь Дмитрія за начало этого проѣзда; а Красовъ доводитъ его до берега Волхова, основываясь на соображеніи, что если-бы проѣздъ заключался въ предѣлахъ отъ Дмитріевской церкви и до поля, подъ которымъ оба эти писатели разумѣютъ внѣшній валъ, тогда лѣтописецъ не сказалъ-бы отъ какого и до какого мѣста выгорѣла Славкова улица, а выразился-бы такъ—сгорѣла вся (стр. 16). Но Красовъ ведетъ Бояну улку отъ нынѣшней Рогатицкой прямо въ берегъ, почти по нынѣшней Буяновской, мы же—вдоль берега; если пожаръ начался въ томъ мѣстѣ Бояни улки, гдѣ начинался въ XIII вѣкѣ Рогатъ, въ такомъ случаѣ пожаръ пошелъ по этому поселку и, распространившись на Славково, не захватилъ Дмитріевской церкви, которая одна только и уцѣлѣла на всемъ Славковѣ. Для лѣтописца, вѣроятно церковника, это обстоятельство имѣло особенную важность, на его взглядъ сгорѣло не все Славково, главнѣйшая постройка, церковь—не сгорѣла. Поэтому мы присоединяемся къ опредѣленію Митрополита Евгенія, писавшаго „Разговоры" раньше Красова на полстолѣтіе и ближе къ преданію о пространствѣ Славкова проѣзда. Весьма вѣроятно, что онъ и направлялся къ Дмитріевской церкви, главный входъ въ которую былъ съ этого проѣзда;—названная кладовая служила входнымъ притворомъ. Западная сторона Дмитровской церкви выходила на Иворовъ проѣздъ.

Чтеніе указанія приведенной лѣтописной отмѣтки на распространеніе пожара 1261 года до поля, даетъ право доводить Рогатъ до внѣшняго вала, за это поле, или считать слова лѣтописца „до поля" относящимися не къ Славкову только, а вообще къ полю, лежавшему по сю сторону внутренняго укрѣпленія на всемъ его протяженіи; если-бы Славково тянулось до поля, Рождественскіе монастыри, Молотковскій, и другой, гдѣ теперь кладбище, пришлись-бы противъ Славкова, а не противъ Рогатицы. Примиряющимъ эти несообразности будетъ высказанное нами положеніе о двоякомъ значеніи Новгородскихъ улицъ; въ правительственномъ смыслѣ Коржова, Славково и Рогатица—одинъ участокъ Славна,—Рогатъ. Среди не горожанъ, жившихъ въ волостяхъ уже въ XVI вѣкѣ, послѣ самобытія, сохранилось древнее представленіе о Роготѣ или Рогатицѣ, какъ Кончанскомъ участкѣ,—потому они и объяснили составителю писцовой книги о монастырскихъ земляхъ, какъ принадлежащихъ Рождественскому противъ Рогатицы.

Гридницы Славковскія лежали поблизости къ Большому кружечному Рогатицкому двору, если онѣ были распивочными, и къ западо-полдню отъ

Ручья, недалеко отъ внѣшняго вала, гдѣ помѣщена Бардина улица съ ея заводоми.

Иворово.

Положеніе проѣзда Иворова опредѣляется Климентовскою церковью. Евгеній ведетъ его отъ этой церкви чрезъ нынѣшнюю Московскую улицу, не называя конечнаго задняго предѣла; Красовъ назначаетъ этимъ предѣломъ берегъ Волхова, принимая за основаніе лѣтописное свидѣтельство 1547 года объ истребленіи пожаромъ 30 дворовъ въ побережьи Иворовы улицы (II Нов. лѣт. годъ 7055 стр. 152, Красовъ стр. 115). Но пожаръ этотъ относится ко времени послѣ распоряженія Москвы о новомъ распорядкѣ улицъ,—значитъ основывать заключенія на отмѣткѣ о немъ для опредѣленія направленія проѣзда во времена самобытія нельзя. Въ одномъ изъ принадлежащихъ нашему собранію рукописей лѣтописномъ сборникѣ церковь Климента значится основанною на Коржевой улицѣ. Хотя нашъ сборникъ поздняго составленія,—судя по почерку не старѣе второй половины XVIII столѣтія,—тѣмъ не менѣе его не слѣдуетъ исключать изъ числа доказательствъ только по относительной молодости;—составитель нашего сборника, какъ и всѣ прочіе, самые ранніе списатели, пользовались, говоря словами монаха Лаврентія, „ветшаными книгами", съ которыхъ они дѣлали свои переводы въ книги новыя. Составитель нашего сборника имѣлъ предъ собою безъ сомнѣнія, такую памятуху, которая была неизвѣстна другимъ,—но которая происходила, или могла происходить, въ первоначальномъ своемъ изложеніи, отъ современника сооруженія церкви въ 1153 году, когда на мѣстѣ, избранномъ для ея постройки, была площадь проѣзда Коржева. Съ другой стороны отмѣтку нашего сборника можно понять и такъ, что къ церкви Св. Климента вели два проѣзда. одинъ Коржевой, а другой Иворовъ. Во всякомъ случаѣ эта отмѣтка говоритъ, что Коржевой проѣздъ направлялся вдоль Буяной улки, по нынѣшней Московской, начинаясь отъ Климентовской церкви, а кончаясь на берегу Ручья, близъ Дмитріевской церкви. Иворовъ же проѣздъ шелъ чрезъ Московскую улицу отъ мѣста церкви на западъ, имѣя видъ поселка, до Буяни улки, а чрезъ нее къ самому Волхову—только какъ проходъ или проѣздъ.

Любопытно сходство имени разсматриваемаго проѣзда съ знаменитымъ завоевателемъ Даніи VII вѣка Иворомъ. Датскій лѣтописецъ Саксо, прозванный за строгое подчиненіе своей рѣчи законамъ родного языка, Грамматикомъ,—повѣствуетъ, что этотъ Иворъ, завоевалъ Данію, покорилъ себѣ Швецію и завладѣлъ частью какого-то русскаго государства,—за тѣмъ убилъ зятя своего Рерика, царствовавшаго въ Зеландіи. Жена его, дочь Ивора, Овда,—бѣжала послѣ смерти мужа въ Россію съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Гаральдомъ, къ русскому князю Радбрату и вышла за него замужъ. Гаральдъ, возмужавъ, добылъ себѣ, съ помощью кораблей вотчима своего князя Радбрата, Датскій престолъ.

Сказанія лѣтописцевъ Шведскихъ и Норвежскихъ не пользуются между учеными значеніемъ несомнѣнныхъ доказательствъ во всемъ, что относится до Россіи;—ихъ приравниваютъ къ Сагамъ. Теперь-же, когда юная наука народовѣденія, въ союзѣ съ такою-же юною Антропологіею, выдвигаетъ новыя доказательства родства и сходственныхъ бытовыхъ условій между насельниками полуночья и запада Европы, сказанія, представлявшіяся еще полвѣка назадъ не только сомнительными, но и вымышленными, получаютъ другое освѣщеніе. Въ этихъ видахъ, и въ зависимости отъ говора нашихъ Коломецкихъ находокъ, мы считаемъ небезполезнымъ привести нѣсколько отрывочныхъ сказаній Скандинавскихъ повѣствователей, освѣщающихъ, или по крайней мѣрѣ имѣющихъ способность освѣтить, возможность зависимости имени Иварова участка Рогатицы отъ Датскаго Ивора.

Саксо Грамматикъ, бывшій старшимъ священникомъ (Probst) въ мѣстечкѣ Рескильдъ,—(по переводѣ на нашъ языкъ названія этого мѣстечка получается „Колъ для руссовъ"—т. е. мѣсто казни русскихъ плѣнныхъ, посредствомъ сажанья на колъ) могъ знать много преданій и достовѣрныхъ извѣстій отъ тѣхъ руссовъ, которыхъ казнили въ его приходѣ. Онъ пишетъ, между прочимъ: а) Въ началѣ перваго вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, король Датскій Фротокъ I, побѣдивъ въ морскомъ сраженіи русскаго царя Траннора, взялъ городъ его Роталу, гдѣ то въ Ливоніи,—затѣмъ отнялъ у другого русскаго царя Веспазья городъ Пельтискъ и завоевалъ страну третьяго царя Гандувана; на дочери этого царя побѣдитель женился; б) Во второмъ вѣкѣ сынъ Шведскаго короля Готброда Готеръ погибъ въ сраженіи съ Боемъ, сыномъ русской княжны Рынды. Сынъ этого Готера и преемники его имѣли войны въ теченіи всего второго вѣка; в) Въ третьемъ вѣкѣ Датскій король Фротонъ III женился на дочери одного царя Унновъ и вскорѣ развелся съ нею; оскорбленный этимъ поступкомъ Унскій царь соединился съ русскими и объявилъ Фротону войну; но былъ побѣжденъ Датчанами; побѣдитель отдалъ область Хольмгардскую королю Олимеру, Эстію другому королю, а третьему Куннгардію; и г) Въ VI вѣкѣ Шведскій король Ингварь, покоривъ себѣ Эстляндію, направился для дальнѣйшихъ завоеваній въ Россію, но тамъ былъ убитъ.

Іоаннесъ Магнусъ, Архіепископъ Упсальскій, повѣствуетъ: а) За нѣсколько лѣтъ до Р. Х. Готебдоръ, вспомнивъ о насиліяхъ, совершенныхъ въ Швеціи русскими и Эстами, собралъ большое войско изъ Шведовъ и Готовъ, вошелъ въ землю руссовъ, избилъ ихъ множество и принудилъ платить себѣ дань; б) По смерти Готброда Родерикъ, сынъ Готгера, снова началъ войну съ руссами и подчинилъ ихъ Шведамъ; и в) Готскій король Филимеръ, или Вилимеръ (Велемиръ?), царствовавшій въ I вѣкѣ по Р. Х., объявилъ войну русскому царю Гервифу или Гернифу, побѣдилъ его и обложилъ данью,—а управленіе побѣжденною страною отдалъ сыну своему Нордіану. Но Гернифъ оправился и выгналъ Нордіана.

Торфей, повѣствователь Норвежскій, повторяя большую часть приведенныхъ сказаній Сакса и Магнуса, даетъ еще слѣдующія: въ I вѣкѣ Норвежскій владѣтель Гальфдамъ воевалъ въ земляхъ востока, въ Россіи и

въ Ливоніи, — убилъ славнаго русскаго царя Сигтрига и женился на дочери другого русскаго же царя Эймунда. По словамъ его, Торфея, и Сакса сынъ Фротона III Фридлафъ былъ воспитанъ въ Россіи и вступилъ на престолъ при помощи русскаго князя.

Много у этихъ повѣствователей и другихъ свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что восточными и полночно-восточными сосѣдями Скандинавовъ были Русы, имѣвшіе своихъ царей. Сопоставленіе приведенныхъ сказаній, особенно о походахъ руссовъ водою, даютъ право видѣть въ этихъ Русахъ съ Коломоградомъ и Коломгардіею насельниковъ страны Ильменской, сидѣвшихъ по берегамъ озера Ладожскаго и Финскаго залива, или, какъ называли его наши предки даже въ XVI в., озера Котлина (Большой чертежъ); и именно Новгородцевъ. Нашъ Волховъ по ширинѣ и глубинѣ, особенно въ весеній разливъ, продолжающійся до половины Іюня, а иногда и до половины Іюля, представлялся Герберштейну морскимъ заливомъ; — знаменитый князь Курбскій, со словъ-ли Герберштейна, или по личному наблюденію, тоже считаетъ Волховъ если не заливомъ моря, то широкою къ нему дорогою; разсказавъ о кровавой расправѣ Грознаго съ Новгородцами, Курбскій пишетъ: „И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ (Иванъ Грозный): бо въ томъ великомъ сторожительномъ мѣстѣ, въ Новгородѣ, родъ живетъ купелюбенъ: бо маютъ отъ самаго мѣста (въ другихъ спискахъ — лѣта, — града) портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бываютъ; подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ“ (Сказанія князя Курбскаго. Устряловъ, С.-Петербургъ, 1842, стр. 123).

Въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ рядъ данныхъ народовѣдѣнія, Антропологіи и Этнологіи, указывающихъ на общность родоначанія первонасельниковъ полуночья и западо-полуночья Европы, отражающагося особенно рѣзко въ строеніи череповъ и въ наше время. Принявъ тѣ данныя въ самыхъ общихъ чертахъ, нельзя не видѣть понятнаго вполнѣ столкновенія позднѣйшаго потомства первонасельниковъ, въ теченіе вѣковъ обособленія ихъ въ зависимости отъ различія условій внѣшней природы и вліянія ея на бытовой складъ, съ своими родичами, — за преобладаніе, равносильное борьбѣ за существованіе. Нельзя поэтому не искать зависимости Иворова участка Славна отъ того Датскаго Ивора, который могъ навѣстить вдову Рерика Овду, свою дочь, и сына ея, а его внука, Гаральда, если, конечно, Радибратъ былъ княземъ или сановникомъ Новгородскимъ, — въ чемъ едва ли будетъ невѣроятность. Положеніе Иворова участка, или проѣзда, рядомъ съ Буевищемъ и тѣмъ Готландскимъ дворомъ, который купилъ князь Всеволодъ, еще болѣе усиливаетъ объясняемую зависимость: Иворъ Датскій прибывъ въ Новгородъ водою, вышелъ на берегъ тамъ, гдѣ былъ дворъ его земляковъ, а можетъ быть и подданныхъ (мѣсто его, какъ мы видѣли, предоставлено было въ XVI вѣкѣ Датчанамъ, — вѣроятно они его и просили у Великаго князя, какъ принадлежавшее нѣкогда ихъ соотечественникамъ). Близъ Климентовской церкви мы ставимъ дворецъ Степеннаго Посадника; если Радибратъ былъ главою исполнительной власти народнаго правительства, онъ жилъ тутъ же; путь къ этому дворцу съ берега велъ именно

по тому проѣзду, который, придерживаясь показанія нашего сборника, направлялся на западъ отъ Климентовской церкви.

Замѣтимъ здѣсь, что имя Ингварь извѣстно Новгородской лѣтописи какъ наше славянское, и вообще лѣтописи русской (напримѣръ: I Нов. годъ 1238=6746, стр. 50), и что Датскіе короли уже въ XV и XVI вѣкахъ именовались Славянскими и Венедскими или Венедитскими (Соб. Гос. Гр. Румянцева, Ч. V, №№:—110—договоръ 1493 г.; 111—договоръ 1507 г., 112—договоръ 1505 г.; 115—грамота 1558 г. и др.). Въ предлѣтописные наши времена Зеландія сплошь была заселена славянами; заливъ Балтійскаго моря, омывающій полуденно-восточную сторону Ютландіи, назывался славянскимъ; все полуденное побережье этого моря занято было славянами: Лютичами, Бодричами, Поморянами и проч., такъ что къ борьбѣ Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ съ Русью можно примѣнить слова Пушкина: „Это споръ Славянъ между собою".

Изъ приведеннаго обзора мы заключаемъ, что Славно, въ смыслѣ Славенскаго конца, дѣлилось съ древнѣйшихъ, долѣтописныхъ, временъ на пять крупныхъ участковъ, названныхъ впослѣдствіи улицами: Славно, Варяжскій участокъ, Нутно, Лубянка и Рогатъ; въ каждомъ изъ нихъ были, какъ объяснено, проѣзды и отдѣльные участки-поселки, также называемыя лѣтописью улицами или улками. Одни изъ этихъ послѣднихъ образовались во времена долѣтописныя; ихъ мы назвали. Но среди Кончанскихъ долѣтописныхъ участковъ возникали значительные по скученности въ одномъ мѣстѣ, преимущественно около проѣздовъ, новые участки, вызванные большею частію сооруженіемъ христіанскихъ храмовъ до всеобщаго крещенія Руси и послѣ него. Такіе участки разростались около церквей и монастырей. Въ Славенскомъ концѣ ихъ было не много: два христіанскихъ долѣтописныхъ,—это Ильинскій и Михайловскій, пять лѣтописныхъ, это трети Лубяницы—Иванская, Егорьевская, Лукинская,—Щитная и Загородская улицы и одна позднихъ временъ—Посольская. О третяхъ мы говорили, и мѣста ихъ намѣтили. О другихъ же, двухъ долѣтописныхъ христіанскихъ, двухъ среднелѣтописныхъ и одной поздней скажемъ нѣсколько словъ.

Когда образовался поселокъ Ильинскій, обратившейся въ улицу, сказать нельзя. Въ Уставѣ о мостахъ упомянуты Ильинцы какъ мостильщики; но надъ ними мы разумѣемъ церковниковъ и должностныхъ лицъ Ильинскаго прихода, временъ послѣ всеобщаго крещенія, и христіанъ, прихожанъ этой церкви—до крещенія Новгорода. Въ первомъ случаѣ Ильинцы привлекались къ отбыванію мостовой повинности, какъ получавшіе кормленіе отъ государства, а во второмъ, какъ не пользовавшіеся гражданскими правами, одинаковыми съ прочимъ населеніемъ города, иновѣрцы, получившіе, однакоже, выгоды отъ городского благоустройства. Ко временамъ среднелѣтописнымъ былъ уже значительный Ильинскій поселокъ; онъ занималъ окраину Славна, близъ внѣшняго нынѣшняго вала, и тянулся вдоль него между церквами Спасскою и Ильинскою, и далѣе до Волхова. Это окраинное положеніе поселка,—въ мѣстности обѣихъ Спасскихъ церквей (Древній Спасъ), и Ильинской долѣтописной,—подтверждаетъ мнѣніе духовныхъ писателей и

высказанное нами о значительномъ числѣ христіанъ, проживавшихъ въ Новгородѣ до всеобщаго крещенія. Въ среднелѣтописныя же времена существовало два Ильинскихъ проѣзда, одинъ отъ церкви Ильинской прямо къ Торговымъ рядамъ, или къ нынѣшней Успенской церкви, а другой отъ Знаменья къ Нѣмецкому двору и къ тѣмъ же рядамъ. Такимъ образомъ Ильинскій поселокъ и эти два проѣзда, называемые лѣтописью Ильиными улицами, окружали древнее Славно со всѣхъ сторонъ, составляя границу его. При Московскомъ державствѣ Ильинская улица была одна; она направлялась, какъ проѣздъ:—отъ Ильинской церкви на полночь, минуя Филипповскую и Знаменскую,—онѣ оставались вправо отъ проѣзда,—принявъ проѣздъ Нутно и загибаясь близъ восточнаго угла Нѣмецкаго горняго двора, иначе Тевтонскаго, крутою дугою на лѣтній западъ до выхода на Лубяницу, на пространствѣ между Успенскою и Георгіевскою нынѣшними церквами. Переулокъ, отдѣляющій ограду Успенской церкви отъ Тортоваго теперешняго ряда, соотвѣтствуетъ, должно быть, концу Ильинской улицы до самаго XVIII вѣка.

Михайловскій поселокъ прилегалъ къ церкви того же имени съ полночно-восточной стороны ея,—а съ противоположной былъ древній Торгъ. Обыватели его названы въ Строевскомъ спискѣ Устава о мостахъ Михайловцами,—а въ спискѣ Дубенскаго на мѣстѣ Михайловцевъ значится Михайлова улица. Хотя этотъ списокъ, какъ и вся рукопись, послѣднюю часть которой онъ составляетъ, древнѣе Софійскаго Временника, изданнаго Строевымъ, почти на четыре столѣтія, но выраженіе Устава „Михайловцемъ" болѣе соотвѣтствуетъ понятію о древнихъ участкахъ концовъ, чѣмъ „Михайловѣ улицѣ"—какъ проѣзду чрезъ поселокъ. Михайловцы, какъ и Ильинцы, это церковники временъ послѣ крещенія Новгорода и прихожане Михайловской церкви, не граждане города, временъ язычества. Нынѣшнія Большая и Малая Михайловскія улицы доказываютъ, на первый взглядъ, обширность поселка древности; но онъ не могъ тянуться такъ далеко, какъ улицы нынѣшнія; границами древняго были—Тевтонскій дворъ съ полночи, Готскій съ запада и Плесковскій, т. е. Псковскій, съ Варяжскимъ участкомъ съ полдня. Наибольшее протяженіе на востокъ не шло дальше церкви Іоанна Ищекова, или нынѣшняго дома А. М. Стальнова, на мѣстѣ котораго было уже,—судя по выше объясненному положенію церкви Іоанна Крестителя у Нѣмецкаго двора,—Славно.

Щитная и Загородская улицы появились одновременно съ сооруженіемъ, или съ образованіемъ, внутренняго укрѣпленія Славенской стороны, не раньше XIV вѣка, и притомъ самого конца его. Нѣкоторыя подробности приведены будутъ въ статьѣ объ опокахъ. Онѣ шли вдоль внутренняго укрѣпленія, одна съ внутренней стороны его, а другая съ внѣшней.

Улица Посольская, появилась, кажется, во второй половинѣ XVII вѣка. Въ лѣтописяхъ имя ея не встрѣчается; нѣтъ его и въ крѣпостяхъ на земельные участки въ городѣ. Единственнымъ указаніемъ, и то отдаленнымъ, представляется одна подробность о встрѣчѣ Цесарскихъ пословъ въ Новгородѣ, въ 1655 году, у Михайловскихъ водяныхъ воротъ, за городомъ, на

берегу: „А дворы про пословъ изготовлены добрые на Торговой сторонѣ, на Славковѣ улицѣ. А которыми мѣсты послы шли отъ Михайловскихъ воротъ отъ берега до дворовъ (имъ приготовленныхъ) и тѣми мѣсты было людно и стройно по посольскому обычаю“ (Памятники Дипломат. снош. Ч. III, стр. 273). Водяныя ворота Загородныя названы Михайловскими вѣроятно по ближайшей къ нимъ церкви этого имени; а такою во всемъ Новгородѣ была и есть только одна, среди древняго „Търга“. Ворота названы „за городомъ“ потому, что они лежали за береговымъ укрѣпленіемъ, или въ стѣнѣ этого укрѣпленія, какъ „вымлы“ Устава о мостахъ. Нынѣшняя Посольская улица начинается съ Волховского берега, не вдалекѣ отъ Михайловской церкви. Цесарскіе послы стояли на Славковѣ улицѣ, вѣроятно, въ одной изъ гриднихъ, о которыхъ мы говорили. Въ пожаръ 1693 года, истребившій наибольшую часть Славенской стороны, не уцѣлѣли, конечно, и Гридницы. Позднѣйшія посольства имѣли, должно быть, помѣщеніе въ той улицѣ, которая и получила поэтому названіе Посольской. Нынѣшняя улица этого имени значится на чертежѣ 1778 года. Не съ этого-ли времени она и называется Посольскою?

Въ Нарядной описи Новгорода 1623 г. перечислены улицы Славенскаго конца; Митрополитъ Евгеній даетъ объясненіе положенія каждой; Н. Н. Муравьевъ отмѣчаетъ на чертежѣ 1756 г. всякую улицу Нарядной описи и называетъ тѣ, которыхъ нѣтъ въ описи, но которыя показаны на чертежѣ. И. И. Красовъ дѣлаетъ провѣрку мѣстоположенія, опредѣляемаго предшествующими ему изслѣдователями для улицъ описи и чертежа, и сопоставляетъ тѣ и другія новому распредѣленію по чертежу, утвержденному правительствомъ въ 40-хъ годахъ. Объясненія Митрополита Евгенія, писателя ближайшаго, по времени изслѣдованій, къ году составленія чертежа Поповымъ и Литвиновымъ, повторены Н. Н. Муравьевымъ и Красовымъ; послѣдній не согласенъ съ ученымъ Владыкою относительно Славенскаго конца только въ положеніи улицъ Щитной и Кончанской; Евгеній ставитъ ихъ около Ильинской церкви,—а Красовъ близъ Дворища; за основаніе онъ принимаетъ порядокъ, въ которомъ составители описи излагаютъ перечисленіе и полагаетъ, что они начали описывать улицы Славенской стороны съ Дворища. Но этотъ доводъ неубѣдителенъ; во 1-хъ, ничто не мѣшало Чоглокову и Добрынѣ Семенову описывать улицы каждому отдѣльно и каждому въ своемъ порядкѣ,—во 2-хъ, начать опись съ въѣзда въ городъ у Ильинской церкви, гдѣ, какъ мы видѣли, встрѣчали Владыкъ, возвращавшихся съ поставленія, болѣе цѣлесообразно,—отсюда начиналась Славенская сторона,— и наконецъ въ 3-хъ, порядокъ въ перечисленіи улицъ Славенскаго конца не строгій, что видно, напримѣръ, изъ повторенія Дубошина переулка, показаннаго одинъ разъ на Михайловкѣ, рядомъ съ Витковымъ, а другой—на Ильиной улицѣ;—на нашъ взглядъ писцы начинали перечисленіе съ внѣшняго вала. Муравьевъ помѣщаетъ Щитную и Кончанскую на нынѣшней Дворцовой улицѣ, близъ соединенія концовъ Славенскаго и Плотенскаго,—но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы, съ своей стороны, присоединяемся къ мнѣнію Митрополита Евгенія, и ставимъ

въ полуденной половинѣ Славна какъ улицы Щитную и Кончанскую, такъ равно Коро-Иванскую чертежа 1756 г., Славную, Варяжскую, Михайловку, Нутную и Загородскую. Прочія же: Ильину, Лубяницу,—съ ея третями и Рогатицу—со всѣми проѣздами,—въ полночной половинѣ. Чертою раздѣленія половинъ мы беремъ нынѣшнюю Знаменскую улицу.

Нельзя не остановиться на положеніи Рогатицы, отведенномъ ей чертежемъ Попова и Литвинова, и обозначаемой этимъ именемъ въ изслѣдованіи Муравьева. Она начата отъ внѣшняго вала,—пересѣкла улицу Загородскую и направилась прямо на западъ; дойдя до мѣста нынѣшней Мало-Михайловской, гдѣ она вышла на нынѣшнюю же Рогатицкую, Поповско-Литвиновская Рогатица раздвоилась: одна часть ея, наибольшая, повернула отсюда круто, почти подъ прямымъ угломъ, на полдень къ западу, по нынѣшней Мало-Михайловской и уперлась въ Волховской берегъ,—а другая отъ этого угла пошла, нѣсколько отклоняясь на полночь, на пресѣченіе съ нынѣшнюю Московскою, а отсюда прямо на берегъ, чрезъ теперешнюю Дворцовую, въ западно-полночномъ направленіи. Это раздвоеніе и направленіе обоихъ концовъ подтверждаетъ высказанныя предположенія наши о внутреннихъ укрѣпленіяхъ Славенской стороны: концы Рогатицы охватываютъ древній Торгъ съ Михайловскою церковью, дворами Плесковскимъ, Тевтонскимъ и Готскимъ, Ярославовъ дворъ, Великій рядъ, Посадничій дворецъ, Вощники и Петрятино дворище; а прямая, отъ внѣшняго вала до встрѣчи съ Малою-Михайловскою отдѣляетъ древнее Славно съ Лубяницею отъ того новаго поселка, отъ котораго ограждено было это древнее Славно, до устройства окопа, рогатками. Концы Рогатицы, взятые вмѣстѣ съ береговою стѣною или валомъ, представляютъ срединное внутреннее укрѣпленіе, воспоминаніе о которомъ отразилось въ имени обоихъ на чертежѣ 1756 г.

и Б) Плотенскій конецъ.

Какъ возникшій много позднѣе Славенскаго, Плотенскій конецъ не имѣетъ участковъ такой же, какъ Славно, отдаленной долѣтописной древности; мокрая низина, на которой раскинулась вся его площадь, заселялась по мѣрѣ засыпки и подъема мѣстъ подъ постройки. Чтобы имѣть прочныя данныя къ сужденію о приблизительной послѣдовательности образованія здѣсь участковъ, нужно испытать толщу и сравнительное качество жилого перегноя въ разныхъ мѣстахъ. Намъ извѣстно всего пять такихъ мѣстъ, три въ восточной и два въ западной половинѣ площади,—по личному наблюденію, да въ пяти—шести мѣстахъ по свѣдѣніямъ отъ домохозяевъ, недавно строившихся.

Молотково.

Подъ именемъ Молоткова мы разумѣемъ всю часть Плотенскаго конца, между Никитинскою церковію на востокъ до внѣшняго вала, на полночь

до того же вала къ Никольской слободѣ, и на полдень до ручья. Здѣсь поселеніе завелось, судя по толщѣ перегноя, раньше всѣхъ другихъ мѣстъ конца. Вызвано оно, вѣроятно, учрежденіемъ тутъ производства серебряныхъ единицъ цѣнности и Клеймяныхъ сѣней и возведеніемъ построекъ для стражи, имѣвшей назначеніе охранять сѣни и городъ съ этой стороны отъ нападенія хищниковъ. Къ XII вѣку въ полуденно-западной части Молоткова была выше названная церковь Св. Михаила Малеина и окрестности ея назывались Михалицею. Одновременно съ учрежденіемъ Клеймяныхъ сѣней устроенъ близъ Никитинской церкви и дворецъ Степеннаго Тысячскаго, какъ главнаго начальника народной стражи, государственнаго казначейства и внутренняго управленія страны.

Въ книгѣ нашей „Бытовые Остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ указаны предлагаемые западными учеными способы для приблизительнаго вычисленія вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ ледниковыхъ Европейцевъ. Мы остановились на способѣ Швейцарскаго ученаго Морло и примѣнили его къ толщѣ сорной земли, образовавшейся на площади около Софійскаго собора со времени сооруженія его и погребенія въ нынѣшнемъ придѣлѣ, въ память Усѣкновенія главы Предтеча, скончавшихся въ концѣ XII вѣка Святыхъ братьевъ—архіепископовъ Іоанна и Григорія. Съ тѣхъ поръ полъ Собора нѣсколько разъ былъ поднимаемъ, въ устраненіе ската дождевой и весенней воды;—надгробница же надъ мощами Св. Григорія остается не тронутою и приходится теперь въ пещерѣ, ниже площади пола на аршинъ съ четвертью. Минувшею осенью, при исправленіи половой настилки въ Іоакимовскомъ придѣлѣ собора, оказались на стѣнѣ, подъ поломъ, остатки нижнихъ конечностей изображеній Святыхъ,—что подтверждаетъ нашъ выводъ о высотѣ пола нынѣшняго сравнительно съ первоначальнымъ,—а изъ этого слѣдуетъ, что въ семъ съ половиною вѣковъ площадь, окружающая Софійскій соборъ съ полуденной и западной сторонъ, поднялась, насчетъ сорнаго слоя, на аршинъ слишкомъ. Принимая эту толщу за единицу мѣры вѣковъ, уплотненіе нижнихъ слоевъ перегноя отъ давленія верхнихъ и большее наблюденіе за чистотою около церквей, чѣмъ во дворахъ частныхъ сооруженій, мы получимъ для наибольшей толщи жилого перегноя на Молотковѣ, близъ древней церкви Михаила Малеина, около четырехъ аршинъ, свыше двухъ тысячелѣтій времени ея накопленія. Само собою разумѣется, что это вычисленіе неточно, какъ выводимое изъ толщи жилого перегноя на незначительномъ пространствѣ; но, вызываемое одною лишь наглядностью, оно полезно для цѣлей нашего Общества уже тѣмъ, что можетъ привлечь вниманіе къ случайнымъ землянымъ работамъ и увеличить число наблюденій пространства Молотковской мѣстности, для будущихъ изслѣдованій; съ другой стороны выводимое нами число вѣковъ представляется любопытнымъ по отношенію къ единицамъ цѣнности изъ золота и серебра; изобрѣтеніе ихъ приписывается, какъ мы замѣтили уже, Малой Азіи, когда она была населена Туранскимъ племенемъ. Одинъ ученый нумизматъ-археологъ высказалъ недавно, въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ,—въ своемъ докладѣ „о монетныхъ реформахъ

Фидона и Солона: Въ Лидіи впервые стали чеканить монету изъ электрона, т. е. изъ смѣси золота и серебра, при Гигесѣ, за 687 лѣтъ до Р. Х. Возможно приписывать изобрѣтеніе монетъ (размѣнныхъ) Аргосскому царю Фидону, царствовавшему въ концѣ VII вѣка до Р. Х. и чеканившему монеты сходныя съ Лидійскими, на островѣ Эгинѣ (Докладъ А. К. Маркова, въ Маѣ 1891 года). Сношенія Ильменцевъ съ срединною, а особенно съ полночною, Азіею начинались съ каменнаго вѣка и продолжались непрерывно до перволѣтописныхъ временъ. Занесеніе чеканенныхъ единицъ къ намъ задолго до Р. Х. не представляется невѣроятнымъ; въ Новгородѣ попадаются, правда изрѣдка, серебряныя круглыя единицы Греціи и Рима, выбитыя до Р. Х.; въ нашемъ собраніи хранится даже одна мѣдная, Юлія Цезаря, найденная на глубинѣ около 3-хъ аршинъ, при прокладкѣ водосточной подземной трубы по Славной улицѣ, между Знаменскою и Ново-Никольскою. Допустивъ, какъ предположеніе, возможность занесенія въ нашу страну единицъ цѣнности изъ Азіи чрезъ Сибирь, и Каспіемъ и Волгою или Чернымъ моремъ, Днѣпромъ и Ловатью—изъ Малой Азіи, тѣмъ же путемъ, какимъ пробрался на Коломцы Лидійскій пробирный камень, не далеко уже будетъ и до учрежденія Клеймяныхъ сѣней и заселенія Молотковской площади за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, два—три столѣтія послѣ появленія чеканныхъ единицъ и клеймёныхъ брусковъ. Замѣтимъ, что серебряные бруски, находимые въ Сибири, представляются по качеству серебра, по вѣсу, размѣрамъ и по всей внѣшности родными братьями Новгородскимъ; таковы, по крайней мѣрѣ, бруски, которые намъ довелось разсматривать въ Императорской Археологической коммиссіи, когда они были выставлены въ числѣ Сибирскихъ находокъ въ Маѣ 1893 года.

Въ той же книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ“ приведены нѣкоторые данныя, указывающія на Буддизмъ нашихъ предковъ, и въ числѣ ихъ—изображеніе на правой сторонѣ единицъ размѣнныхъ, почти всѣхъ, сколько нибудь крупныхъ, и на нѣкоторыхъ брускахъ. Въ этомъ изображеніи мы видимъ не князя и приниженнаго Новгородца, подносящаго ему дань или даръ, какъ объясняютъ изслѣдователи, начиная съ Митрополита Евгенія и Карамзина и кончая послѣднимъ по времени, графомъ И. И. Толстымъ, зашедшимъ дальше всѣхъ, и увѣряющимъ, что князь есть ни кто иной, какъ Иванъ III,—а совсѣмъ другія лица,—тѣже, которыя, по удостовѣренію большаго знатока, Я. К. Рейхеля, представлены на древнихъ единицахъ Венеціанскихъ, Сербскихъ и Богемскихъ, въ подражаніе будто-бы Византійскимъ. По мнѣнію этого нумизмата изображеніе на Новгородкахъ заимствовано съ единицъ Богемскаго короля Владислава I, царствовавшаго съ 1140 по 1175 годъ (Записки Археологическо-Нумизмат. Общ. I, стр. 7 и 31). На взглядѣ Рейхеля мы не останавливаемся, а приводимъ лишь потому, что имъ относится появленіе изображенія, одинаковаго съ нашимъ, въ земляхъ древне-славянскихъ (въ Венеціи напечатана въ началѣ XVIII вѣка славянскими буквами книга Ѳеодози о Петрѣ Великомъ)—въ XII вѣкѣ. Мы видимъ въ изображеніи Новгородокъ олицетвореніе началъ свѣта и тьмы, по ученію Заратуштра, или Зердушта, или Зороастра, внесенныхъ

этимъ мудрецомъ въ Будійское вѣроученіе; и видимъ не потому только, что находимъ слѣды Буддизма въ странѣ Ильменской, а основываясь на одномъ вещественномъ памятникѣ глубокой древности, не пользующемся, впрочемъ, извѣстностью, хотя напечатанномъ болѣе полувѣка назадъ въ „Gorlaei Dactyliotheca № 326 и 327". Это плитка магнитнаго камня, круглая, тѣхъ же размѣровъ, какъ нынѣшній мѣдный пятикопѣечникъ. На одной сторонѣ ея изображены два человѣка, замѣчательно сходно въ подробностяхъ съ лицевою стороною Новгородокъ, а на другой надпись въ двѣ строки. Изображеніе объяснилъ и надпись прочиталъ не академикъ и не великій ученый, а большой любитель древностей, нѣкто Ландратъ нѣмецкой Помераніи, Тадеушъ Воланскій. Къ объясненіямъ его современные намъ ученые относятся не только съ недовѣріемъ, но даже и съ усмѣшками; да мало-ли надъ чѣмъ смѣются. Раздвигающая свои предѣлы юная наука народовѣдѣнія, въ союзѣ съ археологіею и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, не дозволяетъ относиться пренебрежительно къ догадкамъ и предположеніямъ, если они вызываются любовью къ предмету до исключительности, до увлеченія за границы возможнаго. Если Воланскій и увлекается иногда, пожалуй даже и часто, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ его изысканія были вздорны. Весьма вѣроятно, что этотъ Померанскій Ландратъ, объясняя изображеніе и подпись на магнитной плиткѣ, не зналъ нашихъ Новгородокъ и никогда не видалъ ихъ. Въ человѣкѣ, стоящемъ слѣва отъ зрителя, па томъ мѣстѣ гдѣ наши нумизматы видятъ князя, Воланскій узнаетъ, по лучамъ около головы, по плеткѣ въ правой рукѣ и по протянутой къ другому человѣку лѣвой, Оріена, готоваго къ восходу; на немъ надѣто что-то въ родѣ поясничной перевязи, на ногахъ сапоги до колѣнъ; въ другомъ стоящемъ справа и протянувшемъ къ Оріену руки, съ подобіемъ луны надъ головою и съ длинными волосами, одѣтомъ какъ и первый, съ поясницы, но по самыя ступни,—ноги голыя,—ночь. Надпись читается такъ: „Я есмь ночь, очуни ее". Насколько вѣрно чтеніе—судить не беремся; вся плитка называется Гностическою камеею, потому чтеніе нуждается въ истолкованіи, какъ загадка надписи. Безспорнымъ въ ней является начертаніе звуковыхъ знаковъ, одинаковое съ нашими древними; хотя славянскія и греческія буквы очень близки между собою, но въ пользу славянской рѣчи надписи говоритъ одна, чуждая греческой звуковицѣ, это ч. начертанія по Остромировскому и Мстиславову Евангенію, ко Супрасльской рукописи (у Прохорова въ XI книжкѣ Христ. Древн. 1865 г.) и по всѣмъ памятникамъ до конца XV вѣка. При запутанности вопроса о происхожденіи и образованіи нашей письменности, и при отсутствіи даже попытки къ изученію и объясненію множества „писанницъ" на береговыхъ скалахъ Камы, Печоры, Енисея и другихъ громадныхъ рѣкъ,—писаницъ, очень близкихъ по начертанію знаковъ къ письменамъ славянскимъ, то Кирилловскимъ, то Глаголитскимъ, и Пермскимъ, открытымъ еще Миллеромъ, но до сихъ поръ не изслѣдованнымъ съ внѣшней стороны, данное Воланскимъ чтеніе и, зависящее отъ смысла его, объясненіе изображенія на магнитной плиткѣ, заслуживаетъ вниманія и вызываетъ на размышленія.

Мы упоминали о Нейрояхъ Геродотовыхъ и Невріяхъ Страбона и Аммiана Марцеллина,—упоминали о двухъ вѣтвяхъ ихъ, Сибирской—древнѣйшей и второй, бывшей родоначальною для Литовскаго племени; мы находимъ отраженіе ихъ имени въ Нередицѣ и въ Неревской сторонѣ Новгорода. Не эти-ли Нейрои второй вѣтви принесли въ наши предѣлы вѣроученіе, основанное на началахъ свѣта и тьмы, остающееся въ первобытной неприкосновенности до сихъ поръ среди Индѣйскихъ Парсовъ и нашихъ Бакинскихъ огнепоклонниковъ? Или—не потому-ли Нейрои Пинской низменности поселились, за вѣкъ Даріева похода, какъ повѣствуетъ Геродотъ, въ землѣ Будиновъ, что тамъ утвердилось и окрѣпло Буддійское ученіе съ началами свѣта и тьмы, непризнанное, или гонимое въ остальной Европѣ? Древніе народы имѣли обыкновеніе изображать на своихъ единицахъ цѣнности священные предметы. Отчего-бы и Ильменцамъ не придерживаться того же обыкновенія, особенно если къ нимъ пришли серебрянныя единицы изъ Азіи съ тѣмъ изображеніемъ, которые такъ неизмѣнно повторяется на Новгородскихъ и которое Рейхель видѣлъ на единицахъ славянъ Богемскихъ XII вѣка? Все это возможно, хотя и требуетъ подтвержденій. Если серебряныя единицы принесли въ землю Будиновъ, подъ которою мы разумѣемъ нашу Ильменскую страну, Нейрои Городотовы за вѣкъ до Даріева похода, то есть болѣе чѣмъ за пять вѣковъ до Р. Х.,—тогда и толща жилого перегноя совпадетъ тѣсно съ этимъ событіемъ: Клеймяныя сѣни могли тогда же получить начало и образовать поселокъ въ окрестности, нѣсколько удаленной отъ Славна и значительно отъ Неревской стороны, и охраненный отдѣльнымъ окопомъ и земскою стражею сряду же по учрежденіи Сѣней.

Теперь подъ именемъ Молоткова извѣстенъ небольшой участокъ по обѣ стороны Молотковской улицы, между нею, верховьемъ ручья, считая вступленіе его въ городъ, и внѣшнимъ валомъ.

Въ какомъ направленіи распространялась засыпка мокрой низины, мы указать не можемъ, за неимѣніемъ даже ископаемаго руководителя въ видѣ несомнѣнныхъ размѣровъ толщи жилого перегноя; не можемъ также сказать, быстро-ли, или вяло шло заселеніе этой низины,—хотя существованіе въ далекія долѣтописныя времена широко раскинувшейся по обѣ стороны Дѣтинца площади Неревской стороны, имѣющей болѣе мощную толщу жилого слоя, чѣмъ въ Плотенскомъ концѣ, не даетъ основаній считать быстрое возвышеніе и заселеніе мокрой низины. Въ укоризнѣ воеводы Святополка, прозваннаго „Волчій хвостъ“, обращенной къ земскому ополченію Новгородцевъ: „А вы плотницы суще, а приставимъ вы хоромъ рубити“—можно слышать недавнее, сравнительно, передъ 1016 годомъ, учрежденіе Плотенскаго конца, имя котораго перенесъ Кіевскій военачальникъ, въ насмѣшку, на Новгородцевъ; но этотъ доводъ въ пользу поздняго заселенія низины не настолько убѣдителенъ, чтобы на немъ одномъ основать заключеніе. Оставимъ, пока, до счастливой находки, вопросъ этотъ открытымъ и перейдемъ къ обзору другихъ участковъ разсматриваемаго конца.

Щитно.

Мѣстность, называемая нами Щитно, появляется въ лѣтописи подъ именемъ Щитной улицы впервые только въ 1417 году, по случаю сооруженія въ этомъ году каменной церкви Св. Андрея Первозваннаго. Мы уже указали выше направленіе этой улицы внутри города, отъ берега Волхова нѣсколько выше Борисоглѣбской церкви, на значительномъ разстояніи отъ внѣшняго вала, слѣдуя направленію его, до берега же Волхова въ Славнѣ, не захватывая ни Знаменской, ни Филипповской, ни Ильинской и рядомъ съ нею стоящей Петропавловской церкви, остававшихся между тою Щитною улицею и внѣшнимъ валомъ. Плотенскому концу принадлежитъ часть Щитной, до ручья—отъ Бориса-Глѣба; обнимала-ли она нынѣшнее Молотково—мы сказать не можемъ, но полагаемъ, что и оно лежало внѣ Щитной, между нею и валомъ, имѣя въ древнѣйшія долѣтописныя времена одно общее огражденіе съ Клеймяными сѣнями и дворцомъ Степеннаго Тысячскаго. Когда возникло Щитно и какимъ оно было во времена возникновенія, говоритъ его имя: оно служило внутреннимъ укрѣпленіемъ, такимъ же, какія имѣли концы Неревской стороны, каждый вокругъ своей площади, и существовало уже въ 1391 году, когда Новгородцы ставили костры у каждой улицы. Въ нашемъ собраніи рукописей хранится списокъ: „съ писцовой книги Ивана Яковлечича Морозова, да дьяка Дмитрія Горина, да Ильи Царегородцова, писма лѣта 7058 (т. е. 1550) года Великаго Новаграда Торговые стороны“. Засимъ слѣдуетъ описаніе Михалицкаго монастыря и принадлежащихъ ему земельныхъ участковъ: „Монастырь Михалицкой дѣвичъ;—подъ монастыремъ и кельями отъ Щитной улицы до ихъ садку, что за ихъ кельями, поперегъ Молотковы улицы, 83 сажени, а въ длину отъ Степанкова двора Бороздина до ихъ саду, до Загородскіе улицы, 94 саж. и т. д.“ описывается мѣра участковъ и садковъ до пятаго: „а пятому садку мѣра длина къ Молотковскому костру 30 саженъ“. Списокъ этотъ выданъ въ 1651 году за скрѣпою канцеляриста Филимона Иванова. Изъ этого памятника видно, что Михалицкій Монастырь и всѣ принадлежащія ему садовыя мѣста находились въ XVI вѣкѣ между Щитною улицею и Молотковскимъ костромъ; а костры ставлены въ валу внѣшнемъ. По разсчету длинника садовыхъ мѣстъ выходитъ разстояніе отъ Щитной улицы до Молотковскаго костра, т. е. до внѣшняго вала, болѣе 200 саженъ. На всемъ-ли протяженіи сохранялось это же разстояніе—мы, за неимѣніемъ писцовыхъ книгъ по другимъ мѣстностямъ, сказать не можемъ. Во времена послѣ самобытія Щитно Плотенскаго конца было обнесено деревянною стѣною; подъ 1523 годомъ въ лѣтописи сказано: „горѣла стѣна городная отъ Щитной улицы и Онтоновой, внутри города, и весь Плотенскій конецъ выгорѣлъ“ (IV Нов. лѣт. годъ 7031). Ниже нѣсколько мы увидимъ туже стѣну и близъ Ручья, нынѣшняго Ѳедоровскаго. Въ обнимаемое Щитномъ пространство Плотенскаго конца входили отдѣльные участки, имѣющіе значеніе самостоятельныхъ единицъ правительственнаго дѣленія, въ XV вѣкѣ по крайней мѣрѣ.

Никитинъ участокъ.

Этотъ участокъ получилъ имя Никитиной улицы со временъ основанія на площади его церкви Св. Великомученика Никиты;—а раньше онъ входилъ въ составъ Щитна. Когда здѣсь сооружена первая церковь,—неизвѣстно. Владыка Макарій хотя и говоритъ, будто эта Никитинская церковь поставлена первоначально въ 1378 году—(Опис. Новг. церк. древ. Ч. I, стр. 389), но мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство, что во время пожара 1368 года погорѣлъ Плотенскій конецъ отъ Святаго Никиты до Радоковичъ; „церкви погорѣша и людіи нѣколико погорѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6876, стр. 89). Къ 1378 г. относится возобновленіе церкви. Возможно, что первая Никитская церковь сооружена вскорѣ по крещеніи Новгородцевъ, какъ дворцовая Тысячскаго. Около нея и дворца селились, должно быть, по преимуществу ратные люди, военные чины. Ими, вѣроятно, сооружена была, по примѣру Людиновъ-воиновъ Неревской стороны, церковь Св. Θеодора Стратилата на Ручью, получившемъ отъ нея имя Θедоровскаго. Нынѣшняя Θедоро-Стратилатовская каменная церковь уже не первоначальная; основаніе ея относится къ 1360,—а въ 1329 горѣло въ Плотенскомъ концѣ до Стятого Θеодора, значитъ тутъ церковь была уже. Въ писцовой книгѣ, изъ которой мы взяли нѣсколько строкъ, названы между прочимъ слѣдующія урочища, относящіяся къ Никитинскому или Никитину участку и приведенныя для обозначенія границы садовыхъ мѣстъ, принадлежащихъ Михалицкому монастырю, такъ: „а мѣра одному саду поперегъ полъ 19 саженъ а въ длину отъ Иванкова двора Любивцова 20 саженъ, а другому саду мѣра межъ кельями и боровитиновыхъ *отъ города*", то есть отъ Щитной стѣны, продолжавшейся и здѣсь до самаго—Ручья, „в длину *по Никитцкой трубы по вымолъ 47 саженъ*". Никицкая труба—это канава открытая, прокопанная для осушки мокрой низины, остававшейся еще недостаточно окрѣпнувшею къ XVI вѣку, или направлявшаяся по мало поднятой и потому незастроенной мѣстности;—выраженіе „по вымолъ" указываетъ на конецъ трубы, спущенной въ Ручей по глубокой выемкѣ. Мы называемъ „вымлы" Устава о мостахъ, именно, выемками въ береговомъ укрѣпленіи для водоснабженія и для судовыхъ пристаней.

Въ Никитинъ участокъ входили проѣзды: Θедоровскій—по берегу Ручья отъ нынѣшней Молотковской улицы до Волхова, и другой Θедоровскій отъ церкви Св. Θеодора по направленію къ Андреевской—и Маницынъ—между Щитномъ и Никитинымъ участкомъ. Были еще проходы и проулки, но объ именахъ ихъ мы свѣдѣній не имѣемъ,—видимъ же ихъ на Знаменскомъ изображеніи.

Въ XVI вѣкѣ, во время проживанія въ Новгородѣ царя Ивана Грознаго со всею семьею и дворомъ, проводили отъ Никитской церкви къ Волхову трубы каменныя въ 1571 году (Соф. Временникъ). Значитъ и здѣсь низина не свободна была отъ влажности, какъ и на полдень къ востоку отъ этой же церкви.

Запольскій участокъ.

Пространство между Щитномъ или Щитною улицею и внѣшнимъ валомъ называлось Запольемъ и Запольскою улицею. Здѣсь стояли: Борисоглѣбская церковь, существующая съ 1377 года каменною; нынѣшняя поставлена на мѣстѣ древней между 1528 и 1531 годами, и монастырь Евѳиміи Всехвальной съ 1197 и до 1696 года. Мѣстность обоихъ этихъ сооруженій извѣстна. Запольскій участокъ простирался отъ Волховского берега до Молоткова. Проѣздъ, соотвѣтствующій концу нынѣшней Дворцовой улицы и пересѣкавшей Щитно, назывался Оловянкою; онъ велъ на дорогу къ монастырямъ—Богословскому, Радоковицкому и Антоніеву, берегомъ,—и на другую, направлявшуюся къ Хутыни.

Подолъ.

Въ лѣтописи встрѣчаются „Подоліе" и „Подолъ" съ половины XI вѣка и до половины XV; на чертежѣ Попова и Литвинова, какъ мы видѣли уже, отмѣчены надписью „Подолъ" три мѣстности, представляющія довольно высокій подъемъ береговъ Волхова: въ Славнѣ, въ Людиномъ концѣ и въ Плотенскомъ. Славенскому подъему соотвѣтствуетъ древній княжескій участокъ, а Людинскому, какъ увидимъ, Кромный городъ. Тамъ въ обѣихъ мѣстахъ подъемъ берега естественный; въ Славнѣ онъ заселялся иноземными находниками съ засыпкою низины и образовалъ особый участокъ. Здѣсь, въ Плотенскомъ концѣ, Подолъ весь искусственный. Онъ занималъ береговое пространство отъ устья ручья и до древняго Щитна. Засыпка легла непосредственно на сизую глину у самаго Волхова и на красноватую, слегка надвинувшуюся на первую; на незначительномъ разстояніи отъ урѣза рѣчного уровня пластъ красноватой глины скрылся подъ русло ручья, какъ сказано выше, не доходя нынѣшняго постояннаго Ѳедоровскаго моста. На пространствѣ между этимъ мостомъ и Молотковскою нынѣшнею улицею выходилъ, по приведенному мѣсту писцовой книги 1550 года, „вымолъ" Никитской трубы. Изъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что наиболѣе мокрая часть Плотенской низины лежала между нынѣшнимъ мостомъ чрезъ Ѳедоровскій ручей, церковью Св. Никиты и концемъ Молотковской улицы, выходящимъ на Ручей; отъ моста же по направленію къ Волхову низина поднималась постепенно; эта-то мѣстность и составляла Подолъ Плотенскаго конца. Когда именно она заселена—мы не знаемъ; но, какъ лежавшая особнякомъ, могла быть тѣсно застроена издавна.

Первое лѣтописное извѣстіе о Подолѣ относится къ 1069 году, подъ которымъ значится: „Погорѣ Подоліе" (I Нов. лѣт. подъ 6577, стр. 2); но къ которой мѣстности относится эта запись? Возможно, что въ XI вѣкѣ было занято постройками только одно Подоліе,—потому лѣтописецъ и не нашелъ нужнымъ поставить къ нему отличительный признакъ. Если Подо-

ломъ называлась въ его время береговая часть Славенской стороны у Великаго моста, и если-бы пожаръ былъ тамъ, погорѣли-бы и Ряды Торговые;—погорѣлъ-бы Торгъ и Варяжскій участокъ въ томъ случаѣ, когда-бы Подоліе относилось къ Славенскому берегу. Сорокъ лѣтъ послѣ этого пожара „погорѣ,—въ 1112 году,—городъ Кромный отъ Лукынъ пожаръ" (тамъ-же годъ 6620 стр. 4). Подолъ Неревской стороны стелется непосредственно у Кромнаго города и совсѣмъ не пригоденъ для поселка по вязкой топи, по тому о немъ и не упомянуто здѣсь какъ о погорѣвшемъ. Наиболѣе подходящею для Подолія мѣстностью приходится, поэтому, та, что лежитъ между ручьемъ и Щитномъ, близъ берега Волхова. Во времена болѣе позднія, именно въ 1360 году, погорѣли: „Подолъ и Горнчарскій конецъ" (1 Нов. лѣт. годъ 6868, стр. 83);—значитъ и вязкая топь застроилась, благодаря сгущенію населенія въ Кромномъ городѣ и поблизости отъ него, гдѣ проживало много иноземцевъ, преимущественно нѣмцевъ Балтійскаго поморья. Такимъ образомъ Подоліе 1069 г. не выясняется настолько, чтобы съ увѣренностью указать его мѣстность. Можно, пожалуй, усматривать разницу въ выраженіяхъ „Подоліе и Подолъ" и предположить, что подъ первымъ лѣтописцемъ разумѣлъ площадь болѣе обширную, чѣмъ подъ вторымъ, и поднятую искусственно; въ такомъ случаѣ погорѣло Подоліе Плотенскаго конца.

На всемъ пространствѣ, отводимомъ нами этому Подолу, не сохранилось слѣдовъ ни одной церкви. Не занято-ли было оно первоначально дальними находниками—чужеземцами не христіанами? ихъ не могло не быть въ Новгородѣ съ долѣтописныхъ временъ, когда сношенія съ Азіею служили для нашей страны источникомъ обогащенія. При полной вѣротерпимости Новгородцевъ можно дать мѣсто предположенію и въ этомъ смыслѣ: какъ находникамъ-торговцамъ западной Европы указано было селиться на низинѣ Славна, такъ и азіатамъ—на береговой полосѣ за ручьемъ. Но приводя эту догадку необходимо оговориться, что Новгородская лѣтопись временъ самобытія ни разу не упомянула о гостяхъ азіатскихъ, какъ о жителяхъ города. Могло это случиться и не зависимо отъ существованія цѣлаго даже поселка азіатовъ, такъ какъ всѣ иноземцы были по понятію того времени „нѣмцы".

Вопросъ объ азіатскихъ гостяхъ въ Новгородѣ не былъ еще затронутъ изслѣдователями; какъ совершенно новый, онъ требуетъ глубокаго изученія. Памятники письменные, мѣстные и обще-русскіе, не даютъ почвы для изысканій въ этомъ направленіи; вещественные же, собранные въ предѣлахъ Ильменской страны, какою она отражается въ договорахъ Новгородцевъ съ князьями великими и удѣльными, и въ другихъ памятникахъ, писанныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, стали предметомъ изученія весьма недавно, не болѣе четверти вѣка назадъ, благодаря почину графа А. С. Уварова, учредившаго Московское Археологическое Общество. Еще позднѣе, лѣтъ 15 назадъ, они вошли въ число предметовъ преподаванія въ высшія учебныя учрежденія. Къ сожалѣнію наши ученые, и вообще лица, приставленныя къ собиранію и храненію вещественныхъ памятниковъ, еще не вы-

работали даже общихъ началъ для основанія науки о русскихъ древностяхъ. Сдѣланныя недавно попытки графомъ И. И Толстымъ и профессоромъ Н. П. Кондаковымъ, давшими четыре выпуска книги „Русскія древности въ памятникахъ искусства", —говорятъ о русскихъ древностяхъ только своимъ названіемъ, содержаніе же все посвящено древностямъ такъ называемымъ классическимъ и лишь десятокъ страницъ послѣдняго выпуска отведенъ Кіевскимъ, да и то церковнымъ, за исключеніемъ серебряныхъ единицъ цѣнности временъ Владиміра святого, Ярослава и Святополка. Теперь въ Новгородѣ нѣтъ ни одного предмета древности не церковной; относящагося къ вещественнымъ памятникамъ ископаемымъ—мѣстнымъ, или восходящимъ къ IX—X вѣку. Они несомнѣнно были, но свезены въ Москву, въ числѣ награбленныхъ, по повелѣнію Грознаго, сокровищъ въ монастыряхъ, церквахъ и въ частныхъ домахъ тысячъ зажиточныхъ граждань. Подробности разгрома Новгорода приведены въ третьей лѣтописи, подъ 7078 годомъ, въ особой статьѣ, по двумъ спискамъ, озаглавленнымъ такъ, въ первомъ спискѣ: „О приходѣ царя и Великаго князя Іоанна Васильевича, вся Россіи самодержца, како казнилъ Великій Новгородъ, еже Оприщина и розгромъ именуется" и во второмъ спискѣ: „Въ лѣто 7078 (т. е. 1570), Генваря во 2 день, благочестивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Россіи самодержецъ, ходилъ со гнѣвомъ на Великій Новградъ и на Архіепископа Пимина, и на его владычнихъ бояръ, и на изящныхъ именитыхъ людей, и на всѣхъ градскихъ жителей" (III Нов. лѣт. стр. 254—262). Въ двухъ сборникахъ, нами сохраняемыхъ: „Оприщина и разгромъ" изложены нѣсколько иначе.

Если изъ награбленныхъ сокровищъ нѣкоторые не церковные предметы еще и цѣлы въ Москвѣ, все таки невозможно съ точностью опредѣлить принадлежность ихъ Новгороду, за неимѣніемъ описей. Недавно оглашено намѣреніе И. Е. Забѣлина произвести поиски въ подземельяхъ Московскаго Кремля, сохраняющихъ книги и разные письменные памятники, принадлежавшіе Ивану Грозному. Въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго" Голикова помѣщено сказаніе объ одномъ изъ подваловъ, въ которомъ хранились въ огромномъ количествѣ мѣшки съ деньгами чекана до Петровскихъ временъ, и другія серебряныя древнія вещи. Съ открытіемъ подземелій можно разсчитывать на обнаруженіе драгоцѣнныхъ памятниковъ Новгородскихъ, особенно письменныхъ: въ Актахъ Археографической Экспедиціи напечатана „Опись Царской Архивы"; въ ней показано много „коробей Новгородскихъ" съ книгами и докончальными грамотами; противъ значительнаго большинства записей о нихъ сдѣланы помѣты въ 1568 и 1569 годахъ: „Государь взялъ къ себѣ". Съ вѣроятностію можно предположить, что царь, замысливъ разгромъ Новгорода, выбралъ „изъ Архивы" всѣ памятники, которыми не оправдывались причины казней и грабежей, предрѣшенныхъ по внушеніямъ человѣко-ненавистныхъ подстрекателей, возводившихъ на злополучный городъ небылицы и дикія клеветы.

Въ Нарядной описи показаны въ Плотенскомъ концѣ, кромѣ упомянутыхъ, еще слѣдующія улицы: въ Запольскомъ участкѣ—Конюхова, Заго-

родская, Антонова и переулокъ Ивановской, и Заполья Никитинское и Радоковицкое. Митрополитъ Евгеній ведетъ первую улицу отъ Волхова, мимо Евфимьина монастыря къ нынѣшней Московской улицѣ; Загородскую—за рѣчкой Виткою, гдѣ былъ Радоковицкій монастырь; Антонову—внизъ по Волхову, за Родоковицкимъ монастыремъ по дорогѣ въ Антоніевъ, и Ивановской переулокъ—изъ города къ церкви Іоанна Богослова, нынѣ существующей, за внѣшнимъ валомъ. Заполья лежали: одно по берегу Волхова противъ Никитинской улицы, а другое отъ Радоковицкаго монастыря на востокъ.

Участки Славенской стороны по Знаменскому изображенію.

Знаменское изображеніе даетъ слишкомъ мало относительно Кончанскихъ участковъ Славенской стороны. Зависятъ-ли оставленные на немъ пробѣлы отъ задачи художника, или отъ несовершенства нашего списка и отъ другихъ причинъ, упомянутыхъ въ началѣ статьи объ улицахъ, во всякомъ случаѣ не лишнимъ будетъ остановиться нѣсколько и на пожарахъ, возникавшихъ въ Новгородѣ около времени написанія изображенія, т. е. въ первую четверть XVI вѣка. Здѣсь, при скученности построекъ, пожары производили иногда ужасающія, по количеству уничтоженныхъ дворовъ и по человѣческимъ жертвамъ, опустошенія, слѣдамъ которыхъ остался, быть можетъ, вѣренъ художникъ, писавшій свою работу вскорѣ послѣ пожаровъ.

Въ лѣтописи имѣются слѣдующія извѣстія о пожарахъ, начиная съ послѣднихъ годовъ XV и до второй четверти слѣдующаго столѣтія: а) Въ 1494 году: „10 Апрѣля загорѣлось отъ Микиты отъ денежника съ Дворища, и погорѣло три церкви, Никита, да Пятница, да Борисъ и Глѣбъ, а Иванъ Велики отняли,—*а маковици до половины розбили*,—а Успеніе Святыя Богородица отнялижъ; послѣ жъ и ряды горѣли и выгорѣша ряды вси до великого мосту, мало не до половины, а переняли у Лубяници, одна сторона улици горѣла, а другая не горѣла“ (II Нов. лѣт. годъ 7002; стр. 146); б) Въ 1508 году, „Августа въ 20 день бысть пожаръ золъ: загорѣлось на Славковѣ улици, въ Окуловѣ дворѣ Хмелниковѣ, у Логиновы жены у Катерины въ клѣти, отъ свѣчи, и погорѣла Торговая сторона вся, *и многи полаты позасыпались*, и животовъ безъ числа сгорѣло; и церковь Святого Дмитрея выгорѣла вся въ Торгу, и животы, а другая церковь выгорѣла на Щитной улици, вся, Святого Андрея. И николи же въ Великомъ Новѣградѣ таковъ пожаръ небывалъ, ни въ прежнихъ лѣтахъ, но весьма былъ страшенъ, ни въ лѣтописяхъ таковаго пожара инаго не обрѣтохомъ толь злаго: яко облаци дождевни того дни не быша, и за много дней бысть ведро веліе и гремѣніе, ведро бысть страшно на небесѣхъ и на земли, страшнѣе же небеснаго труса“. Далѣе приводятся подробности о сгорѣвшихъ людяхъ и благоговѣйныя размышленія современника (Тамъ-жо, годъ 7016, стр. 157); в) Въ 1521 году бысть пожаръ великій въ Вели-

комъ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, въ Плотинскомъ концѣ: загорѣлося, по Ильинѣ дни незамного, у Бориса и Глѣба на Запольской улицѣ, и и Оловяника выгорѣ, и Святая мученици Еуѳимія храмъ огорѣ и монастырь весь выгорѣ" (Полн. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7029, стр. 281); и г) Въ 1523 году, „весною, на святой недѣли, былъ пожаръ добрѣ великъ, и стѣна городная отъ Щитной улицы и Онтоновой, внутри города, и весь Плотенскій конецъ выгорѣлъ". Объ этомъ пожарѣ сказано выше.

Такіе пожары могли обратить всю Славенскую сторону въ пустырь, особенно въ первое время послѣ уничтоженія самобытія, когда граждане состоятельные были выселены тысячами семействъ далеко за предѣлы Ильменской страны, Торговые дворы иноземцевъ закрыты, а Московскіе торговцы не привились еще къ новому мѣсту.

Чтобы имѣть основаніе къ сужденію о зависимости пробѣловъ Знаменскаго изображенія отъ приведенныхъ пожаровъ,—остановимся на двухъ подробностяхъ. Въ пожаръ 1494 года церковь Іоанна Предтечи на опокахъ, названную лѣтописью „Иванъ Великій", отстояли, но маковицы до половины разбило. Значитъ до этого пожара на Предтеченской церкви было нѣсколько главъ (маковица—глава, близко похожая на головку огороднаго мака; такія именно главы имѣютъ многія изъ нынѣ существующихъ здѣсь церквей, основанныхъ около XV вѣка); вѣроятно три, излюбленное число нашихъ древнихъ храмоздателей. На Знаменскомъ изображеніи эта церковь представлена одноглавою. Въ отмѣткѣ подъ 1508 годомъ сказано: „И мнози полаты позасыпались". Здѣсь разумѣются большія каменныя, не церковныя, сооруженія; деревянныя, конечно, сгорѣли до тла. При общемъ обзорѣ каменныхъ зданій мы видѣли, что на Неревской сторонѣ ихъ больше, чѣмъ на Славенской. Между тѣмъ люди богатые, именитые, жили въ Славенскомъ концѣ,—тутъ, поэтому, должно быть преобладаніе каменныхъ домовъ. Но если они, или многіе изъ нихъ „позасыпались"—возстановлять было некому,—хозяева—въ ссылкѣ.

Сдѣлавъ необходимую на нашъ взглядъ оговорку, отмѣтимъ застроенныя, по Знаменскому изображенію, мѣста Славенской стороны.

Въ Славнѣ особенно пусто; отъ Ильинской и Петропавловской церквей на востокъ, и на полдень до стѣны внѣшняго вала, нѣтъ ни одной постройки; на полдень къ западу всего пять, и они какъ-бы нежилые каменные сараи; на западъ, за оградою, два зданія каменные же, оба жилые и между ними одно, похожее на церковь; это должно быть Варяжскій участокъ; рядомъ съ оградою, нѣсколько на полночь отъ нея, круглая площадь, тоже обнесенная оградою, съ растущими деревьями, она примкнула почти къ самой городовой стѣнѣ по берегу Волхова. Между этою площадью и полуденною стороною Дворища, на мѣстѣ, отводимомъ нами Готландскому торговому двору, называемому иногда Нѣмецкимъ—рѣчнымъ, четыре большихъ каменныхъ дома. Отсюда на востокъ, около Михайловской церкви, два каменныхъ жилыхъ и три деревянныхъ дома. Отъ Ильинской церкви на полночь къ западу стелется широкій проѣздъ къ мѣсту нынѣ существующей Успенской церкви, показываемой лѣтописью „въ Торгу, на козьемъ бродѣ,

на козьей бородкѣ“. Проѣздъ соотвѣтствуетъ Большой улицѣ 1572 года (упомянута выше)—онъ былъ тою дорогою, которою вступали въ городъ у Ильинской церкви, Славенскими воротами подъ башнею того же имени, Владыки, возвращаясь изъ Владиміра и изъ Москвы по поставленіи. Отъ проѣзда на востокъ пространство между нимъ и стѣною внѣшняго вала занято:—отъ Ильинской церкви на полночь—обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ оградою съ каменнымъ большимъ домомъ во всю почти длину восточной части ограды; это или Воскресенскій монастырь, или Плесковскій торговый дворъ; послѣдній вѣроятнѣе,—такъ какъ на большомъ домѣ не видно никакихъ признаковъ церковнаго сооруженія, да къ тому же и существованіе Воскресенскаго монастыря въ XVI вѣкѣ, какъ самостоятельнаго, сомнительно; внутри двора пусто. Противъ восточнаго угла ограды этого двора, у самой стѣны вала, двѣ маленькія деревянные избушки. На лѣтній востокъ отъ двора, между церквами Павловою и Филипповскою, вытянулся съ полдня на полночь, отдѣльный поселокъ; должно быть это Нутно. На пространствѣ городовой стѣны внѣшняго вала, соотвѣтствующемъ протяженію поселка, противъ обоихъ концовъ его по башнѣ: одна Павлова, а другая Нутненская;—разумѣется эти имена вѣрны въ томъ только случаѣ, если поселокъ будетъ Нутно. Отъ поселка и Филипповой церкви на западъ, между нимъ и широкимъ проѣздомъ, стоятъ какъ бы особнякомъ четыре каменныхъ дома; одинъ не высокій, но длинный, похожій на сарай; другой, позади его, высокій, но не обширный, и два небольшіе, оба жилые; построены дома тѣсно другъ къ другу; ограды нѣтъ; приходятся противъ Дворищенскихъ церквей. Возможно, что этотъ участокъ-особнякъ, опустѣлый послѣ 1478 года, Тевтонскій или Нѣмецкій горній торговый дворъ; ограда его въ который нибудь изъ описанныхъ пожаровъ сгорѣла и не возобновлялась до занятія двора снова иноземными гостями. Отъ башни, которую мы назвали Нутненскою, потянулся широкій проѣздъ, мимо полночнаго конца предполагаемаго Нутна, прямо къ Торгу. Вдоль полночной стороны этого проѣзда раскинулся обширный поселокъ съ Знаменскою и Лукинскою церквами; въ срединѣ онъ въ видѣ неправильнаго равносторонняго четыреугольника; пространство около церквей и вся средина не застроены; между церквами—широкій проѣздъ, начинающійся отъ башни внѣшняго вала, которая приходится противъ средины поселка; онъ направляется впрямъ чрезъ Торгъ и Великій рядъ къ Вощникамъ и Буевищу. Поселокъ этотъ и проѣздъ въ немъ, соотвѣтствуютъ Лубяницѣ, а полночною стороною—Рогатицѣ. Въ западномъ концѣ этой стороны написаны тѣ два дома, которые мы считаемъ дворцомъ Степеннаго Посадника. Вдоль полночной стороны Лубяницы-Рогатицы,—заворачивающей нѣсколько, близъ стѣны внѣшняго вала, на полдень къ ряду избушекъ, стоящихъ у самой стѣны вдоль протяженія ея къ полдню до той башни, съ которой потянулся проѣздъ къ Вощникамъ и къ Великому ряду,—идетъ отъ этой же башни, неширокій проѣздъ,—справа вдоль стѣны вала на полночь, а затѣмъ заворачиваетъ пологою дугою тоже на полночь; на восточно-полночной сторонѣ его лежитъ лентою поселокъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ; онъ на-

чался отъ стѣны вала близъ башни, называвшейся Рогатицкимъ костромъ, протянулся вдоль всего неширокаго проѣзда и кончился у Вощниковъ, между церквами Предтеченскою на опокахъ и Климентовскою; въ части поселка, ближайшей къ валу, стоитъ церковь, а рядомъ съ нею, нѣсколько къ западу, другая, маленькая. Поселокъ этотъ—вторая часть Рогата, или Рогатицы;—церковь, что побольше, Ипатьевская,—а маленькая, къ западу отъ нея, это, должно быть, та часовня, въ которой почивали, неизвѣстно куда взятыя, мощи двухъ блаженныхъ Посадниковъ Алфановыхъ, пять остальныхъ братьевъ которыхъ перенесены изъ Сокольницкаго монастыря въ Антоніевъ. Около Климентовской и слѣдующей за нею на полночь къ востоку Дмитріевской церквей обширный пустырь во всѣ стороны; на зимній востокъ отъ нихъ, до самаго валу—пространство представляетъ широкую полосу, ровную и вовсе не застроенную; здѣсь должно быть мѣсто Ѳедоровскаго ручья. Но—или ручей въ древности имѣлъ не такое направленіе, какъ теперешній, или художникъ не разсчиталъ площади Славенской стороны, нанося церкви и другія постройки; по его изображенію выходитъ путиница; противъ Дмитріевской церкви, съ западной стороны ея, показанъ небольшой поселокъ, расположенный такъ, что, сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ Дмитріевской церкви, долженъ выходить на берегъ ручья полночнымъ концомъ и захватить нѣкоторую часть его; полуденный же конецъ доходитъ до Климентовской церкви; проходъ между поселкомъ и обѣими церквами соотвѣтствуетъ Коржовой улицѣ нашего рукописнаго сборника; отъ Климентовской церкви на западъ, какъ мы только что сказали,—пустырь до Предтечи на опокахъ; здѣсь могъ быть, до пожаровъ, Иворовъ поселокъ; тотъ же пустырь стелется и на западъ къ полночи отъ Климента, до береговой стѣны,—но на срединѣ его, въ части ближайшей къ стѣнѣ, показано два ряда деревянныхъ домиковъ, плотно прижавшихся другъ къ другу; это остатокъ или Иворова поселка, или Буяны улки. Направо отъ остатка поселка, или отъ него на полдень, будутъ Вощники, а налѣво, на полночь къ востоку, большое огороженное пространство, съ садомъ внутри и съ каменнымъ домомъ по срединѣ ограды полночной стороны. Тутъ было по нашему мнѣнію, кладбище Св. Петра католиковъ, о которомъ въ приведенномъ выше договорѣ сказано: „Cimiterium S-ti Petri sepietur, sicut antipuo consvetum est“. При постройкѣ нынѣшняго дома Гимназіи, какъ говорили старожилы лѣтъ 40 назадъ, въ землѣ встрѣчалось весьма много костяковъ человѣческихъ; лѣтопись наша не говоритъ о существованіи тутъ православнаго храма; а домъ Гимназіи приходится на восточной части огороженнаго пространства,—такъ что быть тутъ кладбищу Св. Петра возможно.

Въ послѣднее время самобытія на мѣстѣ этого кладбища былъ „Конецкой дворъ монастырской“, въ которомъ стоялъ греческій Митрополитъ Ѳеодосій „въ берегу“ (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 156), что было уже при Московскомъ державствѣ. Въ XIV вѣкѣ посѣщалъ Новгородъ Митрополитъ Кипріанъ, сперва одинъ, въ 1391 году, проживъ здѣсь двѣ недѣли, съ увѣщаніемъ, чтобы Новгородцы уничтожили Вѣчевой приговоръ „не-

зватись на судъ къ Митрополиту", состоявшійся въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ изъ-за ушкуйниковъ, около 1386 года,—а потомъ съ Патріаршимъ посломъ, въ 1395 году, „и запроси суда и Новгородци суда ему недаша",—все по поводу того же приговора; въ этотъ разъ Митрополитъ пробылъ здѣсь всю весну, съ великаго поста до „Петрова говѣніа" (I Нов. лѣт. годы: 6899, стр. 96 и 6903, стр. 97). Подъ 1556 годомъ записано о построеніи каменной церкви Одигитріи Пресвятой Богородицы на Хутынскомъ подворьи, на Буянѣ улицѣ, игумномъ Филоѳеемъ: стало-быть Ѳеодосій жилъ на Хутынскомъ подворьи; тутъ же, вѣроятно проживали Митрополитъ Макарій и Патріаршій посолъ. На полночь отъ огороженнаго пространства, ближе къ береговой стѣнѣ, стоитъ столповидная одноверхая каменная церковь, о которой говорено было въ своемъ мѣстѣ; хотя III наша лѣтопись относитъ основаніе этой церкви къ 1556 году, но видъ ея на Знаменскомъ изображеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ вкусу болѣе древнихъ строеній; къ тому же въ Исторіи Россійской Іерархіи отмѣчено, что эта церковь Одигитріи разобрана въ 1794 году до основанія „за ветхостію". Если-бы первоначальное возведеніе было въ половинѣ XVI вѣкѣ, церковь не могла, какъ каменная, одряхлѣть къ 1794 году настолько, чтобы ее нужно было разобрать по этой причинѣ. Хутынскій монастырь былъ богатъ, особенно послѣ щедрыхъ вкладовъ и земель, пожалованныхъ ему Великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ, питавшимъ особо благоговѣйное уваженіе къ Чудотворцу Варламу; много вкладовъ деньгами и землями монастырь получалъ и отъ преемниковъ его;—до одряхленія церковь Подворья не могла дойти, какъ поддерживаемая, конечно, богатымъ монастыремъ. Очевидно она возникла задолго до 1556 года, въ которомъ только поновлена послѣ сильнаго поврежденія какимъ либо изъ пожаровъ, въ этой мѣстности повторявшихся въ XV и XVI вѣкѣ. Но если принимаемая нами за Одигитріевскую церковь была другая, въ лѣтописи неупоминаемая, или иновѣрная божница при кладбищѣ Св. Петра, въ такомъ случаѣ все, сказанное объ Одигитріевской,—излишне.

Половина всего огороженнаго пространства, по длинѣ его, обращенная на полночь, войдетъ, какъ и часть упомянутаго поселка на западъ отъ Дмитріевской и Климентовской церквей, въ нынѣшній Ѳедоровскій ручей, а церковь, предполагаемая Одигитріи, станетъ на срединѣ его, въ самомъ устьи, далеко отъ Хутынскаго подворья; сравнивая направленіе ручья по чертежу 1778 года, и соотвѣтствіе разстояній отъ него и между собою церквей: Дмитріевской, Климентовской и Ипатьевской въ сторонѣ отъ лѣваго берега,—Ѳеодора Стратилата, Никиты, Андрея и Молотковскихъ за правымъ, нельзя не видѣть на Знаменскомъ изображеніи упомянутой путаницы; должно быть художникъ сперва разставилъ церкви, и для ручья нехватило уже мѣста, когда онъ сталъ распредѣлять площадь рисунка, чтобы размѣстить населенные участки. Могло быть и такъ: послѣ пожаровъ первой четверти XV вѣка ручей засорился обгорѣлыми остатками домовъ на столько, что совсѣмъ усохъ; на немъ погорѣльцы поставили временныя избушки, пока строились новые дома. Изображеніе писалось около 1528

года, послѣ огромнаго пожара 1508 и другихъ годовъ. Но какъ-бы ни было, вторая половина Славенской стороны, начиная съ Ѳедоровскаго ручья, воспроизведена на Знаменскомъ изображеніи невѣрно, такъ что ею пользоваться какъ доказательствомъ для нашего изложенія можно лишь съ оговоркою, которую мы считали необходимымъ сдѣлать.

Не видя положенія ручья, трудно разобраться въ поселкахъ по правую его сторону, составлявшихъ Плотенскій конецъ. Вдоль полночно-восточной стороны огороженнаго пространства, между нимъ и церковью, показанъ проѣздъ отъ береговой стороны къ башнѣ внѣшняго вала, названной выше Молотковскимъ костромъ; чѣмъ ближе къ костру, тѣмъ проѣздъ становится шире. На срединѣ всей длины онъ пересѣкается подъ прямымъ угломъ другимъ проѣздомъ, очень длиннымъ, начинающимся отъ костра стѣны внѣшняго вала и направляющимся впрямъ къ Торгу. По обѣимъ сторонамъ его разставлены выше названныя церкви,—начиная отъ вала съ правой стороны: Евѳимьинская и Андреевская; и съ лѣвой,—придѣльныя, въ смыслѣ особостоящихъ, но приписныхъ къ главнымъ: двѣ Евѳимьина монастыря, или прихода Андрея Первозваннаго,—Дмитрія Селунскаго и Климента, Георгіевская и Успенская въ Торгу. На перекресткѣ обоихъ проѣздовъ, слѣва, Палата служилыхъ людей и Клеймяныя сѣни, на одномъ углу, а дворецъ Степеннаго Тысячскаго на другомъ. Отъ этого дворца на востокъ къ полдню—Никитинская церковь; а отъ нея на востокъ церковь Михалицкаго монастыря, и на полдень—Молотковскій поселокъ.

Отъ церкви предполагаемой Одигитріи на востокъ и на полночь, слѣва отъ проѣзда къ Молотковскому костру, расположенъ небольшой поселокъ вѣроятно—Подолъ; мѣсто его должно быть значительно далѣе на полночь и ближе къ берегу Волхова; но художникъ, написавшій невѣрно положеніе Андреевской церкви и Евѳимьинской, долженъ былъ втиснуть между ними Щитно,—и Подолъ; мѣста нехватило, онъ и отнесъ его насчетъ ручья нижняго теченія.

Отъ Андреевской церкви идетъ проѣздъ и къ внѣшнему валу и къ береговой стѣнѣ; влѣво, считая съ берега, обширный поселокъ, пересѣкаемый длиннымъ проѣздомъ, который идетъ къ Торгу, и продолжающійся за него; это Щитно; городовой стѣны, давшей имя поселку, невидно; она конечно, сгорѣла въ одинъ изъ трехъ пожаровъ первой четверти XVI вѣка и не была еще возстановлена ко времени написанія изображенія. Самая обширная и тѣсно застроенная часть Щитна находится ближе къ городовой стѣнѣ; отъ другой же части, лежащей отсюда на востокъ, менѣе обширной и занимающей пространство между церквами Евѳимьинскою и Андреевскою, первая отдѣляется узкимъ проходомъ. Не составляетъ-ли, такимъ образомъ, это называемое нами первою частью Щитно, поселеніе, тѣсно застроенное, Подола, отодвинутаго художниковъ сюда? Если такъ, тогда мѣстность, названная нами Подоломъ будетъ продолженіемъ Буевища Всеволодовой грамоты, съ частями улицъ: Коржовой и Буяны улки. Допуская возможность такого предположенія, придется передвинуть, на счетъ проѣздовъ и пустырей, и сжать ту часть рисунка, которая занимаетъ пространство между

Великимъ рядомъ, проѣздомъ отъ Андреевской церкви къ береговой стѣнѣ и проѣздомъ длиннымъ, такъ, чтобы Предтеченская церковь на опокахъ и Вощники подошли къ Великому ряду и стали къ нему вдвое ближе, чѣмъ показано художникомъ, а затѣмъ отодвинуть на полдень къ западу и все остальное до проѣзда отъ Андреевской церкви. При такомъ перемѣщеніи получится площадь ручья, и поселки окажутся на мѣстахъ, отводимыхъ имъ лѣтописными указаніями.

Между второю частью Щитна, приближающеюся къ внѣшнему валу, и тѣмъ проѣздомъ, который идетъ между Клеймяными сѣнями и дворцомъ Степеннаго Тысячскаго, имѣя на востокъ отъ дворца Никитскую церковь, лежитъ Никитинъ поселокъ; полночный конецъ его, выходящій на длинный проѣздъ, приходится противъ Подола.

Отъ Щитна къ внѣшнему валу, по обѣ стороны длиннаго проѣзда, а также между Евѳимьинымъ монастыремъ и Борисоглѣбскою церковью, разбросанъ участокъ Запольскій съ Оловянкою и Конюховою улицею.

Слѣдовъ Щитна въ Славенскомъ концѣ, равно Запольской въ Плотенскомъ, вдоль всей стѣны вала и Загородской въ томъ же направленіи, въ Славнѣ невидно.

Окопы.

Мы упоминали уже нѣсколько разъ объ окопахъ Славно, по мѣрѣ расширенія поселковъ, возникавшихъ время отъ времени на пространствѣ холма, его скатовъ и береговыхъ низменностей. Лѣтописныхъ свидѣтельствъ по этому предмету мало, и относятся они къ вѣкамъ сравнительно недавнимъ, не древнѣе XI.

Прежде, чѣмъ приводить лѣтописныя показанія, условимся въ опредѣленіи понятія „городъ“ въ нашемъ говорѣ. Обыкновенно объясняютъ слово городъ—городьбою вокругъ жилого мѣста, оградою. Но это объясненіе насъ не удовлетворяетъ, такъ какъ слово „ограда“ проще всего производить отъ города, какъ и другое равнозначащее „городьба“. Чтобы найти начало этого слова „городъ“ обратимся къ его корню *гор* и къ безчисленному множеству населенныхъ мѣстъ, не только нашей Ильменской страны, но всей Россіи, и огромнаго количества Прибалтійскихъ, называемыхъ: гора, горка, горушка, и имъ подобныхъ, или отъ нихъ произведенныхъ. Часто поселки съ такими именами раскинуты на возвышенностяхъ, но не всегда,—много „горокъ и горушекъ“ и на равнинахъ. Въ Заволочьи и въ Двинской землѣ страны Ильменской населенныя мѣста назывались, въ XV и XVI вѣкахъ, во времена составленія писцовыхъ книгъ, также горами, озерами, посидѣльями, слѣдами и островами, съ дополнительнымъ, хотя и не всегда, личнымъ именемъ. Нашей странѣ и вообще Россіи нечужды и до сихъ поръ наименованія поселковъ островами; есть и городъ Островъ,—хотя, также, какъ и горки, эти острова чаще всего не имѣютъ ничего похожаго на островъ въ нынѣшнемъ землеописательномъ смыслѣ. Въ писцовой книгѣ Вот-

ской пятины письма Дмитрія Васильевича Китаева и Никиты Губы,—Семенова сына Моклакова, 1499 года, въ первой половинѣ,—описываются „въ Кречневскомъ погостѣ деревни Манастырскіе Никольского манастыря Вежытцкого: Олеховское Поседѣлье, да Мортыхино Поседѣніе" (Неволинъ, О пятинахъ, Приложеніе I, стр. 13). Кречневской погостъ, по Неволину, (тамъ же, стр. перваго исчисленія 125) былъ на р. Веряжѣ, гдѣ теперь Григорово и земское сельско-хозяйственное училище,—въ трехъ верстахъ отъ Новгорода. Но есть деревня Кречно, на лѣвомъ берегу Волхова, внизъ по теченію, въ 7 верстахъ отъ города. Въ нашей книгѣ „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка" приведены доказательства заселенія Ильменской страны въ тѣ отдаленнѣйшіе вѣка, которые называютъ ледниковыми, а равно и тогда, когда, послѣ втораго охлажденія Европы, наступили такъ называемые вѣка озерные. Эти послѣдніе получили названіе озерныхъ потому, что воды таявшихъ снѣговъ наполнили всѣ котловины и низины и постепенно поднимаясь заливали невысокіе холмы. Людямъ приходилось переселяться съ одной возвышенности на другую и сидѣть у водоемовъ; тогда и образовались названія поселковъ горами, озерами, островами, слѣдами и посидѣньями. Такимъ образомъ городъ—это тоже, что поселокъ „гора"; возможно, что городами назывались наиболѣе обширныя и наиболѣе удобныя селитьбы. Во времена Тацита Венеды, т. е. Славяне, и Германцы, т. е. воинственное племя тѣхъ же славянъ, окружали свои жилища окопами и рвами, въ защиту отъ нападеній. Тоже наблюдается и на далекомъ полуночьи Европы и Азіи; до сихъ поръ тамъ встрѣчаютъ обширныя площади, окопанныя валомъ и окруженныя рвомъ; это такъ называемыя Чудскія городища; онѣ по большей части круглыя. Что такое „Чудь"—еще окончательно невыяснено; давно уже высказывается предположеніе, что Чудь это Геродотовы Скиѳы, которыхъ большинство нынѣшнихъ народовѣдовъ отождествляетъ съ славянами; такъ что Чудь можетъ оказаться въ недалекомъ будущемъ одною изъ вѣтвей славянскаго корня, давно—давно обособившеюся. Въ Архангело-городскомъ лѣтописномъ сборникѣ XVI вѣка, въ перечисленіи племенъ, населявшихъ Россію и имѣвшихъ каждое свою собственную власть, между прочимъ сказано: „А Чюдь—Новгородци свою" (Московское изданіе 1781 года, стр. 3). Понимала-ли памятуха, изъ которой взято это мѣсто,—подъ Чюдью всѣхъ Новгородцевъ,—всю Ильменскую страну, или ту только часть, которая поселена Начальною Русскою лѣтописью тамъ, гдѣ впослѣдствіи появился Плесковъ или Псковъ,—неважно,—но знаменательно упоминаніе о „Чюди—Новгородцахъ" въ сборникѣ, составленномъ по памятникамъ Двинской волости Великаго—Новгорода. Итакъ, наименованіе поселенія городомъ сложилось въ тѣ водообильныя времена, когда люди жили на горахъ.

Первоначальное огражденіе поселковъ вызвано нуждою въ охранѣ ихъ не отъ людей, а отъ хищниковъ лѣсовъ и логовищъ, которые тоже искали, въ озерные вѣка, спасеніе на горахъ. Огражденіе состояло не въ валахъ, а въ рвахъ, которыми люди окапывались отъ звѣрей; валы явились сами собою, какъ выемки земли для рва.

Теперь перейдемъ къ окопамъ Новгорода; слѣды древнѣйшихъ долѣтописныхъ, дѣйствительныхъ-ли, или только кажущихся, мы видѣли въ Славнѣ. Лѣтописныя показанія мы начнемъ съ отмѣтки Татищевскаго сборника подъ 1044 годомъ: „Ходи Ярославъ на Литву; на весну же Володимиръ заложи новъ городъ, и сдѣла и" (Продолженіе Др. Рус. Вав. Ч. II, стр. 342). Въ пергаментномъ сборникѣ подъ этимъ же годомъ совсѣмъ другая отмѣтка: „Погребена бысть два князя сына Святославля Ярпълъ Ольгъ а крестяща кости его" (Свѣтопеч. изданіе подъ 6552 стр. 4). Ни раньше, ни послѣ, до XII вѣка, здѣсь, равно и въ Супрасльской рукописи, не сказано ни слова о новомъ городѣ. Въ позднихъ же сборникахъ, каковы: Софійскій Академическій, изданный Шлецеромъ, Воскресенскій, Никоновскій, два нашего собранія,—и III Новгородская лѣтопись,—повторяется отмѣтка Татищевскаго съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями; въ Софійской Академической и во всѣхъ прочихъ вмѣсто Владиміра названъ—Ярославъ, а въ послѣдней, во всѣхъ сборникахъ, изъ которыхъ она составлена, прибавлено: „и сдѣла на Софійской сторонѣ каменный городъ" (III Нов. лѣт. годъ 6552, стр. 211;—Соф. Академ. стр. 113;—Воскр. Ч. I, стр. 187; Никит. I, стр. 138). Старѣйшимъ изъ позднихъ сборниковъ признается Софійскій-Академическій; изъ него, вѣроятно, заимствовали свѣдѣнія о Ярославлѣ, какъ заложившемъ Новый городъ, всѣ прочіе,—а основный сборникъ III лѣтописи внесъ и свою прибавку.

Молчаніе пергаментнаго Новгородскаго сборника, начальной русской лѣтописи, составленный Преподобнымъ Несторомъ большею частію изъ памятухъ Новгородскихъ, и дополненный Лаврентіемъ и другими продолжателями, а также и Супрасльской рукописи, древнѣйшій списокъ, который знатоки относятъ къ XI и даже къ X вѣку, объ основаніи Ярославомъ, или сыномъ его Владиміромъ Новаго города,—даетъ право относиться къ извѣстію позднихъ сборниковъ съ осторожностью, особенно нужною для показанія III лѣтописи. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ, что приведенная отмѣтка говоритъ о каменномъ Дѣтинцѣ; другіе же считаютъ ее невѣроятною; въ числѣ послѣднихъ Ник. Ив. Костомаровъ и И. И Красовъ (Сѣрерно-Русс. народоправства, I, стр. 3—50, мѣстополож. древ. Новгор. стр. 8), на томъ основаніи, что въ одно лѣто сдѣлать такое крупное каменное сооруженіе, какъ нашъ Дѣтинецъ, невозможно.

Съ своей стороны мы также сомнѣваемся, чтобы въ 1044 году былъ заложенъ первоначально каменный Дѣтинецъ, но не считаемъ возможнымъ пройти молчаніемъ вовсе это извѣстіе, помѣщенное въ такомъ отчетливомъ сборникѣ, какимъ является Татищевской; мы относимъ его къ несомнѣннымъ, но лишь въ предѣлахъ чтенія этого сборника, и полагаемъ, что отмѣтка говоритъ о новомъ окопѣ вокругъ той, или другой стороны города. Принимая, затѣмъ, во вниманіе мѣстность, сохранившую до нашихъ дней съ перволѣтописныхъ имя Ярославова двора и Дворища Ярославля, а равно направленіе Рогатицкой улицы, раздвоившейся, приблизительно, тамъ, гдѣ нынѣшняя выходитъ на Московскую, и охватившей дворы иноземцевъ, Торгъ, Дворище, Великій рядъ, Вощники и Буевище, не можетъ отвергать,

что Ярославъ заслуживъ уваженіе Новгородцевъ, послѣ борьбы съ Святополкомъ, не нуждался въ опасеніяхъ, въ силу которыхъ предшественники его жили на Городищѣ, и поселился въ самомъ Новгородѣ, хотя по сосѣдству и съ Варяжскою улицею и съ Торговыми дворами иноземцевъ, на всякій случай. Было-ли это въ 1030 году, какъ говорить III лѣтопись (стр. 210, годъ 6538), раньше-ли, позже-ли, безразлично, — только поселившись здѣсь, гдѣ Дворище, Ярославъ могъ, по внушеніямъ того же Эймунда, супруги своей Ингигерды и иноземцевъ торговцевъ, обнести окопомъ пространство, охваченное Рогатицею XVII вѣка, подъ весьма благовиднымъ и безобиднымъ для гражданъ предлогомъ охранить отъ воровскихъ и иныхъ скопищъ, источникъ богатства страны, Торгъ, совсѣми дворами и учрежденіями. Самъ-ли онъ это сдѣлалъ, или поручилъ сыну Владиміру — все равно. Подобный окопъ, какъ новый и не имѣвшій обще-государственнаго значенія въ глазахъ составителей памятухъ XI вѣка, преимущественно, если неисключительно, церковниковъ, дорожившихъ записями о сооруженіяхъ церковныхъ, — потому и не нашелъ себѣ, какъ малозначащій, мѣста въ уцѣлевшемъ пергаментномъ сборникѣ, изобличающемъ въ составителѣ его церковника и по слогу и по отмѣткамъ „постави мя Архіепископъ святый Нифонтъ попомъ“ (подъ 1144 г. Свѣт. изд. стр. 46, годъ 6652), — и „дай Богъ молитва его (Архіепископа Арсенія) святая всѣмъ крестьянамъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю пономарю“ (такъ-же годъ 6738 т. е. 1230, стр. 225) — а въ Татищевскомъ „и мнѣ грѣшному Іоанну Попова“ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 497, тотъ-же годъ) — и др.; составитель же Татищевскаго сборника, хотя тоже церковникъ, нашелъ памятуху другого современника 1044 года, быть можетъ и не церковника, и списалъ ее въ свою книгу. Въ особой работѣ нашей о Дѣтинцѣ предположена и причина разногласія въ имени соорудителя въ 1044 году Новаго города. Къ ней мы еще обратимся при обзорѣ Неревской стороны. Итакъ первый временъ лѣтописныхъ окопъ на Славенской сторонѣ мы относимъ къ 1044 году.

Подъ 1116 годомъ записано въ пергаментномъ же и въ Татищевскомъ сборникахъ: „Иде Мстиславъ на Чюдь съ Новгородьци и взя Медвѣжю голову на 40 святыхъ. Въ тоже лѣто Мстиславъ заложи Новъ городъ боліи първаго. Томъ же лѣтѣ Павелъ посадникъ Ладожчскыи заложи Ладогу городъ камянъ“ (Свѣт. изд. годъ 6624 стр. 17; I Нов. лѣт. тотъже годъ, стр. 4). Въ средней части этой отмѣтки изслѣдователи видятъ Дѣтинецъ (Красовъ, 8, Макарій и др.), считая его деревяннымъ до 1302 года, когда впервые, будто-бы, заложенъ каменный; основаній же никакихъ не приводятъ. Если читать слова: „заложи Новъ городъ боліи първаго“ безъ соотношенія ихъ съ предыдущими и послѣдующими явленіями жизни, и если считать, вмѣстѣ съ Красовымъ, что лѣтопись наша подъ городомъ разумѣетъ „по преимуществу Дѣтинецъ“, тогда конечно можно приписывать Мстиславу расширеніе Дѣтинцевской площади именно въ этомъ 1116 году. Но во 1-хъ — подъ городомъ лѣтопись разумѣетъ вообще стѣну, какъ укрѣпленіе, какъ забрало, ограду, напримѣръ: 1430 г. былъ пригонъ христіаномъ къ Новугороду городъ ставити, а покручалъ 4-го и 5-го (I Нов.

лѣт. подъ 6938, стр. 111, Борьба съ княземъ Литовскимъ Витовтомъ); за шесть лѣтъ предъ этимъ, въ 1424 году „ставиша въ Новгородѣ городъ" (II Нов. лѣт. годъ 6932, стр. 140); въ Русской Правдѣ по Карамзинскому списку въ 108 статьѣ, озаглавленной: „А се уроци городнiи",—выражено вполнѣ ясно понятіе о городѣ,—въ ней сказано: „Городнику, закладаючи городню",—т. е. клѣтку, которая засыпается землею, пескомъ и камнями, „куна взята, а кончавше ногата",—далѣе вычислено назначеніе продовольствія на куны,—за тѣмъ говорится: „а имати ему донелѣже городъ срубятъ". Русская Правда Карамзинскаго и другихъ списковъ не Новгородскаго состава, такъ что выраженіе „городъ срубятъ" никакъ не подойдетъ къ нашему Дѣтинцу. На Неревской сторонѣ было укрѣпленіе вокругъ города; по валу шла деревянная стѣна; еще въ 1066 году, во время нападенія Всеслава Полоцкаго, лѣтописецъ отмѣтилъ: „Пришедъ Всеславъ взяше Новьгородъ, и пожже до крова Неревского и святую Софію пограби: и покуль пожже, потулъ городъ доспѣша, и отъиде Всеславъ" (Супр. рукоп. годъ 6574, стр. 14, изданіе князя Оболенскаго 1836 г.). Было-ли также укрѣпленіе, стѣною по валу, на Славенской сторонѣ, свидѣтельствъ нѣтъ; вѣроятнѣе, что его не было: съ полуденно восточной стороны нашъ городъ имѣлъ надежную ограду въ естественныхъ препятствіяхъ, дѣлавшихъ внезапность нападенія затруднительною таковы: Ильмень съ его береговыми мокрыми низинами, Мста, Ниша и другія рѣки и рѣчки; на дорогѣ же, единственной удобо-проходной по холмамъ послѣдняго къ озеру склона Алаунской возвышенности, высится большая Бронницкая гора, имя которой говоритъ за нее, какъ за хорошую „броню" и во всякомъ случаѣ за сторожевое укрѣпленіе; она видна изъ Новгорода, если подходить къ мосту на Ѳедоровскомъ ручьѣ и взглянуть вправо; костры Молотковскій и Рогатицкій были прекрасными наблюдательными вышками; стоило вывѣсить на Бронницкой горѣ условный лоскутъ ткани, бѣлый или красный, съ этихъ вышекъ его мгновенно увидятъ и приготовятся къ отпору, если грозитъ нападеніе. Передовое укрѣпленіе отъ Ладожскаго озера, въ которое Чюдь, въ союзѣ съ Шведами, легко могла пробраться, и двинуться Волховомъ къ самому-ли Новгороду, въ отместку за взятіе Мстиславомъ передоваго укрѣпленія Юрьева, Медвѣжьей головы, или къ Ладогѣ, чтобы повредить торговымъ сношеніямъ,—нужно было усилить; въ этихъ видахъ Посадникъ Ладожскій Павелъ и заложилъ тамъ каменную стѣну, развалины которой еще сохраняются. При такихъ обстоятельствахъ не представлялось надобности ни въ расширеніи площади Дѣтинца, ни въ новой городьбѣ, болѣе обширной, около Неревской стороны.

Въ сборникахъ Новгородской семьи поздняго состава повторяется преданіе объ обрѣтеніи Чудотворнаго образа Св. Николая и объ основаніи по этому случаю въ 1113 году нынѣ существующаго Никольскаго собора. Пергаментный и Татищевскій сборники не знаютъ объ этомъ случаѣ и не ставятъ основаніе церкви въ зависимость отъ него. Преданіе говоритъ, что князь Мстиславъ заболѣлъ и получилъ повелѣніе въ ночномъ видѣніи принести въ Новгородъ образъ изъ Кіева, гдѣ онъ сохраняется на полатяхъ

церковныхъ,—видѣніе указало очертаніе образа, круглое, и размѣры. Снаряженное посольство задержано было вѣтромъ у Липна,—тутъ и нашли образъ плавающимъ въ водѣ, того же вида и размѣровъ. Князь выздоровѣлъ и заложилъ церковь на своемъ Дворищѣ. Изъ этого преданія мы видимъ, что Мстиславъ жилъ на Дворищи. Тоже оказывается и изъ надписи на древнѣйшемъ антиминсѣ, найденномъ на престолѣ Никольскаго собора въ 1854 году; онъ освященъ для „жертвенника святого мученника Георгія“, имя котораго носилъ князь Мстиславъ, имѣвшій по обычаю того времени два имени—славянское и христіанское; была-ли Георгіевская церковь самостоятельною, или придѣльною внутри Никольской, на полатяхъ, неизвѣстно,—но существованіе ея на Дворищѣ не подлежитъ сомнѣнію. При такихъ указаніяхъ отмѣтка 1116 года можемъ относиться къ Славенской сторонѣ и къ тому именно городу, на который указываетъ раздвоившаяся Рогатица. Мстиславъ жилъ въ Новгородѣ долго; Новгородцы его любили за высоко-нравственныя качества, и когда Кіевскіе князья пожелали взять Мстислава изъ Новгорода и позвали его въ Кіевъ, Новгородцы не пустили туда его одного; вотъ какъ говоритъ объ этомъ начальная Русская лѣтопись подъ 1102 годомъ:—„Томъ же лѣтѣ мѣсяца Декабря въ 20, приде Мстиславъ сынъ Володимерь (Мономаха) съ Новгородци, бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немъ, а Воловимеру посадити сынъ свой Володимери,—и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: се прислалъ Володимеръ сына своего, да се седять Новгородци; да поимше сына твоего и идутъ Новугороду, а Мстиславъ да идетъ Володимерю. И рѣша Новгородци Святополку:—се мы княже прислани къ тобѣ, а ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; ащели двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то пошли и; сего ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“ (Лаврент. годъ 6610). Въ этихъ словахъ слышится заслуженная привязанность Новгородцевъ къ вскормленному ими князю и могущество страны Ильменской. Военнымъ могуществомъ Новгородъ не отличался, но сила его въ богатствѣ, дающемъ возможность нанять сколько угодно дружинъ во всякое время, внутреннихъ—русскихъ и иноземныхъ. Если Новгородцы такъ крѣпко стояли за Мстислава, значитъ онъ не препятствовалъ успленію торговли и внутреннимъ порядкамъ къ вящшему преуспѣянію страны. При Мстиславѣ торговля увеличивалась, должно быть, благодаря спорамъ княжеской Руси и сумятицѣ изъ за удѣловъ, настолько, что Ярославовъ городъ около Торга и Дворища былъ уже малъ, тѣмъ болѣе, что князь выслушивалъ желаніе гражданъ на Великовѣчьи, близъ своего же Дворища; для многолюдства собраній нужна была и площадь большая. По такимъ соображеніямъ мы считаемъ отмѣтку 1116 года относящеюся къ внутренне-срединному укрѣпленію Славенской стороны.

Возможно, что оно было и тѣмъ Щитномъ, которое простиралось отъ берега Волхова выше мѣста, на которомъ впослѣдствіи стала Борисоглѣбская церковь, и до берега того же Волхова, ниже Ильинской церкви въ

Славнѣ, т. е. вторымъ внутреннимъ укрѣпленіемъ, охватившимъ дворецъ Тысячскаго, Клеймяныя сѣни, Рогатъ, Лубянку, Нутно и Славно, заселенные богатыми и именитыми гражданами.

При обозрѣніи остатковъ церковныхъ памятниковъ Неревской стороны мы высказали наше мнѣніе—о полѣ въ городѣ, какъ о пространствѣ, прилегающемъ къ внутреннимъ укрѣпленіямъ съ внѣшней стороны ихъ. Въ описаніи пожара 1326 года сказано въ лѣтописи: „Загорѣся на Бояни улкѣ и погорѣ до половины Рогатица, а Славкова улица отъ Дмитрія святого и до поля, и церквы святого Климента сгорѣ“ (I Нов. лѣт. годъ 6834, стр. 73). Изъ положенія Рогата мы знаемъ, что участокъ этотъ выходилъ полночно-восточною своею стороною на берегъ Ручья, и противъ него приходился „Рождественскій монастырь“. Положеніе обоихъ Рождественскихъ монастырей, Молотковскаго и того, на мѣстѣ котораго теперь кладбище, таково, что противъ нихъ могъ быть только конецъ участка Рогата, приближающійся къ внѣшнему валу. Лѣтописная улица Славкова, поэтому, кончалась не дойдя до той части Рогата, которая приходилась противъ котораго либо изъ названныхъ монастырей. Сопоставляя это соображеніе съ отмѣткою 1326 года, что Рогатица погорѣла до половины, а Славкова до поля, приходится заключить, что послѣдняя тянулась не далѣе половины Рогатицы; слѣдовательно „Поле“ приходилось сряду за этою половиною. Поэтому Щитно, или тотъ городъ, который предполагается заложеннымъ въ 1116 году Мстиславомъ, шелъ внутри города соотвѣтственно протяженію внѣшняго вала и пересѣкалъ Рогатъ на половинѣ направленія его отъ вала, до раздвоенія. По ту сторону этого города, между нимъ и валомъ, лежало то поле, до котораго погорѣла Славкова улица. Уже послѣ самобытія, въ 1529 году лѣтопись, сказывая объ освященіи церкви Св. Евангелиста Луки на Лубянкѣ,—положеніе ея указано,—поясняетъ, что она находится въ полѣ. Слово „Полѣ“ написано съ уставной буквы;—этимъ, вѣроятно, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что поле не загородомъ, а внутри, и есть имя собственное (Пол. Собр. Рус. лѣт. Ч. VI, годъ 7037, стр. 287).

Былъ-ли городъ 1116 года только окопъ, или только стѣна, или то и другое вмѣстѣ, мы сказать въ настоящее время не можемъ, за неимѣніемъ доказательствъ, хотя догадываемся, въ пользу послѣдняго, то есть, что Щитно состояло изъ вала, или окопа, со стѣною поверхъ его и съ башнями въ стѣнѣ. Мнѣніе о башняхъ мы основываемъ на неизданномъ памятникѣ послѣдней четверти XVII вѣка, хранящемся въ нашемъ собраніи, въ спискѣ, свѣренномъ съ подлинникомъ; это наказъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 24 Мая 1685 года: „писцу Ѳедосѣю Титовичу Беклемишеву да Подъячему Ивану Дмитрееву, которыи изъ помѣстного приказу посланы въ Новгородскій уѣздъ и Вобонежскую пятину, въ Великомъ Новгородѣ на Торговой сторонѣ посадцкихъ и всякихъ чиновъ жилецнимъ людемъ свой великихъ государей указъ сказать“—о размежеваніи и описаніи всякихъ земель и строеній. Въ 3-ей главѣ наказа значится:—„Великій Новгородъ, Торговую сторону и земляные валы описать и измѣрять, сколькихъ саженъ въ вышину и въ ширину и *сколько по городу и по острогу и по валу*

проъзжихъ и глухихъ башенъ и отъ башни до башни саженъ, и въ сколькихъ саженяхъ земляной валъ отъ города построенъ, и какіе крѣпости того города и острога и валу устроены, и что по городу и по острогу пищалей мѣдныхъ и желѣзныхъ" и т. д. Въ этомъ памятникѣ, хотя и недавнемъ, мы видимъ башни въ трехъ мѣстахъ: по городу, по острогу и по валу,—глухія или стрѣльни, и проѣзжія, съ пушками на городскихъ и острожныхъ. Въ ближайшемъ, по времени изданія, къ этому наказу Новгородскомъ росписномъ спискѣ 1688 г. новаго воеводы, данномъ предмѣстнику его въ принятіи разнаго казеннаго имущества въ Великомъ Новгородѣ,—перечислены башни на Торговой сторонѣ, вооруженныя пушками: Славенская, Павловская, Ильинская, Михайловская, Никольская, Рогатицкая и Никицкая (И. Токмачевъ, Новгородъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, 1862 года, стр. 15—16). Изъ этихъ башенъ проѣзжими названы: Павловская, Михайловская и Никольская. Павловская находилась во внѣшнимъ валу, между церквами Филипповскою и Ильинскою; подъ нею былъ проѣздъ на Нутно; Михайловская и Никольская могли быть береговыми и стоять—одна приблизительно тамъ, гдѣ теперь Старорусская пароходная пристань, противъ Большой Михайловской улицы, а другая, гдѣ мы видѣли Бѣлый костеръ, противъ Ново-Николаевской улицы, между Арсеньевскою церковью и заднею стороною Дворища, обращеннаго въ мучныя лавки. Между тѣмъ, въ донесеніи Новгородскаго воеводы о пожарѣ, истребившемъ 22 Мая 1696 года Торговую сторону, монастыри: Евѳимьинъ, Михалицкій, Павловъ и Арсеньевъ и 27 церквей, перечислены огорѣвшія и сгорѣвшія башни и городовая стѣна, такъ: „да на городовыхъ проѣзжихъ каменныхъ башняхъ, на Павловой и на Рогатицкой (погорѣли) шатры (это крыши островерхія) и воротніе щиты (двери), да деревянныя башни: Славенская, Варецкая, Нутнянская, Ильинская, Лубяницкая, Четвероугольная, Круглая, на Ѳедоровскомъ ручьѣ, да городовые стѣны по рѣкѣ Волхову, отъ Арсеньева монастыря до Славенской башни, и межъ вышепомянутыхъ башенъ—1494 сажени, а съ башнями деревянными, кромѣ каменныхъ, 1521 сажень. А осталось на Торговой сторонѣ отъ Ѳедоровскаго ручья къ рѣкѣ Волхову городовыхъ 10 башенъ, въ томъ числѣ одна каменная, да городовые стѣны 578 саженъ, а съ башнями, кромѣ каменной, 611 саженъ безъ полуаршина" (Допол. къ Ист. Акт. Ч. XII, № 82). Сопоставляя послѣднія два свидѣтельства мы видимъ, во 1-хъ, что если башня Михайловская и была на берегу, на указанномъ мѣстѣ, Никольская 1688 года стояла внутри города,—тамъ, гдѣ ближайшею церковью къ ней была Никольская,—но не около Дворища, такъ какъ въ этомъ случаѣ ее звали-бы Дворищенскою, и во 2-хъ, изъ обоихъ перечисленій выходитъ, что ими обнимаются: донесеніемъ 1696 года, башни внѣшняго вала и береговыя, а спискомъ 1688 г. городскихъ внутреннихъ двѣ, береговая одна и внѣшнія; кромѣ того, въ 3-хъ, донесеніе указываетъ длину погорѣвшей стѣны—всего, съ площадьми деревянныхъ башенъ, въ 1521 сажень отъ Арсеньева монастыря до Славенской башни, и 611 саженъ стѣны нетронутой пожаромъ съ 10 башнями, изъ которыхъ одна каменная, отъ Ѳедоровскаго ручья къ рѣкѣ Вол-

хову. Взявъ на чертежѣ Новгорода, изданномъ Военно-Топографическимъ Депо въ 1862 г., протяженіе нашего Щитна до начала Ѳедоровскаго ручья въ городѣ, а отсюда внѣшнимъ валомъ до указаннаго донесеніемъ 1696 г. мѣста, получимъ около 1525 саженъ. При этомъ Никитская башня списка 1688 года будетъ одною изъ внутреннихъ, стоявшею въ стѣнѣ Щитной, не доходя до начала ручья и недалеко отъ церкви Св. Никиты; если, затѣмъ, измѣримъ протяженіе Щитна отъ поля, у котораго мы ставимъ конецъ Славковы улицы, или отъ средины длины всего ручья въ городѣ, пойдемъ на берегъ Волхова и станемъ на Славенской набережной, между нынѣшними улицами Большою Ильинскою и Мало-Николаевскою, по народному говору Славною, тамъ, приблизительно, гдѣ Щитная Нарядной описи по указанію Митрополита Евгенія,—получимъ длину нашего Щитна въ Славенскомъ концѣ точно туже, какая опредѣлена донесеніемъ 1696 г. для не сгорѣвшей стѣны съ десятью башнями; каменная, означенная въ этомъ числѣ, будетъ другою изъ внутреннихъ башенъ списка 1688 года, именно Никольскою проѣзжею; стояла она, должно быть, на той Большой улицѣ, которая встрѣчается въ лѣтописи подъ 1572 г. Взять другое направленіе— нельзя: все протяженіе Ѳедоровскаго ручья въ чертѣ города непревышаетъ четырехъ сотъ саженъ; отъ него въ сторону къ Борисоглѣбской церкви самое большое разстояніе, съ угла на уголъ всего Плотенскаго за ручьемъ конца, будетъ лишь около 500 саженъ; по смыслу же донесенія не сгорѣвшія башни и стѣна лежали между ручьемъ и берегомъ Волхова. Такимъ образомъ путь, по которому мы пришли къ Щитной улицѣ Митрополита Евгенія—единственный, дающій тоже самое пространство, на которомъ донесеніе помѣстило десять башенъ и 611, или около того, саженъ городовой стѣны, не пострадавшей отъ пожара.

Ставя наше Щитно въ Славенскомъ концѣ по длинѣ 611 саженъ, а въ Плотенскомъ—проводя его, невдалекѣ отъ церквей Борисоглѣбской, къ полдню, и Андреевской, мы найдемъ оправданіе и въ именахъ улицъ Запольской въ Плотенскомъ и Загородской въ Славенскомъ; обѣ онѣ лежали не за внѣшнимъ валомъ, какъ мы знаемъ, а внутри города между окопами внутреннимъ и внѣшнимъ.

Дальнѣйшія изысканія могутъ, конечно, или подтвердить, или опровергнуть наше предположеніе о новомъ городѣ, заложенномъ княземъ Мстиславомъ въ 1116 году,—но они не голословны, хотя и непрочно обоснованы въ настоящей запискѣ. За отсутствіемъ писцовыхъ книгъ Новгорода и впредь до ихъ отысканія, полезно внимательно вчитываться въ издаваемые время отъ времени письменные здѣшніе памятники, каковы купчія, закладныя, духовныя, дарственныя и т. п.; въ нихъ можно встрѣтить дорогія указанія, между прочимъ, и о внутреннихъ укрѣпленіяхъ Славенской стороны, какъ граничныхъ урочищахъ городскихъ земельныхъ участковъ. И, независимо отъ этого, Обществу нашему возможно, пока еще не уничтожены дѣла старыхъ лѣтъ судебныхъ учрежденій, особенно крѣпостныхъ столовъ, разбираться, при содѣйствіи почетнаго попечителя, въ описяхъ и въ самыхъ дѣлахъ, какъ здѣсь, такъ и въ городахъ уѣздныхъ.

Внѣшній валъ около Славенской стороны является третьимъ окопомъ ся, сохранившимъ еще до настоящаго времени тѣ пространства и направленіе, которыя онъ имѣлъ въ послѣдніе годы XIV вѣка, когда Новгородцы ставили каменные костры у каждой улицы по обѣ стороны острога. Мы видѣли признаки окоповъ глубокой древности между нынѣшними улицами Нутною и Ново-Николаевскою, между этою и Рогатицею, вдоль Знаменской; видѣли, въ находкѣ причальныхъ клиньевъ на глубинѣ 7½ саженъ на днѣ колодца во дворѣ Гг. Саблуковыхъ, слѣды бывшаго тутъ, въ вѣка недовѣдомые, протока, естественнаго, или искусственнаго, по сю сторону гряды опоковъ, т. е. ближе къ Волхову; наконецъ видѣли подобный же протокъ въ ручьѣ, нынѣшнемъ Ѳедоровскомъ, и наконецъ въ Щитнѣ и въ улицахъ Запольской и Загородской. По этимъ слѣдамъ мы заключаемъ, что по мѣрѣ расширенія поселка на Славенскомъ холмѣ, окопы отодвигались далѣе и далѣе въ одномъ и томъ же полночно-восточномъ направленіи. Возможно, что окопъ, закладка котораго, въ смыслѣ сооруженія по верху его деревянной стѣны, относится нами къ 1116 году, былъ при князѣ Мстиславѣ внѣшнимъ валомъ; когда же онъ отодвинутъ на нынѣшнее мѣсто, лѣтопись не дастъ прямыхъ указаній, но имѣетъ косвенныя; къ нимъ мы и обратимся.

Въ 1169 году на зиму: „придоша подъ Новъгородъ Суждальци съ Андреевичемъ, Романъ и Мстиславъ съ Смольняны и съ Тороньцяны, Муромцы и Рязаньци съ двѣма князьма, Полоцьскыи князь съ Полоцяны, и вся земля просто Русьская. Новгородьци жо сташи твьрдо о князя Романѣ о Мьстиславлици, о Изяславли внуцѣ, и о посадникѣ о Якунѣ и устроиша острогъ около города“ (I Нов. лѣт. годъ 6677, стр. 15). Въ 1224 году, во время вражды съ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, „Новгородци скопиша всю волость, и около города Острогъ доспѣша“ (тамъ-же, годъ 6732, стр. 41);—въ 1262 году „Срубиша Новгородци городъ Новъ“ (тамъ-же годъ 6770, стр. 57); въ 1385 году,—поставили острогъ „по спу хоромы, въ размирье съ Великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ (Древн. лѣт. I Ч. стр. 104); о пригонѣ христіанъ городъ ставити въ 1424 и 1430 годахъ“, о кострахъ 1391 г.—говорено выше. Въ 1478 году, во время послѣдней осады Иваномъ III—Новгородцы: „Затворишася вси во осадѣ, устроивси собѣ по обѣ стороны Волхова рѣки и чрезъ рѣку на судахъ стѣну древляную. А князь же великій видѣ, что городъ крѣпко во осадѣ стѣну огражденъ а поити подъ стѣну, ино со обою сторону головы начнутъ пасти, кровь литися—и нача подъ стѣною стояніемъ стояти“ (Псков. лѣт. по изданію Погодина 1837 года, стр. 148). Всѣ эти отмѣтки говорятъ объ острогѣ, т. е. о деревянной, по преимуществу, стѣнѣ около города, съ обѣихъ сторонъ конечно, такъ какъ нападенія ожидались отъ дружинъ княжеской Руси, которымъ одинаково доступны были обѣ половины города, а Славенская даже представляла болѣе удобствъ для набѣга; но одна стѣна, безъ всякаго вала не могла служить надежною защитою: будучи подожжена, она скоро откроетъ входъ въ городъ и защитникамъ некуда укрыться отъ непріятельскихъ стрѣлъ и копій. Но когда стѣна стоитъ поверхъ окопа,—

она и сожженная не откроетъ ни города ни простора для стрѣлъ; защитники, скрываясь за окопомъ, легко могутъ поднять цѣлыя городьбы на выжженное мѣсто и возстановить поврежденія острога; такъ было въ осаду Всеслава въ 1069 году: „покуль пожже, потулъ городъ доспѣша" говоритъ лѣтописецъ; послѣднія слова этой отмѣтки: „И отъида Всеславъ" показываютъ, что возстановленія стѣнъ дѣлалось во время самой осады, пока непріятель еще не отступалъ.

Собственно объ окопахъ мы заключаемъ: по существованію около внѣшняго вала Славенской стороны Копаницы, составляющей ровъ. Она еще и теперь имѣетъ ширины свыше десяти саженъ и мѣстами глубока; упоминается въ лѣтописи подъ 1386 годомъ:—„У всякой улицѣ внѣ города, за копаницею, вси ти хоромы пожгли" (IV Нов. лѣт.),—и по отмѣткѣ подъ тѣмъ же годомъ: „Новгородцы копаша валъ около Тръговой стороны (I Нов. лѣт. годъ 1386=6895). Но это, конечно, не первоначальное устройство окопа на мѣстѣ нынѣшняго вала; если лѣтопись скупа на извѣстія о немъ, такъ только по заурядности работы, надъ окопомъ часто повторявшейся, и не стоившей того, чтобы слѣдить за нею; пришлось къ случаю, или къ слову—современникъ и записалъ; такъ занесена отмѣтка, которою кончилась вторая Новгородская лѣтопись, подъ 1587 годомъ: „Начаши копати въ Новѣгорода, около Торговой стороны" (стр. 174).

Сады.

Въ городахъ западной Европы, многолюдныхъ и тѣсно застроенныхъ, сады представляются роскошью и въ настоящее время; они возникаютъ и затѣмъ существуютъ по волѣ населенія, потому и поддерживаются на общественныя средства. Побужденія, вызывающія учрежденіе садовъ, вытекаютъ изъ заботъ объ оздоровленіи населенія и подсказываются успѣхами врачебной науки. Въ Новгородѣ, не смотря на всю тѣсноту построекъ, сады существовали во времена его самобытія, и были достояніемъ общимъ; рядомъ съ Гридницами и Обчинами они даютъ краснорѣчивое и вполнѣ убѣдительное доказательство высокой степени гражданственности на Ильменско-Волховскомъ побережьи въ тѣ далекіе вѣка, когда строй западныхъ государствъ имѣлъ основою полное отрицаніе собственности и личности народа, поглощаемый грабительскими набѣгами рыцарства. Лѣтопись даетъ намъ немного указаній на общественные сады, какъ возникшіе задолго до начала ея; говоритъ о нихъ она только мимоходомъ, при случаяхъ, подобно замѣткамъ объ окопахъ, и къ тому же даетъ названія недостаточно опредѣлительныя, чтобы въ нихъ сразу узнать нынѣшній общественный садъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, уже нами приведенныхъ, толкователемъ и объяснителемъ лѣтописныхъ названій общественныхъ садовъ является Знаменское изображеніе.

Въ лѣтописи встрѣчаются „Рля" и „Лужище, Луже",—передѣланное позднѣйшими книжниками въ Лужу.

Изслѣдователи Новгородскихъ письменныхъ памятниковъ съ великимъ знатокомъ Карамзинымъ во главѣ, будучи мало знакомы съ здѣшнимъ мѣстнымъ говоромъ, не могли опредѣлить значенія слова „Рля". Карамзинъ, признавая совершенно правильно лѣтописныя „Рля" и „Рель" однозначащими, видитъ въ нихъ то мысъ, то пашню,—то луговой покосъ; одинаково, или правильнѣе—сходственно съ нимъ объясняютъ слово „Рель" Калайдовичъ, Дубенскій и другіе. Относительно же выраженія Устава о мостахъ, во второй его части,—„двои рилѣ, трои рилѣ"—и Карамзинъ и Дубенскій разошлись; первый говоритъ, что Рилами или Релями назывались перила (Ис. Гос. Рос. Ч. II, Примѣч. 108),—а второй, что „рилѣ"—это части, на которыя дѣлился округъ Яжелбицкій, впослѣдствіи составлявшія половины его: „Григорьева—Морозова" и „Жигарева—Рябчикова" (Рус. Дост. Ч. II, стр. 307). Заблужденіе именитыхъ ученыхъ очевидно; оно вызвано тѣми „нѣмыми рунами", какими обоимъ представлялся Уставъ Ярослава. Считая вторую часть его относящеюся къ ряду укрѣпленій около Дѣтинца, первый думалъ, что поверхъ его шла деревянная стѣна съ перилами;—а Дубенскій, рабски слѣдуя за Карамзинымъ, утверждающимъ будто сотни, названныя въ Уставѣ, опредѣляютъ обязанность всей страны Ильменской, на оныя раздѣленной, возводить укрѣпленія вокругъ города, увидѣлъ въ риляхъ части такихъ сотенъ. Считая вторую часть Устава за указаніе участковъ, на которые разбитъ былъ Волховской мостъ для содержанія въ порядкѣ устоевъ его, мы видимъ въ „Риляхъ" именно эти устои. Въ мѣстномъ говорѣ до сихъ поръ слышится „Рель"; ею опредѣляется, какъ совершенно правильно объяснялъ Карамзинъ это слово вообще, безъ отношенія къ мостовому Уставу,—чаще всего, если не исключительно, въ хозяйственномъ быту крестьянства, луговой покосъ, преимущественно заливной; но крестьянство знаетъ также „релку", какъ небольшой островокъ, низменный, едва выдвигающійся изъ воды рѣки, или озера, нанесенный теченіемъ и окрѣпнувшій. Въ такомъ смыслѣ рель упомянута въ жалованной грамотѣ князей Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю, сохраняющая и до сихъ поръ тоже имя; она окружена водою со всѣхъ сторонъ: Волхова, Княжева ручья, озера Мячина и Ручья Безъимяннаго, выходящаго изъ Мячина въ Волховъ. Произошло это слово отъ глагола „рыть";—вода нарываетъ теченіемъ песокъ къ подводному-ли камню, или къ дереву-топляку,—и получается нарытый ею островокъ. Устои Волховского моста укрѣплялись на искусственныхъ, нарытыхъ въ воду, кучахъ камня, песку, глины и т. п. Эти-то насыпныя кучи и утверждавшіяся на нихъ городни и были „Рилѣ" Устава Ярослава.

Перекрестокъ Мало-Николаевской, или старинной Славной, и нынѣшней Путной улицъ служитъ для крестьянъ ближайшихъ деревень, промышляющихъ по зимамъ легковымъ извозничествомъ, стоянкою и извѣстенъ между ними подъ именемъ релки. Лѣтописи не чужда „Рля въ Славнѣ". Въ Софійскомъ временникѣ Строева, она упомянута два раза: сильною бурею вырвало съ корнями „лѣсъ на рли въ Славнѣ" (Ч. IV, стр. 265),—и для постройки однодневной церкви во имя Св. Евангелиста Марка въ Дѣтинцѣ

(она названа выше), по поводу мороваго повѣтрія,—„имали лѣсъ на рлѣ въ Славнѣ“ (Тамъ-же, стр. 373). Въ соотвѣтственномъ этому перекрестку мѣстѣ Знаменскаго изображенія означено круглое, огороженное пространство, засаженное деревьями; отъ него по направленію къ Волховскому берегу мы видѣли Варяжскую церковь. Въ книгѣ „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ приведены основанія, по которымъ эта возвышенная въ настоящее время мѣстность сохраняетъ въ народномъ говорѣ названіе, соотвѣтствующее понятію о низменномъ, едва выступающемъ изъ воды, островѣ (стр. 251—253). Воздерживаясь отъ повторенія изложеннаго въ той книгѣ, замѣтимъ, что Славенская рель сохранила это имя до нашихъ дней въ народномъ говорѣ потому, конечно, что она была мѣстностью выдающеюся, общеизвѣстною—съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ, какъ живое урочище, остававшееся не застроеннымъ; таковымъ оно, это урочище, пережило тяжкое время разгрома и осталось въ памяти окрестныхъ сельчанъ, избѣгнувшихъ кровавой расправы „оприщины“ и ссылки въ дальніе края. Занимая площадь среди дворовъ богатыхъ обывателей Славна и иноземныхъ торговыхъ, Рля, была общественнымъ садомъ съ глубокой древности; сюда сходились дѣловые торговые люди и для отдыха и для бесѣды. Возможно, что Рля привлекала и сельчанъ-промышленниковъ, доставлявшихъ торговцамъ предметы своего производства,—что и сохранило память о ней до сихъ поръ.

Другой общественный садъ показанъ художникомъ, писавшемъ Знаменское изображеніе, на мѣстѣ нынѣшняго Хутынскаго подворья. Онъ обнесенъ оградою съ открытымъ близъ полуденнаго угла ея, входомъ, неимѣющимъ воротъ, что и указываетъ на значеніе этого сада, какъ учрежденія, доступнаго для всѣхъ. Здѣсь было, какъ выше объяснено, или могло быть, буйвище, т. е. древнее кладбище церкви Св. Петра иноземцевъ, до покупки княземъ Всеволодомъ Мстиславовичемъ его и двора Св. Петра для Предтеченской церкви и торговыхъ при ней учрежденій, Вощниковъ, вѣсовщиковъ, по нынѣшнему „важни“, и т. п. Учрежденіе общественнаго сада на мѣстѣ кладбища не противорѣчитъ ни древнему, ни современному взгляду на мѣсто покоя усопшихъ. Изъ постановленій Стоглаваго собора мы знаемъ, что на Жальникахъ и Коломищахъ, этихъ усыпальницахъ временъ язычества, отправлялись игрища и бѣснованія въ XVI вѣкѣ въ честь погребенныхъ; мы знаетъ, что еще со II вѣка по Р. Х. узаконенъ древній языческій „праздникъ мертвыхъ“—съ введеніемъ христіанской обрядности—крестнаго хода на кладбища въ семикъ. Въ настоящее же время общественныя сходбища на кладбищахъ въ городахъ „въ радоницу“ и въ „родительскія субботы“—продолжаются повсемѣстно; недавно еще, не болѣе пяти лѣтъ назадъ, устраивались въ столицахъ въ престольные праздники кладбищенскихъ церквей, народныя гулянья съ попойками и безобразіями временъ, предшествовавшихъ Стоглавому собору. Назначеніе сада въ мѣстности Буевища и его значеніе были, конечно, тѣже, что и „на Рлѣ въ Славнѣ“, въ лѣтописные вѣка самобытія.

Были въ Новгородѣ и частные сады, доступные для всѣхъ. Объ одномъ изъ такихъ лѣтопись сохранила свидѣтельство подъ 1508 г., въ описаніи пожара, о которомъ выше сказано уже:—„мнози же человѣци, съ женами и дѣтьми и съ животы своими, сбѣгаша въ садъ въ Варбузьевской, иже бысть на Никитинѣ улици, и чаяху великія тоа бѣды избыти, и не избыша“; за этими словами приводятся подробности о числѣ сгорѣвшихъ людей, всего 3315 человѣкъ. Въ концѣ отмѣтки сказано:—„И быша кладезь много въ саду тамъ, и вcѣ выгорѣша; а собрашася тогда нѣкіихъ 12 человѣкъ, и едва обрѣтоша тѣ человѣци кладезь великъ зѣло, и тамо тѣ человѣци въ томъ кладезѣ избыша отъ огня; и тіи—здрави быша, и изъ сада изыдоша ни чимъ же не вредими“. (IV Нов. лѣт. стр. 147). Въ сборникахъ, изъ которыхъ составлена вторая Новгородская лѣтопись, имя хозяина сада читается Арзубьевъ и садъ названъ Арзубьевскимъ,—почему издатели лѣтописи назвали его Арбузьевскимъ—они не объясняютъ. Въ половинѣ XV вѣка Кипріянъ Арзубьевъ былъ старостою Никитиной улицы; онъ участвовалъ въ переговорахъ съ Иваномъ III въ 1470—1471 годахъ (Соф. Времен.). Послѣ Шелонскаго дѣла Кипріянъ Арзубьевъ, взятый въ бою съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ многими другими, былъ обезглавленъ (Русс. Времен. Ч. II, стр. 72). Въ 1478 г., по уничтоженіи самобытія, 5 Февраля, схваченъ и отвезенъ въ Москву, въ числѣ многихъ именитыхъ гражданъ, Житей (не бояринъ, но почетный гражданинъ), Григорій Купріяновъ Арзубьевъ. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна; вѣроятно и онъ былъ обезглавленъ, хотя и не сряду по доставленіи въ Москву, а уже въ 1485 году, когда, „по приказу великаго князя привезли изъ Новгорода на Москву Житійскихъ людей больши семи тысящъ,—за нежъ хотѣли убити великаго князя Намѣстника Якова Захарьича; а иныхъ многихъ Новгородцевъ казнилъ и вѣшалъ Яковъ Захарьичъ въ Новѣградѣ“ (Тамъ-же, стр. 150 и 182).

Гдѣ находился этотъ садъ, мы не знаемъ; на Знаменскомъ изображеніи его нѣтъ;—какъ истребленный пожаромъ, садъ этотъ оставилъ на память о себѣ пустырь; ко времени написанія изображенія подобныхъ пустырей было много въ Плотенскомъ концѣ; большой показанъ на полночь отъ Молотковскихъ церквей, въ мѣстности и теперь отчасти пустующей, отчасти занятой огромнымъ садомъ при домѣ, бывшемъ Н. П. Кузнецова, а теперь принадлежащемъ Духовно-учебному вѣдомству, близъ Московской заставы. Не глубокими раскопками въ этой мѣстности легко найти въ землѣ слѣды Арзубьевскаго сада и установить мѣсто жительства хозяевъ его. Не маловажна отмѣтка лѣтописца о колодцѣ, въ которомъ спаслись 12 человѣкъ; она подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о мокротѣ низины Плотенскаго конца; для помѣщенія 12 человѣкъ нуженъ обширный колодецъ, устроенный не для водоснабженія, очевидно, а для стока почвенной влаги; кромѣ этого колодца было въ саду много другихъ, меньшихъ, которые не спасли отъ смерти укрывшихся въ нихъ отъ ужасовъ пожара. Мы видѣли много садовыхъ мѣстъ Михалицкаго—Молотковскаго монастыря; возможно, что въ ихъ числѣ есть и часть Арзубьевскаго; имѣніе опальныхъ

поступало въ государеву собственность, а потомъ раздавалось, особенно въ княженіе Василья Ивановича, сына Ивана III, церквамъ и монастырямъ. Въ церквахъ, ближайшихъ къ Молоткову, Никитской и Андреевской, въ Молотковскихъ и Евѳимьинскихъ—монастырскихъ были, по всей вѣроятности, жалованныя грамоты на земли; уцѣлѣвшія отъ пожаровъ хранятся гдѣ нибудь, въ нынѣшнихъ церквахъ той мѣстности, или въ складѣ старыхъ Консисторскихъ дѣлъ. Можно надѣяться, что Епархіальное начальство не откажетъ нашему Обществу въ помощи, предоставленіемъ права ознакомиться съ церковными вышками, кладовыми и подобными хранилищами старья, въ томъ числѣ и бумажнаго,—для изысканій научныхъ, тѣмъ болѣе, что внимательный обзоръ заброшенныхъ обломковъ древности и изученіе ихъ окажутъ немаловажную услугу духовно-нравственному просвѣщенію народа;—а оставаясь въ кладовыхъ подобные обломки или безслѣдно истлѣютъ, или сдѣлаются достояніемъ старьевщиковъ-торговцевъ и навсегда погибнутъ для науки, хотя-бы они и поступили въ какое-либо изъ хранилищъ. Пріобрѣтаемые старьевщиками темными путями предметы древности теряютъ свое происхожденіе,—Новгородскіе переименовываются въ Кіевскіе, Московскіе во Владимірскіе и т. д., чтобы такимъ способомъ скрыть темные, но выгодные для торговца, истинные пути къ розысканію, помимо ихъ содѣйствія и участія, мѣстъ храненія древностей.

Кромѣ трехъ, названныхъ нами, были вѣроятно и другіе сады, общественные и частные, доступные для всякаго, но свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ.

Мосты.

Въ понятіе „Мостъ“ нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, начиная съ Ярославова Устава, входятъ какъ переправы чрезъ рѣки, такъ и мостовыя уличныя. Въ Ильменской странѣ, и вообще въ земляхъ Руси, мостовое дѣло возникло, а въ Новгородѣ и упорядочено, въ вѣка долѣтописные, или по меньшей мѣрѣ не позднѣе десятаго по Р. Х. Въ начальной русской лѣтописи подъ 1014 годомъ читаемъ: „Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадници Новъгородьстіи, а Ярославъ сего не даяша отцю своему. И рече Володимеръ: требите путь и мостите мостъ, хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся“ (Лав. лѣт. годъ 6522). Въ Софійской Академической лѣтописи, подъ 6496 годомъ, приведено преданіе о сверженіи Новгородцами Перуна: „и вринуша его въ Волховъ, онъ же пловяше сквозѣ великии мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумнии убиющеся утѣху творятъ бѣсомъ“ (Изданіе 1795 г. стр. 81). Въ Воскресенской лѣтописи повторяется это преданіе, съ тою разницею, что Перунъ бросивъ палицу на мостъ сказалъ: „На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти“ (Изданіе 1793 г. Ч. I, стр. 154). Хотя оба эти сборника поздняго состава и во

многихъ отмѣткахъ изобличаютъ въ книжникахъ враждебное настроеніе противъ Новгородцевъ, чѣмъ и подрываютъ довѣріе къ ихъ сказаніямъ, и хотя вообще повѣсть о низверженіи Перуна въ подробностяхъ слѣдуетъ отнести къ области сказокъ,—но мостъ, безъ сомнѣнія, существовалъ въ X вѣкѣ и устроенъ впервые одновременно съ основаніемъ на лѣвомъ берегу, на сторонѣ Неревской, города Новаго.

Въ книгѣ (появившейся въ 1839 году въ русскомъ переводѣ) К. Д. Гюльманна,—„Общественная и частная жизнь въ Европейскихъ городахъ среднихъ вѣковъ" приведены свѣдѣнія о времени первоначальнаго сооруженія мостовъ, въ смыслѣ переправъ чрезъ рѣки и уличныхъ мостовыхъ въ разныхъ городахъ Европы. „Нидерланды и Италія,—говорится въ этой книгѣ,—самыя раннія страны промышленности, торговли и гражданскаго благосостоянія, предупредили другія государства въ дѣлѣ благоустройства городовъ. Мосты, которые являются въ этихъ двухъ странахъ, строились изъ камня и съ величайшимъ вкусомъ. Каменный мостъ на Маасѣ, близъ Динанта, былъ, кажется, древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ; о немъ упоминается въ 1080 году; Левенскій, на Дилѣ, является по крайней мѣрѣ въ половинѣ XII вѣка, а Маастрихтскій, на Маасѣ, сто тридцатью годами позже. Лондонскій каменный мостъ начатъ былъ еще въ 1176 году; Дунайскій мостъ, близъ Регенсбурга, древнѣйшій во всей Верхней Германіи: онъ упоминается подъ 1135 годомъ. Неизвѣстно время закладки Веронскаго моста, построеннаго на Эчѣ, съ каменными ступенями. Во Флоренціи было два деревянныхъ моста на Арнѣ, а въ 1236 году, заложенъ третій, каменный. Въ 1382 году наведенъ былъ просторный и красивый каменный мостъ на Арнѣ, въ Пизѣ, на мѣстѣ прежняго деревяннаго, построеннаго въ 1263 г. Въ 1282 году въ Падуѣ было четыре каменныхъ моста. Въ 1264, 1277, 1285 и 1290 годахъ построены мосты въ Моденѣ, Пармѣ и Болоньѣ. Мостъ на Тессинѣ былъ съ крышею" (стр. 31—32).

Всѣ тѣ рѣки, чрезъ которыя были перекинуты мосты въ перечисленныхъ городахъ, на много уступаютъ глубинѣ и ширинѣ нашему Волхову; а мѣстности этихъ городовъ лежатъ въ странахъ, изобилующихъ твердыми горными породами, легко поддающимися колкѣ и отескѣ. Въ нашей странѣ нѣтъ кореннаго залеганія подобныхъ же породъ: песчаники, силлурійскій и девонскій, хотя и имѣютъ выходы въ береговыхъ обнаженіяхъ Волхова, около Чудова и Старой Ладоги, а также на полуденно-западной сторонѣ Ильменя, но обѣ мѣстности удалены отъ Новгорода на значительное разстояніе, да къ тому же эти породы слоеваты и колются сравнительно тонкими пластами. Валуновъ плотныхъ породъ было немало въ окрестностяхъ, но отеска ихъ и теперь затруднительна. Между тѣмъ лѣса занимали обширныя площади близъ города, и доставка бревенъ плотами, представлялась удобною и легкою,—потому постройка каменнаго моста не являлась необходимостью. Свѣдѣній о времени первоначальнаго сооруженія деревянныхъ мостовъ въ названныхъ городахъ книга Гюльманна не даетъ. Между тѣмъ, послѣ появленія труда его сдѣлано множество открытій о долѣтописныхъ вѣкахъ насельниковъ Европы; въ Швейцаріи, Италіи, Гер-

маніи и въ другихъ странахъ найдены остатки такъ называемыхъ свайныхъ построекъ на озерахъ, и способовъ сооруженія ихъ, не одинаковыхъ въ разныхъ странахъ: гдѣ были въ изобиліи лѣса, и гдѣ водоемы не особенно глубоки, тамъ основаніе жилищъ приготовлялось изъ однихъ только свай, а гдѣ и глубина значительна и лѣсу немного,—сваи вколачивались на извѣстномъ одна отъ другой разстояніи и охваченная ими площадь заваливалась камнемъ. Съ материкомъ озерные жители сообщались легкими мостами, удоборазбираемыми въ случаяхъ непріятельскаго нашествія. Геродотъ сказываетъ, что жители страны Пеоніи, лежавшей недалеко отъ Геллеспонта, обитали, между прочимъ, на озерѣ Прасіадѣ, и описываетъ ихъ свайныя постройки на срединѣ озера, спасшія этихъ Пеоновъ отъ завоеваній Дарія и переселенія въ Малую Азію. Съ суши велъ къ постройкамъ узкій путь по одному мостику (Геродотъ въ переводѣ Мищенка, Ч. II, стр. 7.). Такимъ образомъ существованіе мостовъ въ Европѣ засвидѣтельствовано до VI вѣка предъ Р. X.

Выше объяснено устройство основанія для городней Новгородскаго великаго моста; способъ тотъ же, который примѣнялся обитателями свайныхъ построекъ для ихъ хижинъ. Поэтому и въ виду заселенія Ильменско-Волховскаго побережья съ ледниковыхъ вѣковъ, мы можемъ относить первоначальное сооруженіе въ нашей странѣ мостовъ не позже временъ свайныхъ построекъ западной Европы.

Мы имѣемъ данныя допускать образованіе обширнаго поселенія на холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ раньше возникновенія такого же на холмѣ въ Славнѣ. Между тѣми двумя холмами протекаетъ неширокая и неглубокая рѣка Волховецъ, называемая теперь Спасскою рѣчкою. Первый мостъ сооруженъ былъ тамъ. Лѣтопись упоминаетъ о Нередицкомъ мостѣ одинъ только разъ, подъ 1421 годомъ, по случаю большого подъема весенняго разлива, которымъ этотъ мостъ снесло (I Нов. лѣт. годъ 6929, стр. 109). Но мы знаемъ, что на холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ имѣли постоянное жительство князья, ихъ намѣстники, вся Гридь и княжеская дружина; мы знаемъ о церквахъ, сооруженныхъ тамъ князьями; сообщенія между холмами, поэтому, не могло не быть, тѣмъ болѣе, что большая дорога въ полночно-восточную Русь шла по нимъ.

Одновременно съ Нередицкимъ лѣтопись упомянула, и потому же случаю, о мостѣ Жилотужскомъ; его сносило водою, конечно, какъ и Нередицкій, еще раньше, въ 1338 году (Тамъ-же, годъ 6846, стр. 78). Если Славенскій холмъ заселялся постепенно и одновременно съ Городищенскимъ и Нередицкимъ,—одновременно же съ Нередицкимъ возникъ и мостъ Жилотужскій. Первоначально оба они были „живыми"—т. е. на половодье снимались, какъ и многіе, до сихъ поръ устраиваемые на проселочныхъ дорогахъ. Волховецъ впадалъ въ протокъ Жилотуга, называемый теперь Левошнею,—съ которою онъ и нынѣ сливается весною. Жилотужскій мостъ долженъ былъ стоять близъ Волхова, выше истока Левошни, что-бы не мѣшать судоходству въ тѣ времена, когда главный поселокъ лежалъ на Городищѣ и Нередицѣ; тутъ же ему слѣдовало оставаться и всегда, чтобы

обойти Левошню, иначе потребовался-бы особый мостъ и чрезъ этотъ протокъ. Приблизительное мѣсто Жилотужскаго моста мы укажемъ у Лядки. Если Николо-Лядскій монастырь возникъ, какъ предположено выше, на мѣстѣ Торгово-сторожеваго поселка, для надзора за судоходствомъ по Жилотугу, мостъ здѣсь могъ быть и постояннымъ, какъ рѣчная застава. При такомъ положеніи Левошня даетъ возможность миновать заставу; этимъ протокомъ легко пройти въ Городище—Нередицу и обратно; но холопій городокъ, расположенный (см. выше) на устьи Жилотуга, представляетъ другую заставу. Сверхъ того близъ впаденія Левошни въ Жилотугъ лежитъ плоская возвышенность, рѣдко заливаемая весною, „Дубечки"; поверхностное испытаніе почвы даетъ поводъ видѣть слѣды бывшаго когда-то и на Дубечкахъ поселка.

Въ памятникѣ поздняго уже времени, въ донесеніи 1629 года, говорится о постройкѣ моста за „Славенскими вороты" (Акты юридич. Ч. II, № 217). Объ этихъ воротахъ упомянуто въ другомъ донесеніи, 1616 года (Доп. къ Истор. Акт. Ч. II, № 47). Мы видѣли Славенскую башню въ описаніи пожара 1696 г.; знаемъ также о сооруженіи въ 1302 году каменной стѣны отъ Ильинской до Павловой церкви, и о встрѣчѣ у Иліи Владыкъ по поставленіи ихъ. Слѣдовательно Славенскія ворота были на дорогѣ къ Жилотужскому мосту и къ Городищу. Около вала шла Копаница; она и теперь пересыхаетъ у истока изъ Волхова, близъ Ильинской церкви, не всякое лѣто,—а въ древности, когда представляла затрудненіе на случай непріятельскаго приступа къ городу, не допускалась до отека береговъ,—сильно глинистыхъ,—и была, потому широка и глубока, мостъ чрезъ Копаницу существовалъ вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ она вырыта.—но лѣтописцы не говорили ни о сооруженіи его, ни о починкахъ, какъ о явленіяхъ маловажныхъ.

До сихъ поръ мы говорили о мостахъ въ окрестностяхъ Славенской стороны, упоминаемыхъ въ письменныхъ памятникахъ. Были, безъ сомнѣнія и другіе: чрезъ Витку—по дорогѣ въ Антоніевъ монастырь и чрезъ Донецъ—между этимъ и Деревяницкимъ;—также не могло не быть мостовъ чрезъ Копаницу близъ проѣзжихъ башенъ отъ улицъ: Нутной, Лубяницы, Рогата, Молоткова и Никольскихъ воротъ; послѣдніе проѣзды лежали по дорогѣ къ монастырямъ: Рождественскому и Воскресенскому на Красномъ полѣ, гдѣ теперь кладбища Рождественское и Тихвинское. Лѣтопись не говоритъ объ этихъ мостахъ по незначительности ихъ.

Въ Уставѣ князя Всеволода предѣломъ Буевища названъ Концянскій мостъ. Мѣсто его на Ѳедоровскомъ ручьѣ; но гдѣ именно, въ настоящее время мы указать не можемъ, хотя съ увѣренностью заключаемъ, что онъ не разъ переносился: по откосамъ ручья съ обоихъ береговъ выглядываютъ остатки свай. Кончанскимъ онъ названъ, какъ сказано уже, потому, что обязанность содержать этотъ мостъ въ порядкѣ возлагалась не на тѣ лица, которыя перечислены въ Ярославовомъ Уставѣ, а на управленіе Плотенскаго конца, или на его обитателей.

Иного какого либо объясненія именно этого моста подыскать не представляется основаній,—даваемое же нами указываетъ, что въ Новгородѣ учреждена издавна двоякая мостовая повинность—государственная и земская; та и другая обнимала и переправы чрезъ рѣки, и дороги.

Мы видѣли въ четырехъ мѣстностяхъ, на различной глубинѣ, остатки пластинной настилки: на Мало-Михайловской (во дворѣ Гг. Саблуковыхъ) и на Андреевской (во дворѣ В. И. Соколова) улицахъ, въ Дѣтинцѣ, между домомъ Присутственныхъ мѣстъ и Стратилатовскимъ обыденкомъ, и близъ Духова монастыря, уже за валомъ. Домовладѣльцы говорятъ, что при земляныхъ работахъ имъ нерѣдко случается наталкиваться на подобную настилку въ разныхъ частяхъ города. Самимъ намъ недоводилось провѣрять основательность толковъ домовладѣльцевъ,—свѣдѣнія получались къ слову и уже послѣ земляныхъ работъ, поэтому нельзя указать направленія настилокъ въ ту или другую сторону; общее же въ этомъ говорѣ убѣждаетъ въ существованіи мостовняка по всему городу, а не на тѣхъ только участкахъ, положеніе которыхъ опредѣлено Ярославовымъ Уставомъ. Дѣятельность нашего Общества должна обнять собираніе свѣдѣній о настилкахъ, въ чемъ не встрѣтится затрудненій; членамъ удобно наблюденіе за земляными работами, въ сосѣднихъ дворахъ, безъ затраты труда и времени,—мимоходомъ. Послѣдствія же такихъ наблюденій, съ указаніемъ направленія настилки и глубины захороненія, дадутъ ясное представленіе о проѣздахъ и проулкахъ ископаемаго Новгорода и доставятъ рядъ дорогихъ данныхъ къ изысканіямъ о городскомъ благоустройствѣ,—дорогихъ собственно потому, что Новгородъ опередилъ, уже судя по одному Ярославову Уставу, въ этомъ отношеніи важнѣйшіе города западной Европы.

Въ книгѣ Гюлльманна поэтому предмету читаемъ: „Мощеніе улицъ, служащее къ облегченію внутреннихъ сообщеній и дѣятельности общественной жизни, началось прежде всего въ Парижѣ, издавна славившемся своею грязью. Лондонъ является въ этомъ отношеніи послѣднимъ изъ всѣхъ большихъ Европейскихъ городовъ въ средніе вѣка. И въ Парижѣ и въ Лондонѣ начало мостовымъ положено королями, въ первомъ Филиппомъ II, въ 1185 году, а во второмъ Генрихомъ V, въ 1417 году. Аугсбургъ и Регенсбургъ стали помышлять объ этомъ дѣлѣ не ранѣе XV вѣка. Въ 1415 году, въ первомъ изъ этихъ городовъ одинъ горожанинъ вымостилъ на свой счетъ часть улицы передъ принадлежавшимъ ему домомъ; въ послѣднемъ же является мостовая въ 1403 году, стараніями Матѳея Рантикгера. Въ Нюрнбергѣ начало мостовыхъ должно быть еще ранѣе. Уже въ XIII вѣкѣ главнѣйшіе города Италіи заботились объ этомъ необходимомъ удобствѣ: въ 1236 году—Флоренція,—въ 1242 Верона, въ 1262—Модена,—въ 1265 году Падуа"—(Общ. и час. жизнь въ Европ. гор. сред. вѣковъ, К. Д. Гюлльманна, стр. 32—33). Каждое изъ приводимыхъ въ этой книгѣ свѣдѣній основано на источникахъ; ссылокъ мы не выписываемъ; любопытные найдутъ ихъ на указанныхъ страницахъ.

Трудъ Гюлльманна оправдываетъ высказанное нами желаніе полученія точныхъ свѣдѣній объ ископаемыхъ мостовыхъ въ Новгородѣ. Если запад-

ники кичатся предъ русскимъ народомъ своимъ просвѣтительствомъ нашей страны, одними мостовыми мы докажемъ имъ, что если не вся Русь, то Ильменская страна—на цѣлыя столѣтія опередила ихъ своимъ благоустройствомъ: они тонули еще въ грязи, а наши предки имѣли не только хорошо вымощенные проходы и проѣзды по улицамъ, но и узаконеніе объ обязанностяхъ содержанія ихъ въ порядкѣ, распредѣленныхъ настолько справедливо и осмысленно, что оно, въ существѣ, сохранило обязательную силу до половины XVII вѣка, и вошло въ нынѣ дѣйствующій законъ. Въ грамотѣ Новгородскому воеводѣ князю Прозоровскому, 10 Октября 1623 года, о сборахъ на мостовое дѣло, „какими людми напередъ сего въ Великомъ Новѣгородѣ, въ каменномъ городѣ и черезъ рѣку Волховъ, и улицкіе и загородные мосты дѣланы", выражено, что государь жалуетъ на это дѣло „Новгородскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людемъ въ помощь изъ царскіе казны изъ Новгородскихъ доходовъ, треть, для ихъ разоренья, а двѣ трети необходимаго расхода приказываетъ развытить и собрать съ Новагорода, съ посаду и съ уѣзду, съ сохъ, по сошному разводу, со всѣхъ земель (припомнимъ выраженіе Устава князя Всеволода XII вѣка „со всего помостья"), съ дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ, и съ монастырскихъ сохъ и со всякихъ бѣлыхъ людей съ дворовъ, со всѣхъ безъ выбору, чтобъ никто въ избылыхъ небылъ, *потому что дѣло всее земли и мостами ѣздятъ всякіе люди*". Къ грамотѣ приложены двѣ росписи,—о распредѣленіи исчисленныхъ на мостовое дѣло расходовъ, одна по пространству земельныхъ застроенныхъ участковъ въ городѣ, а другая съ вотчинъ владычнихъ, монастырскихъ, церковныхъ, боярскихъ и помѣстныхъ всѣхъ пятинъ. Послѣ второй росписи приписка: „А съ стрѣльцовъ, и съ казаковъ, и съ пушкарей, и съ воротниковъ (т. е. съ стражниковъ при Дѣтинцевскихъ и башенныхъ воротахъ), и съ казенныхъ кузнецовъ и съ плотниковъ (это ремесленники Людиновъ-воиновъ) въ мостовое дѣло денегъ имати не велѣно" (Ак. Арх. Экспед. Ч. III, № 146).

Наибольшимъ вниманіемъ лѣтописцы отличали изъ всѣхъ мостовъ Великій, соединяющій Славенскую и Неревскую сторону. По способу сооруженія слѣдуетъ относить первоначальное основаніе его къ вѣкамъ свайныхъ построекъ. Лѣтопись знаетъ этотъ мостъ, что уже объяснено, съ X вѣка. Во времена перваго изданія Мостоваго устава, или правильнѣе—во времена, къ которымъ восходятъ древнѣйшіе списки Устава, онъ имѣлъ 22 устоя. Первые 11 составляли повинность десяти сотенъ и князя, а послѣднія, въ такомъ же числѣ,—отдѣльныхъ волостей, не вошедшихъ въ сотни. Изъ нихъ—Ржевская, Бѣжицкая, Вотьская, Обонежская, Лужская и Лопьская имѣли по одному устою, Волховская—три, а Яжелбицкая два. Эти послѣдніе пять устоевъ приходились ближайшими къ Славенскому берегу и были, вѣроятно, менѣе дороги для починокъ, чѣмъ первыя семнадцать; они, должно быть, осыхали въ лѣтнее время такъ, какъ нынѣ существующая мостовая гать праваго берега, устроенная въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, когда ставили каменный мостъ. На рисункѣ Олеарія ея невидно, хотя мы пользуемся имъ по воспроизведенію на заглавномъ листѣ книги графа И. И. Тол-

стого, „До Петровская нумизматика, выпускъ I“, весьма мелкому и недостаточно точному.

Между изслѣдователями Новгородскихъ древностей существуетъ мнѣніе, что первый Волховской мостъ шелъ отъ Арсеньевской нынѣшней церкви, съ Славенской стороны на Неревскую, къ Троицкой церкви, „сквозь подъемныя дубовыя ворота Павловой башни, чрезъ которую тогда былъ единственный входъ въ крѣпость“ (т. е. въ Дѣтинецъ), но это мнѣніе (Н. Н. Муравьевъ. Трое сутокъ въ Новгородѣ) не имѣетъ никакихъ основаній; поводами же возникновенія его послужилъ отчасти мѣстный говоръ о сваяхъ, имѣющихся, будто-бы, подъ водою, недалеко отъ Арсеньевской церкви, и о меляхъ, нащупываемыхъ купающимися на пространствѣ, по прямой, между этою и Троицкою церквами;—отчасти же невѣрно понятое упоминаніе въ описаніи пожара 1696 года о Павловой башнѣ, извѣстное изслѣдователямъ по отрывкамъ изъ донесенія о немъ; издано же все донесеніе уже послѣ сложившагося о нашемъ мостѣ мнѣнія.

Сваи обнажаются въ сухое лѣто въ разныхъ мѣстахъ Славенской набережной и на протяженіи отъ Старорусской пристани почти до нынѣшняго моста; на противоположномъ же берегу, между Дѣтинцемъ и Мячиномъ, ихъ нѣтъ. Чтобы объяснить появленіе свай по правому берегу Волхова, нужно обратиться къ недавнему, сравнительно, прошлому, начиная съ XVII вѣка. Гость Семенъ Гавриловъ имѣлъ солеваренные заводы въ Русѣ и привозилъ много соли въ Новгородъ;—ему даны были, изъ ежегоднаго оброка, береговые участки на постройку лавокъ, въ 1651 году; а въ 1697 году получилъ, также изъ оброка, еще одинъ береговой участокъ сынъ его, Иванъ Семеновъ. Въ нашемъ собраніи рукописей хранятся засвидѣтельствованные списки данныхъ на эти участки (книга купчихъ и данныхъ, листы 34—36). Для выгрузки соли нужна была пристань. Около Арсеньевской церкви находился, какъ мы знаемъ, Готландскій, или Нѣмецкій рѣчной торговый дворъ; ему тоже не обойтись было безъ пристани; далѣе, вверхъ по рѣкѣ,—на мѣстѣ недалеко отъ Старорусской пристани, приходится проѣздъ къ Тевтонскому, или Нѣмецкому горнему двору,—еще далѣе лежалъ Псковскій дворъ; тотъ и другой нуждались въ пристаняхъ. Къ XVII вѣку пристань Нѣмецкаго горняго двора вѣроятно сохранилась, такъ какъ дворъ существовалъ. Гость Семенъ Гавриловъ и другіе торговцы могли, конечно, пользоваться пристатью Готландскаго двора и поддерживать ее. Въ концѣ XVII, въ XVIII и до второй половины текущаго вѣка въ Новгородѣ была Казенная Флотилія, стоявшая у Славенской набережной. Кромѣ того мы видѣли, что Цесарское посольство, прибывшее въ Новгородъ водою въ 1655 году, встрѣчали у Михайловской церкви,—значитъ и тутъ пристань была. Въ виду такихъ данныхъ едвали можно сомнѣваться, что обнажающіяся близъ Арсеньевской церкви сваи принадлежатъ остатку пристаней не особенно древнихъ временъ.

Мели, ощупываемые купающимися и рыболовами, явленіе обыкновенное въ рѣкахъ, а особенно въ Волховѣ, противъ Арсеньевской церкви: здѣсь рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ; прибой ила, песку и всякаго сора къ

лѣвой сторонѣ вполнѣ естественъ,—а мели лежатъ именно къ лѣвому берегу. Иные купальщики нащупываютъ на меляхъ камни и даже сваи. Принявъ во вниманіе незапамятно давнее заселеніе нашей мѣстности, возможно допустить существованіе здѣсь такихъ же свайныхъ построекъ, какія открыты въ разныхъ частяхъ Европы. Кромѣ того мы уже замѣтили, что озеро Мячино было въ древности обширно, такъ что полночно-западный плесъ его доходилъ, или могъ доходить, до самаго Дѣтинца и служить площадью для свайныхъ построекъ; наконецъ—мели, камни и сваи представляютъ и загражденіе рѣки для судовъ непріятельскихъ; они могли появиться и тогда, когда Новгородъ укрѣплялся, въ 1477 году, при осадѣ Ивана III. Чтобы установить между мелями и направленіемъ древняго моста причинную связь, необходимо имѣть обстоятельное изслѣдованіе дна нашей рѣки, порядокъ и расположеніе мелей;—полагаться же на замѣчанія купальщиковъ и рыболововъ негодится вообще.

Павлову башню мы знаемъ въ окопѣ внѣшняго вала; въ числѣ Дѣтинцевскихъ ея нѣтъ,—по крайней мѣрѣ ни лѣтопись, ни поздніе письменные памятники ни разу о ней не сказали. Въ описаніи пожара 1696 года между прочимъ читаемъ: „погорѣли (монастыри и 27 церквей) да на городовыхъ проѣзжихъ каменныхъ башняхъ, на Павловой и на Рогатицкой шатры, и мосты, и воротніе щиты“ (отмѣтка эта приведена выше). Незнакомые близко съ мѣстностью изслѣдователи приняли, должно быть, мосты и воротніе щиты этихъ башенъ за приспособленія къ проѣзднымъ воротамъ Дѣтинца. Заключеніе, будто чрезъ дубовыя подъемныя ворота Павловой башни былъ единственный входъ въ Дѣтинецъ—произвольно. Павловою башнею нѣкоторые теперь называютъ, со словъ изслѣдователей, ту, которая стоитъ при началѣ полуденно-западнаго закругленія стѣны Дѣтинца, отличающуюся отъ прочихъ и внѣшностью и внутреннимъ расположеніемъ; она двужилая; имѣла много оконъ, вверху и внизу, во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, теперь заложенныхъ кирпичемъ; по слѣдамъ закладки видно, что окна вовсе не башенные, они высоки и широки; между верхними и нижними выложены круги изъ кирпича; ни на одной изъ остальныхъ башенъ подобныхъ круговъ нѣтъ и слѣда. Внутри башня имѣетъ нѣсколько покоевъ, приспособленныхъ для жилья; въ настоящее время она обращена въ хранилище старыхъ дѣлъ.

Мы знаемъ, что послѣ Шведскаго разгрома 1611 года Дѣтинецъ приводимъ былъ въ порядокъ и въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало требованіямъ военной науки начала XVIII вѣка, Петромъ Великимъ, ждавшимъ нападенія на Новгородъ Карла XII, послѣ неудачнаго дѣла подъ Нарвою. Но Борисоглѣбская башня и та, которую называютъ Павловою, въ это время не были разрушены: обѣ онѣ показаны на чертежѣ 1778 года. При Императорѣ Александрѣ I Дѣтинецъ также былъ исправляемъ; нынѣшніе проѣздные полукруглые ворота устроены на мѣстѣ древнихъ башенъ Пречистенской и Воскресенской въ его царствованіе, профессоромъ Кузьминымъ. Сторожилы однако же не помнятъ, чтобы Борисоглѣбская башня разобрана была въ это время. Между тѣмъ, до паденія части стѣны Дѣтинца

въ 1862 году, башни на всемъ ея протяженіи не было никакой. Такимъ образомъ, если башня, о которой идетъ рѣчь, названа Павловою непроизвольно и не послѣ изслѣдованій о мѣстоположеніи Новгорода, сдѣланныхъ въ теченіи первой половины нашего столѣтія,—имени ея и передѣлки ея изъ древней остается искать въ уничтоженіи Борисоглѣбской въ царствованіе Императора Павла I или въ первые годы Александра I и приписать графу Аракчееву, бывшему тогда Военнымъ Министромъ и остававшимся во всю свою жизнь неизмѣннымъ почтателемъ памяти обоихъ Императоровъ.

Подъемъ къ башнѣ, называемой Павловою, слишкомъ крутъ и высокъ съ береговой стороны,—чтобы подъ нею проложить путь въ Дѣтинецъ. Если-бы, какъ говорятъ изслѣдователи, древній Волховской мостъ шелъ къ Троицкой церкви, въ городъ Кромный, необходимо было имѣть другой мостъ чрезъ широкій и глубокій ровъ, чтобы войти въ Дѣтинецъ; къ тому же, путь отъ Троицкой церкви въ Неревской конецъ, гдѣ мы видѣли каменныя церкви въ XII вѣкѣ и Лазаревъ монастырь въ XI, и гдѣ, поэтому, было густое населеніе,—слишкомъ длиненъ.

Признавая, по такимъ соображеніямъ, невозможность направленія древнѣйшаго моста къ Троицкой церкви отъ Арсеньевской, остановимся еще на одномъ: въ житіи Преподобнаго Арсенія повѣствуется, что онъ любилъ удаляться въ уединенное мѣсто монастыря своего, на берегу Волхова, для молитвы, и завѣщалъ братіи на томъ мѣстѣ и похоронить его. Завѣщаніе Праведника было исполнено. Мощи его обрѣтены и почивали, до перенесенія въ Кирилловъ монастырь, что на островѣ образуемомъ Жилотугомъ и протокомъ Левошнею, въ нынѣшней церкви его имени, гдѣ сохраняется и рака надъ бывшею могилою Преподобнаго. Если-бы тутъ начинался Волховской мостъ, мѣсто уединенія Св. Арсенія приходилось-бы на самомъ юру (Ср. Ист. Росс Іер. Ч. III, стр. 297 и Ч. V стр. 675, Макарій, Опицерк. древ. Ч. I, стр. 281).

Итакъ мы не видимъ никакихъ данныхъ считать мѣсто Волховскаго моста не тамъ, гдѣ онъ теперь стоитъ. Въ подтвержденіе же нашего мнѣнія приведемъ слѣдующее:

На Михайловскомъ изображеніи и на рисункѣ Олеарія пространство между Пречистенскою надворотнею башнею Дѣтинца и мостомъ забрано съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами такой же высоты, какъ и Дѣтинцевская. Подобное сооруженіе и дорого и мѣшкотно; переносить его съ мѣста на мѣсто, туда—гдѣ мостъ, было-бы безумною затратою труда, времени и средствъ, что противорѣчитъ торговому смыслу Новгородцевъ. На Пречистенскихъ воротахъ сооружена церковь Положенія ризы и пояса Богоматери въ концѣ XII вѣка; она и ворота сохранялись до второй половины XVIII столѣтія; воротами этими выходили на Великій мостъ въ концѣ XV вѣка (Геннадіевъ обходъ). Если-бы мостъ лежалъ не противъ Пречистенскихъ воротъ, незачѣмъ было-бы имъ и существовать тутъ, и еще меньше надобности въ сооруженіи надъ воротами церкви. Мы видѣли уже, что въ Дѣтинцѣ были церкви только надъ проѣздными воротами, стало быть и Пречистенскія служили для проѣзда на Великій мостъ.

Въ описаніи пожаровъ часто говорится объ истребленіи Торга и Великаго моста; одинъ разъ, въ 1340 году, онъ весь сгорѣлъ по воду. Нерѣдко отмѣчается также въ лѣтописи о пожарахъ, уничтожившихъ Великій рядъ до мосту. Да и въ самомъ Уставѣ Ярослава послѣдніе „рилѣ" доходятъ „до торгу". Въ городѣ торговомъ, какимъ былъ нашъ, единственнымъ цѣлесообразнымъ мѣстомъ для моста представляется то, на которомъ онъ и теперь.

Въ книжкѣ „Трое сутокъ въ Новгородѣ" отведено десять страничекъ Волховскому т. е. Великому мосту (стр. 32—42). Тамъ приведены подробности устройства нынѣшняго и размѣры устоевъ и пролетовъ; указапа и глубина рѣки отъ 14 до 16 футовъ, или отъ 2 до 2¹/₄ саж. Нѣсколько выше и ниже моста глубина почти вдвое болѣе. Возможно, что устои нынѣшняго моста пришлись на риляхъ древняго, что и дало незначительную среднюю глубину рѣки. Сваи, которыя вколачивали для новыхъ устоевъ, имѣли длину отъ 6 до 7 саженъ,—говорится въ этой книжкѣ; если онѣ углублялись въ почву хотя и до половины длины, неминуемо должны были стать на опоки на первой же сажени,—не стали же потому конечно, что вколачивались въ илъ и песокъ, скопившіеся большими вѣками около рилей древнѣйшаго моста. Впрочемъ, строительное дѣло, да еще подъ водою, темное дѣло; дѣлать окончательные выводы на основаніи показаній строителей—опасано.

Въ этой же книжкѣ сказано, что древній мостъ, т. е. лежавшій между церквами Арсеньевскою и Троицкою, замѣненъ былъ, за ветхостью, другимъ, построеннымъ въ 1543 году ниже прежняго мѣста. Къ сожалѣнію источникъ, изъ котораго заимствовано это свѣдѣніе, неуказанъ; ни въ четырехъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, ни въ Софійскомъ Временникѣ, ни, наконецъ, въ другихъ изданіяхъ письменныхъ памятниковъ древности мы такого свѣдѣнія не нашли, хотя прошли весь лѣтописный кругъ. Да, въ виду выше приведенныхъ данныхъ, едва-ли и есть подобное свидѣтельство. Мы знаемъ, что Волховской мостъ былъ обновленъ весь въ 1133 году, чрезъ десять лѣтъ его поломала буря, и въ 1144 году „дѣлаша мостъ весь черезъ Волхово по сторонь ветхаго" (I Нов. лѣт. стр. 9, годъ 6652); въ 1229 году „заложиша великій мостъ выше стараго моста" (Тамъ-же, стр. 45, годъ 6737). Въ послѣдующія времена много разъ мостъ возобновляли; отмѣтки, кромѣ двухъ приведенныхъ, не даютъ никакихъ указаній о мѣстѣ, потому и не приводятся; на этихъ же двухъ остановимся нѣсколько. Выраженіе лѣтописи „по сторонь ветхаго" не значитъ, чтобы новый мостъ ставили на прежнихъ „риляхъ",—а лишь рядомъ съ нимъ,—быть можетъ даже по обѣ стороны стараго, по которому продолжалось движеніе въ продолженіи работъ на одной сторонѣ, а затѣмъ ветхій мостъ разобрали,—сообщеніе пошло по готовой новой половинѣ; этотъ способъ примѣняется и теперь при починкѣ или перемѣнѣ настилки и подпирающихъ ее стояковъ. Слова отмѣтки 1229 года „выше стараго"—мы относимъ къ размѣрамъ моста, а не къ положенію по теченію рѣки, потому, во-первыхъ, что лѣтопись не употребляетъ, сколько мы могли примѣтить, выраженій выше

и ниже—къ направленію теченія вообще, и во вторыхъ, что осенью предшествовавшаго года шло много дождей, залило пашни и полосы,—„ни сѣна людемъ бяже лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати" (1 Нов. лѣт. годъ 6736 стр. 43); а осенью „бысть вода велика въ Вълховѣ, поима около озера сѣна и по Волхову; тъгда помьрзъшю озеру и стоявшу три дни и въздре угъ вѣтръ изломавъ вънесе все въ Волхово, ивъздра деветь городень великого моста и принесе къ Питбѣ подъ святыи Николу восемь городьнь въ ноць а девятую разнесе" (Тамъ-же, стр. 44). Наводненіе это указало, что мостъ былъ низокъ сравнительно съ уровнемъ рѣки, потому его и подняла.

Число устоевъ, или рилей было постоянно не меньше 22, какъ назначено Ярославовымъ Уставомъ. Лѣтописныя отмѣтки о поврежденіяхъ моста бурею или напоромъ льда нерѣдки, при чемъ, иногда въ нихъ сказывается о числѣ разрушенныхъ или унесенныхъ городней,—такъ: въ 1143 году—четырехъ, въ 1335—пятнадцати, въ 1345—семи, въ 1388—девяти, въ 1406—одной, въ 1421—двадцати, въ 1436—семи, и проч. При буряхъ принимались, конечно, мѣры къ сбереженію моста; городни срединныя и стоявшія прямо подъ вѣтромъ спасти было трудно и, въ иныхъ случаяхъ, невозможно, ближайшія же къ берегамъ и тѣ, которыя стояли подъ защитою каменныхъ стѣнъ, охранявшихъ Пречистенскія ворота Дѣтинца, возможно было уберечь,—что и дѣлалось, такъ какъ торговые ряды выходили на мостъ; устои, надъ которыми устроены были торговыя помѣщенія, сооружались, по всей вѣроятности, съ удвоенною прочностью. Страдалъ мостъ преимущественно отъ напора льда, стало быть въ зимніе мѣсяцы, когда вода невысока и когда, поэтому, береговые устои оставались на сушѣ. Волховляне и Яжелбичане мостили пять рилей, ближайшихъ къ Торгу, и, какъ мы полагаемъ, стоявшихъ большую часть года на сушѣ; подъ защитою каменныхъ стѣнъ могло быть двѣ рили. Наибольшее число сорванныхъ или разрушенныхъ городней, по лѣтописи, двадцать (въ 1421 году),—что даетъ общее число, вмѣстѣ съ семью береговыми, даже больше чѣмъ двадцать двѣ. По книжкѣ Неронова (Трое сутокъ въ Новгородѣ), и въ дѣйствительности, нынѣшній каменный мостъ имѣетъ десять устоевъ въ водѣ (быковъ) и два береговыхъ укрѣпленія; значитъ на двѣ древнихъ „рили" приходится по одному устою, что и оправдываетъ высказанное нѣсколько строкъ выше наше сомнѣніе о глубинѣ Волхова подъ нынѣшними устоями: они легли на древнія рили. Это же мнѣніе наше найдетъ подтвержденіе и въ ширинѣ пролетовъ между устоями, колеблющейся между 5 саженями 2 футами и 11 сажен. 4 футами (Нероновъ, стр. 36); т. е.—новые устои утверждались на риляхъ, пропуская мимо одну, или двѣ изъ нихъ, какъ было удобнѣе.

Великій мостъ былъ свидѣтелемъ усобицъ гражданскихъ и мѣстомъ казни виновныхъ: осужденнаго бросали въ Волховъ, связавъ руки и ноги, если несчастливцу удавалось прибрести къ берегу, его уже второй разъ не бросали, приписывая спасеніе отъ потопленія чудодѣйственной Божіей силѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ и ужасовъ 1570 года. Грозный, давъ опричникамъ приказъ сковать всѣхъ начальствующихъ въ Новгородѣ, монашествующихъ, духовныхъ вообще и свѣтскихъ, равно женъ и родныхъ ихъ,—опечатать

и охранять крѣпкою стражею кладовыя и тайники горожанъ состоятельныхъ и именитыхъ, казну, святые образа, священные сосуды и всякія цѣнности церковныя,—прибылъ въ самое крещенье съ великою силою на Городище; кровавая расправа началась съ духовенста. На другой день, по пріѣздѣ, царь „повелъ игуменовъ и черныхъ священниковъ и дьяковъ и соборныхъ старцовъ, которые прежде его поиманы въ передовомъ полку и поставлены на привежѣ, избивати ихъ палицами на смерть и бивъ ихъ повелѣ когождо во свой монастырь развозити и погребати". Это было 27 Января. На другой день царь повелѣлъ грабить Софійскую казну и всякія сокровища, а владыку Пимена взялъ подъ стражу; разослалъ людей своихъ по всему городу, по окрестнымъ монастырямъ и церквамъ, и приказалъ имъ: „казну и иконы и протія драгія освященныя вещи и колокола такожде имати. Самъ же государь съ царевичемъ поѣде на Городище, и пріѣхавъ повелѣ приводити изъ Великаго Новаграда владычныхъ бояръ и иныхъ многихъ служилыхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей, и повелѣ ихъ предъ собою горцѣ и лютѣ и безчеловѣчнѣ различными муками мучити. И по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса нѣкоею составною мукою огненною поджигати, и своимъ дѣтемъ боярскимъ повелѣ тѣхъ мученыхъ людей за руки и заноги и за головы различно тонкими ужи привязывати по человѣку къ санемъ конскимъ и быстро влещи за санмы на великій Волховской мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту метати въ рѣку Волховъ; а женъ ихъ и дѣтей, мужескій полъ и женскій, младенцы съ ссущими млекопитаемыми, и всякъ возрастъ, повелѣ государь привозити на Волховской мостъ и возводити на высоту, иже на то устроено бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ къ матеремъ вязаху, и съ великія высоты повелѣ государь метати ихъ въ рѣку Волховъ; а иные дѣти боярскіе и воинскіе люди, въ то время въ малыхъ судѣхъ ѣздяху по Волхову, со оружіемъ и съ рогатинами, и съ копіи, и съ топоры, и съ багры—и кто вспловетъ не верхъ воды, и они прихватывая багры, людей копьи и рогатинами прободающе и топоры сѣкуще, во глубину безъ милости погружаху, предающе горцей смерти. И таково горе и мука бысть, отъ неукротимыя ярости царевы, паче же отъ Божія гнѣва, грѣхъ ради нашихъ. Яко на пять недѣль и болши по вся дни въ воду вметаше всякаго возраста человѣкъ до тысячи на день, а много дни и полуторы тысячи, а тотъ убо день благодаренъ, коего дни ввергнутъ въ воду пятьсотъ или шесть сотъ человѣкъ. И по скончаніи того, государь, съ своими воинскими людми начатъ ѣздити около Новаграда по монастыремъ, повелѣ грабити церковныя и монастырскія казны и келіи и служебные монастырскіе домы и всякіе обиходы, а еже въ житницахъ и на поляхъ въ скирдахъ стоячей немолоченой хлѣбъ повелѣ огнемъ сожигати, а скотъ всякой, лошади и коровы, повелѣ посѣкати. Потомъ пріиде во градъ со многимъ воинствомъ, и по всѣмъ торгамъ у торговыхъ людей въ лавкахъ всякіе товары повелѣ грабити, и лавки разсѣкати и до основанія разоряти. По семъ же государь, со всѣми воинскими людми, поѣхалъ по всему граду и по всѣмъ посадомъ, и повелѣ у всѣхъ градскихъ жителей, во всѣхъ домѣхъ

и въ подцерковіяхъ и въ полатахъ имѣнія ихъ грабити и самыхъ мужей и женъ безъ пощадѣнія и безъ остатка бити и грабити дворы ихъ, и въ хоромахъ окна и ворота повелѣ высѣкати". Тоже творили по волѣ царя его опричники по всѣмъ пятинамъ верстъ на 200—300 отъ Новгорода. Грабежи и рѣзня кончились 13 Февраля (III Нов. лѣт. годъ 7080, стр. 254—259).

Нынѣшній мостъ заложенъ 14 Сентября 1825, а открытъ 1-го Апрѣля 1831 года; строилъ его по рисунку и вычисленіямъ К. Я. Рейхеля, брата знаменитаго нумизмата по отцу, Маіоръ Розенкампфъ; стоимость правительству обошлось въ 849,164 р. 76 к. ассигн. Въ настоящее время его собираются, вотъ уже четвертый годъ, чинить; временный мостъ, устроенный съ этой цѣлью, тоже приходитъ въ ветхость. Но, съ нѣкоторою вѣроятностью, можно надѣяться, что когда нибудь приступятъ къ починкѣ, быть можетъ даже еще въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если починка будетъ разсчитана на прочность моста въ будущемъ, потребуются, пожалуй, и водолазныя работы, при производствѣ каковыхъ и обратятъ, быть можетъ, вниманіе на измѣреніе глубины рѣки и на испытаніе дна и почвы. Въ ожиданіи подобныхъ работъ и на случай производства ихъ, Обществу нашему было-бы полезно снестись съ подлежащею высшею властью и заручиться разрѣшеніемъ получать отъ производителей работъ точныя свѣдѣнія о глубинѣ на разныхъ мѣстахъ и объ остаткахъ древнихъ рилей и свай, во избѣжаніе такой же таинственности, съ которою производилась ломка стѣнъ и склеповъ подцерковья Софійскаго собора пришлыми строителями и поновителями.

Неревская сторона.

Великій Волховской мостъ перевелъ насъ за свѣдѣніями объ остаткахъ и слѣдахъ гражданской древности на лѣвую сторону города. Здѣсь, какъ мы сказали уже, жизнь собственно городская, съ благоустройствомъ и внутренними порядками, сложилась позже, чѣмъ на правомъ берегу Волхова. Государственныя учрежденія, если не всѣ, такъ нѣкоторыя, относящіяся къ охранѣ страны, внутренней и внѣшней, къ доходамъ и сборамъ и проч., перенессны сюда. Доживъ до вѣковъ лѣтописныхъ и переживъ самобытные—эти учрежденія передали Московскому державству и тѣ государственныя сооруженія, въ которыхъ они отправляли свои многовѣковыя обязанности, и которыя были свидѣтелями дѣятельности выборныхъ сановниковъ страны Ильменской. Лѣтопись и другіе памятники сохранили намъ свѣдѣнія о тѣхъ только сооруженіяхъ, которыя помѣщались въ Дѣтинцѣ и близъ него; а о прочихъ письменные источники даютъ только слабые намеки, по которымъ изысканія болѣе затруднительны, чѣмъ по отношенію къ правой половинѣ города.

Дѣтинецъ.

Въ неизданной еще работѣ нашей о Дѣтинцѣ приводятся подробности о гражданскихъ сооруженіяхъ, въ немъ находившихся; въ настоящемъ изложеніи мы ограничимся лишь перечнемъ сооруженій, съ кратчайшими лѣтописными замѣтками, въ томъ же объемѣ, какъ слѣлано въ статьяхъ объ остаткахъ и слѣдахъ памятниковъ древности церковной,—указывая мѣста сооруженій на изображеніяхъ Михайловскомъ и Знаменскомъ и на чертежахъ 1756 и 1778 годовъ.

Площадь Дѣтинца дѣлилась въ древности, какъ уже сказано раньше, на половины Владычню и Княжу; каждая имѣла двѣ части; одну занимали Владыка и князь, а другую—ихъ служилые люди.

Предѣломъ половинъ была дорога между воротами Пречистенскими и Воскресенскими; а главнѣйшими сооруженіями—Святая Софія въ одной половинѣ и Вѣчевая Палата въ другой.

Сооруженія Владычней половины названы въ статьяхъ о памятникахъ, остаткахъ и слѣдахъ церковной древности. Сооруженій княжей половины не сохранилось; башенъ и стѣнъ Дѣтинца не слѣдуетъ причислять ни къ одной половинѣ; о нѣкоторыхъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ, объ остальныхъ же сказано въ ожидающемъ изданія трудѣ нашемъ о Дѣтинцѣ; остатки же и слѣды сооруженій, бывшихъ въ Княжей половинѣ перечислимъ въ настоящемъ изложеніи въ такомъ порядкѣ: сперва скажемъ о Вѣчевой Палатѣ, а затѣмъ о зданіяхъ:—полуденно-восточной части—отведенной нижнимъ чинамъ свѣтской власти;—средины—и западно-полночной части, по изображеніямъ Михайловскому и Знаменскому.

Вѣчевая Палата.

Уже замѣчено выше, что на срединѣ Дѣтинцевской площади, противъ Софіи, на всѣхъ чертежахъ повторяется обширное каменное зданіе изъ двухъ большихъ домовъ, обнесенныхъ каменною же оградою; одинъ приходится прямо противъ Софіи, а другой ближе къ полуденно-восточной стѣнѣ Дѣтинца. Оба дома въ два жила. Впереди перваго—открытая башенка, напоминающая мѣсто, съ котораго объявлялись Вѣчевыя постановленія; памятникъ тысячелѣтію Россіи занялъ именно это мѣсто. На обоихъ чертежахъ нанесена площадь постояннаго Вѣча—чертами; на второмъ показаны площадки, предназначенныя для новыхъ каменныхъ сооруженій въ Дѣтинцѣ; одно изъ нихъ соотвѣтствуетъ положенію дома нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ; передняя стѣна его, полночно-восточная, легла на заднюю перваго дома постояннаго Вѣча. Такимъ образомъ основаніе нынѣшняго зданія присутственныхъ мѣстъ заняло одну изъ стѣнъ Вѣчеваго. Въ подробностяхъ зданія на Михайловскомъ и Знаменскомъ изображеніяхъ замѣчается разница, собственно въ оградахъ, состоящихъ изъ жилыхъ помѣ-

щеній. По присоединеніи Новгорода къ Московскому державству, Палата Постояннаго Вѣча была передѣлана и, видимо, служила первое время помѣщеніемъ для намѣстниковъ Великаго князя и другихъ должностныхъ лицъ. При возобновленіи всего Дѣтинца, между 1484—1492 годамъ, передѣлана, вѣроятно, и Вѣчевая Палата, хотя объ этомъ и не упоминается въ лѣтописи; въ XVII вѣкѣ она обращена, какъ мы видѣли, въ Пушечный дворъ, а въ концѣ прошедшаго совсѣмъ разобрана. Первоначальное сооруженіе Палаты возможно относить къ той отдаленной древности, на которую указала находка, при копаніи рва подъ основаніе памятника тысячелѣтію Россіи, дубовой постройки и слоевъ слежавшихся обломковъ раковинъ. Площадь, окружающая памятникъ, свободна отъ построекъ, а потому и не даетъ надежды на случаи глубокихъ земляныхъ работъ на всемъ пространствѣ ея, чтобы удостовѣриться въ толщѣ здѣсь жилого слоя и направленіи дубовой постройки,—но Обществу слѣдовало-бы, пока еще живы очевидцы находки, испросить разрѣшеніе на раскопку облегающаго памятникъ пространства глубокими—узкими рвами въ звѣздообразномъ отъ него направленіи. При этомъ непремѣнно обнаружится какъ толща жилого слоя, такъ и обширность залеганія обломковъ раковинъ, не говоря уже о вѣроятности встрѣчи съ остатками каменнаго вѣка и другихъ, за нимъ слѣдовавшихъ, до начала русской лѣтописи.

Поселки Людиновъ-стражниковъ.

На Михайловскомъ изображеніи вся полуденно-восточная часть Княжеской половины занята особо огороженными поселками съ проходами между ними. Общее расположеніе построекъ каждаго поселка приходится по краямъ, составляя какъ-бы ограду заключенной въ нихъ площади, остающейся или вовсе не застроенною,—или имѣющею по одной избѣ въ срединѣ каждой, и въ одномъ два дома. Всѣхъ поселковъ пять. Постройки деревянныя, крыты тесомъ, на два ската. Дымовыхъ трубъ не означено. Замѣтимъ кстати, что всѣ вообще постройки обоихъ изображеній, каменныя и деревянныя, большія и малыя, написаны безъ трубъ; должно быть художники были иноземцы изъ теплыхъ странъ, гдѣ печей въ домахъ не было, кажется, до половины XIV столѣтія; по свѣдѣніямъ Гюльманна первыя порядочныя кухни съ печными трубами и комнаты съ каминами устроены были въ этомъ столѣтіи въ Піаченцѣ (Общ. и част. жизнь въ Еврп. городахъ сред. вѣковъ стр. 30).

Самый большой поселокъ занималъ треугольную площадь, между башнями Борисоглѣбскою и Спасскою, отступя отъ первой на такое же почти разстояніе, какое остается между нимъ и Спасскою башнею,—такъ что башня, стоящая въ Дѣтинцевской стѣнѣ, между этими двумя, входила внутреннею своею половиною, т. е. обращенною на Дѣтинцевскую площадь, въ этотъ поселокъ. Ограду его составляютъ: съ восточно-полуденной сто-

роны стѣна Дѣтинца и башня, называемая теперь Павловою; съ западно-полночной—рядъ тѣсно поставленныхъ одна къ другой избъ, съ окнами и входными дверьми, обращенными внутрь площади и частоколъ (заборъ изъ бревенъ, вкопанныхъ въ землю стоймя) съ входными воротами; а съ полночно-восточной два дома по краямъ и заборъ между ними. Вдоль стѣны Дѣтинца расположено семь одинаковыхъ избъ, съ узенькими проходами между ними. Какъ эти семь избъ, такъ и два дома по краямъ полночно-восточной стороны—совершенно одинаковы. На самой срединѣ площади невысокая, достаточно длинная, изба съ пристройкою съ западной стороны. Всѣ постройки имѣютъ видъ казенныхъ; срединная изба—должно быть сторожевая, а боковыя—для жилья стражниковъ.

Второй поселокъ—самый меньшій. Это собственно не поселокъ, а дворовое мѣсто, прилегающее къ той части полночно-восточной стороны ограды перваго, которая пришлась между двумя крайними домами ея. Вдоль ограды вытянулся такой же, какъ и тѣ два, домъ, а противъ него, въ полночно-восточномъ направленіи, видна изъ за Борисоглѣбской башни часть еще такого же, должно быть, дома; восточными своими стѣнами эти дома обращены къ оградѣ третьяго поселка; между западными же стѣнами небольшой заборъ и ворота. Въ статьѣ о церковныхъ сооруженіяхъ Дѣтинца указаны на ближайшемъ къ этому поселку, или къ дворовому мѣсту, пространствѣ, церкви—Борисоглѣбская и Андрея Стратилата, обѣ имѣющія отношеніе къ ратному дѣлу. На Михайловскомъ изображеніи написана одна, которая нибудь, изъ этихъ церквей,—другая же заслонена отъ художника Борисоглѣбскою башнею; первая представлена маленькою,—должно-быть это Андрее-Стратилатовская, такъ какъ Борисоглѣбская „горазда бяше и лѣпа“, по словамъ лѣтописца. Описанное дворовое мѣсто принадлежитъ, кажется, одной изъ церквей. Мы причисляемъ его къ военнымъ поселкамъ потому, что считаемъ обѣ церкви военными, какъ посвященныя воинамъ-мученикамъ.

Третій поселокъ размѣстился вдоль стѣны Дѣтинца на востокъ отъ втораго крайняго дома ограды перваго поселка. Съ полночной стороны онъ обнесенъ заборомъ, на срединѣ протяженія котораго два небольшихъ домика, въ одной связи съ заборомъ, а внутри поселка, ближе къ этому забору, маленькая церковь,—Андрее-Стратилатовская; у стѣны Дѣтинца показаны части двухъ, выглядывающихъ изъ-за нея, домовъ такого же вида, какъ и въ первомъ поселкѣ; ограду восточной стороны составляетъ одинаковый же домъ.

Четвертый поселокъ стелется на полночь отъ третьяго, во всю длину его; между обоими пролегаетъ дорога, по которой идетъ проѣздъ отъ полночнаго угла перваго поселка прямо ко второму, съ запада на востокъ; встрѣтясь съ домомъ этого поселка, проѣздъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на полночь къ востоку,—отсюда, подъ такимъ же угломъ, загибается къ Борисоглѣбской башнѣ, на полдень, и, наконецъ, дѣлаетъ поворотъ подъ тупымъ угломъ на востокъ и выходитъ къ полуденному концу зданій Вѣчевой Палаты. Такимъ образомъ площадь четвертаго поселка шести угольна.

По сторонамъ полунощной и полуденной разставлены, довольно рѣдко другъ отъ друга, домики не одинаковыхъ размѣровъ; площадь внутри поселка разбита на участки;—должно-быть это огороды, относящіеся къ каждому домику. Почти на срединѣ ея стоитъ маленькая избушка, похожая на баню. Всѣхъ домиковъ по обѣимъ сторонамъ одиннадцать. По всей вѣроятности это поселокъ семейныхъ стражниковъ, или старшихъ.

Послѣдній поселокъ расположенъ треугольникомъ; домики разставлены по всѣмъ сторонамъ, съ такими же промежутками, какъ и въ предыдущемъ; площадь внутри поселка совершенно пуста; невидно и огородовъ. Между нимъ и четвертымъ проходъ.

Всѣ эти поселки лежатъ западными своими границами вдоль дороги, направляющейся къ Спасскимъ воротамъ и составляютъ одну прямую; восточными же сторонами послѣдніе три выходятъ на проѣздную дорогу, идущую позади зданій Вѣчевой Палаты, отъ водяныхъ воротъ стѣны Дѣтинца къ Покровской, что у Дьячего двора, церкви.

На Знаменскомъ изображеніи уже нѣтъ ни одного изъ перечисленныхъ поселковъ; ограды большею частію уничтожены; одинаковые деревянные дома и избы снесены, а вмѣсто ихъ разставлены, изрѣдка, каменные дома различной величины, по два и ко три рядомъ; ими во многихъ мѣстахъ пересѣкается и дорога, направленная, по Михайловскому рисунку, къ Спасской башнѣ.

Палаты сановниковъ.

По другую сторону дороги къ воротамъ Спасской башни вытянуто три длинныхъ, но узкихъ, каменныхъ дома, начиная отъ Дѣтинцевской стѣны, сряду за западною стороною Спасской башни: первые два нѣсколько задались на западъ, а третій, болѣе широкій, выдвинулся на полдень; въ самомъ началѣ его большія, округленныя вверху, ворота,—а на концѣ, противъ двора перваго, самаго большаго, зданія Вѣчевой Палаты, островерхая шестигранная башня; она стала на полуденно-западной сторонѣ дороги, пролегающей вдоль восточныхъ границъ поселковъ Людиновъ-стражниковъ, и направляющейся прямо къ Покровской церкви. Въ этихъ палатахъ проживали, во времена самобытія, высшіе служилые люди, состоявшіе въ важныхъ должностяхъ при Вѣчевой Палатѣ и при народныхъ полкахъ; тутъ же жили и Осменники, начальники сборщиковъ податей—Полюды, и другіе чины. Послѣдній къ Вѣчевой Палатѣ домъ, съ башнею, какъ наиболѣе обширный, занимали, должно-быть, Осменники и Полюды; къ нему относится большое дворовое мѣсто, во всю длину этого и сосѣдняго съ нимъ, по направленію къ стѣнѣ Дѣтинца, маленькаго, втораго по порядку, дома; оно огорожено съ западно-полночной стороны длиннымъ же и узкимъ каменнымъ зданіемъ, а съ другихъ вдухъ—каменными же заборами. Въ полночно-восточномъ концѣ двора, нѣсколько отступя отъ башни, высится названная уже въ своемъ мѣстѣ церковь Св. Іоанна Златоуста, основанная въ 1350

году Посадникомъ Юріемъ Ивановичемъ (по Калайдовичу это Юрій IV). По рисунку Михайловскому эта церковь имѣла очень высокую башню, похожую въ общемъ на Кельнскую; она могла отвѣчать и за хорошую сторожевую, и за стрѣльню; верхъ ея имѣетъ пять рядовъ обыкновенныхъ башенныхъ узенькихъ оконъ.

На Знаменскомъ изображеніи Палаты сановниковъ представлены такъ же, какъ и поселки Людиновъ, въ измѣненномъ видѣ: первый, ближайшій къ стѣнѣ Дѣтинца, домъ уничтоженъ, дворъ же остался такимъ, какъ и на Михайловскомъ рисункѣ; башня и церковь не тронуты.

Житница.

Длинное, узкое каменное зданіе, составляющее ограду двора Палаты сановниковъ съ западно-полночной стороны, есть государственная Житница,— мѣсто ссыпки зерна, собиравшагося съ податныхъ хлѣбопашцевъ. Въ полночно-западномъ концѣ этого зданія устроены троечастныя ворота,—среднія широкія и высокія,—какъ проѣздныя, а боковыя, съ обѣихъ сторонъ, маленькія, для пѣшеходовъ. Вдоль западно-полночной стороны Житницы начался другой большой дворъ, на который ведутъ ворота; полночный край Житницы приходится противъ начала большаго зданія Вѣчевой Палаты; онъ лежитъ у прямой, ведущей къ Покровской церкви, что у Дьячего двора, отъ поселковъ Людиновъ-стражниковъ. Основаніе, изъ котораго мы заключаемъ о назначеніи описаннаго зданія, приведено въ статьѣ о Покровской церкви на воротахъ отъ Прусской улицы; оно заимствовано изъ списка ружныхъ церквей XVI вѣка, въ которомъ эта Покровская церковь значится въ Стрѣльнѣ, за государевыми, церевыми и Великаго князя Житницами.

На Знаменскомъ изображеніи нѣтъ этого зданія Михайловскаго рисунка; оно разбросано, должно-быть, при перестройкѣ Дѣтинцевскихъ сооруженій въ 1484—1492 годахъ, а Житница перенесена въ Палаты сановниковъ временъ самобытія.

Княжій дворъ.

Между Житницею и прямою къ Покровской у Дьячаго двора церкви, равно между этою церковью, частію западно-полночной стороны Дѣтинца и оградою, продолженною отъ границы двора Палатъ сановниковъ къ той же части стѣны Дѣтинца, лежитъ большая прямоугольная площадь (по рисунку Михайловскаго изображенія); это княжій дворъ. Въ статьѣ о подземельи Княжей башни приведено лѣтописное свидѣтельство, по которому эту мѣстность мы называемъ Княжимъ дворомъ вѣковъ самобытія. Полночно-восточную границу его составляютъ: нынѣ существующая Покровская церковь и стѣна, идущая отъ полуденно-восточнаго угла ея прямо на востокъ,

сохранившаяся частію до сихъ поръ; на ней колокольня Покровской церкви, стѣнообразная; стѣна примкнула къ небольшой башенкѣ съ уступомъ вверху, подъ шатровою крышею, и съ зубцами; въ восточной стѣнѣ башенки большія проѣздныя ворота, сведенныя вверху дугою; къ башенкѣ ведетъ мощенная дорога отъ главной Дѣтинцевской, между Пречистенскими и Воскресенскими воротами. Въ каменной оградѣ полуденно-западной границы двора, составляющей продолженіе сосѣдней ограды двора Палаты сановниковъ; ровно посрединѣ ея троечастныя ворота, такія-же, какъ и ведущія изъ того двора на этотъ Княжій; разница только въ верхѣ среднихъ—проѣздныхъ: здѣсь онъ нѣсколько округленъ, а тамъ—конькомъ. Въ стѣнѣ Дѣтинца, между Покровскою церковью и Княжею башнею, видна часть высокихъ воротъ; вѣроятно ими ходили за водою въ ровъ, окружающій Дѣтинецъ.

Часть стѣны Дѣтинца, къ которой примкнулъ Княжій дворъ, застроена, начиная отъ Княжей башни—на западъ къ полдню, вся. Къ самой башнѣ примкнулъ невысокій, въ одно жило, каменный домъ съ пятью небольшими оконцами внутрь двора. Это древнѣйшее сооруженіе мѣстности и считается нами за дворецъ князя Владиміра Ярославовича, соорудившаго около 1020 года Покровскую церковь, а въ 1045—1052 годахъ—Софійскій соборъ. Здѣсь Святой Владиміръ жилъ до переселенія отца своего въ Кіевъ. Домъ этотъ значительно ниже Дѣтинцевской стѣны, почти на половину; онъ, повидимому, равносторонній и занимаетъ внутрь двора такое же пространство, какъ и башня. Входныхъ дверей къ нему нѣтъ,—они пробиты въ башнѣ, которая представляется, поэтому, частію княжескаго дома.

Рядомъ съ домомъ Св. князя Владиміра Ярославовича, стѣна—объ стѣну, и такой же ширины внутрь двора, вытянулся большой домъ, вдоль стѣны Дѣтинца; онъ кончается у полуденно-западной ограды Княжа двора; вышина съ крышею доходитъ до гребня Дѣтинца; дружилый; ровно передъ срединою стоитъ башенка съ тремя окнами во дворъ,—безъ зубцовъ; крыта тесомъ, какъ и всѣ Дѣтинцевскія, и шатромъ, съ незначительнымъ уступомъ въ нижней части;—входной двери и здѣсь нѣтъ, такъ что этотъ большой домъ въ одной общей связи съ Владиміровымъ и Княжею башнею. Позади его высится, противъ башенки, какъ бы плотно пристроенная къ стѣнѣ Дѣтинца, Покровская церковь, сооруженная въ 1305 году Семеномъ Климовичемъ на воротахъ отъ Прусской улицы, которыя застроены этимъ большимъ домомъ. Мы видѣли, что—та первоначальная церковь была въ 1389 году разобрана Посадникомъ Григорьемъ Якуновичемъ и вновь возведена; слѣдовательно можно установить причинную связь между перестройкою церкви и разсматриваемымъ домомъ, т. е., что Прусскія ворота пришлось, для возведенія его, заложить и церковь поднять выше, что и сдѣлалъ Григорій Якуновичъ. Обстоятельства, предшествующія 1389 году, позволяютъ ставить постройку большого дома на Княжемъ дворѣ въ зависимость отъ условій мира съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, ополчившимся противъ Новгорода изъ за ушкуйниковъ.

Упомянутое обнаруженіе, поверхностною раскопкою осенью 1893 года, основанія каменнаго сооруженія между башнями Княжею и большою Покровскою, даетъ поводъ считать его за остатокъ большого дома Княжего двора.

На Знаменскомъ изображеніи написана задняя сторона той части Дѣтинцевской стѣны, которая соотвѣтствуетъ Княжему двору. Здѣсь Покровская башня, устроенная изъ церкви Семена Климовича и Григорья Якуновича, представлена окруженною со всѣхъ сторонъ, въ нижней ея части, т. е. охваченною стѣнами большаго дома и Дѣтинцевскою, выступающею наружу, къ сторонѣ рва, за черту сосѣднихъ частей стѣны. Такимъ образомъ увеличеніе помѣщенія въ большомъ домѣ сдѣлано при возобновленіи Дѣтинца въ 1484—1492 годахъ, не насчетъ площади Княжего двора, а посредствомъ выдвига Дѣтинцевской стѣны ближе къ рву, такъ что большой домъ остался на прежнемъ основаніи.

Въ настоящее время видны въ стѣнѣ, на пространствѣ между Княжею и Покровскою башнями, остатки свода, служившаго потолкомъ нижняго жила большаго дома.

Названіе двора Княжимъ свидѣтельствуетъ, что въ обоихъ домахъ живали великіе князья, которыхъ часто призывали Новгородцы на службу, и которые наѣзжали сюда время отъ времени, а также и ихъ намѣстники, во времена самобытія; Удѣльные же князья, и Великокняжескіе дѣти, не имѣвшіе еще собственныхъ удѣловъ, но призывавшіеся также въ Новгородъ, проживали постоянно на Городищѣ;—въ большомъ домѣ они останавливались только на короткое время, когда приходилось бывать въ Новгородѣ по дѣламъ, требовавшимъ ихъ присутствія.

Гридница служебная.

На Михайловскомъ изображеніи показана большая треугольная площадь: между первымъ къ Спасской башнѣ домомъ Палатъ сановниковъ, оградою двора ихъ и Княжего, и частью стѣны Дѣтинца западнаго округленія; здѣсь почти у самой средины стѣны стоитъ башня Кукуй; между нею и Спасскою, въ стѣнѣ, водяныя ворота. Къ большому дому Княжего двора примкнулъ каменный домъ въ три жила; онъ выше большаго и занялъ, по стѣнѣ, все протяженіе между нимъ и башнею Кукуй; окна верхняго жила приходятся на той же высотѣ, что и зубцы Дѣтинцевской стѣны; къ нему пристроено, начиная отъ башни, почти во всю длину дома, деревянное зданіе, въ вышину доходящее до верхняго жила, а въ длину не захватившее двухъ только оконъ средняго и двери ведущей въ нижнее, къ сторонѣ большого дома Княжего двора. Къ башнѣ Кукуй также приставлена маленькая каменная пристройка съ входною дверью съ восточной стороны, и съ окномъ въ полуденной. Названныя въ предыдущей статьѣ троечастныя ворота во внутренней оградѣ Княжего двора служатъ сообщеніемъ между нимъ и описанными сооруженіями. По сосѣдству этихъ сооруженій съ

большимъ домомъ Княжего двора и по единственнымъ, не считая водяныхъ, замыкавшихся, воротамъ, которыми можно пройти къ нимъ только чрезъ Княжій дворъ, мы считаемъ трехъ-жилый домъ служебною Гридницею князей и ихъ намѣстниковъ.

При возобновленіи Дѣтинца Иваномъ III сооруженія Гридницы, какъ обветшавшія къ тому времени,—и, слѣдовательно возведенныя много раньше 1389 г., къ которому относится постройка большаго дома Княжего двора,—были разрушены. На Знаменскомъ изображеніи ихъ уже нѣтъ; но къ башнѣ Кукуй приставленъ каменный домъ значительныхъ размѣровъ; на площади же, названной нами треугольною, разбитъ садъ. Вѣроятно служебная Гридница помѣщена была въ это время въ башнѣ Кукуй, и въ части прилегающей къ ней стѣны Дѣтинца, гдѣ мы видѣли жилье—покои, служившіе, по преданію, мѣстомъ заключенія для князя Серебрянаго. Теперешній видъ внутренности башни Кукуй, хотя и разрушающейся годъ—отъ году, даетъ, по остаткамъ, кое гдѣ еще уцѣлѣвшимъ, возможность представленія о расположеніи покоевъ и лѣстницъ.

Застѣнокъ.

Между Покровскою, нынѣ существующею, церковью и Воскресенскими воротами расположенъ, по Михайловскому рисунку, особый поселокъ, раздѣленный на шесть участковъ, каждый изъ которыхъ обнесенъ рубленною изъ толстыхъ бревенъ и высокою оградою. Вдоль вымощенной поперечно, пластинникомъ, дороги, между Воскресенскими и Пречистенскими воротами, поставлено тѣсно другъ къ другу три высокихъ деревянныхъ дома, вплоть до надворотней Воскресенской церкви,—это полночно-восточная сторона поселка. На восточно-полуденной сторонѣ тоже три большихъ деревянныхъ дома; средняя часть одного изъ нихъ въ два жила и выступаетъ впередъ на Дѣтинцевскую площадь; между этими домами нѣтъ, какъ и между первыми тремя, никакихъ промежутковъ. Пространство, прилегающее къ тремъ домамъ первой стороны и къ двумъ, ближайшимъ къ дорогѣ,—второй, отдѣлено особою оградою, примыкающею къ стѣнѣ Дѣтинца, отъ остальной площади поселка,—и перегорожено въ поперечномъ направленіи. отъ дороги на зимній западъ;—такимъ образомъ получилось два участка, почти одинаковыхъ размѣровъ. Во всю ширину третьяго дома второй стороны поселка идетъ къ стѣнѣ Дѣтинца площадь, огороженная также, какъ и предшествующая; она раздѣлена на двѣ части поперечнымъ же заборомъ;—та, которая прилегаетъ къ дому, вчетверо больше другой, приходящейся къ самой Дѣтинцевской стѣнѣ. По срединѣ большой площади, на равномъ разстояніи со всѣхъ сторонъ отъ ограды, стоитъ обширный, но не высокій, деревянный домъ, похожій на обыкновенный нынѣшній сѣнной сарай; въ немъ, въ стѣнѣ обращенной къ лицевому большому дому, восемь оконъ, а въ восточной два. На маленькой площади нѣтъ никакой постройки. Эти площади составляютъ другіе два участка поселка. Нѣсколько отступя отъ за-

паднаго угла большаго лицеваго дома, въ полночномъ направленіи, поставленъ къ самой оградѣ внутренней площади, къ этому дому прилегающей, небольшой, въ три окна, домикъ,—а отъ него на зимній западъ, къ сторонѣ стѣнки между Покровскою церковью и башенкою у проѣзда на Княжій дворъ,—не длинное прясло ограды, поворотившей, подъ прямымъ угломъ, къ стѣнѣ Дѣтинца. Вмѣстѣ съ такою же оградою площади большаго лицеваго дома, съ зимне-западной стороны, эта послѣдняя образуетъ третью площадь поселка, раздѣленную поперечнымъ же заборомъ на двѣ части, составляющія еще два участка; та, которая пришлась къ Дѣтинцевской стѣнѣ, ничѣмъ не застроена. Между оградою этой третьей стороны поселка и Покровскою церковью остается не широкій проходъ. Въ настоящее время входная дверь въ церковь въ полночной стѣнѣ ея,—такъ что, если и въ древности она была тутъ же, проходъ велъ къ ней. Будучи придворною, Покровская церковь имѣла, вѣроятно, два входа,—одинъ съ Княжего двора, а другой съ Дѣтинцевской площади.

На Знаменскомъ изображеніи разсматриваемый поселокъ представленъ въ измѣнившемся нѣсколько видѣ; ограды и дома вдоль дороги, хотя не всѣ, показаны; нѣкоторые на прежнихъ мѣстахъ; на углу у самой дороги написанъ каменный домъ съ вышкою.

Поселокъ этотъ мы называемъ Застѣнкомъ потому, во-первыхъ, что еще въ росписи 1615 г. Покровская церковь значится: „у Дьячего двора“ и во-вторыхъ потому, что тутъ, примѣрно подъ длиннымъ уединеннымъ домомъ на внутренней площади поселка, прилегающей къ большому лицевому дому, нашли въ 1549 году,—что сказано выше,—„гдѣ стояла діачія изба деревяная“, подъ поломъ ея въ землѣ, когда „розметаша ю всю и почаша землю копати на подшевъ трупіа мертвыхъ цѣли 12 человѣкъ“;—тутъ же найдено и нами около 30 костяковъ, густо залитыхъ известкою,—и тутъ же, за Дѣтинцевскою стѣною надъ рвомъ, стоитъ башня, прозванная „Чортовою“,—впослѣдствіи передѣланная нѣсколько и пріютившая теперь Новгородскій Музей древностей.

На Михайловскомъ изображеніи нѣтъ воротъ или двери для сообщенія застѣнка съ Чертовою башнею; но мы видѣли при обзорѣ подземелья подъ Княжею башнею признаки прохода изъ него, внутри Дѣтинцевской стѣны, по направленію къ этой Чортовой башнѣ; а изъ описанія крестнаго хода около возобновленнаго Дѣтинца, съ Архіепископомъ Геннадіемъ во главѣ, (это Геннадіевъ обходъ 1492 года) оказывается, что Воскресенскія ворота не были уже проѣздными: Владыка шелъ по ту сторону рва, останавливаясь противъ воротъ Спасскихъ, Покровскихъ и Владимірскихъ, и минуя вовсе Воскресенскія, лежавшія между Покровскими и Владимірскими,—(теперь Никольская часовня). Такимъ образомъ сообщеніе Застѣнка съ Чертовою башнею могло быть и чрезъ Воскресенскія ворота. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи поддерживаетъ и положеніе Чортовой башни во время написанія Михайловскаго изображенія: она поставлена стѣна—объ стѣну съ Воскресенскою, за Дѣтинцевскою стѣною, раздѣляющею обѣ башни.

Бревенчатые высокіе заборы всѣхъ шести участковъ поселка соотвѣтствуютъ назначенію тюремной ограды, за которою производился безчеловѣчный „розыскъ“ по дѣламъ уголовнымъ, со всѣми ужасами средневѣковой пытки.

Застѣнокъ расположенъ близъ Вѣчевой Палаты, бывшей въ древности мѣстомъ правительственнымъ и судебнымъ. Невдалекѣ отсюда лежали всѣ три подземелья, о которыхъ говорено выше, и Палата Престольно-Судебная, не чуждая, вѣроятно, также розыска.

Судная изба.

Москва, установивъ новый распорядокъ во внутреннемъ строѣ управленія страною Ильменскою, измѣнила и судебное дѣло, примѣнивъ къ ней уложеніе 1497 г. Вѣчевая Палата не могла быть помѣщеніемъ для Новаго суда уже по однимъ соединеннымъ съ нею воспоминаніямъ; къ тому же она занята была намѣстниками государя, которыхъ состояло въ Январѣ и Февралѣ 1478 г. четыре, два на Славенской и два на Неревской сторонѣ. О первыхъ двухъ, князѣ Иванѣ Стригѣ и братѣ его Ярославѣ, сказано въ лѣтописи, что великій князь велѣлъ имъ стати на своемъ дворѣ Ярославли (Русс. Времен. Ч. II, 138);—гдѣ приказано поселиться другимъ двумъ намѣстникамъ, Василью Китарю и Ивану Зиновьеву (первые назначены 22 Января, а другіе 5 Февраля. Тамъ-же стр. 138 и 140), лѣтопись не сказываетъ; но если первые заняли Палаты Великовѣчья,—вторымъ приличнѣе и цѣлесообразнѣе было отвести, для наиболѣе сильнаго уязвленія „людей вольныхъ“,—Палату постояннаго Вѣча.

Въ краткомъ лѣтописцѣ Новгородскихъ Владыкъ, составляющемъ первое прибавленіе ко второй Новгородской лѣтописи, перечисляются сооруженія, возведенныя Питиримомъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и Великолуцкимъ, „въ дому Премудрости Божіи Софѣи“; между ними названы: „Казенная Палата, съ сѣнми,—во едино лѣто построена“ и „судный приказъ“. Объ этомъ сооруженіи сказано такъ:—„да во 178 году (это 7178, соотвѣтствующей 1670) въ дому же Премудрости Божіи разобраны: Судной Каменной Приказъ, и на томъ мѣстѣ построены два приказы, Судной, да духовной, на жилыхъ подклѣтяхъ, каменные жъ; да тогоже 178 году состроены вновь, на домовой обиходъ, погребъ да ледникъ каменные, отъ суднаго, да отъ духовнаго приказа подлѣ городовые стѣны, къ каменнымъ поварнямъ“ (Пол. соб. рус. лѣт. Ч. III, стр. 193).

Подробности этой записи указываютъ, во-первыхъ, что Москва непризнавала неприкосновенности площади Дѣтинца, вѣками освященной—какъ достояніе Премудрости Божіей, а во-вторыхъ, открываютъ основаніе къ точному опредѣленію мѣста Судной избы, отправлявшей Московское правосудіе по уложенію 1497 года. Чтобы установить, когда именно возникла эта изба и гдѣ она была первоначально, обратимся къ рисункамъ Михайловскому и Знаменскому.

На Михайловскомъ изображеніи Дѣтинца, сряду за дорогою между Воскресенскими и Пречистенскими воротами, противъ Застѣнка, выведено большое, длинное, деревянное зданіе, начинающееся у самыхъ Воскресенскихъ воротъ и заворачивающее, насупротивъ башенки у дороги въ Княжій дворъ,—подъ прямымъ угломъ, на полночь. Оно приходится на томъ почти мѣстѣ, гдѣ теперь кладовыя архіерейскаго дома, книжная лавка Братства Св. Софіи и Митрополичій дворецъ съ консисторіею въ нижнемъ его помѣщеніи. Поэтому неопасно заключить, что сооруженные Питиримомъ приказы были именно тутъ, и что консисторія помѣщается въ духовномъ приказѣ 1670 года; слѣдовательно Судный приказъ находился у Воскресенскихъ воротъ, противъ Застѣнка. Внутри Архіерейскаго двора стоятъ, вдоль Дѣтинцевской стѣны, до сихъ поръ невысокія каменныя хозяйственныя постройки, на мѣстѣ погреба и ледника Питиримовскихъ; какъ поддерживаемыя своевременными починками, они могутъ быть даже тѣми самыми, которыя поставлены въ 1670 году. Но Питиримъ построилъ каменные приказы, разобравъ старые, каменные же,—значитъ прежніе пришли въ ветхость, или оказались неудобными; на Михайловскомъ изображеніи мы видимъ противъ Застѣнка зданіе деревянное, слѣдовательно предшествовавшія Питиримовскому сооруженія возведены послѣ написанія этого рисунка, т. е. послѣ первой половины XV века.

На Знаменскомъ изображеніи написана узкая и длинная каменная постройка на мѣстѣ деревянной Михайловскаго, начавшаяся, также какъ и тамъ, отъ Воскресенскихъ воротъ; на срединѣ длины ея, въ восточномъ отъ воротъ направленіи, стоитъ башня. Полагая, что башни и башенки при Дѣтинцевскихъ сооруженіяхъ, казенныхъ и общественныхъ, имѣли значеніе сторожевокъ, мы считаемъ упомянутую за принадлежащую Судной избѣ, построенной при возобновленіи Дѣтинца въ 1484—1492 годахъ. Съ того времени къ 1670 году она могла и обветшать, если не поддерживалась своевременными починками и не разъ горѣла. Сооруженіе это мы называемъ не приказомъ, а избою, потому, что до царствованія Грознаго названія приказовъ въ письменныхъ памятникахъ не встрѣчается.

Въ старыхъ дѣлахъ консисторіи или архіерейскаго дома, о допущеніи къ разсмотрѣнію которыхъ членовъ Общества правленіе предполагаетъ просить Епархіальное начальство, можно найти болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о приказахъ Питиримовской постройки.

Судебныя избы.

Въ разгромъ 1570 года устроены были особенныя избы. Лѣтопись сохранила извѣстіе объ уничтоженіи ихъ; подъ 1572 годомъ отмѣчено: „Да того же мѣсяца (Іюля) въ 7, въ понедѣльникъ, почали на Софійской сторонѣ, въ Земской, избы судебные съ мѣста разбирати, гдѣ государевы судьи судили“ (II Нов. лѣт. годъ 7080, стр. 171). Мнѣніе наше, что эти избы были особенныя, устроенныя только на время кровавой расправы съ

оклеветанными Новгородцами, основывается лишь на этой отмѣткѣ. Лѣтописецъ, свидѣтель ужасовъ разгрома, отмѣтилъ даже день, когда страшныя избы начали разбирать; будь онѣ всегдашнія судебныя мѣста, разборка не привлекла-бы, конечно, ничьего вниманія,—какъ явленіе обыденное. Выраженіе „почали разбирати" даетъ поводъ считать избы деревянными, что вполнѣ соотвѣтствуетъ постройкамъ временнымъ; если-бы онѣ не были такими, лѣтописецъ сказалъ-бы куда перенесли эти судебныя помѣщенія. Гдѣ именно стояли избы—ни лѣтопись, ни преданіе не говорятъ; мы ставимъ ихъ въ Дѣтинцѣ потому, что здѣсь были всѣ, нужныя для слѣдственно-розыскного производства того времени, приспособленія: Застѣнокъ съ шестью отдѣльными, огороженными высокими бревенчатыми заборами, дворами, обширныя подземелья подъ башнями, Чортова башня для самыхъ тяжкихъ пытокъ—и, что самое важное, Дѣтинцевская стѣна изъ-за которой ни какой отчаянный вопль мучениковъ не былъ слышенъ внѣ ея; наконецъ и лобное мѣсто, высокій помостъ на Волховскомъ мосту, подъ руками. Владыка Пименъ и духовенство Софійской и прочихъ Дѣтинцевскихъ церквей не могли мѣшать мучителямъ громомъ анаѳемы тѣшиться надъ беззащитными жертвами: Архіерей—былъ взятъ въ заточеніе въ первый день прибытія Грознаго въ Новгородъ, а кровь духовенства была первою, пролитою мучителями въ дни разгрома: ужасъ заставилъ священство быть глухимъ и нѣмымъ ко всему, происходившему на глазахъ ихъ—и ждать мученической кончины своей въ безмолвіи.

Въ которой именно сторонѣ Дѣтинца стояли Судебныя избы, утвердительно сказать мы не можемъ, но полагаемъ, что поодаль отъ Княжего двора и Палатъ намѣстничьихъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, проживали судьи во время разгрома. Нѣкоторымъ указаніемъ по этому предмету послужитъ другое временное же сооруженіе, возведенное, по нашему мнѣнію, въ дни разгрома и занесенное въ лѣтопись сряду послѣ отмѣтки о Судебныхъ избахъ, съ указаніемъ мѣста, гдѣ оно стояло. Ему мы теперь и отведемъ нѣсколько строкъ.

Дьячья изба.

Сказавъ о Судебныхъ избахъ, современникъ разгрома продолжаетъ: „Да того же мѣсяца (Іюля) 9, въ среду, на Софійской сторонѣ почали Діячью избу разбирати, которая стояла у церкви у каменной, у Еруса-лима", положеніе которой извѣстно. Что эта Дьячья изба была временная, какъ и избы Судебныя, мы заключаемъ изъ того, что за 20 лѣтъ предъ разгромомъ поставлена была новая Дьячья изба близъ Покровской церкви (нашли много трупія мертвыхъ); для задуманнаго разгрома та изба казалась малою,—потому и построили новую. Сказывая о Дьячьей избѣ лѣтописецъ называетъ мѣстностью ея Софійскую сторону, точно также, какъ говорилъ о Судебныхъ избахъ, не упомянувъ, что оба эти сооруженія возведены въ Дѣтинцѣ; мѣстность Дьячей избы онъ опредѣлилъ церковью по-

тому, вѣроятно, что она стояла близъ нея,—Судебныя же избы, поэтому, выстроены гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ церквей, или въ поселкѣ, названномъ нами Застѣнкомъ, или тамъ, гдѣ была уже Судная изба, учрежденная сряду по присоединеніи Новгорода къ Московскому державству.

Ни на Михайловскомъ, ни на Знаменскомъ рисункахъ Дѣтинца невидно около церкви Входа въ Іерусалимъ ни какого зданія, потому, конечно, что тотъ и другой писаны раньше 1570 года.

Загородье.

Великій князь Юрій Даниловичъ былъ позванъ Новгородцами въ 1322 году изъ Пскова, куда онъ скрылся отъ преслѣдованія князя Тверскаго Александра Михайловича, и по прибытіи, по крестному цѣлованію, въ Новгородъ,—„поставиша и въ Загородьи, въ Ѳеонасовѣ дворѣ діаконовѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6830, стр. 73). Это первое упоминаніе лѣтописи о Загородьи;—во второй разъ, въ описаніи пожара 1403 года названъ Загородокъ: „погорѣ владыченъ дворъ и Околотокъ и Загородокъ" (III Нов. лѣт. годъ 6911, стр. 234). Наконецъ Загородье же упомянуто въ отмѣткѣ 1372 году: „Копаша ровъ около Людина конца, и Загородіа и Неревскаго конца" (I Нов лѣт. годъ 6880, стр. 90). Мы знаемъ, что на Неревской сторонѣ былъ Загородной конецъ. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ Уставомъ Ярослава о мостахъ, гдѣ Чудинцева улица и Загородцы,—по спискамъ Карамзина и Дубенскаго,—а по Строевскому „Загорожаны",—призваны къ отбыванію мостовой повинности вмѣстѣ на одномъ участкѣ,—вызвало въ изслѣдователѣ мѣстоположенія древняго Новгорода сомнѣніе въ существованіи Загороднаго конца въ XI вѣкѣ (См. выше). Останавливаясь на нарядной описи 1623 г. и на отмѣткахъ лѣтописи подъ 1218 и 1220 годами, о подробностяхъ усобицы изъ-за Посадника Твердислава, И. И. Красовъ заключаетъ, что въ XIII вѣкѣ Прусская улица, означенная по нарядной описи находившеюся въ Загородномъ концѣ, не входила въ составъ его, такъ какъ подъ первымъ изъ упомянутыхъ годовъ сказано, что Славляне и Неревской конецъ возстали противъ Твердислава,—„а Загородци невсташа ни по сихъ, ни по онихъ—и что Твердиславъ поиде съ Людинымъ концемъ и съ Прусы и бысть сѣця у городьныхъ воротъ". Отмѣтка же подъ вторымъ годомъ—„скопишася о немъ (о Твердиславѣ) Прусы и Людинъ конецъ и Загородцы"—привела изслѣдователя къ заключенію, „что Прусы и Загородцы не одно и тоже" т. е., что Прусская улица не принадлежала къ Загородскому концу, иначе лѣтописецъ долженъ-бы былъ сказать только: „Людинъ конецъ и Загородцы", и что Загородскаго конца тогда еще не было (О мѣстоп. древ. Нов. стр. 28—29).

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя нельзя согласиться. Уставъ о мостахъ облагаетъ повинностію лицъ, или получающихъ кормленіе отъ государства, или непринадлежащихъ къ гражданамъ города, но пользующихся выгодами мѣстной торговли и удобствами благоустройства,

или, наконецъ, тѣхъ, которые не несутъ обязанностей жителей концовъ, какъ неимѣющіе въ городѣ собственныхъ дворовъ. Поставивъ на одинъ участокъ Чудинцевъ и Загородцевъ, или Загорожанъ, мостовой законъ указалъ тѣмъ, во 1-хъ, на сосѣдство Чудинцевъ и Загородцевъ съ участкомъ, назначеннымъ имъ для мощенія,—и во 2-хъ—на непринадлежность первыхъ, какъ чужестранцевъ, къ гражданамъ Новгорода, хотя и допущенныхъ проживать внутри его ограждeній, и на непричастность вторыхъ къ обязанностямъ прочихъ Кончанъ. Уставъ поступилъ точно также и съ Прусами—чужеземцами: онъ поставилъ ихъ на ту долю участка Осменниковъ, которая приходилась по сосѣдству съ Прусскою улицею. Участки Осменниковъ и Чудинцевъ съ Загородцами указаны выше въ своемъ мѣстѣ. Мы видѣли, что Чудинцева улица пользовалась свободою отъ обще-государственныхъ повинностей даже въ XVI вѣкѣ, (по поводу сбора зелья, т. е. пороху и др.),—а о Загорожанахъ, какъ обитателяхъ конца, мы знаемъ, что они, если не всѣ, то въ наибольшемъ числѣ, принадлежали къ Людинамъ, отбывающимъ воинскую повинность и получавшимъ кормленіе отъ государства. Такимъ образомъ Чудинцы и Загорожане принадлежа по мѣсту жительства къ одному концу Загородному, могли имѣть особое положеніе, въ силу котораго ихъ обложили мостовою повинностью, какъ и Прусовъ, обитателей того же конца. Въ борьбѣ изъ-за Твердислава не принимала, если держаться мнѣнія Красова, никакого участія ни въ 1218, ни въ 1220 году, Чудинцева улица;—значитъ и она не принадлежала къ Загородному концу; Красовъ такъ и говоритъ, доказывая этимъ, что Загороднаго конца не было въ первую четверть XIII вѣка,–и что улицы Чудинцева и Прусская принадлежали, поэтому, первая къ Неревскому концу, а вторая къ Людину. Если-бы это было такъ, что же такое „Загородцы" Твердиславовой усобицы? Улицы Загородной не встрѣчается ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ, до настоящаго времени обнародованныхъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, разрѣшающимъ и сомнѣніе И. И. Красова, будетъ заключеніе объ одновременномъ существованіи въ Новгородѣ двухъ мѣстностей, съ именами почти одинаковыми: Загородья и Загороднаго конца (Доказательства о возникновеніи Загороднаго конца въ долѣтописные вѣка приведены уже).

Не подлежитъ сомнѣнію, что на Неревской сторонѣ концы образовались, какъ и на Славенской, не разомъ, а постепенно, и притомъ во времена, на много опередившія лѣтопись. Послѣ того, какъ устроенъ былъ на лѣвомъ берегу Волхова городъ новый,—съ валомъ и рвомъ около него, по обѣ стороны рва стали возникать поселки; впослѣдствіи и они окружены были окопами по обычаю древнѣйшихъ временъ. Это второе поселеніе Неревской стороны получило названіе Загородья, или Загородка, какъ раскинувшееся за Новымъ городомъ. Въ дальнѣйшемъ расширеніи Неревской стороны понадобилось раздѣленіе ея на концы, къ составу котораго нибудь Загородье не могло принадлежать, такъ какъ оно охватывало городъ Новый, прозванный Дѣтинцемъ, со всѣхъ сторонъ и къ нему прилегали всѣ вновь возникшіе концы, оно такъ и осталось Загородьемъ, будучи отдѣлено отъ концовъ своимъ особымъ окопомъ и рвомъ. Послѣ самобытія

Загородье не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ; его смѣнилъ „Малый земляной городъ“, или „городъ деревянный“.

Придерживаясь такого взгляда на отмѣтки 1322 и 1403 года, мы считаемъ, какъ Загородцевъ и Загорожанъ мостоваго Устава, такъ и Загородцевъ же 1218 и 1220 года—не обитателями Загороднаго конца, а жителями Загородья, то есть Малаго землянаго, или деревяннаго города; имъ, какъ огражденнымъ особымъ укрѣпленіемъ отъ всѣхъ трехъ концовъ Неревской стороны, возможно было держаться выжидательнаго положенія и, по выраженію лѣтописца, „зрѣти перезора“, въ 1218 году. Обитателямъ же конца Загороднаго не представлялось безопаснымъ оставаться въ покоѣ до того же перезора: они сидѣли среди возмутившихся и волновавшихся концовъ—Людина и Неревскаго. Однихъ Прусовъ лѣтописецъ назвалъ если даже подъ Загородцами разумѣть жителей конца потому, конечно, что обитатели другихъ его участковъ, Митрополичьяго острова и Чудинцевой улицы со всею Людгощей, принадлежали къ вѣдомству духовному; хотя они и были ратниками, но полка Владычня, съ особыми, отдѣльными отъ земскаго ополченія, начальниками въ продолженіе самобытія; до Шелонскаго дѣла 1471 года полкъ Владыченъ ни разу не принималъ участія въ Кончанскихъ смутахъ, какъ сторонникъ однихъ, или другихъ изъ враждовавшихъ насельниковъ города. Такимъ образомъ лѣтописецъ не могъ сказать того, чего требуетъ отъ него И. И. Красовъ, въ доказательство существованія Загороднаго конца въ 1220 году, то есть, что около Твердислава скопились Людинъ конецъ и Загородцы, вмѣсто сказаннаго имъ: „скопишася Прусы, Людинъ конецъ и Загородцы“; если-бы подъ послѣдними разумѣлись жители конца, а не нашего Загородья,—онъ, лѣтописецъ, погрѣшилъ-бы и въ этомъ случаѣ противъ истины, такъ какъ ни Чудинцы, ни обыватели Митрополичья острова, не принимали участія въ усобицѣ.

Отмѣтка 1372 года, о копаньи рва около Людина конца и Загородья и Неревскаго конца, понимаетъ ровъ Малаго вала, впослѣдствіи Меньшаго землянаго города. Мы видѣли уже, что каждый конецъ имѣлъ свой окопъ и ровъ снаружи и съ боковъ; Загородной лежалъ въ срединѣ между двумя другими; при окапываньи крайнихъ, съ боковъ, оказывался окапываемымъ и онъ—съ боковъ же,—а съ внѣшней стороны его омывала Гзень, такъ что Загородный конецъ нуждался въ рвѣ лишь съ внутренней стороны, прилегавшей къ Загородью въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ.

На Михайловскомъ изображеніи Дѣтинцевскій ровъ не написанъ, но вокругъ нагорной половины каменнаго города, начиная отъ Русской дороги, что противъ Спасской башни, стелется рядъ деревянныхъ построекъ, на одинаковомъ отъ стѣны Дѣтинца разстояніи, соотвѣтствующемъ ширинѣ рва; въ четырехъ мѣстахъ между постройками—разрывы неодинаковой ширины. Въ одной изъ этихъ построекъ и было дано помѣщеніе Великому князю Юрію Даниловичу. Гдѣ находился дворъ Дьякона Аѳанасія—сказать трудно; но сравнивая постройки Загородья, нельзя не остановиться на единственномъ, большомъ, двужиломъ домѣ; онъ стоитъ на полночь къ во-

стоку отъ Дѣтинца, противъ Софіи и тѣхъ водяныхъ воротъ, которыя ведутъ изъ Владычняго двора ко рву; теперь они застроены поварнями и квасною Питиримовскихъ сооруженій, но видны со стороны Лѣтняго сада. Домъ этотъ, какъ ближайшій къ Софійскому собору, могъ принадлежать Дьякону Аѳанасію, а какъ большой—удобенъ для временнаго помѣщенія Великаго князя.

Подъ 1611 годомъ приведено, въ особой статьѣ третьей Новгородской лѣтописи, описаніе взятія Новгорода Шведами; тутъ, между прочимъ, сказывается о мужествѣ Софійскаго протопопа Аммоса, затворившагося крѣпко въ своемъ дворѣ съ вѣрными совѣтниками: „и біющеся съ нѣмцами многое время, и много нѣмецъ побилъ; нѣмцы же многажды ему говорили, чтобы онъ сдался, онъ же отнюдь на ихъ словеса не уклонися; бывшу же ему въ то время у Митрополита Исидора въ запрещеніи. Митрополитъ же стояше на градской стѣнѣ поя молебны,—видя его крѣпкое стоятельство, прости и благослови его за очи, смотря на дворъ его“ (III Новгород. лѣт. стр. 266). Шведы ударили всею силою на дворъ Аммоса и зажгли—„и сгорѣлъ онъ со всѣми, ни единаго не взяша жива“. Вѣроятно дворъ этого мученика, самоотверженнаго Новгородца, находился въ Загородьи, если Владыка видѣлъ со стѣны и благословилъ Аммоса.

По Знаменскому рисунку Загородье застроено нѣсколько тѣснѣе, особенно съ западно-полночной стороны, гдѣ дома стоятъ, мѣстами, вдоль рва въ три четыре ряда. Кромѣ обыкновенныхъ деревянныхъ, разныхъ размѣровъ, здѣсь видно пять каменныхъ, изъ нихъ четыре съ вышками (теперешніе мезонины). Слѣдуетъ замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ каменные дома Знаменскаго изображенія совершенно одинаковы; такими-ли они были въ дѣйствительности, или только выражаютъ вкусъ художника,—судить не беремся, хотя нѣкоторые нынѣшніе каменные дома старинной постройки, напримѣръ Митрополичій въ Дѣтинцѣ, Ив. Сав. Иванова близъ Филипповской церкви, И. И. Доррера по Московской улицѣ, и др., а также большая часть каменныхъ домовъ въ Русѣ и въ селахъ—такого же вида. Въ полуденномъ концѣ Загородья, на пространствѣ, соотвѣтствующемъ разстоянію между башнями Спасскою и другою, называемою Павловою, стоитъ церковь Нерукотвореннаго образа.

Въ статьѣ о Застѣнкѣ сказано о закрытіи Воскресенскихъ воротъ, какъ проѣздныхъ; на Знаменскомъ изображеніи нѣтъ моста чрезъ ровъ, обнимающій Дѣтинецъ, ни къ Воскресенскимъ, ни къ Покровскимъ воротамъ; вѣроятно Загородье сообщалось, въ XVI вѣкѣ, съ Дѣтинцемъ только тѣми воротами, которыя были подъ башнями Спасскою и Владимірскою. Знаменское изображеніе писано съ полночно-западной стороны, такъ что художникъ не могъ видѣть ни этихъ башенъ, ни воротъ, ни мостовъ. Но чрезъ ровъ окружающій Загородье показалъ мостъ, ведущій къ башнѣ, которая стоитъ противъ Воскресенской Дѣтинцевской. На изображеніи Флоровскомъ видны въ этомъ мѣстѣ мосты чрезъ оба рва. О мостахъ скажемъ особо, въ отдѣльной статьѣ.

Каменныя палаты.

Въ статьѣ о дворцѣ Степеннаго Посадника указаны каменныя палаты, написанныя на Знаменскомъ изображеніи въ разныхъ мѣстахъ Неревской стороны. На принадлежность ихъ сановникамъ и на возведеніе на государственныя средства въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній отъ временъ самобытія и болѣе позднихъ. Но имѣются свѣдѣнія о принадлежности нѣкоторыхъ палатъ Государю Московскому и его сановникамъ,—равно указанія на проживаніе великихъ князей и другихъ высокихъ особъ въ тѣхъ или другихъ участкахъ Неревской стороны. Полагая, что князья и сановники государей занимали наилучшія помѣщенія въ городѣ, мы попытаемся указать на Знаменскомъ изображеніи, по письменнымъ источникамъ, тѣ каменныя палаты, которыя принадлежали Государю Московскому и его сановникамъ, и тѣ, въ которыхъ временно могли проживать высокія особы.

Въ спискѣ Новгородскихъ ружныхъ церквей 1585 г. о церкви Образа Нерукотвореннаго, на Добрынѣ улицѣ, сказано, что она стоитъ на дворцовой площади противъ Спасскихъ воротъ Дѣтинца (Времен. Моск. Общ. Истор. кн. 24, стр. 30). Въ Новгородской лѣтописи подъ 1572 годомъ отмѣчено: „Въ ночи 31 Іюля нарядъ государской: съ горы, съ площади дворецкой съ Софійской стороны, пушки и ядра на Волховъ на берегъ провадили къ судну, къ лодіи, казаки Новгороцкые своихъ дворовъ съ улицы“ (II Нов. лѣт. годъ 7080, стр. 172). Въ полуденно-восточномъ концѣ Загородья, противъ Образовой церкви, на западъ, стоитъ каменный большой домъ,—одинъ изъ всѣхъ пяти этой мѣстности, неимѣющій вышку; вокругъ него и поблизости нѣтъ построекъ. Церковь Образа и этотъ каменный домъ—на высокой насыпи, какъ-бы на горѣ. Такимъ образомъ приведенныя письменныя свидѣтельства подходятъ къ этому дому,—мы и считаемъ его за дворецъ Государей Московскихъ, построенный одновременно съ возобновленіемъ Дѣтинца. Отсюда открывается прекрасный видъ на весь городъ—по Славенской сторонѣ и вверхъ по Волхову на Городище, Юрьевъ и другія окрестности, живописныя и теперь, несмотря на всю захудалость Новгорода.

Въ спискѣ ружныхъ церквей Спасская надъ Дѣтинцевскими воротами опредѣлена такъ: „Въ каменномъ городѣ надъ вороты у Намѣстничихъ дворовъ“ (Временникъ кн. 24). Въ какомъ положеніи къ этимъ воротамъ стояли Намѣстничьи дворы,—т. е. внутри-ли Дѣтинца, или внѣ его, за стѣною,—свѣдѣній не имѣется. Въ первомъ случаѣ ими приходится признать тѣ каменные дома, которые показаны, по Знаменскому изображенію, въ первомъ поселкѣ Людиновъ-стражниковъ—Михайловскаго, а во второмъ—ихъ мы найдемъ въ ближайшихъ къ государскому дворцу трехъ небольшихъ каменныхъ домахъ, одинъ изъ которыхъ, довольно длинный и узкій, сталъ поперекъ Русской дороги, прямо противъ Спасскихъ воротъ.

Въ упомянутомъ спискѣ 1688 года новаго воеводы, данномъ Новгородскому Намѣстнику (книжка 1888 года—Новгородъ двѣсти лѣтъ назадъ)—

названа въ числѣ башенъ Дѣтинца послѣ Спасской,—перечисленіе начато съ Пречистенской, что противъ Волховскаго моста,—та, которая противъ великихъ государей (Іоанна и Петра Алексѣевичей) двора. До этой башни описаны: Пречистенская, Борисоглѣбская и Спасская; называемая же Павловою пропущена. Если составитель списка разумѣлъ подъ башнею противъ двора государей эту, пропущенную, стоявшую тогда между Борисоглѣбскую и Спасскою, а теперь, за уничтоженіемъ Борисоглѣбской (объяснено выше), не доходя до Спасской, дворомъ государей XVII вѣка будетъ тотъ большой домъ, который стоитъ на западъ отъ Образовой церкви,—а если составитель списка говоритъ о Кукуевской рукописнаго житія Патріарха Никона, стоящей между Спасскою и большою Покровскою, въ такомъ случаѣ дворомъ государей слѣдуетъ считать обширный каменный съ вышкою, обыкновеннаго вкуса строителей времени написанія Знаменскаго рисунка,—построенный прямо противъ башни Кукуй, лицемъ на полдень. Домъ этотъ стоитъ особнякомъ и не имѣетъ никакой ограды; около него во всѣ стороны пусто. На Михайловскомъ изображеніи не показано въ Загородьи ни одного каменнаго дома; значитъ этотъ выстроенъ уже послѣ написанія его какимъ нибудь богатымъ Новгородцемъ, котораго постигла въ 1478 году опала, а домъ его взятъ на государя и, впослѣдствіи, обращенъ во временной дворецъ.

Въ 1547 году пріѣхалъ въ Новгородъ Государь Иванъ Васильевичъ „съ своею братьею съ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ да со княземъ Владимеромъ Ондрѣевичемъ;—а самъ князь великій стоялъ на Прусской улици, въ Казаринова двори Дубровскаго; да братъ его князь Юрьи стоялъ въ каменномъ городѣ въ Дѣтинцѣ въ архіепископовѣ двори, да князь Владимеръ стоялъ на Рядятинѣ улици въ Ивановѣ двори Ѳѳонасьева сына“ (II Нов. лѣт. годъ 7055, стр. 151). Не касаясь причинъ, побудившихъ Грознаго остановиться въ домѣ частнаго лица, а не на Ярославлѣ дворѣ, котораго такъ настойчиво требовалъ себѣ дѣдъ его, и не въ Дѣтинцевскихъ палатахъ,—неразгаданная личность Ивана IV могла имѣть ихъ въ болѣзненно-недовѣрчивой душѣ своей множество,—укажемъ на каменныя Палаты, которыя могли принадлежать Казаринову-Дубровскому. Прусская улица вѣковъ самобытія занимала обширную площадь; ко времени написанія Знаменскаго изображенія она не была еще передѣлана на Московскій ладъ, такъ что старинные проѣзды и проходы остались нетронутыми. Мы знаемъ, что противъ нея были въ Дѣтинцевской стѣнѣ ворота, надъ которыми Посадникъ Семенъ Климовичъ поставилъ въ 1308 году каменную Покровскую церковь. Отъ мѣста этихъ воротъ на западъ къ полночи лежитъ, невдалекѣ отъ вала, обширный дворъ, обнесенный оградою; онъ пришелся на рисункѣ противъ той части крестнаго хода по острогу города, въ которой написанъ второй образъ на рукояти, должно быть святыхъ братьевъ мучениковъ Бориса и Глѣба; первый, впереди—это Богоматерь—Знаменіе. Внутри двора два каменныхъ дома рядомъ, стѣна объ стѣну; третій, каменный же, большой тоже, на полуденномъ углу двора; всѣ дома не Новгородской постройки, безъ вышекъ. Между этимъ дворомъ и внѣшнимъ валомъ нѣтъ

никакихъ построекъ, хотя пространство тутъ большое; вокругъ всѣхъ сторонъ двора широкіе проѣзды. На этомъ именно дворѣ мы останавливаемся по отсутствію близъ него другихъ дворовъ и по постройкѣ домовъ не въ Новгородскомъ вкусѣ того времени. Вѣроятно Казариновъ-Дубровской былъ москвичъ, поселившійся въ Новгородѣ по уничтоженіи самобытія и пользовался довѣріемъ мнительнаго государя, уже замышлявшаго, быть можетъ, кровавую расправу.

Рядятина улица составляла участокъ древняго Кромнаго города; здѣсь проживали большею частью чужестранцы; каменныхъ палатъ тутъ нѣсколько; одна, большая съ вышкою, близъ церкви Василія Парійскаго, мѣсто которой нами опредѣлено; близъ нея и была въ половинѣ XVI вѣка Рядятина улица. Эти палаты, какъ ближайшія къ Дѣтинцу и къ двору государскому у Оброзовой церкви, могли показаться князю Владиміру Андреевичу удобными для непродолжительной стоянки; Иванъ IV и его братья жили въ Новгородѣ въ этотъ пріѣздъ съ 14 по 20 Ноября; отсюда они направились въ Псковъ (тамъ-же).

Въ 1568 году Грозный опять прибылъ въ Новгородъ съ царевичемъ Иваномъ большимъ и съ тѣмъ же двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ: „А стоялъ Государь на Торговой сторонѣ, на Буяновѣ улицѣ, а владыченъ дворъ былъ занятъ на Царевича, а князь Володимеръ стоялъ на Холопіи улици; а былъ Государь всего того въ Новѣгородѣ восемъ дней“ (II Нов. лѣт. годъ 7076, стр. 162). Подозрительность царя сказалась и въ этотъ пріѣздъ; онъ не остановился ни во Владычнемъ дворѣ, ни въ государскомъ, ни у Казаринова-Дубровскаго, а избралъ тотъ монастырскій Кончанскій домъ, въ которомъ, въ берегу, стоялъ въ 1552 году Греческій Митрополитъ Ѳеодосій, и который перешелъ уже во владѣніе Хутынскаго монастыря. Холопья улица лежала тамъ, гдѣ теперь Тихвинская церковь; она доходила въ одну сторону до Волховскаго берега и въ другую до нынѣшней Петербургской улицы. На всемъ этомъ пространствѣ показанъ, по Знаменскому изображенію, одинъ только большой каменный домъ, недалеко отъ Яковлевской церкви, обнесенной оградою; деревянныхъ же большихъ домовъ много. Если Московскіе князья и вельможи предпочитали каменные дома для своего жительства,—что вѣроятно, покрайней мѣрѣ относительно временной стоянки въ Новгородѣ,—каменный домъ безопаснѣе деревяннаго въ пожарномъ отношеніи на случай умышленнаго поджега,—въ такомъ случаѣ этотъ единственный домъ мы отведемъ князю Владиміру Андреевичу. Относительная близость его къ Яковлевской церкви, стоявшей въ улицѣ того же имени, нѣсколько препятствуетъ причисленію каменнаго дома не къ этой улицѣ, а къ Холопьей; но это препятствіе только кажущееся и легко поддается устраненію. Упомянутое распоряженіе Москвы—проводить улицы впрямь, изъ поля въ берегъ, состоялось въ 1530 году и приводилось въ исполненіе послѣ всякаго пожара, при возведеніи новыхъ построекъ; въ 1555 году вспыхнулъ пожаръ на Яковлевой улицѣ;—имъ уничтожено 15 улицъ и 1500 дворовъ (II Нов. лѣт. годъ 7063, стр. 158). До пріѣзда Грознаго въ 1568 году прошло отъ этого пожара

12 лѣтъ; улицы на погорѣвшемъ пространствѣ успѣли уже обстроиться по Московскому порядку, такъ что большой каменный домъ могъ оказаться къ пріѣзду царя на Холопьей улицѣ; въ 1623 г., при составленіи нарядной описи, улицы Яковля и Холопья шли одна подлѣ другой.

Прочія каменныя палаты Знаменскаго изображенія, кромѣ перечисленныхъ, могли быть государственными и общественными; но были-ли они таковыми, при настоящемъ объемѣ письменныхъ источниковъ, которыми мы пользуемся, невозможно представить мало-мальски путныхъ объясненій. Будемъ надѣяться, что вниманіе сочленовъ нашихъ къ памятникамъ письменнымъ и вещественнымъ, остающимся цѣлыя столѣтія въ полной безвѣстности, откроетъ новыя данныя для подробнѣйшаго изученія мѣстоположенія древняго Новгорода и его внѣшности, являющейся всегда и вездѣ вѣрнымъ отраженіемъ бытовыхъ сторонъ населенія.

Улицы Неревской стороны.

Въ статьѣ объ улицахъ Славенской стороны мы высказали значеніе ихъ въ жизни самобытнаго Новгорода и указали тѣ пріемы, которыя руководятъ нашими о нихъ изысканіями. Говоря о значеніи для этого дѣла Знаменскаго изображенія мы замѣтили, что Неревская сторона вырисована художникомъ съ большею тщательностью, чѣмъ Славенская:

Въ изложеніи нашихъ изысканій объ улицахъ Неревской стороны приходится держаться не того порядка, которому мы слѣдовали при опредѣленіи мѣстъ и вообще слѣдовъ памятниковъ церковной древности; тамъ задача наша ограничивалась небольшими площадками, такъ что каждый конецъ удобно было разбить на участки. Площади улицъ велики и разнообразны въ очертаніяхъ предѣловъ; одна продолговатая, другая почти круглая, третья четыреугольная и проч. Поэтому здѣсь нельзя допустить раздѣленія ими концовъ,—необходимо для каждой улицы особое мѣсто, иной разъ занимающее почти половину конца,—а другой—незначительную площадь въ срединѣ, или къ которому нибудь краю его.

На Неревской сторонѣ было три конца государственнаго дѣленія города, и три другихъ, созданныхъ частною жизнью. Эти другіе концы мы будемъ разсматривать съ сосѣдними государственными, въ смыслѣ половинъ ихъ, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, если встрѣтятся улицы, образовавшіяся во времена самобытія.

Какъ на Славенской сторонѣ Торгъ, Вощники и Петрятино дворище составляли особыя отъ концовъ учрежденія, такъ на Неревской Загородье, Новинка, Побережье и Кромный городъ, хотя они и не имѣли особаго воздѣйствія на теченіе городской жизни. Загородье и Новинку мы разсмотримъ отдѣльно отъ концовъ, какъ особые поселки, для упрощенія нашихъ объясненій и дальнѣйшихъ изысканій о древнѣйшихъ улицахъ, представляющихъ подраздѣленія концовъ на правительственные участки. О Побе-

режьи и Кромномъ городѣ, составлявшихъ также особые и, повидимому, самостоятельные—въ перволѣтописные и болѣе раннiе вѣка—поселки,— будемъ говорить предъ объясненiями о тѣхъ концахъ, которые къ нимъ прилегали, расширяясь постепенно и образуя поселки собственно горожанъ.

Примѣчанiе. О Новинкѣ мы упомянули при объясненiи мѣстоположенiя церкви „Соборъ Архангела Гаврiила". Она встрѣчается впервые только въ писцовыхъ книгахъ и въ одной частной сдѣлкѣ XVI вѣка (Акты Юридич. № 292); за тѣмъ упоминается въ росписи церквей 1615 г., въ приведенныхъ донесенiяхъ воеводъ 1623 и 1649 годовъ и въ передаточномъ спискѣ 1688 г. Мѣстность эта, какъ говоритъ самое названiе, новая, появившаяся послѣ самобытiя; но мы разсматриваемъ ее нѣсколько подробно, хотя новыя улицы и не входятъ въ нашу задачу; дѣлаемъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть возможность уясненiемъ пространства и положенiя Новинки открыть путь къ болѣе точному опредѣленiю вошедшихъ въ площадь ея тѣхъ, или другихъ, пространствъ Кончанскихъ поселковъ вѣковъ самобытiя.

При объясненiяхъ поселковъ Славенской стороны мы не выдѣляли лежавшихъ по каждому проѣздовъ и проулковъ, упоминая только о нихъ; не выдѣляли также и Запольевъ, которыхъ тамъ было всего два, Никитское и Радоковицкое. Причиною тому—недостаточная точность Знаменскаго рисунка—для строгаго опредѣленiя проѣздовъ и проулковъ и слабая заселяемость мѣстъ за внѣшнимъ валомъ, заливаемыхъ весеннимъ подъемомъ воды. Неревская сторона обработана художникомъ съ большею тщательностью; Заполья ея разростались за внѣшнимъ валомъ свободно; кромѣ внѣшнихъ на этой сторонѣ они встрѣчаются и внутри города. Поэтому здѣсь, при объясненiяхъ улицъ, мы будемъ говорить, вслѣдъ за указанiемъ мѣстоположенiя поселковъ каждаго конца, отдѣльными статьями о проѣздахъ и Запольяхъ.

Поселки Загородья.

Пространство отдѣльнаго укрѣпленiя для защиты поселенiй праваго берега Волхова возникло, какъ уже выше сказано, въ далекiя отъ начала русской лѣтописи времена, и не на пустырѣ, а среди отдѣльныхъ поселковъ Неревлянъ, перешедшихъ на лѣвый берегъ съ горы Нередицы одновременно съ выходцами горы, на которой теперь Городище, Славлянами. Дѣтинецъ сталъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лѣваго берега, бывшаго несомнѣнно заселеннымъ до возведенiя этого укрѣпленiя; первозаимщикамъ площади, отошедшей подъ Дѣтинецъ, пришлось ее очистить и занять ближайшiе къ городу Новому участки земли, и окопаться. Эти-то поселки и положили начало Загородью.

Носили-ли какiя либо названiя первые поселки Загородья,—доискаться невозможно,—хотя вѣроятность въ пользу существованiя названiй, необходимыхъ для общенiя жителей Загородья между собою, съ сосѣдями лѣваго берега и противоположнаго поселка.

Названія поселковъ слагаются или изъ именъ личныхъ, или въ зависимости отъ урочищъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, вообще изъ тѣхъ отличительныхъ, общеизвѣстныхъ и общепонятныхъ, признаковъ, которые составляютъ особенность свойственную отдѣльному двору или всей совокупности одного какого либо поселка. Не только по Ильменской странѣ, но и по всей Россіи названія населенныхъ мѣстъ сложились именно такъ. Писцовыя книги и лѣтописи говорятъ, что древнѣйшія названія поселковъ принадлежатъ почти всегда именамъ личнымъ, если они незначительны,—болѣе же крупные и выдающіеся по значенію своему для цѣлаго края чаще называются по урочищамъ.

Яневъ.

Ближайшій къ Дѣтинцу поселокъ съ полночно восточной стороны извѣстенъ во всѣ лѣтописныя времена, до XVII вѣка, подъ именемъ Яневы улицы. Въ первый разъ она упомянута лишь въ 1311 году, по случаю вспыхнувшаго на ней пожара (I Нов. лѣт. годъ 6819, стр. 70). Начиналась она съ Волховскаго берега (Обходъ Геннадія: онъ шелъ отъ моста чрезъ Гзень близъ Звѣринскаго монастыря, берегомъ Волхова до Яневы улицы, а отсюда поднялся на гору и продолжалъ шествіе новымъ мостомъ ко Кресту къ Великому мосту). Въ 1541 году пожаръ начался съ Яневы улицы противъ Володимерскихъ воротъ,—слѣдовательно поселокъ этотъ начался сряду за Дѣтинцевскимъ рвомъ; положеніе Владимірскихъ воротъ указано;—онъ огибалъ восточно-полночное закругленіе Дѣтинца, направляясь вдоль рва и заворачивалъ на западъ, оканчиваясь тамъ, гдѣ началась нынѣшняя Лучинская улица. Таково было протяженіе Янева поселка въ 1390 году, подъ которымъ лѣтопись сказываетъ о закладкѣ на Яневой улицѣ церкви Константина и Елены, мѣсто которой указано. Эта церковь первоначально сооружена въ 1151 году, но лѣтописецъ не объяснилъ—гдѣ; въ Новгородѣ была другая церковь во имя этихъ же Святыхъ, придѣльная, на Славенской сторонѣ, въ Павловѣ манастырѣ, устроенная въ 1224 году (I Нов. лѣт. годъ 6732, стр. 39); положеніе Павлова монастыря указано выше; такъ что церковь 1390 года возможно отождествлять съ первоначальною 1151 года, и изъ этого заключать, что и въ XII вѣкѣ улица Янева существовала и лежала тамъ же, гдѣ была въ XIV вѣкѣ. Имя Янь объясняютъ Карамзинъ и другіе сокращеніемъ Іоанна, Ивана. У Поляковъ и Литвиновъ часто встрѣчается Янъ; въ Новгородской лѣтописи записанъ разсказъ о Бѣлозерскихъ волхвахъ-шаманистахъ, которыхъ приказалъ убить даньщикъ князя Святослава, Янь Вышатичъ, въ 1070 году (Др. Рус. Вив. прод. Ч. II, стр. 361). Если этотъ Янь былъ сыномъ Вышаты, воеводы князя Владиміра Ярославича (Святого), ходившаго въ 1043 году на Грековъ (Лавр. лѣт. годъ 6551),—разсматриваемый поселокъ Загородья могъ получить имя отъ двора Яня Вышатича, человѣка именитаго и состоятельнаго, имѣвшаго много слугъ и обширныя постройки. Имя Янъ могло соот-

вѣтствовать и Якову, хотя вообще знатоки древнихъ письменныхъ памятниковъ дѣлаютъ Якуна изъ Якова; можно видѣть въ Якунѣ и Якима или Іоакима; Новгородцы отличаются краткостью говора; Янъ короче Якуна. Давая объясненія о Яковлевой улицѣ Неревскаго конца по поводу изысканій о мѣстоположеніи церкви Іакова, основанной въ 1171 году, мы высказали догадку о направленіи Яковлевой улицы по широкому проѣзду, соотвѣтствующему нынѣшней Дмитровской улицѣ, и о возможности видѣть въ ней Яневу XII вѣка,—тѣмъ болѣе, что церковь Сорока мучениковъ значится въ писцовыхъ книгахъ то на Яковлевѣ, то на Яневѣ улицѣ; въ росписи 1615 г. она поставлена на Яневѣ. Напоминая объ этой догадкѣ здѣсь, и поддерживая ее, получимъ начало Янева поселка также у Дѣтинцевскаго рва, и распространеніе его на полночь до Яковлевской церкви, а на западъ до упомянутой—Константина и Елены. Впослѣдствіи пространство Янева поселка, или точнѣе поселка съ именемъ Янева, мѣнялось послѣ пожаровъ, новыхъ окоповъ, проѣздовъ и проч.

Добрынинъ.

Около полуденно-западнаго закругленія Дѣтинца лежалъ поселокъ Добрынинъ. О немъ упомянуто въ Уставѣ о мостахъ, а лѣтопись говоритъ подъ 1181 годомъ, по поводу основанія церкви Іакова, второй на Неревской сторонѣ. Вышата былъ воевода Св. Владиміра Ярославовича, а Добрыня—воевода же Св. Владиміра Святославовича, крестившаго русскую землю. Если производство имени перваго поселка Загородья отъ сына Вышаты Яня, бывшаго воеводою же князя Святослава, покажется непрочно обоснованнымъ,—имя второго несомнѣнно получается отъ „Уя Володимерова“. Изъ Устава о мостахъ видно, что Добрынина улица была во время изложенія этого памятника, по всѣмъ его спискамъ, дошедшимъ до нашихъ дней, тамъ, гдѣ мы видѣли церковь Нерукотвореннаго образа, т. е. между Дѣтинцемъ и рвомъ малаго вала; Уставъ начинается такъ: „Осменникомъ поплата въ Людинъ конецъ черезъ Гроблю до Добрыни улици, въ городняя ворота до Пискупли улици“. Гробля или Гребля—это ровъ. Начинался этотъ поселокъ, также какъ и Яневъ, съ Волховскаго берега и простирался до рва малаго вала къ полдню на западъ и до церкви Іакова „на Лужищи“, на западъ. Подобно Яневу и Добрынинъ измѣнялся въ зависимости отъ одинаковыхъ съ нимъ причинъ. Въ статьѣ объ окопахъ представлены будутъ нѣкоторыя данныя о разстояніи малаго вала отъ Дѣтинца, и рва отъ—вала; ими опредѣлится первоначальное пространство Добрынина поселка вдоль Волховскаго берега и прямо на западъ.

Пискупль.

Въ Уставѣ о мостахъ встрѣчается „Пискупля улица“ въ участкѣ Осменниковъ, въ такихъ выраженіяхъ: „въ городняя ворота до Пискупли

улицы". Изслѣдователи отводятъ ей мѣсто внутри Дѣтинца. Намъ приходилось уже встрѣчаться съ этою улицею въ предшествующемъ изложеніи записки; въ неизданной еще работѣ нашей о Ярославовомъ мостовомъ Уставѣ посвящена Пискуплѣ улицѣ обширная статья; здѣсь приведемъ изъ нея нѣсколько данныхъ и соображеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ Загородку X вѣка.

Въ статьѣ о Десятинномъ монастырѣ указано протяженіе и направленіе Пискупли улицы и раздѣленіе ея на два участка; большій изъ нихъ мы ведемъ отъ Дѣтинцевскихъ Покровскихъ воротъ отъ Прусской улицы къ Десятинному монастырю, учрежденному въ 998 году первымъ Епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ,—а меньшій „сквозѣ городная ворота до острой городни" то есть отъ Покровскихъ воротъ чрезъ Богородицко-Пречистенскія къ великому мосту. Въ той же статьѣ о Десятинномъ монастырѣ объяснена причина сооруженія его въ 998 году,—безопасность самого Владыки его священниковъ и слугъ въ новокрещенномъ городѣ,—большая часть жителей котораго крѣпко держалась старой вѣры и относилась къ христіанству враждебно. Меньшая часть Владычня поселка защищена была до нѣкоторой степени укрѣпленіемъ Дѣтинцевскимъ, а большая и самый дворъ Епископа, Десятина, неминуемо нуждались въ огражденіи, каковымъ и служило Загородье, съ его валомъ и рвомъ, и монастырь, обнесенной крѣпкою оградою. Такимъ образомъ Владыченъ поселокъ лежалъ, начиная отъ Покровскихъ воротъ, между Добрынинымъ съ полдня къ западу и окопами Загороднаго конца, часть одного изъ которыхъ извѣстна подъ названіемъ мѣстности „въ Пропастѣхъ".

Такимъ опредѣленіемъ положенія трехъ поселковъ Загородья устанавливается площадь Загороднаго конца къ сторонѣ малаго вала или Загородья въ X—XI вѣкахъ, между концемъ поселка Янева, или нынѣшнею Лучинскою улицею, и полночно-восточною стороною Владычня, или нынѣшнею-же Прусскою улицею, гдѣ обѣ онѣ выходятъ на площадь, первая—театральную, а вторая—сѣнную.

Опредѣливъ положеніе поселковъ Загородья, сдѣлаемъ общее для всѣхъ трехъ замѣчаніе.

Имѣли-ли поселки Загородья особое, и какое именно значеніе ихъ въ вѣка долѣтописные, мы объяснить не можемъ, не находя для того никакихъ основаній; въ перволѣтописные же вѣка здѣсь поселены были ратные люди земскихъ полковъ, охранявшіе какъ Дѣтинецъ, такъ и поселокъ Владыченъ, съ полночно-восточной и полуденно-западной стороны; съ западной и полночной сидѣли Людины-ратники наемные, на участкѣ, сохранившемъ имя ихъ въ улицѣ Людгощей,—около которой образовалось къ этимъ вѣкамъ не меньше двухъ особыхъ участковъ, получившихъ, послѣ переселенія Людиновъ ближе къ Волховскому берегу, на полдень къ западу отъ Загородья, и окопавшихся въ особомъ поселкѣ „Кромномъ городѣ",—имя и значеніе Загороднаго конца. Въ названіяхъ участковъ этого конца, Чудинцева и Прусскаго, отражается племенное прозвище чужеземцевъ, за-

селившихъ часть Загороднаго конца ко времени первоначальнаго изданія Устава о мостахъ.

Новинка.

Въ церкви Св. Троицы, въ нынѣшней слободѣ ея имени, хранится списокъ, сдѣланный, по опредѣленію Владыки Макарія,—на основаніи почерка,—не раньше прошлаго столѣтія, съ какого нибудь болѣе стараго лѣтописнаго сборника, изслѣдователю Новгородскихъ церковныхъ древностей неизвѣстнаго; въ немъ значится, что „въ 1194 году поставлена бысть въ Великомъ Новѣградѣ церковь древяная святыя Троицы, на Софійской сторонѣ, на Редятинѣ улицѣ, Щетиницѣ Югорши, а что нынѣ словетъ на Новинкѣ" (Опис. Нов. цер. древ. Ч. V, стр. 167). Значеніе „Щетинницѣ" объяснено выше; это купцы города Щетина, передѣланнаго нѣмцами въ Штетинъ; слово „Югорши" объясняютъ различно: Макарій полагаетъ, что это Юрьевцы, купцы Ливонскіе изъ Дерпта, переименованнаго недавно въ Юрьевъ,—названіе, данное ему основателемъ, Ярославомъ Мудрымъ, носившимъ христіанское имя Юрія, т. е. Георгія (тамъ-же); другіе находятъ, что это слово означаетъ дань съ сибирской Югры, которая употреблена на сооруженіе Троицкой церкви. Въ дополненіе къ объясненію слова „Щетиницѣ" замѣтимъ, что въ пергаментномъ сборникѣ подъ 6673 годомъ записано:—„поставиша церковь святыя црця (подъ титломъ) „Щетициници" (Свѣтопеч. изд. стр. 65). Издатели первой лѣтописи прочитали слово црця какъ царица и признали въ немъ ошибку или описку (стр. 13, выноска XX); въ Татищевскомъ сборникѣ значится: „Святыа Троица Шетеничь" (Прод. Др. Русс. Вив. Ч. II, стр. 404); наконецъ въ основномъ сборникѣ второй Новгородской лѣтописи читаемъ: „Святыя Троицы на Щетиницѣ" (стр. 125). Мы читаемъ „Щетиницѣ" потому, что купцы города Штетина имѣли сношеніе съ Новгородомъ, что заморскіе купцы поставили Пятницкую церковь въ Торгу, и —что какъ тѣ, такъ и другіе могли быть уроженцами Новгорода или потомками выходцевъ нашего города, проживавшими въ городахъ Ганзейскаго союза. Эти строки не имѣютъ прямого отношенія къ статьѣ о положеніи Новинки; они приводятся здѣсь на случай встрѣчи съ какимъ либо письменнымъ памятникомъ, способнымъ уяснить несходство приведенныхъ отмѣтокъ, вносящее путаницу въ изысканія о Троицкой церкви, и приводятся только—къ свѣдѣнію, для членовъ Общества.

Не имѣя возможности судить о времени составленія подлинника того сборника, списокъ съ котораго хранится въ Троицкой церкви, нельзя указать съ точностью на время и причины образованія Новинки; но нѣкоторыя обстоятельства, отмѣченныя въ лѣтописи и въ упомянутомъ донесеніи воеводы 1649 года, открываютъ путь къ заключенію, что Новинка возникла при возобновленіи Дѣтинца въ 1484—1492 годахъ. Мы видѣли, что по донесенію Новгородскаго воеводы „Деревянный городъ на земляномъ меньшемъ городѣ погнилъ" къ 1649 году, и объяснили, что срубленный изъ

толстаго лѣса, быть можетъ изъ рудовой сосны или изъ дуба, и стоявшій на возвышеніи вала, онъ могъ не требовать починки до 150 лѣтъ и болѣе; поэтому сооруженіе погнившаго къ 1649 году мы относимъ къ 1484 или къ 1492 году. Въ 1552 году ходили съ крестами по Загородной сторонѣ за деревяннымъ городомъ (Д. И. Прозоровскій, стр. 21). Загородная сторона, по нашему мнѣнію, въ этой замѣткѣ лѣтописи есть именно Загородье; если бы ходили около внѣшняго вала, лѣтописецъ назвалъ-бы его, какъ въ другихъ случаяхъ вообще, Землянымъ большимъ городомъ.

Выше сказано, что по росписи 1615 года на Новинкѣ были церкви: Василія Парійскаго, Василія Кесарійскаго, Образа, Введенія, Усѣкновенія Предтечи, Николая Чудотворца и Архистратига Гавріила. Положеніе каждой нами указано. Слѣдовательно Новинка лежала за Деревяннымъ городомъ, внѣ котораго стояли эти церкви. Если во времена самобытія Загородье доходило до Десятиннаго монастыря Іоакима Корсунянина, оно неминуемо охватывало обѣ Васильевскія церкви, могло охватывать и прочія изъ Новинскихъ. На Знаменскомъ же изображеніи между Дѣтинцемъ и Деревяннымъ городомъ одна только Образова церковь. Слѣдовательно Деревянный городъ приблизился къ полуденно-западной и къ западной сторонѣ Дѣтинца, и уменьшился. Та площадь, которая вышла приэтомъ изъ Загородья, и будетъ Новинкою.

Башни и быки укрѣпленія Деревяннаго города, поименованныя въ донесеніи, изложенномъ выше, того же воеводы 1649 года, возведены, по приведеннымъ основаніямъ и соображеніямъ, одновременно съ стѣнами города, когда возобновляли Дѣтинецъ; на Знаменскомъ изображеніи показаны уже эти самыя. Каковы они были до Московскаго сооруженія, въ какомъ числѣ и какъ расположены,—да были-ли вообще, мы не можемъ удостовѣрить по отсутствію свидѣтельствъ въ письменныхъ или въ другихъ какихъ либо памятникахъ, напримѣръ на изображеніи Новгорода, находящемся въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ; оно, по нѣкоторымъ признакамъ, писано въ XIV вѣкѣ,—но закрыто серебряною ризою; Епархіальное начальство не отвѣчаетъ правленію Общества, вотъ уже три мѣсяца, на просьбу его о дозволеніи сдѣлать съ этого изображенія и съ другихъ точные списки. Какъ писанное во время самобытія, Никольское изображеніе—памятникъ драгоцѣнный для изысканій о расположеній не только укрѣпленій Дѣтинца и Деревяннаго города, но и всѣхъ вообще участковъ и сооруженій Неревской стороны; на немъ написаны, по всей вѣроятности, ворота Малаго земляного города, по которымъ возможно заключить о проѣздахъ Кончанскихъ участковъ, вошедшихъ въ составъ Новинки, и о направленіи ихъ къ малому валу и къ Дѣтинцу, а также и о тѣхъ лѣтописныхъ улицахъ, на которыхъ сооружены церкви, оказавшіяся впослѣдствіи на Новинкѣ, образовавшейся на счетъ пространства этихъ самыхъ улицъ, прилегавшаго къ малому валу до Московской передѣлки его.

Въ книгѣ И. И. Красова изложены обстоятельныя сужденія о Новинкѣ; но почтенный изслѣдователь не признаетъ за Знаменскимъ изображеніемъ той древности, какую мы ему приписываемъ, и не пользуется имъ,

какъ доказательствомъ. Видимо онъ имѣлъ подъ руками весьма неточный списокъ, изданный Археологическимъ обществомъ, при V части извѣстій его и перепечатанный Погодинымъ въ замѣчаніяхъ, лекціяхъ и изслѣдованіяхъ; нельзя сомнѣваться въ сличеніи добросовѣстнымъ изслѣдователемъ этихъ списковъ съ подлинникомъ;—но въ концѣ 40-хъ годовъ, когда работалъ Красовъ, этотъ подлинникъ не былъ еще размытъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, дѣлавшимъ—въ 50-хъ годахъ списки съ древнихъ Новгородскихъ образовъ и съ Знаменскаго рисунка, вторымъ воспроизведеніемъ котораго мы пользуемся;—копоть помѣшала ему остановиться и на Борисоглѣбской церкви „о единомъ версѣ" и на Знаменской, представлявшейся изслѣдователю такою же, какъ нынѣшняя, освященная уже въ XVIII вѣкѣ (О мѣстоп. Дев. Новг. стр. 139), потому онъ и признаетъ это изображеніе написаннымъ въ самомъ концѣ XVII вѣка. Неимѣя въ виду и письменныхъ памятниковъ, изданныхъ послѣ его книги, Красовъ заключаетъ, что вторая стѣна около Дѣтинца устроена первоначально лишь въ 1700 году, ссылаясь приэтомъ на Разговоры Митрополита Евгенія. Между тѣмъ ученый Владыка не оправдываетъ такой ссылки: основываясь на рисункахъ Олеарія и Знаменскомъ, онъ говоритъ только, „что бастріоны по валу вокругъ Кремля сдѣланы Петромъ Великимъ въ 1700 году, послѣ неудачи подъ Нарвою, когда онъ опасался отъ Шведскаго короля преслѣдованія за собою до Новагорода" (Разговоры, стр. 14). Но и Митрополитъ Евгеній впадаетъ въ ошибку при послѣдующемъ, сряду за приведеннымъ, изложеніи;—онъ говоритъ: „Въ сіе время очищена площадь отъ многихъ дворовъ и церквей, примыкавшихся къ самому валу и расширенъ ровъ". Это мнѣніе, должно быть, и утвердило Красова въ мысли о недавнемъ образованіи Новинки,—тогда какъ на чертежѣ Попова 1756 года отмѣчена церковь Нерукотвореннаго образа крестикомъ и полукруглою около нея площадью, крестикомъ же и небольшою площадкою означено и мѣсто церкви Живоносной источницы на Островкѣ, а на чертежѣ 1778 года нарисована церковная и двѣ другія площадки каменной церкви и зданій Николо-Розважскаго монастыря. Образова церковь пришлась въ самомъ валу, а Розважскія сооруженія рядомъ съ нимъ. Слѣдовательно Петру Великому не мѣшали эти церкви и постройки и ему незачѣмъ было разрушать ихъ, такъ какъ Новинскія церкви стояли въ отдаленіи отъ малаго вала; одна только Введенская близко подходила къ второму рву, но и она не препятствовала городовому смышленнику, нѣмчику Матсону, возвести близъ нея башню на быкѣ, названномъ, по церкви—Введенскимъ.

Сдѣлавъ эту замѣтку, какъ поправку къ изслѣдованіямъ Митрополита Евгенія и И. И. Красова, воспользуемся заключеніемъ послѣдняго о частяхъ улицъ, вошедшихъ въ Новинку;—таковыми были, начиная отъ Волховскаго берега; Ярышева, Добрынина, Прусская, Чудинцева и Хревкова,—послѣдняя не изъ древнихъ (Красовъ, стр. 82).

По нынѣшнему положенію улицъ Новинка занимала площадь въ границахъ между церквами Троицкою и Власьевскою, и между концами улицъ отъ Власія до Лучинской; по срединѣ этой площади, вдоль направленія Дѣтинцевскаго рва, шелъ малый валъ; онъ огибалъ весь теперешній Лѣтній

садъ, направляясь, примѣрно, отъ берега вдоль его рѣшотки и слѣдуя далѣе, между восточнымъ концомъ Дворянскаго дома и постройками, занявшими побережье Дѣтинцевскаго рва къ горкѣ, на которой Екатерининская лодка. Ровъ, опоясывавшій малый валъ тянулся около него; средина Дворянскаго дома пришлась какъ разъ на поперечномъ разрѣзѣ его. Малый валъ опущенъ въ этотъ ровъ руками плѣнныхъ французовъ,—ими же разбитъ и Лѣтній садъ между 1812—1815 годами.

Неревской конецъ.

Разсмотрѣніе Кончанскихъ участковъ, т. е. улицъ, лѣвой стороны города начнемъ съ Неревскаго конца и съ берега Волхова. Тутъ, судя по толщѣ жилого слоя и по привычкѣ, вызванной удобствами первонасельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья, Нейрои Геродота, Нерома лѣтописи Русской и Неревляне—Новгородской, основали первыя свои жилища—одновременно-ли съ занятіемъ Коломцовъ и сосѣднихъ холмовъ побережья, въ томъ числѣ Городищенскаго, Нередицкаго и прочихъ до Хутынскаго включительно—и далѣе внизъ по Волхову и по Ильменю,—или послѣ того, какъ Коломчане вынуждены были, повышеніемъ уровня Ильменя и другихъ водоемовъ во время наступавшаго втораго охлажденія Европы, выселиться съ Коломцевъ на возвышенности. Тутъ, на лѣвомъ берегу, жизнь Невровъ шла, или могла идти, такимъ же ровнымъ теченіемъ, какъ и на Славнѣ, пока которая либо изъ сторонъ не сдѣлалась преобладающею.

Побережье.

Береговое значительно приподнятое пространство между Загородьемъ и внѣшнимъ валомъ, Волховомъ и широкимъ проѣздомъ Знаменскаго изображенія, соотвѣтствующимъ протяженію нынѣшней Дмитровской улицы,—это лѣтописные „берегъ и Побережье“.

Первое упоминаніе о Побережьи, какъ объ особомъ поселкѣ, обитателямъ котораго не дано было еще правъ гражданъ, находится въ Уставѣ о мостахъ, словами: „А Нередицанамъ до Бережанъ, а Бережанамъ до Пидьблянъ“ (чтеніе по Дубенскому). Но въ нѣкоторыхъ спискахъ Устава, напримѣръ въ Строевскомъ, вмѣсто Бережанъ поставлено „Вережанъ“ (Соф. Врем. Ч. I), подъ которыми можно разумѣть жителей береговъ рѣки Веряжи, поселеніе которыхъ дѣлится писцовою книгою конца XV вѣка на Поверяжье и Заверяжье. Такое же упоминаніе значится и въ Уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславовича, данной Предтеченской церкви на опокахъ: —„А куны того Буевища (Петрятина дворища) имати Старостамъ Иваньскимъ и Старостамъ Поберекимъ, а класти куны въ домъ святого великаго Ивана. А поповъ святого великаго Ивана, и дьякона и дьяка, и сторожовъ призитари Старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и Старостамъ

Побереским и Побережаномъ“ (Рус. Достоп. Ч. I, стр. 81). Оба эти упоминанія могутъ „правда“ и не относиться къ нашему Побережью,—первое по опискѣ въ словѣ „Бережанъ“, а второе по наименованію Побережанами торговцевъ Буевища, лежавшаго, какъ мы знаемъ, вдоль праваго берега Волхова. Подъ 1418 годомъ разсказанъ мятежъ, начавшійся жалобою народу нѣкоего Степанка на боярина Данилу Ивановича Божина внука; во время разразившейся усобицы, Славляне, защищая Степанка, „разграбили дворъ Боярина на Козьмодемьяней улицы и—Яневъ берегъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6926, стр. 107). Въ пожаръ 1477 г. „отъ Розважи улици погорѣ и до Борковѣ улицы, побережье все и до Великой улици“; отмѣтка эта приводилась уже не разъ; она, называя Побережье, указываетъ и границу его на западно-полночной сторонѣ: Великая улица—это тотъ широкій проѣздъ, который показанъ на Знаменскомъ изображеніи. Къ нему мы еще обратимся и дадимъ подробныя, по возможности, объясненія о Великой улицѣ. Побережье упоминается и раньше, и позже этого года, въ описаніи пожаровъ, напримѣръ—подъ 1472 годомъ: загорѣлось на Яневѣ улицѣ и погорѣло все побережье и за Даньславлю улицу, на которой сгорѣла церковь Св. Димитрія съ придѣломъ Св. Кирилла; положеніе этой церкви указано;—въ 1547 году горѣла Софійская сторона въ Кожевникахъ, отъ Дослани улицы, отъ Дмитрія Святого, все Побережье, до деревянной стѣны, полпяты улицы, а у Димитрія Святого маковица огорѣла.

Въ Побережьи по Знаменскому изображенію видно два значительныхъ проѣзда къ Волхову въ срединѣ, и два крайнихъ: одинъ вдоль полночной стороны ограды, за которою мы помѣщаемъ церкви Никольскую и Сорока мучениковъ, а другой вдоль внѣшняго вала. Во времена самобытія лѣтопись упоминаетъ о пяти улицахъ въ нашемъ Побережьи: Яневой, Розважѣ, Щерковой, Даньславлѣ и Борковой и, сверхъ того, о Великой; всѣ онѣ, за исключеніемъ Яневой, о которой уже сказано, соотвѣтствуютъ четыремъ участкамъ, лежащимъ между упомянутыми проѣздами—къ Волхову и Широкимъ. Послѣ самобытія и до 1623 г., въ которомъ составлена Нарядная опись, появились многія улицы, начинавшіяся отъ Волховскаго берега и продолжавшіяся внутрь Неревскаго конца за широкій проѣздъ; онѣ перечислены въ Нарядной описи; Митрополитъ Евгеній ведетъ отъ берега улицы этого памятника въ такомъ порядкѣ, считая отъ малаго вала: Розважа, Малая Розважа, Козьмодемьянская, Холопья, Боркова, Драгунова, Яковлева, Новая Романовка, Дослана, Корельская, Воронья, Водяной переулокъ, Щурова, Чедерская, Черковская и Щеркова. Яневой въ этомъ перечнѣ нѣтъ (Разговоры, 74—75). Изъ нихъ оканчивающимися у Дмитровской улицы, т. е. у нашего Широкаго проѣзда, Владыка называетъ: Драгунову, Корельскую, Воронью и прочія до конца;—другія же: Розважу, Розважку, Козьмодемьянскую, Холопью, Боркову и Досланю—пролагаетъ далѣе, внутрь города. Н. Н. Муравьевъ повторяетъ указанія Евгенія,—но вводитъ въ порядокъ Нарядной описи улицу Великую, ставя ее между Чедерскою и Черковскою, и принимая за основаніе своего заключенія чертежъ 1756 года, по бокамъ котораго напечатаны перечни улицъ, церквей и другихъ соору-

женій (Чертежъ приложенъ къ книгѣ Муравьева, изслѣдованія о древностяхъ Новгорода). И. И. Красовъ, возражая Муравьеву по поводу мѣста и имени улицы Великой, видитъ въ этомъ имени не названіе какой либо особой, кромѣ перечисленныхъ Нарядною описью, улицы, а отличительный признакъ которой либо изъ нихъ, напримѣръ Борковой, бывшей большою сравнительно со всѣми прочими,—но въ тоже время не считаетъ возможнымъ помѣстить ее на пространствѣ нынѣшней Дмитровской,—что не согласуется, какъ объяснимъ ниже, съ нашимъ мнѣніемъ. Затѣмъ Красовъ возражаетъ Митрополиту Евгенію, исключившему Яневу улицу изъ береговыхъ, доказывая ссылкою на отмѣтку лѣтописи о пожарѣ 1497 года, истребившемъ берегъ Яневы улицы, на Геннадіевъ обходъ, гдѣ Владыка, дойдя берегомъ до Яневы улицы, поднялся въ гору и на сказаніе о разграбленіи двора во время мятежа по поводу „Степанки",—говоритъ, что часть Яневы улицы отошла отъ берега, при сооруженіи Петромъ Великимъ бастіоновъ около Дѣтинца, только въ XVIII столѣтіи. Но это не возраженіе, а невѣрно понятое объясненіе Митрополита Евгенія: ученый Владыка указалъ положеніе Яневой улицы въ его время, то есть около 1808 года, что ясно изъ заголовка его объясненія положенія улицъ Нарядной описи: „Мѣста, при которыхъ были, или нынѣ находятся старинныя улицы" (О мѣстоп. древ. Новг. стр. 45; разговоры, стр. 71 и слѣд.). Относительно порядка улицъ нашего Побережья Красовъ не возражаетъ.

На чертежѣ 1756 года нанесено 16 прямыхъ улицъ, идущихъ отъ Волхова къ Дмитровской.

Въ границахъ Побережья лежитъ упомянутая выше Веселая горка, а по сосѣдству съ нимъ находятся Лазаревскій холмъ и Звѣринецъ. Первыя два учрежденія признаются нами за погребальныя временъ языческихъ, а послѣдній за мѣстопребываніе боготворимыхъ въ отдаленные вѣка звѣрей, подобно медвѣдю у Гиляковъ Пріамурскихъ и Сахалинскихъ. Сосѣдство этихъ учрежденій съ Побережьемъ утверждаетъ насъ въ предположеніи о незапамятно давнемъ заселеніи его. Изысканій о толщѣ жилого слоя и о подстилающихъ его отложеніяхъ здѣсь еще не сдѣлано, хотя глубина Варламьевскаго колодца (См. выше) уже одна ручается за мощность его, неуступающую ни въ какомъ случаѣ толщѣ, найденной при буреніи во дворѣ Г. М. Смѣтанина. Внимательное наблюденіе за случайными земляными работами на пространствѣ, отводимомъ Побережью, дастъ Обществу указанія въ этомъ направленіи.

Поселки Кончанскіе.

Сдѣлавъ общее опредѣленіе Побережья и поименовавъ участки его, замѣтимъ, что оно образовалось постепенно, послѣ Загородья, изъ военныхъ поселковъ, отодвигавшихся, по мѣрѣ расширенія городской площади Неревской стороны, на полночь къ востоку, на окраину города, къ окопу, внутри и внѣ, до Гзени включительно. Отъ Побережья на западъ къ полночи,

а также и на полночь къ востоку, за Широкимъ проѣздомъ, разстилались поселки гражданскіе, составлявшіе участки Неревскаго конца въ тѣсномъ смыслѣ и Неревскаго Петровскаго, за валомъ. Нѣкоторые изъ гражданскихъ поселковъ носили имена, заимствованныя отъ военныхъ Побережья, а другіе назывались, большею частію, по возникавшимъ на нихъ церквамъ.

Разсмотримъ теперь поселки Побережья и соименные имъ гражданскіе, и затѣмъ всѣ прочіе, имѣвшіе, по нашему мнѣнію, значеніе Кончанскихъ проѣздовъ, а не участковъ.

Розважа.

Въ первый разъ объ улицѣ Розважѣ лѣтопись упомянула подъ 1115 годомъ, по случаю сооруженія „церкви каменней Ѳеодора Тирона среди дву улицъ Щирковѣ и Розважи“ (I Нов. лѣт. стр. 4, и II, стр. 123, годъ 6623). Мѣстность церкви этой указана; основатель ея былъ Вой-гость; это имя служитъ для насъ основаніемъ къ высказанному уже заключенію о Людинахъ-воинахъ, жившихъ между улицами Чудинцевою и Лучинскою особымъ поселкомъ, называвшемся Людгощимъ. Церковь Ѳедора Тирона была, такимъ образомъ, предѣломъ пространства Розважи въ западномъ ея направленіи; а что она начиналась съ Волховскаго берега, мы уже говорили нѣсколько разъ; говорили также и о причинѣ, давшей ей это имя. Начиная съ берега, Розважа шла узкимъ проѣздомъ вдоль восточно-полночной стороны Яневой улицы и древняго Загородья, ближайшее пространство котораго занималъ ровъ и поле въ объясняемомъ нами смыслѣ: въ 1340 году загорѣлось на Розважи улицѣ, въ полѣ за Св. Ѳеодоромъ (I Нов. лѣт. годъ 6848, стр. 79). Митрополитъ Евгеній не указываетъ западнаго предѣла этой улицы (Разговоры, стр. 74),—а И. И. Красовъ видитъ этотъ предѣлъ вблизи городскаго, т. е. внѣшняго, вала (стран. 52), основываясь на приведенной отмѣткѣ о пожарѣ, въ словахъ „въ полѣ“. Но церковь Св. Ѳеодора Тирона лежала между Розважей и Щирковой улицами, близъ нынѣшней Ѳедора-Стратилатовской, отъ которой до вала такъ же далеко, какъ въ другую сторону, до площади театра; если протянуть Розважу за царковь на западъ, она упрется въ Людгощу,—а между нею и валомъ все-таки останется Щиркова. Впрочемъ Красовъ отводитъ, какъ увидимъ въ стѣдующей статьѣ, для Щирковой улицы мѣсто рядомъ съ Яневою, то есть между Ѳедоровскою церковью и площадью, а не между нею и внѣшнимъ валомъ, но это не вѣрно. Если же подъ выраженіемъ лѣтописи „въ полѣ“ мы будемъ понимать пространство при укрѣпленіи съ той и другой стороны, когда оно внутреннее,—смыслъ отмѣтки будетъ ясенъ: загорѣлось на той сторонѣ Розважей, которою она прилегала къ площади, лежавшей вокругъ древняго Загородья и болѣе поздняго малаго вала, или нынѣшней театральной. Нельзя не остановиться на словахъ лѣтописи „за Св. Ѳеодоромъ“. Если составитель памятухи жилъ во Владычнемъ дворѣ,—для него начало пожара будетъ между Ѳеодоровскою церковью и внѣшнимъ валомъ,—а если

онъ былъ инокъ Духова или другого котораго либо изъ монастырей, напримѣръ Росткина, пожаръ придется между тою церковью и театральною площадью. Время отъ—времени, по мѣрѣ упадка Новгородской торговли, или сосредоточенія ея на Славенской сторонѣ, въ Торгу и гостевыхъ дворахъ, пристань близъ Загородья потеряла значеніе; сократилась, а потомъ совсѣмъ кончилась и развозка товаровъ по Неревской сторонѣ. Пожары разрушали въ свою очередь Розважу древности и вызывали на мѣстѣ ея поселки другихъ наименованій; къ началу XVII вѣка отъ нея остались лишь небольшіе прибережные участки съ именемъ Розважи и Малой Розважи.

Примѣнительно къ нынѣшнему расположенію улицъ мы ведемъ Розважу древности такъ: отъ пристани, занимавшей значительное береговое пространство, шелъ узкій проѣздъ между Загородьемъ и Щирковою улицею—тамъ, гдѣ теперь дорога мимо лѣтняго сада, между нимъ и больничными сооруженіями, занявшими мѣсто Николо-Розважскаго монастыря; узкій проѣздъ, по пересѣченіи Широкаго, или нынѣшней Дмитровской улицы, Розважи, уже какъ поселокъ, отклонился на полночь, въ сторону къ нынѣшней Петербургской улицѣ, занявъ часть ея отъ бывшаго Путеваго дворца (теперь домъ А. Е. Евдокимова) къ угловому, что на театральной площади, дому,—отсюда онъ направлялся на западъ къ Ѳедоро-Стратилатовской церкви, поселкомъ же, раскинувшись почти на всей площади между театральною и улицами: Лучинскою, Петербургскою и Забавскою до поворота ея на западъ къ полдню отъ дома Духовскаго подворья; съ этого поворота полночный край Розважи направлялся на Стратилатовскою церковь. На нынѣшней Забавской, или между нею и продолженіемъ за Петербургскою, къ Тихвинской церкви, стояли церкви Спасская, горѣвшая, какъ выше сказано, въ 1541 году и показанная лѣтописью на Розважѣ, и Саввы Освященнаго, ближе къ нынѣшней Тихвинской.

Который изъ участковъ Побережья Знаменскаго изображенія соотвѣтствуетъ береговой долѣ Розважи, опредѣлить мы затрудняемся, такъ какъ самый берегъ Волхова скрытъ отъ художника, дѣлавшаго рисунокъ съ западно-полночной стороны, стѣною, изъ за которой не видно никакихъ построекъ,—а въ углу, образуемомъ встрѣчею этой стѣны съ укрѣпленіемъ малаго вала, помѣщено то огороженное пространство, въ которомъ показаны названныя церкви Никольская и Сорока мучениковъ.

Щирковъ.

Отъ Розважи на полночь расположенъ былъ участокъ Щирковъ, или улица Щиркова. И. И. Красовъ помѣщаетъ этотъ участокъ между Яневымъ и Розважей, то есть, по нашему распредѣленію участковъ, между Загородьемъ и Розважей; мы же даемъ ему мѣсто подлѣ Розважей. Красовъ руководствуется вообще Нарядною описью, и отъ положенія улицъ въ XVII вѣкѣ заключаетъ къ площадямъ ихъ во всѣ лѣтописные вѣка, не прини-

мая въ разсчетъ проѣздовъ и проулковъ, вновь возникавшихъ послѣ большихъ пожаровъ. Мы же имѣемъ задачею опредѣленіе Кончанскихъ участковъ до Московскаго выпрямленія этихъ проѣздовъ и проулковъ, при каковомъ древній участокъ разсѣкался на двѣ и даже на три улицы, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда онъ расположенъ былъ дугою около Загородья. Лѣтопись пожаровъ, которою Красовъ руководствуется, нельзя примѣнять къ Московскому направленію улицъ; мы уже видѣли путаницу въ опредѣленіи улицъ, на которыхъ находились церкви Константина и Елены и Сорока мучениковъ,—одинъ разъ имъ отводятся улицы Янева и Розважа, а другой разъ Росткина и Щиркова, или Яковля. Мы держимся, поэтому, порядка улицъ Побережья, на которое выходили края Кончанскихъ участковъ во времена самобытія. Ближайшимъ побужденіемъ къ такому именно порядку послужили отмѣтки первой, второй и третьей нашихъ лѣтописей о пожарѣ, вспыхнувшемъ въ 1340 году, во вторникъ Троицкой недѣли. Въ первой и во второй лѣтописи начало пожара отнесено къ Розважѣ, за Святымъ Ѳеодоромъ въ полѣ (объясненіе выраженія „въ полѣ" приведено выше);—составитель основнаго сборника третьей лѣтописи, читая памятуху, изъ которой онъ дѣлалъ выписки, и принимая выраженіе „въ полѣ" относящимся къ окраинѣ города, усумнился въ вѣрности опредѣленія памятухою мѣста, съ котораго начался пожаръ и, зная, что ближайшею къ полю улицею была не Розважа, а другая улица, изложилъ свою отмѣтку такъ: „загорѣлося на Щирковѣ улицы, на Троицкой недѣли во вторникъ" и проч. (I Нов. лѣт. годъ 6848, стр. 79; II Нов. лѣт. стр. 131; III Нов. лѣт. стр. 225). Въ описаніи пожаровъ 1397 и 1490 гг. перечисляются погорѣвшія улицы въ такомъ порядкѣ: загорѣлось на Щирковой улицѣ, противъ Св. Сорока, и погорѣлъ берегъ Щирковы, Яневы Розважи и Кузьмодемьяни улицъ, до Холопьи улици (I Нов. лѣт. годъ 6905, стр. 98);—„загорѣлось на мосту на великомъ у городовыхъ воротъ, а церковь святая Богородица огорѣла и стрѣльница; и изъ стрѣльницы похватило тесницу съ огнемъ, понесло на Яневу улицу и ту загорѣлось, и Яневы улицы выгорѣло, и Росткина улица, и Хревкова улица, и Легоща улица, и Щиркова улица и Розважа" (II Нов. лѣт. годъ 6998, стр. 144). По порядку улицъ перваго пожара надобно-бы видѣть Щиркову не рядомъ съ Розважей, ни въ ту—ни въ другую сторону, такъ какъ между ними названа Янева,—а рядомъ съ этою послѣднею; такъ и видитъ Красовъ;—но съ которой стороны придется эта Янева отъ Щирковой? если на западъ, то за Яневою, еще западнѣе, уже въ Загородьи, должна быть Розважа у самаго Дѣтинца,—однакожъ Красовъ ставитъ ее на полночь отъ Щирковой. Если-же лѣтописецъ, назвавъ берегъ Щирковой, говоритъ объ улицахъ сосѣднихъ съ нею,—одной съ запада, а другой съ полночи, тогда Красовъ будетъ правъ, ставя Щиркову ближайшею къ Яневой, а Розважу отъ Щирковой на полночь, рядомъ съ Кузьмодемьянской. Порядокъ же улицъ, погорѣвшихъ въ 1490 году не оправдываетъ Красова. Если понесло горѣвшую доску съ крыши Пречистенской башни чрезъ весь Дѣтинецъ и бросило на Яневу улицу, конецъ которой приходится, какъ мы видѣли, на углу нынѣшней

Лучинской, гдѣ она уперлась въ театральную площадь, и если она, эта Янева, не вся погорѣла, а только часть ея,—„и Яневы улицы выгорѣло" говоритъ лѣтопись,—Росткина же улица, кончавшаяся, какъ мы знаемъ, у церкви Константина и Елены, и бывшая собственно проходомъ отъ этой церкви къ Росткину монастырю, выгорѣла вся, а она тянулась отъ Яневой прямо на западъ,—значитъ дулъ вѣтеръ восточно-полуденный;—кромѣ Росткиной сгорѣли улицы Хревкова, Людгоща, а также Щиркова и Розважа;—это направленіе пожарища вполнѣ соотвѣтствуетъ названному вѣтру, тянувшему болѣе на полночь и распространившему пожаръ отъ Людгощей, или нынѣшней Легощей, на полночь къ валу, близъ котораго лежала Щиркова улица; съ этой же пожаръ перешелъ на Розважу, но не коснулся той части Яневой, которая граничила съ Розважей, и разстилалась сперва на полночь къ востоку, а затѣмъ, въ Загородьи, прямо на востокъ. Если-бы ближайшею къ внѣшнему валу была Розважа, лѣтописецъ назвалъ бы ее прежде Щирковой, а не послѣ. Наконецъ лѣтописецъ начало пожара 1397 года опредѣляетъ мѣстомъ на Щирковой улицѣ, противъ Святыхъ Сорока. Мы ведемъ Розважу отъ Волхова, узкимъ проѣздомъ, вдоль нынѣшней ограды Лѣтняго сада, мимо церкви Сорока мучениковъ, съ полуденной стороны ея. Щирковъ участокъ Побережья и Неревскаго конца начинался сряду послѣ Розважи и пролегалъ мимо той же, по нашему опредѣленію, церкви съ ея полночной стороны,—тутъ, противъ этой стороны церкви, и начался пожаръ. Лѣтописецъ зналъ „поле" въ принимаемомъ нами смыслѣ; если-бы пожаръ начался съ противоположной стороны церкви, къ Загородью, онъ сказалъ-бы „въ полѣ", какъ при пожарѣ 1340 года (см. выше), или 1541 года, когда выгорѣла часть Щирковой улицы за этою же церковью, въ полѣ и часть Розважи по Св. Спасъ (отмѣтка раньше приведена).

Итакъ, Щиркова улица лежала, какъ участокъ Побережья и Неревскаго конца, за Розважей, отъ нея на полночь и на полночь къ востоку. При такомъ ея положеніи отмѣтку о пожарѣ 1397 года мы объясняемъ независимо отъ пониманія ея Красовымъ: современникъ пожара сказалъ сперва о распространеніи его по тому участку, гдѣ впервые показался огонь— „погорѣ Щирковы улицы берегъ весь",—затѣмъ упомянулъ объ участкахъ, лежавшихъ на полдень отъ церкви Сорока мучениковъ, Яневомъ и Розважѣ, наконецъ назвалъ участки на полночь къ востоку отъ той же церкви.

Припомнимъ положеніе Ипатьевской церкви Неревской стороны. По свидѣтельству лѣтописи и росписи 1615 года она стояла на Щирковѣ улицѣ и была въ 1396 году самостоятельною, а въ 1615 придѣльною Ѳеодора Стратилатовской, нынѣ существующей. Въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, по упраздненіи самостоятельныхъ церквей, сооружались въ ближайшихъ къ нимъ придѣлы съ престолами упраздненныхъ. На Знаменскомъ изображеніи мы видѣли невдалекѣ отъ внѣшняго вала и Стратилатовской церкви, рядомъ съ садомъ, церковь и признали въ ней Ипатьевскую. На Розважѣ были, по лѣтописи, церкви, положеніе которыхъ опредѣляется И. И. Красовымъ и нами приблизительно на однѣхъ и тѣхъ же

мѣстахъ; Ипатьевской мы не видѣли тамъ ни во времена самобытныя, ни при Московскомъ державствѣ. Въ Неревскомъ концѣ было много пожаровъ; объ истребленіи которымъ либо Ипатьевской церкви не сказано ни разу, тогда какъ каждая изъ всѣхъ прочихъ страдала нѣсколько разъ; естественно задаться вопросомъ: почему не горѣла Ипатьевская церковь? Удовлетворительнымъ отвѣтомъ можетъ быть, на нашъ взглядъ, одинъ:—церковь эта стояла въ сторонѣ, и не была окружена, какъ прочія, тѣсными постройками. Положеніе ея близъ внѣшняго вала, у сада и военнаго поселка, строившагося съ соблюденіемъ противопожарныхъ разрывовъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ недосягаемости Св. Ипатія для пожаровъ. А эта церковь стояла на Щирковой улицѣ. Слѣдовательно ближайшимъ къ Ѳеодоро-Стратилатовской и Тироновской церквамъ и къ внѣшнему валу поселкомъ былъ Щирковъ, а не Розважскій, по крайней мѣрѣ во времена до Московскаго державства. Къ этому положенію поселка мы еще обратимся въ статьяхъ о Запольяхъ концовъ Неревскаго и Загородного.

На Знаменскомъ изображеніи, въ береговой части, на долю Щирковой улицы приходится небольшой поселокъ, и въ немъ каменный домъ съ такою же пристройкою; по срединѣ проѣздъ, не широкій, къ берегу Волхова; продолженіе его въ гору направляется къ церкви Козьмы и Даміана, что на улицѣ ея имени.

По положенію нынѣшнихъ улицъ Щиркова занимала площадь: между церковью Св. Ѳеодора Стратилата отъ Лучинской улицы къ внѣшнему валу, до полночно-западнаго угла Средней Конюшенной улицы, отсюда по прямой, пересѣкая Петербургскую улицу, вдоль ея, и нѣсколько отступя по направленію къ Тихвинской церкви, заворачивала постепенно на востокъ, чрезъ Малую Дмитровскую улицу, къ банѣ А. А. Соловьева.

На обводимой такимъ образомъ площади Щиркова поселка было много проходовъ и проѣздовъ къ церквамъ: Ипатьевской, Спасской, Саввинской, Четыредесятной и Козьмодаміанской,—послѣдней къ западной сторонѣ, и къ домамъ общественныхъ и частныхъ сооруженій; были также проходы и проѣзды между дворами, въ Побережьи, къ Волхову; лѣтопись не сохранила названій ихъ, по незначительности и неважности подобныхъ проулковъ, за исключеніемъ того, на который выходилъ Щирковъ поселокъ своею полночно-восточною границею, и велъ отъ берега Волхова къ церкви Козьмы и Даміана, къ восточной сторонѣ ея; этотъ проѣздъ извѣстенъ въ лѣтописи съ XII вѣка подъ именемъ Козьмодемьянской улицы. Она, какъ не составлявшая особаго поселка, не имѣла значенія самостоятельнаго Кончанскаго участка; лѣвая сторона ея принадлежала поселку Щиркову, а правая, считая отъ берега, слѣдующему за нимъ.

На Знаменскомъ изображеніи много проѣздовъ и проходовъ на Щирковомъ участкѣ, въ разныхъ направленіяхъ; разобраться въ нихъ мы не можемъ, такъ какъ частные дворы здѣсь написаны не всѣ, а лишь тѣ и въ такомъ порядкѣ, чтобы дать общее представленіе о постройкахъ и не слить ихъ въ сплошную кучу, въ видѣ сѣраго пятна.

Въ старинныхъ купчихъ и закладныхъ попадаются названія отдѣльныхъ проѣздовъ,—но у насъ не много такихъ купчихъ, потому и нельзя дѣлать по нимъ заключеній. Въ церковныхъ кладовыхъ и въ хранилищахъ старыхъ дѣлъ можно найти подобныя бумаги; не мало ихъ и въ частныхъ рукахъ; членамъ нашего Общества не слѣдуетъ пренебрегать этими памятниками, хотя-бы они относились къ временамъ и не особенно древнимъ; если нельзя получить ихъ въ собственность, полезно имѣть и выписки, или полные списки.

Даньславлевъ.

Отъ Козьмодемьянскаго проѣзда къ полночи на востокъ лежалъ поселокъ Даньславлевъ, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ улицы Даньславли, или, въ болѣе позднія времена, до XVII вѣка,—Дослани. Поселокъ этотъ занималъ окраину Неревскаго конца въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ имѣлъ на полночь къ востоку въ перволѣтописные вѣка, когда внѣшній валъ не былъ еще отодвинутъ до нынѣшняго мѣста его, и когда не было церквей: обѣихъ во имя Козьмы и Даміана, Яковлевской, Пантелеймоновской, Дмитровской, Георгіевской и Мины и Виктора, т. е. до первыхъ годовъ XII вѣка. Впослѣдствіи онъ расширился и доходилъ полночною своею стороною до соотвѣтственной части вала на нынѣшнемъ его мѣстѣ, давъ нѣсколько проѣздовъ и проулковъ къ возникшимъ тутъ церквамъ и частнымъ дворамъ; въ полночно-восточную же сторону, къ внѣшнему валу нынѣшнему, Даньславлевъ поселокъ не расширялся,—тутъ образовался другой самостоятельный участокъ тоже около XII вѣка.

Первоначальные поселки назывались по именамъ лицъ, около дворовъ которыхъ они возникали. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчается Даньславъ Лазутиничъ подъ 1167 годомъ, какъ начальникъ дружины: „Иде Даньславъ Лазутиничъ съ дружиною Кіеву къ Мстиславу по сынъ". Чрезъ годъ онъ же „иде за Волокъ данникомъ (сборщикомъ дани) съ дружиною". Въ этотъ походъ Новгородцы нанесли жестокое пораженіе дружинѣ князя Андрея Боголюбскаго, осадившаго, въ отмщеніе за оное, Новгородъ огромными полчищами, которыя и на этотъ разъ были разбиты на голову (Чудо отъ образа Богоматери Знаменія), въ 1160 году (I Нов. лѣт. годы: 6675 и 6677, стр. 14 и 15). Возможно, что разсматриваемый поселокъ получилъ названіе отъ двора этого Даньслава, который, какъ военачальникъ, былъ лицомъ именитымъ и состоятельнымъ; да сверхъ того около двора его поселены были и Людины-ратники, охранявшіе окраину города со стороны Звѣринца и той Вотьской дороги, по которой князь Всеславъ Полоцкій подступилъ къ Новгороду во второй свой набѣгъ, въ половинѣ XI вѣка; объ этомъ мы уже говорили. Тѣ каменныя палаты, которыя мы видѣли около Яковлевскаго собора, могли принадлежать военачальнику этого края города, или Тысячскому Кончанскому, о вѣроятности существованія званія кото-

раго для каждаго конца будетъ дано объясненіе въ особомъ отдѣлѣ о внутреннемъ строѣ Новгородскаго Государства.

Въ участкѣ Даньславлевѣ, кромѣ проѣздовъ и проулковъ къ поименованнымъ церквамъ, былъ одинъ съ названіемъ не церковнымъ—это улица Холопья. Впервые она приводится въ лѣтописи подъ 1146 годомъ, по поводу сооруженія Козьмо-Даміанской церкви; но называетъ ее третья Новгородская лѣтопись, къ показаніямъ которой не всегда слѣдуетъ относиться съ довѣріемъ:—въ ней, какъ мы знаемъ, множество мѣстоописательныхъ прибавокъ, указывающихъ на улицы не современныя повѣствуемому случаю,—а существовавшія при составителѣ основнаго сборника лѣтописи; пергаментный сборникъ называетъ Холопью улицу подъ 1271 годомъ тоже по поводу построенія Козьмо-Даміанской церкви (I Нов. лѣт. годъ 6779, стр. 62),—а подъ 1146 г. упоминаетъ о ней безъ указанія мѣстности (тамъже, годъ 6654 стр. 10). Изъ дальнѣйшей судьбы обѣихъ одноименныхъ церквей ясно, что подъ названными годами говорится объ одной и той же церкви. Составителю пергаментнаго сборника непредставлялось надобности назвать мѣстность, такъ какъ въ 1146 году была одна только Козьмо-Даміанская церковь, извѣстная всякому изъ горожанъ, его современниковъ;—занесъ же отмѣтку онъ на память для себя, а чтобы не занимать лишней строки на дорогомъ въ тѣ времена пергаментномъ пасхальномъ листкѣ (Ср. Бестужева Рюмина о составѣ русскихъ лѣтописей), и сберечь ее для другихъ отмѣтокъ, не назвалъ улицы. Такъ или иначе, но Холопья улица возникла въ перволѣтописные вѣка.

Мы приписываемъ основаніе Янева поселка Яню Вышатичу, а установленіе названія—имени его, какъ военачальника; кто былъ Щиркъ, давшій имя описанному предъ симъ поселку, мы сказать не можемъ; но Даньславъ былъ тоже военачальникъ; возможно, что въ этомъ же званіи состоялъ и Щиркъ или Щирко. Около обширныхъ дворовъ именитыхъ лицъ, какъ и въ усадьбахъ помѣщичьихъ, селились ихъ служилые люди, общее имя которыхъ—холопи. Это соображеніе приводитъ насъ къ заключенію, что по сосѣдству съ дворами смежныхъ поселковъ Яня, Щирка и Даньслава образовался, одновременно съ господскими, и особый Холопій поселокъ. Впослѣдствіи онъ расширился постройками не холопскими, но сохранилъ первоначальное свое имя.

Ко времени составленія Нарядной описи Новгорода, т. е. къ 1623 г. на побережномъ участкѣ Даньславлева поселка были, по направленію отъ берега, проулки: Новая Романовка—къ церквамъ Яковлевой и Пантелеймоновской, Корельскій—на полночь къ востоку отъ этой, Вороній—за нею, и—Водяной переулокъ за Вороньимъ;—улица же Досланя названа послѣ Водянаго переулка, крайнею къ внѣшнему валу. Относительно проулка Вороньяго намъ извѣстенъ одинъ памятникъ,—Закладная кобала Іассона Мурашева 1688 года, на принадлежащій ему дворъ, находившійся на Досланѣ улицѣ, въ Воронѣ переулкѣ, идучи къ Мины Святому на правой сторонѣ, въ смежности: по лѣвую сторону двора посадскаго человѣка Потафья (Потапа?) Евдокимова, а по правую—пахотнаго огорода Хутыня монастыря,—и про-

тивъ - двора Вяжицкаго монастыря (У Макарія, въ описаніи Новгородскаго архіерейскаго дома. Взято изъ сборника крѣпостей и выписей на Софійскія вотчины за XVII вѣкъ, листы 10 и 11. Сборникъ хранился въ 1857 г., когда издана книга Макарія, въ Консисторскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ).

Если пахотный огородъ Хутыня монастыря лежалъ у Варламьевской часовни и упомянутаго колодца дома его родителей,—то проулокъ Вороній доходилъ до самаго вала. Этотъ памятникъ показываетъ, что даже въ XVII вѣкѣ Даньславля улица имѣла видъ поселка, съ проулкомъ на ней. Какъ крайній къ валу—этотъ поселокъ не былъ еще тогда размѣренъ впрямь. На окраинѣ Славна мы видимъ до сихъ поръ нетронутый выпрямленіемъ проулокъ Воскресенскій; о немъ сказано при объясненіяхъ слѣдовъ и остатковъ церковныхъ древностей Славенской стороны.

На Знаменскомъ изображеніи Даньславлевъ поселокъ показанъ между двухъ проѣздовъ, прямыхъ и значительно широкихъ; одинъ ведетъ къ церкви Козьмы и Даміана на Холопьей улицѣ, а другой, къ Яковлевской и далѣе, по проѣзду Козьмодемьянскому.

Предложенные въ предыдущей статьѣ способы собиранія свѣдѣній объ улицахъ, улкахъ, проходахъ и проѣздахъ одинаково полезны для всѣхъ вообще Кончанскихъ участковъ,—повторять ихъ мы болѣе не будемъ.

И. И. Красовъ не касается вопроса о Даньславлевомъ поселкѣ въ древности, онъ разсуждаетъ о Досланѣ улицѣ XVII вѣка, по Нарядной описи;—поэтому мы не входимъ въ разсмотрѣніе его мнѣнія: положеніе улицъ и направленіе ихъ въ XVII вѣкѣ не имѣетъ ничего общаго съ пространствомъ и положеніемъ одноименныхъ поселковъ вѣковъ перволѣтописныхъ и самобытія.

Борковъ.

Крайнимъ къ внѣшнему валу, полночно-восточной его части, поселкомъ былъ Борковъ. Начиная съ Волховскаго берега, онъ не заходилъ, первоначально, за широкій проѣздъ, что теперь Дмитровская улица, а ограничивался лишь мѣстностью послѣдняго участка нашего Побережья. Впослѣдствіи, при Московскомъ направленіи улицъ, Борковъ поселокъ тянулся чрезъ широкій проѣздъ и доходилъ, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ И. И. Красовъ, до нынѣшней Петербургской, взявъ направленіе съ востока на западъ (Мѣстопол. Древ. Нов. стр. 59). Но Красовъ основываетъ свое заключеніе на чертежѣ Попова и опредѣляетъ положеніе нашего поселка, какъ прямой улицы, въ половинѣ прошедшаго столѣтія,—такъ что для нашей задачи заключеніе его не пригодно. Не пригодно намъ и опредѣленіе Митрополита Евгенія, направляющаго Боркову улицу его времени съ Волховскаго берега къ нынѣшней Тихвинской церкви,—хотя ученый Владыка и правъ. Оба опредѣленія, Красова и Евгенія, служатъ только доказательствомъ частнаго передвиженія прямыхъ, по-московски, улицъ, съ мѣста на мѣсто, послѣ большихъ пожаровъ.

Руководствуясь лѣтописными отмѣтками о построеніи церквей и о пожарахъ въ мѣстности Боркова поселка и по сосѣдству, попытаемся отыскать положеніе его въ вѣка перволѣтописные и самобытные.

Подъ 1181 годомъ отмѣчено въ лѣтописи: „срубиша церковь святого Іакова на Добрыни улици, и святую безмездинку Козьмы и Даміана, и святого Савы, и святого Георгія и святого Іоана Ишькову“. Положеніе этихъ церквей нами указано; о Георгіевской лѣтописецъ (I Нов. лѣт. годъ 6689, стр. 18) не сказалъ, гдѣ она срублена,—но, назвавъ ее послѣ Козьмодаміанской и Саввиной, указалъ, что она поставлена въ одной съ ними мѣстности. Въ 1299 году былъ огромный пожаръ, начавшійся на Варяжской улицѣ Славенской стороны и перекинувшійся, при случившейся въ это время бурѣ съ вихремъ, въ Неревской конецъ, на Холопью улицу; лѣтописецъ поименовалъ сгорѣвшія въ этотъ пожаръ церкви Славенской стороны, въ числѣ 12-ти,—а о церквахъ Неревскаго конца сказалъ только, что ихъ погибло тамъ десять. Деревянная Георгіевская церковь 1181 года не могла уцѣлѣть въ этотъ пожаръ, какъ ближайшая къ Холопьей улицѣ. Подъ 1303 годомъ въ первой Новгородской лѣтописи сказывается о построеніи деревянной („срубиша“) Георгіевской церкви на Борьковѣ улицѣ. Весьма вѣроятно, что здѣсь говорится о возстановленіи прежней, тутъ же бывшей, но сгорѣвшей въ упомянутый пожаръ. Выше мы высказали предположеніе о первоначальномъ заселеніи окраины Неревскаго конца, у Звѣринца, Людинами-ратниками. Борковъ поселокъ занятъ былъ, надобно полагать, ими же; во всей мѣстности этой окраины церкви посвящены, какъ мы видимъ, воинамъ-мученикамъ: Дмитрію Селунскому, Георгію Побѣдоносцу и Борису и Глѣбу,—послѣдняя на Гзени, недалеко отъ Звѣринскаго монастыря,—что вполнѣ подходитъ къ военному поселенію. Разбрасываться въ разныя стороны, отдѣльными дворами, ратники не могли, по свойству своихъ обязанностей, имъ необходимо было жить вблизи двора начальника; но ничто не мѣшало имъ шириться равномѣрно,—или по округленной площади, или въ ту сторону, гдѣ, по роду занятій, было удобнѣе. Широкій проѣздъ, которымъ мы отдѣляемъ Побережье отъ Неревскаго конца въ тѣсномъ смыслѣ, представляется наиболѣе подходящимъ въ этомъ отношеніи; названія поселковъ Побережья могли, какъ мы предположили, соотвѣтствовать именамъ военачальниковъ; возможно что и самое Побережье, судя по значительности площади Широкаго проѣзда, было первоначально обнесено, со стороны проѣзда, окопомъ, за которымъ, по направленію къ гражданскимъ поселкамъ, шло поле въ приписываемомъ ему нами смыслѣ. Когда этотъ окопъ уничтожили, на мѣстѣ его получился Широкій проѣздъ. Борковъ поселокъ самый дальній, по отношенію къ Дѣтинцу и малому валу, представляется намъ, какъ и предыдущіе два, тоже военнымъ, отодвигавшимся сюда постепенно, при военачальникахъ Щирко, Даньславѣ и Борковѣ, уже послѣ уничтоженія окопа Побережья при послѣднемъ;—при немъ, вѣроятно, на мѣстѣ окопа поставлены были тогда же дворы Людиновъ-ратниковъ. Въ то время, когда образовался Яневъ поселокъ,—мѣстность вдоль окопа его могла получить названіе Янева же поселка, или Яневой улицы, и сохра-

нять оное на всемъ пространствѣ своего протяженія въ ту, и въ другую сторону отъ военнаго поселка того же имени, то есть вправо къ Звѣринцу, и влѣво къ Лучинской улицѣ. Если „Янъ“ не замѣняетъ имени „Яковъ“, въ такомъ случаѣ та часть поселка, на которой возникла Яковлевская церковь, стала называться иногда, послѣ построенія этой церкви, и Яковлею улицею, сохраняя, какъ мы видѣли въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, коегдѣ и прежнее свое наименованіе Яневой. Отъ малаго вала проѣздъ къ мѣстамъ погребенія умершихъ и къ священному Звѣринцу существовалъ, какъ до христіанства (Веселая горка и Лазаревскій холмъ или курганъ), такъ и послѣ крещенія, потому что на Лазаревскомъ холмѣ въ 1098 году, а затѣмъ далѣе въ Звѣринцѣ и близъ него,—были монастыри; проѣздъ тянулся вдоль побережья и, получивъ названіе отъ перваго военнаго поселка, оставался въ народномъ говорѣ съ нимъ и послѣ сооруженія Яковлевской церкви, лишь мало по малу вытѣснившей это названіе и замѣнившей его Яковлевою улицею. Послѣдній военный поселокъ, Борковъ, не далъ своего имени всему проѣзду въ народномъ говорѣ древности, а лишь части близъ церкви; но лѣтописецъ, хотя и поздняго времени, назвалъ въ одномъ мѣстѣ, подъ 1600 годомъ, нашъ Широкій проѣздъ Борковою улицею: „загорѣся на Софійской сторонѣ, на Борковой на большой улицы, и горѣло по Розважу, а къ Дмитрію святому до конца“ (III Нов. лѣт. стр. 264). На одной этой отмѣткѣ, какъ помѣщенной въ третьей лѣтописи, мы не остановились-бы, тѣмъ болѣе, что ее нельзя понимать, какъ думаютъ Муравьевъ и Красовъ, первый особенно, будто Боркова шла до Розважи, но въ названіи улицы Борковой большою видится отраженіе имени улицы Великой, находившейся на мѣстѣ нашего Широкаго проѣзда, и упоминаемой подъ 1477 и 1530 годами, одинъ разъ по случаю пожара, начавшагося отъ Розважи улицы и истребившаго пространство „до Борковы улицѣ, Побережье все *до Великой улицы*“ (IV Нов. лѣт. годъ 6985, стр. 130),—а другой—когда говорится о Московскихъ дьякахъ, которые размѣривали улицы на Софійской сторонѣ: „и начаша мѣрити Великую улицу отъ Володимерскихъ воротъ прямо въ конецъ“ (Соф. Времен. Ч. II, стр. 370). Такимъ образомъ улицы—Большая третьей лѣтописи и Великая четвертой и Софійскаго Временника—приходятся на Широкомъ проѣздѣ; а Большая—это Боркова, по третьей. Слѣдовательно Борковъ поселокъ передалъ свое имя, впослѣдствіи, и Широкому проѣзду, подобно тому, какъ раньше возникновенія его, тотъ же проѣздъ носилъ имя поселка Янева.

По приведеннымъ здѣсь основаніямъ мы называемъ въ разныхъ мѣстахъ записки нашей нынѣшнюю Дмитріевскую улицу: Широкимъ проѣздомъ, Яневою, Яковлевою, Борковою и Великою улицами.

На Знаменскомъ рисункѣ Борковъ поселокъ показанъ послѣднимъ къ внушнему валу въ Побережьи,—а улица его имени т. е. Широкій проѣздъ, что теперь Дмитріевская, отдѣляетъ все Побережье отъ Кончанскихъ Неревскихъ участковъ.

Мы сказали, что и Красовъ и Митрополитъ Евгеній правы, отводя для Борковой улицы мѣстность на западъ къ нынѣшней Петербургской и

на полночь къ Тихвинской церкви. Какъ гражданскіе поселки, возникшіе близъ военныхъ—Янева, Щиркова и Даньславля, разростаясь въ стороны, еще свободныя отъ построекъ, сохранили первоначальное названіе по имени военныхъ до XVII вѣка, такъ и поселки отъ Боркова—военнаго ширились, гдѣ было мѣсто для постройки новыхъ дворовъ, въ разныхъ направленіяхъ, сохраняя первоначальное свое имя. Боркова улица, какъ Кончанскій участокъ, возникшій уже послѣ первыхъ трехъ, могла вдаваться въ каждый изъ нихъ клиньями, болѣе или менѣе широкими и длинными.

По Нарядной описи, объясняемой Митрополитомъ Евгеніемъ, въ нашемъ Борковѣ поселкѣ было три проѣзда къ Волхову: Щуровъ, Чедерскій и Черковскій (Разговоры, стр. 75). Красовъ помѣщетъ ихъ, подъ именемъ улицъ, между Даньславлею и Большимъ (т. е. внѣшнимъ) землянымъ валомъ (стр. 47). Но направленія не указываетъ. Для нашихъ цѣлей достаточно одного указанія Митрополита Евгенія. Мы видѣли, что поселокъ Даньславля имѣлъ направленіе на полночь, къ западу болѣе, чѣмъ къ востоку. Если послѣдніе три проѣзда переходили за Широкій, ничто не мѣшало имъ оканчиваться у Даньславля, или упираясь въ него, или вдаваясь въ этотъ Кончанскій участокъ клиньями. Если, какъ объясняетъ Митрополитъ Евгеній, три проѣзда начинались всѣ отъ берега, они всѣ могли лежать и по назначенію Красова, между валомъ и Даньславлимъ участкомъ.

Проѣзды.

При разсмотрѣніи Кончанскихъ участковъ Славенской стороны мы видѣли небольшіе проходы и проѣзды изъ одного участка въ другой и называли ихъ улками и проулками, иногда проходами. По отношенію къ сторонѣ Неревской эти названія правильнѣе замѣнить проѣздами вообще, что мы и сдѣлали, когда встрѣчались съ улками, проулками и проходами въ Побережьи и въ описанныхъ уже поселкахъ. Нѣкоторые изъ проѣздовъ имѣли протяженіе чрезъ весь Неревской конецъ, или чрезъ наибольшую часть всей его площади. Быть можетъ они имѣли значеніе самостоятельныхъ Кончанскихъ участковъ, но свѣдѣній вообще о такихъ участкахъ мало; въ письменныхъ памятникахъ встрѣчаются улицкіе старосты, но какія именно улицы имѣли своихъ старостъ, намъ извѣстно весьма мало. Поэтому, называя поселками и Кончанскими участками широко застроенныя площади, мы будемъ называть площади узкія, длинныя или короткія—вообще проѣздами, впредь до открытія новыхъ памятниковъ, въ которыхъ найдутся названія старостъ того или другого Кончанскаго участка, относимаго нами къ проѣздамъ.

Козьмодемьянскій.

Проѣздъ этотъ, какъ улица, упоминается въ 1234 году, по поводу пораженія Новгородцами на Ловати Литвы, въ дѣлѣ съ которою въ числѣ

убитыхъ названъ „Гостильцъ" съ Кузмодемьяни улицы (I Нов. лѣт. годъ 6742, стр. 50). Митрополитъ Евгеній ведетъ этотъ проѣздъ съ Волховскаго берега прямо къ Козьмодемьянской церкви, которая стояла въ его время между нынѣшнею Петербургскою улицею и Тихвинскою церковью, и называлась,—въ отличіе отъ другой, ей соименной, стоявшей на мѣстѣ нынѣшней Тихвинской, на поселкѣ Холопьемъ,—Козьма и Даміанъ на Козьмодемьянской улицѣ. Эта-то улица и составляла нашъ проѣздъ. И. И. Красовъ, не оспаривая Евгенія, ведетъ Козьмодемьянскую улицу до самаго вала, гдѣ былъ Спасскій монастырь, и даетъ ей внутри города мѣсто между Розважей, по его опредѣленію ея направленія, и Холопьей (стр. 55); по нашему же положеніе Козьмодемьянскаго проѣзда будетъ между Щерковымъ и Даньславлимъ поселками,—что подтверждается отмѣткою лѣтописи подъ 1403 г.,—впрочемъ сомнительной,—о построеніи въ этомъ году каменной Козьмодаміанской церкви на Даньславлѣ улицѣ (III Нов. лѣт. стр. 234). Но если проѣздъ во времена самобытія былъ извилистый, и если Митрополитъ Евгеній и Красовъ ведутъ Козьмодемьянскую улицу „впрямь по-московски",—будутъ одинаково правы и составитель основнаго сборника третьей лѣтописи и оба осторожные изслѣдователи мѣстоположенія древняго Новгорода. Однакожъ въ перволѣтописныя и самобытныя времена Козьмодаміанскій проѣздъ не выходилъ на берегъ Волхова, онъ оканчивался у Побережья, начинаясь отъ внѣшняго вала, съ Вотьской, или Воцкой, дороги.

Холопій.

Мы видѣли Холопій поселокъ; проѣзды изъ него къ Побережью и чрезъ него къ сосѣднимъ поселкамъ несомнѣнно существовали съ древнѣйшихъ временъ. На одномъ изъ нихъ, ближайшемъ къ Побережью, поставлена, какъ сказано уже, въ 1146 году, первая по времени сооруженія Козьмодаміанская церковь. Къ XVII вѣку Холопій проѣздъ былъ только одинъ, выпрямленный по-московски. Митрополитъ Евгеній ведетъ Холопью улицу, замѣнившую нашъ проѣздъ, отъ Волхова, мимо полуденной стороны Дмитровской церкви, на западъ прямо, и оканчиваетъ на Петербургской улицѣ. Красовъ начинаетъ эту Холопью улицу тоже съ Волховскаго берега, но почти съ средины нашего Побережья, а не съ восточно-полночнаго конца его, какъ Евгеній,—направляетъ на нынѣшнюю Тихвинскую церковь и уже отъ нея выводитъ на Петербургскую улицу, изгибая на этомъ пространствѣ Холопью дугообразно (стр. 59).

На Знаменскомъ изображеніи Козьмодемьянскій проѣздъ не примѣтенъ; Холопій же написанъ прямымъ—широкимъ, направляющимся отъ Побебежья къ церкви, на мѣстѣ которой стала нынѣшняя Тихвинская. На чертежѣ Попова Холопій проѣздъ означенъ такъ, какъ ведетъ его Красовъ.

Яковлевъ.

Извѣстно уже, что первое упоминаніе о Яковлевѣ проѣздѣ, какъ объ улицѣ, относится къ 1135 году, и что, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ XVI вѣка, церковь Сорока мучениковъ обозначалась—или на этомъ проѣздѣ, или на Яневѣ улицѣ. Такія данныя послужили для насъ поводомъ считать поселокъ Яневъ Яковлевымъ и обратно. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ лѣтописи, о судьбѣ Яковлевской церкви мы видимъ, что въ пергаментномъ и Татищевскомъ сборникахъ, а равно и въ первой Новгородской лѣтописи ни разу изъ всѣхъ пяти отмѣтокъ объ этой церкви, подъ годами: 1172 (указанія страницъ беремъ изъ I Нов. лѣт.—стр. 15),—1175 (стр. 16),—1208 (стр. 30),—1226 (стр. 42)—и 1299 (стр. 66)—ни въ одной не сказано, что-бы эта церковь стояла на Яковли улицѣ. Поэтому мы и не относимъ Яковлевой улицы къ самостоятельнымъ поселкамъ, съ значеніемъ Кончанскихъ участковъ временъ перволѣтописныхъ и самобытныхъ, признавая ее въ наибольшой части площади за Яневу,—и называя только проѣздомъ. По положенію церкви Св. Іакова,—на проѣздѣ между нашими поселками Щирковымъ и Даньславлимъ,—тутъ не могло образоваться особеннаго поселка, за неимѣніемъ свободнаго пространства для построекъ. Впослѣдствіи, при Московскомъ направленіи улицъ, Яковлевъ проѣздъ выпрямили и съ того времени онъ сдѣлался улицею въ нынѣшнемъ смыслѣ.

Митрополитъ Евгеній, при которомъ Яковлевская церковь еще существовала,—она пала отъ ветхости, какъ выше сказано, въ 40 годахъ текущаго столѣтія,—ведетъ улицу ея имени отъ Волховскаго берега по правую сторону этой и Пантелеймоновской, нынѣ существующей, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Никоно-Кочановской,—церкви къ внѣшнему валу, къ церкви Св. Мины и Виктора (Разговоры, стр. 74). И. И. Красовъ не соглашается съ Евгеніемъ лишь относительно направленія разсматриваемаго проѣзда и доказываетъ, что Яковлева улица Нарядной описи шла не поправую, а по лѣвую сторону церквей ея имени и Пантелеймоновской. Но это разногласіе изслѣдователей не существенно и легко устраняется: Митрополитъ Евгеній правою стороною церквей считаетъ ту, которая приходится на право отъ зрителя, стоящаго лицомъ къ алтарю, на востокъ, а Красовъ—обратно.

Существующая нынѣ Пантелеймоновская церковь служитъ вѣрнымъ указаніемъ мѣста Яковлевскаго проѣзда: отъ нея на полночь, нѣсколько къ западу, въ сторону внѣшняго вала, а въ береговую сторону,—отъ нея на востокъ.

Изъ приведеннаго въ статьѣ о Даньславлевѣ поселкѣ памятника 1688 года видно, что противъ двора Мурашева на Вороньемъ проулкѣ приходился дворъ Вяжицкаго монастыря. По акту 1583 года Вяжицкимъ монастыремъ купленъ дворъ на Яковли и Дослани улицахъ (Акты Юридич., стр. 224, № 94). Изъ сопоставленія обоихъ памятниковъ оказывается, что Яковлевъ проѣздъ тянулся именно между нашими Даньславлимъ и Щирковымъ по-

селками, и что между нимъ и внѣшнимъ валомъ, чрезъ поселокъ Даньславль, прошелъ Вороній проулокъ уже послѣ 1583 года, такъ что Вяжицкій дворъ оказался между нимъ и Яковлевымъ проѣздомъ, хотя и въ томъ же Даньславнѣ поселкѣ, чрезъ столѣтіе послѣ покупки.

На Знаменскомъ изображеніи и на чертежахъ Попова и 1778 г. площадки церквей Яковлевскаго проѣзда показаны. Теперь на мѣстѣ восточнаго направленія Яковлевской улицы Нарядной описи стелется улица Николаевская (по имени Св. Николая Кочанова), а въ полночно-западномъ Мининская, нѣсколько сдвинутая къ востоку отъ дома Земской больницы.

Звѣринскій.

Продолженіе Широкаго проѣзда вдоль нашего Побережья за внѣшній валъ, къ Звѣринцу, и впослѣдствіи къ монастырямъ Лазаревскому, Николы Бѣлаго и Звѣринскому, существовало въ вѣка долѣтописные и существуетъ до сихъ поръ. Собственнаго имени оно не имѣло, или точнѣе, лѣтопись не даетъ никакихъ свѣдѣній о немъ до XVI вѣка. Да и въ это время упомянуты,—въ дополнительной къ Разрядному и Разметному спискамъ о сборѣ въ 1545 году зелья (т. е. пороху) и свинцу для похода подъ Казань,—грамотѣ 29 Февраля,—улицы Петровская, Никольская и Лазаревская Неревскаго конца, подъ которыми, по соименности ихъ церквамъ, лежавшимъ вправо отъ проѣзда въ монастырь Звѣринскій, можно разумѣть загородные поселки, а не названіе самаго проѣзда (Ак. Арх. Эксп. Ч. I, стр. 185, № 205). Въ Геннадіевомъ обходѣ 1493 г. (о немъ см. выше) то-же названа Петровская улица, но та находилась по другую сторону внѣшняго вала, между Гончарскимъ концомъ и Синичьею горою, гдѣ теперь Петровское кладбище. Геннадій шелъ отъ Алексѣя Святого,—что за рвомъ внѣшняго вала, гдѣ теперь деревянная часовня въ самомъ началѣ слабоды, на правой рукѣ,—вспольемъ къ Духу Святому; „да дошедъ Петровскія улици сталъ и велѣлъ октенью говорить и молебенъ совершилъ; и послѣ пошелъ къ Чюдинцовѣ улици“ (II Нов. лѣ. годъ 7001, стр. 146). Въ этомъ же обходѣ названъ Петровскій мостъ:—„а изъ Духова монастыря Архіепископъ послалъ священниковъ и діаконовъ со кресты, и велѣлъ имъ молебенъ пѣти вокругъ тѣхъ дворовъ, которыи самъ не обшемъ, и пошелъ къ Петровскому мосту, а отъ Петровскаго мосту къ рѣкѣ и шелъ берегомъ до Яневы улици“ (тамъ-же). Очевидно это мостъ чрезъ ровъ близъ Петропавловской церкви, нынѣ существующей, за внѣшнимъ валомъ, на проѣздѣ къ Звѣринскому монастырю; онъ показанъ именно тутъ на чертежѣ 1778 года. Въ III Новгородской лѣтописи, въ отмѣткѣ подъ 1406 годомъ, о сооруженіи названной церкви Петра и Павла, сказано, что ее ставили на Панской улицѣ (III Нов лст. годъ 6914, стр. 234). Ни въ одной изъ прочихъ лѣтописей, болѣе древнихъ, чѣмъ основной сборникъ третьей, о Панской улицѣ не упоминается. Но въ Нарядной описи перечислены улицы Неревскаго конца

за городомъ, т. е. Неревскаго-Загородскаго (Татарская, Петровская, Новая, Лазарева, Никольская, Глотовская и Савина), и противъ одной изъ нихъ, Петровской, сказано: „прежде именовавшаяся Панская“ (Разговоры, стр. 77). По объясненію Митрополита Евгенія „она простиралась внизъ (сравнительно съ положеніемъ Духова монастыря?) къ нынѣшней церкви Петра и Павла“ (тамъ-же). Эта же Петровская, а прежняя Панская, названа и въ числѣ четырехъ улицъ Неревскаго-Петровскаго конца (Петровской, Чудской, Звѣринской и Новой Кузнецкой): противъ ней отмѣчено: „Отъ рѣки Волхова къ Петропавловской нынѣшней церкви“ (тамъ-же). Такимъ образомъ изъ Нарядной описи мы усматриваемъ, что ни Панская, ни Петровская улицы не приходились на проѣздѣ къ Звѣринскому монастырю;—одна только Звѣринцова могла, судя по названію, ему соотвѣтствовать. Поэтому мы и называемъ продолженіе Широкаго проѣзда за внѣшній валъ—Звѣринскимъ.

Заполья.

При объясненіяхъ о мѣстахъ, на которыхъ стояли лѣтописныя церкви Неревской стороны, упомянуты Заполья. Во времена самобытія они составляли новые концы; Заполья же появились уже около половины XVI вѣка и, по нашему мнѣнію, по выпрямленіи проѣздовъ между древними поселками, съ присвоеніемъ названія улицъ имъ только, а не Кончанскимъ участкамъ. Въ Неревскомъ концѣ образовались и помѣщены въ Нарядной описи 1623 года Заполья: Кузьмодемьянское, Черковское и Яневское, частію на концахъ одноименныхъ съ ними улицъ, близъ внѣшняго вала внутри города, частію за валомъ, противъ этихъ улицъ. Кузьмодемьянское занимало пространство, приблизительно, между монастырями Звѣринскимъ и Духовымъ по обѣ стороны внѣшняго вала; Черковское,—по опредѣленію Митрополита Евгенія,—между Петропавловскою церковью и берегомъ Волхова—сряду за валомъ,—а Яневское тамъ, гдѣ мы видѣли мѣстность „Кузнецы“, т. е. между западнымъ концемъ поселка Щиркова,—по концамъ нынѣшнихъ улицъ Конюшенныхъ, прилегающихъ къ валу, противъ тюрьмы,—и Петербургскою улицею. Относительно Черковскаго мы дадимъ объясненія при разсмотрѣніи Запольевъ слѣдующаго конца, считая его за Щирковское.

Загородной конецъ.

Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ, И. И. Красовъ и всѣ, писавшіе о мѣстоположеніи древняго Новгорода, опредѣляютъ пространство Загороднаго конца площадью улицъ Чудинцевой и Прусской и Митрополичьяго острова. Основаніемъ для такого опредѣленія они всѣ принимаютъ Нарядную опись 1623 г.

Изъ предшествующихъ настоящему изложенію объясненій видно, что расположеніе поселковъ Неревскаго конца во времена самобытія Новгорода, не соотвѣтствовало раздѣленію площади его на улицы въ XVI вѣкѣ, при Московскомъ державствѣ. Тоже самое мы увидимъ и въ остальныхъ концахъ лѣвой половины города. Поэтому въ опредѣленіи пространства Загородного конца мы будемъ руководствоваться не Нарядною описью, а обстоятельствами и свидѣтельствами, восходящими къ вѣкамъ болѣе древнимъ.

Всѣ вообще изслѣдователи Новгородскихъ древностей называютъ срединный конецъ Загородскимъ,—мы же—Загороднымъ, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ;—всѣ они относятъ улицы Росткину, Хревкову и Легощую къ Неревскому концу, мы же къ Загородному, при чемъ послѣднюю улицу называемъ Людгощею.

Неревской конецъ мы оканчиваемъ предъ площадью нынѣ существующей церкви Св. Ѳеодора Стратилата и мѣстомъ, на которомъ стояла церковь Константина и Елены, и къ которой подходилъ конецъ Росткиной улицы, а по нашему—Росткина проѣзда. При такомъ опредѣленіи полночно-восточной границы Загородного конца или, что тоже, западно-полуденной Неревскаго, церкви: Тироновская, Константино-Еленинская, Предтеченская-Росткинская и Гавріило-Архангельская отойдутъ къ Загородному—временъ самобытія. Преосвященный Макарій, перечисляя упраздненныя церкви Софійской стороны, помѣщаетъ Константино-Еленинскую и Гавріило-Архангельскую также, какъ и мы, въ Загородномъ концѣ,—но не указываетъ основаній (Опис. церк. древ. Ч. I, стр. 226).

Срединный конецъ Неревской стороны мы называемъ Загороднымъ потому, что онъ обнесенъ былъ въ перволѣтописныя вѣка особымъ огражденіемъ, сверхъ того, которое охватывало Дѣтинецъ. По нашему мнѣнію слово *Загородной* точнѣе опредѣляетъ положеніе мѣстности, находящейся внутри города и обнесенной особою оградою, чѣмъ *Загородскій*, указывающій на положеніе мѣстности за городомъ. Въ долѣтописныя и перволѣтописныя времена площадь нашего Загородного конца входила вся въ Загородье, такъ что она приходилась не за Каменнымъ городомъ, а вокругъ него. Впослѣдствіи, когда Загородье сокращено было и ограничено предѣлами малаго вала, срединный конецъ оказался за Каменнымъ городомъ; съ того времени и названіе *Загородскаго* для него болѣе соотвѣтственно, чѣмъ *Загородного*.

За основаніе опредѣляемаго нами пространства конца Загородного мы принимаемъ слѣдующія данныя:

Заселеніе лѣваго берега Волхова противъ Славенской стороны мы относимъ, по слоевымъ, обнаруженнымъ раскопками, указаніямъ, къ тому же времени, когда возникло первое поселеніе на Славенскомъ холмѣ, а возведеніе Дѣтинца къ нѣсколько болѣе позднему,—для защиты правой стороны нынѣшняго города;—но и это позднее время признаемъ опередившимъ, какъ увидимъ въ отдѣлѣ о бытовыхъ остаткахъ, на много вѣковъ начальную Русскую лѣтопись.

Въ статьяхъ о Загородьи и Побережьи высказаны предположенія, съ указаніемъ основаній, объ охранно-передовомъ значеніи ихъ; тоже значеніе увидимъ и въ городѣ Кромномъ при объясненіи участковъ Людина конца. Въ первой изъ названныхъ статей высказано мнѣніе, предложенное и раньше изложенія ея нѣсколько разъ, что пространство, разстилающееся за Дѣтинцемъ на западъ и на полночь, заселено было Людинами-стражниками. Такимъ образомъ уже изъ предшествующаго настоящему изложенія записки видно, когда и при какихъ условіяхъ установилось заселеніе мѣстности на западо-полночь отъ Дѣтинца; здѣсь мы скажемъ точнѣе: оно вызвано необходимостью передовой охраны Дѣтинца съ этой стороны, въ предупрежденіе нападенія внезапнаго и въ огражденіе его отъ метательныхъ снарядовъ древности, придуманныхъ для разрушенія окоповъ и для пораженія скрывающихся за ними тучею выбрасываемыхъ подобными снарядами камней; въ Новгородской лѣтописи такіе снаряды называются „порокы". Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ извѣстно, что Новгородскія дружины предпочитали честный, открытый бой, съ стрѣлами, копьями и мечами въ рукахъ, лицомъ къ лицу съ противниками,—потому для Людиновъ-ратниковъ открытое широко мѣсто боя было необходимо;—въ окопахъ нуждались ихъ семьи и имущество; такимъ широко-открытымъ мѣстомъ и было свободное отъ дворовъ частныхъ лицъ пространство за Дѣтинцемъ, во всю длину его. Слѣдовательно Загородной конецъ—это продолженіе нашего Загородья на западо-полночь, расширявшееся, по мѣрѣ удаленія отъ Дѣтинца, въ сторону дремучихъ лѣсовъ, которыми пробирались къ городу скопища хищниковъ.

Предѣломъ Загородного конца полночно-восточнымъ мы признаемъ церкви Стратилатовскую и Константино-Еленинскую потому, что—во 1-хъ, рядомъ съ Стратилатовскою была Ѳеодоро-Тироновская, основанная въ 1115 году Войгостемъ, то есть гостемъ-воиномъ, или наемнымъ военачальникомъ Людиновъ. Оба Св. мученика Стратилатъ и Тиронъ—были воители и почитаются помощниками и хранителями воиновъ. Во времена болѣе позднія, въ 1413 году, невдалекѣ отъ Ѳеодоровскихъ церквей поставлена была, на Хревковѣ улицѣ, относимой нами къ Загородному концу, Владыкою Іоанномъ „съ воеводами Новогородскыми и съ вои ихъ, что были у Выбора, и пометомъ христіанскымъ, церковъ камену соборъ Архангела Гавріила" (I Нов. лѣт. годы 6919 и 6921, стр. 104 и 105). Новгородцы года за два предъ этимъ одержали важную побѣду надъ Шведами подъ Выборгомъ „въ 26 день Марта на съборъ Архангела Гавріила". Архангелъ Гавріилъ чтится церковью какъ Архистратигъ, начальникъ небеснаго воинства и защитникъ рати, воюющей на землѣ за правое дѣло. Храмъ Гавріила находился, какъ мы знаемъ на Новинкѣ, недалеко отъ Загородья послѣдняго вѣка самобытія. Очевидно воеводы—побѣдители избрали мѣстомъ для храма имени воеводы небеснаго площадь Загородного конца не случайно, а потому, что здѣсь съ незапамятныхъ временъ были военные поселки.

Происхожденіе названія улицы Людгощею уже объяснено. Изслѣдователи нашихъ древностей называютъ ее „Люгощею" и, по теперешнему,

„Легощею“, и никогда—„Людгощею“. Между тѣмъ лѣтопись знаетъ ее подъ „этимъ послѣднимъ именемъ“; напримѣръ: пожаръ 1407 года описывается въ Татищевскомъ сборникѣ такъ: „Погорѣ Неревскій конецъ до города и святаа Софіа погорѣ вся, и дворъ владычнь, и *Людгоща* улица (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 678). Подъ этимъ же именемъ ее знали и мѣстные насельники половины XIV вѣка: въ нынѣ существующей церкви Флора и Лавра, на Легощей, хранится деревянный рѣзной крестъ, съ отживленными изображеніями распятія Господня и разныхъ святыхъ въ 19 кружахъ. Къ великому прискорбію этотъ драгоцѣнный памятникъ древности время отъ времени поновляется позолотою и письмомъ. Подъ распятіемъ, внизу креста, вырѣзана надпись: „Въ лѣто ҂ѕѿѯз индикта ві поставленъ бысть крестъ си Господи Іисусе Христе помилости вся христьяны на всякомъ мѣстѣ молящася Тобѣ вѣрою чистымъ сердцемъ и рабомъ Божіимъ помози поставившимъ крестъ си *Людгощичамъ* и мнѣ написавшему—Ф—с.“,—далѣе непонятно (надпись приведена по чтенію Макарія, въ опис. Нов. церк. древ. Ч. II, стр. 129).

По преданію, содержимому причтомъ нынѣшней Флоровской церкви, этотъ крестъ и древній образъ Симеона Столпника перенесены сюда изъ упраздненной церкви Симеоновской, деревянной, находившейся въ Чудинцевской улицѣ (Макарій, церк. древ. Ч. II, стр. 130, примѣч. 246. Древности Импер. Моск. Археолог. Общ. Ч. X, Протоколы, стр. 88). Мы не видимъ поводовъ не довѣрять этому преданію, такъ какъ на Чудинцевской улицѣ была церковь Св. Симеона Столпника, сооруженная каменною въ 1392 году, несомнѣнно на мѣстѣ прежней деревянной, которая могла сгорѣть въ пожаръ, 1391 года; одинъ изъ нихъ, начавшійся, 21 Іюня, на Прусской улицѣ у Введенской церкви, истребилъ 7 церквей деревянныхъ и повредилъ 4 каменныхъ (1 Нов. лѣт. годъ 6899, стр. 95). Возможно, что въ числѣ семи деревянныхъ была и Симеоновская, престольный образъ и крестъ которой вынесли въ Флоровскую. Если это такъ, то мнѣніе наше объ улицѣ Людгощей, какъ о широко-раскинутомъ военномъ поселкѣ, найдетъ въ крестѣ и въ преданіи вѣское доказательство.

Итакъ полночно-восточная граница Загороднаго конца, охватывала церковь Ѳеодора Стратилата и площади не существующихъ Константина и Елены и Архистратига Гавріила.

Полуденно-западная граница разсматриваемаго конца шла въ древности вдоль полуденной стороны нынѣшней ограды Десятиннаго монастыря и направлялась почти по прямой къ Троицкой церкви, примѣрно, къ срединѣ разстоянія между нею и горкою, на которой хранится Екатерининская лодка. Эта древняя граница обнимала все Загородье и Новинку, образовавшуюся между XV и XVI вѣкомъ;—а также церкви, кромѣ Новинскихъ—береговыхъ (обѣихъ Васильевскихъ и Образовой), нынѣ существующую Власьевскую и давно упраздненную Яковлевскую на Добрыниной улицѣ. Въ статьѣ о Загородьи приведены подробно данныя и соображенія относительно западно-полуденной границы древняго Загороднаго конца. Припомнимъ здѣсь, что у церкви Св. Іакова на Добрыниной улицѣ жилъ списа-

тель пергаментнаго сборника, священникъ ея, Германъ или Гермогенъ, по прозванію Воята (Журн. Мин. Народ. Просв. 1852 г. № 7). Вѣроятно онъ ходилъ на войну съ своими прихожанами, Людинами-ратниками. Въ концѣ нынѣшней Прусской улицы, у самаго внѣшняго вала, была, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, Вознесенская церковь. Первоначальное основаніе ея относится, по лѣтописямъ Софійской-Академической и Николо-Дворищенской, къ 1092 году и приписывается первою, изданною въ неисправнѣйшемъ видѣ, съ грубѣшими ошибками, Милониту Кищнику, а второю—Милонѣгу (Соф. Акад. стр. 142;—Лѣт. Никол. Двор. въ Пол. собр. Русс. лѣт. Ч. XI, годъ 6600). Первая Новгородская лѣтопись и Николо-Дворищенская говорятъ о заложеніи Вознесенской церкви въ 1181 г. каменною, вѣроятно на мѣстѣ прежней деревянной, притомъ одна основателемъ называетъ Милонѣга, а другая—Тысячскихъ Новгородскихъ. Калайдовичъ считаетъ этого самаго Милонѣга Посадникомъ (I Нов. лѣт. годъ 6693,—Калайдовичъ о Посадникахъ, стр. 97. Выписка изъ Николо-Двор. лѣт. у Макарія, Опис. др. Ч. I, стр. 187, примѣч. 127). Въ виду этихъ свѣдѣній мы полагаемъ, что въ Софійско-Академической слѣдуетъ читать вмѣсто „Милонитъ Кищникъ (торговецъ кишками?)—Милонѣгъ Тысчникъ или Тщникъ, подъ титломъ, то есть Тысячникъ. Подъ 1191 годомъ первая Новгородская лѣтопись называетъ, по поводу освященія Вознесенской церкви Владыкою Св. Григоріемъ, создателемъ ея Милонѣга Тысяцскаго (стр. 20, годъ 6699). Если строителями Вознесенской церкви были Тысячскіе,—получается еще доказательство заселенія Загородного конца Людинами-воинами. Западно-полночною границею служилъ окопъ, а противолежащая приходилась у Загородья или у рва, его окружавшаго.

Къ XIII или XIV вѣку древняя западно-полуденная граница измѣнилась,—взявъ отъ полуденной стѣны ограды нынѣшняго Десятиннаго монастыря, направленіе мимо Яковлевской и Власьевской церквей, по лѣвую сторону ихъ, къ малому валу и къ большой Покровской башнѣ Дѣтинца.

Представивъ вниманію знатоковъ рядъ доводовъ и соображеній о пространствѣ Загородного конца, несогласномъ съ опредѣленіемъ его почтенными предшественниками нашихъ изысканій о мѣстоположеніи древняго Новгорода, придерживающимися границъ Нарядной описи, разсмотримъ отдѣльные поселки, входившіе въ составъ этого конца.

Поселки Кончанскіе.

Основываясь на приведенныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ письменныхъ и другихъ, мы помѣщаемъ въ Загородномъ концѣ четыре поселка: Людгощій, Чудинцевъ, Прусскій и Владыченъ или Митрополичъ, равно проѣзды между ними и Заполья.

Людгощій.

Съ тѣхъ поръ, какъ образовался Людинъ конецъ, прежній поселокъ Людиновъ-ратниковъ,—на западъ и полночь отъ Дѣтинца,—вошелъ въ составъ Загородного конца, какъ участокъ его. Въ перволѣтописныя времена онъ назывался „Людгоща" или „улица Людгоща". Когда именно возникъ Людинъ конецъ, утвердительно сказать нельзя,—но до начала Русской лѣтописи; въ Ярославовомъ Уставѣ названы и Людинъ и Загородной, такъ: „Осменникомъ поплата въ Людинъ конецъ"—сказано въ первыхъ строкахъ,— и въ концѣ первой части: „А Цюдинцевѣ улици съ Загородци"—по списку Дубенскаго, и—„съ Загорожаны"—по Строевскому—„до городнихъ воротъ". Изъ послѣднихъ словъ можно-бы заключить, что во время изданія Устава въ дошедшихъ до насъ спискахъ Загородного конца еще не было, такъ какъ составная его часть, Чудинцевская улица, названа отдѣльно отъ Загорожанъ, или Загородцевъ; если-бы конецъ существовалъ, эту улицу незачѣмъ называть, она обнималась-бы словомъ Загорожаны. Но мы уже высказали, что Ярославовъ Уставъ облагаетъ мостовою повинностью—во 1-хъ, всѣхъ должностныхъ лицъ, получавшихъ отъ государства кормленіе за службу; во 2-хъ, жителей волостей, особенно часто посѣщающихъ городъ для своихъ выгодъ, по торговымъ дѣламъ,—и въ 3-хъ, городскихъ обывателей—чужестранцевъ, не имѣющихъ правъ гражданъ Новгородскихъ, но пользующихся удобствами и выгодами мѣстнаго благоустройства. Въ этихъ видахъ къ мостовой повинности въ городѣ были призваны, какъ сказано уже раньше, Прусы и Чудины—какъ чужеземцы и Загорожаны прочіе, какъ Людины-ратники, получавшіе кормленіе. Мы сказали, что въ составъ поселковъ Загородного конца входилъ и Митрополичъ островъ, обыватели котораго, люди владычніе, пользовались особыми льготами не только во все время самобытія, но и при Московскомъ державствѣ; они вполнѣ зависѣли отъ архіерея, который, наравнѣ съ прочими служилыми гражданами, несъ также мостовую повинность, которую отбывали въ числѣ прочихъ слугъ его, и Островитяне; если-бы Уставъ сказалъ только о Загорожанахъ, слуги Владычни, эти Островитяне, понесли-бы двойную повинность: какъ Загорожаны и какъ люди архіерейскіе. Разницу въ чтеніяхъ списковъ Дубенскаго и Строева можно объяснить или послѣдовавшимъ за время между изложеніемъ того и другаго отдѣленіемъ Загородья отъ Загородского конца въ особый поселокъ, или одинаковымъ значеніемъ обоихъ выраженій.

Съ тѣхъ же долѣтописныхъ временъ ведетъ начало и „Людгоща"—какъ поселокъ Загорожанъ Устава о мостахъ,—Людиновъ-ратниковъ.

Площадь его была обширна: начинаясь мѣстностью церквей Ѳеодора Тирона, Ѳеодора Стратилата, Константина и Елены и Архистратига Гавріила съ полночи къ востоку, она даже заходила до нынѣ существующей церкови 12-ти Апостоловъ, что въ огородѣ, гдѣ былъ въ древности Митрополичъ островъ,—въ направленіи на западъ къ полдню.

Протяженіе площади Людгощи въ западно-полуденную сторону мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ:

1) Въ обозрѣніи остатковъ и слѣдовъ церковныхъ древностей Неревской стороны, по Загородному концу, объяснено положеніе церкви Св. Николая Чудотворца и при ней монастыря, устроенныхъ „въ 1390 году въ концѣ Людгощей и Чудинцевы улицъ"; мы видѣли мѣсто ихъ близъ церкви 12-ти Апостоловъ, отъ нея на полночь къ западу. Преосвященный Макарій указываетъ развалину этого монастыря, въ видѣ сопки, на огородѣ Митрополичья острова (Опис. цер. древ. Ч. I, стр. 161, Примѣч. 81).

2) Подъ 1452 годомъ въ третьей лѣтописи отмѣчено: „Поставиша церковь каменную Св. Николая на Легощи улици, на полѣ, а старую разобрали" (годъ 6960, стр. 240). Хотя къ показаніямъ этой лѣтописи слѣдуетъ относиться осторожно, съ разборомъ, но приведенная отмѣтка ея находитъ подтвержденіе въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка; тамъ значится:— „Николы святого монастырь конецъ Легощи улици". (Въ книгѣ Д. И. Прозоровскаго Новгородъ и Псковъ, стр. 41); и въ отмѣткѣ первой Новгородской лѣтописи подъ 1390 г., гдѣ сказано: „поставиша монастырь новъ святого Николы конецъ Люгощей и Чюдинцевой улицѣ" (годъ 6898, стр. 95).

и 3) На полдень къ западу отъ церкви 12-ти Апостоловъ видны до сихъ поръ остатки того глубокаго рва, который названъ въ лѣтописи „пропастьми", и который былъ оградою древней границы нашего Загородья, съ поселенными на мѣстѣ указываемой нами площади Людгощи—Людинами-стражниками. Церковь Симеона Столпника, изъ которой перенесенъ сооруженный Людгощичами названный крестъ, стояла около Николаевскаго монастыря.

Въ описаніи пожара 1476 г. (IV Нов. лѣт.) сказано, что на Легощи горѣло до Іоанна Богослова. На Неревской сторонѣ самостоятельной церкви имени этого Святого не было; въ Софійскомъ соборѣ существуетъ и теперь придѣлъ Іоанна-Богословскій. Но была церковь Іоанна Предтечи въРосткинѣ монастырѣ; мѣсто ея указано выше. Вѣроятно составитель четвертой лѣтописи былъ не Новгородецъ и не зналъ точно имени Росткинской церкви. Считая, поэтому, сгорѣвшею въ 1476 году Предтеченскую-Росткинскую церковь, мы видимъ въ приведенной отмѣткѣ доказательство указаннаго протяженія Людгоща поселка къ Стратилатовской церкви, такъ какъ Росткинская находилась между нынѣшними Легощею и Лучинскою.

Границы разсматриваемаго поселка, полночная и полуденная, находились всегда въ зависимости отъ окоповъ—внѣшняго и внутренняго, между нимъ и Дѣтинцемъ во времена древнѣйшія, а въ болѣе позднія—между нимъ и малымъ валомъ.

Прослѣдить колебанія въ пространствѣ и границахъ Людгощи, при современномъ состояніи печатныхъ изданій письменныхъ памятниковъ древности, къ сожалѣнію, не представляется возможности; мы имѣемъ всего одинъ памятникъ, данную 10 Мая 1684 года, указывающій, что еще въ XVII вѣкѣ нашъ поселокъ занятъ былъ въ части, ближайшей къ Ѳедоро-Стратилатовской церкви, и даже на Щирковой улицѣ Московскаго порядка,

„подъ дворы Московскихъ стрѣльцовъ Семенова полку Нелидова, которые присланы въ Великій Новгородъ на вѣчное житье" (Макарій, Опис. арх. дома, стр, 117; взято изъ Консисторскаго архива старыхъ дѣлъ № 77). Вѣроятно стрѣльцы поселены тамъ же, гдѣ сидѣли Людины-стражники древности, какъ по памяти о военномъ значеніи поселка Людгощи, такъ и по одинаковой цѣли тѣхъ и другихъ: нести сторожевую службу на окраинѣ города, противъ Дѣтинца. Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ и И. И. Красовъ, признавая, на основаніи Нарядной описи, Легощу, или Люгощу улицу XVII вѣка, относящеюся къ Неревскому концу и бывшею граничною между этимъ концомъ и сосѣднимъ Загородскимъ (по чтенію описи), ведутъ ее по нынѣшней того же имени. По сравненію съ чертежами Попова и 1778 г., нынѣшняя Легощая нѣсколько отклонилась на западъ къ полдню, то есть къ Чудинцевской улицѣ; но отклоненіе невелико, не больше 5—6 саженъ.

На Знаменскомъ изображеніи положеніе Людгощаго поселка представлено въ томъ видѣ, какой ему соотвѣтствуетъ, по мѣсту церкви Св. Николая и монастыря при ней,—съ западно-полуденной стороны, и согласно заключенію нашему о полночно-восточной границѣ Загородного конца. Отъ самой большой изъ башенъ внѣшняго вала, или костровъ, сооруженія 1391 года, съ проѣзжими сквозь нее воротами, въѣздъ въ которыя заграждается желѣзною рѣшоткою, пролегаетъ, прямо съ запада на зимній востокъ, широкая дорога, ведущая къ надворотней башнѣ малаго вала. Въ повѣсти о взятіи Великаго Новаграда отъ нѣмецъ и о разореніи его въ 1611 году, составляющей особую приписку, или вставку, третьей лѣтописи, сказывается, что нѣкій измѣнникъ, бывшій въ плѣну у Шведовъ, человѣкъ Ивана Лутохина Ивашко Шваль, ввелъ осаждавшихъ въ городъ, въ ночь на 16 Іюля, чрезъ Прусскую и Чудинцовскую башни, такъ тихо, что стража, стоявшая по стѣнамъ внѣшняго вала и имѣвшая пушки и пищали, не замѣтила непріятеля. При бездѣйствіи тогдашняго воеводы Василья Бутурлина, который „съ мѣмецкими людми ссылашеся", возможно видѣть измѣну и въ немъ (III Нов. лѣт. стр. 265 и 266). По положенію башни съ желѣзною рѣшоткою на Знаменскомъ изображеніи, она соотвѣтствуетъ Чудинцовской „повѣсти", а широкая дорога—проѣзду между поселками Людгощимъ и Чудинцевскимъ, то есть западно-полуденной границѣ нашего поселка; нынѣшняя Чудинцева улица приходится много дальше на полночь отъ этой широкой дороги, она идетъ прямо съ запада на востокъ, противъ Чортовой или Застѣночной башни Дѣтинца, гдѣ теперь Музей. На полночно-восточной границѣ нѣтъ такого же широкаго проѣзда, какъ Чудинцевскій; здѣсь, отъ церкви Ипатія (она недалеко отъ внѣшняго вала, у сада)—идетъ извилистый проулокъ, направляющійся сперва къ церквамъ Стратилатовской и Тироновской, затѣмъ, оставляя ихъ справа, отклоняется съ полночи на востокъ и выходитъ къ рву малаго вала. Но, кромѣ этого, тутъ же имѣются и другіе проходы и проулки въ разныя стороны; разобраться въ нихъ и найти тотъ, который былъ граничнымъ Людгощаго поселка, затруднительно,—

поэтому вопросъ объ истинномъ направленіи его оставимъ открытымъ до обнаруженія новыхъ данныхъ.

Мы видѣли, что на Щирковѣ поселкѣ были, уже старинные къ 1684 году, земельные участки дома Премудрости Божіей. Въ 1688 году пожалована значительная площадь, 266 саженъ въ одну сторону и 45—въ другую, на Легощей улицѣ тому же дому; въ грамотѣ поэтому пожалованію значится, что описанная въ ней площадь пуста, и что на ней много безтяглыхъ мѣстъ, дворянскихъ, боярскихъ дѣтей, приказныхъ и церковныхъ причетниковъ (Макарій, Опис. Новг. арх. дома, стр. 114). Въ какомъ мѣстѣ могла быть эта площадь, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Примѣняясь къ нынѣшнему расположенію улицъ и площадей, мы проводимъ межи поселка Людгощаго такъ: съ западо-полдня—прямою отъ въѣзда въ Дѣтинецъ на западъ къ внѣшнему валу, чрезъ Митрополичъ островъ, между церквами 12-ти Апостоловъ и Михаила Архангела на Прусской улицѣ, на первой четверти разстоянія Апостольской отъ Михайловской; а съ полночи къ востоку на полдень—по прямой между внѣшнимъ валомъ, противъ Малой Конюшенной и церковью Іоанна Архіепископа въ Дѣтинцѣ, внутри архіерейскаго двора. Такимъ образомъ для площади Митрополичьяго острова отсѣкается къ Людгощему поселку треугольникъ, вершина котораго на мѣстѣ дворянскаго дома, основаніе въ насыпи внѣшняго вала, полночно-восточная сторона на Чудинцевой улицѣ, а полуденно-западная внутри острова, между Апостольскою и Архангельскою церквами; ближе къ первой.

Чудинцевъ.

Всѣ изслѣдователи мѣстоположенія древняго Новгорода отводятъ для Чудинцева поселка, называя его всегда улицею, пространство между внѣшнимъ и малымъ валомъ, впрямь. Относительно времени послѣ самобытія—они правы, но до XV века этотъ поселокъ имѣлъ не ту площадь, которую онъ получилъ при Московскомъ выпрямленіи улицъ, хотя и касался обоихъ окоповъ, внѣшняго и внутренняго,—малаго.

Опираясь на лѣтопись и на бугры развалинъ церкви и монастыря Св. Николая, въ концѣ Людгощаго поселка, мы отодвинули западно-полуденную между его далеко отъ начала нынѣшней Чудинцевой улицы и внѣшняго вала, вдоль направленія его къ Десятинному монастырю, при чемъ церковь 12-ти Апостоловъ ввели въ нашъ Людгощій поселокъ. Между тѣмъ подъ 1230 годомъ отмѣчено, что по случаю голоднаго мора Владыка Спиридонъ „постави Скудельницу у святыхъ Апостолъ въ ямѣ на Прусьской улици“ (I Нов. лѣт. годъ 6738, стр 46). Въ этомъ же году, и по распоряженію того же Владыки „поставиша другую Скудельницу на поли, коньць Чюдиньчевѣ улици“ (тамъ-же, стр. 47). О Никольскомъ же монастырѣ мы знаемъ изъ отмѣтки подъ 1360 годомъ, несомнѣнной первой Новгородской лѣтописи, что онъ поставленъ „конецъ Люгощей и Чюдинцевы

улицы на Скудельницѣ". Слѣдовательно подъ обоими приведенными годами говорится—объ одной Скудѣльницѣ, у 12 Апостоловъ, на Прусской улицѣ, а о другой—на концѣ Люгощей и Чудинцевой. Развалины же Никольскаго монастыря видны были въ концѣ 50 годовъ, по словамъ Владыки Макарія, на западъ къ полночи отъ Апостольской церкви. Такимъ образомъ выходитъ, что у внѣшняго вала (Скудельня Никольская была *на полѣ*, по нашему объясненію этого выраженія) взаимно межевались противъ Апостольской церкви, нѣсколько къ западу или къ полночи отъ нея, поселки Людгощій и Чудинцевъ, а межою имъ служили „Пропасти". Апостольская же церковь приходилась, въ первой половинѣ XIII вѣка, на Прусскомъ поселкѣ, по свидѣтельству достовѣрной лѣтописи, или поблизости отъ него. Разстояніе этой церкви отъ внѣшняго вала не велико, меньше 60 саженъ. Если дать мѣсто подъ монастырь съ церковью Николы на Скудельницѣ, и принять ширину рва, называемаго „пропастьми",—тогда для Чудинцева поселка будетъ мѣсто только вдоль внѣшняго вала, въ сторону къ Десятинному монастырю, и то въ ширину не болѣе 60 саженъ, отъ вала къ прямой между церквами Апостольскою и Архангельскою, и за исключеніемъ рва, около 50 саженъ,—такъ какъ за этою воображаемою прямою пойдетъ уже Прусскій поселокъ, если Апостольская церковь была на его площади. Длина Чудинцева поселка придется немного болѣе ширины, потому что у самаго внѣшняго вала стояла, съ 1091 года, Воснесенская церковь Милонѣга, недавно упавшая, и до сихъ поръ стоитъ Архангельская; обѣ показаны на Прусской улицѣ, первая подъ 1185 г. (II Нов. лѣт. годъ 6693, стр. 126; здѣсь строителемъ названъ, вмѣсто Милонѣга „Мироней")—и въ росписи 1615 г.;—а вторая подъ 1402 г. (I Нов. лѣт. годъ 6910, стр. 102) и въ той же росписи; улица, на которой стоитъ церковь Архангельская, и теперь называется Прусскою.

Въ первой половинѣ XV вѣка Апостольская церковь показывается на Чудинцевской улицѣ: въ 1432 году „Владыка Евѳимій постави церковь деревянну Святыхъ Апостолъ на Чудинцевѣ улицѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6940 стр. 111). Лѣтъ за 80 предъ этимъ, третья лѣтопись говоритъ, подъ 1359 годомъ, о построеніи каменной Апостольской церкви Андреемъ Захарьинымъ и Даніиломъ Козинымъ, „межъ Чудинцевы и Пруской улицъ на Пропастѣхъ" (стр. 228, годъ 6867); а въ первой, годомъ раньше, занесена отмѣтка: „Поставиша церковь деревянну Святыхъ Апостолъ 12",—безъ указанія мѣстности (стр. 86, годъ 6866). Въ росписи 1615 г. означены, отдѣльно по каждой изъ трехъ сосѣднихъ мѣстностей, церкви на улицахъ: Легощи, Чудинцевой и Прусской; для Апостольской, отдѣльно же, внесена отмѣтка: „Устарой Скудельни храмъ каменнъ 12 Апостолъ" (Разговоры, Митрополита Евгенія, стр. 82).

Въ объясненіяхъ объ остаткахъ и слѣдахъ церковныхъ памятниковъ древности мы видѣли церковь Усѣкновенія Предтечи, основанную въ 1176 году Моисеемъ Доманѣжацѣмъ „на Чюдинцевѣ улици" (I Нов. лѣт. годъ 6684, стр. 16):—около нея, въ 1391 году, на Чудинцевѣ же улицѣ было

отведено подворье и многіе дворы Митрополиту Кипріану (Прозоровскій, стр. 85).

Чтобы разобраться во всѣхъ этихъ отмѣткахъ и найти способъ къ устраненію разногласій, обратимся къ чтенію приведенной записи 1230 года, по чтенію ея въ пергаментномъ сборникѣ, съ поставленными тамъ знаками препинанія:—„и вложи Богъ въ сердце благое створити архіепископу Спиридону. и постави Скудельницю у Святыхъ Апостолъ въ ямѣ. на Просьской улици“ (Свѣтоп. изданіе, стр. 222).

Изъ предыдущихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и изъ словъ: „въ ямѣ“, отдѣленныхъ знаками препинанія, по чтенію пергаментнаго сборника, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: Чудинцевъ поселокъ начинался въ первой половинѣ XIII вѣка отъ внѣшняго вала, сряду за рвомъ, названнымъ въ лѣтописи пропастями, и тянулся въ сторону Апостольской церкви, вдоль пропастей, направляясь съ лѣтняго запада на лѣтній же востокъ;—не дойдя до мѣста берега пропастей, соотвѣтствующаго западному углу Апостольской церкви, онъ перевалилъ на другой берегъ пропастей же, и кончился у нынѣшняго дворянскаго дома. Пространство площади и пропастей, имѣющее противъ полуденной стороны церкви видъ широкой и глубокой ямы и теперь, оставалось, такимъ образомъ, открытымъ и свободнымъ отъ построекъ Чудинцева поселка; свободнымъ же былъ и берегъ противъ ямы, къ нему могъ примыкать сосѣдній поселокъ. Въ этой ямѣ у Святыхъ Апостолъ и учреждена Владыкою Спиридономъ Скудельня; противъ нея, на западъ къ полдню, отъ берега пропастей, начинался поселокъ сосѣдній Чудинцеву,—„Просьская улица“ лѣтописи.

Впослѣдствіи, къ половинѣ XV,—а если вѣрить приведенной отмѣткѣ третьей лѣтописи подъ 1359 годомъ, и раньше, къ половинѣ XIV вѣка,—Апостольская церковь приходилась на Чудинцевѣ поселкѣ. Значитъ онъ или разросся насчетъ увеличившагося населенія, или только передвинулся, послѣ какого нибудь пожара, напримѣръ—истребившаго въ 1348 году улицы: Волосову, Добрынину, Прусскую, Чудинцову и Люгощу (I Нов. лѣт. годъ 6856, стр. 84), на опустѣлую часть площади поселка Людгоща.

Апостольская церковь показывается въ спискѣ ружныхъ церквей 1585 года, находившеюся въ женскомъ монастырѣ (Временникъ Моск. истор. общ. книга 24, смѣсь, стр. 29). Архіепископу Амвросію извѣстенъ одинъ изъ рукописныхъ сборниковъ Новгородской лѣтописной семьи, въ которомъ отмѣчено о сооруженіи Св. Евѳиміемъ Вяжицкимъ, въ 1432 году, деревянной Апостольской церкви, и учрежденіи при ней монастыря у Скуделенъ (Ист. Росс. Іерар. Ч. VI, стр. 711). Но Амвросій называетъ этотъ монастырь мужскимъ. Къ началу XVII вѣка (Роспись) монастыря уже не было, а церковь поставлена въ росписи внѣ сосѣднихъ улицъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что между XV и XVII вѣками въ положеніи участковъ—Чудинцова и сосѣднихъ съ обѣихъ сторонъ, произошло измѣненіе; они отступили отъ Апостольской церкви, очистивъ мѣстность около нея; при этомъ межа Чудинцова поселка—къ сторонѣ Людгощаго, а площадь этого послѣдняго отодвинулась въ полночно-восточномъ направленіи. Знаменское изображеніе за-

стало проѣздъ между поселками Людгощимъ и Чудинцовымъ уже въ этомъ измѣнившемся, сравнительно съ вѣками самобытія, положеніи.

На Чудинцовомъ поселкѣ была, съ XII вѣка, Предтеченская церковь, Усѣкновенія главы; около нея жилъ въ 1391 году Митрополитъ Кипріанъ со своими церковниками и слугами, въ отведенныхъ ему дворахъ; къ XVII вѣку эта церковь стояла на Новинкѣ; мѣсто ея указано. Въ отмѣткѣ лѣтописи о первоначальномъ сооруженіи Усѣкновенской церкви объяснено ея положеніе „на Чюдиньцевѣ улици". Въ перечисленіи церквей Новинки онѣ поставлены, въ росписи, въ порядкѣ отъ Волховскаго берега; раньше Усѣкновенія Іоанна записана Введенская, а послѣ—Никола Чудотворецъ. Была-ли послѣдняя самостоятельною, или придѣльною Предтеченской, мы еще незнаемъ навѣрное, хотя имѣются нѣкоторыя, приведенныя выше, данныя считать ее въ первомъ значеніи. О Введенской извѣстно, что она стояла на Прусскомъ поселкѣ въ 1391 г.; первоначальное основаніе неизвѣстно. Въ перечисленіи башенъ „на земляномъ меньшемъ городѣ въ 1649 году" (отмѣтка приведена раньше) четвертою отъ Волховскаго берега, съ полуденно-западной стороны Дѣтинца, названа, какъ мы знаемъ уже, та, котороя стояла „на Веденскомъ быкѣ". Эта башня, по Знаменскому рисунку, приходится противъ Княжей Дѣтинца, если соединить обѣ прямою съ запада-полночи на востокъ къ полдню. Введенская церковь показана на томъ же рисункѣ въ значительномъ разстояніи отъ быка ея имени, на западъ; отъ западной стороны этой церкви идетъ впрямь широкій проѣздъ къ башнѣ внѣшняго вала, которая стоитъ отъ Чудинцевской первою вправо, въ полуденно-западную сторону,—это Прусская башня 1611 г., названная въ повѣсти о раззореніи Новгорода Шведами. Противъ восточной стороны Введенской церкви стала, въ стѣнѣ Дѣтинца, башня, передѣланная изъ церкви, сооруженной Посадникомъ Семеномъ Климовичемъ, въ 1305 году, надъ „гродными воротами отъ Прусскія улицы". Слѣдовательно широкій проѣздъ противъ Введенья будетъ Прусскою улицею Московскаго порядка первой половины XVI вѣка, или, по нашему, - проѣздомъ между поселками Чудинцевымъ и Прусскимъ.

Въ первой половинѣ XIII вѣка Прусской поселокъ подходилъ къ ямѣ противъ Апостольской церкви. Въ настоящее время еще примѣтно направленіе лѣтописныхъ пропастей отъ этой церкви на полдень. Если Прусской поселокъ доходилъ до ямы, а церковь Апостольская стояла въ 1359 году (см. выше) „Межъ Чудинцевой и Пруской улицъ",—значитъ полуденно-западная граница Чудинцова поселка шла по лѣвому берегу пропастей, и, по переходѣ чрезъ нихъ, близъ Апостольской церкви, а Прусской—по правому, считая отъ этой церкви. Упомянутое направленіе пропастей приводитъ на уголъ нынѣшней Прусской улицы и сѣнной площади. Такимъ образомъ, мы получаемъ для Чудинцева поселка, первой половины XIII вѣка, очертаніе неправильнаго пятиугольника; полночная сторона его будетъ прямая,—отъ мѣста Никольскаго монастыря у внѣшняго вала, чрезъ пропасти, къ нынѣшнему дворянскому дому; тутъ проѣздъ Людгощаго поселка и его полуденная граница; западная сторона пойдетъ вдоль внѣшняго вала, прибли-

зительно, до мѣста Вознесенской церкви; полуденная—отъ этой церкви на востокъ къ Апостольской, а отсюда на уголъ нынѣшней Прусской улицы, что у сѣнной площади;—наконецъ восточная—почти по прямой между тою же Прусскою и современною Чудинцевскою, мимо дворянскаго дома.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что направленіе „Пропастей" отъ Апостольской церкви къ западу на полночь, плохо выслѣживается,—по тому мы и переваливаемъ Чудинцовъ поселокъ чрезъ нихъ, начиная отъ вала за правымъ берегомъ этого рва; если же онъ шелъ къ мѣсту Вознесенской церкви, что представляется вѣроятнымъ, въ такомъ случаѣ полуденная сторона разсматриваемаго поселка пойдетъ вся по лѣвому берегу пропастей.

Къ половинѣ XIV века (отмѣтки 1359 г.) Чудинцовъ поселокъ расширился на счетъ пространства сосѣднихъ; Апостольская церковь вошла въ него; къ концу этого вѣка, когда отводили дворы для Митрополита Кипріана, восточная часть поселка отошла въ духовное вѣдомство и образовался Митрополичъ островъ. Возможно, что гдѣ нибудь около Апостольской церкви былъ Владыченъ островъ и раньше; но объ этомъ скажемъ въ особой о немъ статьѣ. Послѣ самобытія полуденную сторону поселка выпрямили и дали тотъ проѣздъ, который написанъ на Знаменскомъ изображеніи между Прусскою башнею внѣшняго вала и Введенскою церковью.

По нынѣшнему распредѣленію улицъ, Чудинцовъ поселокъ самобытія весь, и съ проѣздомъ между нимъ и сосѣднимъ Людгощимъ, вошелъ въ обширную площадь вокругъ Апостольской церкви, называемую въ народѣ то Митрополичьимъ садомъ, то архіерейскимъ огородомъ.

Площадь Чудинцова поселка съ XIII вѣка занимала, какъ мы видѣли, не много мѣста. Въ XI вѣкѣ, къ которому обыкновенно относятъ Уставъ о мостахъ, она была, видимо, не больше, а скорѣе меньше,—и лежала, судя по положенію древняго Загородья, въ иномъ нѣсколько направленіи.

Прусской.

Въ настоящее время Прусская улица отдѣлена отъ Чудинцевской Митрополичьимъ садомъ; но мы разсмотримъ поселокъ Прусской раньше Владычняго, потому что онъ былъ, въ XIII вѣкѣ, рядомъ съ Чудинцовымъ. По Уставу о мостахъ Прусы равноправны съ Чудинцами; и тѣ и другіе призваны къ отбыванію Мостовой повинности; о Прусахъ сказано такъ: „Осменникомъ поплата в Людинъ конець чересъ Гроблю до Добрыни улици, въ Городняя ворота до Пискупли улици. Спрусы до Бориса и Глѣба" (Статья эта читается по списку Дубенскаго; она уже приводилась раньше). Жители Чудинцова поселка мостили свой участокъ, какъ уже сказано, вмѣстѣ съ жителями нашего Загородья,—а Прусы—съ Осменниками. Никому изъ названныхъ въ Уставѣ лицъ, кромѣ Чудинцевъ и Прусовъ, непридаиы помощники. Поселокъ Чудинцовъ былъ, какъ только что сказано, не обширенъ

даже въ XIII вѣкѣ, когда населеніе Новгорода уже густѣло и наплывъ чужеземцевъ возрасталъ, благодаря торговымъ договорамъ:—1189 — 1199 (напечатанъ въ Русско-Ливонскихъ актахъ, А. А. Куника, № 1), 1205 (по чтенію Дрейера, напечатанъ у Куницына; на него мы ссылались, съ выписками) и 1270 гг. (въ изслѣдованіи И. Е. Андреевскаго); вѣроятно и жители его не были еще тогда многочисленны, и однимъ имъ держать мостовой участокъ представлялось, въ XI вѣкѣ и позднѣе,—не подъ силу; можно, конечно, объяснять назначеніе на тотъ же участокъ Загородцевъ и по недовѣрію къ Чудинцамъ, но первое вѣрнѣе. Прусы даны въ помощь Осменникамъ на небольшомъ, сравнительно, участкѣ, отъ мѣста Прусскихъ (т. е. Покровскихъ отъ Прусской улицы) воротъ, до Борисоглѣбской церкви. Руководствуясь такимъ же, какъ и о Чудинцахъ, соображеніемъ, мы полагаемъ, что и Прусскій поселокъ былъ необширенъ. Но къ высказаннымъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще одно: не были-ли Чудинцы и Пруссы X—XI вѣка наемными чужеземными людинами-ратниками, родоначальниками тѣхъ позднѣйшихъ насельниковъ поселковъ Чудинцова и Владычня, которые пользовались особыми льготами и при Московскомъ державствѣ. Если это соображеніе, предлагаемое въ видѣ догадки, найдетъ основаніе, въ такомъ случаѣ и незначительная доля мостовой повинности станетъ въ зависимость отъ льготы, а не отъ малочисленности населенія.

Мостовые участки, какъ объяснено уже, пріурочивались къ мѣсту жительства лицъ, призванныхъ отбывать повинность. Прусы мостили участокъ отъ воротъ Загородья и отъ Пискупли улицы, которую мы ведемъ, какъ проѣзъ, отъ Десятиннаго монастыря Іоакима Корсунянина, къ Прусскимъ воротамъ. Поэтому, начиная Прусской поселокъ правымъ берегомъ „Пропастей“, мы оканчиваемъ его западно-полуденною границею Загородного конца, XIII вѣка, т. е. полуденною стороною ограды нынѣшняго Десятиннаго монастыря, отъ самаго внѣшняго вала; а отсюда прямою—мимо Власьевской церкви, ко рву малаго вала, или древняго Загородья.

Митрополитъ Евгеній, Н. Н. Муравьевъ и И. И. Красовъ, придерживаясь Московскаго порядка улицъ, и—Красовъ, сверхъ того, касаясь лишь слегка, при случаѣ, лѣтописныхъ отмѣтокъ о церквахъ,—видятъ въ нашемъ Прусскомъ поселкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ,—только прямой проѣздъ отъ внѣшняго вала къ Дѣтинцу, по нынѣшней улицѣ того же имени (Разговоры, 76; чертежъ Попова; мѣстоположеніе древ. Нов. стр. 127). Красовъ, какъ мы уже знаемъ, не признаетъ за концомъ Загороднымъ нетолько долѣтописной, но даже и перволѣтописной древности образованія его; онъ, кромѣ того, равно какъ Евгеній и Муравьевъ, неустойчивъ въ сужденіяхъ и о концахъ Гончарскомъ и Людиномъ. Такимъ образомъ, мы становимся въ объясненіяхъ пространства и направленія Прусского поселка на почву, нетронутую изслѣдователями, почти дѣвственную.

Раньше сказано, что въ перволѣтописныя времена пространство площади Прусскаго поселка могло быть незначительно, какъ и Чудинцова,—впослѣдствіи же оба расширялись. Въ Чудинцовомъ не было, судя по лѣтописямъ, ни одного проулка,—не было ихъ и въ Прусскомъ,—тогда какъ

въ каждомъ изъ другихъ поселковъ ихъ было не по одному. Это явленіе вызываетъ догадку объ отсутствіи скученности построекъ въ обоихъ поселкахъ, указывающихъ своими именами на чужестранное происхожденіе обитателей и на замкнутость образа жизни ихъ. На обширномъ пространствѣ между прямыми: отъ Апостольской церкви мимо Десятиннаго монастыря до Бѣлой башни, и отъ угла нынѣшней Чудинцовской улицы мимо Власьевской церкви и лежавшаго недалеко отъ нея Варваринскаго монастыря, къ той же башнѣ,—не было ни одной церкви, и теперь нѣтъ,—тогда какъ отъ второй прямой къ Дѣтинцу, и отъ Апостольской церкви на полночь къ востоку, въ Людгощемъ поселкѣ, церквей много. Такая, бросающаяся въ глаза особенность допускаетъ одно только объясненіе: на этомъ обширномъ пространствѣ жили чужеземцы-иновѣрцы не только въ перволѣтописные, но и въ послѣдующіе вѣка самобытія. Указаніемъ на заселеніе этой и ближайшей къ ней мѣстности чужаками можетъ быть принято и вышеприведенное извѣстіе о построеніи Троицкой церкви Щетинцами (Штетинцами) и отмѣтка лѣтописи подъ 1552 годомъ: „Бысть во Псковѣ моръ великъ: и учаше являтися моръ втѣпоры и въ Новѣгороди, на Редятинѣ улици (на ней и Троицкая церковь) и Новгородци того ради Псковичь изъ Новагорода выслали вонъ и пристолцовъ". (II Нов. лѣт. годъ 7060, стр. 155). Подъ пристолцами мы разумѣемъ пріѣзжихъ вообще по дорогѣ отъ Пскова. Нѣсколько строкъ раньше выписанныхъ словъ лѣтописи сказано, что была устроена, въ Октябрѣ того же года, на Псковской дорогѣ застава,—„чтобы гости съ товаромъ не ѣздили во Псковъ, ни изо Пскова въ Новгородъ". Псковъ всегда велъ оживленную торговлю съ нѣмцами, по тому въ гостяхъ и пристолцахъ мы видимъ всѣхъ вообще пріѣзжавшихъ въ Новгородъ по Псковской дорогѣ и занесшихъ заразу на Рядятину улицу, гдѣ временно проживали всякіе гости.

Лѣтопись приводитъ подъ 1348 годомъ слѣдующія подробности одного пожара: „Нощію загорѣся на Волосовѣ улицѣ, и погорѣ улица Волосова не вся, Добрыница улица не вся же, а Прусская улица добрѣ горѣ, и церковь святаа Богородица огорѣ, Чюдинцева улица и до поля, и Люгоща; церквіи деревяныхъ съгорѣ четыре". (I Нов. Лѣт. годъ 6856, стр. 84). Изъ порядка улицъ этой записи видно, что послѣ Добрыниной улицы лежала Прусская. Начало первой, на которой стояла Образова церковь, мы знаемъ; знаемъ и продолженіе ея у Загородья и внутри его, недалеко отъ воротъ Дѣтинца, выходившихъ къ Прусской улицѣ; дальнѣйшее отсюда направленіе указываетъ Яковлевская церковь, построенная въ 1423 году, на Добрыни улицѣ „на Лужищи", по нашему толкованію на большомъ лугу, нанесенномъ, какъ мы видѣли, на Знаменскомъ изображеніи; отъ этого луга или рощи на востокъ къ полдню, на недалекомъ разстояніи, Власьевская церковь, на широкомъ проѣздѣ, имѣющемъ направленіе съ запада отъ внѣшняго вала къ той башнѣ донесенія 1649 года, которая названа восьмиугольною (въ укрѣпленіи малаго вала). Къ этой церкви пристроенъ, съ западной стороны, въ 1775 году, придѣлъ во имя Св. Іакова брата Господня, послѣ упраздненія самостоятельной церкви „на Лужищи",—какъ

стоявшей близъ Власьевской. Если пожаръ въ 1348 году распространился только по частямъ улицъ Волосовой и Добрыниной и истребилъ Прусскую, опаливъ церковь Богородицкую, и Чудинцову улицу, при чемъ сгорѣло четыре деревянныхъ церкви, значитъ вѣтеръ дулъ прямо съ полдня на полночь; при какомъ направленіи его могла сгорѣть часть Власьевской, ближайшая къ церкви, отъ которой она получила свое имя, и часть Добрыниной, гдѣ стояла Яковлевская церковь. Прусская улица, говоря словами лѣтописи, „добрѣ горѣ", — при чемъ огорѣла Богородицкая церковь, а не сгорѣла въ числѣ четырехъ деревянныхъ, какъ каменная. Къ этому времени въ мѣстности пожара было три Богородицкія церкви: Рождества ея въ Десятинномъ монастырѣ, Успенія — въ немъ же, или рядомъ съ монастыремъ (Роспись 1615 г. Разговоры Евгенія, стр. 83), и Введенія — у рва малаго вала, противъ Прусскаго проѣзда. Къ 1615 году каменными были: Успенская и Введенская; о Рождество-Богородицкой роспись этого года вовсе не упоминаетъ; — по всей вѣроятности она была сожжена Шведами и разрушена. Судя по направленію вѣтра, Введенская была внѣ пожара, тѣмъ болѣе, что постройки поселковъ Прусскаго и Чудинцова не были скучены, а церковь стояла у рва и, какъ значится на Знаменскомъ изображеніи, не близко къ постройкамъ; изъ Десятинскихъ же Успенская (она нанесена на чертежѣ 1778 года) могла огорѣть. Совокупность изложенныхъ данныхъ не мѣшаетъ, такимъ образомъ, вводить въ Прусскій поселокъ Десятинный монастырь; равно не мѣшаетъ и положеніе Покровской Дѣтинцевской башни, самой большой: нашъ поселокъ приходится противъ нея своею срединою.

Разсмотримъ теперь положеніе и пространство Прусскаго поселка, по опредѣленію Митрополита Евгенія и И. И. Красова. На мнѣніи Н. Н. Муравьева мы также остановимся, насколько оно выражается въ опредѣленіи улицъ и церквей по чертежу 1756 года, имѣвшему до сихъ подъ при нашихъ изысканіяхъ значеніе, большею частію, только для установленія мѣста церквей, упраздненныхъ послѣ составленія его; — въ данномъ же случаѣ мы воспользуемся имъ и для указанія западно-полуденной границы Прусскаго поселка.

Митрополитъ Евгеній говоритъ о Прусской улицѣ такъ: „Простиралась отъ большого земляного валу, по правую сторону церкви Михайловской и Вознесенской, близъ самыхъ оныхъ церквей, къ Кремлевскому западному бастіону, что противу Покровской башни: она раздѣляла концы Загородской и Гончарской". Добрынину улицу онъ ставитъ сряду за Прусскою и ведетъ „отъ большого земляного валу и Вознесенской церкви, по лѣвую сторону бывшаго Яковлевскаго монастыря, прямо къ юго-западному бастіону Кремлевскому". (Разговоры, стр. 76). Въ его время земляное укрѣпленіе, возведенное около Дѣтинца Петромъ Великимъ, еще существовало; оно имѣло, по указанію чертежа 1778 года, шесть бастіоновъ: на полдень и на востокъ — по одному, — на западъ и на полночь по два; изъ западныхъ одинъ, ближайшій къ полночному, защищалъ башни Чортову — Застѣночную и Княжу — у Покровской, нынѣ существующей, церкви, — а другой, что ближе къ полдню, — Покровскую-Большую и Кукуй. Если ученый Вла-

дыка называетъ Покровскою первую, которая есть Княжа, а не нашу Большую,—въ которой церкви въ его время уже не было,—въ такомъ случаѣ онъ ведетъ Прусскую улицу поблизости отъ того направленія, которое она имѣла по чертежу Попова; этотъ чертежъ, какъ мы уже имѣли случай объяснить, нанесенъ точками на Высочайше утвержденный 16 Іюня 1778 года;—а если Евгеній Покровскою башнею считаетъ нашу Большую, его направленіе Прусской улицы не совпадетъ ни съ чертежемъ 1778 года, ни съ Поповскимъ. Между 1778 годомъ и временемъ появленія въ свѣтъ Разговоровъ о древностяхъ Новгорода прошло всего 30 лѣтъ; въ Новгородъ Евгеній прибылъ, въ качествѣ Викарія, въ Январѣ 1804 года (Истор. Росс. Іер. Ч. I, стр. 90);—онъ могъ, такимъ образомъ, собрать свѣдѣнія о Прусской и сосѣднихъ улицахъ отъ сторожиловъ и опредѣлить ея направленіе съ точностью. Если же оно не соотвѣтствуетъ обоимъ чертежамъ, значитъ былъ случай,—напримѣръ большой пожаръ,—давшій за это тридцатилѣтіе то положеніе Прусской улицѣ, которое засталъ Евгеній. Такого именно случая надобно искать, потому что Евгеній ведетъ сосѣднюю съ Прусскою Добрынину улицу отъ той же Вознесенской церкви у внѣшняго вала, съ которой онъ начинаетъ Прусскую и направляетъ лѣвую сторону бывшаго Яковлевскаго (?) монастыря. Ни на одномъ изъ чертежей не показано ни улицы, ни проулка отъ Вознесенія въ указываемую Митрополитомъ сторону. Замѣтимъ здѣсь, что свѣдѣній о Яковлевскомъ монастырѣ мы не нашли въ изданныхъ до сихъ поръ источникахъ; о немъ не знаетъ и Амвросій. О направленіи Добрыниной улицы въ вѣка самобытія мы уже говорили, и обратимся къ нему еще разъ при разсмотрѣніи Людина конца.

И. И. Красовъ направляетъ Прусскую улицу точто также, какъ и Митрополитъ Евгеній; но онъ не устанавливаетъ положенія Вознесенской церкви, считая ее бывшею лишь недалеко отъ Архангельской; на мѣстѣ же креста чертежа 1756 г., означающаго эту церковь Вознесенскую, онъ видитъ Ильинскій монастырь;—развалины его мы указали за внѣшнимъ валомъ, значительно отступя отъ него и отъ Вознесенія (Красовъ, стр. 128—129). Въ положеніи Добрыниной улицы Красовъ согласенъ съ Евгеніемъ только отчасти,—онъ даетъ ей мѣсто, какъ и Владыка, за Прусскою, къ западу на полдень, но направляетъ отъ внѣшняго вала, такъ что Десятинный монастырь приходится между нею и Прусскою; далѣе же, на полдень, ведетъ къ Образовой церкви (стр. 72—76). Принимая во вниманіе, что Евгеній и Красовъ опредѣляютъ положеніе улицъ не какъ поселковъ или Кончанскихъ участковъ, а какъ проѣздовъ, мы видимъ въ Красовскомъ направленіи Добрыниной улицы нашу западно-полуденную границу древнѣйшаго Загородья, а въ окончаніи ея, по Евгенію, у того мѣста малаго вала, впрямь за которымъ будетъ пространство между Дѣтинцевскими башнями Большою Покровскою и Кукуевскою, предѣлъ Прусскаго поселка и Загородного конца—между XIII вѣкомъ и началомъ Московскаго державства. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что и Митрополитъ и Красовъ не пришли-бы къ разногласію, если-бы разсматривали положеніе улицъ—и по Нарядной описи 1623 года и по лѣтописи—отдѣльно.

На чертежѣ Попова, нанесенномъ точками на утвержденномъ въ 1778 году, Прусская улица начата у внѣшняго вала, отъ Вознесенской церкви къ западу, саженяхъ въ двадцати, и направлена на востокъ къ полночи мимо Архангельской, оставшейся в сторонѣ отъ улицы саженъ на десять. Слѣдующая за нею къ западу, Добрынина—началась не отъ внѣшняго вала, какъ опредѣляетъ Митрополитъ Евгеній, а отъ площади окружающей церковь, которую мы считаемъ Успенскою, названною въ росписи 1615 г., отстоящею отъ Богородице-Рождественской Десятиннаго монастыря на полночь саженяхъ въ 25; отсюда Добрынина пошла прямо на полдень и, миновавъ Власьевскую церковь, уперлась въ улицу ея имени отвѣсно; Власьевская пошла отъ мѣста встрѣчи съ Добрыниною на западъ къ полдню,—это одна ея вѣтвь и, должно быть главная; другая же тянется отъ церкви на западъ къ полночи, къ Десятинному монастырю.

Сравнительно съ нынѣшнимъ распредѣленіемъ площадей и улицъ нашъ Прусской поселокъ займетъ:—часть Митрополичьяго огорода отъ Апостольской церкви къ Архангельской, между внѣшнимъ валомъ и сѣнною площадью,—улицы Прусскую и Александровскую, которая ведетъ съ сѣнной площади къ Десятинному монастырю, часть Десятинной въ размѣрахъ восточной стороны монастыря,—и всю площать отъ этой части до внѣшняго вала въ томъ мѣстѣ, противъ котораго будетъ западный уголъ монастырской ограды, съ одной стороны, и до сѣнной съ другой,—наконецъ, отъ этого мѣста край нашего поселка пойдетъ чрезъ площадь, заключающуюся между Десятиннымъ монастыремъ и улицами Мало-Власьевскою, Десятинною и Александровскою, до сѣнной площади.

Владыченъ.

Первое извѣстіе о поселкѣ Владычнемъ восходитъ, какъ мы знаемъ, къ X вѣку, когда Владыка Іоакимъ Корсунянинъ „ Уради собѣ монастырь десятиный“. Гдѣ именно былъ этотъ первый монастырь сказать мы не можемъ, но едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что онъ находился въ мѣстности, надежно огражденной отъ нападеній старовѣровъ-язычниковъ, которыхъ всегда бываетъ много въ странѣ, принявшей новую вѣру, и которые вездѣ, въ подобныхъ случаяхъ, ведутъ съ новшествомъ отчаянную борьбу, до послѣдняго издыханія.

Извѣстенъ походъ Новгородцевъ на Сурожъ съ княземъ Бравалиномъ въ VII—VIII вѣкѣ; извѣстно, что въ Крыму, гдѣ Сурожъ, была цѣлая страна Готовъ—христіанъ православныхъ, извѣстны наконецъ Гтѣ,—или Готы,—въ числѣ отбывавшихъ мостовую повинность по Ярославову Уставу, вмѣстѣ съ Тевтонцами-нѣмцами, владѣвшими торговыми дворами въ Славнѣ; Готы имѣли, вѣроятно еще съ долѣтописныхъ временъ, два двора, одинъ изъ которыхъ они продали до 1205 года, по нашему мнѣнію, князю Всеволоду Мстиславовичу; при раскопкахъ въ Дѣтинцѣ, близъ Андрее-Стратилатовскаго обыденка въ военныхъ поселкахъ, мы нашли нѣсколько череповъ, порази-

тельно сходныхъ во всѣхъ четырехъ очертаніяхъ (спереди, сбоку, сверху и сзади) съ найденными г. Харузинымъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, въ гробовищахъ, сложенныхъ изъ плитъ, подобныхъ тому, которое варварски уничтожено лѣтомъ 1893 года при копаньи рва подъ водогрѣйку за Софійскимъ соборомъ. Гурзуфскіе черепа считаются Готскими, захороненными около VII или VIII вѣка. Совокупность этихъ данныхъ напрашивается на заключеніе, что Іоакимъ Корсунянинъ выговорилъ мѣсто для своего монастыря среди поселенія наемныхъ чужеземныхъ Людиновъ-ратниковъ, уже давно принявшихъ христіанство (предположеніе наше о присягѣ Игоревыхъ дружинниковъ—христіанъ въ Ильменской соборной церкви не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ, у Ильи на Славенскомъ холмѣ „надъ ручаемъ", слѣдуетъ также имѣть здѣсь въ виду), между которыми были, въ числѣ Готовъ—имени народа, а не особаго племени,—Прусы и Чудины,—послѣдніе съ Балтійскаго, напримѣръ, побережья, которыхъ—этихъ бездомныхъ пришельцевъ—называлъ народъ варягами, пожалуй и „ворягами", какъ остроумно и основательно выразился А. П. Богдановъ. Допуская такое предположеніе, находящее поддержку въ наименованіи нынѣшняго монастыря, лежавшаго около XVII вѣка, по Красову, между улицами Добрынином и Прусскою, Десятиннымъ, мы отводимъ Владычнему поселку пространство внутри задняго, западнаго, конца древняго Загородья, среди поселковъ Прусскаго и Чудинцова, назначенныхъ въ долѣтописныя времена чужеземнымъ Людинамъ-ратникамъ, подъ охрану которыхъ, какъ христіанъ вообще, безъ различія исповѣданій, и поставленъ поселокъ Іоакима Корсунянина.

Въ какомъ положеніи нынѣ существующій Десятинный монастырь стоитъ къ первому, 998 года, можно высказаться лишь предположительно, принявъ за основаніе Успенскую церковь, внесенную въ роспись 1615 года, но ни въ лѣтописи, ни въ другихъ, извѣстныхъ намъ, памятникахъ невстрѣчающуюся. Мы указали мѣсто этой церкви по чертежу 1778 года и предположили, неувѣренно, ее же сгорѣвшею въ 1348 году.

Придавая, для изысканій о положеніи Владычняго поселка въ перволѣтописные вѣка, этой церкви значеніе первенствующей важности, рѣшающей вопросъ о монастырѣ Іоакима Корсунянина,—позволяемъ себѣ изложить наше о ней мнѣніе.

На чертежѣ 1778 года площадь нынѣ существующаго монастыря обведена четыреугольникомъ, съ выдающеюся, дуговидно, восточною стороною, изъ средины которой взяла начало улица, ведущая къ Власьевской церкви; отъ средины полночной стороны монастырской площади идетъ, выступомъ къ полночи же, четыреугольная площадь, меньшая, нѣсколько удлиненная къ полночи и не заходящая за восточный уголъ монастырской; къ срединѣ западной стороны меньшей площади примыкаетъ церковное мѣсто. Нынѣшняя площадь Десятиннаго монастыря не имѣетъ ни дуговиднаго выступа на востокъ, ни четыреугольно-удлиненнаго на полночь, а представляетъ равносторонній прямоугольникъ, съ церковнымъ мѣстомъ въ самой срединѣ. По точному опредѣленію росписи на площади полночнаго выступа должна быть Успенская церковь. Преосвященный Макарій, однако же, сомнѣвается

въ вѣрности этого названія, полагая, что „Успенія“ поставлено ошибочно вмѣсто Рождества Богородицы, которому посвящена нынѣшняя Десятинная церковь (Опис. церк. древ., стр. 212). Выше мы сказали, что Богородице-Рождественская не внесена въ роспись, какъ сожженная Шведами; здѣсь дополнимъ, что Успенская могла быть бѣдною къ 1611 году, стоявшею безъ пѣнія и не представлявшеюся потому лакомымъ кускомъ для хищничества грубыхъ побѣдителей. Изъ направленія Митрополитомъ Евгеніемъ Добрыниной улицы выходитъ, что она пролегала отъ Вознесенія между Архангельскою церковью и Десятиннымъ монастыремъ. Не Яковлевская-ли церковь, поэтому, стояла на полночь отъ этого монастыря? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ въ 1775 году былъ пристроенъ къ Власьевской церкви Яковлевскій придѣлъ, что обыкновенно встрѣчается почти всегда, когда ближайшая самостоятельная, имени которой посвященъ придѣлъ, упразднена. Чертежъ, сохранившій указаніе мѣста изслѣдуемой церкви, поднесенъ къ Высочайшему утвержденію въ Іюнѣ 1778 года, три года послѣ пристройки Яковлевскаго придѣла; а извѣстно, что съ подобными пристройками не спѣшатъ; онѣ являются по частному почину, въ зависимости отъ какого либо случая, и не сряду послѣ упраздненія церкви самостоятельной. На чертежѣ Попова, сдѣланномъ въ 1756 году, нѣтъ въ окрестности Власьевской никакой другой церкви, кромѣ Архангельской, на мѣстѣ же Десятиннаго монастыря поставленъ одинъ крестъ (по изданію Н. Н. Муравьева). Въ перечнѣ церквей, приводимомъ Муравьевымъ, —Яковлевской нѣтъ; въ росписи она означена косыми буквами, стало-быть ея не было при Митрополитѣ Евгеніи. Если же на чертежѣ 1778 года не Яковлевская церковь,—тутъ не можетъ быть никакой другой, кромѣ Успенской росписи 1615 года.

Молчаніе лѣтописи объ Успенской церкви естественнѣе всего объяснять первоначальнымъ сооруженіемъ ея въ тѣ года,—которыхъ недостаетъ въ пергаментномъ сборникѣ, начинающемся, какъ уже сказано, 1017 годомъ,—при жизни Іоакима Корсунянина. Если мы бѣгло просмотримъ древнѣйшія церкви въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, увидимъ. что огромное преобладаніе принадлежитъ Успенскимъ. Первая дубовая церковь—Успенская; она зовется Софійскою потому, что празднованіе Премудрости Божіей въ Новгородѣ совпадаетъ съ днемъ Успенія Богоматери, въ Кіевѣ же—съ днемъ Рождества ея. Государственная наша церковь,—Софійскій соборъ,—Успенская; въ Юрьевскомъ скиту, церковь котораго сооружена на мѣстѣ Перуна,—Успенская по росписи 1615 г., впослѣдствіи переименованная въ Богородице-Рождественскую;—на Коломцахъ, гдѣ нами открыто поселеніе каменнаго вѣка—Успенская; на Колмовѣ, первоначальное заселеніе мѣстности котораго, судя по имени, созвучному съ Коломцами, относится также къ далекимъ долѣтописнымъ вѣкамъ,—Успенская; на Волотовѣ, бывшемъ языческою Усыпальницею—Успенская; —на Звѣринцѣ—Успенская и проч. Ничего, поэтому, не будетъ невѣроятнаго въ нашемъ предположеніи, что Владыка Іоакимъ соорудилъ въ монастырѣ своемъ первую церковь во имя Божіей Премудрости, просвѣтившей обширную страну Евангельскимъ ученіемъ.

Преосвященный Макарій думаетъ, что Іоакимъ Корсунянинъ жилъ въ Дѣтинцѣ,—но онъ не имѣлъ, должно быть, подъ рукою Супраельской рукописи, въ которой сказано: „уради собѣ монастырь Десятинный". Если-бы жизнь внутри Дѣтинца была вполнѣ соотвѣтственна просвѣтительной задачѣ Іоакима среди суровыхъ язычниковъ, имѣвшихъ во всякое время свободный доступъ въ эту часть города, Владыкѣ нечего было выговаривать у князя „собѣ" особую мѣстность. Догадка Макарія, что первые архіереи жили тутъ, гдѣ теперь теплый соборъ, основанный Владыкою Василіемъ на мѣстѣ Теремца (отмѣтка лѣтописи приведена раньше), признаваемаго имъ за архіерейскій домъ, едва-ли справедлива, или даже правдоподобна: мы знаемъ внутри Владычняго двора „Теремецъ каменъ, идѣ же воду священіютъ на всякій мѣсяцъ",—сооруженный въ 1409 году; значитъ и Теремецъ временъ Архіепископа Василія имѣлъ, до сооруженія на мѣстѣ его Іерусалима, такое же значеніе: онъ былъ надъ водосвятнымъ колодцемъ. Лѣтопись не сохранила свѣдѣній объ архіерейскомъ дворѣ близъ Софійскаго храма;—но преданіе и одна поздняя запись о Питиримовскихъ постройкахъ (она приведена) говорятъ, что первое сооруженіе для жительства Владыкъ во дворѣ Святой Софіи возведено Св. Никитою Епископомъ, при которомъ, по преданію, вырытъ и колодецъ; о немъ мы уже говорили (Ср. Макарій, Опис. арх. дома, стр. 3—9).

Итакъ не представляется основаній отрицать проживаніе—если не всѣхъ Епископовъ до Св Никиты, умершаго въ 1107 г.,—по крайней мѣрѣ перваго, чужестранца, въ Десятинномъ монастырѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя оспаривать и сооруженіе имъ Успенской церкви. Послѣ Іоакима монастырь его могъ опустѣть и даже упраздниться, и оставаться впустѣ до возобновленія, оставившаго слѣдъ въ лѣтописи, хотя и неясный, около половины XIII вѣка (Подробности у Макарія, Опис. церк. древ. Ч. I, стр. 209).

Считая, по изложеннымъ основаніямъ, церковь чертежа 1778 года близъ Десятиннаго монастыря за Успенскою росписи 1615 г., и относя основаніе ея къ первой четверти XI вѣка (Св. Іоакимъ Корсунянинъ, скончался въ 1030 году), мы найдемъ первый Десятинный монастырь занимавшимъ пространство въ той же мѣстности, гдѣ и нынѣшній, хотя, быть можетъ, и не на той самой площади. Какъ-бы ни многочисленно было духовенство, прибывшее съ Епископомъ Корсунскимъ, Владыченъ поселокъ перволѣтописныхъ временъ не обнималъ пространства всего Митрополичьяго сада нашего времени. Точно опредѣлить площадь Митрополича острова Нарядной описи 1623 г., и указать вѣрно ея границы, не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ доказательствъ; но для приблизительнаго назначенія той и—другихъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія.

Мы видѣли, что въ 1230 году Прусской поселокъ доходилъ до пропастей противъ церкви 12 Апостоловъ, а это отнимаетъ уже отъ Митрополичьяго сада больше половины и доказываетъ, что ни онъ, ни Митрополичъ островъ 1623 года, не входили въ пространство Владычня поселка глубокой древности. Въ 1391 году Новгородцы взяли съ Полатей Святой Софіи пять, или десять, тысячъ рублей на костры около города (отмѣтка

приведена). Подъ тѣмъ же годомъ отмѣчено въ лѣтописи, что Архіепископу Іоанну II подарено нѣсколько подворьевъ и въ числѣ ихъ „на Чудинцахъ“ (IV Нов. лѣт. годъ 6899, стр. 99). Должно быть подарокъ сдѣланъ за эти деньги; рубль Новгородскій конца XIV вѣка тянулъ, если считать его за половину гривеннаго слитка въ 80 золотниковъ,—до сорока золотниковъ; а если принять за половину этого вѣса, и сравнить съ нынѣшнимъ серебрянымъ, получимъ на 5 тысячъ Новгородскихъ рублей 25 тысячъ теперешнихъ. За эти деньги можно было дать много земель внѣ города и всю площадь Митрополичьяго сада. Въ томъ же 1391 году отведены на Чудинцовской улицѣ подворье и многіе дворы Митрополиту Кипріяну. А какъ отводъ помѣщеній Митрополиту пришелся вскорѣ послѣ того, когда свѣтскою властью взяты были 5 тысячъ рублей и подарены Архіепископу Іоанну разныя земли, въ томъ числѣ и „на Чудинцахъ“, мы считаемъ возможнымъ относить къ этому именно времени и самое названье подворья на Чудинцахъ и отдѣльныхъ дворовъ—Кипріановскихъ—Митрополичьимъ островомъ. При объясненіяхъ поселка Людгощаго указано пожалованіе дому Премудрости Божіей большой площади (266×36 саженъ) „на Легощи улицы“. Съ вѣроятностью можно предположить, что эта площадь приходилась къ западно-полуденной границѣ древняго Людгощаго поселка, и вошла въ нынѣшній Митрополичій садъ, или огородъ. По упраздненіи монастырей: Никольскаго „конецъ Людгощей и Чудинцевой улицѣ“ и Апостольскаго, а также церквей: Симеона Столпника, Усѣкновенія Предтечи и Николы Святого—земли, бывшія подъ ними, могли отойти, и обоихъ монастырей несомнѣнно отошли—къ оградѣ того же сада. Но когда и при какихъ условіяхъ отошла отъ Апостольской церкви часть Прусскаго поселка между нею и Архангельскою, принадлежащая нынѣшнему Митрополичьему огороду, и вообще все пространство отъ праваго берега „пропастей“ къ сѣнной площади и нынѣшней же Прусской улицы, мы въ настоящее время свѣдѣній не имѣемъ; найти же ихъ можно въ старыхъ дѣлахъ Консисторіи.

Таковы основанія къ опредѣленію положенія Владычня поселка. Изъ нихъ видно, что этотъ поселокъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ участковъ,—одинъ, древнѣйшій, лежалъ къ мѣстности нынѣшняго Десятиннаго монастыря и ближайшихъ окрестностей его, давно уже переставшей быть Владычнею,—а другой—между поселками Прусскимъ и Чудинцовымъ, въ сторону второго, возникшій въ 1391 году и расширившійся насчетъ земель упразднявшихся время отъ времени, уже при Московскомъ державствѣ, монастырей и церквей, а также и насчетъ земель, жалованныхъ царями послѣ составленія Нарядной описи 1623 года.

Ни одинъ изъ изслѣдователей, трудами которыхъ мы пользуемся, не коснулся перваго участка Владычня поселка, пространство же и положеніе второго опредѣляетъ каждый.

Митрополитъ Евгеній даетъ Митрополичу острову мѣсто „между Легощею и Чудинцевою улицею, отъ церкви Св. Флора и Лавра къ Кремлю“. Если въ его время улица Легощая имѣла положеніе по чертежу 1778 года,—этотъ островъ не войдетъ въ нынѣшній Митрополичій садъ, а весь

ляжетъ между нынѣшними улицами: Фроловскою, Чудинцевскою и Легощею и площадью, что противъ въѣзда въ Дѣтинецъ, такъ что между нимъ и садомъ останется большое пространство. А если до 1808 г. (время изданія Разговоровъ). Легощая шла какъ показано на чертежѣ Попова,—островъ Евгенія еще отодвинется къ востоку, далѣе отъ сада, и уменьшится.

И. И. Красовъ соглашается съ опредѣленіемъ Владыки Евгенія, давая и объясненіе причинъ. Изъ порядка перечисленія мѣстностей Нарядной описи почтенный изслѣдователь выводитъ весьма основательно, что въ ней, при описаніи Загородного конца, повторяется вообще правило заносить урочища по положенію одного за другимъ.

Н. Н. Муравьевъ принимаетъ за Митрополичь островъ огромный пустырь, лежащій, по чертежу Попова 1756 г., между Чудинцевскою и Прусскою улицами, и называетъ его Митрополичьимъ садомъ.

Преосвященный Макарій даетъ подробное и обстоятельное изслѣдованіе Митрополича острова, основывая сужденія свои на письменныхъ памятникахъ, начиная съ лѣтописнаго свидѣтельства 1391 года. Въ окончательномъ выводѣ его опредѣленіе соотвѣтствуетъ нашему; Владыка не сказалъ только о пространствѣ между церквами Апостольскою и Михайловскою (Разговоры, стр. 75; Красовъ, стр. 124. Опис. арх. дома 55 и слѣд.).

Современное положеніе обоихъ участковъ Владычня поселка соотвѣтствуетъ Десятинному монастырю съ его ближайшими окрестностями, и Митрополичьему огороду.

Проѣзды.

На пространствѣ площади, отводимой нами подъ Загородной конецъ, лежало нѣсколько проѣздовъ и проулковъ, въ разныхъ направленіяхъ; три изъ нихъ встрѣчаются въ лѣтописи за время самобытія,—это Хревковъ, Росткинъ и Фларевъ; послѣдній съ проулкомъ того же имени. Опредѣленіемъ положенія и направленія ихъ и займемся.

Хревковъ.

Весною 1194 года въ недѣлю всѣхъ Святыхъ были ежедневно пожары;—„той же недѣли въ пятницу, въ търгъ, загорѣся на Хревковѣ улици, оли до ручья Неревьскѣй коньцъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6702, стр. 22). Въ 1413 году поставлена каменная церковь соборъ Архангела Гавріила, на Хревковѣ улицѣ; о ней мы говорили, какъ о сооруженной воеводами и войскомъ. Церковь Гавріиловскую мы знаемъ, она указываетъ на тотъ конецъ Хревкова проѣзда, который велъ къ этой церкви;—первая же отмѣтка лѣтописи опредѣляетъ начало и направленіе проѣзда словами: „оли до ручья Неревьскѣй коньцъ“, читаемыми нами:—даже до ручья въ Неревской конецъ. Д. И. Прозоровскій понимаетъ эти слова не такъ,—по его изложенію

всей отмѣтки она означаетъ, что загорѣлось на Хревковой улицѣ и Неревской конецъ погорѣлъ даже до ручья (Новгородъ и Псковъ, стр. 82). Мы останавливаемся на пониманіи приведенной отмѣтки знатокомъ Новгородской лѣтописи потому, что оно даетъ другой смыслъ; по нашему горѣло отъ Хревковой улицы даже до ручья, который идетъ въ Неревской конецъ, или до рва того „окрома Неревскаго“ который защитилъ этотъ конецъ отъ истребленія Всеславомъ Полоцкимъ въ первое нападеніе его на Новгородъ,— а по объясненію Прозоровскаго выходитъ, что пожаръ, начавшійся на Хревковой улицѣ, перешелъ въ Неревской конецъ и истребилъ его до какого то ручья. Не встрѣчая тамъ, внутри Кончанской площади, никакого ручья, приходится видѣть въ немъ, придерживаясь чтенія Прозоровскаго, или ровъ, окружавшій который нибудь валъ, малый или внѣшній, или даже рѣку Гзень; а по нашему чтенію выходитъ, что Хревкова улица лѣтописи составляла въ XII вѣкѣ проѣздъ по площади не Неревскаго конца, а другого, сосѣдняго, именно Загородного, къ Людгощему поселку котораго мы его и относимъ, и притомъ что онъ, этотъ проѣздъ, лежалъ въ значительномъ отъ „окрома Неревскаго“ разстояніи; если-бы проѣздъ былъ рядомъ съ Неревскимъ концомъ, или недалеко отъ него, лѣтописцу не представлялось-бы надобности употребить выраженіе—„даже до“, указывающее обширность погорѣвшей площади. Независимо отъ такого объясненія, наше чтеніе оправдывается изложеніемъ отмѣтки 1194 года въ Татищевскомъ сборникѣ, приведенной и въ первой лѣтописи въ выноскѣ *т*: „той же недѣли въ пятокъ вторговое время загорѣся на Хревковой улицѣ дажь и до ручья в Неревской конецъ“. (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 425). Основываясь, поэтому, на приведенной отмѣткѣ, и принимая во вниманіе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ проѣзды ведутъ отъ одной церкви къ другой, ближайшей-ли, или дальней, мы ведемъ Хревковъ проѣздъ по прямой отъ полуденнаго угла Росткина монастыря на первую круглую Митрополичью башню Дѣтинца, и оканчиваемъ его у церкви Архангела Гавріила, стоявшей близъ рва малаго вала, противъ башни на Введенскомъ быкѣ (Донесеніе воеводы 1649 года), соотвѣтствующей концу указанной прямой.

Митрополитъ Евгеній знаетъ не Хревкову улицу, а Фрековскій переулокъ Нарядной описи; очевидно это названіе нашего проѣзда; начинаетъ онъ переулокъ у Предтеченской церкви, бывшей главною въ Росткиномъ монастырѣ, но ведетъ его въ другую сторону, на Легощую улицу своего времени, т. е. начала текущаго столѣтія (Разговоры, стр. 75),—конечно въ Неревскомъ концѣ, а не въ Загородномъ нашего пространства.

И. И. Красовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Евгенія о Фрековскомъ переулкѣ и его положеніи, и отожествляя съ Хревковскимъ, допускаетъ существованіе, сверхъ этого переулка, и Хревковой улицы, которую подводитъ къ Дѣтинцу вообще, къ Гавріиловской церкви, мѣста которой не опредѣляетъ за неимѣніемъ свидѣтельствъ. Выше объяснено, что донесеніе воеводы 1649 г. издано въ свѣтъ послѣ труда Красова (Красовъ, стр. 42). На чертежѣ Попова, приложенномъ къ изслѣдованію Н. Н. Муравьева, есть тотъ переулокъ, который Евгеній и Красовъ называютъ Фрековскимъ; въ перечнѣ

улицъ Муравьева онъ помѣщенъ между Росткиной и Легощей,—значитъ между чертежемъ и мнѣніемъ изслѣдователей, собственно о переулкѣ, полное согласіе.

Существованіе Фрековскаго или Хревковскаго переулка, при упоминаніи улицы того же имени и на ней Гавріиловской церкви, ставитъ тотъ и другую въ причинную связь, и побуждаетъ искать на чертежѣ Попова, или 1778 г., Хревкову улицу близъ переулка того же, или сходнаго имени. Отъ полуденнаго угла площади Росткина монастыря идетъ улица по той прямой, хотя и выгибаясь нѣсколько къ западу, которую мы провели для направленія Хревкова проѣзда къ круглой башнѣ Дѣтинца; улица, оканчивающаяся не дойдя нѣсколько до земляного укрѣпленія Петра Великаго. Отступя отъ полночно-восточной стороны монастырской площади, или правильнѣе—отъ площади, на которой поставленъ на обоихъ чертежахъ знакъ, указывающій мѣсто церкви, началась улица, протянувшаяся вдоль описанной, къ тѣмъ же землянымъ укрѣпленіямъ около Дѣтинца. На первой трети протяженія обѣихъ улицъ отъ церковной площади показанъ переулокъ, начавшійся отъ первой изъ нихъ подъ прямымъ къ ней угломъ, пересѣкшій подъ такимъ же угломъ вторую и направившійся далѣе, чрезъ площадь при Ѳеодоро-Стратилатовской церкви и чрезъ Петербургскую улицу, къ церкви Мины и Виктора. Фрековскій переулокъ Евгенія и другихъ писателей начался и пошелъ на западъ, къ церкви Флора и Лавра, отъ того же угла названной церковной площади, отъ котораго взялась улица, соотвѣтствующая нашему Хревкову проѣзду. Стало-быть эту улицу чертежей Попова и 1778 года можно считать за ту, которая была причиною наименованія переулка Фрековскимъ или Хревковымъ, то есть за Хревкову, замѣнившую нашъ проѣздъ того же имени, возникшій въ XII вѣкѣ.

Сравнительно съ нынѣшнимъ распредѣленіемъ улицъ и площадей Хревковъ проѣздъ пройдетъ отъ незастроенной еще площади Росткинской церкви на Забавской, называемой на пространствѣ между Лучинскою и Легощею Предтеченскою,—улицѣ, прямо на зимній востокъ и кончится почти на углу Легощей улицы и театральной площади, гдѣ домъ Полицейскаго управленія Софійской части города.

Росткинъ.

Въ лѣтописи значится, что въ 1396 году „сгорѣ церковь святый Іоаннъ въ Росткинѣ монастырѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6904, стр. 97); но когда учрежденъ этотъ монастырь—неизвѣстно. Преосвященный Амвросій относитъ построеніе каменной церкви во имя Рождества Іоанна Предтечи въ Росткинѣ женскомъ монастырѣ, и самое основаніе его, къ 1406 году; улицу, на которой монастырь стоялъ, называетъ Забавскою (Истор. Рос. Іер. Ч. V, стр. 717), значитъ онъ говоритъ о томъ именно монастырѣ, площадь церкви котораго еще не застроена, и лежитъ на нынѣшней Забавской-Предтеченской улицѣ; но годъ основанія монастыря называетъ не

согласно съ приведеннымъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ. Зная мѣстность Росткина монастыря, легко установить начало проѣзда, давшаго ему свое имя. Направленіе и конецъ этого проѣзда опредѣляются мѣстомъ церкви Св. Константина и Елены, стоявшей, какъ мы уже знаемъ, между улицами Росткиною и Яневою; основаніе этой церкви восходитъ къ 1151 году; но неизвѣстно, называлось-ли и тогда мѣсто ея Росткиною улицею, первое упоминаніе о которой встрѣчается только подъ 1390 годомъ (II и III Нов. лѣт. годъ 6898, стр. 134 и 232). Въ первой лѣтописи не названа мѣстность этой церкви, какъ мы сказали, ни подъ 1151, ни подъ 1390 годамъ, а подъ 1400 г. сказано, что она поставлена каменною на Яневѣ улицѣ (I Нов. лѣт. годъ 6908, стр. 101). Въ росписи 1615 г. Константино-Еленинская церковь поставлена два раза (выше сказано объ этомъ), на Росткинѣ и на Яневѣ улицѣ, и оба раза съ одинаковыми придѣлами (Димитрія Великомученика и Ильи Пророка). Основываясь на лѣтописныхъ и на этой отмѣткахъ, мы ставимъ Константино-Еленинскую церковь при встрѣчѣ Росткина проѣзда съ Яневою улицею, въ которую онъ упирался концомъ, имѣя начало близъ монастыря Іоанна Предтечи. На срединѣ проѣзда эта церковь не могла быть, потому именно, что поставлена въ росписи два раза. Весьма вѣроятно, что въ 1615 году Новгородскія церкви описывались не однимъ лицомъ, а покрайней мѣрѣ двумя; первый писецъ кончалъ свою работу, по заранѣе сдѣланному распредѣленію, Росткиною улицею; а другой началъ свою Яневою; Константино-Еленинская церковь стояла такъ, что одною стороною замыкала Росткину, а другою—Яневу, то есть—стояла на площадкѣ, въ углу, образовавшемся отъ встрѣчи обѣихъ улицъ. Записи обоихъ писцовъ сводились въ одну третьимъ, не бывшимъ въ Новгородѣ, уже въ Москвѣ, для составленія отчета, или бѣловой росписи;—разноименность улицъ не возбудила въ этомъ третьемъ писцѣ сомнѣнія и онъ внесъ церковь два раза. Все, что здѣсь мы говоримъ о Константино-Еленинской церкви, есть уже повтореніе ранѣе сказаннаго;—но мы признаемъ это не лишнимъ, чтобы стать на твердую почву для опредѣленія Росткина проѣзда.

Итакъ, разсматриваемый проѣздъ лежалъ на прямой между Росткинымъ монастыремъ и нынѣшнею театральною площадью, почти на углу ея и Лучинской улицы. (Тутъ, нѣсколько отступя отъ угла въ сторону къ внѣшнему валу найдены человѣчьи кости, о чемъ выше сказано).

Митрополитъ Евгеній ведетъ Росткину улицу Нарядной описи 1623 года „отъ нынѣшней церкви Флора и Лавра чрезъ Лучинскую нынѣшнюю улицу, къ церкви Св. Мины и Виктора“. Эту самую улицу мы видѣли на чертежахъ 1756 и 1778 гг. при описаніи Хревкова проѣзда; она начиналась по чертежамъ, не отъ Флоровской церкви, а отъ улицы, которая идетъ съ полночно-восточной стороны площади Росткина монастыря, направляясь на востокъ къ Дѣтинцу, и при томъ не отъ самаго монастыря, а много восточнѣе его площади. Отъ этой улицы, называемой Евгеніемъ Росткиною, мѣсто церкви Константино-Еленинской отдалено, къ востоку, на такое же разстояніе, на какое сама она не дошла до Росткинской площади. Строго

вниманіе ученаго Митрополита и осторожность, сказывающіяся во всѣхъ трудахъ его, не дозволяютъ относиться съ недовѣріемъ къ его опредѣленію положенія и направленія Росткиной улицы; вѣроятно вся она, или которая либо, напримѣръ ближайшая къ соименному ей монастырю, часть, —носила въ Евгеніево время названіе Росткиной.

И. И. Красовъ сомнѣвается въ возможности направленія Росткиной улицы, опредѣляемаго Евгеніемъ. Основанія сомнѣнія лежатъ въ признаваемомъ имъ положеніи и пространствѣ улицъ Щирковой и Розважи: полагая, что обѣ эти улицы доходили до внѣшняго вала и лежали близъ Θеодоро-Стратилатовской церкви (церковь Θеодора-Тирона основана была среди этихъ двухъ улицъ), Красовъ находитъ, что Евгеніева Росткина пересѣкала-бы ихъ и погорѣла-бы въ пожаръ 1540 года, (отмѣченъ выше) истребившій „улицы Яневу и Щиркову, по направленію къ полю, за церковь 40 мучениковъ, и Розважу“ (Красовъ, стр. 43). Но это основаніе не представляется убѣдительнымъ; мы ведемъ улицы Щиркову, Розважу и Яневу, —какъ поселки, не къ внѣшнему валу, а вдоль направленія его, между этимъ и малымъ, такъ что только Щиркова обращена нами къ сторонѣ внѣшняго; западные же концы всѣхъ трехъ поселковъ ставимъ не переходя площади церкви Θеодора-Стратилата, у полночно-восточной границы Людгощаго поселка; (церковь Θеодора Тирона придется тоже между Щирковою и Розважею); полемъ за церковью 40 мучениковъ мы считаемъ: —пространство между нею и малымъ валомъ, —и широкій проѣздъ, соотвѣтствующій Дмитровской улицѣ. При такомъ расположеніи нашихъ поселковъ Росткина улица Митрополита Евгенія могла не горѣть въ 1540 году, какъ проходившая далеко отъ поля, на которомъ стояла Четыредесятская церковь. По нашему мнѣнію эта Евгеніева Росткина могла быть проѣздомъ между Щирковымъ и Розважимъ поселками—къ церкви Мины и Виктора. Такимъ образомъ основаніе сомнѣнія Красова не уясняетъ положенія разсматриваемаго проѣзда. Принимая, затѣмъ, за Росткину Нарядной описи ту, которая показана на чертежахъ 1756 и 1778 гг. идущею, какъ сказано нами при объясненіи положенія проѣзда Хревкова, вдоль улицы его имени, и не находя данныхъ для опредѣленія Константино-Еленинской церкви, Красовъ проводитъ Росткину улицу между нынѣшними Лучинскою и Легощею, то есть нѣсколько западнѣе положенія, опредѣляемаго нами для Росткина проѣзда (стр. 44).

Примѣнительно къ нынѣшнимъ улицамъ Росткинъ проѣздъ пойдетъ вдоль полночно-восточной стороны площади бывшаго Росткина монастыря, пересѣчетъ, въ самомъ концѣ, улицу Лучинскую и остановится у театральной площади (тоже газонъ).

Фларевъ.

Въ 1348 году, „осенью загорѣся Фларевъ на Люгощѣ улицѣ и съгорѣ церковь едина въ обѣдъ годъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6856, стр. 84). Д. И. Прозоровскій полагаетъ, что подъ именемъ Фларева слѣдуетъ разумѣть

переулокъ Флоровъ по церкви Флора и Лавра (Новгородъ и Псковъ, стр. 80). Предположеніе это весьма вѣроятно. Поселокъ Людгощій занималъ въ предлѣтописныя и перволѣтописныя времена обширную площадь, на которой были церкви: Флоровская, Предтеченская-Росткинская, Никольско-монастырская (конецъ Людгощи и Чудинцевы улицъ), Ѳеодоровскія двѣ—Тироновская и Стратилатовская, Константино-Еленинская и Гавріиловская; самою близкою въ звуковомъ соотвѣтствіи къ Флареву оказывается одна только Флоровская, а по народному говору Фроловская. Въ пергаментномъ сборникѣ нѣтъ отмѣтокъ за 6856 годъ, потому видѣть древнее начертаніе имени переулка Люгощей улицы XIV вѣка намъ негдѣ, а выдвинуть догадку— нѣтъ-ли въ немъ описки, не представляется основаній. Въ Татищевскомъ сборникѣ приведенная отмѣтка 1348 года повторяется буква—въ букву (Прод. Др. Р. В. Ч. II, стр. 620).

Ни Митрополитъ Евгеній, ни И. И. Красовъ—не упоминаютъ о Фларевѣ переулкѣ; его нѣтъ и въ Нарядной описи. Н. Н. Муравьевъ видитъ на чертежѣ 1756 года улицы Легощу и Легощинскую и ставитъ обѣ между Росткиною и Чудинцовою; первую отмѣчаетъ числомъ 24, а вторую 18;— ближайшею къ Чудинцевской приходится, поэтому, Легощинская. По чертежамъ Попова и 1778 года улица, близъ которой отмѣчено мѣсто, соотвѣтствующее церкви Флора и Лавра, показана прямою, начинающеюся отъ самаго внѣшняго вала и кончающеюся у земляного укрѣпленія около Дѣтинца—Петровскаго времени,—а отъ площади этого церковнаго мѣста проведена къ тому же укрѣпленію, съ небольшимъ отклоненіемъ къ западу отъ улицы прямой, другая; она на половину короче прямой. Едва-ли можно сомнѣваться, что длинная прямая улица соотвѣтствуетъ Легощей Нарядной описи, другая же, короткая, проведенная между нею и Чудинцевскою, будетъ, поэтому, Легощинскою Муравьева.

Намъ неизвѣстны причины, заставившія Муравьева назвать сосѣднія улицы обоихъ чертежей—одну Легощею, а другую—Легощинскою; въ лѣтописяхъ, и въ памятникахъ болѣе позднихъ, встрѣчаются: Людгоща, Люгоща и Легоща; въ народномъ же говорѣ настоящаго времени слышится иногда и Легощинская, такъ что только этимъ послѣднимъ мы и можемъ объяснить Муравьевское наименованіе Легощенскою той улицы, которая лежитъ, по чертежамъ, между Легощею и Чудинцевскою. Когда она закрыта и существовала-ли еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія,—намъ неизвѣстно.

Имѣя въ виду, что лѣтописный Фларевъ переулокъ былъ въ Людгощемъ поселкѣ, и что Муравьевская Легощинская идетъ вдоль Людгощей улицы, на которой стояла до сихъ поръ существующая на Легощей Флоровская церковь, мы заключаемъ, что этотъ лѣтописный переулокъ служилъ проѣздомъ отъ церкви Флора и Лавра къ малому валу, или къ нашему Загородью 1348 года.

По теперешнему положенію улицъ Легощей и Чудинцевской Фларевъ проѣздъ придется между полуденными углами ограды Флоровской церкви и Чудинцевской улицы, гдѣ она вышла на площадь, близъ домовъ—дворянскаго и Н. С. Федорова.

Въ Загородномъ концѣ, судя по Знаменскому изображенію, было, кромѣ поименованныхъ, весьма много и другихъ проулковъ, проѣздовъ и проходовъ между дворами, какъ и вообще по всему городу, но лѣтопись ихъ не называетъ; — хотя иногда и говоритъ о дворахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, по поводу выдающихся случаевъ внутренней жизни, преимущественно грабежей и поджоговъ во время усобицъ,—но такъ кратко, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ положеніе.

Заполья.

За все время самобытія лѣтопись упоминаетъ одинъ только разъ о Запольи Никитиной улицы, подъ 1442 года, по случаю пожара на Славенской сторонѣ;—но здѣсь разумѣется внутреннее пространство города, гдѣ лежала, какъ мы видѣли, улица Запольская, направлявшаяся вдоль внѣшняго вала, по Плотенскому концу, съ именемъ Запольской, а по Славенскому—Загородской (I Нов. лѣт. годъ 6950, стр. 114—послѣдняя). Съ половины XVI вѣка лѣтопись называетъ Заполья чаще, но не различая мѣстностей ихъ, то есть—и городскія и загородныя населенныя пространства близъ внѣшняго вала. При объясненіяхъ о мѣстахъ лѣтописныхъ церквей говорено уже о Запольяхъ Загородного конца; здѣсь мы постараемся опредѣлить, насколько возможно, положеніе Запольевъ: Легощенскаго, Прусскаго, Чудинцовскаго и Росткинскаго.

Легощинское.

По нашему опредѣленію Людгощій поселокъ занималъ обширное пространство вдоль внѣшняго вала. Заполье Легощинское встрѣчается только въ росписи 1615 года. Ближайшимъ, по времени, къ росписи памятникомъ представляется чертежъ 1756 года, на которомъ улица Легоща показана прямымъ проѣздомъ между валами внѣшнимъ и внутреннимъ, проходящимъ недалеко отъ церкви Флора и Лавра Едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если проведемъ Легощу XVII вѣка по нынѣшней Легощей. Поэтому Заполье Легощинское придется между внѣшнимъ валомъ и желѣзною дорогою, противъ Легощей, гдѣ участки Гг. Штрейсса, Симпсона и Мак-дональда. Въ статьѣ объ Успенской церкви Козьмодемьянскаго Заполья мы высказали догадку, что она находилась на участкѣ г. Мак-дональда, какъ на землѣ пожертвованной кѣмъ либо въ древности одной изъ Козьмодаміанскихъ церквей, отъ которой и дано ей названіе Козьмодемьянскаго Заполья; мы не считаемъ невозможнымъ видѣть первоначально—одаренною церковь, въ числѣ Козьмодаміанскихъ, и ту, которая находилась на Славенской сторонѣ, за валомъ, въ предѣлахъ между Тихвинскою кладбищенскою церковью и монастырями Антоновскимъ и Деревяницкимъ, гдѣ нынѣшняя Кузьмодемьянская пожня, принадлежащая городу. Здѣсь, на участкѣ г. Мак-до-

нальда, мы ставимъ это Заполье потому собственно, что въ росписи 1615 года показано въ одномъ мѣстѣ съ Чудинцовскимъ и Прусское,—а Легощипское неназвано;—и притомъ на Заполья, признаваемомъ нами за Легощинское, было много дворовъ, если тутъ стояла Успенская церковь; потому мы и отводимъ подъ него пространство, прилегающее къ западно-полночной границѣ нашего Людгощаго поселка, между Θеодоро-Стратилатовскою церковью и нынѣшнею Чудинцевскою улицею, объ этомъ Запольѣ ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ не говорятъ.

Прусское.

Въ настоящее время на городскомъ выгонѣ есть земля, прилегающая къ внѣшнему валу, между нынѣшнею Прусскою улицею, сосѣднею частію Митрополичьяго сада и слободкою на Псковской дорогѣ; земля эта извѣстна подъ именемъ Прусскаго Заполья. Церковь Ильинская съ монастыремъ ея имени, которую мы видѣли противъ Вознесенской на Прусской улицѣ, была въ этомъ Запольи. Митрополитъ Евгеній не даетъ и о немъ никакихъ свѣдѣній. Красовъ тоже, затрудняясь опредѣлить мѣстность, полагаетъ, что Прусское Заполье могло находиться и внутри города, и внѣ его, поблизости къ внѣшнему валу и улицѣ того же названія. Крестъ, поставленный въ концѣ Прусской улицы, у самаго вала, на чертежѣ 1756 года, Красовъ принимаетъ, хотя подъ сомнѣніемъ, за признакъ, что тутъ находился дѣвичій монастырь Св. Иліи. Но мы видѣли слѣды церкви и монастырскій колодецъ за валомъ. Какъ далеко тянулось это Заполье къ слободкѣ на Псковской дорогѣ, и было-ли оно всегда въ тѣхъ границахъ, которыя имѣетъ теперь, какъ городская земля, намъ неизвѣстно.

Чудинцовское.

Въ Нарядной описи Чудинцовское Заполье не значится; но въ росписи оно названо такъ: „Въ Чудинцовскомъ Запольѣ монастырь мужской, а въ немъ храмъ каменъ, Никола Чудотворецъ; трапеза каменная, а въ ней храмъ“ (Разговоры, стр. 83). Монастырь этотъ мы видѣли въ нынѣшнемъ Митрополичьемъ саду; слѣдовательно, это Заполье было въ городѣ. Поселки Чудинцовъ и Прусской, взятые вмѣстѣ, занимали вдоль вала пространства меньше, чѣмъ одинъ Людгощій; Чудинцовъ же касался вала, когда Прусскій подходилъ къ ямѣ противъ Апостольской церкви, на протяженіи не болѣе 50 саженъ; поэтому, Заполья Прусское и Легощинское, послѣднее участкомъ съ Успенскою церковью (Козьмодемьянское Заполье), могли раздѣляться только проходившею между ними дорогою, Псковскою, или Ивань-городскою поздняго времени.

Митрополитъ Евгеній ничего не сказалъ и объ этомъ Запольи, какъ умолчалъ о Легощинскомъ; Красовъ не рѣшаетъ, гдѣ оно было, замѣчая только, что лежало за деревяннымъ городомъ (Мѣстопол. древ. Новг. стр. 128). Въ статьѣ объ окопахъ Неревской стороны мы увидимъ, что деревяннымъ городомъ назывался въ XVI вѣкѣ малый валъ; Красовъ, указывая на часть города, или на пространство внѣ его, гдѣ могло быть Заполье Чудинцовское, ссылается на лѣтописныя отмѣтки подъ 1552 и 1554 гг., въ которыхъ сказывается: „горѣло Чюдинское Заполье, за городомъ за деревяннымъ“. (II Нов. лѣт. годы 7060 и 7062, стр. 156 и 157).

Росткинское.

Росткинъ проѣздъ начинался, какъ мы видѣли на чертежахъ 1756 и 1778 гг., нѣсколько отступя отъ площади монастыря его имени на полночь къ востоку. Пространство между монастыремъ и началомъ проѣзда къ внѣшнему валу и въ обѣ стороны, къ Легощей и Петербургской улицамъ времени составленія чертежей, представляетъ обширный пустырь. Н. Н. Муравьевъ называетъ всю эту площадь полями и Запольями купцовъ Софійской стороны (замѣтки на чертежѣ Попова). То, которое составляетъ половину пустыря къ Легощей, названо Росткинскимъ, а другое,—къ Петербургской улицѣ, частію на мѣстѣ нашего Людгощаго поселка, а частію—Щиркова, Неревскаго конца,—Черковскимъ. Выше мы видѣли, что въ Разговорахъ Митрополита Евгенія оно показано не тутъ, а близъ Волхова у Петропавловской церкви, за внѣшнимъ валовъ.

Ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ не даютъ никакихъ объясненій о Росткинскомъ Запольѣ; послѣдній даже и не упоминаетъ о немъ. Лѣтопись тоже ни разу не сказала ни о Росткинскомъ, ни о Черковскомъ, которое, по всей вѣроятности, есть, какъ замѣчено выше, Щирковское, доказывающее наше опредѣленіе Щиркова поселка, лежавшаго не у Волхова и Петропавловской церкви, а у внѣшняго вала,—западно-полночнымъ концомъ своимъ встрѣчавшимся съ Людгощимъ. Мы знаемъ, что въ 1684 году пожалована Софійскому дому земля на Росткинѣ улицѣ, взамѣнъ тѣхъ огородовъ, которые принадлежали ему же на Щирковѣ и другихъ улицахъ, но впослѣдствіи отведены подъ дворы Московскихъ стрѣльцовъ. По всѣмъ этимъ даннымъ слѣдуетъ заключить, что Росткинское заполье образовалось уже послѣ самобытія, когда упразднены были военные поселки Загородного конца, и что оно, какъ и Чудинцовское, занимало мѣсто внутри города, а не за чертою его.

Въ настоящее время городскія Заполья, Чудинцовское и Росткинское, занимаются: первое Митрополичьимъ садомъ, а второе частными дворами площади между валомъ и улицами: Лучинскою, Предтеченскою и Забавскою и полночною частью Легощей.

Людинъ конецъ.

Полуденно-западная часть Неревской стороны составляла Людинъ конецъ. Для удобства обозрѣнія обширнаго пространства, которое онъ занималъ во времена самобытія, мы раздѣлимъ всю площадь этого конца на четыре большихъ участка; два внутри внѣшняго вала, и два за нимъ: къ полдню—одинъ, къ западу—другой. Границами концу служили—для участковъ внутри города: съ западо-полночи—предѣлъ нашего Загороднаго конца, по отношенію къ положенію его—западно-полуденной;—съ полночи Загородье,—съ востока и полдня—внѣшній валъ береговаго конца Загородья до Бѣлой Алексѣевской башни,—и съ полдня къ западу—внѣшній валъ отъ Бѣлой башни до той его части, которая приходится противъ правой стороны ограды Десятиннаго монастыря. Третій, или первый внѣшній, участокъ занималъ пространство прямо на полдень отъ Бѣлой Алексѣевской башни, минуя ровъ внѣшняго вала и мокрую низину, на большомъ продолговатомъ холмѣ, спускающемся къ Мячинскому озеру; мѣстность эта названа нами „Мигра"; она соотвѣтствуетъ нынѣшней Воскресенской слободѣ. Четвертый, или второй внѣшній, участокъ лежалъ за полуденно-западною стороною внѣшняго вала. О томъ—какъ возникло имя Людина конца и когда, мы уже говорили.

Какъ береговое пространство на полночь отъ Дѣтинца, наше Побережье, занято было военными поселками, такъ и здѣсь внутренніе участки Людина конца образовались изъ такихъ же поселковъ, послѣдовательно, по мѣрѣ увеличивавшейся надобности въ охранѣ Славенской стороны, богатѣвшей и дѣлавшейся болѣе и болѣе лакомою приманкою для хищническихъ стремленій бездомныхъ бродягъ, скоплявшихся для набѣговъ и грабежей въ многочисленныя полчища.

Изслѣдователи мѣстоположенія Древняго Новгорода принимаютъ, какъ сказано уже, за основу своихъ изысканій памятники поздніе, и только кое-гдѣ подтверждаютъ лѣтописью выводы изъ Нарядной описи, росписи церквей и чертежа 1756 года. И. И. Красовъ внимательнѣе своихъ предшественниковъ къ лѣтописи,—потому выводы его и убѣдительнѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ ученаго Митрополита и Н. Н. Муравьева; но и Красовъ оставляетъ много пустыхъ мѣстъ даже въ изысканіяхъ о поселкахъ Новгородскихъ XVII вѣка, не говоря о древнихъ, восходящихъ къ вѣкамъ перволѣтописнымъ и самобытнымъ.

Митрополитъ Евгеній, соглашаясь съ показаніемъ Нарядной описи 1623 г., называетъ Людинъ конецъ Новымъ, и отводитъ для него мѣсто „гдѣ нынѣ церковь упраздненнаго Воскресенскаго монастыря, и тамъ же были церкви Воздвиженская и Лукинская, за Троицкою Ямскою, по лѣвому, нагорному берегу Волхова" (Разговоры, стр. 77). Введенный въ заблужденіе этою Нарядною описью, Владыка допустилъ несообразность: церкви Лукинская и Воздвиженская стояли далеко отъ берега, и не за Троицкою Ямскою, а внутри, ея,—притомъ мѣстность, гдѣ онѣ находились, болѣе

низменная, чѣмъ нагорная. Вѣроятно Евгеній писалъ объясненія въ началѣ своего пребыванія въ Новгородѣ и безъ справокъ съ лѣтописью. Впрочемъ къ его времени дѣло изданія лѣтописи находилось еще неупорядоченнымъ: изъ большой семьи Новгородскихъ сборниковъ были напечатаны: Пергаментный—въ Москвѣ, въ 1795 году; Архангелогородскій, Кенигсбергскій, Софійскій Академическій, Царственный, Древній, Татищевскій и Никоновскій около этого же времени; къ изданію же сводныхъ еще не приступали. Нарядная опись, какъ памятникъ правительственный, не возбуждала сомнѣній Владыки,—а въ ней Людинъ конецъ значится Новымъ. Трудно однако же объяснить недостаточностью источниковъ несообразность въ назначеніи для церквей Луки и Воздвиженія мѣста въ Людинѣ концѣ, когда нарядная опись внесла улицы имени этихъ церквей въ Гончарскій, признаваемый ею за древній; очевидно Евгеній не изучилъ мѣстности лично.

И. И. Красовъ пользовался уже сводною лѣтописью и пришелъ изъ ея показаній къ заключенію, что Гончарскій конецъ появился на мѣстѣ Людина около XV. вѣка, и что Людинъ древнѣе его (стр. 24—27).

Н. Н. Муравьевъ слѣдуетъ, какъ и Евгеній, за Нарядною описью и, считая Людинъ конецъ Новымъ, отводитъ ему мѣсто въ сторону къ Воскресенской слободѣ, къ полдню отъ рва внѣшняго вала.

Старѣйшая Новгородская лѣтопись, по спискамъ пергаментному, Татищевскому и Толстовскому, называемая первою, и другія—называютъ Людинъ конецъ, начиная съ XII до половины XV вѣка, и опредѣляютъ, всею совокупностью отмѣтокъ, назначаемое нами для него пространство—внутри города и на Мигрѣ,—такъ: въ 1194 году—сгорѣло въ Людинѣ концѣ 10 дворовъ (годъ 6702, стр. 28—I Нов. лѣт.—Указанія дальнѣйшихъ годовъ отъ сотворенія міра и страницы означаютъ эту первую лѣтопись, до отмѣтокъ, которыя будутъ приведены послѣдними, выписываемыми изъ третьей); въ 1218 и 1220 гг. Людинъ конецъ держалъ, во время усобицы, сторону Посадника Твердислава (6726 и 6728, стр. 37 и 38);—въ 1234 г. сгорѣла Лукинская церковь въ Людинѣ концѣ (6742, стр. 49);—въ 1297 г. поставлена церковь на Дѣтинцевскихъ воротахъ отъ Людина конца (6805, стр. 66);—въ 1340 г. погорѣлъ Людинъ конецъ отъ церкви Св. Алексѣя до Прусской улицы (6848, стр. 79);—въ 1372 г. копали ровъ около Людина конца и Загородія и Неревскаго конца (6880, стр. 90);—въ 1391 году—загорѣлось отъ Введенской церкви на Прусской улицѣ и погорѣлъ весь Людинъ конецъ до Св. Алексѣя (6899, стр. 95);—въ 1405 г. погорѣлъ Людинъ конецъ и Прусская улица до Михаила Святого (6913, стр. 102);—въ 1407 г. поставлена каменная церковь Власія въ Людиномъ концѣ (6915, стр. 103);—въ 1415 году—Святого Воздвиженія и Св. Луки въ томъ же концѣ (6923, стран. 106);—въ 1421 году залило церковь Воскресенія въ Людинѣ концѣ (6929, стр. 109);—въ 1425 году Людинъ конецъ погорѣлъ весь (6933, стр. 110);—въ 1433 году погорѣлъ Людинъ конецъ до Лукины улицы (6941, стр. 111). Въ лѣтописи съ поясненіями, домыслами и прибавками, т. е. въ третьей Новгородской, встрѣчаются еще слѣдующія отмѣтки:—подъ 1195 годомъ—о церкви Воскресенія

въ Людинѣ концѣ, въ Мигрѣ, (6703, стр. 27) и—подъ 1455 г.—о церкви Іоанна Милостиваго въ Людинѣ концѣ, за большимъ валомъ въ Алексѣевской улицѣ—(6963, стр. 241). Самое раннее свидѣтельство о нашемъ концѣ содержится въ Ярославовомъ Уставѣ о мостахъ: „Осменникомъ поплата въ Людинъ конецъ". Этими отмѣтками ясно очерчиваются границы мѣстности, составлявшей пространство и положеніе Людина конца—съ XII вѣка, а Уставомъ о мостахъ—временъ предшествующихъ, такъ что конецъ Гончарскій или Горончарскій—есть учрежденіе новое и, какъ высказано раньше, не правительственное, а житейское,—потому мы считаемъ его только за четвертый, или второй внѣшній, участокъ Людина.

Признавая наше Загородье первымъ, по времени возникновенія, поселкомъ около Дѣтинца, вызваннымъ преимущественно сторожевыми цѣлями, и относя появленіе нашего же Побережья ко временамъ расширенія военныхъ поселковъ Неревской стороны, мы видимъ и на западно-полуденной сторонѣ Загородья подобные же поселки; какъ въ Побережьи—и здѣсь населеніе разросталось около военныхъ-сторожевыхъ дворовъ.

Въ Неревскомъ концѣ мы выдѣлили Побережье,—здѣсь отдѣльно разсмотримъ Кромный городъ, а затѣмъ перейдемъ къ поселкамъ.

Кромный городъ.

Къ началу XII вѣка, на западъ—къ полдню отъ Дѣтинца, въ соотвѣтственномъ Побережью Неревскаго конца положеніи,—вдоль берега мокрой низины, перерѣзанной истоками озера Мячина въ Волховъ и протокомъ Гзени, направленномъ природою-ли, или искусствомъ, около западно-полночной стороны лѣвой половины города,—лежалъ Кромный городъ. Подъ 1112 годомъ имѣется въ первой лѣтописи слѣдующая отмѣтка: „Погорѣ онъ полъ, на сей же сторонѣ городъ Кромный отъ Лукинъ пожаръ" (годъ 6620—6621, стр. 4).

Издатели Новгородскихъ лѣтописей полагаютъ, что слова „отъ Лукинъ пожаръ" поставлены неправильно, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ означенныхъ словъ недостаетъ (Выноска подъ двумя звѣздочками на той же страницѣ).

Для нашихъ изысканій слова „отъ Лукинъ пожаръ" имѣютъ рѣшающее въ существованіи и положеніи Кромнаго города значеніе, потому необходимо остановиться на приведенной замѣткѣ Археографической коммиссіи.

Въ пергаментномъ и Татищевскомъ сборникахъ слова „отъ Лукинъ пожаръ" помѣщены; сборникъ пергаментный писанъ, по заключенію издателей первой Новгородской лѣтописи, на первыхъ 62 листахъ, почти тѣмъ же почеркомъ, которому принадлежитъ знаменитое Реймское Евангеліе,—и не позднѣе XIII вѣка,—а Татищевскій, называемый ими Академическимъ вторымъ,—около половины XV вѣка. Издатели излагаютъ первую нашу лѣтопись по этимъ двумъ сборникамъ и по третьему, Толстовскому девятому, писанному скорописью въ началѣ XVIII вѣка (Полн. собр. русс. лѣт.

Ч. III, предисловіе, стр. III и IV). Слѣдовательно словъ „отъ Лукинъ пожаръ“ нѣтъ только въ Толстовскомъ и другихъ позднѣйшихъ сборникахъ. Общее правило, принимаемое всѣми вообще издателями и объяснителями памятниковъ, имѣющихся въ разновременныхъ спискахъ,—принимать за основный ближайшій по почерку ко времени, къ которому относится повѣствуемое въ немъ событіе; почему Археографическая коммиссія признаетъ занимающія насъ слова неправильно внесенными въ лѣтописную отмѣтку, необъяснено; въ пергаментномъ сборникѣ они написаны чотко однимъ чистымъ почеркомъ, совершенно одинаковымъ со всѣми 62 листами, относимыми издателями нашей лѣтописи къ XIII вѣку. Быть можетъ сомнѣніе коммиссіи вызвано отсутствіемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи первой и прочихъ Новгородскихъ лѣтописей упоминанія о Кромномъ городѣ и наличностью его въ Псковѣ (Псковская лѣтопись упоминаетъ о Кромѣ съ XIV по XVI вѣкъ болѣе десяти разъ). Хотя въ лѣтописяхъ русскихъ, веденныхъ въ городахъ, встрѣчаются отмѣтки о событіяхъ различныхъ мѣстностей, а не однихъ только, случившихся въ осѣдлости лѣтописца,—но лѣтопись Новгородская въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и всего кажется два раза, отмѣчая случай—не называетъ города, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто, и такимъ образомъ открываетъ поводъ относить оба не къ Новгороду; случаи эти, подъ годами 1039 и 1088, касаются освященія церквей Святой Богородицы—первый и Святого Михаила—второй. Въ Лаврентьевскомъ сборникѣ объ освященіи тѣхъ же церквей говорится подробно, и оба раза лѣтопись называетъ Кіевъ. Эти церкви были, однако же, въ 1035 и 1088 годахъ и въ Новгородѣ: Богородицкая—есть Софія Супраельской рукописи и Архангелогородскаго лѣтописца, основанная въ 1030 году княземъ Владиміромъ Ярославовичемъ, въ Дѣтинцѣ, у Дьячего двора, въ стѣнѣ—и Михаила Архангела—долѣтописная, на Славенской сторонѣ „средѣ Търга“; могло, поэтому, быть и такъ, что Лаврентьевскій сборникъ дополнилъ памятуху о Новгородскихъ церквахъ своими поясненіями. Мы уже имѣли случай говорить, что большая часть начальной русской лѣтописи Кіевскаго извода заимствовала извѣстія изъ Новгородскихъ памятухъ (О составѣ Русскихъ лѣтописей—академика Бестужева-Рюмина). Если послѣ 1112 года Кромный городъ не упоминается въ нашей лѣтописи,—одно это не дастъ права считать слова „отъ Лукинъ пожаръ“ неправильно внесенными въ пергаментный и Татищевскій сборники. Мы видѣли въ Супраельской рукописи „кровъ“, или „окромъ, Неревской“, въ смыслѣ укрѣпленія, въ 1066 году; были, конечно, и другіе окромы или кромы, по окраинамъ, каковы: Побережье и Загородье. Думать, что наша лѣтопись разумѣетъ Псковской Кромный городъ, конечно можно, но чтобы заподозрить точность отмѣтки древнѣйшей лѣтописи, нужно осмотрѣться толкомъ и опредѣлить, что такое Лукинъ пожаръ? Въ Псковѣ появилась церковь во имя Св. Апостола Луки только въ 1518 году (Псков. I лѣт., изданіе Погодина, годъ 7026, стр. 185),—въ Новгородѣ же ихъ было двѣ, одна на Лубяницѣ, на Славенской сторонѣ, съ 1207 г., а другая въ Людинѣ концѣ Неревской стороны, сгорѣвшая отъ грозы въ 1234 году и впослѣдствіи возобновленная. Стало-быть Лукинъ

пожаръ тотъ, который начался отъ Лукинской церкви или улицы. Положеніе церкви этого имени въ Людинѣ концѣ мы видѣли; она стояла близъ береговой мокрой низины. Хотя лѣтопись не говоритъ, когда именно возникла наша Лукинская церковь, но мы можемъ съ вѣроятностью приписать первоначальное сооруженіе ея второму Новгородскому Епископу Лукѣ Жидятѣ или Жирятѣ, принявшему паству послѣ смерти Іоакима Корсунянина, въ 1030 году. Выраженіе лѣтописи „погорѣ онъ полъ" значитъ—погорѣла другая половина города, по отношенію къ жительству лѣтописца.

Итакъ Кромный городъ занималъ пространство сряду послѣ Загородья, на западъ къ полдню отъ него, и простирался за Лукинскую церковь, до Алексѣевской Бѣлой башни, то есть составлялъ первую половину Людина конца. На мѣстѣ Мигры, или нынѣшней Воскресенской слободы, онъ находиться не могъ, такъ какъ Лукинская церковь, бывшая въ 1112 году деревянною, отдѣлена отъ Мигры широкою площадью мокрой низины, окопомъ и рвомъ внѣшняго вала.

Какъ въ Побережьи образовалось нѣсколько поселковъ,—послѣдовательно,—получившихъ, по нашему объясненію, названія отъ именъ военачальниковъ, такъ было и здѣсь, въ городѣ Кромномъ. Тамъ, по нашей догадкѣ, поселки ограждались окопомъ; здѣсь несомнѣнно было укрѣпленіе,—названіе города Кромнымъ однозначаще съ укрѣпленнымъ. На случай, если возникнетъ сомнѣніе,—не разумѣетъ-ли лѣтописецъ подъ Кромнымъ городомъ укрѣпленнаго Дѣтинца, замѣтимъ, что въ продолженіе вѣковъ лѣтописныхъ Дѣтинецъ всегда назывался настоящимъ своимъ именемъ, или, изрѣдка, Каменнымъ городомъ. Отъ Лукинской церкви онъ стоялъ еще дальше Мигры, и защищенъ былъ отъ пожара рвами—малаго вала и своимъ.

Долго-ли существовалъ Кромный городъ, какъ особый, подобно Побережью, участокъ—не сказываютъ—ни лѣтопись, ни другіе письменные памятники; нѣтъ данныхъ и къ заключенію о времени возникновенія его; о томъ и о другомъ можно говорить только по догадкамъ. Полагая, что Кромный городъ, какъ самостоятельный поселокъ, прекратилъ свою жизнь, въ смыслѣ особаго учрежденія, по образованіи Людина конца, которое мы относимъ къ вѣкамъ долѣтописнымъ, считая Мостовой уставъ, въ первоначальномъ его видѣ, сложившимся до начала русской лѣтописи, съ назначеніемъ въ немъ участковъ по площади Людина конца, и относя къ тѣмъ же отдаленнымъ временамъ и судъ двѣнадцати, образовавшійся изъ сословныхъ представителей, по два отъ каждаго конца, и двухъ приставовъ отъ участвующихъ въ судебномъ дѣлѣ сторонъ. А если Кромный городъ пересталъ существовать до начала лѣтописи,—первоначальное его появленіе восходитъ къ далекимъ предлѣтописнымъ вѣкамъ. Къ 1112 году онъ замиралъ уже и въ народной памяти: лѣтописецъ, жившій, вѣроятно, въ древнихъ предѣлахъ его, еще помнилъ стародавнее названіе и занесъ въ свою памятуху замѣтку о Лукинскомъ пожарѣ, назвавъ мѣстность по старинѣ; послѣдующіе же составители или собиратели извѣстій о внутренней жизни города—не вспоминали, или не знали уже Кромнаго города.

Въ Побережьи и близъ него мы наблюдали толщу жилого перегноя значительной мощности въ разныхъ мѣстахъ,—здѣсь же намъ извѣстна одна только мѣстность, близъ Троицкой церкви, съ толщею перегноя не болѣе трехъ аршинъ, какъ и въ Дѣтинцѣ, за Софійскимъ соборомъ; по одной же мѣстности нельзя судить о цѣлой площади Кромнаго города; будемъ ждать случаевъ возможно большаго числа испытаній почвы, чтобы на нихъ установить прочное заключеніе.

Подобно какъ и въ Побережьи, въ Кромномъ городѣ были поселки, носившіе названіе именъ личныхъ и, вѣроятно, военачальниковъ,—каковы: Ярышевъ, Волосовъ, Радятинъ и Черницынъ, и церковныхъ—Воздвиженскій и Лукинъ. По времени возникновенія эти поселки восходятъ къ той же глубокой древности, какъ и Побережные; по названіямъ же—послѣдніе два—относятся къ вѣкамъ послѣ крещенія Новгорода. Но какъ въ Неревскомъ концѣ мы видѣли поселки съ тѣми же, какъ и лежавшіе въ Побережьи, названіями, такъ увидимъ и здѣсь: поселки Кромнаго города, расширяясь за границы его, сохраняли свои названія и далѣе, въ Людиномъ концѣ; тѣ же изъ нихъ, въ участкахъ которыхъ возникли церкви, замѣняли, мало по малу, первоначальныя названія новыми, церковными,—такъ что названія Воздвиженскаго и Лукинскаго появились, по всей вѣроятности, вмѣсто какихъ либо прежнихъ. Объ этомъ мы приведемъ болѣе подробно данныя и соображенія при дальнѣйшемъ изложеніи объясненій.

На Знаменскомъ изображеніи представленъ ясно Широкій проѣздъ, на полдень къ западу отъ средины разстоянія между Большою Покровскою и Кукуевскою башнями Дѣтинца, или отъ восмиугольной башни донесенія воеводы 1649 года; онъ, по нашему мнѣнію, отдѣлялъ Загородной конецъ отъ Людина, примѣрно, въ XIII вѣкѣ. Другого Широкаго и прямого, въ томъ же направленіи, проѣзда по площади Людина конца не видно; но примѣтенъ извилистый, направляющійся отъ Спасской Дѣтинцевской—къ Новинской проѣзжей башнѣ малаго вала (по тому-же донесенію воеводы)—на полдень, по нашему Загородью;—отъ Новинской онъ направляется на западъ къ полночи, вдоль малаго вала, и поворачиваетъ на западъ къ полдню противъ Спасской Дѣтинцевской башни; отсюда же идетъ, все въ западномъ направленіи, небольшими извилинами, къ Алексѣевской Бѣлой башнѣ внѣшняго вала. Этотъ извилистый проѣздъ мы принимаемъ за приблизительную границу древняго Кромнаго города.

Кромный городъ, какъ береговая часть Людина конца, занятъ былъ во все время, обнимаемое лѣтописью, концами поселковъ, составлявшими первую его половину, и касавшимися берега мокрой низины. Къ XVII вѣку, къ составленію Нарядной описи, въ Гончарскомъ, а по нашему въ Людинѣ концѣ, находились тѣже поселки, которые, подъ именемъ улицъ, встрѣчаются и въ лѣтописи; пропущенъ только одинъ, Ярышевъ, и береговая полоса „Подолъ", но располагаются не такъ, какъ ставитъ ихъ лѣтопись. Въ 1623 г. порядокъ улицъ, считая и наше Загородье, былъ таковъ,—отъ самаго Дѣтинца: Добрынина, Волосова, Черницына, Новинка, Рядетина (такъ у

Евгенія, по нашему Рядятина), Воздвиженская и Лукина, или Лучинская (по Евгенію же).

Митрополитъ Евгеній опредѣляетъ положеніе каждой изъ этихъ улицъ, кромѣ Добрыниной, которую мы уже видѣли, на слѣдующихъ мѣстахъ: Волосову—отъ Власьевской церкви къ Десятинному монастырю; Черницыну—между Волосовою и Новинкою, близъ Большой Власьевской, его времени, улицы; Новинку—гдѣ былъ Варварейскій монастырь, до улицы его имени; Рядятину—отъ Десятиннаго монастыря, близъ Воздвиженской улицы его времени, мимо лѣвой стороны церкви Св. Троицы, къ Волхову,—наконецъ, Лукину, или, по его словамъ, Лучинскую,—отъ Большой Власьевской чрезъ Грядинскую, мимо бывшей церкви Св. Луки Евангелиста (Разговоры, стр. 76).

Н. Н. Муравьевъ, перечисливъ улицы Нарядной описи въ томъ же порядкѣ, какъ у Евгенія, въ описаніи „Стараго Новгорода, существовавшаго въ 1756 году, при снятіи на планъ геодезистомъ Поповымъ и прапорщикомъ Литвиновымъ",—называетъ въ Гончарскомъ концѣ (т. е. Людинѣ) улицы: Добрыню, Рядитину, Воздвиженскую, Малую Лучинскую и Лукинскую (надпись на чертежѣ 1756 г. приложенномъ къ его изслѣдованію).

И. И. Красовъ, находя соотвѣтствіе порядка улицъ Нарядной описи съ лѣтописнымъ, за исключеніемъ Новинки, которой въ лѣтописи не встрѣчается, и вводя Ярышеву, неизвѣстную составителю описи, указываетъ, относительно большой части этихъ улицъ, положеніе и направленія несогласное съ Евгеніевыми. Въ чемъ именно состоитъ разногласіе обоихъ изслѣдователей, увидимъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Поселки Кончанскіе.

О поселкѣ Добрыниномъ мы уже дали объясненія; здѣсь сдѣлаемъ одно небольшое, но немаловажное дополненіе. Владыка Макарій нашелъ въ принадлежащихъ Десятинному монастырю описяхъ прошедшаго столѣтія отмѣтку, что монастырь этотъ значится „въ Яковлевской улицѣ, что на Добрыни" (Опис. церк. древн. Ч. I, стр. 209, примѣч. 161). Эта отмѣтка подтверждаетъ наше опредѣленіе лѣтописныхъ улицъ, какъ поселковъ, имѣвшихъ значеніе правительственныхъ участковъ въ каждомъ изъ пяти концовъ.

Припомнимъ здѣсь, что въ перволѣтописныя времена, близкія къ Уставу о мостахъ, часть Добрынина поселка выходила уже изъ Загородья въ томъ мѣстѣ его, которое приходится противъ нашей Большой Покровской башни, замѣнившей тѣ ворота Дѣтинца, отъ которыхъ начинался мостовой участокъ Владыки: „а Владыцѣ сквозѣ городнаа ворота съ Изгои, и съ другымы Изгои до острой городни". Десятинскія описи ведутся, можетъ быть, съ того времени, къ которому восходитъ основаніе монастыря на нынѣшнемъ мѣстѣ, т. е. съ XIV вѣка (основаніе около 1327 года по лѣтописи);

значитъ Добрыня, какъ особый поселокъ, существовала когда копали ровъ около Людина конца и Загородья и Неревскаго конца (въ 1372 г.) и во все время самобытія, если осталась въ этомъ значеніи до прошедшаго столѣтія.

На западо-полдень отъ Добрынина, или отъ Загородья, лежали въ перволѣтописное время одинъ за другимъ слѣдующіе поселки: Ярышовъ, Волосовъ, Радятинъ и Черницынъ, составлявшіе первоначально Кромный городъ;—это нашъ первый внутренній участокъ. Впослѣдствіи они расширялись, въ западно-полночномъ направленіи, и образовали нашъ второй внутренній участокъ. Улицы же Воздвиженская и Лукинская были только проѣздами въ Кромномъ городѣ, установившимися послѣ сооруженія церквей, давшихъ имъ свое имя, и также расширявшимися внутрь города впослѣдствіи.

Поселки внутри города.

Поселки перваго и второго участковъ Людина конца, какъ одноименные и составляющіе продолженіе начавшихся въ Кромномъ городѣ, мы будемъ разсматривать совмѣстно, т. е. сперва опредѣлимъ положеніе каждаго въ Кромномъ городѣ, въ первой части конца, а затѣмъ намѣтимъ продолженіе во второй его части.

По разсмотрѣніи этихъ внутреннихъ поселковъ мы дадимъ объясненія о бывшихъ въ нихъ проѣздахъ;—затѣмъ перейдемъ къ поселкамъ внѣшнимъ и ихъ проѣздамъ,—наконецъ скажемъ о Запольяхъ.

Ярышовъ.

Новгородская лѣтопись знаетъ потомковъ Ярыша: въ 1217 году, весною, 31 Мая,—„Загорѣся отъ Ивана отъ Ярышевиця, въ середъ утра, печьнѣ, и погорѣ до удьнія все полъ, не остася ни хорома; а кто бяше въбѣглъ въ камяныя божницѣ съ товары, а ту изгорѣша и сами съ товары, а въ Варязьской божници изгорѣ товаръ вьсь Варязскый безъ числа; а церквіи съгорѣ 15, а у камяныхъ вьрхы огорѣша и притворы" (Свѣтоп. стр. 175; I Нов лѣт. годъ 6725, стр. 35). Лѣтописецъ не сказалъ, гдѣ этотъ пожаръ вспыхнулъ, на Славенской, или на Неревской сторонѣ; упоминаніе о Варяжской божницѣ какъ-бы указываетъ на Славенскую, но неисключаетъ возможности считать погорѣвшею и Неревскую, съ которой и начался пожаръ; Варяжскую божницу лѣтописецъ назвалъ, вѣроятно, потому только, что въ ней погибло множество товара. Случаи перехода огня съ одной половины города на другую въ лѣтописи нерѣдки (Выраженія: „печнѣ" и „до удьнія" мы объясняемъ такъ: загорѣлось рано утромъ, когда хозяйки топятъ печки для стряпни къ завтраку;—и горѣло до полдня). Въ этой отмѣткѣ для насъ важно имя „Ярышевичь"; онъ могъ жить, въ XIII

вѣкѣ, на Славенской сторонѣ,—хотя-бы отдаленный предокъ его, „Ярышъ“, занималъ дворъ въ Кромномъ городѣ. Имя Ярышъ взято, какъ намъ представляется, отъ качества „Ярый“, дорогого, по понятіямъ древности, въ войнѣ. Неудивительно, что поселокъ, основанный рядомъ съ Загородьемъ Ярымъ военачальникомъ, получилъ названіе Ярышева, а потомки этого военачальника именовались Ярышевичами. Можно не сомнѣваться, что въ первые годы XIII вѣка потомки Ярыша были замѣтными, выдающимися гражданами, и что ихъ было не меньше двухъ. Будь они заурядными жителями, лѣтописецъ сказалъ-бы съ какой улицы начался пожаръ,—назвавъ же дворъ Ивана Ярышевича, онъ опредѣлилъ этимъ мѣстность, всѣмъ въ его время извѣстную, подобно тому, напримѣръ, какъ словами „погорѣ Кромный городъ отъ Лукинъ пожаръ“ онъ сказалъ о началѣ пожара съ Лукинской церкви. Ярышевичей было въ 1217 году неменьше двухъ потому, что лѣтописецъ не ограничился только прозвищемъ, чего было-бы вполнѣ достаточно, если-бы потомокъ Ярыша былъ одинъ. Давая объясненія, въ статьѣ „Евѳимія Всехвальная“, о значеніи слова Полюдъ (стр. 133) мы привели отмѣтку лѣтописи подъ 1224 годомъ о посольствѣ къ князю Юрью съ просьбою, что-бы онъ отпустилъ въ Новгородъ сына своего Всеволода Юрьевича; посольство это состояло изъ двухъ лицъ: Полюда Вячеслава Прокшиниця и „Иванка Ярышевиця“. Едва-ли можно сомнѣваться, что въ 1217 году пожаръ начался со двора именно того Ивана Ярышевича, который былъ членомъ посольства въ 1224 году; послами же назначались всегда люди родовитые и почтенные, такъ что соображеніе наше о Ярышѣ, какъ о знаменитомъ, въ свое время, гражданинѣ, притомъ властномъ и, по всей вѣроятности, военачальникѣ, имѣетъ лѣтописное основаніе.

Въ лѣтописи встрѣчается Ярышова улица всего два раза: подъ 1194 годомъ,—„Зажьжеся пожаръ Новѣгородѣ въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ, въ говѣніе, идучи къ заутрьнюю, загорѣся Савкинѣ дворѣ на Ярышевѣ улици, и бяше пожаръ зълъ: сгорѣша церкви три, святого Василія, святыя Троиця, святого Вздвиженья, и много домовъ добрыхъ, и уяша у Лукини улици“ (I Нов. лѣт. годъ 6702. стр. 22); и подъ 1369 годомъ,—„Заложиша церковь камену на Ярышовѣ улицѣ“ (тамъ-же, годъ 6877, стр. 89). Третья лѣтопись называетъ эту церковь Васильевскою (стр. 229). Положеніе Васильевскихъ церквей, которыхъ было двѣ и обѣ поблизости одна къ другой мы опредѣлили.

Двумя приведенными отмѣтками устанавливается—какъ сосѣдство Ярышова поселка, съ одной стороны съ Загородьемъ, а съ другой съ площадью, на которой стоитъ и теперь Троицкая церковь, такъ и его направленіе: Васильевскія церкви отстояли одна отъ другой недалеко,—Парійскую мы видѣли у самаго рва малаго вала,—Келарійская была, должно быть, та, что близъ Варваринскаго монастыря; ни деревянная стѣна малаго вала, ни Образова церковь за нею, въ Загородьи, не горѣли въ 1194 году; положеніе церквей Воздвиженской и Лукиной мы тоже знаемъ; пожаръ уняли у Лукиной улицы;—слѣдовательно Ярышовъ поселокъ лежалъ между Загородьемъ и Троицкою церковью; пожаръ не переходилъ и за извилистый

проѣздъ къ западо-полночи, къ Варваринскому монастырю, упоминаемому, какъ мы знаемъ, въ лѣтописи подъ 1138 годомъ, церковь котораго въ числѣ сгорѣвшихъ въ 1194 году незначится; но простирался-ли онъ до этого монастыря, или только ограничивался названнымъ проѣздомъ,—увидимъ въ объясненіяхъ о другихъ поселкахъ Кромнаго города.

Въ Нарядной описи 1623 года и въ росписи 1615 нѣтъ Ярышовой улицы; церкви же Васильевскія обѣ показаны въ послѣднемъ памятникѣ на Новинкѣ. Поэтому Митрополитъ Евгеній тоже не говоритъ о Ярышовой улицѣ и Н. Н. Муравьевъ не указываетъ ея на чертежѣ 1756 года;—улица эта вошла вся въ Новинку,—какъ объясняетъ совершенно справедливо И. И. Красовъ (Мѣстопол. др. Нов. стр. 71).

Указать постройки Ярышова поселка на Знаменскомъ изображеніи затруднительно: обѣ Васильевскія церкви стоятъ одиноко на значительномъ пустырѣ, соотвѣтствующемъ полю малаго вала; пространство вдоль береговой части стѣны внѣшняго вала также пусто; лишь у второго костра этой стѣны, считая отъ малаго вала къ западу, написано нѣсколько домиковъ, въ два ряда, по четыре въ каждомъ; они представляютъ какъ-бы отдѣльный маленькій поселокъ сторожей при сквозныхъ воротахъ подъ этимъ костромъ.

Сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ площадей и улицъ Ярышовъ поселокъ займетъ, приблизительно, ближайшую къ Ново-Власьевской улицѣ часть пространства, между нею и улицами: Большою-Власьевскою, Редитенскою (такъ теперь зовется эта улица) и берегомъ низины, остающейся до сихъ поръ мокрою; тутъ большое дворовое мѣсто, принадлежавшее Сковородскому монастырю и отчужденное въ частное владѣніе; оно расположено на искусственномъ возвышеніи, остающемся отъ древняго внѣшняго вала (см. стр. 214). На Олеаріевомъ рисункѣ, написанномъ около 1623 года, валъ между Дѣтинцемъ и Бѣлою башнею достаточно ясенъ и высокъ.

Волосовъ.

Слѣдующій за Ярышовымъ, въ западномъ направленіи, поселокъ Кромнаго города Волосовъ. Изслѣдователи Новгородскихъ древностей говорятъ, по преданію, что этотъ поселокъ получилъ названіе отъ бывшаго на немъ во времена язычества капища „Волоса, скотія бога", и что по принятіи Св. Крещенія на мѣстѣ кумирни сооружена церковь во имя Св. Власія, покровителя скотоводства. Еще до сихъ поръ въ Егорьевъ день, 23 Апрѣля, къ Власьевской церкви пригоняютъ скотъ, предъ выпускомъ его на пастьбу (Макарій, Ч. I, стр. 177, и преданіе). Языческія вѣрованія славянъ Ильменскихъ не тронуты наукою; изысканія Сахарова, Костомарова, Касторскаго, Никифоровскаго и многихъ другихъ имѣютъ предметомъ Славянскій міръ внѣ предѣловъ страны Ильменской, обнимающей многочисленныя вѣтви его, соприкасавшіяся племенамъ не славянскимъ; источники, которыми пользовались изслѣдователи богопочитанія славянъ, сохраняются въ ска-

заніяхъ писателей Греческихъ, Римскихъ, Германскихъ, Скандинавскихъ и другихъ; изъ отечественныхъ же одна только начальная лѣтопись, приписываемая преподобному Нестору, называетъ боговъ славянъ Днѣпровскихъ предъ самымъ Крещеніемъ. Писатели Чешскіе, Польскіе, Литовскіе и другіе, изъ странъ, населенныхъ обособившимися вѣтвями Славянскаго міра и много вѣковъ остающимися вдали отъ теченія русской жизни, видятъ въ языческихъ богахъ своихъ земляковъ—Греко-Романскихъ, передѣланныхъ нѣсколько, сообразно съ особенностями духовнаго міровоззрѣнія; но два изъ всего длиннаго ряда ученыхъ изслѣдователей, Шафарикъ и Нарбутъ, проложили путь совершенно новый: они видятъ у прародителей всего Славянскаго міра вѣроученіе Будійское, которому славяне слѣдовали за шесть вѣковъ до Р. X. Къ этому вопросу мы обратимся въ послѣднемъ отдѣлѣ записки о бытовыхъ остаткахъ Ильменцевъ вѣковъ долѣтописныхъ.

Признавая, въ виду нетронутости наукою почвы для изысканій о язычествѣ Славянъ Ильменскихъ, мнѣніе изслѣдователей нашей страны о Волосовой кумирнѣ домысломъ, не имѣющимъ прочной опоры, такимъ точно какъ и заключеніе ихъ о Волотахъ и Велесѣ, давшихъ, будто-бы, имя холму Волотову (см. выше), мы охотнѣе склоняемся къ имени какого-либо важнаго въ глубокой древности Новгородца, военачальника, каковы упомянутые Добрыня, Ярышъ и Янь, оставшемуся за поселкомъ вокругъ его двора, разросшимся затѣмъ въ большой Кончанской участокъ, не упуская однако же изъ вида и мнѣніе о преданіи, связывающемъ происхожденіе названія поселка съ языческою стариною.

Обращаясь къ лѣтописи, мы находимъ въ ней, подъ 1193 и 1194 годами, разсказъ о неудачномъ походѣ Новгородской дружины на Югру, объясняемомъ измѣною. Цѣлую зиму въ Новгородѣ не получали никакихъ вѣстей объ этомъ походѣ, наконецъ, между недѣлею Всѣхъ Святыхъ и Успеніемъ, „придоша исбытокъ живыхъ (оставшіеся въ живыхъ) изъ Югры и убиша Сбышку Волосовиця и Негочевиця Завида и Моислава Поповиця сами путьники, а друзіи кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣтъ държаще на свою братью, а то Богови судити“ (I Нов. лѣт. годы 6701 и 6702, стр. 21—22). Сбышка это Сбыславъ,—Волосовичь его отчество, или прозвище. Въ Новгородской лѣтописи нерѣдки случаи участія въ управленіи дѣлами страны дѣтей и потомковъ родовитыхъ предковъ. Убитый, по подозрѣнію въ измѣнѣ, Сбыславъ состоялъ въ числѣ начальниковъ похода на Югру; будь онъ простой, невластный, ратникъ, измѣна его не могла-бы особенно вредно повліять на исходъ дѣла; значитъ Волосъ, отецъ его, или болѣе далекій родственникъ, былъ именитъ въ свое время; а именитость находилась въ древности здѣсь въ непосредственной зависимости отъ богатства: Новгородъ былъ торговою срединою страны Ильменской, такъ что управленіе ею немогло не сосредоточиваться въ богатомъ населеніи. Въ спискѣ Новгородскихъ Посадниковъ, помѣщенномъ въ Татищевскомъ сборникѣ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 317), упомянутъ „Събыславъ“—одинъ только разъ. Калайдовичъ въ своемъ опытѣ о Посадникахъ (изданіе 1811 года) называетъ этого Сбыслава въ числѣ 35 другихъ, ко-

торыхъ онъ не нашелъ возможнымъ внести въ общій списокъ 170-ти, по причинамъ, объясняемымъ въ особой статьѣ (стр. 49—53). Относительно Сбыслава и нѣкоторыхъ другихъ, Калайдовичъ не нашелъ въ лѣтописи, кромѣ списка Татищевскаго, никакихъ извѣстій, по которымъ устанавливается время жизни и дѣятельности 170-ти. Внимательный къ своему предмету, этотъ изслѣдователь не призналъ, вѣроятно, въ „Сбышкѣ Волосовичѣ" пергаментнаго сборника Посадника Сбыслава списка Татищевскаго, полагая, что Сбышка и Сбыславъ имена различныя. На нашъ же взглядъ и Сбыславъ и Сбышка одно и тоже имя; разница объясняется обстоятельствами, при которыхъ приводится имя; если оно вызываетъ въ лѣтописцѣ уваженіе къ лицу, онъ называетъ его полнымъ именемъ: Миронѣгъ, Михаилъ, Жирославъ, Иванъ или Янъ; въ противномъ же случаѣ—полуименемъ: Мирошка, Михалка, Жирошка, Ивашко и проч. О Сбыславѣ Волосовичѣ говорится подъ 1194 г. какъ объ измѣнникѣ,—лѣтописецъ, потому, и назвалъ его Сбышкою.

Итакъ, имя разсматриваемаго поселка могло сложиться безъ участія Волосовой кумирни, а въ зависимости отъ образованія его изъ двора знатнаго лица, съ прозваніемъ Волосъ, или Волосовъ, и построекъ его слугъ; называя же Кромный городъ участкомъ Людиновъ-ратниковъ, позволительно видѣть въ этомъ Волосѣ—военачальника.

Первоначально Волосовъ поселокъ лежалъ въ Кромномъ городѣ; затѣмъ онъ расширился и въ 1111 году достигалъ мѣста, на которомъ сооружена церковь во имя Священномученика Власія. Къ этому году относитъ возникновеніе ея Клировая вѣдомость нынѣ существующей Власьевской церкви (Макарій, Ч. I, стр. 178); что она была уже въ половинѣ XII вѣка, видно изъ лѣтописной отмѣтки подъ 1165 годомъ: „поставленъ бысть Иванъ Архіепископъ Новгородской отъ Митрополита Ивана Кіевскаго и вся Руси, а при князи Ростиславѣ Мстиславичи Кіевскомъ, а священствовалъ у святаго священномученика Власіа на Волосовѣ улици" (Приб. къ II Нов. лѣт. годъ 6673, стр. 123). Вѣроятно онъ, Іоаннъ Архіепископъ, велъ нѣкоторое время и лѣтопись,—пергаментный сборникъ,—и занесъ въ нее подъ 1144 годомъ замѣтку: „постави мя попомъ Архіепископъ святый Нифонтъ" (Свѣтопеч. листъ 46).

Возможно, что близость, по созвучію, въ именахъ Св. Власія и Волоса или—Велеса породила домыслъ книжника стараго времени, перешедшій въ народный говоръ, давшій то преданіе, котораго придерживаются изслѣдователи Новгородскихъ древностей. Въ числѣ боговъ общеславянскаго міра былъ Волосъ; Олегъ Вѣщій и дружина его, разгромивъ, между 907—912 годами, Грековъ, заключили съ царями Леономъ и Александромъ выгодный для Руси миръ; въ начальной русской лѣтописи имѣется по поводу этого мира слѣдующая отмѣтка: „Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ створиста имъшеся подань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужій его на роту; по закону Русскому кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ" (Лавр. лѣт. годъ 6415). Въ минеи-четьи подъ 15 Іюля

говорится, что Волосовъ кумиръ низвергнутъ былъ, въ началѣ XI вѣка, въ Ростовѣ—преподобнымъ Авраамiемъ Ростовскимъ; въ Муромскомъ уѣздѣ есть село Волосово, извѣстное по открытой въ окрестностяхъ его П. П. Кудрявцевымъ стоянкѣ насельниковъ Окской долины каменнаго вѣка; имя его производятъ также отъ „скотья бога".

Въ статьѣ о Десятинномъ монастырѣ приведены нѣкоторыя догадки и соображенiя о возможности существованiя въ мѣстности его участка земли, отведеннаго жрецамъ въ долѣтописныя времена, и поступившаго, по принятiи Св. Крещенiя, въ собственность перваго Новгородскаго Епископа. Если это такъ, тогда совпаденiе имени извѣстнаго лѣтописи гражданина Волоса, или Волосова, съ названiемъ общеславянскаго, хотя и не Ильменскаго, божества, почитавшагося, какъ и Св. Власiй, покровителемъ скотоводства, поможетъ къ уясненiю основы преданiя о Волосовомъ капищѣ,—какъ домысла книжниковъ стараго времени, выведеннаго ими изъ созвучiй названiй и древняго говора объ участкѣ земли, отведенномъ въ десятину сперва жрецамъ, а потомъ Іоакиму Корсунянину.

Замѣтимъ, кстати, что кумирни Славянъ учреждались если не всегда, то предпочтительно, въ священныхъ лѣсахъ и вообще въ безлюдныхъ мѣстахъ, и что существованiе жрецовъ въ нашей странѣ сомнительно.

Если Волосовъ поселокъ далъ въ 1111 году мѣсто для Власьевской церкви, значитъ онъ простирался за извилистый проѣздъ и за Широкiй. Церковь эта не пишется въ числѣ Новинскихъ; Ярышевъ поселокъ вошелъ, какъ мы видѣли, въ Новинку,—а онъ былъ сосѣднiй Волосову, такъ что и его, этотъ Ярышевъ, возможно—выводить, въ западномъ направленiи, за проѣздъ извилистый и назначить ему крайнимъ предѣломъ Широкiй проѣздъ.

Митрополитъ Евгенiй начинаетъ Волосову улицу его времени, какъ замѣчено уже, не съ Волховского берега, а отъ Власьевской церкви и ведетъ къ Десятинному монастырю. И. И. Красовъ соглашается съ ученымъ Владыкою, полагая однако же, это эта улица лежала западнѣе монастыря, такъ какъ онъ проводитъ улицу Добрынину, или Добрыню, къ внѣшнему валу сряду вдоль полуденной стороны Десятинной ограды, а эта улица, по его мнѣнiю, приходилась къ Новинкѣ ближе, чѣмъ Волосова (стр. 77).

Въ настоящее время три Власьевскихъ улицы, идущiя отъ площади церкви того же имени: одна, Ново-Власьевская, направляется на полдень, къ Троицкой горкѣ и далѣе къ берегу мокрой низины, гдѣ остатокъ внѣшняго вала съ дворовымъ участкомъ, принадлежавшимъ Сковородскому монастырю; другая, Большая-Власьевская, идетъ на зимнiй западъ до внѣшняго вала,—и третья, Малая-Власьевская,—на западъ лѣтнiй, тоже до внѣшняго вала къ остатку древнихъ воротъ, бывшихъ подъ костромъ, который приходится противъ Широкаго проѣзда Знаменскаго изображенiя.

Площадь между тремя Власьевскими улицами охватываетъ почти весь второй внутреннiй участокъ Людина конца древности. Если-бы мы имѣли основанiя считать причиною, вызвавшею наименованiе трехъ улицъ Власьевскими, соображенiя, основанныя на изученiи составителями чертежа вы-

нѣшнихъ улицъ и площадей города лѣтописи Новгородской, въ такомъ случаѣ получили-бы въ площади, ограниченной этими улицами, убѣдительное свидѣтельство о пространствѣ и положеніи Волосова участка; но не видя подобныхъ основаній, приходится объяснять причину только близостью церкви Св. Власія и полнымъ отсутствіемъ какихъ либо соображеній, хотя-бы съ тѣнью научныхъ. Потому, и въ зависимости отъ направленія поселковъ Побережья, Янева, Розважи и Щиркова, можно только предполагать, что Волосовъ простирался, какъ и сосѣдній Добрынинъ, до внѣшняго вала, занимая часть нынѣшней площади между Десятиннымъ монастыремъ и улицами Малою и Большою Власьевскими, и начинаясь здѣсь близъ полночной стороны первой; въ Кромномъ городѣ мы ведемъ его отъ берега мокрой низины, или отъ полуденной стороны внѣшняго вала, нѣсколько къ полночи отъ нынѣ существующей Троицкой церкви.

И. И. Красовъ не рѣшается вести Волосову улицу XVII вѣка отъ Власьевской церкви къ берегу, потому что тутъ, между Добрыниной улицей и церковью Св. Троицы, помѣщаетъ Ярышеву,—такъ что, по его мнѣнію, мѣста для Волосовой уже не останется (стр. 78). Если поселокъ Добрынинъ оставить въ нашемъ Загородьи и въ Новинкѣ поздняго времени, а тотъ поселокъ, въ которомъ Штетинцы устроили Троицкую церковь, направить къ упомянутымъ воротамъ подъ костромъ противъ Широкаго проѣзда,—что намъ представляется вполнѣ возможнымъ,—въ такомъ случаѣ будетъ достаточно мѣста между Загородьемъ и Троицкою церковью для построекъ обоихъ поселковъ собственно Кромнаго города, Ярышева и Волосова, расширявшихся въ западно-полночную сторону. Давая такое направленіе поселку Волосову, мы не встрѣтимъ противорѣчія въ лѣтописи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получимъ нѣкоторую вѣроятность нашего предположенія, что этотъ поселокъ получилъ названіе отъ какого-либо именитаго военачальника, сперва въ одномъ только Кромномъ городѣ, а затѣмъ и на участкѣ поступившемъ, сряду послѣ язычества, въ десятину Іоакиму Корсунянину. Именитый Новгородецъ Волосъ могъ быть и первымъ начальниковъ Людиновъ-стражниковъ, охранявшихъ отдѣльный поселокъ Владычняго двора.

Радятинъ.

Третій поселокъ Кромнаго города извѣстенъ въ лѣтописи подъ именемъ улицы, которая пишется Радятиною, Рядятиною, Рядитеною и Редятиною. Первый разъ объ этомъ участкѣ, какъ объ улицѣ, отмѣчено, подъ 1211 годомъ: „Загорѣся на Рядятинѣ улици и съгорѣ доворовъ 4000 и 300, а церкіи 15“ (I Нов. лѣт. годъ 6719, стр. 31). Въ Софійскомъ Временникѣ Строева подъ этимъ же годомъ улица названа „Радятина“,—что значится въ выноскѣ къ приведенной отмѣткѣ подъ буквами *гг*. Подъ 1365 г., гдѣ говорится о заложеніи каменной Троицкой церкви, улица пишется Редятина (II Нов. лѣт. подъ 6873, стр. 133); или Рядитина (III Нов. лѣт. годъ 6874, стр. 229). Въ послѣдующіе годы: 1547, 1552 и 1554 (II и III Нов. лѣт.

годы: 7055, 7060 и 7062) улицу эту зовутъ—то Рядятина, то Редитина.

Изъ всѣхъ названій мы считаемъ наиболѣе вѣрнымъ „Радятина",—придерживаясь общаго, усматриваемаго нами изъ лѣтописей, правила называть поселки именами лицъ, дворы которыхъ послужили началомъ возникновенія ихъ. Радята, по-новгородски, есть имя Радіонъ,—подобно тому, какъ Тѣшата—Тихонъ, Васята—Василій, Гюрята—Юрій или Георгій и проч. А какъ Радіонъ имя христіанское, значитъ третій поселокъ Кромнаго города усвоилъ названіе Радятина уже послѣ крещенія Новгородцевъ, а до того носилъ какое-либо другое.

Подъ 1268 годомъ лѣтописецъ-очевидецъ разсказываетъ о страшномъ побоищи между Новгородцами и Ливонцами подъ Раковоромъ; хотя Новгородцы и одержали побѣду, но потеряли убитыми многихъ Посадниковъ, военачальниковъ и другихъ выдающихся гражданъ-должностныхъ лицъ;—нѣкоторыя поименованы,—въ числѣ ихъ Посадникъ (вѣроятно Кончанскій) Никифоръ Радятиничь (I Нов. лѣт. годъ 6776, стр. 60). Слѣдовательно, по установившемуся издавна порядку участія родовитыхъ людей въ управленіи страною, Радята, отецъ или вообще предокъ Никифора-Посадника, могъ быть военачальникомъ, или основателемъ первоначальнаго поселка его имени, или давшимъ свое имя болѣе древнему, имѣвшему до него другое названіе.

Замѣчаніе И. И. Красова о тѣснотѣ пространства между Троицкою церковью и Дѣтинцемъ для размѣщенія тутъ поселковъ, или, по его опредѣленію, улицъ—Добрыни, Ярышовы и Волосовой, легко устранится, когда мы предположимъ, что часть Радятина поселка была занята въ перволѣтописные вѣка Волосовымъ до тѣхъ поръ, пока какой-либо пожаръ, например—1112 года, истребившій городъ Кромный, или 1194 г., вспыхнувшій въ Савкинѣ дворѣ и уничтожившій церкви Св. Твоицы, Васильевскую и Воздвиженскую (отмѣтки приведены раньше), не образовалъ пустыря, на которомъ построился Радята. Въ этомъ предположеніи поддерживаетъ насъ лѣтописное свидѣтельство 1165 года (оно приведено выше) о первоначальномъ сооруженіи нынѣ существующей Троицкой церкви Щетинцами, т. е. купцами теперешняго нѣмецкаго города Штетина; въ этомъ свидѣтельствѣ не названа Радятина улица. Мы видѣли, что во времена самобытія въ мѣстности нашего Кромнаго города и всего вообще Людина конца, а также и въ концѣ Загородномъ, проживали и временно и постоянно иноземцы; возможно, что и Радята принадлежалъ къ числу ихъ, тѣмъ болѣе, что построеніе каменной Троицкой церкви приписывается лѣтописью, подъ 1365 годомъ, Югорцамъ или Юрьевцамъ, подъ которыми Археографическая коммиссія, издавшая Новгородскія лѣтописи, разумѣетъ купцовъ, торговавшихъ въ Югріи, или въ Юрьевѣ Ливонскомъ (II Нов. лѣт. годъ 6873, стр. 133, выноска *б*). Въ Юрьевѣ, основанномъ Ярославомъ Мудрымъ, могли проживать потомки кровныхъ Новгородцевъ X—XI вѣка, хотя этотъ городъ и завоеванъ—былъ Ливонцами—божіими дворянами, какъ называетъ наша лѣтопись Меченосцевъ; по отношенію къ Новгороду самобытному эти Юрь-

евцы были иноземцами. Поселокъ Радятинъ, разростаясь, могъ и вовсе вытѣснить часть Волосова изъ Кромнаго города, къ послѣднимъ годамъ самобытія, или во времена Московскаго державства.

Какъ далеко разстилался Радятинъ поселокъ за Кромный городъ, во вторую часть Людина конца, мы не можемъ опредѣлить, по неимѣнію доказательствъ, допуская лишь вѣроятность направленія его въ сторону Широкаго проѣзда, за нашъ извилистый.

Митрополитъ Евгеній ведетъ Рядятину улицу отъ Десятиннаго монастыря на берегъ Волхова, т. е.—по нашему—на берегъ мокрой низины, между церквами Троицкою и Воздвиженскою; таково, вѣроятно, было положеніе этой улицы въ его время. И. И. Красовъ не возражаетъ Владыкѣ. На чертежѣ 1756 года, Попова, вторая часть нашего Людина конца значится пустыремъ;—на срединѣ его положена отмѣтка, указывающая, что тутъ поле или Заполье. На чертежѣ 1778 года подобный же пустырь отодвинутъ къ западно-полночной части внѣшняго вала, а чрезъ Поповскій проведено нѣсколько улицъ, отъ Десятиннаго монастыря по направленію къ нашему Кромному городу, но не доходящихъ до него.

Простирался-ли до Десятиннаго монастыря нашъ поселокъ Кромнаго города, мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать: по распоряженіямъ Москвы 1530 и 1570 гг. улицы проводились впрямь; сообразовались-ли при этомъ мѣрщики съ лѣтописью, мы не знаемъ, полагая однако же, что нѣтъ; они могли придерживаться только современнаго имъ наименованія тѣхъ участковъ, чрезъ которые пробивали новую улицу; если ей приходилось тянуться чрезъ нѣсколько разноимянныхъ участковъ, и если мѣрщики не могли остановиться, при выборѣ названія, ни на одномъ, они придумывали, нерѣдко, новое имя, необидное ни для одного изъ древнихъ участковъ мѣстности, и прозывали улицу Пробойною. Улицъ съ такимъ наименованіемъ немало, какъ на Неревской, такъ и на Славенской сторонѣ, и всѣ онѣ возникли не раньше XVI вѣка,—такъ напримѣръ: въ одной купчей 1593 года значится Пробойная улица, „коя отъ Волхова къ Пятницѣ и на Хлѣбную горку, дорога отъ Рыбнаго ряду“ (Ак. Юрид. № 159). Хлѣбная горка приходится по прямой съ нынѣшней площади къ Пятницкой церкви, по направленію Общественнаго зданія на Ярославлѣ Дворищѣ, гдѣ городскія учрежденія;—въ 1612 году проданы: а) на Холопьей улицѣ дворъ на черномъ мѣстѣ, отъ Пробойной улицы идучи Холопьею, въ полѣ, противъ Ѳедорова двора, Софійскаго пѣвчаго дьяка; б) полдвора на Варецкой улицѣ, идучи отъ Пробойной улицы въ Варецкую; в) Мясникомъ съ Нутной улицы, съ Пробойной, лавка на большомъ ряду на Пробойномъ, „а стоитъ лавка идучи изъ Курятнаго ряду къ Ивану Крестителю, по правой сторонѣ, лицомъ противъ нѣмецкаго двора Овдошовского“,— и г) въ 1613 году продано двѣ трети двора на Иворовѣ улицѣ, идучи съ берега отъ рѣки Волхова къ Пробойной улицѣ, по лѣвую сторону, къ горѣ (Акты, относящіеся до Юрид. быта, Ч. II, № 148, II, III, № 148 и 150—отдѣла X:

Выписки взяты изъ книги Д. И. Прозоровскаго, Новгородъ и Псковъ, стр. 60). Въ описаніи свадьбы короля Арцымагнуса, сыгранной въ Новгородѣ въ 1573 году, во время проживанія здѣсь Грознаго, значится: „а вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славковѣ, у Дмитрія святого (Дмитрій Селунскій, насупротивъ гимназіи) а съ королемъ ѣхати Римскому попу, а княжну обручить и вѣнчать Дмитровскому попу" (Др. рус. Вив. изданіе 2, Ч. XIII, стр. 98). Въ писцовой книгѣ 1623 г. „писма Александра Чоглокова, которая за приписью дьяка Максима Матюшкина, написано: загородомъ в Неревскомъ конце на Петровской на Пробойной улицы на Никольской земли..." (въ нашемъ собраніи рукописей выпись на земли Николы Бѣлаго монастыря; она приведена раньше). Если же Рядетина существовала во время составленія Нарядной описи и при Митрополитѣ Евгеніи подъ своимъ лѣтописнымъ названіемъ, значитъ она занимала большое пространство во второй части Людина конца и при Московскомъ выпрямленіи улицъ: во второй части Людина конца, и на всей его площади, Пробойной не было, по крайней мѣрѣ письменные памятники о ней не упоминаютъ. Поэтому можно полагать, что какъ во время самобытія,—такъ и впослѣдствіи, Радятинъ поселокъ занималъ во второй части конца значительное пространство, и могъ доходить до внѣшняго вала, или до площади Десятиннаго монастыря, или до Широкаго проѣзда противъ Рощи, написанной на Знаменскомъ изображеніи.

Нынѣшняя Редитенская улица идетъ отъ Большой Власьевской на востокъ, мимо полночной стороны площади Троицкой церкви. Во время составленія Нарядной описи она выходила на берегъ Мокрой низины, по объясненію Митрополита Евгенія, между церквами Троицкою и Воздвиженскою,—значитъ отклонялась, сравнительно съ нынѣшнею, далеко на полдень къ западу. Такимъ образомъ пространство между Дѣтинцемъ и Редетинскою нынѣшнею улицею меньше того, которое лежало между ними въ XVII вѣкѣ; значитъ и къ составленію Нарядной описи Волосова улица могла касаться берега мокрой низины, направляясь, приблизительно, тамъ же, гдѣ теперь идетъ Ново-Власьевская; а это вноситъ поправку въ Красовское опредѣленіе положенія Волосовой улицы.

При нынѣшнемъ распредѣленіи площадей и улицъ нашъ Радятинъ поселокъ Кромнаго города занялъ-бы пространство: между теперешнею Лукинскою и половиною площади, лежащей отъ Воздвиженской улицы къ внѣшнему валу, на полдень къ западу. Припомнимъ, что нынѣшнія улицы Лукинская и Воздвиженская перепутаны: первая должна быть Воздвиженскою, а вторая Лукинскою;—а по положенію своему во второй части Людина конца онъ прошелъ-бы, при той же, примѣрно, ширинѣ, какую имѣлъ въ Кромномъ городѣ, въ направленіи прямо на западъ, чрезъ улицы Власьевскія, Большую и Малую, отрѣзавъ часть Варваринской и захвативъ весь Редетинской переулокъ,—до внѣшняго вала, до тѣхъ воротъ, которыя не такъ давно откопаны и были сквозными подъ костромъ противъ Широкаго проѣзда Знаменскаго изображенія.

Черницынъ.

Послѣднимъ къ полуденно-западной сторонѣ внѣшняго вала, въ направленіи къ Алексѣевской Бѣлой башнѣ, поселкомъ былъ Черницынъ. Первоначально площадь его не выходила изъ границъ Кромнаго города и простиралась острымъ угломъ къ воротамъ подъ костромъ Широкаго проѣзда; впослѣдствіи, къ концу XIV вѣка, она была распространена во второй части Людина конца и доходила, по мнѣнію И. И. Красова, до того мѣста, на которомъ стоялъ Варваринскій монастырь; такъ какъ, говоритъ этотъ изслѣдователь, Черничинцы поставили, въ 1402 году, каменную церковь Св. Варвары (Мѣстопол. др. Нов. стр. 68 и 78). Хотя жителямъ каждой улицы ничто не препятствуетъ сооружать церкви гдѣ угодно, что мы и видѣли, еще въ XI вѣкѣ, когда Лукиничи, то есть жители Лукина проѣзда, поставили каменную Петропавловскую церковь на Синичьей горѣ (гдѣ теперь Петровское кладбище),—въ разстояніи болѣе версты отъ внѣшняго вала, и хотя по мѣсту построенной Черницинцами церкви утверждать о близости къ ней ихъ поселка и не слѣдуетъ, но тѣмъ не менѣе нельзя и отрицать возможности расширенія его въ сторону къ названному монастырю. Въ XVI вѣкѣ, по писцовымъ книгамъ, Варваринъ монастырь показывается на Черницынѣ улицѣ. Въ этомъ монастырѣ значилась, во время составленія росписи, т. е. въ 1615 году, каменная церковь Всѣхъ Святыхъ; а подъ 1418 годомъ IV Новгородской лѣтописи отмѣчено, какъ мы уже знаемъ, что эта церковь была первоначально поставлена на Черницынѣ улицѣ. На чертежѣ 1778 года мы видѣли на площади Варварина монастыря двѣ церкви: одну большую, и другую малую; послѣдняя приходится на востокъ отъ первой и нѣсколько западнѣе ея; разстояніе между обѣими небольше десяти саженъ. Такимъ образомъ въ XV вѣкѣ поселокъ Черницынъ переходилъ за Радятинъ въ полночную сторону. Первоначальное положеніе его, около внѣшняго вала полуденно-западной стороны, оставалось въ томъ же видѣ и въ XVI вѣкѣ: пожаръ, начавшійся въ 1526 году на Черницынѣ улицѣ, истребилъ дворы до Алексѣя Святого, что за внѣшнимъ валомъ и за рвомъ его—въ одну сторону,—и за Варваринъ монастырь—въ другую, причемъ сгорѣли:—этотъ монастырь и пять церквей. Отмѣтка объ этомъ пожарѣ приведена раньше; погорѣвшими названы церкви: Святая Варвара, Всѣ Святіи, Троица Живоначальная, Воздвиженіе честнаго креста и Лука Апостолъ; вмѣстѣ съ ними выгорѣло четыре прясла стѣны градныя. Изъ одного только упоминанія о началѣ пожара съ Черницыной улицы нельзя, конечно, выводить заключенія о протяженіи ея чрезъ все пожарище, но отсутствіе свидѣтельствъ о какихъ либо другихъ, кромѣ этой, улицахъ между Варваринымъ монастыремъ и внѣшнимъ валомъ, дастъ право предполагать, что ихъ тутъ не было.

Митрополитъ Евгеній отводитъ для Черницыной улицы Нарядной описи 1623 г. площадь между Волосовою и Новинкою, близъ Большой-Власьев-

ской его времени. Если къ 1808 году улицы были уже пробиты по чертежу 1778 года, Большою-Власьевскою была та, которая нанесена на чертежѣ, отъ площади съ тремя церквами: Власьевскою, Варваринскою и Всѣхъ Святыхъ—прямо на западъ,—нынѣшняя улица того же имени тянется почти тутъ же, лишь нѣсколько ближе къ древнему Кромному городу; но Владыка Евгеній ставитъ Черницыну только близъ Большой-Власьевской; положеніе же, или протяженіе ея, опредѣляетъ между Волосовою и Новинкою, или, по нашему, между поселками Волосовымъ и Ярышевымъ, то есть онъ направляетъ ее вдоль Загородья, съ полночи на полдень.

Красовъ, не соглашаясь съ Евгеніемъ, ни въ положеніи вообще, ни въ направленіи протяженія Черницыной улицы, затрудняется указать и то и другое, предполагая, что естественнѣе всего искать ея на Варваринской улицѣ 1850 года.

Сопоставляя мнѣнія обоихъ изслѣдователей, постараемся примирить ихъ. Варваринская улица Красова соотвѣтствуетъ той, которая показана на чертежѣ 1778 года направляющеюся отъ площади съ тремя церквами прямо на западъ, къ внѣшнему валу; она, какъ мы сказали, идетъ почти по нынѣшней Большой-Власьевской. Вмѣстѣ съ площадью трехъ церквей эта улица 1778 года упирается восточнымъ своимъ концомъ въ Новинку, перерѣзавъ Волосову улицу чертежа 1756 года. Такимъ образомъ, если слова Митрополита Евгенія „между Волосовой и Новинкою улицами“ принять за желаніе Владыки выразить ими протяженіе Черницыной чрезъ обѣ, въ такомъ случаѣ получимъ положеніе Черницыной на прямой между Новинкою и внѣшнимъ валомъ, проведенной чрезъ средину площади трехъ церквей—съ запада на востокъ, и продолженной въ обѣ стороны—къ Дѣтинцу и къ внѣшнему валу. Эта прямая пройдемъ близъ Большой-Власьевской нашего и Евгеніева времени, и близъ Варваринской—Красова.

Мы видѣли, при обозрѣніи Побережья, лѣтописныя указанія, изъ которыхъ возможенъ выводъ о наименованіи разновременно тамошняго Широкаго проѣзда, то Яневою, то Большою-Борковою улицею; теперь—тому проѣзду соотвѣтствуетъ Большая-Дмитровская. Здѣсь, въ Кромномъ городѣ повторяется тоже явленіе: къ западу отъ него, за извилистымъ проѣздомъ Знаменскаго изображенія, протянулся, вдоль него, Широкій же проѣздъ, называемый и теперь Большою-Власьевскою улицею. Между этимъ и извилистымъ проѣздами и слѣдуетъ помѣщать вторую часть древняго Людина конца, для котораго Широкій былъ граничнымъ. Вторая половина нашего Черницына поселка не доходила до Широкаго проѣзда въ срединѣ города, но имѣла проулки, которыми соединялась съ нимъ, и особый проѣздъ вдоль внѣшняго вала, къ воротамъ подъ костромъ противъ Широкаго.

Мѣсто древняго Черницына поселка будетъ на нынѣшней площади, заключающейся между внѣшнимъ валомъ—въ обѣ стороны отъ Алексѣевской Бѣлой башни, и улицами: Троицкою, Воздвиженскою и Большою-Власьевскою, на той половинѣ ея, которая ближе къ валу.

Подолъ.

Въ лѣтописи упомянутъ, подъ 1360 годомъ, Подолъ, въ такихъ выраженіяхъ: „Погорѣ Подолъ да Горнчарской конецъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6868, стр. 87). Слово „Подолъ“ начато прописною буквою. Мы видѣли „Подолъ“ на Славенской и на Неревской сторонѣ;—это береговая, слегка приподнимающаяся, полоса. На чертежѣ 1756 года „Подолъ“ нанесенъ на берегу нашей мокрой низины, вдоль полуденно-восточной окраины Кромнаго города; на немъ назначены мѣста церквей Троицкой и Воздвиженской. Написаніе слова Подолъ съ большой буквы означаетъ, что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть названіе заселенной мѣстности, носящей это имя, а не условный признакъ слабой приподнятости береговой низины. Еще въ XI вѣкѣ лѣтопись упомянула Подоліе, подъ 1069 годомъ, по случаю пожара, сказавъ только два слова: „Погорѣ Подоліе“ (I Нов. лѣт. годъ 6577, стр. 2); издатели лѣтописи и на этотъ разъ поставили большую букву; да нельзя и не признать за Подоліемъ горѣвшимъ—поселка: на пустырѣ, да еще на мокромъ, горѣть нечему. Были-ли оба эти пожара въ одной и той же мѣстности, сказать трудно, предположеніе же въ утвердительномъ смыслѣ будетъ вѣроятнымъ: Кромный городъ возникъ въ вѣка долѣтописные,—около него могли поселиться мелкіе торговцы и ремесленники, снабжавшіе Людиновъ-ратниковъ предметами первой, ежедневной, потребности.

Пространство поселка Подола было незначительно: только бѣднякъ промышленникъ сидѣлъ на затопляемой весною низинѣ, неимѣя силъ и средствъ подняться на ноги, чтобы устроиться поудобнѣе. Мы даемъ нѣсколько строкъ Подолу для полноты изысканій о мѣстоположеніи Людина конца. Онъ во вторую часть Людина конца не входилъ; но въ XIV вѣкѣ забѣгалъ въ четвертую, составляющую Гончарскій поселокъ, а затѣмъ и народный конецъ того же имени.

Проѣзды внутреннихъ поселковъ.

Проѣзды, проулки и проходы, какъ Кромнаго города, такъ и второго участка Людина конца, вполнѣ соотвѣтствуютъ лѣтописнымъ улицамъ и улкамъ; проѣзды были главные и меньшіе, отъ двора къ двору; проулки и проходы—это дороги къ водоснабженіямъ и къ сосѣдямъ. Главными могли быть лежавшіе между двумя поселками; они составляли границы площадей ихъ. Поселокъ Добрынинъ, какъ лежавшій большею частію своей площади въ Загородьи, не имѣлъ проѣзда на пространствѣ, соотвѣтствующемъ Кромному городу, въ чертѣ его,—или въ первой части Людина конца; о проѣздѣ во второй части мы уже упоминали, въ этой же статьѣ опредѣлимъ его направленіе. О главныхъ проѣздахъ скажемъ вообще: они, какъ границы поселковъ, лежали, когда число послѣднихъ увеличилось, по всей вѣроятности, между ними; а когда былъ тутъ, въ Кромномъ городѣ, всего

одинъ поселокъ, проѣздъ его имени приходился или на срединѣ всего застроеннаго пространства, или шелъ къ главному двору, примѣрно—къ военачальничьему. Когда же обстроился второй поселокъ—и потребовалось отграниченіе его площади отъ перваго, главный проѣздъ перемѣнилъ свое мѣсто и легъ на межѣ между обоими. Отъ этого и происходитъ путаница въ опредѣленіи положенія лѣтописныхъ улицъ изслѣдователями мѣстоположенія древняго Новгорода. Мы, назначая границы поселкамъ Кромнаго города, вели ихъ по проѣздамъ тѣхъ вѣковъ, къ которымъ относится образованіе и одновременное существованіе всѣхъ четырехъ: Ярышова, Волосова, Радятина и Черницына, между сосѣдними, такъ: Ярышовъ—между поселкомъ его имени и Волосовымъ,—Волосовъ при началѣ Радятина, а Радятинъ при началѣ Черницына.

Нельзя не допустить существованія особыхъ проѣздовъ по сторонамъ крайнихъ поселковъ Кромнаго города, между нимъ и рвомъ малаго вала, на востокъ, то есть между Ярышевымъ поселкомъ и рвомъ,—а на западъ—между Черницынымъ и внѣшнимъ валомъ.

О главныхъ проѣздахъ мы говорить не будемъ,- они совпадаютъ, какъ упомянуто, съ границами поселковъ и лѣтописными улицами, одноименными съ ними,—но дадимъ объясненія о второстепенныхъ, друхъ крайнихъ и двухъ срединныхъ Кромнаго города, и извѣстныхъ по лѣтописи,—второй части конца.

а) Кромнаго города.

Въ Кромномъ городѣ крайними проѣздами служими: Кобылій и Чегловъ, а срединными—Лукинскій и Воздвиженскій.

Кобылій.

Въ статьѣ о башнѣ „Кукуй" нами приведены нѣкоторыя данныя и соображенія о мѣстоположеніи и наименованіи одной изъ улицъ Кобыльею (см. выше, стр. 42 и слѣд.); она встрѣчается въ лѣтописи всего одинъ разъ, въ XIV вѣкѣ, по поводу большого пожара. Мѣстомъ для нея назначено пространство невдалекѣ отъ Дѣтинца, гдѣ башня Кукуй и Образова церковь Добрынина поселка. Имя этой Кобыльей улицы предположено въ непосредственной зависимости отъ Андрея Кобылы, потомка, или сына, Литовскаго царя Видвута, выходца изъ нѣмецкой земли, поселившагося въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ. Къ этому времени нашъ городъ находился уже въ цвѣтущемъ состояніи, и былъ тѣсно застроенъ. Богатому, вѣроятно, и родовитому выходцу, пожелавшему поселиться среди своихъ земляковъ, поблизости къ дворамъ Прусскихъ и Чудскихъ, а въ ихъ числѣ и Литовскихъ уроженцевъ, или ихъ потомковъ, пришлось устроиться на краю ближайшаго къ землякамъ поселка, небольшимъ гнѣздомъ. Малый валъ и ровъ

около него въ XIII вѣкѣ уже существовалъ. Если пожаръ, вспыхнувшій на Кобыльей улицѣ, началъ свои опустошенія съ Дѣтинца, значитъ эта улица лежала невдалекѣ отъ него. Потомокъ Видвута недолго оставался въ Новгородѣ; онъ перебрался въ Москву; а это произошло, должно-быть, отъ того, что здѣсь онъ не добился положенія, соотвѣтствующаго своей родовитости. Вновь прибывшихъ чужестранцевъ, ничѣмъ особенно выдающимся не заявившихъ себя на родинѣ, Новгородцы не подпускали близко къ дѣлу важному для страны; Видвутова потомка, поэтому, не пустили, для селитьбы, въ Загородье. Карамзинъ относитъ прибытіе Андрея Кобылы въ Новгородъ къ 1287 году; въ это время происходила ожесточенная борьба Новгорода съ Литвою, Ливонцами и Шведами (I Нов. лѣт. годы съ 1282 по 1290 г.); стало-быть къ чужестраннымъ выходцамъ относились здѣсь особенно подозрительно. Возможно, въ виду такихъ данныхъ, что Андрей Кобыла устроился на пространствѣ между рвомъ малаго вала и Ярышовымъ поселкомъ, въ лѣтописномъ полѣ, часть котораго и получила названіе Кобыльей улицы. По этимъ основаніямъ мы полагаемъ, что проѣздъ, между рвомъ малаго вала и поселкомъ Ярыша, слѣдуетъ назвать Кобыльимъ.

Чегловъ.

Выше приведена отмѣтка о пожарахъ, начавшихся въ 1194 году, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, съ Савкина двора на Ярышевѣ улицѣ (I Нов. лѣт. стр. 22). Пожаръ этого дня „уяша у Лукина улицы“;—на другой день „Загорѣся въ Чьгловѣ улки и погорѣ дворовъ съ десять“, потомъ горѣло въ Хревковѣ улицѣ до ручья въ Неревской конецъ. Едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, что все это—продолженіе одного пожара, начавшагося съ Савкина двора. Огнегасительныя средства того времени не были такими же могучими, какими обладаютъ нынѣшніе большіе богатые города; преобладающими были постройки деревянныя; хотя пожаръ перваго дня уняли у Лукины улици, положеніе которой намѣчено въ статьѣ о церкви, давшей ей свое имя,—она лежала недалеко онъ внѣшняго вала,—въ теченіе ночи, при незначительномъ даже вѣтрѣ, подъ огорѣлыми остатками построекъ, невполнѣ залитыми, тлѣли угли и пожаръ снова вспыхнулъ поблизости отъ Лукиной улицы, или на ней самой; примѣтили его и начали тушить тогда, когда онъ поднялъ грозную свою голову на Чегловѣ улкѣ, и спалилъ десять дворовъ. Указаніе лѣтописцемъ—очевидцемъ мѣстности пожаровъ, въ приведенной отмѣткѣ, на распространеніе начавшагося съ улки Чегловой на сосѣднія, и истребленіе только десяти дворовъ, приводитъ къ заключенію, что эта, Чеглова улка, была невелика,—всего, можетъ быть, только въ десять дворовъ,—что она лежала близъ внѣшняго вала, по сосѣдству съ Лукиной, и что лежала особнякомъ, вдоль вала, помѣшавшаго распространенію пожара на ближайшія, слѣдовавшія за валомъ, постройки. Если это такъ, то Чеглова улка была на крайнемъ, съ запада, проѣздѣ Кромнаго города, между поселкомъ Черницынымъ и внѣшнимъ валомъ.

Ни Митрополитъ Евгеній, ни Красовъ, ни Нарядная опись 1623 года не упоминаютъ о какихъ либо улицахъ, соотвѣтствующихъ положенію двухъ описанныхъ проѣздовъ. На чертежѣ 1756 года, въ мѣстности Кромнаго города нанесено пять улицъ внутреннихъ и двѣ крайнихъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что Евгеній отожествляетъ Лукину съ Лучинскою, которая, по его словамъ, проходила чрезъ Грядинскую; Муравьевъ же называетъ Лукинскую и Малую-Лучинскую, какъ двѣ улицы, и ставитъ ихъ рядомъ. Гдѣ находилась Грядинская—мы указать не можемъ и сомнѣваемся въ ея существованіи, такъ какъ ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ не встрѣчали такого названія. Быть можетъ „Грядинская" напечатана по ошибкѣ, вмѣсто Рядитинской. Лучинскую мы видѣли въ нашемъ Загородномъ концѣ,—но та улица сравнительно новая;—поэтому думаемъ, что Муравьевъ поставилъ Малую-Лучинскую произвольно, чтобы дать имя одной изъ пяти улицъ чертежа Попова. Такимъ образомъ, ни къ 1623, ни къ 1756 году не было уже улицъ, соотвѣтствующихъ нашимъ двумъ крайнимъ проѣздамъ, хотя пять улицъ чертежа Попова, кромѣ двухъ крайнихъ же, свидѣтельствуютъ, что число это соотвѣтствуетъ существованію нашихъ проѣздовъ, большихъ и второстепенныхъ, и послѣ самобытія. Теперь въ мѣстности Кромнаго города всѣхъ улицъ, направляющихся въ сторону къ мокрой низинѣ, только пять; изъ нихъ три выходятъ на берегъ низины, пересѣкая Троицкую улицу; притомъ Воздвиженская идетъ не прямо, а отдѣльнымъ проулкомъ, начавшимся отъ Троицкой, нѣсколько западнѣе того мѣста, гдѣ встрѣтилась съ нею; остальныя же двѣ, послѣдняя къ валу и Лукинская, не пересѣкаютъ Троицкой,—упираясь только въ нее. Прямо на низину опускаются Ново-Власьевская и Редитенская (такъ названа на послѣдне-изданномъ чертежѣ площади Новгорода).

Лукинскій.

Намъ извѣстны положеніе и судьбы церкви во имя Св. Евангелиста Луки; проѣздъ ея имени велъ къ церкви съ полдня и съ полночи; лѣтопись говоритъ о немъ по случаю пожаровъ; на Знаменскомъ изображеніи ея нѣтъ. Митрополитъ Евгеній называетъ Лукину улицу Нарядной описи Лучинскою и даетъ послѣдней направленіе, о которомъ мы уже говорили въ предыдущей статьѣ. И. И. Красовъ помѣщаетъ Лукину улицу Нарядной описи на мѣстѣ Редетинской его времени. На приложенномъ къ изслѣдованію Красова чертежѣ Новгорода 1850 года—эта Редетинская поставлена послѣднею къ внѣшнему валу; теперь же на ея мѣстѣ значится Воздвиженская, по ошибкѣ стражника, прибивавшаго, какъ мы уже объяснили выше, дощечки съ названіями улицъ. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Редетинской временъ Красова и нынѣшней Воздвиженской слѣдуетъ быть Лукиной, по послѣдне-состоявшемуся распредѣленію площадей и улицъ Неревской, или Софійской стороны. Но положеніе ея не вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему Лукинскому проѣзду: на чертежахъ 1756 и 1778 гг. нанесена пло-

щадь Лукинской церкви почти на одинаковомъ разстояніи: отъ закругленія внѣшняго вала, отъ Бѣлой Алексѣевской башни, въ стороны,—къ востоку—вдоль мокрой низины, и къ полночи отъ башни—вдоль рва, такъ что вѣрнѣе будетъ положеніе древняго проѣзда, если мы его отодвинемъ къ западу и поставимъ прямо противъ главнаго, Черницына проѣзда Кромнаго города, или противъ той части нынѣшней Воздвиженской улицы, которая вышла на берегъ низины.

Воздвиженскій.

Проѣздъ этого имени лежалъ въ Радятинѣ поселкѣ Кромнаго города, направляясь отъ церкви къ берегу мокрой низины на полдень, и въ обратную сторону—къ извилистому проѣзду, какъ и Лукинскій. Ни одна Новгородская лѣтопись, за исключеніемъ третьей, не называетъ Воздвиженской улицы; третья же говоритъ подъ 1415 годомъ: „Поставиша церковь каменную, святое Воздвиженіе честнаго креста, на Софійской сторонѣ, въ Людинѣ концѣ. Того же лѣта поставиша церковь каменну святого апостола Луки, на Здвиженской улицы, въ Людинѣ концѣ“ (годъ 6923, стр. 236). Слова „на Здвиженской улицѣ“ очевидно мѣстоописательная прибавка составителя основного сборника, писавшаго свои замѣтки въ первой половинѣ XVIII вѣка; лѣтопись закончена 1716 годомъ;—и прибавка неосновательная. Церковь Лукинская существовала съ XI вѣка, а Воздвиженская упомянута въ числѣ сгорѣвшихъ подъ 1194 годомъ, во время пожара, начавшагося на Ярышовѣ улицѣ (отмѣтка приведена выше),—значитъ и она основана раньше этого года; обѣ церкви были на мѣстѣ при составленіи чертежа 1778 года, такъ что составитель основного сборника третьей лѣтописи могъ видѣть ихъ; улица Лукина названа въ упомянутой отмѣткѣ 1194 года: пожаръ переняли у ней. Должно быть основный сборникъ писанъ безъ справокъ съ мѣстностями. Подъ 1415 годомъ Татищевскаго сборника, и въ первой Новгородской лѣтописи, помѣстившей на своихъ страницахъ отмѣтку Татищевскаго, значится: „съвършиша двѣ церкви камены въ Людинѣ концѣ, святое Въздвиженіе Господне, да святого Луку“ (Пр. Др. Рус. Вивл. Ч. II, стр. 687; I Нов. лѣт. годъ 6923, стр. 106).

Митрополитъ Евгеній даетъ Воздвиженской улицѣ мѣсто по правую сторону Троицкой церкви, и ведетъ ее отъ вала къ Волхову, или къ нашей мокрой низинѣ (Разговоры, стр. 76). И. И. Красовъ назначаетъ этой улицѣ тоже мѣсто; но исправляя путаницу въ наименованіи улицъ нашего Кромнаго города въ 1850 году, переноситъ Воздвиженскую на мѣсто Лукиной его времени, а эту на мѣсто Редетинской, которую ставитъ тамъ, гдѣ была тогда Воздвиженская (стр. 83).

Начиная разсматриваемую улицу отъ внѣшняго вала, Евгеній не приводитъ доказательствъ; но въ значеніи проѣзда къ церкви такое протяженіе улицы представляется весьма вѣроятнымъ.

На Знаменскомъ изображеніи много проходовъ и проулковъ въ мѣстности срединныхъ проѣздовъ Кромнаго города; но за отсутствіемъ рисунковъ церквей, мы затрудняемся опредѣлить—который изъ нихъ Лукинскій проѣздъ и который Воздвиженскій. По чертежамъ 1756 и 1778 гг. отъ площадокъ церквей Луки и Воздвиженія проведены улицы—одна къ внѣшнему валу (Лукинская), а другая къ Десятинному монастырю (Воздвиженская). Такимъ образомъ проѣзды Лукинскій и Воздвиженскій выходили, въ прошедшемъ столѣтіи, за предѣлы древняго Кромнаго города, во вторую часть Людина конца.

и б) Второй части конца.

Проулковъ и проѣздовъ было много во второй части Людина конца, по Знаменскому изображенію; а по чертежамъ 1756 и 1778 года ихъ не видно. Митрополитъ Евгеній, въ примѣчаніи къ первому прибавленію къ Разговорамъ, объясняетъ, что по описи 1744 года значатся въ Гончарскомъ концѣ новыя улицы, кромѣ названныхъ въ этомъ прибавленіи, таковы:—Варварейская, Малая-Лучинская и Новая Московская Треть (Разговоры, стр. 77). И. И. Красовъ нашелъ въ Нарядной описи 1623 года, составляющей первое прибавленіе къ Разговорамъ Евгенія, переулокъ Козороговъ (стр. 71), въ Гончарскомъ концѣ; нашелъ его тамъ же и Д. И. Прозоровскій (Новгородъ и Псковъ, стр. 34).

Переулка Козорогова нѣтъ въ приложеніи къ Разговорамъ изданія 1808 года; другого же изданія этой книги мы не знаемъ и у Сопикова, въ его опытѣ Россійской библіографіи, несказано, чтобы Разговоры были напечатаны два раза; подлинника Нарядной описи видѣть намъ не довелось; цѣлъ-ли онъ и гдѣ хранится, намъ неизвѣстно. Слѣдовательно существованіе Козорогова переулка надобно оставить подъ сомнѣніемъ до будущаго времени.

Въ лѣтописяхъ не упомянуты—ни Варварейская улица, ни Малая-Лучинская,—неизвѣстна имъ и Новая Московская Треть.

Если Варварейская и Варваринская 1850 года одна и таже улица,—мы ее видѣли; но болѣе чѣмъ вѣроятно существованіе Варваринскаго проѣзда и въ перволѣтописныя времена, когда возникъ монастырь этого имени; лѣтопись не упоминаетъ о немъ по незначительности, конечно, протяженія этого проѣзда, имѣвшаго видъ Пробойной улицы. Положеніе его ближе всего искать въ томъ проѣздѣ Знаменскаго изображенія, который достаточно широкъ и тянется между церквами Власьевскою и Яковлевскою; мы знаемъ, что Власьевская отстояла отъ Варваринскаго монастыря всего въ 19 саженяхъ. Монастыря этого нѣтъ на Знаменскомъ рисункѣ, потому что онъ сгорѣлъ весь 6-го Іюля 1526 года, а рисунокъ писанъ между 1528—1531 годами (отмѣтка объ этомъ пожарѣ приведена раньше). На мѣстѣ Варваринской 1850 года мы не ставимъ нашего проѣзда, потому что, если-бы онъ расположенъ былъ около внѣшняго вала и занималъ такую же пло-

щадь, какъ въ 1850 году,—тогда имѣлъ-бы значеніе отдѣльнаго Кончанскаго участка, или лѣтописной улицы, и нашего поселка, и въ этомъ качествѣ не могъ-бы не попасть въ лѣтопись по случаю пожаровъ.

На Добрынѣ мы видѣли Яковлеву улицу; она будетъ проѣздомъ Добрынина поселка.

Итакъ, во второй части Людина конца мы указываемъ мѣста только двухъ, послѣдненазванныхъ, проѣздовъ, находя достовѣрныя данныя къ заключенію о существованіи и положеніи ихъ съ перволѣтописныхъ временъ.

Поселки внѣ города.

Третью часть Людина конца занимало поселеніе на Мигрѣ, а четвертую—за внѣшнимъ валомъ на западъ отъ Бѣлой Алексѣевской башни, нѣсколько къ полдню и къ полночи. Части эти неравномѣрны по пространству занимаемой ими площади; третья вдвое и даже втрое меньше четвертой; но населеніе той и другой было различно по роду занятій, по внутреннему строю жизни, и по гражданскимъ правамъ. Поэтому мы и дѣлимъ поселки, лежащіе внѣ города, только на двѣ части,—не смотря на ихъ неравномѣрность въ пространствѣ. Четвертую часть можно-бы подраздѣлить на двѣ, западно-полуденную и западно-полуночную, такъ какъ она тянулатъ отъ внѣшняго вала двумя клиньями, расходящимися въ названныя стороны, имѣя посрединѣ Синичью гору или Сольнище. Въ пользу такого подраздѣленія говоритъ различіе занятій и образа жизни населенія обоихъ клиньевъ; но, при настоящемъ состояніи доступныхъ изученію письменныхъ свидѣтельствъ, это различіе еще слишкомъ блѣдно,—потому мы воздержимся отъ подраздѣленія, и будемъ разсматривать оба клина, какъ поселки четвертой части Людина конца.

Мигра.

Положеніе этого участка мы знаемъ; о происхожденіи названія его объясненія приведены; говорено также не разъ и о заселеніи его Людинами-ратниками, и притомъ конными.

Мнѣніе наше поэтому послѣднему предмету, то есть, что первоначальные насельники Мигры были конные ратники, выведено изъ соображенія грамоты Мстислава Великаго, данной Юрьеву монастырю, съ назначеніемъ князьямъ Новгородскимъ государственныхъ земель въ пользованіе на время ихъ княженія,—по свидѣтельству сохранившихся договоровъ. Здѣсь мы выскажемся нѣсколько яснѣе. То пространство земли, которая пожалована монастырю, обнимаетъ обширную луговую площадь, богатую сѣнными покосами; оно стелется: по берегу Волхова отъ нынѣшней Троицкой церкви Людина конца, почти до самаго Юрьева, на протяженіи двухъ слишкомъ верстъ, и отъ берега на полдень къ западу, мимо Юрьева, до скита слѣва,

и отъ ближайшаго къ Мигрѣ клина четвертой части конца, мимо Аркажи до нынѣшнихъ деревень Разсщепа и Хлѣвищей, справа, на протяженіи неменьше шести верстъ;—Мигра приходится не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ Волховского берега, и немного не на половинѣ разстоянія между городомъ и Юрьевомъ,—окруженная пожалованною Св. Георгію землею съ озеромъ Мячиномъ и протоками:—вносящимъ въ него Волховскую воду, извѣстнымъ подъ именемъ Княжева ручья, и выпускающимъ—называемымъ Безымяннымъ ручьемъ. Новгородъ никогда не былъ городомъ—ни скотоводнымъ, ни земледѣльческимъ, по непригодности почвы, для обоихъ видовъ промышленности, прилегающихъ къ нему земель; онъ былъ городомъ торговымъ съ незапамятныхъ временъ. Пространство за Разсщепомъ и Хлѣвищами, извѣстное въ писцовыя времена подъ именемъ Поверяжья, хотя возвышено и вполнѣ удобно для хлѣбопашества и скотоводства, хотя оно заселено было всегда, съ долѣтописныхъ вѣковъ также густо, какъ и теперь, на что указываютъ древнѣйшія, невнятныя для современнаго говора народа названія селеній, каковы, напримѣръ: Ракомо, Радбеликъ, Хотяжъ, Жолкунъ, Здринога и т. п.,—но, прилегая къ рыбо-обильному озеру Ильменю—вызвало въ населеніи рыболовный промыселъ, болѣе выгодный, чѣмъ скотоводство и хлѣбопашество. Для нуждъ города и полуденно-западныхъ окрестностей, луговая земля не представляла большой цѣны, но какъ дорогая для конной дружины, она была предоставлена въ ея пользованіе.

Мы уже имѣли случай указать на свидѣтельство Начальной Русской лѣтописи о привязанности Новгородцевъ къ сыну Мономаха, Мстиславу Владиміровичу;—„въскормили есмы собѣ князь“ говорили Новгородскіе послы Святополку, желавшему взять отъ нихъ Мстислава и посадить на его мѣсто сына своего. Преданъ былъ Новгороду и Мстиславъ; онъ, повидимому, рѣшилъ не уходить отсюда во всю свою жизнь: когда брата его, Изяслава, убили въ войнѣ съ Олегомъ Святославовичемъ подъ Муромомъ, въ 1096 году, Мстиславъ перенесъ тѣло его въ Новгородъ „и положиша и у святыѣ Софьѣ на лѣвой сторонѣ“. Когда же Мстиславу пришлось занять Кіевскій столъ, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына своего Всеволода; этотъ князь, воспитанный, какъ и отецъ его, здѣсь, не сохранилъ за собою привязанности, которою пользовался Мстиславъ, но въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, съ 1126 г., Новгородцы не роптали на него за непостоянство;—наконецъ, и то не по свободной волѣ Вѣча, а по проискамъ недовольныхъ,—злополучнаго князя заключили подъ стражу и изгнали въ 1136 году изъ города. Князь Мстиславъ, ставшій твердо на землѣ Новгородской, или распустилъ вовсе, или значительно уменьшилъ конную дружину, какъ увѣрившійся въ прочности положенія своего и сыновняго въ странѣ Ильменской, а луговое пастбище и покосы пожертвовалъ Св. Георгію, христіанское имя котораго носилъ.

Мигра не имѣла окопа. Поверхностное испытаніе почвы во кругъ нынѣшней Воскресенской слободы не даетъ никакихъ признаковъ вала, когда нибудь ее окружавшаго. Это обстоятельство подтверждаетъ нѣсколько вы-

сказанное нами мнѣніе; для конныхъ Людиновъ, окопъ былъ-бы только помѣхою.

Въ конныхъ дружинникахъ Мигры мы склонны видѣть Колбяговъ Заонежья и Бѣжецкой пятины,—имя которыхъ встрѣчается въ кратчайшемъ спискѣ Русской Правды. Принимая слово Колбягъ за образовавшееся изъ двухъ: Коло—домъ, жилище, и—„бягъ", однозначащее съ „бѣгунъ", произносимое въ народѣ, населяющемъ земли Бѣжецкой пятины и къ ней прилегающія, какъ „бягунъ"—позволительно видѣть въ Колбягѣ—бродягу, убѣжавшаго изъ дому и шатающагося по свѣту. Отъ имени подобныхъ бродягъ-бѣглецовъ могла получить прозвище и та часть земли Новгородской, изъ которой образовалась Бѣжецкая пятина. Варяги—тѣже, по нашему мнѣнію, бродяги и, какъ догадывается А. П. Богдановъ, воришки, воряги;—бездомный людъ и теперь шатается безъ опредѣленныхъ занятій; въ области средняго теченія рѣки Луги и въ землѣ между нею и Ильменемъ, наемные работники называются казаками. Извѣстно, что казацкія общины образовались па окраинахъ Россіи изъ бездомныхъ бродягъ-удальцовъ, мѣрявшихся молодецкою отвагою съ пограничными чужеземными племенами. Нѣтъ, поэтому, особенной невѣроятности въ предположеніи нашемъ, что названія: Колбягъ, Казакъ и Варягъ даны такимъ же долѣтописнымъ, какъ и названія болѣе позднихъ вѣковъ, общинамъ, которыя залегали рубежи страны Ильменской и тѣшились отважными набѣгами на чужія земли, не пренебрегая, въ тоже время, и своими—въ смыслѣ соплеменныхъ.

Между Колбягами долго держалось язычество; также долго оно гнѣздилось въ области средняго теченія Луги и земляхъ Чудскихъ и Литовскихъ.

О язычествѣ Колбяговъ сказано въ одномъ изъ древнихъ списковъ Русской Правды, извѣстномъ барону Розенкампфу, изслѣдователю Кормчей книги, такъ:—„а оже будетъ варягъ или Колобягъ, крещеніе не имѣя" и т. д. (Обозрѣніе Кормчей книги; Москва, 1829 г. Второго перечисленія стр. 228). Двѣ увѣщательныя грамоты Новгородскихъ Архіепископовъ Макарія—1534 и Өеодосія—1548 года, къ Воцкой пятинѣ, свидѣтельствуютъ, что „многіе христіане о церковномъ правилѣ не брегутъ, къ церквамъ не ходятъ, а молятся по сквернымъ своимъ мольбищомъ древесомъ и каменью по дѣйствію діаволю" (Др. Рус. Вив. изд. 2-е, Ч. XIV, стр. 149 и 168). Чудскіе арбуи (не авгуры-ли?) и жрецы Кривичей и Литвы извѣстны до XV вѣка.

Въ статьѣ о Воскресенскомъ монастырѣ, на Славенской сторонѣ, приведено указаніе на существованіе въ Новгородѣ четырехъ такихъ монастырей: на Мигрѣ, на Павловой улицѣ, на Красной горкѣ, гдѣ теперь Тихвинское кладбище, и въ Деревяницахъ,—и сказано, что въ 1136 году, по свидѣтельству пергаментнаго сборника, „съгорѣ церкы святого Въскресенія монастырь". Если принять эту церковь за монастырскую—Мигры, получится—въ сооруженіи ея около времени княженія Мстислава Владиміровича—подтвержденіе, хотя и отдаленное, мнѣнія нашего объ уменьшеніи, или и о совершенномъ упраздненіи на Мигрѣ поселка конныхъ Людиновъ, и передачѣ

отводимаго для довольства лошадей ихъ лугового пространства Юрьеву монастырю, какъ ненужнаго болѣе для княжей конной дружины. Учрежденіе Мигрскаго монастыря принадлежитъ, вѣроятно, тому-же князю Мстиславу Владиміровичу.

Принимая, на основаніи вышеизложеннаго, первоначальное поселеніе на Мигрѣ за военно-конное, замѣненное между 1120 и 1136 гг. монастыремъ (въ первый изъ этихъ годовъ князь Мстиславъ Владиміровичъ сѣлъ на Кіевскій столъ), мы объясняемъ качествомъ ея обитателей отсутствіе въ лѣтописи извѣстій о какихъ-либо тамъ улицахъ: Мигра представляетъ почти островъ; Людины размѣщались въ особо для нихъ сдѣланныхъ на Государственный счетъ постройкахъ, расположенныхъ такъ, что проходы и проѣзды между ними не нуждались въ особыхъ названіяхъ; когда же учредили женскій монастырь,—частныя постройки около него не могли быть многочисленны,—площадь Мигры не обширна; одного названія мѣстности монастыремъ было достаточно для опредѣленія ея, что наглядно выразилось въ отмѣткѣ 1136 г.; современникъ, сказавъ объ истребленіи пожаромъ Воскресенской церкви въ монастырѣ, не считалъ необходимымъ пояснять въ какомъ;—какъ единственный тогда Воскресенскій— извѣстенъ былъ всякому.

Между нынѣшнею Воскресенскою слободою и городомъ лежитъ мокрая низина; весною слобода—островъ; вѣроятно тоже повторялось каждый годъ и въ древности; поэтому небезосновательно будетъ предположить о существованіи чрезъ низину моста, особенно тогда, когда Мигра была военнымъ поселкомъ. Въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ сказывается, между прочимъ: „Будетъ онъ, Терентьище, у честна креста Воздвиженья, у жива моста Калинова“ (Кирша—Даниловъ; Древнія стихотворенія, стр. 14; изданіе 1818 года). Былина эта сложена не въ глубокой древности, не раньше XVI вѣка. Въ Новгородѣ была, съ перволѣтописныхъ вѣковъ и до послѣднихъ, только одна самостоятельная церковь въ честь Воздвиженія креста Господня,—это та, которая дала свое имя одному изъ среднихъ проѣздовъ Кромнаго города, и существовала еще въ 1778 году (мѣсто ея отмѣчено на чертежѣ этого года); нынѣшняя Воскресенская слобода лежитъ прямо на полдень отъ мѣста Воздвиженской церкви; былинный мостъ должно-быть тотъ самый, который соединялъ Мигру съ городомъ. Живыми мостами зовутся въ Новгородской землѣ временные, сколоченные кое-какъ на половодье и затѣмъ разбираемые до слѣдующей весны. Названіе моста Калиновымъ, весьма обыкновенное въ народныхъ пѣсняхъ,—указываетъ, кажется, на непрочность ихъ: калина не бываетъ толста и мостъ, сдѣланный изъ нея, годенъ развѣ для пѣшеходовъ, и то сомнительно. Теперь дорога изъ Воскресенской слободы идетъ не въ городъ, а въ Троицкую слободу, къ западу отъ Бѣлой башни. Возможно, что и въ древности между Мигрою и Кромнымъ городомъ строили, на время разлива, такой же живой мостъ отъ Воздвиженскаго проѣзда. Геннадіевъ обходъ вокругъ деревяннаго города могъ-бы дать точное указаніе: отъ Образовой церкви крестный ходъ направился Волховскимъ берегомъ къ Алексѣевской церкви; живой мостъ ле-

жалъ на этомъ пути; но обходъ совершался зимою, 15 Декабря 1493 года; мостъ былъ тогда уже разобранъ.

По поводу указанія на погребеніе князя Изяслава Владиміровича, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи значится, что тѣло князя положили на лѣвой сторонѣ въ Святой Софіи. Гдѣ именно его могила—неизвѣстно. Нынѣшнимъ, 1894 года, лѣтомъ производится въ нашемъ соборѣ основательное исправленіе поврежденій, оказавшихся въ кладкѣ, за время существованія его въ продолженіе 850 лѣтъ (кладка начата въ 1045 году). Разбирая половую настилку, нашли подъ нею гробницу, выложенную изъ камня и кирпича, въ Предтеченскомъ придѣлѣ, съ лѣвой стороны собора, на глубинѣ около $2^1/_2$ аршинъ и—въ стѣнѣ, отдѣлявшей Рождество-Богородицкій придѣлъ, первоначально отъ самаго собора, а когда между этимъ придѣломъ и алтаремъ собора устроили придѣлъ Іоакимовскій,—отъ этого послѣдняго, у самаго входа въ придѣлъ чрезъ Сигтунскія двери, влѣво, въ углу,—останки какого-то человѣка, одѣтаго въ красное шелковое платье, на глубинѣ отъ нынѣшняго пола не болѣе аршина. При этомъ, и вообще при осмотрѣ состоянія стѣнъ и столбовъ, подпирающихъ церковные своды, подъ нынѣшнимъ поломъ оказались явственные остатки первоначальной половой пастилки, она легла на площадь, залитую растворомъ извести, и выложена небольшими поливными изразцами; подъ заливкою же—плотно убитая земля. Разстояніе между древнею и нынѣшнею настилкою одинъ аршинъ съ половиною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между настилками, на стѣнахъ и столбахъ, явственно сохранился остатокъ фресковъ. То мѣсто, на которомъ похороненъ человѣкъ въ шелковой одеждѣ, также расписано. Отъ погребеннаго въ Предтеченскомъ придѣлѣ остались одни только кости. Мѣста могилъ князей и Святителей были отмѣчаемы сперва надгробницами (это голубцы) съ надписью на каждой, а затѣмъ, когда ихъ стало много, записью на стѣнахъ, у которыхъ хоронили именитыхъ лицъ и владыкъ. Предъ нынѣшнимъ возобновленіемъ собора надписи кое-гдѣ еще встрѣчались. Къ счастью въ книгѣ протоіерея Соловьева—Описаніе Софійскаго собора, и Преосвященнаго Макарія—Церковныя древности, приводится перечень погребенныхъ въ Св. Софіи, самые притворы (паперти) и придѣлы собора. Изъ этого перечня оказывается, что въ придѣлахъ съ правой стороны собора, Рождество-Богородицкомъ и Князе-Владимірскомъ, устроенномъ недавно, около 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, погребаемы были преимущественно князья,—а между придѣлами, на Мартиріевской паперти, полуденной, гдѣ входятъ въ соборъ съ Дѣтинцевской площади, также на паперти Корсунской, съ запада, и въ придѣлѣ Предтеченскомъ,—преимущественно владыки, хотя въ мѣстности последне-названнаго придѣла была погребена, въ стѣнѣ, княгиня Александра, супруга князя Владиміра, основателя собора, кости которой, какъ замѣчено выше, случайно потревожены.

Гдѣ именно положенъ князь Изяславъ, сынъ Мономаха—неизвѣстно. Мы упоминали уже, что празднованіе Софіи, Премудрости Божіей, отправляется въ Кіевской землѣ въ день Рождества Богоматери; а въ Новгород-

ской—въ день ея Успенія. Придѣлъ нашего собора Рождество-Богородицкій сооруженъ одновременно съ нимъ. Не желалъ-ли создатель храма, Св. князь Владиміръ, и его родители, Ярославъ Мудрый и Св. Анна, соединить въ Новгородской Софіи оба дня празднованія Премудрости Божіей? Одновременность сооруженія престоловъ Успенія и Рождества Богоматери доказывается преданіемъ, занесеннымъ въ лѣтопись, о погребеніи храмоздателя въ томъ же гробѣ, въ которомъ похоронили, по обрѣтеніи нетлѣнныхъ мощей Св. Владиміра и по перенесеніи ихъ на другое мѣсто, князя Мстислава Ростиславовича (III Нов. лѣт. годъ 6886, стр. 216; Макарій, Ч. I, стр. 70; Исторія русс. церкви, Ч. I, стр. 68 и 75);—а также и кладкою стѣнъ придѣла, совершенно одинаковою какъ тутъ, такъ и въ главномъ храмѣ.

Стѣна, въ которой погребенъ усопшій, одѣтый въ шелковое платье, приходится противъ той, въ которой гробъ Св. князя Владиміра; на немъ поставлена рака съ мощами Св. князя Мстислава Ростиславовича, какъ говоритъ Преосвященный Макарій (стр. 70).

Если замѣтка Лаврентьевской лѣтописи заимствована изъ памятухи не Новгородской, а Кіевской, тогда встрѣченные въ стѣнѣ Рождество-Богородицкаго придѣла останки могутъ принадлежать князю Изяславу Владиміровичу, павшему въ войнѣ 1096 года: Кіевлянинъ назвалъ Святою Софіею Рождество-Богородицкій придѣлъ, а останки покоятся на лѣвой сторонѣ его. Для погребенія Изяслава именно здѣсь было самое подходящее мѣсто,—почти рядомъ съ могилою родного брата его дѣда, Всеволода Ярославовича. Если-же Лаврентьевская замѣтка взята изъ Новгородской памятухи, могилу Изяслава можно видѣть въ найденной въ Предтеченскомъ придѣлѣ.

Извѣстно, что въ Софійскомъ храмѣ Новгородцы погребали знаменитыхъ своихъ согражданъ, Посадниковъ, Тысячскихъ и другихъ. Лѣтопись сохранила имена нѣкоторыхъ, такъ: а) подъ 1243 годомъ отмѣчено: „Мѣсяца Августа въ 16 преставися рабъ Божій Стефанъ посадникъ Новгородьскый Твердиславичь, внукъ Михалковъ и положенъ бысть въ притворѣ святыя Софья, идѣже Аркадіи и Мартуріи Архіепископа лежита“ (I Новг. лѣт. годъ 6751, стр. 54), и б) подъ 1268 годомъ подробно изложено дѣло подъ Раковоромъ, въ которомъ побито много Посадниковъ и другихъ именитыхъ людей; тѣла ихъ привезены были въ Новгородъ; въ числѣ убитыхъ оказался и Степенный Посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ „и положиша посадника Михаила у святой Софіи“ (тамъ-же, подъ 6776, стр. 60). Преосвященный Макарій говоритъ, что эти Посадники погребены въ сѣверной паперти, т. е. гдѣ теперь придѣлы Предтеченскій и Богословскій. Но по отношенію къ Стефану Твердиславовичу это безусловно невѣрно: Владыки, Св. Аркадій и Мартирій, почиваютъ въ полуденной паперти, между придѣлами Рождество-Богородицкимъ и Князе-Владимірскимъ, называемой Мартирьевскою, а этотъ Посадникъ, по лѣтописи, погребенъ тутъ же, гдѣ почиваютъ Святые Владыки. Посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ положенъ, по всей вѣроятности, здѣсь же; между годами смерти обоихъ гражданъ прошло немного времени; хоронившіе Степана Твердиславовича могли присут-

ствовать и при избраніи мѣста для могилы другого заслуженнаго Посадника, такъ что послѣдняго положили, должно-быть, рядомъ съ первымъ (Опис. церк. древ. Ч. I, стр. 76, примѣч. 144). Слѣдовательно на лѣвой сторонѣ Рождество-Богородицкаго и Предтеченскаго придѣловъ погребены не Посадники, имена которыхъ названы лѣтописью.

О проѣздахъ на Мигрѣ мы не даемъ объясненіе по упомянутой причинѣ—ихъ тамъ не различали по названіяхъ, какъ въ другихъ поселкахъ.

Алексѣевскій.

Въ объясненіяхъ о Петропавловской церкви на Сильницы высказаны соображенія о заселеніи ближайшихъ къ городу окрестностей по проѣзжимъ дорогамъ постоялыми дворами, а впослѣдствіи монастырями, какъ гостепріимными учрежденіями. Мы видѣли Русскую дорогу; она вела въ городъ отъ Алексѣевской Бѣлой башни и направлялась въ сторону къ Спасской башнѣ Дѣтинца. По этому направленію тянулся, приблизительно, мостовой участокъ Осменниковъ. По правую сторону этой дороги, если идти въ городъ отъ Бѣлой башни, лежалъ Кромный городъ.

Когда, съ XIII вѣка, наводнившіе Русь татары остановили торгово-промышленное теченіе жизни въ земляхъ княжескихъ, оно особенно усилилось въ странѣ Ильменской, умѣвшей ладить съ азіатскими ордами, знакомыми ей съ покон-вѣку. Къ этому именно времени и относятся Загородныя поселки Неревской стороны вообще, въ особенности же по дорогамъ: въ Русь и—Горной въ нѣмцы, для которыхъ, разумѣя подъ ними всѣ чужеродныя и чужестранныя племена Западной Европы, Новгородъ сталъ важнѣйшимъ средоточіемъ и посредникомъ торговли Ганзейскаго союза. Поселокъ по Русской дорогѣ вызванъ усилившимися сношеніями съ западомъ. Какъ онъ именовался первоначально, лѣтопись не сказываетъ. Въ немъ въ послѣдствіи, уже въ XVII вѣкѣ, по письменнымъ свидѣтельствамъ этого времени, встѣчаются: слободы—Тонная и Копорская, улица Юрьевская и Щипачево. Возможно, что это были или отдѣльные поселки съ древнѣйшихъ временъ, не имѣвшіе только случая заявить себя въ лѣтописи, или проѣзды. Изъ осторожности мы не называемъ разсматриваемаго поселка этими именами, предпочитая имъ церковное.

Въ описаніи лютаго пожара 1340 года лѣтописецъ впервые назвалъ Святого Алексѣя въ Людинѣ концѣ. Изъ дальнѣйшихъ упоминаній о церкви этого Святого, а особенно изъ Геннадіева обхода 1493 года, ясно, что за рвомъ внѣшняго вала и за Бѣлою башнею существовала Алексѣевская церковь. Время первоначальнаго сооруженія ея неизвѣстно; но церкви не строились на пустыряхъ, если они не были мѣстами поселенія языческихъ предковъ храмоздателей, или ихъ усыпальницами,—поэтому Алексѣевская церковь возникла среди заселенной мѣстностности, когда образовалось много дворовъ, нуждавшихся въ близости храма. Слѣдовательно эта церковь поставлена около XIII вѣка обитателями значительнаго поселка, который мы

и называемъ, по имени ея—Алексѣевскимъ, а слободы и Щипачево составными участками его.

Мѣстность Алексѣевскаго поселка обнимала полуденный клинъ выше описаннаго четвертаго участка Людина конца; она застилала все приподнятое береговое пространство, въ сторону къ Мячину и къ Юрьеву; тамъ мы видѣли церкви Апостола Акилы и Св. Ксеніи. Бугры, образовавшіеся изъ кучъ строительно-каменнаго и кирпичнаго сора, изрѣдка встрѣчаются, на лѣво отъ дороги изъ города въ Аркажу, между кустарникомъ и на пашнѣ, до Благовѣщенской церкви, остающейся отъ монастыря, основаннаго здѣсь Святыми братьями Архіепископами Іоанномъ и Григоріемъ, и до самой низины, прилегающей къ Мячину. Намъ не приходилось еще испытывать глубоко почву на этомъ пространствѣ,—тутъ пашня; толща жилого слоя и пространство заселенія его служатъ наилучшими указателями и обширности поселка и тѣсноты его построекъ.

Обитатели Алексѣевскаго поселка различались по роду занятій: ближайшіе къ Русской дорогѣ промышляли постоемъ и хлѣбопашествомъ, что видно по первому слою почвы, поросшему кустарникомъ и давно уже необрабатываемому на пашню; подъ дерномъ и небольшимъ прослойкомъ воздушно-глинистаго налета лежитъ довольно глубоко, вершковъ на шесть,—ниже мы не изслѣдовали,—пашенная земля сытнаго удобренія. Бережане Мячина были, вѣроятно, рыбаками.

Какіе участки составляли Алексѣевскій поселокъ въ древности и гдѣ который находился, опредѣлить съ точностью мы не можемъ, за отсутствіемъ свидѣтельствъ. Если упомянутая былина о гостѣ Терентьищѣ древняго склада, измѣнившая первоначальный слогъ при пересказахъ,—въ ней упоминается „о дохтурахъ", —старѣйшимъ участкомъ будетъ Юрьевская улица; въ былинѣ читаемъ: „Въ стольномъ Новѣгородѣ, Было въ улицѣ во Юрьевской, Въ слободѣ было Терентьевской, А и жилъ былъ богатый гость, А по имени Терентьище; У него дворъ на цѣлой верстѣ".

Проѣзды.

Во избѣжаніе смѣшиванія понятій нашихъ о поселкахъ, назовемъ составныя части этого, Алексѣевскаго, проѣздами.

а) Юрьевскій.

Улица Юрьевская могла быть тѣмъ самымъ поселкомъ, который переименованъ въ Алексѣевскій по сооруженіи церкви Алексѣя Святого. Первоначальное основаніе Юрьева монастыря восходитъ къ 1030 году; по источникамъ, которыми пользовался Татищевъ, сгорѣвшимъ и навсегда погибшимъ для науки, Ярославъ Мудрый, носившій христіанское имя Георгія, основалъ, послѣ важной побѣды надъ Чудью, городъ въ землѣ этого народа и мона-

стырь близъ Новгорода, назвавъ ихъ именемъ побѣдоносца-мученика—Юрьевыми; Георгій по-русски Юрій (Татищевъ, Исторія Россіи кн. I, стр. 222 и 461). Подробности объ этомъ монастырѣ у Макарія (Церк. древ. Ч. I, стр. 403 и далѣе) и у Амвросія (Ист. рос. іер. Ч. VI, стр. 734 и слѣд.). По Русской дорогѣ лежалъ путь въ Ракомо—лѣтнее мѣстопребываніе Ярослава. Писатели иноземные свидѣтельствуютъ, что Новгородскій дворецъ Ярослава, отличавшійся баснословнымъ великолѣпіемъ, служилъ убѣжищемъ несчастливымъ вѣнценосцамъ и ихъ родственникамъ (Бильмиркъ, Эймундова сага); въ немъ проживали: король Норвежскій—Олофъ Святый, лишенный престола; изгнанные Канутомъ великимъ дѣти Англійскаго короля Эдмонта, Эдвинъ и Эдвардъ;—князья Венгерскіе Андрей и Левента,—изъ нихъ первый женился, впослѣдствіи, на Ярославовой дочери;—Датскій, или вообще Скандинавскій князь Симонъ, изгнанный дядею Якуномъ слѣпымъ (о немъ значится въ Патерикѣ Печерскомъ), и Норвежскій князь Гаральдъ, воспитывавшійся въ Новгородѣ, и женившійся, какъ и Андрей Венгерскій, на одной изъ дочерей Ярослава (Гералдовы вымлы Устава о мостахъ); онъ воспѣвалъ красоту Елизаветы Ярославовны во время морскихъ походовъ своихъ (Кар. Ч. II, примѣч. 41, 58—60). Весьма вѣроятно, что какъ одновременно прибывшіе съ чужестранными князьями ихъ сторонники, такъ и послѣдующіе выходцы, искавшіе убѣжища въ Новгородѣ, селились на Русской дорогѣ и положили основаніе Юрьевской улицы, какъ недалеко лежавшей отъ Кромнаго города, въ которомъ были поселяемы наемные Людины-ратники, быть-можетъ ихъ земляки; упомянутое сооруженіе Щетинцами Троицкой церкви и заселеніе Радятина поселка чужестранными купцами-гостями подтверждаетъ наше предположеніе. Изъ переписи 1623 года видно, что Юрьеву монастырю принадлежали участки земли на улицахъ: Черницыной, Редетинской и Лукиной, ближайшіе къ мокрой низинѣ. Когда и при какихъ обстоятельствахъ они поступали во владѣніе монастыря, намъ неизвѣстно,—тѣмъ не менѣе и эти участки нечужды наименованія Юрьевскою улицею которой либо мѣстности Алексѣевскаго поселка (объ участкахъ въ Ист. росс. іер. Ч. VI, стр. 771). Ближайшее ознакомленіе съ старинными бумагами Юрьева монастыря дастъ, если онѣ еще не уничтожены, полезныя указанія для опредѣленія положенія былинной улицы его имени.

Примѣчаніе. Нынѣшнимъ лѣтомъ открыты однимъ Ракомскимъ жителемъ остатки береговаго укрѣпленія (гать), для моста на древней Русской дорогѣ, чрезъ рѣку Ракомку;—это четыре ряжа по $4^1/_2$ аршина ширины каждый, но не одинаковыхъ размѣровъ въ длину; уставлены они на подстилку изъ прутьевъ, подъ которою лежитъ обыкновенная въ нашей мѣстности красновато-кирпичная глина, сильно пропитанная водою; лѣсъ не толще пяти вершковъ, сосна и ель; нѣкоторыя бревна обуглились снаружи, иныя значительно огнили; но попадаются и хорошо сохранившіеся, особенно изъ ближайшихъ къ дневной поверхности; рублены ряжи въ лапу, съ входящимъ клиновиднымъ зацѣпомъ въ концахъ. Длина укрѣпленія безмалаго десять саженъ. Мостъ имѣлъ направленіе съ западо-полночи къ полдневостоку, прямо на погостъ „Паозерье" или „Троицкой въ Паозерьи", отстоящій отъ Ракома на версту съ небольшимъ. Берегъ, отъ котораго пошли ряжи, представляетъ искусственную приподнятость. Моста чрезъ Ракомку никто изъ старожиловъ не помнитъ. Прихо-

дился онъ поодаль отъ полуденной стѣны древней церкви, на мѣстѣ которой пустырь; нынѣшняя—каменная сооружена около 1812 года. Ракомка совсѣмъ почти пересыхаетъ къ половинѣ лѣта; въ нынѣшнемъ же году вода стоитъ въ ней высоко. Берегъ Паозерскаго погоста пологій.

иб) Щипачовъ.

Указать эту мѣстность съ точностью мы не можемъ. Въ спискѣ ружныхъ церквей (Времен. кн. 24, стр. 31) 1585 года церковь Преподобной Ксеніи названа, какъ выше сказано, за посадомъ, на вспольѣ, на Щипачовѣ улицѣ. Въ лѣтописи подъ 1572 годомъ упомянутъ священникъ Филиппъ Щепочовъ. Д. И. Прозоровскій полагаетъ, что этотъ Филиппъ былъ священникъ церкви Ксеніи съ Щипачова (Новгородъ и Псковъ, стр. 86, выноска). По росписи 1615 г. церковь Ксеніи значится также на Щипачовѣ; но, какъ мы видѣли, въ этомъ памятникѣ названа на Щипачовѣ же церковь „Акимъ Апостолъ". Если въ имени Святого описка, и оно поставлено вмѣсто Акилы Апостола списка ружныхъ церквей, Щипачво будетъ также за посадомъ, на вспольи, въ которомъ нибудь концѣ Алексѣевскаго поселка. Мѣсто Акиловой церкви мы видѣли. Если въ XVI вѣкѣ посрединѣ нашего поселка шла, какъ и теперь, дорога въ Аркажу, и въ Юрьевъ, Щипачово будетъ или налѣво отъ нея, или направо. Какъ далеко, и тянулся-ли вообще въ западно-полночную сторону Алексѣевскій поселокъ, а равно который конецъ его названъ мѣстомъ церкви Ксеніи, можно предположить изъ описанія Геннадіева обхода города въ 1493 году, и изъ высказаннаго выше соображенія о сомнительности построенія двухъ церквей, Акилы и Ксеніи, рядомъ. Крестный ходъ Геннадія направился отъ Алексѣя Святого всполемъ, и пока двигался до Петровской улицы, пѣли молебенъ и три конона. На пути отъ Образовой церкви, у Дѣтинца, до Алексѣевской Бѣлой башни, и отъ Петровской улицы до Чудинцевской—также пѣли по молебну съ тремя же канонами; стало-быть всѣ три разстоянія были, приблизительно, одинаковы. Отъ Чудинцевской улицы къ Духову монастырю Владыка шелъ рвомъ, а отъ Алексѣевской церкви до названной улицы—всполемъ, хотя и на этомъ пространствѣ былъ ровъ. „А изъ Духова монастыря Архіепископъ послалъ священниковъ и діаконовъ сэ кресты, и велѣлъ имъ молебенъ пѣти вокругъ тѣхъ дворовъ, которые самъ не обошелъ" (II Нов. лѣт. стр. 146). Изъ послѣднихъ словъ лѣтописи мы заключаемъ, что Владыка шелъ и до Чудинцевой улицы не рвомъ, а поселкомъ, между дворами, которые онъ самъ обошелъ, и что всполемъ названъ здѣсь не пустырь, а жило въ мѣстности, раньше именовавшейся, до заселенія, всполемъ. Такимъ образомъ слова списка ружныхъ церквей о церкви Ксеніи, въ концѣ Алексѣевской улицы, за посадомъ, на вспольѣ, на Щипачовѣ улицѣ, небезосновательно будетъ принять за положеніе ея въ концѣ нашего поселка, близъ Петровской улицы, сряду за валомъ, на томъ заселенномъ всполи, по которому Владыка Геннадій велъ крестный

ходъ. Онъ останавливался, велѣлъ Евангеліе читать, говорить эктеніи и благословлялъ народъ крестомъ у церквей; лѣтописецъ упомянулъ объ Образовой, Алексѣевской и Свято-духовской; мы знаемъ, что на концѣ Людгощаго и Чудинцова поселковъ, у котораго Владыка останавливался также, были—монастырь Никольскій у Скудельницъ и церковь Симеона Столпника,—значитъ и близъ Петровской улицы была церковь. А если къ ней подходилъ конецъ Алексѣевскаго поселка, то церковь могла быть Преподобной Ксеніи, а конецъ поселка—Щипачово, какъ проѣздъ къ Петровской улицѣ.

О слободѣ Тонной мы говорили. Гдѣ была другая слобода, Копорская,—намъ неизвѣстно;—впредь до встрѣчи съ какими либо данными для опредѣленія мѣстоположенія ея, приходится довольствоваться только указаніемъ Митрополита Евгенія, что слобода эта была за Бѣлою башнею. Ни Красовъ, ни Муравьевъ, ни Д. И. Прозоровскій не говорятъ о ней ни слова; не помнитъ никто о такой слободѣ и изъ сторожиловъ Троицкой улицы и слободы ея имени. Должно быть основанная Копорянами, выходцами города Копорья, временъ писцовыхъ и Большого чертежа (Спасскаго), она умерла вмѣстѣ съ ними, какъ незначительная.

Были, конечно, въ Алексѣевскомъ поселкѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, проходы, другіе, кромѣ этихъ двухъ, проѣзды и проулки, но о нихъ не существуетъ никакихъ свѣдѣній.

Въ настоящее время на мѣстѣ нѣкоторой части Алексѣевскаго поселка Троицкая-Ямская слобода и вновь заведенныя, близъ Петровскаго кладбища, усадьбы эстонцевъ.

Гончарскій.

Въ мнѣніяхъ ученыхъ изслѣдователей Новгородской старины о Гончарскомъ концѣ, какъ одномъ изъ пяти государственныхъ, нѣтъ твердой почвы. И. И. Красовъ доказалъ, что Людинъ древній конецъ, а Гончарскій новый; но и онъ считаетъ послѣдній замѣнившимъ первый, значитъ тоже видитъ въ Гончарскомъ—государственный. Мы же признаемъ въ немъ только поселокъ Людина, и притомъ Загородный, и считаемъ получившимъ названіе конца въ народномъ лишь говорѣ, и всегда составлявшимъ участокъ Людина, по счету нашему четвертый. За основаніе такого мнѣнія принимаются нами лѣтописныя и иныя свидѣтельства.

Подъ 1360 годомъ значится: „Погорѣ Подолъ да Горньчарскій конецъ и 7 церкви древяныхъ сгорѣ" (I Нов. лѣт. годъ 6868, стр. 87). Подолъ лѣвой половины города мы видѣли: онъ лежалъ вдоль берега мокрой низины Людина конца и, предположительно, составлялъ внѣшнюю окраину Кромнаго города, разстилаясь, конечно, и за Алексѣевскую Бѣлую башню. Ко времени описаннаго пожара—Кромнаго города,—въ смыслѣ поселка, охранявшаго западную сторону Людина конца—могло уже не быть. Такимъ образомъ приведенная отмѣтка лѣтописи не даетъ права считать Горньчарскій конецъ на мѣстѣ Людина; Подолъ составлялъ особый, хотя и неболь-

шой, поселокъ его,—а Горньчарскій лежалъ западнѣе. Еще яснѣе и вполнѣ опредѣлено указана мѣстность Горончарскаго конца въ отмѣткѣ подъ 1534 годомъ: „Освящена церковь пророка Иліи въ Петровскомъ монастырѣ, въ Горончарскомъ концѣ“ (Пол. собр. лѣт. Ч. VI, годъ 7042, стр. 292). Этотъ Петровскій монастырь тотъ самый, который былъ на Сильнищи, съ главною церковью первоверховныхъ апостоловъ, гдѣ теперь Петровское кладбище. Другого монастыря того же имени въ полуденно-западной половинѣ Неревской стороны никогда не было. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются и монастыри Гончарскаго конца: Благовѣщенскій, Воскресенскій и Спасскій,—и Якимо-Іоанская церковь. Благовѣщенскій оставилъ церковь близъ Аркажи; Спасскій былъ на рѣкѣ Верендѣ, верстахъ въ 20 отъ Новгорода,—Воскресенскій же въ Людинѣ концѣ, на Мигрѣ. Въ росписи 1615 года, какъ уже сказано, показаны на Щипачевѣ Акимъ апостолъ и Преподобная Ксенія. Изслѣдователи полагаютъ, что Акимъ названъ вмѣсто Акилы, по ошибкѣ. Мы тоже видимъ ошибку, но не въ имени, а въ словѣ Апостолъ; въ имени же „Акимъ“ сказывается, на нашъ взглядъ, писцовая „Якимо-Анская“ церковь. Мы знаемъ, что Акила апостолъ—сооруженъ въ концѣ Алексѣевской улицы, а Акимъ былъ на Щипачовѣ, гдѣ и церковь Св. Ксеніи, т. е. въ другой сторонѣ Алексѣевскаго поселка, за внѣшнимъ валомъ.

Имѣются, кромѣ указанныхъ, лѣтописныя отмѣтки о Гончарскомъ концѣ, нуждающіяся въ толкованіи: а) подъ 1526 годомъ говорится: „Згорѣлось въ Горончарскомъ концѣ, на Черницынѣ улицѣ; улица вся погорѣ, и Варваринъ монастырь весь выгорѣ, и весь конецъ до Олексѣя святого, и стѣны градныя погорѣ четыре прясла“ (тамъ-же, годъ 7034, стр. 232). Черницынъ поселокъ доходилъ до воротъ костра противъ Широкаго проѣзда; за нимъ, какъ увидимъ, лежалъ поселокъ Гончаровъ; выходилъ-ли Черницынъ поселокъ, или болѣе поздняя улица, за костеръ, мы ни утверждать ни отрицать не имѣемъ основаній. Зная же, что поселки Неревского-Загородского, народнаго, конца тянули княжею податью (тягломъ) въ Неревской государственный конецъ, можно допустить, что Черницынъ поселокъ имѣлъ свой выселокъ за костромъ, еще до образованія народнаго Гончарскаго конца, и носилъ, впослѣдствіи, по тяглу, имя Черницыной же улицы, когда уже появился новый народный конецъ. Переходъ пожара съ завальной стороны внутрь Людина конца—явленіе обыкновенное; б) подъ 1534 г., въ томъ же мѣстѣ, на которомъ отмѣчено объ освященіи Ильинской церкви въ Петровскомъ монастырѣ, сказано: „обложена Софійская сторона отъ Гончарскаго конца“ (тамъ-же, на 292 стр.). Здѣсь разумѣется или возстановленіе тѣхъ четырехъ пряселъ стѣны городской, по внѣшнему валу, которые сгорѣли 8 лѣтъ назадъ, или объ особомъ огражденіи, для отдѣленія Людина конца отъ народнаго Гончарскаго; наконецъ в) въ 1537 году поставленъ мостъ новый въ Горончарскій конецъ къ Образу Святому (Новгородъ и Псковъ, стр. 16). Мы видѣли извилистый проѣздъ, которымъ лежалъ ближайшій путь къ церкви Нерукотвореннаго Образа, въ Загородьи, съ Русской дороги. Если мостъ перекинули чрезъ ровъ внѣшняго вала, или поставили другой.

по дорогѣ къ Образу, за предѣлами вала, напримѣръ гдѣ нибудь на Щипачовѣ, или на Юрьевской улицѣ—приведенная отмѣтка безъ натяжки можетъ быть отнесена именно къ такому завальному мосту въ Гончарскій конецъ.

Итакъ, лѣтописныя свидѣтельства не даютъ права считать Гончарскій конецъ замѣнившимъ Людинъ и его поглотившимъ.

Гончарство, какъ мы сказали, возникло на Ильменско-Волховскомъ побережьи еще въ каменный вѣкъ; оно было тогда же извѣстно и по всей странѣ Ильменской; въ мѣстностяхъ коренныхъ залеганій горшечныхъ глинъ выдѣлывали и сплавляли къ Коломцамъ и внизъ по Волхову, къ Ладожскому озеру, а равно и по другихъ рѣкамъ, домашнюю посуду, а гдѣ встрѣчались глины болѣе грубыя, особенно послѣ озерныхъ вѣковъ, отложившихъ красноватую кирпичную,—вездѣ, гдѣ стояли водоемы,—изъ нея выдѣлывали, сперва высушивая, кусками, на воздухѣ, а затѣмъ и обжигая—хижины для жилья, очаги, печи и прочія приспособленія для удобства жизни. Сказано также, что окрестности Неревской стороны, особенно западно-полночная, богаты глубокими залежами глины, и что тамъ существуютъ и теперь кирпичные заводы. Нѣтъ, поэтому, сомнѣній, что гончары проживали съ долѣтописныхъ временъ около глинодѣльныхъ сооруженій, по окраинѣ Людина конца, внутри города и внѣ его, за валомъ.

Къ XI вѣку наше гончарство стояло уже на высокой степени: при раскопкахъ внутри города, какъ бы они ни были глубоки, постоянно встрѣчаются, съ верху до низу, обломки битой посуды, съ вдавленными узорами и съ глазурью разныхъ цвѣтовъ; нерѣдко попадаются изразцы съ поливою. Наши раскопки производились преимущественно около древнѣйшихъ церквей, потому мы и назвали XI вѣкъ свидѣтелемъ высокаго искусства въ гончарномъ дѣлѣ.

При упомянутыхъ работахъ въ Софійскомъ соборѣ открыты остатки половой настилки изъ цвѣтныхъ—поливныхъ и цвѣтныхъ изразцовъ, на лицевой сторонѣ которыхъ уцѣлѣли глазурь и нѣсколько выпуклые узоры; изразцы, въ изломѣ, представляются желѣзистыми, признакъ прекраснаго обжога. Лѣтописные сборники поздняго составленія говорятъ, что строителями Софійскаго собора были Византійскіе художники. Кладка стѣнъ, обнаруженная при нынѣшней починкѣ поврежденій, въ нихъ образовавшихся, а также „Муссія" (мозаика) по стѣнамъ главнаго алтаря, вполнѣ подтверждаютъ извѣстіе лѣтописныхъ сборниковъ; византійское художество очевидно. Намъ пришлось наблюдать во многихъ мѣстахъ, какъ-бы собственноручныя подписи строителей,—четыреконечные кресты съ выходящими изъ основанія въ обѣ стороны и заворачивающимися къ древу креста завитками—излюбленное украшеніе византійскаго креста времени между VI—XII вѣками; кресты эти нацарапаны какимъ нибудь остріемъ на смазкахъ, чаще всего розоватаго цвѣта, заполняющихъ пустоту между неровными камнями кладки. Предположить, что половая настилка вывезена изъ Византіи,—едва-ли основательно; площадь собора обширна; изразцы достаточно толсты; ихъ нужно было десятки тысячъ; при несовершенствѣ, въ XI вѣкѣ, путей сообщенія,

доставка такого огромнаго груза въ Новгородъ стоила-бы баснословно дорого. Возможно, конечно, что на гончарное дѣло вызваны были византійскіе производители, которые и работали здѣсь. Но въ кладкѣ сводовъ оказалось великое множество голосниковъ;—горньцы Пидьблянина, оттолкнувшаго приплывшій къ берегу болванъ Перуна, извѣстны у насъ въ X вѣкѣ; употреблялись-ли византійцами при кладкѣ стѣнъ и сводовъ такіе же, какъ здѣсь, грушевидные сосуды—голосники, недоказано;—Софійскіе—разнообразны и по составу глины и по выдѣлкѣ:—очевидно они дѣлались, по заказу, въ разныхъ мѣстахъ залеганія горшечныхъ глинъ; кромѣ Софійской во многихъ Новгородскихъ церквахъ XI—XV века встрѣчаются такіе же голосники несомнѣнно мѣстнаго производства. Въ виду всего этого и половая изразчатая настилка дѣло рукъ мѣстныхъ гончаровъ.

Итакъ, гончары были въ Новгородѣ съ долѣтописныхъ временъ и жили поблизости отъ мѣстъ залеганій кирпичной глины. Къ XIV вѣку они составляли обширный поселокъ и, вѣроятно, получили, какъ смерды-ремесленники, отличное отъ горожанъ-смердовъ же устройство, признанное особымъ Вѣчевымъ постановленіемъ, съ своимъ, напримѣръ, старостою, получившимъ, наравнѣ съ прочими улицкими должностными лицами, право участвовать въ народномъ собраніи, въ качествѣ представителя своего поселка.

Изъ лѣтописныхъ отмѣтокъ, выше приведенныхъ, оказывается, что поселокъ Гончарской занималъ обширную площадь между внѣшнимъ валомъ и Благовѣщенскимъ монастыремъ, и что въ немъ считались монастыри: Петровскій—на Сильницы, и Спасскій-Верендовскій. Едва-ли слѣдуетъ заключить по этимъ отмѣткамъ, что все пространство между городомъ и Спасскимъ-Верендовскимъ монастыремъ составляло Гончарскій поселокъ въ томъ же смыслѣ, какъ прочіе Кончанскіе, внутри города и въ ближайшихъ окрестностяхъ, то есть, чтобы онъ тянулся на 20 верстъ. Должно быть на этой площади, богатой кирпичною глиною, стояли, разсѣянно, кирпичные заводы съ жилыми около нихъ дворами, подчиненные въ порядкѣ управленія должностнымъ лицамъ Пригороднаго поселка. Между монастырями Петровскимъ и Спасскимъ—протекаютъ двѣ рѣки, Веряжа и Веренда, впадающія въ Ильмень; береговое пространство озера между ними, Паозерье, было заселено, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, необыкновенно густо; спросъ на гончарныя издѣлія и вызвалъ тѣ заводы, обыватели которыхъ зависѣли отъ Гончарскаго пригороднаго поселка. Въ Уставѣ о мостахъ, по списку Софійскаго Временника Строева, мы видѣли участокъ Вережанъ. Не гончары-ли Поверяжья и Заверяжья Шелонской пятины (чертежъ книги Неволина о Пятинахъ) призваны были, какъ ремесленники, пользовавшіеся выгодами городского благоустройства,—но не Кончане,—къ отбыванію мостовой повинности? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса не представляется, на нашъ взглядъ, невѣроятнымъ.

Не признавая, на основаніи сказаннаго, за Гончарскимъ поселкомъ двадцативерстнаго протяженія, мы видимъ въ немъ второй клинъ четвертой части Людина конца, и отводимъ ему во время самобытія мѣсто: отъ

Петровской улицы Геннадіева обхода, начинавшейся сряду за внѣшнимъ валомъ, нѣсколько далѣе къ полночи отъ Широкаго проѣзда Знаменскаго рисунка,—на лѣтній западъ, между Петровскимъ монастыремъ и слободою на Псковской дорогѣ, по направленію къ Аркажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не допустить, что гончары, подчиненные властямъ поселка, имѣли дворы и внутри города, во второй части Людина конца, близъ внѣшняго вала, между оконечностью Черницына поселка у Широкаго проѣзда и Десятиннымъ монастыремъ, гдѣ они первоначально и поселились, а также на Мигрѣ и въ Алексѣевскомъ поселкѣ.

Проѣзды.

Ограничивая площадь Гончарскаго поселка мѣстностью близъ внѣшняго вала, скажемъ о проѣздахъ только на этой площади.

а) Петровской.

При существованіи заводовъ гончарнаго производства были проѣзды къ каждому, но ни лѣтопись, ни другіе письменные памятники не сохранили указаній на ихъ названія; единственно извѣстная здѣсь—это Петровская улица, направлявшаяся къ монастырю, давшему ей свое имя; она служила проѣздомъ и для Щипачова, составляя такимъ образомъ границу подходившаго къ Гончарамъ Алексѣевскаго поселка. Начиналась она, какъ проѣздъ отъ внѣшняго вала, близъ Десятины.

и б) Козороговъ.

Извѣстный И. И. Красову и Д. И. Прозоровскому, Козороговъ переулокъ составлялъ, вѣроятно, также одинъ изъ проѣздовъ Гончарскаго поселка; но гдѣ именно онъ находился—сказать не можемъ. На чертежѣ 1756 г., сбоку, отмѣчены Н. Н. Муравьевымъ названія новыхъ, сравнительно съ Нарядною описью 1623 г., улицъ и переулковъ; въ числѣ ихъ и Козероговскій; онъ записанъ послѣ Ямской-Троицкой слободы. Если Красовъ и Д. И. Прозоровскій основываютъ свое указаніе на переулокъ этого имени, руководствуясь изслѣдованіемъ Муравьева, и если мнѣніе послѣдняго имѣетъ основаніе, въ такомъ случаѣ Козороговъ переулокъ будетъ въ нашемъ Гончарскомъ поселкѣ, гдѣ нибудь влѣво отъ нынѣшней Ямской-Троицкой слободы. Существовалъ-ли онъ въ древности и когда появился, или онъ возникъ уже въ XVIII вѣкѣ, послѣ записи 1744 г., на которую указываетъ Митрополитъ Евгеній (см. выше), не называя этого переулка,—все это могутъ выяснить дальнѣйшія изысканія.

Н. Н. Муравьевъ, въ описаніи стараго Новгорода, существовавшаго въ 1756 году, перечисляетъ нѣсколько улицъ и переулковъ, о которыхъ не сохранилось къ нашему времени никакихъ свѣдѣній;—мы ихъ и не называемъ.

Заполья.

Заполья, какъ незаселяемые вообще пространства внутри города, близъ укрѣпленій, были непремѣнно въ каждомъ концѣ и въ каждомъ поселкѣ, подходившемъ къ валу внутреннему, или внѣшнему. Лѣтопись не сохранила извѣстій о названіяхъ Запольевъ Людина конца. Нарядная опись 1623 года знаетъ только одно, относящееся къ нему, судя по названію,—это Воздвиженское. Лежало-ли оно внутри Кромнаго города, или внѣ его, и гдѣ именно—свѣдѣній нѣтъ. Если-бы мы могли съ увѣренностью опредѣлить мѣста Запольевъ соотвѣтствіемъ или соименностью ихъ съ тѣми поселками и церквами, названія которыхъ они носятъ, тогда Воздвиженское помѣстили-бы по ту, или по другую сторону Радятина поселка и Воздвиженской церкви; но мы видѣли, напримѣръ, Козьмодемьянское Заполье между нынѣшними улицами Легощею и Чудинцевскою и современное Прусское—за улицею, давшею ему названіе. Въ Нарядной описи всѣ Заполья концовъ Неревской стороны названы въ одной статьѣ, въ такомъ порядкѣ: Козьмодемьянское, Черковское, Прусское, Легощенское, Росткинское, Яневское и Воздвиженское. Какъ эта опись, такъ и роспись церквей 1615 года заносятъ названія церквей, монастырей и улицъ по порядку положенія ихъ въ концахъ и улицахъ города, послѣдовательно. Поэтому въ такомъ же порядкѣ записаны, должно быть, и Заполья. Козьмодемьянскихъ было два: одно въ концѣ улицы его имени, а другое далеко отъ нея. Если составитель началъ перечисленіе съ того, которое было въ концѣ Козьмодемьянской улицы, слѣдующее за нимъ, по мѣстоположенію въ западномъ направленіи, было то, которое записано вторымъ—Черковское, или Щирковское; но дальше идетъ Прусское, минуя ближайшее въ томъ же направленіи—Росткинское,—за нимъ Легощенское, и потомъ уже Росткинское; какъ будто составитель описи, перескочивъ два Заполья, и помѣстивъ послѣ Черковскаго Брусское, пошелъ отъ него назадъ, въ обратномъ, т. е. въ восточномъ направленіи. Такую, повидимому, безпорядочность можно объяснить положеніемъ Запольевъ не при поселкахъ и не при церквахъ, названіе которыхъ имъ присвоено, и еще тѣмъ, что въ опись вошли только Заполья, внѣ города расположенныя. Послѣднее объясненіе подтверждается отсутствіемъ въ описи встрѣчающагося въ лѣтописи Заполья Чудинскаго.

Въ надписи Н. Н. Муравьева на чертежѣ 1756 г., подъ заголовкомъ: „Описаніе древнихъ улицъ Великаго Новгорода, учиненное Александромъ Чоглоковымъ, да дьякомъ Добрынею Семеновымъ въ 1623 году". Людинъ конецъ помѣщенъ восьмымъ, послѣднимъ изъ вновь прибавленныхъ. Сряду

послѣ него написано: „Заполья купцовъ Софійской стороны“—и перечислены тѣже, что и у Евгенія. Въ Новгородѣ всегда было преобладающимъ если не численностью, такъ состоятельностью, населеніе торговое,—оно отбывало государственныя повинности въ размѣрахъ болѣе крупныхъ, чѣмъ горожане не богатые и не торговые, не имѣвшіе участковъ земли кромѣ своей сдворочной. Изъ отрывковъ писцовыхъ книгъ города нашего, помѣщаемыхъ въ жалованныхъ грамотахъ церквамъ и монастырямъ послѣ 1623 года, и въ закладныхъ и купчихъ двухъ, предшествующихъ нашему, столѣтій,—(на нѣкоторыя изъ хранящихся въ собственномъ нашемъ собраніи выше сдѣланы ссылки съ выписками)—видно, что онѣ составлены тѣми же, Чоглоковымъ и Добрынею Семеновымъ, и въ томъ же 1623 году; но въ нихъ указаны размѣры—участковъ городскихъ—въ саженяхъ, а окрестныя, если они не заселены—количествомъ снимаемаго сѣна и четями (межевая старинная мѣра),—и обозначены тягла. Изъ этихъ подробностей оказывается, что Нарядная опись есть только общая часть писцовыхъ книгъ Новгорода, перечневая, въ которую вошли лишь нѣкоторые земельные участки, какъ крупныя податныя единицы; въ нее, поэтому, не вошли многія Заполья и внутреннія и внѣшнія, искать которыхъ надобно въ писцовыхъ книгахъ Новгорода и въ тѣхъ отрывкахъ, которые встрѣчаются въ грамотахъ, закладныхъ и купчихъ стараго времени.

Принимая, такимъ образомъ, Заполья Нарядной описи и чертежа 1756 года за крупные земельные внѣ городніе участки зажиточныхъ обывателей, или и всего населенія тѣхъ улицъ, которымъ они принадлежали и именами которыхъ назывались, мы получимъ объясненіе отсутствія въ перечисленіи ихъ порядка, соотвѣтствующаго положенію соименныхъ Запольямъ улицъ: принадлежащее Яневой улицѣ могло находиться по сосѣдству съ Кромнымъ городомъ, Прусской—рядомъ съ Щирковою и т. д.

При установленіи пространства и границъ Загородного конца высказано предположеніе о заселеніи площади его, въ перволѣтописные и самобытные вѣка, въ наибольшей части, иновѣрными чужестранцами. По присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, внѣшняя торговля его сократилась до ничтожныхъ оборотовъ и сношеній съ Западною Европою;—чужестранцы, послѣ уничтоженія торговыхъ дворовъ ихъ, покинули Новгородъ; поселки опустѣли; еще и до сихъ поръ огромное пространство между улицами Прусскою и Троицкою, прилегающее къ внѣшнему валу, остается подъ огородами и садами, а больше—подъ пустырями. Тутъ было, несомнѣнно, много внутреннихъ Запольевъ: монастырскихъ, церковныхъ и обывательскихъ, озаглавленныхъ на чертежѣ Попова и Литвинова общимъ названіемъ „Запольевъ купцовъ Софійской стороны“.

Воздвиженское могло находиться, если принадлежало не церкви, а проѣзду ея имени, какъ частная, подлежащая податному обложенію, собственность обывателей улицы, гдѣ нибудь за внѣшнимъ валомъ, въ окрестностяхъ города. Опредѣлить его положеніе въ настоящее время невозможно; будемъ ждать встрѣчи съ этимъ Запольемъ въ старинныхъ владѣнныхъ бумагахъ, опре-

дѣляющихъ положеніе и пространство земельныхъ участковъ по писцовымъ книгамъ Чоглокова и Добрыни Семенова. Такія бумаги, преимущественно купчія и закладныя, гніютъ во множествѣ въ хранилищахъ упраздненныхъ судебныхъ учрежденій предшествующаго нынѣшнему устройства, и, время отъ времени, продаются съ пуда.

Окопы.

Лѣвая сторона нашего города, получившая одинаковое значеніе съ правою уже много послѣ того, когда Славенская стала срединою тяготѣнія страны Ильменской, имѣла отдѣльные поселки, перебравшіеся сюда съ горы Нередицы, быть можетъ одновременно съ основаніемъ первыхъ жилищъ на Славенскомъ холмѣ. Къ такому заключенію, уже высказанному раньше, насъ привела—толща жилого слоя и подстилающія его отложенія отступавшаго великаго Скандинаво-Русскаго ледника. Окопы, какъ первобытныя огражденія человѣческихъ жилищъ, появились одновременно съ поселками самыми ранними на Неревской сторонѣ. Прослѣдить ихъ положеніе, пространство и направленіе невозможно иначе, какъ изучивъ, посредствомъ глубокихъ раскопокъ, всю площадь лѣвой половины города; для нашего Общества это дѣло неосуществимо, какъ требующее огромныхъ затратъ; опыты же, при случаяхъ, доступны. Намъ доводилось, слѣдя за земляными работами, наблюдать рѣзкую разницу въ строеніи жилого слоя на небольшомъ, сравнительно, протяженіи работъ; онъ представляется то однородно сорнымъ, съ обыкновенными слѣдами жилья: щепою, обломками костей, посуды и проч., то частію сорнымъ, частію насыпнымъ, песчано-глинистымъ, на срединѣ толщи, вверху же всегда однородно-сорнымъ. Подобныя явленія говорятъ объ искусственномъ подъемѣ мѣстности, для осушки-ли, или для уничтоженія естественныхъ ямъ и рытвинъ при возведеніи построекъ,—или для огражденія двора окопомъ.

Со времени учрежденія на Неревской сторонѣ новой городьбы—Дѣтинца,—до перволѣтописныхъ извѣстій—возможно лишь намѣтить положеніе окоповъ до начала лѣтописи. Мы знаемъ Дѣтинецъ и ровъ, его окружающій, знаемъ Побережье, Кромный городъ и Загородье:—знаемъ также „кромъ“ или „окромъ“ Неревскаго конца XI вѣка и „греблю“ или „греблю“ Устава о мостахъ—въ Людинѣ концѣ. Изданъ-ли Уставъ впервые Ярославомъ Мудрымъ, или его времени принадлежатъ только древнѣйшіе изъ открытыхъ списки Устава, а учрежденіе Мостовой повинности въ городѣ относится къ вѣкамъ предшествующимъ,—можно говорить не болѣе, какъ предположительно, что нами и сдѣлано. Новгородская лѣтопись дошла до насъ безъ первыхъ листовъ и начинается лишь XI вѣкомъ, поэтому мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что до перволѣтописныхъ вѣковъ на Неревской сторонѣ были и Дѣтинецъ, и окопы: Загородья, Побережья, Кромнаго города и той мѣстности, которая явилась въ лѣтописи съ именемъ Неревской. Площадь Дѣтинца передъ нами; противъ размѣровъ ея, оста-

ющихся не измѣнившимися съ долѣтописныхъ временъ, возражать нечѣмъ; слѣды окоповъ Кромнаго города и Побережья съ достаточною ясностью можно видѣть въ Широкихъ проѣздахъ;—Загородье древнее оставило свою подпись „въ пропастѣхъ", и болѣе позднее—на Знаменскомъ изображенiи и въ донесенiи 1649 г., что деревянный городъ на земляномъ меньшемъ городѣ погнилъ.

Мы предполагаемъ возведенiе новой городьбы Дѣтинца—на Неревской сторонѣ, вызваннымъ необходимостью охраны стороны Славенской отъ внезапныхъ набѣговъ хищниковъ, пробиравшихся къ Ильменско-Волховскому побережью дремучими лѣсами, остатки которыхъ залегаютъ въ обширной торфянистой площади, за рѣкою Верендою, по направленiю къ устью Шелони въ одну сторону, и къ Лугѣ въ другую; устройство около Дѣтинца трехъ окоповъ, изъ которыхъ среднiй, древнее Загородье, доходилъ, приблизительно, до нынѣшняго внѣшняго вала противъ желѣзнодорожныхъ построекъ, вполнѣ обезпечивало безопасность Славенской стороны и охранителей ея Людиновъ-ратниковъ, отъ внезапности грабительскаго набѣга.

Судьба окоповъ во время самобытiя прослѣживается по лѣтописямъ далеко невполнѣ; подъ 1372 годомъ сказано о копаньи рва около Людина конца и Загородья и Неревского конца (отмѣтка приведена выше);—а подъ 1383—значится: „Копаша ровъ около Софiйской стороны къ старому валу" (I Нов. лѣт. годъ 6891, стр. 93). Въ III лѣтописи эта отмѣтка изложена въ другомъ видѣ: „валъ копаше шире трехъ саженъ около Софiйской стороны" (стр. 232).

Первая отмѣтка относится къ внутреннему окопу, къ нашему малому валу, а вторая къ внѣшнему. Къ такому заключенiю насъ приводитъ, во первыхъ, то, что между обѣими отмѣтками разстоянiе времени девять лѣтъ, слишкомъ значительное для того, чтобы въ теченiе всѣхъ ихъ копали одинъ и тотъ же ровъ; съ другой же стороны—весьма незначительно, чтобы по прошествiи девяти лѣтъ понадобилось снова копать тотъ же ровъ; и во вторыхъ,—что въ 1387 году копали валъ около Торговой стороны, чрезъ четыре года послѣ того, какъ начали окапывать Софiйскую. Съ большею вѣроятностiю можно заключить, что въ 1372 году измѣнили городскiя укрѣпленiя,—вмѣсто древняго Загородья сдѣлали около Дѣтинца малый валъ, и окопали его новымъ рвомъ, а въ 1383 г.—къ старому валу Загородья, гдѣ онъ составлялъ внѣшнюю окраину города, начали дѣлать ровъ, котораго прежде не было, отъ остававшихся окопанными концовъ Побережья и Кромнаго города; землю же укладывали, при копаньи рва, валомъ, вдоль него. Укрѣпивъ Неревскую сторону по новому образцу, сдѣлали тоже и на Славенской, около тѣхъ поселковъ, которые не были еще обнесены валомъ. Возможно, что въ 1372 году начали обѣ земляныя работы, малаго вала и внѣшняго,—а въ 1383 кончили, употребивъ на это четыре года, такъ какъ подъ 1392 годомъ говорится еще разъ о копаньи рва около Торговой стороны,—вѣроятно объ окончанiи работы, начатой въ 1387 году, такъ что внѣшнiй валъ дѣлали и здѣсь почти столько же времени (I Нов. лѣт. годъ 6900, стр. 96).

Лѣтописи нашей извѣстенъ, какъ укрѣпленіе города, острогъ. Подъ 1169 годомъ говорится объ осадѣ Новгорода дружинами Андрея Боголюбскаго и о томъ, что „Новгородци устроиша острогъ около города" (I Нов. лѣт. годъ 6677, стр. 15) Объясняя выраженіе Устава о мостахъ „до острой городни" мы предположили разумѣть подъ нею огражденіе великаго моста частоколомъ, то-есть стояками изъ бревенъ съ заостреннымъ, какъ-бы острогаиным, верхомъ. Вѣроятно острогъ—такой же частоколъ, но непремѣнно поверхъ вала, а не на почвѣ. Будь на почвѣ—его легко разрубить и поджечь. Если такъ, то запись 1169 года слѣдуетъ принять за доказательство существованія вала въ XII вѣкѣ именно того, который обнималъ древнее Загородье. Впослѣдствіи объ острогѣ упоминается нѣсколько разъ,—подъ годами: 1224—по поводу борьбы съ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ,—1335 и 1391. Первый случай относится, вѣроятно, къ острогу, какъ частоколу, послѣдніе же къ нему—какъ вообще къ укрѣпленію; въ 1335 году „Заложи Владыка Василій съ своими дѣтьми, съ посадникомъ Θедоромъ Даниловичемъ и Тысяцскимъ Остафіемъ и съ всѣми Новгородци. Острогъ каменъ отъ Иліи святого къ Павлу святому (на Славенской сторонѣ)",—а въ 1391—ставили упомянутые каменные костры по обѣ стороны острога у всякой улицы (I Нов. лѣт. годы: 6732, стр. 41,—и 6842, стр. 77,—III и IV Нов. лѣт. годъ 6899, стр. 233 и 98).

Окопы, какъ укрѣпленія земляныя, были, до изобрѣтенія пищалей и пушекъ, долговѣчны,—потому лѣтопись сказываетъ о нихъ очень мало. Остроги не могли служить укрѣпленіемъ, но за то представлялись хорошею защитою осажденныхъ, пускавшихъ чрезъ щели частокола стрѣлы въ противниковъ, и остававшихся не уязвимыми для стрѣлъ и копій осаждающихъ; но съ изобрѣтеніемъ пушекъ и они потеряли значеніе; съ XIV вѣка Новгородцы ставили по верхъ валовъ, внѣшняго и внутренняго, плетни, или бревенчатые ряжи, наполненные землею; мѣстами же возводили и каменныя стѣны. О такомъ именно видѣ укрѣпленій говоритъ Жильберъ-де-Ланноа, прибавляя, что башни были каменныя (онъ путешествовалъ по Россіи, какъ выше замѣчено, въ XV вѣкѣ).

Въ XV вѣкѣ и позднѣе, при Московскомъ державствѣ, окопы имѣли уже, по верху обоихъ валовъ, рубленыя стѣны:—въ 1430 году былъ спѣшный „пригонъ христіанъ городъ ставити, а покручалъ четвертый пятаго" (I Нов. лѣт. годъ 6938, стр. 111). Слово лѣтописи „ставить" означаетъ обыкновенно срубить, возвести, окончить;—„въ 1534 году поставленъ деревянный городъ на Софійской сторонѣ и совершиша по всей странѣ Сафійской стѣну градную" (Пол. соб. рус. лѣт. Ч. VI, годъ 7042, стр. 293); слова „покручалъ четвертый пятаго" указываютъ, что на это дѣло потребовался съ орудіемъ каждый пятый человѣкъ изъ селенія; въ 1537 году—поставленъ городъ на Торговой сторонѣ, „како-бы мощно отъ ратныхъ боронитися, высотою въ человѣкъ стоящъ, около всее стороня" (тамъ же, годъ 7045, стр. 302). Въ первой отмѣткѣ говорится о валахъ, маломъ и внѣшнемъ, Неревской стороны, а во второй—о внѣшнемъ Славенской; а не объ особыхъ укрѣпленіяхъ, такъ какъ къ этому времени валы несомнѣнно

существовали; выраженіе „отъ ратныхъ боронитися“ прямо указываетъ, что городъ поставленъ по внѣшнему валу Славенской стороны, на которой хотя и былъ внутренній городъ, но не по тому окопу, который защищалъ именно отъ ратныхъ, а по другому, гдѣ мы видѣли Щитно, или Щитную улицу, имѣвшую назначеніе—служить охраною торговыхъ мѣстъ и дворовъ людей именитыхъ и богатыхъ отъ воровъ и уличныхъ буяновъ.

Имѣются въ лѣтописи, кромѣ приводимыхъ, и другія отмѣтки о рубленыхъ укрѣпленіяхъ, напримѣръ подъ 1262 г.: „Срубиша Новгородци городъ Новъ“ (I Нов. лѣт. годъ 6770, стр. 57). И. И. Красовъ полагаетъ, что здѣсь говорится о Дѣтинцѣ, который, по его мнѣнію, былъ деревянный до 1302 года (Мѣстоп. др. Нов. стр. 8). Въ изслѣдованіи нашемъ о Дѣтинцѣ Великаго Новгорода приведены доказательства невѣрности этого взгляда: подъ выраженіемъ „срубиша городъ Новъ“ мы разумѣемъ деревянную стѣну по окопу Загородья, какимъ оно было въ то время, и Неревскаго конца, имѣвшаго, какъ мы видѣли, деревянную стѣну по своему окрому, охранившему этотъ конецъ отъ хищничества князя Всеслава Полоцкаго, въ первый набѣгъ его; слова современника: „Пришедъ Всеславъ взяше Новгородъ и пожже до крова Неревскаго, и покуль пожже, потулъ городъ доспѣша“ (Супр. рук. отмѣтка эта приведена выше), вполнѣ опредѣлительно говорятъ, что кровъ, или окромъ, Неревской имѣлъ деревянную стѣну, и что Всеславъ сжегъ ее и стѣну Загородья съ прочихъ, кромѣ Неревской, сторонъ.

Сады.

На Неревской сторонѣ, какъ и на Славенской, тоже были сады; здѣсь они нанесены на Знаменскій рисунокъ въ большемъ, противъ Славенской, числѣ: три въ Дѣтинцѣ, два въ концѣ Неревскомъ и одинъ между Загороднымъ и Людинымъ; садъ разрастается медленно; если теперь, при помощи развитія садовой промышленности, устраиваются въ большихъ городахъ особые питомники, растенія изъ которыхъ переносятся во вновь разводимые сады уже взрослыми,—какъ было, напримѣръ, въ Петербургѣ съ Александровскимъ городскимъ садомъ и другими,—въ древности же едва-ли существовали питомники, подобные нынѣшнимъ. Поэтому, хотя Знаменское изображеніе Новгорода писано около 50 лѣтъ послѣ самобытія, мы считаемъ сады, какъ Славенской, такъ и Неревской стороны, разведенными задолго до Московскаго державства въ Ильменской странѣ.

Изъ Дѣтинцевскихъ садовъ два во Владычней половинѣ, внутри архіерейскаго двора: одинъ, близъ второй круглой башни, при которомъ упомянутый Никитскій колодезь, существуетъ и теперь на томъ же мѣстѣ;—другой между палатами Судебно-Престольною и Никитскою, ближе къ полуденному краю ея;—а третій въ половинѣ Княжеской, вдоль Дѣтинцевской стѣны, между башнями Спасскою и Кукуемъ.

Сады Неревского конца упомянуты выше; одинъ на окраинѣ Щиркова поселка, вдоль внѣшняго вала; близъ него мы видѣли Ипатьевскую церковь, а другой между проѣздами Холопьимъ и Козьмодемьянскимъ. Первый придется между концами нынѣшнихъ улицъ—Малой-Конюшенной и Тихвинской, а второй между церквами—Пантелеймоновскою и Тихвинскою. Этотъ второй садъ разстилался отъ названныхъ церквей довольно далеко на востокъ, къ мѣстности Яковлевской церкви; на полдень къ западу отъ нея, стоитъ названный выше, въ числѣ каменныхъ палатъ, большой домъ-особнякъ, выходящій лицевою стороною на Широкій проѣздъ вдоль Побережья, гдѣ теперь Дмитровская улица. Въ одной старинной купчей 1576 года значится: „Аѳонасей Прокофьевъ Буйносовъ продалъ Петру Данилову Скобелцыну свой дворъ на бѣломъ (не податномъ) мѣстѣ, на Кузмодемьянѣ улицѣ, идучи отъ Волхова къ Деревянному городу по правой рукѣ, а отъ Деревяннаго города идучи по лѣвѣ рукѣ, садъ Великаго князя“ (Акты Юр. № 91). Кузьмодемьяна улица, какъ проѣздъ, оканчивалась у нашего Побережья, значитъ не пересѣкала здѣшняго Широкаго проѣзда; она была, во времена самобытія, извилиста. Деревяннымъ городомъ въ XVI и XVII вѣкѣ называлась стѣна поверхъ обоихъ валовъ, внѣшняго и внутренняго (въ 1546 году: „горѣло за Деревяннымъ городомъ подъ святымъ Лазаремъ,—значитъ за внѣшнимъ валомъ;—а въ 1649 г.: „Деревянный городъ на земляномъ меньшемъ городѣ погнилъ“. Эти отмѣтки приведены выше). Въ купчей надобно видѣть внутренній Деревянный городъ, къ которому путь отъ Волхова оставитъ Козьмодемьянскую улицу, или проданное на ней бѣлое мѣсто,—вправѣ, обратный же влѣвѣ. Можно, поэтому, принять послѣднеазванный садъ Неревского конца тѣмъ, который числился въ XVI вѣкѣ за Великимъ княземъ. Мы видѣли, что Рогатицкій дворецъ Степеннаго Посадника состоялъ до начала нынѣшняго столѣтія въ казенномъ вѣдомствѣ, какъ и Ярославле Дворище, отданное Петромъ Великимъ Новгородскимъ купцамъ, въ 1723 году, въ пользованіе, но не въ собственность, остающуюся до сихъ поръ за казною. Едва-ли, въ виду этого, мы ошибемся, если въ садовомъ мѣстѣ Великаго князя, купчей 1579 года, признаемъ, что оно перешло къ Московскимъ государямъ послѣ уничтоженія самобытія, какъ имущество государства Новгородскаго, а таковымъ оно могло быть принадлежа дворцу Неревского-Кончанскаго Посадника, находившемуся близъ сада и Яковлевской церкви.

Садъ между концами Загороднымъ и Людинымъ—это Лужище, на которомъ стояла Яковлевская церковь. Онъ застроенъ въ настоящее время частію Десятиннымъ монастыремъ, частію дворами улицъ—Десятинной и Власьевской. Полуденно-западною стороною садъ этотъ примыкаетъ къ тѣмъ каменнымъ постройкамъ, тѣсно поставленнымъ одна къ другой, которыя предположены нами принадлежащими Десятинному монастырю, хотя въ числѣ построекъ нѣтъ напоминающихъ церковныя. Если же это не монастырь, въ постройкахъ можно видѣть, также какъ и въ Неревскомъ концѣ, дворецъ Кончанскій.

Мосты.

За все время самобытія письменныя свидѣтельства ни разу не сказываютъ, до 1472 года, о мостахъ на Неревской сторонѣ, кромѣ Великаго, Неретьскаго и Гребельскаго; послѣ же самобытія упоминаются: Спасскій, Покровскій, Воскресенскій, Новый, Розважскій, Петровскій, Живой и Зелейный. О Великомъ Волховскомъ объясненія даны.

Неретьскій-Гребельской-Новый.

Въ Уставѣ Ярослава, по спискамъ Софійскаго Временника и Карамзинскому, названъ Неретьскій мостъ: „Коломняномъ до Неретьского мосту". Въ Спискѣ Русскихъ Достопамятностей (Дубенскаго) приведенныхъ словъ нѣтъ,—между тѣмъ этотъ списокъ можно принять за древнѣйшій изъ извѣстныхъ. Однако, по совмѣстному чтенію соотвѣтственнаго мѣста въ этихъ трехъ спискахъ, выходитъ, что въ старѣйшемъ слова: „Коломняномъ до Неретьскаго мосту"—ошибочно пропущены, такъ какъ безъ нихъ нельзя знать начальной границы участка, слѣдующаго за предшествующимъ, и дальнѣйшихъ. Осменники дошли съ Прусами до церкви Бориса и Глѣба, которая представляется живымъ урочищемъ; отсюда:—„Ти—грожане", или „Тиможены", или „Тигожане", а по нашему „Таможены", мостятъ участокъ до Коломнянъ; но гдѣ эти Коломняне, въ которую сторону отъ Бориса и Глѣба направляются участки ихъ и другіе—изъ дальнѣйшаго перечня именъ усмотрѣть нельзя, если въ Уставѣ не названо урочище, къ которому слѣдуетъ вести мостовую послѣ Бориса и Глѣба; но когда поставить пропущенныя слова, будетъ ясно, что мощеніе должно взять направленіе къ Неретьскому мосту. Стало-быть этотъ мостъ существовалъ во времена, до начала Новгородской лѣтописи.

Но гдѣ находился Неретьскій мостъ? Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ нѣсколько данныхъ лѣтописныхъ и рисунокъ Дѣтинца Михайловской церкви.

Въ 1421 году лѣтомъ „бысть вода велика въ Волховѣ, и снесе Великій мостъ, и Нередичьской, и Жилотужской; а съ Коломецъ церковь снесе святую Троицу, а въ Щиловѣ, и на Сокольницѣ, и въ Радоковицахъ, и Въскресеніи въ Людинѣ концѣ, въ тѣхъ церквахъ только на полатѣхъ пѣли; а по концамъ хоромы и съ животы снесе. А толь сильно разліася въ городняа ворота, до Рыбниковъ" (I Новг. лѣт. годъ 6929, стр. 109). Названный въ этой отмѣткѣ мостъ „Нередичьской" близокъ по единству корня и вообще по созвучію—съ Неретьскимъ мостоваго Устава, а также и по мѣсту въ перечнѣ мостовъ, какъ записанный послѣ Великаго, къ которому Уставъ сводитъ участки лѣвой стороны города. Но мы не можемъ отождествлять обоихъ, такъ какъ знаемъ: гору Нередицу, Волховской протокъ, пробѣгающій между нею и холмомъ Городищенскимъ, рѣку Жилотугъ и всѣ тѣ урочища, которыя названы въ отмѣткѣ, кромѣ

городныхъ воротъ у Рыбниковъ; но и эти ворота не трудно найти, если имѣть въ виду многовѣковую стойкость торговыхъ мѣстъ и дней: ряды торговые до сихъ поръ на прежнемъ мѣстѣ, Мясники—тоже; пятница была торговымъ днемъ въ XII вѣкѣ (пожаръ 1194 г.; отмѣтка написана выше),—такимъ же она остается и до нашего времени. „Рыбаки" располагаются теперь вдоль праваго берега, ниже Волховского моста, въ садкахъ и въ лавкахъ по набережной; береговой валъ, а на немъ стѣну, на Славенской сторонѣ, мы видѣли; ворота приведенной отмѣтки у Рыбниковъ были, конечно, однимъ изъ вымловъ вала, а рыбники лѣтописи тутъ же, гдѣ и нынѣшніе рыбаки. Современникъ высокаго подъема воды началъ перечень произведенныхъ имъ разрушеній и поврежденій,—упомянувъ сперва о самомъ цѣнномъ, о Великомъ мостѣ,—съ истока Волхова, съ урочища Коломцовъ, по порядку положенія ихъ, приближаясь къ городу. Между Городищемъ и Нередицею всегда былъ мостъ: протокъ между ними неширокъ, а обѣ мѣстности занимались поселками Княжихъ дружинъ и слугъ, сообщеніе съ которыми необходимо было ежедневное. Слѣдовательно „Нередичьской" мостъ, какъ стоявшій на пути отъ истока Волхова къ городу раньше Жилотужскаго и раньше его названный лѣтописью, будетъ тотъ, что между Нередицею и Городищемъ. Въ пожаръ 1472 года, начавшійся на Яневѣ и Даньславлѣ улицахъ, сгорѣло полтора прясла „городной стѣны и Гребельской мостокъ весь сгорѣлъ и гребля вся и до Великаго мосту" (отмѣтка приведена выше). Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что между улицами Яневою,—Даньславлею и Великимъ мостомъ былъ Гребельской мостокъ и Гребля. Гребля это ровъ, отъ словъ „выгребать, грести", то есть вынимать землю при копаньи рва; встрѣчается въ мостовомъ Уставѣ и въ лѣтописи, въ томъ же значеніи, Гробля; мы называемъ гробомъ помѣщеніе для тѣла покойника, опускаемое въ нынѣшную яму; Гребля, какъ ровъ, была въ XV вѣкѣ и около внѣшняго и около внутренняго вала; улицы Янева и Даньславля приходились, какъ мы знаемъ, крайними къ тому и другому окопамъ въ Неревскомъ концѣ; такъ что Гребельской мостъ, какъ перекинутый чрезъ Греблю въ Неревскомъ концѣ, могъ называться Неревскимъ или Неретьскимъ. Мы знаемъ также, что къ тому же XV вѣку были деревянныя стѣны поверхъ валовъ внутренняго и внѣшняго; стало-быть полтора прясла городной стѣны, сгорѣвшія въ 1472 году, могли одинаково принадлежать и внѣшнему и внутреннему валу. Въ числѣ Дѣтинцевскихъ церквей мы видѣли, подъ 1223 и 1311 гг. лѣтописи, Ѳеодоровскую и Владимірскую надъ воротами отъ Неревскаго конца;—изъ Геннадіева обхода знаемъ, что Владыка шелъ, въ первый разъ, обогнувъ собственно внутренній валъ Дѣтинца, и заворачивая съ полночи на востокъ,—къ Володимерскимъ воротамъ; „да дошедъ до Гребельскаго мосту, что изъ Володимерскихъ воротъ,—да оттолѣ пошелъ къ Новому мосту, да взошедъ на Новый мостъ противъ Володимерскихъ воротъ, Архіепископъ сталъ и Евангеліе челъ; да отселѣ пошелъ Новымъ мостомъ ко Кресту, къ Великому мосту";—во второй же разъ, когда Геннадій обходилъ деревянный городъ внѣшняго вала, на обратномъ къ Дѣтинцу пути, онъ шелъ берегомъ Яневы „и пришедъ къ Яневѣ улицы,

да взошелъ на гору, да пошелъ къ Новому мосту, взошедъ на Новый мостъ да шелъ Новымъ мостомъ ко Кресту къ Великому мосту" (отмѣтка приведена выше). Если существовали ворота изъ Дѣтинца въ Неревской конецъ, Ѳедоровскія и Владимірскія, долженъ быть и мостъ чрезъ оба рва, Дѣтинцевскій и малаго вала. Положеніе Яневы улицы и приподнятость береговой части ея мы видѣли; Генадій, взойдя на гору, пошелъ къ Новому мосту, перекинутому, вѣроятно, чрезъ который нибудь ровъ. Ворота въ Неревской конецъ—Владимірскія—существовали въ XVI вѣкѣ, что видно изъ отмѣтки подъ 1541 г. о пожарѣ, начавшемся съ Яневы улицы противъ Владимірскихъ воротъ (см. выше); Ѳедоровскія же послѣ 1223 года уже не встрѣчаются въ лѣтописи; значитъ Новый мостъ Геннадіева обхода лежалъ гдѣ нибудь поблизости отъ Владимірскихъ воротъ. Въ 1536 году поставленъ мостъ Новый въ Неревской конецъ ко святымъ Сорока мученикамъ (Пол. соб. рус. лѣт. Ч. VI годъ 7044, стр. 300). Этотъ послѣдній замѣнилъ должно-быть тотъ, которымъ шелъ Геннадій во второй разъ въ 1493 году; положеніе церкви Сорока Мучениковъ указано; мостъ къ ней возможенъ только отъ Дѣтинца чрезъ оба рва. Значеніе этой церкви мы объяснили; около нея собиралось Вѣче Неревскаго конца; ближайшее, поэтому, сообщеніе съ Дѣтинцемъ представлялось нужнымъ—для Кончанскихъ чиновъ, чтобы ходить въ Правительственную Палату, которая стояла на срединѣ Дѣтинцевской площади, противъ Софіи. Вѣче у Сорока мучениковъ собиралось въ 1218 году (по поводу борьбы за Посадника Твердислава),—мостъ, значитъ, былъ и тогда.

Совокупность приведенныхъ показаній лѣтописи даетъ основаніе видѣть „Неретьскій мостъ" Ярославова Устава именно тамъ, гдѣ былъ Гребельскій, и,—упомянутый послѣднимъ,—къ церкви Сорока мучениковъ; Новый же—второго и перваго обходовъ Геннадія,—или перекинутъ впослѣдствіи, вѣроятно одновременно съ возобновленіемъ Дѣтинца, около 1484—1493 гг.,—если разумѣть подъ нимъ переправу чрезъ ровъ; а если мостомъ названа мостовая, вновь насланная къ второму изъ написанныхъ годовъ, что болѣе вѣроятно,—незачѣмъ вести къ однимъ и тѣмъ же Владимірскимъ воротамъ двѣ переправы рядомъ,—въ такомъ случаѣ—его нужно вовсе исключить изъ счета мостовъ Неревской стороны.

По рисунку Дѣтинца на Михайловскомъ изображеніи показана, какъ-бы выдвигающеюся изъ стѣны восточно-полночнаго закругленія его, деревянная постройка, въ видѣ забора; она начинается не доходя двухъ—трехъ шаговъ отъ башни, слѣдующей за нынѣшнею, у входа въ Лѣтній садъ, съ Никольскою часовнею; теперь на этомъ мѣстѣ нѣтъ башни, а приходится, внутри Дѣтинца, садъ эконома архіерейскаго дома и духовнаго училища. Мы находимъ возможнымъ считать эту башню Михайловскаго изображенія за ту, надъ воротами которой была сооружена въ 1223 году недолговѣчная Ѳедоровская церковь.

Упомянутая деревянная постройка состоитъ изъ трехъ пряселъ; два какъ-бы висятъ надъ пустотою, а третье опирается на деревянный устой значительной высоты. Возможно, что это мостъ, огражденный съ береговой

стороны, отъ Волхова, стѣною—изъ двухъ пряселъ, представляющеюся защитою проходящихъ отъ стрѣлъ и копій во время внутреннихъ смятеній, или непріятельской осады. Была, вѣроятно такая же стѣна и по другую сторону моста, но художникъ не написалъ ея, потому что не могъ видѣть за первою.

Въ настоящее время на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ положенію описаннаго сооруженія, перекинутъ чрезъ Дѣтинцевскій ровъ мостъ, бывшій нѣсколько лѣтъ назадъ каменнымъ, въ одинъ пролетъ, подъ сводомъ. Лѣтъ пять какъ онъ обрушился, обнаруживъ подъ кирпичною облицовкою древнюю кладку изъ булыги и плиты, прощебененныхъ и жирно залитыхъ вязкою известью. Противъ этого моста, въ соотвѣственной направленію его стѣнѣ Дѣтинца, видны еще остатки заросшихъ воротъ съ полукруглымъ верхомъ; ведетъ онъ, какъ уже замѣчено, на горку Лѣтняго сада, остающуюся отъ окопа Петровскихъ временъ, и далѣе чрезъ нее—къ опредѣляемому нами мѣсту церкви Сорока мучениковъ.

На Неретьскомъ мосту Ярославова Устава мы останавливаемся по связи его съ рвами Дѣтинца и малаго вала. Если деревянное сооруженіе Михайловскаго изображенія соотвѣтствуетъ мосту Гребеньскому Геннадіева обхода и послѣдующихъ временъ, то и Михайловское изображеніе не препятствуетъ видѣть Неретьской мостъ Устава тамъ, гдѣ былъ Гребельской и гдѣ стоитъ нынѣшній, въ саду.

Обратимся наконецъ къ длинѣ мостовыхъ участковъ первой части Ярославова Устава. Осменники вошли въ Загородье одни; отсюда, приблизительно отъ Большой Покровской башни, до Борисоглѣбской церкви, которая стояла на береговомъ пространствѣ, приходящемся между нынѣ существующею Андрее-Стратилатовскою церковью и Спасскою башнею,—съ Прусами; отъ этой церкви до Неретьскаго мосту были участки Таможенъ и Коломнянъ;—значитъ отъ Большой Покровской башни,—Загородьемъ, вокругъ береговой стороны Дѣтинца до нынѣшняго моста въ Лѣтнемъ саду,—было три участка; а отъ Неретьскаго моста и до тѣхъ воротъ, которыми вошли въ Загородье Осменники, лежали участки Нередичанъ, Веряжанъ, Пидьблянъ и Чудинцевъ съ Загорожанами,—всего четыре участка; но въ этихъ четырехъ было два моста—Неретьскій и Воскресенскій; справедливость требовала равномѣрнаго распредѣленія повинности и уменьшенія протяженія тѣхъ участковъ, въ которыхъ приходились мосты, хотя и небольшіе. Длина Дѣтинцевской стѣны отъ нынѣшняго моста въ Лѣтнемъ саду до Большой Покровской башни почти такая же, что и по берегу Волхова. Если участки Устава расположены были по Загородью до лѣтописныхъ границъ, тогда протяженіе назначенныхъ Нередичанамъ, Веряжанамъ, Пидьблянамъ и Чудинцамъ съ Загородцами—будетъ почти вдвое больше того, которое мостили Осменники съ Прусами, Таможане и Коломняне. Слѣдовательно, и по протяженію мостовыхъ участковъ, Неретьской мостъ долженъ находиться тамъ, гдѣ былъ Гребельской и гдѣ нынѣшній въ Лѣтнемъ саду; но онъ шелъ какъ чрезъ ровъ Дѣтинца, такъ равно, въ видѣ настилки, поперекъ Загородья, сквозь малый валъ и чрезъ ровъ его, къ церкви Сорока мучениковъ.

Гребельской и Новый—это тотъ же Неретьской, съ другими лишь названіями.

Мы видѣли, что церковь Сорока мучениковъ стояла у малаго вала, на концѣ Широкаго проѣзда, образовавшагося, по нашему предположенію, на мѣстѣ первоначальнаго окопа Побережья. Неретьской мостъ велъ, въ долѣтописныя времена, изъ Дѣтинца въ Побережье; когда же окопъ сняли, онъ остался открытымъ и велъ въ образовавшійся—изъ распространившихся поселковъ Поборежья—Неретьской конецъ города. Изъ сооруженія надъ воротами отъ этого конца церкви Ѳеодоровской, въ 1223 году, можно заключить, что тогда Побережье имѣло еще значеніе сторожевое и самая церковь, посвященная Святому мученику воину, основана воинскими чинами, или Людинами-стражниками.

Русскій-Спасскій.

Сооруженіе Юрьевскимъ архимандритомъ въ 1297 году Преображенской церкви на воротахъ отъ Людина конца показываетъ, что въ то время Русская дорога Мстиславо-Всеволодовой грамоты вводила въ Дѣтинецъ тѣми именно воротами, дорогою сквозь которыя Юрьевскій настоятель ѣздилъ обыкновенно къ Владыкѣ и къ Св. Софіи. Башня, съ этими подъ нею воротами, называлась, вѣроятно, до сооруженія надъ ними церкви, Русскою, по имени дороги, а впослѣдствіи Спасскою, по церкви. Ровъ около Дѣтинца существовалъ со времени основанія этого сооруженія, съ того же времени существовалъ и мостъ чрезъ него. Поэтому мы даемъ ему два названія—Русскій-Спасскій, подобно тому, какъ предшествующій означенъ тремя.

Въ письменныхъ памятникахъ нѣтъ ни Русскаго, ни Спасскаго моста; на Михайловскомъ же рисункѣ ясно изображена мостовая настилка въ Загородьи, прямо противъ Спасской башни. Огражденія и устоя, какъ у Неретьскаго моста, здѣсь нѣтъ. Должно быть ко времени написанія Михайловскаго изображенія проѣздъ подъ Спасскою башнею былъ закрытъ, а мостъ оставался только для пѣшеходовъ, не имѣя уже значенія казеннаго сооруженія и поддержки на счетъ мостовой повинности. Къ такому заключенію приводятъ: сооруженіе въ 1305 году Семеномъ Климовичемъ и возобновленіе въ 1389 г.—Григорьемъ Якуновичемъ Покровской церкви на воротахъ отъ Прусской улицы,—и направленіе извилистаго проѣзда въ Кромномъ городѣ, по Знаменскому изображенію. Около этого времени копали, какъ мы видѣли, въ 1383 году, ровъ вокругъ Неревской стороны къ старому валу, а нѣсколько раньше—у Людина конца и Загородья и Неревского конца (въ 1372 году); возможно, поэтому, считать снятіе внутреннихъ окоповъ Побережья и Кромнаго города, и образованіе на мѣстахъ ихъ Широкихъ проѣздовъ—въ это же время, такъ что направленіе Русской дороги въ Дѣтинецъ измѣнилось, перейдя на Широкій проѣздъ и къ воротамъ отъ Прусской улицы; тутъ, чрезъ ровъ, перекинули Новый мостъ,—а старый, Русскій-Спасскій—упразднили. Разрушеніе Покровской церкви Семена Климовича

и сооруженіе, на ея мѣстѣ, Григорьемъ Якуновичемъ другой—объясняется не обветшаніемъ первой, каменной, простоявшей всего 70 лѣтъ, а необходимостью сдѣлать существенныя измѣненія въ воротахъ, надъ которыми она стояла. Въ Геннадіевомъ обходѣ о мостѣ Спасскомъ не упомянуто, хотя говорится, что противъ Спасскихъ воротъ читалось Евангеліе.

Покровскій.

Въ обходѣ Геннадія значится, что Владыка „отъ Спасскихъ воротъ пошелъ къ Покровскимъ воротамъ, да дошедъ до Покровскихъ воротъ, да туто, на мосту на Покровскомъ, противъ воротъ, Архіепископъ сталъ и велѣлъ октенью говорити и молебенъ, совершити“. Долго-ли существовалъ этотъ мостъ—неизвѣстно; ни на Михайловскомъ, ни на Знаменскомъ изображеніяхъ его нѣтъ.

Воскресенскій-Застѣночный.

Ворота въ Дѣтинецъ отъ Загородного конца существовали, какъ проѣздныя, въ концѣ XIII вѣкѣ, когда надъ ними поставлена Воскресенская церковь; былъ тогда несомнѣнно и мостъ чрезъ Дѣтинцевскій ровъ; но когда измѣнили площадь и направленіе Загородья, отдѣливъ часть, ближайшую къ внѣшнему валу, къ Загородному концу и окопавъ, въ 1372 году, особымъ рвомъ края концовъ Людина и Неревского и Загородья, приближавшіеся къ Дѣтинцу,—мостъ противъ башни съ Воскресенскою церковью соединялъ только Дѣтинецъ съ Загородьемъ новыхъ размѣровъ,—къ нему проѣзда изъ Загородного конца, повидимому,—уже не было. Въ XIV вѣкѣ Москва занялась собираніемъ Русской земли въ одно державство и начала налегать на самобытіе земли Новгородской, такъ что „людямъ вольнымъ“ грозила опасность и они взялись дружно за укрѣпленіе своего стольнаго города и его пригородовъ; бывшіе до того ворота и мосты въ Дѣтинецъ уменьшили, оставивъ вмѣсто прежнихъ четырехъ проѣздныхъ—только двои; въ конецъ же XIV вѣка обнесли весь городъ каменными кострами. Одержавъ, въ 1398 году, блистательную побѣду надъ Московскою силою, и соорудивъ надъ Воскресенскими же воротами, вмѣсто прежней, побѣдной же, новую большую каменную церковь, Новгородцы закрыли, кажется, вовсе проѣздъ чрезъ эти ворота и уничтожили мостъ. Къ этому же вѣку тревогъ и опасеній за самобытіе слѣдуетъ относить и учрежденіе тайнаго розыска о сторонникахъ стремленій Москвы къ объединенію земель Русскихъ; ворота получили названіе тайницкихъ и невдалекѣ отъ нихъ появилась Застѣночная башня, прозванная въ народѣ, впослѣдствіи, Чортовою.

На рисункѣ Михайловскаго изображенія—моста отъ Воскресенскихъ воротъ нѣтъ, хотя постройки Загородья, по ту сторону Дѣтинцевскаго рва, и Застѣночная башня написаны отчетливо.

Въ Геннадіевъ обходъ тоже не было моста; крестный ходъ направился отъ Покровскихъ воротъ къ Володимерскимъ, не остановившись даже противъ Воскресенской надворотней церкви для ектеніи и чтенія Евангелія: „да потомъ пошелъ (Геннадій), отъ Покровскихъ воротъ къ Володимерскимъ“, говоритъ очевидецъ—лѣтописецъ. Минуя побѣдную надъ Московскою силою церковь, Архіерей выразилъ тѣмъ свое раболѣпство и, съ другой стороны, презрѣніе къ Новгородцамъ за ихъ побѣду надъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ. Застѣночною же башнею и прочими, сдѣланными для нея постройками, Москва воспользовалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что доказали открытые при разрушеніи Дьячей избы „трупіа мертвыхъ людей и цѣлыхъ 12 человѣкъ“—и полученные нами отъ залитыхъ известью костяковъ черепа, свыше 30-ти.

На Знаменскомъ изображеніи, дающемъ отчетливый рисунокъ западной стѣны Дѣтинца, со стороны Загородного конца, проѣздныя ворота подъ Воскресенскою башнею показаны задѣланными,—оставлена одна только узкая проходная дверь; моста чрезъ Дѣтинцевскій ровъ нѣтъ; а чрезъ ровъ малаго вала перекинутъ.

На чертежѣ 1778 г. въѣздъ въ окопъ Петровскаго земляного сооруженія сдѣланъ почти противъ нынѣшней Петербургской улицы и засланъ мостомъ; внутри окопа мостъ тянется отъ въѣзда на западъ къ полдню, вдоль окопа, а противъ Воскресенской башни поворачиваетъ круто, подъ прямымъ угломъ, ко рву Дѣтинца, переходитъ чрезъ него и направляется въ башенныя ворота.

Примѣчаніе. Тайницкія ворота упоминаются въ приведенной выше „Данной Софійскому дому 10 Мая 1684 года“ на огородное мѣсто, при обозначеніи границъ, такъ: „а въ урочищахъ тотъ огородъ отъ переулка, который пошелъ отъ Росткина монастыря въ Легощу улицу къ городовой стынѣ, къ Тайницкимъ воротамъ“. Городовая стѣна—это Дѣтинцевская. Легоща XVII вѣка направлялась къ Воскресенскимъ-Застѣночнымъ воротамъ.

Предложивъ объясненія о мостахъ чрезъ рвы малаго вала и Дѣтинца, замѣтимъ, что въ лѣтописи и въ позднѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются еще мосты близъ Дѣтинца, и даже въ немъ;—въ Геннадіевомъ обходѣ значится, что въ оба раза, 8 и 15 Октября 1493 года, Владыка, по выходѣ изъ Дѣтинца велъ крестный ходъ на Великій мостъ, ко Кресту (къ часовнѣ Чермнаго или Чуднаго креста), а отсюда къ Образу святому Новымъ мостомъ;—затѣмъ, обойдя Дѣтинецъ въ первый разъ, онъ направился отъ Гребельскаго моста къ Новому, къ Владимерскимъ воротамъ, а отъ этихъ воротъ пошелъ „Новымъ мостомъ ко Кресту же, къ Великому мосту“;—а во второй разъ,—„взошедъ съ Яневѣ улицы на гору да пошелъ къ Новому мосту, взошедъ на Новый мостъ да шелъ Новымъ мостомъ ко Кресту къ Великому мосту“,—въ этотъ разъ Владыка не доходилъ до Гребельскаго моста. Эти новые мосты были, какъ уже замѣчено раньше, мостовою настилкою для приподнятой насыпью береговой низины, вдоль Дѣтинца, направо и налѣво отъ Великаго моста.

Въ одной бумагѣ 1629 года сказано: „Дѣланы мосты на Софѣйской сторонѣ отъ Чернаго креста: къ Розважской башнѣ къ Земляному (малому) валу поперечной мостъ,—мимо Митрополича (владычня) островка;—да въ Каменномъ городѣ, въ Водяныхъ воротахъ, къ Митрополичу Островку" (Акты Юрид. II, № 217). Здѣсь первый, названный пепоречнымъ, направлявшійся къ Розважской башнѣ, перекинутъ былъ чрезъ ровъ, впадавшій въ Волховъ небольшимъ ручьемъ, и служилъ пѣшеходамъ. Въ донесеніи Новгородскаго воеводы 1644 года о количествѣ снарядовъ, названъ Розважскій мостъ; очевидно это поперечный 1629 года, прочіе же не мосты, а продольныя, около берега и стѣны Дѣтинца, мостовыя настилки; одна, которая шла мимо Владычня островка, та самая, что названа въ описаніи Геннадіева обхода Новымъ мостомъ отъ Владимерскихъ воротъ ко Кресту; ее въ 1649 году поправляли; а другая вела изъ Дѣтинца сквозь Водяныя ворота къ Волхову, къ тому мѣсту, на которомъ устраиваютъ и теперь, ежегодно три раза, плотъ и часовню для освященія воды въ Крещеніе, въ день Преполовенія и 1-го Августа, въ праздникъ Происхожденія честныхъ древъ креста Господня.

Эти новые мосты мы не смѣшиваемъ съ Новымъ же, перекинутымъ къ 1493 году чрезъ ровъ малаго вала, на мѣстѣ котораго поставленъ былъ въ 1536 году „мостъ Новый въ Неревской конецъ къ Св. Сорока мученикамъ", какъ продолженіе Неретьскаго-Гребельскаго.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о мостахъ Кончанскихъ, приведенныхъ перечнемъ въ началѣ этой статьи,—кромѣ Живого, о которомъ уже дано объясненіе.

Петровскій.

Объ этомъ мостѣ сказано только въ Геннадіевомъ обходѣ; гдѣ именно онъ былъ перекинутъ, чрезъ ровъ-ли внѣшняго вала, или чрезъ Гзень, и въ какомъ мѣстѣ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ, вообще затруднительному, можно подойти только приблизительно, въ видѣ предположенія, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Къ концу XV вѣка Неревской-Петровскій конецъ занималъ безмалаго все пространство между полуночною стороною внѣшняго вала и рѣкою Гзенью; тутъ были монастыри: Духовъ, Звѣринскій, Николо-Бѣльскій и Лазаревъ, а по дорогѣ къ Колмову—Михайловская церковь. Если мостъ названъ Петровскимъ по имени новаго конца, онъ могъ быть Гзеньскимъ, по Колмовской дорогѣ,—а если по имени церкви Петра и Павла, до сихъ поръ существующій,—Гребельскимъ, перекинутымъ чрезъ ровъ внѣшняго вала, такъ какъ эта церковь близъ него. Однако мосту дано названіе не Петропавловскаго, по церкви—а по имени конца.

Въ описаніи Геннадіева обхода значится: — „а изъ Духова монастыря Архіепископъ послалъ священниковъ и діаконовъ, — какъ уже сказано, — со кресты, и велѣлъ имъ молебенъ пѣти вкругъ тѣхъ дворовъ, которыи самъ необшелъ, Звѣринскаго монастыря и Николскаго монастыря, и себя имъ велѣлъ со кресты сопти, а самъ пошелъ къ Петровскому мосту, а отъ Петровскаго мосту къ рѣкѣ и шелъ берегомъ до Яневы улицы“, — дальнѣйшее движеніе мы знаемъ. Сообразно съ современными площадями монастырей Звѣринскаго и Духова, а равно и той, которая занята была Николо-Бѣльскимъ — можно принять Петровскій мостъ перекинутымъ чрезъ Гзень, близъ ея устья; Геннадій, направляясь вдоль праваго берега этой рѣки, примѣрно отъ восточнаго угла площади Духова монастыря, прошелъ-бы, впрямъ, почти такое же пространство, какое будетъ отъ того же угла до Николо-Бѣльскаго, около него и Звѣринскаго и до устья Гзени, — если принять въ разсчетъ встрѣчавшіеся на пути Владыки поселки и церкви и относительную медленность движенія его во главѣ части крестнаго хода, которую онъ сопровождалъ. А если Владыка, почувствовавъ усталость, избралъ для себя кратчайшій путь, — то онъ пошелъ отъ Духова монастыря прямо къ Петропавловской церкви; въ этомъ послѣднемъ случаѣ Петровскій мостъ слѣдуетъ ставить на рвѣ внѣшняго вала, — близъ названной церкви.

На чертежѣ 1778 г. отмѣченъ мостъ сквозь поперечникъ внѣшняго вала, близъ церкви Петра и Павла, на продолженіи Дмитровской улицы.

Зелейный.

Подъ 1569 годомъ отмѣчено въ лѣтописи: „Мѣсяца Мая въ 31 день, въ пятокъ на Троицкой недѣли, поставиша избу новую темяную, на Софійской сторонѣ, поконецъ Зелейнаго мосту; а билъ челомъ государю Васюкъ Зубоволокъ“ (II Новгор. лѣт. годъ 7077, стр. 163). Мы привели полную отмѣтку, упоминающую одинъ только этотъ разъ о Зелейномъ мостѣ, чтобы по ней точнѣе опредѣлить положеніе его. Темяная изба это застава сборщика княжеской подати съ привозимыхъ въ городъ товаровъ. Выраженіе „новую“ не значитъ, что эта изба поставлена вмѣсто обветшавшей старой, но что она вновь учреждена на дорогѣ у Зелейнаго моста. Если изба поставлена съ разрѣшенія государя, по челобитью Васюка Зубоволока, и если отмѣченъ въ лѣтописи день, — это значитъ, что она имѣла выдающееся значеніе. Вѣроятно Васюкъ Зубоволокъ взялъ на откупъ сборъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Новгородъ по дорогѣ, остававшейся до 31 Мая 1569 года свободною отъ взиманія пошлинъ (Темникъ извѣстенъ въ двухъ значеніяхъ: какъ начальникъ 10 т. татарскаго войска и какъ собиратель налоговъ въ казну Хана во времена татарскаго владычества. Карамзинъ, Ч. III, примѣч. 368 и IV, Гл. II, стр. 48 — по Эйнерлингу).

Зелейный мостъ получилъ свое имя отъ зелья, т. е. пороха. Близъ Новгорода, между нимъ и Колмовомъ, до сихъ поръ существуютъ, въ уединенномъ мѣстѣ, среди гладкаго поля, каменные пороховые погреба;

они приходятся за Гзенью; чтобы попасть туда изъ города прямымъ путемъ, короткимъ, необходимо переѣхать эту рѣку. Зелейный мостъ и былъ тотъ, чрезъ который лежала дорога къ зелью, къ пороховымъ погребамъ.

Мы знаемъ, что въ 1545 году были составлены списки, Разрядный и Разметный, о сборѣ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха по случаю похода Казанскаго. Возможно, что нынѣ существующіе пороховые погреба возникли тутъ впервые при исполненіи этихъ списковъ,—тогда же сдѣланъ и мостъ на дорогѣ къ нимъ, чрезъ Гзень;—самая „Новая Темяная изба", поставленная въ 1569 году, послѣ составленія списковъ на 25-й годъ, могла имѣть назначеніе, сверхъ темничества, принимать зелье, или давать записки въ принятіи его въ казну и доставкѣ въ складъ.

На чертежѣ 1778 года нанесена перемычка чрезъ Гзень противъ каменнаго зданія военнаго вѣдомства; теперь на мѣстѣ ея мостъ.

Съ вѣроятностью можно заключить, по совокупности высказаннаго, что Зелейный мостъ XVI вѣка перекинутъ былъ чрезъ Гзень, по дорогѣ къ Пороховымъ погребамъ и находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣшній мостъ военнаго вѣдомства.

Какъ ни скудны собранныя нами свѣдѣнія о слѣдахъ и остаткахъ гражданскихъ древностей Новгорода, все-таки они даютъ представленіе, хотя и блѣдное, о его прошломъ отъ времени первоначальнаго заселенія Волховскихъ береговъ. По внѣшности мы привыкли судить и о внутреннемъ содержаніи разсматриваемаго предмета. Въ слѣдующемъ за симъ отдѣлѣ записки мы постараемся представить данныя и основанія для дальнѣйшихъ изысканій о внутреннемъ строѣ государственной и частной жизни насельниковъ страны Ильменской въ вѣка, обнимаемые письменными свидѣтельствами; а здѣсь по обозрѣніи собственно городскихъ древностей тѣхъ же вѣковъ, умѣстно будетъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, выразить подсказываемое этими древностями мнѣніе наше о началахъ, изъ которыхъ зародилось, возросло и возмужало Велико-Новгородское державство.

Великій знатокъ страны отечественной, безсмертный бытописатель Карамзинъ, не знавшій вовсе лѣтописи земной коры и бытовыхъ остатковъ первозаимщиковъ Европы, захороненныхъ подъ мощными пластами наслоеній вѣковъ недовѣдомыхъ,—на основаніи однихъ только письменныхъ свидѣтельствъ—торжественно призналъ давно-прошедшее Новгорода неразрывно-связаннымъ съ таковымъ же всей Россіи,—и увидѣлъ въ немъ устроителя обще-русской государственной жизни. Но при всей силѣ своихъ счастливыхъ дарованій, при всей поразительной обширности знаній, онъ не могъ отрѣшиться отъ вѣянія западной науки, чтобы дать Ильменскому славянству подобающее мѣсто среди народовъ всего полуночья и большей части запада Европы, и взглянуть на начала, возвысившія Новгородъ, основанный въ самыхъ дикихъ мѣстахъ—быть можетъ толпою Славянскихъ

рыбарей,—до степени „державы знаменитой",—какъ на достояніе, прирожденное первобытному Ильменскому Славянству, а не какъ на начала заимствованныя отъ Скандинаво-Германскихъ сосѣдей (Ист. госуд. рос. Ч. VI, стр. 83).

Естествоиспытатели, наблюдающіе жизнь звѣрей и птицъ, по норамъ, логовищамъ и гнѣздамъ, покинутымъ хозяевами, безошибочно заключаютъ о природѣ ихъ. По внѣшнему виду древняго Новгорода нельзя не заключить объ исконномъ Славянствѣ его обитателей. Какъ ни обширны были, съ незапамятныхъ вѣковъ, сношенія нашего города съ разноплеменными сосѣдями, какъ ни тѣсно было взаимное общеніе людей вольныхъ съ ними, мы не найдемъ въ городскихъ сооруженіяхъ чужого вкуса, чужихъ привычекъ. Дома Новгородскіе,—по Знаменскому, Михайловскому и Флоровскому изображеніямъ,—это тѣже избы нынѣшнихъ деревень; къ концамъ Новгорода непосредственно примыкаютъ его области, простирающіяся въ глубь страны болѣе чѣмъ за тысячу верстъ;—къ русской деревнѣ примыкаютъ поля ея; въ каждомъ Кончанскомъ поселкѣ имѣется одинъ главный проѣздъ и проѣзды, проходы и проулки къ отдѣльнымъ дворамъ;—въ каждой деревнѣ—повторяется тоже;—русскій человѣкъ общителенъ; если онъ гуляетъ—пусть всѣ видятъ, хотя-бы это было въ ущербъ чужихъ мнѣній о благопристойности и доброй славѣ: на людяхъ и смерть красна! Въ Новгородѣ; при всей тѣснотѣ построекъ, вызванной густотою населенія, мы видимъ сады, широкіе проѣзды, большія площади;—это для того, чтобы погулять на людяхъ, побесѣдовать. Для сходбищъ и встрѣчъ дѣловыхъ—горожане зажиточные учреждали обчины, гридницы питейныя;—подобныя-же мѣста сходокъ и встрѣчъ найдутся во всякой большой деревнѣ. Такимъ образомъ внѣшность Новгорода древняго отражаетъ на себѣ вкусы и привычки, хранимые русскимъ народомъ въ простотѣ его жизни и до настоящаго времени. Даже сооруженія церковныя, заимствованныя вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ иноплеменниковъ,—подчинены тому же народному вкусу, и также однообразны, какъ и жилые дома; также они и просты; изъ множества церквей одна только Златоустовская, въ княжей половинѣ Дѣтинца, не похожа на прочія и напоминаетъ нѣмецкія. Такимъ образомъ всѣ сооруженія однообразны и соотвѣтственны между собою и съ подобными же нынѣшними въ деревняхъ, составлявшихъ нѣкогда достояніе Св. Софіи Новгородской.

Карамзинъ и послѣдователи его ученія недоумѣваютъ о той силѣ, которая породила въ Новгородцахъ гражданскую мудрость и удивительную замысловатось, осязательно-сказавшіяся—и въ договорахъ съ князьями Руси—и въ сношеніяхъ съ чужестранными вѣнценосцами,—о силѣ, сплотившей въ одно могущественное цѣлое различныя по языку, по вѣрѣ и обычаямъ племена, и привязавшей къ себѣ покоренные оружіемъ народы настолько, что вскорѣ они, подобно потомкамъ крови, стремились къ Новгороду, какъ-бы къ сердцу своему, изъ котораго истекала для нихъ новая жизнь и гражданское счастье (Русс. Достоп. Ч. II. стр. 289). Памятники гражданской древности, оставившіе слѣды свои въ землѣ и въ лѣтописи, способны указать пути къ разрѣшенію подобныхъ недоумѣній.

Человѣкъ единично всемогущъ,—если трудъ его, стремящійся къ достиженію блага, обезпеченъ; и всемогущъ несокрушимо, когда живетъ семьей и обществомъ, въ условіяхъ прочной обезпеченности этого труда и недосягаемости плодовъ его для хищничества и насилій. Въ памятникахъ гражданской древности Новгорода мы видимъ отраженіе именно такихъ условій:—въ надежныхъ огражденіяхъ торга и народной сокровищницы—Дѣтинца окопами и стѣнами;—въ самоуправленіи поселковъ Кончанскихъ, съ предоставленіемъ каждому обывателю права заявить о посягательствахъ на его трудъ и свободу самолично, ударомъ въ Вѣчевой колоколъ, или чрезъ своихъ улицкихъ старостъ—всенародному собранію;—въ судѣ присяжныхъ—двѣнадцати добросовѣстныхъ гражданъ—Палаты Одриной, или Судебно-Престольной,—и восьми такихъ же гражданъ—въ судѣ Степенныхъ Посадника и Тысячскаго,—при разсмотрѣніи имущественныхъ и личныхъ дѣлъ многосложныхъ, запутанныхъ, темныхъ;—въ равномѣрности повинностей на нужды государственныя и общественныя;—наконецъ, въ полной свободѣ проявленія для каждаго гражданина силъ духовной природы своей въ вѣрѣ, дружбѣ, любви, привычкахъ и вообще въ устроеніи жизни семейной и уличной.

Всякое учрежденіе, частное, общественное, или государственное крѣпнетъ, мужаетъ и не дряхлѣетъ безвременно, если оно вызвано насущною потребностью среды и почвы, дающихъ ему первобытіе. Нашъ городъ возникъ на нынѣшнемъ его мѣстѣ не случайно, не по приказу, не насильственно по какому либо своенравному требованію,—какъ возникли и теперь возникаютъ многіе города,—его вызвали условія жизни первонасельниковъ Ильменско-Волховского побережья, условія обезпеченія труда ихъ, направленнаго къ достиженію блага, труда тяжелаго, бдительнаго, неустаннаго. Поселеніе на кряжистыхъ берегахъ Ильменско-Волховскихъ и на одинокихъ холмахъ, поднимающихся изъ болотъ и мокрыхъ низинъ, среди лѣсовъ, богатыхъ пищею и пушнымъ звѣремъ, и по берегамъ большого озера и рѣкъ его питающихъ,—представлялось человѣку, поглощенному, въ вѣка первобытія, насущною злобою дня, благопріятнымъ для осѣдлости, по сытному питанью и добыванію шкуръ для одежды, лѣса для хижинъ и топлива. Осѣдлось имѣетъ основою семью; совокупность семей создаетъ общество, а общество—силу осѣдлаго жилища людей, для борьбы—и съ хищникомъ лѣсовъ, пещеръ и логовищъ, и съ бездомнымъ бродягою—лихимъ человѣкомъ. Изъ возникшихъ такимъ образомъ поселковъ и выросъ тотъ Новгородъ, который—по словамъ Карамзина—умѣлъ, впослѣдствіи, „возвыситься до степени Державы знаменитой“, и развивать неуклоннымъ трудомъ начала, вызвавшія возникновеніе человѣческихъ жилищъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ, по кряжамъ и разсѣяннымъ холмамъ Ильменско-Волховского побережья. Въ окопахъ, рвахъ и прочихъ укрѣпленіяхъ Славенской и Неревской сторонъ, мы видимъ послѣдовательность расширенія первоначальныхъ поселковъ новыми находниками, привлекаемыми сюда славою обезпеченія, за нашими окопами, личности и имущества добываемаго трудомъ, и увеличивавшими общественную силу. Простота и

строгость трудовой жизни даютъ себя чувствовать въ убогихъ деревянныхъ, тѣсныхъ, низкихъ, неприглядныхъ избушкахъ, заполняющихъ обѣ половины города по всѣмъ тѣмъ рисункамъ, которые сохранились до нашихъ дней; это жилища частныхъ лицъ. Между тѣмъ изъ средины площадей, ими застроенныхъ, гордо поднимаются сооруженія общественныя, церковныя и гражданскія, какъ неподкупные свидѣтели блага, доставляемаго порядками общественной жизни. Не смотря на блестящую торговлю съ Европою и Азіею, не смотря на несмѣтныя богатства, скопившіяся въ рукахъ „людей вольныхъ“, внѣшняя обстановка частной жизни, семейной, не измѣнилась даже къ XV вѣку, какъ не измѣнились и стародавніе нравы, сложившіеся еще въ вѣка первобытія трудовыхъ семей и общества; выраженія: „Новгородская честь, Новгородская душа“—служили вмѣсто клятвы (Карамзинъ, VI, стр. 85), представляя, поэтому, нѣчто святое и для дающаго клятву, и для принимающаго ее.

Православные храмы вѣковъ язычества Новгорода, иновѣрныя христіанскія послѣ принятія крещенія, ропаты не христіанъ, особые, вполнѣ обезпеченные въ безопасности, торговые дворы чужеземцевъ, строгое наблюденіе за серебряными и прочими единицами цѣнности и судъ торговый—разрѣшаютъ недоумѣнія о причинахъ преданности Новгороду иноплеменныхъ народовъ, покоренныхъ Державству его силою оружія: Новгородская честь, Новгородская душа—не дѣлали различія ни въ племенахъ, ни въ вѣрѣ людей труда, поднимавшихъ силу общества на высоту призванія человѣчества.

Вотъ тѣ строки, которыми мы желаемъ намѣтить, въ самыхъ общихъ чертахъ, отраженіе въ остаткахъ и слѣдахъ древностей гражданскихъ—началъ, вызвавшихъ возникновеніе Новгорода изъ болотъ и низинъ, и послѣдовательное возвышеніе его до степени Державы знаменитой.

ВНУТРЕННІЙ СТРОЙ НОВГОРОДСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Государство выростающее изъ семьи, его зародыша, сѣвшей на дѣвственную почву и не покидавшей ся въ продолженіе длинной цѣпи вѣковъ послѣдовательнаго развитія и возмужанія,—или безсмертно въ цѣломъ строѣ своего бытія,—или остается на землѣ своей долговѣчнымъ въ лицѣ существенныхъ бытовыхъ двигателей, его вскормившихъ и укрѣпившихъ, хотя-бы, волею судебъ, весь государственный строй подвергся поглощенію вновь народившагося племени.

Новгородское государство зародилось на дѣвственной почвѣ Ильменской страны, не пропитанной кровью какихъ-либо первозаимщиковъ ея, павшихъ отъ руки новыхъ пришельцевъ, или загнанныхъ ими въ страны, обездоленныя природою: подстилающая жилой слой нашего города и близкаго къ нему урочища Коломцовъ почва представляетъ чистыя отложенія отступавшаго великаго Скандинаво-русскаго ледника: современниками Коломчанъ-Ильменцевъ и Волховскихъ Побережанъ, проложившихъ здѣсь первый человѣческій слѣдъ на оттаявшей почвѣ, были великаны травоядные, мамонтъ и носорогъ, и кровожадные хищники лѣсовъ; первый человѣческій голосъ, раздавшійся на нашихъ побережьяхъ—былъ голосомъ той рѣчи, которую современная наука сравнительнаго языковѣдѣнія признала родоначальницею говоровъ всѣхъ народовъ Европы; а эта рѣчъ—Славяно-Русская. Потому и могучъ Славяно-Русскій міръ, что пестуномъ его была Ильменская страна, а колыбелью Ильменско-Волховское побережье;—потому юна и тепла духовная природа чисто-русской семьи, питающей государственный строй родной нашей земли и охраняющей его цѣльность богатырскою своею силою, что въ жилахъ ея, этой семьи, течетъ чистая кровь первозаимщиковъ дѣвственной страны, уберегшихъ ее отъ захватовъ иноплеменныхъ выходцевъ, а самихъ себя отъ гнета завоевателей, до послѣдней орды татаръ, заполонившихъ княжескую Русь, но не подчинившихъ своей власти государство Новгородское. Въ книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ приведены нѣкоторыя доказательства преемственнаго родства Славянъ Ильменскихъ съ первонасельниками Европы вѣковъ ледниковыхъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящей записки мы къ нимъ обратимся и дополнимъ

указанныя въ той книгѣ данныя новыми, полученными нами свѣдѣніями о бытовыхъ же остаткахъ, обнаруженныхъ въ странѣ Ильменской.

При такомъ значеніи для нашего отечества государства Новгородскаго — прослѣдить его внутренній строй, восходя отъ вѣковъ лѣтописныхъ въ глубь предшествовавшихъ до самаго перваго человѣческаго общества, появившагося на Ильменско-Волховскомъ побережьи,—это священный долгъ науки русскаго бытовѣдѣнія. Путь, указываемый этимъ долгомъ, труденъ,— но если первая семья Ильменско-Волховскихъ побережанъ не пала подъ тяжестью труда надъ выработываніемъ началъ, создавшихъ нашу государственную жизнь, а достигла,—хотя и въ длинный рядъ вѣковъ неустанной работы послѣдующихъ поколѣній по предначѣченному предками пути,—великой цѣли,—ничто не мѣшаетъ и нашей маленькой семьѣ почитателей старины отечественной намѣтить, хотя самыми слабыми чертами, путь чрезъ весь строй государства Новгородскаго къ колыбели великаго русскаго народа, и сдѣлать на немъ первые шаги.

Путеводными свѣточами на этомъ пути намъ послужатъ сказанія лѣтописныя, отечественныя и иноземныя;—названія урочищъ, курганы, ископаемые бытовые остатки и знанія, входящія въ науку народовѣдѣнія.

Изысканія о далекомъ прошломъ народа производятся въ двухъ направленіяхъ: восходящемъ — отъ первыхъ, древнѣйшихъ слѣдовъ къ настоящимъ,—и нисходящемъ—отъ настоящихъ къ предшествующимъ. Записку нашу мы начали съ памятниковъ, до сихъ поръ сохраняющихся, и шли по ихъ остаткамъ и слѣдамъ вещественнымъ и письменнымъ въ глубь прошедшаго, т. е. въ порядкѣ нисходящемъ. Въ этотъ же отдѣлъ мы будемъ слѣдовать, до объясненій объ остаткахъ бытовыхъ, которымъ отведемъ, какъ упомянуто, послѣдній отдѣлъ, направленію восходящему.

При разсмотрѣніи внутренняго строя Новгородскаго государства способъ восходящей наиболѣе пригоденъ: Новгородъ, выросшій на почвѣ страны Ильменской и остававшійся много вѣковъ для нея срединою тяготѣнія,— является отраженіемъ жизни всей страны его Державства, которая, въ свою очередь, почерпаетъ жизненныя силы и средства—въ Новгородѣ.

Внутренній строй всякаго государства слагается въ зависимости отъ пространства его владѣній, населенія и управленія. Съ этихъ трехъ сторонъ мы и разсмотримъ государство Новгородское.

Уже мы говорили, что всѣ земли государства Новгородскаго почитались собственностью Божіей Премудрости, того верховнаго разума, который управляетъ вселенною и является неизсякаемымъ источникомъ блага человѣчества. Поэтому страну Ильменскую будетъ называть владѣніями Св. Софіи.

Пространство владѣній Св. Софіи.

Владѣнія Ильменскихъ Славянъ расширялось отъ первоначальной осѣдлости ихъ во всѣ стороны, по мѣрѣ размноженія первонасельниковъ края и вступленія въ сношенія съ обитателями земель, по которымъ они двига-

лись внутрь страны отъ Ильменской котловины. Это расширеніе происходило въ тѣ отдаленные вѣка, память о которыхъ испарилась въ народномъ преданіи; отъ нихъ намъ, потомкамъ первонасельниковъ, достаются, время отъ времени и въ весьма рѣдкихъ находкахъ, лишь кое-какіе остатки, случайно извлекаемые изъ глубины земли Ильменской. По нимъ можно только догадываться о стародавнемъ владѣніи, и то имѣя предъ глазами обширное собраніе молчаливыхъ свидѣтельствъ прошлаго. Рядъ подобныхъ догадокъ изложенъ въ нашей книгѣ о бытовыхъ остаткахъ каменнаго вѣка; нѣкоторыя мы повторимъ, а нѣкоторыя дополнимъ въ послѣднемъ отдѣлѣ.

Вѣка перволѣтописные и ближайшіе, имъ предшествующіе, даютъ нѣкоторыя, хотя далеко неопредѣленныя указанія на земли Ильменцевъ; доступными же изученію являются только тѣ вѣка, въ которые явилась Русь княжеская. Поэтому статью о пространствѣ владѣній Св. Софіи мы раздѣлимъ на двѣ части;—первую посвятимъ вѣкамъ перволѣтописнымъ вообще всей Европы и русскимъ предлѣтописнымъ, а вторую вѣкамъ русскимъ перволѣтописнымъ и Новгородскимъ—самобытія. Предлѣтописные вѣка являются въ изысканіяхъ о строѣ всякаго государства прямыми наслѣдниками ближайшихъ своихъ предковъ, такъ что первую часть мы озаглавимъ—вѣка древне-лѣтописные, разумѣя обще-европейскіе и русскіе, а вторую—вѣка самобытія.

Вѣка древне-лѣтописные.

Ильменская страна—это область мирнаго развитія Славянства на началахъ обезпеченія труда и обмѣна плодовъ его; населеніе ея выбирало для добыванія средствъ существованія мѣста богатыя звѣремъ, птицей и рыбой; земледѣліе и скотоводство хотя и привлекало трудъ, но не въ широкихъ размѣрахъ: среди лѣсовъ и болотъ и то и другое не могло быть достаточно для роста Славянъ Ильменскихъ;—они шли въ глубь страны и селились тамъ, гдѣ кишилъ пушный звѣрь, шкуры котораго питали и грѣли ихъ. Еще до сихъ поръ въ числѣ селеній полуночья Европы и Азіи, на самыхъ дальнихъ окраинахъ, по берегамъ Ледовитаго моря, встрѣчаются жилыя мѣста и урочища съ названіями, сродными нашему говору, хотя не слышно ни въ какихъ преданіяхъ, чтобы такъ живали русскіе люди.

Нѣкоторые лѣтописные сборники Новгородской семьи, исключенные наукою первой половины текущаго столѣтія изъ числа бытовыхъ доказательствъ, безъ строгаго обзора ихъ содержанія, потому только, что они не согласны съ извѣстіями начальной русской лѣтописи, предъ которою преклонялись послѣдователи знаменитаго Шлецера,—содержатъ указанія на пространство владѣній Ильменцевъ, заслуживающія вниманія. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ сказывается, что „Ильменскіе державцы, основавшіе Славенскъ и Русу, были обладателями всего поморья даже и до Ледовитаго моря, и по великимъ рѣкамъ Печорѣ и Вымѣ и по высокимъ непроходимымъ горамъ во странѣ зовомой Сибирь, по великой рѣкѣ Оби, и до устья

Бѣловодныя рѣки; тамо бо берущe звѣри дики, сирѣчь соболи" (Древ. Рус. Вив. Ч. XVI, стр. 46). Въ другомъ сборникѣ (тамъ-же, стр. 360) говорится объ одновременномъ съ Славенскомъ—на нашемъ Побережьи и Русою на Ильмени возникновеніи города Суждаля, на рѣкѣ Каменницѣ, близъ другой рѣки Нерли, и о распространеніи владѣній его до моря Хвалисскаго (Каспійское) и до моря Венеційскаго (Венеціанскій заливъ) при первомъ князѣ, приходившемся роднымъ братомъ основателямъ Славенска и Русы. Подобныя же сказанія повторяются во множествѣ временниковъ, лѣтописцевъ, хронографовъ и проч., которыхъ сотни собраны и хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ Академіи наукъ— и въ другихъ ученыхъ учрежденіяхъ.

П. А. Лавровскій въ изслѣдованіи о лѣтописи „Якимовской" (С.-Петербургъ, 1855 г.) указалъ достоинства и недостатки сборниковъ Новгородской семьи вообще и Якимовской лѣтописи въ особенности, при посредствѣ научныхъ пріемовъ. Хотя нельзя согласиться со всѣми его взглядами и выводами,—и хотя заключеніе его—о принадлежности второй части обнародованнаго Татищевымъ отрывка этой лѣтописи перу перваго Епископа Новгородскаго (стр. 43—81), только пересказанной архимандритомъ Мельхиседекомъ современнымъ ему слогомъ,—мы не можемъ признать за послѣднее слово науки,—но и не можемъ, въ тоже время, не подчиниться требованію ученаго изслѣдователя, чтобы приговоръ надъ лѣтописными сборниками поздняго состава не былъ поспѣшенъ и чтобы ихъ не бросать, какъ сборники бреденъ досужихъ книжниковъ-сказочниковъ, а имѣть въ виду при всестороннемъ изученіи предметовъ, о которыхъ въ этихъ новыхъ сборникахъ имѣются извѣстія, неподтверждаемыя лѣтописью, древность и подлинность которой не возбуждаетъ сомнѣній.

Такой же взглядъ на поздніе сборники приводится и въ изслѣдованіи академика Бестужева-Рюмина—о составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка (С.-Петербургъ, 1868 г.).

Съ своей стороны, придерживаясь взгляда названныхъ ученыхъ, замѣтимъ, что успѣхи народовѣдѣнія, послѣдняго двадцатилѣтія, видоизмѣняютъ уже, до нѣкоторой степени, заключеніе названныхъ ученыхъ о началахъ олицетвореній, господствующихъ въ нашихъ сборникахъ, принятыхъ составителями ихъ отъ польскихъ лѣтописцевъ XIV—XVI столѣтій, сказанія которыхъ наводнили книгохранилища русскихъ монастырей и частныхъ лицъ-грамотеевъ въ смутное время „лихолѣтья". Въ упомянутомъ сборникѣ, названномъ нами вторымъ, приводятся имена державцевъ, основавшихъ Славенскъ, Русу и Суждаль: „Асанъ, Аѳесхасанъ и премудный Великосанъ";—они почитаются правнуками Афета, третьяго сына Ноева (Др. Рус. Вив. Ч. XIX, стр. 359); въ другихъ сборникахъ такими же правнуками Афета и основателями Славенска и Русы называются Славенъ и Русъ и три брата ихъ: Болгаръ, Команъ и Устеръ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. VII, стр. 170). Олицетворенія въ пяти послѣднихъ именахъ народовъ, извѣстныхъ современникамъ XIV—XVI вѣковъ, естественно;—и до этихъ вѣковъ и послѣ—вновь возникавшіе города получали имена князей, основателей ихъ, таковы: Владиміръ, Юрьевъ, Ярославль, Ивань-городъ, Кіевъ, и пр.;

но едва-ли были извѣстны Польско-Литовско-Русскимъ составителямъ лѣтописныхъ сборниковъ племена Сибирскихъ обитателей, между которыми встрѣчаются и „Ассаны“, давно уже исчезнувшіе. Возможно, поэтому, объяснять личныя имена водителей судебъ народовъ полуночья, встрѣчающіяся въ позднихъ сборникахъ, не однимъ только господствовавшимъ между книжниками домысломъ олицетворенія, а и тѣми древними памятухами, которыя были въ ихъ рукахъ (ср. выше, стр. 74). Возможно, что Сибирскіе выходцы изъ племени Ассановъ сидѣли гдѣ либо въ областяхъ Камы, Волги и другихъ большихъ водяныхъ дорогъ—крупными поселками, на земляхъ Ильменцевъ, которые съ ними сблизились и заносили въ свои записи имена Ассановъ, и другія подобныя.

Для изысканій о пространствѣ владѣній нашей страны не слѣдуетъ, въ виду приведеннаго, пренебрегать никакими лѣтописными сборниками, до сихъ поръ еще валяющимися и въ церковныхъ кладовыхъ и въ темныхъ углахъ старыхъ помѣщичьихъ дворовъ; ихъ нужно пріобрѣтать для дальнѣйшихъ работъ нашего Общества въ этомъ направленіи.

Такимъ же, какъ наши лѣтописные сборники, недовѣріемъ пользуются и сказанія Скандинавскія, повѣствующія о сношеніяхъ Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ съ Ильменскою страною. Для разсматриваемаго предмета особенную важность имѣютъ сношенія съ Біарміею и древнѣйшія границы нашей земли въ сосѣдствѣ съ Норвегіею.

Въ Сагахъ часто упоминается Біарманландія и ея обитатели. Пѣвцы далекаго прошлаго Скандинавіи выводятъ своихъ предковъ, заимщиковъ полуночно-западной окраины Европы, изъ Ильменской страны, изъ Біарміи, или Великой Перміи; по ихъ сказаніямъ князья Пермскіе царствовали еще до Р. Х.; иные изъ нихъ современны Одину; Норманы стремились въ Біармію искать богатствъ; Конунги Норвежскіе и Датскіе женились на Пермскихъ царевнахъ,—изъ за отказа въ сватовствѣ происходили битвы и единоборства;—войны, грабежи, мирныя и родственныя отношенія связывали, такимъ образомъ, Біармію съ Скандинавіею (Опис. Пермской губерніи, страница 39).

По свидѣтельству-ли Сагъ, или только по наблюденіямъ надъ словообразованіемъ языковъ племенъ полуночья стараго свѣта, или потому и по другому основаніямъ вмѣстѣ, Американскіе ученые, знатоки сравнительнаго языковѣдѣнія, называютъ Пермскою семьею преобладающее большинство нарѣчій инородцевъ Сибири. У Мальтбрюна, въ его Précis de la Geographie universelle,—приведенъ перечень словъ изъ говора этихъ инородцевъ и Американскихъ туземцевъ (Часть V, стр. 227—234; Парижское изданіе 1817 года).

Извѣстный научный писатель прошедшаго столѣтія Михаилъ Чулковъ, основываясь на письменныхъ свидѣтельствахъ, говоритъ о Пермской землѣ такъ: „Пермія или Біармія далече простиралась отъ Бѣлаго моря вверхъ около Двины рѣки, гдѣ обиталъ народъ Чудской, сильный, купечествовалъ дорогими звѣриными кожами съ Датчинами и другими Нордманцами. Въ Сѣверную Двину рѣку входили съ моря морскими судами, гдѣ лѣтомъ бы-

вало многолюдное и славное торжище, безъ сомнѣнія гдѣ стоитъ городъ Холмогоры, бывшій столицею древней Біарміи. Изъ древняго города Чердыня, или отстоявшаго отъ него въ 25 верстахъ, на самомъ берегу рѣки Камы, города,—котораго и нынѣ (т. е. въ концѣ прошедшаго столѣтія) знатныя развалины еще видны, гдѣ находятъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, изъ древнихъ купеческихъ городовъ Болгары и другихъ, яко центра Европейской и Азіатской торговли въ Сѣверный океанъ Печерою, а въ заливъ онаго или въ Бѣлое море Двиною, также и изъ Скиѳскаго или Мурманскаго моря въ оные города ходили купеческіе корованы. А иногда Индѣйскіе и Персидскіе купцы изъ Каспійскаго моря рѣками Волгою, Камою, Печерою и Двиною въ Сѣверный океанъ, или по тогдашнему названію въ Скиѳское море, для торговли съ Швеціею, Норвегіею и прочими государствами приходили" (Историческое описаніе Россійской коммерціи, сочиненное Михаиловъ Чулковымъ; 21 часть; С.-Петербургъ 1781—1788 гг. Ч. I стр. 95).

Подтвержденіемъ приведеннаго описанія служатъ находки, обнаруженныя въ Пермской землѣ въ теченіе времени съ конца прошедшаго и до 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, между которыми преобладающими являются монеты Сассанидскія, Абассидскія и Византійскія, изданныя между V и XI вѣками, а также, хотя въ количествѣ значительно меньшемъ, Германскія XI—XII вѣка. Найдены въ области рѣки Камы, около Казани и въ Яранскомъ уѣздѣ, серебряныя Новгородки. Кромѣ монетъ извѣстны въ числѣ находокъ издѣлія изъ серебра, мѣди и желѣза, собранныя въ Пермской же землѣ; нѣкоторыя съ художественною отдѣлкою въ Азіятскомъ вкусѣ; въ числѣ желѣзныхъ оказывается остатокъ кольчуги—русской работы. Свѣдѣнія о Пермскихъ находкахъ разбросаны въ изданіяхъ Археологическихъ учрежденій и Обществъ и въ повременныхъ изданіяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

Кромѣ Сагъ говорятъ о Біарміи Скандинавскіе лѣтописцы, показанія которыхъ считаются достовѣрными,—такъ: а) Норвежскій мореплаватель Отеръ, окружившій, въ 870 году, мысъ Нордъ-Капъ, разсказывалъ Конунгу Альфреду Великому, записавшему его слова, что Біармія лежитъ по рѣкѣ Двинѣ, и что обитатели ея хорошо обработывали землю и говорили, повидимому, одинаковымъ съ финнами языкомъ (Карамзинъ, Ч. I, стр. 22); и б) Лѣтописецъ Исландскій XIII вѣка, мѣстный блюститель законовъ Стурлезонъ, свидѣтельствуетъ, что въ началѣ XI вѣка былъ въ Біарміи большой городъ; къ нему лѣтомъ съѣзжались Скандинавскіе купцы;—Норвежцы Тореръ и Карлъ посланы были туда для торговли самимъ королемъ Олофомъ. Приплывъ въ этотъ городъ ко времени съѣзда и накупивъ мѣховъ, они вздумали еще ограбить кладбище, зная обычай обитателей страны зарывать въ могилахъ часть богатства, оставляемаго умершими. Кладбище было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на площади, стоялъ истуканъ Йомалы (бога) съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ,—а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь и похитили все, что могли; но желая еще снять съ

идола ожерелье, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову. Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ; стража кладбища пробудилась и начала трубить въ рога; воры побѣжали; жители погнались за ними съ воплемъ, окружили грабителей со всѣхъ сторонъ,—но не умѣли схватить ихъ, такъ что Норвежцы благополучно добрались до своихъ кораблей и скрылись" (Стурлезонъ, Hist. Reg. Septen. Ч. I, глава CXLII—de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Саги описываютъ подробно храмъ Йомалы: „Построенный весьма искусно, изъ самаго лучшаго дерева, храмъ этотъ богато украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, ярко освѣщавшими всѣ окрестныя мѣста (значитъ это украшенія наружныя). На головѣ бога блестѣла золотая корона, съ двѣнадцатью рѣдкими камнями;—ожерелье его цѣнилось въ сто пятьдесятъ фунтовъ золота (300 марокъ); на колѣняхъ идола стояла золотая чаша такихъ размѣровъ, что четыре человѣка могли напитаться изъ нея досыта; она наполнена была золотыми монетами; одежда Йомалы превосходила стоимостью грузъ трехъ богатѣйшихъ кораблей" (Sturlaugs saga, стр. 47—49; Herrauds и Bosa Saga, стр. 33, въ Шлецеровой Исторіи Сѣвера, стр. 439. У Карамзина, Ч. II, примѣч. 62). Выписки изъ Сагъ приводятся для того, чтобы судить вообще о достоинствѣ Сагъ, какъ бытовыхъ свидѣтельствъ. Въ существѣ всѣ три Саги повторяютъ извѣстіе Стурлезона о богатствѣ Біармійцевъ.

Въ Торфеевой Исторіи Норвегіи и въ упомянутыхъ Сагахъ нашъ Новгородъ называется Холмгардомъ: Торфей говоритъ, что этотъ Холмгардъ былъ древнею столицею и княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Извѣстно, что Ярославъ Мудрый былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери Шведскаго короля Олофа (Стурлезанова Исторія Ч. I, стр. 517), того самаго, который послалъ Торера и Карла въ Біармію. Стурлезонъ, сохраняя извѣстіе о грабительствѣ этихъ купцовъ и вообще о Біарміи, не называетъ города, въ который съѣзжались каждое лѣто торговцы; не называлъ онъ и въ Отеровомъ путешествіи. Писатели Струбе (Dissertation sur les anciens Russes, стр. 36,—по Карамзину въ выше названномъ примѣчаніи) и Миллеръ полагаютъ, что Торфеевъ Холмгардъ—это городъ Холмогоры. Но Карамзинъ рѣшительно опровергаетъ это мнѣніе, доказавъ, что Колмогоры появляются въ нашихъ письменныхъ свидѣтельствахъ не раньше XIV вѣка. Ссылаясь на знатока полуночья Россіи Крестинина, архангельскаго уроженца, сказывающаго, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцова, Качкова и Падрокурья, и зная, что на языкѣ Финновъ слово Колмъ (у Финляндцевъ—Колома) означаетъ числительное три, Карамзинъ предполагаетъ, что названіе этого города сложилось изъ Русско-Финской рѣчи, подсказывая тѣмъ путь къ заключенію о населеніи Біарміи Финнами. Вѣроятно Финское слово Юмала—Богъ тоже входило въ разсчетъ нашего бытописателя.

Пѣвецъ Калевалы называетъ вѣчнаго Кузнеца-Чудодѣя „Ильмариненъ". Въ Эстляндіи до сихъ поръ встрѣчаются родовыя прозвища Ильмаръ.

Сопоставляя всѣ наши краткія замѣтки и выписки взаимно, мы приходимъ къ выводу, что Біармія Скандинавовъ—это Ильменская страна вѣковъ предлѣтописныхъ, что тотъ городъ, къ которому съѣзжались Скандинавскіе торговцы Стурлезона, или Новгородъ, или Ладога, и что въ IX вѣкѣ Побережья Бѣломорско-Двинскія были заняты Ильменцами—мирными жителями поморья. Будь она не наша, кто же ея насельники, куда они дѣлись! Богатые сношеніями съ срединною Азіею, жившіе въ довольствѣ и роскоши (серебряные сосуды въ находкахъ), торговавшіе еще въ V вѣкѣ по Р. Х., они не могли—ни исчезнуть безслѣдно, ни переродиться, съ XI вѣка, до того жалкаго состоянія, въ которомъ находятся тамошніе насельники ближайшихъ къ намъ вѣковъ и нынѣшніе инородцы-кочевники. Можно догадываться, что Карамзинъ таилъ въ себѣ это же мнѣніе, возражая Струбе и Миллеру на ихъ Гольмградъ-Холмогоры, но не высказался, чтобы не стать въ прямое противорѣчіе съ Шлецеромъ и его Геттингенскимъ братствомъ. Сдѣлавъ возраженіе, онъ ограничился приведеніемъ доводовъ, что Гольмгардъ Торфея и прочихъ Скандинавскихъ писателей—есть Новгородъ, а не Колмогоры и не тотъ Холмоградъ, который, прибавимъ, видѣли Болтинъ, въ возраженіяхъ на Леклерка, и Татищевъ—въ нашемъ большомъ Мстинско-Ильменскомъ селѣ Бронницѣ, расположенномъ близъ высокаго холма. Если-бы не скромность великаго бытописателя Россіи предъ всемогуществомъ на западѣ Европы Геттингенскаго учителя, онъ, конечно, договорилъ-бы начатое указаніемъ на Новгородъ. Ладогу мы предполагаемъ Біармійскимъ торговымъ съѣздомъ потому, что, какъ замѣчено уже, Берманнъ, основываясь на свидѣтельствѣ Сагъ, призналъ не только проживаніе въ этомъ городѣ, еще въ 1060 году, чужеземныхъ купцовъ, но и построеніе Нѣмцами въ немъ католической церкви. Оставляя до четвертаго отдѣла вопросъ объ основательности или баснословіи сказаній Сагъ о выселеніи Датчанъ на Балтійско-Нѣмецкое поморье изъ Біарміи, какъ страны Ильменской, нѣтъ надобности не довѣрять свидѣтельству ихъ о женитьбѣ Датскихъ царей на Біармійскихъ царевнахъ: Ярославъ и Ингигерда, Гаральдъ и Елизавета Ярославовна—не далеки отъ времени Сагъ. Еще ближе къ нимъ Бравалиновъ походъ на Сурожъ съ Новгородцами, Иворъ и улица его имени въ Новгородѣ.

Итакъ, страна Ильменская занимала въ предлѣтописные—русскіе вѣка все полуночье Европы, извѣстное Скандинавамъ подъ названіемъ Біарміи,—простираясь за Уральскія горы.

Какъ далеко страна наша лежала отъ полуночья къ западу въ тѣже предлѣтописные вѣка, мы видимъ изъ пергаментной грамоты, написанной рунами, и напечатанной въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ въ 1677 году. Мѣстный ученый Спарфенфельдъ получилъ ее отъ пастора Николая Голфварда. Эта грамота имѣетъ предметомъ распредѣленіе границъ между нашею страною и Свенономъ I, Датскимъ королемъ, жившимъ въ X вѣкѣ; ею предоставляется государю русскому брать дань съ жителей приморскихъ, горныхъ и лѣсныхъ, до самыхъ полуночно-восточныхъ предѣловъ Норвегіи (Карамзинъ, Ч. II, примѣч. 61). До котораго мѣста доходили восточно-полуночные предѣлы Норвегіи при Свенонѣ I—мы не знаемъ, но существованіе

до сихъ поръ округа съ названіемъ „Богусланъ“, образовавшимся вѣроятно изъ Богуслава, въ которомъ, на горѣ Книппельсбергъ, открыты высѣченныя на утесѣ древнія изображенія гребныхъ судовъ (Mémoires de la société Royale des antiqvaires du Nord, 1840—1844. Copenhagen pag. 139) и нашего города Колы—не уменьшаютъ пространства Ильменской земли въ сторону Норвегіи сравнительно съ нынѣшнею границею здѣсь Россіи. Руническая грамота вызывала и вызываетъ подозрѣнія въ подлогѣ;—не особенно довѣрчиво относится къ ней и Карамзинъ. Однакожъ ни кто изъ сомнѣвающихся не представилъ не только вѣскихъ, но даже и какихъ либо основаній подлога. Мы упоминали уже о мирномъ договорѣ, учиненномъ между Норвежцами и Новгородцами въ 1326 году; въ этомъ памятникѣ сказывается, что договаривающіяся стороны утверждаютъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, какіе и прежде были между предшественниками ихъ, и что они устанавливаютъ границы обоихъ государствъ и права на земли, каждому принадлежащія, по древнему разграниченію или раздѣленію оныхъ: „Secundum antiqvam terrae consideracionem vel divisionem“ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Ч. V, стр. 125). Значитъ существовали и до этого времени мирные договоры о границахъ; событія, предшествовавшія заключенію договора 1326 года, изложены въ лѣтописи нашей подъ 1322 и 1323 годами; подъ послѣднимъ говорится о сооруженіи города „на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ“ (Орѣшекъ—Шлиссельбургъ; I Нов. лѣт. годы 6830 и 6831, стр. 72—73). Указаніемъ на протяженіе земли Ильменской въ даль полночно-западной окраины Европы служитъ отмѣтка подъ 1256 годомъ, описывающая походъ Св. Александра Невскаго съ своими, княжескими, дружинами и съ полками Новгородскими такъ: „и бысть золъ путь, аки не видали ни дни, ни ночи, и многимъ шестникомъ (княжескимъ дружинникамъ) бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ сблюде,—пріидоша (обратно) вси здорови“ (тамъ-же, годъ 6764, стр. 56). Въ одномъ изъ сборниковъ позднаго состава, напечатанномъ въ 1774 году подъ названіемъ Древняго Лѣтописца, записанъ пересказъ этого похода нѣсколько иначе: „идоша непроходными мѣсты, яко невидѣша ни дни, ни нощи, но всегда тьма; и тако шедше повоеваше все поморіе и сомногимъ полономъ и богатствомъ безчисленнымъ возвратишася во свояси“ (Древ. лѣт. Ч. I, стр. 4). Распространительное-ли, этотъ пересказъ, объясненіе отмѣтки древней памятухи, или онъ принадлежитъ очевидцу похода? Изслѣдователь „Состава Русской лѣтописи“ видитъ первое,—хотя, на нашъ взглядъ, можно принять и второе. Участникъ труднаго похода, будучи грамотнымъ, могъ точнѣе опредѣлить „Злой путь“. Выраженіе „аки не видали ни дни ни почи“ нѣсколько переиначено и въ Татищевскомъ сборникѣ;—тамъ сказано: „нъ не вѣдали бяшетъ ни дни, ни нощи“ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 534);—составитель этого сборника понялъ древнюю отмѣтку или въ нынѣшнемъ смыслѣ объясненія трудныхъ занятій: „нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью“,—на что она не даетъ права по нашему мнѣнію,—или,—что „во время всего похода была постоянная тьма и ратники незнали когда день, когда ночь“. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Татищевская будетъ согласоваться съ словами, какъ древняго лѣто-

писца — „но всегда тьма“, такъ и первой Новгородской лѣтописи — „не видѣли ни дня, ни ночи“. Какъ-бы ни толковать сомнительныя слова, — нельзя не обратить вниманіе на выносливость Новгородцевъ, и не объяснять ее привычкою къ трудному походу въ далекія края полуночья, тогда какъ дружинники князя, люди небывалые, погибали въ изнеможеніи. Такимъ образомъ мы усматриваемъ изъ отмѣтки 1256 г. и изъ договора 1326 г., что Ильменцы владѣли съ давнихъ, долѣтописныхъ, временъ полуночно-западною окраиною и внесли туда желѣзо, и что въ вѣчномъ кузнецѣ Калевалы олицетворена наша страна; она ознакомила Емь и Сумь съ этимъ благодѣтелемъ трудящагося люда. Поэтому Руническая договорная грамота скорѣе подлинна, чѣмъ подложна.

Таковы данныя для дальнѣйшихъ изысканій о пространствѣ земли Ильменской въ предлѣтописные вѣка между Обью и Норвегіею, по береговой полосѣ Ледовитаго моря.

Какъ далеко спускалась намѣченная полоса въ восточно-полуденномъ направленіи въ тѣже предлѣтописные вѣка, можно примѣтить въ сказаніяхъ арабскихъ писателей и въ изысканіяхъ — отечественныхъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ сказаніямъ иноземцевъ, надобно сдѣлать общую по отношенію ко всѣмъ имъ безъ исключенія оговорку. Самовидцы повѣствуемаго, между тѣми изъ нихъ, которые жили въ IX — XIII вѣкахъ, весьма рѣдки; писали они по слуху отъ путешественниковъ торговцевъ, которые, возвратясь на родину изъ дальнихъ странъ, были предметомъ общаго любопытства; ихъ распрашивали и надоѣдали, конечно, какъ и теперь случается нерѣдко; чтобы отдѣлаться отъ докучливости съ одной стороны и чтобы порисоваться своими наблюденіями передъ именитыми домосѣдами-книжниками — съ другой, — торговцы-путешественники говорили въ одномъ случаѣ, что на умъ взбредетъ, а въ другомъ „къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгали“. Конечно не слѣдуетъ ставить разскащиковъ повальными вралями, но безусловно необходимо относиться къ повѣствуемому со словъ ихъ съ особенною осторожностью, и искать подтвержденій въ другихъ обстоятельствахъ и данныхъ. Къ тому-же рукописи средне-азіатскихъ повѣствователей, время отъ времени встрѣчаемыя въ мѣстныхъ и Европейскихъ книгохранилищахъ, болѣе чѣмъ какія либо другія открываютъ широкое поле для толкованій; звуковые знаки азіатовъ не имѣютъ Европейской цѣльности и опредѣленной законченности; тамъ какой нибудь крючекъ, завороченный вправо или влѣво, вверху, или внизу, болѣе или менѣе — имѣетъ разныя значенія; тоже и съ точками: поставленная впереди звуковаго знака, — она даетъ ему одно выраженіе, сверху — другое, слѣва — третье и т. д. до безконечности. Любители и знатоки древней-азіатской письменности, посвящающіе на изученіе ея цѣлую жизнь, все-таки не рѣдко становятся въ тупикъ передъ своеобразнымъ почеркомъ какого-нибудь араба, и даютъ иногда крайне противорѣчивыя объясненія значенія его заковыки, крючка, или точки.

Горныя породы въ нашихъ Коломецкихъ находкахъ ведутъ къ заключенію о знакомствѣ Ильменско-Волховскихъ побережанъ съ отдаленными

странами, и даже съ Сибирью, еще съ ледниковыхъ вѣковъ; рѣки Ильменской водной области служили торнымъ путемъ въ предѣлы Симовы во времена предлѣтописныя; Волга была между ними царицею и вводила отважныхъ Ильменцевъ въ края невѣдомые. Засѣвъ съ незапамятныхъ временъ укрѣпленными поселками по великому водному пути, по Волгѣ, Камѣ и Печорѣ, а также по многочисленнымъ притокамъ ихъ, Ильменцы прославились своею предпріимчивостью и отвагою среди вялыхъ выходцевъ Азіи, съ незапамятныхъ же вѣковъ ютившихся около рѣкъ пріуралья, и освоившихся съ нашимъ говоромъ;—эти боязливые рыбоѣды, вѣроятно, и прозвали ихъ Славянами и Русами. Послѣднее слово „Русь" наши языковѣды начинаютъ производить отъ Готскаго Hrôthis, hrôs, означающее, по чтенію у Ульфилы, побѣдоносный, славный (А. С. Будоловичъ—докладъ его на VIII Археологическомъ съѣздѣ 1890 г., въ Москвѣ). Вопросъ о происхожденіи Руси, какъ особаго племени, разработывается безплодно уже болѣе полутораста лѣтъ. Профессоръ Будиловичъ открываетъ, направляя его въ сторону Готовъ, новое поле, пустынное не менѣе другихъ, по которымъ ходили его предшественники; но онъ не затрогиваетъ вопроса съ племенной точки зрѣнія, а пробуетъ объяснить происхожденіе названія народа Готскимъ словомъ, означающимъ храбрость, отвагу. Памятны еще Эверсовы русскія хеландіи, то есть красныя греческія ладьи, производства имени Русъ, Русь отъ рыжихъ волосъ—и многія другія, въ состоятельность которыхъ давно уже извѣрились строгіе изслѣдователи. Насколько долговѣчно и жизнеспособно будетъ объясненіе г. Будиловича—укажетъ время. Подходя къ своему заключенію, языковѣдъ набираетъ изъ живого русскаго говора съ полтора десятка словъ, происшедшихъ, будто-бы, отъ языка Готскаго, такъ: князь, витязь, мзда, шлемъ, броня, мечъ, лихва, мыто, попъ, колоколъ, лѣкарь, мощи, скотъ, церковь, говѣти, ликъ, рака;—съ особеннымъ удареніемъ онъ останавливается на необычномъ для Славянской рѣчи окончаніи названія народа на ь (Русь), наконецъ указываетъ на существованіе, будто-бы, въ долѣтописной Руси цѣлой Готской области, называемой Рось-Готландіей, около Кіевскихъ предѣловъ, области важной, срединной у Остъ-Готовъ и принадлежавшей одно время царю Германарику (IV вѣкъ по Р. Х.), которому въ Сагахъ, по словамъ г. Будиловича, приписывается даже названіе „Росъ". Въ концѣ концовъ языковѣдъ относитъ рѣчь Готовъ и, стало-быть, ихъ самихъ—къ восточно-германской вѣтви народовъ Европы, которая, какъ увидимъ ниже,—Славяно-Литовскаго происхожденія.

Но когда и откуда пришли въ Европу Готы—вопросъ еще не рѣшенъ. Мы знаемъ, что племена, бывшія въ предлѣтописныя времена сосѣдями Ильменцевъ, назывались словами, имѣющими такое же, какъ и „Русь" окончаніе: весь, чудь, ямь, жмудь, ливь, сумь и проч.; какому говору принадлежатъ эти, оканчивающіяся на ь имена, такому и Русь; если Готы сродни перечисленнымъ племенамъ, въ такомъ случаѣ ихъ „Русь, Росъ" будутъ переводомъ „Словъ—Славный, Славянинъ".

Насколько правды въ Готскомъ происхожденіи перечисленныхъ г. Будиловичемъ словахъ, судить не беремся, но по нѣкоторымъ изъ нихъ, напри-

мѣръ—броня, колоколъ, лѣкарь, мощи, шлемъ—полагаемъ, что правды тутъ немного; если она и присутствуетъ—то подъ густымъ прикрытіемъ. Въ *бронѣ*—слышится всенародное—*оборони Богъ* т. е. побори недруга, зло и проч.;—въ *колоколѣ*—два круга: вверху одинъ, внизу другой,—а кругъ по древне-славяно-русскому говору—есть *коло*, отъ котораго наплодилось множество словъ, совмѣщающихъ представленіе о кругломъ и полномъ: кольцо, колесо, колода, около, околышъ, околодокъ и т. п.;—въ *лѣкарѣ*,—слѣдуетъ писать лекарь,—слышится тотъ, кто даетъ больному „легость" облегчаетъ его страданія, какъ и знахарь; слово легость имѣетъ такую же больную семью, какъ и коло;—въ *мощахъ*—вѣрующіе видятъ чудодѣйственную могучесть, мочь, мощность;—слова эти тоже не бобылями живутъ и жили въ народномъ говорѣ;—наконецъ *въ шлемѣ*—мы узнаемъ прикрытіе „чела"—т. е. лба, головы,—извѣстное въ древности подъ названіемъ Шелома; переходъ звукового знака *ч* въ *ш*—всѣмъ понятенъ.

Такимъ образомъ, не зная, откуда и когда появился въ Европѣ народъ, прозванный впослѣдствіи Готами, и не считая полезнымъ входить въ поиски за нимъ, и за прочими прозвищами, слагающимися въ зависимости отъ случайностей, иной разъ совсѣмъ ничтожныхъ, укажемъ только на многочисленность собранныхъ народовѣдами данныхъ, устанавливающихъ своею совокупностью и разновидностями вѣроятность притока къ ледниковымъ Европейцамъ и ближайшимъ ихъ потомкамъ каменнаго вѣка многоразличныхъ выходцевъ изъ Азіи и Африки,—въ особенности же изъ нашей Сибири. Готами прозваны, вѣроятно, подобные Урало-Алтайскіе выходцы уже впослѣдствіи, когда они, смѣшавшись съ какою-либо обособившеюся отъ коренныхъ Европейцевъ вѣтвью, сплотились въ крѣпкое цѣлое, образовавъ сильную общину, получившую отдѣльное отъ другихъ, сосѣднихъ, наименованіе. Слова—росъ, рось, русь могли принадлежать изобрѣтенію которыхъ либо изъ Урало-Алтайскихъ выходцевъ, сидѣвшихъ въ Волжско-Камской области, и выражавшихъ ими отвагу, смѣлость,—качества, равносильныя означаемому словами—Слава, Славный, и присущія древнимъ Ильменскимъ славяно-русамъ; отъ такихъ выходцевъ возможно отдѣленіе отпрыска, двинувшагося въ глубь Европы, унесшаго съ собою слова Рось, Русь, и насадившаго ихъ на той почвѣ, которая выростила впослѣдствіи Готовъ.

Азіатскіе торговцы часто посѣщали Булгаръ-Камскій и Болгаръ-Волжскихъ; отъ нихъ и заимствованы Арабскими, Персидскими и другими писателями свѣдѣнія о Славянахъ и Руси, конечно общія, мимолетныя и не всегда правдивыя.

Сдѣлавъ необходимую, на нашъ взглядъ, оговорку, обратимся къ извѣстіямъ арабовъ, относящимся до предѣловъ страны Ильменской, какъ земли Славяно-Русской, въ названномъ восточно-полуденномъ направленіи отъ Ледовитаго побережья.

По приведеннымъ почтеннымъ Д. А. Хвольсономъ, великимъ знатокомъ и строгимъ объяснителемъ восточныхъ языковъ и нарѣчій, свѣдѣніямъ древнѣйшимъ изъ Азіатскихъ писателей, упоминающихъ о Славянахъ и Руси, является Ибнъ-Хордадбехъ, рукопись котораго недавно издана арабистомъ

Де-Гуе. Она составлена въ 847 году, слѣдовательно до сомнительнаго времени основанія нашей государственной жизни за 15 лѣтъ. Этотъ писатель говоритъ, между прочимъ, что въ Багдадѣ проживали Славянскіе плѣнники-евнухи, служившіе, въ случаѣ нужды, переводчиками для Руссовъ, пріѣзжавшихъ въ столицу Халифовъ со своими товарами съ полуночья — по Дону, Волгѣ и Каспію. Въ другомъ мѣстѣ онъ свидѣтельствуетъ, что русскіе купцы, принадлежащіе къ Славянамъ, привозятъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ Славянскихъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи — къ берегу Румскаго моря, то есть Чернаго, гдѣ оно касается Византіи, и къ Босфору. Оба эти показанія драгоцѣнныя для изысканій о Славянахъ и Русахъ, и не возбуждающія никакихъ сомнѣній въ пристрастности — удостовѣряютъ, что Славяне и Русы говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, — иначе первые не могли-бы служить переводчиками въ торговыхъ дѣлахъ русскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ въ Багдатъ; что земли Славянъ, торговцы которыхъ назывались купцами русскими, отстояли очень далеко отъ Румскаго, или Чернаго моря, — и что Руссы пріѣзжали въ Багдатъ съ полуночья, плавая Волгою, которую Ибнъ-Хордадбехъ называетъ Славянскою рѣкою. Никакою иною, подходящею подъ это свидѣтельство, Славянскою землею не могла быть, кромѣ Ильменской: она самая отдаленнѣйшая изъ всѣхъ Славянскихъ относительно береговъ Чернаго моря и Босфора, и обнимавшая, если не половину всего верхняго теченія Волги, то, во всякомъ случаѣ, значительную часть его. Коломецкія находки показали, что бобры водились въ самомъ Пріильменьи еще въ каменный вѣкъ.

Слѣдующимъ за Ибнъ-Хордадбехомъ, въ нисходящемъ порядкѣ, признается упомянутый уже въ статьѣ о Клейменыхъ Сѣняхъ Ибнъ-Даста; онъ жилъ въ концѣ IX и въ X вѣкѣ; въ 903 году уже путешествовалъ и былъ въ Мединѣ на поклоненіи магометанской святынѣ. Сочиненіе его, относящееся къ разсматриваемому предмету, озаглавлено: „Книга драгоцѣнныхъ драгоцѣнностей". Оно писано около 913 года; — открыто, переведено на русскій языкъ съ обширными объясненіями и издано Профессоромъ Д. А. Хвольсономъ, по случаю пятидесятилѣтія Петербургскаго Университета, въ 1869 году.

Въ высшей степени цѣнныя указанія этого писателя о Славянахъ и Руси вообще, обнимая бытовыя стороны ихъ жизни, содержатъ свидѣтельство, повторяемое другими соотечественниками его, писателями же, болѣе поздняго времени, о торговлѣ ихъ, Славянъ и Руси, съ Болгарами и Хозарами. Ибнъ-Даста говоритъ: „всѣ изъ Русовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Волги, везутъ къ Болгарамъ товары свои, какъ то: мѣха собольи, горностаевы, бѣличьи и другіе; по его свѣдѣніямъ Волга, на берегу которой жили Болгаре, протекала между землями Хозаръ и Славянъ. Важнымъ представляется указаніе на грабежи и набѣги Руси на Славянъ, къ поселеніямъ которыхъ Русь подъѣзжаетъ на корабляхъ. Вспомнимъ нашихъ ушкуйниковъ и „людей молодыхъ", а также показаніе лѣтописи подъ 892 годомъ, гдѣ отмѣчено: „иде князь Великій Владиміръ въ Словяны въ Суждальскую землю" (Др. Рус. Вив. Ч. XV, стр. 65, и Супр. лѣт.).

Ибнъ-Даста въ своей книгѣ говоритъ о Буртасахъ и Мадьярахъ; земля первыхъ лежала между Болгарами и Хозарами,—царю послѣднихъ они были и подчинены;—эти Буртасы имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду; земля ихъ смежна съ Болгарскою, въ которую они привозили для продажи медъ и мѣха. Въ Поволжьи, близъ берега, есть до сихъ поръ селеніе Буртасъ въ области верхняго теченія. Но сомнительно, если это селеніе остатокъ земли Буртасовъ Ибнъ-Даста, чтобы тутъ держались верблюды, хотя и не невозможно; каковы были условія здѣшней природы въ X вѣкѣ мы не знаемъ; не знаемъ также о какомъ времени собственно говоритъ арабскій писатель, о своемъ-ли, или о болѣе раннемъ? У селенія Буртасъ г. Головкинскій, въ 1867 году, на древнемъ прибережьи Волги, нѣсколько приподнятомъ, открылъ залеганіе костей Носорога вмѣстѣ съ отточенными каменными орудіями (А. А. Иностранцевъ; Геологія. Ч. II, стр. 482, по изданію 1887 года) Значитъ побережье Волги было, въ мѣстности Буртасской, заселено людьми въ вѣка отдаленнѣйшіе. Если Ибнъ-Даста пишетъ о Буртасахъ по слуху, возможно, что свѣдѣніе о верблюдахъ дошло до него уже какъ преданіе.

Возможно также, что Буртасы къ времени Ибнъ Даста спустились по Волгѣ и заняли степную страну за лѣвымъ ея берегомъ. О Мадьярахъ этотъ писатель говоритъ, что они жили между землею Печенѣговъ и Болгарскихъ Эсегель,—гдѣ одинъ изъ краевъ страны ихъ; другой край, противоположный, приходится между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Послѣдующіе писатели селятъ Мадьяръ между Волгою и Дономъ. Эсегель, по объясненію Д. А. Хвольсона, лежитъ въ области Дуная, въ Седмиградіи.

Ближайшимъ, по времени, къ Ибнъ-Даста является Ибнъ-Фодланъ. По мнѣнію Профессора Хвольсона, сочиненіе свое онъ писалъ около 922 года. О торговлѣ Русовъ съ Болгаромъ Ибнъ-Фодланъ говоритъ тоже, что и Ибнъ-Даста; но онъ сообщаетъ, сверхъ того, что видѣлъ торгующихъ Русовъ на берегахъ Волги, куда они возили невольниковъ и собольи мѣха; тамъ они оставались довольно долго и даже строили себѣ деревянные дома по берегу рѣки.

Массуди, писавшій лѣтъ 20 послѣ Ибнъ-Фодлана, слѣдовательно около 940 года, повѣствуетъ, что Русы, торгуя съ другими Славянами по Волгѣ, имѣли въ Итилѣ, Хозарской столицѣ, постоянныя жилища и судью для рѣшенія своихъ дѣлъ. Но подъ Русами онъ разумѣетъ тѣхъ, которые сидѣли въ его время на Черномъ морѣ. Для нашего предмета извѣстіе Массуди полезно въ томъ отношеніи, что, по его словамъ, Русы состоятъ изъ различныхъ племенъ, или, какъ передаетъ слова его Профессоръ Хвольсонъ,—изъ многихъ народностей разнаго рода; этотъ писатель, значитъ, считаетъ Русовъ не особымъ какимъ нибудь племенемъ, а тѣми же Славянами,—то есть Русами онъ называетъ всѣхъ вообще насельниковъ земель теперешней Россіи,—въ томъ числѣ и Нормановъ; подъ этими послѣдними Массуди разумѣетъ тѣхъ Русовъ, которые торговали не по одной только Волгѣ съ Болгаромъ и Хозаріею,—а также и съ Испаніею, Римомъ и Константинополемъ.

Наконецъ остановимся на Абу-Зейдъ-Эль-Балхи, писавшемъ почти одновременно съ Массуди,—около 950 года. Нѣкоторыя извѣстія онъ списывалъ съ Ибнъ-Фодлана слово въ слово. Для насъ особенно цѣнны три свидѣтельства Эль-Балхи: а) что медъ и воскъ привозятся къ Хозарамъ изъ земли Русовъ и Болгаръ,—б) что мѣха бобровые получаются только въ тѣхъ рѣкахъ, которыя текутъ въ странахъ Болгара, Руси и Куяба (это Кіевъ),—кромѣ этихъ мѣстъ бобровъ, по словамъ Араба, нигдѣ не найдешъ; и в) что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно есть ближайшее къ Болгару; царь его живетъ въ столицѣ по имени Куяба,—которая больше Болгара, другое, отдаленное отъ Болгара, называется Селавія; третья племя называется Барманія; царь его живетъ въ Абармѣ. Болгары ходятъ по дѣламъ торговли къ Куябу; что же касается Абармы, туда никто не ходилъ, ибо жители этой страны убиваютъ всякаго, появляющагося въ землѣ ихъ, иноземца; сами же обитатели Барманіи приходятъ въ Болгаръ водою для торговли, но ничего не говорятъ о своей странѣ и никому не позволяютъ провожать ихъ обратно; изъ Абармы вывозятъ черныхъ соболей и свинецъ. Русы народъ многочисленный и столь сильны, что налагаютъ дань на сосѣднія съ ними земли. Профессоръ Хвольсонъ, равно и другіе объяснители арабскихъ писателей, первое мѣсто между которыми принадлежитъ Френу, признаютъ Куябу за Кіевъ, а Селавію за нашу Ильменскую страну; относительно третьяго племени Руси мнѣнія ученыхъ расходятся. Мы вовсе не знакомы съ восточными языками, потому входить въ основанія того, или другого изъ мнѣній знатоковъ не считаемъ себя въ правѣ. Но послѣдовательность въ сужденіяхъ Д. А. Хвольсона, доступныхъ нашему разумѣнію, ясность въ изложеніи и убѣдительность его окончательныхъ выводовъ по предметамъ для насъ нѣсколько знакомымъ,—склоняютъ насъ на его сторону. По мнѣнію Д. А. Хвольсона, разобравшагося напередъ со всѣми толкованіями другихъ знатоковъ и записями восточныхъ повѣствователей, жившихъ и путешествовавшихъ послѣ Эль-Балхи, разновременно,—Барманія—это Біармія Скандинавовъ и наша великая Пермія,—а народъ ея—Пермяна.

Склоняясь на сторону приведеннаго мнѣнія, считаемъ полезнымъ остановиться и на объясненіяхъ Френа. Этотъ знаменитый ученый полагаетъ, что имя третьяго племени Руси, по Эль-Балхи, слѣдуетъ читать „Эртсанія"—и видитъ въ немъ Мордовское племя Ерзянъ, жившее на Окѣ, около Нижняго-Новгорода, а отчасти и нынѣ живущее тамъ; имя столицы третьяго племени онъ читаетъ „Эрса" или „Артса" и думаетъ видѣть въ немъ нынѣшній Арзамасъ. Мы знаемъ, какъ коверкаются чужеязычныя слова вообще;—Азіатскіе путешественники, какъ и всѣ, даже намъ современные, записываютъ названія личныя и урочищъ, обращающихъ на себя вниманіе, звуковыми знаками своего говора;—сколько можно примѣтить изъ произношенія нынѣшнихъ торговцевъ:—татаръ, грузинъ, турокъ и нѣкоторыхъ другихъ,—въ говорѣ ихъ не примѣтно сочетанія звуковъ, подобнаго нашему *зы*. Да простятъ насъ знатоки, если мы выскажемъ догадку: не слышится-ли въ названіи племени—Ерзане имя Зыряне? Если-бы это

было такъ,—мнѣнія ученыхъ, Хвольсона и Френа, сошлись-бы къ единомыслію.

Примѣчаніе. Всѣ свѣдѣнія о сказанныхъ восточныхъ писателяхъ мы взяли изъ упомянутой книги Д. А. Хвольсона, а также изъ изслѣдованій:—Савельева—Мухамеданская нумизматика и Гаркави—сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси. Книги эти,—всѣ, написаны такъ увлекательно, что ссылки на страницы нашихъ заимствованій не нужны будутъ тому, кто пожелалъ-бы читать ихъ: начавшій—непремѣнно кончитъ каждую книгу; хотя пятая часть содержанія ихъ писана по-арабски,—но подстрочный—объяснительный переводъ, особено въ книгѣ Хвольсона, не даетъ чувствовать въ этомъ недостатка; ссылокъ на страницы намъ пришлось-бы дѣлать очень много, а это затрудняетъ всегда теченіе мысли при чтеніи.

Итакъ среднеазіатскіе и вообще арабскіе писатели упоминаютъ о Славянахъ и Руси, какъ обитателяхъ Волги и Камы. Старѣйшій изъ нихъ, Ибнъ-Хордадбехъ, знаетъ этихъ Славянъ и Русь съ первой половины девятаго вѣка; но онъ писалъ со словъ своихъ соотечественниковъ—торговыхъ путешественниковъ, а быть-можетъ и на основаніи извѣстій, заимствованныхъ изъ книгъ болѣе древнихъ, до нашего времени недоживших, или остающихся гдѣ нибудь, въ неизвѣстныхъ ученой Европѣ хранилищахъ. Слѣдовательно мы вправѣ говорить, что Славяне и Русь существовали въ водной области великаго пути, въ побережьяхъ Волги, Камы и ихъ притоковъ, и были извѣстны передовымъ народамъ древняго міра подъ этими именами до начала Русской лѣтописи. А какъ къ перволѣтописному времени одни только Ильменцы сохранили имя Славянъ изъ всѣхъ другихъ вѣтвей одного съ ними родоначалія, поэтому мы, не смущаясь доводами и окончательными выводами именитыхъ бытописателей, заключаемъ, что границею Ильменской страны въ полуденно-восточномъ направленіи отъ береговой полосы морей Бѣлаго,—или Студенаго и Ледовитаго,—были берега Волги, первой половины ея теченія, не исключая и тѣхъ притоковъ, которые впадаютъ въ нее справа, съ Окою во главѣ. Но мы не имѣемъ основаній утверждать, чтобы все обширное пространство, заключающееся въ этихъ границахъ, было сплошь заселено Славяно-Русами, хотя не видимъ также и достаточныхъ поводовъ держаться общепринятаго учеными положенія, будто Ильменцы-Новгородцы насильственно вторгались въ земли чуждыхъ имъ племенъ, увлекаемые духомъ наживы, и основывали тамъ свои поселки. Какою-бы чрезвычайною отвагою ни обладала горсть людей, она не могла-бы удержаться, а тѣмъ болѣе разростаться, въ землѣ чужой, невѣдомой; на основаніи нашихъ Коломецкихъ находокъ, а равно такихъ же находокъ, сдѣланныхъ, описанныхъ и до нѣкоторой степени изслѣдованныхъ—въ другихъ мѣстностяхъ, на пространствѣ между Волгою и Ледовитымъ моремъ и въ Сибири,—мы склонны высказаться за исконное обладаніе Ильменцами тѣми землями, на которыхъ сидѣли, при началѣ Русской лѣтописи, не Славяно-Русы, не исключая ни Болгаръ, ни Мадьяръ,—и за предоставленіе этихъ земель первобытными хозяевами ихъ, для селитьбы, Урало-Алтайскимъ выходцамъ, съ оставленіемъ за собою права собствен-

ности на тѣ земли, выражавшагося во всѣ вѣка самобытія сборомъ дани съ инородцевъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы изложимъ основанія своего мнѣнія.

Азіатскіе писатели сохранили въ своихъ сказаніяхъ, сверхъ приведенныхъ, и извѣстія, подтверждающія изложенное показаніе одного изъ сборниковъ Новгородской семьи лѣтописей поздняго состава, о походахъ Славяно-Русовъ во Египетскія страны, во Іерусалимскія и проч. Ибнъ-Хордадбехъ говоритъ, между прочимъ: иногда они,—Русскіе купцы, принадлежащіе къ Славянамъ,—ходятъ по рѣкѣ Славянъ (Волгѣ) и проѣзжаютъ по заливу Хозарской столицы—Итиля;—откуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Массуди, а съ его словъ и другіе, писавшіе послѣ него, говорятъ объ извѣстномъ набѣгѣ Русовъ, въ 913 году, на полуденное побережье Каспійскаго моря, опустошеніяхъ и страшномъ ужасѣ, наведенномъ ими на Туземцевъ.

Независимо отъ свидѣтельствъ арабовъ о заселеніи Поволжья Славяно-Русами до Булгара, тоже подтверждаютъ обширныя изысканія въ землѣ перволѣтописной Мери, произведенныя и подробно обработанныя графомъ А. С. Уваровымъ. Изъ труда его,—въ книгѣ „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ", видно, что Меря занимала обширную площадь по верхнему теченію Волги и ея притоковъ съ обѣихъ сторонъ,—слѣва: Тверцы, Мологи, Шексны, Костромы, Мери, Унжи и Керженца,—и справа: Сестры и Дубны, и Оки съ Клязьмою; сосѣдями ея были: Славяне-Ильменцы,—Весь, Черемиса, Мордва, Мещора, Мурома, Вятичи и Кривичи. Раскопки графа Уварова дали огромное собраніе остатковъ курганныхъ вѣковъ Мерянъ; всѣхъ кургановъ вскрытыхъ тамъ 7729; какъ въ Біарміи, такъ и здѣсь найдено весьма много восточныхъ монетъ, изданныхъ въ разныхъ государствахъ, въ Азіи и въ Африкѣ, за время съ IV вѣка до Р. X. по X послѣ начала христіанскаго лѣтосчисленія. Преобладаніе принадлежитъ послѣднему, X вѣку, отъ котораго найдено шестьдесятъ семь образцовъ; отъ IX четыре образца; VIII—восемь, VII—одинъ, I—одинъ и IV вѣка до Р. X. одинъ. Въ числѣ монетъ X вѣка оказались: одна Баварская, одна Богемская—Болеслава, (939 по 1003 годъ), три Оттоновъ I и II—Германскихъ, и по одной Вендской и Датской—короля Эстратесна, сына Свенда, остальныя восточныя. Отъ XI вѣка досталось десять монетъ Западно-Европейскихъ, одна Армянская и ни одной восточной, ни Азіатской, ни Византійской. Западно-Европейскія принадлежатъ:—Этельреду II (978—1016 г.);—Оттону III (983—1002 г.);—Гейнриху II (1002—1024 г. чеканена въ Кельнѣ);—Кануту Великому (1014—1036 г.);—Гейнриху III (1039—1056 г. чеканена въ Фрисландіи);—Вилкгельму Норманскому (1054—1076 г. чеканена въ Утрехтѣ);—Гейнриху IV (1084—1106 г.) и Бруно, Епископу Вюрцбургскому (1033—1045). Въ числѣ восточныхъ X вѣка, Византійскихъ всего двѣ: Константина Багрянороднаго (912—959 г.) и Іоанна Цимисхія (969—975 г.), и двѣ чекана Волжскихъ Болгаръ:—Мумина, сына Ахмеда и Мостекфа-биллахъ-Талибъ-бекъ-Ахмета. Монета I вѣка по Р. X. принадлежитъ Императору Домиціану (81—96 г.),—а IV вѣка до Р. X.—Фи-

липпу Македонскому. Остальныя распредѣляются такъ: Уммсадскихъ два вида,—Африканскихъ три вида,—Абассиндскихъ-Азіатскихъ тоже три;—всѣ чеканы съ VII по X вѣкъ послѣ Р. Х.;—Сассанидскихъ одинъ видъ—VIII вѣка;—Тиберистанскихъ того же вѣка—одинъ видъ; Саманидскихъ сорокъ видовъ, всѣ, за исключеніемъ одного, Измаила I (899 г.), чеканены въ X вѣкѣ;—Тагиридскихъ одинъ видъ;—чекана въ Самаркандѣ 923 года; Буидскихъ четыре вида, съ 950 до 981 года;—Алидскихъ два вида;—Зіаридскихъ тоже два;—и одинъ видъ Окайлидскихъ, 990 года (графъ А. С. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 120—122). Изъ этого перечня знаковъ цѣнности ясно, что обитатели верхняго теченія Волги и ея притоковъ были тѣ же Славяне и Русь, которые торговали, плавая по рѣкѣ Славянъ (Волгѣ), съ Болгарами Камско-Волжскими и Среднею Азіею. Графъ Уваровъ, основываясь на Мерянскихъ находкахъ, а особенно на собранныхъ имъ черепахъ, измѣренныхъ и изслѣдованныхъ академикомъ Бэромъ и Профессоромъ Ѳ. П. Ландцертомъ, пришелъ къ заключенію, что Меряне относятся къ Финскому племени. Заключеніе по черепамъ сдѣлано было въ концѣ 60-хъ годовъ; съ тѣхъ поръ череповѣдѣніе сдѣлало громадные успѣхи и пришло, съ почина знаменитаго французскаго ученаго Поля Брока, къ выводамъ, несогласнымъ съ сдѣланными до него. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ землѣ Мерянъ были произведены новыя изысканія, предъ Московскою Антропологическою выставкою 1879 года, и сдѣланы новыя измѣренія череповъ. А. П. Богдановъ, потрудившійся болѣе, чѣмъ кто нибудь изъ русскихъ ученыхъ, надъ изученіемъ ископаемыхъ остатковъ насельниковъ нашего отечества, представилъ строгонаучную статью для этой выставки „Меряне въ Антропологическомъ отношеніи“. Разобравъ всѣ, имѣвшіяся къ тому времени, данныя о Мерянахъ, знаменитый естествовѣдъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее, относящееся къ нашему предмету: „Меряне подвергались вліянію преимущественно Новгородцевъ и древнихъ Булгаръ. По даннымъ, имѣющимся до сихъ поръ относительно древнихъ Новгородцевъ и древнихъ Булгаръ, черепа ихъ были, какъ и древніе Мерянскіе, тоже длинноголовые, при чемъ въ курганахъ древнихъ Новгородскихъ попадаются черепа, положительно одинаковые съ Мерянскими, а въ Булгарахъ нѣсколько болѣе отличные, хотя одинаково длинноголовые. Не потому-ли Меряне и вошли въ тѣсныя отношенія съ Новгородцами,—что Антропологическая основа ихъ была одинакова, т. е. они были близки по кровному происхожденію, хотя и отличалась по обычаямъ и бытовымъ особенностямъ,—и съ Булгарами, что тамъ тоже были выселки Мерянъ, принявшіе совершенно иные обычаи, смѣшавшіеся болѣе съ другими инородцами, а потому и болѣе удалившіеся въ строеніи отъ Мерянъ“ (Антропол. Выст. 1879 г. Т. III, Ч. I, выпускъ 4, изданіе 1882 г., стр. 40--416. Приведенная выписка на последне-названной страницѣ).

Изысканіями о Мерянахъ гр. А. С. Уварова и А. П. Богданова древнелѣтописные предѣлы Ильменской страны въ восточно-полуденномъ направленіи отодвигаются далѣе, чѣмъ по свидѣтельству арабскихъ писателей,

охватывая всю область Волги верхняго и первой половины средняго теченія, съ притоками ея, до Оки включительно.

Для опредѣленія границы нашей страны въ направленіи полуденномъ мы имѣемъ уже показанія арабскихъ писателей о Куябѣ и Селавіи; но извѣстны свидѣтельства поэтому предмету отъ самаго начала первыхъ, сколько нибудь достовѣрныхъ, письменныхъ сказаній о странахъ и народахъ Европы за шесть вѣковъ до Христа, именно отъ временъ повѣствуемыхъ Геродотомъ.

По поводу именъ горы Нередицы и Неревского конца, мы упомянули о Геродотовыхъ Неврахъ, или Нейрояхъ—по Эразмову и Рейхлинову чтеніямъ греческихъ писателей. Въ книгѣ нашей „Бытовые остатки Ильменцевъ каменнаго вѣка“ приняты за исходную точку въ изысканіяхъ объ этихъ Неврахъ названія селеній и урочищъ словами, корень которыхъ соотвѣтствуетъ имени ихъ. Прослѣдивъ такія названія въ Азіи и Европѣ, мы предположили двѣ вѣтви Невровъ:—древнѣйшую, двигавшуюся сперва отъ Ильменя къ Сибири, а затѣмъ обратно изъ нея къ странѣ Ильменской, и къ самому Ильменско-Волховскому побережью, гдѣ гора, на которой они осѣли, получила названіе Нередицы,—эту вѣтвь мы называемъ Сибирскою;—и болѣе новую, Кавказско-Каспійскую, прошедшую изъ Азіи чрезъ страны Дунайско-Днѣпровскія и осѣвшую частію на водораздѣльной возвышенности рѣкъ—Волги, Днѣпра, Двины и Ловати, а частію двигавшуюся Балтійскимъ поморьемъ, и извѣстную въ нашей лѣтописи подъ именемъ „Нерома-Жмудь“. Изъ этой послѣдней образовалась Литва, давшая, въ помѣси съ первозаимщиками поморья, Ливь, Леттовъ, Летголу и проч. (Бытов. ост. Ильм. кам. вѣка, стр. 257—275).

Благодаря точному переводу Геродотовыхъ сказаній Ѳ. Г. Мищенка (Москва, 1886 г.), этотъ любознательный и многосвѣдущій греческій писатель доступенъ каждому изъ насъ. Къ переводу приложенъ подробный указатель съ обстоятельными примѣчаніями и объясненіями переводчика. Какъ ни сбивчивы, неточны и иной разъ разнорѣчивы опредѣленія мѣстностей, и какъ ни исковерканы переписчиками имена личныя и названія странъ и народовъ въ сказаніяхъ Геродота, они драгоцѣнны для изысканій о Россіи и объ Ильменской странѣ.

Страну Невровъ Геродотъ называетъ Невридою и помѣщаетъ въ области нижняго теченія Днѣпра и отчасти средняго. Объяснители его и самъ переводчикъ видятъ памятники Невровъ въ названіяхъ: рѣкъ—Нарева, притока Вислы, и Нурца, впадающаго въ западный Бугъ, и города Нура—недалеко отъ устья Нурца,—а также въ названіи Птолемеемъ, александрійскимъ ученымъ перваго вѣка послѣ Р. Х., народа „Навары“. По этимъ указаніямъ истолкователи Геродота помѣщаютъ его Невриду—въ полуночной части Галиціи, полуденной Волыни, и въ прилегающей къ нимъ Польшѣ. Нѣкоторые же изслѣдователи, основываясь на показаніи Геродота, что за одно поколѣніе до похода Дарія,—значитъ вѣковъ за шесть до Р. Х.,—змѣи вынудили Невровъ покинуть всю страну свою и поселиться вмѣстѣ съ Будинами,—принимаютъ за Невриду и Пинскую низменность, изобилующую

змѣями (Виленскій Профессоръ, Эйхвальдъ а за нимъ и Сенковскій). Землю Будиновъ видятъ въ нашемъ Ильменскомъ побережьи: Шафарикъ, Нарбутъ и другіе писатели. По Геродоту страна Будиновъ изобилуетъ разнородными лѣсами; въ обширнѣйшемъ изъ нихъ находится большое озеро, окруженное болотомъ и тросникомъ; въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя съ четыреугольными мордами; кожи ихъ употребляются на опушку для кафтановъ (Геродотъ, книга IV, гл. 17, 100, 102, 105, 108 и 109). На основаніи сказанія о поселеніи Невровъ въ землѣ Будиновъ, она, эта земля, была сосѣднею съ Невридою, т. е. съ Поднѣпровьемъ или Ипою. Шафарикъ, поэтому, и считаетъ землею Будиновъ Ильменскую страну. Геродотъ сказываетъ о большемъ городѣ въ землѣ Будиновъ, называемомъ Гелонъ; Шафарикъ видитъ въ этой Гелони нашъ Новгородъ. Между тѣмъ Геродотъ селитъ Будиновъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, на полночь отъ Дона (тамъ-же, гл 21). И. Е. Забѣлинъ, по поводу этого послѣдняго свидѣтельства Геродота, отводитъ Будинамъ земли по верхней Окѣ, Деснѣ, по Сожу и по Днѣпру (Исторія рус. жизни; Москва 1876 г. Ч. I, стр. 222 и далѣе). Шафарикъ и Нарбутъ признаютъ Будиновъ—родоначальниками Славянъ, а Нарбутъ, кромѣ того,—Невровъ—родоначальниками Литвы. А Аммiанъ Марцеллинъ, повѣствователь IV вѣка по Р. Х., описывая Днѣпръ, Геродотовъ Борисѳенъ, говоритъ, что онъ начинается изъ горъ Невріевъ, т. е. Невровъ (XXII, 8, 40). Извѣстно, что Днѣпръ выходитъ изъ упомянутой водораздѣльной возвышенности, называемой въ начальной лѣтописи русской Оковскимъ лѣсомъ;— но это ошибка писца; слѣдуетъ читать Волоковскимъ, какъ въ степенной книгѣ.

Соображая приведенныя данныя и сужденія ученыхъ, въ связи съ изложенными показаніями восточныхъ писателей о Славянахъ и Руси, и напоминая высказанное уже нами мнѣніе о положеніи Геродотовой Гелони на устьѣ нашей Ильменской рѣки Шелони, примѣрно тамъ, гдѣ древній погостъ Голино,—мы заключаетъ, во-первыхъ, что если Будины относятся къ Славянамъ, какъ предки къ потомкамъ,—они могли сидѣть, подъ первымъ своимъ именемъ, и на Ильменскомъ побережьи, и въ низовьи Волги, даже около Каспія, по берегамъ котораго спокойно селились (Ибнъ-Хордадбекъ), такъ что въ Геродотовыхъ сказаніяхъ разнорѣчіе устранится;—во вторыхъ, что Меряне, въ земляхъ которыхъ много селеній и урочищъ съ корнемъ *Нер* (Нерль, Нерехта, оз. Неро, Нередицы и пр.), были частію потомками Сибирской вѣтви Невровъ, частію Литовско-Балтійскими потомками Кавказско-Каспійской, вытѣсненными, напримѣръ въ IV вѣкѣ,—оттуда Готскимъ царемъ Германарикомъ, и наконецъ въ-третьихъ, что если Геродотовы Невры поселились въ землѣ Будиновъ за шесть вѣковъ до Христа и сидѣли въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х., по Марцеллину, въ верховьи Днѣпра,—полуденный предѣлъ страны Ильменской простирался, въ древнелѣтописные вѣка, начиная ихъ временемъ, повѣствуемымъ Геродотомъ, за водораздѣлъ рѣкъ Волги, Днѣпра, Двины и Ловати, или, по чтенію степенныхъ книгъ, Волоти, то есть той рѣки, отъ которой, до начала каждой изъ прочихъ трехъ, нужно было передвигать товары *волокомъ*.

Насколько разстилались владѣнія Ильменцевъ въ Днѣпровской водной области, можно судить по землямъ—Древлянской, Сѣверянской и Кіевской, занимавшей средину между этими двумя; возникновеніе Новграда—Волынскаго и Новграда—Сѣверскаго указываетъ на кровную связь ихъ обитателей съ Ильменцами и зависимость отъ нихъ. Кіеву и его небольшой области землю уступили, должно быть, Древляне и Сѣверяне изъ своихъ владѣній, обязавъ первонасельниковъ—горняго берега защищать водяной путь нижняго теченія Днѣпра отъ кочевниковъ, наблюдать за ихъ движеніями и во время предупреждать Ильменцевъ—торговцевъ Славіи—о скопленіи въ побережьи кочевниковъ-грабителей. Самое названіе Кіева говоритъ о возможности заселенія мѣстности его выходцами Бѣломорскими, занимавшими побережье тамошней рѣки Кія; какъ отважные пловцы, привыкнувшіе къ трудамъ и лишеніямъ, поморы—Кіяне представлялись самыми подходящими для охранной службы. Бытовые остатки Кіева и его окрестностей, о которыхъ скажемъ ниже, въ послѣднемъ отдѣлѣ, и „путь изъ Славянъ и изъ Варягъ въ Греки", извѣстный Византійскимъ писателямъ, не противорѣчатъ высказанному предположенію.

Примѣчаніе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи записки нашей увидимъ, кромѣ Бѣломорской рѣки Кія, притокъ Дуная и городъ того же имени въ Геродотовыхъ сказаніяхъ.

Итакъ, полуденную границу Ильменской страны древне-лѣтописныхъ вѣковъ мы отодвигаетъ къ той части Днѣпровской области, которая соотвѣтствуетъ положенію пороговъ Константина Багрянороднаго, или Порфиророднаго.

Западная граница нашей страны устанавливается въ зависимости отъ родоначальниковъ Славяно-Руси, ледниковыхъ Коломчанъ-Ильменцевъ, и постепеннаго осыханія Балтійскаго побережья послѣ второго охлажденія Европы.

Наука народовѣдѣнія не установила еще путей передвиженія людей изъ одной страны въ другую; однако уже слышатся голоса большихъ знатоковъ предмета о первоначальномъ заселеніи Европы выходцами Сибирскими (Катрфажъ). Движенія азіатовъ въ Европу въ разныя времена и различными путями признаются всѣми народовѣдами; по непривѣтливымъ окраинамъ нашей части свѣта сидятъ обездоленныя племена, называемыя Чудскими, съ вѣковъ незапамятныхъ, и Финскими—съ болѣе позднихъ; ихъ признаютъ также азіатскими выходцами. Возможно, что Чуди котораго либо изъ выходовъ, не первоначальныхъ, вынуждены были селиться по Ильменской странѣ въ мѣстахъ неудобныхъ, въ томъ числѣ и на Балтійскомъ побережьи. Геродотовы Невры, перебравшіеся въ земли Будиновъ и давшіе въ своемъ потомствѣ, между прочими, Литовское племя и Неромо-Жмудское, селились среди Чудскихъ поселковъ Балтійскаго побережья, гдѣ застали ихъ наши вѣка предлѣтописные и перволѣтописные. Слѣдовательно земли Будиновъ-Ильменцевъ простирались на западъ до Балтійскаго моря и занимали часть нынѣшней Польши и Восточной Пруссіи, гдѣ сидѣли Невры-поморяне, образовавшіе Нурскую страну Шафарика, и Померанію.

Отсюда, должно-быть, и вышли Невры-Меряне, одновременно съ Эстіянами Стриттера (его Исторія Россіи), при Германарикѣ; послѣдніе сѣли въ болотистой странѣ Ильменско-полночнаго побережья, гдѣ, близъ рѣки Нипи, лежитъ до сихъ поръ селеніе Эстьяны. Въ четвертомъ отдѣлѣ мы будемъ говорить обовсемъ этомъ подробно и приведемъ основанія. Слѣдовательно западная граница Ильменской страны проходила Балтійскимъ побережьемъ и далѣе къ полдню—чрезъ Восточную Пруссію, къ Волыни и до отроговъ Карпатъ.

Вѣка самобытія.

Отечественные бытописатели и изслѣдователи древностей начинаютъ самобытіе Новгородскаго государства половиною XII вѣка, именно заключеніемъ князя Всеволода Мстиславовича „во Епископль дворъ"—въ наше подземелье Судебно-Престольной Палаты, и изгнаніемъ его въ 1136 году, считая Ильменскую страну наслѣдственнымъ достояніемъ княжескаго рода Рюрика. Не находя оправданій такого взгляда въ письменныхъ свидѣтельствахъ, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ, мы считаемъ началомъ самобытія, по меньшей мѣрѣ, тѣ вѣка, съ которыхъ появляются и преемствуютъ въ разныхъ мѣстахъ Руси роды державцевъ, т. е. съ IX вѣка, хотя ничто не мѣшаетъ отодвинуть ихъ и на пятнадцать вѣковъ раньше, ко временамъ Геродотовой Скиѳіи, какъ увидимъ впослѣдствіи.

На первыхъ страницахъ русской лѣтописи встрѣчаются имена: Гостомысла, старѣйшины, давшаго Новгородцамъ совѣтъ призвать для устроенія порядка Варяго-Руссовъ;—Оскольда и Дира, сидѣвшихъ въ Кіевѣ;—Мала—по Нестору, сына Нискинина—по Якимовой лѣтописи. Имени этого Мала не называютъ Польскіе лѣтописцы XV и XVI вѣка: Длугошъ (книга I, страница 49);—Бѣльскій (Ч. I, стр. 127—128) и Стрыйковскій (Ч. I, страница 118); оно приводится только въ отрывкѣ Якимовскомъ—(въ изслѣдованіи Лавровскаго, стр. 61). Польскія хроники называютъ Мискину и Нискину тѣмъ Древлянскимъ княземъ, который присватывался къ вдовѣ убитаго имъ Игоря, Святой Ольгѣ. Въ принадлежащемъ намъ сборникѣ женихомъ вдовы Игоря названъ также Низкиня (стр. 170).

Примѣчаніе. Нашъ рукописный сборникъ не значится въ печатныхъ перечневыхъ спискахъ хронографовъ, хранящихся въ собраніяхъ ученыхъ, правительственныхъ и частныхъ учрежденій. Въ виду немаловажнаго вообще значенія для нашего Общества подобныхъ сборниковъ, запишемъ его начало и конецъ, какъ отличительные признаки: „Книга Гранографъ, сирѣчь начало письменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописцовъ, прежде о бытіи, о сотвореніи міра отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Исуса Навина, отъ судей Израильтейскихъ, и отъ четырехъ царствъ; таже и о Ассирійскихъ царехъ, и о Македоніи, о Римскихъ царехъ, Еллинъ же и благочестивыхъ, и отъ русскихъ лѣтописцевъ и Сербскихъ и Болгарскихъ. Первѣе збогомъ начинаетъ о шести днехъ. Въ нихъ сотвори Богъ всю тварь, яко же рече Давидъ: словомъ Господнимъ небеси утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ. Написася отъ премудраго Монасія и отъ Сивирія Епископа Гевалского" Въ рукописи 165 главъ и 208 листовъ, она кончена 1613 годомъ, пожеланіями царю Михаилу Ѳедо-

ровичу: „благопребывательно здравствовати и во всякомъ благоденствіи расти и мужествовати“. На оборотѣ послѣдняго листа отмѣчено другимъ почеркомъ и чернилами: Совершена бысть книга сія въ лѣто 7121 (т. е. 1614) Марта въ 21 день. Почеркъ этой отмѣтки, повидимому,—того же XVII вѣка.

Мы остановились на Малкѣ сынѣ Нискининѣ, чтобы показать значеніе именъ личныхъ и названій урочищъ, встрѣчающихся въ сборникахъ поздняго составленія, Русскихъ и Польскихъ, равно въ лѣтописяхъ и Сагахъ Скандинавскихъ. Если писатели Польскіе не знаютъ Мала, а говорятъ объ отцѣ его, Мискинѣ или Нискинѣ, значитъ Древляне имѣли уже въ IX вѣкѣ своихъ державцевъ, не зависящихъ отъ трехъ полубаснословныхъ братьевъ—варяговъ; такихъ же державцевъ имѣли, или могли имѣть Сѣверяне, Вятичи, Кривичи и прочіе вѣтви обособившихся Славянъ.

Вѣка отъ VIII до X отличаются удальствомъ обитателей полуночья Европы, выразившемся въ грабительствѣ и разбояхъ; эти удальцы не довольствовались одною Европою, они отваживались переплывать Океанъ и посѣщать Америку; Копенгагенское общество любителей древностей собрало много данныхъ по этому предмету. Напечатанныя въ книгѣ. „Mémoire sur la decouverte de l'Amérique au dixième siècle, par Charles Christian Rafn. Copenhaguen; 1843“. Въ числѣ удальцовъ, называемыхъ вообще Норманами, были конечно и Славяно-Русы Ильменской страны, которыхъ именно Масcуди называетъ, если вѣрно чтеніе Профессора Хвольсона (на стр. 166 и 167 его Ибнъ-Даста), принадлежащими къ племени Русовъ, а греки и другіе арабы—Русами. Предводители большихъ скопищъ удальцовъ занимались, какъ извѣстно, не добрымъ дѣломъ; это были орды хищниковъ, нападавшія на мирныхъ жителей; часть удальцовъ селилась между ними и продолжала грабежи и насилія именемъ своихъ предводителей, представлявшихся въ глазахъ народа державцами.

Чтобы избавить свою страну отъ набѣговъ и опустошеній такихъ державцевъ-хищниковъ, правители Ильменской страны вошли вѣроятно, съ ними въ особыя соглашенія, имѣвшія основаніемъ—откупиться отъ грабежей цѣною золота и серебра, получившихъ уже къ тому времени значеніе всепоглощающей своимъ количествомъ цѣнности, и направить хищническую дѣятельность ихъ подальше отъ своей страны, въ края инородцевъ и тѣхъ изъ своихъ исконныхъ родичей, которые удалялись отъ тяготѣнія къ Ильменско-Волховскому побережью и стремились—или къ полному обособленію, или къ союзамъ съ ближайшими къ землямъ ихъ чужеродцами. Такою постановкою своихъ отношеній къ ордамъ хищниковъ и ихъ державцевъ Ильменцы обезопасили земли своего тяготѣнія и положили начало собиранія отторгнутыхъ отъ Славянскаго корня племенъ и земель ихъ въ одно цѣлое, въ обширную семью Славяно-Русовъ. Орды, съ державцами которыхъ Ильменцы вступили въ соглашеніе, были побережане Волхова, Невы, Шелони, Ловати, а также верховьевъ Волги, Днѣпра и Двины, залегавшіе великій путь изъ Славянъ въ Греки.

Со стороны первыхъ наемныхъ державцевъ бывали, конечно, стремленія наложить руку на Ильменскую страну и богатый ея городъ, но они

не удавались; отпоръ подобныхъ стремленій слышится въ преданіяхъ, дошедшихъ до Преподобнаго Нестора, по всей вѣроятности отъ стараго Яна, и внесенныя имъ въ начальную лѣтопись, подъ 859 и 862 годами (Лаврентьевскій и Радзивиловскій, или Кенигсбергскій, списки), дополненную его продолжателями сказаніемъ о возмущеніи Вадима и Новгородцевъ противъ Рюрика. Какъ Несторовы сказанія, такъ и дополнительныя продолжателей его „Повѣстей времянныхъ лѣтъ“ пріурочиваютъ свои извѣстія къ годамъ совершенно случайно; или, что еще вѣроятнѣе, объяснители начальной русской лѣтописи неправильно относятъ извѣстія о событіяхъ къ тѣмъ именно годамъ, подъ которыми они значатся въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сборникахъ. Мы уже имѣли случай говорить объ образованіи нашей лѣтописи изъ отдѣльныхъ памятухъ, то есть записей на своботныхъ мѣстахъ пасхальныхъ листовъ. Здѣсь добавимъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ входили сказанія, въ видѣ записей современниковъ-очевидцевъ, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ въ очевидцѣ желаніе сохранить ихъ для памяти, и преданія, представлявшіяся составителю сборника вѣроятными (Срав. М. И. Сухомлиновъ—О древней Рус. лѣтописи, стр. 28—45; И. И. Срезневскій—Изслѣдованіе о Новг. лѣт., въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ; Ч. II, стр. 70—73 и Бестужевъ-Рюминъ—о составѣ Русс. лѣт. стр. 31 и слѣд.). Основательнѣе и во всякомъ случаѣ осторожнѣе будетъ, принявъ событія, упоминаемыя на первыхъ страницахъ Начальной русской лѣтописи, воздержаться отъ опредѣленія ихъ времени, впредь до новыхъ открытій въ области письменныхъ памятниковъ отечественныхъ и иноземныхъ—сосѣднихъ, или знакомыхъ нашимъ предкамъ—народовъ. Поэтому столкновенія Ильменцевъ съ грабительскими ордами сосѣдей возможны; но чтобы послѣднее было въ 859 году, и чтобы это изгнаніе грабителей-находниковъ вызвало, сряду же послѣ того, какъ ихъ прогнали, призваніе ихъ же для водворенія порядка въ странѣ,—совсѣмъ невѣроятно, какъ лишенное здраваго смысла. Стремленія къ преобладанію въ богатой странѣ бывали много разъ, но не имѣли успѣха, и Ильменская страна всегда сохраняла самобытіе.

Достовѣрнымъ державцемъ, начавшимъ исполненіе соглашеній съ правителями Ильменской страны, слѣдуетъ признать преемника его предшественниковъ, покушавшихся на уничтоженіе самобытія, Олега, богатаго землями по Волхову Ладожанина,—въ Ладогѣ же и похороненнаго, по сказанію лѣтописныхъ сборниковъ — Комисейскаго, Толстовскаго и Архангелогородскаго. Въ первыхъ двухъ спискахъ отмѣтка одинаковая: „Иде Олегъ (послѣ удачнаго похода на Грековъ) къ Новугороду и оттуда въ Ладогу; друзіи же сказуютъ, яко идущу ему за море и уклюну зміа въ ногу и съ того умре. Есть могыла его въ Ладозѣ“. Въ Архангелогородскомъ повторена эта же отмѣтка; но вставлена извѣстная сказка о любимомъ конѣ князя (Арх. изданіе 1781 года, стр. 9—10).

Если вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ отрывка Якимовой лѣтописи, признавъ вторую половину его, какъ доказываетъ П. А. Лавровскій, за подлинную въ позднѣйшемъ пересказѣ, Гостомыслъ и его предки были, какъ и Олегъ, землевладѣльцами большихъ площадей недалеко отъ Новгорода,

по Шелони; а изъ сравненія разсказа этого отрывка его показаніемъ Степенной книги объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ женитьбѣ Игоря, нельзя не усмотрѣть, что и этотъ князь проживалъ въ своемъ родовомъ имѣніи, сосѣднемъ съ принадлежавшимъ старѣйшинѣ, прозванному Гостомысломъ (выше мы сказали почему). Св. Ольга, по Якимову свидѣтельству, была изъ рода этого Гостомысла, а по Степенной книгѣ она проживала въ „вѣси, именуемой Выбутская"; эта же вѣсь значится въ тропарѣ Св. Ольги, подъ названіемъ „Выбуто въ Плесковской странѣ". До сихъ поръ существуетъ въ родовомъ имѣніи князей Васильчиковыхъ селеніе Выбить, близъ Псковскаго уѣзда, недалеко отъ Шелони. По сказанію Константина Багрянороднаго князь Святославъ Игоревичъ проживалъ въ Новгородѣ (Немоградѣ).

Въ вопросѣ о самобытіи Ильменской страны всѣ эти сказанія имѣютъ существеннѣйшее значеніе, потому для дальнѣйшихъ изысканій представляется не излишнимъ остановиться на нихъ подробно.

Несомнѣнно, что существовало въ Новгородѣ лицо, давшее своимъ согражданамъ разумный совѣтъ обезпечить дальнѣйшую неприкосновенность владѣній страны Ильменской и ея самобытія. Лицо это было вліятельнымъ, богатымъ и родовитымъ, каковыми являются всѣ правители народные въ земляхъ самобытныхъ. Если Св. Ольга происходила отъ этого именно лица,—князя-ли, какъ его называетъ Якимова лѣтопись, перечисляя и предшественниковъ (Татищевъ, Исторія Россіи Ч. I, стр. 31—34), или старѣйшины, или Посадника, какъ его называютъ другіе лѣтописные сборники (Посадникомъ онъ значится въ Татищевскомъ—во 2 ч. Прод. Др. Рус. Вивл. стр. 317),—земли его находились тамъ, гдѣ она проживала, близъ селенія Выбуто. Князь Игорь встрѣтился съ Ольгою, по свидѣтельству Степенной книги, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:—„Игорю, юну сущу и нѣкогда утѣшающуся нѣкими ловитвами, и узрѣ объ ону страну рѣки ловъ желанный, и не бѣ ему возможно преити на ону страну рѣки, понеже не бяше ладійцы, и узрѣ нѣкоего по рѣцѣ пловуща въ ладійцѣ, и призва пловущаго ко берегу и повелѣ себя перевести за рѣку; и пловущимъ имъ возрѣ на гребца онаго и позна, яко дѣвица бѣ сія, вельми юна сущи, доброзрачна же и мужественна; ея же иногда никогдаже незная, и уязвися видѣніемъ, и разгорѣся желаніемъ на ню и нѣкіе глаголы глумленіемъ претворяше къ ней". Дѣвица же знала его какъ князя и упрекала въ легкомысліи и покушеніи на ея цѣломудріе,—чѣмъ и отрезвила юношу (Степ. кн. Ч. I, стр. 8). О мѣстожительствѣ Св. Ольги Степенная книга говоритъ, что ее произвела „Плесковская страна, яже отъ области царствія великія Русскія земли, отъ веси, именуемыя Выбутская, близъ предѣлъ Нѣмецкія власти жителей—отъ языка Варяжска отъ рода же не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей" (тамъ-же, стр. 6). Въ Начальной русской лѣтописи нѣтъ подробностей женитьбы Игоря, она ограничивается краткою отмѣткою подъ 903 годомъ: „Игореви възрастъшю—и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу" (Лаврентьев. годъ 6411 стр. 13—по Московскому изданію 1864 года).

Разберемъ эти извѣстія въ связи съ мѣстностью вѣси Выбутской. Юный князь Игорь охотился на берегу рѣки пѣшій; будь онъ на конѣ, въ такомъ случаѣ—„узрѣвъ объ ону страну рѣки ловъ желанный"—онъ переправился-бы туда вплавь, какъ молодой удалецъ. Онъ охотился одинъ, безъ товарищей-дружинниковъ, которые нашли-бы легко способъ доставить князя на противоположный берегъ. По Начальной лѣтописи Рюрикъ „предаетъ княжине свои Олгови, отъ роду ему суща, вдавъ ему на руцѣ сынъ свой Игоря; бысть-бо дѣтемъ вельми" (Тамъ-же, годъ 6390. т. е. 882, стр. 10); „Игорь же хожаше по Олзѣ и слушаше его" (тамъ-же, годъ 6411, стр. 13). Какъ-же могло случиться, что Игорь бродилъ одинъ въ лѣсу въ Плесковской странѣ? Это могло случиться тогда только, если Игорь имѣлъ постоянное жительство въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ былъ и домъ Ольги. Начало X вѣка было временемъ борьбы Кіевской Руси съ Печенѣгами, Хозарами и другими кочевыми и осѣдлыми сосѣдями; внезапные набѣги повторялись не рѣдко; Олегъ былъ образецъ воина-удальца тѣхъ временъ; дома ему не сидѣлось. Овладѣвъ коварствомъ, похвальнымъ для тѣхъ временъ, страною Кіевскою, онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Кіевъ: „Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ и рече: се буди мати градомъ русскимъ",—говоритъ Лаврентьевскій сборникъ (годъ 882, стр. 11). Будучи постоянно въ набѣгахъ, правитель Кіевскій едва-ли оставлялъ Игоря въ городѣ, подвергавшемся учащеннымъ набѣгамъ;—всего естественнѣе—онъ держалъ его въ безопасной мѣстности,—каковою представлялось родовое имѣніе Игорева отца, гдѣ много старыхъ слугъ, на которыхъ можно положиться. Гостомыслъ, по Якимовой лѣтописи, указалъ наиболѣе подходящими, къ осуществленію внушеннаго имъ согражданамъ мѣропріятія, своихъ внуковъ отъ дочери; Ольга признается тою же лѣтописью отъ рода Гостомысла; слѣдовательно родовое имѣніе Игоря было по сосѣдству съ принадлежащимъ родителямъ Св. Ольги. Степенная книга не знаетъ о родствѣ Ольги съ Гостомысловымъ потомкомъ, но считаетъ ее происходящею отъ рода Варяжска;—стало быть предки ея сидѣли на Шелони и занимались набѣгами и грабежами пловцовъ, гнавшихъ свои товары по пути изъ Варягъ въ Греки. Игорь попалъ на Шелонь предъ встрѣчею съ Ольгою не впервые: она знала его какъ князя, стало-быть не разъ его видала, а это возможно—когда Игорь жилъ тутъ, поблизости, долго и издавна. Такимъ образомъ нельзя, кажется, считать невѣроятною догадку, что Игорь, будучи еще не у дѣлъ, и до умиротворенія Кіевской земли жилъ въ странѣ Ильменской, въ родовомъ имѣніи предковъ, на Шелони, близъ нынѣшней Выбити.

Замѣтимъ, по поводу этой догадки, что по сосѣдству съ Выбитью лежитъ мѣстность „Княжій Дворъ". Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, когда и какъ возникло это названіе; быть-можетъ въ будущемъ, при дѣятельности нашего Общества, удастся собрать обстоятельныя данныя о немъ и получить основанія къ заключенію о глубочайшей древности Княжего Двора.

Недалеко отъ Выбити, верстахъ въ 25 приблизительно, лежитъ и погостъ Голино, созвучный Геродотовой Гелони и соотвѣтствующій мѣстоположенію ея.

Въ Степенной книгѣ „Выбутская вѣсь“ значится лежавшею „близъ предѣлъ нѣмеческія власти жителей“. Издатель этого сборника, Герардъ-Фридерикъ Миллеръ, сообщаетъ въ предисловіи: „По извѣстію отъ достовѣрныхъ Россійскихъ писателей Степенная книга сочинена двумя славными въ Россійской церкви Митрополитами, Кипріаномъ и Макаріемъ, управлявшими церковью—первой до 1406, а послѣдній до 1564 года“. (Предисловіе къ Московскому изданію 1775 года стр. 1). Подъ конецъ жизни перваго изъ этихъ Святителей ему довелось быть современникомъ слѣдующихъ событій, отмѣченныхъ Новгородскою лѣтописью, по Татищевскому сборнику:—въ 1404 году—„приходи князь Витовтъ Литовскій ратію съ всею силою своею къ городу Смоленску и стоя подъ нимъ три мѣсяцы и отъиде. Сеже лѣта выѣха изъ Смоленска князь Юрьи Святославичъ на Москву князю великому Василію поклонитись, чтобы его поборонилъ отъ князя Витовта; а въ то время перевѣтници прѣдаша градъ Смоленскъ князю Витовту Литовскому. И се слышавъ князь Юрьи Смоленскій, что градъ его взятъ бысь, пріѣха въ Новгородъ, и пріяша его Новогородци“; въ 1405 году—„Взя князь Литовскій Витовтъ Плесковскіи пригорода Коложе на миру, а подъ Вороночемъ стоя два дни, и много повоева волостіи Плесковскыхъ изгономъ безъ вѣсти, а крестьянъ много посѣче, а иныхъ вполонъ введе“;—въ 1406 году—„Плесковичи ходиша войною к Полотску, и мало не взяша города, а волости Полотскіи повоеваше, и отъидоша. И пришедъ Местердъ (Гроссмейстеръ), именемъ Кортосо, всею силою къ Пскову и повоева волости и отъиде. Тоижъ зимы ходиша Псковичи воевати земли Нѣмѣцской съ князя великаго намѣстникомъ, съ княземъ Даниломъ Александровичемъ, и срѣтоша ихъ Нѣмци за новымъ городомъ, и бишась ту; и пособи Богъ князю Данилью и мужемъ Псковичемъ надъ погаными Нѣмци, и биша ихъ на 15 верстъ въ погоню до Кѣрьяпивѣ, а иныхъ руками поимаша, и приведоша“;—въ 1407 году, уже послѣ Кипріана—„ходиша Плесковичи войною внемецкую землю и взяша городъ ихъ Порхъ и селъ ихъ много повоеваша и отъидоша въ Псковъ. Тогожъ лѣта пріидоша Нѣмци вземлю Псковъскую и сташа станы не дошедше города Пскова, на Комнѣ; и Псковичи вышедьше изгорода ударили на нихъ, и Нѣмци побѣдиша Псковичь“. Всѣ эти событія разсказаны и въ Псковской лѣтописи, съ мѣстными подробностями (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 675—680; Псков. лѣт. по изданію Погодина 1837 г. стр. 41—49). При Митрополитѣ Макаріѣ велась война Ливонская съ перемѣннымъ успѣхомъ (Карамзинъ, Ч. IX, стр 13—30). Такимъ образомъ при жизни обоихъ Митрополитовъ Нѣмцы,—т. е. Ливонцы, Шведы, а иногда и Литва въ союзѣ съ тѣми, или другими,—занимали Псковскія земли, ближайшія къ Новгородскимъ, и составители Степенной книги имѣли основаніе назвать мѣстность нынѣшней Выбити „близъ предѣлъ нѣмецкія власти жителей“;—они не говорятъ близъ нѣмецкой земли, что отодвинуло-бы Выбуто къ рѣкѣ Наровѣ,—а указываютъ лишь предѣлы, далѣе которыхъ никогда не простиралась власть Нѣмцевъ надъ Славяно-русскимъ населеніемъ.

Считая небезосновательною догадку нашу о проживанiи Игоря въ юности въ родовомъ имѣнiи своихъ предковъ, мы находимъ возможнымъ проживанiе этого князя тутъ же,—а, наѣздомъ, въ Новгородѣ,—и впослѣдствiи.

Въ статьѣ о Спасской церкви на Славенской сторонѣ, сооруженной первоначально еще до крещенiя Новгородцевъ, мы замѣтили, попутно, что имѣются основанiя признавать существованiе Новгородскихъ церквей: Ильинской, Михайловской и Спасской—православныхъ—и Св. Петра, или Варяжской, католической—во время заключенiя договора Игоря съ Греками, и принятiе дружинниками князя—христiанами присяги, скрѣпившей договоръ, не въ Кiевской-Ильинской, а въ Новгородской церкви, считавшейся тогда, при существованiи здѣсь четырехъ другихъ, соборною (см. выше, стр. 73).

Основанiя, о которыхъ мы упомянули тамъ вскользь, имѣютъ прямое отношенiе къ разсматриваемому теперь предмету, и мы остановимся на изложенiи ихъ, нѣсколько подробномъ.

Въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, послѣ изложенiя договора Игоря съ Греками, сказано, что князь посылалъ мужей своихъ къ царю Роману для утвержденiя мирныхъ условiй клятвою, каковую царь далъ, потребовавъ, чтобы въ томъ же поклялись Игорь и его дружина. „Обѣщася Игорь спце створити. Заутра призва Игорь слы (пословъ греческихъ) и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святого Ильи, *яже есть надъ ручаемъ*, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяна. Игорь жа нача княжити въ Кiевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ“ (Лаврент. годъ 6453=945, стр. 88).

Въ этой отмѣткѣ двѣ части; вторая—„Игорь же нача княжити и проч.“ говоритъ прямо, что до мира съ Греками этотъ князь правилъ свое дѣло не изъ Кiева, по той причинѣ, которая заставила Олега, по высказанному предположенiю, поселить его въ родовомъ имѣнiи, то есть пока край Кiевскiй не будетъ умиротворенъ. Вторую часть обыкновенно относятъ наши ученые къ Кiеву, думая, что слова „конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ“ означаютъ двѣ сходящiяся улицы, въ углу, образуемомъ встрѣчею которыхъ и стояла Ильинская церковь (Карамзинъ, Ч. I, примѣч. 359), но, во первыхъ: въ Радзивиловскомъ, или Кенигсбергскомъ спискѣ Начальной русской лѣтописи слова, принимаемыя за названiе мѣста, читаются „конецъ постничи бесѣды въ Козарѣхъ“ (стр. 45, по первому изданiю)—и означаютъ время утвержденiя договора клятвою, то есть осень 945 года;—хозары были, въ большинствѣ, iудейской вѣры, но нѣкоторые держались и Ислама. У первыхъ осенью бываютъ судные дни, а у мусульманъ—около того же времени—Рамизанъ; праздники эти въ обоихъ вѣроученiяхъ выражаются въ постѣ и въ общихъ молитвахъ;—сходбища нашихъ молодыхъ сельчанъ для препровожденiя длинныхъ вечеровъ, начиная съ поздней осени и во всю зиму, въ то время когда спѣшныя работы, молотьба и уборка льна, прекратились,—называются и теперь во всей Ильменской землѣ „бесѣдою“; сидѣнье возницы въ телѣгѣ, предназначенной для гоньбы, извѣстно подъ

названіемъ „бесѣдки“;—и во-вторыхъ: во времена Преподобнаго Нестора лѣтописца Ильинской церкви не было въ Кіевѣ; въ Новгородѣ же она существуетъ съ долѣтописныхъ вѣковъ и притомъ стоитъ на Славенскомъ холмѣ „надъ ручьемъ“, тоже существующимъ и теперь; въ лѣтописи онъ называется также ручаемъ и иногда „Копанью, Копаницею“;—Игорева церковь считалась, въ первой половинѣ X вѣка, соборною; между тѣмъ въ Кіевѣ, по мнѣнію Лавровскаго, до крещенія Св. Ольги, совершившагося уже послѣ смерти Игоря, могла быть, и то подъ большимъ сомнѣніемъ, одна церковь во имя Святого Николая, которую когда-то поставилъ нѣкто Ольма надъ могилою Оскольда. „И убиша Аскольда, говоритъ лѣтописецъ Кіевскій, и погребоша и на горѣ, гдѣ нынѣ (въ концѣ XI вѣка) Ольминъ дворъ; на той могилѣ постави Олъмъ церковъ Св. Николу (Лаврент. годъ 6390=882, стр. 11)“. Точный и ясный, на нашъ взглядъ, смыслъ этой отмѣтки не даетъ поводовъ толковать ея содержаніе такъ, какъ это дѣлаетъ изслѣдователь Якимовой лѣтописи: Ольма былъ современникъ лѣтописца и поставилъ надъ Оскольдовою могилою церковь только въ XI вѣкѣ, но никакъ не раньше. Въ Новгородѣ же, какъ мы видѣли, было, до принятія крещенія, не меньше пяти христіанскихъ храмовъ, между которыми Ильинская могла быть соборною. Если первоначальное изданіе Устава о мостахъ восходитъ къ языческимъ временамъ, что не невозможно, судя по объясненной выше внѣшности изложенія его въ дошедшихъ до насъ спискахъ, тогда и въ немъ мы найдемъ подтвержденіе предположенія о возникновеніи церквей Ильинской и Михайловской во времена язычества; подъ Ильинцами и Михайловцами Уставъ разумѣетъ, какъ и подъ Софьянами, должностныхъ лицъ духовной власти, получавшихъ кормленіе отъ государства; въ томъ же положеніи Ильинцы и Михайловцы состояли, по отношенію къ государству, и во времена язычества, при широкомъ примѣненіи въ Ильменской странѣ вѣротерпимости.

Къ тому же храмъ Иліи могъ служить, какъ высказано раньше по поводу церкви на Синичьей горѣ, и передовымъ наблюдательнымъ костромъ: верхъ его достаточно обширенъ для сторожевыхъ цѣлей. Хотя онъ много разъ горѣлъ и былъ возстанавливаемъ, но нынѣшній его видъ не противорѣчитъ сохраненію при каждомъ возобновленіи прежней внѣшности (Ср. Макарія опис. цер. древ. Ч. I, стр. 318).

Начавъ княжить въ Кіевѣ, Игорь не покидалъ своего родоваго имѣнія на Шелони, наѣзжая туда время отъ времени и, повидимому, съ небольшими промежутками; возможно, что тутъ онъ и убитъ.

Въ Кіевской лѣтописи помѣщенъ подробный разсказъ объ убіеніи Игоря Древлянами и мести Ольги. Повѣсть, заключающаяся въ этомъ разсказѣ, общеизвѣстна; но, тѣмъ не менѣе мы повторимъ ее здѣсь подлинными словами лѣтописи, чтобы посмотрѣть, насколько слѣдуетъ считать вопросъ объ убійствѣ Игоря разработаннымъ, и нѣтъ-ли въ этой повѣсти основаній для опредѣленія мѣстностей, ею называемыхъ, не въ той Древлянской землѣ, которую указываютъ наши ученые, а въ другой,—въ нашей Ильменской.

Въ Кіевской лѣтописи, по Лаврентьевскому сборнику, повѣсть объ убіеніи Игоря и мести за смерть его читается такъ: „И приспѣ осень, Игорь нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань. Въ лѣто 6453=945 рекоша дружина Игорева: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди княже съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему вспять, размысливъ рѣче дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возвращаюся, похожю и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Древляне, яко опять идетъ, сдумаше со княземъ своимъ Маломъ: аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ. Послаша къ нему глаголюще: почто идеши опять, поималъ еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града изъкоръстѣня Деревляне убиша Игоря и—дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоръстѣня града в деревѣхъ и до сего дни“ (Свѣтопеч. изданіе, стр. 28—29). Въ Кенигсбергскомъ сборникѣ эта отмѣтка повторена,—но съ нѣкоторою разницею въ написаніи названія мѣстностей,—такъ: вмѣсто „иде въ Дерева въ дань“ сказано—„иде въ Деревляны“;—вмѣсто „изъкоръстѣня“ поставлено „изъ“ отдѣльно, а „Коростѣня“ начато съ прописной буквы;—наконецъ,—вмѣсто „могила его у искоростѣня града“ написано у Коростѣня града, опять К прописное (стр. 46 и 47).

Въ послѣсловіи Лаврентьевскаго сборника благочестивой инокъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Господа Отци и братье! оже ся гдѣ бу описалъ, или переписалъ, или недописалъ; чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, за неже книгы ветшаны, а умъ молодъ, недошелъ“ (по изданію Тимковскаго -въ предисловіи Калайдовича; Москва, 1804 г. стр. 8).

Въ предисловіи издателя Кенигсбергскаго списка сказано, что этотъ списокъ положенъ въ основаніе изданія древнихъ Россійскихъ лѣтописателей не потому, „будто-бы онъ старѣе и вѣрняе былъ всѣхъ другихъ, но потому, что не столько наполненъ новыхъ временъ приписками и переправками, и повидимому содержитъ одно собственное повѣствованіе Преподобнаго Нестора, который въ семъ одномъ только спискѣ именованъ черноризцемъ Ѳеодосіева монастыря; по положенной на первомъ мѣстѣ подписи видно, что онъ въ исходѣ XVI вѣка, а именно при королѣ Сигизмундѣ III, уже въ Польшѣ находился; а въ 1671 году княземъ Богуславомъ Родзивиломъ подаренъ въ Кенигсбергскую Библіотеку; напечатанъ онъ такъ, какъ есть, безъ всякой переправки въ слогѣ и рѣченіяхъ,—а гдѣ мѣстами смысла не было, или цѣлыя рѣчи проронены, такъ оное дополнено, сличая съ другими списками, а еще нѣкоторыя писцовы ошибки нарочно оставлены“ (Предисловіе къ изданію 1767 года, стр. 31 и 32). Изъ этого же предисловія видно, что въ 1716 году, по повелѣнію Петра Великаго сдѣланъ былъ въ Кенигсбергѣ точный списокъ этого сборника, а въ 1760—полученъ и поступилъ въ Академію Наукъ и подлинникъ.

Изъ послѣсловія и предисловія обоихъ сборниковъ оказывается, что тотъ и другой не принадлежатъ перу перваго составителя, Преподобнаго Нестора; а изъ отмѣченной разницы въ наименованіяхъ мѣстностей слѣдуетъ заключить, что какъ Лаврентьевскій, такъ и Кенигсбергскій представляютъ переводъ древнихъ „ветшаныхъ книгъ“ на новую бумагу съ двухъ неодинаковыхъ образцовъ.

Карамзинъ, не находя въ лѣтописи данныхъ для опредѣленія положенія земли Древлянъ въ долѣтописныя времена, указываетъ его тамъ, гдѣ впослѣдствіи были города Овручъ и Коростень; послѣдній, по его мнѣнію, лежалъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи образовалось мѣстечко Искорость, на Волыни, на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Житоміромъ (Карамз. Ист. Гос. Рос. Ч. I, примѣчанія 70, 360 и 372). Въ примѣчаніи къ VII главѣ первой части Исторіи (372-мъ) великій знатокъ отечественной лѣтописи ссылается, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на Волынскія записки г. Руссова, который говоритъ, что древній Коростень принадлежитъ помѣщикамъ Любовицкимъ и называется селомъ Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и воротъ, и что тамъ, гдѣ былъ Ольгинъ станъ, находится теперь деревенька Шатрицы.

Въ Степенной книгѣ, въ статьѣ „О устроеніи земскомъ“ значится: „Иде Ольга съ сыномъ своимъ и воинствомъ по Дередской земли, уставляющи уставъ и уроки и ловища. Нѣціи же глаголютъ, яко Деревская земля бѣ иже во области Великаго Новаграда, нынѣ же пятина Деревская именуема. Иніи же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже Черниговъ градъ“ (Ч. I, стр. 13). Карамзинъ считаетъ это извѣстіе неосновательнымъ (въ первомъ изъ указанныхъ примѣчаній).

Опредѣленіе Карамзина признается нашими учеными рѣшительнымъ; но мы полагаемъ возможнымъ открыть снова вопросъ о Коростени на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

На полуденно-западномъ, возвышенномъ берегу Ильменя, лежитъ селеніе Коростыня; невдалекѣ отъ него, къ полдню, на томъ же берегу, есть урочище „Городокъ“;—на западъ отъ Коростыни, верстахъ въ 8-ми, при устьи Шелони—упомянутый погостъ Голино, созвучный Геродотовой Гелони—тоже на Ильмени. Строеніе высокаго берега озера по обѣ стороны Коростыни слагается изъ песчаниковъ третичныхъ образованій земной коры (девонское). Въ окрестностяхъ Коростыни и невдалекѣ отъ нея расположены селенія: Мстонь, Веряжа, Подгощи, Коломо, Витонь, Княжій дворъ, Выбить, Угощи, Доворецъ, Дворицы и Свинордъ. Иные изъ этихъ поселковъ близъ Ильменя, другіе по Шелони. Разстоянія между Выбитью, Доворцемъ, Княжимъ дворомъ и Свинордомъ по Шелони,—слѣдующія: отъ Княжего двора до Выбити—16 верстъ;—отъ Доворца до Выбити—4 версты;—отъ Выбити до Свинорда—около 2-хъ верстъ;—отъ Княжего двора—до этого селенія около 20 верстъ;—и отъ Доворца—до него около 4-хъ верстъ;—отъ Голина—до Княжего двора 16 верстъ,—до Выбити 32 версты,—до Доворца—36 верстъ и—до Свинорда—около 40 верстъ; а растояніе между Голиномъ, Княжимъ дворомъ, Выбитью и Доворцемъ по Ше-

лони,—Коростынею и Дворицею—по Ильменю—таковы: отъ Голина до Коростыни 7 верстъ,—отъ него до Дворицы 15 верстъ;—отъ Коростыни до Княжего двора—23 версты,—до Выбити 31 верста; до Доворици—и Свинорда — около 40 верстъ. Разстоянія прочихъ перечисленныхъ селеній существеннаго значенія не представляютъ,—потому о нихъ скажемъ только, что Подгоща ближе къ Коростыни, Голину и Княжему двору, чѣмъ къ Выбити, Доворцу и Свинорду; Угощи—почти рядомъ съ Выбитью;—Коломо—верстахъ въ двухъ отъ Коростыни—на западъ, по направленію къ Княжему двору,—Веряжа—отъ Коростыни на полдень верстахъ въ 3-хъ, а Мстонь и Витонь (ихъ двѣ, Большая и Малая) между Голиномъ и Коростынею (разстоянія приведены по спискамъ населенія Старорусскаго и Новгородскаго уѣздовъ, изданнымъ земствомъ въ 1884 году).

Обсудимъ теперь, въ связи съ названіями поименованныхъ селеній и разстояніями между ними, нѣкоторыя подробности записи Лаврентьевскаго сборника объ убіеніи Игоря.

„Послушавъ дружину иде Игорь въ Дерева въ дань“.—Въ числѣ Новгородскихъ пятинъ была Деревская. Время возникновенія пятинъ разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же ограничимся только однимъ названіемъ ея. Изъ словъ Лаврентьевскаго сборника—„Иде въ Дерева“—слѣдуетъ заключить, что подъ этимъ названіемъ онъ разумѣлъ не землю Древлянъ, какою она была во время Преподобнаго Нестора,—къ тѣмъ жителямъ, которыхъ онъ и его продолжатели называютъ Древлянами;—Дерева значатся въ Кіевской лѣтописи, насколько намъ извѣстно, только въ разсматриваемой записи, и ни разу болѣе не повторяются. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Обонежской пятины, Нагорной половины, 1582—1583 г., значится погостъ Пречистенскій въ Деревахъ (Неволинъ, Прилож. стр. 184). Въ настоящее время—въ Крестецкомъ уѣздѣ есть погостъ и деревня „Дерева“ Межниковской волости, въ 123 верстахъ отъ уѣзднаго города, въ 45 верстахъ отъ Мало-Вишерскаго посада, на полночь, и въ 20 верстахъ отъ села Грузина на востокъ; и погостъ и деревня расположены по рѣкѣ Оскуѣ, впадающемъ въ Волховъ справа;—а въ Старорусскомъ уѣздѣ „Деревинъ, село, при ручьѣ того-же имени, въ Городецкой волости, верстахъ въ десяти отъ Коростыни.

Мѣстность „Дерева“—расположена въ Отрогахъ Алаунской возвышенности, опускающейся къ обширной—болотистой низинѣ, которая стелется отъ Мало-Вишерскаго посада къ Волхову, у села „Сосницкая пристань“ и далѣе, слабо поднимаясь,—до Чудова; рѣка Оскуй—настоящій горный протокъ въ Деревахъ: узкая съ частыми, причудливыми извилинами, она то скачетъ по камнямъ, то бьется въ тѣснотѣ высокихъ береговъ. Если ѣхать отъ помѣщичьей усадьбы въ Межникъ, вверхъ по рѣкѣ,—лѣвымъ берегомъ,—верстахъ въ двухъ встрѣчается и тянется болѣе чѣмъ на версту замѣчательное явленіе: прямой, совершенно правильный, какъ желѣзно-дорожная насыпь, валъ, одинаковой высоты и ширины;—въ трехъ мѣстахъ онъ какъ-бы перерывается, отклоняясь, подъ прятымъ угломъ, въ глубь лѣса отъ обоихъ концовъ перерыва на разстояніе болѣе ста саженъ, гдѣ идетъ

также прямо, сохраняя одинаковую вышину и ширину; рѣка здѣсь особенно извилиста, но валъ не подчиняется ея загибамъ, а идетъ все прямо; между нимъ и берегомъ разстояніе не больше 15—20 саженъ. Противоположный берегъ представляетъ на протяженіи вдвое большемъ, чѣмъ валъ, почти отвѣсную крутизну, вышиною, на глазъ, не меньше десяти саженъ, высота же вала всего сажени двѣ. Къ крайнему сожалѣнію намъ еще недовелось улучить время, чтобы сдѣлать подробное измѣреніе всѣхъ направленій вала. Въ дальнѣйшемъ протяженіи дороги къ Межнику, вдоль той же рѣки, ничего подобнаго не встрѣчается. Что это за валъ? представляетъ-ли онъ то естественное образованіе ледника, наступавшаго или отступавшаго, которое встрѣчается въ Финляндіи, въ Швеціи и въ нашемъ Пріонежьи, и называется у Шведовъ „Озами", а у Онежанъ „Сельгами",—или это искусственное укрѣпленіе? Подобныя явленія намъ приходилось наблюдать верстахъ въ пяти отъ Боровичь, по дорогѣ къ знаменитому селу Кончанскому, вправо отъ Мсты, и по земской дорогѣ въ Валдай, между Валдайкою и городомъ, на обширной горной равнинѣ, по направленію къ большой деревнѣ Шуѣ, Зимогорской волости, не доѣзжая до Валдая; на этой равнинѣ валообразныя возвышенія повторяются въ трехъ мѣстахъ; одно, какъ и Боровичское, имѣетъ видъ желѣзно-дорожной насыпи, а два—съ волнообразною или змѣевидною вершиною; всѣ же четыре лежатъ по равнинѣ дугою, обращенною выпуклостью на востокъ къ полдню; длина каждаго больше двухъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ промоинахъ Валдайскихъ возвышеній примѣчается строеніе, близкое къ наблюдаемому въ Озахъ и Сельгахъ, то есть: въ нижней части крупные валуны, перемѣшенные съ угловатымъ щебнемъ, чаще всего плитняковымъ; чѣмъ выше, тѣмъ больше щебня; а со средины высоты—однородный красноватый песокъ. Отвѣсные обрывы праваго берега Оскуя поросли лѣсомъ; хотя кое-гдѣ и видны по нимъ слѣды весеннихъ проточинъ, но они заплыли, такъ что строенія примѣтить мы здѣсь не могли. Своеобразный видъ вала въ Деревахъ невольно выдвигаетъ предположеніе о сооруженіи его руками человѣка. Не эти-ли Дерева слышатся въ отмѣткѣ Лаврентьевскаго сборника? Не сюда-ли ходилъ Игорь за данью? Вопросы эти ждутъ рѣшенія.

Въ Старорусскомъ уѣздѣ есть Деревипъ ручей и поселокъ. Нѣтъ-ли въ нихъ связи съ Деревами?

„Возъемавъ дань Игорь поиде въ градъ свой". Что слѣдуетъ считать здѣсь данью, и что—градомъ.

Рѣчь всякаго долговѣчнаго народа растетъ и развивается вмѣстѣ съ нимъ. Звуковыми сочетаніями обозначаются прежде всего предметы, чаще нужные въ жизни семьею или обществомъ, при возникновеніи которыхъ и начинается условная членораздѣльность звуковъ; человѣкъ, оставленный младенцемъ въ пустынѣ и выросшій безъ сообщества себѣ подобныхъ существъ, остается, какъ показали наблюденія, нѣмымъ. Послѣ изобрѣтенія и усвоенія семьею, или и цѣлымъ обществомъ, словъ предметныхъ появляются слова, опредѣляющія состояніе неподвижныхъ и дѣятельность противоположныхъ,—за тѣмъ, уже устанавливаются слова для выраженія представ-

леній и отвлеченностей всякаго рода, и для переноснаго обозначенія качествомъ предмета осязаемаго—понятія изъ области представленія. Словомъ дань выражается дѣйствіе добровольнаго отчужденія движимости ея хозяиномъ въ пользу другого, а затѣмъ въ переносномъ смыслѣ этимъ же словомъ выражается и повинность, сборъ съ одной стороны въ пользу другой за какое-либо одолженіе, или просто по праву сильнаго.

Русская рѣчь богата количествомъ словъ первообразныхъ и переносныхъ; какимъ путемъ и въ какія времена накопилось подобное богатство—еще языковѣды не дошли,—но во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что „дань" въ X вѣкѣ выражала сборъ въ пользу собственника земли съ ея насельниковъ, пользующихся этою землею въ личную себѣ прибыль. Слово князь выражало тогда не болѣе, какъ богатаго собственника; въ Литовскомъ говорѣ оно слагается, какъ уже сказано, изъ двухъ: „Куни-гасъ", а что такое Куна и какое значеніе имѣла кунья шкурка въ жизни нашихъ предковъ и Невровъ-Литовцевъ—мы уже объяснили; стало-быть князь—это „гость", скупающій куньи и другіе мѣха (Срав. „Монетное дѣло въ Литвѣ" статья А. К. Киркора въ „Древностяхъ Моск. Арх. Общ." Ч. II, стр. 88). Недаромъ нашъ народъ и теперь называетъ бродячихъ татаръ-халатниковъ—князьями. Возможно, поэтому, что „Дерева" Крестецкаго уѣзда возникли первоначально въ далекія долѣтописныя времена, среди земель богатаго торговца кунами, въ лѣсахъ съ высокими холмами и береговыми обрывами и отлетами, обнажавшими внутреннее построеніе свое изъ крупнаго валуна, пересыпаннаго пескомъ и щебнемъ; такой видъ Деревской мѣстности ручается за привольную жизнь въ ней некрупнаго пушнаго звѣря, лисицы, куницы, хорька, норки, бѣлки, бобра и многихъ другихъ грызуновъ и хищниковъ. Если сравнить наши Дерева съ мѣстностью Волынскою, найдется между ними во внѣшности много общаго, вызвавшаго перекочевку Ильменцевъ-Деревлянъ въ ту сторону. Слѣдовательно мы можемъ видѣть въ дани съ Деревлянъ, имѣвшей плачевный исходъ для землевладѣльца Игоря, непосильность обложенія охотниковъ за право пользованія его землями и лѣсами; направленіе за добычею, по требованію дружинниковъ-удальцовъ бездомныхъ, варяговъ, или ворягъ, въ Деревскую сторону показываетъ, что тамъ жили состоятельные промышленники-охотники, съ которыхъ землевладѣлецъ привыкъ брать, что хотѣлъ.

Собравъ дань, Игорь пошелъ въ градъ свой. Гдѣ находился этотъ градъ? Мы видѣли, что по утвержденіи мира съ Греками Игорь „нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣвъ ко всѣмъ странамъ". Запись эта помѣщена подъ тѣмъ же 905 годомъ, подъ которымъ и разсказъ объ убіеніи его. Слѣдовательно онъ имѣлъ миръ и съ тою Деревскою землею, которая была на Волыни. Значитъ Дерева лѣтописи Нестора были не тамъ, и городъ, въ который Игорь пошелъ, собравъ дань, былъ не Кіевъ; лѣтописецъ говоритъ: „Поиде въ градъ свой"—значитъ онъ пошелъ въ собственный градъ, въ свою усадьбу.

На обратномъ пути изъ Деревовъ Игорь сказалъ дружинѣ:—„Идѣте съ данью домови, а я возвращюся, похожю и еще; пусти дружину домови съ

маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣнья". Изъ этого мѣста лѣтописи мы заключаемъ, что дружина, съ которою князь ходилъ въ Дерева, жила не въ собственномъ его городѣ, гдѣ ея было не много.

Допустимъ пока, что этотъ городъ былъ въ „Княжемъ дворѣ"; дорога къ нему лежала, какъ и теперь, или Оскуемъ и Волховомъ чрезъ Новгородъ, а за тѣмъ Ильменемъ и Шелонью; или же горою, побережьемъ Ильменя, мимо селенья Деревика и деревни Веряжи, а также мимо Коростыни, не въ дальнемъ отъ этихъ поселковъ разстояніи. Выше мы высказали предположеніе объ утвержденіи договора съ Греками подъ осень, въ судные дни іудействовавшихъ Хозаръ; пока Игорь ходилъ въ Кіевъ и устраивался тамъ, времени прошло достаточно; вернуться опять въ свое родное имѣнье ему пришлось уже по снѣгу; охота на пушнаго звѣря самолучшая зимою;— надобно думать, поэтому, что въ Дерева онъ ходилъ зимою; должно быть въ эту зиму охота была тамъ и вездѣ въ его земляхъ особенно удачна, что и вызвало желаніе поживиться ею вдвойнѣ. А если обходъ имѣнья былъ зимою,—возвращаться приходилось уже не водою, а горою.

Богатые землевладѣльцы временъ Игоря нанимали дружинниковъ; возвращаясь съ обхода мимо Веряжи, созвучной „варягамъ", князь могъ тутъ именно и отпустить ихъ „домови", такъ какъ до Кряжего двора было уже недалеко,—къ тому же еще ближе лежитъ поселокъ—Дворицы, получившій, должно быть, это названіе отъ бывшаго на его мѣстѣ двора землевладѣльца. Первый обходъ за данью Игорь началъ, вѣроятно, съ поселковъ ближайшихъ, а въ числѣ ихъ и съ стоявшаго на мѣстѣ нынѣшней Коростыни.

Мы допустили какъ отдаленную догадку, что „градъ свой" лѣтописи есть мѣстность нынѣшняго Княжего двора; теперь будемъ подходить къ дѣйствительности этой догадки, сокращая отдѣляющія разстоянія ея отъ дѣйствительности:—Игорь отпустилъ большую часть дружины домой, сказавъ, что онъ съ остаткомъ ея походитъ еще за данью. Отъ селенія Веряжи до Коростыни недалеко; если теперь рѣчи правительственныхъ чиновниковъ, произносимыя въ одной деревнѣ и имѣющія какое-нибудь значеніе для другихъ, сосѣднихъ, передаются очень скоро, какъ жизненная новость дня,—такъ и въ далекомъ прошломъ бытовалъ, конечно, этотъ свычай; жители Коростынской мѣстности, имѣвшіе своего кулака-богача, Куни-гаста, въ лицѣ Мала Нискинича, слѣдили, разумѣется, за поборами собственника земли, на которой они жили; у Мала Нискинича не могло не быть друзей-пріятелей между дружинниками и дворовою челядью Игоря, которыхъ онъ кормилъ-поилъ. Неудивительно, что Коростынцы узнали очень скоро о намѣреніи князя „еще походить"—съ малою дружиною; они имѣли возможность посовѣтоваться на „Суемѣ", созванномъ тѣмъ же кулакомъ-Кунигасомъ, и предпринять мѣру огражденія своего дохода съ звѣринаго промысла отъ алчности землевладѣльца и распутныхъ дружинниковъ его.

Самое умерщвленіе Игоря описывается такъ: Деревляне „послаша къ нему, глаголюще: почто идеши опять? поималъ еси всю дань". Если-бы градъ Игоря былъ далеко отъ мѣста, гдѣ его убили, онъ, привыкнувшій къ

праву насельниковъ родовыхъ своихъ земель, и понявъ, что вопросъ ихъ далеко не заключаетъ отклика добродушія и готовности подчиниться требованію землевладѣльца собственника, не пошелъ-бы съ малою дружиною впередъ, за данью, а или отступилъ-бы, или созвалъ-бы тѣхъ дружинниковъ, которыхъ отпустилъ по домамъ;—но когда рѣчь Деревлянъ Игорь выслушалъ близъ своей осѣдлости и близъ селенія Веряжи, куда, по нашему предположенію, пошла на отдыхъ большая часть его дружины,—ему стоило только послать двухъ гонцовъ въ Княжій дворъ и къ Веряжи, чтобы при первой попыткѣ Деревлянъ къ сопротивленію получить сильную рать и заставить ихъ смириться. Но и Деревляне поняли выгоду своего положенія и случая расправы съ алчнымъ землевладѣльцемъ. „И не послушаше ихъ Игорь, и вышедше изъ града изъ Коростеня Деревляне убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало“. Видимо они поспѣшили на встрѣчу своему притѣснителю и не дали ему опомниться и послать гонцовъ.

„И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Изъкоростеня (по Лаврентьевскому, а по Кенигсбергскому „у Коростеня“) града въ Деревѣхъ и до сего дне“. Близъ Коростыни, между нею и деревнями Коломо и Витонями, сохранилось нѣсколько кургановъ; объ одномъ, который обширнѣе другихъ, въ народѣ говорятъ, что въ немъ похороненъ какой-то князь. Насколько согласно это преданіе съ дѣйствительностью судить теперь мы не будемъ, но не будемъ и отрицать; курганы хотя и копаны въ мѣстности около Коростыни, но не всѣ, и притомъ ни въ одномъ, сколько намъ извѣстно, не испытана почва, служащая основаніемъ кургановъ, тогда какъ раскопки многихъ русскихъ кургановъ, произведенныя въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, показали, что первоначальное погребеніе захоронено подъ основаніемъ кургана, представляющаго какъ-бы памятникъ надъ могилою усопшаго; встрѣчаемыя же нерѣдко захороненія въ самой насыпи его оказывались, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, по погребальной обстановкѣ, болѣе поздними. Необходимо, слѣдовательно, вскрыть и изслѣдовать Коростынскіе курганы, съ соблюденіемъ пріемовъ, употребляемыхъ большими знатоками этого дѣла и много опытными кургано-копателями, В. В. Антоновичемъ, графомъ А. А. Бобринскимъ, Д. Я. Самоквасовымъ (Труды ихъ въ изданіяхъ Московскихъ обществъ—Археологическаго и Естествовѣдѣнія, Императорской Археологической коммиссіи и другихъ).

Сказаніе лѣтописи о подробностяхъ мщенія Ольги за смерть Игоря признаются Карамзинымъ, и другими бытописателями, „отчасти не согласными съ вѣроятностями разсудка и взятыми, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки“ (Карамзинъ, Ч. I, гл. VII, стр. 97). Если считать „Дерева“ и „Деревлянъ“ Лаврентьевскаго сборника за землю Древлянскую, самостоятельную во внутреннемъ управленіи и отбывавшую въ пользу Кіева налогъ въ качествѣ державства ему союзнаго, и если ее видѣть на Волыни—сказочность подробностей мщенія выступитъ рѣзко; предложеніе же овдовѣвшей Ольгѣ, имѣвшей уже тогда около 50 лѣтъ, руки Мала-Нискинича, Древлянскаго князя, не заключающее ничего невѣроятнаго, но еще и дальновидное,—чтобы Игорева преемника, малолѣтняго Святослава, воспитать

въ смыслѣ усиленія земли Древлянской до главенства надъ Кіевскою Русью,—невѣроятно только въ подробностяхъ по сватовству: Древляне, убившіе Игоря, посылаютъ въ столицу его, въ Кіевъ, „Лучшіе мужи, числомъ двадесять, въ ладьи, по Ольгѣ". Посольство—болѣе чѣмъ неразумное; въ одной ладьѣ плыть къ Кіеву 20-ти лучшимъ мужамъ, хотя-бы съ сотнею слугъ—значитъ идти на вѣрную смерть. Но если Ольга жила съ Святославомъ (вспомнимъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго) въ Княжемъ дворѣ, или въ Выбити, на Шелони, и если Малъ былъ не владѣлецъ Деревской земли, а кулакъ-богачъ, возможно и сватовство и посольство; пробѣжать въ ладьѣ отъ Коростыни до Княжего двора и до Выбити Ильменемъ и Шелонью—недолго; Деревляне-Коростынцы могли знать, насколько немногочисленна челядь овдовѣвшей княгини,—могли знать и образъ мыслей какъ этой домовой челяди, такъ и Веряжанъ—или Варяговъ, наемныхъ-ли, или подвластныхъ Игорю дружинниковъ,—такъ что посольство изъ 20 лучшихъ мужей, да еще съ гребцами и слугами, не имѣетъ вида безумной отваги: съ челядью, если-бы она встрѣтила посольство враждебно, оно легко управилось-бы, а отъ Варяговъ убѣжало-бы въ своей ладьѣ. Сватовство богача-кулака, да еще молодого и сильнаго, къ пожилой вдовѣ богатаго землевладѣльца, имѣющей на рукахъ маленькаго сына, и теперь явленіе заурядное, особенно въ торговомъ быту: выходъ вдовы богатаго купца, не только пожилой и съ дѣтьми, но и молодой одинокой за одного изъ прикащиковъ покойнаго мужа, повторяется сплошь-да-рядомъ. Лѣтописецъ приводитъ основанія сватовства; Деревляне говорятъ Ольгѣ: „Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли Деревску землю". Дальнѣйшія подробности сватовства и мщенія общеизвѣстны и къ нашему предмету не имѣютъ отношенія, будь онѣ дѣйствительны, или сказочны. Въ приведенной рѣчи пословъ слышится говоръ сватовъ отъ насельниковъ большого имѣнія къ вдовѣ собственника, а не пословъ страны Древлянской, какъ союзнаго Кіеву государства. Какъ-бы ни „распасли"—то есть сохранили и возвеличили владѣтельные князья Древлянъ Волынскихъ свою страну, вдовѣ Игоря не было никакого разсчета вообще ставить себя и своего сына, выходомъ замужъ за Древлянскаго князя, въ зависимость отъ державцевъ Кіевскихъ; но если сватовство шло отъ богатаго кулака Куни-гаса, принятіемъ его и замужествомъ она нисколько не умалила-бы правъ своихъ и Святославовыхъ на Кіевъ.

Обратимся наконецъ къ чтенію названія города, близъ котораго убитъ Игорь, по спискамъ Нестора—Лаврентьевскому и Кенигсбергскому. Въ пользу перваго чтенія „Изъкоростенъ" приводятъ Волынское мѣстечко Искорость,—а въ пользу второго—значительный поселокъ на берегу Ильменя—Коростыня.

По поводу Искорости мы ссылаемся на существующее до сихъ поръ въ Чердынскомъ уѣздѣ селеніе Искоръ; близъ него есть городище, раскопанное еще въ 1820 году Берхомъ (его путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, стр. 96); здѣсь найдены остатки печей, битыхъ изъ глины,

куски накипи, образующейся при выплавкѣ рудъ,—кольцо изъ чистѣйшаго серебра безъ малѣйшей примѣси,—нѣсколько замковъ узорчатой работы,—ключъ очень высокой отдѣлки съ золотою насѣчкою,—бердышъ, искусно откованный съ наваркою изъ уклада,—сошникъ грубой работы,—два ножа,—копьецо,—нѣсколько кусковъ желѣза и уклада,—оральникъ,—еще четыре замка, и—мѣдныя серьги (Срав. Рычкова, Дневныя записки 1770 г., страница 115; Словцова Историч. обозр. Сибири. Ч. I, стр. 133). Есть еще Искоръ въ числѣ селеній Алтайской горной области. Въ „Большомъ чертежѣ показанъ на рѣкѣ Совѣ градъ Искоръ" (книга глаголемая Большой чертежъ; Спасскаго. Москва, 1846 г., стр. 207). Самая Сибирь извѣстна подъ именемъ „Искеръ" и „Искоръ". Мы имѣли уже случай замѣтить, что Катрфажъ и его послѣдователи выводятъ первонасельниковъ Европы изъ Сибири; наши Коломецкія находки говорятъ о сношеніяхъ Ильменцевъ съ племенами, вѣтви или потомки которыхъ жили, а нѣкоторые и теперь еще живутъ, въ Сибири; Катрфажъ ведетъ первонасельниковъ изъ Сибири чрезъ всю Россію на западъ Европы и во Францію. Такимъ образомъ, дорога отъ Алтайско-Уральскихъ предѣловъ чрезъ Россію къ Франціи проложена съ незапамятныхъ временъ; немудрено, что въ имени одной значительной рѣки Франціи Oбe—слышится наша Сибирская Обь. Слѣдовательно Волынская Искоростъ есть выселокъ Алтайско-Пермскихъ Искоровъ. Вышеприведенное мнѣніе г. Руссова, что современное ему село Дѣдично въ землѣ Волынской, въ имѣніи гг. Любовицкихъ, есть древній Коростень—едва ли способно соперничать съ правомъ Искоровъ на Искорость Карамзина и прочихъ именитыхъ писателей: по Россіи найдется великое множество мѣстъ городовъ съ двумя и болѣе остатками воротъ, башенъ, храмовъ и т. п., если горячее воображеніе пожелаетъ называть ими кучи камней, нагроможденныхъ природою или руками человѣка когда-то и для чего-то. Деревенька Шатрицы, принимаемая Волынскими записками за основаніе къ заключенію о возникновеніи ея на мѣстѣ стана Ольги, явившейся къ Коростыню для послѣдняго, изъ цѣлаго ряда сказочныхъ дѣйствій мщенія,—на нашъ взглядъ ровно ничего не доказываетъ; во-первыхъ потому, что походныя палатки назывались у насъ въ древности ставками, совокупность которыхъ даетъ станъ;—а во-вторыхъ названій селеній именами, производимыми отъ шатра, много; верстахъ въ пяти отъ Новгорода, между Нередицею и Ковалевымъ, также есть село Шатерно. Поэтому, и имѣя въ виду, что въ Лаврентьевскомъ сборникѣ значится въ написаніи названія разсматриваемаго города, въ двухъ мѣстахъ, разница—въ первомъ „Изъкоръстѣня", а во-второмъ „Искоръстѣня",—въ Кенигсбергскомъ же—въ первомъ случаѣ „Изъ" поставлено отдѣльно, а названіе города въ обоихъ случаяхъ одинаково—„изъ Коростѣня" и „У коростѣня",—мы признаемъ болѣе правильнымъ считать въ Лаврентьевскомъ описки или своевольныя поправки неясныхъ мѣстъ „ветшаныхъ книгъ"—и читать по Кенигсбергскому—Коростень. Названіе это сложилось, должно-быть, въ зависимости отъ обычая Деревлянъ, какъ лѣсныхъ жителей, крыть свои дома корою.

Всѣми приведенными данными и соображеніями мы сокращаемъ разстояніе между догадкою и дѣйствительностью о мѣстности того града Лаврентьевскаго сборника, идя въ который изъ Деревъ Игорь задумалъ снова собрать дань. Намъ представляется, что градъ этотъ былъ или Княжій дворъ, или Выбить,—на Шелони, а Коростень тамъ, гдѣ нынѣшняя Коростыня. Если сосѣднее со всѣми тремя мѣстностями Голино будетъ поселкомъ, образовавшимся изъ Геродотовой Гелоны, тогда мы станемъ еще ближе къ искомой дѣйствительности: близъ Греческаго города естественно селились наиболѣе промышленные обитатели страны, богатѣвшіе за нѣсколько столѣтій до Р. Х. отъ торговли съ Гелонцами и распространявшіе все болѣе и болѣе и свои владѣнія и свое вліяніе на строй торговой Ильменской страны. Селенія: Угощи—близъ Выбити, Подгощи—близъ Коростыни—безспорные свидѣтели наѣзжавшихъ сюда гостей-торговцевъ; рѣки Веряжа и Веренда, впадающія въ Ильмень недалеко вообще отъ Голина, деревня Веряжа—къ полдню отъ Коростыни, Витонь, Свинордъ и многія другія селенія, названія которыхъ звучатъ не русскою рѣчью, ведутъ къ заключенію, что сюда собирались не одни Славяно-Русы Ильменцы, а и другіе торговцы изъ земель сосѣднихъ, Литовско-Чудскихъ. Гелонцы возили товары нашей страны въ Греки: они первые, быть-можетъ, проложили лѣтописный путь изъ Славянъ въ Греки,—они же привлекли къ берегамъ рѣкъ этого пути и тѣхъ, покинувшихъ свои семьи и дома, отважныхъ удальцовъ,—гдѣ торговцевъ, а гдѣ и грабителей-ворягъ,—которые впослѣдствіи образовали цѣлыя орды бродячаго люда, получившія прозвище Варяговъ. Не будетъ, поэтому, невѣроятнымъ наше заключеніе, что полубаснословныя имена Бравалиновъ, Иворовъ, Гостомысловъ и Рюриковъ—принадлежатъ богатымъ землевладѣльцамъ, доставлявшимъ сперва Гелонцамъ, а затѣмъ Коростынцамъ, Выбутцамъ и прочимъ, наконецъ Славлянамъ и Новгороду—произведенія обширныхъ земель своихъ,—получившимъ прозваніе Куни-Гасовъ, перешедшее въ Конунговъ, Кениговъ и князей. Такіе Куни-Гасы, сплотившись тѣсно съ сосѣдями, образовали силу въ странѣ своей, долженствовавшую вліять, и дѣйствительно вліявшую, на ея ростъ и процвѣтаніе. Поэтому естественно вліяніе Выбитскаго Гостомысла, Княже-дворскаго хозяина, Рюрика или какого другого, Ладожскаго Олега, Игоря и иныхъ—надѣла страны Ильменской, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ удальцовъ бездомныхъ, которые составляли силу крупныхъ землевладѣльцевъ Кунигасовъ-князей. Возможно, какъ уже сказано, стремленіе того или другого изъ вліятельныхъ богачей-землевладѣльцевъ къ исключительному преобладанію въ Ильменской странѣ,—возможны и единичные случаи временнаго осуществленія подобныхъ стремленій, смутно отражавшихся во времена Преподобнаго Нестора въ преданіяхъ, или въ былинахъ, о молодецкихъ подвигахъ предводителей бродячихъ скопищъ,—но ни лѣтопись, ни памятники вещественные, до нашихъ дней открытые и обслѣдованные, не даютъ незыблемыхъ устоевъ для безповоротнаго заключенія объ окончательномъ подчиненіи ими своей власти, на время болѣе или менѣе продолжительное, насельниковъ страны Ильменской. Вотъ почему мы считаемъ самобытіе на-

шей страны исконнымъ ея достояніемъ, выработаннымъ еще въ тѣ незапамятные вѣка, когда утвердилось вѣрованіе въ Бога—Боговъ, Творца міра (Свидѣтельство Прокопія Кесарійскаго, современника Велизарія), единственнаго властелина вселенной, въ чистый верховный разумъ, облекшійся со временъ крещенія въ Божію Премудрость; этотъ воображаемый властитель и былъ державнымъ повелителемъ и верховнымъ обладателемъ всей страны Ильменской, не зависѣвшей ни отъ какого державца—человѣка.

Помимо сближеній лѣтописныхъ выраженій и объясненій ихъ мѣстными названіями и соображеніями, мы видимъ подтвержденіе нашего вывода о самобытіи страны Ильменской въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками и въ предварительномъ соглашеніи предъ заключеніемъ перваго. Въ этихъ памятникахъ четыре предмета подкрѣпляютъ наше заключеніе;—имена личныя,—уклады на города,—законъ русскій и—князья, зависящіе отъ Олега и Игоря. Разберемся въ каждомъ изъ этихъ предметовъ.

Какъ въ приведенныхъ названіяхъ селеній по западному берега Ильменя и Шелони, такъ и въ личныхъ именахъ обоихъ договоровъ слышны звуки сродные русскому говору и чуждые его,—хотя нельзя не допустить переиначенія многими переписчиками договоровъ и лѣтописныхъ сборниковъ, въ которыхъ они помѣщены; сродными нашему говору представляются имена: Вельмудъ (Велемудръ), Стемидъ (Щемитъ—безпокоитъ, надоѣдаетъ, стонетъ); Иворъ (Ингварь—Игорь), Улѣбъ (Глѣбъ), Прастѣнъ—(это похоже на прадѣдъ или на Пращуръ; въ договорѣ Игоря значатся Прастѣнъ Турдубъ и Прастѣнъ Якунъ), Тудковъ. Каршевъ, Турдовъ, Воиковъ, Берковъ, Ятвягъ Гунаревъ, Колъклековъ, Гудовъ, Сеггистоновъ, Сфирка (можетъ быть христіанинъ Спиридонъ—Спирка),—Сфирьковъ (тоже;—не отъ Свирили оба?),—Гудовъ (гудѣть, гудитъ),—Утинъ;—Куци (куцій—безхвостый);—Турбидъ (трубитъ; трубачъ?);—Фрастѣнъ (тоже, что Пристѣнъ?); Синко и Боричь (или Биричь—должностное лице, въ родѣ нашего судебнаго пристава,—или Борисовичъ). Всѣхъ личныхъ именъ въ обоихъ договорахъ около 70; мы выбрали изъ нихъ только тѣ, которые по окончаніямъ, какъ прозвищъ, на *овъ* и *нъ*, и по значенію—вполнѣ понятны нашему говору; такихъ оказалось больше 20; въ испорченныхъ переписчиками навѣрное столько же, если не болѣе; остальные звучатъ непривычно современному сочетанію слоговъ въ словахъ русскаго языка; извѣстно, что развивающаяся рѣчь всякаго племени забываетъ нѣкоторыя слова, означавшіе давно отжившіе предметы; возможно, что въ именахъ личныхъ, сложившихся повидимому не изъ нашего говора,—сказываются чистые Славяне и Русы,—и лишь въ незначительномъ числѣ—Нерома—Чуди, то есть Литва и Чудь. Тоже слышится и въ названіи Пороговъ Днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго, такъ: первый порогъ Эссуни—перековерканное „неусни“;—по славянски и по-русски „неспи“;—второй—„Ульворса“—по-славянски—„Островуни прагъ“;—третій „Геляндри“—„звукъ порога по нашему говору“;—четвертый—„Эифаръ“—„Неясыть“ (птица пеликанъ);—пятый „Боруфорогъ“ (извращенное грекомъ Парусъ-порогъ; по гречески парусъ φάρος)—по-славянски „Вульни-прагъ“—то есть открытое мѣсто, по которому пла-

вали на веслахъ и съ парусами;—шестой „Леанти"—по славянско-русски „Веруци"; здѣсь плавцы имѣли обыкновенно стоянку и варили себѣ кушанье; и седьмой—„Струбунъ"—„Напрези"—то есть, напрягай силы—по быстротѣ теченія и по извилинамъ;—быть-можетъ „Напрези" значитъ передній, какимъ онъ былъ для плавцовъ, идущихъ вверхъ по Днѣпру. Карамзинъ объясняетъ чуждыя нашему говору названія пороговъ Норманскими и Готскими; но признаетъ тутъ же, что русскіе Славяне назывались въ Европѣ Норманами, ссылаясь на свидѣтельство Ліутпранда, Кремонскаго Епископа, бывшаго въ X вѣкѣ два раза въ Константинополѣ, видѣвшаго тамъ русскихъ Славянъ и знавшаго ихъ (Ср. Memoriae populorum, Ч. II, стр. 982; Карамзина, Ист. Гос. Рос. Ч. I, стр. 28, примѣч. 99—102).

Имена личныя и названія пороговъ, здѣсь приведенныя, доказываютъ, что Олегъ и Игорь ходили въ Греки общеизвѣстнымъ въ X вѣкѣ путемъ изъ той мѣстности, въ которой мы видѣли русскіе и не наши наименованія поселковъ, то есть изъ Ильменско-Шелонской, Волховской и Литовской, или Волотьской. Въ своемъ мѣстѣ этого же отдѣла будутъ поименованы, сверхъ названныхъ выше поселковъ, въ числѣ другихъ, не русскихъ, и прочіе, расположенные на западъ отъ Ильменя.

Въ предварительномъ соглашеніи съ Греками „Олегъ заповѣда даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая города". По объясненію Карамзина „уклады"—это дань или налоги. Новгородъ не упомянутъ здѣсь;—почему? не потому конечно, что онъ разумѣется въ числѣ прочихъ городовъ; онъ былъ слишкомъ важенъ и извѣстенъ, чтобы не попасть въ общее число по забывчивости. Договоры заимствованы, какъ говорятъ изслѣдователи, лѣтописцемъ изъ греческихъ записей; быть-можетъ Греки пропустили Новгородъ, считая его маловажнымъ; но византіецъ, писатель X вѣка, Константинъ Багрянородный, хорошо зналъ его, зналъ и то, что Русы, направляясь къ Черному морю походомъ, выходили именно изъ него, за тѣмъ къ Русамъ присоединялись Смольняне (Милиниски подлинника), Любчане (Тилюцa), Черниговцы и Вышеградцы. Не названъ Новгородъ, по нашему мнѣнію, потому, что онъ былъ главою всѣхъ прочихъ, поименованныхъ и не поименованныхъ,—главою всѣхъ князей и всей дружины, господаремъ и повелителемъ всѣхъ земель, составлявшихъ тогдашнюю Русь.

Въ договорахъ установлена взаимная отвѣтственность подданныхъ договаривавшихся сторонъ за ихъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая отвѣтственность опредѣлена по закону русскому, что и выражено въ договорѣ,—въ другихъ хотя ссылка на русскій законъ не сдѣлана, но наказаніе за преступленіе и самые признаки его вполнѣ соотвѣтствуютъ отрывку сборника, называемому Правда Русская. Въ обоихъ договорахъ помѣщена слѣдующая, между прочими, статья: „Аще кто ударитъ мечемъ, или бьетъ падѣмъ либо сѕсудомъ, за то ударенье или убьеніе (ушибъ, пораненіе) да вдастъ лѣтръ пять сребра по закону русскому; аще ли будетъ неимовать (неимущъ) тако створивый, да вдастъ елико можетъ, и да соиметъ

съ себе и ты самыя порты, въ нихъ же ходятъ, а о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тижа оттолѣ невзыскуема о семъ". Въ Русской Правдѣ этотъ законъ выраженъ такъ—по кратчайшему списку:—„Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью (кулакомъ, ладонью, пятернею), или чашею, или рогомъ (во время попойки), или тылѣснію, (тыльемъ, обухомъ боеваго топора-бердыша); то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему: то ту конецъ". Въ спискахъ Троицкомъ и Карамзинскомъ первая половина этого закона повторяется слово въ слово;—вторая же выражена точнѣе и понятнѣе; вмѣсто словъ „аще сего не постигнутъ" и т. д. до конца, значится: „Не терпяли тому ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть" (начало ненаказуемости при взаимности обидъ). Доказательство присягою слышится въ законѣ Русской Правды о судѣ двѣнадцати. Статьи обоихъ договоровъ, о взысканіи на обиду дѣйствіемъ пяти литръ серебра по закону русскому, доказываютъ соотвѣтствіе этой цѣнности 12 гривнамъ Ильменскимъ, взыскиваемымъ, по древнѣйшему списку отрывка Русской Правды, за тоже дѣяніе. Извѣстно (изслѣдованіе Круга), что Византійскій литръ X вѣка составлялъ 72 золотника чистаго серебра, не считая примѣси, дѣлающей ходячую единицу цѣнности наименѣе утрачивающею вѣсъ. Въ пяти литрахъ будетъ 360 нынѣшнихъ золотниковъ чистаго серебра; столько же его должно быть и въ 12 гривнахъ Русской Правды; на одну же гривну придется 30 золотниковъ чистаго серебра; а съ примѣсью Византійскій литръ составлялъ около 84 нынѣшнихъ золотниковъ, или—82 золотника Безсудной Мстиславовой грамоты 1229 года (Русс. Достоп. Ч. II, страница 274; Монета и вѣсъ въ Россіи, Д. И. Прозоровскаго. С.-Петербургъ, 1865 года, стр. 130); пять литръ вытянутъ, поэтому, 420 золотниковъ, а одна изъ 12 гривенъ –35 золотниковъ. Выше мы видѣли Стодиргемную Ильменскую гривну, по вѣсу диргемовъ нашего собранія—почти въ 69 золотниковъ; по этому же разсчету гривна, тоже полная, X вѣка –составитъ 70 золотниковъ; разница, стало-быть, ничтожная. Изъ договора князя Ярослава съ Нѣмцами 1199 года (Русско-Ливонскіе Акты; А. А. Куника № 1) видно, что въ концѣ XII вѣка въ Новгородскомъ государствѣ было четыре вида гривны: гривна старая, гривна серебра, гривна ветхихъ кунъ и гривна кунъ. Старая соотвѣтствовала нашей стодиргемной; гривна серебра ея по винѣ; третья—четверти, а послѣдняя —одной осьмой ея. Въ спискахъ Русской Правды пространныхъ и болѣе позднихъ, взысканіе за преступленія, оплачиваемое по кратчайшему списку 40 гривнами, опредѣлено въ 80 гривенъ,—это значитъ, что счетъ выведенъ по цѣнѣ гривны, уменьшенной вѣсомъ вдвое. Въ спискѣ же, напечатанномъ въ первой части Русскихъ Достопамятностей, въ статьѣ о убійствѣ читаемъ: „Аще кто убіетъ княжа мужа въ разбои, а головника неищють, то вирьвную платити, въ чьей же вьрви голови лежитъ, то 20 гривенъ (числительный звуковой знакъ К); паки людинъ, то сорокъ гривенъ" (стр. 29). Въ кратчайшемъ спискѣ этой статьи нѣтъ; во всѣхъ же прочихъ, то есть—въ Троицкомъ, Крестининскомъ и Карамзинскомъ, приведенная статья повторяется, но во всѣхъ по-

ставлено вмѣсто 20 число 80. Легче всего, конечно, объяснять такую разницу ошибкою писца, хотя между числительными знаками К=20 и П=80—сходства нѣтъ. Съ своей стороны, устраняя описку или ошибку, мы считаемъ болѣе правильнымъ дать такое объясненіе: писецъ дѣлалъ переводъ съ древняго образца, въ которомъ число К=20 не было исправлено, а число І=10 замѣнено знакомъ М=40;—онъ такъ и написалъ. Возможно, что ему былъ данъ образецъ глубокой древности, когда въ обращеніи имѣлась стодиргемная гривна, названная въ договорѣ 1199 года старою, вѣсомъ до 70 золотниковъ; она была вдвое болѣе гривны сребра и въ четверо—гривны ветхихъ кунъ того же договора.

Въ сказаніи о предварительномъ соглашеніи Олега, послѣ перечисленія городовъ, на которые требовались „уклады", изложено,—по Лаврентьевскому сборнику:—„по тѣмъ бо городомъ сѣдять князья, подъ Ольгомъ суще";—а по Кенигсбергскому—„по тѣмъ бо городомъ сѣдяху Великіи князи подъ Ольгомъ суще". Въ самомъ договорѣ значится, послѣ перечисленія лицъ, въ немъ участвовавшихъ со стороны Олега, по первому сборнику:—„и отъ всѣхъ, аже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ",—а по второму—„и отъ всѣхъ, аже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и Великихъ князь и его великихъ бояръ". Въ договорѣ Игоря, послѣ такого же, какъ и въ Олеговомъ, переименованія пословъ, прибавлено, по Лаврентьевскому—„и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій рускія земля",—а по Кенигсбергскому—„и отъ всѣхъ князей рускихъ и отъ всѣхъ людей Рускія земли".

Разсмотрѣнными четырьмя предметами мы подтверждаемъ:—а) именами личными—принадлежность Олега и Игоря къ крупнымъ землевладѣльцамъ западной стороны Ильменскаго державства, населенной Славяно-руссами и Перомо-Чудью, составлявшими дружины этихъ двухъ отважныхъ предводителей;—б) Укладами,—присоединеніе къ Олегу и Игорю крупныхъ землевладѣльцевъ частію полночно-восточной, частію полуденно-западной стороны Ильменскаго же державства; в) Условіями договоровъ—взаимнодѣйствіе всѣхъ предводителей и дружинъ на пользу и славу верховнаго властелина тѣхъ земель, которыми они владѣли, въ соотвѣтствіи съ закономъ, выработаннымъ Ильменскою страною подъ главенствомъ Вѣчнаго—Разума, и сдѣлавшимся общерусскимъ—и г) князьми и великими боярами, состоявшими подъ рукою у Олега и Игоря—единство дѣйствій разнородныхъ племенъ, населявшихъ нашу страну; не зависимо отъ мѣстностей, нравовъ и обычаевъ, на пути къ преуспѣянію и возвеличенію ея.

Самобытіе и главенство Ильменскаго державства надъ княжескою Русью послѣ Игоря, при Св. Ольгѣ, и значеніе первыхъ князей не болѣе какъ крупныхъ собственниковъ, мы усматриваемъ и изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о раздѣлахъ ея.

Исчерпавъ всѣ сказочныя средства, чтобы отомстить умерщвленіе мужа—„Иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною уставляющи уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Кіевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ; и пребывши лѣто едино, иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки

и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ. И изрядивши възратися къ сыну своему Кіеву, и пребываше съ нимъ въ любъви" (Лаврент. годы 6454=946 и 6455=947).

Карамзинъ и прочіе наши бытописатели видятъ въ этомъ извѣстіи лѣтописи свидѣтельство внутренне-государственнаго устройства княжеской Руси и, въ числѣ земель ея, страны Ильменской. Въ связи съ вышеизложеннымъ мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ свидѣтельствѣ государственнаго благоустройства Руси вообще и страны Ильменской—въ особенности. Вдова крупнаго землевладѣльца, присоединившаго къ наслѣдственнымъ своимъ имѣніямъ собственныя пріобрѣтенія при помощи отважныхъ дружинъ, понимала, что ближайшею причиною расправы Деревлянъ съ ея мужемъ послужило отсутствіе упорядоченія взаимныхъ отношеній собственника земель къ ихъ насельникамъ, и занялась прежде всего Деревскою землею, чтобы предупредить повтореніе надъ сыномъ ея, еще юнымъ, той же расправы, жертвою которой палъ Игорь. Здѣсь Ольга заключала съ насельниками условія пользованія землями ея сына—„уставы", и опредѣлила количество сборовъ съ добычъ и промысловъ въ видѣ оброка, или „уроковъ"—то есть того, что уречено, выговорено. Для устраненія недоразумѣній въ будущемъ она устроила въ разныхъ мѣстахъ поселки, въ которые слѣдовало доставлять оброкъ,—„становища"—и раздѣлила земли на участки для ловли звѣрей, отдавъ ихъ въ исключительное пользованіе тѣхъ, или другихъ, плательщиковъ,—это—„ловища". Деревская земля обнимала большое пространство Ильменскаго побережья, приблизительно отъ Коростыни до Мсты, и вглубь страны до Оскуя, гдѣ теперешнее селеніе Дерева, бывшее, должно-быть, такимъ же большимъ, укрѣпленнымъ окопами, поселкомъ для отдаленныхъ отъ Ильменскихъ береговъ земель, какимъ былъ Коростень для береговыхъ. Спустя нѣкоторое время, необходимое, чтобы осмотрѣться какъ пойдетъ хозяйство при новыхъ порядкахъ, Ольга пошла въ другія имѣнія мужа: по Ильменской странѣ,—на Мсту и на Лугу, гдѣ завела повосты, тѣже становища, и дани, и оброки. Повосты—это поселки, куда свозились договоренные за пользованіе предметы промысла, напримѣръ: звѣриныя шкуры, медъ, воскъ и проч. Вѣроятно была разница между оброкомъ и данью: подъ первымъ можно разумѣть тотъ сборъ, который упорядоченъ Ольгою, съ охоты, пчеловодства и рыболовства, а подъ вторымъ—вообще плату за землю, обработываемую подъ пашню, или обратно;—здѣсь также опредѣлены ловища; земли раздѣлены на участки особыми знаками—„знаменья",—выговорены особыя „мѣста" для самого-ли хозяина земель, или отличающіяся отъ прочихъ особенною доходностью. Возвращаясь изъ Новгородскихъ имѣній къ Кіеву, Св. Ольга завела такіе же, какъ и здѣсь, порядки по Днѣпру и по Деснѣ, въ земляхъ вновь пріобрѣтенныхъ ея мужемъ, и установила „перевѣсища".

Карамзинъ полагаетъ, что становищи—это мѣста остановокъ, ночевокъ княгини; ловища—гдѣ она во время путешествія забавлялась охотою, по

обычаю князей того времени, а перевѣсища—сѣти для ловли птицъ; погостами и повостами онъ считаетъ правительственныя единицы раздѣленія волостей на участки; оброки и дани, знаменія и мѣста, какъ выраженія обще-понятныя, бытописатель оставляетъ безъ объясненій (опредѣленіе „Перевѣсищъ" дѣлается на основаніи помѣщенныхъ въ одномъ изъ новыхъ списковъ Русской Правды (Засѣцкаго?) статей „О перевѣсѣхъ" и „О птицахъ"). Въ статьяхъ этихъ назначено взысканіе съ того, „кто посѣчетъ верею, или верви перетнетъ въ перевѣсѣ"; и „кто украдетъ въ чеемъ перевѣсѣ чии (чей) песъ, или ястребъ, или соколъ" (Карамзинскій списокъ, статьи 92 и 93). Въ уложеніи 1649 года и въ Писцовомъ наказѣ 1681 года перевѣсами называются угодья въ чужихъ земляхъ, оплачиваемыя оброкомъ, независимо отъ пользованія или не пользованія самыми землями; помѣщены они въ одномъ перечисленіи съ оброками съ рѣкъ, и съ озеръ за рыбныя ловли, за бобровые гоны и за всякія угодья; такъ что можно принять ихъ и за птицеловныя приспособленія;—но ничто не препятствуетъ смотрѣть на перевѣсы—какъ на учрежденія вѣсовыя, для меду и воску, напримѣръ, когда этотъ товаръ идетъ изъ имѣнія внизъ по Днѣпру, напродажу,—въ Греки, или въ другія земли.

Если-бы Св. Ольга заводила новые порядки въ государственныхъ видахъ,—ей нельзя было миновать побережій рѣкъ: Ловати, или Волоти, открывавшей великій водный путь изъ Ильменя въ Черное море, Шелони, протекавшей близъ земель Литвы и Чуди, и,—въ особенности,—Волхова, соединявшаго Новгородъ съ такъ называемымъ Варяжскимъ моремъ и съ землями Еми, Суми, Свеевъ (Шведовъ) и другихъ племенъ, имѣвшихъ сношенія съ Ильменскою страною, по приведеннымъ выше сказаніямъ повѣствователей Датскихъ, Шведскихъ и Новрежскихъ, и по Скандинавскимъ Сагамъ, со временъ до Р. Х. Но если вдова Игоря заводила новые порядки въ родовыхъ земляхъ своихъ, какъ преемница собственника, прозваннаго Гостомысломъ, и своего злополучнаго мужа, ей не было надобности, и она не имѣла права—вторгаться во владѣнія чужеродныя, каковы, напримѣръ, Олеговы—въ сторонѣ къ Ладогѣ, другихъ собственниковъ, названныхъ въ договорахъ Олега и Игоря князьями и свѣтлыми боярами, бывшими подъ рукою ихъ, и владѣвшими, примѣрно, землями по Ловати и по Шелони; въ земляхъ этой послѣдней, близъ Выбити и Княжего двора, или Доворца и Дворицы, какъ принадлежавшихъ издавна предкамъ ея и мужнинымъ, порядки могли быть установлены до нея этими предками и не нуждались въ обновленіи, потому Св. Ольга и не ходила по Шелони.

Вопросъ о значеніи перволѣтописныхъ князей, и отношеній ихъ къ Новгороду, возникъ давно; еще князь Щербатовъ (Исторія Россіи) видѣлъ въ нихъ не болѣе, какъ начальниковъ наемныхъ дружинъ, призванныхъ для охраны владѣній Ильменской страны отъ захватовъ бродячихъ полчищъ. Подъ 882 годомъ въ Начальной Русской лѣтописи помѣщена замѣтка о походѣ Олега съ большою дружиною въ Поднѣпровье, о занятіи Смоленска и Кіева по умерщвленіи Оскольда и Дира, и объ основаніи здѣсь своего постояннаго мѣстопребыванія; за тѣмъ сказано: „Се же Олегъ нача городы

ставити и устави дани Словеномъ Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля; еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ (Лаврентьев. свѣтопеч. изданiе, годъ 6399, стр. 16). За такую плату Олегъ обязался охранять нашу страну;— какъ шла жизнь ея послѣ 882 года—Начальная лѣтопись не сказываетъ; прошло девяносто лѣтъ въ полной неизвѣстности для бытописанiя о событiяхъ Новгородскихъ, и только подъ 970 годомъ таже Начальная лѣтопись даетъ нѣсколько строкъ, намекающихъ на такое продолжительное прошлое: „Святославъ посади Ярополка въ Кiевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Наугородстiи, просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ;—и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ кто квамъ. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: просите Володимера. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ. И рѣша Наугородьци Святославу: вьдай ны Володимера; онъ же рече имъ: вото вы есть. И пояша Ноугородьци Володимера ксобѣ и иде Володимиръ съ брыною воемъ своимъ Ноугороду“ (Свѣтопеч. изданiе Лавр. лѣт., годъ 6478 страница 41). Въ печатномъ изданiи Лаврентьевскаго сборника слова: „съ брыною воемъ своимъ“ исправлены по Кенигсбергскому,—„съ Добрынею уемъ своимъ“. Изъ этой отмѣтки ясно, что Олегъ и прочiе богатые землевладѣльцы Ильменскiе, взявшiеся охранять страну за триста гривенъ въ годъ, направляли свои дружины преимущественно для личнаго обогащенiя, и плохо служили Новгороду; пока не было настоятельной надобности, Ильменцы не требовали постоянной охраны своихъ земель дружинами нанявшихся на службу—предводителей ихъ, управляясь собственными полками; но когда надобность явилась, „людье“, то есть воины-стражники, предъявили свое требованiе и Святославъ не могъ отказаться отъ исполненiя обязательства.

Мы не знаемъ, какiя именно обстоятельства вынудили требованiе дружинъ отъ Святослава; но упоминанiе въ договорахъ Олега и Игоря о многихъ князьяхъ, ходившихъ съ ними на Грековъ, и извѣстiя лѣтописей и Сагъ Скандинавскихъ, а равно и сказанiя сборниковъ Новгородской семьи, даютъ поводы заключить, что за время съ 882 по 970 годъ Ильменскую страну тревожили, какъ и во время Гостомысла, иноплеменные находники, занимавшiе мало по малу далекiя окраины.

Итакъ мы не видимъ достаточныхъ основанiй придерживаться мнѣнiя отечественныхъ бытописателей о зависимости Ильменской страны, въ предлѣтописные и перволѣтописные вѣка, отъ образовавшихся въ княжеской Руси державцевъ, и считаемъ ее самобытною, главенствовавшею въ Руси и содѣйствовавшею дальнѣйшему расширенiю ея предѣловъ и могущества,— чрезъ этихъ предводителей полчищъ, которые по указанiю и, въ извѣстныхъ случаяхъ, по уполномочiю ея, направляли своихъ удальцовъ въ ту, либо въ другую сторону, чтобы очистить выгодные пути сношенiй отъ засѣвшихъ на нихъ, произвольно и насильственно, подобныхъ же полчищъ и обширныхъ ордъ чужеродныхъ находниковъ Азiатскихъ и Европейскихъ.

Выше мы представили основанія, изъ которыхъ выходитъ, что Игорь жилъ до своей женидьбы въ окрестностяхъ Новгорода; между тѣмъ лѣтопись не сказываетъ, чтобы онъ чѣмъ нибудь проявилъ власть свою надъ страною Ильменскою; будь онъ державцемъ ея, княземъ въ смыслѣ государя,—современникъ-составитель памятухъ указалъ-бы на какое нибудь участіе этого князя въ дѣлахъ нашей страны.

Эти предводители занимали отбиваемыя у находниковъ мѣста, селили на нихъ своихъ дружинниковъ, заводили поселки—и были тѣми князьями, и свѣтлыми боярами, о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря, и лѣтописныя замѣтки, напримѣръ:—подъ 907 годомъ: „Иде Олегъ на Грекы, поя же множествоВарягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы яже суть Толковины" (проводники?); и подъ 944: „Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь и Поляны, Словени, и Кривичи, и Тѣверьцѣ и Печенѣги и Тали (это заложники на случай измѣны) у нихъ поя, поиде на Греки" (Лавр. по Москов. изд., стр. 14 и 23).

Начальная лѣтопись не указываетъ границъ владѣній страны Ильменской; но изъ словъ о призваніи князей и о раздачѣ Рюрикомъ городовъ „мужемъ своимъ" видно, что ей принадлежали земли: Мери, Веси, Муромы, Мещеры и Неромо-Чуди (Лѣтописные сборники: Лаврентьевскій, Кенигсбергскій, Переяславскій, Никоновскій, Софійскій, Академическій и другіе). Ученые изслѣдователи начала Руси полагаютъ, что эти земли находились только въ союзѣ съ Ильменскими Славянами и не принадлежали имъ въ собственность; но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія: таже Начальная русская лѣтопись, изъ словъ которой о призваніи князей заключаютъ о союзѣ насельниковъ названныхъ земель съ Славянами Ильменскими, считаетъ ихъ и другихъ, „иже живутъ въ странахъ полунощныхъ данниками Руси: А се суть иніи (кромѣ Славянъ, сидящіе на земляхъ Руси, какою она была при жизни Преподобнаго Нестора) языци, иже дань даютъ Руси (современной, конечно лѣтописцу): Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норова, Любь" (тамъ-же).

Русь этой лѣтописной отмѣтки—именно Ильменская страна, такъ какъ: *во-первыхъ*: въ Двинской лѣтописи читаемъ: „Двинскіе убо жителіе въ началѣ именовахуся Заволоческая Чудь (Древ. Рус. Вивл. Ч. XVIII, стр. 1). Бяху же отъ начала исперва во владѣніи Двиняне за Новгородцы, Тысяцники и Посадники, даньми и оброками. И для тѣхъ сборовъ и росправъ Новгородскіе ихъ Тысяцниковы и Посадниковы Бояре были присыланы, и жили въ Ухтостровской и въ Матигорскихъ и въ иныхъ волостяхъ Намѣстниками, и писано имъ отъ Новогородскихъ Архіепископовъ и въ Посадничихъ грамотахъ, къ Ухтостровскимъ и Матигорскимъ Бояромъ обереженье" (тажъ-же, стр. 3). Въ этой же лѣтописи указаны и предѣлы Двинской земли: „Новопросвѣщенная же Заволоческая Чюдь рѣки великія Двины для того преименовашася Двиняне: та бо рѣка великая Двина начало пріяла тещи отъ конецъ дву рѣкъ, зовомыхъ Сухоны и Юга,—по неже бо тіи двѣ

рѣки Сухона и Югъ аки бо содвинушася снитіемъ во едино подъ Устюгомъ Великимъ, и оттолѣ по тому тѣхъ Сухоны и Юга двурѣкъ отъ конецъ во едино снитію, или содвинутію, та великая рѣка во единствѣ теченіемъ исперва прозвася Двина, и конецъ имени ея теченіемъ въ великое Студеное море Окіанъ, на полночь, треми великими устіи, зовомыми Мурманскимъ, Березовскимъ и Подужемскимъ, и прочими малыми устіи" (стр. 2 и 3). Лѣтописецъ Двинскій изъ самыхъ новыхъ; онъ доведенъ до 1705 года и сообщенъ знаменитому издателю Вивліоѳики, Новикову, Антоніемъ, Епископомъ Архангелогородскимъ и Холмогорскимъ; но составленъ обстоятельно изъ Древнихъ рукописей; гдѣ эти рукописи, хранятся ли онѣ, или уже погибли, намъ неизвѣстно. Быть можетъ членамъ нашего Общества посчастливится встрѣтиться съ ними, потому мы и привели, для сравненія, подробную выписку; *и во-вторыхъ*: изъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ державцами княжеской Руси, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія и напечатанныхъ въ Вивліоѳикѣ и въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ графа Румянцева, оказывается, что земли,—на которыхъ сидѣли, а частію и теперь сидятъ еще, насельники странъ полунощныхъ. Начальной русской лѣтописи, оставались Новгородскими во всѣ вѣка самобытія. Въ старѣйшемъ по времени заключенія договорѣ 1265 года,—съ Великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославовичемъ, значится: „На семъ, княже, цѣлуй хрестъ (доказательства замѣны звуковъ К и Х, о которой упоминалось выше) къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ". Затѣмъ перечисляются владѣнія Ильменцевъ: „А се, княже, волости Новгородскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бѣжицѣ, городъ Палицъ, Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра" (Собр. гр. Рум. Ч. I, № 1). Во второй договорной грамотѣ, съ тѣмъ же княземъ и того же года составленной, названа, кромѣ перечисленныхъ мѣстностей, „Колоперемь" (тамъже № 2); въ Вивліоѳикѣ оба эти памятника отнесены къ 1263 году, и во второмъ—„Колоперемь" раздѣлено: „Коло, Перемь"; между тѣмъ и въ Румянцевскомъ и въ Новиковскомъ чтеніяхъ кромѣ „Коло-Перемъ" названа Перемь еще разъ, отдѣльно (Др. Р. В. Ч. I, стр. 7). Эти же волости, за исключеніемъ Коло и Волока, повторяются во всѣхъ договорахъ, не исключая злополучнаго съ Казиміромъ, Польскимъ королемъ и Великимъ княземъ Литовскимъ, и послѣдняго—съ Великимъ княземъ Московскимъ (Ак. Ар. Эксп. I, № 87, стр. 64; Соб. гр. Рум. I, № 20, стр. 27. Срав. Карамз. Ч. VI, примѣч. 42). Волокъ послѣдній разъ упомянутъ въ договорѣ 1327 года, съ Великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ (Соб. гр. Рум. № 15), а о Коло ни гдѣ, кромѣ указаннаго мѣста, не говорится.

Не всѣ мѣстности, упоминаемыя въ договорахъ, поддаются опредѣленію, въ настоящее время, вполнѣ точному; но большинство можно указать.

Волоковъ было много; этимъ именемъ называются, какъ уже замѣчено, перешейки между двумя путевыми рѣками; чрезъ нихъ кладь волокли первоначально на древесныхъ сучьяхъ, а впослѣдствіи на повозкахъ, на колахъ (т. е. на колесныхъ приспособленіяхъ). Волокъ договоровъ—

это Волоколамскъ-Московскій, по Карамзину, или нынѣшній Вышній Волочекъ. Какія именно волости входили въ составъ его („совсѣми волостьми" говорится въ договорахъ), съ точностью сказать мы не умѣемъ; но предположительно относимъ къ Волоку: Ржеву Пустую, Великіе Луки и Порховъ. Основанія приведемъ ниже.

Торжекъ—существуетъ и теперь въ Тверской землѣ, недалеко отъ нынѣшней Новгородской. О немъ было много споровъ между удѣльными князьями и Новгородцами, однакожъ Тверь не оттягала этого важнаго, по своему положенію на Тверцѣ и близъ Мсты, города, остававшагося за Новгородомъ во все самобытіе.

Бѣжицы—тоже существуетъ въ настоящее время, подъ именемъ Бѣжецка, въ числѣ Тверскихъ уѣздныхъ городовъ. Расположенный въ обширной низинѣ съ ясными слѣдами заросшаго мхами водоема озерныхъ вѣковъ, Бѣжецкій край отведенъ былъ для тѣхъ Балтійскихъ поморянъ, которые, около IV вѣка, искали убѣжища отъ Германарика Готскаго. Самое имя Бѣжицы сложилось отъ заселенія пустыннаго порубежнаго края бѣглецами.

Городъ Палицъ—договора 1265 года—въ послѣдующихъ грамотахъ называется городомъ Палецъ (1327 г. № 15 въ Собр. гр. Румянцева), Городецъ (1307 г. №№ 10 и 11),—Городьцъ Палицъ (1305 г. № 9) и Городецъ Палецъ—въ послѣдней, 1271 года (№ 20). Въ русской лѣтописи много разъ встрѣчаются мѣстности съ названіемъ Городецъ; иногда къ нимъ прибавляется отличительное прилагательное, такъ: Городецъ Востръскій (на р. Острѣ), Городецъ—въ Литвѣ, Городецъ Радиловъ (на Волгѣ),—Городецъ, или Городня близъ Твери; Городецъ на р. Лодѣ;—Городецъ на Окѣ;—Городецъ, или Городокъ Мещерскій, теперь Касимовъ;—Городецъ на рѣкѣ Сеймѣ;—Городецъ въ Шелонской пятинѣ,—теперь погостъ,—на Лугѣ;—наконецъ Городецъ близъ Бѣжецка. Если знаменитый келарь Троице-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ—Тверской уроженецъ, то городъ Палицъ древнихъ вѣковъ и Городецъ Бѣжицкій позднихъ—будетъ его родиною. Если волость Палицкая, или Городецкая, близостію къ Бѣжицѣ Городца, возбуждаетъ на первый взглядъ сомнѣніе въ отождествленіи ея именно съ этимъ, а не съ другимъ которымъ-либо изъ Городцевъ, то сомнѣніе разсѣется, когда вникнемъ въ удѣльныя распри державцевъ Руси Кіевской и Владимірской; область Тверская была въ тѣ времена мѣстомъ наиболѣе частыхъ столкновеній и захватовъ. Поэтому Новгородцы опредѣляли въ договорахъ границы владѣній своихъ, смежныхъ съ Тверскими, съ возможною ясностію, называя всѣ селенія и волости, лежавшія одна за другою.

Положенія Мелѣчи и Шипина мы, въ настоящее время, съ точностью опредѣлить не можемъ, за неимѣніемъ доказательствъ, догадываясь только, что эти волости были порубежныя съ восточной стороны, и лежали въ предѣлахъ земли Мерянской, по направленію къ землѣ Веси и къ Вологдѣ;—первая, Мѣлечя,—гдѣ нибудь въ области рѣки того же имени, протекающей по уѣздамъ Бѣжецкому и Весьегонскому, и впадающей въ рѣку Осень, составляющую притокъ Мологи, а Шипино—по другому притоку Мологи,

рѣкѣ Егницѣ. Дальнѣйшія справки могутъ дать болѣе точныя опредѣленія обѣихъ этихъ волостей.

Егна была приблизительно тамъ, гдѣ нынѣшній уѣздный городъ Весьегонскъ. Одинъ писатель конца XVII вѣка, осмѣянный Карамзинымъ въ числѣ многихъ другихъ досужихъ грамотеевъ-сказочниковъ, вносившихъ въ свои сборники всякія, безъ разбору, сказанія Польско-Литовскихъ временниковъ (хроникъ),—нѣкто дьяконъ Холопьяго монастыря на Мологѣ, Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій—передаетъ, на основаніи мѣстныхъ преданій и непосредственныхъ личныхъ своихъ наблюденій, свѣдѣнія вообще любопытныя о Бѣжецкомъ краѣ, и особенно важныя для опредѣленія волостей договоровъ съ восточной стороны земель Ильменскаго державства. Книга его, писанная собственноручно,—„О древностяхъ Россійскихъ“,—хранилась, въ Карамзинское время, въ Синодальной библіотекѣ. Выписываемъ изъ нея относящееся до нашего предмета мѣсто, по отрывку, приведенному Карамзинымъ (Ист. Гос. Рос. Ч. IV, примѣч. 322):—„На устіи славныя Мологи рѣки древле были торги великіе, даже и до дній Грознаго Господаря Василія Васильевича Темнаго, усмирившаго Русскую землю всю отъ разбоевъ правдою скиптродержавства своего; и во время его, прежде Шемякина суда, бывшаго на него Государя,—сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ собирали и вѣсили. Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ Нѣмецкихъ, и Польскихъ, и Литовскихъ, и Грецкихъ, и Римскихъ,—глаголютъ же и Персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ (погребахъ, кладовыхъ?) Холопскихъ (холопьяго города, о которомъ мы уже упомянули) и Моложскихъ (тоже городокъ) товары своя драгіе тѣ иностранные купцы и гости клали, и питія преузорочная и красная виноградная, и прочая сокровищи вся содержали и надъ ними торговали. Нынѣ же то наше купечество Моложское раздѣлися по инымъ торгамъ, къ славному городу Архангельскому, такъ и на Свинскую предбывшую славную ярманку, потомъ и Желтоводскую (Макарьевскую—по Карамзину), и въ весь—Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую, и по инымъ; той же Моложской торгъ превеликой и первой старой, разно разыдеся“ (мѣсто это заимствовано Карамзинымъ изъ второй тетради первой части рукописи, листъ 517). Изъ этого извѣстія ясно, почему Ильменцы съ точностью указывали здѣсь границы своихъ неприкосновенныхъ владѣній, и почему удѣльные князья боролись за обладаніе Приволжьевъ.

Вологда существуетъ; волость Новгородская не ограничивалась только предѣлами города,—она простиралась далеко вглубь, на востокъ, по землѣ Меряи и на полночь; Вологодская мѣстность—исконная Ильменская; она—часть Скандинавской Біарміи и Двинской земли,—помѣщалась въ договорахъ собственно для указанія полуденнаго рубежа, какъ выдающаяся мѣстность лѣвой стороны Волжской водной области, послѣ того, когда земли Ростовскія и Суздальскія отошли отъ полнаго Ильменскаго державства, оставаясь лишь, до XIII вѣка, даже послѣ борьбы съ Андреемъ Боголюбскимъ, подъ главенствомъ Святой Софіи: „А гости нашему гостити“,—сказано въ договорѣ 1270 и 1305 годовъ (№ 6 и 3)—„по Суждальской земли

безъ рубежа, по царевѣ (по Ханской) грамотѣ". Въ какихъ отношеніяхъ находился къ Ильменскому державству Булгаръ-Камскій, памятники письменные, нашему изученію доступные, не уясняютъ; нѣтъ также осязательныхъ данныхъ къ заключенію о предѣлахъ, до которыхъ простиралась область этихъ Булгаръ и Болгаровъ Волжскихъ. Полюдовъ камень, о которомъ мы говорили, и походъ Владиміра съ Добрынею и Новгородцами въ 983 году на Болгары—указываютъ на зависимость и Булгара и Болгаровъ отъ нашей страны, пока она оставалась еще не крещеною; выдѣленіе татариномъ, заполонившимъ княжескую Русь, земли Новгородской изъ числа странъ, обреченныхъ огню и мечу, говоритъ за существованіе добрыхъ отношеній мусульманъ азіатскихъ къ Ильменцамъ и послѣ крещенія. Будь Булгаръ и Болгары Волжскіе государства самостоятельныя, они, какъ мусульмане, сильные азіатскими своими единовѣрцами, сокрушили-бы дружины Владиміровы; очевидно онъ, съ полками Новгородскими, ходилъ за данью, какъ хаживали въ тѣ страны и послѣ, Даньславъ Лазутиничь и другіе; не будь Булгаръ-Камскій въ пріязни съ Новгородцами, снабжавшими, чрезъ его посредство, срединную Азію произведеніями страны своей, не предъявлявшими недобросовѣстныхъ притязаній, и не задиравшими полчищъ „народа невѣдомаго", появившагося въ княжеской Руси, подобно державцамъ Кіевскимъ и Владимірскимъ,—не сдобровать-бы и Ильменской странѣ. Такимъ образомъ восточную границу—если не державствъ въ тѣсномъ смыслѣ,—то вліяній во всякомъ случаѣ—Ильменцевъ-Славянъ мы отодвигаемъ до Уральскаго хребта, до нынѣшней Уфимской страны. Все это обширное пространство пріурочивается договорами къ Вологдѣ, какъ особо выдающейся мѣстности Волжской водной области.

Заволочье охватывало, какъ мы видѣли, пространство по Ледовитому берегу, между Двиною и Тиманомъ, до области рѣки Печоры. Говорятъ наши ученые, что Новгородцы въ эту окраину вторглись насильственно въ недалекіе предлѣтописные вѣка и овладѣли сидѣвшею здѣсь, до появленія ихъ, робкою Чудью. По слѣдамъ, оставшимся въ Коломцахъ и на полуночной окраинѣ Европы, и по нѣкоторымъ, пока еще немногочисленнымъ, даннымъ народовѣдѣнія—выходитъ на оборотъ: первонасельниками Заволочья были Ильменцы, давшіе пріютъ Алтайскимъ выходцамъ, появившимся въ Европѣ въ теченіе каменнаго вѣка. Къ даннымъ народовѣдѣнія мы обратимся въ четвертомъ отдѣлѣ;—здѣсь же остановимся на одной Тиманской мѣстности.

Въ тѣхъ лѣтописныхъ сборникахъ поздняго состава, въ которыхъ сказывается о Славенѣ и Русѣ, объ Асанѣ, Великосанѣ, Авефхасанѣ и проч., рѣка, на которой основанъ Славенскъ, переименованный потомъ на Новгородъ, названа Мутною; нынѣшнее же прозваніе дано ей по имени старшаго сына Славена-Волхова, лютаго чародѣя. Не останавливаясь на именахъ лицъ, обратимся къ рѣкѣ Мутной. По качеству воды наша рѣка вполнѣ соотвѣтствуетъ прозванію Мутною. Въ Ледовитое море впадаетъ, съ восточной стороны побережья Чесской губы, рѣка Индига; она вышла изъ отроговъ Тиманскаго кряжа; одинъ изъ притоковъ этой рѣки называется

Мутною рѣкою. Строеніе кряжа и побережья — твердыя горныя породы (Штукенбергъ); мутной воды этому протоку взять негдѣ. Тѣ же лѣтописные сборники сказываютъ, что Ильмень назывался, до появленія на его побережьи Славена и Руса, Мойско;—еще въ первые годы нынѣшняго столѣтія часть нашего озера, составляющая восточно-полуденный плесъ его, носила названіе Мойска (Митрополитъ Евгеній; Разговоры.); тамъ и теперь есть мѣстность, вдающаяся въ озеро острымъ угломъ, называемая Мойскимъ носомъ. Не маловажно будетъ доискаться взаимной зависимости рѣкъ Мутныхъ, чтобы по слѣдамъ ея подойти ко времени заселенія Заволочья Волховскими побережанами и не относиться съ полнымъ недовѣріемъ къ сказаніямъ лѣтописныхъ сборниковъ поздняго состава; если Мойско и Мойскій носъ могли подсказать словоохотнымъ книжникамъ стараго времени объ Ильмени домыслъ и изобрѣсти для него сестру Славена и Руса Ильмеру,— едва-ли тѣ книжники знали Тиманъ, рѣку Индигу и ея притокъ—рѣку Мутную.

Коло-Перемь. Принимая чтеніе названія этой волости по принятому въ изданіи графа Румянцева, мы видимъ въ ней мѣстность, занимаемую нынѣшнею русскою Лапландіею. Ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ послѣ 1265 г., эта волость не встрѣчается—потому, должно быть, что на нее никто не заявлялъ притязаній, по отдаленности и обездоленности природою. Была ли помѣщаема Коло-Перемь въ договорахъ до 1265 г.—мы не знаемъ:—договоры не изданы, да вѣроятно они и не сохранились, или покоятся гдѣ нибудь въ подземельѣ, хранящемъ собраніе рукописей Грознаго, въ настоящее время отыскиваемое въ Москвѣ. Упомянутый Руническій договоръ съ Норвегіею, временъ Свенона I, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ: быть-можетъ въ немъ есть упоминаніе о нашемъ городѣ Коло. Изъ названія „Коло Перемь“ мы заключаемъ, что нынѣшняя русская Лапландія составляла западную часть Біарміи Скандинавскихъ писателей, или нашей Великой Перміи; а если это такъ, то въ волости Коло-Перемь мы имѣемъ доказательство исконной принадлежности Біармія Ильменскому державству и сношеніи Датскихъ державцевъ съ Ильменскими, о нихъ говорено раньше.

Тре—это полночно-восточное побережье Бѣлаго, и западно-полночное— Ледовитаго моря; оно называется и теперь Терскимъ берегомъ; заселено Поморами, которыхъ считаютъ Новгородскими выходцами, но которые,—по нашему мнѣнію, коренные Славяне—первонасельники этого, въ настоящее время непривѣтливаго, края; когда-то, въ каменный вѣкъ, здѣсь жизнь шла бойко; едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, что наши Поморы принимали дѣятельное, если не первенствующее, участіе въ путешествіяхъ въ Америку въ X вѣкѣ.

Перемь договоровъ—это западная половина Біарміи, Пріуралье. О ней уже говорено. Богатая горными породами, ковкими и плавкими, эта страна всегда привлекала населеніе Азіи и Европы; она была колыбелью—мѣднобронзоваго вѣка для полночно-восточной половины Европы. Въ составъ этой волости входили нынѣшнія земли: Вологодскія, Пермскія, Вятскія и части Уфимскихъ, Казанскихъ и Симбирскихъ.

Печора—составляла самый дальній край Біарміи; названіе она получила отъ огромной рѣки того же имени. Скалистые берега Печоры, Камы и Вишеры—представляютъ одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи природы о человѣкѣ; берега эти имѣютъ множество пещеръ, созданныхъ для человѣка не его малосильными руками. Изслѣдовано ихъ весьма немного;—слѣды пребыванія людей несомнѣнны. Печорскій край настолько обширенъ, что на изученіе его понадобятся многіе десятки, если не сотни, годовъ.

Югра—послѣдняя волость договоровъ; въ ней лежитъ водная область Оби. Далеко-ли простиралось владѣніе Ильменцевъ—письменныя свидѣтельства не говорятъ. Первое извѣстіе о Югрѣ отмѣчено Преподобнымъ Несторомъ, со словъ Новгородца, Гюряты-Роговича, подъ 1096 годомъ; оно можетъ нѣсколько уяснить пространство этой волости, потому выписываемъ отмѣтку дословно:—„Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ четырехъ лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ (то есть не понимаютъ языка Ильменцевъ;—Печеряне же не „нѣмы"—значитъ говорятъ однимъ языкомъ съ Ильменцами), и сѣдятъ съ самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему (понимавшему, конечно ихъ языкъ) дивно мы находихомъ чюдо, его же не семы слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и ту дѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помоваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножъ-ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же недоходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи" (Лаврент. Свѣтопеч. стр. 169). Великая рѣка Обь занимаетъ огромную площадь; верховьями своихъ притоковъ она подходитъ къ отрогамъ Алтайскимъ настолько близко, что для сношеній насельниковъ Югры, какъ страны Ильменскаго державства, съ племенами Алтайскими и Енисейскими не представлялось затрудненій. Завоеватель Сибири—Ермакъ Тимоѳеевичъ шелъ, видимо, по слѣдамъ летучихъ дружинъ Новгородскихъ, собиравшихъ дань и сносившихъ скору, вымѣниваемую на желѣзо, или получаемую вмѣсто дани серебромъ, въ особые остроги, однимъ изъ которыхъ представляется Полюдовъ камень; такихъ остроговъ могло быть много, съ Новгородскими жителями, помогавшими Ермаку и содѣйствовавшими его успѣху. Новгородской лѣтописи извѣстны походы летучихъ дружинъ даньщиковъ; отмѣтки же о нихъ заносились въ тѣхъ только случаяхъ, когда отряды встрѣчали сопротивленіе, или когда на нихъ нападали хищническія орды, бродившія въ Югоріи; такъ въ 1187 году: „Избіена быша данники Печерскіи и Югорски, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ сто доброименитыхъ" по Татищевскому сборнику; въ пергаментномъ эта отмѣтка читается нѣсколько иначе: „Избіени быша Печерскѣи и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Во-

локомъ; и паде головъ о стѣ къметьства“ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 419; Свѣтопеч. Новгор. лѣт. стр. 95);—въ первой Новгородской лѣтописи слово „данники“ заимствовано изъ Татищевскаго сборника (годъ 6695 стр. 10, выноска—*я*),—является, поэтому, сомнѣніе, кто кого побилъ, Новгородцы-ли, или ихъ;—въ 1193 году: „Идоши изъ Новагорода въ Югру ратью, съ воеводою Ядрѣемъ, и придоша въ Югру взяша городъ, и придоша ка другому граду, и затворишася въ градѣ (Югорцы и стояша подъ городомъ пять недѣль, и высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуше тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и дани“. Между тѣмъ они, Югорцы, поджидали единомышленниковъ для отраженія Новгородцевъ и, заманивая къ себѣ даньщиковъ небольшими частями, „умершвляша ихъ“, такъ что оставшіеся въ живыхъ сняли осаду и вернулись домой въ ничтожномъ числѣ (I Нов. лѣт. годъ 6701, стр. 21). Были и другіе подобные случаи. Не смотря, однакожъ, на неудачи, Ильменцы до конца самобытія владѣли Югрою, хотя туда постоянно прибывали новые кочевники;—они-то, вѣроятно, и возбуждали Югорцевъ противъ Ильменцевъ.

Любопытны—изысканія и выводы ученыхъ по поводу разсказа Гюряты Роговича (Карамзинъ отнесъ послѣдній слогъ имени къ прозвищу этого Новгородца, и называетъ его Гюря Тароговичъ). Въ Россійской лѣтописи, по списку Софійскому Великаго Новгорода, уже упомянутому нами, богатому неграмотностью составителя и небрежностью издателя, подъ 1032 годомъ помѣщена слѣдующая отмѣтка: „Великій князь Ярославъ поча городы ставити і по Руси. И тогдажъ Улѣбъ изыде изъ Новаграда на желѣзная врата и опять мало ихъ пріиде“ (годъ 6540, стр. 110). Никоновская лѣтопись повторила эту отмѣтку. Ни въ одномъ изъ древнихъ сборниковъ, ни Новгородскихъ, ни Кіевскихъ—этого извѣстія нѣтъ. Татищевъ и Миллеръ приняли отмѣтку Софійской лѣтописи въ смыслѣ государственнаго событія, какъ походъ на желѣзныя врата въ Югрѣ, окончившійся для Новгородцевъ пораженіемъ. Карамзинъ усумнился въ вѣрности сказанія о походѣ Улѣба и, въ видѣ возраженія Татищеву и Миллеру, нашелъ желѣзныя врата на Кавказѣ, основываясь на житіи князя Михаила Ярославовича Тверского, помѣщенномъ въ Воскресенской лѣтописи, гдѣ сказано, между прочимъ, что царь татарскій находился за рѣкою Терекомъ, близъ Желѣзныхъ Вратъ,—гдѣ теперь Дербентъ. „Можно думать,—говорить Карамзинъ,—что подъ именемъ Желѣзныхъ Вратъ, разумѣли у насъ и землю Мордовскую, или Черемисскую: въ баснѣ о древнемъ Словенскѣ страна ихъ названа Сидерами;—по гречески *Сидера* или *Сидара* есть желѣзная“ (Ист. Гос. Рос. Ч. II, примѣч. 64).

Если на лѣтописные сборники, старые, древніе и поздніе, смотрѣть не какъ на священныя книги народа, а какъ на домашнія записи современниковъ, отмѣчавшихъ, для памяти, явленія, которыхъ забывать они не хотѣли,—словамъ: „Изыди Улѣбъ изъ Новагорода на желѣзная Врата и опять мало ихъ пріиде“ нельзя придавать значенія государственнаго. Мы уже имѣли случай указать на чисто хозяйственныя замѣтки продолжателя труда

Лисицкаго инока—дьякона Геронтія, составляющаго основный сборникъ второй Новгородской лѣтописи, здѣсь укажемъ и на случаи имѣющія единоличное значеніе для записавшаго замѣтку: —подъ 1416 годомъ:—„На ту ночь преставися Наумъ, Клирошанинъ Святый Софіи“ (II Нов. лѣт. годъ 6924, стр. 135),—подъ 7037 годомъ: „Родился Пѣгашой мѣсяца Октября 29“ (стр. 149);—подъ 7043 г.:—„Мѣсяца Апрѣля въ 15 день, на память Святыхъ Апостолъ Аристарха и Пуда и Трофима, преставися государь мой батка Варламъ, скимникъ, послѣ Велицѣ дни въ четвертокъ, вьечерни; и на завтрѣе его хоронили, въ 16-й день, на третьей недѣлѣ“ (стр. таже);—подъ 7079 годомъ:—„Мѣсяца Іюля въ 14 въ субботу, на Деревяницы въ монастырѣ былъ, дьяка Вашаню поновилъ (то есть исповѣдалъ). Да тогоже мѣсяца 15 далъ игумену Деревеницкому посохъ черной. Да тогоже мѣсяца въ 16, въ понедѣльникъ, Петровы люди на Волотовѣ пожню косили“ (стр. 167); есть и еще подобныя записи. Почему-бы не быть такимъ же замѣткамъ и въ другихъ сборникахъ? Въ пергаментномъ, старѣйшемъ, по почерку, изъ всѣхъ русскихъ, мы видѣли подобную же запись, о поставленіи составителя его попомъ—Святымъ Владыкою Нифонтомъ.

На Ильменѣ, съ восточной стороны, есть широкій протокъ, которому имя „Желѣзныя Ворота“; онъ извѣстенъ подъ настоящимъ своимъ названіемъ Озерецковскому (Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы и на обратномъ пути. С.-Петер. 1808 г. стр. 82). Почему-бы Улѣбу 1032 года не быть какимъ нибудь рабочимъ, слугою, посланнымъ составителемъ сборника изъ Новгорода нанимать людей на покосъ, или въ городъ,—и не записать на память, что и опять ихъ пришло мало? Почему этому Улѣбу, попавшему на страницы лѣтописи, непремѣнно нужно быть Посадникомъ или Воеводою, въ каковыя званія возвелъ его почтенный Калайдовичъ. Лѣтопись Никоновская, правда, распространилась о пораженіи Новгородцевъ, предводимыхъ Улѣбомъ, но она руководствовалась только Софійскимъ и Воскресенскимъ сборниками, содержавшими приведенную отмѣтку, одинаковую въ обоихъ (Воскр. лѣт. Ч. I, стр. 184, изданіе 1793 г.), точка въ точку. Имя „Улѣбъ“ значится въ спискѣ Новгородскихъ Посадниковъ, приведеннымъ въ Татищевскомъ сборникѣ (Прод. Др. Рус. Вив. Ч. II, стр. 317); онъ названъ девятымъ; первымъ значится Гостомыслъ, вторымъ Коснятинъ, третьимъ Остроміръ; затѣмъ идутъ: Завидъ, Петрята, Коснятинъ, Миронѣгъ, Сава и Улѣбъ. Извѣстно, что Коснятинъ былъ еще при Владимірѣ и помогалъ Ярославу въ борьбѣ съ Святополкомъ; Остроміръ былъ уже при Изяславѣ, послѣ Ярослава Мудраго;—между нимъ и Улѣбомъ значится пять Посадниковъ. Очевидно Улѣбъ, ходившій на Желѣзныя Врата, не былъ тѣмъ, который избранъ на Посадничество послѣ Миронѣга и Саввы. Да и самый этотъ списокъ много грѣшитъ противъ истины.

Мы остановились на Желѣзныхъ Воротахъ и на подробностяхъ, которыми обставлены сужденія о нихъ,—въ тѣхъ видахъ, чтобы показать членамъ нашего Общества важность урочищъ, сохраняющихъ свои названія въ тѣсныхъ кружкахъ сельскаго населенія. При помощи ихъ можно иногда открывать пути изысканій о предметахъ большой научной важности, совер-

шенно новые, нетронутые изслѣдователями именно потому, что имъ подобныя урочища вовсе неизвѣстны.

Всѣми приведенными указаніями лѣтописей и соображеніями, ими вызываемыми, уясняется пространство Ильменской страны между морями Бѣлымъ и Ледовитымъ—съ одной стороны,—Волгою, Обью и Енисеемъ съ другой. Уступки достоянія Верховнаго Разума, Святой Софіи, державцамъ княжеской Руси, содѣйствовавшимъ расширенію ея предѣловъ собираніемъ—частію обособившихся, частію отторгнутыхъ силою—вѣтвей Славяно-Русскаго корня въ одно цѣлое,—ограничивались, въ общемъ, теченіемъ Волги, лѣвымъ ея берегомъ; все, что лежало отъ него на полночь, оставалось, въ теченіе вѣковъ самобытія, въ томъ же, почти, положеніи, какъ и въ вѣка древнелѣтописные; а восточная граница расширялась на счетъ земель Сибирскихъ.

Западная и полуденно-западная границы подвергались въ вѣка самобытія наибольшимъ колебаніямъ. Благоразуміе правителей Ильменской страны спасло Скандинавію отъ татарина и она, заслоненная Новгородскими землями отъ Азіатскимъ хищниковъ, спокойно развивала свои силы, и, прельщаемая богатствомъ нашей страны, пыталась не разъ вредить ей захватами и смутьянствомъ ближайшихъ сосѣдей Славянской же семьи—Поляковъ и Литовцевъ. Въ XIII вѣкѣ появились Меченосцы, возникла Ливонія.—Несмотря на всѣ взаимныя усилія завистливыхъ сосѣдей и на двоедушіе „молодшаго брата Великаго Новгорода"—господина Пскова, страна Ильменская, не щадя кровавыхъ жертвъ, охраняла родовое достояніе Славяно-Русовъ отъ тяжелаго натиска и отъ вторженія чужеземныхъ, растлѣвающихъ вѣяній на родную почву.

Перечисленіе захватовъ и возстановленій прежнихъ границъ съ запада не входитъ въ нашу задачу;—начиная съ XIII вѣка свидѣтельства письменныя наполняютъ книгохранилища отечественно-государственныя и иноземныя; наша задача собирать то, что мало—извѣстно, и до чего не коснулась еще научная всесторонняя разработка.

Граница полуденно-западная колабаніямъ не подвергалась; она, по волѣ Великаго Новгорода, разомъ отступила,—чтобы открыть побѣдоносное движеніе русскихъ дружинъ внизъ по Днѣпру,—на Волоковскій лѣсъ и на западную Двину, и оставалась въ этомъ положеніи до конца самобытія, предоставивъ, такимъ образомъ, отвагѣ предводителей дружинъ широкое поле свободы дѣйствій для сплоченія Славяно-Русской семьи въ одно сильное тѣло. Но и тамъ державство Божіей Премудрости не ослабѣвало до появленія татарина: во всѣхъ случаяхъ крупныхъ удѣльныхъ раздоровъ, или посягательствъ сосѣдей на земли Руси, дружины его являлись поборниками русскаго роста, миротворцами и защитниками правыхъ. Послѣ смерти Олега Святославовича, павшаго при наступленіи на удѣлъ его Ярополка, въ 977 году, Новгородцы съ своими полками и съ дружинами, нанятыми Владиміромъ Святославовичемъ, явились защитниками правъ Владиміра на земли, укрѣпленныя за Кіевомъ Святославомъ, и—вмѣстѣ съ тѣмъ мстителями за смерть Олега (Лавр. годъ 980); вслѣдъ за тѣмъ они содѣйствовали укрѣпленію

за Русью земель Вятичей, Ятвяговъ и Родамичей, устранили Ляховъ, занявшихъ было насильственно Перемышль, Червень и другіе города, „иже суть подъ Русью“; ходили на Сурожъ еще въ VIII вѣкѣ съ Бравалиномъ, чтобы проложить новый путь въ Греки,—очистили дорогу къ Каспію отъ Болгаръ (тамъ-же, годы 980—988), и уничтожили безправнаго братоубійцу Святополка (тамъ-же, годы 1015—1018). Когда же, со второй половины XI вѣка, державцы княжеской Руси раздробили укрѣпленныя за нею усиліями отцовъ и дѣдовъ ихъ земли Славяно-Русскія на участки, и завели споры о преобладаніи, и когда сосѣди страны Ильменской, пользуясь этими спорами и раздорами, начали наступать и съ полночи и съ запада на достояніе Святой Софіи, Новгородцы, отражая напоръ Шведовъ—(походъ 1105 года въ Ладогу; I Нов. лѣт. годъ 6613, стр. 3), Чюди Балтійской,—Литвы (въ 1131 году—тамъ-же, годъ 6639, стр. 6) и другихъ,—въ тоже время ходили, съ Посадникомъ Мирославомъ „Мирить Кыянъ съ Церниговци“ (тамъ-же, годъ 6643=1135, стр. 7),—съ Воеводою Неревиномъ—помогать Кіевлянамъ въ борьбѣ съ Галичемъ (тамъ-же, годъ 6643=1145, стр. 10);—съ княземъ Святополкомъ на Юрія,—отложившагося отъ Кіева и замышлявшаго раздвоеніе земель Руси,—въ страну Суздальскую (тамъ-же, годъ 6655),—на него же въ Ростовъ (въ 1148 году, тамъ-же);—поддерживали право Смоленскихъ державцевъ и проч. Чтобы сохранить цѣльность земель Руси, Ильменцы поступались своими—въ пользу несговорчивыхъ и упрямыхъ державцевъ; такъ было до временъ татарщины.

Мы сказали уже, что Ильменцы проявили государственную мудрость въ тяжкое время ханскаго ига: удѣльные державцы, рожденные и воспитанные въ молодецкой отвагѣ, очертя голову бросались на встрѣчу полчищъ народа невѣдомаго, и губили—себя, свои родовыя земли и Русь; Ильменцы же руководствовались началами благоразумія и спасли свою страну, чистоту крови и нравовъ Славянскихъ. Въ лѣтописи сохранилось одно извѣстіе, освѣщающее, на нашъ взглядъ, истинную причину обереженья страны Ильменской отъ опустошеній хановъ. Простодушный современникъ, проникнутый глубоко ненавистью къ поработителямъ отечества, занесъ въ свою памятуху, подъ 1259 годомъ, нѣсколько строкъ, пропитанныхъ душевною скорбью: „Бысть знаменіе въ лунѣ, яко ни знаменія не бысть. Той же зимы пріѣха Михайло Пинещиничь изъ Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: аще не иметеся почисло (т. е. если недопустите татаръ до народной переписи для взиманія дани), то уже полкы на Низовской земли; и яшася Новгородци по число. Тоиже зимы пріѣхаша оканьніи сыроядци, внуци Агарины, робы Авраамля, Берка и Касачикъ съ женами своими и инѣхъ много; и бысь мятежъ великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша оканяніи, беруще туску оканнымъ татарамъ. И начаша оканніи боятися смерти, рекоша Александру (Святому Александру Ярославовичу Невскому) даждь намъ сторожъ, дажь не избиютъ насъ; а повелѣ князь стеречи ихъ сынови Посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярскимъ по ночамъ. И ркоша татарове: намъ даите число, или ни; то бѣжимъ прочь; и черпь нехотѣша дати числа, нъ умремъ честно за Святую Софію и за храмы Божіа. То

издвоишася людіе, кто добрыхъ тъи посвятѣи Софіи, и по правой вѣрѣ, и сътвориша супоръ, вятшіи велятся нятися меншимъ по число. И хотѣ окаанныи побѣжати гонимъ Святымъ духомъ; и умысліша съвѣтъ золъ, како ударити на Новгородъ на ону сторону, а друзіи озеромъ на сю сторону: и възбрани имъ невидима сила Христова, и не смѣша, и убоявшись почаша ся возити на едину сторону къ Святой Софіи, ркуще тако: положимъ главы свои у Святеи Софіи. И бысь заутра сниде князь съ Городища, и окаанныи татары съ нимъ, и злыхъ съвѣтомъ яшася по число, творяхуть бо ся себѣ бояре легъко, а меншимъ зло. И почаша окааніи ѣздити по улицамъ пишуще домы христіанскіе, за не навелъ Богъ за грѣхи наша испустыня звѣри дивіи ясти силныхъ плоти, и пити кровь боярскую. И отъидоша окааніи вземше число, а князь Александръ поиде послѣдъ, посадивъ сына своего Димитріа настолѣ“ (І Нов. лѣт. 6767, стр. 57). За годъ предъ этимъ „Взяша татарове все землю Литовскую, а самыхъ избиша“,—а за два—„пріидоша Свѣи, и Емь, и Сумь, и Дидманъ со всею волостію и множествомъ рати“ (тамъ-же, годы 6764=1256, и 6766=1258, страница 56). При такихъ обстоятельствахъ задоръ съ татарскимъ посольствомъ отозвался-бы крайне болѣзненно на странѣ Ильменской,—ей не устоять-бы противъ татарина и полуночныхъ сосѣдей,—тогда какъ, допустивъ перепись—правители Новгородскіе сохранили свою землю отъ раззорѣнія и свободу дѣйствій и противъ Литвы и противъ Шведовъ; тѣхъ и другихъ они одолѣли, а въ 1262 году разбили Ливонцевъ и Чудь и овладѣли Юрьевомъ, не смотря на огражденіе его стѣнами и окопами, чѣмъ и проложили путь къ дальнѣйшей борьбѣ съ Божіими дворянами и ихъ союзниками.

Сохраняя во всѣхъ случаяхъ сношеній или столкновеній съ татарами благоразуміе, Ильменцы не затѣвали съ ними споровъ и тогда, если хищники, раззоряя родовыя земли удѣльныхъ державцевъ, сосѣднія съ Новгородскими, переносили опустошенія и на нихъ; если затѣмъ, впослѣдствіи, державцы вымаливали себѣ въ ордѣ права на тѣ, или другія земли, прихватывая и эти Ильменскія, уже опустошенные, Новгородцы тоже молчали. Такимъ образомъ, по изгнаніи татаръ, оказалось во владѣніи князей удѣльныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, а особенно въ земляхъ, сосѣднихъ съ Тверскими, Ярославскими, Московскими и Смоленскими, много участковъ Новгородскихъ, отбивать которые ходили „люди молодые“, что вызывало распри съ Москвою и Тверью. Начавшееся собираніе русскихъ земель, истощенныхъ удѣльною борьбою и татарщиною, измѣняло границы Ильменской страны и вызывало борьбу Москвы съ Новгородомъ, кончившуюся 14 Января 1478 года, присоединеніемъ его къ Московскому державству.

Въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ дѣлаема была нѣсколько разъ, по распоряженію государей Московскихъ, подробная перепись всѣхъ Новгородскихъ земель, давшая тѣ писцовыя книги, на которыя мы ссылаемся въ разныхъ мѣстахъ записки;—К. А. Неволинъ, изучивъ эти книги, составилъ по нимъ подробный чертежъ пространства и границъ земель, присоединенныхъ къ Москвѣ въ 1478 году,—то есть остававшихся за Новгородомъ послѣ всѣхъ препирательствъ и споровъ за обладаніе ими, продолжавшихся съ конца

XIV вѣка, между нимъ, сосѣдними державцами Руси и Литвы, а также, Ливонцами и Шведами. Чертежъ этотъ изданъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, какъ основаніе книги Неволина о Пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ (С.-Петербургъ, 1854 г.). Границы Ильменской земли чертежа для нашей цѣли не пригодны; они обнимаютъ то время, когда внутренній строй Новгородскаго государства уже не представлялъ самобытной цѣльности, изученіе которой нами намѣчается для занятій Новгородскаго Общества. Къ чертежу К. А. Неволина мы обратимся въ другихъ видахъ, какъ къ дорогому пособію при изученіи распространенія по странѣ Ильменской чужеродныхъ Славяно-Русамъ племенъ.

Населеніе.

До второй половины текущаго столѣтія единственнымъ источниковъ въ изысканіяхъ о заселеніи Европы служили письменные памятники въ обширномъ значеніи ихъ; успѣхи изслѣдованій остатковъ древняго міра въ Азіи и въ Африкѣ, въ земляхъ Вавилоно-Ассирійскихъ, Индусовъ, Египтянъ, а также въ Европѣ полуденной, приподняли завѣсу, за которою скрывались тысячелѣтія жизни человѣчества;—за послѣднее же полустолѣтіе усилія народовѣдѣнія, естествознанія и языковѣдѣнія открыли осязательные слѣды прародителей народовъ стараго и новаго свѣта, отдаляющіе насъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ на пятнадцать тысячелѣтій. Но, смиренно преклоняясь предъ великими подвигами человѣческаго ума и успѣхами имъ достигнутыми, наука все идетъ впередъ и впередъ во всеоружіи современныхъ знаній и открываетъ въ различныхъ областяхъ ихъ новые пути для продолженія изысканій, приближающихъ къ истинѣ о родоначаліи и первобытіи человѣчества. Нашему Обществу не должны быть чужды эти новые пути, насколько они ведутъ къ колыбели великорусскаго народа, такъ какъ мы живемъ на костяхъ устроителей первыхъ основъ государственной жизни Россіи.

Чтобы идти новыми путями и работать для науки, необходимо оглянуться назадъ и осмотрѣться кругомъ, дабы не тратить силъ на то, что уже изслѣдовано. Въ этихъ видахъ мы позволяемъ себѣ напомнить будущимъ сотрудникамъ Общества, въ бѣгломъ очеркѣ, то, что каждый изъ насъ изучалъ въ дѣтствѣ и читалъ впослѣдствіи изъ любознательности, о населеніи нашего отечества.

Очеркъ этотъ мы посвятимъ даннымъ и выводамъ ученыхъ, обнимающимъ свидѣтельства письменныя; выработаннымъ же въ теченіе послѣдняго полувѣка—отведемъ особый, заключительный отдѣлъ нашей записи.

Письменныя свидѣтельства о населеніи Ильменской страны неразрывно связаны съ сказаніями объ обитателяхъ всей Россіи. Древнѣйшія изъ нихъ обнимаютъ вѣка, неизвѣстные лѣтописи русской, но отражающіеся въ ней, хотя блѣдно и тускло. Поэтому мы раздѣлимъ очеркъ на двѣ части и назовемъ, подобно какъ и въ предыдущей статьѣ, одну—„Вѣка древнелѣто-

писные", а другую—„Вѣка самобытія". Сверхъ того вторую часть разобьемъ на два отдѣла: въ одномъ скажемъ о племенахъ населенія и отводимыхъ имъ лѣтописью земляхъ, а въ другомъ объ ихъ занятіяхъ.

Вѣка древнелѣтописные.

Древнелѣтописные вѣка страны Ильменской отражаются незначительными, часто безсвязными и вообще неопредѣленными отрывками, въ сказаніяхъ писателей иноземныхъ и въ священныхъ книгахъ—открытыхъ, прочитанныхъ и объясненныхъ. Сказанія эти приводятся вскользь, при случаяхъ сношеній или столкновеній съ обитателями нашей страны и земель, вошедшихъ въ составъ Руси ко временамъ зарожденія начальной Русской лѣтописи.

Въ разныхъ мѣстахъ записки намъ доводилось уже упоминать о нѣкоторыхъ сказаніяхъ писателей Арабскихъ, Греческихъ (собственно Геродота) и Скандинавскихъ, по поводу событій вѣковъ, ближайшихъ къ Русско-лѣтописнымъ и захваченныхъ нашими печатными сказаніями. Снова обращаться къ нимъ мы не будемъ, кромѣ случаевъ, о которыхъ еще не говорено, и свѣдѣній, раньше не приведенныхъ. Здѣсь мы отмѣтимъ извѣстія Азіатскія и Европейскія, относящіяся къ насельникамъ той части Европы и Азіи, которая обнимается указанными границами страны Ильменской, какъ государства, съ водяными путями древности, рѣчныхъ областей: Оби, Енисея, Печеры, Камы, Волги, обѣихъ Двинъ, Днѣпра, Дона и отчасти Дуная.

Прежде, чѣмъ начать изложеніе такихъ свѣдѣній, необходимо сдѣлать общую по отношенію ко всѣмъ иноземнымъ сказаніямъ оговорку. Языкъ каждаго племени, каждаго народа—живетъ и развивается въ зависимости отъ роста человѣчества, выражающаго имъ свои мысли и ощущенія; онъ имѣетъ свою лѣтопись; сравнительное языковѣденіе и наука о языкѣ вообще—находятъ въ каждомъ говорѣ вѣка его—древніе, средніе и новые. Не рѣдки случаи, что наши современники хорошаго образованія затрудняются въ уразумѣніи языка памятниковъ, писанныхъ три—четыре вѣка назадъ: даже высоко образованные, посвящающіе себя изученію отечественнаго быта, не сходятся въ единомысліе по установленію значенія того или другого слова древняго говора, отжившаго свой вѣкъ, и даже изображенія его тѣми, или другими звуковыми знаками. Если подобныя трудности встрѣчаются современниками при чтеніи памятниковъ древности родного языка,—въ чужомъ языкѣ, или въ изображеніи звуковыми знаками одного языка словъ чуждаго ему говора,—такихъ трудностей неминуемо будетъ многое-множество. Слѣдовательно при чтеніи именъ личныхъ и названій мѣстностей и предметовъ въ сказаніяхъ чужеродцевъ—иноязычныхъ вѣковъ древнихъ—необходимо всякій разъ считаться съ законами языка народа, къ которому принадлежитъ писатель. Но наука языковѣдѣнія еще бродитъ ощупью въ потемкахъ, по обширной своей области,—туманъ которой лишь кое-гдѣ

уступаетъ небольшимъ искрамъ свѣта и тонкимъ струямъ свѣжаго вѣянія; для закона не многихъ только языковъ подготовляется почва, собираются данныя. Поэтому въ именахъ личныхъ и пр., встрѣчающихся у писателей древности, Азіатскихъ, Африканскихъ и Европейскихъ—приходится довольствоваться въ настоящее время однимъ лишь созвучіемъ, дополняя его различными сопоставленіями и опредѣляя значеніе подобныхъ именъ только въ смыслѣ догадокъ и предположеній.

Сказанія Азіатскія. Средняя Азія была зерномъ развитія осѣдлости многоразличныхъ племенъ, сложившихся въ государства, которымъ принадлежитъ, насколько извѣстно въ настоящее время, изобрѣтеніе письменности. До конца прошедшаго столѣтія Европейская наука знала только одинъ Азіатскій памятникъ—священныя книги евреевъ;—изъ нихъ и почерпались всѣ свѣдѣнія о народахъ древняго міра, древняго востока. Писатели Греческіе о странахъ Азіатскихъ принимались какъ подтверждающія библейскія свидѣтельства и содержащія подробности, которыхъ нѣтъ въ священныхъ книгахъ. Единственнымъ изъ Азіатскихъ писателей, показаніями котораго тогда пользовались,—представляется Халдейскій жрецъ Берозъ, жившій въ III вѣкѣ до Р. Х. Его свидѣтельства дошли до насъ въ отрывкахъ, сохраненныхъ іудейскимъ повѣствователемъ Іосифомъ Флавіемъ, въ книгѣ его „Іудейскія древности“, переведенной на русскій языкъ. Берозъ писалъ по гречески.

Для нашего дѣла сказанія библейскія и Берозовы имѣютъ весьма отдаленное значеніе—теперь; но въ недалекомъ еще прошломъ, когда вопросъ о разселеніи рода человѣческаго по всему земному шару разрѣшался исключительно на основаніи повѣствованій о Ноевомъ потопѣ, христіанскіе писатели принимали за колыбель омытаго отъ грѣховъ родоначалія людей—нашъ Кавказъ съ священнымъ Араратомъ,—за праотца современныхъ насельниковъ Европы—сына Ноева Іафета,—Азіи другого сына его, Сима,—Африки и Америки—третьяго—Хама, проклятаго отцемъ въ лицѣ нисходящаго потомства его, съ Кушемъ, или Хушемъ, сыномъ Хамовымъ во главѣ. Утвердившееся въ старое время дѣленіе человѣчества на Семитовъ, Хамитовъ и Яфетидовъ, сохраняется еще и до сихъ поръ.

По сказанію книги Бытія, у Іафета было семь сыновей: Гомеръ, Магогъ, Мадай, Іаванъ (тоже Елиса), Ѳувалъ, Мешехъ и Ѳирасъ (Бытіе, гл. X, стр. 2 и слѣд.). Ученые западной Европы опредѣлили мѣстность каждому изъ сыновей Ноевыхъ между морями: Каспійскимъ, Чернымъ, Средиземнымъ, Чермнымъ и заливомъ Персидскимъ. Іафету отведена Малая Азія съ Кавказскимъ перешейкомъ; отъ колѣна Магога они производятъ Скиѳовъ Геродотовыхъ; область же Магогу отводятъ на полночь отъ Арарата, по обоимъ берегамъ рѣки Куры, и между нею и Араксомъ. Тѣже западные ученые видѣли, а нѣкоторые наши отечественные видятъ и теперь, Скиѳовъ въ лицѣ *Гога* и *Магога*—книги Пророка Іезекіиля, которому было Слово Господне: „сынъ человѣческій, обрати лице твое къ Гогу въ землѣ Магогъ, князю Роша, Мешеха и Ѳувала, и скажи, какъ говоритъ Господь Богъ: вотъ я на тебя, Гогъ. И поверну тебя, и вложу удила въ челюсти твои,

и выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ въ полномъ вооруженіи, большое полчище, въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооруженныхъ мечами, Персовъ, Еѳіоплянъ и Ливійцевъ съ ними, всѣхъ со щитами и въ шлемахъ, Гомера со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма, отъ придѣловъ Сѣвера со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою. Готовься и снаряжайся, ты и всѣ полчища твои, собравшіяся къ тебѣ и будь имъ вождемъ. Послѣ многихъ дней ты понадобишься; въ послѣдніе годы ты прійдешь въ землю, избавленную отъ меча, собранную изъ многихъ народовъ на горы Израиля, которыя были въ постоянномъ запустѣніи, но теперь жители ея будутъ возвращены изъ народовъ, и всѣ они будутъ жить безопасно. И поднимешься какъ буря, пойдешь какъ туча, чтобы покрыть землю, ты и всѣ полчища твои и многіе народы съ тобою. И скажешь: поднимуся я на землю неогражденную, пойду на беззаботныхъ, живущихъ безпечно, чтобы произвести грабежъ и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенныя развалины и на народъ, собранный изъ народовъ, занимающейся хозяйствомъ и торговлею, живущій на вершинѣ земли. Сава и Деданъ и купцы Ѳарсисскіе со всѣми молодыми львами ихъ скажутъ тебѣ: ты пришелъ, чтобы произвести грабежъ, собралъ полчище твое, чтобы набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скотъ и имущество“ и т. д. (Священныя книги Ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ. С.-Петербургъ. 1878 года. Книга Пророка Іезекіиля, главы XXXVIII и XXXIX, стр. 1338—1341). Въ этихъ словахъ библейскаго Пророка можно видѣть всякое воинствующее племя, нападавшее на евреевъ и другіе народы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи пророчества повторяются общія, сходныя съ приведеннымъ, черты нравовъ и обычаевъ, удобно примѣнимыя къ каждому завоевателю не только древнихъ, но и недавнихъ вѣковъ. Почему именно видятъ здѣсь Скиѳовъ—понять не трудно: Скиѳы были предъ Р. Х., и въ первыя вѣка христіанскаго лѣтосчисленія,—для Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ Европы, и вообще для древняго міра, такими же грозными завоевателями, какъ и цари Азіатскіе глубокой древности. Объясняя народныя бѣдствія небесною карою, современники-христіане могли утѣшать себя словами пророка, влагаемыми имъ въ уста Господа: „Вотъ я на тебя Гогъ, князь Роша Мешеха и Ѳувала. И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя отъ краевъ Сѣвера и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лукъ твой изъ лѣвой руки твоей, и выброшу стрѣлы твои изъ правой. Падешь ты на горахъ Израилевыхъ, ты и всѣ полки твои и народы, которые съ тобою; отдамъ тебя на съѣденіе всякаго рода хищнымъ птицамъ и звѣрямъ полевымъ. На открытомъ полѣ падешь. И пошлю огонь на землю Магогъ и на жителей острововъ, живущихъ безпечно, и узнаютъ, что Я Господь“, и т. д. (стран. 1340). Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что священныя книги евреевъ писаны разновременно; составлялись они, какъ и всѣ вообще лѣтописи, главнѣйше изъ устныхъ преданій, изъ придворныхъ записей о событіяхъ того и другого царствованія, пѣсенъ, домашнихъ памятухъ и проч. Второй половинѣ нашего столѣтія принадлежатъ обстоятельныя изслѣдованія о времени и мѣстностяхъ составленія священныхъ книгъ евреевъ, въ томъ числѣ и проро-

ческихъ. Въ приведенныхъ выпискахъ изъ Езекіиля можно видѣть и Кира и Александра Македонскаго, вообще всякаго завоевателя времени Пророка.

Въ наши лѣтописные сборники, начиная съ Несторова, занесены сказанія о Скиѳахъ изъ Византійскихъ писателей; въ поздніе, напримѣръ въ Гизелевъ Синопсисъ и въ древній лѣтописецъ, которымъ пользовались, какъ достовѣрнымъ источникомъ, до Карамзина, внесены, вѣроятно, въ видѣ „Повѣстей временныхъ лѣтъ“ — выводы ученыхъ XVIII вѣка. Въ томъ, напримѣръ, сборникѣ, который напечатанъ въ XVI части Древней Русской Вивліоѳики (мы на него ссылались) и который, принадлежитъ, повидимому, перу ученаго Датчанина Селлія, чувствуется знакомство составителя его съ трудами: Бохарда, Гормія, Кирхера, Гроція и Мерула, этихъ изслѣдователей ветхозавѣтныхъ книгъ, указавшихъ мѣста главнѣйшихъ народовъ „изъ 72 языкъ“, равно писателей Греческихъ о Скиѳахъ, ихъ родоначаліи и движеній отъ Куры и Аракса по Европѣ—и преимущественно по землямъ Россіи.

Сказанія Халдейскаго жреца Бероза, по отрывочности, и вообще по не полнотѣ, весьма мало пригодны для нашего предмета, даже и въ той окраскѣ, которою ихъ оттѣняетъ Филонъ Іудеянинъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя арабскими писателями вѣковъ ближайшихъ и современныхъ Начальной русской лѣтописи,—о населеніи Руси—отчасти приведены; имена другихъ, кромѣ вышеназванныхъ, племенъ объясняются толкователями восточныхъ писателей настолько разнорѣчиво, что незнакомому основательно съ Азіатскими языками невозможно извлечь изъ тѣхъ именъ ничего обстоятельнаго,—такъ что мы считаемъ за лучшее въ настоящее время вовсе къ нимъ не обращаться.

Особенную важность для Россіи и для Ильменской страны представляютъ священныя книги Иранцевъ и Индусовъ и клиновидная письменность Вавилоно-Ассирійская.

Какъ ни любопытны подробности открытія древнѣйшихъ памятниковъ азіатскаго быта, собственно клинописи, и какъ ни почтенны имена неутомимыхъ тружениковъ, выносившихъ для науки удивительныя лишенія, мы не остановимся на нихъ, предоставляя любознательности членовъ нашего общества обратиться къ небольшой книжкѣ Профессора Карѣева „Введеніе въ курсъ Исторіи древняго востока“ (С.-Петербургъ, 1887 г.), излагающей кратко и ясно ходъ работъ по изысканіямъ объ этихъ памятникахъ и по прочтенію ихъ. Для насъ важны тѣ немногія, и пока еще далеко не полныя, указанія вновь открытыхъ, прочитанныхъ и объясняемыхъ памятниковъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ насельникамъ Ильменской страны въ очерченныхъ нами границахъ, за двѣнадцать, четырнадцать и болѣе вѣковъ до начала христіанскаго лѣтосчисленія.

Священная книга Иранцевъ „Авеста“, а Индусовъ — „Веды“; первая писана на языкѣ—„Зендъ“, а „Веды“—на языкѣ Индусовъ, называемомъ Европейцами „Санскритомъ“. Веды — это сборники пѣснопѣній; нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ XIV вѣку до Р. Х. Тѣ и другія священныя книги были извѣстны людямъ, среди которыхъ они объявились, съ первыхъ дней

возникновенія своего и ни когда не забывались; не знали ихъ только прочіе народы Азіи и Европейцы; послѣдніе до конца XVIII столѣтія; ихъ хранили брамины и Парсійскіе жрецы, какъ святыню, наслѣдіе отдаленныхъ предковъ.

Руководствуясь Авестою и Ведами, наука установила для Азіи слѣдующія положенія, не придавая, однако, имъ значенія бытовыхъ истинъ человѣчества; древнѣйшія племена, населявшія долины библейскаго Эдема, и оставившія память о своемъ существованіи—были *Туранцы* и *Кушиты*; но это не первобытные насельники Тигра и Евфрата, а выходцы;—Туранцы изъ полуночной Азіи, изъ долины Алтая, лежащей нѣсколько далѣе Памира, въ полночномъ направленіи, а Кушиты—изъ Бактріаны, изъ страны Кушъ, орошаемой Гельмендомъ.

Семиты объявились послѣ Туранцевъ и Кушитовъ, въ Арменіи, куда они пришли изъ страны, расположенной тоже недалеко отъ Памира, въ горахъ Белуртага, гдѣ эта цѣпь соединяется съ Гималаями.

Позднѣе Семитовъ прибыли въ страну, занятую частію ими, частію Туранцами и Кушитами,—Арійцы, перебравшіеся, впослѣдствіи, въ Европу. Въ одной изъ книгъ Авесты, составляющей часть ея, называемую Вендидатъ-Саде, или Видэвадата, т. е. данная противъ дэвовъ, или демоновъ,—повѣствуется, что предки Айрьевъ. прежде чѣмъ основаться въ Иранѣ, долго скитались по разнымъ землямъ, созданнымъ для нихъ добрымъ божествомъ, будучи постоянно изгоняемы злымъ духомъ на новыя мѣста. Этотъ злой духъ нагналъ, наконецъ, на ихъ жилища, Airyanem vaêdjô,—такую стужу, что они долго-долго блуждая, вынуждены были перебраться, сперва въ Согдіану, а отсюда переходить послѣдовательно: въ Маргіану (нынѣшній Мевръ), Бактріану, Нисэю и Аріану; а въ странѣ у устья Гельменда раздѣлились на двѣ вѣтви; одна направилась на востокъ, къ Инду, а другая на западъ, въ Мидію. Часть послѣдней основалась пососѣдству съ Эламомъ, у Персидскаго залива (Персы), тогда какъ другая долго еще странствовала по разнымъ мѣстамъ. Восточная вѣтвь поселилась первоначально на правомъ берегу Инда, потомъ проникла въ область, лежавшую между этою рѣкою и его притокомъ Сараевати (теперь ее уже нѣтъ; эта область—„Семирѣчье"),—гдѣ Арьямъ пришлось выдержать борьбу съ Дасью,—прежними насельниками, Кушитскаго племени. Послѣ весьма продолжительнаго пребыванія въ области рѣки Инда, Арьи стали селиться въ долинѣ Ганга, сдѣлавшейся въ болѣе позднія времена срединною страною ихъ, извѣстною подъ именемъ Арьяварты. Занятіе долины Ганга относится къ XII—XIII вѣкамъ до Р. Х. Первая часть восточной вѣтви Арійцевъ дошла, путемъ завоеваній, до Египта, а восточная до Китая—мирнымъ путемъ, и внесла въ эту страну буддійское вѣроученіе.

Странствовавшая вторая часть западной вѣтви была тою, которая перебралась въ Европу, гдѣ, смѣшавшись съ первозаимщиками ея, образовала Грецію, Римъ и другія государства; Литовскія племена считаются сложившимися изъ помѣси послѣднихъ выходцевъ Арійскихъ въ Европу съ болѣе ранними обитателями тѣхъ земель, которыя они заняли.

Упомянутый жрецъ Берозъ свидѣтельствуетъ только, что въ Вавилонѣ было первоначально множество людей различныхъ племенъ. Онъ такимъ образомъ подтверждаетъ указанія, получаемыя изъ другихъ источниковъ,— о Туранцахъ.

Клиновидная письменность важна для насъ по одному изъ племенъ, языкъ котораго она представляетъ. Въ восточной части нынѣшняго Курдистана, соотвѣтствующей древней Мидіи, стоитъ, возлѣ города Керманшаха, отвѣсная скала, возвышаясь надъ равниною почти на 243 сажени; имя ей Бегистанъ. На этой скалѣ нашли длинную надпись, высѣченную тремя различными знаками. Первая часть надписи признана была учеными знатоками древняго востока за подходящую къ Персидской; ее прочитали при помощи языка Персовъ, современнаго и древняго, и оказалось, что Дарій Гистаспъ приказалъ, какъ царь, по волѣ Аурамазды, Парсы, Мады и Ассура, то есть: Персіи, Мидіи и Ассиріи, начертать на скалѣ Бегистанъ, на трехъ языкахъ, повѣсть о своихъ дѣяніяхъ. Такимъ образомъ добрались до прочтенія надписи, высѣченной и остальными двумя видами знаковъ, которые представляютъ собою клинопись. Вторая по порядку, или первая клинообразная, надпись оказалась менѣе сложною, чѣмъ послѣдняя; притомъ состоящею изъ звуковыхъ знаковъ двухъ родовъ—предметно загадочнаго, называемаго Идеографическимъ,—и условно-предметнаго, или Силлабическаго. Первый родъ знаковъ употребляется и теперь многими Сибирскими инородцами и потомками древнихъ насельниковъ Америки и Африки, и состоитъ въ начертаніи различныхъ предметовъ, соотвѣтствующихъ—или обнимаемымъ внѣшними чувствами, или извѣстнымъ пишущему народу представленіямъ, какъ напримѣръ: солнце—выражаетъ день, звѣзды и мѣсяцъ—ночь и проч.; второй признается переходнымъ къ современному, онъ состоитъ въ условленномъ изображеніи звуковъ такими знаками, которые представляютъ извѣстный предметъ или существенную часть его, называемые извѣстнымъ же словомъ, начинающимся звукомъ, напоминающимъ таковые—предметъ или часть; напримѣръ Славяно-Русскій звуковой знакъ *ч* изображаетъ въ древнихъ рукописяхъ чашу, другой знакъ *щ*—щеть, щетку, которою расчесываютъ волокна льна и проч. Слова этой клинообразной надписи принадлежатъ, по мнѣнію ученыхъ языковѣдовъ, говору семейства нарѣчій Туранскихъ,—т. е. языку племенъ Урало-Алтайскихъ,—а способъ изображенія клинописи тотъ же самый, который повторяется на всѣхъ новооткрытыхъ Мидійскихъ памятникахъ. По этому знатоки востока (Ленорманъ, Масперо, Эрнестъ Ренанъ и др.). признали Туранцевъ передовыми по духовному росту, изъ всѣхъ племенъ древняго міра, людьми, положившими, вмѣстѣ съ Кушитами, начало государствъ, и занимавшими большую часть Европы и Азіи—еще тогда, когда Семиты и Арійцы гнѣздились около Памирскаго нагорья. Наиболѣе крупнымъ доказательствомъ высокаго развитія Туранцевъ представляется именно изобрѣтеніе ими того способа выраженія мысли, который открытъ на Бегистанской скалѣ. Замѣтимъ, что Нѣмцы вообще сомнѣваются въ Туранскомъ происхожденіи населенія, давшаго начало Эламо-Халдейскому и Египетскому государствамъ,

до прибытія въ страну перваго—Семитовъ; а ученый Тиле, нѣмецъ же, прямо отвергаетъ Туранство досемитскихъ обитателей Халдеи. Однакожъ языковѣдъ Оппертъ доказалъ цѣлымъ рядомъ строгонаучныхъ пріемовъ, что именно Халдейскіе Туранцы изобрѣли тотъ способъ письма, который былъ принятъ въ Ассиріи и распространился до появленія Семитовъ въ Халдеѣ, на полночь и востокъ, въ Арменію, Мидію и Персію.

Для нашихъ цѣлей—важно упоминаніе въ библейскихъ и клинописныхъ сказаніяхъ о двухъ мѣстностяхъ, каковыми были Халдейскій Уръ и Мессопотамскій Харранъ, созвучныя съ нашимъ хребтомъ Уральскимъ и съ приведеннымъ выше—названіемъ горы, на которой стоитъ Верхотурье, —Неромъ-Карра; равно и объ имени Ассирійскаго царя Самсибина, жившаго около XX вѣка до Р. Х. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы укажемъ и на другія названія населенныхъ мѣстностей, подобныя Уру и Харрану, и дадимъ объясненіе о рѣкѣ Турѣ, напоминающей, какъ и Верхо-Турье, по созвучію,—Туранцевъ.

Китайскія лѣтописи могутъ хранить драгоцѣнныя данныя о полуночныхъ насельникахъ Азіи, съ которыми имѣли сношенія, или столкновенія, Китайцы. Но, къ величайшему сожалѣнію, лѣтописи этого диковиннаго народа намъ извѣстны лишь по отрывочнымъ указаніямъ на содержащіяся въ нихъ свѣдѣнія въ трудахъ нашихъ соотечественниковъ. Послѣдній изъ такихъ трудовъ, которымъ мы пользуемся, это книга недавно умершаго Н. М. Ядринцева: „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе" (С.-Петербургъ, 1891 года). Въ ней приводится много ссылокъ на Китайскія лѣтописи и на ученую обработку объ именахъ насельниковъ Сибири, ихъ переселеніи, правахъ, обычаяхъ и обо всемъ, что хорошо выражается словомъ „пережованье". Здѣсь мы назовемъ насельниковъ, ближайшихъ къ той части владѣній Ильменской страны, которая объявилась въ Начальной русской лѣтописи, и считалась во все самобытіе—ея волостью, т. е. къ Югрѣ.

Китайскимъ лѣтописямъ извѣстны, въ числѣ другихъ насельниковъ Сибири:—Чиди, Погулу, Кидани, Хунну, Уйгуръ, Саки, Юечжи, Жунь-Жанъ и Вейке. О каждомъ изъ этихъ названій насельниковъ сдѣланы нашими и иноземными учеными изысканія, болѣе или менѣе подробныя,—такъ что остановиться на нихъ нѣсколько будетъ неизлишне для задачи нашего Общества и для дальнѣйшаго изложенія объясненій въ этой запискѣ.

Чиди, т. е. рыжіе или красные, встрѣчаются въ Китайскихъ лѣтописяхъ втораго вѣка до Р. Х. и называются полночнымъ кочевымъ племенемъ. По изысканіямъ Профессора В. В. Григорьева, знатока восточныхъ языковъ, а особенно Китайскаго, Чиди—это Чудь; по его мнѣнію она пробралась съ полночи на полдень Азіи во времена, предшествовавшія не только Арійцамъ, но и Семитамъ; отрасль этой Чуди индѣйцы обозначаютъ Гменемъ Дравидовъ, спустившихся съ Гималаевъ въ долины Джемны и анга; она населила Деканскій полуостровъ (Григорьевъ, О Скиѳскомъ народѣ Саккахъ, стр. 200). Изображеніе клинописи этомъ ученый приписываетъ этой же Чуди; слѣдовательно Туранцы и Чудь одно и тоже племя.

Погулу Китайскихъ источниковъ близки, по звучію, къ нашимъ Вогуламъ; извѣстно, что они занимали, въ числѣ 10 тыс. семей, лѣсное пространство на востокъ отъ полночнаго народа „*Тѣ-ли*", тоже въ полночныхъ Сибирскихъ странахъ. (В. П. Васильевъ; Исторія и древности восточной части Средней Азіи).

Кидане—могущественное, высоко развитое племя, занимало обширнѣйшее пространство, частію въ Сибири, частію въ нынѣшнихъ Китайскихъ владѣніяхъ, еще задолго до Р. Х.; у нихъ было пять столицъ, шесть областей и полтораста крѣпостей; по разсказу китайца Ху-цяо, Кидане, во времена своего могущества, посылали десять человѣкъ съ двадцатью лошадьми и продовольственнымъ запасомъ въ полночныя страны; эти путешественники двигались въ теченіе года все въ полночномъ направленіи и прошли чрезъ 43 города; жилища въ этихъ городахъ были устроены изъ древесной коры (тамъ-же, стр. 40). Какъ далеко простиралось владычество Киданей на западъ, въ Сибири, и далѣе, въ Европѣ, за Ураломъ—неизвѣстно.

Хунну были хорошо извѣстные Европѣ *Гунны*; они обитали въ нынѣшней Монголіи и, частію, въ Сибири. Гунновъ считаютъ предками и родоначальниками Монголовъ.

Уйгуры Китайскихъ лѣтописей признаются за тѣхъ Югровъ, о которыхъ Гюрята-Роговичъ разсказывалъ Преподобному Нестору, и которые, впослѣдствіи, подъ именемъ Угровъ, черныхъ и бѣлыхъ, появились въ Европѣ и до сихъ поръ сидятъ, называясь Венграми, въ Австрійскихъ владѣніяхъ.

Саки занимали, по Китайскимъ источникамъ, Семирѣченскую область. Большинство изслѣдователей видятъ въ нихъ Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Юечжи, или Юеты, по объясненіямъ знатоковъ восточныхъ языковъ—Геты и Массагеты. Покойный Эйхвальдъ, Виленскій Профессоръ, опредѣляетъ для Массагетовъ Геродота мѣстность въ области рѣки Міаса,—въ Уральскихъ горахъ.

Жунь-Жаны Китайцевъ считаются тѣми Аварами, которые, будучи вытѣснены изъ Азіи, переселились въ Европу и извѣстны въ ней подъ этимъ послѣднимъ названіемъ. Одинъ Нѣмецкій ученый, Витерсгеймъ, думаетъ, что Жунь-Жаны тоже, что Свевы (Сибирскіе инородцы Ядринцева, стр. 141).

Вейке—извѣстны Петербуржцамъ въ зимникахъ-извозчикахъ, собирающихся большими тысячами на промыселъ въ столицу, къ масляницѣ, изъ окрестныхъ Финско-Эстонскихъ деревень.

Къ сожалѣнію въ настоящее время нѣтъ еще точныхъ данныхъ о послѣдовательныхъ передвиженіяхъ какъ перечисленныхъ, такъ и многихъ другихъ народовъ и народцевъ въ Сибири и перекочевкахъ за Уралъ въ Европу. Разработка Китайскихъ источниковъ идетъ туго, такъ что данныя, этою разработкою выдвигаемыя, представляются отрывочными. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы приведемъ свидѣтельства источниковъ ископаемыхъ по этому предмету, о народахъ и народцахъ, появившихся—и частію осѣв-

шихъ въ полуночьи Европы,—изъ странъ Сибирскихъ. Въ связи съ свидѣтельствами письменными источники ископаемые укажутъ значеніе сохранившихъ въ Китайскихъ лѣтописяхъ извѣстій, для изысканій о насельникахъ страны Ильменской въ вѣка древнелѣтописные.

Лѣтописи Финикійскія могли-бы имѣть для насъ значеніе, если-бы они дошли къ Европейцамъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, а не въ пересказѣ позднихъ писателей, преимущественно Грековъ. Путешествіе этихъ отважныхъ мореплавателей къ Балтійскимъ берегамъ было, по всей вѣроятности, записываемо и могло имѣть свѣдѣнія о тѣхъ поморянахъ, съ которыми они вели торговлю янтаремъ. По Геродоту Финикіяне дали Эллинамъ свои письмена, уже въ видѣ звуковицы, съ опредѣленнымъ начертаніемъ для каждаго звука, слышнаго въ Финикійскомъ говорѣ. Послѣднія изысканія относятъ возникновеніе поселеній на Эллинскихъ побережьяхъ за XIII вѣковъ до Р. Х. (Мищенко; Геродотъ, Ч. II, стр. 221—222).

Сказанія Африканскія. Лѣтопись Африканская тѣсно связана съ Вавилоно-Ассирійскою. Туранцы, Кушиты, Хиттиты, Семиты и Арійцы принимали, послѣдовательно, участіе въ судьбахъ Египта. Время возникновенія государственной жизни въ этой, поистинѣ диковинной, странѣ, опредѣляется на основаніи свидѣтельствъ, писанныхъ способами:—картиннымъ, картинно-загадочнымъ, клиновиднымъ и звуковичнымъ, читаемыми разными учеными, неодинаково,—вообще между 5702 и 3892 годами до Р. Х. Египетскій землеописатель, Александрійскій ученый Птолемай, или Птоломей, жившій въ I—II вѣкѣ по Р. Х., называетъ, въ числѣ племенъ полночной Европы, между прочими одно, называя его *Осіи*. Шлецеръ мало довѣрялъ Птолемаю, объясняя, что въ рукопись этого Египетскаго землеописателя переписчики вносили, время отъ времени, произвольно свои собственныя вставки и исказили такимъ образомъ подлинникъ. Карамзинъ поддерживаетъ Геттингенскаго ученаго и говоритъ съ своей стороны: „Повѣримъ-ли, чтобы Птолемей, живучи въ Египтѣ, дѣйствительно имѣлъ свѣдѣніе о мѣстахъ столь отдаленныхъ, и чтобы его terra incognita начиналась только за шестьдесятъ первымъ градусомъ? (это приходится на полуденную часть Онежскаго озера). Ни купцы, пріѣзжавшіе въ Александрію изъ разныхъ земель, ни славная тамошняя библіотека—не могли,—по мнѣнію нашего бытописателя,—открыть ему, какіе народы жили тогда въ Россіи полуночной. Что значатъ пустыя народныя имена, щедрою рукою разбросанныя на его картахъ Сарматіи и совсѣмъ неизвѣстныя для Исторіи: Карвоны, Осіи, Салы, Кореоты и проч.“ (Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос. Ч. I, примѣч. 45). Мы привели эту выписку, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи доказать, насколько цѣнны для изысканій о народномъ прошломъ остатки бытовые въ обширномъ значеніи ихъ; мы увидимъ, что слѣдъ Осіевъ, и довольно осязательный, бытуетъ еще и теперь въ предѣлахъ Ильменской страны.

Народовѣдѣніе собрало, кромѣ свидѣтельствъ письменныхъ, много устныхъ преданій нынѣ живущихъ въ Африкѣ племенъ; сказанія этихъ преданій, равно какъ и нѣкоторые художественные памятники Египта, имѣютъ нѣкоторые, хотя и отдаленны намеки, на необходимость искать и въ нихъ

отраженія извѣстій о насельникахъ нашей страны въ древнелѣтописные вѣка, при помощи которыхъ упоминаемыя Птолемаемъ народы могутъ облечься въ дѣйствительность.

Сказанія Греческія. Древнѣйшія сказанія Грековъ о Россіи вообще относятся ко времени за XII вѣковъ до Р. Х.; они заключаются въ описаніи путешествія *Аргонавтовъ* въ Колхиду. Но все это путешествіе имѣетъ видъ сказки, время сочиненія которой оспаривается, какъ и самое имя Орфея, участника и пѣвца путешествія Аргонавтовъ.

Къ странѣ Ильменской относятся сказанія о *Гипербореяхъ.* Греки называли первоначально этимъ именемъ всѣхъ обитателей земель, лежавшихъ на полночь отъ Ѳракіи; оттуда дулъ холодный вѣтеръ; баснословіе выдумало бога этого вѣтра и дало ему имя Борея, отъ котораго произошли и Гипербореи. Пѣвцы Греціи поселили этихъ людей на самыя полуночныя границы понимаемаго ими міра, гдѣ возвышаются, будто-бы, Рифейскія горы. Гомеръ въ Иліадѣ называетъ ихъ Авіями, а Орфей—Макробіями—долговѣчными. Изслѣдователи Греческихъ сказаній глубокой древности и землеописатели видятъ Рифейскія горы въ Уральскихъ, и говорятъ о Гипербореяхъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее: земля у нихъ плодоносная, воздухъ чистый, благорастворенный; они живутъ долѣе и счастливѣе всѣхъ иныхъ людей; не знаютъ болѣзней; нѣтъ у нихъ ни злобы, ни войны;—дни свои проводятъ въ невинной, безпечной веселости и въ гордомъ спокойствіи;—живутъ въ прекрасныхъ лѣсахъ по дубравамъ, питаясь плодами растеній; они умираютъ равнодушно, пресытившись жизнью, по своей волѣ; къ смертному часу созываютъ друзей и близкихъ родственниковъ, устраиваютъ пиръ для нихъ,—надѣваютъ себѣ на голову вѣнокъ и, въ присутствіи ликующаго собранія, бросаются въ морскія волны (Карамзинъ, тамъ-же, примѣчаніе 4).

Геродотъ.

Уроженецъ Галикарнасскій Геродотъ даетъ богатыя содержаніемъ и добросовѣстностію изложенія свѣдѣнія о насельникахъ всего нашего отечества и Ильменской страны за время между V—VI и болѣе ранними вѣками до Р. Х. Этотъ любознательный, многосвѣдущій и умѣющій вполнѣ отрѣшиться отъ баснословій и предразсудковъ своего времени писатель, заслуживаетъ достойно данное ему наименованіе отца науки бытописанія. Если сообщаемыя имъ свѣдѣнія, особенно о повѣствуемыхъ мѣстностяхъ, не отвѣчаютъ требуемой нынѣшнею наукою полнотѣ и опредѣлительности, наши современники недолжны осуждать за это писателя глубокой древности.

Совмѣщая въ себѣ огромную начитанность, Геродотъ освѣщаетъ своими знаніями баснословія писателей, ему предшествовавшихъ, указывая тѣмъ путь къ открытію истины.

О Гипербореяхъ въ его книгѣ находимъ слѣдующее:—„Надъ Исседонами живутъ, по словамъ Аристея, одноглазые люди, Аримаспы, надъ

Аримаспами стерегущіе золото Грифы, а еще выше—Гипербори, простирающіеся до моря". Упомянутый Виленскій Профессоръ Эйхвальдъ полагаетъ, что Исседоны жили въ области Уральской рѣки Исетц. „За исключеніемъ Гипербореевъ,—говоритъ далѣе Геродотъ,—и всѣ эти народы постоянно воюютъ съ своими сосѣдями" (книга IV. статья 13). Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ предшествовавшихъ Геродотовымъ сказаній о миролюбіи Гипербореевъ. „Ни Скиѳы, ни иные тамошніе обитатели, кромѣ только Исседоновъ, не сообщаютъ ничего о Гипербореяхъ; о нихъ упоминаетъ Гезіодъ, а также Гомеръ въ „Епигонахъ", если впрочемъ, поэма эта составлена дѣйствительно Гомеромъ. Гораздо больше сообщаютъ о нихъ Деліяне, увѣряя, что они приходятъ къ Скиѳамъ отъ Гипербореевъ съ святыней, завороченной въ пшеничной соломѣ; отъ Скиѳовъ Деліяне несутъ святыню отъ народа къ народу, по направленію къ западу, пока не достигаютъ у Адріатики наиболѣе отдаленной мѣстности и т. д. Но первоначально,—по словамъ Деліянъ, Гипербореи съ священными дарами посылали двухъ дѣвушекъ и, ради ихъ безопасности, пять мужчинъ изъ своихъ соплеменниковъ, въ качествѣ проводниковъ. А какъ посланныя и проводники не возвращались. Гипербореи испугались, какъ-бы каждый разъ не постигала ихъ потеря пословъ, а потому съ того времени приносятъ священные дары, завороченные въ пшеничную солому, къ предѣламъ своей земли и настойчиво поручаютъ препровождать дары дальше, къ сосѣднему народу. Такъ-то переносимые все дальше и дальше дары достигаютъ наконецъ Дела. Геродоту лично извѣстенъ обрядъ, напоминающій обращеніе съ Гиперборейскою святынею: Ѳракійскія и Пеонскія женщины не обходятся безъ пшеничной соломы при жертвоприношеніи Артемидѣ. Въ честь Гиперборейскихъ дѣвушекъ, умершихъ въ Делѣ, Делійскія дѣвушки и юноши стригутъ волосы, именно:—передъ свадьбой дѣвушки отрѣзываютъ себѣ локонъ волосъ, наматываютъ его на веретено и кладутъ на могилу Гипербореянокъ, помѣщавшуюся, въ Геродотово время, внутри святилища Артемиды, съ правой стороны отъ входа; на ней растетъ оливковое дерево. Делійскіе юноши наматываютъ пряди волосъ на вѣтку, и также кладутъ ихъ на могилу Гиперборейскихъ дѣвушекъ. Имена двухъ дѣвушекъ, могила которыхъ внутри святилища Артемиды, Гапероки и Лаодики. По словамъ самихъ Деліянъ, еще раньше этихъ двухъ пришли на Делъ, чрезъ земли тѣхъ же народовъ, другія двѣ Гиперборейскія дѣвушки, Арга и Опида; пришли онѣ съ данью для Ейлейѳіи, наложенною ими на себя за ускореніе родовъ Литоны, вмѣстѣ съ самыми божествами, и удостоены былй отъ Деліянъ различныхъ почестей: тамошнія женщины собирали для нихъ пожертвованія, поименно взывали къ нимъ въ хвалебномъ пѣніи, составленномъ Ликіяниномъ Олеономъ. Отъ Гиперборейскихъ дѣвушекъ научились пѣнію Островитяне и Іоняне, которые прославляютъ Опиду и Аргу. Могила ихъ находится позади храма Артемиды, по направленію къ востоку, вблизи Пиршественной палаты Кеіянъ; на эту могилу высыпаютъ золу сожженныхъ на алтарѣ бедряныхъ костей. Сказаніе о Гипербореяхъ Геродотъ заключаетъ такими словами: „о Гипербоеяхъ довольно. Не стану передавать басни объ Абаридѣ, который

считается Гипербореемъ, и о которомъ разсказываютъ, какъ онъ носилъ по всей землѣ стрѣлу. и при этомъ ничего не употреблялъ въ пищу" (Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенки; книга IV, статьи 32—36). Делъ—это одинъ изъ Кикладскихъ островов (тамъ-же, Ч. II, стр. 54; Указатель съ объясненіями).

Страбонъ, землеописатель-современникъ Помпея, Цицерона, Юлія Цезаря, Августина и Тиберія, о Гипербореяхъ сообщаетъ самыя скудныя свѣдѣнія. Доказывая, что они могли существовать (Страбонъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенки. Москва 1879 г. стр. 61) и возражая писателямъ, указывающимъ Рифейскія горы въ землѣ Гетовъ (стр. 297), или въ странѣ на полночь отъ Чернаго моря (стр. 518), не вѣритъ своимъ предшественникамъ по землеописанію (стр. 727) и самъ не указываетъ той страны, которую заселяли эти полночные обитатели.

Значеніе сказаній о Гипербореяхъ для нашей страны вообще многознаменательно въ самомъ баснословіи. Оно, на нашъ взглядъ, драгоцѣнно и для всей Европы,—уясняя братство первонасельниковъ ея, въ связи съ другими данными народовѣдѣнія, къ которымъ мы обратимся въ своемъ мѣстѣ.

Драгоцѣннѣйшія изъ ихъ всѣхъ, Греческихъ и Византійскихъ писателей древности, свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ и о странѣ Ильменской принадлежатъ Геродоту; они обнимаютъ насельниковъ всѣхъ земель современной Европейской Россіи и Средне-Азіатской; Сибири Геродотъ касается слегка, по пересказамъ,—и то лишь пріуральской, ближайшей къ землѣ Югры.

Ѳ. Г. Мищенко къ переводу Геродота приложилъ подробный указатель именъ и предметовъ, съ обстоятельными примѣчаніями,—такъ что чтеніе отца бытописаній облегчается и упрощается. Потому, и въ виду первостепенной важности Геродотовыхъ сказаній, мы сдѣлаемъ подробныя выписки изъ перевода г. Мищенка, чтобы по нимъ члены нашего Общества, близко знакомые съ описываемыми Геродотомъ мѣстностями, какъ современные жители, могли уяснить недомолвки, или ошибки, естественныя въ трудѣ писателя иноземнаго, повѣствующаго о странахъ отдаленныхъ не по непосредственнымъ наблюденіямъ, а по словамъ другихъ,—говоря языкомъ Новгородцевъ древняго времени,—видоковъ, или послуховъ.

Вся наша русская земля извѣстна Геродоту подъ именемъ Скиѳіи; господствующее населеніе ея *Скиѳы*. Насколько правильно читали Геродотовы слова ближайшіе къ нему по времени писатели Греческіе и Римскіе,—читали-ли они рукопись самого повѣствователя, или только списки съ подлинника въ измѣненномъ и—умѣло, или неумѣло—дополненномъ видѣ,—мы не знаемъ. Неизвѣстно также намъ, какъ произносились Греками VI—V вѣковъ до Р. Х. звуковые знаки ихъ языка, каждый отдѣльно и въ соединеніи двухъ-трехъ согласныхъ вмѣстѣ. Руководствуясь указаніями нашихъ древнихъ рукописей, обозначавшихъ звуки живой народной рѣчи во многомъ несходно съ пріемами письма, употребляемыми въ настоящее время, спустя семь—восемь вѣковъ послѣ Остромірова Евангелія и еще менѣе послѣ Евангелія Мстиславова, Изборника Святослава и проч., можно съ

нѣкоторою вѣроятностію заключить, что и Греки, и всѣ другіе, оставившіе много письменныхъ памятниковъ звуковичнаго порядка, образованные народы, совершенствовались какъ въ словосоставленіи и слогообразованіи, такъ и въ способахъ написанія отдѣльныхъ слоговъ и цѣльныхъ словъ.

Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить Геродотово Σκύϑης, или какіе звуки онъ выразилъ и хотѣлъ выразить этимъ начертаніемъ, возникъ уже давно. Еще Баеръ высказывалъ, что подъ Скиѳами Геродота надобно разумѣть Чудь (Карамзинъ, Ч. I, примѣч. 73); такого же мнѣнія Датскій языковѣдъ Раскъ, славистъ Шафарикъ, упомянутый Виленскій Профессоръ Э. И. Эйхвальдъ и др. но есть и ярые противники этого мнѣнія; остановимся на одномъ, высказавшемся не такъ давно. Профессоръ А. А. Котляревскій, возражая противъ нѣкоторыхъ положеній статьи Эйхвальда „О древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края“, приводитъ, по поводу мнѣнія Эйхвальда о тожествѣ Греческаго „Скиѳъ“ и Славянскаго „Щудь, Чудь“, замѣчаніе Нѣмецкаго языковѣда, Якова Грима, дѣлая это тѣмъ охотнѣе, что вполнѣ его раздѣляемъ: „Такъ какъ между Славянами звуки не подлежатъ *закону перебоя*,—то, даже допустивъ переходъ *σκ* въ *щ, ч*,—подозрительнымъ остается переходъ ϑ въ *д*; еще невѣроятнѣе думать, чтобы названіе, которымъ сосѣди Славяне обозначили не Скиѳскихъ Финовъ, получило при томъ у Грековъ общую силу и употребленіе, для наименованія древнихъ Скиѳовъ. Гораздо вѣроятнѣе старинное производство имени Скиѳъ отъ Нѣмецкаго (Sic!) корня skiutan=jaculari, отъ употребленія копья и лука у всѣхъ Скиѳовъ, подобно тому, какъ и многія Нѣмецкія племена назывались по оружію“ (Древности. Археолог. вѣстн. Моск. Археолог. Общ. Москва 1867 г. Май—Іюль; стр. 111). Каковъ-бы ни былъ законъ перебоя, устанавливаемый знаменитымъ языковѣдомъ,—но онъ не отмѣняетъ двоякаго произношенія греческаго ϑ, какъ русское *ѳ* и какъ *т*. Если возможенъ переходъ *σκ* въ *щ* или *ч*,—съ остальными совладать уже не трудно. Греческое υ произносится какъ наши *ю* и *и*—по Эразмову и Рейхлинову произношеніямъ,—русскіе звуки, соотвѣтствующіе знакамъ *т* и *д* вообще очень близки,—а въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ эта близость равняется одно-звучности обоихъ,—напримѣръ въ словахъ: лодка, дудка, будка, чуткій, жутко, сутки, судки (посуда, въ которой носятъ кушанье)—и проч. Насколько трудно уловима въ этихъ—и во множествѣ другихъ подобныхъ—словахъ разница между *т* и *д*—стоитъ только посмотрѣть на записи чистокровныхъ русскихъ учениковъ младшаго возраста, или складно и даже художественно изложенныя письма и повѣсти развитыхъ, вполнѣ зрѣлыхъ русскихъ людей, мало ученыхъ правописанію въ дѣтствѣ. Стало-быть нѣтъ ничего удивительнаго, если ученый Грекъ, слыша чужеязычный говоръ, не могъ отличить въ немъ тонкости звуковъ, соотвѣтствующихъ греческимъ ϑ и δ?. Причемъ тутъ законъ Гримовскаго перебоя? Если мы будемъ читать υ какъ наше *и*, а η тоже какъ *и*, получимъ *Чиди*,—Китайское наименованіе рыжеволосаго, голубоглазаго племени, жившаго въ Сибири; а если υ примемъ за *ю*, а η за *е*, будемъ имѣть вмѣсто Скиѳовъ „Чюде“ или *Чюди*, *Чюдь*, какъ значится въ древнихъ письменныхъ памятникахъ

Новгородскаго происхожденія наименованіе сосѣдей и союзниковъ Ильменцевъ, а въ Архангелогородской лѣтописи—и самихъ Новгородцевъ.

Великіе естествовѣды Ламаркъ и Дарвинъ, подмѣтившіе законы происхожденія видовъ во всемъ, что растетъ и движется на землѣ, вызвали длинный рядъ послѣдователей и продолжателей наблюденій надъ явленіями природы въ осязуемомъ и духовномъ отраженіи могучихъ силъ ея. Много высказано уже глубокомыслія и остроумія въ этой чудной области человѣческихъ знаній. Людской говоръ не чуждъ также, по недавнимъ наблюденіямъ, воздѣйствія на него Ламарко-Дарвиновскаго закона: Французскій ученый Э. Ферьеръ указалъ цѣпь сродства своего языка съ Латинскимъ и Санскритскимъ, строго слѣдуя этому закону; по его изысканіямъ—Санскритское слово „Spas" оказывается родоначальникомъ французскимъ—espion, epicier, evêque; Санскритское „Spas" значитъ: видѣть, изслѣдовать; французскія же:—espion=шпіонъ; epicier=торговецъ-бакалейщикъ;—evêque=епископъ;—отъ Латинскаго—dies=день—произошло французское jour, journée,—изъ Латинскаго же ego=я—образовалось французское—je (Дарвинизмъ. Э. Ферьера, русскій переводъ М. Шишмарева. С.-Петербургъ 1892 г.; стр. 104—110). Подобныя превращенія словъ въ долговѣчномъ говорѣ обусловливаются тѣми же причинами, которыя поднимаютъ ростъ и духовное развитіе народа, и подчиняются тѣмъ же Ламарко-Дарвинскимъ законамъ; слѣдовательно въ мнѣніяхъ названныхъ ученыхъ: Раска, Шафарика, Баера, Эйхвальда и другихъ, сложившихся самостоятельно, внѣ вліянія ученія о происхожденіи видовъ, выработаннаго послѣ ихъ наблюденій, нѣтъ произвола, равносильнаго пророческому изреченію Якова Грима: Для нашей Ильменской страны вопросъ о тожествѣ Скиѳовъ и Чуди представляется вопросомъ первой важности, вызывающимъ наиболѣе подробное разсмотрѣніе его со всѣхъ сторонъ. Поэтому здѣсь, въ статьѣ о населеніи нашей страны въ древнелѣтописные вѣка, мы приведемъ выписки изъ сказаній Геродота и Страбона о Скиѳахъ и ближайшихъ сосѣдяхъ и современникахъ ихъ, чтобы въ послѣднемъ отдѣлѣ сопоставить содержимое выписокъ съ бытовыми остатками, до сихъ поръ собранными, въ земляхъ Скиѳіи этихъ писателей.

Геродотова Скиѳія.

Страна, описанная Геродотомъ подъ именемъ Σκυθίη Σκυθική—занимала обширное пространство Европейской Россіи, соотвѣтствующее, приблизительно, нынѣшнимъ землямъ: Бессарабіи, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Подольской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Курской и Воронежской; кромѣ того она имѣла большіе участки въ Азіи, по ту сторону Уральскаго хребта, гдѣ нынѣшнія Оренбургскія земли, и, временно, въ теченіи 28 лѣтъ, около 639 г. до Р. Х. въ Мидіи (книга I, статьи: 15, 103, 107; книга IV, статьи: 1, 3, 4, 12, 17, 21, 47, 57, 99, 100 и 101);—она безлѣсна, за исключеніемъ Гилеи (книга IV, ст, 18 и 19), занимавшей область на лѣвомъ берегу Днѣпра, близко устья;—вообще

ровна и холодна; въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоятъ нестерпимые морозы: говорятъ, что въ полночныхъ странахъ нельзя ни смотрѣть вдаль, ни пройти, благодаря разсыпаннымъ тамъ перьямъ; дѣйствительно перьями наполнены тамъ земля и воздухъ; они и мѣшаютъ зрѣнію (книга IV, ст. 7, 28, 29 и 129). Подъ перьями слѣдуетъ разумѣть, конечно, снѣговые хлопья.

Населеніе Скиѳіи. Преобладающее населеніе Скиѳы,—по словамъ ихъ—юнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ. О своемъ происхожденіи разсказываютъ такъ: первымъ человѣкомъ въ этой странѣ, еще пустынной, былъ Таргитай,—происшедшій отъ бога Зевса и дочери рѣки Борисѳенеса (Днѣпра). У Таргитая было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и, младшій, Колаксаисъ. При жизни братьевъ упали съ неба на Скиѳскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Первымъ увидѣлъ эти предметы самый старшій, онъ приблизился къ нимъ съ цѣлью взять, но золото запылало, и онъ отступилъ назадъ. За симъ подошелъ средній братъ; съ золотомъ повторилось тоже; когда приблизился третій, Колаксаисъ, золото не запылало, и онъ отнесъ его къ себѣ въ домъ. Въ виду такого чуда старшіе братья согласились уступить младшему все царство. Отъ Липоксаиса произошли тѣ изъ Скиѳовъ, которые носятъ названіе рода „Авхаты",—отъ Арпоксаиса „Катіары" и „Трапіи",—а отъ Колаксаиса „Паралаты". Отъ начала Скиѳскаго народа, или отъ перваго царя Колаксаиса, прошло, по ихъ вычисленію, до похода Дарія, круглымъ счетомъ, не болѣе тысячи лѣтъ (т. е. около 1600 лѣтъ до Р. Х.).

Священное золото, доставшееся Колаксаису, цари оберегаютъ весьма ревниво и ежегодно чтутъ его, съ благоговѣніемъ, обильнымъ жертвоприношеніемъ. Если лицо, хранящее это золото, заснетъ подъ открытымъ небомъ во время празднества и жертвоприношенія,—оно не переживетъ уже, по вѣрованію Скиѳовъ, долѣе года; ему дается, поэтому, въ подарокъ столько земли, сколько можно объѣхать верхомъ на лошади.

Обширную страну свою Колаксаисъ раздѣлилъ, для сыновей, на три царства; священное золото сохраняется въ обширнѣйшемъ изъ нихъ (книга IV, статьи 5—7).

Еллины, живущіе въ Понтѣ (побережьи Чернаго моря) говорятъ о происхожденіи Скиѳовъ иначе; по ихъ разсказу Гераклъ,—одинъ изъ древнѣйшихъ боговъ Египта,—олицетвореніе луны „Khunsu, Khons",—гоня передъ собою быковъ *Геріона*,—это островъ Ериѳіи, по ту сторону Геракловыхъ столбовъ, или Гибралтарскаго пролива,—прибылъ въ ту самую страну, тогда еще ненаселенную, которую заняли Скиѳы, и, защищаясь отъ непогоды и мороза, закутался въ львиную шкуру и такъ заснулъ; во время сна исчезли изъ подъ повозки, какимъ то чудомъ, его лошади. Проснувшись Гераклъ (Геркулесъ) пустился въ поиски; обошелъ всю страну и прибылъ въ лѣсистую Гилею; тамъ, въ пещерѣ, онъ нашелъ смѣшанной породы существо: на половину дѣвушку, на половину змѣю; верхняя часть тѣла отъ сидѣнія представляла человѣка, а нижняя змѣю. Изумленный наружностью необыкновеннаго существа, Гераклъ спросилъ, не видѣло-ли оно

блуждающихъ лошадей. Дѣвушка отвѣчала, что лошади у нея, и что она возвратитъ ихъ не прежде, какъ Гераклъ сообщится съ нею. Гераклъ исполнилъ ея желаніе. Однако дѣвушка медлила выдачею лошадей; ей хотѣлось, чтобы Гераклъ оставался въ связи съ нею возможно дольше. Прошло нѣкоторое, довольно продолжительное, время; дѣвушка отдала лошадей и сказала Гераклу: когда лошади твои пришли сюда, я сберегла ихъ, и ты наградилъ меня: отъ тебя я имѣю трехъ сыновей. Скажи, что мнѣ дѣлать, когда дѣти выростутъ? поселить-ли ихъ здѣсь,—страною этой владѣю я одна,—или отослать къ тебѣ?—Когда дѣти мои возмужаютъ, отвѣчалъ Гераклъ, поступи лучше всего такъ: посмотри, который изъ нихъ натянетъ этотъ лукъ такъ, какъ я его натягиваю, и по-моему опояшется этимъ поясомъ, тому и предоставь твою землю для жительства, а того, кто не сможетъ выполнить предложенной задачи, вышли отсюда; такимъ способомъ дѣйствій ты и сама останешься довольна и исполнишь мое желанье. Сказавъ это, Гераклъ натянулъ одинъ изъ луковъ,—до тѣхъ поръ онъ носилъ два,—и показалъ, какъ опоязываться, а за симъ передалъ дѣвушкѣ-змѣѣ и лукъ и поясъ, послѣдній съ золотой чашей на концѣ пряжки. Когда дѣти возмужали, мать прежде всего дала имъ имена и назвала старшаго „Агаѳирсъ", средняго „Гелонъ",—и младшаго „Скиѳъ"; потомъ, помня совѣтъ Геракла, поступила согласно его предложенію. Первые двое оказались неспособными разрѣшить предложенную задачу, и потому были изгнаны родительницей изъ этой страны,—а самый младшій остался здѣсь, потому что выполнилъ задачу. Отъ Скиѳа произошли всегдашніе цари страны и въ воспоминаніе Геракловой чаши, Скиѳы носили,—въ Геродотово время,—чаши на поясахъ.

Геродоту извѣстенъ и третій разсказъ о происхожденіи Скиѳіи, представляющійся ему болѣе вѣроятнымъ: Скиѳы-кочевники жили сначала въ Азіи; потомъ они были потѣснены Массагетами во время войны и, перешедши рѣку Араксъ, удалились въ Киммерійскую землю. Дѣйствительно,—говоритъ Геродотъ,—страна, населяемая теперь Скиѳами, принадлежала первоначально Киммеріянамъ. При наступленіи Скиѳовъ, ввиду многочисленности войска ихъ, Киммеріяне совѣтовались, какъ имъ быть. Мнѣнія раздѣлились и обѣ стороны оказались одинаково настойчивыми. По мнѣнію народа слѣдовало покинуть страну и изъ-за праха не подвергать себя опасности; а цари предлагали упорно защищать родину въ борьбѣ съ врагомъ. Однако народъ не внялъ совѣту царей, а цари не пожелали покориться народу, который рѣшилъ покинуть страну безъ борьбы и предоставить ее наступающему непріятелю; цари же предпочли лечь мертвыми въ родной землѣ и не убѣгать вмѣстѣ съ народомъ, имѣя въ виду тѣ блага, какими они пользовались на родинѣ, а также и тѣ бѣдствія, какія ждутъ ихъ на чужбинѣ. Вслѣдствіе такихъ рѣшеній цари раздѣлились на двѣ стороны, равныя по численности, и въ средѣ ихъ завязалась междоусобная брань. Всѣ цари были перебиты другъ за другомъ, а народъ Киммеріянъ похоронивъ ихъ, удалился изъ своей страны; такимъ образомъ вторгнувшіеся Скиѳы заняли землю пустынную (кн. IV, статья 11).

Киммеріяне, уходя отъ Скиѳовъ—въ Азію, поселились сперва на томъ полуостровѣ, на которомъ былъ, при Геродотѣ, Еллинскій городъ Синопа. Скиѳы погнались за ними, но сбились съ пути и попали въ Мидію; Киммеріяне бѣжали постепенно вдоль моря, а преслѣдователи ихъ держались правой стороны Кавказа, пока не вторглись въ Мидію,—а отсюда, не догнавъ Киммеріянъ, свернули внутрь материка (кн. IV, статья 12). Мидяне встрѣтили Скиѳовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но были разбиты пришельцами и уступили имъ господство надъ этою частью Азіи.

Изъ Мидіи Скиѳы пошли въ Египедъ чрезъ Палестинскую Сирію: здѣсь, въ Сиріи, Египетскій царь, Псамметихъ, встрѣтилъ ихъ и удержалъ отъ дальдѣйшаго движенія просьбами и дарами.

Когда, на обратномъ пути, Скиѳы были въ Сирійскомъ городѣ Аскалонѣ, большинство ихъ пошло дальше, не трогая города; немногіе же остались тутъ и ограбили храмъ Небесной Афродиты, за что были наказаны—какъ сами грабители, такъ и потомство ихъ—женскою болѣзнью; ихъ называютъ Енареями.

Владычествовавъ въ Азіи въ теченіе 28 лѣтъ, Скиѳы своими излишествами и буйствомъ раззорили и опустошили занятую ими страну; кромѣ того, что съ каждаго народа взимали ими самими наложенную дань, эти пришельцы совершали еще набѣги и грабили все, что тотъ или другой народъ имѣлъ. Царь Мидійскій пригласилъ однажды Скиѳовъ на пиръ; Мидяне ихъ напоили и, по приказанію царя Кіаксара, перебили, избавивъ страну свою отъ пришельцевъ. Это было около 600 лѣтъ до Р. Х. (кн. I: статьи 103—106).

Много подробностей Геродотъ сообщаетъ о походѣ Дарія на Скиѳовъ въ четвертой книгѣ; о нихъ мы укажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи его извѣстій. Здѣсь же замѣтимъ, что по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Египетскими жрецами,—царь Сезострисъ ходилъ изъ Египта въ Европу между 1386 и 1322 гг. до Р. Х., гдѣ покорилъ, въ числѣ другихъ народовъ, и Скиѳовъ (кн. II, статья 103).

Отводя Скиѳіи обширную страну, нашъ повѣствователь говоритъ, что Скиѳы названы этимъ именемъ Еллинами, общее же ихъ прозваніе „Сколоты“ (книга IV, статьи 5—11), и что Скиѳія дѣлится на Азіатскую и Европейскую. Къ обитателямъ первой онъ относитъ Саковъ, или Скиѳовъ Амиргійскихъ, участвовавшихъ въ войнахъ Ксеркса. Нарядъ ихъ составляли: войлочная остроконечная шапка, стоявшая прямо, и штаны; вооружены были бактрійскими луками, короткими мечами и сѣкирами. Жили Саки въ горахъ, на полночь къ востоку отъ Бактріи (кн. I,—53; VII,—64; IX,—113). Европейскую Скиѳію населяли какъ Скиѳы, такъ и другіе народы. Скиѳы дѣлятся на царскихъ, кочевниковъ и земледѣльцевъ-пахарей.

Царскія Скиѳы занимали страну по ту сторону Герра, простирающуюся на востокъ до торжища на Меотійскомъ озерѣ, называемаго Кремнами, и до рва, выкопаннаго ослѣпленными рабами Скиѳовъ,—а на полдень до Таврики; частію владѣнія царскихъ Скиѳовъ доходятъ и до Танаида въ

въ восточномъ направленіи; на полночь отъ нихъ живетъ народъ не Скиѳскій (кн. IV, статья 20).

Рѣка Герръ признается объяснителями Геродота за одинъ изъ притоковъ Днѣпра слѣва, отдѣляющійся, приблизительно, у устья Самары и круто поворачивающійся на полдень, а за тѣмъ на востокъ. Ѳ. Г. Мищенко полагаетъ, что въ имени Герръ смѣшано нѣсколько рѣкъ, каковыми могутъ быть; Самара (притокъ Днѣпра) и текущія въ Азовское море: Донецъ, Конскія воды, Молочная—съ ихъ притоками, и другія. Таврика—это Крымъ. Кремны соотвѣтствуютъ нынѣшнему Ногайску на Азовскомъ морѣ, которое есть Геродотово Меотійское озеро. Танаида—нынѣшній Донъ. Въ широкомъ рвѣ слѣпыхъ рабовъ видятъ—или мѣстность около Перекопскаго перешейка, или тотъ проливъ, который лежитъ на востокъ отъ Керченскаго полуострова, западною границею имѣющаго прямую между Ѳеодосіею и Арабатомъ.

Скиѳы кочевники отдѣлены отъ царскихъ рѣкою Герромъ; они живутъ и на западномъ берегу Меодиты. Вмѣстѣ съ царскими—держали въ зависимости различныя племена не Скиѳскія, сидѣвшія въ нынѣшней полуденной Россіи. Вообще Геродотовы сказанія о кочевникахъ и царскихъ Скиѳахъ недостаточно вразумительны (кн. IV, статьи 28, 56, 57 и 100); ими могли быть и тѣ, которые заняли Мидію и опять вернулись въ Европу.

Пахари и земледѣльцы представляются не одинаковыми по назначаемымъ тѣмъ и другимъ землямъ, хотя близкими по осѣдлости своей. О пахаряхъ Геродотъ говоритъ такъ: Отъ торговаго города Борисѳенеитовъ, представляющаго средину всей приморской Скиѳіи, первыми живутъ Каллипиды, это Еллины-Скиѳы; выше ихъ—другой народъ—Алазоны; какъ эти послѣдніе, такъ и Каллипиды—во всемъ ведутъ одинаковый съ Скиѳами образъ жизни, но они сѣютъ хлѣбъ и употребляютъ его въ пищу; ѣдятъ также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Надъ Алазонами обитаютъ Скиѳы-пахари, сѣющіе хлѣбъ не столько для питанія, сколько на продажу (кн. IV, ст. 17).

Городъ Борисѳенеитовъ есть Ольбія, или Ольвія; она находилась на берегу Чернаго моря, близъ устья Буга, между нынѣшними городами Николаевомъ и Очаковомъ, гдѣ теперь село Ильинское-Парутино.

Земледѣльцы занимали область по ту сторону Днѣпра, на востокъ отъ него, надъ лѣсистою Гилеею, пространствомъ на три дня пути въ восточномъ направленіи, до рѣки Пантикапы, а на полночь, вверхъ по Днѣпру, на одинадцать дней. Выше ихъ лежитъ обширная пустыня (книга IV, статья 18).

Пантикапою считаютъ рѣку Конку, по соединеніи ея съ Самарою.

Изъ всѣхъ Скиѳовъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе—царскіе, почитающіе прочихъ своими рабами.

Пространство Скиѳіи опредѣлилось-бы ясно, если-бы рѣки, которыми надѣлилъ эту страну Геродотъ, получили точное, сравнительно съ нынѣшними, направленіе и не возбуждали сомнѣній въ даваемыхъ имъ изслѣдователями современныхъ наименованіяхъ. Геродотъ пишетъ: Число протека-

ющихъ чрезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Затѣмъ перечисляются болѣе значительныя и судоходныя для тѣхъ плавцовъ, которые идутъ отъ моря (Чернаго), въ такомъ порядкѣ:

Истръ=Дунай,—съ притоками протекающими чрезъ Скиѳію: *Поратою* — по-скиѳски; по-еллински она зовется *Пиремъ*; —*Тіарантомъ*, *Араромъ*, *Напарисомъ и Ордессомъ*. Пората—это нынѣшній Прутъ,—Тіарантъ—неизвѣстенъ изслѣдователямъ подъ современнымъ именемъ;—Араромъ считаютъ—теперешній Середъ; Напарисъ и Ордессъ вливались въ Геродотово время въ Дунай въ промежуткѣ между Тіарантомъ и Серетомъ; Ѳ. Г. Мищенко думаетъ однако, что Ордессъ—тоже Серетъ; вѣроятно этотъ Ордессъ пересохшій притокъ Серета. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ притоковъ Дуная Геродотъ называетъ Кій; о немъ скажемъ ниже.

Тира=Днѣстръ; течетъ съ полночи изъ большого озера,—но какого—Геродотъ не называетъ. Близъ устья этой рѣки живутъ Еллины, называемые Тиритами.

Гипанисъ=Бугъ; также вытекаетъ изъ большого озера, вокругъ котораго находятъ себѣ пастбище дикія бѣлыя лошади. По выходѣ изъ этого озера, Гипанисъ имѣетъ, на протяженіи пяти дней пути, хорошую прѣсную воду (сладкую по Геродоту); но далѣе впадаетъ въ него, сравнительно небольшой горькій ручей,—начиная отъ котораго и до самаго моря вода рѣки тоже горька; имя ручья и области, чрезъ которую онъ протекаетъ „Ексампай“, а по-еллински—Священные Пути; ручей составляетъ границу земель—Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ. Тира и Гипанисъ, т. е. Днѣстръ и Бугъ, сближаются своими излучинами подлѣ земли Алазоновъ.

Борисѳенесъ=Днѣпръ. Рѣка эта самая богата полезными произведеніями между всѣми, извѣстными Геродоту рѣками, кромѣ Египетскаго Нила; она доставляетъ роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходнѣйшую и въ изобиліи рыбу, одинъ видъ ея—огромныхъ размѣровъ, безъ позвоночнаго столба,—это „Антакая“—порода осетра. До мѣстности Герра, куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенесъ течетъ съ полночи; страны, по которымъ онъ проходитъ до этой мѣстности,—никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области Скиѳовъ земледѣльцевъ онъ протекаетъ чрезъ пустыню, а Скиѳы живутъ около него на десять дней пути. Вдоль Борисѳенеса тянутся превосходныя пахатныя поля, или растетъ очень высокая трава по мѣстамъ, не засѣваемымъ хлѣбомъ; вода рѣки пріятна на вкусъ и чиста,—тогда какъ рядомъ съ нею текущія—мутны; въ устьи сама собою собирается соль. Близъ моря въ Борисѳенесъ впадаетъ Гипанисъ; на оконечности суши между обоими рѣками, называемой Гипполая (теперь Станиславъ)—святилище Деметры. По ту сторону святилища, при Гипанисѣ, живутъ Борисѳениты.

Пантикапа=Самара и Конка,—предположительно. Выходитъ изъ озера; направленіе съ полночи; входитъ въ лѣсистую Гилею, протекаетъ чрезъ нее и сливается съ Борисѳенесомъ. Пространство между Пантикапою и Днѣпромъ занимаютъ Скиѳы земледѣльцы.

Гипакирисъ=Молочная (Ѳ. Г. Мищенко), выходитъ изъ озера; теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю Скиѳовъ кочевниковъ пополамъ,—впадаетъ въ море подлѣ города Каркинитида, лежавшаго у Перекопскаго залива, или Акмешида; правымъ берегомъ граничитъ съ Гилеею

Послѣ Гипакириса слѣдуетъ и Геродота *Герръ*, о которой мы сказали раньше.

Послѣднею Скиѳскою рѣкою названъ *Танаидъ*=Донъ; течетъ сверху изъ большого озера и впадаетъ въ другое, еще большее, именуемое *Меотидою* (Азовское море),—отдѣляющею царственныхъ Скиѳовъ отъ Савроматовъ. Въ Танаидъ впадаетъ рѣка, по имени *Гиргисъ*; это, по мнѣнію объяснителя Геродота, вѣроятно нынѣшній Донецъ (кн. IV, ст. 47—58).

Изслѣдователи разводятъ Скиѳовъ по всѣмъ названнымъ рѣкамъ, такъ: пахарей и земледѣльцевъ—по Днѣстру, Бугу и Днѣпру;—кочевниковъ—между Самарою и нижнимъ теченіемъ Донца; быть-можетъ они же сидѣли и по нижнему Дону;—царскихъ—по нижнему теченію послѣдне-названныхъ рѣкъ, и по западному побережью Азовскаго моря и Таврическаго полуострова (Крымъ);—это первая часть ихъ;—другая, меньшая, Азіатскіе царскіе Скиѳы,—занимала, приблизительно нынѣшнія Оренбургскія земли, должно-быть по рѣкѣ Уралу.

Для изысканій о насельникахъ Ильменской страны преобладающую—важность представляютъ Скиѳы-пахари и земледѣльцы, сидѣйшіе въ Поднѣпровьи, какъ сами по себѣ, такъ и особенно по сосѣдямъ, которыхъ Геродотъ описываетъ, хотя не по личнымъ своимъ наблюденіямъ, а по разсказамъ очевидцевъ, представляющимся повѣствователю, въ большей части, заслуживающими довѣрія.

Мы видѣли невдалекѣ отъ торговаго города Борисѳенеитовъ, Ольбіи, *Каллипидовъ*, т. е. Еллино-Скиѳовъ,—а надъ ними,—вѣроятно въ полночномъ направленіи, *Алазоновъ*.

Надъ Алазонами жили пахари (кн. IV, ст. 17); а этихъ пахарей селятъ по Днѣстру и другимъ двумъ рѣкамъ, слѣдовательно Алазоны занимали участокъ близъ моря; но Ѳ. Г. Мищенко отводитъ имъ мѣстность въ срединѣ нынѣшнихъ земель—Кіевской и Подольской.

Отъ Дуная же, внутрь материка, стало-быть на полдень,—сосѣдями Скиѳовъ были *Агаѳирсы* (кн. IV, ст. 100).

Надъ пахарями, все въ томъ же полночномъ направленіи, жили *Невры* (тамъ-же). Они не Скиѳы, хотя нравы имѣли Скиѳскіе; управлялись своимъ царемъ (тажъ-же, статьи 102 и 105); земля ихъ обширна; она занимала пространство сряду послѣ страны Агаѳирсовъ, сидѣвшихъ въ нижнемъ теченіи Дуная (тамъ-же, ст. 100), до истока Днѣстра или до большого озера, дающаго ему начало и лежащаго на границѣ между Скиѳіей и Невридою (ст. 51), между Днѣстромъ и Днѣпромъ, и по Днѣпру—вдоль Гипаниса (Молочная и Самара). На полночь отъ Невровъ пустыня (ст. 17).

Надъ земледѣльцами, сидѣвшими въ полночномъ направленіи, какъ уже замѣчено, вверхъ по теченію Днѣпра на одинадцать дней, простиралась обширная пустыня, а за нею, въ томъ же полночномъ, или восточно-полноч-

номъ направленіи, жили *Андрофиги*, народъ особенный, вовсе не Скиѳскій; еще выше,—слѣдовательно полночнѣе Андрофиловъ,—настоящая пустыня; не живетъ тамъ, какъ мы знаемъ, говоритъ Геродотъ, ни одинъ народъ (статья 18).

На полночь отъ царскихъ Скиѳовъ—то есть, примѣрно, за прямою отъ устья р. Самары, гдѣ она впала въ Днѣпръ, и до р. Дона, или отъ нынѣшняго Ново-Московска до Калача,—пристани Дона,—сидятъ *Меланхлены*, такой-же, особый, какъ Невры и Адрофаги, не Скиѳскій народъ. Выше Меланхленовъ лежатъ озера и безлюдная пустыня (ст. 20).

Итакъ, по Геродоту, на полночь отъ Невровъ, Андроѳаговъ и Меланхленовъ разстилалась обширная пустыня. По положенію рѣкъ, объясняемому изслѣдователями, эта пустыня соотвѣтствуетъ, въ направленіи на западъ—Пинской низменности,—а на востокъ—степной полосѣ нынѣшней Россіи.

Доводя границу царскихъ и кочевыхъ Скиѳовъ до праваго берега Дона (гдѣ Калачъ), Геродотъ пишетъ: По ту сторону Танаида (Дона) нѣтъ болѣе Скиѳіи; первая изъ тамошнихъ,—Задонскихъ,—областей принадлежитъ *Савроматамъ*, которые занимаютъ пространство на пятнадцать дней пути, начиная отъ угла Меотійскаго озера (Азовское море) по направленію къ полночи (ст. 21).

Надъ Савроматами живутъ *Будины*, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ. Сосѣдями Будиновъ Геродотъ называетъ *Гелоновъ*, Еллиновъ по происхожденію (ст. 102).

Выше Будиновъ, на полночь отъ нихъ, лежитъ, прежде всего, пустыня, на протяженіи семи дней пути, а за пустыней, больше въ восточномъ направленіи, живутъ *Ѳиссагеты*, также народъ особый и многолюдный; средства къ жизни добываютъ охотой.

Въ смежности съ Ѳиссагетами, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, сидятъ *Іирки*, охотники же (о Ѳиссагетахъ и Іиркахъ, ст. 22).

Надъ Ѳиссагетами и Іирками, все въ восточномъ направленіи, живутъ другіе Скиѳы, прибывшіе въ эту мѣстность по отдаленіи отъ царственныхъ, (тамъ-же). Этихъ Скиѳовъ наши повѣствователи называютъ *Бѣглецами*.

Вся страна Скиѳовъ, до занятой отдѣлившимися отъ царственныхъ, черноземна и представляетъ равнину (статья 23); въ землѣ Ѳиссагетовъ берутъ начало четыре рѣки, впадающія въ Меотиду: Ликъ, Оаръ, Танаидъ и Сиргисъ (ст. 125). О первой рѣкѣ изслѣдователи Геродота не даютъ объясненій, такъ что существуетъ-ли она теперь, гдѣ, и подъ какимъ названіемъ—неизвѣстно. Въ Оарѣ видятъ Волгу, о которой Геродотъ имѣлъ самыя смутныя свѣдѣнія, какъ и вообще о направленіи большинства называемыхъ имъ рѣкъ Европейскихъ и Азіатскихъ. Если соединить обѣ эти рѣки, мы получимъ Оарликъ, или Орликъ, небольшой притокъ Оки въ верхнемъ ея теченіи, на которомъ расположенъ городъ Орелъ. Положеніе земли Ѳиссагетовъ Геродота не найдетъ въ нашей догадкѣ противорѣчія. Танаидъ—это Донъ. Въ названіи рѣки Сиргисъ видятъ ошибку переписчика и предлагаютъ читать Иргисъ, подъ которымъ разумѣютъ Донецъ. Не имѣя основаній вступать въ споръ съ учеными толкователями Геродота, мы за-

мѣтимъ, однакожъ, что притокъ Волги съ лѣвой стороны, Иргизъ, впадающій въ царицу нашихъ рѣкъ противъ города Вольска, звучитъ совершенно одинаково съ Геродотовымъ Иргисомъ; земля въ этой мѣстности и ровна и достаточно черноземна, чтобы по ней пройти Сиргису или Иргису. Смутное пониманіе теченія Волги и другихъ рѣкъ и введеніе названныхъ четырехъ въ Азовское море—не будетъ большимъ препятствіемъ и въ этой второй нашей догадкѣ.

За страною Өиссагетовъ, Іирковъ и Скиөовъ-бѣглецовъ начиналась земля каменистая и неровная. Если пройти значительную часть этой неровной земли, говоритъ Геродотъ,—то встрѣтимся съ обитателями подножья высокихъ горъ; всѣ они, по словамъ знающихъ ту страну, какъ мужчины, такъ и женщины, плѣшивы отъ рожденія, плосконосы и съ большими челюстями; языкъ у нихъ особый; одѣваются по-скиөски, а питаются плодами деревьевъ, предпочтительно одного,—понтака,—такой же почти величины, какъ фиговое. Плодъ этого дерева, похожій на бобы, содержитъ въ срединѣ зерно; когда созрѣетъ, его давятъ; вытекающій сокъ процѣживаютъ; онъ черенъ; изъ густой части приготовляютъ лепешки и ѣдятъ ихъ, а жидкій сокъ лижутъ, или пьютъ, смѣшавъ съ молокомъ: жидкость называютъ асхи. Народъ этотъ, плѣшивые, именуется *Аргиппаи* (ст. 23).

Страна къ востоку отъ Аргиппаевъ населена *Исседонами*. Этотъ народъ послѣдній изъ далекихъ обитателей, извѣстныхъ путешественникамъ (ст. 24 и 25).

Кто посѣщаетъ страну Аргиппаевъ, тотъ пользуется для своихъ дѣловыхъ сношеній семью переводчиками и семью языками. О нихъ и объ Исседонахъ знаютъ только Скиөы.

Какіе народы заселяютъ страны выше Аргиппаевъ и Исседоновъ,—то есть въ направленіи къ полночи, извѣстно только этимъ людямъ, такъ что свѣдѣнія получаются только отъ нихъ. По разсказамъ Аргиппаевъ горы, у подножія которыхъ они живутъ, заняты народомъ съ козлиными ногами,—а обитатели странъ еще болѣе полночныхъ спятъ въ теченіе шести мѣсяцевъ; Геродотъ этому не вѣритъ; —по словамъ Исседоновъ выше ихъ обитаютъ одноглазые люди и стрегущіе золото *Грифы*. Одноглазые называются *Аримаспами*. „Арима" по-скиөски значитъ одинъ, а „спу"—глазъ (ст. 27). Не отражается-ли въ сказаніи объ Аримаспахъ, стрегущихъ золото Грифахъ и о людяхъ спящихъ полгода, наше присловіе народное: „Ни въ одномъ глазу сна нѣтъ"—или „спитъ однимъ глазомъ?". О Гипербореяхъ, заселявшихъ окраину полуночья Европы и Азіи, мы уже сказали.

Слѣдуетъ, для полноты свѣдѣній о Скиөахъ, привести Геродотовы сказанія: а) о *Массагетахъ*, принимаемыхъ нашими учеными за предковъ нынѣшнихъ Киргизовъ, хотя можно видѣть въ нихъ и упомянутыхъ уже Саковъ. Они, по Геродоту, отличны отъ Скиөовъ, хотя образъ жизни вообще ведутъ Скиөскій; по мнѣнію же современниковъ писателя, нѣкоторыхъ, Массагеты—народъ Скиөскій. Они многочисленны и воинственны; живутъ на востокѣ, по ту сторону Аракса, противъ Исседоновъ. Араксомъ Геродотъ называетъ въ этомъ мѣстѣ своихъ сказаній Волгу,—а быть можетъ

и Уралъ;—послѣдній ближе, по созвучію, къ Араксу,—или Аму-Дарью и Сыръ-Дарью,—наконецъ совсѣмъ сходенъ съ этою рѣкою Кавказскій—Араксъ. Поэтому вопросъ о землѣ Массагетовъ остается открытымъ; безспорно лишь положеніе ея въ Азіи. Отождествленіе Аракса съ Волгою можетъ имѣть основаніе въ слѣдующихъ словахъ Геродота: „одни говорятъ, что Араксъ больше Истра,—другіе,—что меньше". Самыя же большія рѣки Европы—Дунай (Истеръ) и Волга. Кавказскій Араксъ былъ, вѣроятно, хорошо извѣстенъ Грекамъ. Раньше мы привели догадку Профессора Эйхвальда о связи между Массагетами и названіемъ одной Уральской рѣки „Міасъ". Объ этомъ пародѣ Геродотъ сообщаетъ нѣсколько подробностей по поводу войны съ ними Кира, около 550 лѣтъ до Р. Х. (кн. I, ст. 201—216). Въ странѣ Массагетовъ обиліе золота и мѣди, но нѣтъ серебра и желѣза. Массагеты отличные наѣздники и владѣютъ лукомъ въ совершенствѣ, сражаются верхомъ и пѣшіе; во время войны съ Киромъ у нихъ была царицею Томирисъ, вдова умершаго царя. Массагеты одолѣли Персовъ и Киръ былъ ими убитъ, въ царствованіе Тамирисы (тамъ-же);—б) о *Ѳракіянахъ,* страна которыхъ была, во времена Даріева похода въ Скиѳію, погранична съ одной стороны съ нею, а съ другой—съ Македоніею (книга IV, ст. 89 и 99) и о Гетахъ, племени Ѳракійскомъ, занимавшемъ землю, сосѣднюю съ Скиѳіею (таже книга статьи 93—97, и 118; и книга V статьи 3 и 4).

Бытовыя особенности Скиѳовъ. Для изысканій о населеніи нашей Ильменской страны, въ древнелѣтописныхъ предѣлахъ ея, не послѣднее значеніе имѣютъ Геродотовы извѣстія о Скиѳахъ Азіатскихъ, а преимущественное о не Скиѳахъ, сидѣвшихъ въ лѣсистой мѣстности, Будинахъ и Гелонахъ, а также о Неврахъ. Сказанія о Скиѳахъ Азіатскихъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, даютъ основанія видѣть въ нихъ, а по нимъ и во всѣхъ вообще Скиѳахъ, Чудь. О значеніи Будиновъ, Гелоновъ и Невровъ уже сказано нѣсколько.

Геродотъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ Скиѳовъ и не Скиѳовъ, занимавшихъ земли нынѣшней Россіи и сосѣднія; народовѣды допрашиваютъ въ настоящее время ископаемые остатки людей незапамятной древности; мы, съ своей стороны, тоже попытаемся допросить подобные остатки, собранные въ нашей странѣ. Чтобы получить точный отвѣтъ на всякій вопросъ вообще, надобно чтобы для вопрошаемаго былъ вполнѣ ясенъ вопросъ; а чтобы предлагать ископаемымъ остаткамъ вопросы, необходимо ознакомиться, хотя поверхностно, съ нравами и обычаями народовъ, населявшихъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ назадъ ту землю, изъ подъ наслоеній которой извлекаются время отъ времени ископаемые свидѣтели. Поэтому приведемъ здѣсь извѣстія Геродота о нравахъ и обычаяхъ перечисленныхъ выше и другихъ народовъ.

Хотя собственно Европейскіе Скиѳы сидѣли въ Геродотово время далеко отъ Ильменя и Волхова, но если они и Чудь одно и тоже,—нельзя миновать извѣстій о нихъ нравахъ и обычаяхъ, тѣмъ болѣе, что, во 1-хъ, народъ этотъ былъ многочисленъ и передвигался, подъ именемъ кочевниковъ

съ мѣста на мѣсто, и во 2-хъ—въ Черноморскомъ побережьи и въ земляхъ подъ чертою, которую мы провели отъ Новомосковска къ Калачу, сдѣлано много раскопокъ кургановъ, обогатившихъ народовѣдѣніе; въ Ильменской же странѣ раскопки ждутъ еще рукъ мѣстныхъ почитателей древности, въ лицѣ членовъ нашего Общества, для которыхъ не лишнимъ будетъ знакомство, на случай раскопокъ кургановъ, съ нравами и обычаями Скиѳовъ, отразившимися въ ископаемыхъ находкахъ занятой ими въ Геродотово время полуденной Россіи. Сверхъ того, въ задачу народовѣдѣнія входятъ, кромѣ изысканій объ ископаемыхъ остаткахъ, и другія, не менѣе, если не болѣе—цѣнныя изысканія же объ остаткахъ духовной природы человѣка, переходящихъ отъ потомства къ потомству, переживающихъ тысячелѣтія и отражающихся въ современной намъ жизни въ видѣ повѣрій, предразсудковъ, обычаевъ, семейной жизни и проч. и проч. Доискаться корня подобныхъ жизнеспособныхъ бытовыхъ остатковъ, подойдя прямо къ первоначальному источнику ихъ—значитъ найти нить, связующую настоящее съ недосязаемо далекимъ прошедшимъ—и путь, который прошелъ бытовой остатокъ отъ прародителя къ нашему современнику—и племя, давшее ему жизнь.

Объ упомянутой численности Скиѳовъ Геродотъ сообщаетъ любопытное извѣстіе; онъ знаетъ два мнѣнія:—одно, что Скиѳовъ очень много, и другое, что собственно ихъ мало; однако вотъ что ему сказали: въ мѣстности Ексампай стоитъ мѣдный сосудъ, свободно вмѣщающій въ себѣ шестьсотъ амфоръ; а толщина его шесть пальцевъ; онъ вылитъ изъ наконечниковъ стрѣлъ, принесенныхъ, по приказу царя Аріанта, желавшаго узнать численность своихъ подданныхъ, по одному—каждымъ Скиѳомъ (ст. 81). Амфора это сосудъ, похожій на Новгородскіе узкогорлые голосники, съ двумя ручками; въ него входитъ девяносто фунтовъ жидкости (амфора равняется μετρητησ, а эта мѣра жидкостей=γόες, или 144 κοτύλη,—каждый изъ которыхъ вмѣщаетъ 7¹/₂ унцій); значитъ чаша имѣла емкость до 1350 пудовъ воды;—мѣдные же наконечники Скиѳскихъ стрѣлъ вѣсятъ, каждый, не болѣе двухъ золотниковъ (Археологич. вѣстн. 1867 г., выпускъ V, статья Максимовича: Украинскія стрѣлы, стр. 204—219).

Обычаи Скиѳовъ царственныхъ и кочевниковъ. Геродотъ близко знакомъ съ царственными, или царскими Скиѳами, и съ кочевниками; тѣхъ и другихъ онъ могъ наблюдать лично,—о прочихъ же свидѣтельствуетъ по разсказамъ путешественниковъ и торговцевъ, имѣвшихъ съ ними сношенія. Поэтому черты нравовъ Скиѳовъ всѣхъ вообще заимствованы Геродотомъ, по всей вѣроятности, у царскихъ и кочевниковъ.

Скиѳы народъ воинственный, пренебрегающій ручнымъ трудомъ; благородными считаютъ только тѣхъ, которые знаютъ лишь военное дѣло (книга II, ст. 167); они суровы; плѣннымъ выкалываютъ глаза и обращаютъ ихъ въ рабство; ослѣпляютъ рабовъ изъ-за молока, любимаго своего питья; рабы обыкновенно доятъ кобылицъ своеобразнымъ способомъ: берутъ костяныя трубочки, очень похожія на свистульки, вкладываютъ ихъ въ половыя члены кобылицъ и дуютъ; тѣмъ временемъ другіе доятъ; выдоенное молоко

сливаютъ въ глубокіе деревянные сосуды, вокругъ которыхъ въ извѣстномъ порядкѣ размѣщаютъ слѣпцовъ и велятъ имъ взбалтывать молоко.

Пока Скиѳы, загнавъ Киммеріанъ въ Азію, жили 28 лѣтъ въ Мидіи, жены ихъ сжились съ слѣпыми рабами; происшедшая такимъ образомъ молодежь, узнавъ о своемъ происхожденіи, рѣшила противодѣйствовать возвращенію на старожитныя мѣста Скиѳовъ изъ Мидіи. Прежде всего они отрѣзали свои земли широкимъ рвомъ отъ Таврическихъ горъ до наиболѣе широкой части Меотійскаго озера (выше сказано); когда, затѣмъ, возвращавшіеся Скиѳы пытались вторгнуться сюда, молодые рабы, составляя превосходную силу, успѣшно отражали ихъ до тѣхъ поръ, пока господа ихъ и мужья матерей не ударили, какъ объяснено по поводу Холопьяго городка, въ кнуты (кн. IV. ст. 1—4).

Въ военномъ дѣлѣ они прибѣгаютъ, пользуясь знаніемъ своей страны, къ хитрому способу защиты—постояннымъ отступленіемъ увлекать непріятеля все дальше и дальше въ глубину степей, болотъ и лѣсовъ, такъ что никакой врагъ не можетъ уже спастись оттуда бѣгствомъ, не можетъ и настигнуть ихъ, если только Скиѳы сами не пожелаютъ быть открытыми,—потому что этотъ народъ не имѣетъ ни городовъ, ни укрѣпленій,—живетъ онъ на повозкахъ,—пропитаніе добываетъ скотоводствомъ,—отлично стрѣляетъ, верхомъ на конѣ, изъ лука,—такъ что ему легко гнать свой скотъ и слѣдовать за нимъ съ повозками, не оставляя непріятелю ничего, кромѣ голой пустыни (ст, 46).

Обычаи, свойственные всѣмъ Скиѳамъ. Между всѣми вообще Скиѳами, по наблюденіямъ самого Геродота, и по свѣдѣніямъ, то заимствованнымъ изъ сказаній писателей, ему предшествовавшихъ, то полученнымъ отъ достовѣрныхъ очевидцевъ,—бытовали въ повѣствуемое имъ время обычаи, отличавшіе этотъ народъ и отъ Еллиновъ и отъ варваровъ другихъ странъ Европы, Азіи и Африки. Эти общіе обычаи примѣчены: въ войнѣ, въ домашней жизни, въ домашней жизни женщины, въ гаданьи, въ отправленіи суда, въ самобытности, вѣрованіяхъ и въ погребальномъ обрядѣ.

Военные обычаи Скиѳовъ таковы: каждый пьетъ кровь перваго убитаго врага; головы павшихъ въ сраженіи непріятелей относятся къ царю; долю въ добычѣ получаютъ только принесшіе головы; съ головы врага, убитаго-ли въ сраженіи, или и своего единоплеменника и даже родственника, вступившаго съ побѣдителемъ въ распрю, снимаютъ кожу, и привѣсивъ къ уздечкѣ лошади, гордятся числомъ такихъ знаковъ побѣды, вмѣстѣ съ тѣмъ пользуются ими какъ утиральниками. Многіе сшиваютъ головныя кожи побѣжденныхъ вмѣстѣ, какъ козьи шкурки, и дѣлаютъ такимъ образомъ плащи, въ которые и одѣваются. Многіе также снимаютъ кожу съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ до ногтей и приготовляютъ изъ нея покрышку для колчана. Человѣческая кожа толста; блескомъ и бѣлизною превосходитъ почти всѣ другія. Наконецъ многіе же скиѳы снимаютъ кожу со всего трупа, напяливаютъ ее на палки и возятъ съ собою на лошадяхъ.

Съ самыми головами враговъ, не всѣхъ впрочемъ, а лишь ненавистнѣйшихъ, Скиѳы обращаются такъ: сводъ черепа, ниже бровей, отпиливаютъ; бѣднякъ обтягиваетъ его только сырой бычачьей кожей снаружи и въ такомъ видѣ пользуются черепомъ, какъ домашнею посудою; а богатый, обтянувъ черепъ также кожею, покрываетъ его золотомъ и употребляетъ вмѣсто чаши. Въ знакъ особаго уваженія къ почетнымъ гостямъ, посѣщающимъ Скиѳа, онъ выставляетъ передъ ними всѣ приготовленные такимъ способомъ черепа и, похваляясь своими подвигами, разсказываетъ обстоятельства, сопровождавшія полученіе каждаго, съ особенною гордостью говорится о черепахъ родственниковъ, вступившихъ было съ хозяиномъ гостей въ борьбу и погибшихъ отъ молодецкой руки его.

Ежегодно каждый начальникъ приготовляетъ въ своемъ околодкѣ чашу вина, изъ которой пьютъ лишь умертвившіе хотя одного врага,—остальные же, не отличившіеся такимъ подвигомъ, не вкушаютъ этого вина, и какъ обезчещенные, садятся въ сторонѣ;—это самый тяжкій позоръ для нихъ; напротивъ, кто убилъ многихъ недруговъ,—получаетъ двѣ чаши и пьетъ вино изъ обѣихъ разомъ (ст. 64—67).

Домашняя жизнь—весьма мало отразилась въ Геродотовыхъ сказаніяхъ; о семейной связи, кромѣ приведеннаго разсказа о сжившихся съ женами Скиѳовъ рабахъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; гражданскія отношенія видны только въ обычаѣ заключенія клятвеннаго договора, состоявшемъ въ слѣдующемъ: въ большую глиняную чашу наливаютъ вино; къ присутствію при клятвѣ приглашаются постороннія лица;—договаривающимся дѣлаютъ на тѣлѣ,—неизвѣстно на какой именно части,—уколы шиломъ, или небольшіе надрѣзы ножемъ; вытекающая при этомъ кровь примѣшивается къ вину; потомъ погружаютъ въ ту же чашу: мечъ, стрѣлы, сѣкиру и метательное копье; послѣ этого всѣ присутствующіе долго молятся; въ заключеніе обряда пьютъ смѣсь вина съ кровью какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ (ст. 70). Дома и въ гостяхъ Скиѳы пьютъ неразбавленное вино (кн. VI, ст. 84), что, повидимому, удивило Геродота, такъ какъ они осуждаютъ Еллиновъ за вакхическія таинства, соединенныя съ попойками (кн. IV, ст. 70).

Домашней жизни женщины посвящено всего нѣсколько словъ. Замѣтивъ, что въ Скиѳіи конопля растетъ въ дикомъ состояніи и засѣвается на поляхъ, что та и другая походитъ на ленъ, только толще и выше, что съ сѣменами этого растенія въ рукахъ Скиѳы входятъ подъ войлоки своихъ палатокъ и тамъ бросаютъ ихъ на раскаленные камни, отчего поднимается такой дымъ и паръ, какихъ не дастъ ни одна Еллинская баня, и что Скиѳы наслаждаясь своей баней, вопятъ отъ удовольствія,—Геродотъ говоритъ: женщины изъ волоконъ конопли приготовляютъ себѣ платье, неотличающееся отъ льняного. Мужчины не купаются и вовсе не обмываютъ тѣло водою, но женщины перетираютъ на твердомъ камнѣ кусочки кипариса, кедра и ладана, все это смѣшиваютъ съ водою и получаемою такимъ образомъ кашицею намазываютъ себѣ все тѣло и лицо, что придаетъ кожѣ пріятный запахъ; когда на другой день мазь эту отнимаютъ, тѣло становится чистымъ и глянцевитымъ (ст. 74).

Гаданье имѣетъ между Скиѳами самое широкое распространеніе; къ нему прибѣгаютъ во всякихъ, сколько-нибудь незаурядныхъ, обстоятельствахъ жизни домашней и, кажется общественной, хотя Геродотъ не дѣлаетъ различія одной отъ другой. Гадателей у Скиѳовъ много; предсказанія они читаютъ на многочисленныхъ ивовыхъ прутьяхъ. Каждый призываемый гадатель приноситъ съ собою большіе пучки прутьевъ; кладетъ прутья на землю и располагаетъ врозь, перекладывая одинъ за другимъ и произнося прорицанія. Это исконный способъ гаданія у Скиѳовъ. Кромѣ прутьевъ гаданье производится на нижней липовой кожицѣ, которую дѣлятъ на три полоски, переплетая ихъ въ извѣстномъ порядкѣ между пальцами; при расплетиніи произносятъ прорицательные изреченія. Гадатели замѣняютъ знахарей при болѣзни. Если случается захворать Скиѳскому царю, приглашаютъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей; они прорицаютъ такими же способами, причемъ чаще всего объясняютъ, что тотъ или другой изъ народа ложно клялся божествами царскаго очага;—у Скиѳовъ существуетъ правило—давать торжественнѣйшую клятву именемъ царскихъ домашнихъ божествъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ представить священнѣйшее ручательство въ вѣрности повѣствованія, или обѣщанія; человѣка, обвиняемаго гадателями въ клятвопреступленіи, тотчасъ схватываютъ и ставятъ на судъ.

Правосудіе—также въ рукахъ гадателей; это видно изъ разсказа о послѣдствіяхъ оговора ими лица, бывшаго причиною болѣзни царя. На судѣ, въ случаѣ отрицанія, со стороны обвиняемаго, приписываемаго ему клятвопреступленія,—призываются другіе гадатели, числомъ вдвое болѣе противъ первыхъ; если они подтвердятъ оговоръ, клятвопреступнику немедленно отрубаютъ голову, а имущество его отдается первымъ гадателямъ. Но если-бы вторые гадатели оправдали подсудимаго, призываются опять новые;—повторяется это до тѣхъ поръ, пока составится преобладающее въ пользу обвиняемаго большинство; кажется никогда не меньше двухъ разъ; въ случаѣ оправданія подсудимаго—первоначальные гадатели предаются торжественно смерти (ст. 68). Казнятъ ихъ такимъ образомъ; берутъ повозку; наполняютъ ее хворостомъ и впрягаютъ быковъ; гадателямъ сковываютъ ноги, а руки связываютъ на спинѣ, затыкаютъ рты, кладутъ въ такомъ видѣ на хворостъ и поджигаютъ его,—быковъ же пугаютъ и гонятъ; лживые гадатели и быки погибаютъ. Такая же казнь бываетъ гадателямъ и за другія провинности. Царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей казненныхъ; онъ велитъ умерщвлять все мужское поколѣніе лживыхъ гадателей, женскаго же не трогаетъ (ст. 69).

Самобытность. Скиѳы ревниво оберегали свою народную замкнутость и тщательно избѣгали заимствованія чужеземныхъ учрежденій, особенно Еллинскихъ; даже не допускали нововведеній, прививавшихся у инородныхъ своихъ соплеменниковъ, жившихъ въ другихъ странахъ и при другихъ условіяхъ; такъ они убили Анахарзиса (не знахарь-ли это въ греческой передѣлки?), стяжавшаго себѣ славу великаго мудреца среди Еллиновъ, и Скилу, сына царя Аріапейѳеса, за то, что они измѣнили вѣрованіямъ сво-

его народа (ст. 76—80). Подробности объ этихъ Скиѳахъ заслуживаютъ вниманія,—вотъ они:

Анахарзисъ, посѣтивъ многія страны, стяжалъ себѣ славу великаго мудреца, и потомъ вернулся въ свою землю; на обратномъ пути, чрезъ Геллеспонтъ, онъ остановился въ Кизисѣ и увидѣлъ тамъ устроенный мѣстными жителями чрезвычайно торжественный праздникъ въ честь Матери боговъ; Анахарзисъ далъ обѣдъ этой Матери: если возвратится здравымъ и невредимымъ на родину, совершить точно такое же празднество и установить всенощное бдѣніе; прибывъ въ страну свою, мудрецъ-Скиѳъ удалился въ Гилею, область изобилующую лѣсомъ,—недалеко отъ Днѣпра и Чернаго моря; здѣсь, увѣшанный изображеніями богини, устроилъ въ честь ея полное празднество съ литаврами въ рукахъ (въ Гилеѣ и въ Черноморьи проживали многіе Еллинскіе поселенцы; они, вѣроятно, и участвовали въ празднествѣ); кто то изъ Скиѳовъ замѣтилъ участіе Анахарзиса въ торжествѣ и донесъ царю *Савлію*; тотъ самъ явился на мѣсто и увидѣвъ, что празднество совершаетъ Анахарзисъ,—умертвилъ его изъ лука. Геродотъ выводитъ и родословіе Анахарзиса: онъ былъ сынъ *Гнура*, внукъ *Лика* и правнукъ *Спаргапейѳеса*; а Савлія, его убійца, приходился отцомъ Скиѳскому царю Иданѳирсу, современнику Даріева похода на Скиѳію; слѣдовательно Анахарзисъ происходилъ изъ рода царей (кн. IV, стр. 330—331).

Скила былъ сынъ Скиѳскаго царя *Аріапейѳеса*, рожденный отъ Истріянки; сама мать обучила его Еллинскому языку и письму. Аріапейѳесъ палъ жертвою коварства упомянутаго Спаргапейѳеса; Скила наслѣдовалъ его власть и получилъ одну изъ женъ отца, Скиѳянку *Опаю*, на свое попеченіе; у Опаи былъ сынъ *Орикъ*;—Скила, воспитанный по-еллински, былъ недоволенъ Скиѳскимъ образомъ жизни. Сдѣлавшись царемъ, онъ всякій разъ, когда являлся въ основанный Милетянами городъ Ольбію, (близъ Днѣпра и Чернаго моря), войско свое оставлялъ въ предмѣстьи, а самъ входилъ въ городъ,—велѣлъ запирать за собою ворота (значитъ городъ былъ окруженъ стѣною),—снималъ съ себя Скиѳское платье, одѣвался въ Еллинское, и въ такомъ видѣ ходилъ по городу безъ тѣлохранителей; у воротъ же стояла стража, чтобы кто-либо изъ Скиѳовъ не увидѣлъ своего царя въ чужестранномъ нарядѣ; здѣсь, въ Еллинскомъ городѣ, онъ жилъ вообще по-еллински, совершая по еллинскому же обряду и жертвоприношеніе богамъ. Проживъ въ Ольбіи мѣсяцъ и болѣе,—онъ одѣвался въ Скиѳское платье и удалялся изъ города; продѣлывалось это часто; Скила выстроилъ себѣ даже въ Ольбіи домъ, поселилъ въ немъ жену туземку и возымѣлъ сильное желаніе получить посвященіе въ таинства бога веселья—Діониса, извѣстныя подъ названіемъ вакхическихъ, чего и достигъ. Скиѳы всегда укоряли Еллиновъ за ихъ вакхическія празднества, доказывая, что не подобаетъ выдумывать себѣ такое божество, которое повергало-бы людей въ изступленіе. Когда Скила получилъ посвященіе въ Діонисовы таинства, одинъ изъ жителей Ольбіи обратился къ Скиѳамъ съ слѣдующимъ насмѣшливымъ заявленіемъ: „Вы, глумитесь надъ нами за вакханаліи; а

теперь наше божество веселія вселилось въ вашего царя,—онъ совершаетъ вакханаліи и приходитъ въ изступленіе; если не вѣрите, ступайте за мною". Скиѳскіе старшины послѣдовали за Еллиномъ; поднявшись на указанную башню, они увидѣли Скилу въ праздничной толпѣ совершающимъ вакханаліи, и разсказали объ этомъ своему войску. Когда послѣ этого Скила вернулся къ Скиѳамъ,—они взбунтовались, что вынудило царя бѣжать во Ѳракію (о ней скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Нѣкоторое время спустя. Ѳракіяне выдали его Скиѳамъ, царь которыхъ велѣлъ сряду же отрубить ему голову (кн. IV, стр. 331—334).

Примѣчаніе. Нельзя не остановиться въ приведенномъ сказаніи на имени царя Савлія. Мы видѣли у арабскаго писателя, по чтенію и объясненію Профессора Хвальсона, въ Славіяхъ—обитателей Ильменскихъ земель. При многочисленныхъ коверканьяхъ переписчиками иноязычныхъ собственныхъ именъ въ древнихъ рукописяхъ, умѣстно заняться вопросомъ: Геродотовъ царь *Савлія*, не будетъ-ли родственъ арабскому названію племени—*Славіи*, и не слѣдуетъ-ли читать вмѣсто „царя Савлія"—*царя Славіевъ*, или *Славіи?*

Упомянутая Истріянка, жена царя Аріапейѳеса, мать Скилы, родомъ изъ Истріи, небольшого поселенія Милетскихъ выходцевъ—Еллиновъ, близъ устья Дуная.

Вѣра. Изъ божествъ Скиѳы чтутъ;—Гистрію—выше всѣхъ остальныхъ;—называютъ это божество Табити;—Зевса—подъ именемъ Папая, супругу его землю—подъ именемъ Апи;—Аполлона,—называя его „Гойтосиръ",—Афродиту—подъ именемъ „Агримпаса".—Геракла и Арея—подъ этими только именами. Царственные Скиѳы чтутъ, кромѣ названныхъ еще Посейдона, называя его посвоему „Ѳагимасада". Ни кумировъ, ни храмовъ Скифы не сооружаютъ ни одному изъ боговъ, кромѣ Арея. Въ честь его возводятся не храмы, а особенныя, своеобразныя сооруженія: въ каждомъ Скиѳскомъ царствѣ складываются по околодкамъ кучи хворосту, длиною стадіи въ три при такой же ширинѣ; высота меньше. Стадія равняется $87^1/_2$ саженямъ, такъ что кучи имѣютъ въ поперечникѣ $262^1/_2$ сажени. На верху устраивается четыреугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ, она пологая. Ежегодно наваливаютъ полтораста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды кучи постоянно осѣдаютъ. На каждой такой кучѣ водружается желѣзный старинный мечъ, представляющій собою Арея (статьи 59 и 63). Внѣшняя сторона вѣры Скиѳовъ выражается въ обрядности жертвоприношеній, одинаковой для всѣхъ боговъ, кромѣ Арея; она состоитъ въ слѣдующемъ: въ жертву приносятся всякія домашнія животныя,—предпочтительно же лошади; животное ставится съ связанными передними ногами; позади его жертвоприноситель, который тянетъ къ себѣ конецъ связывающей ноги веревки и такимъ способомъ опрокидываетъ животное на землю; пока оно падаетъ; жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго приносится жертва; затѣмъ быстро накидываетъ петлю на шею животнаго, закручиваетъ ее палкою и душитъ жертву. Ни огня, ни какихъ-либо особыхъ пріемовъ обрядности, ни возліяній—при этомъ не бываетъ; удавивши животное и содравъ кожу,

жертвоприноситель приступаетъ къ стряпанью. Въ безлѣсной землѣ Скиѳы придумали слѣдующій способъ варенья мяса жертвеннаго животнаго: его отдѣляютъ отъ костей и бросаютъ въ котлы туземнаго производства, если таковые попадутся подъ руку; они очень сходны съ Лесбійскими чашками, только больше; затѣмъ зажигаютъ кости животнаго и варятъ мясо. Если котла не случится, все мясо складывается въ желудокъ того же животнаго и прибавляется нѣсколько воды, затѣмъ подъ такою своеобразною посудиною зажигаются кости, которыя горятъ отлично. Такимъ образомъ жертвенное животное сожигаетъ самого себя. Когда мясо сварится, жертвоприноситель вываливаетъ на землю посвященные божеству куски мяса и внутренности. Жертвоприношеніе Арею особенное: олицетворяющему его мечу ежегодно, сверхъ домашнихъ, какъ и прочимъ божествамъ, животныхъ, приносятся и человѣческія жертвы: въ честь Арея умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа враговъ, взятыхъ въ плѣнъ въ теченіе года, и умерщвляется не такъ какъ скотъ;—сдѣлавши сперва возліяніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ; потомъ кровь убитыхъ относятъ на кучу хворосту и льютъ на мечъ. Внизу, у святилища, всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ на воздухъ. Руки оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно. Покончивъ съ принесеніемъ въ жертву вмѣстѣ съ людьми и животныхъ, всѣ удаляются. Свиней Скиѳы не имѣютъ обыкновенія содержать въ своей странѣ вообще, потому они вовсе не приносятся въ жертву (ст. 60—63).

Погребальный обрядъ является отраженіемъ внутренней стороны вѣрованія Скиѳовъ въ продолженіе жизни и послѣ смерти, въ могилѣ. Наиболѣе подробно описываются Геродотомъ похороны царей. Всѣхъ Скиѳскихъ царей хоронятъ въ области Герръ (между лѣвымъ берегомъ низовья Днѣпра и рѣками Самарою и Молочною). Прежде всего, послѣ смерти царя, тамъ выкапывается большая четыреугольная яма; когда ее изготовятъ,—приступаютъ къ покойнику: разрѣзываютъ животъ его, вынимаютъ внутренности и заполняютъ пустоту толченымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея и аниса; затѣмъ животъ зашиваютъ и все тѣло покрываютъ воскомъ. Сдѣлавъ это, трупъ царя кладутъ на повозку. Въ знакъ печали каждый Скиѳъ царственной орды отрѣзаетъ часть своего уха, остригаетъ кругомъ волосы, дѣлаетъ на рукахъ надрѣзы, расцарапываетъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалываетъ стрѣлою. Повозка съ тѣломъ царя направляется къ Скиѳамъ другой орды, народъ которой дѣлаетъ надъ собою въ знакъ печали тоже, что и царственные Скиѳы; отсюда повозка идетъ въ третью орду и такъ далѣе, пока не привезутъ покойника въ Герръ; вездѣ наружное выраженіе печали повторяется одинаково. Въ Геррахъ трупъ хоронятъ въ приготовленной могилѣ, на соломенной подстилкѣ; по обѣимъ сторонамъ тѣла вбиваютъ копья, на нихъ кладутъ брусья и все прекрываютъ рогожей. Въ остающейся свободною части могилы хоронятъ одну изъ наложницъ умершаго царя, предварительно задушивъ ее, а также виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ лошадей, первенцевъ всякого другого скота и золотыя чаши;—серебра и мѣди Скиѳы совсѣмъ не употребля-

ютъ. Надъ могилою царя всѣ присутствовавшіе на похоронахъ дѣлаютъ земляную насыпь, стараясь, чтобы она вышла какъ можно больше.

По прошествіи года (со дня смерти, или похоронъ?) совершается у могилы царя слѣдующее: изъ остающихся въ живыхъ слугъ выбираютъ пятьдесятъ человѣкъ, угодныхъ царю;—это все природные Скиѳы, такъ какъ царю, по его приказанію, служатъ только такіе люди,—купленыхъ за деньги слугъ у него не бываетъ;—выбираютъ также пятьдесятъ наилучшихъ лошадей; и слугъ и лошадей умерщвляютъ посредствомъ удушенія (удавливаютъ),—вынимаютъ изъ нихъ внутренности, очищаютъ животъ и наполняютъ отрубями, а затѣмъ зашиваютъ;—послѣ этого укрѣпляютъ на двухъ столбахъ половину колеса такъ, чтобы ободъ былъ обращенъ внизъ: другую половину устанавливаютъ также; получается станокъ изъ двухъ полуколесъ на нѣкоторомъ одно отъ другого разстояніи;—подобныхъ станковъ сколачивается вообще много;—приготовивъ станки, вбиваютъ въ трупы лошадей, вдоль, по толстому колу; каждый вгоняется до шеи, и поднимаютъ трупы на станки; на переднихъ полуколесахъ держатся плеча лошадей, а на заднихъ—туловища у самыхъ бедеръ,—такъ что обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая до земли; наконецъ накидываютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и привязываютъ поводья къ колышкамъ. На каждую лошадь усаживаютъ поодному изъ удавленныхъ юношей; въ трупы также вводятся, вдоль позвоночнаго столба, колья, проникающіе до шеи; выступающій нижній конецъ кола укрѣпляется во вбитомъ въ лошадь. Поставивъ вокругъ могилы царя такихъ всадниковъ, Скиѳы расходятся.

Похороны прочихъ Скиѳовъ менѣе торжественны; ближайшіе родственники, приготовивъ, вѣроятно, тѣло умершаго, для предохраненія отъ скораго разложенія, кладутъ его на повозку и везутъ къ друзьямъ покойника; каждый изъ друзей устраиваетъ для спутниковъ умершаго обильный пиръ, причемъ отъ всѣхъ угощеній удѣляется доля и покойнику. Частныхъ лицъ возятъ въ теченіе сорока дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ Скиѳы очищаютъ себя такъ:—умащаютъ свои волосы, а потомъ обмываютъ; для очищенія тѣла—ставятъ три шеста, склоняя взаимно верхушки, обтягиваютъ ихъ плотно скрѣпленными войлоками; посреди получающейся такимъ образомъ палатки ставятъ купальню съ водою и бросаютъ въ нее раскаленные до краска камни (кн. IV, ст. 71—73).

Изложивъ свѣдѣнія о странѣ, нравахъ и обычаяхъ Скиѳовъ, Геродотъ добавляетъ: достопримѣчательностей земля ихъ не имѣетъ, за исключеніемъ большихъ многочисленныхъ рѣкъ; ворочемъ,—говоритъ онъ,—можно упомянуть здѣсь еще объ одномъ: на берегу рѣки Тиры (=Днѣстеръ), показываютъ *ступню Геракла* въ скалѣ, похожую на слѣдъ человѣка, но въ два локтя длины (локоть равняется нашимъ десяти съ половиною вершкамъ кн. IV, ст. 82).

Походъ Дарія въ Скиѳію.

Дарій, сынъ Гистаспеса, избранъ былъ царемъ Персіи и правилъ ею между 521—485 гг. до Р. Х., опередивъ такимъ образомъ повѣствованія Геродота не болѣе, какъ на полвѣка. Знаменитый своими дѣяніями царь пользовался громкою извѣстностью во всѣхъ странахъ Стараго свѣта, такъ что Геродотъ могъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ его походахъ, а о Скиѳскомъ въ особенности: счастливый побѣдитель многочисленныхъ народовъ потерпѣлъ въ странѣ нашихъ предковъ непривычную для его оружія неудачу; это не могло не вызвать какъ въ друзьяхъ, такъ и въ недругахъ Дарія всевозможныя изысканія о причинахъ неудачи, т. е. о странахъ и народахъ Скиѳіи и сопредѣльныхъ съ нею. Геродоту, просвѣщенному и любознательному Галикарнасцу, представлялось, поэтому, широкое поле для его наблюдательности и выбора изъ безчисленнаго множества толковъ о Скиѳскомъ походѣ, какъ современниковъ онаго и самого Дарія, такъ и очевидцевъ, участвовавшихъ въ походѣ волей-неволей. Къ тому же Геродотъ собиралъ свѣдѣнія уже по смерти Дарія, когда обаяніе его должно было, по свойству духовной природы человѣка, испариться въ пользу чистой истины.

Установивъ выше нашъ взглядъ, на значеніе для насельниковъ страны Ильменской древнелѣтописныхъ предѣловъ ея извѣстій Геродота о Скиѳіи, дадимъ нѣсколько строкъ въ нашей запискѣ подробностямъ о походѣ Дарія.

По взятіи Вавилона, Дарій предпринялъ походъ на Скиѳовъ, имѣя сильное желаніе наказать ихъ за нападеніе на Мидію и пораженіе ея обитателей во время погони за Киммеріанами. Походъ этотъ Персидскій царь оправдываетъ тѣмъ, что Скиѳы первые учинили обиду странѣ и народу его (кн. IV, ст. 1).

Готовясь въ походъ, Дарій посылалъ вѣстниковъ къ подвластнымъ ему народамъ съ повелѣніемъ: однимъ—доставлять пѣхоту, другимъ—корабли съ воинами, третьимъ—перекидывать мостъ чрезъ Ѳракійскій Боспоръ, нынѣшній Константинопольскій проливъ. Родной братъ Дарія, другой сынъ Гистаспеса, *Артабанъ*—рѣшительно совѣтовалъ ему не ходить войною на Скиѳовъ, напоминая объ ихъ бѣдности; однако Дарій не внялъ его благоразумнымъ совѣтамъ, и Артабанъ оставилъ брата въ покоѣ. Покончивши со всѣми приготовленіями, Дарій вышелъ съ войскомъ изъ *Сусъ* и прибылъ къ Халкидоніи на Боспорѣ, гдѣ былъ уже положенъ мостъ. Здѣсь, на берегу Боспора, царь велѣлъ поставить два столба изъ бѣлаго мрамора, и начертать—на одномъ Ассирійскими, а на другомъ Еллинскими письменами—имена народовъ, съ которыми онъ шелъ на Скиѳовъ; велъ же Дарій съ собою всѣ подвластные ему народы. Въ войскѣ его, пѣшемъ и конномъ, не считая морского, насчитывалось семьсотъ тысячъ человѣкъ, а кораблей было собрано шестьсотъ. Столбы перенесены впослѣдствіи, Византійцами въ ихъ городъ и употреблены, за исключеніемъ одного камня съ Ассирійскими письменами, на жертвенникъ Артемиды Орѳеосіи; а названный камень

оставленъ ими (покинули) подлѣ храма Діониса въ Византіи. Та часть Боспора, берега которой Дарій соединилъ мостомъ, составляетъ, какъ думаетъ Геродотъ, средину между Византіей и храмомъ, что у входа въ Боспоръ (кн. IV, ст. 83,85 и 87).

Осмотрѣвъ мостъ и удостовѣрившись въ его прочности, Дарій началъ переправу. Морскія силы его вели: Іоняне, Эолянѣ и Геллеспонтцы; царь приказалъ, еще до начала переправы, Іонянамъ плыть по Черному морю до устья Дуная и, въ ожиданіи его, положить чрезъ эту рѣку мостъ. Корабли, доплывъ до указаннаго мѣста, поднялись вверхъ по рѣкѣ на два дня плаванія отъ моря и, занявъ шею рѣки, гдѣ она раздѣляется на рукава, перекинули мостъ. Дарій переправилъ сухопутное войско чрезъ Боспоръ по мосту и двинулся къ Дунаю чрезъ Ѳракію; прибывъ къ истокамъ цѣлебной рѣки Теара (теперь Текадере съ городомъ Киркилиссе), остановился, для отдыха, на трое сутокъ и пользовался здѣсь полнымъ довольствомъ, въ память чего велѣлъ поставить столбъ съ надписью. „Изъ числа всѣхъ рѣкъ источники Теара доставляютъ пріятнѣйшую и здоровую воду; къ нимъ пришелъ, во главѣ войска, доблестнѣйшій изъ всѣхъ людей Дарій, сынъ Гистаспеса, владыка Персовъ и всего материка". Отправившись отсюда, войско подошло къ другой рѣкѣ, по имени Артескъ, протекающей чрезъ землю *Одрисовъ*. Здѣсь царь указалъ опредѣленную мѣстность и отдалъ приказъ, чтобы каждый воинъ, проходя мимо ея, положилъ камень; послѣдствіемъ исполненія этого приказа было скученіе огромнаго количества камней на пути движенія Персовъ (кн. IV, ст. 89—92).

Еще не дойдя до Дуная, Дарій покорилъ и заставилъ слѣдовать за своими войсками Гетовъ, оказавшихъ ему сопротивленіе; покорилъ также сдавшихся ему Ѳракіянъ. Переправясь затѣмъ, по изготовленному Іонянами мосту, чрезъ Дунай со всѣми своими полчищами, увеличенными Гетами и Ѳракійцами, царь приказалъ тѣмъ же Іонянамъ разрушить мостъ и слѣдовать за нимъ вмѣстѣ съ воинами съ кораблей. Но вождь Митиленянъ *Коесъ* обратился къ Дарію, по поводу этого приказа, съ такою рѣчью:— „Ты готовишься, царь, вторгнуться въ такую страну, гдѣ не найдешь ни вспаханнаго поля, ни населеннаго города; пускай этотъ мостъ останется нерушимо на мѣстѣ, а стражами при немъ пусть будутъ строители его; если мы найдемъ Скиѳовъ и предпріятіе наше окончится счастливо, у насъ будетъ обратный путь, если же мы не сможемъ найти ихъ, то покрайней мѣрѣ обратный путь будетъ обезпеченъ для насъ; я не того боюсь, что Скиѳы одолѣютъ насъ въ сраженіи, а боюсь болѣе того, что мы не найдемъ ихъ и въ блужданіяхъ будемъ терпѣть невзгоды; предлагаю это я не ради себя, не изъ желанія остаться здѣсь,—я высказываю лишь мнѣніе, которое кажется мнѣ болѣе полезнымъ для тебя царь, самъ же я послѣдую въ войскахъ за тобою и не помышляю остаться тутъ". Дарію очень понравилось это предложеніе и онъ такъ отвѣчалъ Коесу: „Любезный Лесбіянинъ, когда я возвращусь благополучно домой, ты непремѣнно явись ко мнѣ, чтобы я могъ наградой отплатить за твой благой совѣтъ". Послѣ этого царь завязалъ на ремнѣ шестьдесятъ узловъ, позвалъ на совѣщаніе Іоній-

скихъ Тирановъ и сказалъ имъ: „Прежде высказанное мною рѣшеніе относительно моста я отмѣняю;—теперь, Іоняне, возмите этотъ ремень и поступайте такъ: начиная непосредственно съ того времени, какъ я пойду на Скиѳовъ, развязывайте на ремнѣ каждый день по одному узлу; если-бы за этотъ промежутокъ времени я не явился назадъ, плывите обратно на родину; а до той поры, пока не развяжете всѣхъ узловъ, оберегайте мостъ, приложите всяческое стараніе къ защитѣ его и сохраненію въ цѣлости Этимъ вы мнѣ окажете большую услугу“. Сказавъ это Дарій немедленно двинулся въ походъ (тамъ-же, ст 97 и 98).

За симъ Геродотъ описываетъ Скиѳію такъ: передъ Скиѳіею (за правымъ берегомъ Дуная) лежитъ Ѳракія, простирающаяся до моря, до образуемаго имъ залива; здѣсь же входитъ въ Скиѳію Дунай, поворачивая на востокъ къ устью. Начинающаяся за лѣвымъ берегомъ Дуная и продолжающаяся до города Каркинитиды (Перекопскаго залива) страна есть *Древняя Скиѳія*; она приходится полуденною границею по берегу Чернаго моря. Слѣдующая за симъ страна у того же моря, гористая и вдающаяся въ море, занята Таврами, до такъ называемаго Суроваго полуострова (Сурожъ) и—по направленію къ востоку—входитъ въ море. За таврикою, выше Тавровъ, и на побережьи восточнаго моря, живутъ уже Скиѳы, занимая земли на западномъ берегу Киммерійскаго Воспора (Таврическій проливъ) и Меотійскаго озера (Азовское море), вверхъ до рѣки Танаида (Дона), которая вливается въ уголъ этого озера (тамъ-же, ст. 94 и 100).

Отъ Дуная внутрь материка Скиѳы граничатъ:—прежде всего съ Агаѳирсами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ—съ Андрофагами, наконецъ съ Меланхленами. Скиѳія представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ стороны котораго доходятъ до моря,—причемъ граница, идущая внутрь материка, такой-же длины какъ и та, что тянется вдоль Чернаго моря, такъ: отъ Дуная до Днѣпра (отъ Истра до Борисѳенеса)—десять дней пути и столько же отсюда до Азовскаго моря; а отъ Чернаго моря на полночь, въ глубь страны—двадцать дней пути; опредѣляя дневной путь въ двѣсти стадій (35 верстъ). Скиѳія будетъ имѣть въ поперечникѣ четыре тысячи стадій, 700 верстъ; такой же длины и граница внутренняя (тамъ-же, ст. 101).

Скиѳы, узнавъ о вторженіи Персовъ въ страну ихъ, собрались на общее совѣщаніе и порѣшили, что одни они не въ состояніи отразить полчища Дарія въ открытомъ бою,—а потому разослали вѣстниковъ къ сосѣднимъ народамъ (тамъ-же, ст. 102) и сообщивъ имъ, что Персидскій царь, покоривъ на Азіатскомъ материкѣ все своей власти, положилъ мостъ на шеѣ Воспора, перешелъ въ Европу, одолѣлъ Ѳракіянъ, соединилъ мостомъ оба берега Дуная и вознамѣрился подчинить себѣ всѣ земли по сю сторону (по лѣвую) этой рѣки; въ виду намѣренія Дарія Скиѳы говорили своимъ сосѣдямъ чрезъ вѣстниковъ: „Ни подъ какимъ видомъ не отдѣляйтесь отъ насъ и не дайте намъ погибнуть, но единодушно встрѣтимъ вторгнувшагося врага; если вы этого не сдѣлаете, мы вынуждены будемъ покинуть нашу страну, или покориться ему; ваше положеніе не улучшится ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ; Персидскій царь пойдетъ на васъ также, какъ и

на насъ; если-бы Дарій предпринялъ нынѣшній походъ только въ отмщеніе намъ за прежнее порабощеніе нами Персовъ, ему слѣдовало-бы идти прямо на нашу землю,—между тѣмъ, перешедши въ Европу, онъ немедленно занялся покореніемъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся ему на пути, и вотъ уже подчинилъ себѣ Ѳракіянъ и сосѣднихъ съ нами Гетовъ". (тамъ-же ст. 118).

Выслушавъ вѣстниковъ, цари сосѣднихъ съ Скиѳами народовъ собрались на совѣтъ; но мнѣнія раздѣлились: цари Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ единогласно обѣщали помочь Скиѳамъ,—а цари Агафирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ и Меланхленовъ не согласились вступить въ союзъ и говорили: „Если-бы вы, Скиѳы, первые не наносили обиды Персамъ, и не начали съ ними войны,—рѣчи ваши мы признали-бы основательными; но вы безъ насъ вторглись въ страну Персовъ и владычествали все время, пока угодно было божеству; теперь они, по внушенію того же божества, отмѣриваютъ вамъ равною мѣрою;—что касается насъ,—ни тогда мы не обижали этого народа, ни теперь не станемъ первые оскорблять его;—вотъ если-бы Персидскій царь вторгся и въ нашу землю, и первый обидѣлъ насъ, мы тоже не остались бы въ покоѣ; пока же—мы будемъ наблюдать, сидя на своихъ мѣстахъ; намъ кажется Персы идутъ не на насъ, а на виновниковъ нанесенной имъ обиды" (ст. 119).

Скиѳы, оставшіеся, такимъ образомъ, безъ поддержки четырехъ сосѣднихъ народовъ, рѣшили вовсе не давать Дарію настоящаго открытаго сраженія, но, раздѣлившись на два отряда, отступать съ своими стадами, засыпать попадающіеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность (ст. 120).

Къ одному изъ отрядовъ съ царемъ *Скопасисомъ* во главѣ, присоединились Савроматы; они должны были убѣгать, если-бы Персидскій царь обратился на нихъ, прямо къ рѣкѣ Дону, вдоль Азовскаго моря, и переходить въ наступленіе, если непріятель обратится вспять. Это была одна часть населенія Скиѳскаго царства, расположившаяся на указанномъ совѣтомъ пути. Двѣ другія части царственныхъ Скиѳовъ,—одна большая, подъ начальствомъ *Иданѳирса*, а другая подъ начальствомъ *Таксакиса*,—соединившись съ Гелонами и Будинами,—должны были идти впереди Персовъ на одинъ день пути, отступать передъ ними—и вообще дѣйствовать согласно принятому рѣшенію. Прежде всего оба ополченія Скиѳовъ должны были вторгнуться въ земли тѣхъ сосѣдей, которые отказали имъ въ союзѣ, чтобы и ихъ втянуть въ войну съ Персами поневолѣ; затѣмъ имъ слѣдовало вернуться въ свои владѣнія и своевременно, по общему совѣту, напасть на врага (тамъ-же, ст. 120).

Установивъ порядокъ и способы веденія войны, Скиѳы вышли на встрѣчу Даріевой ордѣ, пославъ передовой отрядъ наилучшихъ всадниковъ. Всѣ повозки (кибитки), на которыхъ жили женщины и дѣти Скиѳовъ, а также и весь скотъ—отправили вдаль, съ тѣмъ, чтобы они двигались неизмѣнно въ полночномъ направленіи, себѣ же оставили столько скота, сколько требовалось для прокормленія (ст. 121).

Передовой отрядъ напалъ на Персовъ не доходя до Дуная дня на три пути, расположившись, предварительно, станомъ на разстояніи одного дня пути отъ врага и уничтоживъ передъ собою всю растительность. Персы напали на Скиѳскихъ всадниковъ, которые отступали и продолжали отступать въ восточномъ направленіи, къ Дону. Эти всадники принадлежали къ тому отряду Скиѳовъ, во главѣ котораго былъ Скопасисъ, и къ которому присоединились Савроматы. Дойдя до Дона, Скиѳы перебрались на другой его берегъ; за ними послѣдовали немедленно и Персы. Гоняясь за отступавшими всадниками, Дарій прошелъ всю область Савроматовъ и вступилъ въ земли Будиновъ (ст. 122).

На всемъ пути чрезъ Скиѳію и Савроматію Персы не встрѣчали ничего для истребленія, такъ какъ страны эти были заранѣе опустошены самими насельниками; но вступивъ въ землю Будиновъ, они набрели на деревянное укрѣпленіе, вовсе покинутое хозяевами, и сожгли его, и, по слѣдамъ Скиѳовъ, прошли землю Будиновъ, за которою лежала пустыня на семь дней пути, не имѣвшая вовсе населенія. Здѣсь Дарій остановился у рѣки Оара (не Волга-ли?) и, ожидая нападенія, укрѣпилъ Персидскій свой станъ восемью огромными стѣнами, отстоявшими одна отъ другой, приблизительно, стадій на шестьдесятъ (=полторы версты); обломки ихъ уцѣлѣли до Геродотова времени (ст. 123 и 124).

Пока Дарій занятъ былъ сооруженіемъ укрѣпленій, преслѣдуемые Скиѳы обошли сверху эти земли (Будиновъ?) и возвратились въ свою страну. Такъ какъ Персы не видали болѣе своихъ непріятелей, Дарій полагалъ, что преслѣдуемые составляли всѣ наличныя силы Скиѳовъ, и что они убѣжали, устрашенные громадностью его полчищъ, потому онъ, покинувъ на половину только сдѣланныя стѣны, повернулъ назадъ и пошелъ къ западу (ст. 125).

Двигаясь поспѣшно, Персы снова вошли въ Скиѳію и повстрѣчались съ двумя другими частями ея ополченія. Какъ рѣшено было на совѣтѣ, Скиѳы и здѣсь отступали на одинъ день пути; Дарій преслѣдовалъ ихъ неослабно;—а Скиѳы вторгались, на пути отступленія, послѣдовательно, въ земли сосѣдей, отказавшихъ имъ въ союзѣ: Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ. Персы, преслѣдуя Скиѳовъ, раззоряли эти земли. Изъ страны Невровъ Скиѳы отступили къ Агафирсамъ. Этотъ народъ, не желая допустить опустошенія своихъ земель, воспротивился, съ оружіемъ въ рукахъ, вступленію къ нимъ преслѣдуемыхъ, такъ что они повели Персовъ изъ Невриды обратно въ свои владѣнія (тамъ-же).

Утомленный погонею за Скиѳами и не предвидя конца странствованіямъ, Дарій снарядилъ посланца къ царю Иданѳирсу съ такою рѣчью: „Зачѣмъ, ты, чудакъ, все убѣгаешь, хотя можешь выбрать одно изъ двухъ: если ты полагаешь, что можешь своими силами противостоять моему войску, остановись, не блуждай болѣе и сражайся; если же чувствуешь слабѣе меня, также пріостанови бѣгство твое и ступай для переговоровъ къ твоему владыкѣ съ землею и водою въ рукахъ“. Въ отвѣтъ Дарій получилъ слово Иданѳирса:—„Вотъ я каковъ, Персъ:—изъ страха не убѣгалъ я ни отъ

кого, не убѣгаю и отъ тебя; теперь я дѣлаю тоже самое, что и всегда въ мирное время: не тороплюсь же сразиться съ тобою вотъ почему: у насъ нѣтъ городовъ, нѣтъ засаженныхъ деревьями полей; намъ нечего опасаться, что то и другое будетъ покорено; нечего поэтому, и торопиться вступать съ вами въ бой; а если вамъ ужъ очень хочется и крайне необходимо ускорить сраженіе, вотъ средство: есть у насъ гробницы предковъ; разыщите ихъ, попробуйте разрушить и узнаете—станемъ-ли мы сражаться съ вами изъ за этихъ гробницъ; а раньше мы не будемъ съ вами биться, буде это для насъ не выгодно; владыками моими я почитаю только *моего предка Папая* (Зевса) и *Гистрію*—царицу Скиѳовъ; вмѣсто земли и воды я пошлю дары, какіе приличны тебѣ,—а за то, что ты называешь себя моимъ владыкой—мы расчитаемся". Всѣ Скиѳскіе цари пришли въ негодованіе, когда съ ними заговорили о порабощеніи; ту часть своего ополченія, которою, ровно какъ и союзниками Савроматами, начальствовалъ Скопасисъ, они отправили къ Іонянямъ, сторожившимъ мостъ на Дунаѣ, съ порученіемъ войти съ ними въ переговоры. Другіе, оставшіеся на мѣстѣ, Скиѳы рѣшили не водить болѣе Персовъ, но нападать на нихъ всякій разъ, какъ только тѣ пойдутъ добывать съѣстное. Такъ и было въ остальное время Даріева похода. Особенно тревожила Персовъ Скиѳская конница, всегда обращавшая непріятельскую въ бѣгство; всадники Дарія бѣжали обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не настигали своей пѣхоты, которая служила для нихъ подкрѣпленіемъ; зная это, Скиѳы скакали назадъ, когда встрѣчалась непріятельская конница съ Персидскою же пѣхотою; преслѣдованіе Скиѳами Персовъ случалось и по ночамъ. Нѣкоторое время, въ началѣ тревожныхъ набѣговъ Скиѳовъ, Персамъ много помогалъ ревъ муловъ въ ихъ странѣ; Скиѳскія лошади, не слыхавъ никогда подобнаго рева,—потому, что мулы въ Скиѳіи не могутъ жить по причинѣ стужи,—пугались и уносили своихъ наѣздниковъ отъ непріятельской стоянки. Скоро однако же лошади свыклись съ крикомъ муловъ и не убѣгали.

Дарій уже собирался не разъ покинуть Скиѳію, убѣдившись въ невозможности завладѣть ею, но Скиѳы, какъ только замѣчали въ Персидскомъ станѣ движеніе похожее на отступленіе, прибѣгали къ хитрости; чтобы заставить Дарія какъ можно долѣе пробыть въ Скиѳіи и терпѣть страхъ и лишенія, они покидали на мѣстѣ своего стана часть скота съ пастухами, а сами медленно передвигались на новую стоянку. Персы бросались на покинутое мѣсто, уводили скотъ и ликовали при каждой подобной добычѣ. Случалось это много разъ, пока Дарій не разгадалъ хитрости и не увидѣлъ свои полчища въ затруднительномъ состояніи. Скиѳы отлично понимали положеніе непріятеля и, отправивъ къ Дарію глашатая съ обѣщанными Иданѳирсомъ дарами,—выстроились противъ Персидскихъ ордъ пѣшіе и конные, чтобы дать сраженіе; какъ разъ въ это самое время чрезъ Скиѳскіе ряды проскочилъ заяцъ; воины засуетились и бросились въ погоню за звѣркомъ съ криками. Дарій спросилъ о причинѣ тревоги среди своихъ непріятелей и узнавъ, что они гонятся за зайцемъ, обратился къ

постояннымъ собесѣдникамъ своимъ съ такимъ замѣчаніемъ: „Люди эти глядятъ на насъ съ большимъ пренебреженіемъ; положеніе наше нехорошее, а потому слѣдуетъ внимательно обдумать, какимъ-бы образомъ обезпечить наше возвращеніе". Одинъ изъ благоразумныхъ совѣтниковъ, *Гобрія*, высказалъ на эту рѣчь царя: „Бѣдность Скиѳовъ мнѣ извѣстна, по слухамъ давно,—теперь на мѣстѣ я убѣдился въ ней вполнѣ; въ виду же начавшагося издѣвательства надъ нами, слѣдуетъ поступить такъ: когда наступитъ ночь, разложить по обыкновенію огни, чтобы Скиѳы и нѣкоторая часть нашихъ воиновъ, тѣ, которые наименѣе способны къ перенесенію лишеній, приняли эту ночь за одинаковую съ предшествовавшими,—затѣмъ привязать всѣхъословъ и уходить изъ этой страны назадъ какъ можно скорѣе, пока Скиѳы не пришли на Дунай, что-бы разрушить мостъ, а Іоняне не приняли гибельнаго для насъ рѣшенія". Совѣтъ Гобріи Дарій принялъ и въ ту же ночь привелъ въ исполненіе (ст. 126—135. О дарахъ Скиѳовъ скажемъ подробно въ статьѣ о Персахъ).

На слѣдующій день покинутые Персы увидѣли, что они отданы Даріемъ въ жертву непріятелю и, простирая руки къ Скиѳамъ, обращались къ нимъ въ рѣчахъ, соотвѣтствующихъ отчаянному ихъ положенію, съ мольбою о пощадѣ. Скиѳы поспѣшно пустились въ погоню за постыдно убѣгавшими полчищами прямо къ Дунаю.

Персидское войско состояло большею частію изъ пѣхоты и не знало дорогъ,—да къ тому же наѣзженыхъ и вовсе не было;—Скиѳы же были на коняхъ и знали кратчайшіе пути,—поэтому и бѣглецы и преслѣдователи разошлись, но послѣдніе достигли моста раньше Персовъ и обратились къ Іонянамъ, находившимся на корабляхъ, съ такою рѣчью:—„Назначенное вамъ, Іоняне, Даріемъ число дней прошло и вы поступаете неблагоразумно, оставаясь еще здѣсь; если до сихъ поръ вы сторожили мостъ изъ страха, теперь снимайте его, возвращайтесь скорѣе на родину, и наслаждайтесь свободою, за которую благодарите боговъ и Скиѳовъ; вашего прежняго владыку мы сокрушимъ, такъ, что ни на кого болѣе онъ уже не пойдетъ войною". Чтобы обдумать это предложеніе, Іоняне собрали совѣтъ (статья 136).

По мнѣнію Аѳинянина *Мильтіада*, военнаго вождя страны Херсонеса, что на Геллеспонтѣ, слѣдовало принять предложеніе Скиѳовъ и возвратить Іоніи свободу, но Милетянинъ Гистіей (см. выше) былъ противоположнаго мнѣнія; онъ указывалъ на то, что благодаря Дарію, каждый изъ присутствовавшихъ на совѣтѣ есть владыка государства; если же могущество Дарія будетъ сокрушено, ни онъ самъ, и ни кто другой изъ тирановъ не будетъ болѣе царствовать ни въ Милетіи, ни въ какомъ другомъ государствѣ, такъ какъ каждое предпочтетъ народное управленіе самовластію тирана. Присутствовавшіе на совѣтѣ были тираны, то есть самовластные правители отдѣльныхъ областей, завоеванныхъ Даріемъ. Имена ихъ приводитъ Геродотъ въ 138 статьѣ IV книги.

Выслушавъ мнѣніе Гистіея всѣ тираны, принявшіе—было совѣтъ Мильтіада, отступились отъ него и перешли на сторону Милетянина (ст. 137).

Между тѣмъ, разсматривая совѣтъ Гистіея со всѣхъ сторонъ и взвѣшивая выгоды и неудобства, или и прямой для себя вредъ послѣдствій исполненія этого совѣта, Тираны рѣшили дополнить его слѣдующими дѣйствіями и рѣчами: разрушить часть моста со стороны Скиѳіи лишь на протяженіи, соотвѣтствующемъ пространству полета пущенной изъ лука стрѣлы, для того, чтобы показать Скиѳамъ, что они исполняютъ ихъ предложеніе, и чтобы Скиѳы не вздумали прибѣгнуть къ силѣ и не возымѣли охоты перейти по мосту чрезъ Дунай; а пока будетъ сниматься часть моста,—сказать Скиѳамъ,—что и было поручено Гистіею, —„Вы, Скиѳы, подаете намъ благой совѣтъ и явились во-время; если отъ васъ мы получаемъ полезныя указанія, то и на нашей сторонѣ вы найдетѣ готовность служить вамъ; какъ видите—мы снимаемъ мостъ и прилагаемъ всѣ старанія къ тому, чтобы стать свободными; пока мы разрушаемъ мостъ, вамъ слѣдуетъ розыскать Персовъ и, нашедши, отмстить имъ, какъ слѣдуетъ, по заслугамъ, и за себя и за насъ“ (ст. 139).

Скиѳы порѣрили Іонянамъ и повернули отъ Дуная назадъ, для розысканія Персовъ, но напасть на ихъ дорогу не удалось: Скиѳы искали враговъ въ той сторонѣ земли своей, гдѣ была и вода, и пастбища для лошадей; но и то и другое сами они уничтожили, отступая при движеніи на нихъ Дарія: поэтому Персы шли не этими землями, а по слѣдамъ, которые оставили раньше (вѣроятно по выше упомянутымъ кучамъ камней), и добрались, не повстрѣчавъ Скиѳовъ, къ Дунайской переправѣ. Пришедши къ переправѣ ночью и увидѣвъ, что мостъ снятъ, Персы испытали сильную тревогу при мысли, что они покинуты Іонянами (ст. 140).

Въ войскѣ Дарія былъ одинъ египтянинъ, обладавшій громовымъ голосомъ; онъ, по приказанію царя, сталъ на берегу Дуная и вскричалъ съ противоположной стороны рѣки Гистіея, который сряду же доставилъ всѣ корабли для переправы Даріева войска и снова навелъ мостъ. Такъ спасены были Персы (ст. 141).

Не найдя Персовъ, Скиѳы составили объ Іонянахъ такое мнѣніе: если они свободны,—то самые жалкіе трусы; но если смотрѣть на нихъ, какъ на рабовъ, такъ это самые преданные и постоянные (ст. 142).

Неудача въ Скиѳіи не отбила у Дарія охоты къ военнымъ походамъ;—онъ, оставивъ въ Европѣ устроителемъ завоеванныхъ земель Перса Мегабаза, предпринялъ большой походъ въ Африку.

Сосѣди Скиѳовъ.

Приведенными извѣстіями Геродота о земляхъ сосѣднихъ съ Скиѳіей и обитателяхъ ихъ, не исчерпывается бытовая сторона насельниковъ нашей страны и народовъ, двигавшихся по ней до окончательной осѣдлости на участкахъ земли, занятой тѣми или другими племенами, либо искони туземными, либо изстари поселившимися въ предѣлахъ, занимая которые они выработали первыя начала самобытія подъ главенствомъ небеснаго разума—Божіей Премудрости.

О нѣкоторыхъ племенахъ, сплотившихся въ народы, Геродотъ даетъ богатыя содержаніемъ свѣдѣнія, обнимающія всю внутреннюю жизнь ихъ, о другихъ—лишь отрывочныя. Для нашего предмета одинаково дороги и тѣ, и другія. Выписки объ этихъ племенахъ и народахъ мы расположимъ въ въ такомъ порядкѣ:—Киммеріяне, Тавры, Ѳракіяне, Тевкры, Пеоны, Македоняне, Геты, Невры, Андрофаги, Агаѳирсы, Меланхлены, Савроматы, Амазонки, Будины, Гелоны, Ѳиссагеты, Іирки, Аргиппаи, Исседоны, Аримаспы и Массагеты.

Киммеріяне. Выше уже говорено о народѣ, вытѣсненномъ Скиѳами изъ Европы, называемомъ у Геродота Киммеріянами. Изгнаніе ихъ и преслѣдованіе относится приблизительно къ 630 г. до Р. Х.—Удалившись на Малоазійскій полуостровъ, Киммеріяне заняли ту часть Черноморско-полуденнаго побережья, гдѣ теперь городъ Синопъ, а затѣмъ овладѣли городомъ „Сарды“, но ихъ выгналъ отсюда Садіата около 617 г. до Р. Х. (кн. I, ст.: 6, 15, 16 и 103; кн. IV, ст. 1, и 11—13;—кн. VII ст 20).

Для опредѣленія земли Киммеріянъ въ Европѣ до изгнанія принимаются; Киммерійскія переправы (кн. IV ст. 12 и 45), Киммерійскія укрѣпленія (тамъ-же, ст. 12) и Киммерія, упоминаемыя Геродотомъ.

Западно-европейскіе и наши ученые устанавливаютъ о Киммеріянахъ и первоначально принадлежавшей имъ землѣ два положенія: а) основываясь на ассирійскихъ надписяхъ, по которымъ имя этого народа читается Gimirrai,– признаютъ въ немъ потомковъ библейскаго Гомера (Gomer), сына Іафета (кн. Бытія гл. X, ст. 2); или считаютъ Киммеріянъ за вѣтвь Ѳракійскаго племени; и б) принимая за несомнѣнныя сказанія Геродота, отводятъ для первобытнаго жилища ихъ полуночно-восточный уголъ Керченскаго полуострова.

Тавры. Нынѣшній Крымскій полуостровъ заселенъ былъ въ Геродотово время Таврами, народомъ не Скиѳскимъ, но жившимъ рядомъ со Скиѳами; самый же полуостровъ назывался „Таврика“. Какъ сосѣди Скиѳовъ они были позваны на совѣтъ при вступленіи Дарія въ Скиѳію (кн. IV, ст. 99 и 102); но при перечисленіи сосѣдей, согласившихся и несогласившихся войти въ союзъ со Скиѳами для отраженія Персовъ, о Таврахъ не упомянуто вовсе (тамъ-же, ст. 119).

Обычаи Тавровъ,—говоритъ Геродотъ,—таковы: въ жертву богинѣ—дѣвственницѣ они приносятъ всякаго Эллина, потерпѣвшаго крушеніе у береговъ ихъ, или захваченнаго въ открытомъ морѣ, и поступаютъ при этомъ такъ: послѣ предварительнаго освященія жертвы, бьютъ ее по головѣ дубиною; по словамъ однихъ,—тѣло жертвы бросаютъ внизъ со скалы, на которой помѣщается святилище, а голову насаживаютъ на колъ;—другіе относительно головы сообщаютъ тоже самое, однако удостовѣряютъ, что туловище не сбрасывается со скалы, а зарывается въ землю. Сами Тавры называютъ женское божество *Ифигеніей*, дочерью *Агамемнона*. Непріятелю, попавшемуся въ плѣнъ, Тавры отрубаютъ голову, и каждый, задержавшій плѣнника, уноситъ голову его домой, тамъ натыкаетъ ее на длинный шестъ и ставитъ очень высоко надъ домомъ, большею частью даже надъ дымовой

трубой, почитая головы враговъ стражами своихъ жилищъ. Средства къ существованію народъ этотъ добываетъ войною и грабежами (та-же книга, ст. 103).

Знатоки древнихъ писателей относятъ Тавровъ къ племенамъ—Кельтскому, остатки котораго еще сохранились въ Валлисѣ и Ирландіи, или къ Германскому; но вопросъ объ ихъ происхожденіи еще не рѣшенъ наукою.

Ѳракіяне. По заключенію Геродота самый большой народъ послѣ Индійскаго—это Ѳракіяне. Если бы они находились подъ управленіемъ одного лица, или—если бы между ними существовало единодушіе,—народъ этотъ былъ бы неодолимъ, какъ могущественнѣйшій изъ всѣхъ ему современныхъ. Но въ дѣйствительности они безсильны отсутствіемъ единодушія и многочисленностью народцевъ, имѣющихъ каждый свое управленіе, хотя большинство этихъ народцевъ сохраняетъ одинаковые нравы и обычаи (книга Ѵ, ст. 3).

Ѳракіяне занимали во времена Креза, т. е. около 560 г. до Р. Х., двѣ области, Европейскую и Азіатскую; первая лежала между нынѣшнимъ Мраморнымъ моремъ, часть котораго, теперешній Константинопольскій проливъ, называлась Босфоромъ Ѳракійскимъ,—и нижнимъ теченіемъ Дуная, то есть побережье Черноморское, въ границахъ этихъ урочищъ заключающееся; это восточный предѣлъ Ѳракіи; противоположный межевался наибольшею частью съ Македоніею, а наименьшею, повидимому, прикасался и къ Иллиріи. Вторая область (о ней мы уже говорили) находилась по ту сторону Константинопольскаго пролива, на полуденномъ Черноморскомъ же побережьи, между упомянутыми землями Биѳинянъ и Пафлагонцевъ (кн. Ѵ, ст. 3 и кн. I ст. 28. Здѣсь перечисляются малоазійскіе народы, покоренные Крезомъ; Ѳракіяне поименованы между Пафлагонянами и Биѳинянами).

Изъ божествъ Ѳракіяне чтутъ только: Арея—за бога войны, изображавшагося съ птичьей головой,—у Скиѳовъ онъ чествовался, подъ видомъ меча, человѣческими жертвами (см. выше);—Діониса и Артемиду—богиню дѣвственницу; при чествованіи ея употребляется Ѳракіянами неизбѣжно пшеничная солома въ воспоминаніе Гиперборейскихъ дѣвушекъ, приносившихъ сюда и въ Элладу свое божество, завернутое въ такую же солому (сказано раньше). Державцы же народцевъ Ѳракіи чтутъ, сверхъ этихъ трехъ божествъ, выше всѣхъ, Гермеса. Клятвы они произносятъ его именемъ и самихъ себя производятъ отъ этого бога (кн. IѴ ст. 33 и кн. Ѵ ст. 7).

Обычаи Ѳракіянъ, подмѣченные Геродотомъ, состоятъ въ слѣдующемъ: жить въ праздности—высшая доблесть; обработка земли—самое постыдное дѣло; порѣзы на кожѣ—знакъ благороднаго происхожденія; прекраснѣйшій образъ жизни—военный и разбойничій; дѣтей продаютъ на чужую сторону; за дѣвушками вовсе не наблюдаютъ, дозволяя имъ вступать въ связь съ мужчинами по собственному каждой выбору,—но женщины замужнія строго охраняются; жены покупаются у родителей за большую плату; у каждаго мужчины ихъ нѣсколько; новорожденнаго встрѣчаютъ всѣ родственники, усаживаются около него и горюютъ о томъ, сколько страданій предстоитъ ему вытерпѣть вслѣдствіе рожденія на свѣтъ, при этомъ перечисляются

всѣ людскія бѣдствія; покойника же предаютъ землѣ среди шутокъ и веселья, указывая на то, отъ сколькихъ бѣдъ онъ избавился и въ какомъ блаженствѣ пребываетъ послѣ смерти; когда умираетъ мужчина, среди женъ его возникаетъ ожесточенная распря, а среди друзей этихъ женъ—сильный споръ о томъ, которую изъ женъ покойный любилъ наибольше; ту, въ пользу которой разрѣшался споръ, превозносятъ въ похвалахъ мужчины и женщины, а ближайшій родственникъ умерщвляетъ ее надъ могилой мужа и хоронятъ въ ней вмѣстѣ съ нимъ; прочія жены, повергаются въ сильную скорбь, потому что для нихъ—оставаться въ живыхъ по смерти мужа—величайшій позоръ.

Богатыхъ Ѳракіянъ хоронятъ такъ: въ теченіе трехъ дней выставляютъ трупъ, предварительно оплакавъ покойнаго дома; затѣмъ приносятъ ему въ жертву всякаго рода животныхъ и устраиваютъ пиршества; наконецъ умершаго хоронятъ, или сжигая на огнѣ, или предавая землѣ; надъ прахомъ его насыпаютъ курганъ и производятъ всевозможныя состязанія, съ наградою побѣдителей: высшая награда назначается для единоборцевъ (кн. V, ст. 4—6 и 8).

Подобно Скиѳамъ, Ѳракіяне приготовляютъ себѣ изъ конопли платье, на столько хорошее, что только опытный знатокъ сумѣетъ отличить его отъ льняного (кн. IV ст. 74 объ этомъ сказано раньше).

Вооруженіе Ѳракіянъ Европейскихъ было такое же, какъ и Азіатскихъ, т. е. Биѳинянъ, описанное въ статьѣ о нихъ: на головахъ—лисьи шкуры, на ногахъ и кругомъ икръ—обувь ихъ козьей кожи и пр. (кн. VII ст. 75—приведено въ ст. о Биѳинянахъ).

Тевкры. Народъ, извѣстный древнѣйшимъ писателямъ подъ именемъ Тевкровъ, не существовалъ уже, какъ видно изъ сказаній Геродота, въ его время и не былъ сосѣдями Скиѳовъ при войнѣ ихъ съ Даріемъ; но, основываясь на извѣстіи нашего повѣствователя, хотя и признаваемомъ учеными знатоками древности сомнительнымъ, о войнѣ Сезостриса, египетскаго царя, между 1388 и 1322 гг. до Р. Х. (это Рамзесъ II) со Скиѳами и Ѳракіянами,—приведемъ сказаніе объ этихъ Тевкрахъ.

Еще до Троянской войны орда Тевкровъ переправилась въ Европу огромнымъ полчищемъ черезъ Босфоръ и покорила всѣхъ Ѳракіянъ (кн. VII, ст. 20 и 75). Похититель жены Менелая, Елены, Александръ былъ родомъ Тевкръ (кн. II, ст. 113—115). Недалеко отъ Геллеспонта течетъ рѣка Стримонъ; Тевкры, покинувъ Трою, поселились на этой рѣкѣ (кн. V, ст 13). Въ Даріево время сохранился еще городъ Гергиѳы, уцѣлѣвшій остатокъ сооруженій древнихъ Тевкровъ (кн. V, ст. 122 и кн. VII, ст. 43).

Изъ этихъ извѣстій оказывается, что Троянцы были выходцы Ѳракіи, Тевкры, сосѣди Скиѳовъ съ древнѣйшихъ временъ, опередившихъ Сезостриса. Изслѣдователи старины Греко-Римской высказываютъ въ видѣ отдаленнаго предположенія, что Тевкры происхожденія Иллирійскаго.

Пеоны. Ближайшими потомками Тевкровъ считаются Пеоны; они занимали часть Ѳракіи во время похода Дарія на Скиѳію. Возвратившись изъ неудачнаго похода, царь Персидскій жилъ въ Сардахъ и пересталъ, кажется,

думать о завоеваніяхъ; но неважный, въ сущности, слухъ заставилъ его снова поднять оружіе противъ сосѣдей Скиѳовъ—Ѳракіянъ и преимущественно Пеоновъ, по слѣдующему поводу. Два Пеона, родные братья, имѣли красавицу сестру; задумавъ добиться полученія власти надъ своею страною, они пробрались въ Азію, въ Сарды; тамъ, выждавъ время, когда царь выходилъ въ предмѣстье Лидійской столицы для обычнаго отправленія суда,—эти братья Пеоны нарядили свою сестру—какъ можно лучше и послали ее, съ сосудомъ на головѣ, по-воду, научивъ вести за собою лошадь, привязанную къ рукѣ, и прясть все время ленъ. Пеонянка такъ и сдѣлала, направляясь за водою тою дорогою, которая проходила мимо мѣста царскаго суда. Дарій, увидѣвъ дѣвушку, обратилъ на нее особенное вниманіе, такъ какъ трудолюбіе женщинъ необычное въ Азіи явленіе, и послалъ наблюдать, что станетъ эта красивая дѣвушка дѣлать съ лошадью. Она напоила лошадь, зачерпнула воды и пошла обратно тою же дорогою и также, ведя лошадь, неся на головѣ сосудъ и вращая веретено. Царя это удивило; онъ приказалъ позвать дѣвушку къ себѣ; съ нею явились и братья. Узнавъ, что всѣ они Пеоны и пришли въ Сарды добровольно отдаться ему, что Пеонія расположена по рѣкѣ Стримону, невдалекѣ отъ Геллеспонта, и что они, Пеоны, потомки Тевкровъ изъ Трои,—Дарій освѣдомился, всѣ ли женщины у нихъ такія же работницы, какъ и ихъ сестра, и получивъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, написалъ оставленному имъ во Ѳракіи военачальнику, чтобы тотъ поднялъ Пеоновъ съ мѣстожительства и переселилъ ихъ въ Азію съ дѣтьми и женами. (кн. V, ст. 12—14).

Повелѣніе царя было исполнено; однакожъ не всѣхъ удалось подчинить Персамъ и переселить въ Азію, часть ихъ, занимавшая гору Пангей и озеро Прасіаду и ближайшіе сосѣди: Доберы, Агріаны и Одоманты, тоже Пеоны,—сохранила свою самостоятельность и осталась на прежнемъ мѣстѣ, благодаря поселенію, устроенному на самомъ озерѣ.

Геродотъ сообщаетъ подробности сооруженія озерныхъ построекъ такъ: по срединѣ озера стояли на высокихъ сваяхъ бревенчатыя постройки, къ которымъ велъ съ суши узкій путь по одному мостику. Первоначально сваи были утверждены усиліями всѣхъ гражданъ и возведены поверхъ ихъ постройки, а потомъ вошло въ обыкновеніе, чтобы каждый Пеонъ, при женитьбѣ, вколачивалъ три сваи, добываемыя на горѣ Орбелѣ,—а они имѣютъ много женъ,—такъ что поселеніе постоянно разрасталось. Всякій семьянинъ имѣетъ свою хижину на бревнахъ, образующихъ для нея площадку поверхъ свай; внутри хижины имѣется опускная дверь, ведущая сквозь бревна къ водѣ; малыхъ дѣтей привязываютъ за ногу веревкой, чтобы они не скатились въ озеро чрезъ эту дверь; лошадямъ и вьючному скоту, тутъ же живущему, кормомъ служитъ рыба; въ Прасіадѣ ее такъ много, что хозяину хижины стоитъ только поднять опускную дверь, опустить на веревкѣ въ воду корзину, и, по прошествіи короткаго времени, она будетъ полна рыбы (кн. V, ст. 15—16).

Упомянутый выше Аристогора, явившійся къ Спартанскому державцу—Клеомену съ изображеніемъ всей земли на мѣдной доскѣ и безуспѣшно

убѣждавшій его подняться на Персовъ, взволновалъ азіатскихъ Пеоновъ,— и почти всѣ они возвратились, около 500 г. до Р. Х., обратно на свою родину (кн. V, ст. 98).

Изъ обычаевъ Пеоновъ Геродотъ приводитъ только одинъ, именно тотъ, который бытуетъ между Ѳракіянами и выражается въ непремѣнномъ употребленіи пшеничной соломы при жертвоприношеніяхъ Артемидѣ, указывая тѣмъ на общее родоначаліе обоихъ племенъ (кн. IV, ст. 33).

Македоняне. Страна на западъ отъ Ѳракіи, извѣстная подъ названіемъ Македоніи, не была непосредственною сосѣдкою Скиѳіи Геродотовой, но выходцы ся сидѣли въ землѣ Скиѳовъ и постоянно сталкивались съ ними, поэтому, говоря о сосѣдяхъ Скиѳіи, имѣвшихъ ту или другую долю взаимнаго вліянія, не слѣдуетъ умолчать о насельникахъ Македоніи, тѣмъ еще болѣе, что въ числѣ народцевъ этой страны, разновидныхъ по происхожденію, не могло не быть Ѳракіянъ, Пеоновъ и даже Скиѳовъ, или ихъ потомковъ и ближайшихъ родичей.

По вопросу о томъ, были ли Македоняне варвары по происхожденію, или Эллины, у Геродота нѣтъ положительныхъ данныхъ; онъ убѣжденъ только, что державецъ Македоніи во времена Дарія-Аминта, потомокъ одного изъ выходцевъ Аргоса, младшаго изъ рода Темена, Пердикки, былъ Эллинъ (кн. V ст. 22, кн. VIII ст. 137); между тѣмъ, изъ его же разсказа о недопущеніи сына этого Аминты, Александра, къ участію въ Олимпійскихъ играхъ, потому что варвары къ таковому не принимаются, а онъ Александръ, варваръ, видно, что сынъ Аминты получилъ доступъ къ единоборству на этихъ играхъ, лишь вслѣдствіе заявленія его, что онъ не варваръ, а Аргавянинъ. Принимая такимъ образомъ убѣжденіе Геродота, ограничивающимся однимъ только происхожденіемъ отъ Эллиновъ потомковъ Пердикки, властвовавшихъ въ его время въ Македоніи, мы не находимъ достаточныхъ основаній отрицать общее съ Ѳракіянами родоначаліе.

Относительно бытовыхъ особенностей Македонянъ Геродотъ сообщаетъ только о застольномъ обычаѣ ихъ, и то имѣвшемъ мѣсто при обстоятельствахъ исключительныхъ: покоривъ Пеоновъ, военачальникъ Даріевыхъ полчищъ въ Европѣ, Мегабазъ, отправилъ въ Македонію, въ качествѣ пословъ, семь Персовъ, знатнѣйшихъ, послѣ него, въ тамошнемъ войскѣ, съ требованіемъ отъ Аминты земли и воды для Дарія. Это было въ то самое время, когда Пеоны и ихъ сосѣди укрылись въ свайныхъ постройкахъ на Прасіадѣ, отъ котораго до Македоніи путь коротокъ. Аминта принялъ пословъ съ честью, далъ имъ воду и землю (т. е. безусловную покорность) и пригласилъ ихъ на пиръ, великолѣпно приготовленный. Послѣ угощенія Персы, значительно подгулявъ, заявили хозяину: „у насъ въ Персіи, любезный Македонянинъ, существуетъ обычай, чтобы устроители большого пиршества сажали съ собою за столъ своихъ законныхъ женъ и наложницъ; ты принялъ насъ радушно, угощаешь великолѣпно, ты даешь царю Дарію землю и воду, такъ послѣдуй и нашему обычаю“. Аминта на это отвѣчалъ: „Нашъ обычай не таковъ, напротивъ, мужчины у насъ отдѣляются отъ женщинъ; но такъ какъ вы, наши господа, желаете этого,—пусть будетъ

по вашему". Женщины, по требованію Аминты явились; пьяные Персы допустили вольное обращеніе съ ними, вызвавшее сильное негодованіе хозяина, но изъ боязни Персовъ, онъ сдержалъ себя; на выручку явился сынъ Аминты, Александръ; за позднимъ временемъ хозяинъ удалился, а замѣнившій его сынъ придумалъ средство освободить женщинъ отъ пьяныхъ пословъ и наказать ихъ за дерзость и неприличное поведеніе съ женами своего отца. Онъ предложилъ Персамъ воспользоваться женщинами и возлежать съ ними, отпустивъ ихъ на короткое время для перемѣны платья и для омовенія. Должно быть между Македонянами существовалъ обычай омовенія. Персы приняли предложеніе Александра. Послѣ омовенія явились къ охмѣлѣвшимъ гостямъ вмѣсто женъ Аминты переодѣтые въ женское платье молодые Македоняне, со скрытымъ оружіемъ; когда Персы начали разрѣшенное имъ хозяйскимъ сыномъ сладострастное заигрываніе, мнимыя женщины всѣхъ ихъ перерѣзали, а Александръ овладѣлъ привезенными послами сокровищами (кн. V, ст. 18—22).

Со словъ самихъ Македонянъ Геродотъ говоритъ, что когда-то жили по сосѣдству съ Македонянами Бриги; но выселившись въ Азію и занявъ тамъ Фригію, перемѣнили прежнее свое названіе на Фригіянъ, Арменіи—это потомки Бриговъ (кн. VII, ст. 73).

Македонія раздѣлялась на верхнюю и нижнюю; границею первой была въ западно-полночной сторонѣ гора Бермій (созвучная съ нашей Біарміей и Перміей), вслѣдствіе холода трудно доступная (кн. VII, ст. 138); нижняя Македонія лежала рядомъ съ Ѳессаліей, отдѣляясь отъ нея горнымъ кряжемъ, съ вершинами Олимпомъ и Оссою, между которыми разстилалась узкая Темпейская долина, орошаемая рѣкою Пенеемъ; эта долина представляла единственный путь изъ Македоніи въ Ѳессалію (кн. VII, ст. 173).

Геты. Во время похода на Скиѳовъ, Дарію сдались безъ боя: часть Ѳракіянъ и другіе народцы, заселявшіе страну ихъ; но Геты, изъ Ѳракіянъ болѣе мужественные и справедливые, оказали сопротивленіе; однакожъ и они не могли устоять противъ громадной численности Персидскаго ополченія—и сдались. Страна Гетовъ лежала по правую сторону Дуная, такъ что Ѳракію и ее, Дарій покорилъ прежде, чѣмъ добрался до этой рѣки. Геты непосредственные сосѣди Скиѳовъ.

Принимая Гетовъ за Ѳракіянъ и считая ихъ самыми мужественными и справедливыми. Геродотъ называетъ ихъ въ тоже время глуповатыми и ведущими жалкую жизнь; съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на вѣрѣ этого народа, признающаго себя безсмертнымъ.

Сущность вѣры Гетовъ состоитъ въ слѣдующемъ: разставаясь съ тѣломъ человѣкъ, собственно Гетъ, не умираетъ навсегда, но удаляется къ божеству Салмоксису, называемому нѣкоторыми Гебелейзисомъ. Черезъ каждые четыре года они посылаютъ изъ среды своей, по указанію жребія, одно лицо въ качествѣ вѣстника къ Салмоксису съ порученіемъ передать божеству о томъ, что въ данное время наиболѣе потребно народу. Вѣстникъ посылается при соблюденіи особаго обряда: изъ Гетовъ нѣкоторые становятся въ рядъ, съ тремя метательными копьями въ рукахъ; другіе берутъ ука-

заннаго жребіемъ посланца за руки и за ноги съ обѣихъ сторонъ и подбрасываютъ высоко на воздухъ, такъ что онъ попадаетъ на копья. Если посланецъ, проколотый копьями умираетъ, это значитъ, что божество милостиво къ Гетамъ; въ противномъ случаѣ винятъ самого посланца, считая его человѣкомъ порочнымъ, и затѣмъ посылаютъ такимъ же порядкомъ къ божеству другого вѣстника. Эти же самые Геты Ѳракіяне пускаютъ стрѣлы въ небо противъ грома и молніи, сопровождая стрѣльбу угрозами божеству. Кромѣ Салмоксиса, Геты не признаютъ никакого другого божества. (кн. V, ст. 4, кн. IV, ст. 93 и 94).

Эллины сказывали Геродоту, что Гетское божество, Салмоксисъ, былъ человѣкъ и притомъ состоялъ рабомъ сына Мнесархова—Пиѳагоры изъ города Самы, что на островѣ того же имени (Самосъ на Эгейскомъ морѣ), подлѣ Микале, въ Іонійской малоазійской области, (кн. I, ст. 142 и 148); впослѣдствіи онъ сдѣлался свободнымъ, пріобрѣлъ большое состояніе и вернулся снова на родину. Значитъ онъ былъ родомъ Гетъ-Ѳракіяниnъ. Проживая въ Іоніи Салмоксисъ освоился съ образомъ жизни туземцевъ и съ нравами ихъ, представлявшимися его землякамъ слишкомъ утонченными, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ общеніе съ Эллинами и съ мудрѣйшимъ изъ нихъ—Пиѳагорою. Обладая хорошими средствами, Салмоксисъ устроилъ на родинѣ обширный покой и въ немъ радушно принималъ знатнѣйшихъ гражданъ. Бесѣдуя съ гостями, хозяинъ училъ ихъ, что ни самъ онъ, ни застольные его товарищи, ни, наконецъ, потомки ихъ, хотя бы и отдаленнѣйшіе, не умрутъ, но удалятся послѣ земной жизни въ страну безсмертія и вѣчно будутъ пользоваться всѣми благами. Между тѣмъ проповѣдуя такое ученіе, Салмокисъ соорудилъ для себя подземное помѣщеніе, куда и скрылся. Геты скучали по немъ, какъ по умершемъ; но проведя въ подземельи три года, Салмоксисъ явился къ Гетамъ и такимъ образомъ внушилъ довѣріе къ своему ученію. Приводя этотъ разсказъ, Геродотъ не вполнѣ довѣряетъ толкамъ Эллиновъ и полагаетъ, что если Салмоксисъ былъ и человѣкъ, онъ жилъ за много лѣтъ до Пиѳагоры; но основаній своего предположенія повѣствователь не указываетъ (кн. IV, ст. 95 и 96).

Невры. Νευροί. Нравы ихъ Скиѳскіе. За одно поколѣніе до похода Дарія,—значитъ около 600 лѣтъ до Р. Х., змѣи вынудили этотъ народъ покинуть всю страну свою и поселиться въ землѣ Будиновъ. Кажется, что люди эти—колдуны; Скиѳы и Эллины, живущіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, что одинъ разъ въ годъ каждый Невръ становится волкомъ на нѣсколько дней, а потомъ снова принимаетъ человѣческій обликъ (кн. IV, ст. 105).

Андрофаги, муже-съѣдатели,—жили приблизительно въ нынѣшней Смоленской землѣ, по мнѣнію Ѳ. Г. Мищенки, тогда какъ Геродотово опредѣленіе страны ихъ не исключаетъ возможности искать ее и въ сторонѣ отъ Смоленской. Геродотъ говоритъ: Отъ Истра внутрь материка Скиѳы граничатъ: прежде всего съ Агафирсами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ съ Андрофагами, наконецъ—съ Меланхленами. Вопросъ о странѣ Андрофаговъ тѣсно связанъ съ положеніемъ и пространствомъ земли Невровъ, Меланхленовъ и Будиновъ. Если Невры жили въ Геродотово время уже не

въ той странѣ, которую онъ называетъ Невридою, а въ землѣ Будиновъ, куда змѣи принудили ихъ переселиться почти за 200 лѣтъ ранѣе Геродота, другими словами—если въ Невридѣ не было при Геродотѣ Невровъ, въ такомъ случаѣ ихъ надобно селить съ Будинами, и Андрофаги придутся тогда уже не сосѣдями ихъ. Болѣе ясное, или болѣе приблизительно-точное указаніе на страну Андрофаговъ мы попытаемся найти послѣ разсмотрѣнія сказаній о Будинахъ, Гелонахъ и Меланхленахъ.

По словамъ Геродота Андрофаги изъ числа всѣхъ людей имѣютъ самые дикіе нравы: нѣтъ у нихъ ни правды, ни закона. Образъ жизни—кочевой; одѣваются по скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный. Изъ всѣхъ народовъ, живущихъ за Скиѳіею, они одни употребляютъ въ пищу человѣческое мясо (ст. 106).

Агаѳирсы произошли отъ старшаго сына Геракла и дѣвушки змѣи. Страну ихъ опредѣляютъ нынѣшнею Трансильваніею; здѣсь протекаетъ рѣка Маросъ, вливающаяся въ Дунай справа; по Геродоту созвучный ей притокъ Истра, рѣка Марисъ получала свое начало въ землѣ Агаѳирсовъ (кн. IV, ст. 10, 49). Они имѣли своихъ царей, одинъ изъ которыхъ убилъ Скиѳскаго царя Аріапейѳеса, отца упомянутаго Скилы, поплатившагося жизнью за измѣну вѣковѣчнымъ божествомъ и обычаямъ своего народа. Агаѳирсы отличаются отъ Скиѳовъ и другихъ сосѣдѣй своихъ самыми мягкими нравами; очень охотно носятъ золотыя украшенія; женщинами пользуются сообща, съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ быть братьями и родными между собою и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды. Въ остальномъ они походятъ по образу жизни на Ѳракіянъ. Когда Дарій гонялся за Скиѳами, они, отступая послѣдовательно въ земли сосѣдей, не пожелавшихъ вступить въ борьбу съ Персами въ качествѣ союзниковъ Скиѳскихъ царей, чтобы такимъ образомъ наказать этихъ сосѣдей, земли которыхъ Дарій разорялъ въ погонѣ за Скиѳами,—отступили въ страну Агафирсовъ, тоже не согласившихся на союзъ со Скиѳскими царями, уже по разореніи Даріемъ земель Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невридъ. Агафирсы вооружились, двинули войско къ границы Скиѳіи и принудили Скиѳовъ перейти въ Невриду и отступать передъ полчищами Персовъ снова по своимъ владѣніямъ (ст. 78, 100, 102, 104, 125).

Меланхлены. Опредѣлитъ съ точностью страну этого народа ученымъ изслѣдователямъ еще не удалось; съ вѣроятностью, повидимому наибольшею, для нея указываютъ, начиная съ Воронежскихъ уѣздовъ, земли Курскую, Черниговскую и Могилевскую (указатель Мищенка). Меланхлены народъ особенный, не скиѳскій; образъ жизни такой же, какъ и у Скиѳовъ; всѣ носятъ черную одежду, отъ которой и получили свое наименованіе (кн. IV, ст. 20, 100, 101, 107, 119 и 120).

Савроматы. Объяснители Геродота даютъ Савроматіи пространство на востокъ отъ Азовскаго моря, между Дономъ и Волгою, въ полночной части Земли войска Донскаго и въ полуденной—Саратовской. О происхожденіи Савроматовъ Геродотъ сообщаетъ много полезныхъ для задачи нашего общества указаній; не лишни также и другія подробности объ этомъ племени. Въ наукѣ оно называется Сарматскимъ, а народъ—Сарматами.

Происхожденіе Савроматовъ Геродотъ объясняетъ такъ: на Эллиновъ напали Амазонки, которыхъ Скиѳы называютъ „Ойоръ пата", что значитъ „муже-убійцы". На рѣкѣ Ѳермодонтѣ Эллины ихъ разбили, захватили многихъ живыми и на трехъ судахъ отплыли, вмѣстѣ съ плѣнницами, по рѣкѣ.

Въ открытомъ морѣ,—(Ѳермодонтъ, рѣка въ Коппадокіи, впадаетъ въ Понтъ; здѣсь жили Сиріяне-хаттиты и Амазонки) плѣнницы напали на мужчинъ и перебили ихъ; но съ водоплаваніемъ женщины эти не были знакомы и не умѣли обращаться ни съ мачтами, ни съ парусами, ни съ веслами, и потому, перебивши мужчинъ, понеслись по волнамъ за вѣтромъ и прибыли къ Кремнамъ (см. выше) на Меотійскомъ озерѣ, въ землю свободныхъ Скиѳовъ. Здѣсь Амазонки сошли съ судовъ и пѣшкомъ дошли до обитаемой мѣстности, завладѣли первымъ попавшимся стадомъ лошадей, сѣли на нихъ верхомъ и занялись грабежомъ скиѳскихъ владѣній.

Скиѳы приняли Амазонокъ за мужчинъ одинаковаго возраста и, не зная ни ихъ языка, ни народности, ни одежды, вступили съ ними въ бой; только послѣ сраженія, завладѣвъ трупами, узнали, что это женщины и затѣмъ на совѣтѣ рѣшили—не убивать болѣе Амазонокъ ни въ какомъ случаѣ, а отправить къ нимъ самыхъ молодыхъ своихъ мужчинъ въ такомъ, приблизительно, числѣ, сколько было Амазонокъ; юноши должны были расположиться станомъ по сосѣдству съ ними и дѣлать все, что не дѣлали-бы воительницы; но если онѣ станутъ преслѣдовать юношей, не сражаться, а убѣгать, пока женщины не остановятся; тогда вернуться и снова расположиться по сосѣдству съ ними. Скиѳскіе юноши исполнили постановленіе совѣта старшинъ, прибыли къ Амазонкамъ; женщины не нападали на нихъ и мало по малу сошлись съ юношами, переняли ихъ языкъ и, когда сжились со Скиѳами, какъ со своими мужьями, убѣдили ихъ перебраться за Донъ, гдѣ и поселились, въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ этой рѣки и на такомъ же разстояніи къ полночи отъ Азовскаго моря. Съ того далекаго времени, говоритъ Геродотъ, женщины Савроматовъ ведутъ нынѣшній образъ жизни: вмѣстѣ съ мужьями и безъ нихъ ѣздятъ верхомъ на охоту и на войну, и одѣваются также какъ и мужья ихъ. Савроматы говорятъ языкомъ Скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ, такъ какъ Амазонки недостаточно усвоили его въ первое время. Относительно брака у Савроматовъ соблюдается слѣдующее правило: ни одна дѣвушка не выходитъ замужъ, пока не убьетъ врага; нѣкоторыя доживаютъ до старости и умираютъ дѣвственницами (кн. IV, ст. 110—117)

Амазонки Свѣдѣнія древнихъ повѣствователей объ Амазонкахъ сбивчивы. Ими считаютъ жрицъ богини-воительницы,—„Мо", почитавшейся у Хиттитовъ, Эллинскихъ Левко—Сиріевъ.

Амазонокъ признаютъ основавшими много городовъ, и въ числѣ ихъ—Эфесъ, Смирны, Кумы; вооруженіе ихъ состояло изъ двухсторонныхъ сѣкиръ; со щитомъ или лукомъ въ рукахъ, онѣ совершали священныя пляски въ честь своей богини. Говорятъ, что Амазонки не дали помощи Троянцамъ.

Замѣтимъ здѣсь, что у Скиѳовъ было обыкновеніе въ особенно-важныхъ случаяхъ собирать совѣтъ; такъ они поступили во время похода Дарія

и какъ сказано выше; юноши, то есть люди молодые, не старшіе въ народѣ, безпрекословно подчинялись постановленію совѣта старшихъ.

Болѣе подробныя объ Амазонкахъ свѣдѣнія у Страбона; къ нимъ мы обратимся по окончаніи выписокъ изъ Геродота.

Будины. Мы уже имѣли случай говорить о положеніи земли Будиновъ по Геродоту и по толкователямъ его сказаній. Здѣсь приведемъ точныя слова повѣствователя: „По ту сторону Танаида нѣтъ болѣе Скиѳіи, первыми тамъ живутъ Савроматы (см. выше); вся страна ихъ лишена дикихъ и садовыхъ деревьевъ. Надъ Савроматами живутъ Будины, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ. Выше Будиновъ, къ полночи отъ нихъ, лежитъ пустыня на протяженіи семи дней пути (кн. IV, ст. 21 и 22). Въ виду вторженія въ Скиѳію огромнаго войска Дарія, собрались на совѣщаніе для отраженія Персовъ цари сосѣднихъ съ нею народовъ: Тавровъ, Агаѳирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ, Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ (ст. 102). За одно поколѣніе до похода Дарія въ землѣ Будиновъ поселились Невры (см. выше ст. 105). Будины народъ многолюдный, съ свѣтло голубыми глазами и рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ по имени Гелонъ; каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину тридцать стадій (почти полверсты) Будины, туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевую жизнь и одни изъ тамошнихъ народовъ, питающіеся сосновыми шишками (кедровые орѣхи). Эллины называютъ Будиновъ Гелонами, но это неправильно. Страна ихъ имѣетъ въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя съ четыреугольными мордами; кожи ихъ употребляются на опушку для кафтановъ (ст. 108 и 109). Въ погонѣ за Скиѳами по странамъ, опустошеннымъ самими ими и союзниками, Персы вошли въ землю Будиновъ, напали на покинутое ими деревянное сооруженіе и сожгли его (ст. 123).

Слѣдуетъ отмѣтить, что Геродотъ, перечисляя различныя племена Мидійскаго народа, называетъ одно изъ нихъ именемъ „Будіи“ (кн. I, ст 101).

У Будиновъ имѣются святилища Эллинскихъ божествъ съ идолами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются у нихъ каждые два года празднества, сопровождаемыя шумнымъ весельемъ (кн. IV, ст. 108);—Діонисъ—одно изъ древнѣйшихъ божествъ, онъ олицетворяетъ, по понятіямъ Эллиновъ, вино, въ многообразномъ дѣйствіи этого напитка на человѣка; Діониса почитали всѣ народы Стараго Свѣта, хотя и подъ разными наименованіями, напримѣръ: Египтяне—Осириса, Арабы—Оротална и проч. (кн. II, ст. 42 и 144; кн. III, ст. 8 и 111). Какое имя онъ носилъ среди Будиновъ, Геродотъ не сказываетъ; возможно что, какъ божество заимствованное, Діонисъ или приравненъ былъ къ скиѳскому Папаю, или оставался съ чужимъ именемъ.

Гелоны. Родоначальникъ ихъ Гелонъ, средній сынъ Геракла и дѣвушки-змѣи. Въ городѣ Будиновъ—Гелони есть святилище Эллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются тамъ каждые два года празднества съ обильнымъ упо-

требленіемъ вина, плясками и пр (съ оргіями). Гелоны были первоначально тѣ же Эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди Будиновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на скиѳскомъ языкѣ, другіе—на эллинскомъ. Хотя Будины ведутъ такой же образъ жизни, какъ и Гелоны, но говорятъ на особомъ языкѣ (кн. IV, ст. 108).

Геродотъ называетъ Гелономъ, кромѣ Гераклова сына, еще другое лицо. Повѣствуя о нападеніи на Элладу Ксеркса, около 481 г. до Р. Х., онъ сказываетъ, что Аѳиняне, разославъ въ сосѣднія земли соглядатаевъ и пословъ, снарядили посольство и въ Сицилію къ сыну Диноменеса, Гелону, на Керкиру, съ требованіемъ оказать помощь Элладѣ, и на Критъ. Силы Гелона считались значительными, далеко превосходившими всякое другое Элладское государство (кн. VII, ст. 145). Предокъ этого Гелона, обитатель Гелы, происходилъ съ острова Тела, что у Тріонія; онъ принялъ участіе въ основаніи Гелы жителями Линда, Рода и Антифема. Потомки его были верховными жрецами божествъ преисподней и непревывно исполняли эту обязанность (ст. 153). Гела—городъ на полуднкомъ берегу Сициліи; Телъ—островокъ подлѣ мѣстечка Тріопій, недалеко отъ Рода и Книда.

Ѳиссагеты. Большинство ученыхъ отводитъ этому не скиѳскому народу страну на полночь—къ востоку отъ Волги, между нею и рѣкою Камой. Одинъ только Брунъ помѣщаетъ ихъ на полосѣ, орошаемой нижнимъ Донцомъ, а также на той, что лежитъ между Донцомъ и Дономъ (Ѳ. Г. Мищенко. Указатель къ Геродоту). Въ одной съ ними странѣ живутъ **Іирки**. Тѣ и другіе добываютъ средства къ жизни охотою. Іиркъ охотится такъ: взлѣзаетъ на дерево и тамъ устраиваетъ засаду; а деревьями изобилуетъ вся страна ихъ; у каждаго охотника имѣется наготовѣ лошадь и собака; лошадь небольшого роста и пріучена лежать животомъ на землѣ. Завидѣвши съ дерева дичь, охотникъ стрѣляетъ по ней изъ лука, потомъ садится на лошадь и пускается въ погоню за добычей; собака неотступно слѣдуетъ за нимъ (кн. IV, ст. 22).

Аргиппаи—или плѣшивые, питаются преимущественно плодами „*понтика*". Такъ называется дерево; оно почти такой же величины какъ фиговое; плодъ похожій на бобы содержитъ въ серединѣ зерно; когда плоды созрѣваютъ, ихъ процѣживаютъ сквозь полотно, чорный сокъ, такимъ образомъ получаемый, достаточно густъ; его называютъ „асхи", смѣшиваютъ съ молокомъ и пьютъ, а изъ выжимка (густой части, остающейся на полотнѣ) приготовляютъ лепешки и ѣдятъ. Не имѣя пастбища для скотоводства, эти Агриппаи живутъ каждый подъ особымъ деревомъ, которое на зиму покрывается толстымъ бѣлымъ войлокомъ, а на лѣто оставляется открытымъ. Никто изъ людей не обижаетъ Агриппаевъ, считая ихъ священными; не имѣя никакого оружія, эти кроткіе обитатели земель, сосѣднихъ со скиѳскими и будино-гелонскими, улаживаютъ раздоры въ средѣ окрестныхъ народовъ; а убѣжавшій къ нимъ изгнанникъ защищенъ отъ какой-бы то ни было обиды. Страну Аргиппаевъ навѣщаютъ Скиѳы и жители Борисѳенеса и прочихъ торжищъ Понта; но кто ходитъ къ нимъ, тотъ пользуется для своихъ дѣловыхъ сношеній семью переводчиками и семью языками (ст.

23—25). Ученые думаютъ, что Аргиппаи—это калмыки, жившіе нѣкогда близь Уральскихъ горъ, гдѣ теперь кочуютъ киргизы оренбургскіе (указатель къ Геродоту).

Примѣчаніе. Объяснители Геродота полагаютъ, что „понтикъ", это нынѣшняя черешня (Prunus, Padus); современные намъ казаки, башкиры и калмыки высушиваютъ плоды этого дерева и варятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получится кашица; ее разбавляютъ нѣсколько водою и, какъ весьма питательную, ѣдятъ съ удовольствіемъ. Екатеринбургскіе башкиры употребляютъ этотъ плодъ до сихъ поръ точно также, какъ описываетъ Геродотъ. Казанскіе татары называютъ сокъ черешни „Atschi". Нѣкоторые считаютъ болѣе вѣроятнымъ принимать понтикъ за одинъ изъ видовъ дикой маслины, плоды которой въ Киргизской степи довольно велики и сочны; такъ что тамошними жителями употребляются въ пищу; высушенный плодъ мучистъ и похожъ на бобы. Существуетъ, мнѣніе что „асхи" Геродота соотвѣтствуетъ осетинскому слову „achsir" или татарскому—„asi, as"—питаніе (Указатель Ѳ. Г. Мищенка подъ словами „*понтикъ и асхи*").

Исседоны имѣютъ, по разсказамъ ихъ самихъ, слѣдующіе обычаи: если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ мѣсту, гдѣ онъ жилъ, скотъ; животныхъ убиваютъ; мясо рѣжутъ на куски; раздробляютъ и тѣло покойника; всѣ куски смѣшиваютъ и устраиваютъ пиршество, съѣдая приготовленные куски; голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ извнутри и, покрывъ затѣмъ золотомъ, пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ годичныхъ жертвоприношеній. Празднество у нихъ устраиваетъ сынъ въ честь отца, какъ у Эллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ. Вообще же Исседоны справедливы; женщины пользуются у нихъ положеніемъ, одинаковымъ съ мужчинами (ст, 25 и 26). Для нихъ отводятъ полночную часть Урало-Каспійскихъ частей (см. выше).

Аримаспы—одноглазые сказочные люди. Сынъ Кайстробія—Аристея, уроженецъ Проконнеса, говоритъ, что по вдохновенію Аполлона онъ прибылъ къ Исседонамъ, что надъ Исседонами живутъ одноглазые люди, надъ ними—стерегущіе золото грифы, а еще выше—гипербореи, простирающіеся до моря. За исключеніемъ гипербореевъ, всѣ эти народы, начиная съ Аримасповъ, постоянно воюютъ со своими сосѣдями, такъ что Исседоны вытѣснены изъ своей земли Аримаспами,—Исседонами вытѣснены Скиѳы, а Киммеріяне, жившіе у полуденнаго моря, покинули свои жилища подъ натискомъ Скиѳовъ. Геродотъ приводя это повѣствованіе Аристея, считаетъ его несогласнымъ съ разсказами Скиѳовъ объ этихъ же земляхъ (кн. IV, ст. 13). Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ: „Въ полночной части Европы есть несомнѣнно много золота, но о способѣ добыванія его онъ не можетъ передать ничего достовѣрнаго, хотя и разсказываютъ, что одноглазые Аримаспы похищаютъ его у Грифовъ". Въ существованіе одноглазыхъ людей повѣствователь не вѣритъ. Заключая свѣдѣнія объ Аримаспахъ и Грифахъ, Геродотъ отмѣчаетъ крайнія страны, замыкающія и ограничивающія собою остальную землю, содержащими въ себѣ тѣ предметы, которые считаются у нихъ самыми драгоцѣнными и наиболѣе рѣдкими (кн. Ш, ст. 116).

Массагеты. Обычаи Массагетовъ по Геродоту таковы: хотя каждый изъ нихъ женится только на одной женщинѣ, но женами всѣ они поль-

зуются сообща. По словамъ Эллиновъ это обычай Скиѳовъ; но такъ поступаютъ не они, а Массагеты. Если кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной, вѣшаетъ свой колчанъ передъ ея повозкой и сообщается спокойно. Предѣла жизни у этого народа не полагается вовсе; но кто очень состарѣется, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ, варятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни считается счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни не съѣдаютъ, а хоронятъ, горюя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Массагеты ничего не сѣютъ, питаясь домашними животными и рыбой, которую въ изобиліи находятъ въ Араксѣ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ этой жертвы тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ и быстрѣйшее животное (кн. Ш, ст. 216).

Не лишне замѣтить подобный случай съѣданія своихъ единоплеменниковъ, въ Геродотово время существовавшій у индѣйцевъ кочевниковъ, жившихъ на дальнемъ востокѣ. Повѣствователь называетъ ихъ „Падеи", или по другому произношенію „Падайи"; они питаются сырымъ мясомъ. Припомнимъ скиѳское слово „патъ" въ названіи Амазонокъ „Ойоръ-патъ". Если кто либо изъ соплеменниковъ Падаевъ заболѣетъ, женщина-ли, или мужчина, то ближайшіе друзья убиваютъ его, разсуждая при этомъ, что мясо пропадетъ для нихъ даромъ, когда болѣзнь истощитъ захворавшаго. Если заболѣвавшій утверждаетъ, что онъ здоровъ, друзья не вѣрятъ ему, а убиваютъ и съѣдаютъ. Состарѣвшихся они тоже убиваютъ и съѣдаютъ. Впрочемъ,—поясняетъ Геродотъ,—до старости у нихъ доживаютъ, при установившемся обычаѣ, весьма не многіе (кн. Ш, ст. 99).

Сдѣлаемъ и другое замѣчаніе: Геродотъ говоритъ, что въ войнѣ Ксеркса участвовали въ качествѣ его союзниковъ Ливіяне, начальникомъ которыхъ былъ Массагесъ, сынъ Оариза (кн. VII, ст. 71).—Ливія—Африка Геродотова времени. Но былъ-ли этотъ Массагесъ родоначальникомъ Массагетовъ азіатскихъ? Геродотъ пишетъ его имя Μασσάγης, съ удареніемъ на второмъ α, а народа азіатскаго Μασσαγέται, съ удареніемъ на ε.

Современники Скиѳовъ.

Основываясь на общемъ впечатлѣніи Геродотовыхъ сказаній нельзя не заключить, что въ его время, какъ и два, три столѣтія раньше, народы извѣстнаго ему и предшествовавшимъ писателямъ міра не выработали еще устойчивыхъ началъ государственнаго строя и гражданственности; хотя стремленія нѣкоторыхъ передовыхъ народовъ срединной Азіи и Африки, какими мы считаемъ, въ смыслѣ границъ, эти части свѣта, и были направлены къ объединенію племенъ, взаимно родственныхъ, но эти стремленія вызывались не задачею достиженія блага цѣлаго народа, а личными видами выдающихся вожаковъ-державцевъ и единичными духовными силами ихъ. Таковы великіе завоеватели вавилоно-ассирійскіе, мидо-персидскіе, египет-

скіе, греческіе и римскіе, хорошо извѣстные всякому изъ учебниковъ. Со смертью такихъ вожаковъ-державцевъ племена, временно сплоченные ими силою оружія, но не связанные единствомъ тяготѣнія къ прочно установленнымъ началамъ доступнаго всѣмъ достиженія истиннаго блага,—легко было привлечь на свою сторону другимъ вожакамъ, разрушая безъ боя обширныя владѣнія великихъ царей. Повторявшіяся часто перемѣщенія срединъ духовнаго тяготѣнія по волѣ выдающихся державцевъ мѣшали племенамъ и народамъ пустить корни въ почву занимаемой ими страны для воспитанія и укрѣпленія племенно-бытовыхъ достояній, унаслѣдованныхъ отъ отдаленнѣйшихъ родоначальниковъ; словомъ бродячій образъ жизни племенъ и народовъ древняго міра былъ въ полномъ ходу въ вѣка древнелѣтописные, давшіе Геродоту и его предшественникамъ то отрывочныя, то достаточно цѣльныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Скиѳіи и ея обитателяхъ, бродившихъ по той части Европы и Азіи, на которой выступило впослѣдствіи Ильменское державство уже съ готовымъ строемъ внутренней жизни.

Чтобы разобраться въ пестротѣ многоразличныхъ,—бытующихъ въ наше время между населеніемъ тѣхъ предѣловъ страны Ильменской, которыми мы ее ограничиваемъ,—обычаевъ, повѣрій, условій домашней жизни и тому подобныхъ проявленій духовной природы человѣка, необходимо считаться съ бытовыми, занесенными въ письменные памятники глубокой древности, условіями духовной природы,—по возможности,—всѣхъ народовъ, уступившихъ срединнымъ тяготѣніямъ и переходившихъ изъ одной страны въ другую, изъ Африки въ Азію и Европу и обратно, такъ какъ при подобныхъ стадныхъ переселеніяхъ, не могло не быть обмѣна духовнымъ богатствомъ и заимствованій между племенами инородными и иноземными при взаимныхъ столкновеніяхъ и сожительствѣ, хотя бы и неособенно продолжительномъ.

Установивъ для своихъ изысканій въ области народовѣдѣнія такой взглядъ на значеніе для бытовыхъ особенностей нашей страны стародавнихъ передвиженій племенъ и народовъ, мы признаемъ полезнымъ для предстоящихъ работъ нашего общества, хотя бы и въ далекомъ будущемъ, остановиться на современникахъ Скиѳовъ: Африки, Азіи и Европы, нравы, обычаи, вѣрованія, домашняя, а частью и общественная жизнь которыхъ были предметомъ наблюденій, замѣтокъ и свѣдѣній, занесенныхъ Геродотомъ и другими повѣствователями древности въ ихъ лѣтописи.

Выписки по этому предмету мы укоротимъ настолько, насколько сказанія Геродота могутъ имѣть, при доступномъ намъ знакомствѣ съ данными народовѣдѣнія, отношенія къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ учеными изслѣдователями надъ духовною природою и внутреннимъ строемъ народовъ всего земного шара, такъ называемыхъ: дикихъ, полудикихъ и замкнутыхъ отъ вліянія государственныхъ началъ, выработанныхъ народами Европы, считающими себя передовыми вожаками въ дѣлѣ развитія и роста всего человѣчества,—а главнымъ образомъ насколько сказанія Геродота имѣютъ отраженіе, хотя бы блѣдное и туманное, въ насельникахъ нашей страны.

а) Африканскіе.

Выписки о современникахъ Скиѳовъ мы начинаемъ Африкою не безпричинно: Геродотъ считаетъ ее благодѣтельнѣйшею для людей, съ вѣчнымъ лѣтомъ; а по словамъ жрецовъ египетскихъ здѣсь колыбель человѣчества (см. Указатель къ Геродоту, а также кн. II, ст. 24 и 26, кн. IV, ст. 29) Древнимъ писателямъ извѣстна только полуночная часть Африки, побережье Средиземнаго моря, незначительное пространство въ глубь материка и по берегу западнаго океана; болѣе же подробно они, вмѣстѣ съ Геродотомъ, знаютъ Египетъ, Нубію, частью Абиссинію и причисляемую къ Африкѣ Аравію.

Карѳагеняне. Геродотъ сообщаетъ немного данныхъ о Карѳагенянахъ его времени, вообще, да и сообщаемое имъ не обнимаетъ бытовой стороны этого народа, касаясь только участія его въ войнахъ. Единственными, имѣющими для нашего предмета значеніе свѣдѣніями представляются слѣдующія: во время войны Карѳагенянъ съ Гелономъ Сициліи, военачальникъ ихъ, сынъ Карѳагенскаго царя Аннона, Амилка, Сиракузяниңъ по матери, около 488—473 г. до Р. Х., пропалъ безъ вѣсти послѣ понесеннаго пораженія, хотя Карѳагеняне говорили Геродоту, что Амилка во все продолженіе сраженія, съ утра до вечера, оставался въ своемъ станѣ, совершалъ жертвоприношенія и испрашивалъ благопріятныхъ знаменій, сожигая на большемъ кострѣ тѣла цѣликомъ; производя возліяніе на жертву, онъ увидѣлъ свои войска обращенными въ бѣгство, самъ кинулся въ огонь и погибъ въ пламени; исчезъ ли Амилка такимъ образомъ, или иначе,—продолжаетъ Геродотъ,—но въ честь его установлены жертвоприношенія и по всѣмъ городамъ поселеній сооружены памятники,—наибольшій въ самомъ Карѳагенѣ (кн. VII, ст. 165—167). Изъ этого разсказа видно, что у Карѳагенянъ было обыкновеніе приносить богамъ человѣческія жертвы.

Извѣстно, что Карѳагенъ основанъ Финикіянами; по ихъ говору онъ называется „Cartada“, что значитъ „новый городъ“; по гречески „Καρχηδών“, разрушенъ въ 146 г. до Р. Х., находился въ африканской области Зевгитанѣ.

Замѣтимъ, что нынѣ существующій Неаполь—тоже новый городъ, и что городовъ и селеній того же наименованія было много; ихъ мы перечислимъ въ выпискахъ изъ Страбона, сообщающаго нѣсколько подробностей о каждомъ. Геродотъ знаетъ, кромѣ Карѳагена, два новыхъ города,—одинъ въ Ѳивскомъ округѣ Египта, близъ Хеммиса (кн. II, ст. 91),—теперь Кенеһ и другой—на Палленѣ, составлявшей западный полуостровъ Халкидики, прежней Флегры (кн. VIII, ст. 116—130).

По поводу выписокъ объ африканскихъ современникахъ Скиѳовъ, напомнимъ объ извѣстіи Геродота, помѣщаемомъ въ учебникахъ: египетскій царь Нехо, или Νεχώς, сынъ Псамметиха, поручилъ Финикіянамъ, а можетъ быть собственно Карѳагенянамъ, какъ сосѣдямъ, совершить путешествіе вокругъ Африки, между 617 и 601 гг. до Р. Х. Плаваніе началось изъ

Ериөрейскаго моря (Персидскій заливъ); путешественники при наступленіи осени приставали къ берегу; засѣвали землю и дожидались жатвы; по уборкѣ хлѣба плыли дальше. Обогнувъ Африку, они прошли Гибралтарскій проливъ (Геракловы Столбы) на третій годъ и возвратились въ Египетъ (кн. II, ст. 158 и кн. IV, ст. 42).

Лѣтъ полтораста спустя, предпринято было, по повелѣнію персидскаго царя Ксеркса, сына и преемника Дарія, около 450 года до Р. Х. другое путешествіе вокругъ Африки *Сатаспесомъ*, въ наказаніе за изнасилованіе дѣвственной внучки Мегабиза. Этого Сатаспеса Ксерксъ рѣшилъ было *посадить на колъ*, но мать его, сестра отца Ксеркса, испросила сыну помилованіе съ замѣною назначеннаго царемъ наказанія—другимъ по выбору самой матери; именно, виновный долженъ былъ объѣхать вокругъ Африки. Сатаспесъ, однакоже, обогнувъ значительную часть ея съ западной стороны, вернулся назадъ, объяснивъ что судно его было задержано мелями; Ксерксъ не повѣрилъ и велѣлъ посадить его на колъ Во время плаванія вдоль западнаго берега Сатаспесъ проходилъ мимо страны, населенной малаго роста людьми, одѣвающимися въ платье изъ пальмовыхъ листьевъ, и каждый разъ, когда корабль его приближался къ берегу, эти люди покидали города и убѣгали въ горы; Сатаспесъ же, со своими спутниками входилъ въ городъ маленькихъ людей и, необижая оставшихся въ нихъ, забиралъ съ собою только скотъ (кн. IV, ст. 43).

Еѳіопы. Геродотъ знаетъ Еѳіоповъ азіатскихъ и африканскихъ. Первые занимали семнадцатый округъ Персіи (кн. III, стр. 263), повидимому въ въ Аравіи, рядомъ съ Индіею; ихъ повѣствователь называетъ, въ отличіе отъ африканскихъ, восточными: въ войскахъ Ксеркса, во время его походовъ, эти восточные Эѳіопы шли рядомъ съ индійцами, отъ которыхъ они не отличались по внѣшности, имѣя только прямые волосы и особый языкъ; вооруженіе было неодинаковое; Эѳіопы носили на головѣ, взамѣнъ шлема, кожу со лба лошади, съ ушами и гривой: уши стоятъ прямо (подобіе роговъ?), а грива—пучкомъ вверхъ; вмѣсто щитовъ употребляли для прикрытія тѣла журавлиныя шкурки (не страусовыя-ли?) на себя надѣвали барсовыя и львиныя шкуры; луки имѣли изъ пластинокъ пальмоваго дерева, длинные, не меньше, какъ въ четыре локтя, а стрѣлы короткія, тростниковыя; наконечникомъ стрѣлы служилъ вмѣсто желѣза заостренный камень (кремень?), такой самый, какимъ рѣжутъ печати (кварцъ? обсидіанъ?); копья ихъ имѣли наконечникомъ заостренный же, на подобіе желѣзнаго, рогъ антилопы; кромѣ того они пользовались, какъ оружіемъ, дубинками, обитыми гвоздями; передъ сраженіемъ окрашивали тѣло, половину гипсомъ, а другую сурикомъ (кн. VII, стр. 164) Кипріяне говорятъ, что вмѣстѣ съ ними участвовали въ морской службѣ Дарія и восточные Эѳіопы (кн. VII, стр. 164 и 169).

Изслѣдователи полагаютъ, что Эѳіопы азіатскіе занимали часть области рѣки Инда,—Гедрозіи и Керманіи.

Африканскіе Эѳіопы раздѣлялись на три вѣтви:—одна занимала страну библейскаго Куша (теперь Нубія), на полдень отъ древняго Египта, дру-

гая —на полдень отъ этой, а третья составляла страну пещерныхъ жителей—Троглодитовъ.

Страна, заселенная первою вѣтвью Эѳіоповъ, лежала надъ городомъ Елепантиною. Геродотъ лично доходилъ до этого города, и еще далѣе на полдень до другаго города, Мероэ, служившаго столицею царя Эѳіоповъ. Цѣль его путешествія—обозрѣніеверховьевъ Нила, потому собственно о народѣ повѣствуется весьма немного. Эти Эѳіопы миролюбивы, хотя были дикими до переселенія къ нимъ Египтянъ, отложившихся въ числѣ двухсотъ сорока тысячъ отъ власти Псамметиха; смѣшавшись же съ переселенцами, они стали болѣе благодушны и усвоили египетскіе нравы. Большая часть населенія ведетъ кочевой образъ жизни, земля же, въ которой городъ Мероэ, занята осѣдлыми жителями (кн. II, стр. 127 и 128).

Вторую вѣтвь составляли такъ называемые долговѣчные Эѳіопы. Они занимали побережье полуденнаго моря, т. е. Индійскаго океана. Камбиса, царь персидскій, намѣревался завоевать страну этихъ Эѳіоповъ, но зная о ней слишкомъ мало, послалъ для развѣдокъ соглядатаевъ, подъ предлогомъ поднесенія царю ея даровъ; для этого Камбиса вызвалъ изъ города Елефантиды нѣсколько человѣкъ изъ племени Ихѳіофаговъ (рыбоѣдовъ), знающихъ эѳіопскій языкъ и послалъ съ ними дары: пурпурное платье, золотую цѣпь на шею, золотыя запястья, алебастровый сосудъ съ миромъ и кувшинъ пальмоваго вина. У этихъ долговѣчныхъ Эѳіоповъ, самыхъ рослыхъ и красивыхъ, заведены совершенно особенные порядки, отличающіе ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ; таковъ въ сущности выборъ на царство: достойнѣйшимъ власти царской признается тотъ изъ соплеменниковъ, кто окажется неибольшаго роста и соотвѣтствующей росту силы. Ихѳіофаги исполнили порученіе Камбисы, но царь Еѳіоповъ долговѣчныхъ сразу понялъ цѣль посольства и, показавъ имъ всѣ достопримѣчательности своей страны, отпустилъ, сказавъ: „Персидскій царь послалъ васъ съ дарами ко мнѣ не потому, что считаетъ важнымъ для себя союзъ со мною; вы сами говорите неправду, потому что пришли въ мои владѣнія въ качествѣ соглядатаевъ; царь, пославшій васъ ко мнѣ, безчестенъ, если добивается обладанія другою страною, кромѣ своей, чтобы поработить народъ, не сдѣлавшій ему никакой обиды. Передайте ему этотъ лукъ и скажите: царь Эѳіоповъ совѣтуетъ царю Персовъ только тогда идти войною на долговѣчныхъ Эѳіоповъ,—хотя бы и въ большомъ числѣ воиновъ,—когда Персы будутъ натягивать такой величины лукъ съ тою же легкостью, какъ натягиваю я; а пока онъ долженъ благодарить боговъ, что они не внушаютъ сынамъ Эѳіоповъ охоты присоединять къ своей землѣ чужую", съ этими словами онъ отпустилъ тетиву и вручилъ лукъ посламъ.

Изъ всѣхъ даровъ Камбисы царю Эѳіоповъ понравилось только вино. Ихѳіофаги, вернувшись къ своему повелителю, разсказали, что видѣли, и передали рѣчи царя. Комбиса разгнѣвался, двинулъ свое войско въ страну долговѣчныхъ Эѳіоповъ, но голодъ и трудность пути принудили его вернуться съ полдороги.

Послы Камбисовы сообщили, что „долговѣчные“ Эѳіопы живутъ сто двадцать лѣтъ и болѣе. питаясь вареным мясомъ и молокомъ; что они купаются въ источникѣ, вода котораго дѣлаетъ тѣло блестящимъ, какъ бы намазаннымъ масломъ; что золота у нихъ множество; заключенные въ тюрьму заковываются въ тяжелыя золотыя цѣпи; но мѣди вовсе нѣтъ, и она считается величайшею драгоцѣнностью; что покойниковъ они заливаютъ алебастромъ и наводятъ на заливкѣ рисунокъ, воспроизводящій умершаго, затѣмъ кладутъ въ стеклянный гробъ и держатъ дома цѣлый годъ, предоставляя ему первые плоды и принося жертвы, а затѣмъ гробъ уносятъ и ставятъ въ окрестностяхъ города.

Къ третьей вѣтви Эѳіоповъ Геродотъ относитъ обитателей самой крайней, на полдень, Африки и называетъ ихъ „пещерными“ по жительству въ горныхъ норахъ и разсѣлинахъ; они питаются змѣями, ящерицами и другими подобными пресмыкающимися; языкъ пещерныхъ Эѳіоповъ не похожъ ни на какой другой: они шипятъ какъ летучія мыши. Нынѣшніе ученые думаютъ, что потомки этихъ Эѳіоповъ—современные намъ Тобосы, живущіе и теперь въ пещерахъ (кн. Ш, стр. 220—225; кн. IY, стр. 378).

Ливіяне. Геродотъ называетъ всѣхъ вообще обитателей Африки, извѣстной древнимъ писателямъ подъ именемъ Ливіи,—Ливіянами; но знаетъ и мѣстныя прозвища народовъ и народцевъ, съ которыми имѣли сношенія или только сталкивались изрѣдка Египтяне, Персы и Эллины. Такіе народы и народцы сидѣли въ Геродотово время на полночномъ, а частью на западномъ побережьѣ Африки. Для нашей задачи нѣтъ надобности въ подробномъ изложеніи извѣстій повѣствователя древности обо всѣхъ Ливійскихъ народахъ и народцахъ; о нѣкоторыхъ же необходимо сдѣлать выписки, хотя краткія, для сопоставленія ихъ съ добытыми народовѣдѣніемъ данными.

Ливіяне,—говоритъ Геродотъ,—расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: начиная отъ Египта, первыми живутъ:

Адирмахиды; большая часть учрежденій у нихъ египетскія; одѣваются какъ всѣ Ливіяне; женщины носятъ на обѣихъ ногахъ мѣдныя кольца; волосъ онѣ не стригутъ; когда поймаютъ вошь, давятъ ее на зубахъ и бросаютъ; изъ всѣхъ Ливіянъ они одни только такъ поступаютъ; равнымъ образомъ они одни привозятъ своихъ дѣвушекъ, передъ вступленіемъ ихъ въ бракъ, на показъ царю; которая ему понравится, та отдаетъ царю свою дѣвственность (кн. IY, стр. 372).

За Адирмахидами жили въ западномъ направленіи: *Гилигамы*, *Асбисты*, *Киринянe* и *Авсхисы*.

Насамоны за Авсхисами. Этотъ народъ многочисленъ; они собираютъ пальмовые плоды, охотятся на саранчу, сушатъ ее на солнцѣ, перемалываютъ, мѣшаютъ съ молокомъ и пьютъ. Каждый Насамонъ имѣетъ много женъ, но женщинами всѣ пользуются сообща; подобно Массагетамъ каждый, желающій сообщиться съ избранной женщиной, ставитъ передъ дверью ея хижины палку,—и сообщается свободно. Въ силу обычая, имъ однимъ принадлежащаго, невѣста Насамона, если онъ женится въ первый разъ, обходитъ во время брачнаго празднества всѣхъ гостей—мужчинъ и сооб-

щается съ каждымъ, получая за это отъ всякаго приносимый съ этою цѣлью подарокъ. Клятву и гаданія совершаютъ слѣдующимъ образомъ: клятва произносится во имя тѣхъ лицъ, которыя, по народному признанію, были честнѣйшими и доблестнѣйшими людьми, на ихъ могилахъ, къ которымъ заключающіе клятву прикасаются; для гаданія отправляются на могилы предковъ, произносятъ молитвы и тутъ же ложатся спать; что увидитъ гадающій во снѣ, тому онъ и вѣритъ. Договоры заключаются такъ: договаривающіеся дѣлаютъ, каждый на своей рукѣ, надрѣзы и пьютъ кровь другъ друга; если не случится при этомъ никакой жидкости, они поднимаютъ пыль и лижутъ ее.

За Нассамонами къ западу жили Псиллы, погибшіе въ пескахъ; а къ полдню сидятъ Гараманты, избѣгающіе общенія съ кѣмъ-бы то ни было; далѣе къ западу, за землею Псилловъ, занятою Нассамонами, вдоль моря занимаютъ побережье:

Маки; они стригутъ волосы очень коротко, оставляя ихъ не тронутыми во всю жизнь на макушкѣ; сосѣди ихъ *Гиндоны*, отличающіеся обычаемъ женщинъ ихъ носить вокругъ лодыжекъ столько кожаныхъ колецъ, сколько каждая имѣла сообщеній съ мужчинами; чѣмъ больше такихъ колецъ, тѣмъ женщины почетнѣе. Далѣе слѣдуютъ *Лотофаги*, питающіеся лотосомъ, растеніемъ дающимъ плодъ, похожій видомъ на фисташку, а вкусомъ на плодъ пальмоваго дерева; похожіе на нихъ и питающіеся также лотосомъ *Махліи* занимаютъ землю до рѣки Тритона и часть берега озера Иритониды, а другая часть занята *Авсеями*; эти послѣдніе, какъ и Насамоны, имѣютъ общее сношеніе съ женщинами, но браковъ у нихъ нѣтъ, сообщаются какъ животные; каждый мѣсяцъ мужчины собираются въ одно мѣсто; если ребенокъ какой нибудь женщины пришелъ къ подобному времени сборища въ возрастъ, онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на котораго похожъ (кн IV, стр. 872—378).

Всѣ перечисленные народы—кочевники; къ западу отъ озера Тритониды обитатели ведутъ осѣдлую жизнь и имѣютъ другіе обычаи.

Геродотъ обобщаетъ жертвенные и погребальные обычаи Ливіянъ-кочевниковъ въ слѣдующемъ видѣ: обреченному на жертву животному обрѣзаютъ часть и бросаютъ ее черезъ жилище; затѣмъ шею животнаго поворачиваютъ назадъ (задушеніе?); жертвы приносятся только солнцу и лунѣ.—Покойниковъ хоронятъ какъ и Эллины, но *Нассамоны зарываютъ ихъ въ землю въ сидячемъ положеніи* и особенно заботятся, чтобы умирающій сидѣлъ при послѣднемъ издыханіи прямо, а не лежалъ навзничъ (та же книга, стр. 380 и 381).

Къ западу отъ рѣки Тритона, на границѣ съ Авсеями, живутъ уже Ливіяне—земледѣльцы. Западная Ливія богаче восточной, занятой кочевниками, животными и лѣсами; здѣсь водятся огромные змѣи, ужи, медвѣди львы и слоны; тутъ же—по словамъ Ливіянъ, живутъ дикіе мужчины и женщины и люди съ песьими головами, или вовсе безголовые, съ глазами на груди (тамъ же, стр. 381).

Въ числѣ Ливіянъ-земледѣльцевъ Геродотъ называетъ: *Максіевъ, Завековъ* и *Гизантовъ*.

Максіи, сосѣди Авсеевъ, строятъ постоянныя жилища; лѣвую половину головы стригутъ, а на правой носятъ длинные волосы; *тѣло окрашиваютъ сурикомъ*; они считаютъ своими родоначальниками выходцевъ изъ Трои (тамъ же).

Завеки межуютъ съ Максіянами; у нихъ женщины возятъ на войну боевыя колесницы (стр. 382).

Гизанты— граничатъ съ Завеками; въ странѣ ихъ пчелы даютъ большое количество меду; еще болѣе его приготовляется искусственно занимающимися этимъ дѣломъ лицами. *Всѣ Гизанты красятъ себѣ тѣло сурикомъ* и употребляютъ въ пищу обезьянъ, которыя въ чрезвычайномъ множествѣ водятся въ ихъ гористой странѣ (тамъ же).

Со словъ Карѳагенянъ Геродотъ сообщаетъ еще слѣдующее: есть въ Ливіи страна и народы по ту сторону Геракловыхъ столбовъ (Гибралтарскій проливъ); приходя къ нимъ для торговли, Карѳагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ въ ряды на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои корабли и разводятъ огни. Замѣтивъ дымъ, туземцы подходятъ къ морю и, оставляя передъ каждымъ товаромъ золото, уходятъ обратно; Карѳагеняне выходятъ послѣ этого на сушу и смотрятъ, соотвѣтствуетъ ли оставленное золото стоимости товаровъ; если золота достаточно, они его берутъ на корабли и отплываютъ,—въ противномъ же случаѣ, не трогая ни золота, ни товаровъ, идутъ на корабли и выжидаютъ; туземцы снова приходятъ и прибавляютъ золота столько, чтобы Карѳагеняне удовлетворились, и т. д. Ни одна сторона не обижаетъ другой. Карѳагенене никогда не прикасаются къ золоту, прежде чѣмъ сочтутъ количество его соотвѣтствующимъ стоимости товаровъ, а равно и туземцы уносятъ товары только тогда, когда золото взято (стр. 383).

Геродотъ занесъ въ свои сказанія одно любопытное извѣстіе о Киренской области, самой высокой въ кочевой части Ливіи, представляющей три поры года: прежде другихъ здѣсь готовы къ жатвѣ и уборкѣ плоды морского побережья; когда они собраны, поспѣваютъ среднія области, именуемыя холмами, что выше прибрежныхъ земель, наконецъ созрѣваютъ и ждутъ своей очереди плоды самой высокой части Ливіи. Такимъ образомъ собираніе плодовъ длится у Киренянъ восемь мѣсяцевъ, такъ что, когда съѣдены и выпиты плоды первой уборки, къ тому времени появляются слѣдующіе (стр. 384).

Египтяне. Извѣстія Геродота объ Египтянахъ и вообще объ Египтѣ во многомъ нашли подтвержденіе въ современныхъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ длиннаго ряда ученыхъ Западной Европы; но нѣкоторыя подробности, преимущественно опредѣляющія разстояніе замѣчательныхъ мѣстностей, и лѣтосчисленіе событій, оказываются ошибочными. Для нашего предмета полезны до нѣкоторой степени свѣдѣнія о правахъ, обычаяхъ, образѣ жизни и вообще о бытовыхъ условіяхъ страны, имѣющей великое значеніе въ развитіи всего человѣчества стараго свѣта. Въ этомъ отношеніи извѣстія Геро-

дота грѣшатъ мало. Потому, оставляя вовсе данныя общеизвѣстныя изъ учебниковъ и сочиненій общедоступныхъ объ Египтѣ, сдѣлаемъ выписки о нѣкоторыхъ землеописательныя и подробныя о бытовыхъ особенностяхъ насельниковъ страны Египетской.

Геродотъ лично путешествовалъ по странѣ Фараоновъ и доходилъ до Эѳіопіи; многое наблюдалъ самъ, а о прошедшемъ получалъ свѣдѣнія отъ ученыхъ жрецовъ.

По словамъ жрецовъ, Египетъ имѣлъ въ древнѣйшія времена царями боговъ, первымъ же царемъ изъ людей былъ *Минъ* за 3882 года до Р. Х. Въ его время весь Египетъ, за исключеніемъ Ѳивскаго округа, представлялъ болото, и на всемъ пространствѣ ниже Миридскаго озера не было свободнаго отъ воды мѣста. До Миридскаго озера отъ моря семь дней; плавая вверхъ по рѣкѣ, Геродотъ лично убѣдился въ вѣрности этого сказанія жрецовъ изъ наблюденія надъ почвою и заключаетъ, что весь современный ему Египетъ, со включеніемъ Мемфиса, составлялъ нѣкогда морской заливъ, подобно тому, какъ окрестности Трои, Тевѳранія, Эфесъ и равнина Меандра (кн. II, ст. 5—20).

Изъ особенностей рѣки Нила, указываемыхъ Геродотомъ, остановимся на одной: когда рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ равнину, на водѣ вырастаютъ въ изобиліи лиліи (похожія на наши кувшинки), но называемыя у Египтянъ „лотосъ"; они срѣзываютъ это растеніе, сушатъ на солнцѣ, потомъ разбиваютъ макоподобныя головки, добываемыя изъ средины цвѣтка, и приготовляютъ тѣсто, которое пекутъ на огнѣ и ѣдятъ; корень лотоса тоже съѣдобенъ (та же книга, ст. 92).

Египтяне считали себя первымъ по происхожденію народомъ; но это мнѣніе поколебалъ Псамметихъ (около 680—616 гг. до Р. Х.). Этотъ царь, желая узнать, кто изъ современныхъ ему народовъ былъ первымъ, появившимся на землѣ, передалъ двухъ новорожденныхъ мальчиковъ простого званія на воспитаніе пастуху и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто въ присутствіи дѣтей не говорилъ ни одного слова и чтобы, такимъ образомъ, они были предоставлены самимъ себѣ въ уединенной хижинѣ; пастухъ кормилъ дѣтей молокомъ козъ, которыхъ они сосали. Первое слово, съ которымъ дѣти, достигнувъ возраста, соотвѣтствующаго началу лепета, обратились къ пастуху, было „бекосъ", что значитъ на языкѣ Фригійцевъ хлѣбъ; съ тѣхъ поръ убѣжденіе въ древности Египтянъ пошатнулось въ пользу Фригійцевъ (кн. II, ст. 1—2).

Египтяне первые установили годъ въ 12 мѣсяцевъ, основывая дѣленіе времени на наблюденіи небесныхъ свѣтилъ; первые же ввели въ употребленіе: наименованіе двѣнадцати боговъ, заимствованное отъ нихъ Эллинами, сооруженіе алтарей, храмовъ, изваяній боговъ и изображеніе ихъ, высѣчкою, на скалахъ (та же кн., ст. 4). Когда именно все это случилось, неизвѣстно; но старѣйшимъ божествомъ считается Гераклъ, который значится въ числѣ двѣнадцати за семнадцать тысячъ лѣтъ до воцаренія Амазиса (тамъ же

ст. 43); а воцареніе и дѣянія этого царя относятся къ 570—526 гг. до Р. Х. (тамъ же стр. 172).

Какъ небо надъ Египтянами,—говоритъ Геродотъ,—отличается особенными свойствами, а рѣка ихъ по своей природѣ разнится отъ прочихъ рѣкъ, такъ и почти всѣ нравы и обычаи ихъ противоположны таковымъ же остальныхъ народовъ: женщины посѣщаютъ площади (общественныя собранія?) и торгуютъ, а мужья сидятъ дома и ткутъ; у всѣхъ народовъ утóкъ толкаютъ вверхъ,—у Египтянъ—внизъ; мужчины носятъ тяжести на головѣ, женщины—на плечахъ; женщины мочатся стоя, мужчины—сидя; испражняются внутри дома, а ѣдятъ внѣ его, на улицѣ; сыновья вовсе не обязаны, если не желаютъ, содержать родителей, а дочери, напротивъ, должны ихъ содержать, хотя бы и не желали; священно-служители у всѣхъ дру- другихъ народовъ носятъ длинные волосы, а жрецы египетскіе стригутъ ихъ; другіе народы въ знакъ печали о близкомъ родственникѣ, умершемъ, стригутъ свои волосы, Египтяне же отращиваютъ, а во всякое другое время ходятъ стриженые; свойственное всѣмъ сосѣднимъ народамъ питаніе хлѣбомъ изъ пшеницы и ячменя—для Египтянина позоръ: хлѣбъ его изъ олиры, или полбы; тѣсто Египтяне мѣсятъ ногами, а глину—руками; руками же подбираютъ и навозъ; мужчины носятъ два платья, а женщины—одно; парусныя кольца и веревки привязываются у всѣхъ другихъ народовъ снаружи корабля, а у Египтянъ извнутри; Эллины пишутъ и считаютъ камешками отъ лѣвой руки къ правой, а здѣсь на оборотъ. Кромѣ всего этого у Египтянъ въ обычаѣ обрѣзаніе обоихъ половъ и двойное письмо: простое и священное (ст. 36).

Египтяне чрезвычайно благочестивы, гораздо больше всѣхъ другихъ народовъ; соблюдаютъ они слѣдующіе обряды: пьютъ только изъ мѣдныхъ сосудовъ, которые чистятъ ежедневно; дѣлаютъ это рѣшительно всѣ; платье носятъ полотняное, всегда свѣже-вымытое, и это составляетъ у нихъ предметъ большой заботы; ради опрятности употребляютъ и обрѣзаніе; жрецы черезъ день стригутъ себѣ волосы на всемъ тѣлѣ для того, чтобы не имѣть на себѣ ни вши, ни какой либо другой скверны во время служенія богамъ; одежда жрецовъ только полотняная, а обувь изъ папируса (это нильское растеніе); моются они два раза въ день и два раза почью; разныхъ обрядовъ жрецы соблюдаютъ безчисленное множество, за то и пользуются не малыми выгодами; изъ собственнаго имущества они ничего не тратятъ, имъ приносятъ хлѣбъ, воловье мясо, гусей и виноградное вино—каждый день; употреблять въ пищу рыбу жрецамъ воспрещено; бобовъ въ Египтѣ не сѣютъ вовсе, а если они и выростаютъ, ихъ никто не ѣстъ, считая нечистымъ зельемъ. Каждому божеству служитъ не одинъ жрецъ, а многіе, причемъ одинъ изъ нихъ главный; званіе жреца наслѣдственное въ мужскомъ колѣнѣ (ст. 37).

Описывая съ мелкими подробностями различные жертвенные обряды, Геродотъ останавливается на животныхъ, приносимыхъ въ жертву и объясняетъ значеніе каждаго; о свиньяхъ онъ говоритъ, что Египтяне признаютъ ихъ нечистыми животными, но приносятъ въ жертву лунѣ, и разъ въ годъ ѣдятъ свиное мясо (ст. 47).

Перечисляя затѣмъ божества и сказанія жрецовъ о происхожденіи ихъ, Геродотъ приводитъ свѣдѣнія о заимствованіи предметовъ богопочитанія и самыхъ именъ боговъ различными народами отъ Египтянъ; далѣе онъ говоритъ, что если не всѣ птицы, появляющіяся въ Египтѣ, то преобладающее большинство ихъ и животныхъ почитаются священными; въ одной части этой страны боготворятъ даже крокодиловъ и гиппопотамовъ (ст. 69, 70 и 71).

Хлѣбъ изъ полбы, которымъ питаются Египтяне, называется *киллестасъ*; вино приготовляется изъ ячменя, такъ какъ виноградъ въ ихъ землѣ не растетъ (вино виноградное привозятъ Эллины и Финикіяне); рыбу частью вялятъ на солнцѣ и ѣдятъ въ такомъ видѣ, частью солятъ; изъ птицъ они ѣдятъ солеными перепелокъ, утокъ и вообще мелкихъ; всѣхъ остальныхъ, имѣющихся у нихъ рыбъ и птицъ, кромѣ священныхъ, употребляютъ въ пищу жареными и вареными (ст. 77).

Въ богатыхъ домахъ на пиршествахъ, по окончаніи обѣда, обносятъ лежащее въ гробу деревянное изображеніе мертвеца искустно сдѣланное и раскрѣшенное, величиною въ одинъ или два локтя; каждому изъ пирующихъ показываютъ его со словами: „Пей и наслаждайся, но взгляни и на него; по смерти ты будешь такимъ же (ст. 78)“.

Вѣрные отеческимъ обычаямъ Египтяне не заимствуютъ ничего иноземнаго. Поверхъ исподняго платья, отъ пояса до колѣнъ, называемаго *каласкирсъ*, надѣвается бѣлая шерстяная накидка, но въ шерстяной одеждѣ грѣшно входить въ храмъ и хоронить покойниковъ; въ этомъ Египтяне сходны съ орфическими и вакханическими обрядами, въ сущности египетскими и пиѳагорейскими (ст. 79 и 81).

Каждый мѣсяцъ и каждый день посвященъ у Египтянъ особымъ божествамъ, потому по дню рожденія можно угадать судьбу каждаго и время его смерти, а также—и будущій нравъ; чудесныхъ знаменій у нихъ больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ вмѣстѣ; если случится какое нибудь знаменіе, его записываютъ и наблюдаютъ исходъ; если тоже знаменіе повторится—исходъ ожидается такой же. Прорицанія выражаются не жрецами, или какими либо людьми, но самими богами; искуство врачеванія распредѣлено такъ, что каждый врачъ излѣчиваетъ только одну болѣзнь, потому у Египтянъ вездѣ много врачей—глазныхъ, зубныхъ, желудочныхъ и проч. (ст. 82, 83 и 84).

Въ одномъ обычаѣ Египтяне похожи на Лакедемонянъ, именно: младшіе возрастомъ уступаютъ, при встрѣчѣ, дорогу старшимъ, сворачивая въ сторону; а когда старшіе подходятъ близко къ сидящимъ молодымъ, эти послѣдніе встаютъ со своихъ мѣстъ. Но есть у Египтянъ одно обыкновеніе, отличающее ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ: на улицахъ они привѣтствуютъ другъ друга не словестно, а низкимъ поклономъ, причемъ одну руку опускаютъ до колѣна (ст. 80).

Оплакиваніе покойника и похороны совершались такъ: если въ какомъ нибудь домѣ умираетъ мужчина съ извѣстнымъ значеніемъ, всѣ женщины этого дома тотчасъ же намазываютъ себѣ грязью голову, а иногда и лицо; потомъ, оставивши покойника въ домѣ, бѣгаютъ по городу съ плачемъ,

подпоясавшись и обнаживши груди; всѣ родственницы умершаго дѣлаютъ тоже, хотя бы и не жили въ одномъ съ нимъ домѣ. Мужчины съ своей стороны предаются сокрушенію и подпоясываются подобно женщинамъ. Послѣ такого всенароднаго выраженія печали объ умершемъ, тѣло его выносятъ изъ дому и передаютъ лицамъ, владѣющимъ искуствомъ сохраненія труповъ отъ разложенія. Если умираетъ жена важнаго лица, или молодая женщина и дѣвушка, тѣло ея отдается на третій или на четвертый день послѣ смерти для предохраненія отъ гніенія, въ предупрежденіе подмѣченныхъ случаевъ оскверненія свѣжихъ труповъ половымъ сладострастіемъ искусниковъ, называемыхъ бальзамировщиками. Существовало три способа предохраненія труповъ отъ разложенія: дорогой, менѣе цѣнный и дешевый Дорогой способъ состоялъ въ слѣдующемъ: прежде всего извлекали при помощи желѣзнаго крючка черезъ ноздри часть мозга, а остальной растворяли посредствомъ впрыскиванія извѣстныхъ жидкостей и выливали; потомъ острымъ эѳіопскимъ камнемъ (т. е. кремневымъ ножемъ) дѣлали въ паху разрѣзъ, извлекали всѣ внутренности, выполаскивали полость живота пальмовымъ виномъ, натирали внутри перемолотыми благовоніями и наполняли животъ измельченными въ порошокъ смирною, касоей и другими сильно пахучими смолистыми веществами, за исключеніемъ ладона; зашивъ животъ, клали трупъ на семдесятъ дней въ самородную щелочную соль; по прошествіи этого времени покойника обмывали и пеленали лентами, приготовленными изъ тонкаго холста, смазаннаго гумми; это послѣднее, растительно-смолистое вещество, употребляется, по большей части, вмѣсто клея. Приготовленный такимъ образомъ трупъ отдается родственникамъ, они укладывали его въ особо устроенное помѣщеніе, вырѣзанное изъ дерева и имѣвшее видъ человѣка, и сохраняли въ могильной пещерѣ, поставивъ подлѣ стѣны. Менѣе цѣнный способъ выражался въ введеніи въ животъ покойника, посредствомъ нагнетательной трубки, черезъ ладній проходъ, кедроваго масла; не дѣлалось при этомъ надрѣза и внутренности не извлекались; наполнивъ животъ масломъ, трупъ клали въ соль на опредѣленное время, въ послѣдній день трупъ вынимали изъ соли и выпускали изъ живота жидкость. Кедровое масло растворяетъ внутренности, а соль—мясо, такъ что отъ тѣла покойника остаются только кости и кожа. При дешевомъ способѣ, употребляемомъ бѣднякамп, животъ покойника вычищаютъ рѣдечнымъ масломъ и кладутъ тѣло въ соль на семьдесятъ дней. Тѣла утоплениковъ и похищенныхъ крокодилами, будутъ ли умершіе Египтяне или чужестранцы, все равно, предохраняются отъ тлѣнія и убираются какъ можно лучше и хоронятся въ священныхъ гробницахъ жителями того города, къ которому трупъ приносится водою; никто не можетъ прикоснуться къ такому покойнику, ни изъ родственниковъ, ни изъ друзей его, одни только жрецы Нила принимаются за него и хоронятъ какъ нѣчто высшее человѣка (ст. 85—90). Погребальныя пѣсни Египтянъ похожи на Вавилонскіе (кн. I ст. 198).

Египтяне первые выработали ученіе, что душа человѣка безмертна и что съ разрушеніемъ тѣла она вселяется въ другое животное, которое зарождается въ тоже самое время; обошедши всѣхъ животныхъ—земныхъ,

морскихъ и пернатыхъ, душа вселяется снова въ нарождающееся тѣло человѣка; круговращеніе души продолжается три тысячи лѣтъ. Ученіе это излагали и нѣкоторые Эллины, какъ свое собственное,—одни раньше, другіе—позже (кн. II, ст. 123).

Египетъ Эллиновъ называется туземцами Сһеті, Кеті, что значитъ черный; по-еврейски Massor или Miseaim, у арабовъ—Masr. Тамошнее коренное населеніе имѣетъ темный цвѣтъ кожи (кн. II, ст. 104); долгое время имъ владѣли Эѳіопы, имѣвшіе тамъ послѣдовательно восемнадцать церей (ст. 137—152).

Возвратившіеся изъ похода на Ѳракію и Скиѳію съ Сезострисомъ, египтяне заняли часть Колхиды и остались въ ней. Городотъ, желая убѣдиться дѣйствительно ли современные ему колхидяне выходцы Египта, лично распрашивалъ объ этомъ самихъ колхидянъ и Египтянъ и окончательно призналъ кровную связь тѣхъ и другихъ по одинаковости: цвѣта кожи, языка, образа жизни, обрѣзанія, способа приготовленія полотна и нѣкоторыхъ другихъ (ст. 103 и 105). О Сезострисѣ жрецы сказывали Городоту, что онъ приказалъ поставить въ каждой покоренной имъ странѣ столбы съ надписью о присоединеніи къ его царству, но если страна сдалась ему безъ боя, изъ трусости, къ надписи добавлялъ изображеніе женскаго дѣтороднаго члена. Большинства такихъ столбовъ въ Геродотово время уже не было, но въ Палестинской Сиріи ученый путешественникъ самъ ихъ видѣлъ,—они съ надписью и съ изображеніемъ женскаго члена (ст. 103).

Свѣдѣнія Египтянъ въ наукахъ общеизвѣстны, потому о нихъ, равно какъ объ искусствахъ и удивительныхъ сооруженіяхъ, каковы пирамиды, лабиринтъ, Меридово озеро и проч., мы не приводимъ выписокъ.

б) Азіатскіе.

Азія извѣстна древнимъ писателямъ далеко не вся; очертанія и границы ея представляются различно. Геродотъ полагаетъ, что она, только взятая вмѣстѣ съ Африкою, равняется по величинѣ Европѣ; отъ Африки она отдѣляется, по его мнѣнію, Египтомъ, а отъ Европы—рѣками Дономъ и Ріономъ; населяютъ ее Персы до Ериѳрейскаго моря (Персидскій заливъ), выше ихъ на полночь живутъ Мидяне (кн. I ст, 4. кн. II ст. 6, кн. IV ст. 43 и многія другія; срав. Указатель). Мы будемъ придерживаться современныхъ границъ этой части свѣта, такъ какъ имѣемъ предметомъ не установленіе предѣловъ областей, на которыхъ сидѣли древніе народы, ни богатства той или другой изъ нихъ, а лишь нравы и обычаи различныхъ племенъ, переходившихъ весьма часто съ мѣста на мѣсто, поглощавшихъ иногда другъ друга, а иногда соединявшихся по два, по три и болѣе въ одно смѣшанное цѣлое.

Какъ у Геродота, такъ и у болѣе раннихъ писателей, приводится множество именъ народовъ; преобладающее большинство ихъ представляется въ настоящее время безсодержательнымъ звукомъ; въ далекомъ будущемъ,

когда народовѣдѣніе, теперь еще младенчествующее, окрѣпнетъ, возмужаетъ
вступитъ во всеоружіи вспомогательныхъ знаній въ кругъ наукъ, съ хо
шимъ знаніемъ бытовыхъ истинъ, безсодержательные звуки нашего врем
могутъ восполниться и явиться величайшими, осязуемыми, съ мѣрой и
сомъ въ народовѣдѣніи; тогда наши пробѣлы въ именахъ будутъ заполне
заблужденія раскрыты, ошибки исправлены, а до того времени мы огра
чимся заимствованіемъ изъ Геродотовыхъ сказаній нѣкоторыхъ бытовы
свѣдѣній о тѣхъ только азіатскихъ современникахъ Скиѳовъ, кото
заявили себя, если не вершителями судебъ человѣчества, такъ могучи
двигателями его развитія и роста, или оставившими слѣды своей духов
мощи въ русско-лѣтописныхъ частью, а частью и въ современныхъ
сельникахъ страны Ильменской, или обратно, заимствовавшими нѣкото
черты нравовъ и обычаевъ у нашихъ родоначальниковъ незапамятной др
ности. Такими выдающимися, по Геродоту, современниками Скиѳовъ на
представляются: вавилоняне и ассиріяне, аріи, вообще, индійцы, бакт
согды, персы и мидяне, финикіяне, ликіяне и іоняне, послѣдніе два на
съ ихъ сосѣдями; а равно всѣ народы и народцы Малой Азіи, азіатск
Кавказа и странъ прикаспійскихъ. О большей части этихъ народовъ
уже говорили въ статьѣ о пространствѣ владѣній Святой Софіи.

Вавилоняне и Ассиріяне. Геродотъ помѣщаетъ Ассирію и Вавилон
смѣшивая обѣ страны, между Иранскимъ плоскогорьемъ, Арменіей и Си
скою пустынею. Указавъ на богатство Вавилонянъ и описавъ самый гор
давшій имъ свое имя и сдѣлавшійся столицею Вавилоно-Ассирійскаго цар
послѣ разрушенія Нина, Геродотъ говоритъ объ обычахъ насельниковъ стра
Плаваніе по рѣкѣ Евфрату производится въ кожанныхъ лодкахъ, поднима
щихъ грузъ въ пять тысячъ томантовъ, или около 8022 пудовъ (томан
какъ вѣсовая единица равняется 64 ф. 13 зол., и какъ сумма цѣнно
около 1415 нашихъ рублей) и нѣсколько ословъ; пловцы, прибывшіе
Вавилонъ, продаютъ какъ привезенные товары, такъ равно лодки и осло
или кожи лодокъ навьючиваютъ на ословъ и направляются для продажи
Арменію; одежда—льняная рубаха отъ пояса до ногъ; поверхъ ея—другая
шерстяная, сверхъ того набрасывается на плечи небольшая бѣлая паки
(плащъ); обувь похожа на беотійскіе башмаки, волосы на головѣ нос
длинные, ихъ укрѣпляютъ повязкою, все тѣло намазывается благовоніе
каждый носитъ перстень съ печатью и хорошо сдѣланную палку, у
шенную искуственнымъ яблокомъ, или розою, или лиліей, или орломъ,
обще какимъ нибудь изображеніемъ. Мудрѣйшимъ обычаемъ, свойственн
и иллирійскимъ энетамъ, Геродотъ признаетъ слѣдующій: въ каждой дер
разъ въ годъ созывались всѣ дѣвушки, достигшія полной зрѣлости, вокр
нихъ располагались мужчины; глашатай вызывалъ каждую дѣвушку и
давалъ одну за другой, прежде всѣхъ—самую красивую; когда первая б
продана за большія деньги, вызывались другія и также продавались,
подъ непремѣннымъ условіемъ супружеской жизни съ ними купившихъ;
гатые мужчины покупали себѣ красивѣйшихъ дѣвушекъ; часть ден
выручаемыхъ такимъ образомъ (вѣроятно всѣ) шла на дѣвушекъ некра

выхъ и калѣкъ; глашатай, распродавъ красавицъ, вызывалъ самую некрасивую и самую искалѣченную и объявлялъ; кто желаетъ на ней жениться съ полученіемъ меньшаго вознагражденія; бѣдные рабочіе мужчины охотно брали себѣ въ жены некрасивыхъ и калѣкъ, получая приданое; въ силу такого обычая дѣвушки красивыя, безъ малѣйшаго ущерба для своего имущества, выдавали замужъ некрасивыхъ своихъ сверстницъ.

Выдавать дочь свою замужъ внѣ этого торга отцы не имѣли права. Купившій дѣвушку не могъ уводить ее къ себѣ въ домъ безъ поручителя, что молодой мужчина—покупатель непремѣнно на ней женится.

Другой мудрый еще обычай таковъ: не имѣя врачей, больныхъ выносятъ на площадь, каждый проходящій не можетъ молча пройти мимо больного и долженъ распросить его о болѣзни; кто перенесъ такую же,—обязанъ сказать, чѣмъ онъ лѣчился; равно всякъ, кому извѣстно, что кто нибудь изъ его знакомыхъ хворалъ также, обязанъ сообщить больному, почему тотъ выздоровѣлъ.

Умершихъ хоронятъ въ меду, а погребальныя пѣсни похожи, какъ уже сказано, на египетскія.

Всякій разъ послѣ совокупленія съ женщиной вавилонянинъ воскуряетъ ѳиміамъ; то же самое дѣлаетъ и женщина, но въ другомъ мѣстѣ; при наступленіи утра обое обмываются и до этого не прикасаются ни къ какому сосуду. Тоже дѣлаютъ и арабы.

Рядомъ съ мудрыми обычаями вавилоно-ассиріянъ существовалъ, на взглядъ Геродота, у нихъ одинъ обычай отвратительный; каждая туземная женщина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иностранцемъ въ храмѣ Афродиты, называемой по-вавилонски Милиттою (не Милица-ли? У Эллиновъ нѣтъ знака, соотвѣтствующаго нашему ц, Афродита—богиня любви). Многія женщины, гордыя своимъ богатствомъ и не желавшія смѣшиваться съ прочими, ѣхали въ храмъ и тамъ останавливались въ закрытыхъ колесницахъ, за ними слѣдовала многолюдная толпа слугъ. Въ святилищѣ Милитты женщины средняго и бѣднаго состоянія усаживались рядами, имѣя на головахъ веревочные вѣнки; между ними во всевозможныхъ направленіяхъ были прямые проходы для иностранцевъ, чтобы они могли удобно выбирать ту или другую, по вкусу. Занявшая мѣсто женщина возвращается домой не раньше, какъ иностранецъ, броситъ ей монету на колѣни и за предѣлами святилища совокупится съ избранною такимъ образомъ. Бросивши женщинѣ монету, слѣдовало сказать: „Приглашаю тебя во имя богини Милитты“. Какъ бы мала ни была монета, женщина не могла отвергнуть предложенія, потому что деньги принадлежатъ божеству и должна слѣдовать за мужчиною. Послѣ сообщенія и выполненія тѣмъ священнаго долга относительно богини, женщина возвращается домой и съ этого времени нельзя уже имѣть ее ни за какія деньги. Красавицы скоро уходятъ изъ храма, а непригожія ждутъ исполненія долга иногда по три, по четыре года. Подобный обычай существуетъ, говоритъ Геродотъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Кипрѣ.

Три колѣна вавилоно-ассиріянъ питаются одною только рыбою; они ее вялятъ на солнцѣ, толкутъ въ ступкѣ, просѣваютъ черезъ холстъ и при-

готовляютъ изъ такой муки или сырое тѣсто, или пекутъ хлѣбъ. (кн. I, ст. 134 и 200).

Вавилоняне изобрѣли способъ точнаго измѣренія площадей (геометрію, солнечные часы и дѣленіе дня на двѣнадцать частей. Эллины переняли в[се] это отъ нихъ. (кн. II, ст. 109).

Объ ассиріянахъ, которыхъ Эллины называли сиріянами, Геродотъ ск[а]зывалъ, кромѣ сообщеннаго о нихъ вмѣстѣ съ вавилонянами, еще нѣсколько: участвуя въ походѣ Ксеркса, они отличались отъ другихъ народовъ огромных[ъ] полчищъ этого завоевателя убранствомъ и вооруженіемъ; на головѣ имѣ[ли] мѣдные шлемы, сплетенные изъ проволоки по какому-то варварскому спо[]собу, трудно объяснимому; ихъ щиты, копья и мечи походили на египе[т]скіе; иные были вооружены сверхъ того еще дубинами, обитыми желѣзным[и] гвоздями и носили льняные панцыри (кн VII, стр. 63). При царѣ Синах[е]рибѣ (библейскій Синахеримъ) ассиріяне, въ союзѣ съ арабами, ходили бол[ь]шимъ ополченіемъ на Египетъ, когда тамъ царствовалъ жрецъ Гефеста—С[е]ѳосъ, ставившій ни во что военное сословіе (кн. II, ст. 141),

Аріи. Этимъ именемъ назывались въ древности тѣ племена, которыхъ Геродотъ знаетъ подъ современнымъ ему названіемъ мидянъ; это же назв[а]ніе дано имъ послѣ того, когда прибыла въ страну этого народа изъ Аѳин[ъ] колхидянка Медея. Аріями, то есть благородными, достойными, называ[ли] себя народы Ирана въ отличіе отъ варваровъ (древне-персидское arya, са[н]скритское ârya, зендское anairya). Они участвовали въ Ксерксовомъ поход[ѣ] подъ предводительствомъ Сисамнеса; вооруженіе у нихъ такое же, какъ [у] бактріанъ (названо выше)—ихъ сосѣдей (кн. VII, ст. 62 и 66).

Геродотъ знаетъ еще народъ „аріи", жившій къ востоку отъ Аріев[ъ] въ западной части нынѣшняго Авганистана; въ зендскихъ книгахъ стра[на] ихъ называется Haraêva (кн. III, ст. 93). Объясненіе названій и мѣсти[но]стей аріевъ и ареевъ заимствовано въ Указателѣ Ѳ. Г. Мищенка къ Геродоту.

Индійцы. Выше мы уже сказали нѣсколько словъ объ этомъ народ[ѣ]. По Геродоту, индѣйцы раздѣлялись на множество племенъ (кн. III, ст. 9[8]). Первый узналъ пространство Индіи и ея населеніе Дарій, желая просл[ѣ]дить до самаго устья рѣку Индъ, единственную, кромѣ Нила, содержащ[ую] въ себѣ крокодиловъ; онъ послалъ для этого надежныхъ и свѣдущихъ лиц[ъ], въ числѣ которыхъ былъ главнымъ Скилакъ изъ Каріанды. Посланные о[т]правились изъ города Каспатира, изъ Пактійской земли, и поплыли вн[изъ] по рѣкѣ къ морю въ восточномъ направленіи; черезъ море они отправил[ись] на западъ и на тридцатомъ мѣсяцѣ прибыли къ тому мѣсту, откуда ег[и]петскій царь отправилъ упомянутыхъ финикіянъ объѣхать кругомъ Ливі[ю]. Послѣ этого Дарій покорилъ всю Индію (кн. IV, ст. 44), такъ что она с[о]ставляла двадцатый округъ Персіи и платила наибольшую подать, имен[но] триста шестьдесятъ талантовъ золотого песку (около полумилліона рубл[ей] на деньги; а разумѣть только вѣсъ,—около 830 пудовъ; разсчетъ по в[ы]численіямъ вѣса и цѣнности таланта—у Ѳ. Г. Мищенка въ Указателѣ къ Г[е]родоту); наибольшею податью индійцы обложены по ихъ многочисленност[и] (кн. III, ст, 34).

Племена индѣйцевъ говорятъ на разныхъ языкахъ; одни изъ племенъ кочевые, другіе осѣдлые, третьи сидятъ при рѣчныхъ болотахъ и питаются сырою рыбою; ловятъ ее изъ лодокъ, приготовляемыхъ изъ одного колѣна тросника (наши челны-однодеревки); эти рыболовы носятъ платье изъ ситы (береговое растеніе, однолѣтнее, въ видѣ тросника), которую высушиваютъ, отдѣляютъ отъ бѣлковины и изъ волокнъ, или даже только изъ мятой ситы, сплетаютъ рогожи и надѣваютъ какъ панцырь. Кочевые индѣйцы живутъ къ востоку отъ рыболововъ и питаются сырымъ мясомъ. Обычай ихъ—съѣдать своихъ мертвецовъ, уже указанъ выше; нѣкоторые же изъ кочевниковъ не убиваютъ никакой твари, ничего не сѣютъ, не имѣютъ вовсе жилищъ и питаются только злаками. Осѣдлые занимаютъ страну на полночь отъ прочихъ; это самые воинственные; они золотопромышленники, похищающіе золотой песокъ у муравьевъ величиною съ собаку; муравьи эти живутъ въ песчаной пустынѣ и устроиваютъ свои логовища въ глубинѣ земли, для чего и выносятъ на поверхность песокъ, содержащій много золота (скиѳскіе грифы?). Половыя отправленія производятся между нѣкоторыми индѣйцами открыто, какъ у скотовъ; цвѣтъ кожи—эѳіопскій; эти индѣйцы живутъ очень далеко на полдень отъ Персовъ и никогда не были подданными царей ихъ (кн. III, ст. 98—106).

Бактріи. На пути Кира изъ Сардъ въ Агбатанъ лежали: Вавилонъ, бактрійскій народъ, саки и египтяне, съ которыми, покоривъ Лидію, онъ намѣренъ былъ вести войну; это было не раньше 559 года до Р. Х. (кн. I, ст. 130 и 153). При Ксерксѣ, не раньше 480 года до Р. Х., участвовали въ его походахъ въ числѣ другихъ народовъ и Бактріи; слѣдовательно до половины шестого вѣка до Р. Х. народъ бактрійскій пользовался самостоятельностью. При перечисленіи народовъ, участвовавшихъ въ походахъ Ксерска и Дарія, Геродотъ называетъ бактріевъ рядомъ съ саками, послѣ ассиріянъ и предъ индѣйцами; значитъ они занимали землю между странами этихъ народовъ и были или родственны съ саками, или походили на нихъ; вооруженіе же у нихъ было одинаково съ мидійскимъ (кн. VII, ст. 64). Изъ многочисленныхъ народовъ, покоренныхъ персами, бактріи считались выдающимися храбростью, военными качествами вообще и выносливостью (кн. VIII ст. 113).

Согды. Страна народа, называемаго Геродотомъ „согдіи“, впослѣдствіи согдіане, лежала рядомъ съ одной стороны съ Бактріей, или Бактріаной, и съ другой съ Сузіаной; покорена Ксерксомъ одновременно съ Бактріей; при Даріѣ они составляли шестнадцатый округъ Персіи. Вооруженіе ихъ было такое же, какъ и бактріевъ, т. е. одинаковое съ мидянами (кн. VII, ст. 66).

Персы. Страна, которую занималъ народъ, называвшій себя искони pârsâ, соотвѣтствовала нынѣшнему Фарсистану, который и составлялъ древнюю Персію; она граничила: съ востока—Кириманіей, съ полночи и запада—Сузіаной и съ полдня Персидскимъ заливомъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе *Ахеминидовъ* владѣнія ихъ обнимали всю переднюю Азію, простираясь на полдень—къ востоку—за р. Индъ, на востокъ—по Индѣйскій Кавказъ, на полночь къ востоку—по рѣку Іаксартъ и на полдень—до Эриѳрейскаго

моря, за этимъ моремъ, въ западномъ направленіи, Персіи принадлежал земля *Маковъ*, Аравія и Ливійская пустыня—до Средиземнаго моря,—и в полночно-западнымъ—наибольшая часть Балканскаго полуострова (кн. ст. 71; кн. III, ст. 101; кн. IV, ст. 37—40; кн. IX, ст. 122).

Божества персовъ совсѣмъ особенныя; они чтутъ небесный сводъ вер ховнымъ богомъ и уже въ немъ видятъ какъ составныя части—солнц луну и огонь; чтутъ они и землю, съ составными же частями ея, водам и вѣтрами. Не представляя себѣ боговъ человѣкоподобными, персы не во двигаютъ никакихъ храмовъ. Были у нихъ царскіе боги; но какіе именно можно только догадываться и предполагать въ нихъ заимствованныхъ от ассиріянъ и арабовъ, Уранію и Афродиту; послѣднюю, богиню любви, назы ваютъ „Митра" (мать?). Жертвоприношенія небесному своду совершаются в вершинахъ горъ (кн. I ст. 131 и 158; кн. III ст. 46 и 76; кн. VII—5 въ трехъ послѣднихъ статьяхъ упоминаются царскіе боги).

Обрядъ жертвоприношенія не сложенъ: всякій приносящій жертву укра шаетъ себя вѣнкомъ изъ растеній, наичаще—изъ миртъ, беретъ домашне животное, приглашаетъ мага и идетъ съ нимъ на чистое мѣсто и там молится за всѣхъ персовъ, въ числѣ ихъ и за себя; затѣмъ жертвенно животное рѣжется на части, и мясо его варится; молящійся и приносящі жертву разстилаетъ свѣжую траву, чаще трилистникъ; сварившееся мяс укладывается на приготовленную такимъ образомъ подстилку; въ это врем магъ поетъ священную пѣснь, каковая представляетъ повѣствованіе о про исхожденіи боговъ; наконецъ жертвователь уноситъ мясо и употребляет его по своему усмотрѣнію (кн. I, ст. 132).

Таковъ общій способъ жертвоприношеній; но Геродотъ упоминаетъ нѣсколько иныхъ, относящихся до особенныхъ случаевъ во время военных походовъ персовъ,—такъ: а) Ксерксъ въ день переправы черезъ Геллеспонтъ въ походъ на эллиновъ, по мостамъ, сооруженнымъ финикіянами и египтя нами (кн. VII, ст. 25, 34, 36, 37), сожигалъ на нихъ всевозможныя бла говонія и устилалъ путь миртовыми вѣтвями, дѣлалъ возліянія изъ золото чаши и молился солнцу о томъ, чтобы съ нимъ не случилось какого либ несчастія, которое могло бы остановить покореніе Европы прежде достиже нія предѣловъ ея; послѣ молитвы царь бросилъ въ Геллеспонтъ чашу, зо лотой кувшинъ и персидскій мечъ; солнцу ли царь посвящалъ эти пред меты, или морю, которое за нѣкоторое время передъ этимъ билъ кнутом въ наказаніе за бурю, разрушившую первые мосты по повелѣнію его по ставленные, Геродотъ не знаетъ (та же книга ст. 54); б) Вступивъ въ Ѳракію, Ксерксъ приказалъ сдѣлать мосты черезъ рѣку *Стримонъ*. Этой рѣкѣ маги принесли жертву, умертвивъ надъ нею бѣлыхъ лошадей; совер шивъ это и многія другія священнодѣйствія, персы прошли подлѣ „Девяти путей", что въ землѣ Едоновъ, и закопали здѣсь девять юношей и столько же дѣвушекъ изъ мѣстнаго населенія; закапывать въ землю живыхъ людей— въ обычаѣ персовъ; и в) При вступленіи въ воды эллиновъ морскихъ сил Ксеркса, персы взяли въ плѣнъ одинъ изъ греческихъ кораблей съ отрядом бывшаго на немъ войска; выбравъ красивѣйшаго изъ всего отряда, он

ывели его на носъ корабля и умертвили, почитая благопріятнымъ для себя редзнаменованіемъ, что первый взятый ими для жертвы эллинъ былъ и амый красивый. Имя убитаго *Левъ;* быть можетъ,—замѣчаетъ повѣствоатель, оно и привело этого воина къ такому концу (кн. I, ст. 132; кн. VII т. 54, 114 и 180).

Персы считаютъ обязательнымъ чтить день рожденія своего, приготовляя ля этого столъ болѣе обильный, чѣмъ во всякій другой день; люди богатые арятъ въ печахъ цѣликомъ быка, лошадь, верблюда и осла; бѣдняки доольствуются мелкимъ скотомъ. Въ обыденной жизни за столомъ главныхъ людъ мало, но дополнительныхъ множество; подаются они одно за другимъ. ино персы сильно любятъ, важнѣйшія дѣла они обсуждаютъ во хмѣлю, ри чемъ принятое мнѣніе снова предлагается тѣмъ же лицамъ, но уже резвымъ, хозяиномъ того дома, гдѣ происходило совѣщаніе во хмѣлю; если о рѣшеніе подтвердится и въ трезвомъ видѣ, оно принимается; если же ѣтъ—отвергается; въ обратномъ же случаѣ, если о чемъ либо совѣщаются ъ трезвомъ видѣ, рѣшеніе произносятъ во хмѣлю. При встрѣчѣ на улиахъ можно опредѣлить, одинаковаго ли званія встрѣтившіеся, по слѣдуюему признаку: вообще равные другъ другу цѣлуются въ губы; если одинъ емного выше другого по положенію, цѣлуются въ щеки; если же одинъ ного ниже другого, первый падаетъ ницъ передъ послѣднимъ и цѣлуетъ му ноги.

Наибольшимъ уваженіемъ персовъ пользуются народы смежные съ ими, затѣмъ уваженіе уменьшается по мѣрѣ разстоянія страны народовъ отъ Персіи; поэтому присоединивъ къ своему державству различные народы, персы допускаютъ представителей ихъ къ участію во власти, большему или меньшему, смотря по разстоянію страны.

Обычаи чужеземцевъ перенимаются персами охотнѣе всякаго другого народа; они носятъ даже мидійское платье, находя его красивѣе туземнаго, а для войны надѣваютъ на себя египетскіе панцыри. Путемъ знакомства они заимствуютъ всякаго рода удовольствія и, въ подражаніе эллинамъ, имѣютъ сообщеніе съ мальчиками.

Каждый персъ имѣетъ многихъ законныхъ женъ, но гораздо больше наложницъ; важнѣйшею доблестью мужчины послѣ воинской храбрости считается произведеніе на свѣтъ многихъ сыновей; такихъ мужчинъ царь награждаетъ ежегодно подарками. Дѣтей съ пятилѣтняго и до двадцатилѣтняго возраста обучаютъ только тремъ предметамъ: верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука и правдивости. Мальчикъ не является отцу на глаза раньше пяти лѣтъ отъ роду, проводя жизнь среди женщинъ; дѣлается это для того, чтобы отецъ не могъ привыкнуть къ ребенку и не скорбѣть, если смерть постигнетъ его въ раннемъ дѣтствѣ.

Ни царь, ни сановники его, или другія властныя лица не наказываютъ смертью своихъ слугъ, провинившихся однажды; гнѣвъ свой они проявляютъ надъ виновнымъ только по изслѣдованіи содѣяннаго имъ и по перевѣсу вины надъ прежними заслугами его.

Говорятъ, что ни одинъ персъ не убивалъ никогда своего отца или матери; если подобныя обвиненія и возникали, всегда обнаруживалось по

изслѣдованіи, съ полною очевидностью, что убійцами бывали или подкидыши или побочныя дѣти.

Чего не дозволялось дѣлать, о томъ запрещалось и говорить; лживость считалась постыднѣйшимъ порокомъ; вторымъ послѣ него—имѣть долги, потому, главнымъ образомъ, что должнику необходимо лгать.

Кто изъ гражданъ заболѣвалъ проказою, или покрывался бѣлыми струпьями, тотъ не допускался въ городъ и къ сношенію со здоровыми, такъ какъ болѣзнь эта постигала за какой нибудь грѣхъ противъ солнца. Всякаго иностранца, подпавшаго такой же болѣзни, изгоняли, какъ прогоняли и бѣлыхъ голубей, считая ихъ виновниками заболѣваній.

Рѣки чтутъ высоко, въ воды ихъ не плюютъ и никому не позволяютъ мыть въ нихъ руки.

Трупъ умершаго перса погребается не раньше, когда тѣло будетъ растерзано птицами, или собаками; прежде погребенія трупъ покрывается воскомъ.

Маги рѣзко отличаются отъ остальныхъ людей и отъ египетскихъ жрецовъ: эти послѣдніе свято соблюдаютъ правило не умерщвлять ничего живого, кромѣ жертвы,—маги, напротивъ, собственноручно умерщвляютъ всякое животное, кромѣ собаки и человѣка, а также вмѣняютъ себѣ въ заслугу лишеніе жизни возможно большаго числа муравьевъ, змѣй и другихъ пресмыкающихся и летающихъ животныхъ (кн. I ст. 133—140).

Кромѣ приведенныхъ обычаевъ, представляющихся общими для всѣхъ персовъ, Геродотъ приводитъ еще и другіе, подмѣченные имъ при особенныхъ случаяхъ.

Законъ не допускалъ браковъ съ родными по отцу и матери сестрами, но царю Камбисѣ судьи, остававшіяся, будучи удостоенными этого званія, несмѣняемыми на всю жизнь, или до тѣхъ поръ, пока не будутъ уличены въ какой либо неправдѣ,—разрѣшили взять себѣ въ жены, послѣдовательно двухъ родныхъ сестеръ его; при этомъ они высказали:—закона, который дозволялъ-бы брату жениться на сестрѣ, они не нашли; но за то нашли другой законъ, дозволяющій царю персовъ дѣлать все,—чтобы онъ ни пожелалъ (кн. Ш, ст. 31).

Устроители большого пиршества сажали съ собою законныхъ женъ и наложницъ (кн. V ст. 18). Персы носили длинные волосы (кн. VI ст. 19). Какъ у всѣхъ азіатскихъ варваровъ, у Персовъ чествуютъ царя послѣ его смерти; о ней всадники возвѣщаютъ по всей странѣ, а по городу ходятъ женщины и бьютъ въ котелъ; по этому звону два свободныхъ лица изъ каждаго дома, мужчина и женщина, обязаны наложить на себя знаки печали; не исполненіе этого требованія подвергало ослушника страшному наказанію (кн. VI, ст. 58). Въ знакъ печали по умершемъ вообще, царь ли онъ, или вельможа, или гражданинъ обыкновенный, подданные, подчиненные и близкіе къ покойному люди остригали на себѣ волосы, а на лошадяхъ и вьючномъ скотѣ—шерсть, и поднимали безконечные вопли (кн. IX ст, 24). Лицо, вступающее на престолъ по смерти царя, обязано прощать недоимки по всѣмъ городамъ. Подобное правило существовало и у лакедемонянъ (кн. VI, ст. 58 и 59).

Въ обычаѣ персовъ, какъ равно эллиновъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, было награждать за услуги, оказанныя странѣ или царю ея, пожалованіемъ цѣлыхъ областей или въ собственность, или въ пользованіе,—въ кормленіе,—пожизненное или временное (кн. VIII, ст. 85 и др.); а если царь обзывалъ кого либо изъ военачальниковъ, или вообще сановниковъ „бабою“, это почиталось величайшимъ позоромъ; такъ Ксерксъ, раздраженный неудачею въ морскомъ дѣлѣ при Саламинѣ, узнавъ, что правительница городовъ дорійскихъ, Артемосія, начальствовавшая надъ пятью кораблями персовъ (кн. VII, ст. 99), врѣзалась въ середину непріятельскихъ кораблей и одинъ изъ нихъ потопила лично, безъ чьей либо помощи,—сказалъ въ укоръ военачальникамъ, съ горечью: „Мужчины стали у меня женщинами, а женщины мужчинами (кн. VIII, ст 88)“. Этотъ укоръ привелъ персовъ въ отчаяніе, и они, чтобы отличиться мужествомъ и не быть бабами, бросались на явную гибель (тамъ же ст. 89—92); братъ Ксеркса, сынъ Дарія, Масиста, присутствовавшій при пораженіи персовъ подъ Микале, наговорилъ много оскорбительнаго главноначальствовавшему въ этомъ дѣлѣ, Артаинтѣ; тотъ долго слушалъ молча, но когда Масиста сказалъ, что Артаинта хуже бабы,—военачальникъ бѣшено бросился на оскорбителя съ мечемъ, но былъ остановленъ (кн. IX, ст. 107).

Вооружены персидскіе войска луками, мечами и короткими копьями; щиты ихъ сплетены изъ прутьевъ, къ внутренней сторонѣ привѣшивали колчанъ; на головѣ носили плохо выдѣланныя войлочныя шляпы, но нѣкоторые всадники имѣли на головѣ желѣзные или мѣдные уборы чеканной работы, а на груди панцыри изъ желѣзныхъ пластинокъ на подобіе рыбьей чешуи; мечи были короткіе и привѣшивались къ поясу справа, въ ножнахъ съ наконечникомъ; стрѣльбѣ изъ лука научили персовъ скиѳы при Кіаксарѣ, шуринѣ Креза; военный станъ свой они укрѣпляли деревянными стѣнами съ башнями; а при неимѣніи подъ руками лѣса, или для скорости,—плетеными щитами (кн. I, ст. 73; кн. III, ст. 64 и 87; кн. V, ст. 49; кн. VII, ст. 61, 62, 64 и 211; кн. IX, стр. 66, 70 и 99. Ѳ. Г. Мищенко видитъ въ плетеныхъ щитахъ заостренные колья, нашъ частоколъ (Указ. къ Геродоту, стр. 160).

Въ числѣ казней, которымъ предавали виновныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, персы употребляли распятіе; судя по приведеннымъ Геродотомъ случаямъ, можно думать, что эта казнь была самою позорною. Гистіэй, предводительствуя іонянами и эолянами, попалъ въ плѣнъ персамъ; по приказанію военачальниковъ Гарпага и Артафренеса онъ былъ обезглавленъ; трупъ его распятъ на крестѣ, а голову отправили къ Дарію (кн. VI, ст. 30); правитель эолійской Кумы, Сандокесъ постановилъ за деньги несправедливый приговоръ; узнавъ объ этомъ, Дарій велѣлъ распять его; но по внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла и по размышленіи, царь нашелъ, когда Сандокесъ висѣлъ уже на крестѣ, что заслуги его относительно царскаго дома значительно превышаютъ преступленіе, и сознавъ, что поступилъ скорѣе поспѣшно, нежели благоразумно, отмѣнилъ казнь, и несправедливаго судью-взяточника сняли со креста (кн. VII, ст. 194).

Персы, какъ извѣстно и выше нами сказано подробно, воевали со скиѳами, подъ предводительствомъ Дарія, и съ ихъ сосѣдями; извѣстно, какъ скиѳы заставляли Дарія блуждать по своей странѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, и наконецъ отправили пословъ со странными дарами, когда, утомивъ персовъ, убѣдились въ затруднительномъ положеніи могущественнаго царя ихъ. Дары состояли изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Персы задумались и собрались на совѣтъ. Дарій истолковывалъ значеніе даровъ добровольнымъ подчиненіемъ его власти скиѳскаго народа съ землею и водою, такъ какъ, по его объясненію,—мышь водится въ землѣ и питается тѣмъ же плодомъ земнымъ, что и человѣкъ; лягушка живетъ въ водѣ, птица походитъ по быстротѣ полета на рѣзвыхъ скакуновъ, лошадей, а подъ видомъ стрѣлы скиѳы передавали ему свою воинскую доблесть. Но нѣкто Горія,—одинъ изъ вельможъ, доставившихъ Дарію царскую власть и умертвившихъ, въ числѣ семи, мага Смердиса,— смыслъ даровъ толковалъ иначе: если вы, персы, не улетите какъ птицы въ небеса, или не скроетесь въ землю подобно мышамъ, или, наконецъ, не ускачете, какъ лягушки, въ озера, то не вернетесь въ страну свою и падете подъ ударами этихъ стрѣлъ (кн. IV, ст. 131—134). Послѣдующее доказало правильность толкованія Гобріи; Дарію пришлось уйти со своими полчищами домой, не покоривъ ни скиѳовъ, ни ихъ сосѣдей (тамъ же ст. 140—144). Киръ, задумавъ свергнуть Астіага и отложиться отъ мидянъ, созвалъ на совѣтъ важнѣйшіе роды персовъ, между 688 и 559 г.г. до Р. Х. Въ числѣ ихъ были земледѣльческіе—*германіи* Γερμάνιοι (кн. I, ст. 125).

Мидяне. Народъ этотъ упоминается въ ассирійскихъ памятникахъ около 840 г. до Р. Х. подъ именами Amadai и Matai. Геродотъ и послѣдующіе повѣствователи мидянами называютъ персовъ и вообще всю совокупность разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Персидскаго царства (указатель къ Геродоту Ѳ. Г. Мищенка стр. 127). Страна, которую они занимали, называлась *Мидія,*—теперь Курдистанъ,—частью гориста, частью ровна (кн. I, ст. 110, 184 и 185); она была погранична съ Вавилоніею, около 780 г. до Р. Х. (тамъ же, послѣд. двѣ статьи).

Бывъ долгое время подъ властью ассиріянъ, съ 1231 года до Р. Х., мидяне возстали противъ нихъ и завоевали себѣ свободу и самостоятельность (кн. I, ст. 96). Жили они въ деревняхъ; управлялись старѣйшинами и судьями.

Одинъ изъ деревенскихъ жителей, сынъ Фаорты, Дейокъ, отличавшійся умомъ и справедливостью, прославился этими душевными качествами на столько, что свободная, управлявшаяся народомъ страна добровольно избрала его царемъ своимъ, около 702 г. до Р. Х. Дейокъ убѣдилъ народъ въ необходимости сооруженія въ срединѣ страны укрѣпленнаго города; съ согласія возведены были крѣпкія каменныя стѣны, числомъ семь, такъ, что одна входила въ другую, а всѣ составляли кольца, одно меньше другого; послѣднимъ былъ дворецъ царя. Въ Геродотово время этотъ круглый городъ назывался *Агбатанъ.* Деіокъ узаконилъ наслѣдственность царской власти. Внукъ его, *Кіаксара,* одержалъ верхъ надъ ассиріянами, около

634 г. до Р. Х., и напалъ на Нинъ, желая овладѣть этимъ городомъ. Въ это время вторглись въ Мидію скиѳы, гоняясь за киммеріанами,—о чемъ сказано выше (кн. I, ст. 96, 97—104).

Настоящее имя разсматриваемый народъ получилъ отъ прибывшей въ его страну *Медеи*, дочери колхидскаго царя, а въ древности назывался *аріями* (кн. VП, ст. 62).

Киръ покорилъ своей власти мидянъ, и они вошли въ его царство какъ десятый округъ Персіи (кн. I, ст. 130, кн. 92, кн. VII, ст. 8).

Изъ обычаевъ, во многомъ сходныхъ съ персидскими, остановимся на одномъ: при заключеніи договоровъ участвовавшія стороны дѣлали на рукахъ надрѣзы и слизывали другъ у друга кровь (кн. I, ст. 74).

Примѣчаніе. Выше указаны нѣкоторыя созвучія въ словахъ индо-персидскихъ языковъ съ нашими, имѣюшими то же значеніе.

У Геродота помѣщенъ разсказъ о правнукѣ Деіока, сына Кіаксары—Астіагѣ и дочери его Манданѣ, выданной за мужъ за именитаго перса, Камбису. Астіагъ видѣлъ послѣдовательно два сна, истолкованные мѣстными мудрецами такъ, что отъ Манданы родится сынъ, который затмитъ своею славою Астіага и будетъ обладателемъ его царства. Огорченный такимъ предвѣщаніемъ Астіагъ приказалъ родившагося вскорѣ послѣ предвѣщанія у Манданы сына отдать пастуху царскихъ стадъ, *Митридату*, чтобы онъ снесъ его въ горы, изобиловавшія дикими звѣрями, и оставилъ тамъ на съѣденіе хищникамъ. Жена этого пастуха, бывшая рабынею Астіага, родила въ одинъ день съ Манданою мертваго мальчика. Сжалившись надъ ребенкомъ Манданы, она упросила своего мужа снести въ горы свое мертворожденное дитя, а сына Манданы оставить ей вмѣсто родного на воспитаніе. Митридатъ такъ и поступилъ; сынъ Манданы, спасенный женою его, былъ знаменитый Киръ. Спасительница его, рабыня Астіага, называлась *Спако*, что значитъ на мидійскомъ языкѣ *собака* (кн. I, ст. 107 и 110).

Кромѣ скиѳскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Истеръ (Дунай), Геродотъ называетъ и другія, и въ ихъ числѣ *Кій* (Κιος), выходящій изъ земли планов и горы Родопы и разрывающій Гемъ (теперешній Балканскій хребетъ) пополамъ (кн. IV, ст. 49).

Повѣствуя о походѣ Дарія въ Европу и о сооруженіи моста на Боспорѣ, Геродотъ сказываетъ, что этотъ царь сѣлъ здѣсь, на Боспорѣ, на корабль и отплылъ къ такъ называемымъ *кіанеямъ, которые, по словамъ эллиновъ, были нѣкогда блуждающими* (кн. IV; ст. 85).

Объяснители Геродота принимаютъ Кіанеи за острова, лежащіе у входа изъ Ѳракійскаго Боспора въ Черное море (указатель къ Геродоту ст. 98). Если прозваніе „блуждающіе", данное греками, относится къ островамъ, ихъ слѣдуетъ считать наносными, или подвижными мелями, встрѣчаемыми на мелководныхъ моряхъ и озерахъ, противъ устьевъ большихъ рѣкъ. Такъ что въ образованіи Кіанеи могла участвовать соименная рѣка Кій, но она впадаетъ не въ Черное море непосредственно, а въ Дунай, и притомъ въ значительномъ разстояніи отъ Боспора Ѳракійскаго, Черное же море замѣ-

чательно своею глубиною; къ тому же, по словамъ Геродота,—Дарій, отплывъ къ Кіанеямъ „сѣлъ на косѣ и оттуда глядѣлъ на Понтъ, которымъ дѣйствительно можно было любоваться (ст. 85). Не народъ ли слышится въ словѣ „Кіанеи“? Если бы это были пустынные острова, Дарію не стоило останавливаться, выходить „на косу“ и сидѣть тутъ; любоваться моремъ онъ могъ и съ корабля.

Финикіяне признаются Геродотомъ выходцами побережья Персидскаго залива, или Эриѳрейскаго моря, какъ онъ назывался въ древности; прежняя страна ихъ и та, которую этотъ народъ занималъ впослѣдствіи, составляли пятый округъ Персіи (кн. I, стр. 1—4; кн. II, ст. стр, 171; кн. III, ст. 213 и 262 и кн. VII, стр. 169). Собственно Финикія занимала часть Сирійской Палестины полосою вдоль восточнаго побережья Средиземнаго моря. Откуда они пришли къ Персидскому заливу, Геродотъ не знаетъ, но добровольно подчинившись персамъ, составляли всю морскую силу ихъ (кн. I, стр. 185, 176; кн. III, стр. 221 и 262; кн. V, стр. 56—57; кн. VI ст. 65, 68, 73 и 76: кн. VII, стр. 111 и др.). Будучи искусными мореплавателями, финикіяне пробрались въ беотію и сообщили эллинамъ письмена и другія знанія (кн. V, стр. 27); они совершили плаваніе, по порученію египетскаго царя Нехо, вокругъ Африки (кн. IV, стр. 314).

По объясненію Ѳ. Г. Мищенка, свѣдѣнія Геродота о торговлѣ финикіянъ, объ основаніи ими селеній въ разныхъ странахъ извѣстнаго тогда міра и о зависимости просвѣщенія эллиновъ отъ этого диковиннаго народа; находятъ многообразное подтвержденіе въ названіяхъ мѣстностей, въ памятникахъ глубокой древности вообще и художественныхъ въ особенности; финикіяне посѣщали и частью заселяли не только острова и побережья Эриѳрейскаго моря, но и нѣкоторыя мѣстности внутри материка Эллады, а равно Сициліи, Сардиніи, Корсики, полночнаго побережья Африки, полуденно-западные берега Испаніи по ту сторону Гибралтарскаго пролива и, вѣроятно, берега Британіи и Балтики; основываясь на изслѣдованіяхъ Дункера, г. Мищенко замѣчаетъ, что финикіяне работали по вавилонскимъ и египетскимъ образцамъ искусствъ, что такъ называемыя киклопическія сооруженія принадлежатъ ихъ же указаніямъ, если не самому зодчеству, а какъ сношенія обитателей Вавилоніи съ Палестинской Сиріею начались вѣковъ за двадцать, а Египта—вѣковъ за шестнадцать до Р. Х.; поэтому основаніе финикійскихъ поселеній на эллинскихъ побережьяхъ и въ другихъ мѣстахъ можно считать вѣковъ на тридцать опередившими христіанское лѣтосчисленіе. (Указатель къ Геродоту, стр. 222 и 223).

Замѣтимъ съ своей стороны, что финикіяне вывозили съ Балтійскаго побережья янтарь, объ этомъ скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

О внутреннемъ бытѣ финикіянъ Геродотъ не сообщаетъ, къ сожалѣнію, ничего, не говоритъ онъ и о вѣрованіяхъ этого замѣчательнаго народа, упоминая только кое-гдѣ, мимоходомъ, о сооруженіяхъ или храмахъ; на островѣ Ѳасѣ, гдѣ ими открыты золотыя россыпи, - Геракла, или Мелькарта (кн. II, ст. 44 и кн. VII ст. 46), и на Киѳерѣ—Афродиты или Астарты (кн. I, ст. 105). Такое молчаніе можно объяснить общеизвѣстностью финикіянъ

въ Геродотово время не только среди эллиновъ, но и между всѣми народами Азіи, Африки и Европы, гдѣ отважные мореплаватели основали множество поселеній.

Ликіяне. Народъ этотъ занималъ во времена Кира (около 600 лѣтъ до Р. Х.) береговое пространство Средиземнаго моря на востокъ отъ Архипелага, въ Малой Азіи, между Каріею на западѣ и Памфиліею на востокѣ, По словамъ Геродота ликіяне происходятъ издревле изъ Крита, на которомъ жили первоначально только варвары; имъ соплеменны, тоже критскіе выходцы, *кары* и *кавліи*, жившіе рядомъ съ этими ликіянами при Кирѣ. Выходъ ликіянъ на азіатскій материкъ относятъ древніе, до Геродота, писатели ко времени господства на Критѣ сыновей Европы, похищенной критянами въ финикійскомъ городѣ Тирѣ. Геродотова родина Галикарнасъ, была въ сосѣдствѣ съ ликіянами и ихъ соплеменниками, потому всѣ они хорошо извѣстны повѣствователю; о карахъ ему говорили критяне, что они жили первоначально на ближайшихъ къ Криту островахъ Архипелага, но ихъ оттуда вытѣснили доряне и іоняне; сами же кары утверждаютъ, что они первонасельники того побережья, на которомъ живутъ; кавліи же говорятъ, что они вышли изъ Крита, хотя Геродотъ принимаетъ ихъ за первонасельниковъ побережья.

По языку кары и кавліи одно племя; ликіяне же по языку родственны *альбандцамъ*, жителямъ карійскаго города Альбандья (теперь Антифія); по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ, они близки къ фригійцамъ.

Еще за долго до Троянской войны, во времена первоначальной дѣятельности финикіянъ по основанію поселеній, когда на Критѣ господствовалъ сынъ Европы, Маносъ, карійскій народъ былъ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ древности народовъ; ему принадлежатъ три изобрѣтенія, которыми воспользовались эллины; кары научили украшать шлемы перьями, дѣлать на щитахъ примѣты и приспособили къ щитамъ же рукоятки; раньше ихъ всѣ, имѣвшіе обыкновеніе употреблять щиты, носили ихъ, придерживая кожаными ремнями черезъ плечо. Есть у нихъ святилище Зевса Карійскаго въ Маласахъ. Участвуютъ въ торжествахъ этого святилища, какъ братья каровъ, ликіяне и лидяне,— всѣ же остальные сосѣдніе племена, хотя и говорящіе на одномъ съ ними языкѣ, но чуждые по происхожденію, никакого участія въ храмѣ не имѣютъ.

Кары,—карійцы жили въ большомъ числѣ въ Египтѣ; они вмѣстѣ съ туземцами участвовали въ празднествѣ въ Бусирисѣ, когда приносятъ въ жертву быка; послѣ жертвоприношенія всѣ мужчины и женщины въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ, сокрушаются въ слезахъ, но по комъ,—грѣшно было бы говорить; карійцы во время сокрушенія и въ знакъ печали разрѣзаютъ кожу на своемъ лицѣ, изъ чего видно, говоритъ Геродотъ, что они не египтяне, а чужестранцы (кн. II, ст. 40 и 61).

Кавліи отличаются по образу жизни рѣзко и отъ каровъ, и отъ всѣхъ ближайшихъ народовъ; для нихъ нѣтъ ничего лучше, какъ собраться на попойки кучками, по возрастамъ и по дружбѣ, отдѣльно мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ; хотя они и приняли нѣкогда поклоненіе чужимъ божествамъ,

но скоро это нововведеніе отмѣнили; для этого всѣ кавліи, способные носить оружіе, одѣлись въ доспѣхи, и ударяя копьями по воздуху, прослѣдовали до области Каиниды, говоря, что они изгоняютъ такимъ образомъ чужеземныхъ боговъ.

Ликіяне имѣютъ нравы и обычаи частью критскіе, частью карійскіе; только слѣдующій обычай совершенно особенный: они называютъ себя по матери, а не по отцу, какъ всѣ другіе народы; если женщина-гражданка сочетается бракомъ съ рабомъ, дѣти признаются благородно рожденными, но если мужчина-гражданинъ, хотя бы самый знатный между ними, возьметъ въ жены чужеземку, или наложницу, дѣти ихъ не получаютъ правъ гражданства.

Нѣкоторые іоняне имѣли царей изъ ливіянъ.

Извѣстны были въ Геродотово время особые ливійскіе луки и рогатины (кн. I, ст. 147 и 173; и кн. VII, ст. 76, 77 и 92); на войнѣ носили панцыри и поножи, т. е. особенныя прикрытія для защиты ноги, съ колѣна до ступни, спереди, подобно нынѣшнимъ лезгинамъ и другимъ кавказскимъ горцамъ; имѣли луки изъ дерева, стрѣлы тросниковыя безъ перьевъ и дротики; на плечахъ свободно висѣла козья шкурка, а головы покрывали шапками, съ перьями кругомъ; употребляли также мечи и косы. Ликіяне происходятъ изъ Крита и назывались прежде термилами; настоящее имя получили отъ Лика, сына аѳинянина Пандіона (кн. VII, ст. 92).

Іоняне. Народъ этого имени мы встрѣчали въ описаніи похода Дарія на скиѳовъ; онъ занималъ мало-азійское побережье Архипелага, близъ Геллеспонта и острововъ Лесбоса, Хіоса, Самоса и другихъ. Сосѣдями іонянъ были: *троянцы* и *эоляне*—на побережьи;—*доряне, лидійцы* и *фригійцы*—съ нагорной стороны.

Первоначальное же мѣстожительство іонянъ было въ Пелопонеской области Ахеѣ (кн. VII, ст. 94; кн. VIII, ст. 36); они происходятъ отъ пелазговъ (о нихъ скажемъ ниже); въ Пелопонесѣ жили въ двѣнадцати городахъ; перебравшись въ Азію, основали и тамъ столько же (кн. I, ст. 143, 145, 146).

Настоящее имя получили, еще проживая въ Пелопонесѣ отъ Іоны, сына нѣкоего Ксуѳа, прибывшаго въ ихъ страну вмѣстѣ съ Дакоемъ, а до того назывались *пелазгами эгіалейскими* (кн. VII, ст. 94); іонянами же называли и аѳинянъ, но лишь сосѣди, сами же они избѣгали этого имени, какъ и всѣ неазіатскіе іоняне (кн. I, ст. 142; кн. VIII, ст. 44).

Города іонянъ находятся подъ такимъ небомъ и въ такой странѣ, съ которыми не могутъ равняться ни одна изъ сосѣднихъ земель во всѣхъ направленіяхъ отъ нея; Іонія лучше ихъ и вообще прекрасна (кн. I, ст. 142).

Языкъ Іонянъ имѣетъ четыре нарѣчія, по числу различныхъ племенъ, населявшихъ страну ихъ къ Геродотову времени (тамъ же, ст. 146); благороднѣйшими считаютъ себя тѣ изъ нихъ, которые выселились изъ аѳинской Пратанеи (тамъ же).

О вѣрованіяхъ іонянъ Геродотъ не говоритъ потому, конечно, что они одинаковы съ эллинскими, но упоминаетъ о союзномъ храмѣ *Паніоніи*, со-

ставлявшемъ святилище двѣнадцати городовъ; всѣ прочіе жители, не принадлежавшіе къ этимъ городамъ, не допускались къ участію въ празднествахъ въ храмѣ (кн. I, ст. 144). Было у іонянъ празднество „Апатуріи", т. е. братственныхъ союзовъ, состоявшее главнѣйше въ обрядѣ посвященія въ братство вновь народившихся членовъ. (Указатель стр. 13). Празднество это отправляютъ не одни только жители двѣнадцати городовъ, но всѣ іоняне, за исключеніемъ горожанъ *Эфеса* и Колофана, не допускаемыхъ по обвиненію ихъ въ какомъ-то убійствѣ. Паніонія — священная мѣстность на Микале, на полночной сторонѣ мыса, пожертвованная іонянами сообща, Посейдону Геликонесскому (кн. I, ст. 107 и 148).

Въ случаяхъ особой важности обращаются съ вопросами къ божеству; но отвѣтами не всегда удовлетворяются и часто въ дѣйствіяхъ своихъ противорѣчатъ имъ (тамъ же ст. 157—161).

Выше мы говорили о гипорборейскихъ дѣвушкахъ Опидѣ и Аргѣ, прославляемыхъ іонянами, островитянами и побережанами; для нихъ іонійскія женщины собирали пожертвованія (кн. IV, ст. 25).

Изъ свѣдѣній Геродота о покореніи Киромъ іонянъ можно вывести заключеніе, что имъ не чужды были игра на свирѣли и на киѳарѣ (родъ арфы) и торговля на городскихъ площадяхъ (кн. I, ст. 141 и 155).

Женщины, преимущественно милетскія, установили въ средѣ своей обычай, укрѣпивъ его клятвою, и передавали своимъ дочерямъ — никогда не сидѣть за однимъ столомъ съ мужьями и не называть ихъ по имени. Обычай этотъ установился съ тѣхъ поръ, когда аѳинскіе выходцы, выселяясь на побережье Іоніи и не взявъ съ собою женъ, сочетались съ каріянками, перебивъ предварительно ихъ отцовъ, мужей и дѣтей (кн. I, ст. 146).

Знаменитый мудрецъ шестого вѣка до Р. Х., *Пиѳагоръ* былъ по происхожденію іонянинъ; онъ родился на островѣ Самосѣ, близъ мыса Микале; отецъ его былъ *Мнесархъ*. Пиѳагоръ училъ, между прочимъ, о переселеніи души; онъ образовалъ большой кругъ послѣдователей, привлекая ихъ вѣрованіемъ въ таинственную силу, чудодѣйствуя посредствомъ установленныхъ имъ же обрядовъ. Изъ своей родины мудрецъ бѣжалъ отъ преслѣдованія Поликрата въ Египетъ, жилъ въ Вавилоніи, оттуда перебрался въ Италію; въ Тарентѣ было цѣлое училище Пиѳагорейцевъ, въ числѣ ихъ былъ Милонъ изъ Кротона; но въ Италіи случилось большое возмущеніе противъ Пиѳагорейцевъ и училище распалось. Обряды, Пиѳагоромъ установленные, сходны съ египетскими и орфическими (кн. II, ст. 81 и IV, ст. 95 и 96). Орфическіе обряды, или орфики, совершались въ обществѣ эллиновъ, стремившихся къ ослабленію проникавшихъ въ Элладу чужеземныхъ вѣрованій; таинственная чудодѣйствующая сила вызывалась обрядами орфиковъ; члены этого общества отличались воздержаніемъ, отказываясь отъ чувственныхъ наслажденій. Учрежденіе орфики восходитъ къ незапамятной древности; обряды сходны съ нѣкоторыми египетскими; Орфей, баснословный пѣвецъ и служитель Діониса, считался основателемъ общества, которому и дано его имя (Foucard, Paris 1874). Слѣдуетъ отмѣтить, а) что болѣе, чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Х., тиранъ Милета, главнаго города іонянъ, лежавшаго на

карійскомъ берегу Архипелага, Аристагора, прибывъ въ Спарту къ царю Клеомену, чтобы убѣдить его въ необходимости освобожденія іонянъ отъ зависимости персовъ, показывалъ царю, бесѣдуя съ нимъ, мѣдную доску, на которой былъ вырѣзанъ весь кругъ земной, все море и всѣ рѣки, и по ней указывалъ путь, которымъ можно дойти отъ Сардъ, лидійскаго города, до Сузъ, главнаго города персовъ (кн. V, ст. 49) и б); что іоняне извѣстны евреямъ, черезъ финикіянъ, какъ потомки библейскаго Іована (книга Бытія, гл. X, стих. 2) четвертаго сына Іафета; подъ сынами іована евреи разумѣли всѣхъ жителей острововъ и полночнаго побержья Средиземнаго моря.

Троянцы. Прославленный Гомеромъ народъ, Троянцы, занималъ страну Троаду, лежавшую въ той части Малой Азіи, которая опоясывается съ трехъ сторонъ морями, Эгейскимъ и Боспоромъ Өракійскимъ, и выходитъ западно-полночною границею на Геллеспонтъ; такимъ образомъ Троада—это крайняя оконечность Мало-азійскаго полуострова на западъ къ полночи; она изрѣзана отрогами горы *Иды* въ разныхъ направленіяхъ; главный городъ здѣсь *Троя*, иначе *Иліонъ*. Троянская война происходила болѣе чѣмъ за 800 лѣтъ до Геродота (около 1300 г. до Р. X.), такъ что сказанія его не имѣютъ значенія вполнѣ достовѣрныхъ, какъ основанныя на извѣстіяхъ и пѣснопѣніяхъ; предшественниковъ; но освѣщаемыя личнымъ взглядомъ добросовѣстнаго повѣствователя, они уже давно сдѣлались предметомъ всесторонняго изученія и изслѣдованія нашихъ современниковъ. Въ послѣднее время любознательный почитатель и знатокъ старины древняго міра, недавно скончавшійся Генрихъ Шлиманъ, посвятилъ много лѣтъ на отысканіе развалинъ Трои и нашелъ ихъ. Хотя вопросъ, существовала ли въ дѣйствительности Гомеровская Троя, раскопками Шлимана не уясняется, но сродство найденныхъ остатковъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, съ описаніемъ дворцовъ у Гомера, въ общихъ чертахъ, даетъ основаніе заключить о неподлежащемъ сомнѣнію существованіи въ Троадѣ, болѣе чѣмъ за тридцать пять столѣтій до нашего времени, народа, обладавшаго въ удивительно высокой степени развитыми искуствами, поражающими творчествомъ духовной силы его современную Европу. Раскопки Шлимана дали нѣкоторымъ ученымъ основаніе установить өракійское происхожденіе троянцевъ Гомера и зависимость искуствъ ихъ и всего вообще развитія отъ вліянія хиттитовъ, народа Семитическаго племени; между тѣмъ другіе ученые, основываясь на именахъ лицъ, принимавшихъ участіе въ Троянской войнѣ, по Гомеру и другимъ писателямъ, производятъ троянцевъ отъ фригіянъ, родственныхъ эллинамъ.

По Геродоту Троя разрушена эллинами (кн. I, ст. 5; VII. ст. 20 и 161); но Елена, похищеніе которой вызвало Троянскую войну, никогда не была въ Троѣ; основываясь на приводимыхъ въ Одиссеѣ словахъ Менелая, сказанныхъ Телемаху—„я ждалъ вернуться домой, но боги все еще задерживали меня въ Египтѣ, потому что я не принесъ имъ обильной жертвы";—Геродотъ допрашивалъ египетскихъ жрецовъ, насколько вѣрно, или лживо, повѣтствованіе эллиновъ о Троѣ,—и они, жрецы, отвѣчали ему, что знаютъ происшествіе изъ разсказовъ самого Менелая, именно: послѣ похищенія Елены прибыло въ тевкрскую землю огромное войско эллиновъ на помощь

Менелаю; высадившись на сушу и расположившись станомъ, они отправили въ Трою посольство,—вмѣстѣ съ Менелаемъ, съ требованіемъ возвращенія Елены и сокровищъ, уворованныхъ Александромъ, а также удовлетворенія за обиду, но тевкры, тогда и впослѣдствіи, говорили подъ клятвою одно и тоже, что ни Елены, ни сокровищъ у нихъ нѣтъ, но что все это находится въ Египтѣ во владѣніи тамошняго царя Протея; разрушивъ Трою и взявъ срединное укрѣпленіе (Акрополь), эллины Елены не нашли и отрядили Менелая къ Протею, отъ котораго онъ и получилъ обратно Елену, здравую и невредимую, и все свое сокровище. (кн. II, ст. 116—119).

Потомками тевкровъ были пеоны, сидѣвшіе впослѣдствіи рядомъ съ Македоніею—въ Европѣ (кн. V, ст. 13); изъ подъ Трои вышли, послѣ ея разрушенія, памфилы, занимавшіе во времена Ксеркса землю въ прибрежной мало-азійской области въ сосѣдствѣ съ ликіянами, отъ нихъ на востокъ. (кн. VII, ст. 91). Паденіе Трои относятъ различные писатели къ слѣдующему времени до Р. Х.; Дурасъ—къ 1335, составитель жизнеописанія Гомера—1270, Геродотъ и Ѳукидитъ—1260, Парійская лѣтопись—1209; Eратосѳенъ—1183; Сосибій—1171; Ефоръ—1169 и Климентъ—1149 (Указатель къ Геродоту, стр. 218).

Еоляне. Народъ этого имени жилъ въ двухъ мѣстахъ: въ Ѳессаліи—въ Европѣ, и на мало-азійскомъ побережьи, между Хоридами, Смирною и Дарданомъ (кн. V, ст. 123); мало-азійская страна эолянъ называлась Эолидою; она менѣе благодатна, чѣмъ земля іонянъ, хотя и болѣе плодородна. У эолянъ было много городовъ и на материкѣ, въ Малой Азіи, и на островахъ, всего болѣе двадцати, не считая Смирны, отнятой іонянами такимъ образомъ.—Эоляне приняли было къ себѣ, въ Смирну, нѣкоторыхъ жителей упомянутаго города Колофона, побѣжденныхъ, во время усобицы, согражданами и изгнанныхъ изъ мѣста родины. Между тѣмъ, за гостепріимство, эти колофонцы отплатили насиліемъ; когда жители Смирны отправляли праздникъ въ честь Діониса, за стѣнами города, колофонцы заперли за ними ворота и объявили городъ своимъ. На помощь кореннымъ жителямъ Смирны пришли всѣ эоляне; общимъ совѣтомъ между собою и колофонцами порѣшили, чтобы эти пришельцы іоняне выдали жителямъ Смирны все, какое есть въ городѣ движимое имущество, а Смирну оставить за Іонянами; такъ и сдѣлали; остальные эолійскіе города приняли каждый установленное число жителей Смирны и объявили ихъ своими гражданами (кн. I, ст. 149—151). Первоначально эоляне были многолюднѣйшимъ и могущественнѣйшимъ племенемъ эллиновъ, распространившимся въ различныхъ частяхъ материка и особенно усилившимся въ Пелопонесѣ; ахеяне были эоляне. Они участвовали въ походѣ Камбисы противъ Египта, гдѣ имѣли свой храмъ (кн. II, ст. 1, кн. III, ст. 1; кн. II, ст. 178); ходили съ Даріемъ на скиѳовъ (кн. IV, ст. 89 и 138), были въ войскахъ Датиса противъ эллиновъ (кн. VI, ст. 98) и въ войскахъ Ксеркса; происходятъ отъ пелазговъ (кн. VII, ст. 95).

Доряне. Крезъ, царь лидійскій, старался узнать могущественнѣйшихъ изъ эллиновъ, чтобы войти съ ними въ дружбу; оказалось, что македоняне и аѳиняне занимаютъ первое мѣсто, одни въ дорійскомъ племени, другіе

въ іонійскомъ; это были родоначальники народовъ глубокой древности—пелазговъ и эллиновъ, но не носили именъ, впослѣдствіи усвоенныхъ тѣми и другими; отъ сына царя Эллина пошли эллины, а отъ внука его Дора—доряне (кн. I, ст. 56).

Такимъ образомъ доряне Геродотовы—древне-эллинское племя, противоположное пелазгійскому. Послѣ долгихъ странствованій они поселились въ Пелопонесѣ (тамъ же и кн. VIII, ст. 31); впослѣдствіи часть ихъ переселилась въ Малую Азію; здѣсь выходцы обособились отъ прочихъ соплеменниковъ и въ *Пятиградіи* Геродотова времени, въ томъ самомъ, которое раньше называлось *Шестиградіемъ*, учредили святилище имени Аполлона Тріопскаго, въ которое старались не допускать никого изъ прочихъ дорянъ, даже и тѣхъ изъ среды своей, которые поступали противно установленіямъ святилища; такъ, напримѣръ, было съ жителями Галикарнаса, наказанными лишеніемъ святилища по слѣдующему поводу: издавна въ храмѣ учреждены въ качествѣ наградъ побѣдителямъ на играхъ въ честь Аполлона Тріопскаго мѣдные треножники; получавшіе награду не могли уносить треножникъ домой, а обязаны были оставлять въ храмѣ въ жертву божеству; одинъ галикарнасецъ, нѣкто Агасиклъ, одержавъ побѣду и получивъ треножникъ, унесъ его домой и тамъ повѣсилъ на гвоздѣ. Пять городовъ изъ шести, участвовавшихъ въ святилищѣ, исключили изъ своей среды Галикарнасъ; такимъ образомъ и получилось вмѣсто шестиградія—пятиградіе (кн. I, ст. 144).

До выхода въ Малую Азію и вообще въ вѣка весьма отдаленные, до баснословнаго Персея, вождями Дорянъ были египтяне, какъ по сказаніямъ писателей эллинскихъ, такъ и по свѣдѣніямъ персовъ (кн. VI, ст. 53—55).

Замѣчательно, что не смотря на исконное общеніе дорянъ съ эллинами въ звуковыхъ способностяхъ обоюднаго говора сохранилась рѣзкая особенность: у дорянъ и нѣкоторыхъ другихъ народцевъ слышался въ говорѣ шипящій звукъ словъ, для котораго придуманъ ими и особенный знакъ, сходный по начертанію съ нашимъ *М*, какъ оно изображалось писцами средне-лѣтописныхъ временъ, развалисто; на Керкирѣ, что теперь островъ Корфу, заселенномъ коринѳянами, и въ Ахеѣ, въ Пелопоннесѣ, извѣстенъ былъ только шипящій звукъ; напротивъ въ большей части Пелопоннеса, въ Беотіи, Фокидѣ, Локридѣ, на Эвбеѣ, въ большинствѣ городовъ Италіи и Сициліи, вообще въ области говоровъ аттическаго и іонійскаго, знали только свистящее Σ (сигма); въ Этоліи народъ до сихъ поръ произноситъ *С* какъ *Ш*; въ Аргосѣ же существовали оба звука (заимствовано изъ Указателя Ѳ. Г. Мищенка стр. 182).

Въ виду приведенныхъ нами объясненій о Гелони и Шелони, скиѳахъ и чуди, особенность говоровъ съ звуками шипящимъ и свистящимъ, представляется имѣющею для нашего предмета существенную важность: Геродотъ былъ галикарнасецъ по рожденію, стало быть дорянинъ, а доряне по своему происхожденію не пелазги, а скорѣе египтяне. До нашихъ ученыхъ дошли разныя рукописи Геродотова труда и выписки изъ нихъ въ твореніяхъ другихъ писателей древности; но мы не знаемъ, придерживался ли самъ онъ въ начертаніи звуковыхъ знаковъ шипящаго *М* или свистящаго *С*;

потому мы, основываясь на рукописяхъ, въ которыхъ употребляется *сигма*—свистящая, а не шипящій *санъ*, и не зная ни одной съ этимъ послѣднимъ, и принимаемъ мнѣніе Байера, Раска, Шафарика и др. (см. выше).

Лидійцы или лидяне. Лидія лежала на полночь къ Египту отъ Іоніи; жители ея назывались прежде Меонами (кн. VII, гт. 74; кн. V, ст: 49). Въ числѣ дѣтей Сима, Ноева сына, былъ Лудъ (Lud), братъ Ассура, Елема Арама и Каинана (кн. Бытія гл. X, ст. 22; народъ, населявшій эту землю, принадлежалъ къ двумъ племенамъ; арійскому и семитическому, смѣшавшимся въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относится движеніе туранцевъ западной вѣтви.

Главнѣйшія божества лидійцевъ *солнце* и *луна*, олицетворенныя эллинами подъ именемъ Геракла, Аполлона, Геры; сиріянами или хиттитами—Ваала, Ашеры—Астарты;—и фригійцами Менеса, Аттиса и Кибелы.

Лидійцы—народъ не воинственный; при наступленіи на нихъ Кира Крезу, лидійскому царю, пришлось прибѣгнуть къ найму иноземнаго войска (кн. I, ст. 77—90); однако же ремесленники у нихъ не пользуются почетомъ; благородными считаютъ, подобно фокіянамъ, скиѳамъ и персамъ, тѣхъ только, которымъ совершенно чуждъ ручной трудъ и которые вѣдаютъ только военное дѣло. Между тѣмъ лидяне были первыми мелочными торговцами и первые, насколько извѣстно Геродоту, ввели въ употребленіе чеканныя изъ золота и серебра единицы цѣнности (монету), выдумали и распространили между Еллинами и всѣми сосѣдями игры въ кости. Эта выдумка вызвана была въ царствованіе Атиса, сына Менеса, большою нуждою хлѣба во всей Лидіи; сперва народъ терпѣливо сносилъ голодъ, потомъ, когда онъ не прекращался, стали измышлять различныя противъ него средства; въ числѣ ихъ и было изобрѣтеніе игръ; въ кубы, въ мячъ и другія, кромѣ шахматной, выдумку которой, по словамъ Геродота, лидійцы себѣ не приписывали; въ продолженіи голода они играли цѣлый день съ увлеченіемъ и ночью не ѣли, стараясь вовсе и не думать о пищѣ, па другой день игру оставляли и наѣдались, на третій опять играли и т. д. (кн. II, ст. 167 и кн. I, ст. 94).

Обычаи лидянъ походятъ на эллинскіе, съ тою лишь разницею, что родители торгуютъ тѣломъ своихъ дочерей, которыя всѣ преданы пороку полового сладострастія, обращенному въ ремесло: дѣвушки, на счетъ молодого своего тѣла составляютъ приданое и выдаютъ себя замужъ сами: но съ вступленіемъ въ супружество торговля тѣломъ прекращается (кн. I, ст. 93 и 99).

Достопримѣчательностей, заслуживающихъ, говоритъ Геродотъ,—вниманія, каковыя имѣются въ другихъ странахъ, въ Лидіи нѣтъ, за исключеніемъ золотого песку, который приносится водою съ горы *Тмола*, гдѣ начиналось укрѣпленіе города Сардъ (кн. I, ст. 84); у подножія этой горы выходятъ и текутъ въ Сарды и окрестности рѣки: Каистра, Пактолъ и Гермъ, принимающій Пактолъ и впадающій въ море (кн. V, ст. 100 101).

Другимъ заслуживающимъ вниманія предметомъ, описаннымъ Геродотомъ и имѣющимъ отношеніе къ насельникамъ Ильменской страны и ихъ памятникамъ отдаленныхъ вѣковъ, представляется „громаднѣйшее сооруженіе, уступающее по величинѣ только египетскимъ и вавилонскимъ, это *могила Аматты*,

отца Креза; основаніе ея изъ большихъ камней, все остальное—земляная насыпь, курганъ; соорудили ее торговцы, ремесленники и публичныя женщины". До Геродотова времени сохранились на могилѣ пять пограничныхъ столбовъ съ надписями, съ обозначеніемъ какую часть ея соорудилъ каждый разрядъ строителей; при вычисленіи оказывается, что наибольшая доля принадлежитъ публичнымъ женщинамъ; окружность могилы верста и около пятидесяти четырехъ саженъ, а поперечникъ—около ста девяноста саженъ; подлѣ могилы большое, никогда непересыхающее озеро, называемое Гизесовымъ (кн. I, ст. 93).

Фригіяне. На горѣ *Берміи*, въ македонской области Емаѳіи, въ Европѣ, жили нѣкогда, задолго до Геродота, *бриги*; потомъ они переселились въ Азію къ рѣкѣ Галису и перемѣнили это имя на Фригіянъ; потомки ихъ—арменіи (кн. VII, ст. 73). Страна ихъ, Фригія, лежала между Лидіей и Каппанокіей.

Въ статьѣ о Египтѣ мы привели извѣстіе Геродота объ испытаніи Псамметиха, какой народъ древнѣе всѣхъ на землѣ, по которому оказалось, что самымъ первымъ народомъ были фригіянцы (первое слово, которое произнесли не слыхавшіе человѣческаго говора младенцы, было фригіское: „Бекасъ"—хлѣбъ). Рѣка Галисъ, теперь Кизиль—Ирмакъ, течетъ съ полдня на полночь и впадаетъ въ Черное море, отдѣляя Нижнюю Азію древнихъ отъ Верхней, и Лидійское царство отъ Мидійскаго; она вышла изъ Арменской горы, проходитъ сперва земли киликіянъ; потомъ оставляетъ направо матіеновъ, налѣво—фригіянъ; поворачиваетъ на полночь, протекаетъ между сирійскими каппадокіянами направо и пофлагонами—налѣво. Такимъ образомъ Галисъ отрѣзаетъ почти всю Малую Азію, которая тянется отъ Средиземнаго моря противъ Кипра до Чернаго. Полоса эта—шея Малой Азіи; въ длину она имѣетъ пять дней пути для бодраго пѣшехода. (кн. I, ст. 72).

Этими подробностями Геродотъ опредѣляетъ положеніе малоазійскихъ земель восточной половины полуострова, вполнѣ согласно съ чертежемъ мѣдной доски Аристогора Милетскаго,

Фригія составляетъ предметъ особеннаго вниманія нынѣшнихъ ученыхъ; по ихъ изысканіямъ нѣтъ сомнѣнія какъ въ глубокой древности поселеній этого народа внутри Мало-азійскаго полуострова, такъ и въ близкомъ родствѣ его съ арменіями и эллинами; а рѣка Галисъ составляла крайнюю полночно-восточную границу разселенія арійскихъ народовъ съ запада. Кромѣ значительной части Мало-азійскаго полуострова, фригіяне занимали въ Европѣ большую часть Ѳракіи, Македоніи и Иллиріи (земли скиѳовъ и славянъ). Извѣстіе Геродота о выселеніи фригіянъ въ Азію принимается знатоками древности въ смыслѣ обратнаго движенія части фригіянъ изъ Европы уже послѣ Троянской войны. Англійскіе и французскіе ученые открыли исключительную особенность въ жизни древнѣйшихъ фригіянъ; они селились въ пещерахъ, то естественныхъ, то искуственныхъ; послѣднія такъ скучены и въ такомъ огромномъ числѣ въ одномъ мѣстѣ, что представляютъ цѣлые подземные города. Устройство пещерныхъ жилищъ, совмѣщая общія черты киклопическихъ построекъ Эллады, представляется, повидимому, первообразомъ ихъ.

Памфилы. Рядомъ съ ликіянами въ западномъ направленіи, на побережьи Средиземнаго моря, сидѣли памфилы. Земля ихъ называлась Памфиліей. Геродотъ считаетъ ихъ однимъ изъ народцевъ, ходившихъ подъ Трою подъ предводительствомъ Амфилоха и Калханта, разсѣвшихся послѣ разрушенія Трои и осѣвшихъ послѣ блужданій, на морскомъ побережьѣ. (кн. VII, ст. 31). Вооруженіе ихъ было эллинское (тамъ же).

Киликіяне. Въ восточномъ же направленіи и по тому же побережью, до угла моря, съ котораго оно опускается прямо съ полночи на полдень, расположена была Киликія. Эта горная страна изобиловала лошадьми и, кажется преимущественно бѣлыми, потому что, будучи покорена Даріемъ и составляя четвертый округъ Персіи, Киликія давала царю триста шестьдесятъ бѣлыхъ лошадей (кн. Ш, ст. 90); обитатели ея назывались прежде гипахеями, а въ царствованіе финикіянина Килика, сына Агенора, получили имя киликіянъ. На войну выходили въ туземныхъ шлемахъ (какихъ, еллинскихъ или персидскихъ?) вмѣсто щитовъ имѣли куски бычачей кожи, одѣвались въ длинные шерстяные халаты (хитоны); каждый вооруженъ былъ двумя метательными копьями (дротиками) и мечомъ, очень похожимъ на египетскій ножъ. (кн. VII, ст. 91).

Каппадокіяне. По очертанію земли Аристагоры, Каппадокія, или по эллински Сирія, граничила съ Фригіей, Киликіей и Арменіей (кн. V, ст. 49); насельники ея носятъ имя страны, каппадокіянъ и сирійцевъ; они описываются лидяниномъ, начитавшимся мудрецомъ; Санданисомъ, явившимся къ Крезу, чтобы отклонить царя лидійскаго отъ задуманнаго имъ похода на каппадокіянъ,—въ рѣчи его, Санданиса, обращенной къ Крезу, такъ: „Ты, царь, готовишься въ походъ на тѣхъ людей, которые носятъ кожаные штаны и всю одежду имѣютъ изъ кожи, живутъ въ землѣ суровой, ѣдятъ не столько, сколько хотятъ, а сколько имѣютъ, вина не употребляютъ вовсе, и пьютъ только воду, ни фигами, ни другими сластями не лакомятся;—если ты и останешься побѣдителемъ, что возьмешь у такого народа, который ничего не имѣетъ? а когда будешь побѣжденъ,—потеряешь много: вкусивши нашихъ благъ, они не пожелаютъ отказаться отъ нихъ и будутъ неотступно домогаться всего того, чѣмъ пользуется народъ твой“ (кн. I, ст. 7).

Во время военныхъ походовъ каппадокіяне имѣли на головахъ плетеные шлемы, носили небольшіе щиты и короткіе копья и мечи, а на ногахъ туземные башмаки, доходившіе до середины икры. (кн. VII, ст. 72).

Каппадокія признается за главное мѣстожительство народа хиттитовъ. Изысканіями западныхъ изслѣдователей, сдѣлавшихъ множество драгоцѣнныхъ открытій во Фригіи, найдены и здѣсь слѣды циклопическихъ сооруженій. По мнѣнію ученыхъ главное божество каппадокіянъ-сиріянъ—дѣва-воительница Ма, которой служило въ городѣ Камонѣ шестьсотъ жрицъ, вооруженныхъ и чествовавшихъ въ такомъ видѣ богиню танцами. Существуетъ предположеніе, что эти именно жрицы и послужили источникомъ и основою эллинскихъ сказаній объ амазонкахъ, наступательное движеніе которыхъ, говорятъ, началось отсюда, изъ Каппадокіи.

Понтійцы. Часть Каппадокіи, прилегающая къ восточной части полуденнаго побережья Чернаго моря, занята была поселеніями съ городомъ Синопою (нынѣшній Синопъ) и укрѣпленіемъ Птеріею, принадлежащими каппадокійцамъ. Жителей этихъ и другихъ эллинскихъ поселеній по Черноморскому побережью Геродотъ называетъ иногда понтійцами (ср. кн. I, ст. 76 и 101); кн. II, ст- 33; кн. IV, ст. 30 и кн. VI, ст. 33). Какъ принадлежащія каппадокійцамъ и эллинамъ, эти поселенія не имѣли ничего, отличавшаго жителей ихъ отъ тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежали; заносимъ же мы замѣтку о нихъ въ статью о современникахъ скиѳовъ только потому, что Геродотъ называетъ этихъ поселянъ понтійцами, а самыя поселенія Понтомъ, чтобы не смѣшивать море съ его побережьемъ.

Колхидяне. О народѣ этого имени уже говорено было раньше (египетскіе выходцы, обычай обрѣзанія). Земля ихъ, Колхида, прославленная баснословнымъ походомъ Аргонавтовъ (кн. I, ст. 2; кн. VII, ст. 193 и 197), находилась между Каппадокіей и Большою Арменіею—съ полдня и востока, Чернымъ моремъ съ запада и Кавказскимъ хребтомъ съ полночи, гдѣ рѣка Ріонъ, древняя Фазисъ (родина фазановъ); Геродотовъ Фасидъ; изъ Колхиды начинался путь въ Лидію (кн. I, ст. 104); рѣка Фасидъ, была, какъ замѣчено выше, границею древнихъ между Европою и Азіею (кн. IV, ст. 37. 38, 45, 86 и кн. VI, ст. 84).

Вооруженіе колхидянъ, участвовавшихъ въ Ксерксовомъ походѣ, состояло: въ деревянныхъ шлемахъ, прикрывавшихъ головы, небольшихъ щитахъ изъ сырой бычачьей кожи, короткихъ копьяхъ и ножахъ (кн. VII, ст. 79 и 80).

Приписываемое Геродотомъ колхидянамъ происхожденіе отъ оставшихся на Кавказѣ воиновъ Сесостриса, или Рамзеса II, оспаривается знатоками египетскихъ древностей (кн. II, ст. 104 и 105).

Пафлагонцы. На западъ отъ Каппадокіи въ полуденномъ побережьѣ Чернаго моря, гдѣ оно вдается въ море плоскою дугою, жили пафлагонцы; между землею ихъ и Каппадокійцевъ проходила Аристагорова рѣка Галисъ (кн. I, ст. 72). Пафлагонцы участвовали въ походѣ Ксеркса, подъ предводительствомъ Дота, сына Мегасидра. Геродотъ относитъ ихъ къ сиріянамъ, или каппадокіянамъ, считая варварами, т. е. не эллинами; вооружены были такъ же, какъ и сиріяне (плетеные шлемы, малые щиты, особые башмаки и пр., какъ у каппадокіянъ, кн. VII, ст. 72).

Киммеріяне азіатскіе. Геродотъ говоритъ, однако лишь въ видѣ предположенія: „*Очевидно* киммеріяне, спасаясь отъ скиѳовъ въ Азію, поселились на томъ полуостровѣ, на которомъ теперь эллинскій городъ Синта (кн. IV, ст. 12)“. Основываясь на этомъ извѣстіи, изслѣдователи древняго міра считаютъ Пафлагонію первымъ жилищемъ киммеріянъ въ Азіи, около 630 г. до Р. Х.

Биѳины. На западъ отъ пафлагонянъ, по берегамъ Чернаго моря и Мраморнаго (Босфоръ), поселились выходцы Ѳракіи, вытѣсненные оттуда, собственно съ побережья золотоносной рѣки Стримона, тевкрами и мисянами; имя биѳиновъ они приняли уже въ Малой Азіи; на головахъ носили лисьи

шкурки, на тѣлѣ—хитоны, а сверху длинные шерстяные плащи, на ногахъ и кругомъ икръ—обувь изъ козьей кожи; вооруженіе ихъ: метательные копья, легкіе щиты и короткіе мечи (кн. I, ст. 64; кн. VII, ст. 75).

Мисяне. Народъ этотъ занималъ гористую страну между Виѳиніею и Пафлагоніею; родственны карамъ (см. выше—ликіяне); еще до Троянской войны онъ ходилъ въ Европу (кн. VII, ст. 20 и 75) вмѣстѣ съ тевкрами. Геродотъ считаетъ мисянъ Ксерксовыхъ временъ потомками Лидянъ. Вооружены были въ походѣ Ксеркса туземными шлемами, малыми щитами и дротиками, обоженными на концѣ (кн. I, ст. 171; кн. VII, ст. 20, 74 и 75).

Арабы занимали Аравію. Чтутъ изъ боговъ Діониса подъ именемъ *Оротала* и Уранію подъ именемъ *Алилотъ*; договоры они соблюдаютъ строже, чѣмъ какой либо другой народъ и заключаютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: между двумя договаривающими становится третье лицо и острымъ камнемъ (кремнемъ?) дѣлаетъ каждому у большого пальца продольный разрѣзъ на внутренней сторонѣ руки, затѣмъ выдергиваетъ изъ ихъ платья по клоку шерсти и намазываетъ кровью положенные между договаривающимися семь камней, причемъ взываетъ къ Ороталту и Алилотѣ; наконецъ, заключившій договоръ представляетъ иноземца, или соплеменника, участвующаго въ немъ, своимъ друзьямъ, которые считаютъ долгомъ съ этого времени уважать состоявшійся договоръ. Арабы стригутъ себѣ волосы въ кружокъ, подчищая (подстригая) ихъ на вискахъ; по ихъ словамъ точно такъ стригся Ороталтъ (кн. III, ст. 8). Одежда арабовъ состояла въ подпоясанномъ плащѣ; луки ихъ длинные, носили ихъ, повѣсивъ на правое плечо, а натягивали въ обратную сторону (кн. VII, ст. 69).

Парѳяне. Отъ Каспійскаго моря прямо на полдень и на полдень къ востоку разстилалась обширная страна многочисленнаго народа, парѳянъ; она замыкалась съ полдне-востока горнымъ хребтомъ, имѣвшимъ пять ущелій; черезъ каждое изъ нихъ входилъ въ эту страну одинъ изъ пяти притоковъ рѣки Акеса, впадавшей въ Каспій, орошая такимъ образомъ землю парѳянъ, бывшую поэтому плодородною и богатою. Парѳяне и ихъ сосѣди были сперва независимы, но впослѣдствіи подпали подъ власть персовъ, царь которыхъ велѣлъ закрыть всѣ ущелья пяти притоковъ рѣки и устроилъ у каждаго затворы, которые можно было поднимать, давая водѣ выходъ, и опускать, задерживая теченіе ея. Обширная равнина парѳянъ при опущенныхъ затворахъ лишалась воды, и они должны были покупать у царя за большія деньги воду, чтобы орошать свою землю; затворы давали персамъ, поэтому, хорошій доходъ (кн. III, ст. 92 и 117). Парѳяне имѣли вооруженіе такое же, какъ и бактріане (кн. VII, ст. 66).

Каспіи. Въ Ксерксово время, при раздѣленіи огромнаго Персидскаго царства на округа, къ одиннадцатому причислялись каспіи, павсикаи, пантимиѳы и дарейты; а къ пятнадцатому—каспіи и саки. Область саковъ мы видѣли, слѣдовательно каспіи сидѣли въ двухъ мѣстахъ и были многочисленны. Гдѣ находился одиннадцатый округъ, Геродотъ не объясняетъ; но какъ имя каспіевъ, такъ и положеніе округовъ десятаго, двѣнадцатаго и остальныхъ до пятнадцатаго, указываетъ для одиннадцатаго мѣстность между

Кавказскимъ хребтомъ и Арменіей (кн. Ш, ст. 92 и 93). Каспіи носили хитоны изъ руна, вооруженіе ихъ—луки изъ тросника и персидскіе мечи *накиакезы*.

Халибы, носившіе мѣдные шлемы, на которыхъ торчали бычачьи уши и рога—мѣдные же; анучи изъ лоскутьевъ пурпурнаго цвѣта; вооружены небольшими щитами изъ сырой бычачьей кожи и каждый двумя рогатинами (кн. VII, ст. 76); жили они между мисянами и пафлагонянами, по сю сторону рѣки Галиса (кн. I, ст. 28).

Меоны или кабалеи, сосѣди киликіянъ, ликіянъ и памфинянъ (кн. Ш, ст. 90), одѣвались и были вооружены какъ киликіяне (кн. VII, ст. 77).

Миліи, занимавшіе въ древности страну Ликіянъ, Миліаду, по выходѣ изъ Европы въ Азію, и называвшіеся сперва *солимами*, а потомъ *шермилами* (материнство), вооружены поликійски; шлемы носили кожаные (кн. I, ст. 173 и кн. VII, ст. 77).

Моехи и сосѣди ихъ *табарены*, *макроны* и *мосеинойки*, народцы Колхиды (ст. Ш, ст. 94); вооруженіе ихъ—древянные шлемы, щиты изъ бычачьей сырой кожи и короткіе копья съ длинными наконечниками, вѣроятно желѣзными (кн. VII, ст. 76).

Мары—жители частью Арменіи, частью Кавказскихъ горъ, носили плетеные туземные шлемы, имѣли дротики и небольшіе кожаные щиты (кн. Ш, ст. 94 и кн. VII, ст. 79).

Сагартіи. Народъ кочевой, по языку—персы, а по имени—саки, такъ какъ у саковъ сѣкиры называются—сагаріи. Оружіе ихъ—короткіе мечи и веревки, сплетенныя изъ сыромятныхъ ремней; на войнѣ они бросаютъ веревку съ петлей на концѣ (арканъ) и кого-бы ни поймали,—человѣка-ли,—лошадь-ли тащатъ къ себѣ; затянутый въ петлю погибаетъ (кн. I, ст. 125, кн. Ш, ст. 93; кн. VII, ст 64 и 85).

и в) Европейскіе.

Свѣдѣнія древнихъ о полночной, восточной и западной Европѣ крайне не точны. Геродотъ говоритъ: „Относительно Европы никто достовѣрно не знаетъ, омывается ли она водою на полночи и на востокѣ; однако же извѣстно, что по длинѣ Европа равняется Азіи и Африкѣ (Ливіи) вмѣстѣ взятымъ“. Имя свое наша часть свѣта получила, говорятъ писавшіе до Геродота, отъ женщины тирянки, жительницы финикійскаго города Тира, дочери Агенора, похищенной критянами; сыновья ея поссорились между собою изъ-за власти надъ жителями острова; старшій удалился въ Азію, а младшій, какъ одержавшій надъ нимъ верхъ, остался на Критѣ;—но Геродотъ отвергаетъ это повѣствованіе и не знаетъ, кто и когда назвалъ нашу часть свѣта Европою, хотя увѣренъ, что это имя она получила отъ азіатскихъ выходцевъ, а раньше носила какое-либо другое (кн. I, ст. 2 и 173; и кн. IV, ст. 43 и 147).

Азія, опередившая высшимъ подъемомъ своего развитія и роста Европу болѣе чѣмъ на три тысячи лѣтъ до Р. Х., считая и Египетъ, служила для

населенія полуденно-восточной части ея просвѣтительницею и надѣлила нашу часть свѣта своими духовными сокровищами. Такъ смотритъ современная наука на Азію и устанавливаетъ для первыхъ учениковъ ея началомъ процвѣтанія и воздѣйствія на сосѣдей года: для Греціи 776-й, а для Рима 753-й до Р. Х. Писатели древности, труды которыхъ дошли насъ, и которые даютъ наукѣ еще недостаточно точныя и не вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія, пробудили однако же въ своихъ соплеменникахъ стремленіе къ знаніямъ прошлаго и къ усвоенію достойнаго подражанія чужого—лѣтъ за 400 раньше, если начать съ Гомера, или съ того высокоталантливаго пѣвца,—повѣствователя, который скрытъ отъ науки въ этомъ имени.

Разцвѣтъ духовнаго роста Греціи ученые относятъ къ сплоченію въ Азіи, изъ разрозненныхъ народовъ и народцевъ, усиліями Кира, Креза и Дарія, могущественнѣйшаго Персидскаго державства, ко времени между шестымъ и четвертымъ вѣками до Р. Х., когда жили, отъ 527 до 322 годовъ, величайшіе писатели, въ числѣ ихъ и Геродотъ. Такой же разцвѣтъ Рима запоздалъ вѣка на четыре слишкомъ, если начать его Цицерономъ, какъ дѣлаетъ большинство ученыхъ, и кончить Овидіемъ; рожденіе перваго относятъ къ 106 году до Р. Х., а смерть послѣдняго—къ 17 году христіанскаго лѣтоисчисленія

Такимъ образомъ легко понять, почему ни Геродотъ, ни предшественники и ближайшіе послѣдователи его не знаютъ ни западной, ни полночно-восточной Европы; на западъ несъ и тамъ насаждалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, плоды унаслѣдованнаго черезъ Грецію азіатско-эллинскаго просвѣщенія—Римъ. Полуночье же Европы оставалось, какъ увидимъ, внѣ просвѣтительства греко-римскаго цвѣтущихъ вѣковъ этихъ обоихъ народовъ, еще долго.

Сказанія Геродота о Европѣ, по намѣченнымъ причинамъ, сосредоточены на эллинахъ и ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ.

Какъ Персія была вѣковѣчною соперницею Греціи со стороны малоазійскаго полуострова, такъ Скиѳія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, представляла великую преграду для нея и Рима къ проникновенію въ полночно-восточные предѣлы Европы: урокъ Дарія былъ слишкомъ свѣжъ и ясенъ; Скиѳія поглощала пришельцевъ, но сама не поддавалась не только поглощенію ихъ, но даже и побратимству съ просвѣтителями запада; во время своего бытія. она заимствовала отъ нихъ очень мало, давала же своего сравнительно больше. Для нашей задачи одинаково полезно узнать и это малое, потому и обратимся къ Геродоту за свѣдѣніями о бытовыхъ данныхъ, изложенныхъ въ его сказаніяхъ о европейскихъ современныхъ скиѳовъ; начнемъ съ болѣе близкихъ ихъ сосѣдей.

Енеты иллирійскіе. Геродоту извѣстно иллирійское племя, однимъ изъ народцевъ котораго были енеты, жившіе у Адріатическаго моря, въ побережьи (кн. V, ст. 9). Для установленія мѣстности Иллиріи имѣется въ извѣстіяхъ его слѣдующее указаніе: изъ Иллиріи вытекаетъ рѣка Ангръ и, направляясь на полночь, входитъ въ Трибалскую равнину; здѣсь вливается въ Бронгъ, а эта рѣка впадаетъ въ Дунай (кн. IV, ст. 49). Древній Бронгъ извѣстенъ теперь подъ именемъ Моравы, или Савы. Значитъ Иллирія зани-

мала полночно-восточную часть Адріатическаго побережья. Къ вопросу о происхожденіи Енетовъ и всего иллирійскаго племени у Геродота находятся нѣкоторыя данныя, представляющіяся достаточно вѣскими, такъ; а) говоря о мудрѣйшемъ обычаѣ ассиріянъ (приведенъ выше) продавать дѣвушекъ, онъ удостовѣряетъ, по личному наблюденію, что точно также поступали и иллирійскіе енеты (кн. I, ст. 196); и б) Мардоній, военачальникъ персовъ, стоя противъ эллинскаго войска при Платеяхъ и рѣшивъ дать сраженіе, объявилъ объ одномъ, достовѣрно извѣстномъ ему изреченіи оракула, что персамъ суждено, по прибытіи въ Елладу, расхитить Дельфійское святилище и, послѣ расхищенія, погибнуть всѣмъ. Геродотъ, приводя это изреченіе, замѣчаетъ, что оно относилось не къ персамъ, но къ иллирійцамъ и высказано было по случаю похода ихъ и енхелеевъ (кн. IX, ст. 42 и 43). Предки Александра Македонскаго, но не великаго, выходцы изъ Аргоса, поселились первоначально въ Иллиріи, а уже оттуда перешли въ верхнюю Македонію (кн. УШ, ст. 137—139). Изслѣдователи Эллады и ея народцевъ полагаютъ: а) что иллирійцы происходили изъ Этоліи, наиболѣе обширной области средней Эллады, такъ какъ этоляне казались эллинамъ варварами (кн. VI, ст. 127 и кн. УШ, ст. 73)—и б) что ѳессалійцы, образовавшіеся изъ пелазговъ, принадлежатъ къ иллирійскому племени (ср. кн. УП, ст. 176).

Пелазги. До сихъ поръ между изслѣдователями сказаній древнихъ писателей не установилось единомысліе о древнѣйшихъ обитателяхъ Эллады, пелазгахъ, Геродотъ сказываетъ о нихъ слѣдующее.

По изысканіямъ Креза царя лидіянъ, древнѣйшими насельниками Эллады были два племени, *дорійское* и *іонійское*; къ первому принадлежали *лакедемоняне*, а ко второму *аѳиняне*. Это были главныя племена, издревле составлявшія пелазгійскій народъ—одно, и эллинскій—другое; первое изъ нихъ никогда не переселялось, а второе странствовало очень долго. При царѣ Девкаліонѣ доряне занимали область Фѳіотиду, а при Дорѣ, сынѣ Еллина, Гистіэотиду; вытѣсненные отсюда *кодмеянами* поселились въ Пиндѣ подъ именемъ *македоновъ*; впослѣдствіи перешли изъ Пинды въ Дріотиду, наконецъ въ Пелопоннесъ, гдѣ и названы дорянами. (кн. I, ст. 56).

На какомъ языкѣ говорили пелазги, Геродоту въ точности неизвѣстно; но,—пишетъ повѣствователь, — „если позволительно дѣлать заключенія по тѣмъ изъ пелазговъ, которые еще уцѣлѣли до нашего времени, живутъ выше тирреновъ въ городѣ *Крестонѣ* и нѣкогда занимали пограничныя съ нынѣшними дорянами земли—они жили въ Ѳессаліотидѣ, равно по останкамъ тѣхъ пелазговъ, которые нѣкогда жили вмѣстѣ съ аѳинянами, а потомъ заняли *Плакію* и *Скилаку* на Геллеспонтѣ, равно какъ и по всѣмъ другимъ пелазгическимъ поселеніямъ, которыя болѣе такъ не называются,—если можно судить по этому, то пелазги говорили языкомъ варварскимъ; а если и все пелазгическое племя было таково, значитъ населеніе Аттики, бывшее пелазгическимъ, съ переходомъ въ эллиновъ перемѣнило и языхъ свой. Языкъ крестонянъ не похожъ ни на одинъ изъ языковъ народовъ сосѣднихъ, равно какъ и языкъ плакіянъ; но жители этихъ двухъ городовъ говорятъ одинаковымъ языкомъ; очевидно они сохранили то самое нарѣчіе, на которомъ го-

ворили при выселенiи въ эти мѣста. Съ другой стороны эллины съ самаго начала и всегда говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Отдѣлившись отъ пелазгическаго племени, они первоначально были слабы; но благодаря тому, что съ ними соединились пелазги и многiя другiя варварскiя племена, сдѣлались сильны и разрослись въ нѣсколько народовъ. Пелазги же, по мнѣнiю Геродота, ни когда не были ни особенно многочисленны, ни особенно сильны (кн. I, ст. 57 и 58).

Въ Епирѣ была мѣстность съ городомъ, имя ему Додона. Незначительная по пространству мѣстность эта знаменита древнѣйшимъ прорицалищемъ ея имени. Она расположена была въ той гористой части Епира, которая и до сихъ поръ покрыта дубовыми лѣсами; здѣсь и теперь, въ лѣтнее время, свирѣпствуютъ неожиданно набѣгающiя бури, быстро проносящiяся, но отличающiяся удивительными раскатами грома и сверканiями молнiи. Геродотъ посѣщалъ прорицалище Додоны и узналъ отъ мѣстныхъ жрицъ, а также и отъ жрецовъ египетскихъ Ѳивъ, что нѣкогда изъ этого города прилетѣли двѣ черныя голубки, одна въ Ливiю, а другая въ Додону; эта послѣдняя сѣла на дубѣ и человѣческимъ языкомъ проговорила, что здѣсь должно быть прорицалище Зевса; первая же приказала основать въ Ливiи прорицалище Аммона, того же Зевса. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ отъ додонскихъ жрицъ, что пелазги совершали первоначально различныя священнодѣйствiя и молились богамъ, не называя по имени ни одного и не зная наименованiй боговъ; употребляли же для обозначенiя ихъ слово „Θεοι“, вѣруя, что все находящееся въ мiрѣ создано, приведено въ порядокъ и находится въ ихъ власти. Только много времени спустя пелазги узнали имена боговъ, перешедшiя изъ Египта, а Дiониса— послѣ всѣхъ; еллины переняли обыкновенiе именовать боговъ уже отъ пелазговъ; однакожъ, откуда произошли боги, всегда ли они существовали въ представленiи людей, каковы лики ихъ,—еллины ничего этого не знали до самаго недавняго, по мнѣнiю Геродота, времени; онъ полагаетъ, что Гезiодъ и Гомеръ, жившiе до него не болѣе какъ за четыреста лѣтъ, составили для еллиновъ родословную боговъ, подѣлили между ними достоинства и занятiя и начертали ихъ образы.

Примѣчанiе. Греческое слово Θεοι которымъ пелазгiйцы обозначали боговъ, производится отъ τίθημι — класть, полагать, учреждать, устраивать.

Сказанiе о голубкахъ и притомъ черныхъ Геродотъ ставитъ въ зависимость отъ преданiя египетскихъ жрецовъ о двухъ женщинахъ, похищенныхъ финикiянами изъ Ѳивъ, гдѣ онѣ были жрицами, и о продажѣ одной въ Ливiю, а другой въ Элладу, именовавшуюся еще Пелазгiей; додоняне назвали ихъ голубками потому что, будучи варварками, онѣ говорили языкомъ на столько же для нихъ непонятнымъ, какъ и птичiй голосъ; черными голубками названы по темному цвѣту кожи древнихъ египтянъ. (Припомнимъ наше объясненiе названiя одной изъ башенъ Новгородскаго Дѣтинца „Кукуй“ въ зависимости отъ говора нѣмецкихъ выходцевъ).

Изъ пелазгическихъ обрядовъ, установленныхъ первоначально ими и перешедшихъ сперва къ египтянамъ, а потомъ къ эллинамъ, Геродотъ упо-

минаетъ только объ одномъ: Пелазги, а затѣмъ и эллины, носили въ торжественныхъ обходахъ по селеніямъ, при празднествахъ въ честь Діониса, изваяніе мужскаго дѣтороднаго члена; египтяне, перенявъ этотъ обычай отъ пелазговъ, нѣсколько видоизмѣнили его: женщины, предшествуемыя гудочникомъ (флейтистомъ), воспѣваютъ Діониса и носятъ по деревнямъ изваяніе Гермеса почти въ локоть вышиною; дѣтородный членъ Гермеса не многимъ меньшій всего изваянія; онъ прилаженъ такъ, что при помощи крѣпкихъ нитокъ его можно то поднять, то опустить. Почему дѣтородный членъ такъ великъ, и почему изъ всѣхъ частей тѣла Гермеса онъ одинъ находится въ движеніи, объ этомъ существуетъ священное сказаніе у пелазговъ, но въ чемъ оно состоитъ,—Геродотъ не объясняетъ. (кн. II, ст. 49, 51—57).

Другой обрядъ заимствованъ пелазгійскими женщинами отъ дочерей Даная, вывезшихъ его изъ Египта; онъ совершается въ честь Деметры во время празднества и называется у эллиновъ *Ѳесмофоріями*, но о подробностяхъ этого обряда говорить представляется Геродоту грѣхомъ (кн. II, ст, 171).

Пелазги занимали въ древности всю Элладу; въ Аѳинахъ существовало Пелазгійское укрѣпленіе, на столько обезпеченное въ безопасности во время войны, что въ немъ нашли себѣ надежное убѣжище Пизистратиды во время нападенія лакедемонянъ съ царемъ Клеоменомъ, около 540—510 г. до Р. Х. (кн. Ѵ, ст. 64). Современные Геродоту аѳиняне издревле были пелазги и назывались *кранеями*; при Ерехѳеѣ ихъ прозвали аѳинянами, а позднѣе, по имени начальника аѳинскихъ войскъ, *Іона*, сына Ксуѳа—іонянами, (кн. ѴIII, ст. 44). Нѣкогда пелазги, похитивъ аѳинскихъ женщинъ изъ города Бравруна на восточномъ берегу Аттики, перебрались на островъ Эгейскаго моря (Архипелага), Лемнъ и вытѣснили оттуда *миніевъ*, потомковъ воиновъ корабля Арго (походъ Аргонавтовъ); этихъ миніевъ лакедемоняне приняли къ себѣ (кн. IѴ, ст. 145). Дарій, послѣ неудачнаго похода на скиѳовъ, покорилъ своей власти пелазговъ Лемна и сосѣдняго острова Ильбра. (кн. V, ст. 20).

Пелазги занимали, по мнѣнію современныхъ ученыхъ, всю Ѳессалію въ тѣ времена, когда еще не возникалъ народъ эллинскій; послѣ Троянской войны жители Ѳессаліи переселились въ Эолиду (кн. ѴII, ст. 176).

Еллины. Страна, которую занимали еллины, пользовалась превосходнѣйшимъ мѣстоположеніемъ въ отношеніи вліяній воздуха и свѣта (кн. III, ст. 106), но претерпѣла много бѣдъ, будучи предметомъ стремленій сосѣдей къ завоеванію ея—и собственныхъ вождей, враждовавшихъ между собою за преобладаніе (кн. VI, ст. 98); населенная первоначально пелазгами страна получила названіе Эллады отъ царя своего Еллина, имѣвшаго сына Дора, (кн. I, ст. 56). При этомъ царѣ (баснословномъ) и впослѣдствіи всѣ насельники Еллады стали называться еллинами, хотя и сохраняли въ то же время имена племенныя по происхожденію. Главнѣйшими племенами были іоняне,— по происхожденію коренные обитатели страны, потомки пелазговъ, и доряне, или собственно еллины (кн. ѴIII, ст. 44). Какъ образовавшіе внутренній строй страны своей въ цвѣтущее время высокаго развитія Египта, Вавилоно-Ассиріи, Финикіи, Персіи и другихъ, эллины позаимствовали отъ

нихъ плоды просвѣщенія, такъ: отъ египтянъ—божества, олицетворивъ ихъ въ прекрасныхъ образахъ и примѣнивъ олицетвореніе пелазгійскаго Фаллоса въ Гермесѣ,—а также науку измѣренія площадей (геометрію); отъ вавилонянъ—солнечные часы и дѣленіе дня на 12 частей; отъ финикіянъ—письмена; отъ каровъ—украшеніе щитовъ, одѣяніе женщинъ и пр., отъ варваровъ, подъ которыми разумѣются преимущественно персы, уваженіе къ военнымъ людямъ (кн. II, ст. 43, 49, 50—58, 100, 123, 143—146, 167).

Изъ многочисленныхъ обычаевъ эллиновъ слѣдуетъ отмѣтить два: одинъ—празднество поминовенія покойниковъ (кн. IV, ст. 26) и сожиганіе труповъ (кн. VII, ст. 38). Объ этомъ обычаѣ Геродотъ высказался недостаточно ясно, излагая такъ: Дарій позвалъ къ себѣ эллиновъ, состоявшихъ у него на службѣ, и спросилъ ихъ; за какую плату они согласились бы съѣсть своихъ умершихъ родителей; тѣ отвѣчали, что не сдѣлаютъ этого ни за что; затѣмъ Дарій позвалъ индійцевъ, собственно такъ называемыхъ *калатіевъ*, которые поѣдаютъ своихъ родителей, и предложилъ имъ вопросъ: за какую плату они согласились бы предать огню умершихъ родителей: калатіи отвѣчали громкими восклицаніями и требовали, чтобы царь не богохульствовалъ. Разумѣлъ ли персидскій царь подъ трупосжигателями эллиновъ, или какой либо иной народъ—утвердительно нельзя сказать по приведенному изложенію; и другой—совѣтъ старѣйшихъ. По Геродоту учрежденіе этого совѣта въ Спартѣ принадлежитъ Ликургу (кн. I, ст 65: кн. VI, ст. 57), но у эллиновъ вообще оно существовало искони, съ незапамятной древности, вѣроятно—какъ наслѣдіе пелазговъ; совѣтъ старѣйшихъ—это та дума вождей народа, которая собиралась подъ Троей во время войны и въ мирное время въ землѣ пеановъ—по сказаніямъ Гомера. Всѣ члены Совѣта, не исключая и царей, имѣли въ собраніи одинаковыя права; цари были, при существованіи Совѣта старѣйшинъ, только исполнителями повелѣній его. (Указ. къ Геродоту, ст. 201);

Вообще нравы и обычаи эллиновъ представляютъ отраженіе бытовыхъ особенностей тѣхъ народовъ, съ которыми они имѣли болѣе сношеній и которые служили для нихъ источникомъ заимствованій полезнаго и пріятнаго.

Нѣкоторые эллины проникали и въ Скиѳію: одни жили на западъ отъ Днѣпра, между нимъ и рѣкою Бугомъ, гдѣ и основали городъ Ольбію (выше сказано), принявъ отъ нея названіе Ольбійполитовъ, другіе поселились за долго до Геродота въ землѣ будиновъ и основали тамъ Гелонъ (см. выше), съ святилищами своихъ эллинскихъ божествъ, алтарями и храмами. (кн IV, ст. 18 и 108).

Приведенными немногими выписками собственно о эллинахъ мы и ограничимся, такъ какъ при изложеніи свѣдѣній Геродота о народахъ и народцахъ Малоазійскаго полуострова, вышедшихъ изъ Эллады, перечислены по возможности всѣ бытовыя данныя вынесенныя ими изъ родной земли.

Италійцы. О насельникахъ Италіи Геродотъ сообщаетъ немногое и то лишь о занимавшихъ полуденную часть ея;—это немногое не относится до нравовъ или какихъ либо особенныхъ обычаевъ, касаясь только переселеній эллиновъ и взаимныхъ ихъ столкновеній на итальянской почвѣ, потому мы воздержимся отъ выписокъ (кн. I, ст. 24, кн. Ш, ст. 136; кн. V, ст. 43; кн. VII, ст. 127 и кн. VIII, ст. 62).

Изъ народовъ Западной Европы Геродотъ называетъ: сигинновъ, массаліевъ, лигіевъ, кинетовъ и кельтовъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ только упоминая.

Сигинны. Не зная, какая страна лежала на полночь отъ Өракіи и какіе народы ее заселяютъ, Геродотъ предполагаетъ, что по ту сторону Дуная разстилается безпредѣльная пустыня; по разсказамъ онъ знаетъ въ той странѣ только одинъ народъ, называемый „сигинны". Одѣваются они по индійски; лошади, водящіяся въ странѣ этого народа, покрыты сплошь густыми волосами, длиною въ ладонь, съ раздутыми ноздрями, малорослы и не могутъ носить всадника; за то быстро бѣгутъ въ запряжкѣ, потому туземцы ѣздятъ въ повозкахъ. Земля сигинновъ тянется почти до страны енетовъ, что на Адріатическомъ побережьи; они производятъ себя отъ Медянъ. По словамъ өракіянъ вся земля по ту сторону Дуная заполонена пчелами и потому по ней нельзя пройти дальше; но Геродотъ этому не вѣритъ, такъ какъ пчелы не выносятъ холода, а полночныя земли не обитаемы именно по причинѣ стужи (кн. V, ст. 9 и 10).

Массаліи. За сигиннами, въ западномъ направленіи, былъ городъ Массалія, основанный за 600 лѣтъ до Р. Х., фокеянами, малоазійскими іонянами (кн. V, ст. 9). Теперь этотъ городъ называется Марсель.

Лигіи. Городъ Массалія основанъ въ землѣ лигіевъ, выходцевъ кавказскихъ, жившихъ подлѣ колхидовъ. Владѣтель Сициліи Гелонъ не явился на помощь эллинамъ во время борьбы ихъ съ Ксерксомъ, потому что бывшій до него тиранномъ этой страны наводнилъ Сицилію огромнымъ полчищемъ, составленнымъ изъ разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и лигіевъ (кн. VII, ст. 165); стало быть этотъ народъ былъ воинственъ; его считаютъ за лигуровъ поздняго времени.

Кинеты. Изъ всѣхъ народовъ Европы на западѣ крайними считались во времена Геродота кинеты, или кинесіи (кн. II, ст. 33 и кн. IV, ст. 49).

Кельты. Сосѣдями кинетовъ были кельты, занимавшіе, по представленію Геродота и его современниковъ, ту часть Европы, которая лежитъ за Геракловыми Столбами и откуда вышелъ Дунай (тамъ же).

Кельтами мы оканчиваемъ выписки изъ Геродота.

Геродотово время приближается къ рубежу, съ котораго начинается возникновеніе двухъ новыхъ срединъ тяготѣнія европейскихъ насельниковъ; онѣ обѣ выросли изъ началъ, выработанныхъ борьбою за преобладаніе въ древнемъ мірѣ между народами Азіи, насильно скученными вокругъ державцевъ Персіи, и Европейско-азіатскими еллинами въ обширномъ смыслѣ этого имени, обнимавшаго всю совокупность разнородныхъ племенъ Азіи и Африки, избѣгавшихъ стаднаго порабощенія средне-азіатскихъ владыкъ.

Скиөы и западно-полночные ихъ сосѣди оставались чуждыми этой борьбѣ и ея послѣдствій; Сезострисъ, Псамметихъ и Дарій были для нихъ не болѣе какъ звукомъ, замиравшимъ сряду же послѣ появленія завоевателей подъ сводомъ неба негостепріимной страны, отъ давленія страха при взглядѣ на не-

смѣтныя полчища суровыхъ выходцевъ полуночья. Непричастные еллинскимъ усобицамъ, древніе насельники нашей страны не гнушались однако же, въ теченіи вѣковъ, повѣствуемыхъ Геродотомъ, общенія со всѣмъ еллинскимъ міромъ, какъ непосредственнаго, такъ и чрезъ своихъ полуденныхъ сосѣдей, но лишь на столько, на сколько считали это для себя полезнымъ.

Новыми, послѣ Геродота, срединами тяготѣнія были—одна рядомъ со скиѳами, въ Македоніи, созданная прадѣдами Александра Великаго,—другая поодаль отъ нея, на западъ отъ Адріатическаго моря, въ странѣ Геродотовыхъ енетовъ и иллирійцевъ, гдѣ Вѣчный Римъ.—На сколько скоропреходящи были судьбы первой, на столько долговѣчны—второй изъ этихъ новыхъ срединъ тяготѣнія.

Писатели Эллады, слѣдовавшіе за Геродотомъ, а затѣмъ и римскіе, вплоть до перваго вѣка по Р. Х., оставили не мало сказаній о племенахъ и народахъ имъ современныхъ; но мы здѣсь не остановимся на нихъ, а перейдемъ прямо къ обстоятельнѣйшему землеописателю, дающему болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ свѣдѣній о западно-полуденныхъ насельникахъ Европы. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи записки, въ той ея части, которая будетъ отведена бытовымъ свидѣтельствамъ долѣтописныхъ вѣковъ, пережитыхъ нашими праотцами, приведемъ соотвѣтственныя предмету сказанія повѣствователей разныхъ народовъ, освѣщающія времена, предшествовавшія началу русской лѣтописи.

Страбонъ.

Знамемитый землеописатель послѣднихъ годовъ предъ Р. Х. и первыхъ христіанскаго лѣтосчисленія, Страбонъ, родился въ городѣ Амисѣ, въ побережьи Чернаго моря, гдѣ была Геродотова Пафлагонія временъ Троянской войны—страна енетовъ (кн. XII, гл. III. стр. 554 Страбоновой географіи въ русскомъ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва 1879 г.). Подобно Геродоту онъ лично обошелъ многія страны, отъ Арменіи до Тирреніи, т. е. до рѣки Тибра, и отъ Чернаго моря до Эѳіопіи, посѣтилъ Команы въ Кападоніи, Коринѳъ, Римъ, Египетскія Филы и разные другія города и земли (кн. II, гл. V, стр. 115 и 116, кн. XII, гл. II, стр. 546, кн; VIII, гл. VI, стр. 392, кн. VI. гл. II, стр. 273, кн. XVII, гл. I, стр. 834).

Вотъ какъ отзывается о трудѣ его переводчикъ Ѳ. Г. Мищенко: „Можно утверждать рѣшительно, что ни одинъ писатель греко-римской древности не даетъ намъ такого обилія свѣдѣній, относящихся къ различнымъ отраслямъ знаній, къ различнымъ временамъ, странамъ и народностямъ, какъ землеописатель Страбонъ, родомъ изъ Амасіи Понтской, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно сколько нибудь значительное произведеніе древне-греческой или римской письменности не дошло до насъ въ такомъ печальномъ видѣ, какъ землеописаніе Страбона. Если большинство сочиненій древности не мало пострадало отъ времени, отъ невѣжества и небрежности читателей, перепис-

чиковъ и владѣльцевъ рукописей, если въ большинствѣ сочиненій существуютъ болѣе или менѣе значительные пробѣлы, или позднѣйшія вставки, или перестановки и искаженія отдѣльныхъ словъ, то изложеніе Страбонова землеописанія, дошедшее до насъ, подверглось совокупному разрушительному дѣйствію всѣхъ этихъ случайностей (Пред. стр. V)". Приведя свѣдѣнія научныхъ изысканій о Страбоновой рукописи, нашъ переводчикъ воспользовался въ своемъ трудѣ всѣми ими и приложилъ къ переводу обширный указатель съ объясненіями. Такимъ образомъ Ѳ. Г. Мищенко облегчилъ чтеніе Страбона на столько же, какъ и Геродота.

Предпринявъ обширный трудъ, Страбонъ изучилъ предварительно сказанія всѣхъ писавшихъ до него о странахъ и народахъ, на свѣдѣнія которыхъ и ссылается во всемъ томъ, что заноситъ въ свою книгу не изъ личныхъ наблюденій. Изъ писателей, упоминающихъ о скиѳахъ, ихъ сосѣдяхъ и современникахъ, онъ приводитъ нерѣдко слова: *Гомера*, *Гезіода*, *Эратосѳена*, *Эфора*, *Ктезія*, *Посейдонія*, *Гиппарха*, *Аполлодора*, *Пиѳея*, *Мегасѳена* и *Онесикрита;* нерѣдко же дѣлается и оцѣнка извѣстій, представляющихся сомнительными или невѣроятными; мѣстами отмѣчаются ссылки на мудрецовъ—Платона, Аристотеля и др.

Важность Страбонова землеописанія для изученія народовъ древняго міра давно оцѣнена, о ней говорить излишне.

Страбонова Скиѳія.

Извѣстія, собранныя въ Страбоновой книгѣ, обнимаютъ какъ страны и народы за время обѣихъ срединъ тяготѣнія, такъ и другіе, оставшіеся внѣ вліянія, прямого или косвеннаго,—Македоніи, возвеличенной Александромъ и уступившей со смертью великаго завоевателя, свое владычество надъ древнимъ міромъ Элладѣ,—и затѣмъ Рима, ставшаго властелиномъ болѣе сильнымъ чѣмъ Александръ въ дни самаго высокаго подъема славы и господства счастливѣйшаго Македонянина. Въ числѣ этихъ другихъ Страбономъ описывается и Скиѳія Европейская и Азіатская. Съ племенами и народами послѣдней приходилось считаться и Персіи, исконной соперницѣ Эллады, Македоніи и Риму; потому о ней извѣстія Страбоновы подробнѣе и обширнѣе Геродотовыхъ. Европейская же Скиѳія, съ образованіемъ на полночно-черноморскомъ побережьи во времена, повѣствуемыя землеописателемъ, Боспорскаго царства, привлекла особое вниманіе его къ сосѣднимъ съ этимъ царствомъ землямъ; о болѣе же далекихъ въ полночномъ направленіи говорится менѣе даже, чѣмъ у Геродота; но за то западная сторона Европы, начиная отъ Адріатическаго моря до Геракловыхъ столбовъ, со включеніемъ Иберіи, нынѣшняго Пиринейскаго полуострова, и все западное побережье отъ Иберіи на полночь до Балтійскаго моря со включеніемъ Даніи, Великобританіи и, кажется, части Норвегіи, а отсюда въ глубь материка даже до предѣловъ земель Ильменскихъ,—описывается съ множествомъ подробностей о народахъ и народцахъ, или подпавшихъ подъ власть всемогущаго Рима, или съ нимъ сталкивавшихся.

Въ зависимости отъ движеній народовъ и народцевъ срединной и Малой Азіи и запада Европы, убѣгавшихъ отъ персидскаго, македонскаго и римскаго оружія и находившихъ пріютъ въ земляхъ Скиѳіи и ея сосѣдей по Геродоту, приходится слѣдовать въ изложеніи извлеченій изъ Страбона не тому порядку, въ которомъ расположены выписки изъ Геродота о сосѣдяхъ Скиѳіи; выписки о нихъ будемъ приводить, на сколько возможно, по границамъ земель, тѣмъ или другимъ народомъ заселенныхъ и по сходству между ними въ бытовыхъ особенностяхъ.

Извлеченіемъ же о современникахъ Скиѳовъ отведемъ особую статью, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе выдаются по отношенію къ изысканіямъ о насельникахъ земель, объявившихся впослѣдствіи ильменскими и русскими.

Страбонъ, выдѣливъ изъ всѣхъ земель Скиѳіи часть Европейской, и назвавъ таковую Малою Скиѳіей, отводитъ для ней, во 1-хъ: западную часть Херсонеса Таврическаго, обнимавшую болѣе чѣмъ половину всего Крымскаго полуострова, ту именно часть его, на которой сидѣли Геродотовы тавры, бывшіе поэтому скиѳами,—до Перекопскаго перешейка и залива этого же имени, называемаго греческими писателями древности „Каркинитскимъ“, въ который впала рѣка „Гипакирисъ“, нынѣшняя Молочная, и во 2-хъ: пространство по ту сторону названнаго перешейка за Днѣстръ и Дунай до страны еллиновъ (кн. VII, гл. IV, стр. 312—313).

Для остальной Европейской Скиѳіи, обитатели которой называются вообще номадами (кочевниками), назначаются земли между морями Чернымъ и Азовскимъ—на полночь, и рѣками Борисѳеномъ и Дономъ (тамъ же, стр. 308). По Геродотовымъ указаніямъ Борисѳенъ—это Днѣпръ; а по Страбонову разселенію различныхъ племенъ по Дунаю, выходитъ, что Борисѳеномъ онъ считаетъ рѣку Бугъ. Впрочемъ, замѣчено уже, что свѣдѣнія этого землеописателя о странахъ, расположенныхъ на полночь отъ Дуная и народахъ Европы восточной и западной, вообще скудны.

Въ Геродотово и Страбоново время обыкновенно принимали за границу между Европою и Азіею Азовское море и рѣку Донъ, смѣшивая въ тоже время эту рѣку съ Іаксартомъ, или и съ Волгою. Поэтому для Азіатской Скифіи Страбонъ назначаетъ слѣдующія земли: а) между Дономъ и морями Азовскимъ и Каспійскимъ; б) между тѣмъ же Каспійскимъ и Чернымъ морями, на Кавказѣ нашего времени; в) закаспійскую страну Гирканію, огибающую полуденный берегъ Каспійскаго моря и прилегающую къ ней страну восточнаго берега, черезъ которую протекаютъ рѣки: Оксъ и Іаксартъ—и г) влѣво отъ Таврскихъ горъ, на полночь отъ Согдіаны и Бактріаны (кн. XI, гл. V, стр. 514 и VIII стр. 521).

Скиѳами Азіатскими Страбонъ называетъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ:—а) набіановъ, панксановъ, сираковъ и аорсовъ, кочевавшихъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями (кн. XI, гл. V, стр. 517); для насъ важны особенно сираки и аорсы;—б) геловъ, леговъ и албанцевъ, сидѣвшихъ на Кавказѣ, въ Албаніи, между рѣками Куромъ и Араксомъ, иберовъ и каспіевъ, по западному берегу Каспійскаго моря (тамъ же стр.

513 и 514). Въ этой мѣстности мы видѣли участокъ Магога, внука Іафета;—в) даевъ—на полуденномъ побережьи Каспійскаго моря, въ странѣ естественныхъ пещеръ (кн. XI, гл. VIII, стр. 521);—г) даевъ, другихъ, подраздѣляемыхъ на: апарновъ, ксанѳіевъ и писсуровъ,—заселявшихъ земли за даями—побережными (тамъ же); и д) асіевъ, пасіанъ, тохаровъ и сакаравловъ, перешедшихъ съ полночнаго берега Іаксарта (тамъ же).

Европейскими скиѳами Страбонъ считаетъ тѣхъ же, которые указаны Геродотомъ, не упоминая однако же о царскихъ или царственныхъ и вводя въ Скиѳію другія имена ея насельниковъ: *роксолановъ*—за Бугомъ; это крайніе, самые дальніе изъ извѣстныхъ Страбону, представители скиѳовъ; страна роксоланъ приходилась на полдень отъ послѣднихъ жителей области, лежавшей выше Британіи; земли за страною роксоланъ необитаемы по причинѣ холода (кн. II, гл. Ш, стр. 298); *бастарновъ*, раздѣляемыхъ на три части: а) язиговъ, смѣшавшихся съ савроматами; б) сидѣвшихъ при устьѣ Дуная и называемыхъ певкинами, по имени большого острова Певке и в) самыхъ отдаленныхъ на полночь отъ равнины Бугско-Донской, обитателей Скиѳіи,—бастарновъ—роксолановъ (кн. VII. гл. Ш, стр. 307 и 308); гетовъ и даковъ, признаваемыхъ нѣкоторыми древними писателями за выходцевъ изъ земли скиѳовъ—даевъ: первые занимали оба берега нижняго теченія Дуная, а вторые—оба же берега средняго и частью верхняго его теченія. Тѣ и другіе, по мнѣнію Страбона, пришли на Дунай изъ Аттики, въ которой съ древнѣйшихъ временъ рабы назывались гетами и даками (кн, VII, гл. Ш, стр. 295 и 315).

Изъ этихъ именъ—бастарны, сидѣвшіе нѣкогда при устьѣ Дуная и называемые язигами и певкинами, а также геты и даки,—были ближайшими сосѣдями невровъ Геродота и савроматовъ или Сарматовъ Страбона.

Кромѣ поименованныхъ Страбонъ называетъ и нѣкоторыхъ другихъ сосѣдей же, каковы напримѣръ: тюригеты, басиліи, урги и проч.

Бытовыя особенности скиѳовъ. Страбонъ указываетъ или общіе нравы и обычаи, присущіе насельникамъ всѣхъ скиѳскихъ земель, азіатскихъ и европейскихъ, или особенные, бытующіе среди нѣкоторыхъ и какъ бы заимствованные отъ сосѣдей.

Всѣ скиѳы—кочевники, за исключеніемъ небольшой части земледѣльцевъ, о которыхъ Страбонъ говоритъ тоже, что и Геродотъ;—всѣ они живутъ въ повозкахъ и любятъ лошадей, пьютъ молоко кобылицъ какъ лакомство, занимаются охотою на звѣря и—почти всѣ ѣдятъ мясо дичи и домашняго скота, коровъ и овецъ. Это общія черты скиѳскихъ право-обычаевъ; особенныя же землеописатель подмѣчаетъ среди насельниковъ Скиѳіи Азіатской и Европейской.

Для нашихъ цѣлей—намѣтить нѣкоторые пути для предполагаемыхъ изысканій объ отраженіи въ Ильменцахъ вѣковъ до лѣтописныхъ и перволѣтописныхъ право-обычаевъ народовъ, занимавшихъ земли, о насельникахъ которыхъ говорятъ писатели глубокой древности—одинаково важны сказанія Страбона о скиѳахъ азіатскихъ и европейскихъ и ближайшихъ сосѣдяхъ ихъ; потому мы дадимъ бѣглый очеркъ право-обычаевъ тѣхъ и другихъ.

А) Скиөы азіатскіе.

Въ очеркѣ о право-обычаяхъ скиөовъ азіатскихъ скажемъ сперва о Страбоновыхъ, а потомъ и о тѣхъ, которыхъ назвалъ Геродотъ.

Набіаны и панксаны; упомянуты однпъ только разъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ (Страбонъ стр. 517), на которомъ и разсказъ прерывается за утратою нѣсколькихъ страницъ рукописи: изъ послѣдующихъ словъ землеописателя выходитъ, что эти набіаны и панксаны были непосредственными сосѣдями *сираковъ* и *аорсовъ*, образовавшихся изъ выходцевъ страны ихъ. Потому представляется вѣроятнымъ, что всѣ четыре народца принадлежатъ одному племени скиөовъ, тѣмъ болѣе, что а) аорсы, по сказанію Страбона, жили вдоль Танаида—Дона, а сираки—вдоль *Ахардея*, вытекающаго изъ Кавказскихъ горъ и впадающаго въ Меотизу—Азовское море,—и б) то мѣсто Страбоновой рукописи, за которымъ слѣдуетъ перерывъ,—кончается словами: „Аорсы и сираки, какъ кажется бѣглецы изъ среды народовъ, обитающихъ выше“... а продолжается прерванное сказаніе словами: „.... они сѣвернѣе аорсовъ (тамъ же стр. 517).

Донъ впалъ, какъ мы знаемъ, въ полночно-восточный плесъ Азовскаго моря; въ который плесъ его впалъ Ахардей, и какой нынѣшней рѣкѣ онъ соотвѣтствуетъ, намъ неизвѣстно; Кубань ли это, или другая изъ Кавказскихъ рѣкъ—безразлично; какъ вышедшій изъ Кавказскихъ горъ, Ахардей не могъ вливаться въ море полночнѣе Танаида, слѣдовательно, слова Страбона: „они сѣвернѣе аорсовъ“ не могутъ относиться къ сиракамъ, сидѣвшимъ вдоль Ахардея, но, по нашему разумѣнію, указываютъ на панксановъ и набіановъ.

Всѣ эти народцы были многочисленны; они и аорсы занимали почти весь Каспійскій берегъ и вели торговлю индійскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ армянъ и лидянъ; были воинственны. Абсакъ, царь сираковъ, выставилъ двадцать тысячъ всадниковъ, когда Фарнака овладѣлъ Боспоромъ; Спадина, царь аорсовъ, выставилъ двѣсти тысячъ; верхніе аорсы, должно быть панксаны и набіаны,—еще больше. Какъ люди богатые—эти скиөы носили золотыя украшенія.

Страбонъ не упоминаетъ о царственныхъ скиөахъ Геродота, но изъ приведенныхъ свѣдѣній его достаточно ясно, что подъ четырьмя народцами, имѣвшими своихъ царей, слѣдуетъ разумѣть именно царскихъ скиөовъ.

Гелы и **леги** промышляли, большею частью разбоями; земли не обрабатывали по суровости страны; въ Страбоново время они занимали горную часть страны библейскаго Өовела, по берегамъ рѣки Мермадалія (кн. XI, гл. VII и VIII, стр. 514, 519 и 521).

Албанцы народъ болѣе пастушескій, ближе стоящій къ кочевому образу жизни, хотя не совсѣмъ дикій и не очень воинственный. Живутъ они между иберами и Каспійскимъ моремъ, значитъ въ странѣ библейскихъ частью Өовела, частью Магога и частью же Мадая, черезъ которую протекаетъ рѣка Куръ. Устье этой рѣки и другой, впадающей въ Каспійское же море,

Аракса, отлагающей илъ, который Куръ принимаетъ въ свое русло, представляютъ рѣзкую противоположность; по первому рѣшительно не возможно войти судамъ въ море, тогда какъ по второму свободно ходятъ корабли. По этой причинѣ албанцы не пользуются удобствами сосѣдства своего съ моремъ. Они не стараются, впрочемъ, извлекать для себя особыхъ выгодъ и изъ земли, на которой живутъ, и которая приноситъ плоды, даже самые нѣжные, и всякую растительность; тутъ имѣются деревья вѣчно-зеленыя. Земля такъ плодородна, что не требуетъ ни малѣйшаго ухода за нею: все произрастаетъ безъ посѣва, безъ паханья; винограда—обиліе. Животныя имѣютъ, какъ домашнія, такъ и дикія, прекрасный ростъ. Населеніе страны, отличающееся красотою и высокимъ ростомъ, простодушное, не торгашеское; оно вовсе не употребляетъ какихъ либо знаковъ цѣнности (монетъ, денегъ), не знаетъ числа больше ста, но производитъ обмѣнъ товарами. Ко всѣмъ вообще потребностямъ жизни относятся равнодушно; не знаютъ ни точныхъ мѣръ, ни вѣсовъ; беззаботны въ дѣлахъ—войны, гражданскаго устройства и земледѣлія; сражаются пѣшими и на лошадяхъ, въ легкомъ вооруженіи, копьями и луками, но защищенные бронями, щитами и шлемами изъ звѣриной кожи. Въ войнахъ имъ помогаютъ кочевники. Албанцы занимаются звѣроловствомъ; они сами и собаки ихъ превосходные охотники. Сношеній съ сосѣдями, не только дальними, но и ближайшими, чуждаются; проживая въ горахъ, каждый отдѣльный родъ выработываетъ особое нарѣчіе; въ Страбоново время въ Албаніи было двадцать шесть языковъ. Управляются албанцы царями; въ древности каждый родъ, говорившій особымъ языкомъ, имѣлъ и особаго царя; въ Страбоново же время всѣ были подчинены одному царю.

Богами албанцы признаютъ: Солнце, Зевса и Луну, преимущественно предъ другими. Обязанности жреца исполняетъ почтеннѣйшее послѣ царя лицо; оно стоитъ во главѣ обитателей священной земли, обширной и хорошо населенной, а также во главѣ храмовыхъ служителей, изъ которыхъ многіе, приходя въ состояніе сильнѣйшаго возбужденія, пророчествуютъ. Того изъ храмовыхъ служителей, который чаще прочихъ приходитъ въ состояніе возбужденія и бродитъ въ одиночествѣ по лѣсамъ, жрецъ ловитъ, связываетъ особою священною цѣпью и превосходно кормитъ въ теченіи цѣлаго года; откормленный такимъ образомъ человѣкъ подводится къ жертвеннику божества и умащенный благовоніями, приносится въ жертву вмѣстѣ съ прочими предметами. Жертвоприношеніе совершается такъ: лицо, свѣдующее въ дѣлѣ, выходитъ изъ толпы съ священнымъ копьемъ въ рукѣ, которымъ только и дозволяется умерщвлять человѣка на жертву,—и наноситъ ударъ черезъ бокъ въ сердце. Когда жертва падаетъ, производятся гаданія по направленію паденія и объявляются во всеуслышаніе; затѣмъ трупъ относятъ на опредѣленное мѣсто; каждый изъ присутствовавшихъ при жертвоприношеніи прикасается къ нему ногою ради очищенія и уходитъ.

Албанцы высоко чтутъ старость не только родныхъ, но и постороннихъ; заботиться же объ умершихъ и вспоминать о нихъ не дозволяется. Вмѣстѣ съ покойникомъ погребается и все имущество умершаго,—а потому

оставшіеся въ живыхъ дѣти, лишенные такимъ образомъ отцовскаго достоянія, принуждены жить въ бѣдности (кн. XI, гл. IV, стр. 511—514).

Иберы занимали въ землѣ библейскаго Өовела часть ближайшую къ Каспійскому морю, имѣя сосѣдями:—съ полночи геловъ и леговъ, а съ полдня—албанцевъ; на западъ отъ нихъ лежала Колхида, а на востокъ часть Каспійскаго моря и земли албанцевъ же. Рѣки Куръ и Араксъ пробѣгали по Иберіи среднимъ своимъ теченіемъ. Большая часть страны иберовъ хорошо застроена городами и поселеніями; дома сооружены по правиламъ строительнаго искусства, нѣкоторые крыты черепицею; въ городахъ много рынковъ и общественныхъ зданій. Какъ и Албанія страна эта горная, съ обширною равниною. По горамъ населеніе живетъ по-скиөски и сарматски; срединное же усвоило обычаи армянъ и лидійцевъ; оно занимается земледѣліемъ и склонно къ мирной жизни. Горяне тоже занимаются обработкою земли, но они воинственны: въ случаѣ нарушенія мира выставляютъ много десятковъ тысячъ воиновъ какъ изъ своей среды, такъ и изъ скиөовъ и сарматовъ. Населеніе дѣлится на четыре сословія: изъ перваго, высшаго, выбираютъ царя, по ближайшему родству съ умершимъ и по старшинству возраста - и верховнаго судью и предводителя войскъ; второе сословіе —это жрецы, вѣдающіе споры и тяжбы съ сосѣдними народами; къ третьему принадлежатъ воины и земледѣльцы, а къ послѣднему—простой народъ, составляющій собственно царскихъ рабовъ; они дѣлаютъ все необходимое для жизни.

Имущество Иберовъ—есть собственность рода и принадлежитъ всѣмъ родственникамъ; завѣдуетъ имъ и хранитъ родовое достояніе старѣйшій по возрасту (та же книга гл. III, стр. 510--511). Вооруженіе иберовъ то же, что и у албанцевъ. (Та же книга, глава IV, стр. 513).

Каспіи. Народъ этотъ занималъ область библейскаго Мадая въ части ея, расположенной на полдень отъ устьевъ рѣки Кура и Аракса; онъ далъ нынѣшнее имя морю, называвшемуся прежде Гирканскимъ. Во времена Страбона каспіи уже не существовали. Страна ихъ называлась Каспіана и вошла въ составъ области Албанской (Кн. XI, гл. IV, стр. 513). У нихъ былъ обычай морить голодомъ лицъ, проживщихъ болѣе семидесяти лѣтъ; умершихъ такимъ образомъ выбрасывали въ пустынныя мѣста, причемъ наблюдали за трупомъ и ждали; если покойникъ стащенъ съ носилокъ птицами, его признавали вполнѣ блаженнымъ;—если дикими звѣрями или собаками—менѣе блаженнымъ; не стащенный же ни тѣми, ни другими считался несчастнымъ (та же книга, гл. XI, стр 530). Также поступали и дѣти съ родителями, пережившими семидетятилѣтній возрастъ. Это, по словамъ Страбона, скиөскій обычай (тамъ же, стр. 527).

Даи. Скиөы этого имени занимали полночную часть Гирканіи, охватывавшей полуденное побережье Каспійскаго моря и полуденную половину восточнаго. Это даи—*парны* Страбона (кн. XI, гл. VII, стр. 518). Кромѣ скиөовъ Гирканія населена многоразличными народами, между которыми были кочевники, разбойники и торговцы; чѣмъ занимались даи—парны—неизвѣстно.—Говоря о Гирканіи, землеописатель приводитъ въ числѣ стран-

ностей о ней разсказъ Евдокса: „Вдоль моря тянется нѣсколько стѣнъ съ пещерами; между ними и моремъ лежитъ низменный берегъ. Рѣки, спускающіяся съ высотъ склоновъ, текутъ съ такою стремительностью, что, достигши этихъ стѣнъ, перебрасываютъ воду въ море, а берегъ, внизу, остается не орошеннымъ, такъ что тутъ по берегу могутъ пройти войска, прикрытыя сверху потокомъ воды. Туземцы часто сходятся въ этомъ мѣстѣ для пировъ и жертвоприношеній, они то располагаются въ пещерахъ, то грѣются на солнцѣ, подъ водянымъ сводомъ, причемъ каждый развлекается по своему; съ обѣихъ сторонъ виднѣется море и берегъ, который, благодаря влагѣ, всегда покрытъ зеленою травою и цвѣтами (тамъ же стр. 518—520)".

На востокъ отъ Каспійскаго моря и, кажется, за Гирканіей живутъ другіе даи, называемые апарнами, ксанѳіями и писсурами. Первые ближе прочихъ прилегаютъ къ Гирканіи, а остальные простираются до страны, лежащей противъ Аріи (таже книга гл. VIII, стр. 521).

О даяхъ – парнахъ Страбонъ приводитъ свѣдѣнія изъ другихъ писателей: „Утверждаютъ, что парны даи—выходцы изъ области тѣхъ даевъ, которые обитаютъ надъ Меотидою и которыхъ называютъ ксанѳіями, или паріями. Впрочемъ не всѣ согласны въ томъ, что въ числѣ скиѳовъ, живущихъ надъ Меотидою, есть часть даевъ (таже книга, гл. IX, стр. 527)". Замѣтку эту мы приводимъ для того, чтобы имѣть основаніе обобщать право-обычаи даевъ—парновъ съ савроматскими и другими.

Асіи, пасіаны, тохары сакаравлы—тѣ скиѳы кочевники, которые отняли у эллиновъ Бактріану и поселились на лѣвомъ берегу р. Іаксарта. Они одноплеменны сакамъ (кн. XI, гл, VIII, стр. 521).

Къ обычаямъ даевъ и послѣдненазванныхъ скиѳскихъ племенъ вообще относятся слѣдующія сказанія Страбона, помѣщенныя имъ въ концѣ XI главы, какъ бы въ заключеніе свѣдѣній о народахъ, совершенно варварскихъ, къ которымъ причислены и скиѳы,—жившихъ подлѣ Кавказа и прочихъ горъ до самой Индіи.—„Говорятъ, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ существуетъ обычай, опредѣляемый слѣдующимъ выраженіемъ Еврипида: оплакивать новорожденнаго, которому предстоитъ столько бѣдъ, и радостно провожать изъ дома покойника, свободнаго отъ всѣхъ заботъ, считая его счастливымъ.—У другихъ существуетъ обычай не убивать никого, даже величайшихъ преступниковъ, но изгонять ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми; между тѣмъ какъ ближайшія сосѣди этихъ послѣднихъ, такъ называемые дербики, умерщвляютъ даже за проступки. Эти дебрики поклоняются землѣ, ничего женскаго пола не ѣдятъ, и не приносятъ въ жертву; мужчинъ, переживщихъ семидесятилѣтній возрастъ, убиваютъ (касніи морятъ голодомъ)—ближайшіе родственники поѣдаютъ своихъ покойниковъ, старухъ вѣшаютъ, а потомъ хоронятъ; мужчины, умершіе раньше семидесяти лѣтъ, не поѣдаются, а хоронятся;—нѣкоторые изъ придерживающихся такихъ же, или имъ подобныхъ, обычаевъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы сдѣлаться какъ можно болѣе длинноголовыми, съ лбомъ, выдающимся дальше подбородка; этотъ народъ Страбонъ называетъ *сигиннами*. Геродотъ, какъ мы видѣли, знаетъ сигинновъ по ту сторону Дуная, то есть въ западной части Европы, мало-

извѣстной, и считаетъ ихъ выходцами Мидіи (кн. V, стр. 9 у Геродота, кн. XI, стр. 530—у Страбона); Страбонъ, какъ и Геродотъ, говоритъ о небольшихъ косматыхъ лошадяхъ, которыя не могутъ выносить всадника; ихъ сигинны запрягаютъ по четыре въ повозку, но свидѣтельствуетъ, что этотъ народъ, поступая съ умершими какъ сказано сейчасъ, во всемъ прочемъ живетъ по-персидски,—что возницами у сигинновъ состоятъ женщины, пріучаемыя къ этому занятію съ дѣтства, и что самая искусная изъ нихъ живетъ съ тѣмъ мужчиною, съ которымъ сама пожелаетъ. Тутъ же приводятся свѣдѣнія о *тапирахъ*, живущихъ между дербиками и гирканцами; у нихъ мужчины одѣваются въ черное (меланхлены Геродотовы тоже носили черное) и носятъ длинные волосы, а женщины ходятъ въ бѣломъ и стригутъ волосы; мужчина, признаваемый самымъ мужественнымъ, беретъ себѣ въ жены любую женщину, это—его право, не подлежащее возраженіямъ (Страбонъ стр. 530). Изъ скиѳовъ азіатскихъ Геродота Страбонъ говоритъ нѣсколько подробнѣе о сакахъ и массагетахъ. Первымъ назначается страна къ востоку отъ Даевъ, за рѣкою Іаксартомъ, отдѣляющею саковъ отъ согдіанъ (кн. XI, гл. VI, стр. 518 и гл. VIII, ст. 521); массагетамъ отводится земля рядомъ съ саками, въ восточномъ же направленіи по сосѣдству съ Бактріанами (тамъ же, стр. 523).

Обычаи этихъ скиѳскихъ племенъ Страбонъ узналъ изъ повѣствованій писателей, жившихъ до него, такъ что къ послѣднему вѣку предъ Р. Х. могло и не существовать среди саковъ и массагетовъ всего имъ приписываемаго.

Саки—пастухи овецъ, по происхожденію скиѳы, потомки непорочныхъ людей номадовъ; они обитали на богатой пшеницею Азидѣ (кн. VII, гл. III, стр. 304).—Съ иноплеменными сосѣдями саки жили вообще мирно; какъ они сосѣдямъ, такъ и тѣ имъ—платили условленную дань за право проходить черезъ сопредѣльныя земли съ добычею въ договоренное время, но не во время военное; при вступленіи же въ сосѣднюю землю въ недозволенное время возникали споры и столкновенія, кончавшіеся нов ми соглашеніями. Въ прежніе времена они, подобно киммерійцамъ, совершали военные походы въ страны весьма отдаленныя; покорили было Бактріану и лучшую землю въ Арменіи, которой дали названіе Сакассены; доходили до Каппадоковъ и въ особенности до тѣхъ побережанъ Чернаго моря, которыхъ звали въ Страбоново время понтиками. Нѣкоторые писатели говорятъ, будто когда-то давно персы напали на саковъ ночью, во время пиршества и совершенно истребивъ ихъ, учредили въ память этого важнаго событія ежегодный народный праздникъ *Сакая* и соорудили на мѣстѣ побѣды храмъ Анаитидѣ и еще двумъ персидскимъ божествамъ, Оману и Анадату. Для кумирни Анаитиды выбрали среди равнины скалу, засыпали ее землею, такъ что вышелъ высокій холмъ, его обвели каменною стѣною; жертвенникъ Анаитидѣ, Оману и Анадату былъ общій. Вокругъ холма—храма образовался городъ, большая часть его принадлежала храмовымъ служителямъ. Другіе повѣствователи сказываютъ, что саки побѣдили Кира, ходившаго на нихъ войною, разбили отряды его на голову, такъ что и самъ царь персовъ бѣжалъ, оставивъ весь

свой обозъ съ большимъ запасомъ всего необходимаго въ походѣ, особенно вина. Опомнившись и успокоившись послѣ погрома, Киръ сообразилъ, что саки, овладѣвъ его становъ, зададутъ шумный пиръ, торжествуя свою побѣду; онъ остановилъ уцѣлѣвшія остатки своего посрамленнаго войска, далъ имъ отдохнуть и вернулся быстро къ мѣсту покинутаго стана; ожиданія его оправдались, саки упились виномъ и объѣлись лакомою добычею. Напавъ на пирующихъ, беззаботно предавшихся веселью и безоружныхъ, персы перебили всѣхъ, оказавшихъ еще кое-какое сопротивленіе, а безсознательно пьяныхъ захватили въ плѣнъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству этихъ, упоминаемыхъ Страбономъ, сказаній древнихъ писателей, погибли почти всѣ саки; сооруженіе храма на холмѣ они приписываютъ Киру, посвятившему, будто-бы день истребленія саковъ богу своихъ предковъ и назвавшему его „Сакая".—За симъ Страбонъ продолжаетъ свое сказаніе: „Гдѣ только есть храмъ этой богини, вездѣ отправляется и шумное празднество Сакая, продолжающееся день и ночь; участвующіе въ немъ одѣваются по-скиѳски, пьютъ вмѣстѣ съ женщинами; мужчины дерутся съ ними и между собою (кн. IX, гл. VIII, стр. 522)".

Массагеты—доказали свою храбрость въ войнѣ съ Киромъ (у Геродота кн. I, стр. 105—112); они видимо были въ дружбѣ съ насельниками отдаленной Индіи, въ землю которой отступили, будучи преслѣдуемы персами; но Киръ не рѣшился самъ проникнуть въ эту страну (Страб. кн. XV, гл. I, ст. 703). Занимая земли къ востоку отъ даевъ, выше парѳянъ, маргіанъ и аріевъ, массагеты живутъ частью на горахъ (Уральскихъ?), частью въ равнинахъ,—иные на болотистыхъ побережьяхъ рѣкъ, другіе по островамъ среди болотъ. Самая большая рѣка, орошающая страну этихъ скиѳовъ, тотъ же Араксъ, о которомъ говоритъ Геродотъ; по свѣдѣніямъ Страбона она впадаетъ всѣми своими устьями въ полуночную часть моря (Каспійскаго?) и только однимъ въ Гирканскій заливъ (не являются-ли здѣсь въ имени Аракса Волга и Уралъ). Богъ, по ихъ вѣроученію, одинъ—это солнце, въ жертву которому приносятъ лошадей. Объ общемъ пользованіи женщинами, а отчасти и о поѣданіи мертвыхъ, повторяются извѣстія Геродота, съ дополненіями: умершихъ отъ старости рубятъ на куски, мѣшаютъ съ мясомъ баранины, поджариваютъ и съѣдаютъ; а тѣхъ, которые скончались отъ болѣзни, бросаютъ на растерзаніе звѣрей, какъ нечестивыхъ и недостойныхъ быть съѣдеными людьми. Всѣ воинственны; вооружены луками, мечами и *мѣдными топорами*; выходятъ на войну одѣтые въ панцырь. Земля ихъ богата золотомъ и мѣдью; желѣза мало, а серебра совсѣмъ нѣтъ. О золотыхъ поясахъ и повязкахъ, а также объ украшенныхъ золотомъ наплечникахъ и уздечкахъ лошадей—повторяются слова Геродота.

Массагеты, живушіе на островахъ, питаются кореньями и дикими плодами, потому что не имѣютъ посѣвовъ; одѣваются древесною корою; скота не держатъ, пьютъ сокъ, выжимаемый изъ древесныхъ плодовъ. Обитатели болотъ питаются рыбою, и одѣваются въ шкуры тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители кормятся дикими плодами; впрочемъ они имѣютъ не-

много овецъ, которыхъ не рѣжутъ для ѣды, пользуясь лишь ихъ молокомъ и шерстью; платье свое раскрашиваютъ растительными соками, долго не теряющими ни цвѣта, ни блеска. Заселяющіе равнины имѣютъ мало земель, удобныхъ для обработыванія, но они не занимаются посѣвами,—питаются же рыбою и мясомъ овецъ.

Массагеты и саки, какъ скиѳы кочевники, ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни; ихъ погребальные обряды, нравы и весь житейскій обиходъ—сходны.

Въ составъ массагетовъ и саковъ входятъ народцы, извѣстные предшественникамъ Страбона подъ особыми именами, каковы—атасіи и карасміи. Каждый изъ этихъ народцевъ, равно массагеты и саки,—коваренъ, дикъ и воинственъ въ отдѣльности; но въ сношеніяхъ съ чужеродными племенами простодушенъ и правдивъ (кн. XI, гл. VIII, стр. 521—530).

Иссѳдоны Геродота ни разу не встрѣчаются въ сохранившихся и открытыхъ до нашихъ временъ семнадцати книгахъ труда Страбона. Извѣстны-ли были они этому землеописателю, нѣтъ-ли—мы сказать не можемъ.

Въ заключеніе нашего очерка Страбоновыхъ извѣстій о нравахъ и обычаяхъ скиѳовъ азіатскихъ приведемъ нѣкоторыя изъ его сказаній по тому же предмету о сосѣдяхъ ихъ.

Способъ умерщвленія жертвенныхъ животныхъ, бытовавшій среди скиѳовъ Геродотовыхъ, въ Страбоново время былъ извѣстенъ въ Индіи; тамъ убивали жертвенное животное посредствомъ удушенія для того, чтобы божеству отдать его цѣльнымъ, безъ малѣйшаго поврежденія (кн. XV, гл. I, стр. 725 и 726).

Солнце было боготворимо, кромѣ албанцевъ и массагетовъ, персами подъ именемъ *Миѳры*, и аравитянами нобатаями,—какъ благодѣтель; нѣкоторые эѳіопскіе народы признавали его своимъ злодѣемъ; другіе же почитали свѣтило дня подобно персамъ. Любопытны и для нашихъ изысканій цѣнны подробности обрядовой стороны солнце-поклонниковъ. Персы воздаютъ божеское почтеніе представителю солнца на землѣ—огню, отраженію его въ ночномъ свѣтилѣ—лунѣ, согрѣваемой и оплодотворяемой имъ землѣ,—водѣ,—въ которой видятъ его днемъ и ночью,—и вѣтрамъ, посылаемымъ имъ на землю. Живущіе внутри страны персы не ставятъ, подобно другимъ народамъ, никакихъ изображеній боготворимыхъ предметовъ, не воздвигаютъ имъ ни храмовъ, ни алтарей; жертвы приносятъ на возвышенномъ мѣстѣ; онѣ состоятъ въ закалываемыхъ животныхъ, приводимыхъ на избранное мѣсто увѣнчанными. Магъ, руководящій жертвоприношеніемъ, дѣлитъ заколотое животное на части, разбираемыя всѣми присутствующими, не оставляя ничего на долю божества, которому потребна, по мнѣнію ихъ, одна только душа жертвы. Впрочемъ нѣкоторые, знакомые съ обрядами персовъ, сказывали Страбону, что на огонь, возжигаемый въ честь божества, кладутъ маленькую часть сальника жертвеннаго животнаго.

Изъ всѣхъ божествъ только огню и водѣ приносятся жертвы; въ первомъ случаѣ обрядъ сопровождается такими подробностями: кладутъ сухія полѣнья дровъ безъ коры и покрываютъ ихъ сверху саломъ; потомъ дрова

поливаютъ масломъ и поджигаютъ, производя движеніе воздуха, подобное вѣтру, опахаломъ, но ни въ какомъ случаѣ не раздуваютъ огня обыкновеннымъ житейскимъ способомъ—губами; кто это сдѣлаетъ, или броситъ что-либо мертвое или грязное въ жертвенный огонь, тотъ наказывается смертью. Жертва водѣ приносится такъ: пришедши къ озеру, или къ рѣкѣ, или къ источнику, роютъ яму, надъ которой и умерщвляютъ животное, остерегаясь какъ-бы вблизи находящаяся вода не смѣшалась съ кровью и не осквернилась-бы такимъ образомъ; затѣмъ маги кладутъ мясо на миртъ, или лавръ, касаются его тонкими палочками и поютъ таинственныя пѣсни, поливая при этомъ масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ, не огонь и не воду,—но землю. Пѣніе таинственныхъ пѣсенъ продолжительно, и во все это время маги держатъ въ рукахъ пучекъ тонкихъ тамарисковыхъ прутьевъ. Персы не купаются въ рѣкѣ, не моютъ и не мочатъ въ ней ничего, равно не бросаютъ въ воду ничего мертваго и вообще ничего, представляющагося нечистымъ. Тѣ персы, которые живутъ въ сосѣдствѣ съ Каппадокіею, имютъ особо устраиваемые алтари, на которыхъ маги поддерживаютъ много золы и неугасимый огонь; они ежедневно поютъ предъ алтарями таинственныя пѣсни въ теченіе почти цѣлаго часа, держа въ рукахъ пучекъ прутьевъ и имѣя на головѣ шерстяные колпаки (тіары), отъ которыхъ спускаются по обѣимъ щекамъ покрывала, завѣшивающія даже губы. Упомянутыя божества Анаитиды и Омана имѣютъ подобные же алтари и цѣлые храмы; Оману даже присвоено изображеніе, которое носятъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ торжественномъ шествіи.

Не менѣе любопытны и полезны для будущихъ изысканій о насельникахъ Ильменской страны, въ предположенныхъ нами предѣлахъ, о нравахъ и обычаяхъ персовъ въ ихъ домашней и общественной жизни. Многоженство между персами особенно распространено; женятся они на многихъ женщинахъ, а еще болѣе имѣютъ наложницъ,—все это ради обильнаго потомства. Браки заключаются въ началѣ весенняго равноденствія; прежде чѣмъ идти на ложе невѣсты, женихъ съѣдаетъ яблоко, или верблюжій мозгъ, и потомъ цѣлый день уже не ѣстъ ничего. Дѣти отъ пяти до двадцати четырехъ лѣтъ учатся стрѣлять изъ лука, метать копье, ѣздить верхомъ и говорить *правду*; въ учителя наукъ берутся умнѣйшіе люди; они собираютъ дѣтей въ одно мѣсто для военныхъ упражненій и для охоты, причемъ ихъ будятъ предъ разсвѣтомъ звономъ мѣди; пріучаютъ къ перенесенію жары, холода и дождей, равно къ переходу черезъ потоки такъ, чтобы платье и вооруженіе оставались не замоченными; учатъ всѣхъ безъ исключенія пасти стада, проводить ночь въ полѣ, питаться дикими плодами; кормятъ дѣтей, послѣ упражненій, хлѣбомъ и мясомъ, свареннымъ только въ водѣ, или сжареннымъ, давая имъ по крупинкѣ соли; напитокъ—вода. По вечерамъ молодежь упражняетъ въ посадкѣ деревьевъ, выкапываніи корней, въ приготовленіи оружія и охотничьихъ тенетъ. Въ дѣлежѣ охотничьей добычи дѣти не участвуютъ; но, въ силу обычая, несутъ ее домой. Цари назначаютъ награды на раздачу юношамъ при состязаніи въ тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, преимущественно за отличіе въ бѣгѣ. Дѣти украшаютъ себя

золотомъ, огнеподобный блескъ котораго у персовъ пользуется почитаніемъ, изъ уваженія къ нему, какъ ближайшему подобію огня; на умершаго не кладутъ золота.

Вооруженіе персовъ слѣдующее: щитъ, имѣющій видъ четыреугольника съ двумя вытянутыми—противолежащими углами (ромбъ), лукъ, сѣкира, сабля, чешуйчатый панцырь и высокая войлочная шапка.

Всякій персъ отбываетъ военную службу, предводительствуя въ пѣхотѣ и конницѣ отъ двадцати до пятидесятилѣтняго возраста (или въ теченіе такого срока вообще,—мѣсто это не ясно у Страбона), На рынокъ персы не ходятъ, потому что они ничего не продаютъ и не покупаютъ.

О важнѣйшихъ дѣлахъ персы совѣщаются за виномъ и постановляемыя послѣ такихъ совѣщаній рѣшенія оказываются прочнѣе выработанныхъ въ трезвомъ собраніи.

Умершихъ хоронятъ, заливая трупъ воскомъ. Маговъ не хоронятъ, но отдаютъ на съѣденіе птицамъ.

Примѣчаніе. У индѣйскихъ парсовъ въ настоящее время всѣ вообще покойники отдаются на съѣденіе птицамъ, послѣ торжественнаго обряда перенесенія ихъ въ особенно устраиваемые храмы безмолвія, вдали отъ поселеній, на возвышенностяхъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что персы отличались въ Страбоново время скромностью, хотя жили въ роскоши, обладая обиліемъ золота и серебра; они выдѣлывали сравнительно мало единицъ цѣнностей, предпочитая имъ дорогіе сосуды изъ этихъ породъ (кн. XV, гл. III, стр. 749—752).

Набатая—часть Аравіи, черезъ которую лежитъ путь въ Египетъ. Обитатели ея поклоняются солнцу, въ честь котораго воздвигается на каждомъ домѣ алтарь и на немъ ежедневно совершаются возліянія и дымится ладанъ.—Набатаи воздержны: умѣютъ пріобрѣтать имущество и подвергаютъ расточителей всенародному наказанію, награждая увеличивающихъ свое благосостояніе; отличаются простотою нравовъ и миролюбіемъ; на мертвыя тѣла смотрятъ какъ на навозъ, въ томъ смыслѣ, какъ выразился Гераклитъ: трупы слѣдуетъ выбрасывать скорѣе, чѣмъ навозъ; даже царей хоронятъ подлѣ навозныхъ кучъ (кн. XVI, гл. IV, стр. 800 и кн. XVII, гл. I, стр. 820).

Въ Египетской странѣ, въ городѣ Геліополѣ, сооруженъ былъ храмъ солнцу; къ Страбонову времени городъ совершенно запустѣлъ; храмъ солнца, построенный въ древности въ египетскомъ вкусѣ, былъ разрушенъ Камбизомъ; слѣды необузданности и святотатства этого царя еще видны были въ Страбоново время (кн. XVII, гл. I, стр. 822). Гомеръ упоминаетъ о быкахъ солнца; въ Геліопольскомъ храмѣ содержался священный Мевисъ (та же кн., гл. I, стр. 22).

Знаменитый колоссъ Родосскій—есть колоссъ солнца; онъ упалъ во время землетрясенія, повредился въ колѣняхъ и въ Страбоново время лежалъ на землѣ, такъ какъ оракулъ воспретилъ возстановленіе его (кн. XIV, гл. II, стр. 667).

Основываясь на словахъ Эсхила о „скованномъ Прометеѣ“, Страбонъ упоминаетъ объ озерѣ солнца въ землѣ эѳіоповъ: „Ты увидишь“, говоритъ Эсхилъ, — „священное теченіе Эриѳрейскаго моря по пурпурному руслу, а также озера съ мѣднымъ отблескомъ подлѣ океана, кормильца эѳіоповъ, тамъ, гдѣ всевидящее солнце теплыми волнами мягкой воды освѣжаетъ свое тѣло и усталыхъ коней (кн. I, гл. II, стр. 33)“.

Луна, какъ божество, почитаема была, кромѣ албанцевъ и персовъ, еще въ Арменіи, въ Понтѣ, во Фригіи и въ Мемфисѣ; но какъ занесенное въ эти страны сосѣдями и дальними выходцами, это божество не имѣло здѣсь значенія первостепеннаго.

Земля принималась, кромѣ скиѳовъ, за божество персами, но не пользовалась такимъ же почитаніемъ, какъ солнце.

Огромнымъ распространеніемъ пользовались у народовъ Страбонова времени—*Афродита*—богиня любви и Геркулесъ, тотъ Гераклъ, который далъ Дѣвушкѣ Змѣѣ Геродота, родоначальника скиѳовъ. Выписокъ о божествахъ, не имѣющихъ особо выдающагося значенія въ вѣрованіяхъ скиѳовъ и ихъ сосѣдей, мы не дѣлаемъ, ограничиваясь приведеннымъ краткословнымъ упоминаніемъ о Гераклѣ и замѣчаніемъ, что въ Аттикѣ, на морскомъ берегу за Пиреемъ, около поселка Анафлиста, былъ въ Страбоново время храмъ Афродиты—*Колліады*: Колліадою же въ Геродотово время именовалась береговая равнина Аттики. Этотъ храмъ сооруженъ на томъ именно мѣстѣ, къ которому прибили обломки кораблей, погибшихъ въ морскомъ сраженіи съ персами около Саламина (Страб. кн. IX, гл. I, стр. 412; Геродотъ кн, VШ, стр. 279).

и Б) Скиѳы Европейскіе.

Нравы и обычаи скиѳовъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ, Страбонъ лично наблюдалъ въ незначительномъ числѣ случаевъ, большая же часть его сказаній по этому предмету заимствуется изъ повѣствованій писателей, ему предшествовавшихъ,—потому сообщаемыя этимъ землеописателемъ данныя иной разъ противорѣчивы и часто сбивчивы; то скиѳы представляются въ высшей степени жестокими, убивающими всякаго иноземца, появляющагося въ ихъ странѣ, и приносящими его въ жертву своему божеству,—то питающимися человѣческимъ мясомъ въ силу укоренившагося пристрастія къ нему, и дѣлающими изъ человѣческихъ череповъ кубки,—то, наконецъ,—честнѣйшими, благородными, не только не убивающими людей для лакомства ихъ мясомъ, но даже вовсе неупотребляющими мясной пищи, довольствуясь кумысомъ, рыбою и плодами растеній; эти скиѳы не занимаются ни торговлею, ни войною, ни пріобрѣтеніемъ богатствъ и имѣютъ все общее, кромѣ меча и чаши для питья, не исключая женъ и дѣтей (кн. VII, стр. 302 и 305).

Въ частности же о скиѳахъ и о насельникахъ разныхъ сосѣднихъ мѣстностей сообщаются свойственныя имъ нѣкоторыя особенности, на которыхъ, какъ на наиболѣе важныхъ для нашей задачи, мы и остановимся.

Приводя сказанія Страбона объ упоминаемыхъ имъ нравахъ и обычаяхъ скиѳовъ и ихъ сосѣдей,—мы будемъ объяснять, по Страбону же, и положеніе земель такихъ народовъ, если оно не было указано выше.

Въ свѣдѣніяхъ о нравахъ и обычаяхъ скиѳовъ азіатскихъ мы помѣстили сказанія какъ о Геродотовыхъ сакахъ и массагетахъ, такъ и о другихъ вѣтвяхъ скиѳскаго племени и сосѣдяхъ; такъ же поступимъ и теперь.

Савроматы Геродота жили, какъ мы знаемъ, между Дономъ, Волгою и Каспіемъ, въ странѣ, принадлежащей, какъ сказано, по мнѣнію древнихъ землеописателей, къ Азіи; но Страбонъ находитъ ихъ и въ Европѣ; потому мы относимъ этихъ скиѳовъ къ европейскимъ и начнемъ извѣстіями о нихъ очеркъ нравовъ и обычаевъ нашей части свѣта.

Сарматы. Въ Страбоново время савроматы Геродотовы назывались сарматами и сидѣли, начиная съ полночнаго склона Кавказскихъ горъ, въ полночномъ же направленіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, такъ что сосѣдями ихъ по другую сторону склона тѣхъ же горъ были албанцы и иберы (кн. XI, гл. II, стр. 508). Со своими сосѣдями по горамъ живутъ мирно и участвуютъ, въ случаѣ надобности, въ войнахъ вмѣстѣ съ ними какъ союзники (та же книга, гл. Ш, стр. 510. Объ этомъ уже сказано). Сарматы раздѣляются на дикихъ кочевниковъ, сидящихъ ближе къ Дону, и болѣе мягкихъ нравами, занимающихъ землю, ближайшую къ Боспорскому царству. По странѣ вдоль Дона и Азовскаго моря на полночь было нѣсколько городовъ: Танаидъ,—при устьѣ,—далѣе Большой Ромбитъ, торговавшій преимущественно рыбою, годною на соленіе; затѣмъ Малый Ромбитъ, торговавшій также рыбою. На Азовскомъ морѣ лежалъ городъ Киммерикъ, обратившійся въ деревню,—его основали киммерійцы, набѣгавшіе на жителей Понта до Іоніи и имѣвшіе большую силу на Боспорѣ; ихъ вытѣснили скиѳы (сказано Геродотомъ), а этихъ послѣднихъ—эллины (та же книга гл. II, стр. 504—505).

Въ другомъ мѣстѣ землеописанія Страбонъ отводитъ ставроматамъ, какъ бы отличая ихъ отъ сарматовъ,—страну на полдень отъ роксоланъ до мѣстъ жительства восточныхъ скиѳовъ; вотъ слова Страбона: „Выше Борисѳена (Днѣпра, насколько онъ былъ извѣстенъ Страбону) обитаютъ крайніе, извѣстные намъ представители скиѳскаго племени, именно роксоланы, которые живутъ полуденнѣе послѣднихъ, знаемыхъ греками обитателей области, лежащей выше Британіи; дальнѣйшія страны уже необитаемы по причинѣ холода; къ полдню отъ этого народа обитаютъ савроматы и скиѳы до мѣстъ жительства восточныхъ скиѳовъ (кн. II, гл. Ѵ, стр. 152)“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи землеописатель признается, что ни онъ, ни вообще греки, не знаютъ обитателей полночныхъ странъ, каковы савроматы и проч., не знаютъ и того, насколько они удалены отъ Атлантическаго моря и касаются ли его (кн. VII, гл. II, стр. 296); затѣмъ онъ приводитъ мнѣніе повѣствователя Ефора, полагающаго, что савроматы и скиѳы далеко неодинаковы по своему образу жизни; иные до такой степени суровы, что ѣдятъ человѣческое мясо, напротивъ, другіе воздерживаются отъ употребленія въ пищу даже животныхъ (та же книга, гл. Ш, стр. 304).

Къ сарматамъ причисляются Страбономъ язиги, такъ называемые басиліи (царскіе?) и урги; жили они между Дунаемъ и Днѣиромъ, а во времена болѣе древнія, и на обоихъ берегахъ перваго; это кочевники по преимуществу, но часть ихъ занималась и земледѣліемъ. (Та-же кн., гл. Ш, стр. 308).

У всѣхъ сарматскихъ племенъ обычай выхолащивать лошадей, какъ и у скиѳовъ вообще, чтобы сдѣлать ихъ ручнѣе, потому что лошади ихъ хотя и малы, но очень горячи и трудно укротимы. Сарматы охотятся въ мѣстахъ болотистыхъ на оленей (лосей) и дикихъ кабановъ, на равнинахъ же бьютъ дикихъ ословъ (?) и сернъ; въ странахъ ихъ, какъ и во всей Европейской Скиѳіи на полночь отъ Чернаго моря, не водятся орлы; изъ четвероногихъ есть животное, называемое колосъ (κολος), по величинѣ -- нѣчто среднее между оленемъ и бараномъ, по цвѣту шерсти—бѣлое, а въ бѣгу быстрѣе обоихъ сравниваемыхъ животныхъ, воду пьетъ оно ноздрями, втягиваетъ ее въ голову, гдѣ сберегаетъ ее на нѣсколько дней, а потому легко можетъ жить въ безводномъ мѣстѣ. (Та-же кн., гл. IV, стр. 314).

Извѣстны Страбону савроматы, которые вторглись изъ за Дуная во Ѳракію, занявъ острова этой рѣки, но были осилены иллирійцами. (Та-же кн., гл. Ш, стр. 307).

Въ виду размѣщенія сарматовъ въ Азіи, по понятіямъ древнихъ, и въ Европѣ, будетъ умѣстнымъ привести нѣсколько выписокъи зъ Страбона объ ихъ сосѣдяхъ, взаимно вліявшихъ одни на другихъ въ установленіи нравовъ и обычаевъ.

Амазонки занимали горную страну Кавказа надъ Албанцами, населенную отчасти выше названными скиѳами, гелами и легами, которые, какъ и амазонки, межевали своими землями съ сарматами, сидѣвшими, начиная съ полночныхъ склоновъ Кавказа и далѣе на полночь. Возможно, что гелы и леги были именно кавказскіе сарматы.

Мы знаемъ Геродотово сказаніе о происхожденіи савроматовъ отъ смѣшанія скиѳскихъ юношей съ амазонками. Страбонъ, основываясь на свидѣтельствѣ извѣстныхъ ему повѣствователей Метрадора и Гипсикрата, которые были равно свѣдущи относительно кавказскихъ и ближайшихъ земель, говоритъ, что амазонки пришли на Кавказъ изъ Ѳемискиры псблизились съ гаргареями, онѣ поселились, по словамъ этихъ свѣдущихъ писателей, на полночныхъ склонахъ Кавказа, рядомъ съ гаргареями. Большую часть года эти женщины—воительницы производятъ всякія работы сами, то есть: пашутъ землю, сажаютъ растенія, ухаживаютъ за стадами, особенно за лошадьми; наиболѣе сильныя занимаются охотою и упражняются въ воинскомъ искусствѣ; всѣмъ имъ выжигаютъ, еще съ дѣтства, правую грудь, чтобы безпрепятственно пользоваться плечомъ въ разныхъ занятіяхъ и особенно въ метаніи копья; вооружены они лукомъ, топоромъ и щитомъ, а изъ кожъ дикихъ звѣрей приготовляютъ себѣ шлемы, плащи и пояса Въ году у нихъ два излюбленныхъ мѣсяца весны, въ которые они поднимаются на сосѣднюю гору, отдѣляющую ихъ отъ гаргареевъ; мужчины этого племени также собираются на гору по давнему обычаю; тамъ они приносятъ жертвы вмѣстѣ

съ амазонками и сообщаются съ ними для производства поколѣнія; дѣлается это въ темнотѣ, любой мужчина съ любой женщиной безъ выбора, случайно. Обсѣменивъ женщинъ, мужчины отпускаютъ ихъ домой. Дѣтей женскаго пола амазонки удерживаютъ у себя, а мальчиковъ относятъ гаргареянамъ на воспитаніе: всякій изъ нихъ смотритъ на такого ребенка какъ отецъ, принимая его за своего сына.—Страбону говорили, что амазонки сошлись съ гаргареями не вдругъ и не изъ за половыхъ только побужденій; тѣ и другіе вели между собою войну, при содѣйствіи гаргареянамъ нѣкіихъ ѳракійцевъ и евбеянъ, попавшихъ на Кавказъ по ошибкѣ, а затѣмъ воюющія примирились съ тѣмъ, чтобы разъ въ годъ, въ два весенніе мѣсяца, сходиться на горѣ для произведенія потомства.

Не довѣряя разсказамъ объ амазонкахъ, Страбонъ затрудняется указать современное ему мѣсто жительства ихъ, но упоминаетъ о говорѣ, будто царица ихъ Ѳалестрія встрѣтилась въ Гирканіи съ Александромъ Македонскимъ и находилась нѣкоторое время съ нимъ въ связи, чтобы имѣть дѣтей.

О времени появленія Амазонокъ среди народовъ Азіи древнихъ и Европы, свѣдѣній нѣтъ; онѣ однакожъ извѣстны были составителямъ повѣстей о Троянской войнѣ; Пріамъ велъ съ ними войну (к. I, гл. III, стр 52; кн. XI, гл. IV, стр 514—517; кн. XII, гл. III, стр. 562; гл. VIII, стр. 584).

Геты Сосѣдями сарматовъ, сидѣвшихъ по Дунаю, были геты, занимавшіе оба берега этой рѣки (кн. II, гл. V, стр. 116). Они образовались изъ ѳракійцевъ. Границъ страны гетовъ Страбонъ не знаетъ. Нѣкоторые предшественники Страбона называютъ ѳракійцевъ и гетовъ живущими безъ женщинъ; но онъ этому не вѣритъ и ссылается на Меандра, по происхожденію ѳракійца—гета, который говоритъ, что всѣ вообще ѳракіяне, а геты преимущественно, не очень воздержны, ни одинъ изъ нихъ не женится такъ, чтобы у него не было десяти или одиннадцати женъ, иные имѣютъ двѣнадцать и болѣе, а если случится кому умереть, имѣвъ только четырехъ или пять женъ, тотъ считается между земляками несчастнымъ и въ бракъ не вступившимъ. Между тѣмъ народъ этотъ отличается особенною преданностью вѣрѣ своего племени, воздерживаясь, по понятію о благочестіи, отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ.

Страбону говорили, что какой-то гетъ, по имени *Замолксій*, служилъ рабомъ у Пиѳагора и почерпнулъ отъ этого мудреца нѣкоторыя свѣдѣнія по наукѣ о небесныхъ свѣтилахъ, пополнивъ таковыя впослѣдствіи въ Египтѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ блужданій. Воротившись въ отечество, Замолксій пользовался большимъ почетомъ у вельможъ и вообще среди всѣхъ земляковъ, такъ какъ могъ предсказывать по звѣздамъ и достигъ, наконецъ, соучастія въ правленіи народомъ вмѣстѣ съ царемъ, какъ могущій возвѣщать волю боговъ. Сначала Замолксій былъ назначенъ только жрецомъ наиболѣе почитаемаго гетами божества, а потомъ и самъ былъ принятъ за бога и, удалившись въ недоступную для другихъ мѣстность, проводилъ тамъ, въ пещерахъ, подвижническую жизнь, рѣдко сообщаясь съ людьми, исключая царя и слугъ. Царь совѣщался съ пустынникомъ, видя, что теперь народъ повинуется ему гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде, какъ властелину, изрекаю-

щему свои рѣшенія по совѣту самихъ боговъ. Этотъ обычай продлился, говоритъ Страбонъ, до нашего времени; и теперь у гетовъ всегда есть какой нибудь совѣтчикъ царя, считающійся богомъ. Гору Замолксія называли святою; имя ея—Когеонъ. Во времена царя гетовъ Боребисты, на котораго Кесарь Божественный готовился идти войною, обязанности бога исполнялъ извѣстный *Декайней*.

По поводу начертанія въ рукописяхъ, дошедшихъ до перваго печатнаго изданія Страбонова землеописанія, имени гета Замолксія, припомнимъ замѣтку нашу о шипящемъ звуковомъ знакѣ эллиновъ и свистящемъ; оба они слились впослѣдствіи въ сигму. Какъ Геродотъ, такъ и Страбонъ—уроженцы малоазійскіе, между которыми употреблялся шипящій знакъ „санъ". Если въ начертаніи имени гета поставленъ былъ самимъ Страбономъ *санъ*, получится „замолкшій", слово соотвѣтствующее русскому въ томъ значеніи, которое соотвѣтствуетъ вполнѣ нашему слову „молчальникъ", опредѣляющему отшельника, удалившагося въ уединеніе. Такимъ именно молчальникомъ и былъ Страбоновъ Замолксій, или,—какъ называетъ его иногда нашъ переводчикъ,—Замолксисъ.—Припомнимъ также, что Геродотовъ гетъ Салмоксисъ весьма близокъ по созвучію съ этимъ Замолксіемъ и что въ рукописныхъ книгахъ Геродотовыхъ сказаній имя это изображается различно: Xalmoxis. Zamolxis. Zalmoxis.

При Страбонѣ геты исполняли еще предписаніе Пиѳагора, завѣщанное Замолксіемъ, о воздержаніи отъ мяса животныхъ (кн. VII, гл. III, стр. 296—300).

Отмѣтимъ, что Страбонъ, сообщая свѣдѣнія объ извѣстныхъ ему прорицателяхъ, каковы: Амфіарай, Трофоній, Орфей и Мусай, и причисляя къ нимъ Замолксія и Декайнея, объясняетъ: „таковы были: Моисей (ветхозавѣтный пророкъ—законодатель) и преемники его, которые унаслѣдованное хорошее начало впослѣдствіи извратили (кн. XVI, гл. II, стр. 779)

Страбону извѣстна часть земли гетовъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, подъ именемъ Гетской пустыни, по которой бродилъ Дарій, сынъ Гистаспа въ походѣ на скиѳовъ и Лизимахъ; послѣдній попалъ въ плѣнъ, изъ котораго освободилъ его самъ добродушный царь гетовъ, варваръ *Дромихета*. (Кн. VII гл. III, стр. 307).

Племя гетовъ говоритъ тѣмъ же языкомъ, какъ и ѳракійцы; современникъ Страбона, *Боребиста*, царь ихъ, улучшилъ положеніе народа, много пострадавшаго отъ частыхъ войнъ; онъ на столько возвысилъ страну упражненіемъ въ трудѣ, воздержаніемъ отъ пьянства и повиновеніемъ законамъ, что она образовала сильное царство: большая часть сосѣдей подчинилась гетамъ; даже для римлянъ Боребиста сдѣлался страшнымъ, когда онъ смѣло перешелъ Дунай, опустошая Ѳракію до самой Македоніи и Илліріи; кельтовъ, соединившихся съ ѳракійцами и иллирійцами, онъ разбилъ; *боевъ*, находившихся подъ предводительствомъ *Критасира*, а также *таврисковъ* уничтожилъ въ конецъ. Боребиста, чтобы искоренить въ своей странѣ пьянство, заставилъ народъ вырубить виноградъ и жить безъ вина; подданные его исполнили это требованіе безпрекословно (тамъ же, стр. 306).

Даки. Геты занимали берега Дуная къ сторонѣ Чернаго моря, а по среднему и верхнему теченію этой рѣки жили даки, сосѣди же сарматовъ. Они говорили однимъ языкомъ съ гетами, стало быть и съ ѳракійцами; воевали съ кельтскими народами, боями и другими, погибшими въ войнахъ (кн. X, гл. I, стр. 215; кн. VII, гл. III, стр. 307). Воинственные какъ и геты, они разбивъ боевъ и таврисковъ, заняли земли этихъ кельтовъ, а также часть страны иллирійцевъ; съ ѳракіянами жили въ мирѣ (кн. VII, гл. V, стр. 316).

Певкины — насельники острова Певке, изъ племени бастарновъ, также приходятся недалекими сосѣдями сарматовъ. Островъ этотъ огромный, онъ расположенъ близъ самого устья Дуная, или точнѣе, между его рукавами; рядомъ съ Певке много и другихъ островов. Дарій устроилъ мостъ на Певке.

Язиги-Сарматы, тюригеты, басиліи и урги сидѣли раньше тоже по берегамъ Дуная, а при Страбонѣ они занимали землю за пустынею гетовъ (кн. VII, гл. III, стр. 307 и 308).

Всѣ перечисленные, начиная съ певкиновъ, сосѣди сарматовъ, по нашему мнѣнію, ни что иное, какъ отдѣльные роды скиѳскаго племени; названія ихъ не болѣе какъ прозвища, заимствованныя древними или отъ лицъ, или отъ мѣстностей. Будь это иногородцы среди скиѳовъ, Страбонъ и предшествующіе ему писатели подмѣтили-бы въ нихъ какія-либо особенныя черты нравовъ и обычаевъ.

Роксоланы. Этотъ народъ занималъ страну выше Буга, т. е. на полночь отъ этой рѣки; жилъ-ли кто еще дальше роксоланъ въ полночномъ направленіи, Страбонъ не знаетъ (кн. VII, гл. III, стр. 308); но изъ словъ его, приведенныхъ выше, что роксоланы занимаютъ земли на полдень отъ послѣднихъ извѣстныхъ грекамъ обитателей области, лежащей выше Британіи, съ которою и современники Страбона и его предшественники были достаточно знакомы, слѣдуетъ заключить о противорѣчіи знаменитаго землеописателя: выше Британіи жили, стало быть, люди, на полночь отъ которыхъ лежала страна роксоланъ, и эти послѣдніе занимали не крайніе предѣлы обитаемой земли. Описывая страну, лежащую на западо-полночь отъ Дуная, Страбонъ говоритъ о рѣкахъ Рейнѣ и Альбіи, т. е. Эльбѣ и подробно перечисляетъ сидящіе по берегамъ ихъ народы и народцы—подъ общимъ именемъ германцевъ, получившихъ таковое отъ римлянъ, потому что слово „германцы" на римскомъ языкѣ значитъ „родственные"; римляне хотѣли этимъ словомъ обозначить родство германцевъ съ галатами (тамъ же, гл. I, стр. 201), или галло-греками (кн. XII, гл. V, стр. 577); нѣкоторые же изъ германскихъ народцевъ, каковы гермондоры и лангобарды, ушли въ противоположную отъ Эльбы страну,—значитъ, еще далѣе на полночь къ востоку (кн. II, VII, стр. 232). Въ числѣ рѣкъ, протекающихъ между Рейномъ и Эльбою, а впадающихъ въ океанъ, Страбонъ называетъ Салу, близъ которой погибъ Друзъ Германикъ; на этой рѣкѣ, какъ и на прочихъ, вливающихся въ океанъ, много острововъ (близъ устья?),—изъ которыхъ замѣчательнымъ представился землеописателю Бурханій (тамъ же).

Бастарны Въ статьѣ о сарматахъ мы уже назвали этихъ обитателей Скиѳіи. Отводя раксоланамъ всю обширную равнину между Бугомъ и Дономъ съ запада на востокъ и не зная, обитаетъ-ли кто на полночь отъ этой собственно равнины (такъ, какъ кажется, нужно понимать, во избѣжаніе указаннаго противорѣчія, мысль Страбона), — землеописатель вводитъ въ Европейскую Скиѳію бастарновъ, граничившихъ съ тюригетами и германцами; эти бастарны ему представляются одного племени и съ германцами; они раздѣлялись на множество колѣнъ, каковы: бастарны атменскіе, сидонскіе, выше названные певкинскіе и пр. (тамъ же, стр. 308). Всѣ вообще роксоланы, подъ предводительствомъ Тасія, воевали противъ полководцевъ Миѳридата—Евпатора и несмотря на то, что вступили въ союзъ съ Палакомъ, сыномъ Скилура, выказали себя народомъ воинственнымъ; но противъ стройныхъ и хорошо вооруженныхъ полковъ всякое варварское войско оказывается слабымъ и слишкомъ легковооруженнымъ. Роксоланы, которыхъ было въ этой войнѣ около пятидесяти тысячъ, не могли устоять противъ шести тысячъ, выстроенныхъ правильно подъ предводительствомъ Діофанта, полководца Миѳридатова, и большая часть войскъ погибла. (Тамъ же). Палакъ былъ сынъ скиѳскаго царя Скилура, воевавшаго съ Миѳридатомъ (та же кн. гл. IV, стр. 311). Легкая пѣхота роксоланъ имѣетъ шлемы изъ сырой бычачьей кожи и панцыри (изъ той же кожи?); при наступленіи они дѣйствуютъ копьемъ, мечомъ и лукомъ. На роксоланъ походитъ въ этомъ отношеніи и большая часть прочихъ сосѣднихъ народовъ, такихъ-же, какъ они кочевниковъ.

Германцы. Сосѣдями роксоланъ съ запада Страбонъ называетъ, какъ уже замѣчено, германцевъ; народы, составляющіе населеніе страны ихъ, носятъ различные имена;—Страбонъ приводитъ ихъ, въ разныхъ мѣстахъ книги (см. Указатель Ѳ. Г. Мищенко) двадцать шесть, не считая тѣхъ, которые заселяли береговое пространство западнаго океана между Рейномъ и Эльбою. Границами Германіи Страбонъ принимаетъ: страну кельтовъ влѣво отъ Рейна и рѣку Эльбу. Германцы, по его мнѣнію, не многимъ отличаются отъ галловъ,—собственно только большею дикостью, большею же рослостью и русымъ цвѣтомъ волосъ; чертами лица, нравами и образомъ жизни—совершенно тожественны съ кельтами. Хотя германцы и не кочевники, но имъ легко переселяться съ мѣста на мѣсто, такъ какъ они ведутъ скромный образъ жизни; земли не обработываютъ, большихъ запасовъ не дѣлаютъ, а живутъ въ хижинахъ, заготовляютъ питаніе только на одинъ день; подобно номадамъ (скиѳамъ) средства къ жизни получаютъ отъ скотоводства. Во время переселенія они, подобно кочевникамъ, сваливаютъ все свое имущество на повозки и вмѣстѣ со скотомъ направляются въ ту сторону, которая покажется имъ удобною. Германцы вѣроломны; ведя войны съ римлянами и заключая договоры, они сряду же и нарушали ихъ, несмотря на клятвы и заложниковъ, такъ напримѣръ, херуски и ихъ подданные, несмотря на данную Римлянамъ клятву, погубили три римскихъ легіона вмѣстѣ съ вождемъ Квинтиліемъ Варомъ,—за что, впрочемъ, всѣ понесли жестокое наказаніе и доставили молодому Германаку блестящее торжество; въ побѣд-

номъ, послѣ войны, шествіи его участвовали самые знатные мужчины и жены ихъ, какъ плѣнные (кн. VII, гл. I, стр. 290—292).

Изъ всѣхъ германскихъ племенъ наиболѣе извѣстны Страбону кимвры; по ихъ нравамъ и обычаямъ можно судить и о прочихъ.

Кимвры. Страбонъ отводитъ имъ землю, какъ принадлежащимъ къ германцамъ, на полночь отъ Рейна и близъ западнаго океана (тамъ же стр. 290 и 292); упомянутая рѣка Сала съ островомъ Бурханьимъ приходится или въ самой землѣ ихъ, или невдалекѣ отъ нея. Кимвры—кочевники и разбойники; они совершали походы даже до тѣхъ мѣстностей, которыя находятся около Азовскаго моря, но когда именно это было, Страбонъ не объясняетъ, сказывая только, что отъ нихъ и Боспоръ былъ названъ Киммерійскимъ, т. е. Кимврскимъ, такъ какъ эллины называли кимвровъ киммерійцами. Извѣстіе это Страбонъ заимствуетъ изъ сказаній Посейдонія, который говоритъ, что кимвры нападали на землю боевъ (мы о нихъ упоминали), но были отброшены ими къ Дунаю (на правомъ берегу); отсюда кимвры спускались сперва къ галатамъ,—а оттуда направились къ гельветамъ (Швейцарія), народу богатому золотомъ и мирному, но увлеченному наживою посредствомъ разбоевъ и обратившемуся, послѣ сближенія съ кимврами и союза съ ними, тоже къ грабежамъ; вмѣстѣ съ кимврами гельветы пошли на Италію, но были разбиты римлянами по ту и по сю сторону Альпъ.

Посейдоній и другіе повѣтствователи говорятъ о слѣдующемъ обычаѣ кимвровъ: женщины участвовали въ походахъ вмѣстѣ съ мужчинами; за ними слѣдовали жрицы-прорицательницы, сѣдовласыя, въ бѣлой одеждѣ, застегивающія свои полотняные плащи пряжками и подпоясанныя мѣднымъ обручемъ (поясомъ), съ голыми ногами; эти жрицы въ случаѣ захвата плѣнныхъ бѣжали обыкновенно съ обнаженными мечами черезъ весь станъ кимвровъ на встрѣчу плѣнникамъ, на которыхъ надѣвали вѣнки и вели ихъ къ большой мѣдной чашѣ; затѣмъ которая либо изъ жрицъ всходила на возвышеніе, становилась надъ сосудомъ, перерѣзывала плѣннику горло и бросала трупъ на землю;—съ помощью крови, сливаемой въ чашу, она совершала гаданія;—другія жрицы, умерщвлявшія подобно первой прочихъ плѣнниковъ, разрѣзали, во время ея гаданія, трупы ихъ и тоже гадали по внутренностямъ, предсказывая своимъ кимврамъ побѣду. Во время сраженія жрицы били въ кожи, натянутыя на ящикахъ повозокъ и производили такимъ образомъ ужасный шумъ (та же книга, гл. II, стр. 294—295).

Неизвѣстность Страбону предѣла страны роксолановъ въ западно-полночномъ направленіи и знакомство его въ подробностяхъ съ народами приатлантическими вызываетъ, если не необходимость, то во всякомъ случаѣ полезность, для изысканій о насельникахъ страны Ильменской, ознакомленія со Страбоновыми народами, сидѣвшими на Атлантическомъ побережьи, близъ Балтійскаго моря, обобщаемыми имъ въ имена белговъ, кельтовъ и венетовъ.

Белги, раздѣляющіеся на пятнадцать народцевъ, живутъ вдоль океана между Рейномъ и Лигеромъ; они мужественнѣе всѣхъ сосѣдей и одни

только выдержали напоръ германскихъ кимвровъ и тевтоновъ. Среди самихъ белговъ наиболѣе мужественны беллоаки, а потомъ свессіоны. Какъ на доказательство многолюдства страны указываютъ предшественники на то, что нѣкогда белги выставляли до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Они одѣваются въ короткіе плащи, отращиваютъ волосы, употребляютъ порты, кругомъ охватывающіе икры; вмѣсто хитоновъ носятъ куртку съ рукавами, доходящую до половыхъ частей и таза. Здѣшняя шерсть груба, но длиннорунна, изъ нея ткутъ мохнатые плащи, называемые *лайнами*. Вооруженіе соотвѣтствуетъ росту: длинная сабля или мечь на правомъ боку, большой щитъ, копье обыкновенное и *мадарій*, родъ металльнаго копья; иные употребляютъ луки и пращи, а также древко, похожее на копье; оно пускается съ руки, а не изъ ремня, и летитъ дальше стрѣлы; употребляется преимущественно при охотѣ на птицъ. Большинство спитъ на землѣ,—а за ѣдою сидятъ на соломенныхъ подушкахъ. Главная пища молоко и всякаго рода мясо, преимущественно свинина, молодая и соленая. Свиньи проводятъ ночь въ открытомъ полѣ; онѣ отличаются ростомъ, силою и быстротою, и опасны не только незнакомымъ людямъ, но и волкамъ. Стада овецъ и свиней у белговъ такъ многочисленны, что изъ страны ихъ доставляются въ большомъ количествѣ шерстяные плащи и солонина не только въ Римъ, но и въ другія части Италіи. Жилища строятся изъ досокъ и хворосту, они велики, имѣютъ видъ полушара (купола) и прикрываются толстою соломенною крышею. Управленіе страною принадлежало знатнымъ гражданамъ (аристократическое); однакожъ кельты (ихъ Страбонъ относитъ къ белгамъ древности или обратно) издавна избирали себѣ ежегодно одного князя, а на время войны народъ назначалъ одного же полководца. Обычай, въ силу котораго занятія распредѣлены между мужчинами и женщинами, обратно эллинскому, свойственъ имъ наравнѣ съ многими другими варварами (кн. IV, гл. IV, стр. 196—198).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи извѣстій о белгахъ Страбонъ отожествляетъ ихъ съ кельтами какъ по образу жизни вообще, такъ равно по раздѣленію населенія на сословія и по обычаямъ (тамъ же, стр. 199). Поэтому не лишне сдѣлать нѣсколько выписокъ о кельтахъ.

Кельты.—„Я утверждаю",—говоритъ Страбонъ—„согласно съ мнѣніемъ древнихъ эллиновъ, что полуночные народы назывались однимъ именемъ скиѳовъ, или номадовъ, точно также, какъ и у Гомера, и что,—когда открыты были западныя страны, для названія тамошнихъ народовъ употреблялись общія имена кельтовъ, иберовъ,—или же составныя кельт-иберовъ, кельто-скиѳовъ" (кн. I, гл. III, стр. 33). Затѣмъ Страбонъ приводитъ мнѣніе Ефора: „Если область неба и земли раздѣлить на четыре части, то одна будетъ занята индійцами, другая—полуденная—эѳіопами, третья—западная, кельтами и четвертая, лежащая въ предѣлахъ вѣтра Борея—скиѳами", при этомъ Ефоръ прибавляетъ (тоже слова Страбона) „что эѳіопія и скиѳія обширнѣе другихъ странъ: первая тянется отъ зимняго востока до запада, а скиѳія расположена противъ нея" (тамъ же стр. 34). Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ пишетъ: „Самая Британія по длинѣ почти равняется Кель-

икѣ, простирающейся подлѣ, имѣя не болѣе пяти тысячъ стадій длины =875 верстъ); Британія граничитъ съ оконечностями противолежащей Кельтики, къ западному берегу которой подходитъ такъ близко, что съ него идѣнъ противолежащій" (та же книга, гл. IV, стр. 62—63). Еще далѣе нъ ссылается на свѣдѣнія, сообщаемыя Гиппархомъ, который утверждаетъ, то около Борисѳена и въ Кельтикѣ въ продолженіи цѣлыхъ лѣтнихъ ноей сіяетъ солнечный свѣтъ, по направленію отъ запада къ востоку кн. II, гл. I, стр. 74).

Вѣроятно Гиппархъ называетъ Борисѳеномъ не Бугъ, какъ Страбонъ, Днѣпръ, согласно съ Геродотомъ, и знаетъ самыя дальныя верховья его, дѣ, въ нашемъ при-Ильменьи, заря лѣтомъ не гаснетъ всю ночь. Кельтиою онъ считаетъ, должно быть страну, полночная часть которой соотвѣтствуетъ нашей Финляндіи; такъ какъ извѣстно,—въ полночной части Ботническаго залива, солнце не заходитъ во время лѣтняго солнце-стоянія, три ня. Основываясь на свидѣтельствѣ Еѳора и Гиппарха, Страбонъ, очевидно, ризнавалъ белговъ за одинъ изъ народовъ Кельтики и обобщилъ образъ кизни, порядки, нравы и обычаи тѣхъ и другихъ. Сдѣлавъ оговорку приприведемъ выписки о кельтскихъ племенахъ.

У всѣхъ кельтскихъ племенъ особеннымъ почетомъ пользуются три сословія: барды, ваты и друиды;—первые—это пѣснопѣвцы (поэты);—ваты исполнители священнодѣйствій и знатоки природы, и друиды—естествоиспытатели и мудрецы, свѣдущіе въ наукахъ. Эти три сословія, или одни друиды—неясно выражено, почитаются справедливѣйшими людьми, потому имъ ввѣряются частныя и общественныя тяжбы; нѣкогда они мирили воюющихъ и останавливали готовыя къ нападенію войска; рѣшеніе дѣлъ объ убійствахъ поручалось преимущественно имъ же. Друиды и прочіе учатъ, что души и міръ не преходящи, но что въ будущемъ огонь и вода будутъ имѣть преобладаніе во вселенной.

Къ простотѣ и раздражительности прибавляется у кельтскихъ племенъ или только белговъ?) въ большой мѣрѣ глупость, хвастливость и любовь къ нарядамъ; они носятъ золото: на шеѣ—ожерелья, на пальцахъ рукъ кольца, на запястьяхъ—обручи; лица должностныя украшаются пестрымъ, расшитымъ золотомъ одѣяніемъ.

Въ собраніяхъ по общественнымъ дѣламъ у кельтовъ существуетъ своеобразное правило:—если кто прерываетъ, или заглушаетъ своимъ крикомъ произносящаго рѣчь, къ такому подходитъ блюститель порядка съ обнаженнымъ мечемъ и, угрожая имъ, велитъ замолчать; если разшумѣвшійся не успокоивается, угроза повторяется еще и еще разъ,—а затѣмъ, если требованіе блюстителя все-таки не исполняется, онъ отрѣзываетъ отъ плаща крикуна такой кусокъ, что одежда эта уже ни на что не годится.

При легкомысліи кельтовъ они, какъ побѣдители, невыносимы для побѣжденныхъ своимъ высокомѣріемъ; а будучи побѣжденными—жалки до самоуничиженія. Къ глупости же Страбонъ относитъ варварскій и странный обычай, свойственный, впрочемъ, всѣмъ полуночнымъ народамъ, именно: возвращающіеся изъ похода, во время войны, вѣшаютъ головы убитыхъ не-

пріятелей на шеи лошадямъ, уносятъ въ свои дома и прибиваютъ въ стѣняхъ на показъ; головы знатныхъ воиновъ были смазываемы кедровымъ масломъ; ихъ обыкновенно показывали иностранцемъ и не уступали, въ случаѣ желанія купить, даже за соотвѣтственный вѣсъ золота.

Жертвенный обрядъ кельтовъ состоялъ въ слѣдующемъ: человѣку, назначенному въ жертву богамъ, наносился ударъ ножемъ въ спину; по судорогамъ умирающаго отъ такого удара производились гаданія друидами, всегда присутствовавшими при подобномъ обрядѣ;—или— умерщвляли обреченнаго на жертву человѣка пущенною изъ лука стрѣлою,—или распинали въ храмахъ, или, наконецъ, сожигали бросая его живымъ въ огонь; приготовивъ для этого особаго вида кучу соломы, поджигали ее и кидали въ пламя, вмѣстѣ съ людьми, домашній скотъ и различныхъ животныхъ.

Со словъ знатоковъ Страбонъ приводитъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія относительно обрядовъ, учрежденныхъ кельтскими народцами, въ зависимости отъ ихъ вѣрованій:—на Западномъ океанѣ, недалеко отъ берега, передъ устьемъ рѣки Лигера, отъ котораго переправляются въ Британію, лежитъ маленькій островъ; на немъ живутъ жены самнитовъ, сидящихъ по близости, на материкѣ; онъ посвященъ божеству Діонису, заимствованному эллинами, по Геродоту, (см. Указатель къ переводу Ѳ. Г. Мищенка) отъ египтянъ,—но кельты могли почитать его самостоятельно;—ни одинъ мужчина не высаживается на островъ; женщины же переправляются на материкъ только для сообщенія съ мужчинами, послѣ каковаго сряду же опять возвращаются на свой островъ. Разъ въ годъ эти самниты снимаютъ крышу съ своего храма и покрываютъ новою въ тотъ же день, до захода солнца; крыша обыкновенно соломенная; количество необходимой для новой крыши соломы распредѣляется по-ровну между всѣми женщинами острова; та изъ нихъ, которая переплывая на материкъ, къ храму, выпуститъ свой грузъ соломы,—разрывается прочими на части и куски ея тѣла обносятся кругомъ храма съ радостными криками, продолжающимися только тогда, когда проходитъ вызываемое растерзаніемъ жертвы неистовство; каждый разъ при возобновленіи крыши храма повторяются случаи, подвергающіе одну изъ женщинъ мученической смерти.—Есть на океанѣ (гдѣ именно неизвѣстно) „заливъ двухъ вороновъ"; говорятъ, что тамъ появляются два ворона, съ правымъ бѣлымъ крыломъ каждый; тяжущіеся приходятъ къ этому заливу (бухтѣ) и кладутъ на извѣстномъ возвышенномъ мѣстѣ доску; каждый кладетъ на нее принесенныя съ собою лепешки, замѣчая свое мѣсто; прилетающіе вороны поѣдаютъ однѣ и разбрасываютъ другія; правымъ признается тотъ, чьи лепешки разбросаны.—Въ Кельтикѣ растетъ дерево, похожее на фиговое; надрѣзанный плодъ его выпускаетъ смертоносный ядъ, употребляемый для смазыванья стрѣлъ.—Говорятъ, что всѣ кельты охотники до ссоръ, и что между ними не считается стыдомъ для юноши, если онъ растрачиваетъ свои силы (половыя?). По свѣдѣніямъ, заимствуемымъ Страбономъ у Ефора, кельты стараются не разжирѣть и не имѣть большого живота; юноша, переступившій опредѣленную мѣру пояса, наказывается.

Закончивая главу о белгахъ и кельтахъ, Страбонъ поясняетъ, что все сказанное имъ о кельтахъ, относится къ тѣмъ только, которые живутъ по ту сторону альпъ, т. е. на полночь отъ этого горнаго хребта (кн. IV, гл. IV, стр. 198—200; „объ устьѣ Лигера"—гл. IV, стр. 201).

Венеты, или **генеты**, или **енеты**. Эти созвучныя въ нашемъ говорѣ имена пишутся у грековъ неодинаково; у Страбона—Οὐένετοι, Ἕνετοι, Ἕνετοι,—а у Геродота—Ἐνετοι. Разница въ написаніи вызвана, кажется, разбросанностью этого одноименнаго, повидимому народа; по странамъ Европы, значительно удаленнымъ одна отъ другой, такъ: Οὐένετοι—жили въ Бельгійской Галліи (въ нынѣшней Бельгіи) на Атлантическомъ побережьи, Ἕνετοι—внутри Галліи, а Ἕνετοι въ Италіи. Для нашей задачи преобладающее значеніе имѣютъ бельгійскіе побережане; но выписки о нихъ только не дадутъ полнаго, насколько возможно, представленія о племени, отождествляемомъ отечественными нашими учеными съ славянами западной вѣтви,—поэтому приведемъ выписки о венетахъ, генетахъ и енетахъ—въ сжатомъ видѣ.

Нѣкоторые писатели древности, еще до Страбона, считаютъ венетовъ атлантическаго побережья выходцами племени кельтовъ и родоначальниками енетовъ и генетовъ итальянскихъ и гальскихъ (кн. V, гл. I, стр. 214). Этихъ венетовъ Страбонъ причисляетъ къ белгамъ и говоритъ, что они сражались съ кесаремъ на морѣ, чтобы воспрепятствовать ему плыть въ Британію, съ которою они вели торговлю; кесарь безъ труда уничтожилъ корабли ихъ, не прибѣгая къ помощи просверливающихъ носовъ своихъ кораблей, потому что доски кораблей непріятельскихъ были очень толсты; но когда венеты неслись на нихъ за вѣтромъ, римляне косами сорвали паруса. Противъ сильныхъ вѣтровъ венеты употребляютъ паруса кожаные, прикрѣпляемые цѣпями (желѣзными?); суда ихъ плоскодонные (съ широкими килями), съ высоко поднимающимися носами и кормами, на случай отливовъ; дѣлаются они изъ дубоваго лѣса, произрастающаго тамъ въ изобиліи; доски не сбиваются плотно,—но между ними оставляются щели, которыя законопачиваются мхомъ, чтобы дерево, смачиваемое во время стоянки кораблей, не высыхало, такъ какъ мохъ по природѣ влаженъ, а дубъ сухъ и не гибокъ.

Самъ Страбонъ считаетъ венетовъ белгическихъ также, какъ и древніе писатели, родоначальниками итальянскихъ, живущихъ по Адрію (Адріатическому морю), потому что и прочіе кельты въ Италіи почти всѣ перешли туда изъ-за Альпъ (съ полночной стороны ихъ). Впрочемъ,—говоритъ Страбонъ,—благодаря одноименности съ генетами и енетами, ихъ считаютъ также пафлагонцами (кн. IV, гл. IV, стр. 196).—Нравы и обычаи венетовъ тѣже, что белговъ и кельтовъ, только что описанные.

Пафлагонцы жили въ нынѣшней Малой Азіи, занимая часть полуденнаго побережья Чернаго моря, между странами Понтомъ и Виѳиніею. Выводящіе венетовъ оттуда принимаютъ за доказательство,—говоритъ Страбонъ,—слѣдующія слова Гомера:—„Пафлагонцевъ велъ Пилайменей съ косматою грудью, родомъ изъ енетовъ, откуда происходятъ непокорные мулы". Одни говорили Страбону, что въ его время въ Пафлагоніи не было енетовъ, ука-

зывая однако-жъ на соименную имъ деревню; по увѣренію другихъ, какое-то племя, пограничное съ каппадокійцами, выступило въ походъ вмѣстѣ съ киммерійцами и впослѣдствіи удалилось къ Адріи. Но по мнѣнію, наиболѣе распространенному, енеты составляли значительнѣйшее племя пафлагонцевъ, изъ котораго происходилъ и тотъ Пилаймeней Гомера, съ которымъ большинство енетовъ отправилось въ походъ во время Троянской войны; а потерявши вождя, послѣ разрушенія Трои, эти енеты проникли во Ѳракію и долго по ней блуждали, пока имъ не удалось добраться до современной Страбону Енетики.

Другіе писатели утверждаютъ, что въ странствованіи по Ѳракіи и вообще въ блужданіи енетовъ, участвовали Антеноръ и дѣти его (кн. XII, гл. Ш, стр. 554), и Эней съ своими—отцемъ Анхизомъ и сыномъ Асканіемъ (кн. XIII, гл. I, стр. 621). Антеноръ и Эней были Троянскими царями, владѣвшими Дарданіей, близъ моря, въ Троадѣ (тамъ же стр. 609).

Примѣчаніе. На русскомъ языкѣ изданы были переводы съ французскаго сочиненія Лантье «Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи»—въ 1802 г.—въ Москвѣ, въ трехъ частяхъ, Петра Макарова и Григорія Яценкова—и въ 1803 г. въ СПБургѣ, въ пяти частяхъ, А. Левандьі. (См. Опытъ Россійской библіографіи Сопикова, СПБ. 1814 г., ч. II, стр. 29).

О странствованіяхъ Энея говорятъ, что по разрушеніи Трои онъ собралъ отрядъ своихъ дружинниковъ, отплылъ съ ними отъ береговъ Троады, и, по свидѣтельству однихъ писателей, поселился въ окрестностяхъ Македонскаго Олимпа;—по сказаніямъ другихъ, Эней и товарищи его прибыли въ Аркадію и основали городъ Капую, давши свое имя странѣ, прилегавшей къ нему и образовавшей Капуанскую область;—наконецъ по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ третьими,—этотъ развѣнчанный царь высадился въ Сициліи, а отсюда, спустя значительное время, переправился въ Лаціумъ, гдѣ и основался на всегда по повелѣнію оракула, подлѣ Лавинія. Сказанія о странствованіяхъ Энея Страбонъ считаетъ баснями, несогласными съ Гомеровыми извѣстіями, по которымъ онъ, Эней, остался въ Троѣ, и когда прекратился родъ Пріама, наслѣдовалъ власть его, передавъ ее и своему потомству (тамъ же, стр. 621).

О венетахъ галльскихъ, какъ принадлежащихъ къ племени кельтовъ, населявшихъ всю Галлію, Страбонъ, не говоритъ въ особенности, а обобщаетъ ихъ нравы и обычаи съ галльскими или галатскими, такъ:—все это племя воинственно, отважно и быстро рѣшается на битву, но вмѣстѣ съ тѣмъ простодушно и не злобно. Будучи разгнѣваны, люди этого племени толпами бѣгутъ въ битву, открыто, безъ предосторожностей, такъ что кто съумѣетъ ихъ перехитрить, напримѣръ засадою, тотъ и одолѣетъ; стоитъ только подстрекнуть этихъ людей когда-бы и гдѣ-бы ни было, подъ какимъ угодно предлогомъ, они готовы во всякомъ случаѣ встрѣтить опасность, хотя бы не имѣли для поддержки въ борьбѣ ничего, кромѣ собственной силы и отваги. Всякаго изъ нихъ легко склонить къ полезному, къ образованію и къ наукѣ. Кельтско-галльское племя сильно своею многочисленностью; всѣ члены отличаются, къ тому же, высокимъ ростомъ. Благодаря чистосердечію

и прямотѣ нрава они любятъ собираться толпами; между тѣмъ близкіе между собою, въ силу общей обидчивости, постоянно ссорятся изъ-за пустяковъ (кн. IV, гл. IV, стр. 197).

О венетахъ итальянскихъ говорятъ, что они имѣли самый тщательный уходъ за лошадьми, что и приводится какъ доказательство пафлагонскаго происхожденія ихъ. Давая это извѣстіе, Страбонъ поясняетъ: „Теперь такой особенный уходъ за лошадьми исчезъ между венетами совершенно, а прежде имѣлъ обширное примѣненіе, по необыкновенной любви ихъ къ кобылицамъ—муламъ. Впослѣдствіи сицилійскій тиранъ Діонисій устроилъ заводъ привозныхъ лошадей ихъ венетской породы, такъ что у еллиновъ вошло въ славу венетское воспитаніе лошадей; порода эта долго сохраняла за собою весьма высокую цѣну (кн. V, гл. I; стр. 214 и 215) —Земля венетовъ итальянскихъ покрыта рѣками и болотами; кромѣ того она подвергается еще дѣйствію моря; это почти единственныя части моря, которыя Страбонъ называетъ „нашимъ" т. е. греческимъ, подвергающіяся, подобно океану, приливамъ и отливамъ; большая часть при-адріатической равнины въ землѣ венетовъ занята морскими болотами; она, подобно такъ называемому нижнему Египту, изрѣзана искусственными водостоками и насыпями, съ помощью которыхъ нѣкоторыя мѣста обращены въ земледѣльческія, а другія служатъ для судоходства. (Тамъ-же, стр. 215).

Сдѣлавъ выписки о белгахъ, кельтахъ и венетахъ, съ которыми могли сталкиваться въ большей или меньшей мѣрѣ роксоланы, приведемъ нѣкоторыя извѣстія Страбона о свевахъ и британцахъ, какъ племенахъ кельтическихъ, и норикахъ—совсѣмъ другого племени—склонныхъ къ переселеніямъ и потому вѣроятно соприкасавшихся на западной окраинѣ земель роксоланъ съ ними и съ прочими насельниками Ильменской страны,—во время перекочевокъ съ одного мѣста на другое.

Свевы. Горный хребетъ, слѣдующій непосредственно за Альпами на востокъ, извѣстенъ Страбону какъ Геркинскій лѣсъ; онъ тянется вдоль праваго берега Рейна и тамъ, гдѣ лежатъ источники Дуная (кн. IV, гл. VI, стр. 209). По восточнымъ склонамъ этого хребта, собственно въ Геркинскомъ лѣсу, обитаютъ различныя племена свевовъ; изъ нихъ куадамъ принадлежитъ городъ Біуэмъ, мѣстопребываніе царя *Маробода*, переселившаго сюда, предъ Страбоновымъ временемъ, различныхъ народцевъ, между прочимъ и своихъ соплеменниковъ, *маркоманновъ*. Этотъ царь покорилъ огромное племя луговъ, зумовъ, бутоновъ, мугилоновъ, сибиновъ и семноновъ—многочисленное свевское племя. Кромѣ поселившихся въ самомъ Геркинскомъ лѣсу есть еще вѣтви свевовъ, живущія внѣ его, въ сосѣдствѣ съ гетами. Вообще свевы—чрезвычайно огромное племя: область ихъ тянется отъ Рейна до Эльбы, а нѣкоторые народцы того же племени занимаютъ земли и за Эльбою.—На полдень отъ Геркинскаго лежитъ другой огромный лѣсъ Габрета, занятый также свевами, и прилегающій къ отрогамъ того же хребта, направляющимся въ Италію.

Изъ народовъ, заселяющихъ восточные и полуденные склоны хребтовъ къ сторонѣ Италіи и венетамъ наиболѣе распространенные были: кельто-лигіи, реты, венноны и салассы. (Кн. IV, гл. VI, стр. 204—210).

Британцы. Писавшіе до Страбона и онъ знали только полуденную часть нынѣшней Англіи. По ихъ свѣдѣніямъ большая часть острова представляетъ равнину, покрытую лѣсомъ; но есть тамъ много и холмистыхъ мѣстностей. Британія противолежитъ Кельтикѣ Атлантическаго побережья. Островъ доставляетъ материку: хлѣбъ, рогатый скотъ, золото, серебро и камни. Предметы эти, равно кожи, невольницы и охотничьи собаки—вывозятся въ Кельтику: британскія собаки и кельтическія употребляются во время войны.

Жители острова выше кельтовъ ростомъ, менѣе бѣлокуры и болѣе вялы въ движеніяхъ и во всемъ. Свидѣтельствомъ ихъ рослости, говоритъ Страбонъ, можетъ служить слѣдующее: „въ Римѣ я видѣлъ британскихъ юношей, которые имѣли ростъ полуфутомъ болѣе самыхъ высокихъ тамошнихъ мужчинъ; но за то они косолапы и вообще сложены дурно. Нравы ихъ похожи отчасти на кельтскіе, или же еще проще и грубѣе. Нѣкоторые имѣютъ молоко въ изобиліи, но не умѣютъ приготовить сыръ; не свѣдущи въ садоводствѣ—и мало-свѣдущи въ земледѣліи. Правительство существуетъ у нихъ только для войны, во время которой употребляются, какъ и у кельтовъ, боевыя колесницы.—Города ихъ—лѣса, именно: они окружаютъ большое пространство срубленными деревьями; тамъ строятъ для себя хижины, а для скота стойла,—но не надолго. Что касается погоды—у нихъ дожди идутъ чаще, чѣмъ снѣгъ; даже въ ясные дни туманъ держится такъ долго, что за цѣлыя сутки солнце видно только три, или четыре часа пополудни. Тоже самое наблюдается у *мориновъ* и у всѣхъ ихъ сосѣдей.

Кесарь дважды переправлялся на Британскій островъ, но скоро возвращался безъ большихъ успѣховъ, не проникнувъ въ глубь страны, частію потому, что въ Кельтикѣ вспыхивали возстанія варваровъ и его собственныхъ солдатъ, а частью еще и потому, что многіе корабли его погибли отъ усиленія приливовъ и отливовъ. Впрочемъ Кесарь одержалъ двѣ или три побѣды надъ британцами, хотя перевелъ на островъ всего два отряда своего войска, и увелъ съ собою на материкъ множество заложниковъ, рабовъ и разной добычи. Нѣкоторые тамошніе державцы пріобрѣли дружбу кесаря Августа посольствами и многими услугами; они посвятили въ капитолій нѣкоторые свои предметы и расположили почти весь островъ въ пользу римлянъ. Британцы взимаютъ небольшую пошлину съ товаровъ, какъ вывозимыхъ съ острова въ Кельтику, такъ и ввозимыхъ оттуда въ страну ихъ. Предметы вывоза: запястья *изъ слоновой кости*, ожерелья, турмалины, стеклянная посуда и другіе мелкіе.

Около Британіи нѣсколько незначительныхъ острововъ и одинъ большой Гіерна, обращенный къ полночной сторонѣ и простирающійся въ длину болѣе, чѣмъ въ ширину. О немъ Страбону неизвѣстно ничего положительнаго, кромѣ того только, что жители этого острова болѣе дики, чѣмъ британцы; они ѣдятъ человѣческое мясо и прожорливы; жрать какъ можно больше и открыто сообщаться со всѣми женщинами безъ разбора, неисключая матерей и се-

стеръ, считается у нихъ похвальнымъ дѣломъ. „Впрочемъ, замѣчаетъ Страбонъ—относительно всего этого мы не имѣемъ достойныхъ свидѣтелей, хотя людоѣдство свойственно также скиѳамъ, равно какъ—во время осады, въ случаѣ крайней нужды,—кельтамъ, иберамъ и многимъ другимъ.

Страбону извѣстенъ другой, относимый имъ къ Британіи, островъ—Ѳула, лежащій полуночнѣе всѣхъ странъ, но извѣстенъ по словамъ писателя Пиѳея, которому онъ невѣритъ, хотя признаетъ, что этотъ Пиѳея сдѣлалъ правильныя наблюденія о небесныхъ явленіяхъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ холодному полюсу. При скудости свѣдѣній объ этомъ островѣ, землеописатель сообщаетъ однакожъ нѣкоторыя, такъ:—домашнихъ животныхъ здѣсь или вовсе нѣтъ, или очень мало, такъ что населеніе питается просомъ и огородными овощами, а также дикими плодами и кореньями; а гдѣ есть хлѣбъ и медъ, тамъ приготовляется изъ нихъ питье. Солнечныхъ дней на Ѳулѣ не бываетъ; хлѣбъ молотятъ въ большихъ строеніяхъ, предварительно снесши туда колосья; открытый токъ неупотребляется по недостатку солнца и обилію дождей.

Морины. Въ числѣ народовъ, живущихъ по Атлантическому побережью, Страбонъ называетъ мориновъ, имѣющихъ корабельную стоянку *Итей.* Всѣ направляющіеся въ Британію изъ Рейнскихъ земель начинаютъ морскую переправу отъ этой стоянки; отсюда отплылъ и Кесарь; онъ снялся съ якоря въ Итіи ночью, а на Британскій островъ прибылъ на другой день въ четвертомъ часу, сдѣлавъ путь въ 320 стадій=54 версты. Въ землѣ мориновъ—сплошной, невысокій лѣсъ, называемый *Ардуена*, разстилающійся далеко въ материкъ, по утвержденію нѣкоторыхъ повѣствователей, на четыре тысячи стадій=семьсотъ верстъ; въ вѣрности этого протяженія Страбонъ сомнѣвается. Во время нападенія враговъ жители сплетали колючія вѣтви кустарниковъ, закрывая такимъ образомъ доступъ врагу, а въ иныхъ мѣстахъ вбивали колья; сами они скрывались со всѣмъ домашнимъ имуществомъ въ чащѣ лѣсовъ, гдѣ, среди болотъ, были маленькіе острова; въ дождливую пору морины находили тутъ надежное убѣжище,—а въ сухую легко попадали въ руки враговъ. (О Британіи и ея островахъ—кн. IV, гл. V, стр. 201—203;—о моринахъ—той-же книги гл. III, стр. 184—195; и стр. 201, гл. V).

Норики. Этотъ народъ занималъ страну Альпійскую, гдѣ она склоняется къ Италіи; сосѣдями нориковъ были ретійцы,—ближайшими, а также кельты, гельветы и винделики. Близь страны ихъ находился упомянутый Геркинскій лѣсъ.—Нѣкоторыя племена нориковъ жили близь угла Адріатическаго моря, каковы карны и таврискп. Во времена Страбона норики и другія альпійскія племена дѣлали часто буйные набѣги на Италію, укрываясь отъ преслѣдованій въ горахъ, среди которыхъ они бродили и разбойничали, щадя при этомъ обитателей сосѣднихъ равнинъ, чтобы имѣть въ нихъ своихъ поставщиковъ жизненныхъ припасовъ; сосѣдямъ они давали смолу, варъ, сосновое дерево, воскъ, медъ и сыръ; эти предметы были въ изобиліи у разбойничьихъ нориковъ, земля же ихъ, по вершинамъ горъ, какъ скудная вообще, не годится для обработыванія, особенно по причинѣ

большихъ морозовъ. (Кн. IV, гл. VI, стр. 208—209; кн. VII, гл. I, стр. 293).

Норики небыли сосѣдями раксолановъ, замѣтку о нихъ мы привели потому, что это племя причисляется, какъ увидимъ, начальною русскою лѣтописью къ славянамъ,

Не встрѣчая у Страбона, кромѣ приведенныхъ, еще другихъ свѣдѣній, относящихся къ нашему предмету прямо, перейдемъ къ выпискамъ о племенахъ, признаваемыхъ Геродотомъ сосѣдями его Скиѳіи. Страбонъ говоритъ только о неврахъ и аримаспахъ—о первыхъ нѣсколько подробно, а о послѣднихъ вскользь, попутно; о прочихъ же, каковы,—за исключеніемъ описанныхъ выше,—*андросфаги*, *агафирсы*, *меланхлены*, *будины*, *гелоны*, *ѳиссагеты*, *іирки*, *аргиппаи*—совсѣмъ неупоминаетъ.

Замѣтимъ по этому поводу, что Страбонъ относится къ повѣствованіямъ Геродота недовѣрчиво; по его словамъ „скорѣе можно повѣрить героическимъ поэтамъ Гезіоду и Гомеру, или трагикамъ, нежели Ктезіи, Геродоту, Гелланику и другимъ подобнымъ“. Болѣе всѣхъ недовѣріе нашего землеописателя обрушивается на свидѣтельства о дали походовъ Александра Македонскаго, подсказываемой писателямъ современникамъ великаго государя угодливостью и лестію. (Кн. XI, гл. V, стр. 516).

Сомнѣніемъ-ли въ правдивости Геродотовыхъ извѣстій нужно объяснять молчаніе Страбона о его сосѣдяхъ Скиѳіи, или неимѣніемъ подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній, или, наконецъ—то откочеваніемъ въ глубь полночныхъ странъ,—то поглощеніемъ Геродотовыхъ именъ завоевателями, смѣшавшимися съ побѣжденными племенами,—мы тѣмъ не менѣе считаемъ небезполезнымъ высказать наши догадки по этому вопросу по возможности о каждомъ изъ племенъ Геродотовыхъ сосѣдей Скиѳіи.

Невры. Страбонъ незнаетъ невровъ, но говоритъ о *нервіахъ*, которымъ отводитъ землю по правому берегу Рейна,—въ Галліи его времени. Изъ раскиданныхъ племенъ, сидѣвшихъ на правомъ берегу названной рѣки, видно, что невріи занимали страну близь устья Рейна. Вотъ слова землеописателя, указывающія на положеніе земли нервіевъ: Первые обитатели прирейнской страны, считая отъ истока рѣки—гельветіи; за ними вдоль Рейна, внизъ по теченію, живутъ секваны и медіоматрикіи: затѣмъ тревиры, въ землѣ которыхъ римляне, ведущіе борьбу съ германцами, построили теперь мостъ;—за рѣкой противъ этой страны жили убіи; съ тревирами граничатъ нервіи; на самомъ краю живутъ менапіи, близко отъ устьевъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Подлѣ нихъ сидятъ сугамбры. Страна по ту сторону (по правую?) всей рѣчной области Рейна занята тѣми германцами, которые называются соебами, (свевами), и которые превосходятъ всѣхъ могуществомъ и многочисленностью.

Если римляне перекинули во время войны съ германцами 1 мостъ въ землѣ тревировъ, значитъ они занимали оба берега рѣки, какъ и земли менапіевъ; нарвіевъ Страбонъ причисляетъ къ германцамъ, страна которыхъ лежитъ за правымъ берегомъ Рейна и его притоками.

Названные морины приходятся если не рядомъ съ нервіями, то въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи, такъ какъ Страбонъ селитъ подлѣ мориновъ племя менапіевъ, сидѣвшіе, какъ и они, по Антлантическому океану, а нервіи занимали землю между тревирами и менапіями. Страна менапіевъ, равно и нервіевъ, покрыта болотами и лѣсами, хотя невысокими, но густыми, похожими на терновые кустарники.

Образъ жизни нервіевъ сходенъ, должно быть съ тѣмъ, который описанъ Страбономъ въ его извѣстіяхъ о моринахъ. (Кн. IV, гл. III, стр. 194—195).

Андрофаги—неизвѣстны Страбому подъ этимъ именемъ; но если разумѣть подъ ними мужесъѣдателей, а не племя Геродотово, то таковыми будутъ упомянутые прикавказскіе и прикаспійскіе народы, съѣдающіе мужчинъ, убиваемыхъ ими послѣ семидесятилѣтняго возраста.

Меланхлены также неизвѣстны землеописателю нашему; вѣроятно ихъ, равно какъ *будиновъ* и *гелоновъ* Геродота, онъ считаетъ роксоланами вообще.

Но Страбонъ знаетъ скиѳское племя геловъ, о которомъ мы говорили, и *гелловъ*, а также городъ и деревню съ именемъ *Гелъ*, наконецъ онъ упоминаетъ два раза о *Гелонѣ*, тиранѣ Сиракузскомъ, но всѣ эти созвучные въ русскомъ говорѣ имена, пишутся у грековъ неодинаково: скиѳское племя—Γῆλαι;—Геллы—Ἕλλοι;—Гелъ —городъ и деревня Ἕλλος; одно только имя тирана Сорокузскаго сходно, за исключеніемъ окончаній—въ народахъ Геродота; первые—Γελων,—а народъ и городъ его—Γελωνοί, Γέλων, и то съ удареніемъ не на тѣхъ же вездѣ слогахъ. Имя средняго сына, рожденнаго дѣвушкою—змѣею отъ Геракла (см. выше) одинаково, по звуковымъ знакамъ, съ Гельномъ Сиракузскимъ, но удареніе стоитъ въ одномъ случаѣ надъ первымъ слогомъ, а въ другомъ—надъ послѣднимъ.—Такимъ образомъ совершенно одинаковыя начертанія употреблены только для именъ: сына Геракла и города въ землѣ Геродотовыхъ будиновъ. (Геродотъ, кн. IV, стр. 302 и 344;—Страбонъ;—въ указателѣ стр. LXXXI),

Если будины Геродотовы—послѣдователи буддійскаго вѣроученія, обновленнаго около его времени царевичемъ Ситхартою они, во время Страбона, жившаго лѣтъ четыреста спустя послѣ Ситхарты; могли получить и среди грековъ и среди скиѳовъ различныя имена даже и по вѣроученію, въ зависимости отъ новшествъ, заимствованныхъ въ этомъ отношеніи отъ иновѣрныхъ сосѣдей.

Припомнимъ наружность Геродотовыхъ будиновъ и родственныхъ галатамъ кельто-германцевъ, въ числѣ которыхъ, по Страбону, были нервіи,-морины и другіе; какъ будины, такъ и кельты—германцы одинаково бѣлокуры.

По объясненію Геродота меланхлены получили свое имя отъ обыкновенія носить черную одежду. Какъ невызывавшееся въ теченіи четырехъ вѣковъ послѣ Геродота исключительностью обстоятельствъ временъ предшествовавшихъ, напримѣръ, перерожденіемъ черныхъ овецъ въ бѣлыхъ или сѣрыхъ, обыкновеніе это могло исчезнуть послѣдовательно и незамѣтно, а вмѣстѣ съ нимъ могло забыться и прозваніе. (Геродотъ, кн. IV, стр. 344).

Агафирсы произошли, по Геродоту, отъ старшаго сына Геракла и дѣвушки—змѣи. Изслѣдователи отводятъ имъ землю въ нынѣшней Трансильваніи, въ странѣ Страбоновыхъ даковъ—на востокъ, а венетовъ и нориковъ на западъ, между Чернымъ и Адріатическимъ морями; слѣдовательно позволительно видѣть между этими тремя племенами, или народцами, кровное родство по происхожденію отъ общаго родоначалія.

Ѳиссагеты и гирки, признаваемые за народцевъ чудскаго племени, жили такъ говорятъ ученые на востоко-полночь отъ Волги и Камы,—могли слиться со скиѳами и массагетами.

Аргиппаи или плѣшивые—предположительно степняки при-Уральскіе; но какую часть подножія этого огромнаго въ длину хребта, они занимали неустановлено изслѣдователями; есть мнѣнія, что они сидѣли по восточному побережью и верховьямъ рѣки Урала, гдѣ Страбонъ селитъ саковъ же и массагетовъ.

Аримаспы. Страбонъ полагаетъ. что древніе греческіе повѣствователи заимствовали сказанія объ одноглазыхъ циклопахъ изъ сказаній о скиѳахъ: Аристея Проконисскій первый объявилъ о нѣкіихъ аримаспахъ Скиѳіи. Изъ замѣтокъ нашего землеописателя въ разныхъ мѣстахъ его книги выходитъ, что циклопы нѣкогда господствовали около Этны и Леонтины. (Кн. I, гл. II, стр. 20 и 21);—а затѣмъ ихъ видѣли греческіе воины ходившіе на Кавказъ, въ области рѣки Куры, въ Албаніи. (Кн. XI, гл. IV, стр. 512). Въ Навпліи находятся многія пещеры съ длинными, причудливо извилистыми проходами (лабиринты), считаемые за сооруженіе циклоповъ. (Кн. VIII, гл. VI, стр. 384). Гомеръ представляетъ циклоповъ первыми основателями общежитія; они селились въ глубокихъ пещерахъ на вершинахъ горъ и питались дикими плодами; „у нихъ растетъ все безъ посѣва и плуга; ни площадей для собранія, ни постановленій—не имѣютъ; всякій управляетъ своими дѣтьми и женою. (Одиссея, гл. IX. ст. 112)“. Приводя эти мѣста изъ Гомера Страбонъ сопоставляетъ сущность ихъ съ свѣдѣніями изъ Платоновой книги законовъ. По мнѣнію этого мудреца древности „послѣ наводненія (ледниковыхъ временъ?); возникаютъ, послѣдовательно, три вида общежитій: первый—на вершинахъ горъ, жизнь простая, дикая; люди боятся воды, покрывающей равнины:—второй—на горныхъ склонахъ; страхъ уже не такъ великъ;—наконецъ третій—на равнинахъ. Можно-бы сказать, о четвертомъ, пятомъ и дальнѣйшихъ видахъ, изъ которыхъ самый послѣдній, когда страхъ воды изчезъ, на побережьяхъ, островахъ. Бытъ циклоповъ—первый видъ общежитія. (Страбонъ, кн. XIII, гл. I, стр. 604).

Древніе еллинскіе писатели,—по заключенію Страбона, называли всѣ полуночные народы общимъ именемъ скиѳовъ и кельто-скиѳовъ, но тѣ изъ нихъ, которые стали первыми различать эти народы по частямъ, называли насельниковъ земель, лежащихъ выше Дуная, Чернаго и Адріатическаго морей, гипербореями, савроматами и аримаспами. (Кн. XI, гл. VI, стр; 516—518).

Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ Страбона и болѣе давнихъ писателей, циклопы,—они же и аримаспы, жили гдѣ-то на полночи Европы, въ странѣ грифовъ и по сосѣдству съ исседонами (за Уральскимъ хребтомъ?),—затѣмъ на склонахъ Кавказскихъ горъ и наконецъ въ Сициліи.

Сверхъ выписокъ о скиөахъ и ихъ сосѣдяхъ, мы приводимъ нѣсколько отдѣльныхъ извѣстій изъ Страбона, имѣющихъ прямую связь съ изложенными сказаніями и могущихъ быть пригодными въ изысканіяхъ о странѣ Ильменской и ея населеніи.

Въ своемъ мѣстѣ приведены выписки библейскихъ извѣстій о скиөахъ, дѣлавшихъ набѣги на Палестину; Страбону извѣстенъ городъ *Скиөополь* находившійся подлѣ Галилеи. (Кн. XVI, т. II, стр. 779); онъ знаетъ селеніе *Кромны* или *Кромну*, κρωμνα; находившееся въ Пафлагоніи, и составлявшее часть ея города Амастрія (кн XV, гл. III, стр. 559).

Кромны—расположены были подлѣ рѣки Парөенія, въ странѣ кавконовъ; Пафлагонія занимала полуденно-восточную часть Черноморскаго прибрежья, между небольшими землями биөиновъ—къ западу, галатовъ—киммеріанъ къ востоку; за этою землею слѣдовала западная Каппадокія. Нѣкоторые извѣстные Страбону писатели говорятъ, что между Биөиніею и Пафлагоніею сидѣли кавконы, а отъ пафлагоновъ на востокъ къ каппадокійцамъ вышеозначенные енеты.—Объ этихъ кавконахъ предшественники Страбона сказываютъ различно: по мнѣнію однихъ—они скиөы,—другихъ—македоняне—и третьихъ—пеласги. Въ Страбоново время жила подлѣ рѣки Парөены часть кавконитовъ (Тамъ-же, стр. 553—555).

Недалеко отъ кавконовъ, въ Биөиніи, около нынѣшняго Константинопольскаго пролива, къ востоку отъ него, былъ при Страбонѣ городъ *Пруса*, основанный во времена Кира,—называвшійся задолго до Страбона Кіемъ. Этотъ Кій разрушенъ Филиппомъ, сыномъ Деметрія и отцемъ Персея; онъ подарилъ мѣсто Прусы, сыну Зелы. Жители тамошней земли повѣствуютъ, что нѣкто Зела, одинъ изъ спутниковъ Геракла, плывшій вмѣстѣ съ нимъ на кораблѣ Арго, вышелъ на берегъ къ источнику и былъ похищенъ нимфами, а другой спутникъ Геракла, плывшій съ нимъ изъ Колхиды, *Кій*, остался здѣсь, и основалъ городъ, названный его именемъ. И теперь еще обитателями Прусіи совершается, говоритъ Страбонъ, празднество соединяемое съ блужданіемъ по горамъ (въ память Зелы?), причемъ устраиваются торжественныя хожденія и вызывается Зела; какъ-бы для отысканія его, ходятъ при этомъ по окрестнымъ лѣсамъ. (Кн. XII, гл. IV, стр. 573 и 584).

Не лишены большаго значенія повѣствованія Страбона о знаменитыхъ скиөахъ: Анахарзисѣ и Иданөирсѣ.

Анахарзисъ извѣстенъ Геродоту (см. выше); этотъ скиөъ—номадъ включенъ въ число семи мудрецовъ древности; онъ, равно какъ Абарисъ и нѣкоторые другіе скиөы пользовались у грековъ большимъ почетомъ. Эфоръ говоритъ, называя Анахарзиса мудрымъ, что онъ причисленъ къ семи мудрецамъ за строгую воздержность и разумъ; ему приписывается изобрѣтеніе горящаго трута, двулапаго якоря и гончарнаго круга. Но Страбонъ знаетъ, что послѣднее изобрѣтеніе сдѣлано раньше Анахарзиса, такъ какъ о немъ говорилъ еще Гомеръ (кн. VII, гл. III, стр. 303 и 305). Анахарзисъ сообщаетъ о своей странѣ, что въ ней нѣтъ приспособленій для благозвучной забавы, въ родѣ, напримѣръ флейты, а употребляютъ только бубны, кинвалы и трещотки (кн. V, гл. I, стр. 710.

Иданөирсъ—скиөъ вторгался въ Азію и проникалъ до Египта. (Тамъ же, стр. 703).

Геродотъ также знаетъ Иданөирса, но какъ племянника Анахарзиса и современнаго Дарію царя скиөовъ (Герод. кн. IV, ст. 76, 120 и др. приведены выше); о томъ, чтобы скиөы проникали до Египта Геродотъ не говоритъ, но ему извѣстна встрѣча съ ними египетскаго царя Псамметиха въ Палестинской Сиріи около 635 лѣтъ до Р. Х., во время преслѣдованія киммеріанъ (кн. I, ст. 105—тоже приведено выше).

Таковы сказанія Страбона о насельникахъ земли, на которой появился впослѣдствіи славяно-русскій народъ, въ общихъ чертахъ; есть у него и другія, особенныя, столько же какъ и приведенныя, имѣющія значеніе для народовѣдѣнія и для изысканій объ ильменцахъ; эти особенныя сказанія землеописатель заимствуетъ изъ письменныхъ свѣдѣній древнихъ пѣснопѣвцевъ и мудрецовъ, каковы Гомеръ, Платонъ и др.; всѣ древніе повѣствователи восхваляютъ честность, благородство и простоту образа жизни обитателей странъ, составляющихъ нынѣ русскую землю, скиөовъ номадовъ, „самыхъ счастливыхъ людей“.

Страбонъ приводитъ по этому случаю слова Платона изъ книги о государственномъ управленіи,—„что моря, какъ виновника золъ, нужно избѣгать, потому что *народы, которые имѣютъ хорошее управленіе, живутъ не при морѣ*, уходя отъ него какъ можно дальше“, и поясняетъ мысль мудреца, указывая на скиөовъ. „Мы считаемъ,—говоритъ землеописатель,—скиөовъ очень простодушными, не коварными, гораздо больше насъ бережливыми и довольными своимъ положеніемъ. Вообще надо сказать, что нашъ образъ жизни внесъ въ среду всѣхъ народовъ измѣненіе къ худшему, пріучивъ къ роскоши, удовольствіямъ и ко множеству нечестныхъ всякаго рода средствъ къ обогащенію; порча эта проникла къ различнымъ варварамъ, между прочимъ и къ номадамъ; со времени знакомства съ моремъ они дѣлались все хуже и хуже, занимались разбоями и убивали путешественниковъ; если они вступаютъ въ сношенія съ иностранцами, то перенимаютъ лишь роскошь и торгашескую хитрость, послѣдствіемъ которыхъ является изнѣженность, развращающая нравы и вводящая вмѣсто былого простодушія—коварство (кн. VII, гл. II, стр. 300—305).

Особенно выдающіеся современники скиөовъ Страбона.

Приведенными выписками исчерпываются нужныя для настоящей записки извѣстія Страбона о скиөахъ и ихъ сосѣдяхъ,—дѣйствительныхъ, или только нами предполагаемыхъ, по землямъ въ Азіи срединной и прикаспійской и въ Европѣ—западной, полночной и восточной. Затѣмъ перейдемъ къ особенно выдающимся, современникамъ скиөскаго народа.

а) Африканскіе.

Изъ африканскихъ современниковъ скиѳовъ остановимся на карѳагенянахъ, эѳіопахъ, египтянахъ, маврусіяхъ и ихъ сосѣдяхъ.

Карѳагеняне. Къ Страбонову времени древній городъ Карѳагенъ, или,—по другому чтенію—Кархедонъ (Καρχηδών)—былъ уже разрушенъ и владѣнія его почти всѣ завоеваны окончательно римлянами около 146 г. до Р. Х.; но онъ сообщаетъ весьма много свѣдѣній о цвѣтущемъ состояніи страны до ея паденія и о завоеваніяхъ карѳагенянъ въ полуденной Европѣ, преимущественно въ Иберіи (это Испанія), на островахъ: Сициліи, Корсикѣ и Сардиніи и на Аппенинскомъ полуостровѣ (ср. Указатель подъ соотвѣтствующими именами). Кромѣ завоеванной карѳагенянами Страбонъ знаетъ другую Иберію на Кавказѣ, рядомъ съ Колхидою: о ней уже сказано. При жизни Страбона древній Карѳагенъ возстановленъ изъ развалинъ „божественнымъ кесаремъ" отправившимъ туда знатныхъ римлянъ и отрядъ войска; скоро этотъ новый Карѳагенъ (Кархедонъ) оказался заселеннымъ лучше всякаго другого города Ливіи (кн. XVII, гл. II, стр. 850).

При разрушеніи древняго Карѳагена римляне срыли всѣ ближайшіе къ нему города и въ числѣ ихъ *Неаполь*, стоявшій на африканскомъ берегу Кархедонскаго залива Средиземнаго моря; онъ сооруженъ былъ карѳагенянами.

Въ выпискахъ изъ Геродота замѣчено, что Карѳагенъ и нынѣ существующій Неаполь—значитъ по русски новый городъ, и что Неаполей было, по Страбоновымъ извѣстіямъ, много. Здѣсь приведемъ эти извѣстія: а) Неаполь—у Стримонскаго залива Эгейскаго моря (Архипелагъ) въ полночномъ побережьи, на правомъ берегу рѣки Стримона, въ Македоніи,—въ странѣ пеоновъ (прилож. къ VII кн., 32 и 36 отрывки Страбоновой рукописи, стр. 339 и 341); б) Неаполь—въ Крыму, построенный Скиѳскимъ царемъ Скилуромъ и его сыновьями; онъ составлялъ укрѣпленіе, служившее оплотомъ въ борьбѣ съ полководцами Миѳридата, Боспорскаго царя. Невдалекѣ отъ Неаполя были и другіе укрѣпленные города. Чтобы овладѣть ими, полководцы Миѳридата,—осаждаемые скиѳами, возводили особыя укрѣпленія со стороны моря (кн. VII, гл. IV, стр. 313–314); в) Неаполь, превращенный Помпеемъ въ городъ изъ деревни Фаземъ, въ Понтійской странѣ, недалеко отъ Синопы и Амисенъ—родины Страбона (кн XII, гл. III, стр. 570) и г) Неаполь—расположенный на Европейскомъ побережьи Архипелага, если плыть къ Ефесу отъ пролива Самосскаго, или Микале; прежде онъ принадлежалъ ефесцамъ, а въ Страбоново время—самосцамъ, вымѣнявшимъ его на другой—Мерѳезій, т. е. сосѣдній на отдаленный (кн. XIV, гл. I, стр. 653).

Такимъ образомъ народы древности весьма отдаленной усвоили обыкновеніе давать городамъ названія новыхъ, не чуждое и скиѳамъ.

Говоря о карѳагенянахъ Геродовыхъ мы привели извѣстіе о плаваніи Сатаспеса вдоль западнаго берега и о малорослыхъ людяхъ. Страбонъ называетъ ихъ пигмеями, согласно съ Гомеромъ, давшимъ такое имя малорослымъ людямъ. Сказанія древнихъ повѣствователей о такихъ людяхъ представляются нашему землеописателю выдумкою для развлеченія читателя;

онъ не вѣритъ словамъ Гомера: „журавли убѣгаютъ отъ обильныхъ дождей и зимы, летя съ крикомъ къ океану и неся пигмеямъ войну и смерть" (кн. I, гл. II, стр. 34—37), не вѣритъ, будто пигмеи ведутъ войну съ журавлями и будто ростомъ они всего въ три ладони, и приравниваетъ подобныя сказанія, по степени правдивости ихъ, къ извѣстіямъ объ Индіи большинства писателей, повторяющихъ Гомеровы басни, и сообщающихъ, будто тамъ водятся змѣи, поглощающія быковъ и оленей съ рогами (кн. II, гл. I, стр. 70).

Въ очеркѣ о народахъ Эѳіопіи Страбонъ смягчаетъ свое мнѣніе относительно писавшихъ о пигмеяхъ и говоритъ: „Вообще оконечности земли, прилегающія къ странамъ неумѣреннымъ и необитаемымъ вслѣдствіе-ли жары, или холода, должны представлять какъ-бы извращеніе и ухудшеніе умѣреннаго пояса; это можно усмотрѣть изъ образа жизни населенія ихъ и недостатковъ во всемъ, что необходимо человѣку; тамошніе жители ходятъ большею частію нагими, ведутъ суровый кочевой образъ жизни; весь скотъ ихъ, какъ овцы, козы, быки—мелокъ; быть можетъ низкій ростъ тамошнихъ жителей и подалъ поводъ къ сочиненію пигмеевъ".

Эѳіопы. Описывая вообще эѳіоповъ, Страбонъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ обычаяхъ, такъ: „Эѳіопы вооружены луками изъ обожженнаго дерева, въ четыре локтя; они вооружаютъ и женщинъ, большая часть которыхъ привѣшиваетъ себѣ къ губѣ мѣдное кольцо; одѣваются въ кожи; впрочемъ иные ходятъ нагими или опоясываются маленькими кожами и хорошо вытканными изъ волосъ плетенками; *изъ боговъ одного считаютъ безсмертнымъ, причиною бытія всей вселенной,—другого—смертнымъ;* ни одинъ не имѣетъ имени, оба непостижимы;—своихъ благодѣтелей и царей почитаютъ тоже божествами, при чемъ цари признаются всеобщими спасителями и хранителями (стражами)—а благодѣтели не—цари—спасителями и стражами облагодѣтельствованныхъ ими. Нѣкоторые изъ обитателей страны подлѣ жаркаго пояса не допускаютъ существованія боговъ, они ненавидятъ даже солнце и при восходѣ шлютъ ему проклятія за то, что оно враждуя съ людьми, жжетъ ихъ и загоняетъ въ болота;—умершихъ или хоронятъ въ рѣкѣ, и въ домахъ, положивъ предварительно подъ стекло,—или же, кладутъ въ глиняныхъ гробахъ подлѣ храмовъ;—клятва покойникомъ—священнѣе другихъ.

Эѳіопы питаются пшеномъ и ячменемъ, изъ которыхъ также и питье; вмѣсто растительнаго масла (оливковаго) употребляютъ коровье и сало;—ѣдятъ даже траву, тонкіе вѣточки, лотосъ (священное растеніе буддійцевъ) и тросниковые корни,—но предпочитаютъ говядину, кровь, молоко и сыръ (кн. XVII, гл. I, стр. 838 и 839).

Соглашаясь съ писателями предшественниками Страбонъ дѣлитъ Эѳіопію на Азіатскую и Африканскую и отводитъ ей четвертую часть пространства какъ и Ефоръ: „Если область неба и земли—говоритъ этотъ послѣдній,—мы раздѣлимъ на четыре части, то одна будетъ занята индійцами,—это восточная; другая, полуденная,—эѳіопами; третья, западная—кельтами, и четвертая, полночная—скиѳами; Эѳіопія и Скиѳія обширнѣе другихъ странъ:

народъ эѳіопскій тянется отъ зимняго востока до запада, а Скиѳія расположена противъ этого народа" (кн. I, гл. II, стр. 33, 34 и далѣе). Въ статьѣ объ арабахъ увидимъ, какъ далеко тянулась Эѳіопія въ глубь Азіи, и каковы вообще эѳіопы азіатскіе.

Немаловажны для насъ свѣдѣнія о тѣхъ эѳіопахъ, которые заселяютъ обширнѣйшій изъ острововъ, образуемыхъ протоками Нила—*Мероэ*. Этотъ островъ имѣетъ три тысячи стадій въ длину (=пять съ четвертью верстъ) и тысячу стадій (=верста и три четверти) въ ширину и весь занятъ городомъ того же имени, столицею эѳіопскаго царя. Меройцы раздѣляются на кочевниковъ, охотниковъ и земледѣльцевъ. На островѣ находятъ руды: мѣдную, желѣзную и золотую; имя ему дано Камбизомъ, доходившимъ съ египтянами до этого острова. Тутъ умерла сестра завоевателя, или жена его, Мероэ. Дома въ городѣ строятся изъ переплетенныхъ пальмовыхъ бревенъ; дѣлаются стѣны и изъ кирпича. Въ цари избираются лица, отличающіяся красотою, или умѣньемъ воспитывать скотъ, или храбростью, или—наконецъ—богатствомъ. Высшее положеніе въ Мероэ занимали издревле жрецы; иногда они посылали даже царю, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, повелѣніе умереть и сряду же назначали на его мѣсто другого.—Если царь лишается какой-либо части тѣла,—такому же лишенію должны подвергнуться и всѣ, его окружающіе;—они даже и умираютъ вмѣстѣ съ царемъ,—потому и слѣдятъ за его здоровьемъ и неприкосновенностью съ особымъ вниманіемъ, стараясь никуда не выпускать своего повелителя изъ дворца. (Тамъ же и I гл. XVII кн. стр. 807 и 808).

Египтяне. Страбонъ, говоря о Египтѣ, приводитъ много извѣстій о внѣшности страны, заимствуемыхъ имъ у писателей болѣе древнихъ, начиная съ Гомера, и доказывающихъ замѣчательную наблюдательность ихъ и личную самого землеописателя. По этимъ извѣстіямъ какъ Египетъ, такъ и Европа, прилегающая къ морямъ Средиземному и Черному, равно Финикія и часть Сиріи были нѣкогда дномъ моря; въ доказательство приводятся случаи встрѣчи на значительной глубинѣ,—при копаніи колодцевъ, крупныхъ морскихъ раковинъ. Разсуждая о причинахъ, вызвавшихъ поднятіе водъ морскихъ, землеописатель указываетъ на дѣятельность силы, выражающуюся въ землетрясеніяхъ, выдвигающую сушу среди морей и поднимающую цѣлые материки. Этой же силѣ онъ приписываетъ пониженіе морей и, между прочимъ, образованіе мѣстности близъ Чернаго моря, называемой Скиѳскою пустынею (кн. I, гл. III, стр. 47—59 и др.; кн. III, гл. II, стр. 145 и др.).

Какъ и Геродотъ—нашъ землеописатель различаетъ въ Египтѣ двѣ части, азіатскую и африканскую, подобно той Эѳіопіи, которая сопредѣльна Египту и расположена по берегамъ Нила. Этотъ Нилъ древніе землеописатели принимали за границу между Азіею и Африкою (кн. I, гл. II, стр. 31, 32 и др.), такъ что Азіатскій Египетъ приходится по правую сторону Нила.

Страбонъ путешествовалъ по Египту, какъ и Геродотъ, потому свѣдѣнія его о бытовыхъ сторонахъ обитателей этой страны особенно цѣнны.

Египетскія женщины раждаютъ иногда четверни; —Аристотелю извѣстенъ случай разрѣшенія одной женщины семью младенцами (Histor. anim. X. 2).

Примѣчаніе. Замѣтимъ по поводу извѣстнаго Аристотелю случая, что точно такъ же имѣлъ мѣсто и въ Срединной Россіи, въ 1866 году: молодая здоровая крестьянка родила тройни; сама сходила въ баню; вернулась въ свою избу, родила еще двоихъ и опять пошла въ баню, гдѣ родила послѣднихъ троихъ; случай этотъ извѣстенъ намъ изъ донесеній мѣстнаго губернатора и былъ напечатанъ въ «Сѣверной Почтѣ»—сотрудникомъ которой состоялъ тогда пишущій эти строки; онъ и сообщалъ извѣстіе правительственной газетѣ. Въ теченіе времени около мѣсяца послѣ столь необыкновенныхъ родовъ поступали донесенія о состояніи матери и новорожденныхъ: и она и младенцы оставались въ добромъ здоровьи. Дѣлая эту замѣтку на память, считаемъ необходимымъ оговориться быть можетъ нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ здѣсь, несущественныхъ, подробности не вполнѣ точны; даже и за годъ родовъ именно 1866 а не предшествующій мы не смѣемъ поручиться; но съ увѣренностью отсылаемъ любопытныхъ къ «Сѣверной Почтѣ» только за два года, 65 и 66-й.

Египтяне живутъ съ самыхъ древнихъ временъ государственною жизнью; нравы у нихъ смягченные; они умѣютъ извлекать выгоды изъ достоинствъ своей земли, при помощи раздѣленія страны и управленія ею; народъ, управляемый выборнымъ царемъ, состоитъ изъ трехъ сословій: воиновъ, земледѣльцевъ и жрецовъ; вѣдѣнію послѣднихъ подлежатъ священные предметы, а первымъ двумъ человѣческія нужды; жрецы занимались науками (философіею и астрономіею) и были царскими собесѣдниками. Все пространство владѣній Египта было разбито на округа; по мнѣнію нѣкоторыхъ, округовъ было столько, сколько отдѣленій въ Лабиринѳѣ; каждый округъ подраздѣляется на части, наименьшими изъ которыхъ были *поля*; дробность дѣленія вызывается естественною необходимостью: разлитія Нила, продолжительность половодья, наконецъ наносы ила мѣняли границы дѣленій и уничтожали межевые признаки,—что вызывало новые и новые раздѣлы поземельныхъ и пограничныхъ участковъ, и начало науки объ измѣреніи площадей—геометріи (кн. XVII, гл. I, стр. 804—806).

Египтяне стараго времени, будучи довольны тѣмъ, что имѣли, не нуждались въ иностранныхъ предметахъ; къ пришельцамъ они относились не только недружелюбно, но и враждебно; особенною ненавистью пользовались эллины, которые, вслѣдствіе скудости своей почвы, занимались разбоемъ и жадно накидывались на все чужое. При устьи Нила, близъ острова Фара, находится удобная пристань для кораблей, улучшенная искуственно (около современной Александріи); сюда обыкновенно подходили иностранные корабли; входъ къ пристани съ моря охранялся стражею, удалявшею всякаго пришельца (кн. XVII, гл. I, стр. 809 и 810).

Египтяне народъ не воинственный; страна настолько богата природными благами, что искать чего-либо въ чужихъ земляхъ неприходится; вторженіе же чужеземцевъ заграждено моремъ, пустынями и горами; все это вмѣстѣ взятое способствуетъ мирному настроенію жителей и внутреннему развитію страны въ гражданственности (кн. XVII, гл. I, стр. 835—836).

Сословіе жрецовъ издавна предавалось занятіямъ науками; кромѣ изысканія способовъ къ измѣренію площадей, жрецамъ приписывается вообще слава мудрецовъ и лучшихъ знатоковъ небесныхъ свѣтилъ. Они установили

вычисленіе дней въ году не по лунѣ, а по солнцу; къ двѣнадцати мѣсяцамъ по тридцати дней египтяне добавляютъ еще пять дней на годъ, но и при этомъ они получали, сверхъ 365 дней на годъ, нѣкоторую часть слѣдующаго за этимъ числомъ дня; слагая подобныя части дня, получаютъ чрезъ извѣстное число лѣтъ одинъ годъ въ 366 дней. Начало науки о небесныхъ свѣтилахъ восходитъ къ Гермесу (тамъ же, стр. 833).

Воспитаніе дѣтей составляетъ предметъ усиленнаго вниманія египтянъ; надъ мальчиками и дѣвочками производится обрядъ обрѣзанія (кн. XVII, гл. II, стр. 841).

Свѣдѣній объ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ въ честь боговъ, Страбонъ почти не сообщаетъ,—онъ говоритъ только о боготворимыхъ египтянами животныхъ, въ каждой мѣстности особенныхъ, начиная съ крокодила и кончая птицами; есть мѣстности, почитающія за священныя существа козла и собаку. Относительно перваго Страбонъ приводитъ свидѣтельство *Пиндара*, будто козлы въ городахъ Ликѣ и Мендетѣ сообщаются съ женщинами. Объ одномъ такомъ случаѣ говоритъ Геродотъ: въ его время было чудо: козелъ имѣлъ сообщеніе съ женщиною публично; это совершилось на виду у людей (Герод. кн. II, ст. 46). Почитатели собакъ жили въ Бусиридскомъ округѣ; у нихъ былъ *собачій городъ* (Страб. кн. XVII, гл. I, стр. 819).—Изъ жреческихъ особенностей Страбонъ приводитъ одну: въ жрецы Зевсу назначаются красивѣйшія дѣвушки благороднаго происхожденія; эллины называютъ ихъ *Палладами*; „впрочемъ,—говоритъ землеописатель,—это публичная женщина, живущая съ кѣмъ ей угодно до наступленія времени, съ котораго начинается естественное тѣлесное очищеніе женщины; послѣ очищенія дѣвушка выдается за какого-нибудь мужчину; но раньше свадьбы, по окончаніи времени свободнаго сообщенія съ мужчинами (въ подлинникѣ—„по окончаніи времени прелюбодѣянія“) ее оплакиваютъ какъ умершую (тамъ же)“.

О погребальныхъ обрядахъ Страбонъ тоже не говоритъ; но упоминаетъ о нѣкоторыхъ царскихъ гробницахъ, такъ, говоря о сорока царскихъ гробницахъ надъ Мемноніемъ высѣченныхъ въ каменныхъ пещерахъ, замѣчательно отдѣланныхъ и заслуживающихъ осмотра, приводитъ подробности: на нѣкоторыхъ столбахъ въ пещерахъ нанесены надписи, говорящія о богатствахъ царей, о владычествѣ ихъ, *распространившемся до скиѳовъ*, бактровъ, индійцевъ и нынѣшней Іоніи, о размѣрахъ ихъ доходовъ и о милліонахъ воиновъ (кн. XVII, стр. 833).

Одинъ изъ египетскихъ жрецовъ *Моисей*, владѣвшій частью такъ называемаго Нижняго Египта и недовольный порядками страны, переселился въ Іудею, увлекая съ собою многихъ почитателей божества. Онъ утверждалъ и училъ, что египтяне и ливійцы ошибаются, изображая божество въ видѣ звѣрей и домашнихъ животныхъ, ошибаются и эллины, представляющіе себѣ бога человѣкоподобнымъ;—по его мнѣнію—только то представляетъ божество, что обнимаетъ и насъ всѣхъ, и землю, и море,—то, что мы называемъ небомъ, міромъ и природою всѣхъ вещей. Кто изъ разумныхъ людей,—говорилъ онъ, дерзнетъ представлять себѣ это существо въ видѣ какого-

нибудь изъ окружающихъ насъ предметовъ? Такимъ образомъ, по ученію Моисея, употребленіе всякаго рода изображеній божества должно быть отвергнуто, ему слѣдуетъ отдѣлить святилище и соорудить достойный храмъ, но чтить безъ изображенія; въ храмѣ слѣдуетъ спать какъ самому для себя, такъ и лицамъ, видящимъ хорошіе сны—для другихъ; человѣкъ добродѣтельный и живущій по справедливости, всегда можетъ ожидать отъ божества благъ, какого-нибудь дара, или знаменія, а прочіе не должны ждать ничего.—Поучая такимъ образомъ, Моисей убѣдилъ не мало благоразумныхъ лицъ и увелъ ихъ съ собою на то мѣсто, гдѣ стоитъ Іерусалимъ. Онъ достигъ страны этой легко, потому, что она не возбуждала ни въ комъ зависти и не стоила того, чтобы кто либо изъ-за нея упорно боролся. Дѣйствительно мѣстность Іерусалима скалиста; хотя сама она орошена обильно, окрестности же скудны и безводны, да и во внутренней части имѣется 60 стадій каменистаго пространства. Кромѣ того вмѣсто оружія Моисей призывалъ святыню и божество, для котораго старался найти помѣщеніе, обѣщая ввести такое богопочитаніе и жертвоприношеніе, которыя не были бы въ тягость поклонникамъ ни расходами, ни разнаго рода неистовствами, ни какими-либо иными нелѣпыми дѣйствіями. Пріобрѣтя подобнымъ ученіемъ любовь къ себѣ, Моисей создалъ не совсѣмъ обыкновенное владычество: всѣ сосѣдніе народы легко присоединились къ нему, привлекаемые такими увѣщаніями и обѣщаніями. Преемники Моисея оставались нѣкоторое время вѣрными его ученію; впослѣдствіи же когда жречество перешло въ руки суевѣрныхъ и властолюбивыхъ личностей, возникли нѣкоторые обряды, какъ обрѣзаніе мальчиковъ и дѣвочекъ, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ видовъ пищи и другіе. Возникли въ странѣ разбои; отпавшіе отъ правительства ея люди грабили окрестности, а помощники правителей завоевывали чужія области и подчинили себѣ не малую часть Сиріи и Киликіи. Однако за Іерусалимомъ сохранилось большое значеніе: его боялись не потому, что тамъ жилъ правитель страны, но считая этотъ городъ священнымъ.—Изложивъ эти извѣстія, Страбонъ говоритъ:—таковы уже люди отъ природы и слѣдующее свойство одинаково принадлежитъ эллинамъ и варварамъ, именно: чтобы соединиться въ общество, жить согласно законамъ и учрежденіямъ;—инымъ путемъ люди не могутъ соединиться между собою и составить одно, согласное во всѣхъ частяхъ, цѣлое, что и значитъ жить общественною жизнью; никакимъ другимъ способомъ жизнь общества не можетъ быть охранена. Общіе законы бываютъ двоякаго происхожденія: божескаго и человѣческаго. Древніе народы выше цѣнили и считали священнѣе законы божескіе; вотъ почему тогда было такъ много вопросителей оракуловъ (кн. XVI, гл. II, стр 777 и 778).

Маврусіи, или **мавры**, и ихъ сосѣди **либійцы**. Изъ всѣхъ народовъ западной Африки Страбонъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, кромѣ приведенныхъ объ эѳіопахъ, троглодитахъ и фарусіяхъ—еще о маврусіяхъ или маврахъ и нѣкоторыхъ сосѣдяхъ ихъ.

Маврусіи—это большой богатый либійскій народъ, отдѣленный отъ Иберіи проливомъ; въ странѣ ихъ, по берегу Атлантическаго океана и

Средиземнаго моря, было всегда много городовъ.—Всѣми признано, что Маврусія представляетъ, за исключеніемъ небольшой пустынной части, благодатную страну, снабженную озерами и рѣками, изобилующими большими деревьями въ лѣсахъ и вообще весьма плодородную. Обитатели этой страны вели, большею частію, не смотря на множество городовъ, кочевой образъ жизни; они украшаютъ себя завивкою волосъ на головѣ и въ бородѣ, носятъ золотыя вещи, чистятъ зубы (въ подлинникѣ „стираютъ") и стригутъ ногти; во время прогулокъ держатся поодаль одинъ отъ другого, во избѣжаніе поврежденія головного убора. Сражаются чаще на лошадяхъ, чѣмъ пѣшіе; конные вооружены копьями и саблями; лошади ничѣмъ не прикрываются; зануздываются веревочною уздою;—пѣшіе имѣютъ вмѣсто щитовъ слоновыя кожи; одѣваются въ шкуры леопардовъ и медвѣдей,—на нихъ и спятъ. Вообще маврусіи, сосѣди ихъ и всѣ либійскіе народы имѣютъ почти одинаковое вооруженіе и схожи между собою во многомъ. Лошади либійцевъ мелки, но быстры и послушны;—имъ надѣваютъ ошейники изъ хлопчатой бумаги, или изъ волосъ, а на ошейникѣ виситъ бичевка; чтобы управлять лошадью—довольно маленькаго прутика; нѣкоторые—слѣдуютъ за хозяиномъ безъ всякаго управленія, какъ собаки. Маврусіи и ихъ сосѣди носятъ на тѣлѣ, подъ шкурами, широкія исподницы (туники) съ обшивками,—ременные щиты, широкія и короткія копья. Изъ сосѣдей—*негриты*, живущіе выше маврусіевъ, употребляютъ во время войны колесницы, вооруженныя косами.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей маврусіи—это вышедшіе сюда индійцы. Не задолго до Страбона у нихъ царствовали *Богъ* и *Бокхъ*, бывшіе друзьями Рима.

Артемидоръ, которому Страбонъ мало довѣряетъ, пишетъ, что по сосѣдству съ маврусіями жили выселившіеся сюда и нѣкіи *лотофаги* (о нихъ говоритъ Геродотъ какъ о Нильскихъ жителяхъ); они занимали, будто-бы, безводную страну; питаются лотосомъ, какою-то травою и корнемъ ея, и вовсе не нуждаются въ питьѣ; область этихъ лотофаговъ доходитъ, будто бы, до мѣстностей выше Карѳагенской земли; тамъ они пьютъ уже молоко и питаются мясомъ.

За землей маврусіевъ, въ восточномън аправленіи, слѣдуетъ область *масайсиліевъ*; въ ней есть асфальтовый источникъ и мѣдный рудникъ; водятся скорпіоны крылатые и безкрылые; въ горной части страны находятъ драгоцѣнные камни, такъ называемые карѳагенскіе и лихниты; по равнинамъ множество раковинъ (морскихъ?); растетъ дерево, медовый лотосъ, изъ котораго приготовляется вино. Земля даетъ плоды два раза въ годъ, весною и лѣтомъ; солома въ вышину пять локтей, при толщинѣ въ мизинецъ; весной тамъ не сѣютъ, а довольствуются лишь царапаньемъ земли сверху чижникомъ, чтобы такимъ образомъ нѣсколько призакрыть зерна, выпавшіе изъ колосьевъ при уборкѣ минувшаго лѣта,—этотъ способъ легчайшій обработки земли даетъ полный сборъ лѣтомъ Въ землѣ масайсиліевъ много змѣй, такъ что рабочіе вынуждены носить сапоги и закрывать вообще тѣло; ложась спать они, опасаясь скорпіоновъ, натираютъ ножки кроватей чеснокомъ и обвязываютъ ихъ чижникомъ.

Отъ маврусіевъ—внутрь Ливіи страна населена *гетулами*, такимъ же многочисленнымъ какъ и маврусіи, ливійскимъ народомъ. (О маврусіяхъ и ихъ сосѣдяхъ кн. XVII, гл. III, стр. 842—847).

б) Азіатскіе.

Выдающимися современниками скиѳовъ Страбона въ Азіи мы назовемъ: арабовъ, іудеевъ—сиріянъ, индійцевъ. Объ этихъ народахъ приведемъ нѣсколько подробностей, а о царяхъ выпишемъ лишь нѣкоторыя данныя.

Арабы. Народы, занимающіе страну, слѣдующую непосредственно за землями египтянъ и эѳіоповъ въ восточномъ направленіи, называются Страбономъ арабами, и отожествляются съ Гомеровыми эрембами, то есть проникающими въ землю, отъ словъ εἰς τὸν ἔραν ἐμβαίνειν,—такъ какъ люди, занимавшіе восточное побережье Чермнаго моря, жили въ пещерахъ. Но Страбонъ полагаетъ возможнымъ производить имя арабовъ отъ того баснословнаго *Араба*, о которомъ говоритъ Гезіодъ въ одномъ мѣстѣ своего *каталога*: „Я дочь Араба, рожденнаго благодушнымъ Гермесомъ и Ѳроніей дочерью владыки Бела“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдаетъ предпочтеніе изъ всѣхъ, писавшихъ о происхожденіи названія арабовъ, Поссидонію, отыскивающему первоначальный смыслъ этого имени въ родствѣ и общеніи народовъ: племена армянскіе, сирійскіе и арабскіе,—по мнѣнію землеописателей.—обнаруживаютъ большое племенное родство въ языкѣ, образѣ жизни, наружныхъ чертахъ, въ особенности тамъ, гдѣ они находятся въ сосѣдствѣ между собою;—очевидно Месопатамія заселена этими тремя племенами; здѣсь и сходство ихъ наиболѣе очевидно; хотя и есть нѣкоторая разница между тѣми изъ нихъ, которые ближе къ полдню, или къ полночи, или сидятъ въ срединѣ,—разница, вызываемая внѣшними условіями природы мѣстности,—но все таки общія черты преобладаютъ; ассиріяне, аріане и армяне стоятъ близко, какъ къ поименованнымъ, по наружному виду, такъ и между собою,—отсюда получилось, по предположенію Посейдонія и сходство въ названіяхъ этихъ народовъ. (Кн. I, гл. IV, стр. 41 и 42).

Примѣчаніе. Соображенія Страбона о происхожденіи арабовъ и о родствѣ ихъ съ другими сосѣдними племенами мы выписываемъ подробно, чтобы показать, что вырабатываемые современными намъ учеными пріемы для установленія началъ молодой науки народовѣдѣнія изобрѣтены и были примѣняемы еще слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашего столѣтія. Подобные пріемы мы видѣли въ статьѣ о египтянахъ относительно наслоеній земной поверхности въ ископаемыхъ морскихъ раковинахъ.

Кромѣ приведенной выписки, у Страбона, во второй главѣ первой книги много и другихъ мѣстъ, дающихъ право считать его нетолько дорогимъ для науки землеописателямъ, но и народовѣдамъ.

Не останавливаясь на подробномъ описаніи Аравіи, на разсужденіяхъ о посѣщеніи ея, Египта и Эѳіопіи Менелаемъ, по поводу котораго высказано предположеніе о возможности несуществованія въ то время Суэцкаго перешейка, (кн. I, гл. II, стр. 37—40), и на богатствѣ такъ называемой Счаст-

ливой Аравіи, изобилующей благовонными смолами, золотомъ и слоновою костью (тамъ же), перейдемъ къ бытовымъ условіямъ обитателей этой страны, ограничиваясь краткимъ очеркомъ мѣстностей ихъ.

Началомъ Арабіи отъ Бабилоніи служитъ Макина (Макинія, Этолійскій городъ?); передъ нею лежитъ съ одной стороны пустыня арабовъ, съ другой болота халдеевъ, образуемыя разлитіемъ Евфрата; наконецъ съ третьей—Персидское море. Имѣя воздухъ нездоровый и будучи покрыта туманомъ, страна эта производитъ, однако, прекрасные плоды, не смотря на жару и дожди; жители ея разводятъ на болотахъ виноградъ способомъ, совершенно своеобразнымъ: они берутъ плетеные короба, наполняютъ землею и садятъ лозу; иногда плетенка относится вдоль далеко, но потомъ возвращается на прежнее мѣсто. Полуночная пустынная Арабія лежитъ между Счастливою, Углубленною Сиріею и Іудеею, до угла Арабскаго залива; тутъ живутъ набитаи, халдеи и аграи: отсюда къ полдню стелется Счастливая Аравія до Атлантическаго моря. Насельники Арабіи подлѣ сирійцевъ и іудеевъ земледѣльцы; слѣдующая за ними область песчана и безлюдна; на ней растетъ немного пальмъ, аканѳъ и тамарискъ; есть тутъ глубокія, въ каменистыхъ ямахъ, водоемы (цистерны); живутъ здѣсь арабы скениты и пастухи верблюдовъ. Крайнія части Арабіи, на полдень, противолежащія Эѳіопіи, орошаются лѣтними дождями и засѣваются два раза въ годъ, какъ и индѣйскія земли; тутъ текутъ рѣки, теряющіяся въ равнинахъ и озерахъ. Страна отличается обиліемъ плодовъ всякаго рода и медовыхъ деревьевъ; много также всякаго скота; кромѣ лошадей, муловъ и свиней, много разнообразной птицы, но нѣтъ гусей и куръ. Эту крайнюю часть Арабіи населяютъ четыре очень большихъ народа: манаи—подлѣ Чермнаго или Краснаго моря; рядомъ съ ними сабаи; далѣе въ побережьи этого моря и до тѣснинъ и переѣзда черезъ Арабскій заливъ—каттабаны и наконецъ—хатрамотиты—въ восточномъ направленіи. Каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свой главный городъ.

Города арабовъ находились при Страбонѣ въ цвѣтущемъ состояніи и были роскошно украшены храмами и дворцами царей; дома частныхъ лицъ напоминаютъ, способомъ расположенія строевого лѣса, египетскія постройки.

Каждая изъ четырехъ названныхъ частей полуденной Арабіи управляется своимъ царемъ, власть котораго наслѣдуется не сыномъ отъ отца, но первымъ мальчикомъ, родившимся въ какомъ либо знатномъ по происхожденію семействѣ, послѣ вступленія на престолъ новаго царя. Поэтому, лишь только настаетъ новое царствованіе, беременныя жены именитыхъ мужчинъ записываются и къ нимъ приставляется, для наблюденія, стража; мальчикъ, родившійся отъ которой либо изъ записанныхъ женщинъ раньше другихъ, признается наслѣдникомъ престола и воспитывается по-царски. (Кн. XVI, гл. IV, стр. 784 и 785).

Арабія производитъ благовонныя вещества, составляющія предметъ мѣновой торговли ея жителей; въ ней находятъ, на островѣ Офіадѣ, блестящій камень—топазъ (вѣроятно брилліантъ); днемъ его примѣтить нельзя по причинѣ сильнаго солнечнаго блеска, за то ночью собиратели находятъ его легко

(не по блеску ли выходящему нѣкоторое время въ ночи изъ алмазовъ обработанныхъ въ бриллiанты!). Для собиранiя топазовъ и охраненiя ихъ содержался на жалованьи египетскихъ царей особый отрядъ людей. (Тамъ же стран. 787).

Сообщая весьма мало подробностей о внѣшности Арабiи, естественныхъ ея произведенiяхъ и о путяхъ сообщенiй, землеописатель вскользь говоритъ о безпечности царей, о болѣзняхъ жителей, преимущественно цынгѣ и слабостяхъ ногъ, и, мѣстами, о вооруженiи нѣкоторыхъ племенъ; такъ, по поводу похода Рима на Арабiю, онъ замѣчаетъ, что римляне легко уничтожили, предъ вступленiемъ въ городъ Негрины, состоя въ числѣ двухъ тысячъ, ополченiе варваровъ въ десять тысячъ, такъ какъ туземцы народъ не воинственный; они не умѣли пользоваться луками, копьями, мечами и пращами; большая часть ихъ вооружена была обоюдоострыми топорами. Припомнимъ, что Геродотовы амазонки также имѣли двусторонные топоры. (Тамъ же стр. 198. Подробности объ Арабiи и ея жителяхъ приводятся Страбономъ вообще въ IV главѣ XVI книги).

Нѣкоторые извѣстные Страбону писатели—путешественники сказываютъ, что изъ ароматовъ, ладонъ и смирна получаются изъ деревьевъ, и касiя—изъ болотъ, что большая часть благовонiй привозится изъ Индiи, и наилучшiй ладонъ растетъ у Персидскаго залива;—наконецъ, что Счастливая Арабiя раздѣляется на пять царствъ; въ одномъ живутъ воины и защитники всѣхъ царствъ; въ другомъ—земледѣльцы, питающiе всѣхъ обитателей Счастливой Арабiи;—въ третьемъ—ремесленники,—въ четвертомъ и пятомъ—собиратели смирны и ладона, а также касiи, киннамома и нарда,—вообще предметовъ торговли. (Кн. XV, гл. IV, стр. 799).

Родъ занятiй арабовъ не переходитъ отъ одного сословiя къ другому, всякiй вѣренъ отцовскому преданiю. Братья пользуются большимъ почтенiемъ, нежели сыновья, на основанiи первородства. Какъ цари, такъ и всѣ должностныя лица пользуются властью по наслѣдству. Въ этомъ мѣстѣ Страбонъ нѣсколько противорѣчитъ приведенному выше обычаю страны полуденной Арабiи, гдѣ власть царя не наслѣдственна въ его потомствѣ. Вѣроятно здѣсь говорится только о Счастливой Арабiи, а не обо всей вообще. Имущество принадлежитъ сообща всѣмъ родственникамъ, надъ которыми старѣйшiй главенствуетъ; жена также принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ рода; вошедшiй къ ней, днемъ, имѣетъ сообщенiе, поставивъ въ знакъ того, что жена занята, палку у дверей ея жилища; по тамошнему обычаю каждый ходитъ съ палкою;—ночь жена проводитъ съ старѣйшимъ въ родѣ; такимъ образомъ всѣ—братья всѣхъ; сообщаются и съ матерями. Прелюбодѣянiе наказывается смертью; прелюбодѣемъ считается всякiй изъ чужого рода. По поводу послѣдняго обычая Страбонъ приводитъ любопытный случай: дочь одного изъ царей, чудо красоты,—имѣла пятнадцать братьевъ; и всѣ они ее любили и входили въ ея покой одинъ за другимъ безпрестанно; это утомило красавицу и она выхитрила средство избавиться отъ докучливыхъ почитателей красоты—братьевъ; она сдѣлала палки, точно такiя же, какiя носили и ея братья; лишь только одинъ уходилъ отъ нея, показывалась у

дверей покоя палка; за тѣмъ другая и такъ далѣе; при этомъ наблюдалось, чтобы которая нибудь изъ поставленныхъ такимъ образомъ палокъ не была похожею на принадлежащую ожидаемому посѣтителю—брату. Такъ хитрость удавалась. Но случилось разъ, что всѣ братья были на торговой площади и видѣли другъ друга; одинъ изъ нихъ направился къ красавицѣ сестрѣ: у дверей стояла палка; предположивъ, что съ сестрою его чужеродецъ, оскорбленный побѣжалъ къ отцу и привелъ его въ покой сестры, чтобы застать ее съ прелюбодѣемъ; оказалось, что она была одна; обманъ обнаружился. (Тамъ же, стр. 800)

Въ краткомъ очеркѣ нѣкоторыхъ обычаевъ народовъ сосѣднихъ Страбоновымъ скиѳамъ и вообще тѣхъ, которые боготворятъ солнце, упомянуты *набатаи*, занимающіе часть Арабіи; тамъ сказано о простотѣ образа жизни ихъ; для сравненія съ таковою же—между всѣми солнцепоклонниками, здѣсь приведемъ нѣкоторые обычаи. Набатаи имѣютъ немного рабовъ, потому они большею частію все дѣлаютъ сами, оказывая взаимныя услуги родственникамъ; такъ поступаютъ даже и цари ихъ; будучи общительны—устраиваютъ обѣды, приглашая къ столу до тридцати человѣкъ; на каждой такого рода пирушкѣ бываетъ два музыканта; царь также созываетъ гостей на попойки, и часто; дворецъ его обширенъ,—попойки бываютъ многолюдны и продолжительны: однако каждый изъ гостей не получаетъ вина больше одиннадцати золотыхъ чашекъ (въ подлинникѣ; „никто не имѣетъ больше одиннадцати чашекъ золотыхъ постоянно мѣняющихся"). Царь до такой степени близокъ къ народу, что не только самъ обходится безъ рабовъ на пирахъ, но даже лично оказываетъ услуги своимъ гостямъ; часто онъ даетъ народу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; а иногда подвергается изслѣдованію даже образъ жизни его. Мужчины носятъ только передники; всѣ, не исключая царя, одѣваются въ пурпуръ, ходятъ въ легкихъ башмакахъ. (Тамъ же).

Въ заключеніе извѣстій объ арабахъ приведемъ выписки о жителяхъ пещеръ, Троглодитахъ Страбону извѣстны троглодиты, помѣщаемые Гомеромъ подлѣ Египта, равно жившіе въ полуденномъ побережьи Чернаго моря (у Понта), на Кавказѣ, вообще въ Африкѣ, и тѣ, которые занимали гористыя области страны эѳіоповъ, сосѣдней съ Арабіею; обо всѣхъ, кромѣ эѳіопскихъ, уже упоминалось.

Нравы и обычаи эѳіопскихъ троглодитовъ таковы; ведутъ они пастушескій образъ жизни и управляются, смотря по мѣстностямъ, различно. Женщины и дѣти у нихъ общія, за исключеніемъ принадлежащихъ правителямъ; но и соблазнившій жену правителя платитъ за это одну только овцу. Замужнія женщины (жены?) тщательно окрашиваютъ себѣ брови, а на шею навѣшиваютъ раковины, какъ средство противъ обвораживанія ихъ. Различныя поселенія ведутъ войны между собою изъ-за пастьбищъ; при чемъ дерутся сперва кулаками, потомъ каменьями; а лишь только наносится кому нибудь рана, берутся за мечи и стрѣлы;—миръ устанавливается женщинами, которыя выходятъ на средину между воюющими сторонами и обращаются къ нимъ съ мольбою о прекращеніи свалки. Пищу троглодитовъ составляютъ мясо и кости, истолченныя вмѣстѣ, завернутыя въ кожу и потомъ

сжаренныя; иногда пища эта приготовляется и другимъ способомъ поварами, которыхъ называютъ нечистыми (?); питаются также смѣсью крови и молока. Обыкновенный напитокъ жителей пещеръ составляетъ настойка на придорожной иглѣ, а верховный владыка ихъ употребляетъ питье изъ меду, для чего выжимается сладкій сокъ изъ особеннаго растенія.

Зима въ странѣ троглодитовъ эѳіопскихъ бываетъ въ то время, когда дуютъ пассатные вѣтры, потому что тогда идутъ дожди; остальное время года—лѣто. Ходятъ нагими, или завернутыми въ шкуру; носятъ палки; тѣла вообще не излѣдованы, но нѣкоторые мужчины, подобно египтянамъ, обрѣзаны.

Покойниковъ троглодиты хоронятъ такъ: привязываютъ прутьями изъ придорожной иглы шею къ ногамъ, послѣ чего трупъ немедленно забрасывается среди веселья и смѣха, камнями, пока не покроется ими совсѣмъ; затѣмъ кладутъ на поверхность каменной кучи—рогъ козла—и расходятся.

Всякія путешествія совершаются здѣсь только ночью; на шею вьючныхъ животныхъ—самцовъ подвѣшиваютъ колокольчики, чтобы пугать звономъ ихъ хищныхъ звѣрей, противъ которыхъ употребляются также факелы и лукъ. По ночамъ стада охраняются пастухами, или самими хозяевами, напѣвающими у разложенныхъ огней какія нибудь пѣсни.

Свѣдѣнія о троглодитахъ Страбонъ заимствуетъ у Артемидора (кн XVI, гл. IV, стр. 792 и 793).

Африканскіе троглодиты извѣстны Страбону подъ именемъ *фарисіевъ*: они занимали страну рядомъ съ маврусіями, т. е. маврами. Переправляясь черезъ пустыню, они привѣшиваютъ къ лошадямъ мѣшки съ водою; на платье и на подстилку для спанья употребляютъ змѣиныя и рыбьи кожи. (Кн. XVII, гл. Ш, стр. 845).

Финикіяне. Побережье восточной стороны Средиземнаго моря было землею финикіянъ, между Орѳоаіей и Пелузіемъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ; тутъ помѣщаетъ ихъ и Гомеръ (Кн. I, гл. I, стр. 8). По мнѣнію извѣстныхъ Страбону повѣствователей, напримѣръ Аполлодора, финикіяне, у которыхъ былъ Менелай, занимали, во времена странствованія этого царя, побережье Персидскаго залива и океана;—другіе же утверждаютъ, что Эѳіопія есть часть Финикіи; но Страбонъ не признаетъ пишущихъ подобныя сказанія достовѣрными повѣствователями. (Гл. II, стр. 41—43).

Повторяя нѣкоторыя извѣстія Геродота, землеописатель сообщаетъ о финикіянахъ и другіе, такъ: они заняли своими поселеніями Либію (Африку) и Иберію (Испанію) еще за долго до Гомера. (Кн. Ш, гл. II, стр. 144; гл. Ш, стр. 151—155 и гл. V, стр. 167—176);—вскорѣ послѣ Троянской войны прошли за Геракловы Столбы (кн. I, гл. II. стр. 48); отличались умомъ и наблюдательностью; какъ опытные мореплаватели знали причины приливовъ и отливовъ въ океанѣ и большихъ моряхъ (книга Ш, гл. V, стр. 171—174); они, занимавшіеся всесвѣтною торговлею и имѣвшіе постоянно разсчеты,—изобрѣли науку вычисленія (собственно ариѳметику), подобно тому, какъ нужда заставила египтянъ отыскать способъ къ правильному вычисленію площадей поверхности земли. (Кн. XVI, гл I, стр. 805).

Финикіяне во время своихъ далекихъ плаваній по морямъ открыли себѣ путеводителей въ звѣздахъ; они первые узнали созвѣздіе медвѣдицы, и при томъ большой и малой. Вообще эти мореплаватели хорошо знали небесныя свѣтила; имъ приписываютъ и первыя начала науки о звѣздахъ—астрономіи. (Кн. I, гл. I, стр. 3 и 4).

Іудеи—Сиріяне. Іудея извѣстна Страбону какъ область Сиріи, между *Газами* и *Антилибаномъ*. Всю вообще страну, простирающуюся надъ Селевкидой —до Египта и Арабіи, называютъ Углубленной Сиріей; Іудея—это часть ея, лежащая на востокъ отъ узкой прибрежной полосы земли, собственной Финикіи (кн. XVI, гл. II, стр. 772); населена она смѣшанными народами, преимущественно египтянами, арабами и финикіянами (кн. XVI, гл. II, стр. 775—778).

Повторяя названія различныхъ народцевъ, селившихся въ Углубленной Сиріи, Финикіи и собственно Іудеи, встрѣчаемыхъ въ библіи, равно отмѣчая свѣдѣнія священныхъ книгъ евреевъ о войнахъ съ сосѣдями, Страбонъ даетъ указанія на бытовыя особенности жителей нѣкоторыхъ мѣстъ Іудеи и Финикіи и утверждаетъ, что іудеи вышли изъ Египта (см. выше извѣстіе о Моисеѣ и стр. 776), бывшаго ихъ основною родиною, доказывая это какъ обрѣзываніемъ дѣтей, такъ и внѣшностью Іерусалимскаго храма; о Моисеѣ. какъ жрецѣ египетскомъ, мы уже сказали, и привели сужденіе землеописателя объ условіяхъ и благахъ общественной жизни.

Древніе народы, какъ сказано уже со словъ Страбона, считали божескіе законы священными,—потому во всѣхъ важныхъ случаяхъ, предъ всякими крупными начинаніями, вопрошали оракула и вѣровали въ истину даваемыхъ имъ отвѣтовъ, благодаря чему прорицатели пользовались столь великимъ почтеніемъ, что ихъ считали достойными царской власти, какъ лицъ, которые при жизни и послѣ смерти сообщали людямъ полученныя отъ боговъ повелѣнія и увѣщанія. Таковы были: Амфіарай, Трофоній, Орфей, Мусай и богъ у гетовъ, прежде какой-то Пиѳагореецъ, Замолксисъ, и Декайней, пророчествовавшій Биребистѣ;—у боспорцевъ—Аханкаръ, у индійцевъ—Гимнософисты, у персовъ—маги, Нексіоманты, такъ называемые Лекономанты и Гидромонты,—у ассирійцевъ—Халдаи,—у римлянъ—Этрусскіе Гороскопы. Таковъ же былъ и Моисей, и преемники его, которыя унаслѣдованное хорошее начало современемъ извратили. (Кн. XVI, гл. II, стр. 778 и 779).

Въ то время, когда Іудея находилась уже открыто подъ гнетомъ самовластныхъ правителей, первый объявилъ себя царемъ,—а не жрецомъ,—(первосвященникомъ?), Александръ: у него было два сына, Гирканъ и Аристобулъ. Во время распрей между ними изъ за власти явился туда Помпей и низложилъ обоихъ, укрѣпленія ихъ разрушилъ и взялъ силою прежде всего Іерусалимъ, воспользовавшись днемъ поста, когда іудеи воздерживаются отъ всякой работы (тамъ же, стр. 779).

Страбонъ считаетъ вообще іудеевъ хитрыми, особенно же въ случаяхъ касающихся наживы; чтобы поднять цѣнность пальмовыхъ плодовъ и бальзама, владѣльцы мѣстъ, на которыхъ уже разведены эти растенія, принимаютъ всякія мѣры, чтобы воспрепятствовать разведенію ихъ въ другихъ

мѣстахъ и такимъ образомъ обогатиться. Придуманнымъ ими средствомъ пользуются нѣкоторые египтяне относительно доходнаго растенія „Библъ“ (кн. XVII, гл. I, стр. 817).

Любопытны подробности, сообщаемыя о Гіерикунтѣ,—это библейскій Іерихонъ,—и озерѣ Сирбонидѣ,—что теперь называется Мертвымъ моремъ.

Гіерикунтъ—равнина, окруженная горнымъ хребтомъ, наклоняющимся къ ней уступами („имѣющая видъ театра“). Здѣсь былъ пальмовый лѣсъ въ перемежку съ деревьями другой породы, домашними, дающими хорошіе плоды;—но пальма преобладала. Въ длину лѣсъ—сто стадій,—около двухъ верстъ (876 саженъ), повсемѣстно орошенъ и имѣлъ много жилищъ; тамъ находился царскій дворецъ и при немъ бальзамовый садъ. Бальзамъ—кустарное душистое растеніе, похожее на ракитникъ и фисташку, кору его подрѣзаютъ для извлеченія сока, который, будучи жидкимъ при выходѣ изъ-подъ коры, вливается въ раковины и отвердѣваетъ; этимъ сокомъ прекрасно излѣчиваются головныя боли, начинающееся гноетеченіе изъ глазъ и близорукость. Благодаря такимъ свойствамъ и единственно Гіерикунтской равнинѣ, дающей бальзамъ, цѣлебный сокъ очень дорогъ.—Замѣтимъ, что и теперь между евреями распространено, вслѣдствіе ихъ нечистоплодности, нагноеніе глазъ.—Кромѣ бальзама Гіерикунтскій лѣсъ имѣетъ и финиковое дерево,—такое же какъ и бальзамъ доходное. Такимъ образомъ Гіерикунтскіе жители пользуются благосостояніемъ. (Тамъ же, стр. 779 и 780).

Озеро Сирбонида велико; говорятъ, что окружность его тысяча стадій, или сто семьдесятъ пять верстъ, а длина немного больше двухсотъ стадій,—или тридцати пяти верстъ;—глубоко съ самаго берега; вода такъ густа, или тяжела, что тамъ нѣтъ нужды въ умѣньи плавать: всякій, погрузившійся въ озеро по поясъ, немедленно поднимается водою. Густота, или тяжесть воды зависитъ отъ пресыщенія ея асфальтомъ, который, въ неопредѣленные промежутки времени, поднимается изъ глубины озера пузырьками, какъ кипятокъ, вслѣдствіе чего поверхность озера выпукло приподнимается въ видѣ холма; изъ пузырьковъ выдѣляется много копоти, похожей на дымъ, но незамѣтной для глазъ; отъ этой копоти покрываются ржавчиной мѣдь, серебро и вообще всякіе блестящіе предметы, даже и золото. Приозерные жители узнаютъ по своимъ водочерпальнымъ сосудамъ, если они покрываются ржавчиной, начало изверженія асфальта и приготовляются къ собиранію его, дѣланіемъ изъ тростника особыхъ плотовъ („поплавковъ“).

По объясненію Страбона асфальтъ есть ничто иное, какъ глыба земли, расплавленная жаромъ въ жидкость, поднимающуюся на поверхность озера; подъ вліяніемъ холодной воды эта жидкость отвердѣетъ на столько, что необходимо разбивать или разрубать; окрестные побережане, плавая на своихъ плотахъ, разбиваютъ асфальтъ и увозятъ съ собою сколько кто можетъ. На какую именно потребность идетъ асфальтъ—неизвѣстно (тамъ же).

Изверженіе происходитъ въ разное время потому,—говоритъ Страбонъ,—что движеніе огня и нѣкоторыхъ другихъ воздушныхъ теченій подчинено неизвѣстному намъ порядку; а что въ почвѣ Гіерикунтской области содержится огонь, имѣются, кромѣ озера Сирбониды, и другія указанія: въ окрест-

ностяхъ Моасада видны суровыя обожженныя скалы съ трещинами и землею, смѣшанною съ золой; кромѣ того изъ скалъ течетъ каплями смола и выходятъ зловонные кипящіе источники; въ разныхъ мѣстахъ, тутъ же, виднѣются разрушенныя жилища. Туземцы сказываютъ, будто нѣкогда было здѣсь тринадцать городовъ, изъ которыхъ главный,—Содомъ, имѣлъ въ окружности около шестидесяти стадій или пятнадцати верстъ; что озеро образовалось вслѣдствіе землетрясеній, изверженій огня, горячей воды, асфальта и сѣры; что камни содержали огонь, и что одни города были поглощены землей, другіе покинуты жителями, имѣвшими возможность бѣжать. Ератосѳенъ же утверждаетъ противное: по его мнѣнію Гіерикунтская область возникла на мѣстѣ бывшаго тутъ нѣкогда озера, постепенно осыхавшаго въ зависимости отъ изверженій, какъ это было и въ Ѳессаліи (тамъ же, стр. 780 и 781).

Помпей, отдѣливъ отъ Іудеи области, завоеванныя ею отъ сосѣдей, назначилъ ей жрецомъ-правителемъ Гиркана; впослѣдствіи изъ его потомства вышелъ тоже жрецъ *Героdъ* (евангельскій *Иродъ*), удостоенный владыками римскими, Антоніемъ, а потомъ кесаремъ Августомъ, званія царя. Изъ угодливости Риму и по инымъ побужденіямъ онъ самъ умертвилъ нѣкоторыхъ сыновей своихъ, какъ виновныхъ, будто-бы, въ заговорѣ противъ него, другихъ же объявилъ своими наслѣдниками, и раздѣлилъ Іудею на части. Кесарь оказывалъ уваженіе сыновьямъ Герода, сестрѣ его *Саламѣ* и дочери ея *Береникѣ*. Но сыновья Герода не были счастливы: оказавшись виновными противъ Рима,—одинъ кончилъ жизнь въ ссылкѣ, среди *галатовъ* и *аллоброговъ*,—другіе же только путемъ крайней лести, и то съ трудомъ, добились возвращенія на родину и получили каждый свое княжество по наслѣдству отъ отца (тамъ же).

Страбонова Индія.

До похода Александра Македонскаго съ баснословно многочисленными полчищами въ отдаленныя страны, къ востоку древняго міра, эллины, хотя уже высокопросвѣщенные къ тому времени и близко знакомые съ всесвѣтными мореплавателями—финикіянами,—имѣли еще лишь весьма смутныя представленія о восточной окраинѣ земли, такія же, какъ и о полуночной; немногіе знали, и то не по личнымъ наблюденіямъ, а только по слуху отъ предпріимчивыхъ торговцевъ-путешественниковъ, своекорыстно скрывавшихъ, какъ и о Скиѳіи, истину о странѣ Индійской; между нею и Скиѳіею съ землею Гиперборейскою—разница лишь въ положеніи—одной на краю востока, другой—на краю полуночья; какъ въ Скиѳіи селили грифовъ, аримасповъ,—людей полгода спящихъ,—имѣющихъ козлиныя ноги, или—превращающихся на нѣкоторое время въ волковъ, и тысячелѣтнихъ гипербореевъ,—такъ и въ Индіи: малорослыхъ въ пять и даже въ три пяди,—безносыхъ, имѣющихъ надъ ртомъ дыхательное отверстіе,—безротыхъ,—скороходовъ, перегоняющихъ въ бѣгѣ лошадей,—имѣющихъ собачьи уши,

косматую грудь и одинъ глазъ въ срединѣ лба, и другихъ (стр. 727);—какъ отъ скиѳовъ производили многихъ народовъ, такъ и отъ индійцевъ:—эѳіоповъ и аріановъ,—мидянъ и персовъ,—вавилонянъ и ассиріянъ.

Спутники Македонскаго завоевателя, нечуждые эллинскаго просвѣщенія, собрали, частію по его указаніямъ, частію по своей любознательности,—впервые объ Индіи и ея обитателяхъ данныя, повидимому—достовѣрныя, и подробности, возможно обстоятельныя. Тѣ и другія—драгоцѣнны для народовѣдѣнія и для изысканій о древнихъ насельникахъ всего нашего отечества и страны Ильменской.

Многосвѣдущему и добросовѣстнѣйшему изъ повѣствователей древности, Страбону, показались записанныя спутниками Александра данныя настолько новыми и своеобразными, что онъ занесъ на страницы своей книги почти всѣ ихъ сказанія объ Индіи и ея обитателяхъ; но, заподозривъ этихъ спутниковъ въ словоохотливости, пристрастіи къ Александру и лести его самолюбію, ученый землеописатель сомнѣвался, должно быть, если не во всемъ, такъ во многомъ изъ сообщаемаго ими; перенося въ рукопись показанія современниковъ счастливаго завоевателя о диковинныхъ странахъ и народахъ Индіи, онъ, при всякомъ, впервые полученномъ такимъ путемъ съ чужихъ словъ извѣстіи, указалъ сверхъ дословнаго содержанія повѣствуемаго, и имя повѣствователя, устраняя такимъ образомъ себя отъ отвѣтственности за безгрѣшность данныхъ о странѣ, казавшейся ему, по прежнимъ повѣствователямъ, полубаснословною.

Усматривая, съ своей стороны, въ бытовыхъ особенностяхъ индійцевъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ о самой странѣ, драгоцѣнныя, какъ уже замѣчено, свѣдѣнія по занимающему насъ предмету, выпишемъ изъ Страбоновой книги подробности, чтобы имѣть въ нихъ основанія для сужденій и заключенія объ отраженіи въ жизни далекихъ нашихъ предковъ началъ гражданственности и духовнаго міровоззрѣнія—эллино-римскихъ ли, или древне-индійскихъ,—и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было возможно выдѣлить изъ обращающихся и въ настоящее время среди коренного славяно-русскаго населенія началъ семейныхъ и гражданскихъ—бытовыхъ, все то, что сходно съ древне-индійскими бытовыми же особенностями больше, чѣмъ съ таковыми же греко-романскаго насажденія.

Очеркъ страны. Описанію Индіи Страбонъ посвятилъ, вообще упоминая, и въ разныхъ мѣстахъ особенно,—всю первую главу пятнадцатой книги своего труда и нѣсколько страницъ слѣдующей, обнимающей сосѣднюю Аріану. Начиная описаніе онъ говоритъ: „Извѣстія наши объ Индіи читатель долженъ принимать снисходительно, потому что это самая отдаленная страна, и только немногіе посѣщали ее лично; другіе, видѣвшіе лишь нѣкоторыя части страны, говорили больше по слуху; да и съ тѣмъ, что видѣли сами, они знакомились въ военномъ походѣ и во время набѣговъ; вотъ почему объ одномъ и томъ же предметѣ сообщаются разнорѣчивыя свѣдѣнія, хотя послѣднія изложены такъ, какъ бы по тщательномъ изслѣдованіи; нѣкоторые свидѣтели сообща участвовали въ однихъ и тѣхъ же походахъ и путешествіяхъ, каковы напримѣръ путники Александра во время

покоренія имъ Азіи; но часто и изъ этихъ свидѣтелей каждый сообщаетъ отличныя отъ прочихъ свѣдѣнія. Если они такъ расходятся между собою относительно видѣннаго, то что же слѣдуетъ думать о слышанномъ только? Дѣйствительно, ни тѣ, что писали объ Индіи въ позднѣйшее время, ни тѣ, которые плавали туда въ наше время—не сообщаютъ ничего достовѣрнаго. Къ тому же, лишь немногіе изъ купцовъ, плавающихъ изъ Египта черезъ Нилъ и Арабскій заливъ въ Индію, доходитъ до рѣки Ганга; кромѣ того бывающія тамъ лица не образованны и нисколько не содѣйствуютъ ознакомленію съ тамошними мѣстностями. Изъ одной только области Индіи и отъ одного только царя Пандіона, а по другимъ – Пора,—приходило къ кесарю Августу посольство съ дарами, а въ Аѳинахъ сжегъ себя одинъ индійскій мудрецъ.—Если, не обращая вниманія на вышесказанное, мы бросимъ взглядъ на время до похода Александра,—все представится еще смутнѣе; что Александръ, ободренный большими удачами, вѣрилъ повѣствователямъ древнимъ,—это естественно: движимый честолюбіемъ, онъ хотѣлъ-было провести свое войско черезъ Гедрозію, когда узналъ, что и Семирамида и Киръ тѣмъ же путемъ совершали походы въ Индію; но Семирамида, по словамъ тѣхъ же писателей, возвратилась съ двадцатью человѣками, а Киръ—съ семью; Александръ же, какъ говорятъ его современники, льстилъ себя надеждою на стяжаніе громкой славы, если онъ побѣдоносно и въ цѣлости проведетъ свои войска чрезъ тѣ же самыя мѣстности и народы, среди которыхъ его предшественники потерпѣли такія неудачи".– Ссылаясь на землеописателя *Мегасѳена*, Страбонъ продолжаетъ:—„Но какое можетъ быть у насъ основаніе вѣры въ повѣствованіи объ Индіи по поводу походовъ Кира или Семирамиды? Съ нашимъ мнѣніемъ согласенъ, кажется и Мегасѳенъ, совѣтующій не вѣрить древнимъ разсказамъ объ индійцахъ, потому-что по словамъ этого писателя,—индійцы никогда не посылали войска за предѣлы своей страны,—никогда не приходили туда и иностранные завоеватели, кромѣ баснословныхъ Геракла и Діониса и теперь Александра съ македонянами: Сезострисъ египтянинъ (Рамзесъ второй) и *Теаркон*ъ эѳіопъ—доходили до Европы; *Набокодросоръ* (библейскій Навуходоносоръ), пользовавшійся у халдеевъ большею славою, нежели Гераклъ, доходилъ даже до столбовъ (Гибралтаръ), до того мѣста, куда проникалъ и Теарконъ, водившій свои войска изъ Иберіи во Ѳракію и Понтъ; наконецъ скиѳъ Иданѳирсъ вторгался въ Азію и проникалъ до Египта;—но никто изъ нихъ не доходилъ до Индіи; сама Семирамида умерла прежде приведенія своего намѣренія о походѣ въ ту страну въ исполненіе. Персы получали, правда, наемныхъ солдатъ изъ Индіи, отъ *гидраковъ*, но сами туда не входили, хотя однажды и были уже недалеко во время преслѣдованія массагетовъ" (кн. XV, гл. I, стр. 701—703).

Приведя баснословія Еврипида—изъ книги о вакханкахъ, Софокла и Гомеровой Иліады о Гераклѣ и Діонисѣ, Страбонъ продолжаетъ: „на основаніи такихъ разсказовъ называютъ какой то народъ *нисаесъ* и у нихъ городъ *Нису*, основанный, будто-бы, Діонисомъ; надъ городомъ помѣщаютъ гору *Меръ;* упоминаютъ о потомкахъ Діониса—*сидракахъ*, справляющихъ

празднество въ честь своего родоначальника съ выходами, подобными вакханическимъ;—современники Александра говорятъ тоже много невѣроятнаго, льстя его самолюбію, напримѣръ: когда онъ, при первомъ приступѣ, овладѣлъ какою-то скалой, подошву которой омываетъ Индъ недалеко отъ своихъ истоковъ,—индѣйцы говорили, будто бы, восхваляя его, что Гераклъ трижды приступалъ къ этой скалѣ и трижды былъ отброшенъ ихъ предками. Потомками участниковъ въ походѣ Геракла считаютъ *сибовъ*, которые, будто бы носятъ, въ знакъ своего происхожденія, на плечахъ шкуру, подобно предводителю своихъ родоначальниковъ;—ходятъ, какъ и онъ, съ дубинами и выжигаютъ знакъ булавы на волахъ и мулахъ. Послѣднюю басню они подтверждаютъ разсказами о Кавказѣ и Прометеѣ, перенося ихъ сюда по ничтожному поводу, именно на основаніи существованія какой-то священной пещеры у *паропамисадовъ*,—это народъ Азіи, жившій подлѣ горы Паропамиса, составляющей часть Тавра, на полночной границѣ Аріаны; къ ней прилегала большая часть Бактріаны; здѣсь, говорятъ, былъ прикованъ Прометей; сюда, будто бы, пришелъ Гераклъ чтобы освободить его; Кавказъ,—поэтому,—будетъ Паропамисъ (стр. 704).

Границею между Индіею и упомянутою Аріаною служила, во время похода Александра, рѣка Индъ; Аріаной владѣли тогда персы; впослѣдствіи, когда пало македонское владычество въ Азіи, индѣйцы отняли у македонцевъ, сами освободившись отъ ихъ власти, и большую часть Аріаны, присоединивъ ее къ своимъ владѣніямъ (стр. 705).

Изложивъ выписанное нами почти цѣликомъ предисловіе, Страбонъ сообщаетъ свѣдѣнія, заимствуемыя—относительно землеописательныхъ подробностей—изъ Ератосѳена,—и бытовыхъ народовъ Индіи—изъ сказаній спутниковъ Александра Македонскаго; намъ нужны подробности собственно бытовыя,—изъ мѣстоописательныхъ же только нѣкоторыя, болѣе крупныя, съ нихъ и начнемъ.

Страбонову Индію ограничиваютъ: съ полночи—крайнія части Тавра, отъ Аріаны до восточнаго моря (граница неопредѣленная;—подъ восточнымъ моремъ нужно разумѣть и побережье нынѣшняго Китая или Сіама). Крайнія части Тавра называютъ: Паропамисомъ, Емодомъ и Имаемъ,—а македонцы—Кавказомъ. Съ запада рѣка Индъ; съ полдня и востока Атлантическое море. (По понятіямъ древнихъ писателей извѣстная имъ земля окружена со всѣхъ сторонъ рѣкою Океаномъ, или моремъ того же имени. Очевидно, подъ Атлантическимъ моремъ разумѣются нынѣшніе океаны Индѣйскій и Великій, или одинъ который-нибудь). Стороны Индіи полуденная и восточная гораздо длиннѣе прочихъ. За симъ приводятся размѣры страны, по свѣдѣніямъ различныхъ писателей, опредѣляемые неодинаково.

Вся Индія орошена рѣками, изъ которыхъ однѣ сливаются съ Индомъ и Гангомъ, а другія изливаются въ море собственными устьями. Всѣ рѣки получаютъ начало на Кавказѣ и текутъ сперва въ полуденномъ направленіи; потомъ—однѣ остаются въ томъ же направленіи—преимущественно впадающія въ Индъ,—а другія, подобно Гангу,—сворачиваютъ на востокъ. Индъ, спустившись съ горнаго хребта и достигнувъ равнины, загибаетъ

тоже на востокъ; въ этомъ направленіи пробѣгаетъ мимо величайшаго индійскаго города „Палибоѳры“ и изливается въ тамошнее море всего однимъ устьемъ, хотя и представляетъ наибольшую изъ рѣкъ всей страны. Гангъ вливается въ полуденное море двумя устьями, обнимая своимъ теченіемъ такъ называемую область *Патталену*, похожую на Египетскую Дельту. Вслѣдствіе испареній такихъ большихъ рѣкъ и благодаря тихимъ, равномѣрно дующимъ съ одной стороны вѣтрамъ, Индія до того напитывается влагою отъ лѣтнихъ дождей, что равнины превращаются въ болота.

Напротивъ Индіи, въ морѣ, лежитъ большой островъ *Тапробана*, между которымъ и материкомъ расположено много и другихъ острововъ.

Въ горной части страны зимою выпадаетъ снѣгъ; вытекающія изъ горъ рѣки переполняются и здѣсь водою отъ таянія снѣговъ весною и отъ лѣтнихъ дождей, онѣ также заполняютъ равнины на пути своего теченія, но къ зимѣ воды убираются въ русла рѣкъ и равнины осыхаютъ; но равнины нижняго теченія Инда и Ганга на зиму не осыхаютъ; большая часть ихъ всегда болотиста.

Кромѣ двухъ величайшихъ рѣкъ и ихъ притоковъ немало большихъ же и въ числѣ названныхъ нами самостоятельными, напримѣръ, *Гидаспъ*, *Аксеинъ*, *Гіаротій*, *Гипанисъ* и другія—внутри страны,- *Кофа*, *Хоаспа*— и притоки ихъ близъ западной границы ея.

Одна изъ самостоятельныхъ рѣкъ, текущая съ горъ, и обладающая необыкновеннымъ свойствомъ, называется „*Сила*“, на водѣ ея ничто не держится. Страбонъ, какъ бы возражая нѣкоторымъ путешественникамъ, оспаривающимъ такое свойство „Силы“, и Аристотелю, замѣчаетъ, съ своей стороны, что бываютъ мѣстности съ такимъ легкимъ (рѣдкимъ?) воздухомъ, что на немъ не держится никакое пернатое существо,—что, кромѣ того, нѣкоторыя выдѣляющіяся испаренія притягиваютъ къ себѣ только особые предметы, напримѣръ:—янтарь, солому, магнитъ, желѣзо, и —что подобныя же свойства присущи, быть можетъ, и водѣ этой рѣки (стр. 719). Нельзя не обратить вниманія на названіе рѣки, вполнѣ созвучное слову русской рѣчи, выражающему особое свойство ея—„*силу*“ воды, объясняемую Страбономъ.

Остановившись на созвучіи имени Индійской рѣки съ однимъ словомъ нашего говора, приведемъ имя же рѣки, впадающей въ Гангъ нижняго теченія; она называется „*Ойдану*“ или „*Ойдана*“. Артемидоръ, у котораго взято Страбономъ свѣдѣніе объ этой рѣкѣ, замѣчаетъ, что въ ней водятся крокодилы и дельфины. Въ народной нашей рѣчи слышится выраженіе удивленія: *ай-да-ну*,—или—*ай-да-на*, *вотъ-такъ-на*. Нѣтъ-ли и въ имени второй индѣйской рѣки тѣни русскаго же говора; не могло-ли оно,—имя,—сложиться при слушаніи разсказа перваго индійца, увидѣвшаго въ рѣкѣ, до того неизвѣстной, дельфина—морское животное и чудовищнаго крокодила? (О рѣкѣ Ойдану—стр. 735).

Объ озерахъ свѣдѣній не имѣется—потому, конечно, что спутники Александра, проходившіе по Индія не для изученія ея, не отличали временныхъ водоемовъ, образуемыхъ разливами рѣкъ, отъ постоянныхъ, каковы озера.

Вся страна покрыта лѣсами: елью, сосною, кедромъ и другими; звѣрей очень много; кромѣ одинаковыхъ съ египетскими, не исключая крокодила, гиппопотама и слоновъ, и съ эѳіопскими,—тамъ много разныхъ видовъ обезьянъ, между которыми встрѣчается порода на столько крупныхъ, что ихъ принимали македоняне за людей и выступали противъ стадъ этихъ животныхъ, пока не ознакомились съ ними, въ боевомъ порядкѣ. Въ лѣсахъ держится множество птицъ, превосходящихъ своимъ разнообразіемъ все звѣриное царство.

Состояніе воздуха также разнообразно; въ приморской части страны невыносимый зной; а по мѣрѣ приближенія къ горной—жара постепенно умѣряется.

Изъ ископаемыхъ богатствъ золото, серебро, драгоцѣнные камни и соль—въ изобиліи—по всей странѣ; много также и мѣди; о желѣзѣ Страбонъ вовсе не упоминаетъ, какъ и объ оловѣ.

Бытовыя особенности индійцевъ. Обитатели благодатной Индіи, извѣстной только въ части западной, по внѣшнему виду не одинаковы: полуденные похожи по цвѣту кожи на эѳіоповъ, а по лицу и по волосамъ на остальныхъ людей. Страбонъ полагаетъ, что кожа принимаетъ темный цвѣтъ въ зависимости отъ солнечныхъ лучей, а волоса вьются—отъ чрезмѣрной сухости воздуха; этимъ онъ и объясняетъ наружный видъ полуденныхъ индійцевъ: солнце жжетъ тамъ если не больше, такъ и не меньше, чѣмъ въ Эфіопіи,—воздухъ же постоянно влаженъ, отъ того волоса,—говоритъ землеописатель,—и не вьются; заселяющіе же страну полночную, гористую, близки къ египтянамъ. Въ пройденной македонянами странѣ множество городовъ.

Бытовыя особенности индійцевъ приводятся Страбономъ краткими отрывками, заимствуемыми изъ различныхъ писателей, чаще всего изъ замѣтокъ Александровыхъ спутниковъ; нѣкоторыя же и притомъ, на взглядъ нашъ, весьма существенныя, выражены вполнѣ. Мы выпишемъ сперва отрывочныя извѣстія,—а затѣмъ и полныя. Къ бытовымъ же особенностямъ отнесемъ сказанія о мудрецахъ и отведемъ имъ отдѣльную статью.

Назвавъ книгу, въ которой Страбонъ говоритъ объ Индіи, мы не указывали до сихъ поръ на страницы, потому что выписанное не представляется, для народовѣдѣнія и для ильменскихъ насельниковъ, имѣющимъ особенно важное значеніе; въ слѣдующихъ же выпискахъ приведемъ и страницы.

Сказавъ о разливахъ рѣкъ и заболочиваніи прибрежныхъ пространствъ, Страбонъ объясняетъ: во время дождей тамъ сѣютъ ленъ, просо, индійскую пшеницу и рисъ,—а въ зимнюю пору также пшеницу, ячмень, стручковыя и другія, неизвѣстныя вовсе еллинамъ, растенія. Будучи мало-общительны съ иноземцами, индійцы ревниво оберегаютъ естественныя произведенія своей страны, особенно хлѣбныя растенія; смолотивши пшеницу, тотчасъ поджариваютъ зерна, давъ предварительно клятву не уносить съ току неподжаренныхъ, чтобы воспрепятствовать вывозу сѣмянъ изъ своей округи (кн. XV, гл. I, стр. 105—108).

Онесикритъ сообщаетъ, что въ Индійской области *Мусиканъ*, растетъ въ дикомъ состояніи хлѣбъ, похожій на пшеницу, и виноградная лоза, дающая вино (стр. 710); что тамъ, и вообще въ Индіи, много ядовитыхъ растеній, и что существуетъ законъ, въ силу котораго изобрѣтатель яда наказывается смертью, если одновременно не находитъ противоядія—и награждается самимъ царемъ, если открываетъ разомъ то и другое (стр. 711).

Какъ и у скиѳовъ Анахарзиса, у индійцевъ въ употребленіи только гусли (кимвалы), бубны и трещетки; приспособленій же, чтобы извлекать нѣжные звуки, подобные свирели (флейтѣ), они не имѣютъ (стр. 710).

Въ области державца *Сопейѳа*—Гандаридѣ высоко цѣнится красота людей, лошадей и собакъ; въ цари у нихъ выбирается красивѣйшій; всякое народившееся дитя подлежитъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жизни своей, народному наблюденію для заключенія, имѣетъ-ли оно опредѣленное тѣлосложеніе, дающее право на жизнь; по рѣшенію суда, основанному на этомъ наблюденіи, новорожденному или предоставляется жить, или его умерщвляютъ; чтобы сдѣлать себя красивыми, жители области раскрашиваютъ свои бороды множествомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ; да и всѣ вообще индійцы дѣлаютъ тоже самое съ своими волосами и одеждой, потому что земля ихъ производитъ изумительныя краски; населеніе, совершенно простое во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ страсть къ украшеніямъ; какъ особенность жителей области Сопейѳа приводится: свободный выборъ—дѣвушкою мужа, а мужчиною—жены, и самосожиганіе овдовѣвшей женщины вмѣстѣ съ трупомъ мужа. Наблюдатели этого обычая сообщаютъ и причину установленія его—будто жены, прелюбодѣйствуя, въ молодости, съ юношами, покидали своихъ мужей, или прибѣгали къ отравленію ихъ, за что и были сожигаемы—вѣроятно сперва насильственно. (Тамъ же, стр. 715).

Между Индомъ и Гидаспомъ существовалъ большой городъ *Таксилъ;* тамъ бытовалъ, по сообщенію Аристобула, слѣдующій обычай: бѣдняки, не имѣвшіе возможности выдать замужъ своихъ дочерей въ общепринятомъ порядкѣ сватовства съ приданымъ, выводили ихъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ на площадь, созвавъ туда предварительно звуками раковинъ и бубновъ,—служащими знакомъ призыва на войну,—толпу народа; выведенная дѣвушка обнажалась для всякаго, подходившаго къ ней, до плечь, сначала сзади, а потомъ и спереди; если она нравилась и осматривавшій соглашался на предлагаемыя условія,—дѣвушка признавалась его женою (стр. 730).

Въ области рѣки Инда есть земля *Мусикана*; жители ея очень долговѣчны; возрастъ въ сто тридцать лѣтъ—обыкновенный; о жителяхъ другой земли, называемыхъ „*Серы*", говорятъ, что они еще долговѣчнѣе и живутъ до двухсотъ лѣтъ. Мусиканцы умѣренны, а потому и здоровы; у нихъ общій столъ; лакомства добываются охотой; не употребляютъ ни золота, ни серебра, хотя то и другое находится въ странѣ ихъ въ изобиліи; вмѣсто рабовъ пользуются юношами цвѣтущаго возраста, какъ критяне—афаміотами, а лаконцы—гелотами; никакими науками не занимаются усердно, кромѣ врачебной; а увлеченія искусствами, каково напримѣръ военное, вмѣняется въ порокъ; нѣтъ у нихъ суда для дѣлъ гражданскихъ вовсе, а для

уголовныхъ—только въ случаяхъ насилія и убійства, и вотъ почему: всякій имущественный ущербъ и всякая обида зависитъ отъ самихъ сближающихся и вступающихъ въ сдѣлки; нужно быть только внимательнымъ къ лицамъ, которымъ оказывается довѣріе, чтобы предупредить обиды и ущербы; городъ не долженъ быть наполняемъ тяжбами. (Тамъ же, стр. 717).

Всѣ индійцы любятъ пестроту въ нарядѣ, а особенно тѣ, которые называются, какъ уже сказано, *сидраками* и отправляютъ такія же празднества, какія бываютъ у другихъ народовъ въ честь Діониса.

Въ Индіи водятся слоны болѣе крупные и сильные сравнительно съ ливійскими; жители области, гдѣ слоновъ много, ловятъ и приручаютъ ихъ. Способъ ловли и обученіе этихъ великановъ описываются подробно; но мы пропускаемъ подробности, какъ непригодныя въ нашей задачѣ (стр. 720—722); подробности же о золотокопателяхъ муравьяхъ, у которыхъ индійцы крадутъ золотой песокъ, Страбонъ заимствуетъ у Геродота, они приведены уже; но о слонахъ отмѣтимъ, что по установившемуся воззрѣнію индійцевъ—если мужчина даритъ возлюбленной своей дѣвушкѣ слона—это для нея большая честь. Принявъ во вниманіе послѣднее свѣдѣніе, Страбонъ замѣчаетъ, что оно не согласуется съ господствующимъ мнѣніемъ, (см. ниже) будто лошадь и слонъ составляютъ предметъ исключительно царскаго обладанія. (Тамъ же, стр. 721).

Въ обычаѣ индійцевъ—держать у себя прирученныхъ звѣрей и даже змѣй;—такъ царь Абисаръ, по словамъ Онесикрита, которому, впрочемъ, Страбонъ мало довѣряетъ, имѣлъ у себя двухъ огромныхъ драконовъ: одинъ имѣлъ въ длину восемьдесятъ локтей, а другой сто сорокъ (стр. 714). Локоть равняется нашимъ десяти вершкамъ (приблизительно). Значитъ одинъ драконъ почти въ семнадцать, а другой даже до тридцати саженъ длины.

При сліяніи Инда съ другою какою-то рѣкою, лежалъ городъ Палибоѳры, длиною въ восемьдесятъ, а шириною въ пятнадцать стадій, окруженный деревянною стѣною; для стрѣльбы извнутри продѣланы были въ стѣнѣ особыя отверстія; передъ укрѣпленіемъ идетъ ради защиты ровъ. Народъ, которому принадлежитъ этотъ городъ, называется прасіями; это наилучшій народъ; правительство состоитъ изъ пяти тысячъ совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый доставляетъ государству по одному голосу (стр. 718).

Всѣ индійцы ведутъ скромный образъ жизни, особенно въ походахъ; тогда не допускаются никакія ненужныя для дѣла войска сборища,—потому въ походахъ соблюдается строгій порядокъ и подчиненіе. Наибольшее воздержаніе замѣчается относительно кражъ; писанныхъ законовъ въ странѣ нѣтъ; неизвѣстна и самая письменность,—все устраивается въ памяти; но, благодаря простотѣ нравовъ и умѣренности, народъ считаетъ себя счастливымъ;—вино пьютъ только во время жертвоприношеній, и то не ячменное, а рисовое; питаются предпочтительно рисовою же похлебкою. Простота индѣйцевъ обнаруживается съ полною очевидностью въ законахъ и сдѣлкахъ частныхъ лицъ; тяжбъ не бываетъ, не случается и жалобъ по поводу залоговъ или имущества, даваемаго на сохраненіе; не встрѣчается также надобности ни въ свидѣтеляхъ по гражданскимъ дѣламъ, ни въ печатяхъ при

передачѣ другъ другу движимой собственности; добро въ домахъ обыкновенно на виду, никуда не прячется. Все это разумно,—замѣчаетъ Страбонъ,—но никто не одобритъ обычая, въ силу котораго каждый живетъ самъ по себѣ и не существуетъ общаго, для всѣхъ опредѣленнаго времени для завтрака и обѣда; у нихъ всякій завтракаетъ когда ему угодно;—обратный способъ употребленія пищи болѣе благопріятенъ, по его мнѣнію, жизни общественной и гражданской (стр. 725).

Изъ всѣхъ упражненій тѣла важнѣйшимъ считается растираніе его разными способами, преимущественно гладкой скребницей изъ чернаго дерева (ебеноваго—въ переводѣ); уходъ за особою царя принадлежитъ его женамъ; но когда онъ внѣ дома, гдѣ-бы ни было, безпрепятственно входятъ въ извѣстное время четыре человѣка и растираютъ тѣло его скребницами (тамъ же и на 726 стр.).

Похороны скромны и могилы не велики. При простотѣ во всемъ, индійцы любятъ украшенія; надѣваютъ на себя золотыя вещи съ драгоцѣнными камнями, носятъ хорошо раскрашенное бумажное платье, употребляютъ зонтики для защиты отъ солнечныхъ лучей (это на стр. 725); выдѣлываютъ тонкія шерстяныя ткани изъ вещества, появляющагося, по словамъ Аристобула и Онесикрита, вслѣдствіе большой сырости воздуха на нѣкоторыхъ деревьяхъ;—Неархъ же сказываетъ, что это же вещество употребляется македонянами для набивки постели и сѣделъ, и что тонкимъ индійскимъ тканямъ подобны *сериковыя*, то есть шелковыя вещи, для которыхъ шерсть добывается также съ коры особаго рода деревьевъ (стр. 710).

Примѣчаніе. Между нашими сельчанами существуетъ обыкновеніе набивать подушки пухомъ болотныхъ тросниковыхъ растеній, называемыхъ палками.

Прилагая всѣ старанія къ украшенію лица, индійцы, между тѣмъ, высоко чтутъ душевныя качества—правдивость и добродѣтель; у нихъ даже и старики не пользуются никакимъ предпочтеніемъ, если они не отличаются выдающимся благоразуміемъ (стр. 725).

Женятся на многихъ дѣвушкахъ, покупаемыхъ у ихъ родителей за пару быковъ; однѣхъ пріобрѣтаютъ для домашнихъ работъ, другихъ для наслажденія сожительствомъ;—если дѣвушка, при покупкѣ ея, не обязывается цѣломудріемъ,—можетъ безнаказанно наслаждаться сладострастіемъ съ кѣмъ угодно;—рабства въ странѣ нѣтъ нигдѣ—по увѣренію Магасѳена,—а по наблюденіямъ Онесикрита—его нѣтъ среди мусиканскаго населенія, причемъ наблюдатель признаетъ свободу всѣхъ людей области Мусикана однимъ изъ большаго числа ея преимуществъ и вообще считаетъ мусиканъ имѣющими законы наилучшіе изъ всѣхъ прочихъ областей Индіи. (стр. 726).

Никто не приноситъ жертвы въ вѣнкѣ; куренія ѳиміама и жертвенныхъ возліяній—не знаютъ индійцы; жертвенное животное предоставляется божеству не поврежденное, его,—какъ сказано уже выше,—не рѣжутъ, а умерщвляютъ посредствомъ удушенія.

Въ дѣлахъ уголовныхъ свидѣтели принимаются; но уличенный во лжи свидѣтель подвергается лишенію крайнихъ частей тѣла; обвиненный по суду

въ причиненіи кому-либо тѣлеснаго поврежденія, подвергается тому же самому членовредительству—и лишенію руки; а повредившій ремесленнику глазъ или руку—осуждается на смерть (тамъ же).

Неархъ, на котораго Страбонъ ссылается съ довѣріемъ,—говоритъ, что у индійцевъ законы хотя и не писанные, но соблюдаются строго; одни изъ нихъ общіе для всей страны, другіе - мѣстные; тѣ и другіе представляютъ особенности сравнительно съ законами другихъ народовъ; по законамъ нѣкоторыхъ мѣстностей--дѣвушки даются въ награду побѣдителямъ въ кулачныхъ бояхъ и выходятъ, поэтому, замужъ безъ приданаго; въ другихъ мѣстныхъ законахъ постановлено, чтобы поля были обработываемы всѣми родственниками сообща; чтобы по уборкѣ плодовъ каждый получалъ нужное для своего пропитанія на годъ, и чтобы урожай, остающійся за раздѣломъ, былъ сожигаемъ; это установлено въ видахъ недопущенія праздности и принужденія людей постоянно работать (стр. 733).

Тотъ же Неархъ отзывается, въ противорѣчіе съ свидѣтельствомъ другихъ въ вышеупомянутыхъ нами свѣдѣніяхъ,—съ похвалою о любви индійцевъ къ искусствамъ; они дѣлали, напримѣръ, подражаніе видѣннымъ у македонянъ губкамъ; многіе выучивались приготовлять щетки для купаленъ, бутылки для масла и проч.; письменность извѣстна этому народу; для начертанія звуковыхъ знаковъ (не объясняется какихъ именно) употребляется плотно сбитая въ куски хлопчатая бумага (—въ переводѣ—„письма пишутъ на плотно сбитыхъ кускахъ хлопчатой бумаги“);—извѣстенъ также способъ плавки мѣди, а не ковања; однако выдѣлываемые этимъ способомъ сосуды при паденіи разбиваются, какъ глиняные; гдѣ-то въ Индіи употребляли мѣдные и должно быть кованные, т. е. приготовленные холоднымъ способомъ, наконечники для стрѣлъ. Мегасѳенъ, сообщая баснословія о различныхъ чудовищныхъ людяхъ, живущихъ, будто-бы, въ той странѣ, каковы малорослые, не выше пяти и даже трехъ пядей (пядь—около четырехъ вершковъ), безносые, имѣющіе уши до того длинные, что эти люди спятъ на нихъ, безротые, питающіеся только запахомъ съѣдобныхъ веществъ и проч.,—говоритъ, что съ малорослыми ведутъ войну журавли, за похищеніе яицъ, высиживаемыхъ только въ ихъ области, и что эти птицы часто улетаютъ оттуда, имѣя въ тѣлѣ мѣдные наконечники отъ стрѣлъ (стр. 727. См. выше о пигмеяхъ и стр. 733).

О божествахъ индѣйцевъ сообщается нѣсколько словъ: они почитаютъ Дарователя дождя, какъ Зевса, рѣку Гангъ и какихъ-то туземныхъ боговъ (стр. 734).

Жизнь царей, съ которыми имѣли дѣло македоняне, описывается спутниками Александра довольно подробно: внѣ дома царя оберегаютъ особые тѣлохранители, окружающіе его дворецъ, и вообще все войско; пьянство его, предосудительное въ высшей степени въ каждомъ жителѣ страны, возмущаетъ народное чувство на столько, что жена, убившая пьянаго царя, въ вознагражденіе за свой подвигъ, вступаетъ въ бракъ съ наслѣдникомъ; а наслѣдуютъ дѣти; днемъ царь не спитъ; ночью же онъ вынужденъ мѣнять время отъ времени, ложе, во избѣжаніе засады; на войну царь обязанъ вы-

ходить лично; кромѣ этого онъ имѣетъ еще нѣсколько:—на судъ для слушанія дѣлъ въ продолженіи цѣлаго дня,—на охоту и къ жертвоприношеніямъ. Во время производства суда, какъ сказано, царь натирается; на охоту онъ выступаетъ окруженный женщинами, въ такомъ порядкѣ: внѣ круга, въ срединѣ котораго находится царь, идутъ тѣлохранители; путь огражденъ съ обѣихъ сторонъ веревками; лицо протиснувшееся за черту круга—до женщинъ, наказывается смертью; царь охотится въ загороженномъ пространствѣ и стрѣляетъ съ подмостковъ; двѣ изъ вооруженныхъ женщинъ стоятъ подлѣ; въ мѣстахъ, неогороженныхъ охота производится на слонахъ; прочія, кромѣ этихъ двухъ, женщины сидятъ однѣ на лошадяхъ, другія на слонахъ или на колесницахъ; онѣ умѣютъ обращаться со всякимъ оружіемъ и участвуютъ въ военныхъ походахъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и на охотѣ (стр. 726). Жертвоприношенія и торжественные выходы таковы: выступаетъ множество слоновъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ, - много колесницъ въ четыре лошади и большое число быковъ—попарно; за ними слѣдуетъ нарядно одѣтое войско, потомъ несутъ золотые сосуды, именно огромные котлы и чаши въ четыре локтя величиной, столы изъ индійской мѣди, кресла, чаши (кубки?), купальни (ванны?) и проч.; большая часть этихъ предметовъ украшена каменьями, каковы: изумруды, бериллы и кондоманы; платья участвующихъ въ выходѣ пестры и шиты золотомъ; выступаютъ также дикіе звѣри: буйволы, пантеры, ручные львы и множество разнообразныхъ прекрасно поющихъ птицъ; на большихъ повозкахъ о четырехъ колесахъ везутъ деревья, имѣющія большіе листья, съ ручными птицами, на нихъ повѣшенными (въ клѣткахъ?); наилучшими изъ нихъ считаются—по голосу *аріонъ*, и по пестротѣ перьевъ *катрей*, похожій на павлина. Когда царь моетъ себѣ волосы, подданные устраиваютъ большое празднество, посылая ему цѣнные подарки, стараясь приэтомъ превзойти одинъ другаго въ богатствѣ посылки (стр. 734). Цари носятъ два имени: одно—даваемое при рожденіи, а другое,—указывающее на тотъ городъ, изъ котораго онъ происходитъ, тоже самое замѣчается и у парѳовъ: всѣ они называются арсаками,—а собственное имя носятъ: одинъ—Ороды, другой Фрааты,—третій какое нибудь иное (стр. 718). Впрочемъ это извѣстіе Страбона относится не ко всѣмъ индѣйскимъ царямъ, а только къ прасійскимъ, гдѣ упомянутый городъ Палибоѳры.

Вооруженіе индійскихъ войскъ состоитъ изъ лука съ трехлоктевыми стрѣлами, или изъ метательнаго копья, меча и щита—шириною въ три локтя: вмѣсто уздечки употребляются намордники, а въ губы продѣваются гвозди (стр. 733).).

Хотя многіе писатели увѣряютъ, что жители Индіи носятъ одежду красиво раскрашенную, но вообще тамъ предпочитается болѣе платье хлопчато-бумажное и льняное; волосъ и бороды не стригутъ, заплетая на головѣ въ косы и прикрывая особою повязкою (стр. 735).

Изъ народовъ приводятся Страбономъ,—кромѣ упомянутыхъ уже,—еще *астакены*, *гипасіи*, *масіаны* и *маллы* (стр. 714 и 716); изъ городовъ отмѣтимъ *Певколаитиду*, напоминающую Певкэ и певкиновъ; городъ этотъ

лежитъ у самаго Инда; близь него Александръ перевелъ войска на другую сторону рѣки черезъ перекинутый имъ мостъ (стр. 714).

Изложивъ свѣдѣнія спутниковъ Александра о бытовыхъ особенностяхъ, Страбонъ замѣчаетъ: всѣ эти обычаи представляются странными сравнительно съ эллинскими, но еще страннѣе сообщаемое Мегасѳеномъ, будто обитатели Кавказа сообщаются съ женами открыто и пожираютъ тѣла своихъ родственниковъ (стр. 726). Мегасѳенъ, какъ македонянинъ, разумѣетъ, вѣроятно, подъ Кавказомъ тѣ крайнія части Тавра, которыя составляли полночную границу Страбоновой Индіи.

Раздѣленіе населенія Индіи и управленіе. Всѣ жители Индіи раздѣляются на семь разрядовъ; переходъ изъ одного въ другой строжайше воспрещенъ, такъ, что никто не можетъ даже вступать въ бракъ съ лицомъ, не состоящимъ въ одномъ съ нимъ разрядѣ; равно никому не дозволяется мѣнять ремеселъ и занятій, составляющихъ основаніе дѣленія на разряды; исключенія допускаются только среди мудрецовъ, ради высоко уважаемыхъ и чтимыхъ качествъ ихъ (стр. 723).

Разрядъ первый, наиболѣе почетный и самый малочисленный, составляютъ мудрецы. Ими пользуются частныя лица каждымъ особо, въ случаѣ принесенія жертвы богамъ, или покойникамъ, а всѣми совокупно—цари, въ такъ называемомъ Великомъ Совѣтѣ, на который мудрецы собираются въ преддверіи царскаго дворца; бываетъ этотъ совѣтъ въ началѣ каждаго новаго года; все, что каждый мудрецъ задумалъ или замѣтилъ въ теченіе минувшаго года полезнаго для плодовъ, или для животныхъ, или для государственныхъ учрежденій, высказывается здѣсь публично. Мудрецъ, сообщившій правду—освобождается отъ всякихъ податей и налоговъ, а сказавшій неправду три раза („пойманный трижды во лжи") долженъ, по закону, молчать всю жизнь (тамъ-же, стр. 719).

Второй разрядъ (самый многочисленный) составляютъ земледѣльцы;—это самые честные люди: они освобождены отъ военной службы; ихъ работы не нарушаются ничѣмъ; въ городъ земледѣльцы не ходятъ, не занимаются никакими иными дѣлами и не несутъ никакихъ общественныхъ повинностей. Случается, что въ одной и той же области, въ одно и то-же время,—воины стоятъ противъ непріятеля и вступаютъ съ нимъ въ битву, а земледѣльцы тутъ же пашутъ и копаютъ землю внѣ всякой опасности, потому что за нихъ сражаются воины. Вся земля области принадлежитъ царю; земледѣльцы обработываютъ ее за плату, именно за четвертую часть сбора (стр. 728).

Къ третьему разряду отчислены пастухи и охотники; имъ однимъ дозволяется бить хищныхъ звѣрей и птицъ и пасти скотъ, покупать и продавать его; за то что охотники избавляютъ страну отъ хищныхъ звѣрей, истребляющихъ домашній скотъ и отъ птицъ, поѣдающихъ посѣянныя на поляхъ зерна, имъ отпускается отъ царя хлѣбъ; жизнь ведутъ эти индѣйцы скитальческую,—въ шалашахъ. Къ этому же разряду относятся надсмотрщики, приставленные къ царскимъ слонамъ и лошадямъ,—составляющимъ его исключительное достояніе; частныя лица не могутъ держать этихъ жи-

вотныхъ для своей надобности. Это извѣстіе Мегасѳена и есть то господствующее мнѣніе, о которомъ упомянуто выше.

Сказавъ объ истребленіи охотниками лѣсныхъ хищниковъ, Страбонъ приводитъ нѣсколько свѣдѣній объ индійскихъ ядовитыхъ змѣяхъ и странствующихъ ворожеяхъ, вылечивающихъ заболѣвшихъ отъ ужаленія ими и пользующихся довѣріемъ народа; ворожеи — единственные врачи противъ змѣинаго яда; въ другихъ болѣзняхъ помогаютъ мудрецы. Но такъ какъ населеніе живетъ скромно, вина не употребляетъ, — оно мало и хвораетъ. Изъ извѣстій Аристобула Страбонъ приводитъ одно, весьма любопытное по связи съ говоромъ нашего деревенскаго населенія, — о мѣдяницахъ: „ни одно изъ многочисленныхъ ядовитыхъ пресмыкающихся такъ не вредно, какъ тонкія, почти въ пядь длиною, мѣдяницы: эти гадюки скрываются въ палаткахъ, въ сосудахъ и платьяхъ; укушенные ими истекаютъ кровью, льющеюся изо всѣхъ естественныхъ отверстій тѣла, страдаютъ отъ боли и наконецъ умираютъ, если вскорѣ не оказана помощь; помочь, впрочемъ, легко, благодаря свойствамъ индійскихъ корней и лекарствъ (стр. 722)“. Повѣрье нашихъ сельчанъ о мѣдяницахъ такое же, хотя эта маленькая змѣйка почти безвредна.

За охотниками и пастухами слѣдуетъ четвертый разрядъ населенія — ремесленники, торговцы и всѣ занимающіеся ручнымъ трудомъ; изъ нихъ одни платятъ подати и отбываютъ установленныя повинности, другіе — каковы выдѣлывающіе оружіе и кораблестроители, получаютъ содержаніе, сверхъ того, плату — отъ царя, на котораго только они и работаютъ. Оружіе войску доставляется главноначальствующимъ, а предводитель морскихъ силъ отдаетъ корабли, въ мирное время, въ наймы мореплавателямъ и купцамъ.

Къ пятому разряду принадлежатъ воины; содержатся вполнѣ на средства царя, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности быстро выступали въ походъ; съ собою они не берутъ рѣшительно ничего собственнаго, вооруженіе и одежда съ ногъ до головы — все это царское. Все мирное время воины проводятъ въ праздности и попойкахъ.

Шестой разрядъ — надсмотрщики; они обязаны внимательно слѣдить за всѣмъ, что дѣлается, и тайно доносить о своихъ наблюденіяхъ царю. Самыми дѣятельными помощниками ихъ состоятъ публичныя женщины, въ городахъ — городскія, а въ мѣстахъ расположенія войска — станичныя. Въ надсмотрщики назначаются самые лучшіе и надежные люди.

Послѣдній по порядку и первый по значенію и мѣсту въ государственномъ строѣ разрядъ населенія — это совѣтники и помощники царя; изъ нихъ выбираются управляющіе государствомъ должностныя лица и судьи.

Должностныя лица трехъ родовъ. — *агорономы*, *астиномы* и *военные*. Пространство вѣдомства ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Агорономы — измѣряли землю, какъ въ Египтѣ, смотрѣли за рѣками, наблюдали за *открытыми канавами*, изъ которыхъ вода распредѣляется *по проводнымъ трубамъ*, и за полученіемъ всѣми жителями участка равномѣрнаго количества воды; — вѣдали охотниковъ, которыхъ они же награждали по заслугамъ или наказывали за проступки; — собирали подати, — слѣдили за способами земледѣлія, равно какъ за дровосѣками, плотниками, слесарями и рудокопами; они же прокладывали дороги и ставили столбы черезъ каж-

дыя десять стадій=875 саженъ, для обозначенія отклоненій въ сторону и разстояній.

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что наша верста имѣла въ древности, какъ поприще, около тысячи саженъ. Если принять въ разсчетъ неодинаковость сажени въ разныхъ мѣстахъ Руси, вызвавшую установленіе длины этой единицы правительствомъ, и имѣть въ виду «поприще» предшествовавшее верстѣ, какъ мѣру разстоянія, и составныя его части «стрѣльбища» живущія до сихъ поръ въ ильменскихъ побережьяхъ,—окажется, что десять стадій индійскихъ соотвѣтствуютъ нашему поприщу и древней верстѣ, а одна стадія—стрѣльбищу. (Ариѳметика Магницкаго. ср. Карамзина: II ч. примѣч. 4, 11;—III ч. примѣч. 367 и V ч. прим. 35 и 78).

Астиномы составляли отряды по пяти человѣкъ; одни наблюдали за порядкомъ при производствѣ ремеселъ, другіе завѣдывали пріемомъ иностранцевъ;—далѣе—они же: строили заѣзжіе дворы, слѣдили за образомъ жизни прибывающихъ и селившихся тутъ; чрезъ особыхъ проводниковъ,—сопровождали выѣзжающихъ изъ страны, какъ ихъ самихъ, такъ и имущество, ухаживали за больными и хоронили умершихъ;—собирали справки объ обстоятельствахъ, при которыхъ слѣдовала смерть гражданина или рожденіе младенца, какъ для податей, такъ и для того, чтобы не оставались неизвѣстными дни рожденія и смерти людей,—наилучшихъ и наихудшихъ;—завѣдывали мелочной торговлей и обмѣномъ товаровъ, мѣрами и доброкачественностью продаваемаго, равно мѣною сообразно съ правами каждаго, ибо одно лицо не могло вести мѣну различныхъ предметовъ, за исключеніемъ случаевъ, когда оно платило двойныя подати;—вѣдали произведенія ремеселъ и выпускъ ихъ въ продажу,—новыхъ отдѣльно отъ старыхъ; смѣшеніе ремесленныхъ, какъ и естественныхъ произведеній, наказывалось;—наконецъ астиномы собирали *десятину* съ продаваемыхъ предметовъ; торговцы, скрывшіе эту и всякую другую подать наказывались смертію. Перечисленныя обязанности астиномовъ принадлежали соотвѣтствовавшему разряду ихъ въ отдѣльности; всѣ же въ совокупности эти должностныя лица смотрѣли за частными и общественными дѣлами, за постройкою общественныхъ зданій, за цѣнами товаровъ, за рынкомъ, водяными пристанями и храмами.

Военныя должностныя лица составляли шесть разрядовъ, также по пяти человѣкъ въ каждомъ. Первый былъ подчиненъ начальнику морскихъ силъ;—второй—лицу, завѣдывавшему рогатымъ скотомъ, посредствомъ котораго доставлялись предметы вооруженія, питаніе для людей, кормъ для рабочаго скота и все необходимое въ военномъ походѣ; чины второго же военнаго разряда доставляли слугъ, барабанщиковъ (тимпанщиковъ), звонарей, конюшихъ, выдѣлывателей оружія и ихъ помощниковъ,—высылали по особому звону *колоколовъ* собирателей корма, обезпечивая быстроту и вѣрность доставки наградами и наказаніями;—третій—имѣлъ попеченіе о пѣхотѣ; четвертый—о лошадяхъ;—пятый—о колесницахъ;—и шестой—о слонахъ. Для лошадей и слоновъ устраивались царскія стойла;—для вооруженія—особый складъ, тоже—царскій; по окончаніи похода каждый воинъ сдавалъ свое вооруженіе въ этотъ складъ, а лошадь и слона—въ главную конюшню.

Слоны вообще не взнуздывались; колесницы возились быками; лошадей водили на недоуздкахъ, для того, чтобы у нихъ не пухли ноги, и чтобы въ запряжкѣ не упала ихъ бодрость;—на каждой колесницѣ находились—возничій и два бойца, а на слонѣ—возница и три стрѣлка (стр. 723 и 724).

Индійскіе мудрецы.

Мудрецы Индіи раздѣляются на два вида: одни—обитатели горъ,—другіе—городовъ, вообще равнинъ и населенныхъ мѣстъ. Различные писатели сообщаютъ не одинаковыя сбъ обоихъ видахъ свѣдѣнія. Горныхъ признаютъ почитателями божества радости, подобнаго Діонису, а равниняне поклоняются Гераклу (стр. 728). Мегасѳенъ же устанавливаетъ другія наименованія обоихъ видовъ: первыхъ, или вообще однихъ, онъ называетъ *брахманами*, вторыхъ, или другихъ—*гарманами*.

Брахманы пользуются большимъ почетомъ. Едва зародившись они, еще въ утробѣ матери, получаютъ уже попечителей въ лицѣ ученыхъ мужей, которые входятъ въ домъ и ниспосылаютъ, повидимому, посредствомъ заговоровъ, благополучіе и матери и зародышу; на самомъ же дѣлѣ даютъ беременной благоразумные и ободряющіе совѣты; чѣмъ охотнѣе выслушиваютъ матери подобные совѣты, тѣмъ счастливѣе будутъ дѣти. Послѣ рожденія дитяти опекуны его постоянно мѣняются: по мѣрѣ роста ребенокъ получаетъ болѣе и болѣе образованныхъ наставниковъ.

Мудрецы—брахманы живутъ въ рощѣ передъ городомъ; за ними соотвѣтствующее пустое пространство, отдѣляющее рощу отъ города; образъ жизни они ведутъ самый простой: спятъ на соломѣ и звѣриныхъ шкурахъ; въ пищѣ воздерживаются отъ всего жизнеспособнаго; половыхъ сообщеній избѣгаютъ; слушаютъ строгія бесѣды, допуская на нихъ и постороннихъ лицъ;—слушателю запрещается говорить, кашлять и даже плевать; кто допуститъ нарушеніе этого запрещенія,—исключается, какъ неблаговоспитанный, изъ общества на цѣлый день.

Лицо, прожившее въ такомъ строгомъ воздержаніи тридцать семь лѣтъ, возвращается въ свою осѣдлость (помѣстье—въ переводѣ), гдѣ ему спокойнѣе и свободнѣе; одѣвается въ бумажное платье, носитъ въ ушахъ и на рукахъ золотыя вещи въ умѣренномъ количествѣ,—употребляетъ въ пищу мясо животныхъ, безполезныхъ для работъ, но воздерживается отъ пряностей и сластей.

Брахманы заботятся, чтобы имѣть какъ можно болѣе женъ,—для многочисленности потомства, разсуждая, что изъ большаго числа дѣтей получится и больше хорошихъ; къ тому же въ Индіи нѣтъ рабства; помощь со стороны дѣтей, какъ наиболѣе родственная, болѣе значительна, чѣмъ постороннихъ.

Женъ своихъ брахманы не учатъ, чтобы дурныя изъ нихъ не распространяли, среди непосвященныхъ, тайны ихъ ученія,—а хорошія—не покидали своихъ мужей. Дѣйствительно,—замѣчаетъ по этому поводу Страбонъ,—кто

презираетъ удовольствіе и страданіе, равно какъ жизнь и смерть, тотъ не захочетъ подчиняться другому; таковы лучшіе мужья и жены.

Большая часть бесѣдъ мудрецовъ касается смерти; они полагаютъ, что земная жизнь есть только довершеніе зачатія, а смерть—для мудрецовъ—нарожденіе въ будущую блаженную жизнь; вотъ почему они продолжительнымъ упражненіемъ приготовляются умирать охотно.

Въ томъ, что случается въ жизни съ людьми, нѣтъ ничего, по понятіямъ мудрецовъ, ни дурнаго, ни хорошаго, потому что въ противномъ случаѣ было бы невозможно, чтобы по одинаковому поводу одни люди печалились, а другіе радовались.

Относительно предметовъ природы брахманы оказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ легковѣрными (наивными),—и вообще они лучше въ дѣлахъ, чѣмъ въ рѣчахъ; для доказательствъ въ сужденіяхъ своихъ пользуются большею частію баснями (иносказаніями).

Во многомъ ученіе брахмановъ согласно съ эллинскимъ, такъ:—они считаютъ міръ народившимся и подлежащимъ уничтоженію; утверждаютъ также, что онъ шарообразенъ,—что божество, создавшее и устроившее его, проникаетъ всю вселенную; первоначальныя вещества всѣхъ шаровыхъ тѣлъ различны,—а началомъ образованія земли послужила вода; кромѣ четырехъ основныхъ веществъ (стихій) они признаютъ еще пятое, изъ котораго вышли небо и звѣзды; земля помѣщается въ срединѣ вселенной. О сѣмени, зарождающемъ человѣка, о его душѣ и разныхъ другихъ предметахъ мудрецы разсказываютъ подобное (?) и многое другое, вставляя басни же: такъ поступаетъ и Платонъ—въ вопросахъ о безсмертіи души, о судѣ въ аду и о многомъ другомъ (стр. 728 и 729).

Гарманы. Изъ гармановъ наиболѣе почетные—это обитатели лѣсовъ, *гилобіи*. Они питаются листьями и дикими плодами; одежду имѣютъ изъ древесной коры; обходятся безъ вина и безъ женщинъ; съ царями, вопрошающими ихъ о причинахъ событій, сносятся чрезъ вѣстниковъ; по указаніямъ гилобіевъ цари чтутъ называемыхъ ими боговъ и молятся имъ.

Второе мѣсто послѣ гилобіевъ имѣютъ врачи и мудрецы, занимающіеся *наукою о человѣкѣ*. Они живутъ просто, но не въ лѣсахъ; питаются рисомъ и ячменной мукой, каковую доставляетъ имъ, по просьбѣ, всякій;—вездѣ принимаются дружески. Врачи могутъ, посредствомъ извѣстныхъ имъ снадобьевъ, дѣлать женщинъ плодовитыми, а также производить дитя желаемаго пола; болѣзни излечиваются главнымъ образомъ пищею, т. е. внутреннимъ, а не наружнымъ лекарствомъ; послѣднее—это мази и пластыри.

И гилобіи и врачи воспитываютъ въ себѣ постоянство въ страданіяхъ и терпѣніи, оставаясь цѣлый день въ избранномъ какомъ-либо положеніи неподвижно.

Нѣкоторые изъ гармановъ—прорицатели и ворожеи; они знаютъ рѣчи и обряды, касающіеся покойниковъ, и странствуютъ по городамъ и деревнямъ. Иные, хотя ученѣе и вообще образованнѣе прорицателей, не отвергаютъ однако же баснословныхъ сказаній о преисподней, насколько они содѣйствуютъ благочестію и святости.

При нѣкоторыхъ гарманахъ *учатся мудрости и женщины*, воздерживающіеся при этомъ отъ половыхъ сообщеній (стр 729 и 730).

Аристобулъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ двухъ *таксильскихъ мудрецовъ* (о городѣ Таксилѣ сказано выше); оба были брахманы; старшій остриженъ, а младшій съ длинными волосами; за обоими слѣдовали ученики; большую часть дня всѣ проводили на торговой площади и какъ дававшіе всѣмъ, кому нужно, совѣты, имѣли право брать себѣ безвозмездно товары, какіе-бы ни пожелали. Всякій, къ кому подходили мудрецы, обливалъ ихъ сезамовымъ масломъ съ такимъ обиліемъ, что оно текло по глазамъ. (Сезамъ—городъ въ Индіи).

Таксинскіе мудрецы пришли разъ къ обѣденному столу Александра Великаго и ѣли не сидя, какъ всѣ, а стоя; затѣмъ удалились на небольшое разстояніе и доказывали свое терпѣніе, чтобы научить таковому окружавшихъ ихъ македонянъ; старшій опрокинулся навзничь и выдержавши солнечные лучи и дождевыя капли не измѣнялъ своего положенія, а молодой стоялъ цѣлый день на одной ногѣ и держалъ обѣими руками надъ головою бревно въ три локтя; когда одна нога уставала, онъ становился на другую; младшій оказался гораздо выносливѣе; слѣдуя нѣкоторое время за царемъ (Македонскимъ), онъ вдругъ повернулъ домой и велѣлъ сказать Александру черезъ находившагося при немъ посланца, чтобы онъ самъ пришелъ къ нему, если пожелаетъ узнать что-нибудь;—старшій-же покинулъ родину и, находясь при царѣ, перемѣнилъ обыкновенное свое платье (на обще-македонское?) и самый образъ жизни; на упреки по этому поводу нѣкоторыхъ лицъ, отвѣчалъ,—что онъ прожилъ обѣщанные сорокъ лѣтъ строгаго воздержанія; Александръ дѣлалъ дѣтямъ этого мудреца подарки (тамъ же).

Онесикритъ пишетъ, что онъ былъ посланъ Александромъ для бесѣдъ съ индійскими мудрецами, такъ какъ царь слышалъ, что эти люди ходятъ нагими, упражняются въ терпѣніи и пользуются величайшимъ почтеніемъ,— а главное, что они не ходятъ ни къ кому по приглашенію, но велятъ являться къ нимъ всякому, желающему принять участіе въ ихъ рѣчахъ, или дѣлахъ; между тѣмъ Александръ считалъ неприличнымъ для себя ходить къ этимъ мудрецамъ и не желалъ вынуждать ихъ силою поступать въ чемъ-нибудь противъ отеческихъ обычаевъ.

Въ двадцати стадіяхъ отъ города Онесикритъ нашелъ пятнадцать мужчинъ неподвижно остававшихся до самаго вечера, каждаго въ особомъ положеніи; на ночь всѣ уходили въ городъ; самое трудное испытаніе состояло въ томъ, чтобы выдержать лучи солнца, палящаго въ этой мѣстности такъ сильно, что всякій обыкновенный человѣкъ не легко вынесъ бы одно лишь прикосновеніе голыми ногами къ землѣ въ полдень.

Онесикритъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ однимъ изъ мудрецовъ—*Калан омъ*, сопровождавшимъ Александра Великаго до Персиды; засталъ онъ Калана лежавшимъ на камняхъ и объявилъ, что будучи посланъ царемъ, чтобы узнать его мудрость и передать слова мудреца Александру, онъ, какъ посланецъ царя, готовъ послушать Калана, если къ тому нѣтъ какихъ-либо препятствій. Брахманъ, увидѣвъ посланца въ плащѣ, съ

шляпою на головѣ и въ сапогахъ, разсмѣялся и сказалъ: — въ древности все было полно ячменной муки и пшеничной, а теперь одна только пыль;— одни источники текли водой, другіе молокомъ; иные медомъ, иные виномъ, а иные масломъ; вслѣдствіе излишка и роскоши люди сдѣлались надменными; изъ ненависти къ такому состоянію человѣчества божество (Зевсъ) истребило все и обрекло его на трудъ;—съ появленіемъ въ свѣтъ умѣренности и другихъ добродѣтелей снова образовался излишекъ благъ, и теперь близко уже время пресыщенія и гордости и всему живущему грозитъ погибель.—Сказавъ это брахманъ велѣлъ желающему слушать его раздѣться и лечь нагимъ на тѣхъ же камняхъ, гдѣ и самъ онъ. Онесикритъ отказался исполнить это требованіе; старѣйшій же брахманъ *Манданій* пожурилъ Калона за то, что обвиняя другихъ въ гордости, самъ онъ оказывался гордымъ; затѣмъ подозвалъ къ себѣ посланца и сказалъ:—Я очень уважаю твоего царя за то, что будучи занятъ управленіемъ столь великимъ царствомъ, онъ стремится къ мудрости; это единственный человѣкъ, въ которомъ я вижу любовь къ мудрости при военныхъ занятіяхъ; нѣтъ ничего полезнѣе, какъ если бы мудрецами были лица, располагающія властью вести къ добродѣтели желающихъ—увѣщаніемъ, а не желающихъ—принужденіемъ; да простятъ мнѣ, что—бесѣдуя съ помощью трехъ переводчиковъ, которые, кромѣ языка, понимаютъ ничуть не больше, чѣмъ толпа,—не могу доказать пользы моихъ ученій; это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь желалъ провести воду черезъ грязь (стр. 731 и 732).

То, что излагалъ Манданій, сводилось, по словамъ Онесикрита, къ слѣдующему: наиболѣе совершенное ученіе то, которое уничтожаетъ радость и скорбь въ душѣ;— скорбь отлична отъ страданій тѣмъ, что она непріятна брахманамъ; а страданіе составляетъ ихъ наслажденіе; они упражняютъ тѣла свои для страданій, чтобы крѣпли душевныя силы, посредствомъ которыхъ они прекращаютъ ссоры и являются благодѣтельными совѣтниками какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлыхъ обществъ. И теперь,—продолжалъ Мандалій,—брахманы посовѣтовали Таксилу (одному изъ индійскихъ державцевъ) принять Александра, говоря ему, что если онъ приметъ человѣка, лучшаго себя, извлечетъ изъ этого пользу для самого себя, а если худшаго,—принесетъ пользу принятому. Затѣмъ Манданій спросилъ: существуютъ-ли подобныя ученія у эллиновъ. Такъ какъ Онесикритъ отвѣчалъ, что нетолько Пиѳагоръ учитъ этому же и велитъ воздерживаться отъ всего живаго, но и Сократъ, и Діогенъ, слушателемъ котораго онъ самъ состоитъ,—то Манданій возразилъ: я охотно вѣрю, что они во всемъ остальномъ разсуждали вѣрно, но ошибались въ томъ, что законъ противополагали природѣ; въ противномъ случаѣ они не стыдились бы ходить голыми, какъ я, и жить бѣдно, потому что тотъ домъ наилучшій, который наименьше нуждается въ утвари (тамъ же).

Онесикритъ разсказывалъ также, что брахманы много занимаются изслѣдованіями природы предзнаменованіями, изученіемъ и наблюденіемъ дождей, засухъ, болѣзней;—уходя въ городъ, они расходятся по площадямъ; у всякаго встрѣчнаго берутъ безвозмездно фиги, виноградъ и проч.; а если

встрѣчники имѣютъ при себѣ масло, эти брахманы обливаются и намазываются имъ; каждый домъ, хотя бы и самый богатый, открытъ для нихъ до женскаго даже отдѣленія;—вошедши въ дома они принимаютъ участіе въ пищѣ и разговорахъ; болѣзнь тѣла считаютъ величайшимъ позоромъ; замѣтивъ таковую въ себѣ, брахманъ прибѣгаетъ къ самосожиганію: воздвигаетъ костеръ, намазывается масломъ и сѣвъ на костеръ велитъ поджечь и сгораетъ недвигаясь съ мѣста. (Тамъ же).

Неархъ сказываетъ о мудрецахъ Индіи слѣдующее:—брахманы завѣдуютъ государственными дѣлами и сопровождаютъ царя въ качествѣ его совѣтниковъ; другіе же мудрецы, къ числу которыхъ принадлежитъ и Каланъ,—изучаютъ природу; вмѣстѣ съ ними тоже изучаютъ и женщины; всѣ они вообще, мужчины и женщины, ведутъ суровый образъ жизни (тамъ же).

Артемидоръ сообщаетъ, что онъ видѣлъ индійскихъ пословъ, шедшихъ къ кесарю Августу. Въ посланіи, которое они несли, записаны многія имена,—въ живыхъ же осталось трое, съ которыми онъ повстрѣчался, а прочіе умерли отъ изнуренія, большею частію, долгимъ путешествіемъ. Посланіе, писанное по гречески на пергаментѣ, гласило, что писалъ его Поръ,—хотя *владычествующій надъ шестью стами* царей, однако высоко цѣнящій дружбу съ кесаремъ; по этому онъ готовъ дать ему, кесарю, пропускъ, куда тотъ пожелаетъ, и содѣйствовать ему во всѣхъ благородныхъ предпріятіяхъ.—Таково было, говоритъ Николай Дамаскинъ, содержаніе письма.—Восемь обнаженныхъ слугъ, въ передникахъ, умашенные благовоніемъ, несли дары кесарю; въ числѣ даровъ былъ лишенный отъ рожденія рукъ до самыхъ плечъ, нѣкто Герма, котораго видѣли и мы (Неархъ?); потомъ большія ехидны, змѣя въ десять локтей, рѣчная черепаха въ три локтя и куропатки— больше коршуна. Вмѣстѣ съ посланцами былъ и тотъ мудрецъ, который впослѣдствіи сжегъ себя въ Аѳинахъ. Одни изъ индійцевъ умерщвляютъ себя въ несчастіи, стремясь къ освобожденію отъ бѣдъ, а другіе, напротивъ, въ счастьи, какъ и этотъ послѣдній; ему все удавалось, чего-бы онъ ни желалъ въ жизни,—но чтобы не случилось какой-либо неожиданности, соотвѣтствующей несчастію, если остаться жить долѣе,—слѣдовало, по его понятію, покончить съ жизнью; вотъ почему со смѣхомъ вспрыгнулъ онъ на костеръ, обнаженный, въ одномъ только передникѣ, и намазанный масломъ. На гробницѣ было написано: Здѣсь лежитъ *индіецъ Зарманохега изъ Баргосы*, умертвившій себя по древнему индійскому обычаю (стр. 736).

Усматривая въ сказаніяхъ объ Индіи вообще разногласіе повѣствователей, Страбонъ останавливается на разсказѣ о мудрецѣ Каланѣ, такъ:—что этотъ мудрецъ находился при Александрѣ и умеръ добровольно на кострѣ,—согласны всѣ писатели; но о причинахъ смерти и способахъ ея сообщается неодинаково; одни разсказываютъ, что Каланъ слѣдовалъ за Александромъ за предѣлы Индіи въ качествѣ восхвалителя его подвиговъ и въ противорѣчіе индійскихъ мудрецовъ вообще, потому что они находились при царѣ для руководства всѣмъ, относившимся къ почитанію боговъ, какъ маги при

царяхъ персидскихъ; заболѣвъ въ Посаргадахъ,—это была у него всего первая болѣзнь отъ рожденія,—Каланъ лишилъ себя жизни на семьдесятъ третьемъ году, вопреки просьбамъ царя;—когда костеръ былъ воздвигнутъ и на него поставлено золотое ложе, мудрецъ легъ и завернувшись въ плащъ, сгорѣлъ;—по свидѣтельству другихъ—былъ сооруженъ и наполненъ листьями деревянный домъ, а на крышѣ его устроенъ костеръ; по окончаніи торжественнаго шествія Каланъ велѣлъ запереть себя въ этомъ домѣ, а потомъ бросился въ огонь и сгорѣлъ, какъ бревно; Мегасѳенъ утверждаетъ, что у индійскихъ мудрецовъ самоумерщвленіе не входитъ въ ученіе; тѣ же, которые поступаютъ такимъ образомъ, сравниваются съ безумными юношами; суровые изъ нихъ по природѣ—бросаются на мечъ, или въ пропасть, боящіеся страданій—въ морскую пучину, выносливые—вѣшаются, а пылкіе—погибаютъ въ огнѣ; такимъ именно и былъ, говорятъ, Каланъ,—неукротимаго нрава человѣкъ, унизившійся до положенія раба за столомъ Александра; его за это порицали; превозносили же, будто-бы, Манданія,—за то, что, когда послы царя звали его къ сыну Зевса и обѣщали за повиновеніе его волѣ подарки, а въ противномъ случаѣ—наказаніе,—онъ отвѣчалъ: Александръ не сынъ Зевса, не владѣющаго даже малѣйшею частью земли, и мудрецъ не нуждается въ подаркахъ ненасытнаго а еще меньше боится угрозы его, ибо при жизни находитъ достаточное пропитаніе въ Индіи,—а при смерти освобождается отъ истрепаннаго старостію тѣла и переходитъ въ лучшую, чистѣйшую жизнь; Александръ одобрилъ отвѣтъ и простилъ Калана (733 и 734).

Извѣстія о другихъ народахъ Азіи, современныхъ Страбоновымъ скиѳамъ, выпишемъ кратко, не касаясь ни странъ, ими занятыхъ, ни пережитыхъ событій; то и другое отчасти уже сказано въ выпискахъ изъ Геродота и Страбона же, и излагается въ учебникахъ; мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ бытовыхъ особенностяхъ, могущихъ указать на взаимно-родственную связь народовъ древняго міра, состоявшихъ въ большемъ или меньшемъ общеніи между собою и съ сосѣдними, о которыхъ приведены извѣстія Геродота и Страбона.

Аріане. Ближайшіе сосѣди индійцевъ, Александровыхъ спутниковъ, жившіе на западъ отъ рѣки Инда, извѣстны подъ общимъ именемъ аріанъ, полученнымъ отъ названія страны „Аріана"; они состоятъ изъ народцевъ, по всей вѣроятности одноплеменныхъ и родственныхъ арабамъ и индійцамъ, но различаемыхъ—либо по урочищамъ, либо по образу жизни, таковы: *арбіи* поселившіеся по рѣкѣ Арбею,—*орейты*—побережане Индійскаго моря;—*ихѳіофаги*—извѣстные Геродоту какъ сосѣди эѳіоповъ:—*карманіи*, пограничные съ Персіею,—*парѳіаи*—ближайшіе къ ней въ полночномъ направленіи:—*арахоты*,—*паропамисады*,—*дранги*—и другіе.

О бытовыхъ особенностяхъ насельниковъ Аріаны извѣстія скудны: отмѣчены нѣкоторыя у ихѳіофаговъ, орейтовъ и карманіевъ.

Ихѳіофагія область, занимающая низменное побережье моря, почти лишенная лѣса, прѣсной воды и возможности разводить огородныя растенія,—наше „слѣтье“; это вынудило и населеніе и прирученный рогатый скотъ питаться рыбой,—что и послужило поводомъ названія жителей ея *рыбоѣдами*,—и употреблять для питья дождевую и колодезную воду.

Въ великомъ морѣ, побережье котораго заселено ихѳіофагами, держится множество кашелотовъ, этихъ китовъ—великановъ: длину ихъ Страбонъ опредѣляетъ, со словъ Неарха, начальника морскихъ силъ Александра Великаго,—въ двадцать три сажени; кости ихъ море выбрасываетъ на побережье, доставляя жителямъ вещество для построекъ и для хозяйственныхъ подѣлокъ; рыболовы дѣлаютъ свои хижины изъ китовыхъ костей и морскихъ раковинъ, употребляя ребра для балокъ и подпоръ, а челюсти для дверей: изъ спинныхъ позвонковъ дѣлаются ступки, въ которыхъ толкутъ сжаренную на солнцѣ рыбу; прибавивъ въ ступку немного ржаной муки, приготовляютъ изъ этой смѣси хлѣбъ.

Для съѣдобныхъ зеренъ рыбоѣды употребляютъ мельницы; истершіеся жерновые камни куютъ (дѣлаютъ шероховатыми?) тѣми же камнями, которыми обработываютъ наконечники для стрѣлъ и обожженныя метательныя копья; желѣза вовсе не имѣютъ; рыбу жарятъ и въ печкѣ, но больше ѣдятъ сырую; ловятъ же ее сѣтями изъ пальмовой лозы. (Кн. XV, гл. I, стр. 737, 741 и 742).

Орейты приготовляли деревянныя стрѣлы съ обожженными наконечниками и пропитывали ядомъ. Македоняне умирали отъ пораненія такими стрѣлами; получилъ рану и Птоломей; но Александру, сильно скорбѣвшему объ этомъ предводителѣ, во снѣ явился какой-то человѣкъ, назвавшій и описавшій корень мѣстнаго растенія, который нужно растереть и приложить къ ранѣ, чтобы получить исцѣленіе; проснувшись онъ исполнилъ сказанное ему—и Птоломей выздоровѣлъ. Страбонъ не вѣритъ сну, присочиненному спутниками Александра; узнавъ противоядіе, войско македонское не боялось отравленныхъ стрѣлъ и прошло область орейтовъ побѣдоносно. (Тамъ же, стр. 739).

Карманіи признаютъ одного только бога—*Арія*; ему одному приносятъ жертву; лошадей у нихъ мало, потому и дома и на войнѣ пользуются ослами,—ихъ же употребляютъ и въ жертву божеству. Никто изъ тамошнихъ жителей не женится до тѣхъ поръ пока не принесетъ царю свѣжеотрубленной головы врага; царь кладетъ черепъ въ своемъ дворцѣ, а затѣмъ рѣжетъ на мелкія куски, смѣшиваетъ съ мукою и, попробовавъ самъ эту смѣсь, даетъ ее ѣсть принесшему голову и его родственникамъ; знаменитѣйшимъ изъ подданныхъ считается тотъ, кто принесъ больше головъ. По словамъ Неарха, нравы карманіевъ и языкъ—большею частію персидскіе и медійскіе. (Тамъ же, стр. 743).

Бабилоняне. Подъ этимъ общимъ именемъ у Страбона значатся многія народы, входившіе въ составъ персидскаго государства до разгрома его македонянами съ Александромъ Великимъ во главѣ. Изъ бабилонянъ онъ выдѣляетъ *ассиріянъ, медійцевъ, персовъ, елимаевъ, паратайкеновъ, уксіевъ*,

коссаевъ, *саккоподовъ* и нѣкоторыхъ другихъ. Эти имена даются народцамъ большею частью по особымъ урочищамъ, находящимся въ земляхъ ихъ, чаще по городамъ, горамъ и укрѣпленіямъ; таково, кажется, происхожденіе всѣхъ именъ народцевъ какъ самыхъ древнихъ временъ, такъ и болѣе позднихъ. (Кн. XV, гл. III, стр. 743—752 и XVI кн., гл. I. стр. 753—755).

Нѣкоторыя бытовыя особенности бабилонянъ присущи большинству перечисленныхъ народцевъ и состоятъ въ слѣдующемъ.

Во главѣ каждаго племени стоятъ три разсудительныхъ человѣка; они входятъ въ толпу годныхъ къ вступленію въ бракъ дѣвушекъ, извѣщая черезъ особыхъ глашаевъ о женихахъ; прежде другихъ поименовываются наиболѣе достойныя дѣвицы,—такимъ способомъ заключаются браки (стр. 761). Описанные Геродотомъ обычаи этого народа, особенно женщинъ, приводятся въ томъ же видѣ и Страбономъ; повторять ихъ не будемъ.

У бабилонянъ существуетъ три правительственныхъ учрежденія: одно состоитъ изъ лицъ, окончившихъ уже обязательную для всѣхъ военную службу, другое—изъ знатнѣйшихъ мужей, третье—изъ старцевъ; царь есть высшее надъ всѣми тремя учрежденіе. На обязанности первыхъ лежало выдавать замужъ дѣвушекъ и разрѣшать жалобы на нарушеніе брачнаго союза; вѣдѣнію знатнѣйшихъ мужей подсудны были дѣла о воровствѣ,—и старцевъ—о насиліяхъ.

Умершихъ оплакивали какъ египтяне и многіе другіе народы; трупы покойниковъ покрывались воскомъ и, какъ уже выше объяснено, хоронились въ меду. Въ Бабилоніи, какъ и въ Аріанѣ, обитатели болотъ кормились, за недостаткомъ хлѣба, только рыбою; эти рыбоѣды похожи по образу жизни на населеніе Гедрозіи (стр. 762).

Изъ перечисленныхъ народцевъ Страбонъ отмѣчаетъ хищническія наклонности *элимаевъ* и *паратайкеновъ*, враждующихъ между собою и нападающихъ на сосѣдей, *уксіевъ*— безпокоящихъ жителей города Сузы (стр. 748) и *коссаевъ*; эти послѣдніе—отличные стрѣлки; населяя небольшую тощую страну, они должны поневолѣ жить чужимъ добромъ, потому и разбойничаютъ: горы и ущелья представляютъ для этихъ хищниковъ хорошее убѣжище отъ преслѣдователей и мстителей (стр. 760).—О бытовыхъ особенностяхъ персовъ, ассиріянъ и медянъ мы уже привели выписки въ разныхъ мѣстахъ.

О народахъ и народцахъ Малой Азіи Страбонъ повторяетъ извѣстія Геродота, и то попутно, сообщая свѣдѣнія о завоеваніяхъ Александра Великаго.

и в) Европейскіе.

Въ выпискахъ о скиѳахъ перечислены народы Европы, бывшіе современниками ихъ и, часто, сосѣдями, въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ народамъ приходилось убѣгать отъ наступательнаго движенія римскихъ ополченій, направлявшихъ свое побѣдоносное шествіе на западъ и на востокъ отъ Адріатическаго моря такимъ же грознымъ потокомъ, какимъ бѣжали нѣкогда

потоки скиѳскій, персидскій и македонскій. Страбонъ отдаетъ въ своемъ землеописаніи наибольшую долю вниманія войнамъ „божественнаго кесаря“ на западѣ Европы, а о бытовыхъ особенностяхъ покоряемыхъ имъ народовъ упоминаетъ какъ бы не-хотя, вскользь. Поэтому у него не много, сверхъ Геродотовыхъ, указано въ занимающемъ насъ направленіи,—такъ что выписки объ особо выдающихся современникахъ Страбоновыхъ скиѳовъ въ Европѣ займутъ немного мѣста.

Кромѣ же названныхъ народовъ и народцевъ здѣсь мы выпишемъ извѣстія объ *италійцахъ*, насельникахъ *Сициліи*, *Сардиніи* и *Корсики*, объ *иберійцахъ* пиринейскихъ и *боспоранахъ*.

Италійцы. Насельниковъ Италіи Страбонъ не называетъ италійцами; они у него значатся подъ различными именами, по мѣстностямъ, въ которыхъ сидѣли. До основанія Рима извѣстія о насельникахъ Аппенинскаго полуострова, начиная съ Гомера, краткословны и неустойчивы; изъ бытовыхъ особенностей ихъ—одна присуща всѣмъ:—дикость, свирѣпость и разбойничій образъ жизни. О нѣкоторыхъ мы упоминали, говоря о венетахъ, иллирійцахъ, бояхъ, умбрахъ омбринахъ и проч.

Со временъ, ближайшихъ къ основанію Рима, извѣстія, хотя и баснословныя, но все-таки проясняющіяся и въ самомъ баснословіи, не лишены нѣкотораго для насъ значенія; на нихъ мы и остановимся. (Кн. V, гл. II, стр. 212 - 230).

Народцы Италіи жили въ небольшихъ поселкахъ и управлялись державцами, предводителями разбойничьихъ шаекъ. Въ одномъ изъ такихъ поселковъ, основанномъ аркадскими выходцами,—а Аркадія это древнѣйшая область пелазговъ, державцемъ былъ самъ основатель его, *пелазгіецъ Евандръ*. Когда Гераклъ гналъ быковъ Геріона (см. выше; сказаніе о родоначаліи скиѳовъ),—этотъ Евандръ принялъ его очень любезно, такъ какъ его мать, *Никострата*, обладавшая даромъ предсказанія, объявила сыну, что Гераклу суждено сдѣлаться, по совершеніи многихъ подвиговъ, богомъ. Евандръ открылъ о пророчествѣ матери Гераклу. Поселокъ пелазгійцевъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ возникъ Римъ.—По отшествіи Геракла, Евандръ посвятилъ ему участокъ земли въ своемъ поселкѣ и установилъ жертвоприношеніе. Мать Евандра впослѣдствіи переименовали въ *Карментію* и почитали, по словамъ писателя *Койлія*, также богинею (кн. V, гл. III, стр. 234).

По другимъ сказаніямъ царь Эней, долго блуждавшій послѣ разрушенія Трои, съ отцомъ своимъ *Анхасомъ* и сыномъ *Асханіемъ*, высадился на берегу моря недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тибра и основалъ, въ двадцати четырехъ стадіяхъ отъ берега, городокъ, названный впослѣдствіи Римомъ. Мѣстность около городка занимали народцы: *эквы, вольски, гарники*, древнѣйшіе тутошніе насельники,—называемые Страбономъ *аборигенами*, *рутулы*—ближайшіе сосѣди городка, и другіе; всѣ они жили общинами; рутулы владѣли древнею *Ардеею*. Нѣкоторые народцы занимали по одному только поселку, составлявшему всю ихъ общину,—другіе же имѣли по нѣсколько поселковъ, занимаемыхъ однимъ племенемъ. Какъ только Эней осно-

валъ свое становище у Лаврента, близь Остіи, къ нему сряду же явился державецъ мѣстнаго племени аборигеновъ, *Латинъ* и сряду же заключилъ съ пришельцами союзъ, для борьбы съ сосѣдними рутулами—ардейцами: одолѣвъ ихъ Латинъ основалъ рядомъ съ становищемъ Энея свое, назвавъ его по имени дочери „*Лавиніею*". Рутулы оправились послѣ пораженія и напали на новыя становища; Латинъ былъ убитъ въ схваткѣ съ ними; а Эней одолѣлъ и на этотъ разъ рутуловъ, остался однимъ державцемъ обоихъ становищъ и окрестностей и прозвалъ всѣхъ обитателей ихъ, въ уваженіе къ памяти погибшаго державца аборигеновъ, *латинами*.—По смерти Энея и отца его Асканій, оставшись одинъ державцемъ, основалъ на ближайшей къ становищу горѣ—новый городокъ Альбу, отстоящій отъ становища его на столько же, какъ и древняя Ардея. (Тамъ же, стр. 232).

Основаніе перваго становища на мѣстѣ, гдѣ возникъ Римъ, относится къ 753 году до Р. Х.—Поселки сосѣдніе постоянно враждовали между собою, какъ принадлежавшіе различнымъ племенамъ, и разбойничали, пока не получилъ надъ ними преобладаніе Римъ, мужавшій и крѣпнувшій подъ управленіемъ державцевъ: Нумы Помпилія, Анка Марція, Тарквинія Приска и Сервія Туллія,—уже по уничтоженіи единоличнаго правленія, въ 510 году до Р. Х.,—когда послѣдовало „изгнаніе царей".

Этимъ событіемъ наука оканчиваетъ первый рядъ вѣковъ Рима,—баснословныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ и ничѣмъ не проявившихъ того значенія, которое насельники его получили въ вѣка послѣдующіе, положившіе основу началъ, создавшихъ тяготѣніе къ первоначально-разбойничьему гнѣзду сперва Италіи, и затѣмъ всей Европы и цѣлаго міра. Второй рядъ вѣковъ начинаютъ аграрнымъ закономъ 486 г. до Р Х.,—и оканчиваютъ подчиненіемъ Римомъ Лаціума въ 338 году до Р. Х.,—третій—начинаютъ второю Самнитскою войною, или 326—304 гг. до Р. Х.—и оканчиваютъ присоединеніемъ къ державству Рима всей верхней Италіи, гдѣ мы видѣли венетовъ, иллирійцевъ, дорянъ—около 222 г. до Р. Х., наконецъ послѣдній—начинаютъ второю Пуническою войною—и доводятъ до окончательнаго паденія народныхъ державствъ Греціи и великихъ завоеваній Рима внѣ Италіи. Страбонъ писалъ свою книгу во время полнаго разцвѣта римскаго могущества и былъ если не очевидцемъ, то современникомъ многихъ блистательныхъ успѣховъ міровой державы.

Устройство государственныхъ учрежденій, раздѣленіе жителей, разнообразіе правъ и обязанностей, внутренній строй, нравы и обычаи—все это настолько общеизвѣстно, что мы признаемъ излишнимъ выписывать изъ Страбона соотвѣтственныя мѣста. Ссылки на бытовыя условія римлянъ, если въ нихъ встрѣтится надобность въ изложеніи послѣдняго отдѣла настоящей записки, мы тамъ и приведемъ по Страбоновымъ и другимъ извѣстіямъ. Здѣсь же упомянемъ, что въ прибрежьи Италіи были три островка *Сиренъ*;—на наиболѣе возвышенномъ и обширномъ сохранялись еще въ Страбоново время развалины храма—Сиренъ, а въ Неаполѣ гробница одной изъ нихъ, *Парѳенопы*. (Кн. I, гл. II, стр. 22 и 26).—Всѣ острова безплодны и каменисты; о нихъ упоминается въ Одиссеѣ Гомера (тамъ же).

Сициліяне—грубый и дикій народъ, занимавшійся разбоями и грабежами, какъ и всѣ древніе насельники Италіи, извѣстны подъ разными наименованіями, каковы; *либурны*, *сиканы*, *моргеты* и другіе; нѣкоторые изъ нихъ исконные туземцы, но встрѣчаются и пришельцы: между послѣдними извѣстны иберы (должно быть Пиринейскіе) и еллины—Коринѳскіе. На островѣ среди земель плодородныхъ было много городовъ замѣчательныхъ и основанныхъ въ глубокой древности: *Наксъ*, *Мегара*, *Сиракузы* и *Кротонъ*. Судя по Сиракузамъ—сицилійскіе города были обширны; они состояли изъ отдѣльныхъ поселковъ, обнесенныхъ общею для всѣхъ стѣною; сиракузы состояли изъ пяти городовъ, а стѣна имѣла въ окружности сто восемьдесятъ стадій, то есть около тридцати двухъ верстъ; основаніе этого города приписывается коринѳскому выходцу *Архіи*,—а Кротона нѣкоему *Мискеллу*; города Наксъ и Мегара основаны еще до этихъ двухъ баснословныхъ лицъ. (Кн. VI, гл. II, стр. 274 и 275). Впослѣдствіи большую часть сицилійскихъ земель заняли кархедоняне (карѳагеняне), которымъ приходилось вести упорную борьбу какъ съ дикими туземцами, такъ и съ эллинами; однакожъ Сиракузы выдерживали всѣ натиски пришельцевъ и сохранили свою независимость. Когда же наступили на сициліянъ—римляне, вытѣснившіе кархедонянъ, Сиракузы были взяты послѣ продолжительной осады. (Тамъ же).

Сардиняне. Описавъ наружный видъ острова, Страбонъ упоминаетъ о его желѣзныхъ рудникахъ, уже истощенныхъ; онъ самъ ихъ видѣлъ и объясняетъ, что почва Сардиніи и острова *Айѳаліи*, лежащаго между нею и материкомъ, не пригодна для устройства плавильныхъ печей, такъ что руду доставляютъ оттуда на материкъ, гдѣ и обработываютъ, и что истощенныя копи снова наполняются, спустя нѣкоторое время рудою, подобно родосскимъ каменоломнямъ и индусскимъ солянымъ копямъ. (Кн. V, гл. II, стр. 226). Въ другомъ мѣстѣ говорится о большомъ количествѣ желудей, доставляемомъ на латинскій берегъ изъ Сардиніи. (Кн. Ш, гл. IV, стр. 144) и объ удобной для кораблей стоянкѣ на островѣ Айѳаліи, называемой *Аргой*. Объ этой стоянкѣ есть преданіе, что она получила имя отъ корабля Арго, на которомъ прибылъ туда Язонъ, когда искалъ жилища *Кирки*, которую желала видѣть *Медея*; въ Страбоново время были еще на берегу стоянки пестрые камни, образовавшіеся изъ отвердѣвшихъ капель масла, падавшихъ на землю съ тѣла аргонавтовъ. (Стр. 226, гл. II, V кн.).

Мы привели выписки о желѣзной рудѣ, торговлѣ желудями и отвердѣвшихъ капляхъ масла, чтобы указать на обитаемость Сардиніи съ баснословныхъ временъ, на знакомство жителей ея съ желѣзомъ и на дубовые лѣса, имѣющіе въ наукѣ не маловажное значеніе для опредѣленія времени заселенія человѣкомъ разныхъ странъ Европы.

О современныхъ землеописателю обитателяхъ Сардиніи говорится, что они не приведены еще въ мирное состояніе; живутъ въ многочисленныхъ городахъ: болѣе значительны *караліи* и *сулхи*; но есть тамъ и дикіе насельники, горцы *діагесбы*, прежде называвшіеся *іолаями*. Разсказывали Страбону, что нѣкто *Іолай* прибылъ сюда съ нѣсколькими дѣтьми Геракла и поселился среди владѣвшихъ островомъ варваровъ: это были *тиррены*.

Горцы образуютъ четыре народа:—*параты*, *соссиноты*, *балары* и *акониты*; всѣ они живутъ въ пещерахъ и хотя имѣютъ немного годной для обработки земли, но засѣваютъ ее небрежно и притомъ немногіе,—а прочіе грабятъ поля земледѣльцевъ не только на своемъ островѣ, но переправляются для того же и на материкъ, гдѣ нападаютъ преимущественно на *писатовъ*. Кархедонскія финикіяне овладѣли въ отдаленныя времена и этимъ, подобно Сициліи, островомъ; совмѣстно съ туземцами они боролись противъ нападавшихъ на Сардинію римлянъ, но все-таки римляне овладѣли островомъ. Грабительству горцевъ римскіе военачальники иногда оказываютъ противодѣйствіе, иногда же, и большею частію, отказываются отъ этого, потому что, нѣтъ никакой выгоды содержать постоянную стражу въ мѣстности нездоровой, какова именно часть острова, годная для земледѣлія, особенно въ лѣтнее время; однако же военачальники прибѣгаютъ для обузданія хищниковъ къ военной хитрости: горцы имѣютъ обычай, состоящій въ многодневномъ праздновавіи захвата добычи; въ это время римляне нападаютъ на пирующихъ внезапно и многихъ забираютъ въ плѣнъ.

На Сардиніи водятся бараны, покрытые вмѣсто руна козьею шерстью; называются они *муиконами*; шкуры этихъ животныхъ служатъ тамошнимъ жителямъ панцырями; вооружены они небольшими мечами и легкими щитами (тамъ же, стр. 227).

Корсиканцы. Островъ Корсика называется эллинами „Кирнъ", населенъ онъ плохо, потому что имѣетъ почву неровную, большею частію совершенно недоступную. Жители горъ дики болѣе, чѣмъ звѣри. Римскіе полководцы часто пристаютъ къ острову и нападая на укрѣпленія горныхъ жителей, занимающихся только разбоемъ, захватываютъ много невольниковъ, такъ что въ Римѣ ихъ можно видѣть и удивляться проявленіямъ звѣрства и скотства дикихъ корсиканцевъ; въ неволѣ они или не выживаютъ, или раздражаютъ своихъ владѣльцевъ безчувственностью и тупоуміемъ до того, что тѣ сожалѣютъ о покупкѣ подобныхъ рабовъ, хотя-бы за весьма ничтожную плату.

Однако нѣкоторыя части острова обитаемы и не дикарями; кое-гдѣ есть города, каковы: *Блесинонъ*, *Харакъ*, *Никонія* и *Вапани* (тамъ же).

Когда полководецъ Кира Гарпагъ взялъ Фокею, всѣ жители города, кто только могъ, сѣли въ лодки со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и подъ предводительствомъ *Креонтіады*, прибыли прежде всего къ Кирну и *Массаліи*, но были прогнаны туземцами (кн. VI, гл. I, стр. 255).

Иберійцы. Въ древности, предшествовавшей Страбону иберійцами, назывались всѣ вообще малоизвѣстные народы далекаго запада Европы, а страна ихъ признавалась вершиною земли; тамъ былъ—край свѣта. Насельники нашего Кавказа, вышеназванные иберы, выводятся древними землеописателями и Страбономъ изъ страны иберійцевъ во времена незапамятно далекія (кн. I, гл. III, стр. 60).

Страбонъ описываетъ Иберію подробно, перечисляя прилегающіе къ ней острова и указывая особенно вдающіяся въ Атлантическое и Средиземное моря оконечности; ему извѣстны внутреннія горы, рѣдкія естественныя

произведенія всѣхъ трехъ царствъ природы, народы, населяющіе страну, города и поселенія.

Собирая свѣдѣнія о бытовыхъ, собственно, условіяхъ народовъ древняго міра и преимущественно объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, мы останавливаемся иной разъ и на нѣкоторыхъ особенностяхъ странъ, занимаемыхъ описываемыми древними народами, на сколько таковыя имѣютъ, или могутъ имѣть, отношеніе, хотя бы отдаленное, даже гадательное, къ насельникамъ ильменской страны и земель, составляющихъ нынѣшнюю Россію и ея обитателей.

Придерживаясь такого же порядка и при чтеніи Страбонова описанія Иберіи, скажемъ нѣсколько словъ о бытовыхъ условіяхъ обитателей этой страны.

Занимая обширное пространство, Иберія,—нынѣшняя Испанія и Португалія, обладаетъ разнообразными естественными произведеніями суши, покрытой горами, лѣсами и болотными равнинами у моря, омывающаго берега ея съ задада, полдня и востока. Имя свое она получила отъ рѣки Ибера, пересѣкающей страну съ полночи на полдень, протекающей вдоль Пиренейскаго хребта и впадающей въ море. Изъ другихъ рѣкъ замѣчательны: *Ана* (теперь Гвади-Ана), *Бетій*, *Дуріи* и *Тагъ*. Кромѣ большихъ рѣкъ много горныхъ ручьевъ, выносящихъ на берега золото, особенно въ полуденной части страны.

Изъ оконечностей, выбѣгающихъ въ море, назовемъ *Геракловъ Столбъ* и мысы—*Священный* и *Нерій*. Первый—это Гибралтаръ; Священный—западная, самая дальняя оконечность Атлантическаго берега Иберіи, за Геракловымъ Столбомъ, а Нерій—оконечность полночно-западная того же берега (кн. Ш, гл. I, стр. 136, и гл. Ш, стр. 153).

На береговомъ пространствѣ между этими оконечностями находился, по указаніямъ Ефора, оспариваемымъ, впрочемъ, Артемидоромъ,—на обоихъ ссылается Страбонъ,—храмъ Геракла и алтарь для жертвоприношеній. Второй изъ названныхъ писателей утверждаетъ,—что ни храма, ни алтаря, посвященныхъ не только Гераклу, но и никакому другому богу, тамъ не было,—лежатъ лишь кое-гдѣ камни, по три и по четыре вмѣстѣ; ихъ поворачиваютъ посѣтители въ силу обычая предковъ и, сдѣлавъ возліяніе, перекатываютъ на другое мѣсто;—что жертвы тамъ вовсе не въ обычаѣ; къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ камни, не дозволяется подходить ночью, такъ какъ, по вѣрованію туземцевъ, въ это время сами боги посѣщаютъ гору и камни;—и—что желающіе посмотрѣть на камни, обыкновенно ночуютъ въ ближайшей деревнѣ, а съ разсвѣтомъ поднимаются на гору, запасаясь водою,—потому что тамъ ея нѣтъ (кн. Ш, гл. I, стр. 135). Къ сожалѣнію ни Артемидоръ, ни Страбонъ, не поясняютъ, берутъ-ли посѣщающіе камни воду для „возліянія“ или только для утоленія собственной жажды?

Острововъ Иберійскихъ много; Страбонъ упоминаетъ въ числѣ прочихъ—*Гайдеры*, *Геракловы*, *Геры* и *Ериѳію*. Гайдеры,—теперь Кадиксъ,—и Ериѳія—приходятся тамъ, откуда, какъ значится въ выпискахъ изъ Геродота, Гераклъ гналъ быковъ Геріона и попалъ въ пещеру дѣвушки-змѣи—въ Скиѳіи; Геры—созвучны Геродотовому же скиѳскому народцу—геррамъ,

и названію рѣки, отдѣляющейся отъ его Борисѳенеса и впадающей въ Гипакирисъ (см. выше).

Народовъ и народцевъ, населявшихъ всю Иберію, Страбону извѣстно до семидесяти. Перечисленіе именъ каждаго изъ нихъ представляется излишнимъ для нашего предмета,—мы назовемъ тѣхъ только, которые чѣмъ-либо выдаются въ смыслѣ бытовыхъ своихъ особенностей. Для желающихъ же ознакомиться съ именами народцевъ и съ землями ихъ сошлемся на Указатель Ѳ. Г. Мищенка подъ словомъ „Иберія";—тамъ они перечислены, а затѣмъ подъ каждымъ отмѣчено мѣсто книги, главы и статьи Страбонова землеописанія, гдѣ упоминается о народѣ и землѣ, на которой онъ сидѣлъ.

Мѣстами Иберія богата разными естественными произведеніями настолько, что въ ней находили представителей всѣхъ царствъ природы, встрѣчающихся въ старомъ свѣтѣ, за исключеніемъ огромныхъ толстокожихъ, слона и носорога, и кровожаднѣйшихъ хищниковъ Африки, драгоцѣнныхъ камней и пахучихъ смолъ Аравіи, Индіи и Эѳіопіи; медъ и воскъ—составляли предметъ значительнаго вывоза; виноградная лоза, финиковое дерево, сосна и дубъ пользовались большимъ распространеніемъ, желѣзо, серебро, золото, олово и свинецъ—имѣлись въ значительномъ количествѣ (Иберіи посвящена почти вся третья книга и части второй и четвертой; встрѣчаются свѣдѣнія и въ другихъ книгахъ. Въ выпискахъ, имѣющихъ особенное значеніе, будутъ указываемы страницы).

Изъ всѣхъ народовъ и народцевъ Иберіи бытовыми особенностями отличены слѣдующіе.

Турдестаны. Они жили по рѣкѣ Бетію, давшему свое имя обширной области *Бетикѣ*, называемой также и *Турдестаніей* по народу. Эти турдестаны, иногда именуемые и *турдулами*, считаются у древнихъ самымъ образованнымъ народомъ Иберіи, имѣвшимъ письменное,—на собственномъ языкѣ, съ собственными звуковыми знаками,—изложеніе повѣствованія о своемъ прошломъ, а также былинъ и законовъ, состоявшихъ изъ шести тысячъ стиховъ или статей.

Въ Турдестаніи много рудниковъ—для добыванія золота; при работахъ пользовались египетскими насосами изъ раковинъ.

Карпетаны, оретаны и **веттоны**—занимали область рядомъ съ Бетіей. Говоря о письменности турдестановъ, Страбонъ замѣчаетъ, что и прочіе народы Иберіи владѣютъ письменностью, но съ другими начертаніями звуковыхъ знаковъ („съ другимъ алфавитомъ"), потому что говорятъ на разныхъ языкахъ (кн. Ш, гл. I, стр. 136). Это замѣчаніе можетъ относиться прежде всего къ ближайшимъ сосѣдямъ турдестановъ, которыхъ мы, поэтому, и назвали.

Бетія составляли восточно-полуденную часть Иберіи, доходила до Средиземнаго моря и почти до Гибралтарскаго пролива.

Бастетаны или **бастулы**—жили близъ Гибралтарскаго пролива; въ ихъ землѣ древнѣйшій городъ *Картей*, бывшій когда-то важнѣйшею Иберійскою пристанью; основаніе ему положилъ Гераклъ; въ древности городъ

назывался Гераклеей и былъ окруженъ огромною стѣной; остатки ея и мѣста корабельныхъ стоянокъ можно видѣть—говоритъ Страбонъ,—„еще и теперь". (Тамъ же, стр. 137).

Гадейряне—жители острова Гадейры и Ериѳіи, неустрашимые мореплаватели и друзья римлянъ. Богатства этихъ островитянъ таковы, что не смотря на отдаленность ихъ поселеній, находящихся на краю земли, гадейряне пользуются всевозможными благами. Недалеко отсюда будетъ *Меларія*, имѣющая заведенія для соленія рыбы, и городъ *Белонъ* при рѣкѣ того же имени. Отъ этихъ мѣстностей обыкновенно начинается переправа соленой рыбы и многихъ другихъ естественныхъ произведеній страны въ маврусійскій *Тингій*,—по сосѣдству съ которымъ лежалъ городъ *Зелій*. Римляне перенесли этотъ послѣдній и перевезли многихъ тингійцевъ съ Африканскаго берега на Иберійскій (тамъ же).

Лузитаны—это общее имя почти тридцати народцевъ, заселявшихъ Атлантическое побережье между названными выступами материка въ море, Священнымъ и Неріемъ, и все пространство отъ побережья внутрь страны, въ восточномъ направленіи до горнаго хребта Пирены. Окруженные съ трехъ сторонъ водами—съ полдня рѣки Таго, съ запада и полночи Атлантическими, лузитаны имѣли сосѣдей: съ востока упомянутыхъ оретанъ, карпетанъ и веттоновъ, а также турдуловъ съ полдня,—и кромѣ этихъ—*ваккаевъ, каллаиковъ* и *кельтиберовъ* съ востока къ полночи. Крайніе изъ лузитанъ къ Нерію—назывались *артабры*, или *аротребы* и *кельтики*. Область лузитанъ—богатѣйшая изъ Иберійскихъ. Говорятъ, что кельтики родственны народу, заселявшему землю вдоль рѣки Аны.

Не смотря на обиліе въ Лузитаніи всѣхъ произведеній, открывающихъ людямъ источники благосостоянія, обитатели этой страны перестали добывать средства къ жизни изъ земли и занялись грабежами, постоянными усобицами и войнами съ сосѣдями, жившими за рѣкою Таго. Виновниками такого образа жизни были, по предположенію Страбона, горцы, сосѣди лузитанцевъ; живя въ странѣ скудной, они устремились на чужое добро; народъ, подвергавшійся нападеніямъ ихъ, брался за оружіе и поневолѣ уклонялся отъ обработки земли; въ концѣ-концовъ онъ одичалъ и вся страна оказалась заселенною одними разбойниками. Римляне однако же укротили этотъ народъ; многочисленные и сильно укрѣпленные города они обратили въ деревни и, мало-по-малу, вся страна приняла римскій строй

Лузитаны были искусны въ преслѣдованіи и развѣдываніи;—въ нападеніи быстры, легки и ловки;—вооруженіе ихъ—небольшой, выгнутый съ передней стороны щитъ, безъ рукояти и колецъ, носимый только на ремнѣ,—ножъ или мечь,—панцырь полотняный и ременный шлемъ—у большинства,—а изрѣдка—кольчуга и треугольный шлемъ изъ желѣзныхъ колецъ съ тремя гребнями;—пѣшіе носятъ поножи, много метательныхъ копій, а нѣкоторые—длинныя копья съ мѣдными наконечниками.

Часть населенія, живущаго у рѣки Дурія, вела особый родъ жизни: два раза въ день они натирались масломъ, употребляли бани, нагрѣваемыя раскаленными камнями, и купались въ холодной водѣ; ѣли разъ въ день, чисто и просто.

Всѣ лузитаны любили приносить жертвы и гадали по внутренностямъ животныхъ, не вырѣзывая ихъ; гадали также по жиламъ въ груди чрезъ ощупыванье ихъ; для гаданья же убивали и своихъ плѣнниковъ; ихъ предварительно закутывали плотно въ плащъ,—потомъ жрецъ-гадатель наносилъ смертельный ударъ во внутренности;—паденіе тѣла убитаго такимъ образомъ плѣнника и было цѣлью гаданья; правую руку убитаго отрѣзали и посвящали богамъ.

Образъ жизни горцевъ, занимающихъ полночную границу Иберіи, каковы упомянутые каллаики, а также *астуры* и *контабры* до *васконовъ* и горы Пирены,—описывается Страбономъ такъ: Всѣ горцы отличаются простотою; пьютъ воду, спятъ на голой землѣ и подобно женщинамъ, носятъ очень длинные волосы, во время сраженія прикрываемые особою повязкою; любимое мясо—козлиное; *чтутъ бога Арея*, которому въ жертву приносятъ козла и плѣнниковъ, вмѣстѣ съ лошадьми ихъ; ежегодно устраиваютъ, какъ и греки, всякаго рода „гекатомбы“ т. е. по словамъ Пиндара,—„всего по сту въ жертву приносятъ“; устраиваютъ также состязанія въ упражненіяхъ тѣла при тяжеломъ вооруженіи и на лошадяхъ,—въ кулачномъ бою,—въ бѣгѣ,—въ борьбѣ,—и въ сраженіи отрядами;—въ теченіи двухъ третей года питаются одними желудями; ихъ высушиваютъ, истираютъ въ муку и пекутъ хлѣбы, сохраняющіе свѣжесть очень долго;—употребляютъ ячменное пиво, вино же очень рѣдко, оно привозное и когда получается—выпиваютъ быстро въ пиру съ родственниками;—вмѣсто деревяннаго масла пользуются коровьимъ;—ѣдятъ сидя на лавкахъ вдоль стѣнъ и располагаются по достоинству; пища обносится кругомъ; посуда—деревянная, какъ и у кельтовъ;—на пирушкахъ пляшутъ подъ звуки свирѣли и трубы, подскакивая и присѣдая;—въ иныхъ мѣстахъ,—собственно въ Бастетиніи,—женщины пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами, держа другъ друга за руку;—всѣ одѣваются въ черное; большею частію носятъ плащи, въ которыхъ и спятъ на постеляхъ изъ сухой травы;—женщины носятъ цвѣтныя платья; – обитатели горныхъ долинъ ведутъ съ сосѣдями мѣну своихъ произведеній, а иные покупаютъ товаръ, уплачивая отрубленными отъ куска серебра пластинками;—осужденныхъ на смерть бросаютъ со скалы, а отцеубійцъ побиваютъ камнями за предѣлами страны или города;—бракъ совершается также какъ и у грековъ;—больные выносятся какъ у ассирійцевъ, на улицы для того, чтобы получить совѣтъ отъ прохожихъ, знающихъ болѣзнь по собственному опыту;—до Брута употребляли кожаныя лодки во время наводненій и на болотахъ; и теперь, говоритъ землеописатель, однодеревки (наши челны) рѣдки. Дикость и суровость этихъ народовъ,—поясняетъ Страбонъ,—слѣдствіе не только войнъ, но и отдаленнаго положенія; морской путь къ нимъ не короче сухого, вслѣдствіе недостатка сношеній они не привыкли къ обходительности и привѣтливости; дикость усиливается суровостью почвы и горъ. (О лузитанахъ и горныхъ народцахъ кн. III, гл. III, стр. 151—155).

Едетаны заселяли часть Иберіи къ полночи и востоку отъ рѣки Ибера; вмѣстѣ съ ними, на пространствѣ отъ Иберы до горъ Пирены,—сидѣли *индигеты*, раздѣлявшіеся на четыре части. Эти,—равно и многіе другіе

народцы, занимали внутреннія земли страны; тамъ было много и выходцевъ изъ различныхъ земель Европы и Африки, поселившихся еще до баснословныхъ временъ странствованій Одиссея и Енея.

По поводу извѣстій древнихъ писателей о подобныхъ выходцахъ, Страбонъ замѣчаетъ, что его соотечественники и вообще эллины, какъ племя предпріимчивое въ основаніи своихъ поселеній,— могли бы издавна овладѣть благодатною Иберіею и подчинить себѣ всѣ народы, бродившіе по ней кочевниками, и осѣдлые, основавшіе съ незапамятныхъ вѣковъ множество городовъ и укрѣпленныхъ поселеній,—но не успѣли въ этомъ, ограничившись только странствованіями среди варварскихъ народовъ, потому что насельники Иберіи не составляли одного цѣльнаго народа съ которымъ можно было бы освоиться;—они раздѣлились на многочисленныя, хотя и немноголюдныя въ отдѣльности, общины, не состоявшія во взаимной между собою связи, а жившія каждая особнякомъ; такъ что выходцамъ изъ другихъ земель приходилось, при незначительной численности своей, сближаться съ народцами послѣдовательно. Между тѣмъ Иберійскія общины обладали, каждая, кичливостью, не допускавшею взаимнаго сближенія даже двухъ-трехъ въ одно цѣлое. Къ тому же, будучи самоувѣренны, иберійцы отъ природы коварны и вели замкнутую жизнь; засады и грабежи служили имъ ремесломъ; смѣлые до необыкновенной дерзости въ маломъ—они никогда не отваживались на предпріятія крупныя, и по духу самоувѣренности и кичливости не вступали въ союзы съ своими даже ближайшими сосѣдями, а потому и не составляли значительной силы. Если бы многочисленные народцы Иберіи пожелали помочь другъ другу, то ни тирійцамъ-финикіянамъ, ни кархедонянамъ, ни кельтамъ, набѣгавшимъ на благодатную страну большими, сравнительно съ эллинскими путешественниками, ордами, неудалось бы покорить значительную и даже большую часть земель ея.

Кельтиберы, слившіеся съ исконными обладателями, занимали средину материка вдоль по теченію Иберіи съ обѣихъ сторонъ, равно на востокъ и къ полночи, къ землямъ кельтовъ; подъ этимъ общимъ именемъ разумѣлись многіе народцы, жившіе въ городахъ и въ поселеніяхъ, укрѣпленныхъ какъ самою природою, такъ и руками обитателей; изъ народцевъ наиболѣе замѣтными по какимъ либо особенностямъ были:—*емпориты*, искусные ткачи холста, занимающіеся также плетеніемъ изъ растенія, сходнаго съ нашею ситою и дрокомъ западнаго и полуденно-западнаго краевъ Россіи; издѣлія емпоритовъ изъ дрока были въ большомъ употребленіи вездѣ, а особенно въ Италіи, куда они вывозились въ огромномъ количествѣ;—*керетаны*—приготовлявшіе превосходные окорока; это занятіе, вызванное разведеніемъ и откармливаніемъ свиней, доставляло жителямъ долинъ Кельтиберіи, перерѣзываемыхъ вѣчно зеленѣющими лѣсами, значительный доходъ;—*бероны*—сосѣди полночныхъ кельтиберовъ, имѣвшіе городъ *Варію:* кархедоняне не проникали въ полночную Кельтиберію, такъ что эти бероны и ближайшіе къ нимъ *бардіеты*, равно астуры, каллаики, упомянутыя выше—ваккаи и проч.,—оставались въ самобытномъ положеніи до завоеванія ихъ римлянами,—и *яккеталы* и *илергеты*—имѣвшіе въ своей области каменный мостъ черезъ

Иберъ.—Въ Страбоново время кельтиберы, вѣроятно съ входившими въ составъ ихъ народами и народцами, и вся внутренняя часть Иберіи, называвшаяся уже Испаніею, подчинились римскому владычеству и освоились съ новымъ положеніемъ настолько, что приняли верхнюю одежду итальянцевъ—тогу и назывались, въ отличіе отъ прочихъ насельниковъ страны—*тогатами*—по этой одеждѣ. (Кн. III, гл. IV, стр. 157–162 и—О кельтиберахъ-тогатахъ—166).

О нравахъ и обычаяхъ иберійцевъ вообще,—а также едетанъ и кельтиберовъ и народцевъ, на которые тѣ и другіе подраздѣлялись, Страбонъ даетъ нѣсколько замѣтокъ:

Тѣ изъ насельниковъ обширныхъ областей внутренней Иберіи, расположенныхъ на западъ и на полночь отъ Средиземнаго моря,—которые живутъ въ деревняхъ,—а ихъ огромное большинство,—совершенно дики; да и заселяющіе города не многимъ отличались отъ сельчанъ, такъ какъ преобладаютъ въ числѣ горожанъ всѣ тѣ же обитатели лѣсовъ; по этому Страбонъ не вѣритъ землеописателямъ, насчитывающимъ въ Кельтиберіи болѣе трехсотъ, а во всей Иберіи болѣе тысячи городовъ (тамъ же стр. 162).

Безпечность, отличительная черта всѣхъ иберійцевъ, гдѣ бы они ни жили, въ благодатныхъ-ли краяхъ, или суровыхъ; усвоивъ издавна дурныя привычки, они не гонятся за удовольствіями, забота ихъ ограничивается животными потребностями, если, конечно, не считать удовольствіемъ обычая нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ среди кантабровъ и ихъ сосѣдей, умывающихся и чистящихъ себѣ зубы мочою, застоявшеюся въ отхожихъ мѣстахъ (стр. 163); Страбону говорили, что этотъ обычай, равно какъ и спанье на голой землѣ, присущи иберійцамъ и кельтамъ вообще.

Каллаики не имѣютъ боговъ, а кельтиберы и ихъ полночные сосѣди пляшутъ во время полнолуній, по ночамъ, со всѣмъ семействомъ и пируютъ передъ дверями своихъ домовъ, въ честь какого-то безыменнаго бога.

Безпечность веттоновъ и ихъ обычай обнаружились для римлянъ, когда нѣкоторые изъ этого народа вошли въ римскій станъ и увидѣли, какъ многіе изъ начальниковъ отряда ходили, во время прогулки взадъ и впередъ: веттоны приняли ихъ за сумасшедшихъ и показывая путь къ палаткамъ, говорили, что военачальники должны или лежать спокойно, или сражаться (тамъ же).

Почти всѣ иберійцы были пелтасты (Πελταστής—вооруженный легкимъ щитомъ), что особенно удобно для внезапныхъ разбойничьихъ набѣговъ; нѣкоторые имѣли копья, пращи и мечи; они дѣлали нападенія, въ войнѣ и въ грабежахъ, пѣшими и конными; лошади отлично пріучены ходить по горамъ и, въ случаѣ надобности, легко сгибать колѣни—по приказанію всадника; они, по наблюденію Посейдонія, похожи на коней пароянскихъ; быстры и наилучшіе бѣгуны.

Украшеніе иберійскихъ женщинъ, о которомъ говоритъ Артемидоръ, можно считать признакомъ ихъ варварства: нѣкоторыя носятъ на шеѣ желѣзныя ожерелья съ загнутыми крючками, возвышающимися надъ головою и выступающими далеко на лобъ; на эти крючки надѣвается покрывало,

опускаемое женщиною, когда ей вздумается, такъ, что лице, приходится въ тѣни; въ иныхъ мѣстахъ женщины носятъ на головѣ небольшую шляпу, на подобіе барабана, совершенно круглую при затылкѣ, крѣпко сжимающую голову до мочки уха и постепенно выгибающуюся вверхъ и вширь; есть и мѣстности, гдѣ женщины выстригаютъ волоса на передней части головы такъ низко, что кожа блеститъ здѣсь болѣе, чѣмъ на лбу,—или гдѣ иберіянки укрѣпляютъ на головѣ, посредствомъ скрученія волосъ, палочку въ футъ вышиною и вѣшаютъ на нее черное покрывало (стр. 164).

Объ иберійскихъ племенахъ полночной части страны Страбону разсказывали, что они вообще звѣроподобны въ отвагѣ, жестокости и отсутствіи чувствительности: матери убивали во время кантабрской войны дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ плѣна;—мальчикъ, по приказанію отца, обнаживъ мечь умертвилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, въ томъ числѣ—должно быть и отца,—а также и братьевъ, взятыхъ въ плѣнъ и закованныхъ въ цѣпи;—одна женщина сдѣлала тоже самое съ взятыми вмѣстѣ съ нею плѣнниками; призванный къ пьянымъ солдатамъ—побѣдителямъ плѣнникъ самъ кинулся въ огонь. Такіе же нравы, говоритъ Страбонъ, свойственны кельтамъ, ѳракіянамъ и скиѳамъ,—не мужчинамъ только, но и женщинамъ. Относительно особой нечувствительности кантабровъ говорятъ, что однажды нѣсколько человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ и пригвожденныхъ ко кресту,—пѣли побѣдныя пѣсни въ такомъ мучительномъ положеніи.

Нечувствительность къ болямъ выражалась не только во время войнъ, при возбужденномъ состояніи, но и въ семейномъ быту женщинъ. Тотъ же Посейдоній сообщаетъ, со словъ гостепріимнаго хозяина своего въ Лигистикѣ, нѣкоего Хармолеона—изъ Массаліи,—что, нанявъ мужчинъ и женщинъ копать землю и наблюдая за работою, онъ замѣтилъ, что одна изъ женщинъ еле шевелитъ киркою и отослалъ ее прочь; но другія женщины объяснили ему, что эта отосланная почувствовала во время работы приближеніе родовъ,—отошла въ сторону—и недалеко отъ прочихъ родила, а затѣмъ сряду же опять взялась за копанье земли; тогда Хармолеонъ заплатилъ ей столько же, какъ и прочимъ; роженица, получивъ разсчетъ, взяла новорожденнаго, отнесла его къ ближайшему источнику, обмыла и пошла съ нимъ домой. Случай этотъ не единственный, а обыкновенный между иберіянками (тамъ же, стр. 164).

Женщины имѣютъ въ Иберіи права, совершенно особенныя, доказывающія, на взглядъ Страбона, если не дикость нравовъ,—но во всякомъ случаѣ отсутствіе современнаго ему представленія о гражданственности: у кантабровъ приданое доставляется не женщиною, выходящею замужъ, а мужчиною будущей женѣ его; наслѣдованіе въ имуществѣ умершаго принадлежитъ ни сыновьямъ его, а дочерямъ: не братья выдаютъ сестеръ замужъ, а сестры женятъ братьевъ (стр. 165).

Выѣзжая на войну иберійцы садятся на лошадь по двое, но во время самой битвы одинъ изъ нихъ сражается пѣшимъ.

Они умѣютъ получать изъ растенія, похожаго на петрушку, особый ядъ, убивающій мгновенно, не причиняя никакихъ страданій, и носятъ его при себѣ, чтобы имѣть всегда наготовѣ.

Изъ договоровъ, утверждаемыхъ клятвою, замѣчателенъ одинъ: стороны обязываются умереть другъ за друга,—и исполняютъ клятву (тамъ же).

Оканчивая описаніе Иберійскаго материка Страбонъ замѣчаетъ: „Древніе писатели называли Иберіей всю страну по ту сторону рѣки *Родана*, то есть на западъ и полночь отъ нея. Роданъ вытекалъ, по свѣдѣніямъ нашего землеописателя, изъ Альпійскихъ горъ, проходилъ черезъ озеро Леманъ,—теперешнее Женевское,—и вливался пятью или семью устьями въ Большой Гальскій заливъ (о Роданѣ кн. IV, гл. I, стр. 178, 182, 184 и прод.). Въ настоящее время Роданъ называется „Рона". Иберами считали и особый народъ *инглетовъ*, занимавшихъ клочекъ земли на полночь. Какъ Иберія управлялась въ древности—Страбону неизвѣстно, по отдаленности и по малому знакомству эллиновъ и римлянъ съ окраинами земли; со временъ же римскаго владычества она дѣлилась во первыхъ на двѣ части, большія и почти равныя; одна называлась Испаніею—по ту сторону Ибера, а другая—Испаніею по эту сторону рѣки; это дѣленіе общее; и—во вторыхъ,—дѣлилась особенно въ порядкѣ управленія. Собственно Иберія, т. е. область по обѣ стороны соименной ей рѣки, имѣла двѣ части; восточная, Бетика, принадлежала римскому народу; въ нее посылались особыя должностныя лица—преторъ, квесторъ и легатъ; западная часть отдана была кесарю, который отъ себя посылалъ туда двухъ легатовъ, преторіанскаго и консульскаго;—первый, вмѣстѣ съ своимъ легатомъ, долженъ былъ производить судъ надъ лузитанами,—а второй—надъ полночными странами, заселенными астурами и кантабрами; остальная часть страны, наибольшая, состояла подъ управленіемъ консула, располагавшаго значительнымъ войскомъ (кн. III, гл. IV, стр. 164 и 165).

Воспораны. Подъ этимъ именемъ разумѣются у Страбона всѣ народы, входившіе въ составъ Воспорскаго царства, когда оно было уже въ зависимости отъ Рима, назначавшаго туда правителей. Изъ Геродота мы знаемъ о вытѣсненіи скиѳами, вышедшими должно быть изъ Азіи, именно тѣми, которыхъ онъ называетъ царственными, или царскими, киммеріянъ, занимавшихъ часть Крыма, ближайшую къ Таврическому проливу, называвшемуся Воспоромъ Киммерійскимъ. Изъ Страбона намъ извѣстно о херсонесахъ, таврахъ и другихъ народахъ, сидѣвшихъ въ Крыму, начиная съ пятаго вѣка до Р. Х., и объ основаніи эллинами среди этихъ народовъ поселеній эллинскихъ, главнѣйшими изъ которыхъ были—Пантикапея на западной сторонѣ пролива и Фанагорія—на противоположной. Возникновеніе первой относится знатоками древности ко времени около 430, а второй—около 400 г.г. до Р. Х., значитъ Геродотъ немного не дожилъ до сношеній эллиновъ, уже достаточно тѣсныхъ, съ скиѳами при-азовскими. По примѣру выходцевъ, основавшихъ эти поселенія, скоро образовались и другія, по восточному побережью Азовскаго и Чернаго морей, по всему Крыму, по сосѣдству съ обитателями нынѣшняго Кавказа, и далѣе—въ черноморскомъ полуденномъ побережьи. Изъ этихъ поселеній и образовалось сильное Воспорское царство, съ разноплеменными правителями.

Страбонъ не оставилъ въ сказаніяхъ своихъ данныхъ относительно какихъ-либо бытовыхъ особенностей воспорановъ, кромѣ торговыхъ сношеній

съ сосѣдями близкими и дальними, съ эллинами и римлянами; но онъ сохранилъ имена и народность нѣкоторыхъ правителей, называя ихъ: *Парисадесъ, Леевонъ, Сатиръ,* другой *Парисадесъ, Асандръ, Фарнака, Миѳридатъ Пергамскій, Полемонъ;* онъ же сохранилъ имя мудреца Аханкара, о которомъ упомянуто уже при сравненіи Моисея съ другими подобными ему жрецами, увлекавшими народы своимъ ученіемъ и образомъ жизни (кн. VII, гл. IV, стр. 311—314; кн. XI, гл. II, стр. 505—508; и кн. XIII, гл. IV, стр. 639).

Важнѣйшимъ изъ Боспорскихъ правителей былъ *Миѳридатъ Евпаторъ*, сынъ Понтійскаго царя *Миѳридата Евергесты* (кн. X, гл. IV, стр. 489). Предпріимчивый и отважный, этотъ правитель Боспора овладѣлъ всѣмъ Крымомъ и расширилъ предѣлы царства на счетъ земель упомянутаго народа сираковъ—на востокъ отъ Азовскаго моря и разбойничьихъ племенъ Кавказскаго хребта, что тянется вдоль полуночно-восточнаго черноморскаго побережья. (Кн. VII, стр. 312 и 314). Такимъ образомъ Миѳридатъ Евпаторъ положилъ начало утѣсненію черноморскихъ скиѳовъ.

Перечисленныя имена правителей и занятіе боспоранами скиѳскихъ земель приводятся здѣсь какъ свидѣтельство внесеннаго разноплеменными находниками въ скиѳскія земли обычаевъ и привычекъ тѣхъ странъ, изъ которыхъ выводили ихъ державцы, сдѣлавшіеся правителями Боспорскаго царства;—принятіе скиѳами такихъ новыхъ обычаевъ и тѣсныя торговыя сношенія съ иноземцами привили къ этому строгому народу растлѣвающія начала, влекущія за собою, по ученію Платона, изнѣженность и замираніе могущества и силы тронутыхъ ими племенъ.

Кромѣ извѣстій, заключающихся въ приведенныхъ выпискахъ, у Страбона встрѣчаются и еще нѣкоторыя, хотя отрывочныя, но полезныя для изысканій объ ильменцахъ, какъ имѣющія связь съ сказаніями другихъ повѣствователей и съ лѣтописными сборниками Новгородской семьи поздняго происхожденія. Этимъ извѣстіямъ отведемъ здѣсь нѣсколько строкъ.

Гипанисъ. Въ числѣ скиѳскихъ рѣкъ Геродотъ называетъ Гипанисъ (ссылка приведена выше);—это нынѣшній Бугъ; по Страбону же—рѣки этого имени находились: а)—*въ Сарматіи,* гдѣ она текла въ томъ же направленіи, какъ и Танаидъ—Донъ (кн. II, гл. IV, стр. 105); эта Гипанисъ—называется также „*Гипанія*" (кн. VII, гл. III, стр. 300) и „Гипаній" (тутъ же, стр. 308); б)—*на Кавказѣ*: рукавъ рѣки *Антакситы,* признаваемый изслѣдователями за нынѣшнюю Кубань,—тоже „Гипаній"; этотъ рукавъ падаетъ въ заливъ Чернаго моря, извѣстный Страбону какъ озеро *Корокондаиитида* (кн. XI, гл. II, стр. 505) и в)—*въ Индіи;* Александръ Македонскій не переходилъ Гипаниса, текущаго восточнѣе Инда, такъ какъ войска его были сильно утомлены, хотя, по общему мнѣнію спутниковъ завоевателя, по ту сторону этой рѣки—наилучшая во всей Индіи земля; но послѣ Александра эллинскіе полководцы, особенно *Менандръ* и *Деметрій,* сынъ Бактрійскаго царя *Евѳидема,* перешли за Гипанисъ; первый изъ этихъ

дошелъ до *Имая*. (Кн. XI, гл. XI, стр. 527; кн. XV, гл. I, стр. 708, 713, 716 и 718).

Имай—это крайняя часть Тавра, доходившая до самаго Индѣйскаго моря; Страбону говорили что она ни чуть не выдается далѣе Индіи на востокъ, но и не остается позади ея (кн. XI, гл. VIII, стр. 521).

Александръ Македонскій Во время Индійскаго похода Александръ женился на *Роксанѣ*, дочери *Оксіатра*, бывшаго однимъ изъ Бактріанскихъ державцевъ; свадебный пиръ справленъ былъ въ мѣстопребываніи Роксаны, на скалѣ *„Сисимиѳра“*, высота которой имѣла пятнадцать стадій (=одна верста и 312 саженъ), а объемъ окружности восемьдесятъ (=четырнадцать верстъ); на верху скалы лежала площадь, покрытая плодородной землей, способной пропитать пятьсотъ человѣкъ. По всей вѣроятности тамъ было сильное укрѣпленіе, така какъ эта скала Сисимиѳра и другая сосѣдняя, еще болѣе высокая, *„Окса“* приходилась на границѣ Персіи временъ Кира, на рѣкѣ Іаксартѣ и служила передовою защитою основаннаго невдалекѣ отъ нея царемъ Киромъ города, названнаго его именемъ (кн. XI, гл. XI, стр. 527 и 528). Роксана была, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія извѣстій объ Александрѣ, любимою его женою, сопровождавшею завоевателя въ дальнѣйшихъ походахъ и слѣдовавшею за гробомъ своего мужа; она проводила его до мѣста погребенія въ Александріи—въ Египтѣ и отплыла оттуда въ Македонію съ сыновьями своего мужа и царемъ *Аридаемъ*. Александръ похороненъ былъ сперва въ золотомъ гробѣ *Птоломеемъ*, сыномъ *Лага*; но другой Птоломей, по прозванію *Коккесъ* и *Парейсактъ*, похитилъ этотъ гробъ и положилъ тѣло великаго царя—въ стеклянный, въ которомъ оно сохранялось и въ Страбоново время (кн. XVII, гл. I, стр. 811).

Оксіатръ былъ, повидимому, скиѳъ, такъ какъ Александръ засталъ въ Бактріанѣ скиѳскіе обычаи, одинъ изъ которыхъ, состоявшій въ выбрасываніи на съѣденіе собакамъ больныхъ и дряхлыхъ людей,—онъ уничтожилъ,—и такъ какъ эллины, владѣвшіе этою страною, были изгнаны изъ Бактріаны кочевниками-скиѳами (кн. XI, гл. VIII, стр. 521 и гл. XI, стр. 527).

Нѣкоторые повѣствователи говорятъ что во время движенія Александра походомъ въ срединную Азію, его встрѣтила царица амазонокъ *Ѳалестрія*, въ Гирканіи, и сожительствовала съ нимъ нѣкоторое время, съ цѣлью имѣть отъ него дѣтей (кн. XI, гл. V, стр. 515).

Филиппъ Македонскій. Этотъ державецъ, сынъ *Аминты* и *Евридики*, отецъ *Ѳессалоники*, по имени которой названъ городъ, основанный за рѣкою *Аксіемъ* и упоминаемый Гомеромъ, Кассандромъ, ея мужемъ,—воевалъ съ скиѳскимъ державцемъ *Атеемъ*, управлявшимъ большею частію той скиѳской страны, которая прилегала къ Азовскому морю (кн. VII, гл. III, стр 39; гл. VII, стр. 329, 337 и 338).

Война эта происходила за 250 лѣтъ до Миѳридата Евпатора, о которомъ упомянуто въ статьѣ о боспоранахъ (Карамзинъ, ч. I, примѣч. 321).

Команы—городъ въ области верхнихъ каппадокійцевъ, на горѣ *Антитаврѣ*, составляющей отрогъ Таврскаго хребта въ направленіи къ Евфрату. (Кн. XI, гл XV, стр. 571).

Этого же имени городъ въ Понтѣ (кн. XII, гл. III, стр. 559), въ землѣ понтійскихъ *комановъ,* недалеко отъ равнины Ѳемискиры и рѣки Ѳермодонта, мѣстностей, въ которыхъ жили амазонки.

Кума—наибольшій эолійскій городъ въ Малой Азіи. Выходцы этого города *куманцы* или *кумцы* или *кумляне* заняли въ Италіи Кампанію; здѣсь предполагается тоже жилище амазонокъ; по выходѣ ихъ Куму заняли іоняне и эоляне. (Кн. V, гл, IV, 245 и 246; кн. XII, гл. III, стр. 560).

Истрія—область Италіи; въ ней городъ Пола (кн. V, гл. I, стр. 213 и 218).—Въ настоящее время въ числѣ притоковъ Дуная съ правой стороны одинъ называется также какъ и городъ Истріи—*Пола.*

Страбоновы извѣстія доходятъ до того времени, съ котораго начинается осѣдлость народцевъ Европы полуденной и западной, скоплявшихся кучно на участкахъ земли, для борьбы съ наступавшими римски и полчищами, и составлявшихъ союзы, временные сперва, а затѣмъ сживавшихся и усвоивавшихъ имена народовъ, называемыхъ землеописателямв, слѣдовавшими послѣ Страбона. Нѣкоторые изъ образовавшихся такимъ образомъ народовъ крѣпко стояли за самобытность своихъ союзовъ и не поддались могучему тяготѣнію Рима,—а другіе, какъ иберійскіе тогаты—подчинились ему.

Скиѳы черноморскаго побережья примкнули-было, для борьбы съ Римомъ къ боспоранамъ, но, отдалившись тѣмъ самымъ отъ своихъ соплеменниковъ, затерялись въ рядахъ Миѳридатовыхъ полчищъ; прочіе же обитатели полуденной и срединной Россіи, скиѳы и не-скиѳы, пережили цѣлыми вѣками и Страбона и тяготѣніе Рима. Но повѣствователи первыхъ вѣковъ по Р. X. сдѣлали изъ скиѳовъ нарацательное имя для всѣхъ неизвѣстныхъ народовъ полночно-западной и полночно-восточной Европы, смѣшивая ихъ съ савроматами, въ такомъ же нарицательномъ смыслѣ.

Съ жизнью Страбона кончается золотой вѣкъ для области творчества великихъ мыслителей римскихъ, начавшійся одновременно съ упадкомъ такого же творчества мудрецовъ Еллады. „Годъ рожденія и смерти Страбона съ точностью неизвѣстенъ,—говоритъ Ѳ. Г. Мищенко въ предисловіи къ переводу труда его,—но частое упоминаніе событій, случившихся на глазахъ землеописателя и личностей, которыхъ онъ зналъ, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что современниками его были: Помпей, Цицеронъ, Юлій Цезарь, Августъ и Тиберій“ (Предисл. стр. XVII). Но извѣстно, что Цицеронъ родился въ 106 году до Р. X., что за нимъ, по порядку годовъ рожденія, слѣдуютъ: Юлій Цезарь, Лукрецій, Корнелій-Непотъ, Катуллъ, Саллюстій, Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій, Проперцій и Овидій, умершій въ 17 году по Р. X. Писавшіе послѣ Страбона излагаютъ по преимуществу извѣстія о событіяхъ военныхъ, почти умалчивая о тѣхъ бытовыхъ особенностяхъ встрѣчавшихся на пути завоеваній римлянъ народовъ, которыя относились къ ихъ нравамъ и обычаямъ, или повторяя имѣющіяся по этому предмету свѣдѣнія у Геродота и Страбона. По этому-то мы и приводимъ длинный рядъ выписокъ изъ трудовъ обоихъ повѣствователей древности.

Какъ между Геродотомъ и Страбономъ, такъ равно между этимъ землеписателемъ и Тацитомъ, было много любознательныхъ грековъ и римлянъ, цѣнныя записки которыхъ дошли до насъ вполнѣ или частію. Пересказомъ сохраненныхъ въ ихъ записяхъ свѣдѣній, имѣющихъ немаловажное значеніе въ ряду бытовыхъ свидѣтельствъ о насельникахъ земель нашего отечества, мы займемся, какъ уже сказано по поводу извѣстій промежуточныхъ между Геродотомъ и Страбономъ писателей, при изложеніи данныхъ о долѣтописныхъ вѣкахъ ильменцевъ. Здѣсь же приведемъ нѣсколько строкъ изъ сказаній Павзанія, въ дополненіе извѣстій Геродота и Страбона, и перейдемъ къ Тациту.

Павзаній.

Этотъ просвѣщенный грекъ, писавшій во второмъ вѣкѣ по Р. Х. преимущественно о предметахъ искусства Еллады, упоминаетъ, между прочимъ, говоря объ Аттикѣ, о савроматахъ, по поводу хранившейся въ храмѣ *Асклепія* брони савроматской, и сообщаетъ нѣкоторыя, не лишенныя значенія, особенности этого народа въ нарицательномъ значеніи его имени, соотвѣтствующемъ народу скиѳскому. Савроматы, говоритъ Павзаній, не имѣютъ желѣза въ своей странѣ и ни откуда его не получаютъ, такъ какъ сношеній съ иноплеменниками чуждаются болѣе всѣхъ обитателей полуночья Европы; наконечники для копій выдѣлываютъ изъ кости, придавая ей извѣстнымъ имъ способомъ твердость желѣза;—луки и стрѣлы у нихъ изъ вишневаго дерева (не понтинъ-ли, или черешня?);—изъ ивовыхъ прутьевъ сплетаютъ длинныя цѣпи, которыя, во время нападенія на непріятеля, бросаютъ такъ ловко на противника, что выбиваютъ его изъ сѣдла и приволакиваютъ къ себѣ (арканъ нынѣшнихъ нашихъ казаковъ). Будучи кочевниками, савроматы держатъ много лошадей для ѣзды, питанія и жертвоприношеній; копыта этого животнаго они разрѣзаютъ на пластинки на подобіе чешуи дракона, или свѣжей шишки сосны; пластинки плотно прикрѣпляютъ одну къ другой жилами, располагая какъ въ чешуѣ, и дѣлаютъ изъ нихъ броню такую же твердую и изящную, какъ и у эллиновъ; никакой ударъ не можетъ пробить ея. Указывая на хранящуюся въ храмѣ броню, Павзаній поясняетъ, что иноплеменники-варвары искусны не меньше эллиновъ въ художествѣ и не менѣе способны къ наукамъ. (Павзаніево описаніе Еллады въ переводѣ Сидоровскаго и Пахомова. СПБ. 1788 г., ч. I, гл. XXI, стр. 74—76).

Тацитъ.

Кай Корнелій Тацитъ былъ современникомъ Клавдія, Нерона, Веспасіана, Домиціана и Нервы. Онъ жилъ во второмъ вѣкѣ по Р. Х. и состоялъ,—какъ полагаютъ изслѣдователи, правителемъ одной изъ только что завоеван-

ныхъ римлянами областей западной Европы; каковою была, какъ представляется намъ, страна между Дунаемъ и Рейномъ, описываемая Тацитомъ наиболѣе подробно.

Этотъ римлянинъ писалъ много, хотя до настоящаго времени неудалось собрать всѣхъ его сочиненій,—но то, что найдено, переведено на русскій языкъ:—Ѳедоромъ Поспѣловымъ въ первые годы текущаго столѣтія и профессоромъ Модестовымъ—въ недавнее время.

Для насъ важно изъ сказаній Тацита отдѣльное повѣствованіе его о „положеніи Германіи и ея народахъ", сохранившееся полностію; изложеніемъ содержанія этого повѣствованія мы и ограничимъ пересказъ Тацитовыхъ извѣстій.

Тацитова Германія.

Страна, называемая Тацитомъ Германіею, ограничена со стороны Галліи, Ретіи и Панноніи рѣками Рейномъ и Дунаемъ, со стороны Сарматіи и Дакіи—горами; въ западно-полночную сторону она простирается до океана.

Имя свое страна эта получила въ недавнее сравнительно съ Тацитовымъ время отъ небольшаго скопища отважныхъ людей, впервые перебравшихся за Рейнъ, на правый берегъ, оттѣснивъ сидѣвшихъ по близости галловъ; этихъ людей, храбрыхъ и склонныхъ къ войнѣ, разбойниковъ по нынѣшнимъ понятіямъ,—прозвали—германи.

Выше въ выпискахъ изъ Геродота и Страбона мы видѣли другое объясненіе происхожденія этого имени—у перваго—германцы—одинъ изъ родовъ персовъ, а у втораго—ими означаютъ людей родственныхъ, такъ какъ перебравшіяся за Рейнъ скопища состояли изъ галатовъ и галловъ.

До перехода за Рейнъ отважной орды тамъ жили одни только древнѣйшіе насельники, считавшіе свое происхожденіе отъ боговъ: *Туискана*, родившагося отъ земли, и сына его Манна, имѣвшаго въ свою очередь трехъ сыновей: *Ингевана*, *Герміона* и *Истевона*; потомки этихъ сыновей Манна занимали земли, ближайшія къ морю; и *Геракла* (родоначальника скиѳовъ) и нѣкоторыхъ другихъ боговъ, давшихъ обитателей внутреннихъ земель,—таковы: *марсы*, *гамбривіяне*, *швабы*, и *вандалы*.

Тацитъ приводитъ мнѣніе извѣстныхъ ему писателей, будто и *Улиссъ* былъ занесенъ во время своихъ странствованій по водамъ, на Рейнъ, гдѣ основалъ городъ—*Аугсбургъ*, и будто тамъ, на берегу Рейна, найдены остатки жертвенниковъ, посвященныхъ Уллису и отцу его *Лаерту*, гробницы и памятники съ греческими надписями.

Бытовыя особенности. Сказанія о бытовыхъ условіяхъ зависящихъ отъ внѣшней природы, окружающей жителей, равно о правахъ и обычаяхъ Тацитъ дѣлитъ на двѣ части: въ одной обобщая, а въ другой обособляя частности. Мы придержимся такого же порядка изложенія извлеченій изъ его повѣствованія, начавъ общею частью.

Наружность населенія, не смотря на величайшее многолюдство, одинакова: всѣ высоки ростомъ, рыжеволосы, съ ясными голубыми глазами, храбры и стремительны въ нападеніяхъ на врага; въ работѣ лѣнивы; мужественно перенесятъ холодъ и голодъ и тяготятся зноемъ. Основываясь па внѣшности населенія Тацитъ соглашается съ заключеніемъ предшествовавшихъ ему писателей, что оно туземное, ни на кого не похожее, и чистокровное, не смѣшавшееся чрезъ супружества съ чуждыми племенами. (Тацитъ, о Рерманіи, ст. 1—5)

Страна *покрыта лѣсами* и болотами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ плодородныхъ мѣстъ и возвышенностей; лишенная плодовыхъ деревьевъ вслѣдстіе холода, серебра и золота, страна изобилуетъ скотомъ, но онъ мелокъ ростомъ; волы худородны и неимѣютъ отличнаго красотою лба; нѣтъ тамъ и желѣза; лошадей много, но они тоже малы и не отличаются быстротою бѣга, въ лѣсахъ держатся дикіе звѣри и птицы; рѣкъ изобиліе.

Образъ жизни населенія соотвѣтствуетъ дикости природы: женщины пользуются уваженіемъ; при лѣности мужчинъ онѣ несутъ всѣ труды по хозяйству; онѣ выходятъ съ мужьями и даже малолѣтними дѣтьми и на войну; городовъ не устраиваютъ, а живутъ въ одиночку, семьями, въ лѣсахъ, въ рощахъ, по полямъ, но всегда близъ источниковъ; села существуютъ, но каждая семья и въ нихъ сторонится близкаго сосѣдства,—осѣдлость ея окружена всегда пустыремъ; ни мазанокъ изъ глины, ни черепицы вовсе не употребляютъ,—постройки дѣлаются изъ самаго грубаго вещества, потому и лишены привлекательности; нѣкоторыя чтсти зданій обмазываютъ разноцвѣтными глинами и притомъ такъ гладко и цвѣтисто, какъ-бы живопись; въ иныхъ мѣстахъ выкапываютъ пещеры; поверхъ ихъ кладутъ навозъ; въ такихъ пещерахъ жители скрываются отъ морозовъ, свирѣпствующихъ въ теченіи зимы, и отъ непріятельскихъ набѣговъ;—нарядовъ не любятъ,—поверхъ голаго тѣла накидываютъ подобіе плащей римскихъ воиновъ, застегиваемыхъ у шеи петлицами, или закалываемыхъ булавками; укрываясь отъ холода, цѣлые дни проводятъ у огня; люди богатые имѣютъ одежду плотно охватывающую тѣло подобно сарматской и пароянской, такъ что каждый членъ видѣнъ отчетливо; многіе одѣваются въ звѣриныя шкуры;—ближайшіе къ границѣ римскихъ владѣній носятъ шкуры не обдѣланныя, въ сыромъ видѣ,—а поселившіеся внутри страны—обработанныя съ нѣкоторымъ искуствомъ и разборчивостью въ достоинствѣ мѣховъ; они расшиваютъ одежду узорами изъ шкурокъ разныхъ звѣрей,—это наблюдается у жителей побережій моря, неизвѣстнаго римлянамъ;—платье женщинъ большею частью одинаково съ мужскимъ покроемъ, но часто дѣлается изъ льняной ткани, украшенной цвѣтнымъ узоромъ, больше краснымъ;—руки, грудь и плечи женщинъ—всегда обнажены (статьи: 6, 7, 15, 16 и 17).

Цѣломудріе и чистота супружеской жизни соблюдаются здѣсь въ высшей степени строго; торгующихъ своимъ тѣломъ бросаютъ въ болота и озера, накрывая сверху рѣшеткою (стр. 12); случаи прелюбодѣянія весьма рѣдки и караются единственно властью мужа; если жена осквернитъ неприкосновенность и чистоту брачнаго ложа, мужъ отрѣзавъ волосы и раздѣвъ до нага

въ присутствіи созываемыхъ по этому случаю родственниковъ выталкиваетъ ее изъ дому и гонитъ бичемъ по всему селенію; какъ-бы ни была провинившаяся жена прекрасна, молода и богата—нѣтъ ей пощады; будучи выгнана изъ дома своего мужа за брачный грѣхъ она никогда уже не возвращается къ нему и не находитъ себѣ другого мужа.

Большинство населенія—одноженцы; одни только знатные, и то не всѣ, окружаютъ себя толпою женъ, но не изъ сладострастія, а только ради величія (стр. 18 и 19).

Дѣвицы и **молодые мужчины** вступаютъ въ бракъ по достиженіи половой зрѣлости, съ соблюденіемъ при этомъ, по возможности, одинаковыхъ—красоты и роста (ст. 20). Приданое приноситъ не жена мужу, а обратно, и въ присутствіи родителей и родственниковъ обѣихъ сторонъ,—по одобреніи приданаго ими бракъ считается заключеннымъ; бываетъ, что и жена приноситъ въ домъ мужа—дары. Какъ приданое, такъ и дары выбираются изъ предметовъ, полезныхъ въ жизни супруговъ, а ни какъ не изъ удовлетворяющихъ тщеславію и годные для наряда новобрачной; мужъ, или еще женихъ, приноситъ въ домъ воловъ, коня, щитъ *фрамею* (это родъ нашего бердыша, боевой топоръ) и мечъ; жена—нѣкоторое оружіе. Такіе взаимные дары составляютъ таинство и почитаются брачными божествами; вышедшая за мужъ дѣвушка предваряется, что она должна быть храброю, какъ и мужъ ея,—принимать одинаковое съ нимъ участіе во всѣхъ важныхъ приключеніяхъ,—сотовариществовать мужу во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ,—терпѣть съ нимъ всякія невзгоды и быть готовою на все во время мира и войны, вмѣстѣ съ нимъ жить и умереть. Все принятое отъ жениха, жена обязана хранить, чтобы отдать впослѣдствіи его дѣтямъ и невѣсткамъ и внучатамъ (ст. 17 и 19).

Въ нѣкоторыхъ городахъ выходятъ замужъ, однѣ только дѣвицы; вдовамъ же вступать во второй бракъ не дозволяется,—такимъ образомъ надежда и желаніе быть женою осуществляется разъ въ жизни; какъ природа даетъ одно только тѣло и одну жизнь, такъ и дѣвушка имѣетъ въ мужѣ цѣль и предметъ всѣхъ своихъ желаній и помышленій; она получаетъ въ таинственномъ для себя мужѣ не мужчину, а какъ-бы тайну самаго супружества (ст. 19).

Дѣти составляютъ предметъ особеннаго вниманія: ограничивать число зачатій, или убивать новорожденныхъ какъ-бы лишнихъ для семьи,—считается величайшимъ злодѣяніемъ;—пока дѣти малы, матери сами ихъ кормятъ своимъ молокомъ: ни служанки, ни особыя кормилицы къ этому не допускаются; подростя дѣти остаются нагими; ихъ никогда не обмываютъ; живутъ вмѣстѣ съ домашними животными и валяются на одной съ ними землѣ; но достигнувъ возмужалаго возраста, эти въ грязи выросшіе дѣти заставляютъ римлянъ удивляться силѣ ихъ, роста и развитія; каждый юноша признается свободнымъ отъ родительской власти тогда, когда земляки удостовѣрятся въ его храбрости (ст. 19 и 20). Если въ области, къ которой принадлежатъ юноши по рожденію, долго не представляется случая къ войнѣ, или если юноши родовиты, они уходятъ къ тѣмъ народцамъ, которые ведутъ съ кѣмъ либо войну, чтобы прославиться и обогатиться на счетъ грабежей,

обыкновенныхъ во время войнъ въ германскихъ земляхъ. Чѣмъ болѣе въ семьѣ мужчины дѣтей, тѣмъ болѣе онъ почтененъ къ старости; бездѣтный же не получаетъ никакого уваженія (ст. 20).

Семейная связь представляетъ одну особенность: сестрины дѣти, собственно сыновья, также любезны и дороги дядѣ, какъ и отцу ихъ; для нѣкоторыхъ же этотъ союзъ крови, то есть потомства братьевъ и сестеръ, священные союзы родителей и дѣтей.—Когда берутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заложниковъ, избираютъ для этого племянниковъ (двоюродныхъ братьевъ?), какъ составляющихъ бо̀льшую обширность семейства (тамъ же).

Въ имуществѣ отца и матери наслѣдуютъ дѣти: а если ихъ не будетъ,—ближайшіе по крови братья,—отцовскія и материнскія дѣти. (Тамъ же).

Въ домашнемъ быту германцы Тацита не прихотливы: мужчины, какъ лѣнтяи, встаютъ обыкновенно поздно—и сряду же моются, по большей части теплою водою, такъ какъ зима холодна и продолжительна; вымывшись—завтракаютъ; всякій имѣетъ для ѣды свой столъ и стулъ, а затѣмъ отправляютъ дѣла (ст. 12). Пища ихъ проста: полевые плоды, свѣжая дичь и сквашенное молоко; никакихъ приправъ и подслащиванія не употребляютъ; напитокъ выдѣлываютъ изъ ячменя и пшеницы подобно вину; живущіе на границѣ съ римскими областями привыкли къ виноградному вину и покупаютъ его.

Собственныхъ *знаковъ цѣнностей* не имѣютъ;—торговлю ведутъ *мѣновую*; пограничные обитатели знаютъ достоинство золота и серебра и нѣкорые знаки, выдѣланные изъ нихъ (монеты) обращаются между ними; изъ живущихъ внутри страны иные, чаще встрѣчающіеся съ римлянами и вообще съ иноземцами,—также знакомы съ древнѣйшимъ единицами цѣнности, *серратами* и *бигатами* (serra—пила; серраты имѣли по ребру зубцы; *biga*—пара; на бигатахъ выбивалось изображеніе колесницы, запряженной парою лошадей). Встрѣчались кое-гдѣ серебряные сосуды, поднесенные мѣстнымъ державцамъ и посламъ ихъ; но народъ цѣнитъ ихъ наравнѣ съ глиняными; серебру отдаютъ предпочтеніе сравнительно съ золотомъ, потому что первое не такъ скоро изнашивается при пользованіи (ст. 5 и 23).

Молодые люди развлекаются особенною игрою: раздѣвшись до наго они скачутъ между остріями мечей и фрамей, воткнутыхъ тупыми концами въ землю. Люди средняго возраста и старики увлекаются *игрою въ карты*, какъ-бы дѣломъ крупной важности (не въ кости-ли?)—на столько, что проигравъ все, что имѣютъ, продолжаютъ игру на личную свободу и часто окончательно проигравшійся дѣлается невольникомъ выигравшаго, дозволяя связать себя и вести, хотя бы превосходилъ во всемъ, и въ силѣ, и въ знатности рода, и въ возрастѣ; впрочемъ допускается обмѣнъ проигравшагося на дѣйствительнаго, ему или семейнымъ его принадлежащаго, невольника (ст. 24).

Невольничество въ Германіи не похоже на римское: тамъ невольникъ не употребляется на домашнія услуги господину;—каждый изъ нихъ имѣетъ собственное свое жилище, своихъ боговъ и самъ полный хозяинъ въ своемъ

домѣ;—господинъ беретъ только назначенную подать хлѣбомъ, или одеждою, или чѣмъ либо другимъ—и только; рѣдко бываетъ, чтобы господа своихъ невольниковъ били, держали въ узахъ или мучили на работѣ; впрочемъ бывали случаи даже убійства невольниковъ хозяевами; но не въ видѣ наказанія и устрашенія другихъ, а въ гнѣвѣ, въ запальчивости; подобное убійство не наказывается (ст. 25).

Существуютъ и отпущенники, но они не пользуются уваженіемъ ни въ домѣ прежняго господина, ни въ народѣ; въ тѣхъ же областяхъ, которыя управляются державцами или царьками, отпущенники часто достигаютъ значенія и власти не только среди свободныхъ, но даже властвуютъ и надъ благородными (тамъ же).

Домашнія работы исполняются въ каждой семьѣ матерью и дѣтьми ея и хозяина,—посторонніе же, свободные, или несвободные не допускаются (тамъ же).

О ростовщичествѣ вообще не имѣютъ понятія; что дается въ долгъ мѣрою или вѣсомъ, то и взимается безъ малѣйшей надбавки (ст. 26).

Приведенныя до сихъ поръ условія жизни относятся по преимуществу къ городамъ въ смыслѣ обширныхъ поселеній,—такъ какъ у германцевъ нѣтъ городовъ подобныхъ римскимъ—обитатели которыхъ имѣютъ болѣе частыя сношенія между собою и съ чужеземцами.

Жизнь внѣ большихъ поселеній, въ лѣсахъ и при болотахъ, имѣетъ нѣкоторую своеобразность и представляется въ двухъ видахъ:—въ мирное время одна, въ военное—другая.

Въ мирное время женщины и нѣкоторые мужчины занимаются земледѣліемъ, требуя отъ земли только хлѣба; ни огородовъ, ни садовъ не заводятъ, луговъ не охраняютъ отъ потравы. Площади, прилегающія къ селеніямъ, вообще дѣлятся самими обывателями, сообразно съ достоинствомъ каждаго, и послѣдовательно переходятъ отъ одного обывателя къ другому (на правахъ общинныхъ?); пашню мѣняютъ погодно,—такъ что по прошествіи лѣта она остается невоздѣланною до поступленія къ новому хозяину (ст. 26).

Въ запискѣ Юлія Цезаря о галльской войнѣ имѣется объясненіе описываемаго Тацитомъ способа пользованія землею: дѣлается это изъ опасенія, чтобы прочное установленіе права собственности на опредѣленный участокъ не отвлекало населеніе отъ воинскихъ наклонностей (Comment. de bello Gallico—кн. 6, ст. 21).

Годъ дѣлится только на три части: зиму, весну и лѣто; *осени* германцы *не знаютъ*, такъ какъ пренебрегаютъ ухаживаньемъ за плодовыми растеніями, награждающими за труды осенью; у нихъ не было даже и слова для обозначенія осени (Тацитъ, ст. 26).

Мужчины собираются если не постоянно, то весьма часто, *на пиршества* и нерѣдко туда приходятъ вооруженные; проводить дни и ночи въ пьянствѣ—не безчестно;—на пирахъ почти всегда возникаютъ ссоры, оканчивающіяся драками съ нанесеніемъ ранъ, а иногда и съ причиненіемъ убійства; одною руготнею ссоры не оканчиваются. На пирахъ происходятъ

совѣщанія о примиреніи враждующихъ, о брачныхъ союзахъ, о выборѣ должностныхъ лицъ, о мирѣ и войнѣ. Насельники Германіи убѣждены, что ни въ какое другое, кромѣ пиршественныхъ сборищъ, время сердце человѣка не открывается такъ же, какъ тутъ, широко для добра и не воспламеняется стремленіемъ къ великимъ предпріятіямъ; народъ, не будучи лукавымъ и коварнымъ, обнаруживаетъ, во время разгула и взаимныхъ шутокъ, глубоко затаенныя помыслы, высказывается свободно, какъ-бы шутя;—на другой день, послѣ пиршества, дѣлаются полезные выводы и мѣропріятія изъ соображенія высказаннаго во время шумнаго веселья. Такимъ образомъ насельники Германіи выбираютъ для совѣщаній и разсужденій такое время, когда невозможно притворство,—а для рѣшительныхъ постановленій—когда нельзя впасть въ ошибку (ст. 22).

Гостепріимство развито до наивысшихъ предѣловъ: не принять въ свой домъ кого-либо изъ людей, единоплеменника-ли, или чужестранца, знакомаго или незнакомаго,—не угостить и не успокоить голоднаго и усталаго—почитается за великое беззаконіе; если странникъ приходитъ въ домъ, хозяину котораго нечѣмъ угостить, онъ ведетъ пришельца къ сосѣду, болѣе состоятельному, безъ предупрежденія послѣдняго; если отходящій странникъ спроситъ у гостепріимнаго хозяина что-либо для себя на дорогу,—ему никогда и никто не отказываетъ,—равно и хозяинъ получаетъ отъ своего временнаго гостя всякую вещь, какой-бы ни попросилъ; получать дары и подносить другимъ—въ обычаѣ,—при этомъ ни получающій, ни дающій не считаютъ себя нисколько взаимно-обязанными (ст. 219).

Кровная месть и **кровная дружба** строго соблюдаются; отъ мести можно откупиться, хотя бы она вызвана была убійствомъ, а равно и устранить возникновеніе права мстить за всякаго рода обиды—не исключая и убійства же,—опредѣленнымъ количествомъ скота (*pecus*), предпочтительно воловъ и овецъ. По этому поводу Тацитъ замѣчаетъ, что подобный обычай полезенъ для общества: гдѣ царствуетъ свобода—послѣдствія вражды будутъ ужасны (тамъ же).

Во время войны все измѣняется какъ въ домашней жизни, такъ и въ общественной: мужчины, женщины и дѣти—всѣ вооружаются и идутъ на войну,—дома остаются дряхлые старики и старухи, матери уносятъ съ собою даже самыхъ маленькихъ дѣтей; поля и скотъ покидаются; старики принуждены бываютъ, если война затянется на долго, бродить по лѣсамъ и добывать пропитаніе подсильной имъ охотой.

Вооруженіе, какъ уже замѣчено, не сложно: щитъ, копье, мечъ и фрамея. Въ бой вступаютъ конные и пѣшіе; всадники имѣютъ только щитъ и фрамею, а пѣхотинцы—множество копій, бросаемыхъ въ непріятеля мѣтко, сильно и далеко; тѣло конныхъ и пѣшихъ воиновъ почти обнажено,—германцы вообще не любятъ наряжаться; весьма немногіе прикрываются латами,—шлемы же бываютъ у одного или двухъ человѣкъ во всемъ огромномъ ополченіи; но щиты любятъ раскрашивать отборнѣйшими цвѣтами.

Способъ сраженія своеобразенъ; германцы не знаютъ разныхъ перемѣнныхъ движеній, употребляемыхъ римлянами; они привыкли или ударить

стремительно впередъ, или вдругъ поворотить на право и образовать такой кругъ, что ни одного воина не останется позади, или наконецъ выстраиваться углами.—Вся сила состоитъ въ пѣхотѣ; всадники же дѣйствуютъ одновременно и въ одномъ мѣстѣ съ пѣхотою, которая удивительно ловка и проворна при нападеніи на нее всадниковъ.

Въ передовой отрядъ пѣхоты ставятся юноши, набираемые по сту изъ каждаго селенія; они и составляютъ сотни; считаться членомъ сотни—большой почетъ.

Бѣжать съ поля сраженія цѣлымъ отрядомъ, съ намѣреніемъ опять вернуться для нападенія съ другой стороны—правило обыкновенное и слѣдовать ему похвально; при пораженіи и отступленіи, хотя бы оно было бѣгствомъ,—обязательно подобрать своихъ раненыхъ и убитыхъ; оставить на мѣстѣ сраженія свой щитъ—величайшее преступленіе; сдѣлавшій такую бѣду—погибшій человѣкъ: онъ не можетъ ни присутствовать при священныхъ обрядахъ, ни участвовать въ совѣщаніяхъ; многіе изъ подобныхъ несчастливцевъ, оставшись въ живыхъ послѣ битвы, накладываютъ на себя руки, чаще всего самоудавленіемъ, чтобы избѣгнуть поношенія и общаго презрѣнія.

Готовясь къ бою и устраиваясь въ полки, или въ углы, германцы дѣлаютъ это обдуманно: всякій полкъ, или уголъ, состоитъ изъ близкихъ между собою родственниковъ, цѣлыми семействами собирающихся на одно мѣсто: приступая къ бою они имѣютъ все дорогое сердцу подлѣ себя; слухъ ихъ поглощается воемъ женъ и крикомъ дѣтей и возбуждаетъ ярость противъ врага; жены и дѣти—свидѣтели храбрости и хвалители мужества сражающихся; раненые идутъ къ матерямъ и женамъ, считающимъ и осматривающимъ раны и облегчающимъ страданія. Бывали случаи, что полки, разбитые непріятелемъ и обратившіеся въ бѣгство, были останавливаемы женщинами на постыдномъ пути и возвращаемы на мѣсто сраженія; случалось отъ призываемыхъ къ участію въ войнѣ городовъ и семей брать, въ обезпеченіе вѣрности и стойкости воиновъ ихъ, въ заложники женщинъ, какъ самое надежное ручательство непоколебимости союза или обѣщанія. Въ женщинахъ, присутствующихъ во время сраженій—видятъ нѣчто священное, вдохновенное свыше; совѣты ихъ выслушиваются и исполняются. Тацитъ самъ видѣлъ *Веледу* при Веспасіанѣ; эту женщину весьма многіе почитали за божество, хотя она была плѣнницею; во времена болѣе древнія,—говоритъ Тацитъ,—насельники Германіи высоко чтили *Авринію* и другихъ женщинъ, за ихъ высокія добродѣтели.

Бога считаютъ присутствующимъ въ сраженіяхъ и выносятъ на мѣста битвы изваянія его и знамена, посвящаемыя божеству и хранимыя въ мирное время въ священныхъ рощахъ (ст. 6—8).

Управленіе страною дѣлилось между многими *державцами*, по одному въ каждой особенной области, *полководцами и народнымъ собраніемъ*. Державцы и полководцы имѣли подчиненныхъ имъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Всѣ должностныя лица избирались, начиная съ державцевъ, народнымъ собраніемъ, преимущественно и даже исключительно изъ родо-

витыхъ и заслужившихъ почетъ гражданъ. Никто изъ нихъ, не исключая и державцевъ, не имѣлъ власти неограниченной; верховнымъ владыкою всѣхъ должностныхъ лицъ былъ народъ, выражавшій свою волю въ особыхъ собраніяхъ.

Вѣдомству державцевъ подлежали только маловажныя дѣла; болѣе важныя полководцамъ; тѣ и другія и самыя важныя—народному собранію; слѣдовательно верховная власть надъ областью принадлежала народному собранію.

Между державцами Тацитъ различаетъ: царей, князей, товарищей ихъ „*comes*", получившихъ впослѣдствіи имя графовъ,—но только по названіямъ, а не по достоинству и не по существу правъ и обязанностей ихъ; иногда и полководцамъ онъ даетъ одно изъ этихъ же названій.

Державцы и полководцы окружали себя многочисленными дружинниками изъ людей почтенныхъ родовъ и состоятельныхъ, называвшихся сотоварищами, соратниками; каждый изъ этихъ имѣлъ собственныхъ товарищей-ратниковъ; они-то и были, при отчаянной неустрашимости и удивительной неутомимости въ военное время, величайшими лѣнтяями въ мирное, когда только и дѣлали, что ѣли, да спали, изрѣдка забавляясь охотою; они-то и уходили, наскучивъ бездѣйствіемъ, въ чужія земли, гдѣ велась война, для славы и наживы. Державцы и полководцы охотно отпускали эту молодежь на службу къ иноземцамъ, такъ какъ содержаніе дружинниковъ обходилось дорого: ихъ нужно было кормить постоянно, и давать шумныя пиршества; нужно было каждому давать лошадь воинскую и все вооруженіе.

Во время сраженія державецъ долженъ былъ превосходить храбростью всѣхъ своихъ сотоварищей (*comes*) и стоять впереди ихъ; постыдно было для него уступать кому-либо въ этомъ отношеніи, а сотоварищамъ не оказывать одинаковой съ державцемъ храбрости. Чѣмъ многочисленнѣе и храбрѣе была дружина державца, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовался онъ самъ и его область между сосѣдями соплеменниками и иноземцами, заискивавшими въ немъ благорасположенія и дружбы богатыми дарами, льстившими самолюбію державца.

Державцамъ, полководцамъ и всѣмъ вообще начальникамъ,—приносится отъ обывателей добровольная, обычаемъ установленная, подать хлѣбомъ и скотомъ, дающая имъ безбѣдное существованіе и выражающая особый почетъ; часто начальникамъ подносятъ, въ видѣ даровъ, наилучшихъ лошадей и оружіе не только зависящіе отъ нихъ, но и сосѣдніе обыватели.

Народное собраніе бывало въ опредѣленные дни; это обыкновенное; чрезвычайное же созывалось, въ случаяхъ особенной важности, во всякое время. Счастливѣйшимъ для начала всякаго дѣла почиталось время новолуній и полнолуній; къ нему и пріурочивались дни народныхъ собраній обыкновенныхъ. Въ зависимости отъ этого повѣрья теченіе времени исчислялось не днями, а ночами, что и означалось въ призывѣ на собранія, которыя, поэтому, и открывались, должно быть, по ночамъ;—будучи же открыты продолжались и въ теченіи дня. Призываемые являлись на собраніе большею частію не сряду по полученіи приглашенія, а въ продолженіи двухъ-трехъ дней.

Кто созываетъ и кого именно къ участію въ собраніяхъ, Тацитъ не сказываетъ. Но наблюденіе за тишиною и порядкомъ и усмиреніе неспокойныхъ предоставлялось жрецамъ, вѣроятно они же распоряжались и призывомъ.

Германцы не отправляли никакихъ дѣлъ ни частныхъ, ни общественныхъ безъ оружія; въ народныя собранія, поэтому, приходили вооруженные.

Предметами вѣдомства собранія были: а) избраніе державцевъ, царьковъ, князей, полководцевъ и всѣхъ вообще начальствующихъ, б) разсмотрѣніе дѣлъ уголовныхъ: обвинитель доказывалъ всенародно наличность преступленія и виновность извѣстнаго лица, а обвиняемый защищался,—собраніе произносило приговоръ;—за тягчайшія вины, каковы: измѣна, трусость въ воинскомъ дѣлѣ, развратъ (должно быть торговля своимъ тѣломъ)—назначалась смертная казнь (упомянутое погруженіе въ болота или озера),—а за менѣе тяжкія—имущественное вознагражденіе потерпѣвшаго, предоставленіемъ ему взыскать съ обвиненнаго опредѣленное число лошадей и овецъ (скотъ); сверхъ сего взыскивалась пеня въ пользу державца города или селенія, къ которому принадлежалъ осужденный;—в) избраніе государей (судей?) отправлявшихъ правосудіе въ мѣстечкахъ и селахъ; г) назначеніе къ каждому изъ такихъ государей по сту засѣдателей, въ помощь ему, какъ совѣтниковъ и исполнителей рѣшеній; и д) предоставленіе юношамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста и приводимымъ въ собранія родителями, или старшими, въ полномъ вооруженіи,—права членовъ государства.

По открытіи засѣданія первымъ говоритъ или державецъ или старѣйшій по достоинствамъ и заслугамъ, признаваемый таковымъ,—но не тотъ, кто имѣетъ высшую власть. Если рѣчь говорившаго не вызывала сочувствія и не находила единомышленниковъ, въ собраніи поднимался шумъ, что и выражало несогласіе народа съ предложеніемъ, вносимымъ на собраніе;—въ знакъ согласія на предложеніе и одобренія высказаннаго мнѣнія, члены собранія стучали фрамеями. Смертные приговоры и другія рѣшенія народнаго собранія приводились въ исполненіе одними только жрецами, потому что считались одинаковыми съ божескими велѣніями (ст. 6, 11—14 и 15).

Вѣрованія изложены Тацитомъ въ слѣдующемъ видѣ: величайшимъ уваженіемъ пользуется *Меркурій*—Гермесъ пеласговъ, египтянъ и еллиновъ (Ἑρμέας—Геродота) *Геркулесъ*—Гераклъ еллиновъ; *Марсъ*—Арей Геродота (Ἄρης),—почитался у скиѳовъ въ видѣ меча;—и *Изида*—только у швабовъ, и то не у всѣхъ. Нѣкоторымъ, напримѣръ Меркурію, приносились человѣческія жертвы (ст. 9).

Изображеній для своихъ боговъ не дѣлали; храмовъ имъ не воздвигали, считая это недостойнымъ величія небожителей, но посвящали имъ и благоговѣйно чтили лѣса и рощи (тамъ же).

Гаданье—сильно занимало не только простолюдиновъ, но и высшихъ сановниковъ; искренне вѣрили всѣ, что предсказаніе гадателя сбудется. Пріемы и способы гаданья были различны.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ служилъ жеребій: отрубленный отъ плодоваго дерева прутъ дѣлился на маленькіе кусочки, каждый изъ ко-

торыхъ отмѣчался особенною зарубкою; такіе кусочки бросали на разосланную предварительно бѣлую одежду. Если предметомъ гаданья была общая польза, общее дѣло страны, области, города или поселенія,—оно совершалось мѣстнымъ жрецомъ, или главнымъ;—если же цѣлью гаданья было задуманное одною только семьею предпріятіе—старшимъ членомъ семьи. Гадатель молилъ боговъ и, глядя на небо, бралъ на удачу каждый изъ кусочковъ три раза и по зарубкамъ предсказывалъ судьбу задуманнаго предпріятія. Если выходило запрещеніе—въ такомъ случаѣ задуманное не осуществлялось; при отсутствіи же на жеребьи знаковъ запрещенія требовалось сдѣлать повѣрку гаданья по птичьему полету и по пѣнію.

Менѣе распространенными были гаданья лошадьми и единоборстномъ между гражданиномъ страны и чужеземцемъ—плѣнникомъ. Оба примѣнялись къ случаямъ наибольшей всенародной важности:—объявленію войны и заключенію мира—въ особенности.

Кони прорицатели, чрезъ которыхъ совершается гаданье,—совершенно бѣлые; содаржались они на счетъ приношеній всего народа въ священныхъ лѣсахъ и рощахъ;—пользоваться бѣлыми конями для иного, кромѣ прорицанія, дѣла почиталось величайшимъ грѣхомъ, такъ какъ они одни только знали волю боговъ. Прорицаніе совершалось такъ: священныхъ коней запрягали въ особую колесницу, за которою слѣдовалъ жрецъ и державецъ, или самый важный сановникъ области; ржаніе и храпѣніе коней истолковывалось слѣдовавшими за ними лицами, признаваемыми народомъ за служителей боговъ.

Единоборство выражало непремѣнную волю боговъ; захвативъ, во время войны, въ свои руки плѣнника, вооружали его по обычаю народа, съ которымъ велась война и противопоставляли ему ловкаго и сильнаго изъ своихъ воиновъ, вооруженнаго по своему обычаю; кто изъ борцовъ одолѣвалъ противника, соплеменники того объявлялись побѣдителями и война оканчивалась (ст. 10).

Погребальные обычаи не сложны; никакой пышности при похоронахъ не допускалось; тѣла людей знаменитыхъ сожигались на кострѣ изъ дровъ одной только, именно на этотъ предметъ предназначенной, породы деревьевъ; костра не украшали ни чѣмъ, не дѣлали никакихъ благовонныхъ изліяній; принадлежавшее умершему оружіе сожигалось вмѣстѣ съ нимъ; съ нѣкоторыми сожигался и конь умершаго; могила означалась возвышеніемъ изъ дерна; памятниковъ пышныхъ и обширныхъ не воздвигалось, чтобы тяжестью своею они не могли удушить умершаго для жизни земной, но продолжающаго—подземную; по скончавшемся плакали мало; рыданіе приличествовало еще женщинамъ; мужчины же соболѣзновали и скорбѣли молча и долго, вспоминая почившаго (ст. 28).

Таковы общія черты бытовыхъ особенностей Тацитовыхъ насельниковъ его Германіи. Перейдемъ къ отдѣльнымъ народцамъ.

Тацитъ, ссылаясь на повѣствованія Юлія Цезаря, признаетъ народы, сидѣвшіе въ верховьяхъ Рейна, галльскими, а *швейцарцевъ* и *богемцевъ*—галлами. Затѣмъ онъ называетъ народцевъ *арависковъ* и *озіанъ*, появив-

шихся въ Германіи, но до того жившихъ въ Паннонiи; и тотъ и другой имѣли одинаковые нравы и языкъ.

Не обозначая границъ земель этихъ народовъ, повѣствователь переходитъ къ описанію другихъ, сперва въ западномъ направленіи земель ихъ, по теченію Рейна, послѣдовательно, до устья этой рѣки,—затѣмъ, отъ устья въ полночно-восточномъ направленіи по берегу Западнаго океана и Балтійскаго моря—полуденно-западному;—далѣе—внутри материка въ томъ же полуночно-восточномъ направленіи,—потомъ—между верховьями Рейна и Дуная и по теченію этой послѣдней рѣки,—наконецъ—по восточнымъ, полночнымъ и западнымъ берегамъ Балтійскаго же моря, съ его заливами Финскимъ и Ботническимъ и далѣе, гдѣ теперь Швецiя, Норвегія, Лапландія и Финляндія, до Ледовитаго моря. Въ заключеніе всего перечня упоминается о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ повѣствователю народахъ нашего края.

Къ западу отъ римскихъ владѣній Тацитъ селитъ по Рейну, *тревирянъ, нервіянъ, вангіоновъ, тробоковъ, неметовъ* и *убіянъ*. О тревирянахъ и нервіянахъ говорится,—что они стыдятся вести свое происхожденіе отъ галловъ, которые оказались трусами (потому, что ихъ побѣдили римляне?), и считаютъ своими народоначальниками храбрыхъ германцевъ. На островѣ образуемомъ Рейномъ, *батавцевъ*, особенно храбрыхъ, происходившихъ отъ болѣе древняго народа *каттовъ*,—и *маттіаковъ*. Еще далѣе, по Рейну внизъ: *терктеровъ, узупійцевъ, бруктеровъ;* послѣдніе два народа уступили свои области, ко времени Тацита, *хамавамъ* и *ангриваріямъ;—дульгибинцевъ, хазуарянъ* и *физіянъ*; эти народцы занимали берега Рейна до самаго Западнаго моря (Атлантическаго океана).

Отъ устья Рейна, въ полночномъ направленіи перечисляются народы и народцы въ такомъ порядкѣ: *хавки*,—сидѣли между землями фризіянъ и каттовъ; выше хавковъ—*херуски, тракты* и *фозяне*; еще выше, на полночь, близь океана, *кимвры, лонгобарды* и (вѣроятно на востокъ и полдень отъ кимвровъ и лонгобардовъ) *швабы* и сосѣди ихъ: *семноны, лонгобарды, ревдиньи, авіоняне, англы, варины, эедозяне, свардонцы* и *нуиѳоняне*.

Сказавъ, что швабы живутъ въ отдаленнѣйшей части Германіи (сравнительно съ римскими владѣніями?), Тацитъ переходитъ къ насельникамъ полуденной окраины ея и называетъ—по теченію Дуная: *гермундуровъ, нарисцанъ* (норики?) *маркоманновъ* и *квадянъ*,—и сидящихъ за ними: *марсиньянъ, гоѳиновъ, озянъ* и *буріянъ*.

Обитателями земель отдаленнѣйшихъ, внутри материка, поименовываются народцы и народы, сидѣвшіе по ту сторону (отъ Римскихъ владѣній въ полночно-восточномъ направленіи) безпрерывной цѣпи горъ (Карпатскихъ?), разсѣкающихъ Германію, извѣстные Тациту, подъ общимъ названіемъ *лигіянъ* (союзниковъ?), каковы сильнѣйшіе: *аріи, гельвеноны, манимы, элизы, наварваны* и другіе;—за лигіянами (на западъ?) жили *гоѳоны* и непосредственные сосѣди ихъ *ругіяне* и *лемовіяне*—вдоль океана.

На самомъ океанѣ сидѣли *сугіонцы* (вѣроятно по Скандинавскому полуострову и въ нашей Финляндіи до Бѣлаго моря) и смежные съ ними *ситонцы*.

На правомъ берегу Швабскаго моря (Балтійскаго; здѣсь подъ правымъ берегомъ разумѣется, должно быть, нынѣшній Балтійскій край) обитали народы эстійскіе.

Заканчивается перечетъ германскихъ народовъ *певкинами*, *венедами* и *финнами*.

Бытовыя особенности, подмѣченныя Тацитомъ, обнимаютъ не всѣхъ изъ перечисленныхъ народовъ и народцевъ, а только наиболѣе выдающихся рѣзкими чертами. Хотя для изысканій объ ильменцахъ со второго вѣка по Р. Х. и не могутъ имѣть рѣшающаго значенія подробности нравовъ и обычаевъ Тацитовыхъ германцевъ, но ими подсказываются путь переселеній и вторженій въ Ильменскіе предѣлы народовъ Геродота и Страбона, такъ какъ въ бытовыхъ особенностяхъ тѣхъ и другихъ подмѣчается сходство, или заимствованіе. Пересказъ Тацитовыхъ извѣстій по этому предмету мы приведемъ въ порядкѣ его перечисленія народовъ.

Батавцы произошли отъ древнѣйшихъ обитателей Рейнскихъ береговъ—каттовъ; народъ этотъ одаренъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, грознымъ видомъ к превосходнѣйшимъ мужествомъ, разумомъ, дальновидностью и другими подобными качествами; конница ихъ отличалась особеннымъ свойствомъ—быстро побѣждать и еще быстрѣе убѣгать. Среди ихъ существовалъ единственный между всѣми германскими народами обычай: молодые люди при появленіи на лицѣ бороды и усовъ отпускали на головѣ волосы; не стригли ихъ и не уничтожали усовъ и бороды до перваго пораженія на смерть одного изъ враговъ во время войны; волоса—это клятва въ храбрости. Убивъ же врага побѣдитель сряду надъ кровью и добычею, снятою съ мертваго, остригаетъ волосы на головѣ и на лицѣ, считая себя заплатившимъ цѣну рожденія и достойнымъ своихъ родителей и отечества. Люди не воинственные и трусы оставались на всю жизнь съ неостриженною головою, съ бородою и усами, съ симъ—по словамъ Тацита,—безобразіемъ (римляне, какъ извѣстно, стриглись коротко и брились). Сверхъ этого обычая считающіе себя храбрѣйшими,—держались другого: всякій изъ нихъ носилъ (гдѣ, на рукахъ или на шеѣ?) желѣзное кольцо, какъ-бы узы, знакъ безчестія,—пока неудавалось убить врага. Встрѣчались престарѣлые, благородные по происхожденію и достойные по заслугамъ граждане, которымъ не представлялось случая сбросить узы;— они во всякомъ сраженіи стояли первыми—и своею изумительною храбростью наводили ужасъ;—въ мирное время эти храбрецы вели самую беззаботную жизнь; не было у нихъ ни дома, ни пашни; куда приходили, тамъ и кормились; презирая собственность, были расточительны на чужое и жили такимъ образомъ до глубокой старости, дѣлавшей ихъ уже неспособными къ суровой храбрости и безсильными (ст. 29—31).

Тенктеры и **бруктеры**—отличались вообще воинственностью и, подобно каттамъ, замѣчательною конницею; молодечество всадниковъ наслѣдовано было ими отъ отдаленнѣйшихъ предковъ и переходило преемственно къ потомству; забава дѣтей, соревнованіе юношей, удовольствіе старцевъ—упражненіе въ наѣздничествѣ; умирающій, дѣлая завѣщательныя распоряженія, означалъ съ точностью кому и какую лошадь отказываетъ. При отсут-

ствіи завѣщанія въ наслѣдственныя права вступали его дѣти не по старшенству возраста, а по мѣрѣ воинской неустрашимой храбрости и искусству въ наѣздничествѣ (ст. 32—33).

Дульгибинцы и хазуаряне—извѣстны Тациту мало; на нихъ мы остановились собственно потому, что эти племена близки, по созвучію, къ дулебамъ и хазарамъ начальной русской лѣтописи (ст. 34).

Фризіяне—назывались „*большими* и *меньшими*" по различію военной силы: они сидѣли въ побережьи западнаго океана, по нижнему теченію Рейна и по озерамъ, называемымъ Тацитомъ *величайшими*. Разумѣются-ли здѣсь озера прѣсноводныя, или имѣющіе видъ ихъ заливы моря—мы затрудняемся утверждать. Фрисландія извѣстна и теперь; тутъ, должно быть и жили фризіяне. Профессоръ Куницынъ, въ книгѣ „Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи (Спб. 1843 г.), приводитъ рядъ словъ фрисландскаго нарѣчія, очень близкихъ по начертанію, произношенію и значенію къ нашимъ русскимъ,—напримѣръ: „naut, ne muge" =нѣтъ, не можетъ; и много другихъ (стр. 30, выноска *n*). Къ этому предмету мы обратимся впослѣдствіи.

Хавки (саксы?)—народъ могущественный, занимавшій огромное пространство земли—отъ фризіянъ до каттовъ. Имя это принадлежало цѣлому союзу племенъ разнородныхъ, заслужившихъ знаменитость справедливостью; они не искали пріобрѣтеній въ чужихъ земляхъ, не были властолюбивы; жили замкнуто въ своей странѣ, не затѣвали войнъ, не занимались грабежами и не опустошали областей мирныхъ сосѣдей; сильные численностью и храбростью—не прибѣгали ни къ какимъ хитростямъ для увеличенія своего могущества,—но готовы были отразить оружіемъ всякое посягательство на независимость и собственность ихъ, имѣя наготовѣ войско пѣшее и конное (о фризіянахъ и хавкахъ ст. 34 и 35).

Херуски—обитая въ срединѣ земель мирныхъ племенъ, долго одержимы были излишнею дремотою и изнѣжились. Слыли прежде за народъ добрый и прямодушный,—а въ Тацитово время ихъ считали лѣнтяями и глупыми. Сосѣдніе племена, тракты и фозяне, много содѣйствовали римлянамъ въ совершенномъ ослабленіи и уничтоженіи херусковъ (ст. 36).

Кимвры занимали въ Тацитово время нынѣшнія датскія и ближайшія земли; они первые подняли оружіе противъ римлянъ, при консулахъ Цециліѣ Метеллѣ и Папиріѣ Карбонѣ, около 114 г. до Р. Х. (Основаніе Рима относятъ къ 753 г., а кимвры поднялись, по Тациту, въ 640 году существованія этого города); война тянулась до втораго консульства Императора Траяна, почти 240 лѣтъ, то есть до 126 года послѣ Р. Х. (ст. 79).

Швабы, семноны и другіе, занимавшіе обширные области, отличались отъ прочихъ германцевъ длинными волосами, заплетаемыми и завязываемыми пучкомъ. Этотъ головной уборъ принадлежалъ, впрочемъ, только людямъ свободнымъ и отличалъ ихъ отъ невольниковъ. Подобную уборку волосъ Тациту случалось видѣть и у народовъ родственныхъ швабамъ, но какъ подражаніе, и при томъ лишь между молодыми людьми; швабы же такъ причесывались до глубокой старости, заплетая свои густые и кудрявые волосы то назадъ, то на самую маковку;—вельможи и люди военные

дѣлали это для приданія важности и суровости своей внѣшности. Семноны считали себя древнѣйшими и благороднѣйшими изъ швабовъ; имъ собственно и принадлежало вышеназванное богопочитаніе и благоговѣйное уваженіе священнаго лѣса, продолжавшееся съ глубокой древности. Въ опредѣленное время особые глашатаи созывали всѣхъ единоплеменниковъ для всенароднаго жертвоприношенія лѣсной святынѣ; къ этому времени приготовлялась человѣческая жертва;—признанный угоднымъ божеству закалывался на глазахъ всего народа. Въ другое время въ священную рощу никто не допускался не будучи связанъ по рукамъ,—кто случайно спотыкался и падалъ—того не поднимали и самъ онъ не имѣлъ права подниматься. Швабы вѣровали, что отчизна ихъ—земля семнонская, и что въ ней только пребываетъ божество, царствующее надъ всѣми ими (ст. 37 и 39).

Въ полуденно-западной Россіи есть городъ, въ числѣ уѣздныхъ могилевскихъ, Сенно—созвучный семнонамъ Тацита; онъ входилъ въ область великаго жреца Кривичей,—Криве-Кривейто; а въ тихвинскомъ уѣздѣ новгородской земли селеніе Сенно. Изъ могилевскихъ мѣстъ происходитъ, должно быть, названіе мочальной половой метлы, напоминающей подобіемъ своимъ густые, длинные волосы швабовъ,—это *швабра*.

Лонгобарды, англы и другіе, ближайшіе къ нимъ, почитали землю, подъ именемъ *Герѳы*,—матерью и заступницею людей, посѣщавшею народы, вѣровавшіе въ нее. На одномъ изъ морскихъ острововъ была священная роща, хранившая ту колесницу, на которой Герѳа путешествовала по странѣ въ извѣстное только одному жрецу время; колесница защищена была отъ непогоды и отъ всего, что могло оскорбить божество, особеннымъ покровомъ; прикасаться къ нему могъ только жрецъ, знавшій мгновеніе присутствія въ колесницѣ и въ рощѣ Герѳы; зналъ онъ также, когда ей угодно посѣтить народъ и возвѣщалъ ему объ этой благодати. Когда наступало такое время, всѣ торжествовали, не приступая ни къ какому дѣлу и не прикасаясь даже къ оружію, отбиравшемуся и сохранявшемуся въ продолженіе празднества въ особомъ помѣщеніи. Жрецъ зналъ волю божества; онъ благоговѣйно слѣдовалъ за колесницею, въ которую впрягались двѣ молодыя телки, во время путешествія богини въ ту и другую мѣстность; колесница оставалась закрытою; когда же Герѳа достаточно услаждена была безмолвнымъ посѣщеніемъ вѣрующаго въ нее народа, она возвращалась въ свое святилище. По прибытіи въ рощу богини, колесница и покровъ обмывались въ озерѣ, уединенномъ; омовеніе недосягаемо для взоровъ смертныхъ; видѣли оное только жрецъ и прислужники—рабы, которые по исполненіи своего дѣла утопали въ освященной водѣ (ст. 40).

Гофиняне (нами предполагаемые готы) и **Озяне**,—эти галлы и паннóны Тацита по языку, жили должно быть на полуденной покатости Карпатъ,—какъ намъ представляется,—и платили дань сарматамъ; ихъ употребляли сарматы же въ желѣзныя рудокопныя работы; кормились эти народы отъ скотоводства, на склонахъ и вершинахъ горъ (ст. 430).

Аріи и прочіе названные выше народцы, которыхъ Тацитъ знаетъ подъ именемъ лигіянъ, почитали—собственно наварваны,—сохранявшійся у нихъ священный лѣсъ, пользовавшійся издревле глубокимъ благоговѣніемъ вѣровав-

шихъ въ эту святыню. Главенство надъ лѣсопоклонниками (должно быть и надъ всѣми лигіянами, или по крайней мѣрѣ надъ главнѣйшими изъ нихъ аріянами) принадлежало *жрецу въ женскомъ уборѣ* (не буддійскій-ли Криве-Кривейто?). Въ священномъ лѣсу пребывало, по народному вѣрованію, божество *Алки*, представлявшееся воображенію почитателей его двумя братьями—юношами. Тацитъ предполагаетъ въ нихъ сходство съ *Касторомъ* и *Поллуксомъ*—римлянъ; никакихъ изображеній для олицетворенія Алки не существовало и ничто не указывало, чтобы это божество было заимствовано отъ иноземцевъ, а не самобытно—туземное.

Аріи или аріяне были весьма жестоки по своей природѣ: они раскрашивали себя (въ разные цвѣта), щиты имѣли черные, и нападали на непріятеля по ночамъ; видомъ только своимъ эти люди побѣждали и отгоняли враговъ, вступавшихъ съ ними въ борьбу (таже 43 стятья).

Гофоны (тоже готы другой вѣтви, *ругіяне* и *лемовіяне*—живущіе близь океана (Балтійское море Тацитъ называетъ иногда океаномъ) имѣютъ, въ отличіе отъ прочихъ сосѣднихъ народовъ, кругловидные щиты и короткіе мечи; управляются державцами—царьками (тамъ же).

Суіонцы—побережане океана, могущественны сухопутными и морскими силами. Видъ кораблей этого народа своеобразный; они устраиваются такъ: чтобы одинаково приставать къ берегу и кормою и носомъ, парусовъ не употребляли, а веселъ не укрѣпляли по бокамъ судовъ, чтобы можно было переносить ихъ съ мѣста на мѣсто, смотря по надобности. Богатство въ большомъ почетѣ; самый состоятельный изъ народа признавался самовластнымъ владыкою,—ему всѣ повиновались безпрекословно. Воинскіе доспѣхи не находились у каждаго воина на рукахъ,—а сохранялись въ запертомъ помѣщеніи въ вѣдѣніи державца, подъ присмотромъ невольника, такъ какъ народъ огражденъ былъ отъ внезапныхъ нападеній враговъ—океаномъ, а оставлять оружіе въ праздныхъ рукахъ представляется, по мнѣнію Тацита, не безопаснымъ для спокойствія самовластнаго державца, точно также, какъ и поручать храненіе онаго не только гражданину благороднаго происхожденія, но даже и свободному человѣку, или отпущенному (ст. 44).

Позади суіонцевъ находилось другое море, вѣчно покрытое льдами и почти неподвижное; знающіе это думаютъ,—говоритъ повѣствователь,—что оно окружаетъ шаръ земной, потому что тамъ послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщаютъ море до восхода его и такъ ясны, что помрачаютъ блескъ звѣздъ: легкомысленные сказываютъ, что слышенъ бываетъ даже шумъ погружающагося въ море солнца и видимы лучи головы его и подобія коней;—правильнѣе будетъ, замѣчаетъ Тацитъ, что тутъ оканчивается природа (ст. 45).

Эстіяне—обитатели восточнаго побережья Балтійскаго, по Тациту—Швабскаго моря,—сходны по одеждѣ и нѣкоторымъ обычаямъ съ швабами, а по языку—съ британцами; существенною особенностью представляется вѣрованіе въ матерь боговъ и знакъ изображенія ея,—видъ вепря,—носимый каждымъ (на груди?)—вмѣсто оружія, какъ надежнѣйшая оборона отъ всякихъ вредныхъ случайностей; знакъ этотъ дѣлалъ почитателя богини безстрашнымъ и среди непріятелей во время войны. Желѣзо было незначительно распространено; изъ него не выдѣлывалось даже и военное оружіе,—которое

(40) MK 46317

состояло только въ палицѣ;—мирные жители занимались земледѣліемъ, терпѣливо преодолѣвая трудности работы; засѣвали пшеницу и другой хлѣбъ; вообще отличались отъ многочисленныхъ лѣнтяевъ—народцевъ германскихъ, выносливостью и усердіемъ къ работѣ. Побережане копались въ наносимыхъ пескахъ и по морскимъ отмелямъ, собирая янтарь, въ ихъ странѣ только и находимый и называемый эстіянами *Глезомъ*. Далѣе повѣствователь описываетъ свойства этого смолисто-благовоннаго вещества и образованія его изъ растительныхъ соковъ деревьевъ, покрывавшихъ западныя окраины Европы такими же лѣсами, какіе на востокѣ земнаго шара давали сильно пахучія благовонныя смолы (та-же 45 ст,).

Ситонцы жили въ непосредственной смежности съ суіонцами—и во многомъ походили на нихъ. Къ Тацитовому времени они утратили свою древнюю вольность до того, что подверглись даже рабству. Отъ суіонцевъ отличались существенно тѣмъ только, что верховное державство надъ ними принадлежало женщинѣ (тамъ же). Не принимали-ли римляне за женщину—царицу упомянутаго жреца въ женской одеждѣ?.

Певцины--певкины представлялись, какъ и другіе два народа, венеды и финны,—для Тацита загадочными; онъ не зналъ, считать-ли ихъ германцами, или сарматами. Въ его время певкины называемы были нѣкоторыми писателями бастарнами (Страбонъ знаетъ бастарновъ); нарѣчіемъ, одеждею, осѣдлостью, способами постройки жилищъ, нечистоплотностью и лѣнью—они были похожи на германцевъ; но перемѣшавшись, чрезъ супружества, съ сарматами, усвоили видъ и безобразія и этого народа (ст. 46).

Венды—скитаясь по всему пространству между певкинами и финнами, въ горахъ и лѣсахъ, занимались грабежами; на германцевъ они походили образомъ жизни, вооруженіемъ и быстротою движеній, такъ: строили дома, носили щиты и проч.—чѣмъ и отличались отъ сарматовъ, жившихъ въ кибиткахъ кочевниками (тамъ-же).

Финны—не имѣли ни домовъ, ни лошадей, ни оружія, подобно дикимъ питались травою, одѣвались въ звѣриныя шкуры, спали на голой землѣ; мужчины и женщины занимались охотою; не имѣя желѣза, заостряли стрѣлы костяными наконечностями; для стариковъ и дѣтей дѣлались изъ древесныхъ вѣтвей шалаши, что и служило единственною защитою отъ дикихъ звѣрей и непогоды. Для финна такое положеніе представлялось болѣе пріятнымъ, чѣмъ обработка земли, пріобрѣтеніе собственности, сооруженіе поселеній и городовъ, въ чемъ они видѣли одно только мученіе страхомъ и надеждою. Не боясь ни боговъ ни людей народъ этотъ выработалъ рѣшеніе труднѣйшей изъ всѣхъ задачъ человѣческой жизни: не имѣть никакихъ желаній (тамъ-же).

Въ заключеніе повѣствованія о Германіи Тацитъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ баснословіяхъ, обращавшихся между его современниками, говорившими „*о гелузіяхъ* и *оксіонахъ*", имѣвшихъ лице человѣческое, а все прочее „звѣриное",—но не обладая о подобныхъ народахъ свѣдѣніями достовѣрными—не приводитъ о нихъ никакихъ извѣстій о собственныхъ наблюденіяхъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Цена 20 к. 7074

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Peredol'skij, Vasilij Stepanovič

Novgorodskija drevnosti Zapiska dlja městnych izyskanij

Bd.: 1

Novgorod 1898

4 Russ. 76 y-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11173918-9